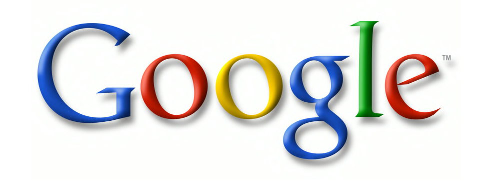

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXI. — 1/14 ЯНВАРЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3508

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 1.

ЯНВАРЬ, 1906.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1906.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

и

„ПРОЕКТЪ" УНИВЕРСИТЕТСКАГО УСТАВА

I.

Въ основу стараго университетскаго устава 1863-го года положенъ былъ принципъ свободы преподаванія, выборнаго начала и довѣрія къ профессорамъ и студентамъ.

Въ запискѣ Н. И. Пирогова: „Университетскій вопросъ", вдохновлявшій составителей этого устава, мы находимъ такой идеальный и широкій взглядъ на постановку университетскаго дѣла, который далеко опередилъ даже самыя крайнія требованія нашихъ дней.

Взявъ своимъ девизомъ слова Петра Великаго: „науки подчиненія и насилія терпѣть не могутъ",—покойный Н. И. Пироговъ видѣлъ въ университетѣ не одно лишь учебное учрежденіе, не одинъ только научный институтъ, а органъ воспитанія общества. Онъ говорилъ: „Автономическій университетъ безъ гласности и общественнаго мнѣнія вовсе немыслимъ". Никто дальше П...гова не пошелъ по пути отрицанія регламентаціи и цен-зации университетской жизни. По его мнѣнію, общій, едино-...ный уставъ для всѣхъ университетовъ не только не нуженъ, ...зреденъ. Каждому университету должно быть предоставлено выработать свой мѣстный уставъ. Идеальныя, опередившія ...ѣкъ, идеи Пирогова не могли, разумѣется, получить своего

осуществленія, но все же онѣ отразились на всемъ настроеніи и направленіи устава 63-го года.

Главнѣйшія особенности университетскаго строя по этому уставу были слѣдующія:

1) Выборная профессура.

2) Административная независимость, т.-е. личная автономія профессоровъ, увольняемыхъ только по инціативѣ университета, т.-е. совѣта.

3) Автономія университета: а) выборъ декановъ и ректора; б) университетскій судъ; в) сосредоточеніе управленія университетомъ въ рукахъ совѣта; г) исполнительная власть въ лицѣ ректора; д) суженіе круга вліянія попечителя на университетъ, сведеніе его къ чисто формальному контролю; е) сведеніе роли правленія къ одной хозяйственной и исполнительной функціи.

4) Автономія преподаванія (факультетская).

Выработка плановъ преподаванія и все веденіе послѣдняго всецѣло предоставлены факультетамъ, утверждаются совѣтомъ и не восходятъ дальше послѣдняго.

5) Допущеніе постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій и къ занятіямъ въ университетѣ не обставлено никакими условіями, и регламентація того вполнѣ предоставлена университету.

Въ общемъ уставъ 63-го года отличается краткостью, отсутствіемъ деталей и весьма близокъ къ типу статутовъ германскихъ университетовъ.

Наступившая въ семидесятыхъ годахъ въ правительственныхъ сферахъ политическая реакція привела къ уставу 84-го года, руководящими мотивами котораго явились—недовѣріе къ обществу, профессурѣ и учащейся молодежи, подозрительное отношеніе къ свободной наукѣ и мысли и стремленіе подчинить жизнь университета опредѣленному политическому направленію.

Плодомъ этого направленія явился уставъ 1884-го года, который внесъ слѣдующія измѣненія въ университетскую жизнь:

1) Уничтоженіе выборнаго начала въ замѣщеніи каѳедръ и замѣна его министерскими назначеніями.

2) Уничтоженіе служебной независимости профессоровъ—административное удаленіе и увольненіе.

3) Уничтоженіе административной автономіи университета—назначеніе ректоровъ и декановъ.

4) Значительное расширеніе власти и круга вліянія попечителя и еще больше—министерства.

5) Умаленіе роли и власти совѣта.

6) Уничтоженіе факультетской автономіи въ дѣлѣ препода-

ванія, строгая регламентація преподаванія министерствомъ—министерскіе учебные планы и программы испытаній.

7) Гонорарная система.

8) Университетская полиція въ видѣ инспекціи, независимой отъ университета, представлявшей въ стѣнахъ послѣдняго особое государство, учрежденіе, находившееся въ непосредственныхъ, помимо университета, сношеніяхъ съ другимъ вѣдомствомъ, чуждымъ и нерѣдко враждебнымъ университету.

9) Система государственныхъ экзаменовъ, отразившаяся пагубнымъ образомъ на преподаваніи и въ конецъ испортившая отношенія между студентами и преподавателями.

Единственнымъ раціональнымъ нововведеніемъ въ уставѣ 84-го года былъ институтъ приватъ-доцентовъ, который могъ бы получить весьма серьезное значеніе въ университетской жизни, если бы замѣщеніе каѳедръ оставалось въ рукахъ университета. Благодаря же системѣ назначеній, на каѳедры большей частью попадали приватъ-доценты столичныхъ университетовъ, вслѣдствіе чего провинціальная приватъ-доцентура плохо развивалась.

Результаты устава 84-го года всѣмъ извѣстны и выразились въ упадкѣ нашихъ университетовъ и въ разъединеніи студентовъ и профессоровъ.

Русскіе университеты неоднократно и недвусмысленно указывали, и въ литературѣ, и оффиціальнымъ путемъ, на необходимость освѣженія университетской жизни путемъ возвращенія къ началамъ автономіи, коллегіальности, свободы преподаванія и личнаго довѣрія.

Но... то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ 1900 году начинается поворотъ въ жизни нашихъ университетовъ. Само министерство, видимо сознавъ ненормальность положенія дѣлъ, отказалось отъ системы назначенія профессоровъ и фактически вернуло университетамъ право выбирать профессоровъ. Въ то же время министерство, признавъ необходимымъ пересмотръ университетскаго устава, обратилось къ университетамъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ. Отвѣты, данные совѣтами университетовъ на эти вопросы, представляютъ собою богатый, всесторонне разработанный, матеріалъ и обнаружили поразительное единодушіе во взглядахъ русской университетской коллегіи на устройство университетскаго дѣла. Общій тонъ требованій, заявленныхъ университетами, можетъ быть охарактеризованъ такъ: отмѣна большей части тѣхъ измѣненій, которыя внесены въ университетскую жизнь уставомъ 84-го года, и возвращеніе къ основамъ устава 63-го года.

Совѣты университетовъ требовали:

1) Возвращенія къ выборному началу при замѣщеніи каѳедръ.

2) Выборовъ декановъ и ректора.

3) Отмѣны гонорара.

4) Уничтоженія инспекціи.

5) Отмѣны государственныхъ экзаменовъ.

6) Возстановленія значенія совѣта въ управленіи университетомъ.

7) Усиленія автономіи факультета въ дѣлѣ преподаванія.

8) Ослабленія вліянія попечителя на университетъ. (Немало голосовъ раздавалось за полное изъятіе университета изъ-подъ опеки попечителя.)

9) Возстановленія университетскаго суда.

10) Возстановленія званія штатныхъ доцентовъ.

11) Свободы корпорацій для студентовъ.

Съ особой настойчивостью совѣты единодушно высказались не только за полную свободу преподаванія, за свободу мысли и науки въ стѣнахъ университетовъ, но и за значительное расширеніе самыхъ задачъ высшей школы, за расширеніе рамокъ и сферы дѣятельности университетовъ, которымъ слѣдуетъ вернуть утраченное ими значеніе просвѣтительныхъ центровъ и руководителей общественнаго мнѣнія.

„Отвѣты" совѣтовъ даютъ не одни только формулы и положенія, но и содержатъ богатый матеріалъ въ формѣ мотивовъ, справокъ и ссылокъ на событія изъ жизни университетовъ. Взятые въ своей совокупности, „отвѣты" даютъ рядъ превосходныхъ, всесторонне разработанныхъ и ясно редактированныхъ статей по всѣмъ основнымъ пунктамъ университетской жизни.

На долю министерства оставалась лишь весьма легкая работа: взявъ, какъ основу, уставъ 63-го года, дополнить его нѣкоторыми новыми статьями и сдѣлать нужныя поправки въ редакціи нѣкоторыхъ старыхъ статей этого устава. Строго говоря, было бы всего проще возстановить и ввести вновь въ дѣйствіе уставъ 63-го года, оставивъ въ силѣ нѣкоторыя статьи устава 84-го года, и приступить къ выработкѣ необходимыхъ видоизмѣненій и дополненій. Не такъ посмотрѣло на дѣло министерство.

Оно усмотрѣло въ трудахъ совѣтовъ лишь сырой матеріалъ, который и передало на разсмотрѣніе такъ называемой „университетской коммиссіи".

Въ 1902-мъ году министерство вновь обратилось къ университетамъ съ предложеніемъ прислать делегатовъ въ Петербургъ для участія въ совѣщаніи, которое должно было окончательно

выработать проектъ устава. Совѣщаніе, однакожъ, ни къ чему не привело, и 1905-й годъ застаетъ русскіе университеты безъ новаго устава, живущими временной автономіею...

Январскія событія, рѣзко обострившія весь ходъ русской жизни, отразились и на жизни русскихъ университетовъ. Выдвинулось совершенно неожиданное, небывалое явленіе,—студенческая политическая забастовка! Студенты закрыли университетъ! Съ этого момента университетскій вопросъ—въ стѣнахъ университета и въ средѣ учащейся молодежи—уже теряетъ свой изолированный характеръ и, какъ притокъ широкаго политическаго теченія, впадаетъ въ послѣдній и сливается съ нимъ.

На первыхъ порахъ можно, однакожъ, еще уловить нѣкоторую обособленность университетскаго вопроса отъ общеполитическаго движенія.

Въ январѣ 1905-го года, всѣ русскіе университеты, какъ одинъ, откликнулись по поводу университетскихъ забастовокъ рядомъ записокъ, въ которыхъ совѣты единодушно высказались за необходимость самой коренной реформы университетскаго режима, за широкую автономію, но уже обоснованную на общей политической свободѣ.

Къ этому же времени относится и возникновеніе всероссійскаго академическаго союза, поставившаго себѣ задачею пересоздать все дѣло русскаго просвѣщенія, сверху донизу, и также на почвѣ гражданской и политической свободы.

Резолюціи, принятыя совѣтами разныхъ университетовъ и академическимъ союзомъ, почти тождественны между собою и разнятся лишь по формѣ и стилю.

Стóитъ познакомиться съ запискою, выработанной однимъ изъ нашихъ университетовъ, чтобы получить полное представленіе о той академической программѣ, о тѣхъ взглядахъ на цѣль университета, о тѣхъ требованіяхъ, какія предъявляетъ вся русская профессура къ будущему, столь долго ожидаемому, новому университетскому уставу.

Для характеристики этихъ взглядовъ и этихъ ожиданій приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ записки, представленной нами, въ январѣ 1905 г., въ совѣтскую коммиссію харьковскаго университета.

Нарушеніе спокойнаго теченія университетской жизни,—писали мы,—или такъ-называемыя студенческія волненія—явленіе не новое. Впервые они проявляются въ большихъ размѣрахъ въ началѣ 60-хъ г.г., въ эпоху пробужденія нашей общественности. Въ теченіе полувѣка наше правительство боролось со сту-

денческими волненіями, посредствомъ цѣлаго ряда предохранительныхъ и карательныхъ мѣръ, начиная отъ увольненія, исключенія, восходя до административной высылки и кончая лишеніемъ свободы.

Несмотря на всѣ эти мѣры, интенсивность, количество и размѣръ волненій все росли и увеличивались. Это убѣдительно доказываетъ, что корень и источникъ волненій лежатъ внѣ университета и внѣ молодежи, которая является лишь locus minoris resistentiae для тѣхъ идей и чувствъ, которыми пропитана атмосфера русской жизни.

Единственнымъ, безспорнымъ результатомъ этой борьбы можно признать систематическое обезглавливаніе русской интеллигенціи, наиболѣе даровитые представители которой обыкновенно падаютъ жертвою студенческихъ волненій. Точный размѣръ той потери молодыхъ силъ, которую понесло русское общество за полстолѣтіе, не поддается подсчету, но есть косвенный способъ судить о размѣрѣ этой убыли по тѣмъ наиболѣе счастливымъ единицамъ, матеріальное положеніе которыхъ позволяетъ имъ, послѣ крушенія въ русскомъ университетѣ, продолжать свое образованіе заграницей. Будущій историкъ отмѣтитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ въ исторіи патологическій фактъ учебной эмиграціи нашей молодежи.

Совершенно естественно встрѣтить въ европейскихъ университетахъ учащихся грековъ, румыновъ, бразильянцевъ, не находящихъ у себя дома тѣхъ образовательныхъ средствъ, какими располагаютъ учебныя заведенія Германіи и Франціи. Когда же такая страна, какъ Россія, столь богатая высшими учебными заведеніями, выбрасываетъ ежегодно массу учащихся во всѣ университеты и школы западной Европы, нельзя не усмотрѣть въ этомъ нѣчто ненормальное. А между тѣмъ студенты русскаго происхожденія встрѣчаются въ большомъ числѣ не только въ такихъ крупныхъ центрахъ науки, какъ Лейпцигъ, Мюнхенъ, Гейдельбергъ, и во всѣхъ швейцарскихъ университетахъ, но и во многихъ маленькихъ, скромныхъ уголкахъ, какъ Фрейбергъ, Гёттингенъ, Монпелье и пр.

Въ запискѣ, приложенной къ университетскому уставу 1863 г., мы находимъ слѣдующее извлеченіе изъ доклада профессора И. Е. Андреевскаго: изъ исторіи университетовъ видно, что всякій разъ, когда общество начинаютъ волновать какія-либо идеи, могущія потрясти общественный порядокъ, начиналась борьба противъ университетовъ, въ нихъ начинали искать источника общихъ безпокойствъ и представляли различные планы въ замѣнѣ

университетовъ чѣмъ-либо другимъ. Стóитъ вспомнить возгласы, которые раздавались противъ университетовъ въ 20-хъ г.г. нынѣшняго столѣтія въ Германіи, и высказанные тогда планы замѣнить ихъ спеціальными школами. Въ Германіи студенческія волненія достигли своего наибольшаго напряженія въ 40-хъ г.г. Когда же общественный строй нѣмецкой жизни обновился и вылился въ новую, болѣе совершенную форму, волненія въ университетахъ сами собой улеглись, и вчерашніе бунтари превратились въ спокойную учащуюся массу, ревниво оберегающую честь и порядокъ университетской жизни. Студенческія волненія наблюдались въ Италіи и Испаніи въ эпохи политическаго броженія и общественныхъ кризисовъ. Достаточно вспомнить исторіи студенческихъ движеній послѣднихъ десятилѣтій въ Австріи, чтобы убѣдиться, что всякое повышеніе температуры университетской молодежи безошибочно указываетъ на лихорадочное состояніе всего общественнаго организма.

Въ своей запискѣ: „Университетскій вопросъ“, Н. И. Пироговъ даетъ слѣдующую ясную и полную характеристику студенческихъ волненій.

Иные смотрятъ на университетъ, — писалъ онъ, — какъ на что-то отдѣльное, какъ на храмъ Весты. Положимъ, это взглядъ, приносящій честь и университету, и тѣмъ, которые такъ смотрятъ. Но на дѣлѣ, — и это не многіе знаютъ, — университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени. И нашъ университетъ выражаетъ это еще болѣе, чѣмъ всѣ западные, потому что въ нашемъ мало сословнаго и вовсе нѣтъ преданія, или оно очень слабо.

Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ; университетъ есть и лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, тогда за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотрѣть, и смотря по времени — дѣйствовать. Этотъ взглядъ на университетъ подтверждаетъ исторія: гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе — научная дѣятельность. Университетъ дѣлается тамъ барометромъ просвѣщенія.

Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни своей

иногда тѣ и другіе сходятся; но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а черезъ нее и на университетѣ. Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества,— они уже неясно отражаются на университетѣ. Но чѣмъ болѣе настигаютъ они общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ,—тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. У насъ едва повѣяло новою жизнью, едва общество почувствовало новыя стремленія, и тотчасъ же появились рефлективныя движенія въ университетѣ. Но отражательныя движенія не могли быть цѣлесообразны, и потому они перешли въ безпорядки.

Нельзя, однако, отрицать и того факта, что движеніе, зародившееся внѣ университета, легко проникаетъ въ его стѣны и быстро завладѣваетъ умами молодежи. Невольно возникаетъ вопросъ, почему же университетъ, повидимому, не въ силахъ оказать сопротивленіе этимъ волненіямъ и не въ состояніи поддержать мирнаго и правильнаго теченія университетской работы? Нельзя же сомнѣваться въ томъ, что сознаніе своихъ обязанностей, интересъ къ своему дѣлу и забота о судьбѣ молодежи должны побуждать профессоровъ стремиться къ сохраненію мирнаго хода занятій въ стѣнахъ университета. Этотъ вопросъ можетъ быть расширенъ и поставленъ такъ. Почему, несмотря на несомнѣнное возрастаніе научнаго уровня университетской коллегіи, ея моральное вліяніе на молодежь продолжало до самаго послѣдняго времени непрерывно падать? Въ 40-хъ и 50-хъ г.г. прошлаго столѣтія университетъ имѣлъ большой престижъ въ глазахъ учащейся молодежи, и нравственный авторитетъ популярнаго профессора стоялъ весьма высоко.

Почему все это рѣзко измѣнилось? Откуда это недовѣріе и критическое, подчасъ даже скептическое отношеніе современной молодежи въ своимъ ближайшимъ и, казалось бы, естественнымъ руководителямъ?

Причины этого прискорбнаго явленія всѣмъ извѣстны и столь очевидны, что на нихъ остается лишь указать, и не представляется надобности анализировать ихъ. По мѣрѣ того, какъ университетъ терялъ свою самостоятельность и превращался въ учрежденіе, подчиненное строгому административному режиму, все выше и шире росла стѣна, отдѣляющая профессора отъ молодежи, пока стѣна эта не достигла, наконецъ, такой высоты, что обѣ стороны перестали видѣть и слышать одна другую. Этотъ процессъ разобщенія между профессорами и молодежью,

естественно вытекавшій изъ того положенія, въ какое университетъ былъ поставленъ уставомъ 84-го г., искусственно поддерживался нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сознательно воздвигало на каждомъ шагу преграды, мѣшавшія сближенію между учащими и учащимися. Всякому, хотя немного знакомому съ исторіей нашихъ университетовъ, извѣстны случаи претерпѣванія и печальныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ профессоровъ изъ-за ихъ хорошихъ отношеній къ своей аудиторіи. Тутъ мы имѣемъ предъ собой несомнѣнное проявленіе той чрезмѣрно охранительной политики министерства народнаго просвѣщенія, которое въ теченіе 40 лѣтъ шло на буксирѣ у другихъ вѣдомствъ, ревниво оберегавшихъ учащуюся молодежь отъ вреднаго вліянія университета. Профессура, на долю которой выпало самое почетное призваніе руководить умственной подготовкой будущихъ поколѣній интеллигенціи, оказалась сама подъ опекой, которой въ самомъ скромномъ мерцаніи мысли и науки мерещилось зарево пожара.

Эта опека повлекла за собою цѣлый рядъ печальныхъ послѣдствій для жизни нашихъ университетовъ. Кто знакомъ съ умственной жизнью современнаго русскаго студенчества, тотъ знаетъ, что наша молодежь получаетъ свое направленіе внѣ университета и черпаетъ свою духовную пищу, свои философскія и соціальныя знанія не изъ лекцій профессоровъ, а изъ научной и общей литературы. Наши студенты изучаютъ въ университетѣ спеціальные предметы, но свое общее образованіе и міросозерцаніе они вырабатываютъ въ сторонѣ отъ университета. Нужно сознаться, что главной причиной этого явленія служитъ то обстоятельство, что наше университетское преподаваніе въ его нынѣшнемъ видѣ уже не удовлетворяетъ всѣмъ умственнымъ интересамъ учащейся молодежи и не даетъ отвѣтовъ на многіе духовные запросы.

Ни для кого не тайна, что русская литература весьма богата множествомъ какъ оригинальныхъ, такъ, въ особенности, переводныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ соціологіи — по народному хозяйству, по аграрному вопросу, по организаціи труда, по рабочему вопросу и спеціально по фабрично-заводской промышленности, по капиталу и кредиту и т. п.— Здѣсь-то, въ этой литературѣ, а не въ лекціяхъ профессоровъ, наша учащаяся университетская молодежь черпаетъ свои знанія и взгляды на соціально-экономическіе вопросы русской жизни. Получается такое ненормальное явленіе, что студентъ

пріучается смотрѣть на университетскую науку, которую ему читаютъ съ каѳедры, какъ на нѣчто формальное, а настоящую, живую науку онъ видитъ въ другомъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ университета. Отъ этого, конечно, страдаетъ и авторитетъ университета въ глазахъ молодежи, падаетъ его вліяніе на духовный складъ и міросозерцаніе послѣдней.

Не то мы видимъ въ германскихъ университетахъ. Здѣсь, благодаря всесторонности, полнотѣ и свободѣ преподаванія, достигается на почвѣ научнаго и моральнаго довѣрія полное единеніе между учащеюся молодежью и профессорами. Единство это, нарождающееся въ аудиторіи, поддерживается и развивается дальше внѣ университета, въ ферейнахъ, т.-е. въ кружковыхъ собраніяхъ, гдѣ между учащими и учащимися происходитъ свободный обмѣнъ мыслей, задушевная бесѣда на самыя разнообразныя темы, захватывающія всѣ стороны духовной жизни, отъ отвлеченныхъ философскихъ проблемъ до предметовъ этики, литературы, искусства и общежитія.

Въ свою очередь духовное единеніе между учащимися и преподавателями служитъ лучшей гарантіей мирнаго теченія университетской жизни, охраняемой непоколебимымъ чувствомъ почитанія, которое студентъ питаетъ въ своей душѣ къ своей alma mater.

Расширеніе университетскаго преподаванія и его абсолютная свобода являются поэтому существенными средствами вернуть нашему университету подобающую ему роль руководителя умственнаго развитія нашей учащейся молодежи. Университетъ долженъ служить для студентовъ не только источникомъ твердо установленнаго знанія, кристаллизованной науки, но въ немъ, въ университетѣ, молодежь также должна находить отраженіе всѣхъ новыхъ теченій въ наукѣ и жизни.

Нетрудно, однако, предвидѣть, что указанные дефекты въ системѣ нашего университетскаго образованія отнюдь не представляютъ собою частнаго явленія, которое могло бы быть исправлено однѣми частными мѣрами. Бросается въ глаза, что наиболѣе урѣзаннымъ и стѣсненнымъ является университетское образованіе въ тѣхъ областяхъ, которыя прямо или косвенно соприкасаются съ вопросами политической и моральной свободы. И можно безъ преувеличенія сказать, что степень ограниченія академической свободы въ нашихъ университетахъ прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ вопросамъ общественной жизни. А между тѣмъ, еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, величайшій преобразователь государственной власти и централизаціи сказалъ:

„Науки подчиненія и насилія терпѣть не могутъ". Н. И. Пироговъ говоритъ: „коренное преобразованіе нашего университета безъ рѣшенія вопроса о свободѣ мысли и слова немыслимо. Прежде всего нужно сдѣлать науку независимой. Университетъ автономическій безъ гласности и общественнаго мнѣнія вовсе немыслимъ". Памятуя такія пророческія слова Н. И. Пирогова, русская профессорская коллегія, заявляющая о необходимости академической свободы, остается лишь исторически строго-консервативной и вѣрной давнымъ-давно провозглашеннымъ, доказаннымъ, но, къ сожалѣнію, забытымъ началамъ.

Резюмируя, можемъ сказать, что истинная академическая свобода сдѣлается у насъ возможной лишь тогда, когда, кромѣ автономіи университетовъ, упрочена будетъ также и автономія самаго министерства народнаго просвѣщенія, его внѣшняя свобода отъ давленія другихъ вѣдомствъ и внутренняя свобода просвѣщенія отъ различныхъ чуждыхъ наукѣ элементовъ.

Въ неразрывной связи съ постановкой преподаванія находится и положеніе профессуры. Академическая свобода слагается изъ двухъ факторовъ—свободы преподаванія и независимости профессуры. Внутренняя связь этихъ двухъ факторовъ явственно выступаетъ во всей исторіи нашихъ университетовъ. Каждый разъ, какъ усиливалось политическое и административное давленіе на университетъ, оно одинаково захватывало и преподаваніе, и преподавателей, и наоборотъ, всякое расширеніе свободы преподаванія сопровождалось ослабленіемъ административной опеки надъ преподавателемъ.

Какъ свобода преподаванія представляется первымъ необходимымъ условіемъ правильной функціи университета и нормальнаго взаимоотношенія между учащими и учащимися, такъ личная академическая независимость профессуры составляетъ существенное условіе спокойной, увѣренной работы профессора, какъ научнаго дѣятеля и педагога. Нетрудно подмѣтить, что, какъ ни тѣсны рамки свободы преподаванія въ нашихъ университетахъ, все же онѣ не такъ фиксированы и не такъ подвижны, какъ то постоянное давленіе, подъ которымъ находится личность профессора.

Академическое положеніе профессора опредѣляется двумя главными моментами: 1) способомъ достиженія имъ званія профессора; 2) способомъ его увольненія. Уставъ 1884 г. отдалъ всецѣло въ руки администраціи назначеніе профессоровъ. И хотя въ послѣдніе годы сдѣланы уступки выборному началу, все же назначеніе остается въ рукахъ министерства. Но самымъ вліятельнымъ факторомъ остается право увольнять профессоровъ. И,

быть можетъ, еще болѣе страшнымъ оружіемъ является система негласныхъ замѣчаній, выговоровъ, внушеній, предостереженій и тому подобныхъ административныхъ пріемовъ. Этимъ состоящимъ совершенно внѣ всякаго правового порядка пріемамъ и способамъ административнаго воздѣйствія на профессуру Россія обязана потерей не одного крупнаго университетскаго дѣятеля. Если многія громкія имена, составляющія гордость и украшеніе русской науки, разбросаны теперь по всей Европѣ, то этой профессорской эмиграціи мы цѣликомъ обязаны отсутствію личной академической свободы и административному произволу въ нашей университетской жизни.

Гдѣ и въ чемъ можно искать гарантію личной академической свободы, безусловно необходимой для развитія нашей университетской жизни и для обезпеченія интересовъ русскаго просвѣщенія? Очевидно, что одними измѣненіями университетскаго устава, признаніемъ академической свободы преподаванія, даже сознаніемъ университетской автономіи не будетъ еще обезпечена личная независимость профессуры до тѣхъ поръ, пока остается въ своей силѣ система тенденціозной опеки надъ умственной жизнью страны и безконтрольная власть администраціи надъ представителями университетской науки. Уничтоженіе административной опеки, дѣйствующей подавляющимъ образомъ на научную работу профессоровъ и нерѣдко деморализующей послѣднихъ, возможно лишь при условіи правового порядка, при свободномъ контролѣ сильнаго и свободнаго общественнаго мнѣнія. При этомъ условіи опека превращается въ законный контроль высшихъ органовъ правительства надъ свободой, въ своихъ законныхъ предѣлахъ, дѣятельности университетской коллегіи.

Итакъ, какой бы мы ни избрали исходный пунктъ нашего анализа университетской жизни, студенческія ли волненія, состояніе ли преподаванія, или положеніе профессуры, мы приходимъ роковымъ образомъ къ одному источнику—къ общему тону и направленію государственной жизни нашего отечества. Всякая попытка разобраться въ университетскомъ вопросѣ, независимо отъ общаго строя, обречена на неизбѣжную неудачу. Это убѣдительно подтверждается крахомъ устава 1863 г. Уставъ этотъ разрабатывался лучшими силами нашей страны. Къ его выработкѣ и отшлифовкѣ были привлечены многіе выдающіеся университетскіе дѣятели всѣхъ странъ Европы. Въ основу его были положены гуманныя стремленія и широкія идеи Пирогова, Андреевскаго, Бекетова, Спасовича, Бутлерова, Чичерина, Кавелина и многихъ другихъ свѣтилъ русской мысли.

Н. И. Пироговъ, смотрѣвшій, по его собственному выраженію, крайне идеалистически на университетъ, настаивалъ, чтобы послѣдній былъ не только автономенъ, но и децентрализованъ: т.-е., чтобы каждому университету было предоставлено право вырабатывать особый уставъ. Вотъ какъ выражался Н. И. Пироговъ по этому поводу: „вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ „общій уставъ россійскихъ университетовъ", т.-е. найти еще нигдѣ не найденное общее,— а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для „каждаго изъ россійскихъ университетовъ", которыя бы сближали ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества. Я тогда только увижу университетскую коллегію живою, сильною и прогрессивною, когда 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ, самъ по своимъ убѣжденіямъ, и, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ, съ полною отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ".

Идеи Н. И. Пирогова не остались безъ вліянія на уставъ 1863 г. Нашему университету дана была широкая автономія. Все, казалось, сулило долгую и счастливую жизнь новорожденному уставу и русскому университету. Былъ только забытъ завѣтъ Н. И. Пирогова—гласность, т.-е. свобода мысли и слова. Административная опека осталась во всей своей силѣ. Просвѣщеніе было подчинено церкви и политикѣ. Не прошло и десяти лѣтъ,—и отъ всѣхъ благихъ начинаній не осталось и слѣда. Уставъ быстро выродился. Университетъ падалъ. Молодежь отвернулась отъ университета. Общество къ нему охладѣло. И профессура потеряла свою притягательную силу. И когда графъ Д. А. Толстой наложилъ свою руку на уставъ 1863 г., онъ уже не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія ни въ обществѣ, ни въ университетѣ, такъ какъ послѣдній находился уже въ агоніи.

Размышляя о судьбѣ университета въ нашемъ отечествѣ, нужно всегда въ головѣ и передъ глазами имѣть поучительную исторію устава 1863 г. Мораль этой исторіи ясна.

Университетъ не есть отдѣльное учрежденіе, стоящее особнякомъ, какъ пристройка къ общественному зданію. Меньше, чѣмъ какая-либо другая область жизни, университетъ можетъ

быть трактуемъ изолированно, внѣ связи съ общимъ строемъ жизни. Университетъ есть вершина той пирамиды, которую представляетъ собой общественное зданіе. При всѣхъ колебаніяхъ той почвы, на которой стоитъ это зданіе, его верхушка—университетъ—раньше и рѣзче другихъ частей зданія обнаруживаетъ своими качаніями колебаніе фундамента. Нельзя отрицать, что есть много университетскихъ вопросовъ, спеціальныхъ и даже чисто техническихъ. Эти вопросы могутъ съ успѣхомъ обсуждаться въ спеціальныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, причемъ могутъ быть придуманы различныя весьма разумныя и полезныя мѣры. Но надъ всѣми этими частными вопросами и въ то же время глубоко подъ ними существуетъ общій университетскій вопросъ—о русской школѣ, какъ объ одной изъ частей и притомъ же вершинѣ всего зданія русской жизни. Нужно помнить, что истинный общій университетскій уставъ, т.-е. такой, при которомъ возможно свободное и правильное развитіе русской науки, русской мысли и русской молодежи, можетъ быть лишь одной изъ главъ великаго государственнаго устава русской земли.

Имѣя передъ глазами тѣ плоды, которые даетъ народамъ свободная наука и мысль, какъ-то странно даже доказывать пользу свободы слова. Напомнимъ еще разъ, что во всѣхъ областяхъ жизни и практической дѣятельности слово и мысль служатъ орудіемъ и двигательной силой, тогда какъ въ дѣлѣ просвѣщенія и науки мысль и слово составляютъ самое содержаніе, самую цѣль и задачу. Поэтому всякое ограниченіе свободы мысли и слова въ сферѣ наукъ и просвѣщенія влечетъ за собою роковымъ образомъ истощеніе, атрофію и смерть. Проникнутая такими убѣжденіями, русская профессорская коллегія должна открыто заявить, что она не вѣритъ ни въ возможность замиранія университетской молодежи, ни въ созданіе новаго, болѣе прочнаго и жизнеспособнаго университетскаго режима до тѣхъ поръ, пока самыя основы этого режима, т.-е. все направленіе уклада нашей внутренней жизни, не подвергнутся коренному измѣненію. Новый университетскій строй, покоящійся на началахъ свободы науки, свободы ученія и административной автономіи, можетъ явиться лишь плодомъ свободной, гласной и коллективной работы представителей всѣхъ областей и уголковъ народнаго просвѣщенія. Самой насущной и безотлагательной—является съѣздъ людей науки и просвѣщенія, съѣздъ независимый, внѣ опеки администраціи, составленный не изъ оффиціальныхъ или избранныхъ представителей, а изъ лицъ, которыхъ привлечетъ интересъ къ дѣлу и сознаніе долга предъ университетомъ и родиной. Только

такой съѣздъ явился бы въ настоящую минуту вполнѣ компетентнымъ выразителемъ нуждъ и задачъ народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

II.

Непрекращающіяся волненія среди университетской молодежи, а равно настойчиво высказываемыя, какъ профессорской коллегіей, такъ и академическимъ союзомъ и съѣздомъ, требованія университетской автономіи не остались безъ воздѣйствія на министерство. Оно, во-первыхъ, снова приступило къ окончательной выработкѣ новаго устава, и для этой цѣли учреждена была коммиссія изъ нѣсколькихъ ректоровъ и профессоровъ, приглашенныхъ министерствомъ въ эту коммиссію.

Во-вторыхъ, разсчитывая, что предоставленіе университетамъ автономіи можетъ повліять успокоительно на молодежь и сдѣлаетъ возможнымъ открытіе университетовъ и возобновленіе учебныхъ занятій, министерство рѣшило, не дожидаясь окончательной выработки устава и утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ, дать немедленно университетамъ автономію. Это и было сдѣлано въ августѣ 1905 г., причемъ автономія явилась въ формѣ Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ. Въ этихъ коротенькихъ „правилахъ“ содержатся слѣдующія положенія:

1) Немедленные выборы повсемѣстно ректоровъ и декановъ.

2) Самоуправленіе университета, причемъ совѣтъ поставленъ во главѣ всей учебной и административной жизни университета.

3) Совѣтъ дѣлается отвѣтственнымъ за порядокъ въ университетѣ.

4) Въ виду неупоминанія въ „правилахъ“ о попечителѣ, установилось повсемѣстно такое толкованіе, что совѣтъ университета и его представитель, ректоръ, сносятся прямо и непосредственно съ министерствомъ, и что вмѣшательство попечителя въ дѣла университета какъ бы вовсе устраняется.

Мнѣніе это на практикѣ нашло себѣ подтвержденіе въ томъ, что, вслѣдъ за опубликованіемъ временныхъ правилъ, совѣты университетовъ стали обращаться непосредственно къ министру съ различными ходатайствами, которыя были такъ или иначе разрѣшаемы, причемъ министерство ни разу не поставило на видъ университетамъ неправильности такого прямого обращенія въ министерство, помимо попечителя. Этимъ молчаніемъ какъ попечители округовъ, такъ и само министерство, санкціонировали пра-

вильность такого толкованія временныхъ правилъ. За совѣтами была, такимъ образомъ, признана административная автономія и независимость отъ попечителя. Какъ широко была понята эта автономія, можно судить по тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли за послѣдніе два-три мѣсяца во всемъ строѣ университетской жизни.

Совѣты воспользовались предоставленной имъ автономіею, чтобы немедленно осуществить на дѣлѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ основныхъ требованій, которыя четыре года тому назадъ были, какъ desiderata, провозглашены въ „отвѣтахъ“ совѣтовъ. Такъ, немедленно и повсемѣстно была удалена инспекція изъ стѣнъ университета, студентамъ была предоставлена широкая свобода сходокъ и собраній, значительно былъ расширенъ кругъ лицъ, допущенныхъ въ качествѣ вольныхъ слушателей къ посѣщенію лекцій. Были привлечены къ участію въ совѣщаніяхъ представители младшихъ преподавателей, т.-е. приватъ-доценты, ассистенты и другіе. Повсемѣстно совѣты университетовъ ходатайствовали объ отмѣнѣ существующихъ ограниченій для пріема евреевъ, каковыя ходатайства были во всѣхъ случаяхъ утверждаемы министерствомъ. Почти всѣ университеты сдѣлали постановленія о пріемѣ въ число студентовъ лицъ, окончившихъ реальныя и коммерческія училища и семинаріи, т.-е. посягнули на одинъ изъ самыхъ краеугольныхъ устоевъ университетскаго устава. Въ нѣкоторыхъ университетахъ допущеніе женщинъ въ число вольнослушательницъ стало совершившимся фактомъ.

Будущій историкъ переживаемой нами эпохи, вооруженный строгой исторической критикой, быть можетъ, найдетъ въ дѣятельности совѣтовъ нѣкоторую поспѣшность и эксцессы въ самомъ направленіи этой дѣятельности, но едва ли у историка хватитъ мужества утверждать, что эти эксцессы были причиной того, почему университетская жизнь не могла сразу войти въ нормальную колею мирной учебной работы. Въ то же время историкъ не будетъ отрицать, что съ момента опубликованія „временныхъ правилъ“ совѣтъ сталъ не только юридически, но и морально, во главѣ университета. Университетская жизнь сразу приняла ту физіономію, какую она имѣла при уставѣ 63-го года, когда совѣтъ былъ душою университета, а факультетъ былъ лишь рабочимъ органомъ. Хорошо ли это или нѣтъ, но нельзя закрывать глаза на то, что, по исторически сложившимся у насъ традиціямъ, каждый разъ, какъ университетская жизнь предоставляется самой себѣ, совѣтъ дѣлается господиномъ, нерѣдко даже въ ущербъ самостоятельности факультетовъ.

Уже одинъ тотъ фактъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ въ одинъ и тотъ же день совѣты заняли безъ всякихъ протестовъ первенствующее положеніе, убѣдительно показываетъ, что русскіе университеты имѣютъ естественное тяготѣніе къ такому строю. Въ то же время укрѣпилось въ умѣ профессоровъ вполнѣ естественное и законное убѣжденіе, что режимъ совѣтскаго полновластія и университетской автономіи, предоставленные университетамъ „временными правилами", не есть временный подарокъ, а разъ навсегда закрѣплены за университетомъ. „Временныя правила" были всѣми поняты какъ основныя начала будущаго строя нашей высшей школы, и что новый уставъ явится лишь истолкователемъ и дальнѣйшей детальной разработкой этихъ основъ. Никому не могла придти въ голову мысль, что автономія поднесена университету какъ успокоительное лекарство, но лишь на короткое время, и что, по миновавіи надобности, административная опека снова вступитъ въ свои права.

Русскіе университеты считаютъ университетскую автономію своимъ вполнѣ обезпеченнымъ пріобрѣтеніемъ и спокойно ожидаютъ отъ будущаго устава закрѣпленія этого пріобрѣтенія.

Посмотримъ теперь, насколько эти ожиданія находятъ свое оправданіе въ появившемся „Проектѣ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ". Проектъ этотъ въ настоящее время уже разосланъ во всѣ университеты на обсужденіе и, по полученіи министерствомъ замѣчаній и отзывовъ, будетъ внесенъ законодательнымъ путемъ, еще не вполнѣ выяснившимся, на окончательное утвержденіе.

Предоставляется еще возможность дать оцѣнку труду университетской коммиссіи и указать недостатки и пробѣлы новаго проекта. Этой работой мы и займемся теперь.

Первое впечатлѣніе, которое выносится при чтеніи „проекта", получается вполнѣ для него выгодное. Въ статьѣ 6-й читаемъ: „въ цѣляхъ же успѣшнаго выполненія научно-учебныхъ задачъ, университетамъ предоставляется внутреннее самоуправленіе". Этой статьей санкціонируется внутренняя автономія университета.

Далѣе, вводится выборное начало для профессоровъ, декановъ, ректоровъ, секретарей, какъ факультетскихъ, такъ и совѣтскихъ, выборы всего административнаго персонала служащихъ по канцеляріи, въ правленіи, библіотекѣ и т. п.; гонораръ отмѣняется; содержаніе преподавателей увеличено; возстановляется институтъ штатныхъ доцентовъ; государственные экзамены въ университетѣ отмѣняются,—университетъ выдаетъ только свидѣтельства, дающія

лишь ученыя званія безъ правъ; для полученія послѣднихъ проектируются государственные экзамены по образцу германскихъ. Роль инспекціи ослаблена,—инспекторъ избирается, подчиненъ ректору и не засѣдаетъ въ правленіи.

Студентамъ предоставлена извѣстная корпоративная свобода. Составъ факультетовъ расширенъ; въ ихъ засѣданіяхъ могутъ участвовать, кромѣ профессоровъ, и штатные доценты, лекторы, прозекторы, старшіе ассистенты и другія лица изъ младшаго преподавательскаго персонала.

Условія полученія профессорскаго званія выравнены для всѣхъ факультетовъ: экстраординарнымъ профессоромъ можетъ быть лишь лицо, имѣющее степень магистра, ординарнымъ же профессоромъ—лишь тотъ, кто обладаетъ дипломомъ доктора по разряду соотвѣтствующихъ наукъ. Точно также никто не можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ или штатнымъ доцентомъ, не имѣя званія магистра. Этимъ предполагается созданіе на медицинскомъ факультетѣ новыхъ званій магистра и доктора извѣстныхъ группъ наукъ.

Всѣ эти нововведенія, весьма симпатичныя по существу, были уже вполнѣ опредѣленно формулированы въ отвѣтахъ совѣтовъ. Взятыя въ своей совокупности, эти нововведенія даютъ проекту, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, благопріятную окраску. Ближайшее знакомство съ „проектомъ" открываетъ, однакоже, въ немъ рядъ такихъ специфическихъ особенностей, которыя заставляютъ задуматься.

Прежде всего, читателя смущаетъ редакція выше приведенной 6-й статьи, гдѣ говорится лишь объ учебно-научной задачѣ университета, и ни единымъ словомъ не упоминается про тѣ просвѣтительныя цѣли, о которыхъ съ такимъ жаромъ говоритъ Пироговъ. Выраженіе „внутреннее самоуправленіе" также довольно подозрительно и наводитъ на мысль, что есть какое-то другое, внѣшнее самоуправленіе, которое университету не полагается.

Къ сожалѣнію, объяснительная записка, имѣющая пролить свѣтъ на мотивы, руководившіе составителями „проекта", и раскрыть общія начала, положенныя въ его основу, еще не опубликована. Но если вѣрить извлеченіямъ изъ этой записки, появившимся въ газетахъ, то главнымъ мотивомъ дарованія университетамъ автономіи является то соображеніе, что „только тѣсно сплоченная, проникнутая сознаніемъ отвѣтственности за все теченіе университетской жизни, профессорская корпорація можетъ быть оплотомъ учебнаго порядка".

Итакъ, составители „проекта“ признаютъ безсиліе администраціи обезпечить порядокъ въ университетѣ, и заявляютъ, что только автономная профессорская корпорація въ состояніи гарантировать мирное теченіе въ жизни и успѣшное выполненіе научно-учебныхъ задачъ, а посему разрѣшено внутреннее самоуправленіе, но подъ условіемъ возложенія на профессорскую корпорацію отвѣтственности за порядокъ. Формула эта довольно откровенная, но сомнительно, чтобы она удовлетворила русскую профессуру, и наврядъ ли она совпадаетъ съ той мотивировкой необходимости самоуправленія, которую мы находимъ въ отвѣтахъ совѣтовъ.

Дальнѣйшее чтеніе „проекта“ еще больше насъ убѣждаетъ въ томъ, какъ своеобразно понимается его составителями начало автономіи. Такъ, уже во второмъ отдѣлѣ, въ главѣ о попечителѣ учебнаго округа, мы не находимъ указанія на то, чтобы подчиненность университетовъ попечителю была ослаблена. Правда, измѣнена редакція соотвѣтствующихъ статей (9—15), трактующихъ о правахъ и обязанностяхъ попечителя, выпущены, напримѣръ, грозныя выраженія: „пресѣкаетъ всякое уклоненіе... привлекаетъ къ отвѣтственности виновныхъ“, но зато введены нѣсколько новыхъ статей, безспорно усиливающихъ вліяніе попечителя на университетъ. Статья 12-ая: „всѣ дѣла по управленію университетомъ должны быть всегда доступны контролю попечителя, и всѣ лица, служащія въ университетѣ или состоящія при немъ, обязаны давать попечителю по всѣмъ дѣламъ объясненія и заключенія“.

Особенно характерно вновь введенное выраженіе (статья 13): „въ случаяхъ чрезвычайныхъ попечитель дѣйствуетъ безотлагательно *всѣми зависящими отъ него способами*“. Каждому предоставляется по-своему толковать, что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ этими „способами“.

Теперь становится понятнымъ, что выраженіе „внутреннее самоуправленіе“ имѣетъ реальный смыслъ, и что вліяніе администраціи, т.-е. попечителя, на университетъ осталось во всей своей силѣ. Ослабленіе административной опеки надъ университетомъ сдѣлано за счетъ вліянія министерства, но отнюдь не въ ущербъ попечительства. Вся дѣятельность факультетовъ, совѣта и правленія осталась въ той же мѣрѣ подчиненной попечителю, какъ она была раньше. Избирается ли факультетомъ ординаторъ клиники, ассистентъ, лаборантъ, приватъ-доцентъ—ихъ утверждаетъ попечитель. Оставляетъ ли факультетъ молодыхъ людей при университетѣ для усовершенствованія—они утвер-

ждаются попечителемъ. Командируетъ ли факультетъ или совѣтъ кого-либо заграницу для научныхъ занятій, командировка не можетъ состояться безъ утвержденія попечителя, все равно—будь командированный ассистентъ, стипендіатъ, готовящійся къ занятію каѳедры, приватъ-доцентъ или профессоръ.

Людямъ, мало знакомымъ съ механизмомъ университетской жизни, можетъ казаться, что право попечителя „утверждать" имѣетъ лишь формальное значеніе и контрольный характеръ,—не больше. Въ дѣйствительности же это не такъ. Вездѣ, гдѣ мы въ университетскомъ уставѣ читаемъ „утверждаетъ", „разрѣшаетъ", слѣдуетъ внести одну существенную поправку и читать: „утверждаетъ или не утверждаетъ", „разрѣшаетъ или не разрѣшаетъ". Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда роль попечителя чисто передаточная, гдѣ онъ „ходатайствуетъ передъ господиномъ министромъ", слѣдуетъ читать: „или не ходатайствуетъ".

Это право „неутвержденія" и „неразрѣшенія" отличается своею крайнею индивидуальностью. Одни администраторы пользуются имъ крайне осторожно, другіе—злоупотребляютъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на случай съ однимъ изъ выдающихся нашихъ экономистовъ, который не былъ утвержденъ попечителемъ московскаго округа въ званіи приватъ-доцента, но получилъ это званіе, благодаря вмѣшательству министерства, и въ настоящее время съ честью занимаетъ каѳедру въ другомъ вѣдомствѣ.

„Неутвержденіе" особенно широко примѣнялось къ ординаторамъ и ассистентамъ; этимъ способомъ произвольно устранялись изъ университета лица по соображеніямъ, ничего общаго съ наукой не имѣющимъ, а чисто національнымъ, политическимъ или религіознымъ.

Самое крупное нововведеніе въ „проектѣ" заключается, безспорно, въ созданіи новаго административнаго органа—сената. Сверхъ прежнихъ органовъ университетской жизни—факультетовъ, совѣта и правленія, проектируется новое учрежденіе—сенатъ, построенный по германскому образцу. Германскій сенатъ состоитъ изъ ректора, четырехъ декановъ, помощника ректора и пяти членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ профессоровъ.

Въ германскихъ университетахъ собраніе всѣхъ профессоровъ (ординарныхъ) бываетъ лишь для выбора ректора и членовъ сената. Всѣ функціи нашего совѣта и нашего правленія въ Германіи возложены на сенатъ, который вѣдаетъ всю администрацію, всѣ судебныя и хозяйственныя дѣла университета; преподаваніе же находится всецѣло въ завѣдываніи факультета.

Такъ какъ ректоръ избирается въ Германіи всего на одинъ годъ, то для того, чтобы любой профессоръ, даже кабинетный ученый, могъ быть ректоромъ, сенату дается на помощь особый, назначаемый отъ правительства, чиновникъ, именующійся „синдикомъ". Онъ играетъ роль юрисконсульта по университетскимъ дѣламъ, ему же принадлежитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ судебная, дисциплинарная власть надъ студентами. Онъ имѣетъ совѣщательный голосъ въ сенатѣ; такимъ образомъ, въ германскомъ сенатѣ имѣется двѣнадцать членовъ.

О задачахъ и назначеніи сената по министерскому „проекту" мы читаемъ слѣдующее:

Ст. 59. Сенатъ, дѣйствуя отъ имени университета, вѣдаетъ общія дѣла по учебной, административной, хозяйственной и дисциплинарной части.

Ст. 61. Сенатъ имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи все имущество университета и отвѣтствуетъ за сохранность онаго.

Ст. 62. Сенату принадлежитъ право дисциплинарнаго суда надъ студентами.

Ст. 63. Сенатъ состоитъ изъ: а) ректора, б) его помощника, в) декановъ всѣхъ факультетовъ, г) членовъ, избираемыхъ по три отъ каждаго факультета, срокомъ на три года, и утверждаемыхъ въ сей должности попечителемъ учебнаго округа. Сверхъ того, въ составъ сената входятъ: а) совѣтникъ по хозяйственной части, съ рѣшительнымъ голосомъ по дѣламъ хозяйственнымъ, б) юрисконсультъ съ рѣшительнымъ голосомъ по дѣламъ юридическимъ и дисциплинарнымъ. Итого, двадцать членовъ.

Уже изъ этихъ общихъ, руководящихъ, статей видно, что по „проекту" сенату принадлежатъ всѣ тѣ функціи, которыя прежде лежали на совѣтѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ дѣятельности факультетовъ, и мы увидимъ что всѣ серьезныя дѣла, возникающія въ факультетѣ, переходятъ на разсмотрѣніе и утвержденіе сената. Такъ—статья 57-я, параграфъ второй—дѣла, по коимъ рѣшенія факультетовъ поступаютъ на разсмотрѣніе или утвержденіе сената: 1) Предположенія о мѣрахъ къ обезпеченію преподаванія, при отсутствіи штатнаго преподавателя, а также по вакантнымъ каѳедрамъ. 4) Предположенія о срокахъ и порядкѣ производства студентамъ окончательныхъ испытаній. 6) Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія факультетовъ. 9) Ходатайства о командированіи профессоровъ, преподавателей и проч. 10) Со-

браженія о вознагражденіи за преподаваніе, при отсутствіи штатнаго преподавателя по вакантной каѳедрѣ, а равно за чтеніе лекцій и веденіе практическихъ занятій привать-доцентами по порученію факультета. 11) Ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и пособій, а также объ освобожденіи отъ платы за ученіе. 12) Учрежденіе студенческихъ кружковъ и обществъ.

Представленія факультетовъ о кандидатахъ, избранныхъ на каѳедру, также идутъ въ министерство черезъ сенатъ. Сенату же принадлежитъ судебная функція; изъ его среды избирается особая коммиссія, составляющая дисциплинарный судъ.

Что̀ же остается на долю совѣта?

Ст. 82 говоритъ: Совѣтъ, объединяя учено-учебную дѣятельность отдѣльныхъ факультетовъ въ цѣляхъ успѣшнаго выполненія основныхъ задачъ университета, разсматриваетъ и въ подлежащихъ случаяхъ утверждаетъ руководственныя положенія правилъ, какъ по учебному дѣлу, такъ и по отдѣльнымъ частямъ университетскаго управленія (какимъ?).

Если же мы обратимся къ подробному перечню предметовъ вѣдѣнія совѣта, то мы найдемъ слѣдующее:

Ст. 87, параграфъ 1-й: Дѣла, предоставляемыя окончательному рѣшенію сего установленія: 1) Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ. 4) Утвержденіе составленныхъ сенатомъ правилъ о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и о порядкѣ наложенія взысканій на студентовъ. 5) Назначеніе ежегодно дня для торжественнаго собранія университета. 6) Избраніе предсѣдателя библіотечной коммиссіи. 7) Утвержденіе избранныхъ факультетомъ членовъ редакціоннаго комитета.

Правда, параграфы 2-й и 3-й говорятъ о правѣ совѣта утверждать подробные учебные планы и обозрѣнія преподаванія, выработанные факультетами, но это право значительно теряетъ въ своей цѣнности, ибо въ другомъ мѣстѣ мы находимъ указаніе, что проекты основныхъ учебныхъ плановъ, выработанныхъ факультетами, идутъ на утвержденіе министра.

Итакъ, совѣтъ имѣетъ полномочія лишь на то, чтобы санкціонировать подробности въ учебныхъ планахъ, избраніе предсѣдателя библіотечной коммиссіи и назначеніе дня торжественнаго собранія университета.

Послѣднее право не ложится особымъ бременемъ на совѣтъ, такъ какъ день торжественнаго собранія обыкновенно бываетъ фиксированъ разъ навсегда и пріуроченъ ко дню основанія университета. Зато всякое болѣе или менѣе серьезное дѣло, восходящее изъ факультета въ совѣтъ, не разрѣшается послѣд-

нимъ, а восходитъ выше, къ попечителю или къ министру. Самое же существенное право стараго совѣта эпохи устава 63-го года, а именно, баллотировка кандидатовъ на каѳедру, избранныхъ въ факультетѣ,—право, возвращенное въ послѣдніе годы совѣту,—вновь у него отнимается „проектомъ".

Съ внѣшней стороны совѣтъ составляетъ какъ бы высшую инстанцію для сената, изъ котораго нѣкоторыя дѣла переходятъ въ совѣтъ, но никогда обратно. Какія же это дѣла переходятъ изъ сената въ совѣтъ? Объ этомъ мы находимъ въ параграфѣ 2-мъ статьи 68-й слѣдующее: 1) годовой отчетъ о дѣятельности университета; 2) проектъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей, проектъ инструкцій для инспектора студентовъ и проектъ правилъ о завѣдываніи общежитіями; 3) проектъ библіотечныхъ правилъ; 4) проектъ правилъ о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и о порядкѣ возложенія взысканій на студентовъ. Инструкціи объ инспекціи, удаленія которой требуютъ всѣ совѣты, инструкціи студентамъ, вольнослушателямъ и общежитіямъ, проектъ правилъ о дисциплинарномъ судѣ и наложеніи взысканія на студентовъ—вотъ что̀ сенатъ благосклонно предоставляетъ на долю совѣта, возложивъ на него всю отвѣтственность за порядокъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, для чего понадобилось созданіе новаго института—сената, къ которому перешли почти всѣ функціи совѣта? Изъ объяснительной записки мы узнаемъ, что главнымъ мотивомъ послужила „громоздкость", т.-е. многолюдность совѣта. Позволительно спросить, почему же проектированный сенатъ состоитъ изъ двадцати членовъ, а не изъ двѣнадцати, какъ германскій? И для чего же рядомъ съ сенатомъ сохраненъ совѣтъ? Въ „проектѣ" находимъ указаніе, что вѣдомству совѣта подлежатъ всѣ общіе, принципіальные вопросы, не касающіеся ни лицъ, ни интересовъ; на долю сената — всѣ дѣла и личные вопросы университетской жизни. Можно спросить, почему же студенческія дѣла поставлены въ зависимость отъ совѣта, а не отъ сената? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть лишь одинъ. Составители „проекта", видимо, задались мыслью уничтожить совѣтъ, представляющій собою у насъ, по традиціи, дѣйствительное воплощеніе университетской автономіи, но, не имѣя мужества сдѣлать это прямо, „проектъ" создалъ новый о̀рганъ, коего назначеніе—парализовать совѣтъ, отнявъ у послѣдняго всѣ права и оставивъ за нимъ лишь отвѣтственность.

Если „проекту" суждено осуществиться,—что̀ весьма сомнительно, то нетрудно предвидѣть тѣ печальныя для университет-

ской жизни послѣдстія, которыя явятся результатомъ совмѣстнаго существованія бокъ-о-бокъ совѣта и сената. Университетъ превратится въ арену борьбы и интригъ. Совѣтъ, лишенный всякаго значенія, захирѣетъ и не въ состояніи будетъ выполнить даже ту единственную функцію, которую ему навязываетъ „проектъ“, а именно поддержаніе порядка.

Выводъ изъ всего изложеннаго ясенъ. Если существованіе сената въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣтъ ни правленія, ни совѣта, вполнѣ цѣлесообразно, то у насъ сенатъ не только излишенъ, но явился бы явнымъ тормазомъ, грозящимъ спутать работу всѣхъ другихъ органовъ самоуправленія. Русскимъ университетамъ всего лучше остаться при своихъ старыхъ исторически сложившихся органахъ, факультетѣ и совѣтѣ.

При этомъ выступаетъ весьма опредѣленная задача—установить разграниченіе сферъ дѣятельности факультетовъ и совѣта.

Въ настоящее время множество дѣлъ обсуждаются и рѣшаются дважды — въ факультетѣ и совѣтѣ. Такъ, напримѣръ, дѣло объ избраніи младшаго педагогическаго персонала — ординаторовъ, лаборантовъ, ассистентовъ—изъ факультета переходитъ въ совѣтъ, а оттуда восходитъ на утвержденіе попечителя. Можно бы сократить процедуру, и всѣ выборныя дѣла — до приватъ-доцента включительно—передавать изъ факультета прямо попечителю.

Командировка факультетомъ стипендіата для усовершенствованія и вообще всѣ командировки на средства, принадлежащія факультету, также какъ и пособія на изданіе трудовъ, по болѣзни и проч., могли бы подлежать рѣшенію одного факультета.

Смѣта каждаго факультета обсуждается дважды—въ факультетѣ и въ совѣтѣ, и въ результатѣ у насъ нерѣдко университетская смѣта вмѣсто декабря заканчивается въ февралѣ, а иногда и въ мартѣ, и университетскимъ учрежденіямъ приходится прибѣгать къ авансамъ. Необходимо признать нѣкоторую автономію каждаго факультета въ способѣ распредѣленія и расходованія имѣющихся въ его распоряженіи суммъ.

Особенной сложностью и медлительностью отличается процедура всякаго, даже самаго незначительнаго, нововведенія въ преподаваніи и въ устройствѣ каѳедры. Представитель какой-нибудь каѳедры находитъ необходимымъ расширить помѣщеніе своей лабораторіи или ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему пригласить еще одного сверхштатнаго ассистента. Въ германскомъ университетѣ первое ходатайство разрѣшилось бы безъ вѣдома факультета, одною хозяйственной администраціею. Вопросъ о но-

вомъ ассистентѣ былъ бы рѣшенъ деканомъ, быть можетъ при участіи факультета. У насъ столь несложное дѣло будетъ подвергаться обсужденію въ факультетѣ, въ совѣтѣ, въ правленіи и выше, вслѣдствіе чего такія ходатайства иногда годами ждутъ своего разрѣшенія...

Такъ какъ факультетъ есть мѣсто зарожденія всѣхъ новыхъ потребностей и источникъ всѣхъ начинаній въ университетской жизни, то было бы полезно расширить право иниціативы факультетовъ и по возможности сократить непомѣрно длинное разстояніе, которое въ настоящее время отдѣляетъ факультетъ отъ центра. Къ такому же отрицанію цѣлесообразности сената приходимъ и другимъ путемъ. Несомнѣнно, что такія же антагонистическія отношенія, какихъ можно ожидать между сенатомъ и совѣтомъ, неизбѣжно будутъ имѣть мѣсто между сенатомъ и правленіемъ; ибо у того и другого тождественныя функціи, завѣдываніе университетской хозяйственной частью, съ той разницею, что на правленіи лежитъ ближайшее завѣдываніе хозяйственнымъ управленіемъ подъ руководствомъ сената.

Итакъ, правленіе является какъ бы исполнительнымъ ȯрганомъ; но вѣдь и самъ сенатъ есть въ сущности то же правленіе, плюсъ избранные совѣтомъ члены. Сенатъ есть не чтȯ иное, какъ расширенное правленіе. Къ чему же это излишнее раздвоеніе работы и умноженіе учрежденій? Не поведетъ ли это лишь къ борьбѣ между сенатомъ и правленіемъ?

До сихъ поръ правленіе было ȯрганомъ, вмѣстѣ административнымъ и исполнительнымъ; „проектъ" зоздаетъ новую должность — совѣтника по хозяйственной части, — который оказывается настоящей исполнительной властью. О немъ читаемъ:

Ст. 44: Непосредственное завѣдываніе хозяйственной частью въ университетѣ, подъ общимъ руководствомъ сената и ректора, принадлежитъ совѣтнику по хозяйственной части, назначаемому изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Итакъ, „совѣтникъ" назначается министромъ, слѣдовательно подчиненъ послѣднему, но дѣйствуетъ подъ руководствомъ ректора и сената. Ректоръ же въ свою очередь есть предсѣдатель какъ сената, такъ и правленія; слѣдовательно, совѣтнику придется получать инструкціи какъ отъ сената, такъ и отъ правленія, въ которомъ онъ же засѣдаетъ, и отчитываться передъ министерствомъ. Каково же будетъ положеніе совѣтника въ случаѣ несогласія между сенатомъ и правленіемъ?

Въ „проектѣ" сдѣлана попытка разграничить кругъ дѣйствій

правленія и сената. На долю правленія оставлены слѣдующія функціи:

Ст. 76: Надворъ за производствомъ ремонта (2-й пунктъ). Надзоръ за содержаніемъ университетскихъ помѣщеній въ надлежащемъ порядкѣ (3-й пунктъ). Дѣла по завѣдыванію нижними служителями (4-й пунктъ). Наблюденіе за своевременнымъ выполненіемъ лежащихъ на университетѣ общественныхъ и государственныхъ повинностей (7-й пунктъ).—Очевидно, что для такихъ функцій не стоило сохранять самостоятельнаго правленія, и что здѣсь повторенъ тотъ же пріемъ, что и съ совѣтомъ: правленіе номинально сохранено, но вся власть переходитъ къ сенату.

Бросивъ общій взглядъ на организацію университета, какъ она намѣчена въ „проектѣ“, невольно поражаешься громоздкостью и безформенностью того многоэтажнаго зданія, въ которое предполагается превратить русскій университетъ. По проекту предположено имѣть:

1) Факультетъ; 2) совѣтъ; 3) сенатъ; 4) правленіе; 5) дисциплинарный судъ; 6) инспекцію.

Вновь создаются должности:

1) Помощникъ ректора (до сихъ поръ таковой былъ только въ Москвѣ, въ виду большого численнаго состава студенчества). 2) Юрисконсультъ или синдикъ. 3) Совѣтникъ по хозяйственной части. 4) Помощникъ университетскаго секретаря, инженеръ и проч.

Синдикъ, исполняющій въ германскомъ университетѣ роль судьи, по „проекту“ лишенъ этой функціи. О немъ читаемъ:

Ст. 46: При университетѣ состоитъ юрисконсультъ, на коего возлагается веденіе судебныхъ дѣлъ университета, а также составленіе заключеній по всѣмъ дѣламъ, передаваемымъ на его обсужденіе ректоромъ, сенатомъ или правленіемъ университета. Юрисконсультъ избирается сенатомъ университета изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

Большинство университетовъ никогда не имѣло никакихъ судебныхъ дѣлъ; а еслибы таковыя имѣлись, то, вѣроятно, достаточно будетъ силъ цѣлаго юридическаго факультета, и наврядъ ли еще потребуется помощь спеціальнаго университетскаго адвоката.

Въ германскомъ университетѣ синдикъ, прежде всего, университетскій судья, что̀ и составляетъ его главную функцію; по „проекту“ же министерства синдикъ лишенъ этой функціи, благодаря чему его должность принимаетъ характеръ синекуры.

Въ „проектѣ“ министерства всѣ основныя стороны универ-

ситетской жизни многократно перепутаны между собой, каждая отрасль различными своими сторонами входитъ въ кругъ вѣдомствъ различныхъ органовъ, вслѣдствіе чего трудно представить себѣ, въ случаѣ осуществленія „проекта", возможность правильнаго и гладкаго хода дѣлъ.

Составители „проекта" имѣли передъ собою два типа организаціи университетскаго строя: одинъ—германскій, гдѣ факультету предоставлена учебная автономія, а всѣ остальныя функціи сосредоточены въ рукахъ сената. Другой—типъ русскаго университета 63-го года. Въ немъ сенатъ замѣненъ двумя учрежденіями—правленіемъ и совѣтомъ, при чемъ первое представляетъ правительство университета, а второй—парламентъ. Несмотря на коренныя измѣненія, внесенныя уставомъ 84-го года въ жизнь университета, послѣдній все же сохранилъ этотъ типъ. Составители же „проекта" предприняли попытку соединить оба типа университетовъ—германскій и русскій, и въ результатѣ получилась вавилонская башня.

Кромѣ явной безпринципности „проекта" и крайней сложности механизма, при которой немыслимо правильное функціонированіе университета, составителями „проекта" упущено изъ вида одно крайне важное обстоятельство, а именно: физическая невозможность для одного лица совмѣстить ту массу обязанностей и функцій, какія созданы „проектомъ".

Мы имѣемъ въ виду тѣхъ профессоровъ, которые войдутъ въ составъ сената. Имъ придется участвовать въ работахъ факультета, совѣта, сената, быть можетъ въ дисциплинарномъ судѣ. Останется ли у нихъ время для научныхъ занятій? Положеніе декановъ будетъ еще затруднительнѣе: имъ придется предсѣдательствовать въ факультетѣ и участвовать въ совѣтѣ, сенатѣ и правленіи. Наврядъ ли деканство будетъ возможно для профессора, при каѳедрѣ котораго имѣется клиника, лабораторія или кабинетъ, и вообще какія-либо практическія занятія съ студентами. О научной дѣятельности декану нечего будетъ и думать.

Позволительно задать себѣ вопросъ, нужна ли вообще такая детальная регламентація, такая претензія предусмотрѣть всѣ возможныя, частныя явленія университетской жизни? На этотъ вопросъ насъ наводятъ статуты германскихъ университетовъ, гдѣ мы напрасно будемъ искать подробный перечень дѣлъ, подвѣдомственныхъ факультету и сенату. Такъ, въ статутахъ берлинскаго университета, въ статьѣ 19-й читаемъ: „занятія ректора и сената; сенатъ, подъ руководствомъ ректора, имѣетъ внутреннее веденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, сносится съ министерствомъ, и

въ серьезныхъ случаяхъ имѣетъ дисциплинарную судебную власть надъ учащимися. Ст. 42 говоритъ объ участіи ректора въ судебной функціи; ст. 43—о его полномочіяхъ въ экстренныхъ случаяхъ.

Такъ же кратко формулировано въ статутахъ медицинскаго факультета право послѣдняго рѣшать самостоятельно всѣ дѣла, касавшіяся преподаванія, и право декана обращаться съ докладами въ министерство, помимо сената.

Очевидно, что истинная автономія дѣлаетъ излишнимъ всякую регламентацію и тѣ сотни статей о различныхъ, детальныхъ вопросахъ, которые наполняютъ „проектъ" нашего министерскаго устава.

III.

Ознакомившись съ общею конструкціею „проекта", посмотримъ, насколько возвѣщенная правительственнымъ сообщеніемъ отъ 26-го августа и временными правилами университетская автономія осуществлена въ наиболѣе важныхъ вопросахъ университетскаго строя.

Выборное начало профессуры стало уже въ послѣдніе три года совершившимся фактомъ и закрѣплено временными правилами. Оказывается однакожъ, что „проектъ" дѣлаетъ шагъ назадъ и предлагаетъ такую постановку выборовъ, которая въ смыслѣ автономіи уступаетъ уставу 63-го года. По этому уставу факультеты выбирали кандидатовъ на свободную каѳедру; эти кандидаты подвергались вновь баллотировкѣ въ совѣтѣ, и получившій наибольшее число шаровъ представлялся на утвержденіе министерства. Такой же модусъ установился въ университетахъ со времени министерства Боголѣпова. По „проекту" же, кандидаты, избранные факультетомъ, представляются въ министерство. Ст. 141 говоритъ: министръ народнаго просвѣщенія утверждаетъ одного изъ представленныхъ факультетомъ кандидатовъ; въ противномъ же случаѣ (т.-е. когда онъ не утверждаетъ ни одного изъ кандидатовъ), возвращаетъ дѣло въ факультетъ для новаго производства. Итакъ, министръ можетъ вовсе не утвердить кандидатовъ факультета, и если вакансія не будетъ замѣщена въ теченіе года,—что̀ легко можетъ случиться и не по винѣ факультета,—министръ назначаетъ профессора.

Въ сущности, между этой редакціей и уставомъ 84-го года разница весьма незначительная. Тамъ, въ уставѣ 84-го года, ст. 100, читаемъ: при открывшейся вакансіи министръ или за-

мѣщаетъ ее самъ... или предоставляетъ университету избрать кандидата. По новому же „проекту"—наоборотъ: „или факультетъ избираетъ кандидатовъ, или министръ назначаетъ".

Какъ извѣстно, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, примѣнялась только первая половина этой статьи, до выборовъ не доходило; желательно поэтому, чтобы въ будущемъ уставѣ не было никакихъ „или". Право выбора между факультетскими кандидатами, принадлежавшее по уставу 63 и 84-го года совѣту, теперь отнято у послѣдняго и передано министерству, что составляетъ уже крупный шагъ назадъ. Возникаетъ также вопросъ, что будетъ въ томъ случаѣ, когда въ факультетѣ только одинъ кандидатъ получитъ большинство голосовъ? Не будетъ ли это поводомъ къ неутвержденію министерствомъ такого кандидата? Въ „проектѣ" мы не находимъ ст. 77 и 81 устава 63-го года, гдѣ говорится, что профессоръ можетъ быть уволенъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ онъ получилъ это званіе. Эти пункты гарантировали профессорамъ административную независимость, такъ какъ они не могли быть уволены по одному капризу министерства. Скромное умолчаніе о порядкѣ увольненія профессоровъ въ „проектѣ" даетъ основаніе думать, что право административнаго удаленія профессора отъ службы предполагается сохранить въ прежней силѣ.

Странно какъ-то читать въ „проектѣ" объ инспекціи и о томъ, что для нея совѣтъ вырабатываетъ инструкціи, въ то время какъ еще пять лѣтъ тому назадъ всѣ совѣты русскихъ университетовъ единодушно высказались за уничтоженіе инспекціи. Еще страннѣе видѣть попытку возстановить въ университетѣ инспекцію, послѣ „временныхъ правилъ", первымъ послѣдствіемъ которыхъ было повсемѣстное уничтоженіе инспекціи. Очевидно, составители „проекта" не считали себя нисколько связанными съ духомъ „временныхъ правилъ". Инспекція уже потому совершенно несовмѣстима съ автономіею университета, что инспекція есть учрежденіе, находящееся подъ контролемъ другого вѣдомства, съ которымъ сносится помимо непосредственнаго начальства университета, т.-е. ректора.

Точно также „проектъ" дѣлаетъ шагъ назадъ въ вопросѣ о допущеніи такъ называемыхъ вольнослушателей въ университетъ. Даже уставъ 84-го года (ст. 90) не требовалъ отъ вольнослушателей никакого учебнаго ценза,—по „проекту" же отъ желающаго быть вольнослушателемъ требуется „окончаніе курса мужскихъ среднихъ заведеній или свидѣтельство о выдержаніи соотвѣтственныхъ испытаній". Таковъ отвѣтъ „проекта" на общее

требованіе всѣхъ университетовъ расширенія сферы дѣятельности послѣднихъ и облегченія доступа постороннимъ лицамъ въ университетъ.

Итакъ, послѣ того, какъ министерство обращалось къ содѣйствію совѣтовъ въ выработкѣ университетскаго устава, вызвало делегатовъ отъ него и признало необходимымъ даровать ему въ „временныхъ правилахъ" полную автономію и широкую инаціативу,—нынѣ „проектъ" новаго устава совершенно игнорируетъ мнѣніе совѣтовъ, и предлагаетъ возстановить то, что уже фактически уничтожено совѣтами.

Чтеніе нѣкоторыхъ спеціальныхъ статей „проекта" открываетъ слѣды недодѣланности. Такъ, по „проекту", на всѣхъ факультетахъ требуется степень магистра для полученія званія экстраординарнаго профессора и степень доктора для ординатуры. Это предполагаетъ созданіе и на медицинскомъ факультетѣ двухъ новыхъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. Но тогда нужно же, во-первыхъ, выяснить группировку предметовъ, по которымъ эти степени будутъ даваться. Такая группировка уже давно сдѣлана въ ходатайствахъ медицинскихъ факультетовъ, и „проектъ" имѣлъ возможность редактировать ее.

Самое большое затрудненіе, однако, въ томъ, какъ быть съ тѣми лицами, которыя уже имѣютъ степень доктора медицины? Будетъ ли на нихъ распространено требованіе магистерской степени для полученія званія приватъ-доцента? Требовать ли отъ лицъ, имѣющихъ уже званіе приватъ-доцента, ученой степени магистра или доктора для полученія профессуры?

„Проектъ" значительно увеличиваетъ число каѳедръ на медицинскомъ факультетѣ—съ 22-хъ число ихъ должно возрости до 33-хъ, причемъ проектируется семь новыхъ профессуръ и четыре штатныхъ доцентуры. Всѣ проектированныя новыя каѳедры составлены изъ отдѣловъ, входившихъ въ составъ прежнихъ каѳедръ. Нѣкоторыя изъ новыхъ каѳедръ отданы крупнымъ отдѣламъ, вполнѣ заслуживающимъ выдѣленія въ самостоятельное цѣлое,—таковы, напримѣръ, отдѣлъ нервныхъ болѣзней, отдѣлъ, обнимающій горловыя, ушныя и носовыя болѣзни. Зато нельзя сказать того же о проектированной каѳедрѣ зубныхъ болѣзней, о каѳедрѣ малой хирургіи, о каѳедрѣ общей терапіи, о каѳедрѣ медицинской физики и др. Медицинскій факультетъ у насъ и безъ того страдаетъ избыткомъ отдѣльныхъ каѳедръ, изъ которыхъ нѣкоторыя совершенно потеряли свой смыслъ,—напримѣръ, каѳедра частной патологіи, т.-е., теоретическое по книжкѣ, описаніе болѣзней. Если мы сравнимъ составъ нашихъ медицин-

скихъ факультетовъ съ германскими, то мы увидимъ, что даже въ такихъ крупныхъ университетахъ какъ Берлинъ и Лейпцигъ, число каѳедръ меньше, чѣмъ у насъ было до сихъ поръ, до предположенной прибавки новыхъ 11-ти каѳедръ. На берлинскомъ медицинскомъ факультетѣ въ 1898 году состояло 15 ординарныхъ профессоровъ, то-есть 15 каѳедръ. Сверхъ того, имѣлось извѣстное число профессоровъ безъ каѳедръ. Въ Германіи каѳедра часто обнимаетъ, особенно на медицинскомъ факультетѣ, цѣлую группу родственныхъ или взаимно связанныхъ предметовъ. Ординарный профессоръ есть шефъ каѳедры, при немъ могутъ состоять профессора и доценты. Экзаменъ происходитъ не по всѣмъ предметамъ и отдѣламъ, а лишь по основнымъ предметамъ и нѣкоторымъ отдѣламъ. У насъ же давно замѣчается стремленіе раздробить преподаваніе по предметамъ и даже по отдѣламъ. Оттого у насъ такое множество экзаменовъ, какъ нигдѣ, особенно на медицинскомъ факультетѣ.

„Проектъ" какъ будто дѣлаетъ попытку перейти къ германской системѣ. Въ немъ предметы медицинскаго факультета сгруппированы въ 13 группъ, но при этомъ внесена поправка—портящая все,—каждый отдѣлъ или членъ группы представленъ особой каѳедрой и, конечно, будетъ предметомъ особаго экзамена, хотя объ этомъ ничего не сказано въ „проектѣ".

Уставъ 84-го года создалъ одну новую каѳедру, которая въ теченіе 20-ти лѣтъ осталась незамѣщенной ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, это—каѳедра исторіи и энциклопедіи медицины; для нея не оказалось подготовленныхъ спеціалистовъ. Когда же въ одномъ университетѣ нашелся кандидатъ на эту каѳедру, министерство не утвердило ходатайства факультета, признавъ принципіально ненужнымъ замѣщеніе послѣдней. Казалось бы цѣлесообразнымъ уничтожить эту фиктивную каѳедру.

Вопросъ объ организаціи каѳедръ и отношеніи между ними и профессурой заслуживаетъ по своей важности, чтобы на немъ нѣсколько дольше остановиться. Въ западной Европѣ особенно въ Германіи, строго проведенъ принципъ раздѣленія предметовъ на основные и второстепенные. Такъ, въ Германіи нѣтъ особой каѳедры діагностики, которая составляетъ отдѣлъ внутренней клиники и читается кѣмъ-либо изъ ассистентовъ директора клиники, причемъ такой ассистентъ можетъ иногда имѣть званіе профессора. Въ Германіи нѣтъ отдѣльныхъ каѳедръ общей патологіи, оперативной хирургіи, малой хирургіи, хирургической патологіи, медицинской химіи. Всѣ эти отдѣлы читаются по указанію профессора, занимающаго каѳедру, его ассистентами или

приватъ-доцентами. Этимъ путемъ соблюдается пропорціональность въ распредѣленіи времени, которое студентъ удѣляетъ основному предмету и отдѣламъ, и въ то же время сохраняется связь между различными отдѣлами и главнымъ предметомъ.

У насъ со времени устава 84-го года нѣкоторые отдѣлы превратились въ особые предметы, т.-е. стали объектами самостоятельныхъ каѳедръ. Естественно, что профессоръ какого-либо отдѣла,—напримѣръ, физіологической химіи, составляющей въ сущности не болѣе какъ главу изъ физіологіи,—стремится поставить преподаваніе этого отдѣла такъ же широко, какъ и основной предметъ, т.-е. требуетъ отъ факультета и студентовъ столько же часовъ, сколько удѣлено физіологіи, и заводитъ практическія занятія. Этимъ до нельзя расширяется преподаваніе отдѣловъ въ ущербъ основнымъ предметамъ. „Проектъ" идетъ еще дальше въ этомъ направленіи, стремясь превратить многіе мелкіе отдѣлы въ предметы самостоятельныхъ каѳедръ. Корень этого зла лежитъ въ томъ, что всѣ наши прежніе уставы, также какъ и „проектъ", знаютъ только каѳедру, какъ органическую единицу факультета. Профессоръ является лишь представителемъ каѳедры, если онъ штатный, и кандидатомъ, если онъ сверхштатный. Понятіе о профессурѣ, независимой отъ каѳедры, неизвѣстно нашему дѣйствующему уставу. А между тѣмъ эти два понятія уже давно расчленены и обособлены въ заграничныхъ, особенно германскихъ университетахъ. Тамъ это расчлененіе доведено до крайнихъ предѣловъ. Въ Германіи есть немало профессоровъ, и притомъ пользующихся громкой извѣстностью въ наукѣ, которые не живутъ въ университетскихъ городахъ, не были приватъ-доцентами и работаютъ въ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: больницахъ, лабораторіяхъ, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, химическихъ институтахъ и т. п. Профессора эти читаютъ по своему усмотрѣнію, въ избираемое ими по своему желанію время, частные курсы для врачей, учителей, разнаго рода спеціалистовъ, а также разнобразные публичные курсы.

Профессура въ этихъ случаяхъ является почетнымъ титуломъ, признаніемъ научнаго авторитета, но не связана съ государственной службой. Нерѣдко это—лица, не пожелавшія промѣнять свою частную дѣятельность въ насиженномъ мѣстѣ на штатную профессуру.

Широкое развитіе такого рода профессуры возможно, конечно, лишь при избыткѣ научныхъ силъ,—что̀ имѣетъ мѣсто въ Германіи,—но нельзя, однакоже, отрицать, что и у насъ уже

имѣются элементы для зарожденія такого института частной профессуры, который несомнѣнно способствовалъ бы болѣе широкому распространенію какъ спеціальныхъ знаній, такъ и общаго образованія.

Въ германскихъ университетахъ, какъ и у насъ, на каждомъ факультетѣ имѣется опредѣленное число штатныхъ каѳедръ. Но въ то время, какъ у насъ число это для всѣхъ университетовъ одинаковое, въ Германіи въ различныхъ университетахъ, живущихъ каждый по своимъ особымъ статутамъ, находимъ различіе и въ числѣ, и въ предметахъ основныхъ, связанныхъ съ ординатурой, каѳедръ. Каждому университету предоставляется по его усмотрѣнію создавать еще и сверхштатныя каѳедры. Этимъ отдѣленіемъ основныхъ предметовъ, обязательныхъ отъ необязательныхъ, значительно упрощается и облегчается преподаваніе,— и, конечно, выигрываютъ основные предметы.

Нельзя не упомянуть, что число штатныхъ каѳедръ и обязательныхъ предметовъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ, уже по уставу 84-го года, значительно превосходитъ число основныхъ и обязательныхъ предметовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, чѣмъ обусловлено загроможденіе преподаванія. Страдаютъ основные предметы, а экзамены, по своей непомѣрной многочисленности, невольно теряютъ въ серьезности. Желательно было бы у насъ усвоить точку зрѣнія германскихъ университетовъ— весьма строгое отношеніе къ основнымъ предметамъ и широкій просторъ для преподаванія необязательныхъ, дополнительныхъ предметовъ.

Въ Германіи какъ университеты, такъ и министерство поощряютъ учрежденіе сверхштатныхъ каѳедръ и развитіе частной профессуры.

Въ Германіи имѣется, впрочемъ, одинъ, внѣ университета и даже внѣ министерства лежащій, источникъ инициативы въ дѣлѣ учрежденія частныхъ каѳедръ. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ прусскомъ парламентѣ, однимъ изъ его членовъ поднятъ былъ вопросъ о необходимости борьбы съ знахарствомъ путемъ созданія каѳедръ по физическимъ методамъ леченія— водой и массажемъ. Парламентъ принялъ предложеніе своего члена, ассигновалъ необходимую сумму, и министру народнаго просвѣщенія оставалось лишь снестись съ университетомъ (берлинскимъ) и учредить сверхштатныя каѳедры массажа и гидротерапіи.

IV.

Вопросъ о числѣ каѳедръ и профессуръ можетъ быть лучше всего разрѣшенъ принципомъ факультетской автономіи. Будущій университетскій уставъ долженъ отказаться отъ претензіи, разъ навсегда, регулировать единообразный планъ организаціи факультетскаго преподаванія. Всего разумнѣе держаться германской системы—указать минимумъ тѣхъ предметовъ и тѣхъ основныхъ каѳедръ, какіе необходимы на данномъ факультетѣ. Все остальное—предоставить факультету.

Рядомъ съ такой излишней регламентаціей въ устройствѣ каѳедръ, въ „проектѣ" поражаетъ несоотвѣтствіе между тщательной разработкой всѣхъ формальныхъ, техническихъ вопросовъ управленія и администрированія, съ одной стороны, и игнорированіемъ многихъ жизненныхъ задачъ самаго дѣла преподаванія—съ другой.

Достаточно взглянуть на оглавленіе „проекта", чтобы въ этомъ убѣдиться. Будучи значительно объемистѣе всѣхъ предыдущихъ уставовъ, вдвое больше устава 84-го года, „проектъ" изъ 71-й страницы текста удѣляетъ всего 7 страницъ вопросамъ преподаванія. Остальныя 64 страницы заполнены порядкомъ управленія университетомъ и дѣлопроизводствомъ.

Неудивительно, если въ „проектѣ" оставленъ безъ вниманія вопросъ о способахъ формированія и подготовленія будущихъ кадръ преподавательскаго персонала, не указаны условія оставленія молодыхъ людей при университетѣ, для усовершенствованія и подготовленія къ каѳедрѣ; мы находимъ лишь общее упоминаніе объ ординаторахъ, ассистентахъ, лаборантахъ. Точно также „проектъ" игнорируетъ многократныя заявленія университетовъ о необходимости дать болѣе опредѣленную организацію институту приватъ-доцентовъ.

Остановимся нѣсколько на этихъ вопросахъ.

Въ уставахъ 63-го и 84-го годовъ мы не находимъ точныхъ указаній, какимъ путемъ комплектуется этотъ контингентъ лицъ, разсадникъ будущихъ преподавателей. Въ уставѣ 84-го года читаемъ: „студенту, успѣшно окончившему полный университетскій курсъ, могутъ, по ходатайству собранія факультета, быть предоставлены способы для приготовленія къ ученой степени".

На практикѣ выработался слѣдующій модусъ: профессоръ рекомендуетъ факультету лицо, которое послѣ баллотировки,

имѣющей чисто формальное значеніе, дѣлается стипендіатомъ, ординаторомъ клиники, лаборантомъ и т. п.

На факультетахъ съ малымъ числомъ студентовъ, на физико-математическомъ и историко-филологическомъ, гдѣ профессоръ знаетъ всю свою аудиторію, и гдѣ наклонность къ извѣстной спеціальности можетъ обнаружиться уже на студенческой скамьѣ, такой способъ избранія будущихъ молодыхъ ученыхъ можетъ давать вполнѣ удовлетворительные результаты.

Не то на факультетахъ юридическомъ и, особенно, медицинскомъ, гдѣ профессоръ мало знаетъ свою аудиторію, и гдѣ наиболѣе серьезные студенты не избираютъ себѣ спеціальнаго отдѣла до окончанія университета. Въ нашей императорской военно-медицинской академіи существуетъ конкурсъ для такъ называемыхъ институтскихъ врачей, т.-е. оставляемыхъ при академіи; къ конкурсу допускаются лица, окончившія по 1-му разряду. Изъ оставленныхъ по конкурсу формируются ординаторы, будущіе ассистенты и проч...

Система конкурсовъ практикуется тоже во французскихъ университетахъ для интерновъ, ассистентовъ и проч. Представляется весьма желательнымъ введеніе конкурсовъ и въ нашихъ университетахъ для всей этой группы лицъ, особенно же для стипендіатовъ, оставленныхъ съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію.

Приватъ-доцентура нуждается въ урегулированіи во многихъ отношеніяхъ. По прямому смыслу устава 84-го года, не требуется согласіе факультета для того, чтобы получить званіе приватъ-доцента. Въ случаѣ несогласія факультета, читаемъ (ст. 110): „ищущій права преподаванія можетъ обратиться къ попечителю, который... представляетъ дѣло съ своимъ заключеніемъ г. министру народнаго просвѣщенія". Аспирантъ можетъ, слѣдовательно, быть забракованнымъ факультетомъ и все-таки попасть въ число приватъ-доцентовъ.

Остается до сего дня невыясненнымъ, должна ли приватъ-доцентура обязательно обнимать весь предметъ каѳедры,—напримѣръ, акушерство и гинекологію, нервныя и душевныя болѣзни,—или можно доцентировать по одному отдѣлу каѳедры? Этотъ вопросъ разрѣшается различно не только въ разныхъ университетахъ, но въ одномъ и томъ же факультетѣ, въ разныхъ случаяхъ.

Были случаи отказа факультетомъ искавшему этого званія, на томъ основаніи, что аспирантъ, держась формы устава, указывалъ предметъ каѳедры; факультетъ же считалъ возможнымъ

дать этому лицу приватъ-доцентуру лишь по одному отдѣлу, и, затрудняясь сдѣлать это, отклонялъ ходатайство. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, факультетъ дробилъ приватъ-доцентуру до крайнихъ предѣловъ, допуская, напримѣръ, приватъ-доцентуру по электротерапіи.

Факультетъ, разсматривающій самъ или черезъ избранную имъ изъ своихъ членовъ коммиссію научные труды лица, ищущаго званія приватъ-доцента, не знаетъ, должна ли искомая приватъ-доцентура строго ограничиться той спеціальной областью, къ которой относятся труды аспиранта. Этимъ объясняются такіе курьёзы, что тема главной работы иного аспиранта, его докторской диссертаціи, можетъ относиться къ гистологіи, а данное лицо дѣлается приватъ-доцентомъ по внутренней клиникѣ или психіатріи. Есть приватъ-доценты по акушерству, которыхъ диссертаціи относятся къ фармакологіи. Впослѣдствіи отсюда вытекаютъ такіе казусы, что одно и то же лицо выступаетъ одновременно кандидатомъ на нѣсколько каѳедръ,—напримѣръ, на хирургію и дѣтскія болѣзни.

Преподавательская дѣятельность приватъ-доцентовъ слишкомъ обособлена отъ факультетовъ. Такъ, неизвѣстно, имѣетъ ли факультетъ право рекомендовать приватъ-доценту чтеніе того или другого необязательнаго курса, имѣетъ ли приватъ-доцентъ право съ первыхъ дней своей дѣятельности открывать параллельные, т.-е. полные курсы, и имѣетъ ли право такой приватъ-доцентъ ассистировать на экзаменѣ по предмету, имъ читаемому. Особенно важно было бы выяснить, имѣетъ ли право приватъ-доцентъ пользоваться учебно-вспомогательными средствами той каѳедры, при которой онъ состоитъ. У насъ на практикѣ установился такой взглядъ, что доступъ къ пользованію этими средствами всецѣло зависитъ отъ штатнаго преподавателя каѳедры.

Этотъ пунктъ заслуживаетъ особаго вниманія. Ибо если приватъ-доцентъ есть лицо, признанное факультетомъ въ будущемъ достойнымъ профессорской дѣятельности, то въ извѣстной мѣрѣ, конечно, по соглашенію съ представителемъ каѳедры, приватъ-доценту долженъ быть открытъ доступъ къ пользованію учебными средствами и матеріаломъ каѳедры. Факультету должно быть вмѣнено въ обязанность взять на себя роль посредника между штатнымъ преподавателемъ и приватъ-доцентомъ. Послѣдній въ настоящее время не обязанъ представлять факультету никакихъ свѣдѣній о своей преподавательской дѣятельности, и въ отчетахъ университетовъ мы иногда не находимъ даже упоминанія о приватъ-доцентахъ. Эта сомнительная привилегія

должна быть уничтожена. Отъ приватъ-доцента нужно требовать, какъ и отъ профессоровъ, ежегоднаго отчета объ ихъ курсахъ, практическихъ занятіяхъ и научныхъ трудахъ.

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, по основнымъ каѳедрамъ медицинскаго факультета, напр. по клиникамъ, т.-е. по наиболѣе богато обставленнымъ учебными средствами, нѣтъ ни одной приватъ-доцентуры, въ то время какъ по другимъ каѳедрамъ, обладающимъ ничтожными учебными средствами, имѣется по нѣскольку приватъ-доцентовъ. Въ германскихъ университетахъ факультету предоставлено право, при заявленіи кѣмъ-либо желанія получить приватъ-доцентуру, высказаться принципіально, нужна ли таковая или нѣтъ.

Раціональнымъ представляется расширеніе средствъ факультета на поддержаніе приватъ-доцентуры и предоставленіе факультетамъ права создавать рекомендованные частные, не всегда обязательные для студентовъ, курсы съ особымъ вознагражденіемъ того приватъ-доцента, которому факультетъ поручитъ этотъ курсъ. Рекомендованные курсы могутъ по усмотрѣнію мѣняться, причемъ, разумѣется, должны мѣняться или чередоваться приватъ-доценты. Этимъ будетъ данъ сильный толчокъ развитію приватъ-доцентуры, и въ то же время достигнуто будетъ расширеніе и улучшеніе преподаванія.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что поднятіе дѣла преподаванія въ нашихъ университетахъ и повышеніе научнаго уровня преподавательскихъ силъ не можетъ быть достигнуто одной реформой системы укомплектованія наличнаго состава профессуры и въ частности однимъ введеніемъ выборнаго начала. Необходимо еще позаботиться создать условія, благопріятствующія привлеченію лучшихъ силъ молодежи къ научной преподавательской карьерѣ. Слѣдуетъ позаботиться о первой категоріи лицъ, о педагогической молодежи, а также объ улучшеніи института приватъ-доцентовъ. Когда у насъ будетъ много дѣльныхъ приватъ-доцентовъ, тогда самый вопросъ о профессурѣ легче разрѣшится.

Наиболѣе надежнымъ средствомъ поднять уровень приватъ-доцентуры на медицинскомъ факультетѣ служило бы осуществленіе давнишняго ходатайства нашихъ университетовъ о созданіи ученой степени доктора по основнымъ, спеціальнымъ группамъ медицинскихъ предметовъ. Таковы: 1) анатомія и физіологія; 2) внутренняя клиника; 3) хирургія; 4) акушерство; 5) глазныя болѣзни; 6) накожныя болѣзни и сифилисъ; 7) нервныя и душевныя болѣзни; 9 — 10) Общественная

медицина. Къ званію приватъ-доцента могли бы быть допускаемы лица, выдержавшія экзаменъ на званіе доктора,—докторанты, а къ конкурсу на каѳедру—лица, уже защитившія диссертацію на степень доктора той или другой спеціальной группы предметовъ.

V.

Состояніе преподаванія и въ нашихъ университетахъ страдаетъ многими крупными недостатками. Бросается прежде всего въ глаза крайняя недостаточность времени, удѣляемаго на преподаваніе.

Фактически лекціи начинаются зимой, въ концѣ января, прерываются на недѣлю масляницы и обрываются на шестой недѣлѣ великаго поста. Послѣ Пасхи уже идетъ зачетъ, отпуски даются щедрой рукой, и въ началѣ мая лекціи уже почти не посѣщаются. Осенью занятія начинаются съ половины сентября и заканчиваются въ началѣ декабря. При самомъ строгомъ подсчетѣ получится не болѣе пяти съ половиною лекціонныхъ мѣсяцевъ. Время это еще болѣе сокращается вслѣдствіе органической болѣзни русской жизни — большого числа прогульныхъ, праздничныхъ и табельныхъ, дней.

Введеніе семестральной системы, созданіе новой единицы—семестра или фиктивнаго полугодія, въ значительной мѣрѣ способствовало еще большему сокращенію лекціоннаго періода. Студентъ, получившій въ апрѣлѣ или въ началѣ декабря зачетъ, превратившійся въ пустую формальность, считаетъ уже полугодіе фактически законченнымъ. Дневная продолжительность лекціоннаго времени также слишкомъ коротка. Лекціи начинаются у насъ независимо отъ времени года, съ 9-ти часовъ утра. Послѣ трехъ часовъ—или почти, или совсѣмъ нѣтъ профессорскихъ лекцій; эти такъ называемые вечерніе часы достаются доцентамъ.

Въ германскихъ университетахъ лекціи начинаются въ семь часовъ утра, и тамъ можно видѣть маститаго профессора, читающаго лекцію въ 5—6 часовъ вечера.

Въ германскихъ университетахъ преподаваніе ведется по семестральной системѣ. Первый семестръ, осенній, начинается между 15 и 20 октября и заканчивается между 20 и 25 марта, т.-е. длится пять мѣсяцевъ. Съ 20-го марта по 15-е апрѣля идутъ весеннія каникулы, въ дѣйствительности съ мѣсяцъ. Второй семестръ начинается 15-го апрѣля и продолжается по

20-е августа, т.-е. длится четыре мѣсяца. Осеннія каникулы тянутся съ 20-го августа по 20-е октября—два мѣсяца. Нѣмецкій студентъ, стало быть, имѣетъ девять лекціонныхъ мѣсяцевъ и три каникулярныхъ. Если даже принять, что нѣмецкій студентъ теряетъ по одной недѣлѣ въ началѣ и въ концѣ каждаго семестра, то все же онъ получаетъ восемь полныхъ лекціонныхъ мѣсяцевъ. Зато Пасха почти всегда въ Германіи выпадаетъ на время весеннихъ каникулъ, у насъ же она даетъ, вмѣстѣ съ Страстной и отчасти съ Ѳоминой, двухъ- и трехъ-недѣльный перерывъ занятій. Принявъ во вниманіе большое у насъ количество прогульныхъ дней, можно считать, что русскій студентъ получаетъ въ теченіе академическаго года почти вдвое меньшее число лекціонныхъ часовъ, въ сравненіи съ германскимъ студентомъ.

О вредномъ вліяніи краткосрочности лекціоннаго періода на успѣшность университетскихъ занятій нѣтъ надобности распространяться. Зато не лишне указать другую, быть можетъ, не менѣе важную сторону. Нашъ студентъ, особенно на словесныхъ факультетахъ,—напримѣръ, на юридическомъ,—является подчасъ лишь гостемъ въ стѣнахъ университета и даже въ университетскомъ городѣ. Студентъ, находящійся въ отпуску съ апрѣля по сентябрь, покидающій университетскій городъ съ начала декабря по конецъ января, не можетъ считаться питомцемъ университета. Онъ не можетъ органически сростись съ жизнью университета; его кратковременное пребываніе въ стѣнахъ университета, прерываемое непомѣрно длинными каникулами, рѣдкое общеніе съ аудиторіею, профессорами и товарищами, составляетъ серьезную помѣху тому, чтобы университетъ могъ оказать на студента то умственное и моральное воспитательное дѣйствіе, которое студентъ вправѣ ожидать и долженъ получить въ стѣнахъ университета.

Старый, но вѣчно юный вопросъ о возрожденіи упавшаго научнаго и моральнаго авторитета университета, о поднятіи послѣдняго на ту должную высоту, на которой ему подобаетъ стоять, какъ органу высшаго воспитанія молодежи, вновь выдвинутъ жизнью на очередь. Это, однакожъ, составляетъ одну половину дѣлъ. Другая половина заключается въ томъ, чтобы приблизить студента къ университету, чтобы юноша, оставляя стѣны университета, не только вынесъ оттуда опредѣленную сумму знанія, но вышелъ бы „университетскимъ человѣкомъ“.

Разумѣется, цѣль эта не можетъ быть достигнута однимъ механическимъ прикрѣпленіемъ студента къ аудиторіи, однимъ удлиненіемъ лекціоннаго времени или увеличенія практическихъ

занятій и тому подобныхъ мѣръ. Все же должно обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и по возможности увеличить продолжительность учебнаго времени въ университетахъ. Тутъ мы наталкиваемся на одно парадоксальное явленіе—на одинаковое распредѣленіе періодовъ учебныхъ и каникулярныхъ во всѣхъ нашихъ университетахъ. Въ Томскѣ и Варшавѣ, въ Петербургѣ и Одессѣ, несмотря на громадное различіе климатическихъ и бытовыхъ условій, какъ бы по звонку, въ одинъ и тотъ же день и часъ раскрываются двери университетовъ, начинаются занятія; въ одинъ и тотъ же день всѣ университеты закрываются, наступаютъ каникулы.

Казалось бы, гораздо цѣлесообразнѣе дѣлать перерывъ занятій въ Томскѣ на два наиболѣе суровые зимніе мѣсяцы; въ Петербургѣ занятія могли бы продолжаться бо́льшую часть лѣтняго времени, а для каникулъ можно было бы выбрать наиболѣе тяжелые для здоровья осенніе и весенніе мѣсяцы.

Единообразіе учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ въ западной Европѣ не можетъ намъ служить примѣромъ. Тамъ, гдѣ все государство сжато на небольшой территоріи, гдѣ на всемъ протяженіи страны имѣются почти одинаковыя климатическія условія, такое единообразіе вполнѣ понятно. У насъ же оно является продуктомъ подражанія, не подвергнутаго разумной критикѣ. Кажущіяся практическія неудобства, могущія произойти отъ такого несовпаденія учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ въ разныхъ университетахъ, легко могутъ быть устранены возстановленіемъ годичныхъ курсовыхъ экзаменовъ, пріуроченныхъ всюду къ одному сроку.

На этомъ вопросѣ можно рельефно видѣть вредныя послѣдствія, какія вытекаютъ для университетской жизни отъ излишняго стремленія къ единообразію условій, складывающихся различно въ жизни отдѣльныхъ университетовъ.

Недостаточность времени, удѣляемаго въ университетахъ, на чтеніе лекцій и излишняя регламентація преподаванія составляютъ, безспорно, двѣ важныя причины неполноты учебной функціи университета. Наше университетское преподаваніе страдаетъ, сверхъ того, еще однимъ крупнымъ недугомъ—отсталостью, какъ общеобразовательный и воспитательный о́рганъ.

Русскіе университеты давно уже перестали быть, въ области гуманитарныхъ наукъ, единственнымъ или главнымъ источникомъ просвѣщенія для университетской молодежи.

Науки, имѣющія дѣло съ природою человѣка,—антропологія, психологія и соціологія—послѣднее время находятся въ состояніи

сильнаго движенія. Народилась и получила огромное значеніе молодая наука — антропологія. Ученіе о человѣческомъ общежитіи, соціологія, привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время многія силы западно-европейской науки. Можно безъ преувеличенія сказать, что самой характерной чертой современнаго умственнаго настроенія вездѣ и всюду составляетъ возрастающій интересъ ко всѣмъ тѣмъ отраслямъ знанія, которыя имѣютъ отношеніе къ личности человѣка, къ его природѣ и къ условіямъ его общественнаго существованія.

Антропологія есть тотъ мостъ, съ помощью котораго совершается на нашихъ глазахъ сближеніе между философскими, историческими и соціальными науками, съ одной стороны, и естествознаніемъ—съ другой. Въ Европѣ мы находимъ уже во многихъ университетахъ каѳедры антропологіи, антропологическіе музеи и лабораторіи.

Психологія въ большей части германскихъ университетовъ преподается уже не какъ теоретическая наука, а какъ отрасль естествознанія. Не только Берлинъ, Лейпцигъ, Вюрцбургъ, но и такіе маленькіе университеты, какъ Гиссенъ, обладаютъ психологическими лабораторіями. Въ Лейпцигѣ каѳедра философіи и психологіи занята бывшимъ врачомъ—Вундтомъ, который въ молодости читалъ физіологію. Производимыя студентами въ его лабораторіи экспериментальныя работы принимаются факультетомъ какъ диссертаціи по философіи. Кромѣ догматической философіи, Вундтъ читаетъ въ разное время этику, ученіе о языкѣ, миѳологію, словомъ—различные отдѣлы психологической антропологіи.

Педагогика занимаетъ видное мѣсто въ нѣмецкихъ университетахъ,—у насъ же она почти не существуетъ. Это неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока самый фундаментъ педагогики, а именно естественно-научная психологія, не получитъ въ нашихъ университетахъ права гражданства. Если принять во вниманіе, что кадры нашего педагогическаго персонала средне-учебныхъ заведеній формируются въ университетѣ, то станетъ ясно, какъ должна страдать наша средняя школа отъ такого пренебреженія педагогикой и опытной психологіей въ нашихъ университетахъ.

Всего больше выдѣляется неполнота нашего университетскаго преподаванія въ области общественныхъ наукъ. Современная политическая экономія включаетъ въ свои рамки ученіе о государственной финансовой политикѣ, рабочій вопросъ, ученіе о народномъ хозяйствѣ и т. п. У насъ же всестороннее изложеніе всѣхъ этихъ вопросовъ съ каѳедры встрѣчало нѣкоторыя препятствія.

Большая полнота преподаванія въ германскихъ университетахъ обусловлена, конечно, прежде всего свободою науки и той тѣсной связью, которая вообще наблюдается въ Германіи между наукой и жизнью. Сверхъ того, имѣются еще нѣкоторыя спеціальныя причины, обусловливающія полноту преподаванія. Одной изъ этихъ причинъ является обычай, въ силу котораго почти каждый профессоръ считаетъ своимъ долгомъ отъ поры до времени прочесть публичный курсъ на тему общеобразовательнаго характера. Во-вторыхъ, германскіе доценты также считаютъ своей обязанностью дополнять преподаваніе профессора чтеніемъ различныхъ, какъ спеціальныхъ, такъ и общеобразовательныхъ курсовъ. Наконецъ, въ германскихъ университетахъ имѣется немало сверхштатныхъ профессоровъ, которые не несутъ никакихъ обязанностей по преподаванію и читаютъ какъ спеціальные курсы для молодыхъ ученыхъ, такъ и общеобразовательные курсы для широкихъ круговъ студенчества.

Чтобы дать понятіе о широкихъ рамкахъ преподаванія въ германскихъ университетахъ, обратимся къ лейпцигскому университету. Тамъ въ теченіе лѣтняго семестра 1903 года, кромѣ учебныхъ курсовъ, были читаны слѣдующіе:

1) Психологическія основы эстетики. (Прив.-доц. Вирдъ.)
2) Естественно-научная основа философіи. (Пр.-доц. Брагнъ.)
3) Психологическій экспериментъ. (Тотъ же.)
4) Педагогика въ народной школѣ. (Прив.-доц. д-ръ Ланге.)
5) Родина индо-германской расы. (Проф. Штейндорфъ.)
6) Дикіе народы Америки. (Проф. Вейле.)
7) Исторія орудій труда. (Тотъ же.)
8) Исторія соціальныхъ ученій. (Проф. Керстъ.)
9) Политическія партіи. (Проф. Салломонъ.)
10) Нѣмецкая колоніальная политика. (Проф. Гассе.)
11) Основа соціальной политики. (Проф. Эйленбургъ.)
12) Народное право. (Проф. Прикеръ.)
13) Научная основа ландшафта. (Проф. Ратцель.)
14) Исторія пластики. (Проф. Студинскій.)
15) Исторія стиля. (Проф. Шрейберъ.)
16) Выдающіяся музыкальные произведенія на тему о Фаустѣ. (Проф. Прикеръ.)
17) Основа краснорѣчія и речитатива. (Прив.-доц. Зейдель.)
18) Практическая работа по музыкѣ, выработкѣ голоса и рѣчи (и много другихъ подобныхъ курсовъ).

Германскій студентъ получаетъ въ университетѣ не только сырой матеріалъ для умственнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ

и опредѣленное направленіе, и не имѣетъ поэтому надобности искать внѣ университета другихъ источниковъ для пополненія своего образованія.

Германскій университетъ съ успѣхомъ выполняетъ самую трудную задачу воспитанія, развиваетъ въ молодежи способность критически относиться къ фактамъ и теоріямъ. Въ свою очередь, нѣмецкій студентъ, вооруженный независимой и критической мыслью, уже не такъ легко поддается всѣмъ тѣмъ умственнымъ теченіямъ, съ которыми онъ сталкивается внѣ университета. Эта умственная устойчивость германскому студенту тѣмъ легче дается, что уже въ стѣнахъ университета онъ знакомится съ самыми крайними направленіями общественной мысли.

Для расширенія у насъ университетскаго преподаванія и поднятія его уровня необходимы на первый разъ слѣдующія мѣры:

1) Созданіе нѣсколькихъ новыхъ каѳедръ: антропологіи, опытной психологіи и соціологіи.

2) Широкое развитіе приватъ-доцентуры.

3) Институтъ рекомендуемыхъ факультетомъ курсовъ.

4) Разрѣшеніе студентамъ посѣщать общеобразовательные курсы профессоровъ и приватъ-доцентовъ, независимо отъ принадлежности слушателя къ тому или другому факультету, независимо отъ семестра и безъ записи на эти курсы.

5) Уменьшеніе регламентаціи частныхъ, особенно же общеобразовательныхъ курсовъ. Въ настоящее время не только приватъ-доцентъ, но и профессоръ, намѣревающійся открыть частный курсъ, долженъ представить факультету программу, которая докладывается въ факультетѣ, переходитъ черезъ совѣтъ къ попечителю и направляется въ министерство. Преподаватель обязанъ указать и ту категорію студентовъ, т.-е. факультетъ и семестръ, которымъ онъ намѣренъ читать, и мѣсто, и часы, и руководства. Студенты должны записываться на эти курсы. Если же профессоръ вздумаетъ объявить курсъ для студентовъ различныхъ семестровъ или разныхъ факультетовъ, дѣло еще больше осложняется.

Слѣдуетъ облегчить возникновеніе такихъ частныхъ, особенно публичныхъ курсовъ и разрѣшить студентамъ одного факультета посѣщать безъ записи и безплатно всѣ общеобразовательные курсы.

Необходимость такой академической реформы не требуетъ доказательствъ, но едва ли одной такой реформы достаточно, чтобы поднять уровень нашего университетскаго образованія на должную высоту. Не слѣдуетъ забывать, что указанные дефекты нашей высшей школы отнюдь не представляютъ собою частнаго

явленія, которое можетъ быть исправлено частными же мѣрами. Бросается въ глаза, что университетское образованіе наиболѣе урѣзано и стѣснено въ тѣхъ областяхъ, которыя прямо или косвенно соприкасаются съ вопросами политической и моральной свободы. И можно безъ преувеличенія сказать, что ограниченіе академической свободы прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ вопросамъ общественной жизни.

Въ вышеизложенномъ мы пытались дать критическую оцѣнку министерскому „проекту" новаго университетскаго устава, и установить свою точку зрѣнія на университетскій вопросъ.

Подводя итоги анализу „проекта", мы утверждаемъ слѣдующее:

1) Все, что̀ въ „проектѣ" соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ началамъ университетской автономіи, представляетъ собою возвращеніе къ уставу 63-го года.

2) Въ то же время „проектъ" во многихъ пунктахъ представляетъ замѣтный шагъ назадъ, въ сравненіи съ уставомъ 63-го года (порядокъ выборовъ профессоровъ, инспекція и т. д.).

3) „Проектъ" не удовлетворяетъ многимъ требованіямъ, предъявленнымъ совѣтами университетовъ въ ихъ „отвѣтахъ", (зависимость университета отъ попечителя и т. д.).

4) Признавая за университетами только внутреннее самоуправленіе, „проектъ" вновь отнимаетъ у университета ту автономію, которая провозглашена была въ правительственномъ сообщеніи отъ 26-го августа 1905 года и фактически была дана университетамъ „временными правилами".

5) „Проектъ" предполагаетъ отнять у совѣта всякое значеніе, оставить за нимъ только отвѣтственность за порядокъ, т.-е. высшую полицейскую функцію, и передаетъ всѣ права совѣта вновь проектированному о̀ргану, въ которомъ не имѣется никакой надобности,—сенату.

6) „Проектъ" намѣчаетъ созданіе цѣлаго ряда лишнихъ новыхъ должностныхъ лицъ: помощника ректора, юрисконсульта, совѣтника по хозяйственной части и помощника университетскаго секретаря.

7) Благодаря созданію новаго о̀ргана—сената—и увеличенію штата административныхъ лицъ въ университетѣ, управленіе послѣднимъ сдѣлается въ высокой степени сложнымъ и запутаннымъ, а профессорской коллегіи угрожаетъ опасность быть задавленой массой канцелярской работы.

8) „Проектъ“ поражаетъ, даже по сравненію съ уставомъ 84-го года, обиліемъ деталей и чрезмѣрной регламентаціею, совершенно противорѣчащей истиннымъ началамъ автономіи.

9) Въ „проектѣ“ недостаточно разграничены сферы дѣйствія и правъ отдѣльныхъ ðргановъ, какъ-то: правленія, сената, совѣта, юрисконсульта, инспектора и другихъ. Это въ свою очередь можетъ сдѣлаться постояннымъ источникомъ вмѣшательства со стороны высшей администраціи въ университетскія дѣла.

Резюмируя же наши взгляды на университетскій вопросъ, можемъ сказать, что суть дѣла заключается не въ томъ или другомъ уставѣ общемъ и единообразномъ для всѣхъ русскихъ университетовъ, а въ дѣйствительной внутренней и внѣшней автономіи. Послѣдняя же выражается въ томъ, что:

1) профессоръ, занимающій каѳедру, есть лицо самостоятельное въ веденіи своего дѣла;

2) факультету принадлежитъ полновластіе какъ въ преподаваніи, такъ и въ другихъ факультетскихъ вопросахъ;

3) совѣтъ является настоящимъ господиномъ университета;

4) администраціи принадлежитъ право контроля и отчасти иниціативы въ хозяйственной жизни университета.

Самая существенная реформа, въ которой нуждается наша высшая школа, заключается въ томъ, чтобы рядомъ съ общеуниверситетскимъ уставомъ *за нашими университетами было признано право вырабатывать для себя мѣстные статуты*, какъ для всего университета, такъ и для отдѣльныхъ факультетовъ. Такое право вытекаетъ логически изъ правильно и широко понятаго начала автономіи. Въ то же время, такіе мѣстные статуты одни только могутъ удовлетворить тѣмъ своеобразнымъ, индивидуальнымъ жизненнымъ условіямъ, которыя столь различны въ разныхъ университетахъ.

Въ качествѣ общаго нормальнаго устава, обязательнаго для всѣхъ русскихъ университетовъ, могъ бы быть вновь возстановленъ уставъ 63-го года, съ введеніемъ въ него тѣхъ существенныхъ дополненій, необходимость которыхъ общепризнана (институтъ приватъ-доцентуры).

Система отдѣльныхъ статутовъ для каждаго университета одна въ состояніи примирить тѣ двѣ крайнія тенденціи, которыя замѣчаются въ нашей университетской жизни — исканіе идеальнаго устава и стремленіе къ индивидуальности. Послѣдняя найдетъ себѣ мѣсто и проявленіе въ мѣстныхъ университетскихъ статутахъ, подобно тому, какъ мы это видимъ въ Германіи.

Можетъ легко случиться, что въ разныхъ университетахъ

будетъ неодинаковое распредѣленіе учебныхъ и каникулярныхъ періодовъ, будутъ различныя программы испытаній по добавочнымъ, неосновнымъ предметамъ, будетъ неодинаковый размѣнъ платы за ученіе. Можетъ также случиться, что въ различныхъ университетахъ будутъ неодинаковое число и свойство вспомогательныхъ каѳедръ, профессуръ и доцентуръ. Такъ напримѣръ, медицинскій факультетъ въ Петербургѣ, быть можетъ, заведетъ себѣ добавочную каѳедру по туберкулезу, а новороссійскій университетъ создастъ каѳедру бальнеологіи и т. д. Отъ такой индивидуальности, отъ такой автономіи могутъ только выиграть жизнь университета и процвѣтаніе русской науки.

Да свѣтятъ намъ на этомъ пути слова незабвеннаго Н. И. Пирогова: „Вся задача для насъ состоитъ, я думаю, не въ томъ, чтобы составить одинъ „общій уставъ россійскихъ университетовъ",—т.-е. найти еще нигдѣ не найденное общее,—а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для „каждаго изъ россійскихъ университетовъ", которыя бы сблизили ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждаго, и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества.

„Я тогда только увижу университетскую коллегію живой, сильной и прогрессивной, когда 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ, самъ, по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, и, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ съ полной отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ"...

И. Оршанскій.

Харьковъ.

„КАРТЫ—НА СТОЛЪ"!

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

„Изъ жизни ушла правда".
Н. Хвощинская (В. Крестовскій).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Работа кипитъ на хуторѣ „Займище", у помѣщика Зуброва. Барская усадьба—всего въ верстѣ, на берегу рѣки.

Страднáя пора подходитъ къ концу, но вездѣ еще чувствуется.

Къ обѣденному часу самъ баринъ—Эліодоръ Ильичъ—сидѣлъ на завалинкѣ конторы—небольшого красиваго дома—въ тѣни.

Передъ нимъ стоялъ нарядчикъ.

Зубровъ—плотный брюнетъ, загорѣлый, курчавый, въ бородѣ и усахъ. Онъ сдвинулъ картузъ на затылокъ и обнажилъ влажный лобъ съ рѣзкой линіей загара.

На немъ—полотняная блуза съ кушакомъ и высокіе сапоги.

Нарядчикъ сейчасъ доложилъ ему что-то непріятное и стоялъ въ выжидательной позѣ, заложивъ обѣ руки за спину.

Это—срéдняго роста, опрятно одѣтый въ пиджакъ, бѣлокурый малый, изъ крестьянъ, но съ обликомъ фабричнаго; говоритъ фальцетомъ.

На немъ—косоворотка и также высокіе сапоги, отшибающіе юрванью.

— И большая потрава? — переспросилъ Зубровъ и закурилъ папиросу.

— Порядочная, Эліодоръ Ильичъ.

— Дать ходъ дѣлу!

— Слушаю-съ.

— Они уже попадались?

— Никакъ нѣтъ... только съ ихъ стороны это съ умысломъ... Все конючатъ... „курёнка—и того некуда выпустить".

Онъ это произнесъ тономъ цитаты. Баринъ такъ понялъ и усмѣхнулся.

— Ну, разумѣется.

Нарядчикъ любилъ книжки и читалъ „Плоды просвѣщенія".

— Это, просто, какое-то повальное озорство!.. А работать нейдутъ. Даешь плату, какой они нигдѣ не получатъ. На арканѣ ихъ надо таскать...

— Порядки извѣстные, Эліодоръ Ильичъ: задатокъ получилъ—и бѣжать!

— Да, нечего сказать, *авансисты*!—съострилъ Зубровъ и поднялся.

Нарядчикъ фыркнулъ въ руку.

— Прикажи мнѣ дрожки подать.

— А какъ же насчетъ аренды прикажете?

— Приходили опять?

— Были-съ.

— И конючили?

— Какъ слѣдуетъ.

— Больше ни одной копѣйки не сбавлю. Да и то только на одинъ годъ. Я хозяйничать хочу и умѣю.

— Вотъ отъ этого самаго, Эліодоръ Ильичъ, наши православные и злобствуютъ на васъ... „Самъ-ста все забираетъ!"

— А то какъ же? Вѣдь они, небось, считаютъ нашего брата, помѣщиковъ, дармоѣдами... а всю землю своей? И ждутъ все чернаго передѣла!

Нарядчикъ усмѣхнулся.

— Такъ вотъ—я самъ работаю. Какая разница между мной и хозяйственнымъ мужикомъ, у котораго сотня и больше десятинъ? И онъ безъ батраковъ не обойдется.

— Извѣстное дѣло... Тàкъ, значитъ, и прикажете имъ объявить?

— Тàкъ и объяви. Дрожки подать мнѣ къ сараю, гдѣ молотятъ.

Баринъ вошелъ въ контору, просмотрѣлъ какую-то книгу, накинулъ на плечи короткое пальто и, минутъ черезъ пять, катилъ на бѣговыхъ дрожкахъ къ усадьбѣ, гдѣ его ждала, какъ

всегда, отличная ѣда. Вѣдь жена его Елена Сергѣевна—такая же примѣрная хозяйка, какъ и онъ самъ.

Эліодоръ Ильичъ — и сегодня, и вообще въ послѣдніе два года—чувствуетъ себя пріятно возбужденнымъ. Его наполняетъ сознаніе, что онъ твердо, обѣими ногами, стоитъ на „почвѣ“.

Это самое слово „почва“ безпрестанно выскакиваетъ въ его рѣчахъ. А онъ любитъ именно „рѣчи“, даже и съ глазу на глазъ съ своей Лёлей.

Зубровъ — отставной морякъ и считаетъ себя европейски образованнымъ человѣкомъ; ходилъ въ „кругосвѣтное“, стоялъ подолгу въ Англіи, Америкѣ, Италіи; говоритъ на трехъ языкахъ.

Онъ сдѣлалъ бы блестящую карьеру, но его обошли. Онъ былъ сильно задѣтъ, даже напечаталъ анонимно нѣсколько обличительныхъ замѣтокъ въ газетѣ и демонстративно вышелъ въ отставку.

Къ тому времени, какъ разъ, онъ получилъ хорошее, но немного запущенное имѣніе—вотъ это самое, при селѣ Теряевѣ, гдѣ у него усадьба, и съ пустошью „Займище“, гдѣ онъ самъ создалъ образцовую ферму.

Онъ знаетъ, чего онъ достигъ въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, въ то самое время, какъ всѣ кругомъ—такіе же землевладѣльцы изъ дворянъ—только кряхтятъ, ноютъ, доводятъ себя до ликвидаціи, бѣгутъ изъ деревень, клянчатъ мѣстечка на двѣ тысячи.

Нѣтъ, онъ, Эліодоръ Ильичъ, не таковъ. Уже теперь, на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, его слушаютъ, какъ авторитетное лицо. И онъ до всего этого дошелъ самъ, не былъ ни въ какихъ академіяхъ и институтахъ; а частенько побивалъ ученыхъ агрономовъ.

Онъ умѣетъ сочетать заграничныя новшества съ стародавней мудростью русскаго пахаря, не накидывался на машины и многопольныя хозяйства безъ толку, заводилъ все „исподволь“; а главное, ударялъ „по всѣмъ по тремъ“—какъ кто-то въ уѣздѣ сьострилъ про него: ничего не оставлялъ въ пренебреженіи. Поэтому у него теперь и запашка въ блистательномъ видѣ, и травосѣяніе, и минеральное удобреніе, и скотоводство, маслобойня, молочная ферма, огородничество и садоводство—цѣлая энциклопедія!

И во всемъ ему вѣрная и смышленая помощница его Лёля. Она—*его* выученица. Онъ ее направилъ и передѣлалъ по своему.

Ихъ пàра, въ полномъ смыслѣ: „мужъ да жена—одна сатана“. Нужды нѣтъ, что она не красавица и въ деревнѣ потеряла половину своей прежней внѣшней привлекательности.

Она и сама про себя говоритъ, что она и замужъ-то шла „подлѣточкомъ", по мужицкому выраженію.

Весь въ пыли, подъѣхалъ Эліодоръ Ильичъ къ заднему крыльцу стараго дома—еще прадѣдовскаго, давно почернѣлаго, но крѣпкосколоченнаго изъ дубовыхъ вѣковыхъ бревенъ.

Онъ его оставляетъ въ прежнемъ видѣ, только крыльца подновилъ, рѣшетки, крышу. И внутри пріемныя комнаты—зала, гостиная, диванная—стоятъ съ отдѣлкой чуть ли не тридцатыхъ годовъ, съ жесткими диванами, обитыми штофомъ, съ штучными дверями, зеркальными рамами и старинными люстрами.

При теперешней страсти къ археологіи—эта обстановка дорогого стòитъ, на охотника.

Выбѣжалъ откуда-то паренекъ въ поддевкѣ и принялъ лошадь. Баринъ молодцовато соскочилъ съ сидѣнья бѣговыхъ дрожекъ, приказалъ малому хорошенько „поводить" и быстро взбѣжалъ по ступенькамъ крытаго крыльца, прошелъ черезъ просторную комнату — прежде дѣвичью, — гдѣ у него хранились разныя разности по хозяйству: сѣмена, небольшіе приводы, металлическія вещи всякаго рода,—и проникъ изъ узкаго корридора въ свою уборную, гдѣ тотчасъ же сталъ старательно умываться и чиститься.

Эліодоръ Ильичъ любитъ все дѣлать самъ, и у нихъ съ женой, въ такомъ обширномъ домѣ, вся прислуга состоитъ изъ ключницы, горничной, мальчика и посыльнаго—и то больше по хозяйству, а не по дому.

Прислуга живетъ въ антресоляхъ, а ѣстъ въ людской, въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ обѣдаютъ и ужинаютъ конюхъ, кучеръ, нѣсколько батраковъ, скотники и скотницы. Скотный дворъ стоитъ между хуторомъ Займище и усадьбой, но ближе къ усадьбѣ.

А въ столовой—окнами на широкій, покатый дворъ—очень свѣтлой комнатѣ, пониже парадныхъ—все уже было готово къ обѣду.

И баринъ, и барыня—все любятъ дѣлать по часамъ, и немало имъ приходится воевать изъ-за этого—и въ усадьбѣ, и на хуторѣ, и въ полѣ, въ садахъ, въ лѣсу, вездѣ...

Но домашняя прислуга уже достаточно намуштрована. Ключница—„дòшлая", изъ бѣдныхъ дворянокъ, и всѣхъ подтягиваетъ, не меньше барыни.

Барыни всѣ боятся. Она ни на кого окрика не дастъ, все „голубчикъ", да „милая моя"; но ничего не спуститъ, ни въ

жизнь. Чуть что̀—и вычетъ; а если обойдется безъ штрафа, то такъ по недѣлямъ дастъ тебѣ почувствовать, что ты проштрафился. Баринъ по дому мало во что̀ входитъ; но если въ чемъ накроетъ—будешь у праздника.

— Ты здѣсь?—окликнулъ Эліодора Ильича женскій голосъ изъ-за двери.

— Здѣсь! Здѣсь! Войди, Леля!

На порогѣ старинной стеклянной двери съ зеленой тафтой изнутри показалась худощавая, аккуратная фигура Елены Сергѣевны въ свѣтломъ платьѣ, поверхъ котораго надѣтъ былъ фартукъ съ рукавами—изъ сѣренькой сарпинки.

Мелкія черты ея лица не говорили о нѣжной молодости. Цвѣтъ кожи—сѣроватый, съ чуть замѣтными ямочками на щекахъ; глаза съ краснотой. Но общій обликъ сохранилъ нѣкоторую миловидность нестарой еще блондинки.

Несовсѣмъ пріятно выдавался широкій подбородокъ особы съ характеромъ.

— Ты еще въ дѣловой формѣ?—ласково сказалъ Зубровъ, подходя къ ней плотно, и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Сейчасъ сниму и умою руки.

— Ты откуда?

— Изъ молочной. Анфиса заболѣла. Я совсѣмъ какъ безъ правой руки.

Въ тонѣ этихъ словъ чуялась больше дѣловая досада, чѣмъ жалость къ заболѣвшей внезапно работницѣ.

— Что̀ съ ней?

— Жаба. Еле дышетъ. Я послала за фельдшеромъ. Жаръ...

— Ужъ не дифтеритъ ли? — спросилъ Эліодоръ Ильичъ, и слегка наморщилъ брови.

— Я велѣла ее отдѣлить, на всякій случай. Можетъ быть, въ земской больницѣ найдется прививная сыворотка.

— Хорошо. Ты у меня умница.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Эти слова: „ты у меня умница“ сдѣлались у него обычной формулой, и Елена Сергѣевна къ ней привыкла.

— Ѣсть ужасно хочется! Можно садиться?

— Сейчасъ... Я только къ себѣ на три минуты.

Она повернулась-было къ двери, но тотчасъ же подошла къ креслу, около умывальника, и опустилась въ него.

— Вотъ вѣдь какая новость, До̀ра...

Такъ она звала своего мужа: сокращенно отъ Эліодора.

— Что̀ такое?

— Не по хозяйству... Не знаю, пріятный ли для тебя сюрпризъ...

Онъ уставилъ на нее свой твердый, суховатый взглядъ.

— Николай пожаловалъ къ намъ.

— Твой братъ? Откуда?

— Изъ-за границы.

— А его на границѣ не сцапали?

Зубровъ недобро разсмѣялся.

— Какъ видишь... нѣтъ. Теперь онъ—изъ Москвы.

— И куда направляется?

— Кажется... желалъ бы у насъ погостить.

Легкая гримаса повела сочныя губы Эліодора Ильича. Но онъ тотчасъ же выпрямился и повелъ правой рукой по воздуху.

— Чтò жъ... милости просимъ. Только ты ужъ предупреди его, что ни на какіе тайные сборы тамъ и подписки я не пойду.

— Онъ это и самъ знаетъ.

— И вообще попросилъ бы его не осложнять—Зубровъ протянулъ это слово—свое пребываніе у насъ какимъ-нибудь инцидентомъ.

Онъ сталъ говорить тише.

— Въ какомъ же родѣ?

Лицо Елены Сергѣевны сдѣлалось нервнѣе, рѣсницы замигали.

— Почемъ же я знаю, Леля?.. Онъ вѣдь, поди, изъ самаго разрывного пѣкла пожаловалъ?..

— Не прямо оттуда. Жилъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ... Да и вообще, сколько я знаю, Николай—не террористъ...

— Прекрасно... только ты его все-таки предупреди.

Тонъ у него сталъ уже мягче.

— Въ добрый часъ! — прибавилъ онъ.—А вотъ тò неладно, что малый, до сихъ поръ, шатается безъ всякаго серьезнаго занятія...

— Это его дѣло.

— Онъ самъ напросился или ты его пригласила?

— Явился онъ прямо со станціи... какъ ты только уѣхалъ на работы. Не могла же я не предложить ему...

— Само собою, — поправился Эліодоръ Ильичъ. — Ты куда его помѣстила?

— Въ антресоляхъ... комната надъ спальной, гдѣ у насъ, обыкновенно, ночуютъ гости. Но онъ, быть можетъ, и не останется у насъ.

— Почему?
— Онъ сейчасъ же пошелъ пѣшкомъ... тутъ, по сосѣдству...
— Къ кому это?
— А въ Худоярово... Новые господа сняли на лѣто усадьбу съ паркомъ. Московскій адвокатъ... восходящая звѣзда... Лодыгинъ... развѣ ты не слыхалъ?
— Вотъ что̀ въ рабочихъ процессахъ отличался?
— Да, да... Онъ сюда наѣзжаетъ; а жена здѣсь уже больше мѣсяца.
— Такъ онъ къ нимъ и отправился? Пѣшкомъ?
— Да. Хотѣлъ успѣть къ обѣду.
— Ну, я его ждать не буду, Леля, милая. Опоздаетъ—самому же хуже.
И въ ясныхъ и сухихъ глазахъ Эліодора Ильича промелькнула мысль:
„Пускай бы онъ и поселился у своихъ московскихъ друзей“.
— Только знаешь что̀,—добавилъ онъ,—не очень-то я стремлюсь къ знакомству съ тѣмъ брехунцо̀мъ, играющимъ въ соціалъ-демократа.
— Николай... по этой части очень сдержанъ и гордъ. Навязывать намъ это знакомство онъ не будетъ.
— Ну, и превосходно!
— Merci, Дора.
Она поднялась немного на цыпочки и поцѣловала его въ щеку.
— Я—мигомъ! Прости, что задержала.
Минутъ черезъ пять супруги сидѣли другъ противъ друга за небольшимъ круглымъ столомъ. Третій приборъ былъ поставленъ между ними.
Жаръ и свѣтъ смягчали маркизы на отворенныхъ окнахъ.
Служили мальчикъ и горничная. Ключница—во время обѣда—должна была состоять въ буфетной—рядомъ, куда продѣлано широкое отверстіе для подаванія блюдъ и обмѣна посуды.
Внезапный пріѣздъ „братца“ все-таки не особенно радовалъ Эліодора Ильича, да и Елена Сергѣевна—про себя—находила, что теперь, въ рабочую пору, Николай—по прозванію „гражданинъ вселенной“—будетъ тутъ торчать безъ дѣла... или вести совсѣмъ неподходящіе разговоры.
Она побаивалась, какъ бы не вышло у нихъ чего-нибудь съ мужемъ. Близкое сосѣдство московскихъ пріятелей брата придется очень кстати. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ и переберется къ нимъ...

Первое блюдо—ботвинья съ раковыми шейками—было уже съѣдено. Въ столовой пріятно пахло свѣжими огурцами, укропомъ и рыбой.

Подали второе блюдо—рубленыя котлеты изъ барашка, съ молодымъ картофелемъ.

Разговоръ пошелъ чисто хозяйственный. Эліодоръ Ильичъ сообщилъ женѣ о своемъ рѣшеніи насчетъ аренды и потравы, и она все это одобрила.

Вообще, они удивительно спѣлись. Еще въ началѣ ихъ супружеской жизни—въ ней сидѣли кое-какіе протесты, но онъ незамѣтно сумѣлъ ихъ успокоить.

— Вотъ и Николай!—тихо воскликнула Елена Сергѣевна.—Идетъ къ заднему крыльцу. Митя!—окликнула она мальчика:—принеси... что̀ осталось ботвиньи. Николай Сергѣичъ будетъ съ нами обѣдать.

Эліодоръ Ильичъ повелъ своими молодецкими усами и ничего не сказалъ.

II.

Братъ Елены Сергѣевны нѣсколько торопливо доѣдалъ свою порцію ботвиньи, не желая заставлять дожидаться хозяевъ.

Онъ мало похожъ на сестру. Только цвѣтъ волосъ у нихъ сходный и оттѣнокъ изсѣра-голубоватыхъ глазъ.

Сухой, высокій, съ впалой грудью, но широкій въ плечахъ—онъ сидѣлъ, сгорбившись, надъ столомъ и, дохлебывая ботвинью, поглядывалъ на чету Зубровыхъ слегка улыбающимися глазами. Голова у него большая, курчавая, но волосы растутъ такъ, что высокій лобъ сразу обнажался. Лицо—такое же худое, какъ и весь станъ, загорѣлое и съ нечистой кожей. Бородка—жидкая и довольно длинная, висячіе усы.

На немъ заграничный пиджакъ охотничьяго покроя и фланелевая рубашка.

Николай на цѣлыхъ шесть, если не больше, лѣтъ моложе сестры, и когда-то былъ ея „выученикомъ", когда они остались сиротами. Но теперь онъ смотритъ старообразно. Ему шелъ тридцатый годъ.

Съ шуриномъ Эліодоръ Ильичъ былъ на „вы". Такъ повелось у нихъ съ первыхъ дней знакомства, когда Николай заѣхалъ къ нимъ—вотъ такъ же—въ усадьбу. Они тогда были уже второй годъ женаты.

Замѣтно было, что Зубровъ держится вообще очень осто-

рожнаго тона и, говоря съ нимъ, сохраняетъ въ мимикѣ лица что-то условное, болѣе учтивое и выжидающее, чѣмъ бы можно было ждать отъ него.

Елена Сергѣевна взглядывала на брата вбокъ, немножко вопросительно и съ нѣкоторой тревогой. Но она старалась ласково улыбаться.

— Твои пріятели... еще долго пробудутъ здѣсь, въ Худояровѣ?—спросила она, когда мальчикъ принялъ отъ брата его тарелку.

— Она останется до сентября, а онъ будетъ наѣзжать.

— Сильно началъ гремѣть... въ газетахъ,—сказалъ Зубровъ, умышленно безъ всякой особенной интонаціи.

— Да... многихъ затмеваетъ, — отозвался Николай и тряхнулъ кудерьками своего высокаго лба.

Голосомъ онъ былъ похожъ на сестру; только она говоритъ низковато для женщины, а онъ—высокимъ баритономъ.

— И все съ особымъ направленіемъ... Стачки... фабричные и крестьянскіе бунты? Но на это вѣдь не разживешься! Правда, славу всего легче добыть...

— Онъ и всякими другими дѣлами не брезгаетъ.

Говоря это, Николай повелъ ртомъ, на особый ладъ.

Сестра его знала эту усмѣшку—точно *сквозь усы*.

— Значитъ, онъ, какъ говорится въ какихъ-то куплетахъ:

„Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо“?

Ха, ха, ха, ха, ха!

Смѣхъ Эліодора Ильича разлился звонкой струей по столовой. Онъ не зналъ лично этого входящаго въ моду „брехунца̀“; но ему пріятно было пройтись на его счетъ. Видно, и его „beau-frère“ не очень-то преклоняется передъ этимъ „свѣтиломъ“; но онъ не сталъ его разспрашивать о четѣ Лодыгиныхъ.

— Скажи, Коля,—спросила Елена Сергѣевна,—ты съ нимъ развѣ одного выпуска?

— Нѣтъ... Онъ—курсомъ моложе... да и на разныхъ факультетахъ были. Съ женой его мы встрѣчались за границей. Тамъ и съ нимъ я за̀ново познакомился, когда они совершали свой свадебный вояжъ,—проговорилъ онъ съ юморомъ.

— Она интересная женщина?

— Интересная, — кратко промолвилъ Николай, принимаясь за второе блюдо.

Зубровъ весьма не жаловалъ этихъ столичныхъ „слётковъ“, нанимающихъ, на лѣто, усадьбы для своего удовольствія. Онъ

считалъ „измѣной“ землевладѣльческому классу такую отдачу усадебъ. А дачники только портили мѣстную прислугу, набивали цѣны на все, развращали бабъ возможностью все продавать въ тридорога такимъ господамъ: молоко, яйца, цыплятъ, ягоды, всякую снѣдь.

Сестрѣ — хотя они съ братомъ въ послѣдніе два года совсѣмъ отвыкли другъ отъ друга—хотѣлось все-таки обо многомъ его разспросить. Но ее стѣсняло присутствіе мужа. Она боялась какихъ-нибудь принципіальныхъ споровъ Николая съ мужемъ, хотя Эліодоръ Ильичъ и держалъ себя крайне дипломатично и самъ избѣгалъ всякаго „ненужнаго тренія“, какъ онъ любилъ выражаться.

Выпивъ стаканъ квасу, Зубровъ слегка крякнулъ, отеръ усы и повернулъ голову къ Николаю.

— Все еще не имѣете постояннаго мѣстопребыванія? — умышленно ласково спросилъ онъ. — И на зиму нигдѣ не намѣреваетесь фиксироваться? Вольный козакъ! Гражданинъ вселенной!

И онъ тихо разсмѣялся, показывая свои свѣжіе, но мелкіе зубы.

Николай выпятилъ немного губы и ничего сразу не отвѣтилъ.

— Въ Москвѣ думаешь пожить осенью или зимой?—спросила сестра.

— Не знаю еще... если найдется стòющая работа. Кое къ чему не безъинтересно было бы приглядѣться... и въ Москвѣ, и по близости въ губернскихъ городахъ.

— Произвести нѣкоторую *анкéту*, Николай Сергѣичъ?—подсказалъ Зубровъ.

Оба они съ женой давно знали, что Николай, хотя до сихъ поръ и не „попался“, но у него есть давнишнія связи съ „разрывной заграницей“. Еще въ прошломъ году онъ произнесъ рѣчь на одномъ съѣздѣ—довольно-таки рискованную, и они удивлялись оба, какъ его, „голубчика“, не потревожили гораздо раньше, когда онъ вернулся изъ-за границы, въ концѣ прошлаго года. А потомъ онъ опять ѣздилъ, весной.

Куда и зачѣмъ—никто изъ нихъ обоихъ не знаетъ и не желалъ допытываться.

Еленѣ Сергѣевнѣ стало даже немного неловко передъ мужемъ, что вотъ такой „гражданинъ вселенной“ пожаловалъ къ нимъ на неопредѣленное время... и Богъ знаетъ, чтò изъ этого можетъ выйти.

Разумѣется, она ему не дастъ этого понять. И мужъ ея слишкомъ деликатенъ.

Ни онъ, ни она, не будутъ наводить его на разговоръ о томъ—на что̀ онъ живетъ.

Отъ состояньица, которое ему осталось съ сестрой,—его доля давно прожита... На что̀—онъ ей не сообщилъ. Она же и купила у него его землю на деньги мужа. Это была небольшая „пустошь“, которую арендовали мужики. Николай могъ бы подарить имъ эту землю; но онъ почему-то этого не сдѣлалъ. Вѣроятно потому, что ему деньги были нужны на поддержку какой-нибудь „организаціи“.

Но этотъ фактъ—для нихъ съ мужемъ—былъ хорошей заручкой на случай какихъ-нибудь съ его стороны обличеній.

Конечно, теперь у него ничего не осталось. На службу онъ не поступалъ, даже и на частную. Вѣроятно, пробавляется литературной работой. Но онъ про свои личныя дѣла не любитъ говорить, съ тѣхъ поръ, какъ Елена Сергѣевна замужемъ.

Она за глаза выражается такъ: „съ того времени, какъ Николай отставилъ меня отъ своей особы“.

На оцѣнку ея мужа, ничѣмъ другимъ, какъ „пису́лей“ онъ и не можетъ быть. Прессу Эліодоръ Ильичъ не ругаетъ и скорѣе стоитъ за гласность; но все то, что̀ не такой трудъ, который онъ считаетъ производительнымъ,—не особенно высоко стоитъ въ его глазахъ.

— Ну, что̀ же, господа,—началъ Николай, отодвигаясь немного отъ стола,—васъ можно поздравить съ здо̀ровымъ урожаемъ?

— Можно,—отвѣтилъ первый Эліодоръ Ильичъ.

Глазки его жены заиграли-было, но тотчасъ же она опустила рѣсницы.

Братъ спросилъ это такъ, безъ сочувствія *ихъ* „дѣлу“, а можетъ, даже съ желаніемъ пройтись насчетъ ихъ „домостроительства“.

— И ты все преуспѣваешь? — обратился онъ уже прямо къ ней.

— Полегоньку.

Тонъ у него—противъ послѣдней ихъ встрѣчи — сдѣлался другой, очень уже самъ по себѣ—не то, что безцеремонный, но совсѣмъ не такой, въ какомъ онъ говорилъ бы съ ней... ну, хоть три года назадъ.

Вѣдь этотъ „Коля“ былъ долго почти что какъ ея „чадо“. Она уже кончила ученье, считая и педагогическіе курсы, а онъ еще былъ гимназистъ. И тогда онъ смотрѣлъ на нее снизу вверхъ.

Да и студентомъ онъ еще находился подъ обаяніемъ всей ея личности, ея идей, всего того, что̀ она дѣлала, къ чему стремилась.

Теперь онъ почти что чужакъ. Но и у нея нѣтъ охоты возвращаться къ прошлому. Ясно одно: она для него не прежняя „сестричка". И онъ не можетъ быть съ нею такимъ, какъ это было семь-восемь лѣтъ назадъ.

— Ну, а куда же дѣвать хлѣбъ?—спросилъ Николай, взглядывая въ полоборота на Зуброва.

— Какъ куда, Николай Сергѣичъ? Ѣсть его.

— Если вы вдвоемъ... даже и съ своими батраками, начнете жевать его, съ желаніемъ сжевать все—получите несвареніе желудка.

— Продавать будемъ.

— А цѣны?

Николай взглянулъ на него съ своей характерной усмѣшкой.

— Подождемъ, какія установятся. Надъ нами не каплетъ.

— А если,—какъ это всегда бываетъ въ россійскомъ государствѣ при урожаяхъ,—себѣ въ убытокъ? Удивительная страна:—или минеральное тѣсто, въ видѣ суррогата ржаного хлѣба, т.-е. глина въ годы недорода,—протянулъ онъ слово,—или никакихъ цѣнъ. И залежи... не каменнаго угля или фосфорита, а хлѣбныхъ грузовъ. Сто тысячъ вагоновъ—на разныхъ трактахъ—ни взадъ, ни впередъ! „Милая страна!"—пѣвуче протянулъ онъ, повернувъ голову къ сестрѣ.—Я, мальчуганомъ, у насъ... въ губернскомъ городѣ, видѣлъ такой старинный водевиль съ пѣніемъ. Кажется, „Кеттли" называется... Ты не помнишь, Лена?

— Нѣтъ, не помню.

— Это—имя героини, швейцарской пастушки... знаешь, въ кисейномъ передникѣ съ кружевцами и въ бархатномъ спенсерѣ? И вотъ, является французскій офицеръ. Тогда ихъ такъ одѣвали: черный сюртукъ съ цилиндромъ; но брюки чтобы непремѣнно красные или голубые съ позументомъ, въ видѣ лампасовъ.

Мужъ съ женой незамѣтно переглянулись: „Къ чему-де онъ завелъ эту притчу?"

— Такъ вотъ... подходитъ этотъ самый лейтенантъ къ суфлерской будкѣ и поетъ куплеты въ сентиментальномъ вкусѣ, восхищаясь Швейцаріей. Я, до сихъ поръ, помню первый стихъ:

„Милая страна—всегда плѣняла ты поэта!"

И какъ только я возвращаюсь на лоно отечества — сейчасъ

у меня, съ самаго вокзала въ Вержболовѣ, зудятъ въ ушахъ эти два слова: „Милая страна“.

„Вотъ оно что!“—подумали они оба вразъ.

Такого „фырканья“ Эліодоръ Ильичъ не жаловалъ. Онъ самъ—когда нужно—умѣлъ обличать „россійскую неурядицу“, отъ которой страдаетъ на Руси всякій истинный хозяинъ, каждый человѣкъ настоящаго дѣла. Но не такимъ—въ сущности праздношатающимся интеллигентамъ, какъ его „beau-frère—прохаживаться надъ „милой страной“.

Онъ сдержалъ себя. То, что Николай сейчасъ сказалъ—общее мѣсто. Кто не знаетъ про наши желѣзнодорожные порядки? Только онъ долженъ былъ бы радоваться. Вѣдь для такихъ, какъ онъ, „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Никакой любви къ родинѣ у нихъ нѣтъ и никакимъ созидательнымъ дѣломъ они не желаютъ заниматься.

— И знаете, господа,—продолжалъ Николай, придвигаясь опять къ столу,—обидно смотрѣть на каррикатуры въ французскихъ газетахъ... въ тѣхъ... въ благонамѣренныхъ... націоналистически-буржуазныхъ, подъ общей рубрикой „doux pays“. То, что они считаютъ бѣдствіемъ и позоромъ для Франціи, этимъ наша земля преисполнена отъ края до края... Они—въ полномъ смыслѣ—съ жиру бѣсятся.

— Это вѣрно!—согласился Эліодоръ Ильичъ.—Но вѣдь господа соціалисты также охаютъ надъ своими порядками, какъ и другія партіи?

Ему хотѣлось сказать и еще кое-что посильнѣе; но онъ разъ навсегда рѣшилъ „пороху не тратить“ и ни въ какія пререканія съ своимъ „бо-фрэромъ“ не вступать.

— Милая страна! — опять пѣвучимъ речитативомъ произнесъ Николай.—А впрочемъ—вездѣ одно и то же. У насъ, по крайней мѣрѣ, возможны—внезапные сюрпризы. Стихіи заколышатся и произведутъ нѣчто опять-таки архироссійское.

—Что же?—не удержалась Елена Сергѣевна.—Пугачевщину... что-ли?

— Все возможно... друзья мои... даже и появленіе какого-нибудь самозванца... А то и безъ онаго.

Онъ подергалъ жидкую бородку, отрѣзалъ корочку отъ своего ломтя чернаго хлѣба и круто посолилъ.

— А въ ожиданіи этой милой перспективы,—замѣтилъ ему въ тонъ Эліодоръ Ильичъ,—надо каждому вести свою линію и воздѣлывать свою ниву.

— „Кійждо подъ смоковницей своей“,—выговорилъ Николай

на *онъ* и спросилъ сестру, безъ всякой паузы:—И насчетъ удоя ты довольна, Лена?

— Ничего.

— Сыровареніе завела?

— Нѣтъ. Мы раздумали. Масло—выгоднѣе, по нашимъ мѣстамъ.

Она охотно бы распространилась на эту тему, но и она, и ея „Дора"—очень хорошо понимали, что обо всемъ этомъ Николай разспрашиваетъ только такъ... „для близиру", чтобы выставить ихъ обоихъ „буржуями".

А они оба имѣютъ полное право считать себя истинными земскими людьми, образцовыми гражданами, не зарывающими своего „таланта" въ землю, иначе какъ въ видѣ удобренія. И не ему—„гражданину вселенной", безъ всякой серьезной цѣли въ жизни, безъ отвѣтственности и любви къ труду—прохаживаться на ихъ счетъ.

Опять вразъ они подумали тутъ:

„Неужели онъ у насъ *плюхнется* надолго?.. Удовольствіе!"

И кротко, безъ всякой особенной интонаціи, Елена Сергѣевна спросила его:

— Ты у насъ поживешь, Николай?

— Не знаю еще. Вотъ и Лодыгины меня просятъ...

— Что же... у нихъ тебѣ будетъ веселѣе. Мы съ Эліодоромъ цѣлый день... при дѣлѣ.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь!—не далъ онъ ей докончить.—Вы меня знаете... я самъ по себѣ... какъ будто меня и нѣтъ совсѣмъ. И къ обѣду не ждите. Приду—хорошо, а нѣтъ—значитъ, у сосѣдей засидѣлся. Случится и заночевать.

— А господина Лодыгина еще нѣтъ тамъ въ усадьбѣ?—спросила сестра опять безъ особаго выраженія.

— Долженъ быть завтра.

— Ужъ ты извини, пожалуйста. Намъ теперь съ Эліодоромъ не до новыхъ знакомствъ.

— Ты боишься, что я вамъ мои знакомства навяжу?.. Съ какой стати?

— Мы ни отъ кого не прячемся, — продолжалъ за жену Эліодоръ Ильичъ.—Но вѣдь вашъ пріятель съ нашими интересами ничего общаго не имѣетъ. А въ страдное время всякимъ получасомъ дорожишь. Вотъ поѣшь... немножко отдохнешь и опять до сумерекъ. А тамъ и на боковую—намаешься цѣлый-то день. Также и она!—указалъ онъ на жену жестомъ головы.

Подали малину со сливками.

И вдругъ всѣ трое почувствовали, что имъ говорить больше не о чемъ.

А если начать разговоръ „по существу“, то выйдетъ что-нибудь совсѣмъ нежелательное. Они бы имѣли право и поводы—поговорить съ нимъ въ поучительномъ тонѣ; но съ такимъ, каковъ онъ теперь — натолкнешься на что-нибудь нежелательное. Оба они были слишкомъ преисполнены сознаніемъ того, что̀ они собою представляютъ среди общаго шатанія, оскудѣнія и распущенности, въ такой „милой странѣ“, которую они все-таки любятъ и гдѣ только отъ такихъ, какъ они оба, и можетъ пойти настоящее „возрожденіе“.

III.

Сразу стало жарковато—часу въ седьмомъ утра.

Солнце обливало мягкимъ свѣтомъ сжатыя поля озимаго и яроваго. Въ воздухѣ пахло соломой. По межамъ, вдоль дороги, сорныя травы засохли и запылились. Проселокъ извивался немного „на изволо̀къ“ отъ рѣчки, въ — ту сторону, гдѣ стоялъ хуторъ „Займище“.

По этой дорогѣ шелъ Николай Бучаевъ, все въ той же заграничной блузѣ и бѣломъ картузѣ. Онъ курилъ, щурился противъ солнца, часто останавливался, глядѣлъ кругомъ и широко переводилъ дыханіе.

На ходу онъ еще больше гнулся, чѣмъ вчера за столомъ. Лѣвой рукой онъ помахивалъ сучковатой палкой.

Всталъ онъ на зарѣ, сходилъ выкупаться въ рѣчкѣ, обсохъ, безъ простыни, и пошелъ шагать, чувствуя особенную бодрость.

Обѣдъ и потомъ вечерній чай, когда была общая бесѣда—оставили въ Николаѣ такое именно чувство, какого онъ ждалъ, когда вчера подъѣзжалъ къ усадьбѣ Зубровыхъ.

„Милѣйшій“ Эліодоръ Ильичъ и сестрица, „досточтимая“ Елена Сергѣевна, за цѣлый годъ только преуспѣвали на пути своего совмѣстительства“.

„Совмѣстителями“ онъ сталъ, въ послѣдніе годы, называть не однихъ *службистовъ*, умѣющихъ занимать по нѣскольку должностей заразъ, а всѣхъ, кто хочетъ, въ одно и то же время: соблюсти невинность и набить потуже мошну.

Чета Зубровыхъ—два махровыхъ экземпляра такихъ совмѣстителей. Они оба глубоко убѣждены въ томъ, что вся будущность Россіи держится за такихъ „дѣлателей жизни“, какъ они. Они такъ и выражаются: „мы дѣлаемъ жизнь“. А дѣлаютъ они

ее въ видѣ усиленной работы надъ расширеніемъ своего хозяйства, во всѣхъ направленіяхъ.

Развѣ они ретрограды, гасильники, враги народа?

Боже избави!

Ихъ мечта — какъ у короля Генриха IV—чтобы у каждаго мужичка „была курица въ супѣ".

А для этого надо своимъ примѣромъ и вліяніемъ пересоздавать темную массу, прививать ей трезвость, трудолюбіе, бережливость, чувство законности, а главное, уваженіе къ „священному" принципу собственности, котораго у мужика совсѣмъ нѣтъ, когда дѣло идетъ не о томъ, что̀—его собственное добро, движимое и недвижимое.

Поэтому—и поэтому только,—увѣряютъ эти образцовые совмѣстители, — они и не могутъ оказывать никакой поблажки „анархическимъ" и „коммунистическимъ" предразсудкамъ мужика.

Все такъ складно выходитъ. Любо-дорого слушать! Они считаютъ себя самыми безупречными поборниками „правового порядка". Но этого мало. Они—благодѣтели своей округи. У нихъ всегда найдется работа для тѣхъ, кто въ ней нуждается. Они помогутъ каждому хорошему хозяину... но пьяницамъ, плутамъ, озорникамъ—пощады нѣтъ.

Вчера за вечернимъ чаемъ онъ нарочно такъ повелъ себя, что его сестрица Елена Сергѣевна вошла въ свою роль и стала развивать свое хозяйственное „credo", взглядывая на мужа, который только кивалъ головой и пріятно улыбался.

Сестра давно *отошла* отъ него. Прежде онъ возмущался; а теперь ему только курьёзно видѣть, какъ женщина можетъ впадать въ такой самообманъ. Вѣдь она считаетъ себя все такой же передовой личностью, какъ и восемь лѣтъ назадъ, когда онъ—студентомъ—гордился ею и считалъ своей гражданской руководительницей.

Но тогда она слишкомъ носилась съ собою на его теперешнюю оцѣнку—впадала въ сентиментальность, переживала періодъ разныхъ исканій, попросту говоря — „засидѣлась въ дѣвкахъ". Она всего перепробовала: учила ребятишекъ, заводила ясли, устраивала просвѣтительныя экскурсіи, читала рефераты, считалась выдающейся феминисткой.

Явился *онъ*, ражій молодецъ,—Лена влюбилась въ него, какъ кошка, и въ три-четыре года онъ ее „обработалъ" на свой ладъ, безъ всякой особенной ломки.

Онъ къ ней поддѣлывался на первыхъ порахъ, а не она къ нему. Она въ него увѣровала, какъ въ свѣтлый типъ земца, у кото-

раго на первомъ планѣ—не фраза, а дѣло. Они читали тѣ же книжки, и въ уѣздѣ его считали, одно время, даже краснымъ.

И вотъ она теперь—его вѣрная сотрудница, образцовая хозяйка. Школа, ясли, чтенія народу—все это признается теоретически, но на это уже нѣтъ досуга. Время цѣликомъ идетъ на расширеніе своей экономической „эксплоатаціи“, на которую оба супруга совершенно искренно смотрятъ, какъ на самое дѣйствительное воздѣйствіе на народъ—съ цѣлью поднятія его „работоспособности“ и уваженія къ „правопорядку“.

И у сестры вчера вырвалась фраза:

— Нашъ валовой доходъ прошлаго года достигъ цифры пятидесяти тысячъ рублей.

Глаза ея блеснули, и она однимъ глоткомъ допила свой чай.

И этого добились они въ какихъ-нибудь три-четыре года. И дѣло растетъ... среди общей неурядицы, краховъ, запущеній, равнодушія къ своимъ законнѣйшимъ интересамъ въ средѣ помѣстнаго сословія.

— Это прямо преступленіе передъ государствомъ и обществомъ!—съ вибраціей въ голосѣ вскрикнулъ великолѣпный Эліодоръ Ильичъ.

Съ проселка Николай взялъ по тропкѣ, спускавшейся „подъ изволокъ“. Гдѣ-то по близости журчалъ родникъ. И тотчасъ ему захотѣлось пить. Если ключъ течетъ не прямо по землѣ, а спадаетъ съ пригорка, онъ захватитъ воду пригоршней.

Это тотчасъ же напомнило ему, какъ онъ восходилъ—и не одинъ разъ!—на самыя крутыя высоты въ Швейцаріи: и на Юнгфрау, и на Пилатъ, и на Монбланъ — и всегда вотъ въ такіе же жаркіе дни, какъ сегодня. Тогда онъ, бывало, зачерпнетъ воды у перваго встрѣчнаго каскада въ фуражку или шляпу, уйдетъ туда всѣмъ лицомъ, намочитъ голову, смочитъ и платокъ, накинетъ его на голову подъ картузъ или шляпу и весь, освѣженный, шагаетъ, что твой гидъ, по крутизнамъ, до самыхъ ледниковъ, повторяя всегда вслухъ стихи Полонскаго:

„Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ вскарабкался
Горъ...“

и заключительные бодрящіе возгласы:

„И въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись отъ вѣка,
Обреченный скорби
Геній человѣка!

Улыбнись природѣ,
Вѣрь знаменованью:
Нѣтъ *конца стремленью,*
Есть конецъ страданью!"

Ручеекъ оказался какъ разъ такой, какой ему нуженъ. И около него росли три молодыя березы.

Онъ зачерпнулъ воду пригоршней, жадно напился и отеръ руки платкомъ.

Потомъ присѣлъ на траву, въ тѣни березокъ, снялъ свой бѣлый картузъ и отеръ высокій, крутой лобъ платкомъ.

Со студенческихъ годовъ, Николай носилъ фуляровые, а не полотняные платки. Эта привычка такъ и осталась у него. Онъ—юношей—страдалъ частыми и упорными насморками.

Гдѣ-то, въ воздухѣ или въ полѣ, чирикала птичка. Онъ не зналъ—какая. Хоть онъ и учился на физико-математическомъ факультетѣ, но многаго въ природѣ не зналъ, и это его часто обижало. Всякій деревенскій парень и даже каждая смышленая дѣвчонка-подростокъ навѣрное скажетъ—что̀ за птица чирикаетъ. А онъ не можетъ! Если различаетъ пѣніе, то очень немногихъ птицъ: жаворонка, соловья, пожалуй пѣночки, или „стрижа"—какъ здѣсь называютъ одну породу ласточекъ.

Все оттого, что онъ сталъ слишкомъ городскимъ жителемъ, черезчуръ много возится съ людьми, въ той трагикомедіи, которая вездѣ разыгрывается на его глазахъ — и на Западѣ, и въ той „милой странѣ", гдѣ онъ родился.

А главное—черезчуръ много читаетъ всякой всячины, и съ нѣкоторыхъ поръ, если не въ одномъ и томъ же направленіи, то объ одномъ и томъ же.

Природу онъ всегда любилъ, всегда находилъ въ ней отраду и позывъ къ созерцательной жизни; но измѣняетъ ей слишкомъ часто.

А можно ли поставить ее на одну доску съ жизнью человѣчества, какою она представляется въ своемъ главномъ теченіи? Горсточка двуногихъ—„на высотѣ" своего человѣческаго призванія; а остальное — жалкая, погрязшая въ невѣжество, безчисленная громада — въ цѣпяхъ своего первобытнаго умственнаго убожества; поклоняется своимъ дѣтскимъ выдумкамъ, не въ силахъ стряхнуть съ себя рабскаго ярма, пережитковъ дремучаго прошлаго!..

И къ чему оно идетъ—это человѣчество—и сверху, и снизу? Къ погромамъ, къ катастрофамъ, къ ликвидаціи... неизбытной, роковой!

А природа — все та же... по крайней мѣрѣ, на тотъ срокъ,

пока сознаніе человѣка будетъ воспринимать ее... съ неизмѣнными законами, съ чудной гармоніей, ничего не знающей, кромѣ своего вѣчнаго удѣла: двигаться и развиваться не зря, а закономѣрно, выполняя захватывающую духъ предвѣчную задачу.

Когда Николай приходилъ въ такое настроеніе, попадая „на лоно природы“, онъ называлъ себя „головастикомъ“, и его тянуло сѣсть на землю, сбросить съ себя свой интеллигентный мундиръ, жить въ общеніи со всей вселенной.

А греческое слово: „кòсмосъ“, значитъ не только „вселенная“, но и „красота“, и украшеніе всякаго живого существа.

„Сѣсть на землю?“—Легко сказать! По какой формулѣ?

„Опроститься?“ Такъ это — старомодная штука. И до него не мало дѣлали опытовъ, и ничего изъ этого не выходило. И опроститься нельзя зря, безъ идеала. А гдѣ его взять на прокатъ? У „мужичка“? На это онъ не согласенъ. Правда, въ послѣдніе два года, онъ не такъ уже враждебно настроенъ къ деревнѣ, какъ былъ въ дни ортодоксальной преданности слову Учителя, опредѣлившаго судьбы экономической эволюціи. Но все-таки *теперешняя* деревня не можетъ быть его идеаломъ. И она кончитъ тѣмъ же, чѣмъ все остальное въ царствѣ борьбы съ капитализмомъ. Но когда?

А до тѣхъ поръ, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо радоваться успѣхамъ крупнаго землевладѣнія и такимъ хозяевамъ, какъ чета Зубровыхъ. Вѣдь они дѣйствуютъ по программѣ великаго Учителя. Отчего же онъ-то смотритъ на нихъ какъ на „совмѣстителей“, какъ на *лже*земцевъ, которые, сохраняя фарисейское обличье, въ сущности служатъ только Бэліалу и Маммонѣ, а не народу.

Не можетъ онъ иначе чувствовать! Это—противорѣчіе, но, должно быть, только кажущееся. Вѣдь и „ихъ степенства“, россійскіе толстосумы, цари фабричнаго дѣла, огражденные чудовищными пошлинами отъ конкурренціи — тоже служатъ „экономической эволюціи“? Однако, и къ нимъ не лежитъ его сердце!

Но тѣ — искреннѣе въ своемъ хозяйскомъ хищничествѣ! Они прямо говорятъ, что имъ „безъ барыша не прожить“. И если они кидаютъ подачки своимъ ткачамъ и присучальщикамъ, въ видѣ даровыхъ школъ, больницъ, читаленъ, даже клубовъ и театровъ, стòющихъ десятки тысячъ, то это они только тѣшатъ свое купецкое тщеславіе, или—мужья „потрафляютъ“ своимъ женамъ, набравшимся либеральныхъ идей.

И невольно мысль его перешла на одну изъ такихъ женщинъ — купеческаго рода, его пріятельницу и отчасти „выуче-

ницу" — Марью Өедоровну Лодыгину, жену адвоката, взявшаго за ней порядочный кушъ. Не дальше, какъ вчера, она, поджидая мужа, просила его остаться отобѣдать и взяла съ него „честное слово", что онъ поживетъ денька три—четыре у своихъ, а потомъ переѣдетъ непремѣнно гостить къ нимъ, въ ту барскую усадьбу, за которую они платятъ двѣ тысячи въ лѣто.

Милый обликъ этой молодой женщины всплылъ передъ нимъ такой, какъ она встрѣтила его вчера, въ легкой блузѣ, съ распущенными, послѣ купанья, волосами, гладкими и нѣжными, съ бѣлымъ-бѣлымъ проборомъ по самой срединѣ головы.

Она — купчиха. Мужъ ея — махровый интеллигентъ. Но кто ему ближе, ему—Николаю Бучаеву? *Она*—не потому, что она хорошенькая и пикантная женщина, а потому, что въ ней больше внутренней честности. Она — еще не совсѣмъ разобралась въ томъ: какъ надо чувствовать и поступать, если хочешь стоять за трудъ противъ его эксплоататоровъ, — чѣмъ бы они ни прикрывались. Но разъ она во все это вникнетъ—онъ считаетъ ее способной „рѣзнуть и по цѣлому".

Только онъ не хочетъ „натаскивать" ее по извѣстной программѣ. Еще не такъ давно онъ любилъ громить, обличать, проповѣдывать. Такой слишкомъ юный зудъ уже поулегся въ немъ. Теперь онъ—„объективистъ", вродѣ естествоиспытателя, который прежде всего хочетъ обслѣдовать органическія явленія, а потомъ уже дѣлать выводы.

Но можно ли всегда выдержать такую роль? Онъ не откажется „отчитàть" кого слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, если эти субъекты впадутъ въ грубый самообманъ или слишкомъ нахальны и циничны.

Онъ поднялся и пошелъ къ рѣкѣ. Это—та же самая, чтò течетъ и передъ балкономъ Зубровскаго дома, только здѣсь сходъ къ ней гораздо полòже.

Онъ обошелъ часть полей и иссуственныхъ луговъ милѣйшаго Эліодора Ильича, но не встрѣтилъ ни одного рабочаго. Тутъ почти все было уже убрано. Только на нѣсколькихъ десятинахъ яровой пшеницы стояли еще ряды „крестцòвъ", какъ здѣшніе мужики называютъ копны.

Николай вышелъ опять на проселокъ. Онъ прищурился и увидалъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, конную фигуру, точно выпрыгнувшую откуда-то. Воззрившись, онъ узналъ во всадникѣ приказчика Зубровыхъ: вчера, во время вечерняго чая, тотъ приходилъ о чемъ-то доложить барину, и Эліодоръ Ильичъ сейчасъ же увелъ его въ кабинетъ.

„Должно быть, шельма и предатель“, — подумалъ Николай, только изъ-за его высокаго тенороваго голоса.

Приказчикъ остановилъ лошадь, въ казацкой, сѣдельной сбруѣ, спѣшился и снялъ картузъ.

— Николаю Сергѣичу мое высокопочитаніе! — слишкомъ какъ-то отчетливо произнесъ онъ.

— Здравствуйте! Откуда?—спросилъ его Николай, приподнявъ свою фуражку.

— По приказанію Эліодора Ильича дѣлалъ промѣрку берега.

— На какой конецъ?

— А мужики Селивёрстовскіе озорничаютъ. Потрава за потравой! Эліодоръ Ильичъ, можно сказать, слишкомъ благородно съ ними обходился. Прощалъ и не разъ. А теперь опять потрава. Надо судиться.

— Ну и что̀ же?

— Судъ судомъ... а разсудили мы съ Эліодоромъ Ильичемъ— въ нашихъ рукахъ есть средство подѣйствительнѣе...

Николай пристально взглянулъ на приказчика.

— Рѣка на цѣлыхъ три версты во владѣніи Эліодора Ильича—по обоимъ берегамъ. Имъ вода, небось, нужна. Очено просто—имѣемъ право не допускать ихъ.

— До рѣки?

— Такъ точно,—ласковой нотой отвѣтилъ приказчикъ.

— Вотъ какъ!

— Ничего съ этимъ окаяннымъ народомъ не подѣлаешь, Николай Сергѣичъ. И такъ, того гляди, разгромъ произведутъ... или пѣтуха краснаго...

Потоптавшись на мѣстѣ, приказчикъ поклонился и со словами:—Счастливо оставаться!—вспрыгнулъ въ сѣдло.

Николай долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

„Вотъ такъ бестія!“—подумалъ онъ.

IV.

Тѣсноватая аллея изъ вѣковыхъ кленовъ спускается къ рѣчкѣ. Она полна прохладной тѣни и по землѣ играютъ солнечные „зайчики“ сквозь трепетную листву.

Николаю сдѣлалось вдругъ особенно какъ-то молодо на душѣ, когда онъ вступилъ въ эту аллею.

Въ усадьбу, гдѣ жили Лодыгины, онъ пришелъ также пѣшкомъ, передъ обѣдомъ, часу въ пятомъ.

На террасѣ барскаго дома, съ полосатыми маркизами — къ нему подбѣжали дѣти—мальчикъ Воля и дѣвочка Мися—погодки, маленькіе, немного „косолапенькіе", черноватые, загорѣлые и очень миленькіе, со своимъ шепелявымъ лепетомъ. Они оба— его пріятели. При нихъ состоитъ бонна — пожилая нѣмка, съ которой Бучаевъ говоритъ всегда по-нѣмецки.

— Мàма въ саду!—залепетала Мися, очень бойкая особа.

— Рисуетъ,—добавилъ Воля и смѣшливо подмигнулъ.

— Рисуетъ?—весело переспросилъ Николай и погладилъ его по круглой, стриженой головѣ.

— Да!—отвѣтили дѣти разомъ.

— Въ бесѣдкѣ,—пояснила очень основательно Мися.

— Спасибо! — поблагодарилъ ихъ Николай и, еще разъ поклонившись ихъ боннѣ, зашагалъ по ступенькамъ высокой террасы, а потомъ по длинной аллеѣ.

„Рисуетъ!" — повторилъ онъ про себя это слово, какъ оно выходило на шепелявомъ языкѣ Миси, которой еще нѣтъ полныхъ трехъ лѣтъ.

Но мама ихъ—Марья Ѳедоровна—не „балуется" только, а художница, какъ слѣдуетъ: училась въ Москвѣ и за-границей. Много вкуса, чувство природы и любовь ко всему своеобразному въ стилѣ.

Разумѣется, съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, на первомъ планѣ ея Витя—„будущій Камиллъ Дэмулѐнъ",—какъ его прозвалъ Николай, пока еще про себя.

Но въ деревнѣ она времени зря не теряетъ... каждый день у нея „plein air" и этюды съ деревенскихъ сценъ, головъ дѣтей, дѣвочекъ, стариковъ.

Она, съ прошлаго года, стала возиться и съ здѣшними бабами, мастерицами ткать сукно для панёвъ, „сама выдумываетъ для нихъ рисунки"; захотѣла ткать салфетки и одѣяла, и нашла всему этому сбытъ.

И все у нея спорйтся незамѣтно, безъ всякой рисовки и сентиментальности.

За все свое холостое житье, съ самыхъ студенческихъ годовъ, онъ еще не встрѣчалъ болѣе милую и менѣе банальную русскую „бабенку" изъ интеллигенціи.

И всѣмъ этимъ владѣетъ предметъ ея нѣжныхъ чувствъ— Витя, его сверстникъ, еще и въ студентахъ уже игравшій роль вожака съ самыми „разрывными" идеями.

Но для него, Николая Бучаева, этотъ Камиллъ Дэмулéнъ— in spe—не былъ вовсе изъ ряду вонъ, и никогда его къ нему не тянуло. И они не были на „ты".

Каждый разъ, когда онъ думаетъ о Марьѣ Ѳедоровнѣ— а это случается все чаще и чаще, онъ точно обо что-то непріятно упирается. И это что-то—Викторъ Петровичъ, восходящая знаменитость, съ репутаціей самаго „непримиримаго“, которую онъ, Бучаевъ, начинаетъ считать немного сомнительной.

Аллея кленовъ завертываетъ вправо и доходитъ до лужайки, гдѣ въ сторонкѣ, среди кустовъ, примостилась прозрачная бесѣдка.

Тамъ бѣлѣлось женское платье.

Марья Ѳедоровна сидѣла въ дверяхъ, подъ навѣсомъ, передъ переноснымъ мольбертомъ, на складномъ стулѣ.

Поля́ соломенной гладкой шляпы заслоняли всю верхнюю часть лица. Вглядываясь, она прищуривала длинныя рѣсницы.

Бучаевъ остановился у выхода изъ аллеи и, замѣтивъ, что она смотритъ совсѣмъ въ другую сторону, постоялъ съ минуту.

Какъ вся фигура изящна, и рисунокъ шляпы, и поворотъ лица, и движенія правой руки!

На ней была ея „похожа̀лка“, какъ она называла платье, вродѣ блузы, съ широкими разрѣзными рукавами, повязанное фартукомъ изъ большого цвѣтного фуляра.

Вотъ она повернула голову, увидала его, сдѣлала жестъ той рукой, въ которой держала кисть, и немного приподнялась.

Какой у нея милый, чисто русскій обликъ, стильный оваль, разрѣзъ глазъ, рисунокъ шеи и полуоткрытаго рта съ приподнятыми углами, что̀ придаетъ выраженію столько ласки и граціи! И какія руки!

Онъ снялъ картузъ и откинулъ его въ сторону—по воздуху, дурачливо, какъ кланяются, за границей, пьяницы.

— Вотъ и изловили меня, Николай Сергѣичъ!—окликнула она его, еще съ мѣста.

Голосъ у нея совсѣмъ еще дѣвичій, съ московскими мягкими согласными.

— Здравствуйте, дорогая, здравствуйте,—говорилъ онъ, пожимая ея лѣвую, свободную руку.—Помѣшалъ вамъ... слишкомъ рано явился... Позволите заглянуть?

— Еще ничего не разберете, Николай Сергѣевичъ. Меня давно прельщаетъ вонъ тотъ уголокъ... гдѣ прога̀лина и спускъ къ рѣкѣ... и то дерево... Это—рябина... и такъ вкусно она перевила два своихъ ствола.

Она показала́ кистью.

— И вы, небось, сидя тутъ, переносились... туда, въ Барбизо̀нъ, гдѣ витаетъ тѣнь великаго Коре́?

— Нѣтъ... Я люблю Парижъ и его окрестности... особенно Фонтéнбло и Барбизонъ въ томъ числѣ. Но еще болѣе люблю свое.

— Ой-ли?

— Увѣряю васъ, Николай Сергѣичъ. Вѣдь все дѣло въ насъ самихъ.

— Въ настроеніи?

— Въ томъ—вибрируемъ мы въ униссонъ съ тѣмъ, чтò насъ привлекаетъ въ данную минуту, или нѣтъ.

Онъ, ничего не говоря, кивнулъ головой.

— А теперь помогите мнѣ... возьмите стулъ и мольбертъ. А остальное я сама понесу.

— Да вѣдь вы еще не кончили... Угождать чреву еще успѣемъ.

— Нѣтъ... довольно на сегодня.

Марья Ѳедоровна ловко стала собирать свои „sieben Sachen", какъ она любитъ выражаться по-нѣмецки. Они пошли, не торопясь, по аллеѣ, тихо разговаривая.

— Когда ждете супруга и повелителя?

— Витю?—спросила она просто.

— Да-съ, Витю. А вамъ, я полагаю, несовсѣмъ ловко звать его Витей.

— Почему?

— Помилуйте... такая величина... и вдругъ Витя!

Она засмѣялась и взглянула на него вбокъ.

— Бучаевъ!—окликнула она его только по фамиліи:—зачѣмъ у васъ этотъ тонъ? Вы—такой искренній!..

— А за глаза ехидствуете?—хотѣли вы сказать?

— Это слово слишкомъ сильно, а... вообще, вы относитесь къ нему не такъ, какъ онъ къ вамъ.

— Другими словами?...

— Я хотѣла бы ошибиться...

Николай остановился. Стала и она.

— А можетъ, вы и несовсѣмъ ошибаетесь.

— Это было бы мнѣ очень-очень непріятно.

— И у васъ, Марья Ѳедоровна, въ этомъ чисто-женскій инстинктъ.

— Какъ?

— Главное, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ. Женщина можетъ имѣть свободу оцѣнокъ и сужденій до тѣхъ поръ, пока не явился онъ,—„лýи",—произнесъ онъ съ юморомъ.

— Лýи?—повторила она.

— Да,—такъ итальянки называютъ предметъ своего влеченія... правда, до пріобрѣтенія имъ законныхъ правъ.

Чего-то не досказавъ, онъ произнесъ другимъ тономъ:

— Мнѣ кажется, у насъ завязался совсѣмъ пустопорожній разговоръ.

— Почему же пустопорожній?

— Вы мнѣ какъ будто желаете навязать роль какого-то Руджьеро.

— Руджьеро?—спросила она.—Какого?

— Какого Руджьеро? Это у меня, съ гимназіи, было собирательное имя... насчетъ итальянскаго коварства. Есть такая драма Полевого—„Уголино“. Я, мальчуганомъ, видѣлъ ее въ провинціи. Такъ, вотъ, тамъ дѣйствуетъ такой Руджьеро, или что-то въ этомъ родѣ.

— Коварства въ васъ никакого нѣтъ. Но у васъ, Николай Сергѣичъ, есть одинъ пунктикъ...

— Какой? Пожалуйста, скажите. Самопознаніе — путь къ мудрости.

— Вы не обидитесь?

— Позвольте, Марья Ѳедоровна! Когда я — въ вашемъ присутствіи—чѣмъ-нибудь и на кого-нибудь обижался? И вообще, можно ли меня причислить къ обиженному типу? Знаете, что для меня особенно нелѣпо и возмутительно въ русскихъ— такъ это ихъ вѣчный ворчливо-обиженный тонъ. Это—пережитокъ старо-московскаго рабства. И наша прислуга наслѣдовала его отъ прежнихъ крѣпостныхъ.

Она опять такъ же тихо разсмѣялась.

— Вы неуязвимы, Николай Сергѣичъ... Съ вами очень опасно.

У него чуть было не соскочилъ съ губъ вопросъ: „Опасно... въ какомъ смыслѣ?“

Но онъ только усмѣхнулся въ усы.

— Но вы меня поняли.

— Понять-то понялъ; но еще разъ повторяю, добрѣйшая Марья Ѳедоровна, что это былъ бы пустопорожній разговоръ.

Ее немножко задѣло слово „добрѣйшая“.

Въ Бучаевѣ нѣтъ ничего грубаго или безцеремоннаго. Онъ— пріятель ея мужа. И съ ней сразу сталъ держаться самаго простого тона.

Да, но онъ ужъ слишкомъ какъ бы аффишируетъ—подумала она именно этимъ словомъ—свое пріятельское отношеніе и къ ней.

Марья Ѳедоровна любитъ своего Витю, смотритъ на него еще снизу вверхъ; но ей почему-то не особенно пріятно, что Бучаевъ какъ будто совсѣмъ не чуетъ въ ней молодую женщину— красивую, изящную—не только въ городѣ, но и здѣсь, гдѣ, кромѣ деревенскихъ бабъ, онъ никого не встрѣтитъ.

Это ей казалось нѣсколько запоздалымъ „нигилизмомъ".

Они подошли къ террассѣ, откуда дѣти, съ своей бонной, скрылись.

Мольбертъ, ящикъ съ красками, стулъ, кисти—Марья Ѳедоровна оставила на террасѣ, хотѣла-было идти поправить туалетъ и вымыть руки, но присѣла въ качающееся кресло, въ углу, гдѣ было всего больше тѣни.

Николай, стоя у перилъ, закуривалъ папиросу.

— Такъ вамъ такой разговоръ непріятенъ, Бучаевъ?— спросила она послѣ маленькой паузы и, повернувъ къ нему голову, взглядывала исподлобья.

— И это—не то!

Онъ сначала затянулся и, держа папиросу, медленно подошелъ къ ней и сѣлъ около ея кресла, бокомъ, на перилахъ террасы.

— Вы не ощущаете еще сильнаго голода?—шутливо спросилъ онъ.

— А вы? Pardon! Я—дурная хозяйка.

— Не умру! Четверть часа довольно—для нѣкоторой личной скобки, которую я, съ вашего позволенія, и открою тотчасъ.

— Личная скобка! Это tiré par les cheveux!

— Не взыщите! Метафора собственнаго издѣлія.

— Ну, хорошо. Говорите, говорите!

Она приподнялась на рукахъ и взяла другую позу.

— Разъ навсегда... во избѣжаніе всякихъ ненужностей— попрошу васъ, добрѣйшая Марья Ѳедоровна... посмотрѣть на вашего покорнаго слугу, какъ на досужаго... я бы сказалъ: соціолога... да это слишкомъ претенціозно... если хотите—соглядатая, еслибы это слово не имѣло непріятнаго букета...

— Другими словами... вы производите всѣмъ намъ... какъ нынче въ газетахъ пишутъ—анкету?—выговорила она съ легкой краской.

— Анкета... это опять черезчуръ громко... За такую роль я не берусь.

— Вы пишете, Бучаевъ. Это вѣдь не секретъ? Стало быть, всѣ мы для васъ—только предметъ наблюденій?

— Всѣ вы для меня—предметъ самопознанія.

— Это туманно.

— Нисколько. Тотъ пунктикъ въ моей психикѣ, на какой вы сейчасъ намекнули, состоитъ въ томъ, чтобы производить химическій анализъ, если не количественный, то качественный.

— Кому?—остановила она.

— Людямъ... моимъ ближайшимъ сверстникамъ.

— И мужчинамъ, и женщинамъ?

— Всенепремѣнно. Вы, вѣроятно, и естественнымъ наукамъ учились?

— Дальше физики не пошла.

— Въ химіи, съ давнихъ поръ, есть такой дешевый реактивъ, т.-е. средство распознавать... кусочекъ бумажки... называется *лакмусовая*.

— Я слыхала это слово.

— Передъ вами жидкость... вы не знаете, что̀ она такое: кислота или щелочь. Если вы возьмете кусочекъ лакмусовой бумаги, опустите въ эту жидкость и она покраснѣетъ—несомнѣнно, тутъ есть кислота!

— Мерси.

— Такъ и я... Кругомъ—все субъекты, пораженные самообманомъ... или самогипнозомъ... или тѣмъ и другимъ въ одно время...

Эти слова заставили ее опустить голову. Она чуяла въ нихъ какой-то намекъ, но не рѣшилась спросить: кто изъ его ближайшихъ знакомыхъ пораженъ такимъ самообманомъ?

— Наши доморощенные ничшеанцы до тошноты повторяютъ формулу: „переоцѣнка цѣнностей“—въ убѣжденіи, что они сами—золото девяносто-шестой пробы и...

— Развѣ вы считаете и Витю такимъ ничшеанцемъ?—перебила она и вся выпрямилась.

— Марья Ѳедоровна! Поймались раньше срока! Ха, ха! Кто вамъ говоритъ о вашемъ Витѣ? Правда, онъ одно время любилъ цитировать изъ „Заратустры“; но это съ него слетѣло. У него, вообще, изощренный нюхъ на то, что̀ выходитъ уже изъ моды.

— Это зло, Бучаевъ!

— Это только правда. Но позвольте мнѣ докончить. „Часы бѣгутъ“, какъ говоритъ Марина Самозванцу, и вамъ надо подкрѣпить себя послѣ трудовъ. Такъ видите, я произвожу, полегоньку, психическій анализъ и на примѣрѣ другихъ учусь познать самого себя. Больше ничего! Все равно, какъ Сократъ, доводя другихъ до абсурда, самъ приходилъ къ выводу, что и онъ ничего не знаетъ. Ничего больше во мнѣ нѣтъ. Я ничѣмъ

не брезгаю, ничѣмъ въ людяхъ особенно не возмущаюсь; но только желалъ бы, чтобы они сами себя не дурачили, искренно не носили личины. Ты громило—тàкъ и говори. Ты хищникъ-буржуй или актеръ и въ частной, и въ публичной жизни—не стѣсняйся, голубчикъ, тàкъ и аттестуй себя, если не хочешь, чтобы спокойный наблюдатель твоей психики наконецъ вышелъ изъ себя и не отрапортовалъ тебѣ! Но я это дѣлаю очень рѣдко,—прибавилъ онъ, бросая окурокъ за перила.

Марья Ѳедоровна, слушая его, немного блѣднѣла. Она не могла отдѣлаться отъ чувства, что все это направлено на кого-то по близости. Хорошо, если на его родныхъ, про которыхъ онъ разъ уже начиналъ говорить въ такомъ духѣ.

— И это *все* ваше profession de foi?—спросила она, медленно поднимаясь съ кресла.

— Почти что все. И я позволилъ себѣ открыть эту скобку только затѣмъ, чтобы вы меня не превращали въ коварнаго Руджьеро... добрѣйшая моя Марья Ѳедоровна.

— Хорошо. Посмотримъ. А теперь доведите меня до моей комнаты. Черезъ три минуты я буду готова.

Въ гостиной она остановилась.

— Знаете чтò, Бучаевъ,—сказала она, не глядя на него прямо.—Я недавно перечитывала „Отцовъ и Дѣтей". И когда говоритъ Базаровъ—мнѣ слышался вашъ голосъ. Такъ вѣдь вы не хотѣли бы повторять его? Это уже тамъ гдѣ-то... Это уже пахнетъ дореформенной эпохой!

Тутъ только она подняла на него свои длинныя рѣсницы.

— Не вашъ ли Витя... считаетъ меня запоздалымъ Базаровымъ?

— Нѣтъ. Это было мое впечатлѣніе... Хотя у васъ менѣе рѣзкій тонъ.

— Пріемлю съ благодарностью! Базаровъ—самый умный человѣкъ русской беллетристики. Но только его положеніе было гораздо завиднѣе, чѣмъ у нашего брата. Онъ хотѣлъ, прежде всего, эмансипаціи ума, а нынче отвсюду встаютъ разныя другія чýдища и ждутъ немедленнаго рѣшенія. Потому-то эпидемія самообмана такъ и заразительна... За Базарова спасибо! Извольте идти къ себѣ.

Онъ довелъ ее до ея будуара и пошелъ въ столовую, откуда доносились дѣтскіе голоса.

V.

Тропинка вела Бучаева вдоль невысокаго подъема дубовой рощи—господскаго „заказника“, которымъ Зубровъ особенно дорожилъ и гордился. Онъ держалъ дрессированныхъ лѣсниковъ изъ рядовыхъ запаса, сочинилъ имъ форму, вооружилъ винтовками и даже особыми ножами, на манеръ нѣмецкихъ лѣсничихъ.

Лѣсокъ содержался въ изумительномъ порядкѣ. Ни одного зря срубленнаго дерева. Хворостъ весь подобранъ. Снизу, съ тропинки, можно пересчитать всѣ стволы кудрявыхъ дубовъ. Свѣтъ заходящаго солнца откуда-то проглядывалъ слѣва, и листва вдоль опушки, идущей справа, загоралась мягкими золотистыми отливами.

Воздухъ, насыщенный озднонмъ, полонъ былъ ароматовъ—листвы и травъ. Груди дышалось необыкновенно легко. Въ спинѣ, въ поясницѣ не чувствовалось никакого утомленія; а онъ и утромъ, и въ послѣобѣденные часы сдѣлалъ не одинъ десятокъ верстъ.

Онъ возвращался отъ Лодыгиныхъ. У нихъ съ Марьей Ѳедоровной, послѣ обѣда,—когда они остались одни, на террасѣ,—разговоръ что-то не пошелъ.

Она какъ будто немного „изволила надуться“,—какъ теперь выразился онъ про себя.

„Пускай ее... это въ ней все перетасуется. Она бабёнка не глупая. Рано или поздно, она учуетъ фѐллеръ въ своемъ фасòнистомъ Витѣ“.

Но ему никакъ не хотѣлось поступать на амплуа „разлучника“, т.-е. хитраго ухаживателя, который—первымъ дѣломъ, подкапывается подъ „престижъ“ законнаго супруга, сшибаетъ его съ пьедестала и водворяется въ его правахъ на особу своихъ „вожделѣній“.

Такая особа, какъ эта Марья Ѳедоровна—весьма цѣнный „сюжетецъ“, но онъ-то не „сердцегрызъ“, и вся его „тактика“—онъ усмѣхнулся, употребивъ мысленно это слово, дѣлавшееся моднымъ,—состоитъ только въ томъ, что онъ производитъ качественный анализъ, опускаетъ лакмусовую бумажку въ разные растворы.

Пускай восходящая звѣзда адвокатуры, его коллега Лодыгинъ—прохаживается на его счетъ, называя „Базаровымъ“.

Тургеневскій любимецъ былъ—„aus einem Guss“. Его нельзя было подцѣпить ни на какой фальши, ни на какой передержкѣ. Онъ не носилъ никакой личины.

Николай снялъ картузъ, поднялъ голову, остановился и оглянулся кругомъ.

Какъ хорошо тутъ! И какъ природа миритъ со всѣмъ, что̀ дѣлаетъ на землѣ человѣкъ. „Но—думалось ему—созерцать и уходить душою и внутреннимъ чувствомъ въ безконечное міроздаціе—это вѣдь барское дилеттантство и не пристало къ его обличью. А отъ людей не уйдешь“.

Онъ присѣлъ подъ дерево съ узловатыми корнями и сталъ закуривать папиросу; и только-что поднялся опять на ноги и пошелъ дальше, сладко затягиваясь, какъ передъ нимъ—въ двухъ-трехъ саженяхъ—всплыла какая-то фигура въ чемъ-то желтоватомъ и съ ружьемъ черезъ плечо.

Онъ тотчасъ же сообразилъ, что это—одинъ изъ молодцовъ команды милѣйшаго Эліодора Ильича.

— Господинъ! Курить не дозволяется!—крикнулъ лѣсникъ, подходя.—Извольте цыгарку бросить!

На лѣсникѣ былъ короткій кафтанъ изъ верблюжьяго сукна, съ гусарскими шнурами на груди, низкая поярковая шапочка, патронташъ на ременномъ поясѣ и высокіе сапоги.

— Что̀ такъ строго, любезный?—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, Николай и остановился.

— Такой приказъ отъ господина владѣльца.

— Отъ Эліодора Ильича?

— Такъ точно.

Малый былъ плечистый, съ загорѣлымъ лицомъ и смотрѣлъ довольно задорно.

— А вы меня не признали?—спросилъ Николай, прищуриваясь на него.

Лѣсникъ воззрился и что-то сообразилъ.

— Въ гостяхъ... у нашихъ господъ... значитъ?—помягче освѣдомился онъ.

— Да, въ гостяхъ.

— Ужъ вы пожалуйста... господинъ...

— Хорошо, хорошо. А давно у васъ такія строгости?

— Эліодоръ Ильичъ шутить не любятъ. У нихъ все по заграничному... какъ въ чужихъ краяхъ.

— И сколько васъ... стражниковъ?

— Четверо насъ. Пятый былъ... изъ черкесовъ взяли...

— Изъ черке́совъ?—переспросилъ Николай.

— Тотъ—по первому же а̀бцугу—бабу подстрѣлилъ... не совсѣмъ... а здо̀рово досталось. До суда доходило.

— Ну, и что̀ же?

— Бабѣ никакъ присудили что-то. А его баринъ расчелъ... чтобы, значитъ, лишнихъ разговоровъ не было по уѣзду.

— Ну, вотъ видите, любезный, я бросаю папиросу... можете окурокъ растоптать. И сейчасъ буду съ господами чай пить, и повинюсь, что чуть было не проштрафился...

Лѣсникъ глуповато разсмѣялся.

— А какъ васъ звать? Засвидѣтельствую передъ Эліодоромъ Ильичемъ ваше усердіе.

— Покорнѣйше благодарю. Окуньковъ моя фамилія.

Онъ снялъ шляпу и, поправивъ перевязь ружья на плечѣ, пошелъ солдатскимъ шагомъ.

Николай посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ спускаться по той же тропинкѣ. Онъ зналъ, куда она его выведетъ.

Пили чай въ бесѣдкѣ, въ садикѣ, куда выходилъ фасадъ дома съ колоннами и старинной, узкой, неуютной террасой, гдѣ никогда никто не сидѣлъ.

Эліодоръ Ильичъ—въ бѣломъ кителѣ—аппетитно ѣлъ простоквашу. За самоваромъ сидѣла Елена Сергѣевна, также въ свѣтломъ платьѣ и съ кружевной косынкой на головѣ.

— Чего хочешь сначала, Коля,—спросила она брата:—клубники или варенцà?

— Предпочту клубнику.

Онъ только-что разсказалъ имъ про „инцидентъ“ въ лѣсу, справляясь, какой полагается штрафъ, если накроютъ мужика? Эліодоръ Ильичъ отвѣтилъ ему въ тонъ, полушутливо; но далъ понять, что онъ, во всемъ и всегда, стоитъ на самой строгой законной почвѣ.

— А черкесъ... что̀ подстрѣлилъ бабу... оказался несовсѣмъ удобнымъ?—спросилъ Николай, принимаясь за клубнику со сливками.

— Мужъ и жена переглянулись.

Краска стала проступать на сочныхъ щекахъ Эліодора Ильича, и онъ, скосивъ ротъ въ сторону Бучаева,—выговорилъ съ особенной интонаціей:

— Вы что̀ же, добрѣйшій Николай Сергѣичъ, все производите, нѣкоторымъ образомъ... анкéту, нѣчто вродѣ ревизіи моего хозяйства?

— Произвожу̀, — умышленно шутливо отвѣтилъ Николай.— Нынче, съ ранняго утра, шагалъ по вашимъ мѣстностямъ. Но если что̀ и наблюлъ... характернаго, то не по своей винѣ, а оно на меня

само нарвалось, вродѣ вотъ этой встрѣчи съ вашимъ стражникомъ, въ верблюжьей гусарской курткѣ.

— Чтò же еще изволили засвидѣтельствовать? Ха, ха!

Смѣхъ Эліодора Ильича застрялъ въ горлѣ. Онъ кончилъ ѣсть простоквашу и сталъ закуривать сигару.

— Сказать? А?

Николай взглянулъ на сестру.

— Говори! Изъ того, чтò у насъ заведено въ хозяйствѣ, мы тайны не дѣлаемъ.

— Столкнулся я утромъ рано съ вашимъ приказчикомъ... тамъ, около рѣки. Вы все воюете съ мужиками и грозите имъ—не допускать ихъ до воды...

Эліодоръ Ильичъ пожалъ плечами.

— Бòльшаго они не заслуживаютъ.

— Ой-ли?—протянулъ Николай.—Значитъ, хотите ихъ изморомъ извести, вродѣ какъ осажденную крѣпость?

— Постращать... полезно было бы,—сказала, немного конфузясь, Елена Сергѣевна.

— Средство радикальное,—продолжалъ все тѣмъ же тономъ ея братъ.—И то сказать: мы живемъ въ началѣ двадцатаго вѣка, а не во времена римскаго владычества.

— При чемъ тутъ римляне?—остановилъ Эліодоръ Ильичъ.

— При чемъ? Я не юристъ. Но кое-что читалъ и про ихъ порядки. У нихъ были такъ называемые *сервитуты*. Доступъ къ водѣ, къ свѣту былъ обязателенъ и для господъ владѣльцевъ.

— Это не рѣка, а рѣчка, милѣйшій Николай Сергѣичъ, и оба берега, на извѣстномъ протяженіи,—мои. Она не судоходна и для бичевы дороги не полагается. Вы—я погляжу—въ самомъ дѣлѣ... производите съ нами что-то вродѣ дознанія. На здоровье! Ни я, ни ваша сестра, никакой такой анкеты не боимся... Все, чтò мы дѣлаемъ—мы дѣлаемъ это среди бѣлà дня, „на знатѝ" у всѣхъ, какъ народъ говоритъ. И наше глубокое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока народъ нашъ не воспитаетъ въ себѣ чувство законности,—онъ не выйдетъ изъ своего жалкаго экономическаго положенія. И для мужика лучшій примѣръ—замлевладѣльцы, ведущіе свои хозяйства на такихъ началахъ, которыя мы положили въ основу нашей дѣятельности. А какъ вы на это смотрите—это уже ваше дѣло. Знаете, есть такая польская поговорка: „шляхтичъ на загродзѣ"—т.-е. у себя въ имѣніи— „рýвенъ воеводзѣ".

Эліодоръ Ильичъ всталъ и, отойдя вглубь бесѣдки, продолжалъ еще горячѣе:

— Курьёзно, въ самомъ дѣлѣ!.. Теперь у насъ въ литературѣ,—въ журналахъ, на сценѣ,—проповѣдуютъ все безусловную свободу личности! Ставятъ свое „я“ выше всего. Всякій босякъ воображаетъ себя сверхчеловѣкомъ. Если такъ, то почему же я не могу отвоевывать себѣ неприкосновенность всего, чтò составляетъ мое „я“? А хозяину нельзя отдѣлить себя отъ того, чтò составляетъ самую суть его дѣла. Онъ сливается въ одно цѣлое съ орудіями своего производства и—прежде всего—съ землей-кормилицей, какъ говорятъ мужички, уважающіе только свою собственность, и ничью другую!

Онъ кивнулъ головой женѣ и, уходя, сказалъ, обращаясь уже къ шурину:

— А теперь меня ждетъ приказчикъ. И мы рѣшимъ окончательно—прибѣгать ли намъ къ нарушенію древне-римскаго сервитута, или отрѣзать господамъ коммунарамъ села Теряева доступъ къ водѣ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ бесѣдки.

Протянулось довольно томительное молчаніе.

Елена Сергѣевна доѣдала свой варенецъ, низко наклоняя голову надъ тарелкой.

Братъ ея положилъ салфетку на столъ, отодвинулся отъ него немного и сталъ закуривать.

— Послушай, Николай, — начала сестра, когда доѣла,—ты, можетъ, самъ того не замѣчая, какъ у насъ мужики говорятъ, „щуняешь“ Эліодора. И то, какъ онъ тебѣ отвѣтилъ сейчасъ, вполнѣ вызвано твоими...

Она не сразу нашла подходящее слово.

— Выходками, небось, скажешь ты?

— Если хочешь—да.

Она тоже положила салфетку на столъ и выпрямилась.

— Спасибо и за то, что Эліодоръ Ильичъ формулировалъ свою „платформу“.

— Откуда у тебя это слово?—спросила она, слегка поморщившись.

— Все оттуда же, откуда идетъ и все остальное... съ гнилого Запада.

— Ну, хорошо! Но ты, кажется, считаешь и Эліодора, и меня какими-то кулаками, буржуями, безъ малѣйшей совѣсти, точно мы пауки, глотающіе несчастныхъ мухъ? Это даже смѣшно!..

— Можетъ быть!—остановилъ онъ.—А ты лучше вотъ чтò мнѣ скажи: участвовала и ты въ тріо—супругъ, приказчикъ и ты—когда вы надумали лишить теряевскихъ мужиковъ воды?

Она быстро стала краснѣть.

— Надо же ихъ хорошенько припугнуть? Такъ лучше, чѣмъ имѣть съ ними безконечныя разбирательства...

— Такъ-съ!—оттянулъ онъ дурачливо.

— Я скажу вмѣстѣ съ Эліодоромъ: вы всѣ помѣшаны теперь на свободѣ личности, а другіе—не смѣй свое сужденіе имѣть и поступать не по вашей, а по своей *платформѣ*, ужъ если нужно употреблять это неуклюжее и двойственное слово.

Братъ покачалъ головой и медленно выпустилъ струю дыма.

— Ты желаешь, кажется, принципіальнаго объясненія?—потише звукомъ спросилъ онъ.

— Препирательствъ я не люблю; а передѣлывать насъ съ мужемъ поздно.

— Я и не сбираюсь, Елена. Ты теперь въ окончательной фазѣ эволюціи своего гражданскаго и этическаго развитія.

— Оставь, прошу тебя, этотъ тонъ!

— Я его держусь, Елена, потому, что иначе пришлось бы выдать тò, чтò во мнѣ происходитъ... такъ сказать, лирическаго. А я этого не хочу. Оказалось, что мнѣ тяжелѣе терять въ тебѣ мою прежнюю сестру, чѣмъ я думалъ.

— Это твое дѣло.

— А не *твое?*—вскричалъ онъ, быстро поднялся и отошелъ вглубь бесѣдки.—Вы съ мужемъ твоимъ изволили вломиться въ обиду за то, что я пожелалъ выяснить — *кто вы* собственно?.. Показать вамъ—какую личину вы теперь носите—не стоило бы большого труда. Но васъ вѣдь теперь ничѣмъ не проймешь. Вы заражены самообманомъ. Вы дѣйствительно увѣрены—по крайней мѣрѣ ты, сестра, если не твой супругъ,—что ты и не думала сжигать свои старые корабли.

— Другими словами... ты считаешь меня ренегаткой? Да?

Онъ пододвинулъ къ ея мѣсту стулъ, на которомъ раньше сидѣлъ, и протянулъ ей руку, непроизвольно.

— Ну, скажи, Елена, когда я былъ студентъ, а ты передовая дѣвица на возрастѣ и моя руководительница,—ты бы вела вотъ такую же жизнь—образцовой хозяйки, строго держащейся принципа: чужого не трогай, но и своимъ не поступайся ни въ чемъ? Говори! Не бойся правды!

— Я не знала жизни. Я вѣрила книжкѣ... я увлекалась готовыми формулами. Я и теперь смотрю на народъ... не какъ барыня, а какъ его другъ... но безъ идолопоклонства и безъ вѣры въ эльдорадо всеобщей ликвидаціи.

— Однимъ словомъ: ты поступила въ выученицы къ Эліо-

дору Ильичу, чтобы вамъ обоимъ служить образцомъ культурной дѣловитости для мужиковъ, у которыхъ не только нѣтъ ни охапки хвороста, а даже свободнаго хода къ водѣ. Ха, ха! Это великолѣпно!

— Удивляюсь, Николай, какъ ты рѣшаешься такъ обижать насъ съ мужемъ?.. Кто же тебѣ мѣшалъ подарить твою долю наслѣдства нашимъ бывшимъ крѣпостнымъ? А ты вѣдь и тогда былъ ненавистникомъ собственности?

— Ловко, сестрица!—вскричалъ онъ, вставая со стула.— Это у французовъ дурля́нты называютъ: „un coup de Jarnac“! Чтò мнѣ помѣшало такъ поступить? спрашиваешь ты. Тò, что я тогда еще безпощаднѣе смотрѣлъ на пресловутые устои россійской деревни. И нашелъ гораздо лучшее употребленіе тому маленькому капиталу, какой я выручилъ на продажѣ моей пустоши.

— А если ты и теперь въ такихъ же идеяхъ, то чтò же тебѣ сокрушаться надъ крестьянской бѣднотой? Вѣдь это роковой ходъ экономической эволюціи, — выговорила она съ тихой язвительностью:—чѣмъ скорѣе земля попадетъ въ руки капиталистовъ, тѣмъ раньше настанетъ торжество сельскаго пролетаріи... Кажется, это логично?

— Всенепремѣнно, сестра! И я не желаю вовсе вступать въ роли плакальщицы надъ горькой долей русскаго мужика. Будьте вы съ мужемъ убѣжденные представители сельскаго капитализма, но говорите это прямо, не воображайте, что вы молотите рожь на обухѣ изъ чистаго альтруизма и сознанія своего цивическаго дѣла передъ родиной.

— Ни я, ни Эліодоръ, не нуждаемся въ такихъ прокурорскихъ обвинительныхъ актахъ.

— Ваша воля! Впрочемъ, съ моей стороны довольно наивно было раздразнивать твоего супруга; да и тебѣ я бы не долженъ показывать, чтò ты была прежде и чѣмъ стала теперь. Сентиментальность во мнѣ заговорила... память о той Ленѣ, которую я когда-то любилъ.

— А теперь... она умерла для тебя?

Голосъ Елены Сергѣевны какъ будто дрогнулъ.

— Это слишкомъ торжественно, сестра. Я вѣдь давно уже человѣкъ „со стороны“... Тàкъ я себя и называю. Брожу промежъ людей, наблюдаю, сопоставляю и дѣлаю выводы.

— Ни до чего и ни до кого тебѣ, въ сущности, дѣла нѣтъ?

— Пожалуй, спорить не буду. Но скажу тебѣ откровенно: самовлюбленность твоего супруга и повелителя способна лишить

меня должнаго самообладанія. Своимъ присутствіемъ я васъ утруждать долго не стану... Если угодно — стушуюсь хоть завтра.

— Кто же тебя гонитъ, Николай?

— Извиняться передъ твоимъ Эліодоромъ тоже не стану. И сатисфакціи не буду у него просить за тотъ реприманды, какой онъ мнѣ сейчасъ сдѣлалъ. Все это—не суть важно... А пока—прощай!

Онъ кивнулъ ей у входа и двинулся своей раскачистой походкой къ калиткѣ, которая вела на дворъ.

Сестра его посидѣла минуты двѣ, уперевъ голову о ладонь правой руки, потомъ начала прибирать на столѣ.

VI.

Марья Өедоровна Лодыгина встаетъ очень рано. Она жадно ловитъ красивое утро, когда солнце еще низко и роса не посохла на травѣ и цвѣтахъ.

Всѣ еще спятъ въ домѣ: дѣти, ихъ бонна, горничная. Она любитъ умываться и одѣваться сама.

Безшумно отворяла она дверь въ спальню дѣтей и, поглядѣвъ, какъ они крѣпко спятъ, такъ же безшумно проходила на террасу, гдѣ дожидались всѣ ея „sieben Sachen",—какъ она любила называть то, что ей нужно было для работы „en plein air".

Вотъ и сегодня она также рано встала. Спальня у нихъ не общая. Такъ повелось съ рожденія второго ребенка: послѣ родовъ она долго не могла оправиться, и цѣлыхъ полгода все прихварывала.

А здѣсь, на дачномъ положеніи, у Виктора Петровича — мужское отдѣленіе, цѣлыхъ три комнаты, съ особымъ ходомъ и передней.

Мужъ ея вернулся изъ Москвы три дня назадъ, а вчера къ нимъ переѣхалъ, отъ своихъ, Бучаевъ.

За вечернимъ чаемъ были большіе разговоры. Говорилъ почти что одинъ ея „Витя",—впрочемъ, какъ всегда.

Она не со вчерашняго дня замѣчаетъ, что у него потребность говорить—парижанки изъ ея пріятельницъ непочтительно сказали бы: „tenir le crachoir"—развивается не по днямъ, а по часамъ.

Когда онъ зараженъ чѣмъ-нибудь,—а онъ рѣдко не зараженъ,—то у него фразы и цѣлыя огромныя тирады такъ и вы-

летаютъ изо рта. Она даже удивляется—какъ можно такъ быстро находить выраженіе для всякой мысли. Точно у него, въ мозгу, сидитъ какая-то особая машинка, съ изумительной быстротой превращающая мысль въ звуки и слова, съ опредѣленной интонаціей.

Марья Өедоровна работала что-то вяло. Она отложила муштабель и немного отодвинулась отъ полотна. Работала она не на томъ самомъ пунктѣ, гдѣ ее нашелъ Николай, а немного правѣе; но главный мотивъ былъ тотъ же: купа деревьевъ съ необыкновенно красивымъ рисункомъ и съ фономъ чисто русскаго неба и лужайки.

Изъ головы ея не шла параллель двухъ пріятелей—*ея* Виктора и Бучаева.

Вчера она,—какъ художница,—кажется, впервые схватила типичную ноту ихъ лицъ, очертаній головы и самый физіономическій жестъ.

Какая глубокая разница!

И въ то же время—что-то общее въ тонѣ, въ оборотѣ фразъ, въ экспрессіи, вродѣ какъ тотъ общій вкусъ, по которому вы сейчасъ же узнаете ѣду извѣстнаго ресторана.

Оба—люди одной генераціи; оттуда и сходство... Но только внѣшнее.

Бучаевъ начинаетъ ее тревожить. И это ей несовсѣмъ пріятно.

Она выше всего ставитъ честность, прямоту. Такъ она воспиталась. И стóитъ только кому-нибудь сказать, что женщина *не можетъ не лгать*, какъ она вся всполошится. Но она должна сознаться про себя, что для огромнаго большинства—это такъ. Едва ли не въ первый разъ она встрѣчаетъ такого спеціалиста по разоблаченію „самообмана“, какъ этотъ товарищъ ея мужа.

Своему Виктору она не передавала разговора съ Бучаевымъ. Она на это не имѣетъ права. Это похоже было бы на желаніе ихъ поссорить.

Но все-таки Бучаевъ—быть можетъ, и неумышленно—начинаетъ какъ будто подкапываться подъ „престижъ“, который супругъ имѣетъ въ глазахъ супруги.

Между ними нѣтъ дружбы, да врядъ ли она и можетъ быть. Ей сдается, что и въ мужѣ ея, съ нѣкоторыхъ поръ, есть склонность „пройтись“ надъ милѣйшимъ „Нео-Базаровымъ“, какъ онъ его прозвалъ.

Она недовольна и тѣмъ, что позволила себѣ ненужную нескромность: вотъ это прозвище: „Базаровъ“; только скрыла частицу „нео“, которая могла гораздо сильнѣе задѣть Бучаева.

Марьѣ Ѳедоровнѣ и въ эту минуту непріятно то, что ее начинаетъ тревожить „вопросъ" о Бучаевѣ.

Стало быть, она не чувствуетъ себя совершенно свободной. Онъ ее—на особый ладъ—*интригуетъ*... что-ли, хотя это слово невполнѣ выражаетъ то настроеніе, какое Бучаевъ сталъ вызывать въ ней.

Ей, какъ будто, завидна въ немъ его свобода духа, если онъ только не рисуется. Можно, конечно, взглянуть на него просто какъ на досужаго резонера, который ведетъ жизнь шатуна и занимается безвредными наблюденіями. Вѣдь онъ гдѣ-то сотрудничаетъ. Стало, можно посмотрѣть на его игру въ психологическій анализъ знакомыхъ и товарищей, какъ на репортерство... только не явное, а „про себя".

Но если онъ не рисуется, то онъ душевно независимѣе всякаго другого.

И опять сравненіе его съ ея Викторомъ навязывалось ей. Викторъ идетъ на всѣхъ парахъ; его личность разростается, вмѣстѣ съ ростомъ его репутаціи... но свободенъ ли онъ отъ всего того, съ чѣмъ связана его профессія? И не ведетъ ли она къ потерѣ строгаго самоанализа, той „лакмусовой бумажки", о которой говорилъ тогда Бучаевъ?

Марья Ѳедоровна совсѣмъ и не замѣчала, что сидитъ, задумавшись, съ опущенной палитрой,—уже больше получаса.

Ей послышался какъ будто разговоръ, тамъ, внизъ по аллеѣ. Она быстро поглядѣла туда.

Идутъ они оба. Роста они почти одинаковаго. Бучаевъ чуточку повыше, но на ходу гнется. Викторъ держится, напротивъ, съ откинутой назадъ головой. Борода дѣлаетъ его лицо красивѣе, мужественнѣе. Она темнѣе, чѣмъ русые волосы, видные изъ-подъ бортовъ парусинной шляпы. Онъ весь въ чесунчѣ. Вмѣсто жилета—шолковый кушакъ; на шеѣ—легкій бѣлый фуляръ большимъ бантомъ.

Она можетъ уже схватить слухомъ отдѣльные возгласы.

Вотъ Викторъ перебилъ Николая Сергѣевича словами:

— Скажите пожалуйста!

И разсмѣялся, очень молодо, раскатисто. Смѣхъ у него, до сихъ поръ, почти дѣтскій.

Голосъ Бучаева гораздо глуше, хотя и высокій. Можно, издали, не видя его, подумать, что говоритъ пожилой человѣкъ.

Они встали. Бучаевъ—въ своемъ бѣломъ картузѣ, который придаетъ ему что-то провинціальное, почти-что разночинское.

Потомъ они дошли до перекрестка.

— А чаю?—долетѣлъ вопросъ мужа.

Тотъ что-то отвѣтилъ и повелъ головой.

— Къ завтраку вернетесь?—спросилъ мужъ.

— Постараюсь.

И они разошлись. Бучаевъ повернулъ въ дальнюю часть парка, откуда можно было выйти къ рѣкѣ; Викторъ осмотрѣлся и повернулъ въ ея сторону.

Они—студентами—не перешли на „ты“, чему Марья Ѳедоровна скорѣе рада. Есть пріятельство, но нѣтъ формальной товарищеской связи. Такъ лучше.

Мужъ, издали, сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой. Она положила палитру на ящикъ съ красками, отставила мольбертъ и пошла къ нему навстрѣчу.

Въ самомъ концѣ кленовой аллеи былъ въ тѣни дерновый диванъ. Тамъ они и поздоровались.

Лодыгинъ поцѣловалъ жену въ щеку и въ шею и посадилъ рядомъ съ собою, заглядывая ей въ лицо.

— Хорошо поработала, Маруся?

— Нѣтъ... не особенно.

— Что̀ такъ? Утро—богатое!

Онъ снялъ шляпу и, прищурившись, поглядѣлъ туда, на ея „мѣстечко“.

— Не нашла того освѣщенія, какое было вчера... Или лучше: не сумѣла его найти... Это больше въ насъ самихъ сидитъ, чѣмъ въ природѣ.

— Пожалуй и такъ!

Въ темнокарихъ глазахъ Лодыгина, теперь прищуренныхъ на нее, заиграла одобрительная улыбка.

„Какая у меня жена умница!—говорили эти игривые глаза.— Совсѣмъ подъ пару своему мужу!“

— Раздумалась что-ли о чемъ?

Марья Ѳедоровна не сразу отвѣтила. Она сидѣла съ опущенной головой и точно что̀ разглядывала подъ ногами.

— Немножко... да... Витя. Вотъ сейчасъ вы были тутъ съ Бучаевымъ. Я на васъ долго смотрѣла... вы не замѣчали.

— Ну и что̀ же?

У него уже были адвокатскіе пріемы задавать вопросы.

— Такъ.

Она чуть-чуть усмѣхнулась.

— Твоимъ собственнымъ кода̀комъ — онъ указалъ на ея глаза—снимала съ насъ мгновенную фотографію. Ты бы его, въ

самомъ дѣлѣ, зарисовала. Такъ, хоть въ видѣ этюда... У него голова характерная... на рѣдкость.

— Это идея,—какъ бы про себя промолвила она.

— Благо онъ у насъ погоститъ.

— А ты долго поживешь, Витя?

— Весьма желалъ бы... Развѣ какая-нибудь срочная депеша разразится, какъ громъ.

— Какъ же тогда?

— Что̀?..

Она опять усмѣхнулась.

— Оставишь жену подъ одной кровлей съ молодымъ человѣкомъ, чужимъ?

— Да... вотъ что̀! Ха, ха! Ты это какъ... въ сурьёзъ? Или для игриваго возбужденія въ мужѣ нѣкотораго владѣльческаго чувства?

— А если-бъ и въ сурьёзъ?

— Qu'en dira-t-on? Ха, ха! Или—онъ приблизилъ къ ней лицо—Бучаевъ начинаетъ за тобой ухаживать?

— Нѣтъ. Этого совсѣмъ нѣтъ.

— Можетъ быть, такой недостатокъ вкуса начинаетъ тебя щемить? А? Маруся! Я тебя не считалъ никогда кокеткой, но вѣдь душа женщины—бездонная бездна!

Съ ней онъ почти всегда шутитъ. И это стало ей меньше нравиться, чѣмъ еще полгода назадъ. Такого же почти тона держится онъ и съ дѣтьми; только темы разговоровъ другія. Но когда онъ передаетъ ей, какъ онъ одержалъ побѣду надъ „дошлымъ" прокуроромъ—онъ говоритъ язвительно, горячо... въ сурьёзъ.

— Бучаевъ что-то тебѣ разсказывалъ?—спросила она, мѣняя тонъ.

— Про своего бофрѐра Зуброва... Милашка тоже!.. И у него, того и гляди, дойдетъ до чего-нибудь аграрнаго...

— И ты же будешь защищать мужиковъ?

— Можетъ статься.

— Онъ тебѣ ничего не говорилъ въ такомъ духѣ?

— Нѣтъ, ничего.

— Послушай, Витя... Между нами... ты не считаешь его... чѣмъ-нибудь больше простого шатуна и наблюдателя?

— Агентомъ... партіи?—быстро, дѣловымъ звукомъ остановилъ Лодыгинъ.

— Да... Вѣдь они же есть теперь и по деревнямъ?

— Не думаю, чтобы онъ былъ... такой эмиссаръ. Онъ слиш-

комъ большой скептикъ; и, прежде всего, слишкомъ влюбленъ въ свой умъ, въ свою независимость, въ то, что его нельзя завербовать ни въ какую команду...

Все это было выговорено въ томъ же легкомъ тонѣ... и съ затаеннымъ чувствомъ *своего* превосходства надъ такимъ... „Нео-Базаровымъ“. Но все-таки въ мужѣ Марья Ѳедоровна не подмѣчала того гораздо болѣе остраго анализа натуры и душевнаго склада, какой Бучаевъ уже прилагаетъ къ своему товарищу.

Ее защекоталъ вопросъ: закинуть что-нибудь объ этомъ мужу или нѣтъ?

Это было одно мгновеніе. Она такъ же моментально пристыдила себя. На это она не имѣетъ никакого права. Да и ея искреннее желаніе: — довести ихъ обоихъ до того, чтобы они дѣйствительно сошлись—безъ всякихъ такихъ пріятельскихъ ехидностей.

— Человѣку съ извѣстной...

— *Платформой*, какъ любитъ выражаться Бучаевъ...

— Да... платформой... почти стыдно предаваться дилеттантству... только говорить...

— Кто его знаетъ! Онъ со мною не вступалъ еще, до сихъ поръ, ни въ какія интимности... по этой части.

— Можетъ,—не довѣряетъ? — спросила Марья Ѳедоровна, вбокъ поглядѣвъ на мужа.

— Съ какой стати? Но я повторяю тебѣ... агентомъ... эмиссаромъ... исполнителемъ онъ не будетъ. Онъ—резонеръ-моралистъ. Мораль его соціальная... этого онъ не скрываетъ.

— Вотъ ты, Витя, прозвалъ его Нео-Базаровымъ... Такъ тотъ былъ способенъ... на дѣло.

— А почемъ мы знаемъ? Иванъ Сергѣичъ Тургеневъ ловко уморилъ его въ концѣ романа... Чтò изъ него вышло бы—мы не знаемъ. Въ настоящую минуту, то-есть въ началѣ XX-го вѣка, онъ навѣрное бы былъ старомодный умникъ, который все бы еще молился на Бюхнера и Молешотта, съ придачею Дарвина, котораго тотъ Тургеневскій герой еще не успѣлъ прочесть... при жизни!

Лодыгинъ громко разсмѣялся, видимо довольный своей литературной импровизаціей.

Но она не очень понравилась Марьѣ Ѳедоровнѣ. И тутъ у нея сорвалось съ языка:

— Онъ не обидѣлся... твоимъ прозвищемъ, Витя?..

— А ты развѣ меня выдала?

— У насъ вышелъ тутъ... такой разговоръ...

— И ты хотѣла запустить ему шпильку?

— Только я не передала полнаго прозвища... Приставное словечко *нео*—я скрыла.

— Маруся! Это на тебя совсѣмъ не похоже.

— Развѣ это было не корректно?

— Смотря по тому—какой былъ тонъ вашего разговора... Но, право, онъ тебя начинаетъ безпокоить. Это—симптомъ.

— Чего?

— А того, что у тебя теряется объективное отношеніе къ его личности. Кто-то... кажется, Людвигъ Фейербахъ...

— Какой?

— Маруся! Ну, настоящій, не папаша его, метафизикъ-юристъ, съ своей пресловутой теоріей вмѣненія... а сынъ, Людвигъ, авторъ „Сущности Христіанства".

— Что̀ же онъ сказалъ?

— О женщинахъ...

— Что-нибудь злое?

— Какъ посмотрѣть. Что-то вродѣ того: *чего женщина не любитъ, то для нея и не существуетъ.*

— Такъ бы слѣдовало чувствовать и господамъ мужчинамъ.

— И тогда тю-тю!.. Прости—всякое точное знаніе: и математика, и физика, и зоологія, и ботаника, жизнь той природы, безъ которой ты не стала бы художницей.

— Такъ вѣдь я люблю то, что̀ зарисовываю?..

— Смотри! Возьмешь да и перейдешь послѣ къ идеализаціи. Переходъ самый обычный у вашей сестры. А теперь прощай! Вернусь въ домъ, возьму простыню и выкупаюсь. А тамъ и чай!

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и быстро поднялся. Уходя, кивнулъ ей весело головой.

Марья Ѳедоровна минуты двѣ-три посидѣла еще на дерновомъ диванѣ и вслѣдъ мужу не смотрѣла.

VII.

Передъ завтракомъ, Бучаевъ вернулся, весь пыльный и въ испаринѣ, перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ другую пару платья.

Его комната была рядомъ со спальней хозяина. Лодыгинъ, еще утромъ, сказалъ ему, что у нихъ будутъ завтракать два сосѣда—мѣстные „тузы", и что ему не безъинтересно было бы „взять съ нихъ съёмочку".

Одинъ—бывшій губернскій предводитель, имѣвшій непріят-

ности и вышедшій въ отставку до срока, изъ-за исторіи, гдѣ онъ себя „позапылилъ“. А другой—петербургскій большой и чиновный баринъ—„первый чинъ“—такъ назвалъ его Лодыгинъ—живетъ здѣсь лѣтомъ и затѣваетъ тяжбу съ казной.

Бывшаго предводителя кто-то обличилъ въ мѣстной прессѣ, и онъ желаетъ начинать дѣло, только еще не рѣшилъ: о *диффамаціи* или—о *клеветѣ*.

Когда Николай услыхалъ его фамилію—Опàринъ,—то онъ что-то сейчасъ же вспомнилъ и остановилъ Лодыгина вопросомъ:

— Да вѣдь это одинъ изъ дворянъ, какихъ называютъ „божьей милостью“? Онъ прославился и въ печати?..

— Да, да, тотъ самый!—весело крикнулъ Лодыгинъ.

— Какъ же *вы* будете его защищать?—подчеркнулъ Бучаевъ мѣстоименіе „вы“.

— Для курьёза.

— Значитъ, вы будете ему помогать засадить автора или редактора въ кутузку,—если ихъ обвинятъ?

— До этого дѣло не дойдетъ. Но тутъ прекрасный случай показать—чтò за народъ эти самые дворяне „божьей милостью“.

— Вы, стало быть, берете на себя амплуа, какъ бы это сказать... Конрада Валленрода что-ли?

— Я еще не далъ слова... но меня сильно подмываетъ выступить яко бы въ роли защитника такого субъекта.

— Но какъ *онъ* могъ къ вамъ обратиться, зная вашу репутацію?

— Это уже—его дѣло. Его познакомилъ со мною все тотъ же ближайшій нашъ сосѣдъ—*первый чинъ*,—протянулъ онъ съ юморомъ.—Этотъ — совсѣмъ въ другомъ вкусѣ... скептикъ, острякъ и, по своему, либералъ. Его тяжбу я буду вести съ особымъ удовольствіемъ.

— Чтобы наложить въ загривокъ привилегированной администраціи?

— Именно!

Этотъ разговоръ весь пришелъ на память Николаю. И онъ, одѣваясь, поводилъ насмѣшливо губами, думая о томъ—какой его товарищъ „франтъ“. Ему вѣдь, *въ сущности*, все „ganz schnuppe“, кромѣ его славы, и онъ, навѣрное, сумѣетъ выставить на показъ то, какъ онъ ловко воспользовался защитой такого дворянина „божьей милостью“, чтобы его же потопить и вмѣстѣ съ тѣмъ дать по носу нѣкоторымъ òрганамъ прессы за то, что они его сами начали пощипывать.

Къ завтраку Бучаевъ не опоздалъ и поспѣлъ въ столовую, когда хозяева и два гостя приступали къ закускѣ.

Петербургскій сановникъ „не у дѣлъ“, князь Щигрòвскій, смотрѣлъ пожилымъ дипломатомъ, съ моноклемъ, въ усахъ, лицо морщинистое, но посадка высокаго стана—еще молодая. На немъ ловко сидѣла сѣрая пара. Ноги—въ башмакахъ съ свѣтлыми гамашами. Онъ привѣтливо пожалъ ему руку, когда его познакомили.

Бывшій предводитель — лысый брюнетъ, очень небольшого роста, среднихъ лѣтъ, тоже въ свѣтлой парѣ, похожъ былъ скорѣе на музыканта изъ иностранцевъ. Его рукопожатіе было гораздо менѣе любезное. Онъ носилъ на короткомъ, вздернутомъ носу золотое pince-nez и очень высокій воротникъ подпиралъ его голову, откинутую назадъ. Маленькія холеныя руки — въ широкихъ модныхъ маншетахъ.

Николай сѣлъ противъ Марьи Ѳедоровны — между двумя гостями—и изрѣдка взглядывалъ на нее.

Ей, конечно, оба новые кліента ея Виктора—не очень понутру; но она съ ними привѣтлива, по заграничному. Мужъ ея помѣстился между нею и бывшимъ предводителемъ. Онъ держался съ ними, какъ равный имъ, и даже съ оттѣнкомъ умственнаго превосходства. Своимъ тономъ онъ какъ бы желалъ показать Бучаеву, что ему „абсолютно наплевать“, что одинъ изъ нихъ — „первый чинъ“, а другой считаетъ себя дворяниномъ „божьей милостью“.

Эту игру, кажется, понимала и Марья Ѳедоровна.

„Первый чинъ“ любилъ поговорить и уже раза два останавливалъ хозяина и барскимъ звукомъ „э-э-э“, и даже возгласомъ „позвольте“.

Всѣ трое—и двое баръ, и самъ хозяинъ—любили, по французской поговоркѣ, держать плевательницу—„tenir le crachoir“.

— Вообще, — завелъ князь Щигровскій, отхлебнувъ изъ стакана краснаго вина,—жизнь въ деревнѣ... въ прежнемъ Монрепò, какъ называлъ Салтыковъ... дѣлается своего рода...

Онъ искалъ слова.

— Искусомъ,—подсказалъ Опаринъ и выпятилъ нижнюю губу.

— Экзаменомъ, вродѣ того, чтò во Франціи, во время террора, называли „certificat de civisme“.

— Почему же такъ?—нѣсколько подзадоривающимъ звукомъ спросилъ Лодыгинъ.

— Какъ же почему?!—вскричалъ Опаринъ.—Какъ будто вамъ это не извѣстно?

— А мы съ мужемъ, напротивъ, здѣсь блаженствуемъ,— замѣтила съ усмѣшкой Марья Ѳедоровна.

— Вы живете на дачѣ! — возразилъ князь.—Но и вы не ограждены ни отъ какихъ сюрпризовъ...

— Развѣ наши милѣйшіе пейзане, — продолжалъ за него Опаринъ, — узнали вò-время, что Викторъ Петровичъ сдѣлалъ себѣ, кажется, спеціальность изъ защиты того, чтò нынче величаютъ „аграрнымъ" преступленіемъ?

— Хе, хе!—тихо разсмѣялся князь и повернулъ голову въ сторону хозяина.—Нашъ любезный сосѣдъ стоитъ выше партій... защищаетъ пейзанъ... защищаетъ и насъ, грѣшныхъ.

Тутъ Николай взглянулъ искоса на Марью Ѳедоровну.

Она какъ будто слегка покраснѣла.

— Вы правы, князь, — отозвалась она: — для Виктора всѣ кліенты равны, когда онъ найдетъ, что ему можно взять на себя то или иное дѣло.

Бучаевъ даже не ожидалъ такой реплики. Въ лицѣ Лодыгина также что-то проскользнуло. Онъ улыбнулся и поднялъ голову. Ему понравилось такое вмѣшательство его Маруси.

— Русская жизнь и въ деревнѣ дифференцируется,—выговорилъ онъ, улыбаясь глазами.—Такъ должно было случиться!

— И всѣмъ намъ — крышка! Вѣдь это такъ говорится въ интеллигенціи?—язвительно замѣтилъ Опаринъ.

— Можетъ быть, и самой интеллигенціи будетъ крышка!— возразилъ такимъ же легкимъ тономъ Лодыгинъ,—если на насъ начнутъ науськивать пейзанъ.

— Пока это будетъ,—не сдавался Опаринъ,—надъ мужиками и деревенскими рабочими уже усердствуютъ господа упразднители общества. Въ любой избѣ, гдѣ заведется паренекъ, побывавшій въ отхожемъ промыслѣ—вы найдете книжки и листки самаго недвусмысленнаго содержанія...

— Да, да, — кротко и съ юморомъ подтвердилъ князь.—У меня, на заводѣ, урядники усердствуютъ по этой части. Я въ это не вхожу. Какъ вы, добрѣйшій Викторъ Петровичъ, изволили сказать, рано или поздно все это пройдетъ. Ceci tuera cela,— какъ сказалъ поэтъ-солнце. Поэтому я и не волнуюсь. Ничего не будетъ удивительнаго, если въ одну прекрасную лунную ночь сосѣднимъ мужикамъ придетъ на умъ устроить даровой фейерверкъ изъ моего добра, съ поддержкой всѣхъ увріеровъ и увріеровъ моего завода. Ха, ха! Я вообще изумляюсь, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе—чѣмъ вся наша россійская махинища держится?!

— Князь! Простите! Вотъ такой философіей наше сословіе и губитъ себя! — остановилъ его Опаринъ и ударилъ тупымъ краемъ ножа о столъ. — Этимъ добровольнымъ самозакланіемъ.

— Самозакланіе! Le mot est joli!

— А то какъ же? Гдѣ это видано, чтобы сословіе, облеченное законнѣйшими государственными правами, добровольно отказывалось отъ нихъ?

— Гдѣ видано, Орестъ Павловичъ?—крикнулъ Лодыгинъ и оглянулся на жену и Бучаева.—А въ Парижѣ, въ великую революцію... та ночь, когда дворяне сожгли всѣ свои грамоты, титулы и привилегіи!

— Это былъ припадокъ безумія! Вотъ что-съ! Такъ тѣ, по крайней мѣрѣ,—взяли свой реваншъ впослѣдствіи и вернулись послѣ сверженія Наполеона.

— Кутнули,—добавилъ Лодыгинъ,—не надолго!

— Нужды нѣтъ! А теперь, въ ихъ хваленой республикѣ, принципъ высшаго сословія, права дворянства, титулы—въ самомъ большомъ ходу. Парижъ, да и вся Франція помѣшались на дворянствѣ, на haute noblesse И они тамъ только и ждутъ избавителя... l'homme providentiel!

— Ou un préfet à poigne!—вставилъ князь.

— Именно. У Буланжè не хватило выдержки. Его женскій полъ загубилъ. А удайся Дерулэду его военный бунтъ—и давнымъ-давно все было бы по старому. А въ Англіи, а въ Германіи... гдѣ хотите—кто откажется отъ своей частички „von", отъ титула „sir" — не то, что уже герцога или маркиза? А у насъ скоро дойдутъ до того, что будутъ говорить и писать: „я—съ позволенія сказать—дворянинъ"!

— Хе, хе!—раздался саркастическій смѣшокъ князя.

Но ему уже сильно хотѣлось перебить дворянина „божьей милостью" и самому „подержать плевательницу".

Онъ протянулъ руку, какъ бы прося слова.

— Мы такіе...—началъ онъ.—У насъ нѣтъ никакихъ традицій. Мы ничѣмъ не дорожимъ. Какъ это... у Гоголя,—онъ спросилъ глазами,—у него такое прозвище есть... Не уважай... не уважай...

— Неуважай-Корыто,—подсказалъ Николай.

— Merci! Хе, хе! Да, да. Неуважай-Корыто. Une race anarchiste — quoi! Когда встрѣчаю нѣмцевъ... военныхъ... les gros bonnets ихъ арміи, qui ne jurent que par Moltke—я имъ всегда говорю: „Ну, прекрасно, вы вторгнетесь въ наши предѣлы... Но что̀ вы найдете у насъ? Курныя избы! Ни зданій, ни капита-

ловъ, ни запасовъ, ни objets d'art... ничего! Настоящая нигилистическая земля... отъ слова „nihil“, что значитъ пустышка. Развѣ это не такъ? Чѣмъ же дорожить?..

— Позвольте, князь!—перебилъ Опаринъ.—Какъ чѣмъ дорожить? Своимъ правомъ прежде всего!..

— Allons donc, mon cher!—князь повелъ плечами и усердно посолилъ корочку хлѣба.—Allons donc! Право, право! Какимъ правомъ, смѣю спросить? Имѣть винокуренный заводъ? Такъ и оно уже теперь—не дворянская привилегія. Отдавать дѣтей въ закрытое заведеніе, куда принимаютъ только дворянъ... La belle affaire! Но кто обойдетъ многихъ этихъ лицеистовъ и правовѣдовъ? Выслужившіеся штатскіе генералы изъ семинаристовъ и разночинцевъ, или изъ купцовъ, которые поступили въ гвардію, въ лейбъ-гусары и дослужились до генераловъ? Намъ бы только какъ-нибудь уцѣлѣть, пока messieurs les cultivateurs,—протянулъ онъ съ юморомъ, — не придутъ скопомъ и не скажутъ намъ: „Тебѣ, баринъ, крышка! Убирайся, пока цѣлъ“. И это будетъ не сегодня, такъ завтра, не черезъ годъ, такъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Лицо Опарина, отъ прилива крови, стало бурѣть. Онъ звонко выпускалъ воздухъ изъ выпяченныхъ губъ и возился на своемъ стулѣ.

Все это было довольно-таки забавно для Николая. Марья Өедоровна раза два взглянула на него,—какъ бы спрашивая его безъ словъ: какъ онъ все это находитъ? А потомъ переводила взглядъ на мужа.

Лодыгинъ продолжалъ усмѣхаться глазами. И когда взглядывалъ на Бучаева, то его глаза говорили: „Пускай ихъ побалакаютъ! Для насъ съ вами они—курьёзные экземпляры, и вступать съ ними въ препирательства мы не будемъ“.

Но въ общемъ выходило, все-таки, какъ будто несовсѣмъ ладно.

— Значитъ, князь,—обратился къ нему Лодыгинъ,—какъ ни кинь, все выходитъ клинъ?!

— Oui, mon excellent Викторъ Петровичъ, все выходитъ клинъ!

— Это добровольное самоубійство сословія!—пустилъ Опаринъ фальцетомъ.—Это самозакланіе какое-то! Я говорю не какъ ретроградъ, не какъ гасильникъ, хотя меня и прославили и тѣмъ, и другимъ. Всѣ теперь кричатъ о гарантіяхъ. Но первая гарантія—неприкосновенность моего добраго имени, моей собственности, моихъ законныхъ правъ и преимуществъ. Вотъ Ви-

кторъ Петровичъ—нашъ въ настоящую минуту амфитріонъ, хотя и считается сторонникомъ очень либеральныхъ взглядовъ,—однако, онъ согласился выступить во имя моихъ попранныхъ правъ.

— А я, mon cher,—возразилъ князь, поправляя монокль,—не сталъ бы затѣвать процесса...

— Почему же это, князь?

— Потому что если тѣхъ, кого вы теперь привлекаете, и осудятъ—пресса извѣстнаго направленія васъ не пощадитъ. Я бы сказалъ именно для васъ... un intransigeant... по части сословныхъ прерогативъ—это не дворянское дѣло...

— Стало, надо позволять всякому нахалу или мерзавцу—оскорблять васъ?

— Pardon! Вы идете по тротуару... Вдругъ передъ вами всплываетъ какой-нибудь индивидъ и выругаетъ васъ самымъ непечатнымъ словомъ... Вы будете тащить его въ участокъ?

— Не знаю... Можетъ быть...

— Allons donc! Чтò за наивность придавать значеніе тому, чтò болтаютъ господа газетчики? На здоровье! Завтра же появится такое entrefilet, гдѣ весьма прозрачно будутъ намекать, что князь Александръ Ивановичъ Щигровскій воруетъ платки въ театрахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. На здоровье! Bon appétit!

Опаринъ пожалъ плечами и повелъ головой.

— Вы это такъ, князь... изволите шутить.

— Нисколько. Честной человѣкъ! Другое дѣло, когда васъ хотятъ, яко бы на законномъ основаніи, ограбить... какъ меня казна. Вотъ и я обратился къ нашему любезному хозяину, и онъ мнѣ не откажетъ въ своей защитѣ... А клевета, а диффамація... кстати, я до сихъ поръ въ толкъ не возьму—какая между ними есть разница?..

— Есть, князь,—отозвалась Марья Өедоровна;—даже я знаю—какая.

— Вы—супруга юриста!

Повернувъ голову въ сторону хозяйки, князь широко улыбнулся и прибавилъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Прошу у васъ извиненія...

— За что, князь?

— За то, что мы завели такой разговоръ... злободневный—вѣдь нынче такъ называютъ?—вмѣсто того, чтобы говорить о предметахъ гораздо болѣе пріятныхъ.

— Напротивъ, князь, мнѣ было интересно...

— Слышать, какъ мы, вотъ, съ Орестомъ Павловичемъ ло-

мали копья—онъ за свое сословіе, а я... за невозможность въ сурьёзъ смотрѣть на то, что̀ теперь происходитъ въ нашемъ отечествѣ?

— Будто уже, князь, никакая другая точка зрѣнія невозможна?—спросилъ Лодыгинъ и прищурился.

— Для меня—грѣшный человѣкъ—невозможна.

— Браво, князь! Это—верхъ нигилизма!—крикнулъ Опаринъ.

Остальные—въ томъ числѣ и Бучаевъ—засмѣялись, каждый съ особеннымъ выраженіемъ.

VIII.

Въ бесѣдкѣ—за предобѣденнымъ чаемъ—сидѣли хозяева и Бучаевъ.

Оба гостя наконецъ-то „изволили отбыть“,—какъ выразился самъ Лодыгинъ.

Марья Ѳедоровна была замѣтно возбуждена. Она и послѣ завтрака не много говорила, да это было и трудно съ такими рѣчистыми господами. Но теперь и ей захотѣлось „отвести душу“. Бучаевъ и ждалъ—что-то она начнетъ говорить. Онъ провелъ очень „забавно“ все дообѣденное время, и когда оба гостя уѣхали, сказалъ своему товарищу:

— Махровые экземпляры! Одинъ вродѣ *Cactus grandiflora*—тотъ первый чинъ; а дворянинъ божьей милостью—*Cactus speciosa*.

Лодыгинъ засмѣялся; но самъ не сталъ прохаживаться на ихъ счетъ.

Марья Ѳедоровна выпила, съ аппетитомъ, двѣ чашки чаю, отставила свою чашку и, поглядѣвъ на нихъ обоихъ, обратилась къ первому къ мужу.

— Неужели, Витя, ты и въ самомъ дѣлѣ будешь защищать и того, и другого?.. Особенно того... Опарина... Что̀ это за гусь, Бучаевъ?—спросила она:—вѣдь онъ, кажется, изъ доблестной газеты со Страстного бульвара?

— Кажется... И о̀ргана *ejusdem farinae* и въ Петербургѣ.

Она посмотрѣла на мужа.

Лодыгинъ курилъ и прихлебывалъ изъ своего стакана.

— Ты спрашиваешь, Маруся, почему я берусь ихъ защищать? Я еще не окончательно рѣшилъ.

— Однако... обоихъ обнадежилъ,—какъ бы про себя замѣтилъ Бучаевъ.

Онъ также курилъ и вбокъ поглядывалъ на товарища, съ

усмѣшкой въ глазахъ, отъ которой, должно быть, не могъ воздержаться.

— Ахъ, милые мои,—Лодыгинъ протянулъ имъ обоимъ руки,—вы все въ сурьёзъ берете. Это слишкомъ прямолинейно, чтобы не сказать—наивно.

Щеки Марьи Өедоровны начали розовѣть.

— А вамъ все это, какъ нѣмцы говорятъ, „ganz schnuppe"?—подсказалъ Николай тономъ, въ которомъ чувствовалось легкое поддразниванье пріятеля.

— Почему же *все*?—протянулъ Лодыгинъ.—что̀ у васъ за злосчастная привычка—непомѣрно все обобщать, Бучаевъ? Съ какой же стати дѣлать изъ всего принципіальную догму?

— Конечно...—нервнѣе откликнулась Марья Өедоровна.—Ты адвокатъ... ты долженъ защищать всякаго кліента... Но эта теорія—слишкомъ растяжима въ твоихъ устахъ.

— Маруся! „Уста"!.. Впрочемъ, я не обижаюсь. Это лучше, чѣмъ губы. Губа̀—такой грубо-реальный звукъ!

И ей, и Николаю, ясно было, что онъ хочетъ отыграться. Это ей было очень непріятно. Несовсѣмъ пріятно и то, что она первая не воздержалась и завела такой разговоръ.

— Марья Өедоровна,—обратился къ ней Бучаевъ,—вашего Виктора я понимаю.

Лодыгинъ прищурился на него.

— Прекрасно понимаю,—повторилъ Николай.—Для него важенъ матеріалъ, изъ котораго онъ будетъ лѣпить свою рѣчь.

— Пожалуй!—съ умышленной небрежностью промолвилъ Лодыгинъ и откинулся на спинку стула.—Матеріалъ, дѣйствительно, довольно-таки хазо̀вый... У одного процессъ съ казной, въ которомъ онъ—несомнѣнно пострадавшая сторона. Всякихъ правонарушеній, кумовства, произвола и прямо гадости—цѣлый букетъ. И не все ли равно,—онъ кивнулъ головой женѣ,—кто эта обиженная казанская сирота: купецъ Размараевъ или „первый чинъ", Рюриковичъ, князь Щигровскій, потомокъ великихъ князей Смоленскихъ?..

— А еслибъ это былъ крестьянинъ или цѣлое сельское общество?—остановила Марья Өедоровна.

— Я бы взялся за дѣло охотнѣе, но, по существу, оно было бы такое же.

— И было бы усиленной рекламой!—вскользь, опять точно про себя, обронилъ Бучаевъ.

— Это меня не касается,—отвѣтилъ ему Лодыгинъ, даже и не поглядѣвъ на него.—Есть поговорка... даже романъ съ та-

кимъ заглавіемъ „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“. Такъ и въ нашемъ дѣлѣ. Щепки летятъ. Хорошо, если онѣ попадаютъ, въ кого нужно. Успѣхъ—игра. Сегодня зала тебя вызываетъ двадцать разъ, а завтра—ни хлопка!

— Прекрасно, Витя, но что намъ съ тобою за дѣло до того, что такой Рюриковичъ—и безъ того богачъ—оттянетъ отъ казны еще нѣсколько сотъ десятинъ? Какова бы ни была казна, но въ ея рукахъ—земля всего государства. И рано или поздно она пойдетъ не первымъ чинамъ, а тѣмъ, кто истинно нуждается въ ней. Не правда ли, Николай Сергѣичъ?

Глаза ея блестѣли.

— Кажется, что такъ,—шутливо отозвался Бучаевъ.—Я думаю, что и мужъ вашъ, съ своей платформы, долженъ бы точно такъ же разсуждать, но до такъ называемой націонализаціи земли еще много воды утечетъ; а тутъ—какъ видите, отличный предлогъ показать—какіе порядки процвѣтаютъ у насъ до сей минуты...

Тонъ Бучаева показывалъ достаточно, что и онъ не хочетъ брать „въ сурьезъ“ все то, что сейчасъ такъ блестяще развивалъ ея „супругъ и повелитель“.

— Ну да, ну да, это буки-азъ-ба, друзья мои! Вы оба знаете меня не со вчерашняго дня... а все еще не хотите понять—какой главный психическій мотивъ во мнѣ дѣйствуетъ.

Щеки Марьи Ѳедоровны стали блѣднѣть. Она полуопустила рѣсницы и сидѣла въ напряженной позѣ.

— Повѣдайте, добрѣйшій!—откликнулся Николай.

— Только разумный *индивидуализмъ*, если его брать очень глубоко, дастъ вамъ полную свободу духа. А вѣдь согласитесь,—обратился онъ къ Бучаеву,—вы тоже выше всего ставите эту безусловную внутреннюю свободу. Да или нѣтъ?

— Не отрицаю.

— Но куда же ты хочешь придти?—нервно кинула Марья Ѳедоровна и пристально поглядѣла на мужа.

— Дай мнѣ досказать. Отучись, Маруся, отъ этой ужасной русской привычки къ перебиванію. Этого даже россійскіе прокуроры не позволяютъ себѣ, исключая самыхъ неистовыхъ.

— Хорошо... Но я опять спрошу: куда ты хочешь придти?

— Зачѣмъ же, душа моя, непремѣнно приходить? Ха, ха! Онъ сталъ полегоньку качаться на стулѣ.

— Разъ у меня высшій идеалъ и критерій, безусловная свобода моего „я“—съ какой стати буду я идти на мелкіе компромиссы съ обывательскими какъ бы это сказать... направленіями что-ли... все равно... радикальными или ретроградными?

— Это растяжимое profession de foi,—тихо, но съ дрожью въ голосѣ вымолвила Марья Ѳедоровна.

— Извините! Это не profession de foi... въ тѣсномъ смыслѣ, а только основная нота моего духовнаго „я“.

Повернувшись на стулѣ въ сторону Бучаева, онъ продолжалъ, все ускоряя свою дикцію и съ интонаціями, которыя, вѣроятно, привыкъ отпускать въ судебныхъ залахъ.

— Вотъ, милый другъ, вы мнѣ вчера говорили, что вашъ beau-frère, считающій себя самымъ корректнымъ лэндлордомъ— ведетъ себя съ сосѣдними мужиками такъ, что дѣло можетъ кончиться чѣмъ-нибудь аграрнымъ. И вы посовѣтуете имъ обратиться ко мнѣ...

— Вы, разумѣется, имъ не откажете?—спросилъ Бучаевъ съ усмѣшкой.

— Не откажу, уже по тому одному, что вашъ beau-frère, судя по вашей же характеристикѣ, махровый экземпляръ хитроумнаго буржуя. И онъ, на мой взглядъ, куда вреднѣе, въ соціальномъ смыслѣ, не только милѣйшаго князя, но и того... дворянина божьей милостью.

— Это меня не убѣждаетъ, Викторъ,—сдержанно вымолвила Марья Ѳедоровна и стала еще нервнѣе перетирать свою чашку.

— Въ чемъ? Въ чемъ, Маруся?

Мужъ ея почти удивленно взглянулъ сначала на нее, потомъ тотчасъ же и на Бучаева.

Въ его острыхъ глазахъ засвѣтилась усмѣшка, увѣреннаго въ себѣ педагога, который снисходительно, но не безъ удивленія слушаетъ, что̀ такое лепечетъ его ученица.

Николай отвѣтилъ ему тоже улыбающимся взглядомъ, отъ котораго ему стало какъ будто не совсѣмъ по себѣ.

— Да скажите, пожалуйста, господа,—онъ поднялъ тонъ и заговорилъ еще быстрѣе,—скажите на милость, неужели въ современномъ обществѣ—все равно, у насъ ли, на святой Руси, или на всемъ Западѣ, въ Европѣ, въ Америкѣ, гдѣ хотите— есть какое-нибудь неприкосновенное credo... profession de foi, какъ ты сейчасъ назвала, Маруся, другими словами—незыблемая и всѣми одинаково признаваемая мораль?

— Положимъ, что и нѣтъ, — отвѣтилъ первый Бучаевъ.— А потомъ что̀?

— Потомъ что̀? Вы говорите, положимъ, въ тонѣ полувынужденнаго согласія...

— Ахъ, Викторъ!—вырвался возгласъ у Марьи Ѳедоровны.— Ты все воображаешь себя за пюпитромъ присяжнаго повѣреннаго.

— Съ какой стати!

Голосъ у него будто немного перехватило, но онъ подался къ столу и положилъ на его край оба локтя.

— Вы первый,—еще стремительнѣе началъ онъ въ сторону Бучаева,—развѣ вы признаете за тѣмъ, что̀ и культурное общество считаетъ моралью—какую-нибудь *санкцію*, помимо религіозной, для тѣхъ, кто не лицемѣритъ и дѣйствительно во что-то вѣритъ?

— А ты такой санкціи, стало-быть, не признаешь?—остановила его Марья Өедоровна.

— Радъ бы признавать; но ея нѣтъ. Все держится условной ложью!..

— Припѣвъ старый, любезнѣйшій Викторъ Петровичъ,—замѣтилъ Бучаевъ.— Книжка Нордау устарѣла. Надо бы что-нибудь болѣе свѣжаго привоза.

— Это уже argumentum ad hominem. Личные подвохи мы оставимъ, Бучаевъ. Но если вы не хитрите, не надѣваете личины, то для васъ перваго должно быть ясно полное распаденіе—особенно у насъ—всякой этики. И чѣмъ же вы занимаетесь, какъ не обличеніемъ фразы, маскировки?.. Вѣдь это вашъ возгласъ: *карты—на столъ*!

Марья Өедоровна поглядѣла, въ эту минуту, на Бучаева.

Тотъ не смутился.

— Это, любезный другъ, тоже вѣдь argumentum ad hominem? Пускай! Но это двѣ вещи глубоко различныя: указывать на самообманъ или на умышленную фальшь, или утверждать, что для этики нѣтъ никакой санкціи.

— Въ той московской селянкѣ, которую зовутъ обществомъ—даже среди самыхъ сливокъ интеллигенціи—нѣтъ ея и быть не можетъ. Обязательная этика бываетъ только въ такіе моменты, когда всѣ охвачены однимъ догматомъ, одной вѣрой.

Сдѣлавъ звонкую передышку, Лодыгинъ всталъ, обогнулъ столъ и пододвинулся вплотную къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Бучаевъ.

— Ваша формула: карты—на столъ! Прекрасно! Вотъ и я желалъ бы заглянуть, какъ слѣдуетъ, въ ваши карты. Если это опять argumentum ad hominem, то вѣдь вы оба стали приступать ко мнѣ съ требованіемъ моего credo? А ваше? Полный анархизмъ? Да? Тогда я васъ понимаю. Только убѣжденный анархистъ можетъ стоять надъ всѣмъ людскимъ муравейникомъ и радоваться его гибели.

— И себя, Викторъ, ты причисляешь къ тому же разряду? Это—новость для меня.

— Маруся! Развѣ я сказалъ, что увѣровалъ въ спасительность всеобщей анархіи?

— Но вамъ, Лодыгинъ, очень бы хотѣлось меня зачислить въ эту секту?—спросилъ Бучаевъ и поднялъ къ нему голову.

Лодыгинъ стоялъ надъ нимъ, у края стола.

— Не желаете—тѣмъ лучше. Тогда мы съ вами окажемся одного толка: и вы, и я, не можемъ въ серьёзъ смотрѣть на тѣ дипломы, которые выдаютъ себѣ—сами... фарисеи всякихъ лагерей, вплоть до самыхъ красныхъ и даже разрывныхъ. Вы, Бучаевъ, предаетесь спорту—срыванія масокъ. И я также. Только ваша спеціальность гораздо пріятнѣе и покойнѣе. А моя—громоздка и рискованна. А толку... практической пользы въ ней врядъ ли больше.

— Ты хочешь сказать, Викторъ — спросила Марья Ѳедоровна, замедляя свою рѣчь, — что тебѣ все... ganz schnuppe... какъ говоритъ Николай Сергѣичъ? И когда ты обличаешь какое-нибудь соціальное зло, ты самъ не вѣришь въ то, что̀ ты говоришь?..

— Вовсе нѣтъ! Я могу вѣрить въ то, что я правъ; но въ то, что я пересоздамъ этику того болота, гдѣ мы всѣ барахтаемся—увы, нѣтъ!

Онъ взглянулъ на часы.

— Однако, „надо дать отдохнуть и фонтану". Я пойду выкупаться. Бучаевъ, вы мнѣ не повистуете?

— Нѣтъ... у меня нѣтъ охоты.

— Вольному воля! До свиданія. Какъ сказали бы во французскомъ трибуналѣ или въ палатѣ: „l'incident est clos".

И онъ, кивнувъ имъ обоимъ головой, вышелъ изъ бесѣдки. Николай поглядѣлъ ему вслѣдъ и потомъ, поведя головой, протянулъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ свой стаканъ.

— Благоволите еще... хоть съ полстакана... большая жажда отъ вашихъ *фензэрвовъ*... по-гоголевски выражаясь.

— Хотите, заварю свѣжаго?

— Нѣтъ, все равно... хотя бы и „Кронштадтъ былъ виденъ". И онъ тихо разсмѣялся.

Помолчавъ, онъ выговорилъ почти такъ же шутливо:

— Послѣ заключительной реплики побѣдоносно удалился.

Она не сразу отвѣтила; сначала налила ему чаю.

— Знаете что̀, Николай Сергѣичъ... вамъ бы слѣдовало иначе ему отвѣтить.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Я не хочу вѣрить, чтобы у васъ не было своего credo...

и очень глубокаго. Да и онъ, только чтобы эффектно препираться, напускаетъ на себя чуть не анархизмъ.

— Анархисты—люди съ очень строгой платформой, Марья Өедоровна... самые ярые сектанты изъ всѣхъ, какіе только водятся въ началѣ двадцатаго вѣка. И вашъ Викторъ—слишкомъ нѣжно любитъ свою особу, чтобы ему поступить подъ началъ къ какой бы то ни было доктринѣ. А впрочемъ, къ чему все это? За глаза я не скажу о немъ больше ни слова.

— Это нехорошо.

— Почему?

— Вы — умышленно или нѣтъ — заставили меня... какъ вы это называли... изъ химіи... опустить...

— Лакмусовую бумажку?

— Да, для анализа.

— И вамъ жаль своего прежняго... святого?

Лицо Марьи Өедоровны повела нервная усмѣшка.

— Вы... заставили меня... защитника по профессіи посадить на скамью подсудимыхъ.

— Вы это серьезно, Марья Өедоровна?—спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Очень.

— Полноте! Навѣрное и раньше... васъ приводило въ недоумѣніе... такое балансированіе вашего Виктора. И сегодня вы ставили ему сами вопросы, которые, рано или поздно, всплыли бы. Онъ—индивидуалистъ. И выше свободы духа ничего не ставитъ. Имѣетъ на это полнѣйшее право. И я бы, на его мѣстѣ, совершенно такъ же чувствовалъ и поступалъ...

— Вы?—она остановила на немъ взглядъ.—Вы? Не вѣрю! Если въ васъ, Бучаевъ, не оказалось бы ничего, кромѣ дилетантства, это было бы еще печальнѣе.

— Мое амплуа, Марья Өедоровна,—самое маленькое. Помогать переоцѣнкѣ. Если вы, помаленьку, установите — простите еще химическій терминъ — удѣльный вѣсъ вашего Виктора — лучшаго нельзя ничего и желать. Не будетъ иллюзій, не будетъ и неразумной требовательности.

— Не будетъ... и...

Она не договорила.

— Чего?

— Не будетъ и того, что̀ для женщины дороже всего.

— Любви, что-ли? Почему же? Какъ будто любятъ только своихъ идоловъ? Любятъ и тѣхъ, кто ниже насъ, кто нуждается въ нашей поддержкѣ, а иногда—въ жалости.

— Ни того, ни другого такому человѣку, какъ Викторъ, не надо.

— Какъ знать! Жизнь подсиживаетъ и не такихъ богатырей.

И оба вдругъ смолкли.

— Ахъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ!

Этотъ возгласъ вырвался у нея вмѣстѣ съ жестомъ правой руки.

Ихъ какъ будто стѣсняло взглянуть другъ на друга, и говорить на ту же тему никому изъ нихъ больше не хотѣлось.

Жаръ еще не спадалъ.

IX.

Николай рѣшилъ уѣхать совсѣмъ, черезъ два дня.

„Довольно, — повторялъ онъ, шагая по тропинкѣ въ гору, прямо къ калиткѣ сада усадьбы Зубровыхъ.—Достаточно на одинъ *персонъ!*"—про себя выговорилъ онъ съ нѣмецкимъ акцентомъ.

Ему было болѣе не по себѣ, чѣмъ когда-либо, въ послѣднее время.

У Лодыгиныхъ началось что-то для него почти что невыносимое.

Себѣ самому онъ не хочетъ лгать. Къ Марьѣ Ѳедоровнѣ его тянетъ.

Насколько?

Можно ли за себя поручиться? Все зависитъ отъ того, какъ сама женщина начнетъ реагировать.

Онъ—не „снобъ", и презираетъ всякое умышленное доктринерство. А вѣдь она была—по своему—вправѣ намекнуть ему вчера, что „лакмусовая бумажка" пущена имъ была въ ходъ прямо затѣмъ, чтобы подкопаться подъ престижъ супруга и предложить себя на его мѣсто.

Она сказала это, правда, вскользь, а онъ сталъ оправдываться, когда надо было пропустить это мимо ушей.

И вышло глупо!

А въ ней, кажется, дѣйствительно, началъ копошиться червякъ анализа. Ея Витя уже начинаетъ ее смущать. И какъ-разъ, послѣ той адвокатской реплики, въ бесѣдкѣ, за чаемъ, онъ сталъ еще сильнѣе форсить своей свободой духа и болтаетъ цѣлый день хвастливо и задорно. Какъ-то сразу поглупѣлъ.

Въ концѣ недѣли онъ возвращается въ Москву. Оставаться съ глазу на глазъ съ его женой въ такомъ настроеніи—нельзя.

„И что же выходитъ, любезный другъ Николай Сергѣичъ?—спросилъ онъ себя, поднявшись на половину крутого пригорка, гдѣ онъ присѣлъ на дернъ и закурилъ. — Стало, вы изволите удирать? По россійской замашкѣ... сначала курочкѣ: *цыпъ-цыпъ*, а какъ она подойдетъ—сейчасъ и на попятный?“

Онъ вспомнилъ такую статью, давно всѣми забытую, автора романа „Что дѣлать“. Кажется, она называется: „Русскій человѣкъ на rendez-vous“?

Гдѣ же тутъ послѣдовательность? Гдѣ логика? Онъ считаетъ себя спеціалистомъ по срыванію масокъ. „Иди дальше! Лодыгинъ—„цаца“, драпирующійся, когда нужно, въ соціализмъ и даже въ анархизмъ. Выведи его на чистую воду передъ милой, талантливой бабенкой. Это—хорошее дѣло. Изъ такой тактики не слѣдуетъ, что ты долженъ непремѣнно поступить въ его замѣстители“.

Пристыдивъ себя, Николай все-таки остался при томъ выводѣ, что надо отсюда уѣхать. Передъ нимъ еще цѣлый городской сезонъ. Вѣдь онъ хотѣлъ провести его въ Москвѣ. Времени еще довольно.

Но все-таки ему было не по себѣ. Онъ называетъ такое состояніе „душевной диспепсіей“.

Сегодня, когда онъ проснулся, очень рано, чуть не въ пятомъ часу, и лежалъ еще въ постели, рядомъ съ спальней, откуда доносилось сонное дыханіе Лодыгина,—ему весь его „habitus“, то, что онъ изъ себя изображаетъ — представился въ „паскудномъ“ свѣтѣ.

Вѣдь интересная Марья Өедоровна, на прощанье, можетъ сказать ему, пожалуй, и въ присутствіи своего мужа:

— Бучаевъ! Да выложите же и свои карты на столъ! Что же *вы* такое? Таинственный незнакомецъ старинной мелодрамы? Анархистъ, народникъ-революціонеръ или сторонникъ экономическаго матеріализма? Что вы, въ сущности, дѣлаете? Какую *анкету* выполняете? Распространяете какое-нибудь подпольное изданіе, выдаете себя за что-нибудь крестьянамъ? А если вы ни то, ни другое, ни третье, то неужели вся цѣль вашего существованія—запусканіе лакмусовой бумажки въ растворы, для распознаванія надлежащаго цвѣта разныхъ обывателей?

И не правъ ли „франтъ-адвокатъ“, находя, что они оба—одного поля ягода, оба—*индивидуалисты*, которые ничего не хотятъ и не должны „брать въ серьёзъ“, среди такого обще-

ства, гдѣ нѣтъ никакой санкціи для какихъ бы то ни было твердыхъ этическихъ основъ.

Разумѣется, никакого общепризнаннаго credo нѣтъ нигдѣ— ни въ хваленой западной Европѣ, ни въ Америкѣ, нигдѣ! „Bellum omnium contra omnes", — какъ сказалъ давнымъ-давно умнѣйшій скептикъ.

И начни онъ—не только въ усадьбѣ господъ Зубровыхъ, но и въ столовой университетскаго своего товарища Лодыгина— излагать свое альтруистическое „исповѣданіе" вѣры—ему не повѣрятъ, сочтутъ его фразеромъ или „лукавымъ мужиченкомъ", который хочетъ „втереть имъ очки", а шатается, яко бы безъ дѣла, какъ эмиссаръ заграничныхъ террористовъ.

Въ ихъ глазахъ онъ—пустѣйшій малый. Правда, гдѣ-то пописываетъ и этимъ кормится. Но мало ли нынче развелось строчилъ?

„А бабенка все-таки смущена!" — вдругъ воскликнулъ онъ мысленно, и однимъ взмахомъ поднялся на ноги.

И смущеніе это онъ приписываетъ не тому, что онъ, лично, какъ мужчина, сталъ ее интересовать, а его лакмусовой бумажкѣ, которую она теперь начинаетъ также опускать въ тотъ растворъ, изъ котораго состоитъ личность ея мужа, великолѣпнаго діалектика, Виктора Петровича Лодыгина, не смущающагося тѣмъ, что и про него будутъ повторять:

„Воспѣлъ Гарибальди,
Воспѣлъ и Франческо"...

Черезъ фруктовый садъ, куда вела съ пригорка калитка, Бучаевъ, захваченный своимъ раздумьемъ, прошелъ и въ цвѣтникъ, передъ балкономъ. Онъ выбралъ нарочно такой часъ, когда Эліодоръ Ильичъ, навѣрное, уѣхалъ на хуторъ, а сестра должна быть дома.

Онъ съ ней простится, скажетъ ей нѣсколько истинъ, если она сама начнетъ ему дѣлать какіе-нибудь „намэки и упрэки",— выговорилъ онъ, дурачливо, про себя; но врядъ ли она сочтетъ это нужнымъ.

Сестра будетъ рада, что онъ уберется отсюда. Она поняла, что они съ нею ни къ какому соглашенію придти не могутъ; да ей теперь и все равно—кáкъ онъ смотритъ на нее, свою бывшую руководительницу. Такіе два экземпляра, какъ Зубровъ и его сестра — самые закоренѣлые. Ихъ никто не сшибетъ съ ихъ позиціи. Они—столпы россійской культуры. Только ихъ примѣръ и можетъ поднять народную массу, разъѣдаемую безпомощностью, неумѣлостью, дремучимъ невѣжествомъ, пьянствомъ и половой распущенностью.

Подойдя къ балкону, онъ увидалъ въ открытомъ окнѣ кабинета Эліодора Ильича курчавую, рыжеватую голову приказчика. Онъ стоялъ спиной къ окну. Изъ-за его фигуры бѣлѣло что-то похожее на женскую блузу.

„Да это сестрица!“ — подумалъ Николай и пріостановился.

Его немного удивило то, что приказчикъ, въ такой ранній часъ, что-то докладываетъ ей.

Протянулось не больше одной минуты. На балконѣ, откуда шли два схода изъ расшатавшагося мшистаго камня, показался приказчикъ въ холщевомъ пиджакѣ нараспашку и въ высокихъ сапогахъ.

Фуражку онъ еще держалъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой—нагайку.

Видно было, что онъ только-что соскочилъ съ сѣдла. На его красномъ отъ загара лбу блестѣли на солнцѣ капельки пота.

Оглянувшись еще разъ на окна, онъ сбѣжалъ бочкомъ по сходу, съ той стороны, гдѣ остановился Бучаевъ.

— Имѣю честь кланяться,—выговорилъ онъ съ поклономъ.

— Вы были у Эліодора Ильича?—спросилъ Бучаевъ.

— Никакъ нѣтъ... Елена Сергѣевна однѣ дома. Я присланъ съ хутора... съ запиской отъ Эліодора Ильича.

— Что-нибудь экстренное?

Бучаевъ прищурился.

— И весьма, Николай Сергѣичъ. Вы нéшто не изволили слышать?

— Ничего не слыхалъ. Что-нибудь съ самимъ Эліодоромъ Ильичемъ приключилось?

— Ни, Боже мой! А у насъ, въ округѣ, весьма неблагополучно.

— Чѣмъ?

— Вчерашняго числа... крестьяне графа, —фамиліи онъ не назвалъ,—произвели открытое нападеніе на графскую экономію, управляющаго связали и разграбили все, чтò было въ амбарахъ и кладовыхъ.

— Быть не можетъ!

— Помилуйте! Ужъ тамъ воинская команда находится въ настоящій моментъ.

Откашлянувъ въ руку, приказчикъ пододвинулся къ нему.

— И у насъ... все на чеку́...

— Чтò такое?

— Елена Сергѣевна вамъ сами разскажутъ. Онѣ мнѣ дали записку. Поскачу сейчасъ въ станъ. Прошу почтительнѣйше извинить!

Онъ поклонился и пошелъ къ калиткѣ, противъ кухни, низменнаго одноэтажнаго дома, стоящаго при въѣздѣ во дворъ усадьбы.

„Начинается!“ — воскликнулъ про себя Николай, и быстро взбѣжалъ по ступенькамъ схода.

— Лена!—окликнулъ онъ съ балкона.— Ты еще здѣсь?

Изъ окна выглянула голова Елены Сергѣевны.

— Это ты... Николай?

Онъ сразу замѣтилъ, что она сильно разстроена — по лицу красныя пятна, даже волосы вихрятся на вискахъ.

— Я! Пришелъ проститься. Можно къ тебѣ?

— Пожалуйста!

Она встрѣтила его на порогѣ мужнина кабинета.

На ней была длинная бѣлая блуза и коса только прихвачена на затылкѣ, съ распущенными по плечамъ волосами.

— Ты, кажется, очень разстроена? — спросилъ Николай, пожимая ея руку.

И рука ея—маленькая, нервная—была слегка влажная отъ волненія.

— Есть отъ чего!

— Ты послала конторщика въ станъ?

— Это тебя удивляетъ, Николай?

— Я ничего толкомъ не знаю. Позволь присѣсть. Я усталъ —пришелъ пѣшкомъ.

— Садись, пожалуйста.

Голосъ у нея перехватывало.

Они сѣли у того окна, откуда онъ увидалъ ее изъ-за спины приказчика.

— Эліодоръ долженъ сейчасъ быть. Онъ прислалъ мнѣ записку, гдѣ проситъ отослать тотчасъ же приказчика въ станъ.

— Аграрное движеніе?—остановилъ ее Николай.

— Ха-ха! Ты радъ?

— Оно не измѣнится, мой другъ, оттого, что я радъ или не радъ.

— Ну, хорошо! Спорить я не хочу. Не до того. Лучше я тебѣ разскажу, что̀ я сегодня утромъ испытала, когда Дора уже уѣхалъ на хуторъ. Это для тебя великолѣпная сцена.

— Я беллетристикой не занимаюсь.

— Все равно... для корреспонденціи.

Она начала разсказывать въ приподнятомъ ироническомъ тонѣ.

— Напилась я чаю... и пошла—какъ всегда—пройтись на выгонъ, туда,—указала она рукою.

— Чей выгонъ?

— Нашъ. Но мы давно съ ними размежевались и никакихъ исторій не имѣемъ.

— Ну, и что же?

— Идетъ ко мнѣ какой-то пьяный мужичонка. Я имени его не знаю... Прямо-таки на меня... шапки не снимаетъ.

— А это развѣ обязательно?

— Мы этого съ Эліодоромъ ни отъ кого не требуемъ... Подошелъ и протягиваетъ мнѣ свою корявую, грязную руку и сейчасъ же заявляетъ... и такимъ тономъ, точно онъ земскій начальникъ...

— Когда тотъ обращается къ мужичью, а не къ своему брату-дворянину?

— Ну, положимъ. Дай мнѣ, пожалуйста, досказать. Да, заявляетъ: „Землю пришли дѣлить!“—Какую землю?—спрашиваю его мягко. „Чтобы свой выгонъ былъ“. И сталъ мнѣ пространно, довольно толково для пьянаго, объяснять, что, видите ли, они могутъ такъ отъ насъ отгородиться, что намъ не будетъ проѣзда въ нашу усадьбу..

— Ловко!

Она взглянула на брата и чуть замѣтно пожала плечами.

— Да, было бы очень ловко, еслибъ имъ всѣмъ пришла эта геніальная комбинація.

— Можетъ быть, онъ и заговорилъ такъ послѣ схода, со словъ стариковъ?

— Погоди! Проѣзжали тутъ телѣги, онъ ихъ остановилъ и сталъ кричать мужикамъ: „Робята, а робята!—она передразнила говоръ мужика:—завтра канаву копать! Чего смотрѣть!“

— Чего смотрѣть!—повторилъ Николай, и онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не улыбнуться, даже глазами.

— Да такъ и кричалъ!

— Что̀ же мужики?

— Они смѣялись; постыдили его, что онъ все это болтаетъ съ пьяныхъ глазъ. Я бросилась къ частоколу и слушала. И мнѣ казалось, что такъ вотъ именно начинаются иногда очень крупныя вещи.

— Другими словами, ты почуяла, Лена, начало конца?

— Я не знаю. Но на меня напала жуть. И только-что я пришла домой, какъ прискакалъ приказчикъ съ запиской отъ мужа: другая часть мужиковъ того же села выѣхала пахать наше озимое поле и прислала сказать въ хуторскую контору, что земля эта должна отойти къ нимъ... А?! Какъ тебѣ это нравится?

— Чтò же я могу, сестра, сказать тебѣ на это? Хитрить не хочу. Вѣдь мужики всегда смотрятъ на господскую землю, какъ на свою коренную собственность, находящуюся у васъ только... въ узуфруктѣ, а по-ихнему — въ неправильномъ захватѣ.

— Мы ничего не захватывали! — вскричала она, блѣднѣя, снялась съ мѣста и заходила по комнатѣ.

— Вы такъ, а они—по-своему. Для нихъ кто не работаетъ самъ, тотъ и не имѣетъ права ѣсть. Ты вѣдь не забыла, что апостолъ Павелъ говоритъ это буквально въ одномъ посланіи: „кто не желаетъ трудиться, тотъ *да не ѣстъ*“. Ты слышишь, въ повелительномъ наклоненіи: *да не ѣстъ*!

— Мы не работаемъ! Мы съ Эліодоромъ?! Ха, ха!

Смѣхъ ея уже отзывался истерикой.

— Для мужика ваша работа — баловство... и *узурпація*, хотя бы вы изнывали надъ вашимъ хозяйствомъ. И прикащикъ вашъ усердствуетъ день-деньской; но для нихъ онъ—жуликъ и прохвостъ.

— Довольно, Николай! Я повторяю, что не хочу вовсе препираться съ тобой! Жалѣю, что разсказала тебѣ...

— И такіе корректные землевладѣльцы, какъ вы съ Эліодоромъ Ильичемъ—должны ждать всего...

Остановившись передъ нимъ, Елена Сергѣевна спросила его въ упоръ:

— Тебя это не удивляетъ? Ты, быть можетъ, былъ уже освѣдомленъ?

— Нѣтъ... на порядокъ въ ваше село я не хожу... Пора тебѣ знать, что я мужика никогда не обсахаривалъ. И устои деревни для меня прелести никакой не представляютъ.

— Постой! — перебила она его и быстро повернулась къ двери въ корридоръ.—Это Дора! Его шаги!

И Николай разслышалъ сильные мужскіе шаги съ легкимъ скрипомъ.

— Дора! Ты? — вскричала Елена Сергѣевна, выглянувъ въ корридоръ.

— Я... Лена!

Зубровъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ былъ во всемъ бѣломъ и еще не успѣлъ снять бѣлой же шляпы.

Увидавъ Бучаева, онъ снялъ шляпу и бросилъ ее на диванъ, около двери.

— Николай Сергѣичъ! — окликнулъ онъ съ особенной интонаціей.

— Эліодору Ильичу мое почтеніе—съ мѣста отвѣтилъ ему Бучаевъ.

— Comme ça se trouve! Вы не посланцомъ ли отъ вашего пріятеля Лодыгина?

Ноздри Зуброва вздрагивали и глаза злобно улыбались.

— Въ чемъ дѣло?—спросила измѣнившимся голосомъ Елена Сергѣевна.

— Это великолѣпно!

Зубровъ бросился въ кресло у письменнаго стола, не подавая руки шурину, и уперся обѣими руками о свои мускулистыя лядвеи.

— Великолѣпно!—звонко, высокимъ теноромъ опять воскликнулъ онъ.—Представь себѣ, душа моя,—обратился онъ къ женѣ:—была еще депутація отъ господъ cultivateur'овъ... и заявила мнѣ, что они вспашутъ урочище и честь-честью начинаютъ со мною же дѣло. А защитника они найдутъ себѣ дарового и самаго „дошлаго“. И кого бы ты думала, Лена?

— Не знаю, Дора.

— Пріятеля Николая Сергѣича—господина Лодыгина. Вамъ, вѣроятно, это было уже извѣстно?—спросилъ онъ Бучаева.

Сестра пронизала его взглядомъ.

— Вы ошибаетесь,—очень сдержанно отвѣтилъ Николай.—Я слышу это отъ васъ отъ перваго.

— Будто? Такъ вы не изволили пожаловать къ намъ въ качествѣ, такъ сказать, парламентера?

— Онъ пришелъ проститься,—поспѣшила заявить Елена Сергѣевна.

— Превосходно! Вашему товарищу и пріятелю... господину Лодыгину... предстоитъ пожать новые лавры.

— Можетъ быть, но согласитесь, я тутъ не при чѐмъ?

— О, конечно! Вы только производите вашу анкету? То, что̀ теперь начинается—потѣшное зрѣлище! Во всемъ мірѣ это слыветъ за разбой... а по ученому: аграрное движеніе... какъ, бишь, это,—обернулся онъ къ женѣ,—во время французской революціи называли?..

— Жакрія,—выговорила она съ усмѣшкой.

— Какія все звонкія слова!

— Эліодоръ Ильичъ,—остановилъ его Николай,—вы слишкомъ взволнованы, дѣло понятное.

— Мнѣ нечего волноваться,—выговорилъ, блѣднѣя, Зубровъ и всталъ съ кресла.—Не на такого напали! Явись они ко мнѣ на хуторъ, я сумѣю ихъ встрѣтить.

— На здоровье!—выговорилъ такъ же сдержанно Николай.— А за симъ позвольте пожелать вамъ всего хорошаго. Прощай, Лена!

Онъ поклонился имъ обоимъ и пошелъ медленно черезъ гостиную на балконъ.

— Имѣю честь кланяться! — раздался ему вслѣдъ возгласъ Зуброва.

X.

Въ простой и прохладной спальнѣ Марья Ѳедоровна немного замѣшкалась съ своимъ туалетомъ къ завтраку.

Она сегодня не ходила утромъ работать въ паркъ—извинилась передъ самой собою тѣмъ, что съ утра стоитъ ужасная жара.

Но это былъ только предлогъ.

Ей не по себѣ — вродѣ того, какъ было вчера Бучаеву, когда онъ шелъ отъ Лодыгиныхъ въ усадьбу Зубровыхъ.

Что-то вошло въ ея внутреннюю жизнь, какой-то клинъ, и чѣмъ его вышибить—она не знаетъ. Всю эту недѣлю—особенно послѣ разговора въ бесѣдкѣ, за чаемъ—голова ея работаетъ совсѣмъ по новому.

И одна ли голова?

Въ ней точно все перевернуто, съ самаго дна ея существа. Она недовольна и собой, и своимъ Витей... и тѣмъ гостемъ, который сегодня покидаетъ ихъ, и такъ „скоропостижно“, точно они его съ мужемъ чѣмъ-нибудь обидѣли или онъ посчитался съ ними.

Неужели оттого только Бучаевъ не хочетъ еще погостить, что послѣ отъѣзда мужа — они остались бы вдвоемъ, во всемъ домѣ,—а это неловко?

Для такого „безпредразсудочнаго“ человѣка это слишкомъ уже корректно, если не фатовато: точно будто для нея была бы опасность—остаться съ нимъ.

Ну, онъ могъ бы уѣхать вмѣстѣ съ Викторомъ. Тотъ ему предлагалъ; но Бучаевъ не захотѣлъ.

Она перебрала мысленно и то, что̀ Николай Сергѣевичъ разсказалъ вчера, вернувшись изъ усадьбы своей сестры. Тамъ его заподозрили въ томъ, что онъ подбилъ ихъ крестьянъ обратиться къ Лодыгину. Но въ чемъ же они-то виноваты? Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, какъ все это вышло. Да и, кромѣ того, онъ такъ былъ далекъ отъ тѣхъ образцовыхъ землевладѣльцевъ, что разрывъ долженъ былъ произойти не нынче—завтра.

„Все это не то!“—повторяетъ Марья Өедоровна, ходя маленькими шагами между кроватью и туалетнымъ столикомъ. Она и одѣвается-то вяло, еле-еле причесалась, и теперь въ полномъ недоумѣніи — чтò ей надѣть: какую выбрать блузу и какую юбку?

Зачѣмъ этотъ Бучаевъ разбудилъ въ ней, безъ всякаго повода, цѣлый рядъ вопросовъ и направилъ ихъ на оцѣнку „удѣльнаго вѣса“ личности ея Виктора?

Зачѣмъ? Чтобы подкопаться подъ *его* престижъ? Съ донжуанскими намѣреніями? Это на него не похоже, а если безъ всякихъ разсчетовъ, то это еще хуже.

Что же это: непростительное дилеттантство?

Ей не хочется отвѣтить утвердительно. Это было бы слишкомъ мелко для него.

Почему мелко? Развѣ она его знаетъ? И чтò это за роль: быть добровольнымъ соглядатаемъ, производить свои опыты съ „лакмусовой бумажкой“ и ловить всѣхъ на противорѣчіи слова съ дѣломъ?..

Это отзывается чѣмъ-то старомоднымъ. И Викторъ очень вѣрно называетъ его новѣйшимъ Базаровымъ, т.-е. самовлюбленнымъ умникомъ.

Но ей трудно думать и чувствовать въ такомъ направленіи.

Чтò бы ни сидѣло въ Бучаевѣ—злобность, фатовство или дилеттантство, но Викторъ для нея уже *не* тотъ, чѣмъ былъ недѣлю, много десять дней назадъ.

Тогда, за чаемъ, въ бесѣдкѣ, когда вышелъ у нихъ „словесный турниръ“—она такъ его назвала—Викторъ сначала занялъ хорошую позицію; но ему не удалось сбить Бучаева съ его позиціи; а подъ-конецъ онъ взялъ совсѣмъ неудачный тонъ.

Впервые выказалъ себя совсѣмъ не такъ, какъ бы она хотѣла. И неужели вотъ этотъ-то и есть настоящій Викторъ Петровичъ Лодыгинъ; а не тотъ человѣкъ, котораго она полюбила?

И сдѣлалъ это не кто другой, какъ все тотъ же Бучаевъ.

Минутами въ ней все внутри вскипитъ на этого „наблюдателя“. А потомъ она начнетъ все „по ниточкѣ“ разбирать, и тогда выходитъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, если взять абсолютно; правда, онъ, заглазно, началъ подкапываться подъ престижъ ея мужа, но въ ихъ турнирѣ, за чаемъ, тамъ, въ бесѣдкѣ, онъ то же самое говорилъ и въ лицо Виктору.

Марья Өедоровна наконецъ-то была готова къ завтраку, позвонила, и когда вошла камеристка,—спросила ее:

— Господа вернулись?

— Барина еще нѣтъ; а Николай Сергѣичъ дома-съ.

— А который часъ?

— Двѣнадцати еще не било, Марья Өедоровна.

— А гдѣ Николай Сергѣичъ?

— Они читали газету на террасѣ.

— Хорошо. А къ завтраку все готово?

— Давно готово-съ.

Отпустивъ горничную, Марья Өедоровна прошлась еще разъ по комнатѣ, поправила волосы и воротникъ свѣтлой шолковой блузы передъ зеркаломъ туалетнаго столика и направилась къ террасѣ, заглянувъ мелькомъ въ открытую дверь столовой, гдѣ, дѣйствительно, все было уже накрыто къ завтраку и свѣжіе цвѣты красовались по рединѣ круглаго стола.

Бучаевъ сидѣлъ спиной къ двери на террасѣ и читалъ газету.

— Николай Сергѣичъ! — окликнула она его съ порога.

Онъ повернулъ голову.

— А! Марья Өедоровна! Какъ вы тихо...—сказалъ онъ поднимаясь съ качающагося кресла.

— Сидите... я возьму стулъ.

Подавая ему руку, она спросила замедленно:

— Такъ вы во что̀ бы то ни стало... сегодня скрываетесь?

— „Скрываетесь"? Вы точно хотѣли сказать: „бѣжите".

— Какъ хотите...

— Мнѣ очень лестно, что вы такъ говорите... если только это не фраза любезной хозяйки.

— Ахъ, полноте, Бучаевъ!

На переносицѣ ея красиваго лба появилась хмурая складочка.

— Ну, простите. Не извольте гнѣваться.

— Даже не хотите выѣхать вмѣстѣ съ Викторомъ, какъ онъ предлагаетъ вамъ?

— Пора.

— Будто?

Ея взглядъ — немного исподлобья — остановился на немъ — полусерьезный, полуулыбающійся.

— Вы хотите меня на чемъ-то изловить, Марья Өедоровна. Ловите... я изворачиваться не буду.

— Ахъ, Бучаевъ! Когда вы пускаете свой ускользающій тонъ — нѣтъ возможности заставить васъ брать другія ноты.

— Отрицаю!

— Вотъ и въ настоящую минуту... Вы... скрываетесь. Мы не увидимся до осени, если вы попадете въ Москву.

— Думаю пробыть тамъ часть сезона.

— Но это слишкомъ долго и неопредѣленно. Вы можете попасть туда черезъ мѣсяцъ, черезъ два, черезъ три. А я не хочу, чтобы мы съ вами простились... на какомъ-то фальшивомъ аккордѣ.

— Почему фальшивомъ?

Онъ сразу зачуялъ въ ней желаніе объясниться и рѣшилъ до этого ее не допускать. И она это почувствовала.

— Оставьте!—нервно воскликнула она и подалась впередъ.— Вы, Бучаевъ, лишили меня моего душевнаго равновѣсія. Не возражайте! Вы сами очень хорошо видите, что это такъ.

— И вы спросите меня сейчасъ же,—продолжалъ онъ за нее,—какое я имѣлъ на это право?

— Нѣтъ. Я этого не скажу. Такъ вышло. Это—ваша спеціальность... И никому не запрещено—выводить и васъ на свѣжую воду.

— И весьма!

— Но вы видите, Бучаевъ... вы меня заразили вашимъ химическимъ анализомъ, вашей... какъ это называется...

— Лакмусовой бумажкой,—подсказалъ онъ.

— Да! лакмусовой бумажкой! Благодаря вамъ... Викторъ, въ эти дни, показалъ многое въ своемъ „я“, что̀ не такъ-то легко было разглядѣть. Другая бы не сказала вамъ этого... даже еслибъ и не любила совсѣмъ своего мужа... только изъ-за чисто женскаго тщеславія.

— Не сомнѣваюсь.

— Но что̀ же будетъ дальше? Брать на себя роль какого-то тайнаго контролера, ловить его на всякомъ самообманѣ или на чемъ-нибудь хуже того—я не желаю. Пересоздавать его—это можетъ оказаться мнѣ не по силамъ. Или поведетъ къ цѣлому ряду столкновеній и къ охлажденію... съ одной стороны... или съ обѣихъ. Развѣ это не такъ?

— Такъ, Марья Ѳедоровна.

— И вы на все это сознательно шли, Бучаевъ?

Онъ замѣтно покраснѣлъ и даже бросилъ газету на широкія перила террасы.

— Простите... вы меня поставили прямо передъ стѣной... А у меня и безъ того, Марья Ѳедоровна, скверно на душѣ!— вырвалось у него противъ воли. Онъ не выдержалъ своего тона. И это и взбѣсило, и облегчило его.

— Вотъ видите,—промолвила она, смущенная этими порывистыми словами Николая.

— Если я въ чемъ виноватъ, Марья Ѳедоровна,—продолжалъ онъ также искренно,—то дѣло сдѣлано. Назадъ ничего вернуть нельзя. Вы согласны?

— Тѣмъ хуже.

— Вы боитесь охлажденія. Съ чьей стороны?

— Съ обѣихъ.

— Какъ же тутъ быть? Одно изъ двухъ: если въ немъ, въ вашемъ Викторѣ—закваска такая, которая мѣшаетъ быть цѣльнымъ, вы только промучитесь съ нимъ. А ошибаюсь я—вы его передѣлаете по своему.

— Но мнѣ нужна поддержка! Кто изъ насъ любитъ, а кто только дозволяетъ себя любить—я не добиралась. И боюсь этого вопроса. Если люблю больше я—успѣха не будетъ. Тутъ нуженъ такой человѣкъ, такой товарищъ, какъ вы. Самолюбіе у Виктора страшное! Онъ будетъ слѣдить за собою безпощадно, только изъ-за того, чтобы не дать вамъ предлога поймать его въ чемъ-либо.

— На такую роль я не пойду, Марья Ѳедоровна.

И онъ покачалъ головой.

— Это жестоко, Бучаевъ!

— Вы можете оказаться сильнѣе всякаго такого спеціалиста, какимъ вы изволите считать меня. Молодая женщина... красивая, съ талантомъ... съ тонкимъ умомъ, съ выдержкой... ужъ если вы его не пересоздадите, то нечего и мечтать объ этомъ нашему брату.

— А если выйдетъ... крахъ?

— Какой?

— Въ этой борьбѣ разобьется сердце? Чтò тогда?

И два большихъ и глубокихъ глаза ждали отъ него отвѣта.

— Я не пророкъ, Марья Ѳедоровна.

Оба замолчали. Она отодвинула стулъ, потомъ неторопливо встала и отошла къ periламъ, лѣвѣе отъ него.

— Благодарю васъ, Николай Сергѣичъ, — выговорила она значительно.

— За что?

— За урокъ.

Его что-то толкнуло къ ней; но онъ сдержалъ себя.

Изъ окна гостиной раздался возгласъ Лодыгина:

— Вы меня ждете! Простите. Пожалуйте въ столовую. Я адски проголодался!

Гдѣ-то горѣли лѣса. Солнце, на закатѣ, купалось раскаленнымъ шаромъ въ пеленѣ изсѣра-мѣднаго цвѣта.

Въ саду такъ же душно, какъ и на террасѣ. Запахъ гари явственно доносится до дома.

Лодыгины оба томятся отъ жары и этого надвигающагося смрада.

Онъ показался какъ разъ послѣ отъѣзда Бучаева, часа за два до ихъ обѣда. Викторъ Петровичъ—за обѣдомъ—былъ нервенъ, молчалъ, что̀ съ нимъ никогда не случается. Марья Өедоровна—также. Они точно боялись оба наскочить на щекотливую тему.

За обѣдомъ дѣти расхныкались, и отецъ приказалъ ихъ увести, что̀ матери не понравилось; но она не протестовала.

Послѣ обѣда, Викторъ Петровичъ пошелъ отдохнуть. Эту московскую привычку онъ сталъ пріобрѣтать еще съ зимы. Женѣ его она не нравится; но она ему, до сихъ поръ, не дѣлала замѣчаній.

Они хотѣли съѣздить къ казенному лѣсничему, въ четырехъ верстахъ. У него хорошенькій домикъ въ дубовомъ лѣсу; но въ такой духотѣ и мглѣ—какая же охота!

Подали самоваръ на террасу.

Викторъ Петровичъ ходитъ взадъ и впередъ большими шагами. Марья Өедоровна сѣла за столъ, но еще не собралась заваривать чай.

— Муся все еще не унимается... хнычетъ?—спросилъ онъ, подходя къ столу.

— Я боюсь, что у нея что-нибудь начинается.

— Что̀ еще?

— Корь... если не скарлатина.

— Этого еще недоставало!

Тонъ этого возгласа покоробилъ ее. Но она промолчала.

Мужъ ея опять зашагалъ по террасѣ, усиленно курилъ и прищуривалъ глаза на цвѣтъ заката.

— Россія—матушка! Обязательная серія пожаровъ... начало августа. Ужъ не высококультурному ли эсквайру Зуброву въ его заказники—подпустили краснаго пѣтуха? А? Какъ ты думаешь, Маруся?

Марья Өедоровна сначала поглядѣла на него вбокъ.

— Твои новые кліенты?—спросила она, усмѣхнувшись.

— Можетъ быть. Одно къ одному. Неизбѣжное crescendo.

Она промолчала.

— Только я не ожидалъ отъ такого свободнаго духомъ, за какого выдаетъ себя Бучаевъ... онъ точно обидѣлся, что его бо-фре́ръ заподозрилъ въ интригѣ... въ науськиваньи крестьянъ и

въ посредничествѣ между ними и мною. И сейчасъ демонстративно удалился.

— Мотивъ совсѣмъ не тотъ.

— А какой же?—живѣе спросилъ Викторъ Петровичъ, и присѣлъ къ чайному столу.

— Не пожелалъ гостить у пріятеля, съ которымъ у него нѣтъ настоящей, товарищеской связи.

— Другими словами, поставилъ мнѣ въ поведеніи двойку? Ха, ха! На здоровье! Я не смущаюсь...

— Но послушай, Викторъ,—остановила она его движеніемъ руки.—Скажи мнѣ: ты взялся защищать крестьянъ, запахавшихъ у Зуброва, будешь ихъ защитникомъ, если они подпустятъ ему и краснаго пѣтуха?

— Не откажусь!

— И въ то же время выступишь повѣреннымъ—она подчеркнула это слово—такихъ господъ, какъ тотъ дворянинъ божьей милостью и тотъ... первый чинъ?

— Условія я не подписывалъ, но не вижу причины уклоняться... И почему ты завела объ этомъ именно разговоръ, Маруся? Кажется... l'incident est clos? Или тебя отчитывалъ еще разъ Бучаевъ? А?

Этотъ звукъ „а?"—немного въ носъ — еще сильнѣе покоробилъ ее.

— Твое дѣло, Викторъ. Но ты можешь впасть въ полный индифферентизмъ и смотрѣть на общественное дѣло только какъ на пьедесталъ для твоей репутаціи виртуоза слова...

— Почему не брехунцà? Ты это сказала съ такой именно интонаціей.

— Викторъ! Я не хочу этого тона... и не заслуживаю его. То, чтò во мнѣ говоритъ—очень сѐрьезно. А для тебя, какъ я начинаю замѣчать, все—„не суть важно", и каждый имѣетъ право трактовать все „съ кондачка", кромѣ своего драгоцѣннаго „я".

— Ну, полно, Маруся! Ты нервна.

Онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

— А ты, какъ всегда, уравновѣшенъ, Викторъ. Поздравляю тебя!

— Чего же ты наконецъ хочешь?—вскричалъ онъ, шумно снявшись со стула.—Тебѣ скучно безъ того обличителя „Условныхъ лжей". Но вѣдь это ужасно позапылилось—заниматься передѣлкой устарѣлой книги доктора Нордау „Conventionelle Lügen"? Надо бы выдумать что-нибудь свѣженькое.

— Какой у тебя тонъ, Викторъ!

— Какой есть. Если онъ слишкомъ нервенъ—это понятно. Ты на что-то дуешься! Тебѣ скучно безъ Бучаева. Я его просилъ остаться. Не прикажешь ли скакать за нимъ въ догонку? Онъ тоже вродѣ какой-то истерички. Какая тоска! И какой все чисто дамскій вздоръ!..

Онъ бросилъ папиросу черезъ перила и сбѣжалъ въ садъ. Марья Ѳедоровна поглядѣла ему вслѣдъ, не обмолвившись ни однимъ словомъ.

П. Боборыкинъ.

РАБОЧІЯ СИЛЫ РОССІИ

и

ИХЪ ПРИМѢНЕНІЕ

I.

Если остановиться мыслью на средствахъ, предлагаемыхъ для излеченія нашихъ экономическихъ недуговъ, то ихъ придется раздѣлить на двѣ категоріи. Одна категорія этихъ средствъ имѣетъ соціальный характеръ и преслѣдуетъ цѣль облегченія положенія наиболѣе обездоленной части населенія; другая—выдвигаетъ экономическую задачу увеличенія производительности страны. Первую, соціальную задачу мы оставимъ въ сторонѣ; что же касается подъема производительности, то надежными средствами въ этой области считаются распространеніе и усовершенствованіе фабрично-заводской промышленности и возвышеніе сельско-хозяйственной культуры. Въ послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка была предпринята грандіозная попытка сдѣлать Россію богатой путемъ развитія ея индустріи. А когда попытка эта потерпѣла неудачу—общественное мнѣніе съ особенной надеждой стало разсчитывать на поднятіе интенсивности сельскаго, преимущественно крестьянскаго хозяйства. Увеличеніе производительности труда и земли—на почвѣ сложившихся экономическихъ отношеній и путемъ испытанныхъ экономическихъ и техническихъ пріемовъ—вотъ общая формула, въ которую укладываются

наиболѣе распространенные взгляды на средства экономическаго подъема Россіи.

Такой ходъ мысли въ вопросахъ нашего экономическаго состоянія поддерживается и какъ бы обосновывается исторіей промышленнаго развитія передовыхъ цивилизованныхъ государствъ, достигшихъ высшихъ ступеней лѣстницы матеріальнаго преуспѣянія. Но судьба нѣсколькихъ странъ не составляетъ всего содержанія всемірной исторіи; а достиженіе нѣкоторыми націями—путемъ примѣненія опредѣленныхъ средствъ—высокихъ степеней матеріальнаго состоянія не доказываетъ, что эти средства приложимы повсюду и что внѣ этихъ средствъ нѣтъ путей, ведущихъ къ той же цѣли. Говоря иначе, мы не имѣемъ права утверждать, что хозяйственное развитіе по типу, указанному западной Европой, есть процессъ общій, приводящій къ одинаковымъ результатамъ всякую страну, выходящую изъ инертнаго состоянія. И если одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ экономистовъ рѣшается утверждать, что современная экономическая организація европейскихъ обществъ есть явленіе до извѣстной степени случайное, и „безъ обладанія колоніями Европа, вѣроятно, кончила бы не капитализмомъ, а натуральнымъ хозяйствомъ“ [1]), то мы не можемъ à priori отвергнуть предположеніе, что не всякой странѣ удастся непремѣнно встрѣтить такую комбинацію обстоятельствъ, которая будетъ содѣйствовать ея капиталистической эволюціи; мыслимо предположить соединеніе гдѣ-либо условій, которыя помѣшаютъ достиженію этимъ путемъ матеріальнаго благополучія страны.

„Только сочетаніе двухъ фактовъ,—говоритъ Зомбартъ,—того, что западная Европа посредствомъ беззастѣнчиваго хозяйства, могла грабить чужія страны и что эти страны такъ богаты были благородными металлами—дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе современнаго капитализма“. Но капитализмъ не только *возникъ* изъ „грабежа“ чужихъ странъ; онъ и развивается далѣе путемъ эксплоатаціи, обезсиливая и поѣдая слабыя и малокультурныя націи. Горькая судьба Ирландіи или Индіи, которымъ выпала честь служить для поддержанія промышленнаго развитія Англіи, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ истинности этого положенія. А если такъ, то фактическая исторія экономической эволюціи, разсматриваемой въ цѣломъ, должна представляться намъ процессомъ, въ которомъ преуспѣвающія націи поднимаются вверхъ по плечамъ и спинамъ побѣжденныхъ.

---

[1]) Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Изд. Горшкова. Т. I, стр. 367.

Эта двусторонность процесса экономической эволюціи ускользаетъ отъ нашего вниманія потому, что процессъ не разсматривается въ его цѣломъ. Изслѣдователей интересуютъ преуспѣвающія націи, а не отсталыя,—побѣдители, а не побѣжденные. Они посвящаютъ имъ все свое вниманіе, описываютъ и прославляютъ ихъ успѣхи и оставляютъ почти безъ освѣщенія вопросъ о томъ, какъ отражаются эти успѣхи на націяхъ, игравшихъ въ процессѣ выковыванія новаго хозяйственнаго строя роль наковальни, а не молота, и насколько такое раздѣленіе на молотъ и наковальню составляетъ необходимое условіе капиталистическаго прогресса.

Изъ этого мы выводимъ пока одно заключеніе, что матеріальные успѣхи передовыхъ государствъ, примѣнявшихъ опредѣленные методы экономическаго развитія, еще не служатъ гарантіей того, что тѣ же методы дадутъ благопріятные результаты вездѣ, гдѣ они будутъ примѣняться.

Зависимость промышленныхъ успѣховъ націи отъ наличности такихъ странъ, которыя служили бы ей опорой или могли сдѣлаться ея жертвой, обусловливается тѣмъ, что развитіе промышленности по капиталистическому типу приводитъ къ дисгармоніи между производительностью страны и ея спросомъ на продукты: запросъ внутренняго рынка не поспѣваетъ за ростомъ производительности. Ограниченіе ёмкости рынка капиталистическихъ странъ зависитъ, между прочимъ, отъ двухъ обстоятельствъ: отъ того, что разъединеніе промысловъ и земледѣлія, совершающееся въ такихъ странахъ, лишаетъ земледѣльцевъ дополнительныхъ заработковъ въ зимнее время, и что широкое примѣненіе машинъ ограничиваетъ спросъ на рабочую силу. Оба эти обстоятельства имѣютъ тенденцію сокращать доходы трудящагося населенія и ихъ спросъ на предметы потребленія, въ то время, какъ быстро растущее производство выкидываетъ на рынокъ новыя и новыя массы товаровъ. Развивающаяся нація обращаетъ тогда особенное вниманіе на рынки внѣшніе и принимаетъ разныя мѣры къ тому, чтобы стѣснить производство фабрикатовъ въ зависимыхъ отъ нея странахъ и заставить послѣднія принимать ея издѣлія. Страна, обращенная въ рынокъ для помѣщенія чужихъ фабрикатовъ, вынуждается такой политикой къ одностороннему развитію у себя земледѣлія, продукты котораго, въ видѣ жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, отдаются ею въ обмѣнъ на чужіе фабрикаты. Не имѣя тѣхъ выгодъ, какія проистекаютъ отъ наличности высоко развитой индустріи, данная страна, тѣмъ не менѣе, испытываетъ отрицательныя вліянія капиталистической эволюціи: чужіе продукты уничтожаютъ мѣстную

промышленность, а съ нею и дополнительные заработки ея земледѣльцевъ, и благосостояніе главной массы ея населенія падаетъ. Не всѣ экономически эксплоатируемыя націи обречены находиться въ политической зависимости отъ другихъ государствъ, принимающихъ прямыя и косвенныя мѣры для ограниченія ихъ индустріи. Многія изъ нихъ образуютъ самостоятельныя государства и для охраны своей промышленности прибѣгаютъ къ таможеннымъ пошлинамъ. Этого, однако, оказывается недостаточно для того, чтобы обезпечить безпрепятственное развитіе ихъ капиталистической индустріи. Разъ вступивъ на этотъ путь, онѣ подпадаютъ подъ дѣйствіе естественныхъ законовъ капиталистической эволюціи, и скоро сами сталкиваются съ вопросомъ о необходимости внѣшнихъ рынковъ. Вопросъ этотъ, однако, разрѣшается не легко. По мѣрѣ распространенія промышленнаго развитія на новыя страны растетъ потребность во внѣшнихъ рынкахъ и возникаетъ упорная борьба за обладаніе ими. Побѣда въ этой борьбѣ остается обыкновенно за болѣе культурной стороной, а побѣжденнаго ожидаетъ судьба растенія, чахнущаго въ помѣщеніи, не допускающемъ свободнаго притока воздуха. Гибельныя послѣдствія капиталистической эволюціи, при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ,—составляющихъ какъ бы естественную ея атмосферу—заключаются въ пониженіи благосостоянія трудящихся массъ и въ ограниченіи національной производительности. О первомъ мы уже говорили. Что же касается второго, то оно грозитъ такой націи съ двухъ сторонъ: 1) бѣднѣющее сельское населеніе лишается средствъ для затратъ на возвышеніе сельскохозяйственной культуры, и послѣдняя останавливается въ своемъ развитіи или даже обнаруживаетъ попятное движеніе; 2) слабый спросъ на предметы индустріи ограничиваетъ развитіе и этой послѣдней. При наличности такихъ явленій, создающихъ рѣзкое противорѣчіе между быстро растущими потребностями развивающейся страны и матеріальными средствами ихъ удовлетворенія, общество, сознательно относящееся къ своей судьбѣ, не можетъ не задаться вопросомъ: много ли шансовъ имѣется на то, что ему удастся пробить брешь въ заслонѣ, отдѣляющемъ его отъ внѣшнихъ рынковъ, и отвоевать таковые отъ своихъ высококультурныхъ соперниковъ? И если будущіе успѣхи на этомъ полѣ представляются столь же сомнительными, какими были успѣхи прошедшіе и каковы суть успѣхи настоящіе, то не благоразумно ли отказаться отъ политики форсированія процесса, приносящаго столько бѣдъ, и заняться изысканіемъ другихъ средствъ для поднятія производительности страны?

Россія принадлежитъ къ числу націй, быстро разрывающихъ съ прошлымъ, но не выбившихся на широкую дорогу безпрепятственнаго капиталистическаго прогресса. Близкое обновленіе ея политическаго строя даетъ извѣстное основаніе ожидать болѣе систематическаго и сознательнаго воздѣйствія общества на экономическія дѣла. А для благотворности такого воздѣйствія нужно критически отнестись къ программамъ преобразованія, обосновывающимся, главнымъ образомъ, ссылками на націи, успѣвшія занять лучшія позиціи на аренѣ всеобщей промышленной борьбы и приготовившіяся упорно защищать ихъ противъ новыхъ конкуррентовъ. Вопросъ объ экономическихъ задачахъ Россіи слѣдуетъ разрѣшать самостоятельно, освѣщая положительныя и отрицательныя явленія нашего быта съ точки зрѣнія внутреннихъ и международныхъ условій промышленной эволюціи и не опасаясь заключеній, вытекающихъ изъ такого разсмотрѣнія, хотя бы они не согласовались съ мнѣніями, которыя мы привыкли считать истинными.

У насъ любятъ цитировать слова Маркса, что Россія упустила въ 1861 году „прекрасный случай, который когда-либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя". Она „стремится сдѣлаться капиталистической націей по образцу западно-европейскихъ своихъ сосѣдей", но она не достигнетъ этого, „не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ того, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная нація". Эти слова знаменитаго основателя научнаго соціализма толковались такимъ образомъ, что ими, будто бы, предсказывается Россіи та же экономическая судьба, со всѣми ея темными и свѣтлыми чертами, какая постигла Францію, Англію и Германію; что Марксъ говоритъ здѣсь не только о процессѣ развитія, ожидающемъ нашу страну, но и о достиженіи ею опредѣленныхъ результатовъ; что подчиненіе Россіи, „какъ и всякой другой непосвященной націи, неумолимымъ законамъ" экономическаго развитія обезпечиваетъ ей достиженіе блестящаго матеріальнаго состоянія передовыхъ европейскихъ государствъ. Мы не будемъ такъ свободны въ толкованіи чужой рѣчи. Мы ограничимся ея прямымъ смысломъ, гласящимъ, что Россія сдѣлала достаточно для того, чтобы попасть во власть „неумолимыхъ законовъ" капиталистической эволюціи, что въ своемъ экономическомъ развитіи она слѣдуетъ примѣру, указанному исторіей передовыхъ европейскихъ государствъ. Если

даже признать правильной эту формулировку процесса экономическаго развитія Россіи, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить, что ближайшее изученіе условій, при которыхъ ей приходится проходить тотъ путь, въ отдаленіи котораго виднѣются передовыя націи, заставляетъ усомниться, чтобы ей удалось собрать на этомъ пути тѣ плоды, изъ-за которыхъ собственно этотъ путь и заслужилъ предпочтеніе. А фактическія данныя о національномъ богатствѣ и народномъ благосостояніи Россіи подтверждаютъ это пессимистическое заключеніе.

Въ Россіи, дѣйствительно, наблюдаются всѣ признаки водворенія западныхъ экономическихъ порядковъ. Масса населенія отдѣлилась отъ земли; обрабатывающая промышленность болѣе и болѣе отдѣляется отъ сельскаго хозяйства; натуральное хозяйство превращается въ денежное; чистый доходъ національнаго производства экспропріируется капиталистами: въ земледѣльческой промышленности — преимущественно ростовщикомъ, сдатчикомъ земли и торговцемъ, въ индустріи—предпринимателемъ-фабрикантомъ, въ городѣ—банкомъ; домашняя мастерская ремесленника и кустаря больше и больше замѣщается заводомъ и фабрикой, которыя становятся все крупнѣе и совершеннѣе; страна изрѣзывается желѣзными дорогами, испещряется кредитными учрежденіями, биржами и т. д. Предсказаніе Маркса осуществилось: Россія подчинилась „неумолимымъ законамъ“ экономической эволюціи, и въ ней водворяется *форма* хозяйственнаго быта, извѣстная подъ именемъ капиталистической. Но каково матеріальное содержаніе этой формы?

Развитіе заводской промышленности очень повышаетъ производительность труда; какая же, спрашивается, доля нашего населенія работаетъ на технически совершенныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и какая часть его находится внѣ цивилизующаго вліянія новаго хозяйственнаго строя? Параллельно развитію этого строя въ западной Европѣ осуществлялись экономическія и другія условія, способствовавшія возвышенію производительности земли въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ. Это выразилось прежде всего въ томъ, что урожаи хлѣбовъ увеличились, а затѣмъ центръ тяжести мелкаго хозяйства съ хлѣбопашества былъ перенесенъ въ интенсивное животноводство, продукты котораго, въ видѣ мяса скота и птицы, масла, молока и сыра, получили обезпеченный сбытъ въ городскихъ и фабричныхъ центрахъ скопленія быстро возраставшаго промышленнаго населенія. Это измѣненіе направленія сельскаго хозяйства имѣло особенно важное значеніе въ томъ отношеніи, что имъ покрывался уронъ націо-

нальной производительности, обусловленный разъединеніемъ промысловъ и земледѣлія. Праздное зимнее время земледѣльца, бывшее результатомъ этого разъединенія, наполнено теперь работою по уходу за скотомъ. Но чтобы одна нація могла разрѣшить такимъ образомъ вопросъ о возстановленія производительности зимняго времени земледѣльца—нужно, чтобы другія націи взяли на себя поставку для нея зерна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицательныя послѣдствія зернового хозяйства, дающаго земледѣльцу занятіе лишь въ теченіе лѣта и обрекающаго его на праздное состояніе въ зимнее время. Чтò же, спрашивается, представляетъ въ этомъ отношеніи Россія: какъ высоки урожаи ея полей, насколько развивается ея интенсивное животноводство и какую роль во внутренней экономіи и въ международной торговлѣ играетъ производство ею зерна? Развитіе капиталистическаго хозяйства имѣло послѣдствіемъ огромное возрастаніе въ передовыхъ государствахъ національнаго богатства, которое дало средства обезпечить населеніе благами высокой культуры въ видѣ народнаго образованія, санитарнаго и другого благоустройства селъ и городовъ, улучшенія жилищъ и содержанія работающихъ, обезпеченія населенія отъ послѣдствій неблагопріятныхъ случайностей и т. д. Чтò далъ въ этомъ отношеніи новый хозяйственный режимъ нашему отечеству; насколько великъ въ Россіи національный доходъ, обезпечено матеріальное благополучіе ея населенія, приведены въ культурное состояніе матеріальныя формы народнаго быта?

Увы, отвѣты на бòльшую часть этихъ вопросовъ настолько общеизвѣстны, что ихъ незачѣмъ воспроизводить на страницахъ нашей статьи. Мы поэтому ограничимся тѣми данными, которыя касаются наиболѣе спорныхъ вопросовъ. Какая доля нашего населенія привлечена къ наиболѣе производительнымъ, фабричнозаводскимъ занятіямъ; какая часть его находитъ иныя средства производительнаго примѣненія своего труда, и какая часть рабочей энергіи страны растрачивается непроизводительно—какъ вслѣдствіе ограниченнаго спроса на трудъ вообще, такъ и потому, что разъединеніе промысловъ и земледѣлія лишило сельское населеніе дополнительныхъ къ сельскому хозяйству заработковъ въ зимнее время? Болѣе или менѣе полный отвѣтъ на этотъ вопросъ явилась возможность получить съ окончаніемъ разработки первой у насъ всенародной переписи въ 1897 году. Несмотря на всѣ недостатки этой переписи, значительно испорченной тѣмъ, что она была произведена и ея данныя разработаны чиновничьимъ учрежденіемъ—она, тѣмъ не менѣе, впервые даетъ

намъ полныя и, вѣроятно, не очень искаженныя свѣдѣнія о численности и занятіяхъ всего населенія (кромѣ земледѣльческаго) [1].

II.

Изъ 46 милліоновъ мужского населенія Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго), во всѣхъ сферахъ физическаго труда, кромѣ земледѣлія, находятъ себѣ занятіе, согласно переписи, 5,5 милліоновъ душъ; изъ нихъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности, вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, занято менѣе 3,5 милліоновъ человѣкъ, въ торговлѣ и перевозочной дѣятельности—около 1,5 милліоновъ, и поденной и черной работой—0,5 милліоновъ. Занято частной, общественной и правительственной службой, свободными профессіями и другими видами непроизводительнаго труда (а также живутъ на счетъ своихъ капиталовъ, находятся въ заключеніи и т. д.)—всего около 2,5 милліоновъ мужчинъ. Принимая во вниманіе, что въ производительномъ возрастѣ (15 и болѣе лѣтъ) въ Европейской Россіи находится 28 милліоновъ мужчинъ, мы можемъ сказать, что собственно индустрія (крупная и мелкая), вмѣстѣ со строительнымъ дѣломъ, привлекаетъ 12% производительнаго мужского населенія, перевозочная и торговая дѣятельность—5%, а всѣ виды физическаго труда (кромѣ земледѣлія и услуженія) даютъ занятіе 1/5 части взрослаго мужского населенія. Въ службѣ и другихъ аналогичныхъ занятіяхъ насчитывается около 9% мужского населенія. Всѣ поэтому виды занятій, кромѣ сельскаго хозяйства, предъявляютъ спросъ менѣе, чѣмъ на 30% мужчинъ, находящихся въ производительномъ возрастѣ. Женщины участвуютъ въ занятіяхъ внѣ домашняго хозяйства гораздо менѣе. Изъ 48 милліоновъ лицъ женскаго пола въ Европейской Россіи, въ производительномъ возрастѣ находятся 30 милліоновъ, и изъ нихъ какое-либо занятіе (не считая земледѣлія) имѣютъ менѣе 3,5 милліоновъ душъ, или около 12% общаго числа; изъ нихъ собственно къ производительной дѣятельности привлечено менѣе одного милліона. Въ виду слабаго участія женщинъ въ различныхъ отдѣлахъ труда, въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть дѣло лишь съ мужскимъ населеніемъ Европейской Россіи.

Мы видѣли, что во всѣхъ видахъ физическаго труда, кромѣ

[1]) Общій сводъ по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія.

земледѣлія и службы, въ Россіи принимаетъ участіе 5,5 милліоновъ мужчинъ. Чтобы судить, насколько этимъ выражаются успѣхи капитализма въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ къ наиболѣе производительному труду, мы сравнимъ Россію съ двумя западно-европейскими государствами.

Пять милліоновъ рабочихъ, занятыхъ внѣ земледѣлія, поденной и черной работой, составляютъ 11% всего мужского населенія, а 3,5 милліоновъ, участвующихъ собственно въ производительной дѣятельности, составляютъ менѣе 8%. Въ Германіи промышленность и торговля обнимаютъ 8,5 милліоновъ рабочихъ, или 33% всѣхъ лицъ мужского пола, а собственно производительная дѣятельность—6,8 милліоновъ рабочихъ, или 26%. Въ Англіи и Уэльсѣ, при 16-ти-милліонномъ населеніи мужского пола, въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе 8 милліоновъ рабочихъ, или цѣлая половина лицъ мужского пола, въ томъ числѣ 5,5 милліоновъ, т.-е. 35%, участвуютъ собственно въ производительныхъ занятіяхъ.

Мы видимъ, какими жалкими представляются капиталистическія производительныя силы Россіи сравнительно съ другими цивилизованными государствами. Даже абсолютное число лицъ, участвующихъ въ торгово-промышленной дѣятельности въ Россіи,—по численности населенія въ два раза превосходящей Германію и въ три раза Англію—далеко не достигаетъ тѣхъ цифръ, какими характеризуются эти послѣднія страны; относительно же, въ Россіи къ этой дѣятельности привлекается въ три раза меньше рабочихъ (11%), чѣмъ въ Германіи (33%), и въ 4½ раза менѣе, чѣмъ въ Англіи (50%). Тѣ же приблизительно отношенія между странами наблюдаются и въ области производительнаго труда въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ Россіи въ индустріи занято около 8% мужского населенія, тогда какъ въ Германіи 26%, а въ Англіи—35%.

Уступая такъ много другимъ государствамъ въ отношеніи распространенія тѣхъ отраслей промышленности, въ организаціи которыхъ особенно выражается производительная мощь капитализма, наша страна не только не восполняетъ недостатокъ производительности, обусловленный этой причиной, высокимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, но состояніемъ этой отрасли труда низводится на еще болѣе низкую ступень послѣдней. Тогда какъ во Франціи съ десятины собирается 80 пудовъ хлѣба, въ Германіи 94 пуда, въ Англіи 128 пудовъ—въ Европейской Россіи десятина даетъ, въ среднемъ, 41 пудъ хлѣба: въ два раза менѣе, чѣмъ во Франціи, въ 2¼ раза менѣе, чѣмъ въ Германіи, и въ

3 слишкомъ раза менѣе, нежели въ Англіи. Низкое состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи составляетъ естественное послѣдствіе всего ея пореформеннаго развитія, которымъ она, выражаясь словами Маркса, „такъ стремилась стать націей капиталистической“. Оно поэтому есть результатъ этого стремленія, отрицательный вкладъ капитализма, высосавшаго производительные соки страны. Это сдѣлается болѣе яснымъ послѣ того, какъ мы закончимъ разсмотрѣніе производительныхъ силъ Россіи и степени ихъ утилизаціи.

Мы видѣли, что всѣ разнообразныя отрасли дѣятельности, кромѣ земледѣльческой, привлекаютъ въ Европейской Россіи 8 милл. мужчинъ, а такъ какъ все мужское населеніе страны производительнаго возраста (начиная съ 15 лѣтъ) равняется 28 милліонамъ, то свободными отъ всѣхъ такихъ занятій и могущими найти себѣ нѣкоторое обезпеченіе только въ сельскомъ хозяйствѣ, оказывается 20 милл. человѣкъ. Какое, дѣйствительно, число мужчинъ занимается этимъ промысломъ, сказать невозможно, потому что перепись отмѣчала только хозяевъ земледѣльческихъ семей, а не всѣхъ лицъ, прилагающихъ къ землѣ свои труды. Съ нашей точки зрѣнія, впрочемъ, наиболѣе важнымъ представляется не вопросъ о числѣ лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, потому что, по нашимъ экономическимъ и хозяйственнымъ условіямъ,—при одной и той же затратѣ въ этой отрасли рабочей энергіи,—земледѣліе можетъ дать занятіе бо̀льшему и меньшему числу лицъ. Намъ интересно отвѣтить на вопросъ, сколько рабочей энергіи затрачивается въ этомъ промыслѣ, какое число рабочихъ *требуется* для воздѣлыванія земли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вычисленіемъ.

Въ Европейской Россіи ежегодно засѣвается 70 милліоновъ десятинъ. Судя по многочисленнымъ опредѣленіямъ производительной нормы мелкаго землевладѣнія, можно полагать, что, въ среднемъ для Россіи, одинъ рабочій мужчина, при помощи женщинъ своей семьи, въ состояніи справиться съ посѣвомъ въ 6 десятинъ. Въ такомъ случаѣ для воздѣлыванія всей культурной площади Европейской Россіи требуется менѣе 12 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ. Въ этомъ разсчетѣ мужчина принимается въ расцвѣтѣ силъ, т.-е., приблизительно, въ возрастѣ 17—60 лѣтъ, и чтобы использовать для нашей цѣли выведенное заключеніе о числѣ рабочихъ, требующихся въ сельскомъ хозяйствѣ, мы должны и въ другихъ занятіяхъ принимать въ разсчетъ старшихъ мужчинъ. Согласно тому распредѣленію по возрастамъ, какое приводится въ „Сводѣ данныхъ переписи“ для занятій по всей

Россійской имперіи, можно полагать, что въ Европейской Россіи въ торгово-промышленной дѣятельности принимаетъ участіе круглымъ числомъ около 5 милл., а въ службѣ и т. п.—около 2-хъ милл. мужчинъ старшаго возраста. А такъ какъ всѣхъ мужчинъ въ этихъ возрастахъ въ Европейской Россіи насчитывается около 24 милліоновъ, то затрата и непроизводительная растрата потенціальной рабочей энергіи можетъ быть, приблизительно, выражена слѣдующимъ образомъ:

Въ сельскомъ хозяйствѣ требуется . . .	12 милл.	или	50,0%
„ промышл. и торговомъ занято . . .	5 „	„	20,8
„ непроизводительныя занятія	2 „	„	8,4
„ неиспользованная энергія	5 „	„	20,8
Итого.	24 „	„	100

Таблица эта показываетъ, что сельское хозяйство Европейской Россіи требуетъ участія въ земледѣльческихъ операціяхъ половины производительныхъ силъ страны; на всѣ отрасли торгово-промышленной дѣятельности затрачивается $^1/_5$ часть этихъ силъ; служба и другіе виды дѣятельности, не имѣющіе производительнаго характера, привлекаютъ $^1/_{12}$ общаго запаса этихъ силъ, а $^1/_5$ часть національной рабочей энергіи остается безъ производительнаго и какого-либо другого полезнаго примѣненія. Приведенные разсчеты могутъ возбудить сомнѣніе читателей въ части, касающейся рабочей силы, не получившей никакого примѣненія. Чѣмъ живетъ этотъ людъ—спроситъ читатель, и можно ли допустить мысль, что 5 милліоновъ здоровыхъ мужчинъ будутъ голодать сами, видѣть голодающими свои семьи и спокойно переносить то и другое, не посягая—не будемъ говорить о чужой собственности—на самое существованіе общества? Вѣдь передъ нами не запасные батальоны рабочихъ, предназначенные, согласно извѣстному ученію, для пополненія дѣйствующихъ кадровъ въ моменты оживленной промышленности, и выталкиваемые обратно во время кризисовъ. Здѣсь—цѣлая армія безработныхъ, по численности не уступающая всему составу промышленно-торговаго люда. Что удерживаетъ эту армію отъ соціальнаго переворота?

Сомнѣнія читателя совершенно законны, и то общество, въ которомъ $^1/_5$ населенія не имѣетъ работы и средствъ къ жизни, неизбѣжно обречено на разрушеніе. Такая опасность грозила бы и нашей странѣ, еслибы неиспользованная рабочая энергія сконцентрировалась въ опредѣленномъ, такъ сказать, углу, а не разлилась по всей поверхности; еслибы количество неутилизированныхъ силъ совпадало съ числомъ бездѣйствующихъ *лицъ*.

Но этого послѣдняго условія у насъ именно и не наблюдается. Благодаря общинному владѣнію землей въ однѣхъ мѣстностяхъ, обычаю равнаго раздѣла крестьянскаго участка между наслѣдниками въ другихъ районахъ, повсемѣстному распространенію сдачи въ аренду помѣщичьей земли мелкими площадями; благодаря, наконецъ, тому, что лица, ведущія хозяйство наемнымъ трудомъ, основываютъ производство не столько на постоянномъ персоналѣ батраковъ, сколько на случайномъ наймѣ для разныхъ операцій тѣхъ или другихъ лицъ,—доступъ къ землѣ, а слѣдовательно и нѣкоторое обезпеченіе средствъ существованія, получаютъ и такія лица, которыя вовсе ненужны для ея обработки; число земледѣльцевъ увеличивается поэтому сверхъ мѣры, и ихъ рабочая сила не находитъ даже лѣтомъ полнаго примѣненія.

Если для примѣра допустить, что тѣ 5 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ, которые, согласно нашему разсчету, не нужны ни для какого занятія, получили возможность устроиться на землѣ (а это предположеніе недалеко отъ истины), то площадь, для обработки которой достаточно 12 милліоновъ мужчинъ, распредѣляется теперь между 17 милліонами и рабочій участокъ каждаго сократится на 28%. Это значитъ, что вмѣсто работы въ теченіе цѣлаго сезона, земледѣлецъ будетъ имѣть занятіе менѣе, чѣмъ на 3/4 послѣдняго, а болѣе 1/4 части его рабочей силы останется безъ употребленія и не принесетъ дохода. 5 милліоновъ семей получили, благодаря указанному факту, возможность существованія, но это достигнуто путемъ сокращенія на 1/4—1/3 часть средствъ существованія у 12 милліоновъ семей. Абсолютно-безработное населеніе исчезло, но ограниченная безработица распространилась на всѣхъ земледѣльцевъ. Опасность общественныхъ потрясеній предупреждена, но половина населенія обѣднѣла. Массовая пролетаризація населенія устранена путемъ массовой его пауперизаціи. Обѣднѣніе земледѣльческаго населенія, въ связи съ другими неблагопріятными условіями развитія народа, гибельно отражается на состояніи главнаго промысла страны—сельскаго хозяйства. Отсутствіе у крестьянъ средствъ, которыя можно было бы затрачивать на возстановленіе расходуемыхъ производительныхъ силъ почвы, ведетъ къ безпрерывному истощенію этихъ силъ, частому повторенію неурожаевъ и распространенію ихъ на бо́льшую и бо́льшую территорію. Полунищенское же сельское населеніе оказывается менѣе и менѣе способнымъ бороться съ такимъ бѣдствіемъ и обрекается на періодическія голодовки. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ мы пережили три крупныя голодовки, охватывавшія десятки милліоновъ людей,

и нѣсколько мелкихъ, а теперь мы стоимъ передъ неурожаемъ, обѣщающимъ превзойти памятные 1891—92 годы. Мы привыкли слышать, что если новѣйшіе промышленные успѣхи цивилизованныхъ націй и несутъ съ собой нѣкоторыя бѣдствія для слабѣйшихъ членовъ общества, зато они, по крайней мѣрѣ, избавляютъ послѣднихъ отъ тѣхъ массовыхъ голодовокъ, которыя были обыкновеннымъ явленіемъ въ прежнее время, когда урожай всецѣло зависѣлъ отъ благопріятнаго сложенія атмосферныхъ условій, а отсутствіе живыхъ сношеній между странами и областями той же страны оставляло населеніе даннаго района, въ отношеніи обезпеченія его продовольствія, въ полной зависимости отъ мѣстнаго урожая и мѣстныхъ запасовъ. Такъ оно именно и наблюдается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Въ Россіи же происходитъ, повидимому, совершенно обратное. Голодовки распространяются у насъ пропорціонально нашимъ промышленнымъ успѣхамъ, а двѣ наиболѣе крупныя отмѣчаютъ начало и конецъ послѣдняго періода „невиданнаго“ подъема нашей индустріи. Нѣчто подобное среди цивилизованныхъ націй мы можемъ наблюдать только въ Индіи, новѣйшая экономическая эволюція которой похожа на нашу. И если всевозможныя заботы о водвореніи у насъ крупной фабрично-заводской промышленности и дѣйствительные успѣхи, достигнутые нами въ этой спеціальной области, не только не предупредили голодовокъ, но были сопутствуемы необыкновеннымъ ихъ развитіемъ, то лишь слѣпые могутъ утверждать, что мы находимся на правильномъ пути экономическаго прогресса и нѣтъ надобности подвергать коренному пересмотру самыя основанія этого послѣдняго.

Вышеприведенныя данныя о спросѣ нашей промышленности на трудъ достаточно хорошо объясняютъ какъ растущую нищету сельскаго населенія, такъ и регрессивныя явленія въ сельскомъ хозяйствѣ. Но эти данныя не вполнѣ еще выражаютъ непроизводительную растрату народнаго труда, а слѣдовательно и ту долю рабочей энергіи, какая получаетъ у насъ полезное примѣненіе.

Мы видѣли, что изъ 24-хъ милліоновъ взрослыхъ мужчинъ, составляющихъ какъ бы запасъ силъ, ожидающихъ производительнаго примѣненія, сельское хозяйство требуетъ 12 милліоновъ мужчинъ, или половину этого запаса, промышленность и торговля даютъ занятіе 5-ти милліонамъ, или $^1/_5$ запаса, служба и другія непроизводительныя профессіи поглощаютъ 2 милл. душъ, или менѣе $^1/_{10}$, а 5 милліоновъ мужчинъ, или слишкомъ $^1/_5$ часть національнаго запаса производительныхъ силъ, не находитъ по-

лезнаго примѣненія. Дѣйствительная потеря производительныхъ силъ страны превышаетъ, однако, исчисленные размѣры. Это происходитъ оттого, что 12 милліоновъ мужчинъ, требующихся для воздѣлыванія земли, производя почти исключительно зерно, находятъ примѣненіе въ хозяйствѣ своему труду лишь въ теченіе лѣтняго времени; а длинную зиму, если у нихъ нѣтъ дополнительнаго заработка, они обречены проводить въ праздности. Дополнительныя же промысловыя занятія перепись отмѣтила лишь у трехъ милліоновъ земледѣльцевъ, которые поэтому и могутъ считаться вполнѣ использывающими свою производительную силу. Чтобы судить о томъ, какую потерю производительности несетъ страна оттого, что остальные 9 милл. ея земледѣльцевъ прекращаютъ на зиму всякія занятія,—мы должны напомнить, что земледѣльческій сезонъ въ различныхъ полосахъ Россіи продолжается отъ пяти до девяти мѣсяцевъ. Если мы даже преувеличимъ продолжительность періода сельскохозяйственныхъ работъ и примемъ его для всей Россіи въ девять мѣсяцевъ, то и въ такомъ случаѣ бездѣятельное состояніе въ теченіе зимняго времени 9 милліоновъ земледѣльцевъ равносильно потерѣ страной рабочей силы 2,25 милліоновъ мужчинъ. Вмѣстѣ съ 5 милл. мужчинъ, совершенно излишнихъ для производства, службы и т. п., это составитъ непроизводительную растрату рабочей энергіи мѣрою 7,25 милл. единицъ, т.-е. болѣе 30% общаго запаса этихъ силъ. Введеніе въ разсчетъ силы женщинъ, привлекаемыхъ къ производительной работѣ въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, никоимъ образомъ не можетъ смягчить этого заключенія. А если принять во вниманіе, что наши разсчеты относятся къ 1897 г.,— а съ тѣхъ поръ, путемъ естественнаго размноженія, населеніе Европейской Россіи возросло, по крайней мѣрѣ, на 10 мил. душъ, въ числѣ коихъ должно быть 2,5 милл. полнорабочихъ мужчинъ,— если вспомнить, что, благодаря разразившемуся пять-лѣтъ назадъ промышленному кризису, крупная промышленность предъявляетъ лишь незначительный спросъ на новыхъ рабочихъ, а бо̀льшая часть прироста населенія должна искать пріюта въ томъ самомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ и такъ ощущается переполненіе рабочими руками,—то мы не выйдемъ изъ границъ вѣроятности, если примемъ, что, вслѣдствіе господствующей у насъ хозяйственной организаціи, Россія теряетъ непроизводительно не менѣе 1/3 части своего запаса рабочихъ силъ. Эти гибнущія силы превышаютъ, по крайней мѣрѣ, въ 1 1/2 раза ту рабочую энергію, затрачиваемую на нашу индустрію, строительную, перевозочную дѣятельность и торговлю; и если бы этой силѣ дано было

производительное примѣненіе, то продуктивность нашихъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ мастерскихъ увеличилась бы въ $2^1/_2$ раза.

Таковы итоги новѣйшаго хозяйственнаго развитія Россіи. Это развитіе привело къ тому, что $^1/_3$ часть рабочей энергіи не имѣетъ вовсе производительнаго примѣненія, что къ самому выгодному для страны, фабрично-заводскому дѣлу привлечена ничтожная доля рабочей силы, составляющая, относительно, $^1/_3$ часть того, что̀ образуетъ кадры крупной промышленности въ Германіи, и $^1/_4$—$^1/_5$ часть той доли рабочей энергіи, какая затрачивается на индустрію въ Англіи; что производительность того промысла, который служитъ главнымъ источникомъ приложенія труда нашего населенія и пріобрѣтенія имъ средствъ существованія, выражается урожаями, составляющими $^1/_2$ — $^1/_3$ часть урожаевъ хлѣбовъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; что истощеніе земли достигло у насъ такой степени, которая превращаетъ неурожаи изъ случайныхъ въ необходимыя явленія и возводитъ ихъ какъ бы въ одно изъ постоянныхъ установленій нашего экономическаго быта; что еще болѣе истощены матеріальныя средства сельскаго населенія (составляющаго, сказать кстати, $^3/_4$ всего числа жителей Европейской Россіи), доведеннаго до такого объѣднѣнія, что всякій неурожай обращается въ форменную голодовку; что въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Россію можно уподобить только Индіи. Но послѣдняя страна находится, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ подчиненіи у капиталистической націи, славящейся умѣньемъ высасывать соки у слабыхъ народовъ и вскормившей этими соками могущественнѣйшаго капиталистическаго гиганта. Гдѣ же положительные результаты истощенія сельскаго населенія Россіи, и какому Молоху приносятся въ жертву жизненные соки нашей страны?

III.

Изъ всего, что̀ было разъяснено выше, видно, что одной изъ важныхъ причинъ нашего экономическаго убожества слѣдуетъ считать непроизводительную растрату тѣхъ силъ, которыми создается богатство страны. Цѣлая третья часть этихъ силъ не имѣетъ ни производительнаго, ни другого полезнаго или оплачиваемаго примѣненія. Серьезная забота объ экономическомъ подъемѣ Россіи должна прежде всего поэтому выразиться вниманіемъ къ этому вопросу и заботами о привлеченіи къ производству праздно расточаемой національной рабочей энергіи.

Источниками этого расточенія, какъ намъ извѣстно, служатъ, съ одной стороны, слабое развитіе у насъ индустріи, съ другой — разъединеніе промысловъ и земледѣлія. Незначительность рабочихъ силъ, привлекаемыхъ къ фабрично-заводской дѣятельности, зависитъ отъ того, что крупной промышленности приходится развиваться у насъ при отсутствіи внѣшнихъ рынковъ и при весьма бѣдномъ внутреннемъ рынкѣ для сбыта ея продуктовъ. Пріобрѣтеніе достаточно обширныхъ внѣшнихъ рынковъ, очевидно, намъ не подъ силу: мирному ихъ завоеванію препятствуетъ наша культурная отсталость, а послѣднее пораженіе наше на Дальнемъ Востокѣ показываетъ, что мы не въ силахъ овладѣть этими рынками и вооруженной рукою. Главная надежда должна поэтому возлагаться на развитіе внутренняго рынка; но такъ какъ $^3/_4$ населенія Европейской Россіи принадлежатъ къ земледѣльческому классу, то внутренній рынокъ можетъ значительно расшириться лишь съ поднятіемъ благосостоянія земледѣльческаго населенія. Нищенское же состояніе послѣдняго зависитъ отъ трехъ причинъ: отъ той самой растраты его рабочихъ силъ, которая есть послѣдствіе разъединенія промысла и земледѣлія, отъ сокращенія времени производительнаго примѣненія земледѣльцемъ его труда въ періодъ сельскохозяйственныхъ работъ, вслѣдствіе переполненія данной области лицами, не находящими другихъ занятій, и отъ низкой производительности прилагаемаго къ землѣ труда. Если бы по причинѣ утраты зимнихъ заработковъ русскій земледѣлецъ могъ утилизировать въ теченіе года восемь мѣсяцевъ (лѣтнихъ), а вслѣдствіе того, что въ сельскомъ хозяйствѣ ищутъ приложенія своихъ силъ (какъ это вѣроятно для настоящаго момента) въ $1^1/_2$ раза больше рабочихъ, чѣмъ требуется для воздѣлыванія земли, — его полезная работа сократилась на $^1/_3$, то высота его годового дохода будетъ соотвѣтствовать затратѣ лишь 5,3 мѣсяцевъ труда, причемъ этотъ трудъ приложится къ землѣ, дающей крайне скудные урожаи. Устраненіе непроизводительной растраты труда земледѣльца, являющейся естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ капиталистическаго преобразованія промышленности — при сохраненіи этой послѣдней — представляется едва ли возможнымъ. Можно ли достичь того, чтобы, въ рамкахъ господствующаго экономическаго строя, крестьянское хозяйство достигло такой высоты, чтобы бѣдный земледѣлецъ превратился въ зажиточнаго, — этотъ вопросъ требуетъ самостоятельнаго разсмотрѣнія. Господствующее мнѣніе, однако, даже не задается серьезно этимъ вопросомъ, какъ и вообще русскіе писатели недостаточно сознаютъ сложность проблемы о поднятіи

благосостоянія крестьянъ и національнаго богатства страны, и склонны слишкомъ механически разрѣшать соотвѣтствующіе вопросы. У крестьянъ мало своей земли—дополнить ихъ надѣлы прирѣзкой частновладѣльческихъ угодій; крестьяне арендуютъ чужія угодья на очень невыгодныхъ условіяхъ — регулировать арендныя отношенія; крестьянамъ трудно уплачивать налоги— уничтожить косвенное обложеніе; у нихъ пропадаетъ въ праздности зимняя половина года—заботиться о развитіи кустарныхъ промысловъ; производительность крестьянскихъ земель очень низка—ввести интенсивное хозяйство, и т. д. При проектированіи этихъ мѣропріятій недостаточно, повторяемъ, сознается сложность вопроса и зависимость его отъ множества весьма важныхъ и неподдающихся нашему воздѣйствію обстоятельствъ. Если, напр., переводъ въ руки крестьянъ владѣльческихъ земель представляетъ лишь затрудненія, присущія обыкновенной финансовой операціи (выкупа), то вопросъ о существенномъ пониженіи косвенныхъ налоговъ связанъ съ другимъ вопросомъ—замѣны отмѣняемаго государственнаго дохода другими поступленіями, найти которыя—при слабомъ развитіи у насъ капиталистической индустріи—довольно трудно. Еще сложнѣе вопросы о занятіи зимнихъ досуговъ земледѣльца и о возвышеніи интенсивности крестьянскаго хозяйства, потому что, пытаясь разрѣшить эти вопросы на общемъ основаніи, мы вступаемъ въ область конкурренціонной борьбы съ другими внутренними и внѣшними производителями аналогичныхъ товаровъ. Вопросъ о развитіи зимнихъ крестьянскихъ промысловъ разрѣшается, впрочемъ, положительно, лишь какъ логическій выводъ или благочестивое пожеланіе, но врядъ ли многіе серьезно разсчитываютъ разрѣшить указываемыми ими средствами этотъ вопросъ, какъ общій для всей страны. Иное слѣдуетъ сказать о поднятіи сельско-хозяйственной культуры. Почти всѣми это поднятіе считается центральнымъ пунктомъ или узломъ вопроса о крестьянскомъ благополучіи, который неминуемо долженъ быть развязанъ сейчасъ же, или по предварительномъ разрѣшеніи вопроса аграрнаго. Господствующія на этотъ счетъ мнѣнія можно формулировать слѣдующими строками изъ одного новѣйшаго экономическаго трактата: радикальнаго рѣшенія вопроса о крестьянскомъ благосостояніи нужно искать „въ качественномъ улучшеніи крестьянскаго хозяйства". Передъ нами стоитъ такая альтернатива: „либо признать возможность и настоятельную необходимость коренного улучшенія крестьянскаго хозяйства (сельскаго) и направить на эту сторону все вниманіе общества и государства, либо при-

знать положеніе безысходнымъ и спокойно ожидать полнаго экономическаго упадка нашего крестьянства“ [1]).

Поднять крестьянское земледѣльческое хозяйство, конечно, возможно, да оно и само не остается вѣчно въ неизмѣнномъ положеніи. Но границы намѣчаемыхъ экономическихъ задачъ опредѣляются не простымъ соображеніемъ о томъ, что мы бѣдны и желаемъ сдѣлаться богаче. Надлежитъ еще составить болѣе или менѣе правильное понятіе о томъ, какой степени благосостоянія мы должны добиваться и можемъ ли достигнуть ея мѣрами, о которыхъ идетъ рѣчь. Такая постановка вопроса требуетъ, чтобы прежде, чѣмъ будутъ проектированы средства экономическаго подъема страны, были выяснены тѣ культурныя задачи, которыя стоятъ на очереди и для разрѣшенія которыхъ всѣ такъ и озабочены увеличеніемъ матеріальныхъ рессурсовъ страны. Объ этихъ задачахъ мы и должны сказать нѣсколько словъ.

Россія принадлежитъ къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ и вмѣстѣ съ ними переходитъ въ XX вѣкъ нашей эры. А это значитъ, что ея потребности и формы ихъ удовлетворенія соизмѣряются не съ уровнемъ культуры, на которомъ она сама находится, а съ тѣми формами, которыя выработаны и примѣняются западной Европой. Говорятъ, что русская деревня служитъ въ данный моментъ предметомъ изученія одной иностранки, заинтересовавшейся ею потому, что она ужасно какъ похожа на англійскую деревню двѣсти лѣтъ назадъ. Изъ этого сходства, однако, никакъ не слѣдуетъ, что потребности въ лучшемъ русской деревни, какъ онѣ формулируются нашими общественными дѣятелями, могутъ быть отождествляемы съ тѣми задачами, какія намѣчались для англійской деревни два вѣка назадъ. То же самое надлежитъ сказать и о цѣлой странѣ. Въ отношеніи развитія своихъ образовательныхъ, медико-санитарныхъ, хозяйственныхъ, индивидуально-потребительныхъ нуждъ Россія не можетъ медленно переступать со ступеньки на ступеньку той лѣстницы, какая была пройдена западной Европой, самостоятельно вырабатывавшей болѣе и болѣе совершенные способы удовлетворенія своихъ нуждъ. Мы хотимъ поставить наше общее образованіе на тотъ же, приблизительно, уровень, на какомъ оно находится въ современной намъ Европѣ; мы не можемъ не желать, чтобы наши больные имѣли къ своимъ услугамъ тѣ средства медицинской помощи, какія можетъ дать современная, а не древняя Европа; мы не примиряемся съ огромной смертностью на-

---

[1]) А. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація, стр. 199 и 138.

шего населенія и выставляемъ задачи санитарнаго благоустройства, сообразуясь не съ прошлымъ, а съ современнымъ состояніемъ этого дѣла на Западѣ; мы стремимся питаться, одѣваться и развлекаться, устраивать свои жилища, улицы и общественныя зданія городовъ по образцу того, что происходитъ въ этомъ отношеніи въ новой, а не средневѣковой Европѣ. Это—наши желанія; но они столь же неизбѣжны, какъ необходимымъ представляется усвоеніе новыхъ европейскихъ формъ въ другихъ сферахъ народно-государственной жизни. Война наша съ Японіей съ жестокой наглядностью показала, какой опасности подвергается наше государство, если оно не усвоитъ не только современную военную технику, но и западную культуру вообще; оставивъ натуральное хозяйство и вступивъ въ экономическія сношенія съ цѣлымъ міромъ, мы не можемъ не производить огромныхъ затратъ на развитіе у себя современныхъ средствъ передвиженія лицъ и товаровъ и т. д.

Таково положеніе нашей страны въ отношеніи способовъ удовлетворенія разнообразныхъ ея нуждъ. Образцомъ для нея служитъ высокая культура западной Европы. Но возвышеніе матеріальной культуры не обходится даромъ; поддержаніе ея стоитъ большихъ средствъ. Если ограничиться тѣми расходами, которые производятся государствомъ и муниципальными учрежденіями, то мы увидимъ, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ, согласно разсчетамъ Кауфмана, на одну душу населенія падало государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ въ Австріи 32 р., въ Великобританіи—40 р., во Франціи—45 рублей. Въ послѣдующее время расходы эти очень возросли и составляютъ въ Англіи уже 65 рублей на одну душу. Очень высоки въ цивилизованныхъ государствахъ и личные расходы жителей. Объ этомъ можно судить по высотѣ заработной платы, получаемой рабочими въ различныхъ государствахъ. Плата эта на провинціальныхъ фабрикахъ въ 15 производствахъ, требующихъ обученныхъ рабочихъ, составляетъ во Франціи и Германіи, въ среднемъ, около 600 рублей, а въ Англіи—900 рублей въ годъ. Въ области сельскаго хозяйства, которому въ Англіи отдаетъ свои силы всего $^1/_8$ часть населенія, заработная плата колеблется по районамъ—отъ 330 до 470 рублей.

Опредѣляя формы удовлетворенія своихъ потребностей согласно европейскимъ образцамъ, Россія не можетъ, однако, пользоваться европейскими средствами для ихъ осуществленія, и должна извлекать эти средства изъ внутреннихъ источниковъ. О скудости же этихъ послѣднихъ можно судить потому, что

средняя заработная плата фабрично-заводскаго рабочаго въ самомъ дорогомъ, петербургскомъ районѣ не превосходитъ минимальнаго изъ вышеуказанныхъ вознагражденій англійскаго земледѣльческаго батрака; что средній доходъ крестьянской семьи, который можетъ быть истраченъ на удовлетвореніе ея потребностей (кромѣ хозяйственныхъ) и уплату налоговъ, колеблется, по районамъ, между 150 и 300 рублями, и что, при государственномъ и муниципальномъ нашемъ бюджетѣ въ 12—14 рублей на душу, населеніе изнемогаетъ подъ бременемъ недоимокъ. Нагляднымъ выраженіемъ бѣдности нашего народа можетъ служить разсчетъ г. Клингена, согласно которому одинъ рабочій американецъ потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько расходуютъ въ Россіи двѣ крестьянскія семьи по шести душъ каждая [1]). Эта бѣдность народныхъ массъ является у насъ признакомъ скудости національной производительности, и настоятельнѣйшей потребностью ближайшаго будущаго, безъ удовлетворенія которой нельзя надѣяться привести страну въ культурное состояніе — является поднятіе народной производительности до того приблизительно уровня, какого она достигла въ западной Европѣ. Какъ великъ скачокъ, который предстоитъ намъ при этомъ сдѣлать, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ показателей высоты экономическаго развитія и производительности капиталистическихъ обществъ служатъ обороты внѣшней торговли. И вотъ, въ то время, какъ вывозъ мѣстныхъ произведеній, по ихъ цѣнности, составляетъ въ Германіи и Франціи около 40 рублей на одного жителя, а въ Англіи 65 р.,—въ Россіи онъ равняется 6-ти рублямъ. Согласно приблизительнымъ и довольно устарѣлымъ разсчетамъ сравнительной производительности европейскихъ государствъ, весь національный доходъ, по разсчету на душу, въ Англіи равняется 380 р., во Франціи—310 р., въ Германіи—250 р., а въ Россіи—110 рублей. Опыты исчисленія тѣхъ чистыхъ доходовъ, которые могли подлежать подоходному обложенію, показали, что въ Россіи такіе доходы врядъ ли достигаютъ 2,5—3 милліардовъ рублей [2]), т.-е. 25—30 рублей на человѣка, между тѣмъ какъ въ Пруссіи къ подоходному обложенію привлекаются доходы въ 5 милліардовъ марокъ, что составитъ 60 рублей на одного жителя, т.-е. въ два раза болѣе, а въ Великобританіи—615 милліоновъ фунт. стерлинговъ, или 140 р. на душу, т.-е.

---

[1]) Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства, стр. 417.

[2]) „Вѣстникъ Знанія" 1905, V,—В. В., „Вопросы русскаго финансоваго хозяйства Россіи".

въ 5 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что матеріальные рессурсы Россіи,—которые служатъ источникомъ средствъ удовлетворенія ея культурныхъ потребностей,—въ три—четыре раза скуднѣе рессурсовъ европейскихъ государствъ, указывающихъ образцы для ея культурныхъ задачъ. Чтобы воспользоваться этими указаніями, Россіи нужно приблизиться къ своимъ сосѣдямъ и въ отношеніи запаса національныхъ матеріальныхъ средствъ. А если принять во вниманіе, что производительныя средства передовыхъ государствъ растутъ чрезвычайно быстро, что, соотвѣтственно росту этихъ средствъ, увеличиваются потребности населенія и затраты на ихъ удовлетвореніе, и что вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и та мѣрка, которую мы будемъ прикладывать для оцѣнки желательныхъ способовъ удовлетворенія нашихъ нуждъ, то мы не можемъ не поразиться грандіозностью задачи о поднятіи народной производительности, поставленной нашей странѣ фактомъ ея культурной отсталости, съ одной стороны, и принадлежности къ семьѣ европейски-цивилизованныхъ и капиталистически-организованныхъ народовъ—съ другой.

Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о томъ, какимъ образомъ достичь крупнаго подъема производительности нашей страны, мы съ разныхъ сторонъ получаемъ на него ясный и, повидимому, не возбуждающій недоумѣній отвѣтъ. Нужно и въ этомъ отношеніи слѣдовать примѣру западной Европы, т.-е. стремиться къ развитію фабрично-заводской промышленности,—возвышать интенсивность и производительность сельскаго хозяйства. Недавно была предпринята грандіозная попытка осуществить эту программу, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая касается развитія индустріи. Эта отрасль народнаго труда привлекала особое вниманіе, потому что въ ней нашелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе промышленный геній западно-европейской культуры, что безъ многочисленнаго промышленнаго населенія, образующаго рынокъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, невозможно поднятіе и этого послѣдняго, и что фабрично-заводская промышленность доступна покровительственному на нее воздѣйствію и можетъ обольщать насъ признаками хотя бы только мнимаго процвѣтанія. Затруднивъ, путемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, доступъ къ намъ иностранныхъ произведеній, подкрѣпивъ обезпеченный такимъ образомъ рынокъ для сбыта продуктовъ внутренняго производства созданіемъ крупнаго временнаго спроса на строительныя принадлежности, путемъ сооруженія десятковъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей; привлекая въ Россію иностран-

ные капиталы и возбуждая спекуляцію внутри страны, министерство финансовъ С. Ю. Витте вызвало значительное оживленіе нашей промышленности, отъ котораго ожидали возбужденія прогрессивнаго движенія и въ области сельскаго хозяйства. Десятилѣтіе радужныхъ надеждъ завершилось, однако, мрачнымъ разочарованіемъ. Крупная индустрія показывала признаки оживленія лишь пока она поддерживалась властью, а когда эта поддержка должна была сократиться, она впала въ критическое состояніе, которое длится уже пять лѣтъ. Узкія границы развитія этой промышленности поставлены у насъ отсутствіемъ внѣшняго и ограниченностью внутренняго рынка для ея продуктовъ, обусловленнаго бѣдностью сельскаго населенія Россіи,—не только не облагодѣтельствованнаго развитіемъ индустріи, но паче имъ разореннаго, потому что искусственно покровительствуемая промышленность лишала крестьянина подсобныхъ къ земледѣлію заработковъ, въ видѣ домашнихъ, кустарныхъ промысловъ и извоза. Тогда наши руководящія сферы убѣдились, что безъ подъема благосостоянія сельскаго населенія невозможно и широкое развитіе индустріи; а такъ какъ сельское населеніе занимается земледѣліемъ, то въ поднятіи послѣдняго и заключается, по ихъ мнѣнію, основная задача, подлежащая нашему разрѣшенію. Этимъ заключеніемъ правительственныя сферы сблизились съ многочисленными голосами нашихъ экономистовъ, публицистовъ и хозяевъ, предупреждавшихъ о непрочности односторонняго развитія индустріи и о необходимости серьезныхъ мѣръ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности.

Итакъ, правительство и общество слились, наконецъ, въ одномъ рѣшеніи,—теперь остается, повидимому, лишь освободить общество отъ связывающихъ его путъ, чтобы началось осуществленіе дѣла прочнаго подъема производительности страны и благосостоянія ея населенія. Поднять сельское хозяйство, усилить производительность крестьянской земли—вотъ въ чемъ находятъ средство для приданія нашей странѣ той экономической устойчивости, безъ которой невозможны никакіе культурные успѣхи.

IV.

Чтобы судить о томъ, насколько предложенное средство способно устранить экономическія затрудненія, переживаемыя Россіей, нужно имѣть, прежде всего, въ виду, что въ торговомъ международномъ оборотѣ Россія играетъ роль поставщика сырыхъ

продуктовъ земледѣлія, которымъ принадлежатъ $^2/_3$ ея экспорта; что ея усилія завоевать на внѣшнихъ рынкахъ мѣсто для своихъ фабрикатовъ увѣнчались сколько-нибудь замѣтнымъ успѣхомъ лишь для тканей, керосина, масла (сибирскаго) и сахара (да и то для послѣдняго это достигнуто на счетъ русскаго потребителя даннаго продукта) и что въ ближайшемъ будущемъ ей предстоитъ, поэтому, оставаться по преимуществу земледѣльческой страной. Это одно ставитъ ее въ худшее положеніе сравнительно съ западными сосѣдями, развившими у себя преимущественно заводско-фабричную промышленность и пополняющими недостатокъ земледѣльческихъ продуктовъ ввозомъ таковыхъ извнѣ.

Выгоды преимущественнаго распространенія индустріи, а не сельскаго хозяйства, обусловливаются тѣмъ, что въ первой достигнуто наибольшее возвышеніе производительности труда, и что въ фабрично-заводской промышленности производительныя силы страны находятъ себѣ примѣненіе въ теченіе круглаго года, тогда какъ сельско-хозяйственная дѣятельность на зимнее время почти замираетъ. Земледѣльческая страна обречена, поэтому, на болѣе низкую производительность, сравнительно съ страною промышленною; и чѣмъ короче у нея земледѣльческій сезонъ и длиннѣе періодъ вынужденнаго зимняго бездѣйствія сельскаго хозяина, тѣмъ менѣе она имѣетъ надежды достигнуть богатаго состоянія промышленныхъ странъ. Географическія условія Россіи ставятъ ее въ особенно невыгодное положеніе, какъ страны земледѣльческой: въ большинствѣ ея областей земледѣльческій сезонъ продолжается не долѣе полугода; и въ этотъ краткій промежутокъ времени русскому крестьянину нужно добыть средства и для безбѣднаго существованія своей семьи, и для покрытія крупныхъ муниципальныхъ и государственныхъ расходовъ. Краткость періода производительнаго примѣненія труда ограничиваетъ возможность интенсификаціи и, слѣдовательно, возвышенія доходности хозяйства, потому что эта послѣдняя обусловливается, между прочимъ, тщательностью обработки почвы, для чего, по краткости лѣта, не имѣется достаточно времени. Можно, правда, составить планъ организаціи хозяйства, наиболѣе выгоднаго при нашихъ естественныхъ условіяхъ, положивъ въ основаніе всего дѣла, напр., интенсивное животноводство—производство сыра, масла, мяса и т. п.,—дающее занятіе трудящемуся въ теченіе круглаго года. Но здѣсь выступаетъ на сцену новое и еще болѣе важное препятствіе возвышенію производительности земли: необезпеченность сбыта растущей массы продуктовъ улучшающагося

хозяйства такой огромной территоріи, какую представляетъ Россійская имперія.

Въ наше время господства товарнаго производства, развитіе какой-либо промышленности всецѣло обусловливается емкостью рынка для сбыта ея произведеній. Оттого-то цивилизованныя государства проявляютъ такую жадность къ колоніямъ и не останавливаются въ этомъ передъ войнами, подобными англо-бурской или русско-японской. Нашимъ обществомъ этотъ фактъ признанъ въ отношеніи фабрично-заводской промышленности, но ему не придается должнаго значенія, когда идетъ рѣчь о промышленности земледѣльческой. Рѣзкая критика промышленной политики бывшаго министра финансовъ исходила именно изъ положенія о невозможности широкаго развитія индустріи, при отсутствіи внѣшняго рынка для ея продуктовъ и при бѣдности рынка внутренняго, образуемаго полунищенскимъ крестьянскимъ населеніемъ. Поднятіе крестьянскаго промысла устраняетъ, казалось бы, послѣдній недостатокъ, и, получая болѣе дохода отъ земледѣлія, крестьянинъ больше бы покупалъ фабрикатовъ. Такимъ разсужденіемъ разрѣшался бы вопросъ, если бы наше населеніе находилось въ удовлетворительномъ матеріальномъ положеніи, наша страна приведена была уже въ культурное состояніе и рѣчь шла бы только о прибавкѣ малаго къ большому. Примѣненіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ, производительность земли нетрудно было бы поднять на 5—10%. Это небольшое приращеніе продукта можетъ найти себѣ помѣщеніе частью на внѣшнемъ рынкѣ, частью на внутреннемъ: для прокормленія рабочихъ, которые будутъ производить добавочное количество издѣлій для разбогатѣвшихъ крестьянъ, и какъ сырой матеріалъ для добавочнаго производства. А если рынокъ не поглотитъ всего приращенія земледѣльческихъ продуктовъ — производство нѣсколько сократится безъ замѣтнаго ущерба для населенія, которое, согласно нашему предположенію, и безъ того находится въ удовлетворительномъ положеніи.

Совершенно иныя отношенія представляются въ случаѣ, гдѣ, какъ въ Россіи, производительность цѣлой страны должна быть увеличена въ два и три раза и отъ процесса возвышенія сельско-хозяйственной культуры ожидается обращеніе нищенствующаго крестьянскаго населенія въ зажиточное, а некультурнаго русскаго государства—въ благоустроенное. Здѣсь идетъ уже рѣчь не о 10%-мъ увеличеніи крестьянскаго дохода, а объ удвоеніи и утроеніи послѣдняго. Территорія какой-нибудь Бельгіи могла бы разсчитывать на разрѣшеніе этой задачи, потому что

вся ея производительность ничтожна, сравнительно съ объемомъ мірового рынка. Но если имѣть въ виду Россію, въ которой состоитъ подъ культурой 200 милліоновъ десятинъ, и собираемое ею количество хлѣба составляетъ $^{1}/_{5}$ часть мірового производства, то постановка вопроса о крупномъ и болѣе или менѣе быстромъ увеличеніи ея земледѣльческой производительности пріобрѣтаетъ характеръ едва ли разрѣшимой задачи.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, принимается, что развитіе фабрично-заводской промышленности ограничивается спросомъ рынка на ея продукты, и объемомъ возможнаго расширенія сбыта опредѣляется широта ожидаемыхъ успѣховъ индустріи; а по отношенію къ сельскому хозяйству считается естественнымъ исходить не изъ разсчетовъ о томъ, въ какой мѣрѣ положеніе рынка допускаетъ возрастаніе производства, а изъ соображенія, что данная страна бѣдна, и ей нужно сдѣлаться богатой, и объемомъ этой нужды измѣрять высоту ожидаемыхъ отъ преобразованія результатовъ? Что̀ сказалъ бы читатель, если бы ближайшей задачей для нашей страны было поставлено доведеніе отношенія между ея промышленнымъ и земледѣльческимъ трудомъ до того, какое существуетъ въ Англіи, гдѣ индустрія занимаетъ въ шесть разъ болѣе рукъ, нежели сельское хозяйство, или до положенія хотя бы Германіи, гдѣ численность промышленнаго населенія на 30% превышаетъ численность земледѣльцевъ? Какъ ни благопріятно отразилось бы это на состояніи нашей производительности, но не подобными соображеніями обусловливается достижимость тѣхъ или другихъ результатовъ. И потому, хотя въ концѣ истекшаго вѣка были приняты экстраординарныя мѣры для подъема нашей промышленности,—нищенствующее земледѣльческое населеніе страны не только не уменьшилось, какъ это слѣдовало, согласно вышеизложенному проекту, но еще увеличилось, потому что—вслѣдствіе ограниченности спроса на продукты русской индустріи, развитіе послѣдней не поглотило даже всего прироста населенія, и часть послѣдняго должна была устраиваться на землѣ. Теперь предлагаютъ достигать цѣли экономическаго подъема Россіи путемъ доведенія до уровня, напримѣръ, Германіи интенсивности сельскаго хозяйства. Но какія же основанія разсчитывать па то, что рынокъ поглотитъ всю массу товаровъ, какую можетъ ему предложить интенсивное хозяйство огромной страны? Приблизиться къ Европѣ въ отношеніи матеріальнаго благосостоянія очень для насъ важно; но разсчитывать, что наличность нужды обезпечитъ достиженіе крупныхъ и быстрыхъ успѣховъ путемъ улучшенія нашего земле-

дѣлія, столь же мало основательно, какъ неосновательно было недавно надѣяться, что мы станемъ въ одинъ рядъ съ европейскими государствами, быстро развивъ индустрію.

На чемъ основано соображеніе,—не высказываемое открыто, но предполагаемое въ проектахъ обогащенія Россіи путемъ поднятія ея сельскаго хозяйства,—что емкость рынка для продуктовъ послѣдняго можетъ быстро и безгранично увеличиваться? Не доказываютъ ли наблюденія, напротивъ того, что міровой рынокъ слишкомъ узокъ для того, чтобы вмѣстить всю массу выбрасываемыхъ на него продуктовъ земледѣлія? Не по этой развѣ причинѣ въ Англіи, въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, сократилась на 25% площадь, состоявшая подъ посѣвомъ хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній? А тѣ западно-европейскія государства, которыя развили въ это время свою сельско-хозяйственную промышленность, не прибѣгли ли для этого къ помощи таможенныхъ пошлинъ, оберегая ими внутренняго производителя отъ конкурренціи иностранцевъ? И развѣ фактъ критическаго состоянія европейскаго сельскаго хозяйства, обусловленный заваливаніемъ европейскихъ рынковъ дешевымъ хлѣбомъ и мясомъ, производимыми въ колоніяхъ, недостаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ области сельскаго хозяйства, какъ и въ сферѣ индустріи, борьба идетъ не между потребителями, перебивающими другъ у друга товаръ, а среди производителей изъ-за ограниченнаго рынка? Но расширеніе колоній, вовлекаемыхъ въ сферу международнаго торговаго оборота, далеко еще не закончено. Не закончено, поэтому, распространеніе земледѣлія на нетронутыя почвы за-океанскихъ странъ; не законченъ, слѣдовательно, и процессъ заваливанія европейскихъ рынковъ колоніальнымъ хлѣбомъ, шерстью, мясомъ, а затѣмъ и болѣе деликатными продуктами сельскаго хозяйства; не прекратились и затрудненія европейскихъ хозяевъ, стремящихся поднять производительность своихъ земель, т.-е. предлагающихъ потребителямъ продукты болѣе дорогіе, сравнительно съ товаромъ колоніальнаго происхожденія; не исчезла и необходимость оберегать пошлинами европейское хозяйство отъ конкурренціи хозяйства не-европейскаго. Но это средство развитія мѣстнаго промысла доступно лишь для странъ промышленныхъ, ввозящихъ хлѣбъ, мясо, масло и т. п.; но его нельзя примѣнить къ странамъ, которыя, какъ Россія, вывозятъ сельско-хозяйственныя произведенія на чужіе рынки. Этимъ странамъ предстоитъ весьма трудное дѣло соперничества съ заокеанскою производительностью; а малокультурная Россія почти не имѣетъ

10*

шансовъ побѣдить своихъ колоніальныхъ соперниковъ, принадлежащихъ къ самимъ образованнымъ націямъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ итоги международной торговли продуктами сельскаго хозяйства.

Безпрепятственно помѣщать на внѣшнихъ рынкахъ мы можемъ только зерно, да и то не потому, что добываніе его обходится у насъ будто бы дешево, а по причинѣ того, что нищій производитель, нашъ крестьянинъ, вынужденъ отчуждать его по всякой цѣнѣ, въ ущербъ собственному питанію. Но мы не въ состояніи уже конкуррировать на внѣшнихъ рынкахъ съ иностранцами продуктомъ простѣйшей обработки зерна—мукою, приготовляемою не нищимъ-крестьяниномъ, а капиталистомъ, участвующимъ въ дѣлѣ ради барыша. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты экспортируютъ муку на 150—200 милл. руб. въ годъ, а мы не вывозимъ ея (не считая Финляндіи) и на 10 милл. рублей То же самое относится и къ мясу, о вывозѣ котораго мы толкуемъ вотъ уже 25 лѣтъ. Мясныхъ продуктовъ Соединенными Штатами экспортируется на сумму 350—400 милл. рублей въ годъ, а изъ Россіи мяса отправляется за границу едва на 2—3 милл. рублей. Коровьяго масла изъ Европейской Россіи вывозится ничтожное количество, и быстрое возрастаніе въ послѣдніе годы его экспорта обязано сибирскому маслодѣлію, которое является, такимъ образомъ, конкуррентомъ товару внутренняго производства. Значительное развитіе изъ болѣе деликатныхъ продуктовъ животноводства получилъ въ послѣднее время вывозъ изъ Россіи яицъ; но на этомъ товарѣ, конечно, нельзя основать надежды на поднятіе нашего хозяйства. Болѣе солиднымъ основаніемъ для этого могъ бы служить экспортъ сахара; но тѣ 20—25 милл. руб., которые мы получаемъ по этой статьѣ, слѣдуютъ за товаръ, продаваемый иностранцамъ въ убытокъ, покрываемый—благодаря правительственной нормировкѣ производства — русскимъ потребителемъ этого продукта. Другихъ продуктовъ технической переработки сельско-хозяйственныхъ произведеній (не говоря объ отрубяхъ и выжимкахъ, которымъ лучше было бы идти на кормъ русскаго скота) мы почти не вывозимъ; а изъ продуктовъ первичныхъ или полуобработанныхъ слѣдуетъ указать на ленъ и пеньку, вывозимые на сумму 80—90 милл. рублей, живой скотъ на 10 милл. рублей и кожи на 10 милл. рублей.

Указанный составъ нашего экспорта продуктовъ сельскаго хозяйства, въ которомъ такъ преобладаетъ дешевое зерно и такую слабую роль играютъ болѣе деликатные и дорогіе товары,

объясняется тѣмъ, что всѣ, сколько-нибудь густо населенныя страны,—вывозятъ ли онѣ сельско-хозяйственные продукты или получаютъ таковые изъ-за границы,—стремятся расширить производство мяса, масла, вина, фруктовъ и т. п. на счетъ добычи зерна, потому что первые продукты допускаютъ производительное употребленіе труда земледѣльца въ теченіе круглаго года и возвышеніе его дохода путемъ улучшенія качества товара, а въ зерновомъ хозяйствѣ земледѣлецъ находитъ примѣненіе своему труду лишь въ теченіе лѣтняго полугодія, и стойкій характеръ натуры продукта не допускаетъ быстрыхъ измѣненій его качества. То или другое достоинство зерна зависитъ къ тому же отъ естественныхъ свойствъ почвы болѣе, чѣмъ отъ искусства земледѣльца, и это есть первый и самый простой продуктъ земледѣлія, не требующій крупныхъ затратъ со стороны хозяина. Производство зерна и помѣщеніе его на внѣшнихъ рынкахъ доступно поэтому для самаго несовершеннаго хозяйства, въ странахъ, гдѣ земледѣлецъ не находитъ болѣе выгоднаго примѣненія своему труду; доступнымъ оно поэтому оказалось и для несовершеннаго русскаго хозяйства, въ которомъ ищетъ примѣненія своихъ силъ масса населенія, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода. Иное дѣло—прочіе продукты сельскаго хозяйства. Они требуютъ лучшей обработки земли, бо̀льшаго примѣненія удобренія, болѣе дорогой хозяйственной обстановки,—словомъ, такихъ расходовъ, которые могутъ окупиться лишь при значительной цѣнѣ товара, и такихъ знаній, которыя еще предстоитъ пріобрѣсти нашему народу. Въ этой области сельскаго хозяйства естественныя свойства почвы и дешевый трудъ отходятъ на задній планъ, а главнымъ орудіемъ борьбы съ другими производителями становятся искусство и культурность хозяина. Условія конкурренціи здѣсь сближаются съ тѣми, какія свойственны заводско-фабричной дѣятельности, и побѣда въ борьбѣ остается на сторонѣ богатаго и культурнаго, а не бѣднаго и невѣжественнаго производителя. Вотъ почему мало-культурная Россія не имѣетъ и не можетъ имѣть въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ успѣховъ въ борьбѣ за рынки съ такимъ высоко-коммерческимъ промышленнымъ соперникомъ, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, хозяйственная эволюція которой тоже уже поставила вопросъ о возвышеніи интенсивности сельскаго хозяйства и объ обезпеченіи ея земледѣльческому населенію производительнаго занятія въ этой области въ теченіе круглаго года, для пополненія дефицита, образовавшагося вслѣдствіе лишенія его зимнихъ заработковъ не-земледѣльческаго характера.

Другое препятствіе крупному возвышенію интенсивности нашего земледѣлія мы встрѣчаемъ въ фактѣ, который мало принимается во вниманіе при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ,— фактѣ ограниченности потребностей, которымъ служатъ продукты сельскаго хозяйства, и сокращенія ихъ примѣненія. Въ прежнее время растительный и животный міръ доставлялъ человѣку предметы питанія, передвиженія, одежды, освѣщенія, отопленія, матеріалъ для построекъ и т. п., а съ теченіемъ времени область примѣненія продуктовъ этого міра, а слѣдовательно и продуктовъ сельскаго хозяйства, сокращается болѣе и болѣе. Въ постройкахъ вмѣсто дерева болѣе и болѣе находятъ примѣненіе камень и желѣзо, въ отопленіи дерево замѣняется каменнымъ углемъ и нефтью, въ освѣщеніи жиры замѣняются керосиномъ, смазочныя растительныя масла уступаютъ мѣсто минеральнымъ, конопляные и льняные канаты и кожаные ремни — желѣзными; и даже въ область питанія начинаютъ врываться продукты неорганическаго міра. Въ области матеріаловъ производства, не затронутыхъ присущей цивилизаціи тенденціей замѣнять въ употребленіи человѣка организованную матерію неорганизованной, стаются еще кожа и прядильныя растительныя вещества, служащія для одежды. Но кожи не могутъ быть предметомъ спеціальнаго приготовленія въ интенсивномъ сельскомъ хозяйствѣ, а въ отдѣлѣ прядильныхъ матеріаловъ большее и большее значеніе получаетъ хлопокъ, произрастающій въ жаркихъ странахъ, и суживается примѣненіе продуктовъ умѣреннаго пояса — льна и конопли. Такое направленіе хозяйственной эволюціи цивилизованнаго міра ограничиваетъ значеніе сельскаго хозяйства въ области производства и потребленія.

Основывать, поэтому, прочное зданіе матеріальнаго благополучія огромной страны на развитіи сельско-хозяйственнаго производства значитъ строиться на пескѣ или болотѣ. Сельское хозяйство больше и больше будетъ ограничиваться производствомъ предметовъ питанія, причемъ болѣе цивилизованныя государства захватываютъ въ свои руки приготовленіе наиболѣе дорогихъ изъ этихъ предметовъ, а Россіи приходится довольствоваться доставкой на внѣшніе рынки дешевыхъ, преимущественно зерновыхъ товаровъ. Собственный ея рынокъ тоже не можетъ служить основаніемъ для высокаго развитія земледѣлія. Промышленное населеніе у насъ крайне незначительно; заработки его, а слѣдовательно и запросъ на предметы питанія высшаго качества, невелики; спросъ на растительные матеріалы производства сокращается. Оттого-то на низкой ступени интенсивности стоитъ

у насъ не только хозяйство бѣднаго, невѣжественнаго и безправнаго крестьянина, но и хозяйство образованнаго дворянскаго сословія. Оттого же и успѣшныя попытки поднятія крестьянскаго хозяйства не приводятъ къ ожидаемымъ результатамъ существеннаго измѣненія системы послѣдняго. Въ московской губерніи, напр., благодаря помощи земства, тысяча общинъ оставили трехполье и перешли къ многопольнымъ сѣвооборотамъ съ посѣвомъ травъ, причемъ въ волоколамскомъ уѣздѣ преобразованіе распространилось на бо́льшую половину крестьянскихъ земель. Указанное измѣненіе сѣвооборота съ расширеніемъ кормовой площади на счетъ пищевой, согласно ученію агрономіи, составляетъ лишь первый шагъ къ развитію интенсивнаго скотоводства; и такое значеніе оно имѣетъ въ тѣхъ немногихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ центральной нечерноземной полосы, гдѣ дѣло поставлено раціонально. Но въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи за первымъ успѣшнымъ шагомъ не послѣдовало второго; и, вмѣсто увеличенія скота и производства продуктовъ скотоводства, хозяева сбываютъ на рынкѣ траву. Причину сказаннаго, кромѣ острой нужды въ деньгахъ, мѣстный агрономъ г. Бажаевъ видитъ въ томъ, что, вслѣдствіе „невысокаго средняго уровня потребностей даже городского (прибавимъ—къ тому же подстоличнаго) населенія — промышленное молочное хозяйство оказывается выгоднымъ лишь въ подгородныхъ мѣстностяхъ“ [1]). А много ли у насъ такихъ мѣстностей?

Въ разсужденіяхъ о возможныхъ результатахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства фигурируетъ всегда и соображеніе о томъ, что, увеличивъ добычу зерна, сельское населеніе получитъ, по крайней мѣрѣ, возможность наѣдаться досыта и не будетъ влачить, какъ теперь, полуголоднаго существованія. Мы сомнѣваемся, однако, и въ этомъ результатѣ. Въ натуральномъ хозяйствѣ, дѣйствительно, лишній пудъ зерна равносиленъ лишнему куску хлѣба. Но не то въ хозяйствѣ денежномъ, гдѣ неимущій производитель обремененъ долгами, уплачиваемыми изъ урожая, и когда у него имѣется тысяча другихъ нуждъ, которыя могутъ быть удовлетворены только деньгами. Для полученія этихъ денегъ имъ будетъ пущено въ продажу все зерно, какъ продается оно и нынѣ, несмотря на то, что весною его приходится покупать обратно для посѣва или пропитанія. Къ этому побудитъ крестьянина, между прочимъ, и то обстоятельство, что усиленное производство зерна поведетъ къ пониженію его рыночной цѣны

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1905, № 230.

и къ необходимости продажи бо̀льшаго количества для выручки прежней суммы денегъ. Насыщеніе досыта собственнымъ хлѣбомъ нынѣ голодающаго земледѣльца было бы обезпечено въ случаѣ, еслибы остальныя главныя, личныя и общественныя потребности его получили уже удовлетвореніе. Но вѣдь этого же не наблюдается въ дѣйствительности; и нищенствующій земледѣлецъ и при увеличенномъ сборѣ съ своего участка можетъ остаться въ полуголодномъ состояніи: ему нельзя назначить на всѣ остальныя нужды лишь ту сумму, какая останется послѣ полнаго удовлетворенія потребности питанія. Но еслибы это заключеніе оказалось и ошибочнымъ, еслибы поднятіе земледѣлія привело къ тому, что крестьянинъ, оставаясь бѣднякомъ, наѣдался бы досыта, то это еще не разрѣшало бы вопроса объ экономическихъ затрудненіяхъ Россіи. Мы все таки оставались бы безъ средствъ удовлетворенія многочисленныхъ потребностей, связанныхъ съ принадлежностью Россіи къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

Изъ всего, что̀ было изложено выше, слѣдуетъ такое заключеніе.

Вслѣдствіе опредѣленной комбинаціи условій внутреннихъ и внѣшнихъ, естественныхъ, экономическихъ и культурныхъ—намъ поставлены очень узкія границы поднятія производительности земли, и успѣхами земледѣлія мы не можемъ обезпечить себѣ достойное положеніе въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Опытъ и простыя научныя соображенія говорятъ, что мы напрасно стали бы добиваться такого положенія и путемъ развитія индустріи, какъ системы коммерческихъ предпріятій. Намъ нужно вообще очень осторожно относиться къ мысли о примѣненіи тѣхъ формъ экономическаго прогресса, которыя такъ блистательно осуществились въ передовыхъ странахъ и движущимъ нервомъ которыхъ служитъ конкурренція. Въ нашъ вѣкъ упорной борьбы цивилизованныхъ обществъ за рынки для ихъ произведеній, отсталая многолюдная страна, подобная Россіи, не должна въ своихъ разсчетахъ о пріобрѣтеніи прочнаго матеріальнаго основанія для культурныхъ успѣховъ исходить изъ предположенія о побіеніи ею соперниковъ на полѣ конкурренціи. Это значитъ, что ей не слѣдуетъ строить проекты обезпеченія матеріальнаго преуспѣянія на соображеніяхъ о вѣроятной эволюціи мірового рынка, потому что онъ будетъ скорѣе использованъ ея соперниками, а не ею. Надежда же на то, что, взамѣнъ внѣшняго рынка, у насъ разовьется широкій внутренній спросъ на разные продукты,

не имѣетъ подъ собой прочнаго основанія. Намъ остается, поэтому, идти навстрѣчу этому спросу, а не ожидать его! Этотъ спросъ существуетъ въ потенціальномъ состояніи, и нужно только дать возможность ему проявиться. Онъ заключается въ неудовлетворенныхъ народныхъ потребностяхъ и не предъявляется на рынкѣ лишь за отсутствіемъ у народа покупательныхъ средствъ. Задача нашей общественной мысли заключается, поэтому, въ устраненіи этого посредствующаго звена (рынка спроса) въ процессѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ и въ изысканіи формъ удовлетворенія послѣднихъ путемъ планомѣрной организаціи производства въ прямой связи съ потребленіемъ. Россія имѣетъ массу неудовлетворенныхъ потребностей; ея естественныя богатства остаются безъ надлежащей разработки; огромная часть ея рабочей силы не имѣетъ производительнаго примѣненія; наука открыла способы многократнаго усиленія естественныхъ производительныхъ силъ страны. Будемъ же исходить изъ этихъ посылокъ, какъ изъ основанія для зданія матеріальнаго благоустройства страны. Привлечемъ къ работѣ всю живую силу народа, вооружимъ ее механическою силою природы и направимъ этотъ могущественный производительный аппаратъ на разработку естественныхъ нашихъ богатствъ въ цѣляхъ удовлетворенія уже опредѣлившихся и имѣющихъ еще возникнуть потребностей страны. Будемъ основываться на внутреннихъ потребностяхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія и отбросимъ разъ навсегда предразсудокъ, выращенный продолжительнымъ подчиненіемъ цивилизованнаго міра руководительству капитала, и гласящій, что достаточное развитіе производительности труда обезпечивается лишь столкновеніемъ всѣхъ въ общей свалкѣ, гдѣ будутъ побѣдители, но должны оказаться и побѣжденные.

В. В.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Письма княгини Каролины Виттгенштейнъ.

1868 — 1875 г.г.

Печатая письма княгини Виттгенштейнъ къ графу Алексѣю Константиновичу Толстому, мы нашли необходимымъ сказать нѣсколько словъ о выдающейся личности этой женщины, имя которой мало знакомо современной читающей публикѣ.

Полька по происхожденію, Каролина Ивановска родилась въ 1819 году и очень рано вышла замужъ за младшаго сына фельдмаршала князя Виттгенштейна. Послѣ двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ съ мужемъ въ одиночествѣ деревенской жизни, въ 1848 году, княгиня Каролина Виттгенштейнъ навсегда покинула подольскія степи и переѣхала въ Веймаръ, съ своимъ единственнымъ ребенкомъ, гдѣ и поселилась подъ покровительствомъ великой княгини Маріи Павловны, сестры императора Николая I. Послѣ смерти послѣдней и замужества своей дочери, княгиня Виттгенштейнъ уѣхала въ Римъ, который болѣе не покидала до дня своей смерти — 8 марта 1887 г.

Оставляя свою первую родину, въ тяготѣніи къ Европѣ, интеллектуальной отчизнѣ литературы и искусства, княгиня Виттгенштейнъ—въ жаждѣ и вѣчной погонѣ за идеалами красоты и

правды — вся отдалась изученіямъ религіозной философіи. Выражая свои мысли и убѣжденія на эту тему, она написала нѣсколько книгъ, изданіе которыхъ уже давно истощилось.

Изъ всѣхъ ея книгъ, лишь одна пережила ее, бывъ передѣлана опытной рукой Ласерра, подъ заглавіемъ: „Христіанская жизнь въ мірѣ". Она была издана въ Парижѣ и переведена на нѣмецкій, итальянскій, испанскій и англійскій языки.

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій—„Христіанство и буддизмъ",—въ опроверженіе нѣмецкой философіи и въ особенности Шопенгауера, увлекавшагося буддизмомъ и утверждавшаго превосходство буддійскаго ученія надъ христіанскимъ,—она указываетъ на принципіальные вопросы, раздѣляющіе эти религіи, и доказываетъ всю безплодность филантропическихъ теорій буддизма.

Графъ А. К. Толстой глубоко цѣнилъ и уважалъ въ княгинѣ Виттгенштейнъ ея умъ и широкія мысли, и чисто христіанскія убѣжденія,—она же, съ своей стороны, преклонялась предъ его литературнымъ творчествомъ и, восторгаясь имъ, не щадила его своей тонкой критикой. Ихъ десятилѣтняя дружба и переписка кончились лишь смертью графа А. К. Толстого въ сентябрѣ 1875 года.

С. Х.

I.

Римъ.—2/14 января 1868 г.

Мой дорогой графъ, ваша книга была прелестнымъ отвѣтомъ на мое письмо минувшаго года, въ которомъ я васъ благодарила за „Іоанна" [1]). А графъ Строгановъ привезъ намъ еще лучшія извѣстія: онъ говоритъ, что вы поглощены вашимъ „Ѳеодоромъ", который долженъ увидать на будущій годъ свѣтъ рампы.

Имѣя высокое мнѣніе о вашемъ драматическомъ талантѣ, я чувствую большую радость отъ столь хорошихъ извѣстій; но вы слишкомъ молоды, и ваши поэтическія дарованія слишкомъ сильны, чтобы вы могли удовлетвориться успѣхомъ дилеттанта.

Для васъ, успѣхъ „Іоанна" есть только введеніе, или предисловіе.

Я даже думаю, что вся ваша „трилогія" будетъ лишь блестящимъ прологомъ для вашихъ будущихъ твореній.

---

1) „Грознаго".

Но какъ бы то ни было, необходимо, сперва, кончить *портикъ!*

Разумѣется, для вашей славы достаточно, что ваше имя украситъ русскую литературу. Но не допускайте, чтобы „большой свѣтъ“ съѣдалъ все ваше время.

Вы должны, главное, побѣдить то большое препятствіе къ развитію генія, — о которое геній всегда разбивается,—*личное счастье и богатство.*

Мнѣ кажется, что страданіе, какъ желѣзо въ плугѣ, — необходимо: оно обновляетъ и подымаетъ нашу душу, и этимъ даетъ ей возможность родить всѣ ей присущіе цвѣты и плоды.

То, что рѣдко—не есть невозможно. Напротивъ!

Все бываетъ на этомъ свѣтѣ;—и потому только, что поэтъ богатый, счастливый, одаренный, еще до сихъ поръ не встрѣчался—не есть причина не вѣрить, что такой будетъ и можетъ *быть* въ большомъ городѣ, въ которомъ генеалогія именъ дѣлаетъ честь человѣческому роду!

Да сохранитъ васъ Богъ между всѣми опасностями, которыя окружаютъ вашу музу!

Вотъ пожеланія, которыя я шлю искренно на вступленіе 68-го года вамъ и вашей столь прелестной графинѣ, очаровательный образъ которой является передо мной какъ поэтическое видѣніе дальняго края.

Прошу васъ, примите мои искреннія и дружескія пожеланія для васъ обоихъ.

Счастливый годъ вамъ и всѣмъ намъ, которые сумѣли васъ обоихъ понять и полюбить, но—не какъ обыкновенно бываетъ—за ваши различныя достоинства,—а за ваши, хотя разнообразныя достоинства, но которыя породнились въ высотахъ вашихъ прекрасныхъ душъ.

Вы оба тоже поймете искренность моего сердечнаго пожеланія побудить васъ къ творчеству — и просить васъ не хоронить вашего таланта, но развивать его во имя славы вашей страны и вашей эпохи.

Вы легко догадываетесь, какъ я была довольна и счастлива при одномъ видѣ вашей прекрасной книги, присланной вами.

Я въ восторгѣ, что вы ее напечатали,—такъ какъ мысли, искусство, чувства, только при распространеніи черезъ печать получаютъ жизнь и индивидуальную исторію.

Трудно рукописямъ, запрятаннымъ въ портфеляхъ автора, сохранить свою жизненную силу и достаточную энергію, чтобы когда-нибудь пробить себѣ дорогу.

Онѣ вянутъ въ безплодіи!

На свѣжемъ воздухѣ, подъ лучами горячаго солнца, труды пріобрѣтаютъ производительныя способности и силу размноженія.

Строгановы были такъ добры—подарили мнѣ цѣлый вечеръ, который былъ посвященъ вамъ.

Мы читали и восторгались вашими стихами, страницу за страницей.

Графъ читаетъ очень хорошо; онъ подчеркиваетъ веселую игривость, остроуміе и выдѣляетъ всю величественность болѣе глубокихъ стихотвореній.

Я съ удовольствіемъ узнала моихъ любимцевъ . . . . . Мы даже перечли „Грѣшницу“ и отрывки изъ „Іоанна Дамаскина“, которые, вѣроятно, менѣе по вкусу свѣтскимъ людямъ, но которые восхищаютъ мою душу, привыкшую болѣе къ чарамъ и прелестямъ одинокой жизни и къ строгимъ требованіямъ христіанской созерцательной жизни...

Я должна вамъ сказать, что я особенно восторгалась „Донъ Жуаномъ“... и его отъѣздомъ въ Римъ.

Графъ Строгановъ прочелъ эти страницы съ совершенно поэтическимъ вдохновеніемъ.

Вы себѣ легко можете вообразить, что я поняла и прочувствовала всю красоту.

Мнѣ кажется все-таки, что эти чувства, присущія германскому Тангейзеру, трудно вкладываются въ душу испанскаго Донъ-Жуана; но это *объективное* сужденіе исчезаетъ и забывается передъ *субъективнымъ* удовольствіемъ личнаго пріобщенія къ столь прекраснымъ чувствамъ, выраженнымъ въ столь прекрасныхъ стихахъ... Однимъ словомъ, ваша книга прекрасна и вся переполнена красивыми свѣже-зелеными лавровыми листьями, изъ которыхъ сплетается вашъ вѣнокъ *поэта!*..

Я васъ очень поздравляю и еще разъ благодарю, что вы вспомнили меня.

Я смѣю надѣяться, что это повторится съ „Ѳеодоромъ“...

Отчего меня нѣтъ въ Веймарѣ, гдѣ бы я восхищалась „Іоанномъ“, о которомъ такъ часто вспоминаю!

Какъ вы остались довольны постановкой, игрой Дарнштеллера и впечатлѣніемъ публики?

Говорятъ чудеса о переводѣ г-жи Павловой!..

Хорошо ли она устояла противъ неожиданныхъ освѣщеній и тѣней, которыя исходятъ, какъ лучи, изъ русскаго языка?

Вы могли бы доставить мнѣ большое удовольствіе, дорогой графъ, еслибы написали нѣкоторыя подробности насчетъ этого...

Кто-то повергается къ ногамъ графини, какъ искренній поклонникъ ея тихихъ чаръ...

А я беру смѣлость просить васъ обнять ее за меня „по хорошему, по доброму“,—уповая на ея доброту и хорошія чувства.

Графиня Строганова сказала мнѣ, что она не любитъ писать, а то бы я сѣтовала на нее, что она меня забываетъ.

До хорошаго свиданія—не правда ли? Рано или поздно—вы вернетесь въ Римъ.

Я хочу на то надѣяться, такъ какъ я люблю надѣяться на то, чего желаю.

А теперь прошу васъ—повѣрьте всѣмъ моимъ дружескимъ и лучшимъ чувствамъ, и прошу также сохранить мнѣ всѣ ваши...

II.

Римъ.—$^{3}/_{15}$ марта 1868 г.

Ваше письмо, дорогой графъ, доставило мнѣ немало удовольствій и вмѣстѣ съ тѣмъ меня опечалило, такъ какъ я узнала, что графиня нездорова; но если климатъ ей вреденъ, то слава должна быть ей полезна, и надо надѣяться, что ея духовное состояніе вознаградитъ ее за физическія недомоганія.

Мы принимали искреннее участіе отсюда во всемъ, что̀ касалось васъ, и Строгановы были такъ милы, что передавали мнѣ малѣйшія подробности, которыя доходили до нихъ, о вашей драмѣ,—а я въ свою очередь дѣлилась ими съ тѣми, которымъ вы сами, навѣрное, хотѣли бы передать...

Мнѣ одно лишь не нравится, что авторъ смотрѣлъ на свое произведеніе только три раза!

Вамъ необходимо, дорогой графъ, на себя *смотрѣть*, чтобы себя судить; вы знаете, что созданіе, исходящее изъ нашей мысли, совершенно особенное существо—имѣющее свои совершенства и свои недостатки, о которыхъ можно себѣ дать правильный отчетъ—только когда *увидишь* движеніе, *функціи* этого существа, *и увидишь самъ* впечатлѣніе, которое оно производитъ на публику.

То, что̀ говорятъ другіе, можетъ удовлетворить самолюбіе автора, но не совѣсть автора.

Вамъ уже извѣстна мысль, которую я себѣ забила въ голову, а именно, что вамъ предстоитъ создать еще много великихъ твореній, и еслибы это зависѣло отъ меня, я была бы очень довольна, чтобы всякое утро вашъ камердинеръ входилъ

въ вашу спальную со слѣдующими словами: „Вставайте, ваше сіятельство, вамъ надо сдѣлать еще много великихъ дѣлъ".

Такъ будили Сенъ-Симона.

Я убѣждена, что въ васъ задатки великаго драматурга и великаго національнаго *поэта*.

Для этого нужно болѣе одного творенія: чтобы художественное произведеніе пріобрѣло настоящую жизненность—недостаточно его создать,—необходимо еще изучить всѣ созданныя до него работы автора.

Вотъ мы и дошли до моего второго удовольствія—ваша вторая драма!

Я очень счастлива, что вы о ней серьезно думаете, и хотя почти невозможно, чтобы вы немедленно стали опять работать, но будемъ надѣяться, что лѣтомъ вы будете въ полной силѣ и возьметесь за нее.

Знаете,—я настолько мало эгоистична, что могу даже утѣшиться не видѣть васъ въ Римѣ на будущій годъ, еслибы только вашъ „Θеодоръ" могъ появиться на сценѣ къ этому времени... и отчего бы этому не быть?

Отъ „Іоанна" до „Θеодора"—нѣтъ причинъ полагать большихъ измѣненій въ обстановкѣ; если вы заставите появиться большую часть тѣхъ же лицъ, въ тѣхъ же костюмахъ, въ той же обстановкѣ, это можетъ даже, напротивъ того, придать новой трагедіи трогательную оригинальность — пришлось бы развѣ прибавить нѣсколько новыхъ декорацій—незначительныхъ—и нѣкоторые костюмы для нѣсколькихъ новыхъ лицъ.

Вотъ видите, какъ было бы хорошо!..

Нѣсколько словъ, которыя вы мнѣ написали насчетъ новой драмы, носятъ отпечатокъ рѣдкихъ достоинствъ вашего ума: ясность и твердость—въ замыслѣ и въ мысляхъ...

Потому-то я и не безпокоюсь за ваши „линіи".

Только очень *субъективные писатели*, у которыхъ страстность преобладаетъ надъ умомъ, и воображеніе которыхъ уноситъ за предѣлы первоначальнаго замысла, тѣ только рискуютъ забыть линіи—рисунокъ для колорита...

Вы же, преимущественно, *поэтъ объективный*!..

Слѣдовательно, рисунокъ вамъ хотя трудно дается, такъ какъ вы очень требовательны въ этомъ отношеніи — и хорошо дѣлаете!—но въ этомъ-то и ваша сила.

Мучьтесь, но не теряйте храбрость и бодрость!

Какъ говоритъ псалмопѣвецъ: *гнѣвайтесь, но не грѣшите!* т.-е. зачеркивайте, передѣлывайте, негодуйте, но, главнымъ обра-

зомъ, не отказывайтесь, дорогой графъ, и не позволяйте, чтобы *пожирали* ваше время.

Не дайте право потомству сожалѣть, что вы были богаты и счастливы.

Работайте безъ принужденія, но такъ, какъ будто бы васъ заставляли работать; трудитесь, чтобы доказать, что самыя благородныя требованія души—*любовь къ прекрасному, честь родины, охрана ея славы*—такіе же сильные побудители, какъ и матеріальныя требованія природы,—т.-е. *голодъ и холодъ!*

Для людей великаго таланта, съ сильной выдержкой, успѣхи, какъ бы велики они ни были—представляютъ лишь одинъ задатокъ на будущую славу.

Вамъ предстоитъ еще много дѣла; было бы очень выгодно для эффекта вашихъ пьесъ,—если бы ваша *трилогія* могла появиться на сценѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Послѣ того театры могли бы ихъ давать, устраивая „недѣльныя серіи Толстого"—подобно Вагнеровскимъ серіямъ или Шекспировскимъ недѣлямъ. Даютъ же три „Генриха" въ теченіе одной недѣли. Это былъ бы лучшій способъ популяризировать быстро и вѣрно—ваше имя, ваши творенія и вашъ геній.

Итакъ—къ работѣ,—приступайте къ работѣ, дорогой графъ, еще взволнованный впечатлѣніемъ вашего перваго громкаго успѣха!

Вы должны ходить часто инкогнито въ parterre (партеръ), себя слушать, на себя смотрѣть, себя изучать; потомъ возвращайтесь домой, пишите, кончайте вашу трилогію,—и послѣ этого вы будете достойны немного отдохнуть, немного отдышаться въ Римѣ... Но что̀ вы скажете, дорогой графъ, на мое письмо? Письмо старой педантки, но тоже и искренняго друга! Я чувствую, что *то*, о чемъ я мечтаю въ данную минуту, не сбудется—хотя бы только потому, что мечтанія рѣдко осуществляются.

Но зато я знаю, что Провидѣніе замѣчательно изобрѣтательно, и что часто оно осуществляетъ наши мечты *по своему*, и этотъ способъ, конечно, безконечно лучше и прекраснѣе всего другого.

Поэтому я никогда не отчаяваюсь и продолжаю мечтать и желать много прекраснаго и добраго.

Я вѣрю въ мистическую добродѣтель высокихъ и благородныхъ пожеланій.

Если они и не вызываютъ точный обликъ того, что̀ мы думали, то они вызываютъ *духъ вещей*, который облекается въ неожиданный для насъ обликъ—но представляющій намъ все-таки *эссенцію нашей воли*...

Ахъ, дорогой графъ,—ахъ, дорогой графъ, вотъ я и попалась... желая загладить передъ вами мой скучный педантизмъ, я перешла въ непонятную *мистику*!.. Но къ чему бы служила дружба, если не для того, чтобы переносить наши обоюдные недостатки, а геніи — для того, чтобы терпѣливо выносить ошибки и недочеты нашего сердца?..

Я кончаю тысячью радостными поздравленіями и тысячью искренними пожеланіями.

Да поможетъ вамъ Богъ! Подарите вашей родинѣ великаго поэта.

Это отъ *васъ* зависитъ.

Богъ сдѣлалъ свое!

Iddio ha fatto il suo!

Онъ васъ одарилъ—а вамъ предстоитъ развить тотъ талантъ, который Онъ вамъ довѣрилъ—иначе вашъ талантъ дастъ только половину того, что̀ онъ могъ бы дать!

Благодарю васъ за обѣщанную книгу,—я въ ней найду моего дорогого „Іоанна Дамаскина"! Съ любопытствомъ ожидаю впечатлѣніе, которое онъ на меня произведетъ въ печати.

Знаете ли вы, что *напечатаніе* для твореній ума—то же, что̀ нарядное платье для женщины,—однѣ выигрываютъ, другія—теряютъ! Если я вамъ ничего не скажу—значитъ, „Іоаннъ Дамаскинъ" ничего не потерялъ; если же нѣкоторыя страницы произведутъ на меня менѣе впечатлѣнія—моя откровенность, которая всегда отзывается *украинскимъ духомъ*, не сумѣетъ воздержаться, и я вамъ напишу всю правду.

Я такъ увлекаюсь этой поэмой, что я даже начинаю сомнѣваться въ самой себѣ и въ собственной оцѣнкѣ.

Листъ васъ сердечно благодаритъ за вашу добрую память.

„Es geht ihm gut".

Ему живется хорошо.

Онъ часто бываетъ у Бобринскихъ, попрежнему; я тоже навѣщаю Строгановыхъ, и графъ Григорій все больше и больше овладѣваетъ моимъ сердцемъ.

Въ общемъ я провела отличную зиму—по отношенію здоровья. Погода стояла дивная — необыкновенная мягкость воздуха.

Можно было думать, что живешь въ Палермо.

Теперь настоящая весна, и въ серединѣ дня гулять уже *очень жарко*.

Такая погода стоитъ съ конца января! Подумайте! Ахъ, отчего васъ здѣсь нѣтъ съ графиней?!

Я жду обѣщанное ею письмо съ нетерпѣніемъ, такъ какъ впечатлѣніе женщины—совсѣмъ другое дѣло насчетъ всякаго событія, а *вашъ „Іоаннъ“ —событіе.*

Прощайте, дорогой графъ, сохраните мнѣ вашу добрую память и повѣрьте, что достойное восхищеніе и справедливая оцѣнка вашихъ сочиненій доставили мнѣ большое счастье.

III.

Римъ.—Декабрь 1868 года.

Дорогой графъ, я только-что перевернула послѣднюю страницу вашей книги, и пишу вамъ подъ восторженнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на меня ваше произведеніе; обвиняйте меня въ пристрастности — но я нахожу, что это прекрасно и совершенно.

Я не вижу ни одного недостатка, я бы не хотѣла измѣнить ни одного слова.

Я помню всѣ сцены, которыя вы мнѣ уже раньше читали; однѣ изъ нихъ я нашла въ книгѣ, другія—нѣтъ... У васъ—рѣдкое мужество для автора: вы сами урѣзаете богатства вашихъ твореній—во имя требованій архитектуры и общей гармоніи.

Уничтоживъ сцены, въ которыхъ вы описывали смерть маленькаго Дмитрія, вы отказались отъ сценическаго эффекта, и я, какъ послѣдовательница новой германской школы, не могу не признать въ этомъ вашу большую заслугу; съ другой стороны, неизвѣстность объ этомъ фактѣ, которую вы тутъ допускаете, можетъ вами быть использована для третьей драмы вашей *трилогіи*. Кстати, *отчего* бы вамъ не дойти до тетралогіи? Отчего бы вамъ не закончить „Дмитріемъ“?

Вы, какъ властитель этой эпохи, какъ побѣдитель, какъ истый русскій и какъ поэтъ—вы должны написать „Дмитрія“. Два раза были сдѣланы попытки въ Германіи двумя великими поэтами своего времени — Шиллеромъ и Бебеломъ, и оба раза эти попытки остались неоконченными.

Да, мой дорогой графъ, вы еще напишете „Дмитрія“, такъ какъ я льщусь надеждой, что вашъ „Годуновъ“ приходитъ къ концу, а можетъ быть уже совсѣмъ оконченъ.

Я вамъ признаюсь, что я почувствовала большую радость, получивъ, нѣсколько дней тому назадъ, вашу книгу.

Но моя радость немножко омрачилась, когда я увидала на обложкѣ *второе изданіе*, а въ концѣ—„17 марта“. Вы ужъ

очень поздно подумали обо мнѣ, а я не изъ тѣхъ,—которые васъ мало цѣнятъ: я чрезвычайно чувствительна къ простотѣ въ драматическомъ искусствѣ и умѣю ее цѣнить—также, какъ и единство въ дѣйствіи и быстрое и естественное его развитіе.

Эмоція, которая этимъ порождается, не уничтожается вѣками и переживаетъ всѣ измѣненія вкусовъ слѣдующихъ поколѣній.

Вы идете по слѣдамъ Шекспира — какъ геніальный человѣкъ, т.-е. свободно: вы отъ него берете только его манеру, но вы не подражаете его недостаткамъ и не стремитесь къ тому, что̀ неподражаемо въ его индивидуальности,—такъ какъ у васъ есть своя индивидуальность, вашъ личный идеалъ и ваша оригинальность, которыя даютъ вамъ возможность *хорошо сдѣлать то, что̀ вы хотите сдѣлать;* и этой-то мѣрой мы и дожны мѣрить творенія искусства.

Ваша драма можетъ не согласоваться со всѣми вкусами—нѣкоторые умы ищутъ въ театрахъ болѣе страстныхъ эмоцій и диѳирамбъ, болѣе влюбленныхъ, эффектныхъ рѣчей... Пусть же эти ходятъ смотрѣть другія пьесы—вотъ и все.

Не теряйте бодрости духа, не ищите другого пути ради вашихъ критиковъ.

Будьте увѣрены, что настоящіе знатоки искусства, великаго искусства, сумѣютъ признать въ васъ *вождя, — вождя,* имя котораго считается во всемірной литературѣ и вростаетъ въ память грядущихъ поколѣній.

Ваша драма представляетъ прекрасную картину лицъ и нравовъ того времени, безъ преувеличеній въ пользу или въ обиду человѣческой природы.

Всѣ характеры оттѣнены съ рѣдкой талантливостью,—всѣ послѣдовательны, и, что̀ еще труднѣе, всѣ интересны, несмотря на все, что̀ есть примитивнаго въ ихъ простотѣ.

Чувствуется штрихъ мастера; вы сумѣли создать трогательную и привлекательную личность изъ слабаго, ребяческаго, вѣчно сомнѣвающагося существа,—какъ былъ царь Ѳеодоръ.

Ирина совершенно величественна въ своей высокой добродѣтели, и разговоръ ея съ братомъ—одна изъ рѣдкихъ жемчужинъ, которою любая литература должна гордиться.

Еще что̀ мнѣ нравится, и что̀ выходитъ чрезвычайно оригинально и глубоко—это то, что вы показали Годунова, въ общемъ, какъ молчаливаго человѣка, но когда онъ говоритъ, его рѣчь поэтична и картинна; когда же онъ дѣйствуетъ—онъ выказываетъ волю и умъ, созданные для правленія; въ его словахъ онъ

открываетъ намъ богато одаренную душу, которая привлекаетъ своимъ величіемъ.

Въ сценѣ съ сестрой,—не знаешь, кому отдать предпочтеніе въ концѣ концовъ, кто пріобрѣтаетъ нашу симпатію.

Восторгаясь Ириной, почти-что жалѣешь, что она не раздѣляетъ широкіе взгляды брата.

Хотя, въ общемъ, вы хорошо сдѣлали, что *такъ* ее понимаете.

Минутная размолвка намъ открываетъ всю независимость ея души, всю возвышенность ея чувствъ,—не позволяющихъ ей раздѣлять честолюбивыя цѣли брата, которыя ей кажутся оплаченными слишкомъ дорогой цѣной.

Но эта симпатія къ двумъ дѣйствующимъ лицамъ, которая раздваиваетъ сердце зрителя,—и есть самый прекрасный и самый рѣдкій успѣхъ трагическаго поэта.

Къ этому стремились старые греки, а въ наше время это слишкомъ часто забывается.

Ваша послѣдняя трагедія выдержана въ иномъ тонѣ, нежели предыдущая; но это происходитъ отъ различія сюжета,—обѣ преслѣдуютъ ту же идею—лишь въ другихъ образахъ, съ неменьшей даровитостью, съ выдающимся талантомъ, хотя вторая драма—менѣе животрепещущая, чѣмъ первая; она можетъ быть болѣе совершенна съ точки зрѣнія искусства—чувствуется, что вы уже прошли черезъ сценическую опытность, и хотя вы не преклоняетесь передъ діалогами (какъ это бываетъ у романистовъ), вы считаетесь съ вашими силами, и вы сохраняете ихъ для важныхъ моментовъ.

Можетъ быть, при чтеніи ваша драма можетъ показаться нѣкоторымъ холодна, но я убѣждена, что на сценѣ она будетъ имѣть большой успѣхъ,—или я ужъ слишкомъ ошибаюсь...

Сцена примиренія, которую вы мнѣ прежде читали, очень широко набросана и вы ее очень удачно провели; а конецъ—это тотъ мастерской штрихъ художника, который дополняетъ картину и не требуетъ объясненій.

Все это мнѣ чрезвычайно нравится...

...Въ чтеніи, мнѣ кажется, народныя сцены немножко коротки, но я думаю, что на театрѣ постановка (вся mise en scène) ихъ достаточно расширитъ и удлиннитъ.

Въ общемъ, я васъ поздравляю *отъ всего сердца*; вы дѣлаете то, о чемъ я васъ такъ просила,—вы продолжаете вашу карьеру. Продолжайте же ее...

Вышлите мнѣ *скорѣй* вашего „Годунова“.

Я жду его съ любопытствомъ, хотя я о немъ ничего не знаю...

Послѣ него, напишите „Дмитрія“, — но не посылайте мнѣ экземпляры второго или третьяго изданія! Меня это очень оскорбляетъ.

Говорятъ, дорогой графъ, что вы у себя въ деревнѣ, и совсѣмъ не намѣреваетесь пріѣхать въ Римъ. Для себя, я очень этимъ огорчена!..

Вашъ образъ связанъ съ дорогимъ и поэтическимъ образомъ графини, — часто я васъ вижу обоихъ передъ собой... Всегда, проѣзжая по улицѣ „delle Tre Canelle“, я вызываю *ваши образы* — и что бы я ни дала, чтобы опять свидѣться съ вами!..

Я узнала, что ваша племянница замужемъ; если она меня еще помнитъ, прошу, передайте ей хотя поздніе, но самыя искреннія поздравленія.

А когда же мы увидимся въ Римѣ? А когда же я услышу опять васъ — читающаго мнѣ страницы изъ вашего лирическаго собранія?

Но, — но, дорогой графъ, я никогда не любила моихъ друзей только для себя, — а моя дружба къ вамъ очень искренняя и очень сердечна, но... но... я должна сознаться, что вы потеряете ваше время въ Римѣ, что вы не можете здѣсь работать, что вы даже не можете здѣсь найти ту атмосферу родины, которая необходима для вашего вдохновенія.

Самая убогая деревушка въ Россіи полезнѣе вамъ, чѣмъ — Парижъ, Лондонъ или Римъ, такъ какъ вы найдете въ ней народный характеръ, который вѣками не выдыхается въ деревенской свободѣ, и въ которомъ вы найдете много полезнаго для вашихъ твореній. Люди, какъ *вы*, не живутъ на этой землѣ — *для своего удовольствія и для придворныхъ церемоній*. Они посланы для того, чтобы отдать должную честь своей родинѣ своей работой.

Современное направленіе состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить спеціально-народную поэзію. Россія во многомъ еще отстаетъ и, слава Богу, въ этомъ тоже. Поэты исключительно національные становятся теперь все рѣже и рѣже. Вы — одинъ изъ послѣднихъ, но не одинъ изъ меньшихъ.

Вы должны отдаться сердцемъ и душой вашему генію. Книга, подобная той, которую вы мнѣ только-что прислали, равняется шести мѣсяцамъ удовольствія васъ видѣть и бесѣдовать съ вами.

Удовольствіе проходитъ — книга остается. Ваше направленіе

столь благородно, ваше знаніе человѣческаго сердца такъ тонко, ваши писанія такъ правдивы и такъ далеки отъ всякихъ пустыхъ подражаній, къ которымъ стремится безплодное воображеніе, что ваши творенія должны мало-по-малу дойти до того, что они станутъ на ряду съ самымъ лучшимъ наслѣдіемъ, которое оставляетъ XIX-е столѣтіе своему потомству.

Я повторяю: *мало-по-малу*, такъ какъ вы должны ожидать, что васъ будутъ критиковать, васъ будутъ опровергать, на васъ будутъ нападать, и т. д., и т. д... Если бы этого не было, это былъ бы дурной знакъ.

Благоволите передать мои дружескія пожеланія графинѣ. Я очень надѣюсь на ея любезную и добрую память обо мнѣ.

Совершенно понятно, что среди волненій и заботъ, которыя ей дала постановка „Іоанна Грознаго", она не могла успѣть мнѣ написать. Но, скажите ей, какъ бы я была счастлива, еслибы въ свободные часы деревенской жизни она написала мнѣ о себѣ и о васъ.

Госпожа Арнеманъ, одна изъ вашихъ горячихъ поклонницъ, пріѣхала сюда и дала мнѣ тысячу маленькихъ подробностей о представленіи вашего „Іоанна" въ Веймарѣ, при которомъ она присутствовала.

Вы знаете, что теперь директоръ театра въ Вѣнѣ—*Гамъ*, поэтъ (Мюнхъ Беллингхаузенъ).

Онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моей дочерью, которая, еще до замужества, напечатала французскій переводъ его „Ифигеніи въ Дельфахъ". Не желаете ли вы, какъ другъ матери, послать моей дочери экземпляръ вашего „Іоанна" по-нѣмецки. На этотъ сезонъ—слишкомъ поздно, но можно было бы поставить „Іоанна" на будущій сезонъ.

Моя дочь много слышала про васъ отъ меня, и если не встрѣтится никакихъ мѣстныхъ и личныхъ препятствій, какъ это всегда бываетъ во всѣхъ театрахъ, то ваша пьеса не замедлитъ получить должную оцѣнку лучшими знатоками театра и вѣнской публикой. Чтобы написать моей дочери, вамъ не нужно никакихъ посредниковъ. А теперь, дорогой графъ, дайте мнѣ пожать вамъ руку дружественно, очень дружественно.

Вы поэтъ, и великій поэтъ! У васъ благородное сердце, которое ведетъ вашъ геній по высотамъ человѣческихъ познаній; не удивляйтесь, что за вами послѣдуетъ толпа, слишкомъ привыкшая шагать только по долинамъ...

Идите за вашей звѣздой. Она очень прекрасна и высока.

IV.

Римъ—25 апрѣля 1870.

Дорогой поэтъ! Ваши прекрасныя строки дошли до моей души. Какой чудный приливъ высокихъ чувствъ и какая скромность въ оцѣнкѣ вашего „Бориса Годунова" [1]!..

Я думаю, что будущее поколѣніе будетъ справедливѣе васъ—по отношенію этой драмы, которую, мнѣ кажется, вы, къ сожалѣнію (по вашимъ же словамъ), недостаточно цѣните.

Если бы я имѣла счастье прочесть ее съ вами, мы бы поговорили болѣе подробно; но я не хочу, чтобы вы отнесли къ дружбѣ мое внутреннее прозрѣніе о вашихъ намѣреніяхъ.

Дружба — сама по себѣ, *per se*, а восхищеніе мотивируется вашими твореніями.

Ваша мысль написать драму изъ эпизода исторіи Новгорода меня восхищаетъ.

Держитесь крѣпко вашего рѣшенія, и какъ вы сами отлично сказали—передъ вами откроется болѣе широкое поле, чѣмъ то, на которомъ вы до сихъ поръ стояли. Мужайтесь! Пишите теперь!

Весна васъ призываетъ къ работѣ: это время года создано для поэтовъ,—весной *недѣли* равняются годамъ для нихъ.

Я не могу достаточно поздравить васъ съ прекраснымъ выборомъ сюжета! Не слабѣйте—не отрекайтесь! А теперь, дорогой графъ, приходится сойти съ высотъ поэзіи къ грустной реальности.

Вы нездоровы, и милая графиня тоже! Это-то мнѣ очень прискорбно и больно. Я только-что спрашивала о васъ у баронессы Мейендорфъ; она должна имѣть извѣстія изъ Висбадена.

Я думаю, что *слѣпота* уже прошла, и что драгоцѣнная больная обладаетъ вновь своимъ яснымъ зрѣніемъ—тождественнымъ съ ея яснымъ умомъ...

Вы не должны теперь оставлять меня долго безъ извѣстій насчетъ ея состоянія,—къ тому же я васъ прошу объ этомъ отъ имени вашихъ хорошихъ римскихъ друзей... Это — для сердца, а ради дружбы, дорогой поэтъ,—напишите мнѣ что-нибудь про вашу новую драму.

Мое искреннее поклоненіе вашей музѣ дастъ мнѣ надежду на это маленькое исключеніе.

---

[1]) Напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1871 г., мартъ.—*Ред.*

Повѣрьте мнѣ,—когда я получаю одно изъ вашихъ хорошихъ длинныхъ писемъ, въ моей душѣ *праздникъ!*

Сохраните мнѣ, дорогой поэтъ, ваше довѣріе и вашу дружбу, и повѣрьте, что я всегда—ваша восторженная поклонница.

P.S. Не забудьте прислать мнѣ поскорѣе переводъ Эмиля Виттгенштейна и при случаѣ выразить ему мои комплименты насчетъ хорошей мысли, которую онъ возъимѣлъ—сдѣлать этотъ переводъ.

Прибавьте къ этой посылкѣ баллады, стихотворенія или другія ваши сочиненія на какомъ бы ни было языкѣ—вы знаете, для вашихъ твореній *я—благодарная публика*—ein dankbares Publicum.

V.

Римъ.—11 апрѣля 1873 г.

Насколько я радуюсь, мой дорогой графъ, что я васъ увижу, настолько я огорчена не видѣть графини. По крайней мѣрѣ, прошу васъ, скажите ей, какъ я сожалѣю, что я не могу ее увидать хоть на минуту, во время ея проѣзда черезъ Италію.

Скажите ей, что я шлю ей наилучшія пожеланія для ея путешествія, а также прошу ее передать мои дружескіе привѣты ея прелестной племянницѣ въ Константинополѣ. Я надѣюсь и разсчитываю увидѣть васъ обоихъ будущей зимой...

Идея о новгородской драмѣ съ Мареой-Посадницей меня восхищаетъ, — я вамъ объясняла это уже въ общемъ и въ подробностяхъ.

Но объ этомъ мы поговоримъ еще пространнѣе.

Еслибы вы только знали, какъ я радуюсь опять васъ увидѣть и опять услышать чтеніе вашихъ стихотвореній — столь прекрасныхъ, столь полныхъ богатой гармоніи, высокихъ чувствъ и звучности.

Ich sehne mich darnach!

Капнистъ хочетъ устроить переводъ вашего „Серебрянаго" по-французски. Скажите, напечатанъ ли онъ въ отдѣльномъ изданіи по-итальянски, такъ какъ я его немедленно хочу купить и дать его прочесть моей дочери и всѣмъ ея знакомымъ.

Какъ его заглавіе по-итальянски?

Я ужасно радуюсь васъ видѣть опять, мой дорогой графъ.

Постарайтесь подарить мнѣ какъ-нибудь хорошій полный вечеръ.

P.S. Художникъ большого таланта написалъ огромную картину на вашу легенду св. Магдалины. Къ несчастью, картина не имѣла того успѣха, который она заслуживаетъ, изъ-за того что художникъ въ своемъ *реалистическомъ* направленіи окружилъ Магдалину неподходящей обстановкой. Онъ забылъ, что св. Магдалина была высокопоставленная госпожа и что она водилась только съ высокопоставленными и властными дамами.

VI.

Римъ.—20 мая 1878.

Мой дорогой поэтъ!

Я не хочу пропустить *ни одного дня, ни одного часа*, чтобы вамъ сказать, съ какою жадностью я прочла вашу балладу!

Какъ она подходитъ къ нашей эпохѣ... въ которой сила таланта такъ часто ослѣпляетъ и уничтожаетъ сердцà, и когда сами поэты обладаютъ болѣе воображеніемъ, чѣмъ сердцемъ! Можетъ ли это быть, что вы недовольны переводомъ „Слѣпого", когда переводъ „Алеши Поповича" такъ удивительно удался? Для меня это—загадка.

Какая досада, что у меня нѣтъ прелестнаго „Слѣпого" [1])!

Но какая счастливая добыча для меня, что я получила „Алешу Поповича", который просто chef d'oeuvre между всѣми другими chef d'oeuvre'ами вашихъ сочиненій.

Я уже его прочла пять разъ въ теченіе часа, и я чувствую себя, всякій разъ, все болѣе упоенной и очарованной его совершенствомъ! И я, которая такъ часто нахожу, что въ сочиненіяхъ нашихъ современниковъ надо бы то одно, то другое передѣлать, подправить, перемѣнить, тутъ я могу сказать только одно слово: совершенно! глубоко, правдиво, трогательно, поэтично, драматично!

Я не могу вамъ сказать, съ какою любовью я буду хранить между моими самыми дорогими архивами этотъ автографъ вашей властной руки.

Отказываюсь отъ своихъ дорогихъ желаній для „Слѣпого",—когда судьба чего-нибудь не хочетъ, безполезно съ ней бороться.

Я бы очень желала замѣнить одну балладу другой, но Листъ, вѣроятно, для этой баллады ничего не сочинитъ,—это не въ его духѣ. Es ist nicht in seiner Stimmung.

Меланхолія—не его дѣло, если она не возвышенна, какъ въ

---

[1]) Напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1873, май.

„Слѣпомъ“, высокой силой искусства, осѣняющей и освѣщающей тѣхъ, которые подымаются выше толпы и ее подымаютъ за собой.

Да, вы правы, дорогой поэтъ, стóитъ жить только ради *красоты* и *добра*.

Добро черезъ красоту, или красота черезъ добро!

Подобно электрическимъ токамъ или быстрымъ волнамъ, они несутъ насъ къ великому морю съ безконечными далями, которое мы называемъ *вѣчность*, и гдѣ все будетъ — *гармонія* и *блаженство*.

Жизнь такъ прекрасна, *такъ* прекрасна, — и несмотря на всѣ ея страданія, — часто даже ради всѣхъ ея страданій.

Одно только можетъ быть прекраснѣе — *это будущая жизнь*, — *та, другая жизнь!*

И вотъ именно потому, что наша жизнь такъ прекрасна, ее нужно любить, ее цѣнить, ею дорожить.

Дорóгой графъ, и именно потому берегите себя, дорожите собой — для вашихъ друзей, для тѣхъ, которые васъ любятъ, васъ цѣнятъ, — наконецъ, для искусства! Для искусства, для поэзіи, для красоты! Помните, что вы принадлежите къ тѣмъ, которые, обладая „*Божьимъ даромъ*“, воплощаютъ красоту и обаяніе облика, — вы свѣточи, скажу болѣе, вы — благодѣтели общества...

Еще, и еще, и еще благодарю васъ за балладу „Алеша Поповичъ“... Благодарю васъ за вашу дружбу, дорогой графъ и дорогой поэтъ! Ваша дружба — одна изъ драгоцѣнностей моей жизни.

P.S. Одно изъ затрудненій написать музыку на вашу балладу „Алеша Поповичъ“ составляетъ быстрое измѣненіе и разнообразіе сюжетовъ въ его пѣсни.

Музыка не можетъ догнать поэта, а въ „Слѣпомъ“, напротивъ, образы гораздо шире, занимая бóльшій кругозоръ, и достаточно музыканту найти удачный тонъ, который бы поддавался медленнымъ модуляціямъ. Къ тому же сюжетъ разнообразенъ и легче поддается *музыкальнымъ выраженіямъ*.

Мнѣ даже кажется, что „Алеша Поповичъ“ почти потеряетъ въ музыкальномъ сочиненіи; — конечно, Рубинштейнъ могъ бы попробовать.

Вы, вѣрно, уже знаете, какой громадный успѣхъ имѣла опера „Маккавеи“ въ Берлинѣ; — меня это очень радуетъ, и я надѣюсь, что это — прелюдія къ возрожденію драматическаго искусства.

VII.

Римъ.—20 февраля, 1875.

Ваше сердце—истинно сердце поэта; не могу вамъ высказать, дорогой поэтъ, какую радость доставило мнѣ ваше доброе и длинное письмо въ общемъ и въ подробностяхъ. Вы это поймете—какъ истинный поэтъ-пророкъ!

Моя дружба вѣрна и честна, а мое восхищеніе—лучшей марки!..

Итакъ, я прочла описаніе вашихъ страданій съ большою грустью... Берегите себя лучше, чѣмъ доктора васъ берегутъ, и кричите имъ въ уши: „Помогайте мнѣ, но не отравляйте меня!"

Не правда ли, вы мнѣ простите мою откровенность искренняго друга... Случай, почти сонамбулическій, о которомъ вы мнѣ пишете, слѣдуетъ закрѣпить въ записяхъ поэзіи и даже физіологіи.

Но онъ меня не удивляетъ. Я знала и видѣла подобныя явленія, которыя доказывали полную независимость высокихъ душъ отъ ихъ тѣлесной оболочки.

Вы легко можете себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю эти стихи, чтобы прослѣдить движеніе вашихъ чувствъ черезъ ваши страданія. Мнѣ не нужно повторять, что я жду—не дождусь вашего „Посадника"...

Трагическій конецъ мнѣ тоже кажется единственнымъ и благодарнымъ исходомъ для столь ярыхъ и глубокихъ чувствъ, которыя дошли до отчаянной борьбы...

Но Баллада,—гдѣ Баллада? Какая радость узнать, что она переведена! Присылайте мнѣ ее скорѣе, скорѣе! Листъ именно теперь, можетъ быть, имѣлъ бы досугъ ее положить на музыку. Онъ только-что покинулъ Римъ, уѣхалъ въ Пештъ, и проведетъ лѣто, путешествуя по Германіи. Онъ вернется осенью, чтобы засѣсть за свою большуюораторію. А пока Баллада будетъ ему отдыхомъ для сердца и ума. Не премину пересказать ему всѣ слова, которыя ваша добрая и милая дружба диктуетъ мнѣ для него. Онъ будетъ *такъ же* тронутъ, какъ и я,—я не говорю: *больше*, такъ какъ это невозможно.

Ваши грёзы, ваше сердце будутъ благословеніемъ для его жизни. Вашъ ангелъ-хранитель перескажетъ ихъ его ангелу, и они вдвоемъ отстранятъ съ его пути всѣ камни и терніи, которые вы хотѣли бы сами отстранить. Но ваша жена—ваша

милая жена!—какъ это сдѣлалось, что я до сихъ поръ не упомянула ея имени. Это потому, что вы и она — едино; и думать съ вами и говорить съ вами — все одно, что думать съ нею и говорить съ нею. Какъ она, должно быть, страдала, что не могла помочь въ вашей болѣзни... но теперь вамъ лучше, и какъ она должна быть счастлива!

И я тоже, — я счастлива при одной мысли увидѣть васъ и знать, что вы поселяетесь въ Римѣ!

Наконецъ, наконецъ! Еслибы вы знали, какъ давно я этого желаю! Какую радость вы мнѣ доставляете этимъ обѣщаніемъ!

Чтò касается до квартиры, то не можетъ быть, чтобы въ Римѣ не нашлось что-нибудь для васъ. Поручите только вашимъ соотечественникамъ поискать.

Какъ я понимаю всю горесть вашей жены, что она не можетъ читать: я сама страдала глазами болѣе двухъ лѣтъ,—это былъ ревматизмъ... Хотя и теперь я еще не могу читать. Но у меня есть уши, и они жаждутъ васъ слушать; вы мнѣ прочтете *сонамбулическіе стихи* и *любовь къ портрету*, а главнымъ образомъ—послѣднія сцены „Посадника"!

Мой дорогой, дорогой графъ, благодарю васъ, благодарю васъ сердечно за ваше милое письмо, которое для меня—драгоцѣнное утѣшеніе и дорогой даръ.

О, если бы сердце вамъ подсказало написать мнѣ вскорѣ еще такое же письмо!

Будьте увѣрены что никто, увидавъ вашъ почеркъ, не почувствуетъ болѣе искреннюю и восторженную дружбу къ вамъ, какъ ваша сердечно преданная...

P.S. Я такъ торопилась вамъ отвѣтить, что почти забыла поговорить съ вами о вашемъ миломъ „Князѣ Серебряномъ". Да, я узнала что итальянскій переводъ хорошъ. Но, главное, я въ восторгѣ, что вы имъ такъ довольны.

Мнѣ это доказываетъ еще разъ, что между синтаксисами славянскихъ языковъ и латинскихъ есть аналогія; хотя и трудно ее объяснить—она несомнѣнна.

Я не видала этого перевода въ книгѣ, мнѣ его показывали въ туринскомъ журналѣ, какъ фельетонъ.

Если у васъ есть экземпляръ, то скажите мнѣ, гдѣ можно купить эту книгу, чтобы я могла ее прочесть и распространять на всѣхъ языкахъ. Я давала читать оригиналъ всѣмъ русскимъ въ Римѣ.

Между прочимъ—Шереметевымъ, которыхъ я очень люблю...

Вернитесь къ тому лекарству, которое давалъ вамъ вашъ деревенскій докторъ; иногда то же самое лекарство послѣ нѣкотораго перерыва опять очень помогаетъ.

Что касается Баллады, то я горю желаніемъ ее скорѣе получить — и скажу вамъ очень и очень откровенно мою мысль о ней.

Увидимъ, придется ли поговорить съ m-me Павловой о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, или просто принять переводъ, какъ онъ есть.

Я съ своей стороны—за принятіе перевода, такъ какъ смыслъ остается тотъ же, а это—главное, что̀ требуется для музыкальной композиціи. Можно будетъ всегда впослѣдствіи, для декламаціи, замѣнить нѣкоторыя строфы другими, безъ ущерба для музыки.

Главное, чтобы композиторъ зналъ слово за словомъ всѣ строфы,— чтобы можно въ Россіи декламировать эту балладу по-русски, въ Германіи по-нѣмецки, съ тѣмъ же аккомпаниментомъ оркестра или фортепіано.

Что касается комплиментовъ, которые вамъ говорятъ,—ихъ никогда вамъ не наскажутъ столько, сколько у меня ихъ въ мысляхъ для васъ, дорогой поэтъ! Я льщу себя надеждой, что я васъ понимаю „in your heart's core“—а это немногіе могутъ сказать.

Тѣмъ болѣе это рѣдко между сверстниками...

Приходится лишь извиняться, что я еще разъ повторю старый средневѣковой аксіомъ:—„On n'est jugé que par ses pairs“ (пара).

А у васъ ихъ такъ мало, дорогой поэтъ!

Нужно назвать балладу „Blinde Sänger“—„Слѣпой Баянъ“. Одно слово „слѣпой“ *совершенно* недостаточно. . .

VIII.

Римъ.—29 марта 1875.

Да, милый, дорогой графъ, да, *я васъ понимаю* во всемъ, какъ поэта и какъ друга.

Да, я могу оцѣнить всю дружбу, которая заключается въ вашемъ желаніи сдѣлать царскій подарокъ Листу, соединяя въ немъ матеріальное съ духовнымъ—вашъ автографъ и вашу мысль! Дорогой графъ, я васъ благодарю отъ его имени.

Что касается до другой баллады, дорогой графъ, она ни-

сколько не отрывиста въ стихахъ, нѣтъ—она великолѣпна, и ее уже оцѣнили въ Римѣ!

Но вы знаете, все, что поэтично, не одинаково подходитъ во всякому музыканту, а тутъ опять печальный конецъ — „par troppo vero, troppo spesso verrissimo“,—это и не подходитъ къ „indoli“ Листа.

Въ настоящую минуту мы имѣемъ „Слѣпого“, и я не могу достаточно васъ благодарить за него.

Благодарю и еще разъ благодарю тоже за ваше хорошее письмо и за память вашей жены, которую благодарю черезъ васъ самихъ.

Какую добрую и дорогую надежду вы намъ даете на будущую весну! Тогда вы мнѣ прочтете ваши *терцины*,—и къ этому времени вы, можетъ быть, уже окончите вашего „Посадника“ [1]).

Я молю добрыхъ ангеловъ, чтобы они освѣщали вашъ путь, дорогой мой поэтъ, и чтобы они уменьшили ваши страданія.

...Когда вы пріѣдете, дорогой графъ, въ Карлсбадъ, пришлите мнѣ вашу визитную карточку съ адресомъ; мнѣ это докажетъ, что вы хорошо доѣхали, и я вамъ сейчасъ же дамъ извѣстіе о вашей балладѣ и о Листѣ, а пока—тысячу хорошихъ и нѣжныхъ пожеланій счастливаго пути, и да сопутствуетъ вамъ архангелъ Рафаилъ, покровитель путешественниковъ, своимъ невидимымъ, но мощнымъ покровительствомъ.

Сохраните мнѣ вашу дорогую дружбу, и повѣрьте, что я остаюсь всегда васъ любящая—Каролина Виттгенштейнъ.

P.S. Баллада была окончена только вчера вечеромъ, въ десять часовъ, и я могла ее возвратить лишь сегодня.

Я надѣюсь, что вы уѣзжаете только завтра вечеромъ, и что вы ее получите до вашего отъѣзда изъ Флоренціи.

Гдѣ вы проводите зиму? Попросите вашу жену передать мои лучшія пожеланія m-me Хитрово.

---

[1]) Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, 1876 г., апрѣль, уже послѣ смерти поэта въ сентябрѣ 1875 г.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

Въ эту долгую ненастную осень дни были сѣрые и пасмурные, ночи темныя... Почти каждый день моросилъ мелкій, пронизывающій дождь и дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Утренній разсвѣтъ заставалъ на лугахъ и въ лощинахъ волны сѣраго и тяжелаго тумана, потомъ туманъ разсѣется, поднимется къ небу, и заморситъ частый дождь на весь день и на всю слѣдующую темную ночь... Покачиваются въ полѣ придорожныя березки, гнутся и трепещутъ чахлыя вѣтви,—и падаютъ съ нихъ на сырую землю осенніе листья.

Темнымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ неба выдѣляется тѣнистый садъ Тузовской усадьбы... Ветхая, унылая усадьба съ каждымъ годомъ разрушается все больше и больше—и прячетъ отъ глазъ унылыя руины, старинный тѣнистый садъ и, подъ стонъ непогоды,—роняетъ послѣдніе осенніе листья...

I.

— Ромашка! эй, Ромашка! Иди скорѣй — барыня зоветъ...

Такъ громко кричала кухарка Секлетинья, появившись на заднемъ крыльцѣ дома, въ одномъ платкѣ на головѣ, несмотря на дождь и вѣтеръ. По двору, кутаясь въ кафтанишко, медленно шелъ невзрачный мужиченко, съ рыжебородымъ широкимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и узенькими сѣренькими глазками. Онъ молча выслушалъ окрики кухарки, не прибавивъ шагу, поднялся на крыльцо и, снявъ съ головы картузъ, ударилъ имъ о дощатую стѣнку: на доскѣ отпечаталось мокрое пятно.

— Иди скорѣй! Барыня, Марья Николавна, зоветъ... бранится,—повторила еще разъ кухарка уже въ кухнѣ.

Ромашка, поскребя ногами о рогожку, постланную у двери, потопалъ лаптишками въ полъ и, оставивъ на половицахъ слѣды мокрыхъ ногъ, прошелъ къ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату. Тяжелая дубовая доска, съ темнымъ пятномъ у скобы, тихо скрипнула на петляхъ, взвизгнулъ блокъ, когда толстая веревка потянула кверху тяжелый кирпичъ, зашитый въ холстину, и Ромашка очутился въ темномъ и длинномъ корридорѣ.

Въ большой квадратной комнатѣ въ три окна, съ чисто выбѣленными стѣнами, съ жесткой мебелью по стѣнамъ, съ громаднымъ буфетомъ въ углу и съ обширнымъ круглымъ столомъ посреди,—близорукій Ромашка не сразу замѣтилъ полную даму въ темномъ фланелевомъ платьѣ и съ пукомъ сѣдыхъ, высоко взбитыхъ волосъ. Марья Николавна сидѣла за маленькимъ столикомъ у окна. Заслыша шаги Ромашки, она сердито посмотрѣла на него изъ-подъ очковъ и громко проговорила:

— Я тебѣ, шельмецу - непослушнику, вчера говорила, чтобы ты посмотрѣлъ—отчего это въ моей спальнѣ у окна болтъ покою мнѣ не даетъ... всю ночь колотится, колотится... А ты что̀ же, исполнилъ мое приказаніе?

Ромашка смущенно посмотрѣлъ на барыню и низкимъ теноркомъ отвѣтилъ:

— И не знай, что̀ съ нимъ, съ окаяннымъ, дѣлать! Билъ, билъ вчера гвоздь... большущій забилъ, а онъ—вишь ты—все стучитъ да гремитъ...

— То-то гремитъ!.. Дѣлалъ бы руками, такъ и я ночь хорошо поспала бы... а то до самаго утра, всю ночь-ноченьскую—съ боку на бокъ! съ боку на бокъ! Иди и за̀свѣтло еще разъ осмотри... привяжи, что-ли, его...

Ромашка удалился.

До прихода „холопа“, какъ по старой памяти барыня называла каждаго изъ своей прислуги,—Марья Николавна была занята пасьянсомъ. Раскладывая карты, она все время думала о тѣхъ неудачахъ, о которыхъ онѣ ей вѣщали, а что неудачи подстерегаютъ ее — въ этомъ Марья Николавна не сомнѣвалась. То стояли жары, засушившія травы на лугахъ и хлѣба̀ на поляхъ, а то вдругъ залили дожди, благодаря чему едва управились съ уборкой хлѣба, котораго и безъ того-то уродилось немного...

Наступали сумерки. Въ широкія окна столовой съ гардинами засматривали вѣтки березъ сада, отчего въ комнатѣ, гдѣ

сидѣла Марья Николавна, темнѣло раньше, нежели въ сосѣднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами во дворъ.

Убѣдившись, что и на этотъ разъ пасьянсъ не вышелъ, Марья Николавна съ сердцемъ бросила на столъ карты и, схвативъ съ окна колокольчикъ, позвонила. Черезъ минуту въ коридорѣ взвизгнулъ блокъ, громко стукнулась о косяки дверь и вслѣдъ за этимъ послышались чьи-то тяжелые и громкіе шаги. На порогѣ появилась Секлетинья.

— Ну, что ты топаешь-то! Сколько разъ тебѣ говорили: тише ходи! тише ходи!.. — позеленѣвъ, взвизгнула Марья Николавна, въ упоръ смотря въ лицо кухарки. Та молча выслушивала брань барыни и почему-то утерла кончикомъ платка губы.

— Самоваръ поставь!—немного спокойнѣе продолжала Марья Николавна. Секлетинья хотѣла было пойти, но, заслыша окрикъ барыни, осталась на мѣстѣ.

— Семенъ Егорычъ еще не пріѣхалъ?..

— Мотри-ка-сь нѣтъ... а може и пріѣхалъ...—отвѣтила кухарка.

— „Може, може"... А ты пойди да и узнай, а потомъ вернись и доложи барынѣ, что, молъ, пріѣхалъ... или нѣтъ... Сколько времени я буду тебя обучать-то! Третій мѣсяцъ живешь, деревенщина!.. Ступай!..

Кухарка ушла, на этотъ разъ уже не такъ громко ступая погами, обутыми въ громадные башмаки.

— Проклятые... прости ты меня, Господи!.. Никакъ-то ихъ не пріучишь, ничѣмъ-то не проймешь!..

Марья Николавна встала, сняла съ переносья очки и, медленно шагая, дошла до двери въ корридоръ, гдѣ у порога еще не просохли пятна, оставленныя мокрыми лаптишками Ромашки. Барыня наклонилась къ полу, разсмотрѣла эти пятна, ругнула въ душѣ Ромашку, такъ же медленно шагая и почему-то прихрамывая на правую ногу, пересѣкла столовую по діагонали и, остановившись у двери въ комнату, гдѣ жила ея сестра Софья Николавна, тихонько постучалась.

— Софьюшка! Софьюшка!—позвала она, но, не дождавшись отклика сестры, отворила дверь.

Въ квадратной комнатѣ, съ двумя окнами во дворъ и съ темными обоями на стѣнахъ, было уютно. Вдоль стѣнъ была разставлена мягкая мебель подъ бѣлыми чехлами, въ углу помѣщалась кровать съ горой подушекъ подъ кружевной накидкой, въ простѣнкѣ между оконъ стоялъ небольшой письменный столъ,

за которымъ, въ глубокомъ креслѣ съ высокой спинкой, сидѣла дама, съ книгой въ рукахъ.

Съ лица Софья Николавна еще немного походила на сестру, только волосы ея не были еще такъ сѣды и жидки, какъ у Марьи Николавны. Зато Софья Николавна была выше ростомъ и стройнѣе сестры; корпусъ свой держала она прямо, ходила легко...

Марья Николавна опустилась на стулъ около столика, слегка отдулась, потерла пальцами переносицу и только уже послѣ этого проговорила!

— Ты что̀ это читаешь?

— „Евгенія Онѣгина".

Зная слабость сестры къ книгамъ, Марья Николавна не мѣшала ея занятіямъ и только иногда, заскучавъ въ одиночествѣ, сердилась на невниманіе со стороны сестры и принималась ворчать. Раздраженная всѣми неблагопріятными обстоятельствами истекшаго дня, начиная съ болта, не дававшаго покоя всю ночь, и кончая пасьянсомъ, который не вышелъ, она вспылила и на Софью Николавну, углубившуюся въ чтеніе.

— Глазъ-то не жалѣешь?—сурово замѣтила она, глядя въ упоръ въ лицо сестры.

— Что̀ сдѣлается... Посмотри, какая крупная печать,—отвѣчала покойно Софья Николавна, указывая на раскрыттю книгу.

Сестры помолчали, словно сговорившись, посмотрѣли въ окно, на сырой дворъ, завѣшанный кисеей осенняго дождя, и обѣ разомъ тяжело вздохнули. Марья Николавна не сумѣла бы отвѣтить, вслѣдствіе какихъ причинъ тяжелый вздохъ всколыхнулъ ея грудь; у Софьи Николавны, напротивъ, была законная причина. До прихода сестры она только-что прочла сцену дуэли Ленскаго съ Онѣгинымъ. Безвременная смерть юнаго поэта всегда до слезъ трогала ее, и, несмотря на то, что она уже не первый разъ перечитываетъ романъ, — Софья Николавна все же прослезилась и проговорила:

— Какъ мнѣ жаль Ленскаго!... Красивый, чернокудрый поэтъ!.. И вдругъ—смерть! въ такую пору! въ пору любви!..

— Изъ-за чего они стрѣлялись-то, Софьюшка? Я что-то забыла,—спросила Марья Николавна.

Сестра пересказала ссору Онѣгина съ Ленскимъ и въ заключеніе даже прочла нѣсколько любимыхъ строфъ.

— Да-а... припоминаю, — протянула Марья Николавна.— Вотъ то же Юрій Всеволодовичъ Струйскій на дуэли дрался... Ну, того только поранили... Какъ сейчасъ я на него смотрю: высокій, стройный... красавецъ!..

При имени Юрія Всеволодовича Софья Николавна выходила изъ себя. Драгунскій офицеръ Струйскій, какъ говорили въ доброе старое время, дрался съ однимъ изъ своихъ полковыхъ товарищей изъ-за Марьи Николавны, благодаря чему репутація уѣздной красавицы прогремѣла на цѣлую губернію. Ревнивое сердце Софьи Николавны не переносило этого тогда, не могло оно быть покойнымъ и теперь. Софья Николавна страшно не любила, когда сестра вспоминала объ этой дуэли: Марья Николавна, напротивъ, любила предаваться воспоминаніямъ, тѣмъ болѣе, что эпизодъ этотъ—живая страница той прошлой жизни, о которой теперь приходится только вспоминать.

Сестры замолчали. Софья Николавна, какъ будто на зло гостьѣ, взяла въ руки книгу, дѣлая видъ, что читаетъ, хотя буквы въ сумеркахъ казались слившимися въ сплошныя полоски. Марья Николавна поднялась и молча вышла въ столовую, гдѣ застала Секлетинью, разставлявшую по столу чайные приборы.

— Лампа коптитъ!—воскликнула она, указывая прислугѣ на лампу, огонекъ которой едва-едва выглядывалъ изъ прорѣза горѣлки.

— Чего коптить-то... Какъ слѣдуетъ-то еще и не засвѣтилась,—возразила кухарка.

— А если говорятъ тебѣ, дура, такъ, значитъ, коптитъ! И, пожалуйста, не разсуждай!..

Марья Николавна ушла къ себѣ, плотно захлопнувъ за собою дверь. Когда былъ поданъ самоваръ, Софья Николавна вышла въ столовую, заварила чай и, немного выждавъ, позвала сестру. Та появилась не скоро, а появившись, молча дошла до своего любимаго кресла и, поправивъ на лампѣ абажуръ, сѣла въ тѣни.

Сестры молчали. Неплотно прикрытый самоваръ чуть слышно тянулъ какую-то тягучую, писклявую ноту. Въ залѣ стучалъ маятникъ часовъ. За окномъ въ саду шумѣли деревья. Въ обширной, плохо освѣщенной комнатѣ было скучно-скучно...

II.

Полчаса спустя, въ столовую вошелъ низенькій человѣкъ, въ большихъ сапогахъ, въ короткомъ пальто на широкихъ плечахъ и съ проборомъ волосъ на головѣ. Расправивъ рукою рыжую бороду и моргнувъ зелеными глазами, онъ подошелъ къ столу и положилъ около лампы два нумера „Нивы“ и письмо въ свѣтло-сѣромъ конвертѣ. Софья Николавна положила нумеръ

журнала себѣ на колѣни, а письмо передала сестрѣ, сухо проронивъ:

— Тебѣ!..

Марья Николавна спѣшно разорвала конвертъ и развернула большой листъ почтовой бумаги, исписанный на всѣхъ четырехъ страницахъ. Приказчикъ Луканъ отошелъ къ двери и тоскливымъ взоромъ уставился на темныя окна комнаты.

— Евгеній опять пишетъ!—проговорила Марья Николавна.

— Женя? А-а! Это любопытно! — вставила Софья Николавна.

— Ну, ужъ и любопытно!..

Марья Николавна отложила въ сторону письмо и, немного обернувшись къ приказчику, начала:

— Что̀, отдалъ матушкѣ индюшку?

— Отдалъ, барыня... Благодарить приказали... кланяются... Въ Казанскую къ себѣ изволили просить...

— У Петрова былъ?

— Былъ.

— Ну, что̀ же?

— Да больше семи съ полтиной не даетъ.

— Ну, и пусть не даетъ!.. пусть!..—вспылила Марья Николавна.—Телку не продавать! Слышишь?

— Слышу-съ.

— Завтра пошлешь на мельницу: мука вся вышла,—заговорила уже дѣловымъ тономъ Марья Николавна.

Приказчикъ промолчалъ, переступилъ съ ноги на ногу и нерѣшительно замѣтилъ:

— Самому бы мнѣ поѣхать: дѣло тамъ есть...

— А кто здѣсь будетъ за молотьбой слѣдить? Ромашку пошли!.. Да скажи ты ему, дурню, или самъ посмотри: болтъ у окна въ спальнѣ покоя мнѣ не даетъ—хлопъ, хлопъ!.. Говорила я ему, олуху, поправь, привяжи!.. Сегодня всю ночь не спала! Привяжи ты его, что-ли, или совсѣмъ выдерни...

— Посмотрю,—угрюмо отвѣчалъ Луканъ.

Приказчикъ ушелъ. Марья Николавна выпила чай, придвинула пустую чашку къ сестрѣ и принялась за письмо.

— Ну-у! поѣхала наша!.. Опять денегъ проситъ!—воскликнула Марья Николавна и, перевернувъ страницу, прочла вслухъ: „Ради Бога, тетя, пришлите мнѣ рублей пятьдесятъ. Въ нашемъ вѣдомствѣ перемѣнили форму—придется шить новый мундиръ, а изъ стараго ничего не выйдетъ. На новомъ мундирѣ будутъ серебряные погоны, на шинели тоже, а на фуражкѣ значокъ;

еще и нагрудный значокъ придется купить новый, въ память столѣтія нашему министерству..."

Прочтя эти строки, Марья Николавна сокрушенно добавила:

— И чего они тамъ умудряются: форму новую, эполеты... то да сё...

— Ну, Манечка, значитъ, такъ надо,—вздумала заступиться за отсутствующаго племянника Софья Николавна:—Евгеній вѣдь не виноватъ, не онъ форму выдумалъ!

— „Не онъ, не онъ"! Онъ денегъ-то проситъ!—не унималась вторая тетка.—Именинница я была—поздравилъ онъ меня? Въ день рожденья—вспомнилъ? Опять же, вотъ, память покойнаго мужа на дняхъ была—вспомнилъ? Прислалъ вѣсточку? Вотъ тутъ, въ этомъ-то письмѣ, догадался спросить, что̀, молъ, какъ вы, тетя, поживаете? не грустите ли? Забылъ все это, а вотъ какъ деньги стали нужны—то и про тетку-старуху вспомнилъ!.. Шелапутъ!.. Право, шелапутъ!.. весь въ батюшку!.. покойника!..

Софья Николавна не возражала, хотя ей очень хотѣлось заступиться за племянника. Въ другое время она непремѣнно сдѣлала бы это, но теперь ея вниманіе остановили свѣженькіе нумера журнала, а она была большой поклонницей „Нивы".

Сестры сидѣли молча. Софья Николавна, съ гладко зачесанными волосами на вискахъ, съ глазами, пристально устремленными на страницу журнала, съ выпрямленной спиной и съ вытянутой шеей — казалась изваяніемъ. Марья Николавна была неспокойна; особенно громко гремѣла она ложечкой, размѣшивая въ чашкѣ сахаръ, быстро разламывала пальцами сухіе домашніе крендельки, отчего они громко щелкали,—и по временамъ пристально и сердито всматривалась въ серьезное лицо сестры.

— И чего ты, право, Софья! уткнулась въ свои картинки и хоть бы слово! — наконецъ, не вытерпѣла она и съ сердцемъ выкрикнула.

Софья Николавна подняла лицо, посмотрѣла на сестру поверхъ очковъ и спокойно отвѣтила:

— И ты возьми вотъ нумеръ, да и посмотри...

Марья Николавна не взяла изъ рукъ сестры нумера журнала и продолжала:

— Нѣтъ бы тебѣ посовѣтовать сестрѣ, какъ быть: посылать ему денегъ или нѣтъ?..

— Разумѣется, послать!

Марья Николавна сердито посмотрѣла на сестру и поднялась съ кресла: по ея лицу блуждали красныя пятна, глаза метали молніи.

— Послать!.. послать!..—шептала она, подходя къ двери въ свою комнату. Черезъ секунду дверь эта шумно ударилась о косяки, и Софья Николавна осталась одна.

„Рветъ и мечетъ!“—подумала она про сестру и покосилась на дверь.

Послѣ ухода Марьи Николавны, въ столовой стало тихо. Потухшій самоваръ, за минуту передъ тѣмъ тянувшій свою пѣсенку, смолкъ, слышался шорохъ бумаги. Изъ сада чуть слышно доносился шелестъ осеннихъ листьевъ; вылъ вѣтеръ, въ окна барабанилъ дождь...

III.

Черезъ нѣсколько минутъ Марья Николавна снова появилась въ столовой. Раздраженіе оставило ее, лицо казалось слегка поблѣднѣвшимъ, глаза потускнѣли. Спѣшно шагая, она проходила столовой, и взволнованнымъ голосомъ шептала:

— Кто-то пріѣхалъ, Софьюшка... Ужъ не становой ли? Съ этими земскими повинностями да разными тамъ поземельными—голова кругомъ пойдетъ!

Марья Николавна близко подошла къ сестрѣ, словно боясь остаться одинокой.

— Становой пріѣдетъ въ субботу, а нынче—среда. Чего же ты безпокоишься?—успокаивала сестру Софья Николавна.

Дверной блокъ какъ-то особенно рѣзко взвизгнулъ, дверь громко стукнула, и на порогѣ столовой появилась Секлетинья.

— Мотри-ка, баринъ Николай Николаичъ пріѣхалъ!—говорила она, проходя въ прихожую, чтобы отперетъ парадное крыльцо.

— Кока! — воскликнула Марья Николавна и разомъ повеселѣла.

— Nicolas!—протянула и Софья Николавна.

Барыни переполошились и бросились за кухаркой въ прихожую. Въ это время въ небольшую полуосвѣщенную комнату съ вѣшалками вошелъ высокій, еще не очень старый генералъ въ громадной шинели на плечахъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ кокардой. Молодцевато сбросилъ онъ съ плечъ шубу на руки прислугѣ, но баба зазѣвалась, и шуба упала на полъ.

— Эхъ ты, фефела!—обозвалъ ее генералъ и крѣпко обнялъ Марью Николавну. Сестру Софью онъ только поцѣловалъ въ щеку и пожалъ руку.

— Проходи, проходи, Кока! Студено? Вѣтрено?..

— Да-а, погода проклятая!—отвѣчалъ гость, звякая шпорами и потирая руки. На немъ была сѣрая тужурка съ красными лацканами, золотыми пуговицами и съ золочеными погонами, на желтомъ фонѣ которыхъ зигзагомъ блестѣлъ серебряный позументъ.

— Секлетинья! Самоваръ! — кричала Марья Николавна.— Какъ это ты рѣшился въ такую погоду-то?

— Въ городъ, на засѣданіе губернскаго земства,—расправивъ сѣдые бакенбарды, говорилъ Николай Николаевичъ. Онъ опустился въ кресло и закурилъ толстую папиросу, вставивъ ее въ серебряный мундштукъ съ янтарнымъ концомъ.

— Что̀ они еще тамъ?—спросила старшая сестра.

— Да кто ихъ знаетъ! Говорятъ, что-то относительно голодающихъ надумали,—отвѣтилъ генералъ и нахмурилъ сѣдыя брови. По его румяному, одутловатому лицу разлилось неудовольствіе, а изъ широко-раскрытаго рта выползли густые клубы табачнаго дыма.

— Охъ, ужъ эти голодающіе!.. надоѣли... Сколько ужъ теперь лѣтъ—все о нихъ, да о нихъ, будто мы ужъ и не люди,—замѣтила Марья Николавна и повела глазами на темныя окна, точно тамъ, за стѣною, эти голодающіе побрякиваютъ болтами и шелестятъ листвой сада.

— Да-а! — многозначительно протянулъ Николай Николаевичъ. — Вотъ тоже сынокъ-то мой, Сереженька... Представьте себѣ, какую штуку выкинулъ!.. Проситъ, видите ли, опять, чтобы я ему пятьдесятъ рублей высылалъ. Онъ, вѣдь, знаешь, давно отказался отъ денегъ, на свои живетъ!..—Генералъ развелъ руками, затянулся папиросой и продолжалъ:—А для чего бы, вы думаете, это ему понадобилось? Въ какую-то тамъ голодающую губернію ѣдетъ, въ какой-то медицинскій отрядъ записался. Но причемъ же я тутъ? Если онъ ѣдетъ куда-нибудь, ну, тамъ, по дѣлу, что-ли, такъ пусть командировочныя проситъ. Ѣдетъ человѣкъ служить, такъ сказать, работать, а отецъ шли ему деньги! Да гдѣ же это видано? Отказалъ!.. Наотрѣзъ отказалъ! Получилъ командировку, такъ, значитъ, получи и командировочныя!

— Странно!.. Что̀ это ему вздумалось?—сорвалось съ блѣдныхъ губъ Марьи Николавны, и она въ недоумѣніи пожала плечами.

— А та̀къ вотъ,— блажь одна!.. Глубоко сожалѣю теперь, глубоко сожалѣю, что уступилъ ему тогда, позволивъ уклониться отъ военной службы!

сравняться съ стариннымъ дворянствомъ въ губерніи, да еще и конкуррируетъ на выборахъ! А? Какъ это тебѣ понравится? Мужикъ, вѣдь! мужикъ! дуботесъ несуразный!—а посмотри-ка на него! Да знаетъ ли онъ, шельмецъ, что̀ такое земство? Знаетъ ли онъ, какой высокій принципъ положенъ въ основаніе его, а?

— Да ужъ я и не знаю, почему имъ нынче такую волю дали? Зачѣмъ ихъ въ гласные-то пускаютъ?—спрашивала робко Марья Николавна.

— Вотъ, поди, да спроси ихъ!

Во время разсужденій брата и сестры Софья Николавна молчала, склонившись надъ иллюстрированнымъ журналомъ и углубившись въ чтеніе какого-то занимательнаго романа. Невольно прислушиваясь иногда къ длиннымъ репликамъ брата, она отрывалась отъ интереснаго чтенія, но потомъ скоро же и опять увлекалась имъ, находя темы разсужденій брата и сестры неинтересными.

Всю жизнь прожила она такъ, мало интересуясь окружающимъ,—и жизнь для нея была какая-то тайна: она жила больше тѣмъ любопытнымъ міромъ человѣческихъ встрѣчъ, радостей и печалей, комедій и трагедій, на которыхъ останавливали вниманіе тѣ или другіе авторы,—и она любила читать повѣсти и романы. Увлекаясь родной беллетристикой, она все же отдавала предпочтеніе переводной, особенно въ томъ случаѣ, если любимые герои и героини не обманывали ея ожиданій и кончали свою жизненную карьеру именно такъ, какъ она предполагала послѣ первыхъ главъ романа или повѣсти.

Братъ и сестра въ этомъ отношеніи не похожи были на Софью Николавну. Николай Николаичъ, во время всей своей военной карьеры прослужившій на штабныхъ должностяхъ, читалъ только то, что̀ преподносили ему тѣ или другіе адъютанты, а Марья Николавна съ дѣтства не склонна была ни къ наукѣ, ни къ книгѣ. И судьба трехъ представителей нѣкогда знатнаго рода Тузовыхъ сложилась неодинаково. Николай Николаевичъ былъ женатъ и хорошо женатъ, потому что получилъ за женою кругленькое и цѣнное имѣньице, гдѣ и жилъ до сихъ поръ. Марья Николавна также хорошо была выдана замужъ, но потомъ случилось несчастіе—мужъ ея пропилъ и имѣніе, и дома въ губернскомъ городѣ, такъ что пришлось вернуться въ родную Тузовку, гдѣ въ это время оплакивала свое дѣвичество и читала романы Софья Николавна. Какъ-то странно сложилась судьба послѣдней. Была она видной невѣстой въ уѣздѣ, а замужъ не вышла, и никто-никто изъ мужчинъ не нарушилъ ея покоя своимъ

предложеніемъ. Когда года прошли, и разочарованная дѣва перестала ждать—весь духовный міръ ея преобразился: она замкнулась въ самой себѣ, стала еще равнодушнѣе къ другимъ и только въ одномъ обрѣла утѣшеніе—въ книгахъ... Впрочемъ, у нея была еще одна слабость: она имѣла нѣсколько выигрышныхъ билетовъ и ждала, когда на ея счастье выпадетъ выигрышъ въ двѣсти тысячъ, именно въ двѣсти, — не больше и не меньше... И въ эту скучную и ненастную ночь, пожелавъ брату и сестрѣ покойнаго сна, она ушла къ себѣ въ комнату и, при свѣтѣ неугасимой лампады, разсчитывала шансы на выигрышъ. Первое сентября миновало на дняхъ, и, разочаровавшись на эту осень, она приготовилась терпѣливо ждать другое первое число, когда объявится списокъ выигрышей.

Генералъ съ сестрой остались въ столовой вдвоемъ, все продолжая еще бесѣду на тему о треволненіяхъ жизни. Теперь говорили они больше о хозяйственныхъ дѣлахъ. Марья Николавна выпросила у брата пять возовъ сѣна, такъ какъ на лугахъ тузовскаго имѣнія въ минувшее лѣто травы посохли; взамѣнъ этого, Марья Николавна обѣщала брату іоркширскаго борова, чтобы и генералу обзавестись свиньями этого благороднаго племени. Наконецъ, когда въ зальцѣ часы отбили двѣнадцать хриплыхъ ударовъ, братъ и сестра порѣшили разойтись, и, навѣрное, оба скоро и заснули бы, еслибы не Марья Николавна. Припомнился ей почему-то племянникъ Евгеній съ его просьбой денегъ на обзаведеніе новой формы. Чтобы не мѣшать Софьѣ Николавнѣ почивать, они перешли въ угловую комнату и начали обсуждать вопросъ—послать Евгенію денегъ или нѣтъ. Марья Николавна отклоняла положительное рѣшеніе этого вопроса, ссылаясь на нѣкоторое стѣснительное обстоятельство—въ деньгахъ, а братъ ея держался прежняго рѣшенія—не посылать, и бранилъ Евгенія и сына, взвалившаго на себя тяжесть какой-то командировки безъ командировочныхъ. Потомъ онъ принялся бранить современныя условія жизни, назвавъ самую жизнь „смѣшеніемъ званій", бранилъ школу, университетъ, газеты, жизнь въ большихъ городахъ, гдѣ будто бы у молодежи „выростаетъ громадная глотка", и закончилъ свою рѣчь проклятіями по адресу разночинцевъ, внесшихъ смуту въ жизнь, ранѣе того оберегаемую традиціями дворянства. Пробило—часъ... Братъ и сестра простились и разошлись.

Скоро въ тузовскомъ домѣ настала полнѣйшая тишина. Только старинные часы въ залѣ ровно и размѣренно отбивали свое „тикъ-такъ" и, казалось, подсказывали засыпавшему на диванѣ гене-

ралу: „тамъ-тутъ“—„тамъ“—чтò было когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „тутъ“—чтò творится теперь и чтò отзывалось въ душѣ носителя старинныхъ традицій негодованіемъ...

На дворѣ шелъ дождь... Въ саду вылъ вѣтеръ, теребя деревья сада и сбрасывая на землю послѣдніе пожелтѣвшіе осенніе листья...

IV.

Дня черезъ три, ночью, генералъ вернулся изъ города внѣ себя отъ негодованія и, несмотря на поздній часъ, сталъ изливать передъ сестрами свою горечь, накипѣвшую въ душѣ за всѣ эти дни томительной и напрасной поѣздки.

— Нѣтъ, ей-Богу! зналъ бы—не поѣхалъ. Это чортъ знаетъ, чтò такое! Для чего только людей безпокоятъ!—горячился онъ.—Узнала, видите ли, отъ кого-то наша управа, что въ губерніи голодъ, тифъ... ну, и еще что-то тамъ такое... И подняли такую бурю, что взбаламутили всю губернію... Я думалъ раньше... ну... вопросъ не такъ будетъ поставленъ... Я думалъ—обсудятъ все, какъ слѣдуетъ, мѣры какія-нибудь примутъ, чтобы и всѣмъ намъ, землевладѣльцамъ, пережить эти неурожаи... Съѣхались мы, явились на собраніе, слушаемъ предлиннѣйшій и преглупѣйшій докладъ. Взорвало тутъ насъ, нѣкоторыхъ... Обступили мы предсѣдателя управы да и спрашиваемъ: „А давно ли, молъ, вы проѣзжали по губерніи-то?“ Обозлился страшно и говоритъ: „Разумѣется, всей губерніи я не объѣхалъ, но нынѣшнимъ лѣтомъ произведенъ точный учетъ путемъ статистики“... Понимаешь, сестра, — обратился генералъ къ Марьѣ Николавнѣ: — „путемъ статистики“. Понимаешь? Видѣла ты этихъ статистиковъ-то, вотъ, чтò лѣтомъ разъѣзжали?

Николай Николаевичъ долго еще разсказывалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ экстреннаго земскаго собранія и все горячился и вѣщалъ, что управа совсѣмъ развратитъ народъ своими подачками.

— На чемъ же кончили?—спросила Марья Николавна.

— А чортъ ихъ знаетъ, на чемъ! Больнымъ сказался и уѣхалъ, не дождавшись конца.

Сколько ни горячился генералъ и какъ жестоко ни проклиналъ земство, напрасно обезпокоившее гласныхъ, все же успокоился, и скоро въ тишинѣ темнаго зальца послышался его богатырскій храпъ. А старинные часы опять тихо и томительно ровно постукивали: „тикъ-такъ! тикъ-такъ!“

На другой день, послѣ завтрака, Марья Николавна предложила брату пройтись по усадьбѣ, посмотрѣть на хозяйство и посовѣтоваться съ нимъ о ремонтѣ нѣкоторыхъ службъ.

День былъ теплый. Яркое солнышко словно говорило людямъ: „идите, погуляйте—послѣдній денекъ, и я васъ погрѣю, а потомъ уже долго не буду грѣть, до слѣдующей весны“... Поглощенные разсужденіями относительно хозяйства, братъ и сестра не замѣчали ни яркаго, пригрѣвающаго солнышка, ни чистаго голубого неба, въ которомъ скользили одинокія пушистыя облака.

Генералъ предложилъ сестрѣ руку, и такъ, вдвоемъ, они обошли весь дворъ, осмотрѣли сараи и амбаръ съ громадными висячими замками на дверяхъ, побывали на огородѣ, гдѣ бабы рыли картофель, и очень долго бесѣдовали на гумнѣ съ повстрѣчавшимся приказчикомъ, потому что здѣсь-то и необходима была основательная поправка соломенныхъ крышъ и плетневыхъ стѣнъ. Возвратясь съ гумна, братъ и сестра увидѣли толпу людей, двигавшихся отъ воротъ. Это были трое крестьянъ деревни Тузовки, а во главѣ ихъ—нѣкто Проскурнинъ, учитель школы грамоты. Замѣтивъ высокую и тонкую фигуру послѣдняго въ пальто и въ шляпѣ, Марья Николавна догадалась, что это та самая деревенская депутація, которая когда-то бесѣдовала съ нею объ ихъ необитаемомъ флигелѣ, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ стоитъ въ саду съ забитыми дверями и окнами.

— Ахъ, да, Nicolas, вотъ эти мужики идутъ, вѣроятно, переговорить съ тобою относительно нашего флигеля...

— Что̀ такое?

— Они и учитель съ ними—просятъ, чтобы мы уступили имъ флигель подъ школу.

— Ну?

— Да вотъ ты лучше съ ними поговори!—и Марья Николавна мотнула головою въ сторону мужиковъ и учителя, которые были уже близко отъ господъ.

Мужики пріостановились, сняли шапки и, поклонившись господамъ, остались съ обнаженными головами. Проскурнинъ неловко раскланялся и даже шаркнулъ ногою и немного отошелъ въ сторону, поправляя пряди волосъ, выбившихся изъ-подъ полей шляпы. Генералъ, по военному, прикоснулся пальцами къ козырьку фуражки и отставилъ ногу, собираясь выслушать депутацію.

— Къ вашей милости, ваше превосходительство, — началъ староста, рыжій, лысый мужикъ, въ новой поддевкѣ и сапогахъ и съ бляхой на груди: — Вотъ, мы съ барыней Марьей Нико-

лаевной говорили насчетъ вашего флигелька... намъ бы его подъ училище...

— То-есть, какъ это „вамъ бы его“? — спросилъ генералъ и обвелъ мужиковъ глазами.

— А такъ бы, ваше превосходительство... Онъ-то, вотъ, сколько лѣтъ теперь пустуетъ, а мы въ немъ школу устроили бы...

— То-есть, собственно, я, какъ учитель... Я хотѣлъ бы пояснить вашему превосходительству, что общество деревни Тузовки проситъ у васъ позволенія открыть школу въ вашемъ пустующемъ флигелѣ... Школа наша теперь помѣщается въ тѣсной избѣ, а во флигелѣ мы произвели бы нѣкоторый ремонтъ, приспособили бы для класса и все такое...

Учитель смолкъ, ожидая, что̀ скажетъ генералъ.

— Постойте! постойте! Я немного не понимаю васъ! Вы хотите, т.-е. общество тузовское хочетъ, арендовать у насъ флигель?—спросилъ генералъ, пристально уставившись глазами въ лицо Проскурнина.

— Гдѣ, батюшка, ваше превосходительство, арендовать... Вы такъ бы его намъ уступили,—отвѣчалъ за учителя другой изъ мужиковъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Не надобенъ онъ вамъ, флигелекъ-то, ну, мы и осмѣлились просить,—говорилъ староста.

— А почему же ты знаешь, что онъ намъ ненадобенъ? А? Съ чего же это вы взяли-то? Ха-ха-ха!—разсмѣялся генералъ:— Пойдемъ, сестра!—добавилъ онъ, собираясь идти, но новое замѣчаніе старосты остановило брата и сестру.

— Вотъ тоже и въ земство мы обращались... насчетъ того же... Просите, сказывали тамъ, у вашего превосходительства, если, молъ, разрѣшите вы, то земство и книжекъ вышлетъ, и всякое пособіе...

— А ты поди да и скажи земству-то: пусть оно арендуетъ у меня флигель, тогда школу свою и открывайте!..

И генералъ, не обративъ вниманія на тузовскую депутацію, направился къ крыльцу, не оставляя руки сестры.

Мужики постояли немного, помялись, пошептались о чемъ-то, и всѣ разомъ двинулись за сконфуженнымъ учителемъ, который подходилъ уже къ воротамъ, опустивъ на грудь голову и широко размахивая руками.

— Вотъ тоже выдумали! А?—спрашивалъ генералъ сестру.

— Да-а,—протянула Марья Николавна.

Въ столовой брата и сестру встрѣтила Софья Николаевна.

— Что они тамъ такое говорили?—полюбопытствовала она, наблюдая сцену съ мужиками изъ окна своей комнаты.

— Ты знаешь! Относительно флигеля! — небрежно промолвила ей сестра.

— Отдать бы, въ самомъ дѣлѣ, имъ! Пусть бы устроили школу; все равно, онъ пустуетъ,—рѣшилась высказать свое мнѣніе и Софья Николавна.

— Ну, ужъ, пожалуйста, сестра, не противорѣчь! Хорошо, когда одна голова въ домѣ!—оборвалъ ее братъ.

— Да вѣдь пустой онъ стоитъ лѣтъ десять! А тутъ было бы хоть смотрѣть пріятнѣе... А то стоитъ какое-то чудовище, и днемъ мимо него страшно пройти,—не унималась Софья Николавна.

— Nicolas, она еще и сама пойдетъ учить ребятъ!—съ ехидной улыбкой на губахъ, вставила Марья Николавна.

— Ты прекрасно знаешь, Манечка, что учить ребятъ я не пойду!—вспылила младшая сестра:—я говорю, что флигель зря пустуетъ!

— Ну, ужъ пожалуйста! этому не бывать!.. А лучше прекратите всѣ эти пустые разговоры... тѣмъ болѣе, мнѣ пора ѣхать!

Такъ ходатайство тузовскаго общества и не было удовлетворено, и стоитъ до сихъ поръ въ барскомъ саду пустынный и необитаемый флигель, пугая своимъ печальнымъ видомъ Софью Николавну.

Разстроенный неудачей, Проскурнинъ написалъ корреспонденцію, полную упрековъ по адресу генерала, какъ земскаго гласнаго, не откликнувшагося на запросы тузовцевъ, но газетка, издававшаяся въ губернскомъ городѣ, почему-то не напечатала жалобы юнаго учителя.

V.

За недѣлю до „Казанской“, къ батюшкѣ Василію пріѣхала изъ Петербурга дочь Наташа. Появленіе ея въ тихой и мирной обители старика священника было неожиданно. Мѣсяцъ тому назадъ, батюшка отправилъ ее въ столицу, послѣ лѣтнихъ каникулъ; матушка Надежда Александровна оплакала дочь передъ разлукой до слѣдующаго лѣта, а тутъ вдругъ—такая неожиданность! Наташа даже не написала роднымъ о пріѣздѣ и не попросила отца выслать на станцію лошадей! Выйдя изъ вагона, наняла она перваго попутнаго крестьянина, и въ его тряской

и неудобной телѣгѣ притащилась домой по вязкой и испорченной осенней непогодой дорогѣ.

— Батюшки мои! Да ты ли это?—изумился отецъ Василій, увидя дочь идущей къ крыльцу съ чемоданчикомъ въ рукахъ. Въ отвѣтъ дочь молча припала на грудь отца. Надежда Александровна также не сразу узнала въ пріѣзжей свою Наташу, а когда сомнѣнія разсѣялись, блѣдная и обезкураженная поднялась она со стула и всплеснула руками, забывъ про чулокъ, который вязала, сумерничая около окна.

Изумленные отецъ и мать засыпали пріѣзжую вопросами, дивясь ея скорому возвращенію, хотя каждый изъ нихъ посвоему тайно радовался совершившемуся. „Можетъ быть, одумалась и вернулась",—подумалъ батюшка, не отрывая глазъ отъ лица дочери, но потомъ онъ скоро отказался отъ этого предположенія. На вопросъ матери, о причинѣ пріѣзда,—Наташа коротко отвѣтила.

— Мы думали—осенью придется держать экзамены, а вышло такъ, что этого не случилось.

— Почему же ты не держала? На второй годъ осталась?—спросилъ отецъ Василій, перебивая дочь.

— Не отъ меня, папа, зависитъ... Всѣ рѣшили, что держать не слѣдуетъ, — отвѣчала дочь, и голосъ ея дрогнулъ. Наташа не нашла въ себѣ силы, которая помогла бы ей кратко разъяснить роднымъ все, что̀ дѣлалось въ Петербургѣ, и повѣдать о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ее и другихъ вернуться домой: ей стало стыдно за ту невольную ложь, какую она допустила, говоря объ экзаменахъ. Ей никогда не придется держать экзаменовъ, какъ не придется вернуться въ тотъ большой, холодный съ виду городъ, куда такъ долго тянула ее какая-то невѣдомая сила. Она знала по опыту, что весь складъ ея жизни чуждъ пониманію отца и матери, а чтобы поняли они, надо долго знакомить ихъ съ „чѣмъ-то", надо долго убѣждать ихъ въ томъ, чѣмъ уже давно живутъ они, молодые, непонятные для старыхъ... И Наташа съ тоской въ голосѣ проговорила:

— Мамочка! я такъ проголодалась, устала и страшно спать хочу!

— Голубчикъ, Наташа! сейчасъ, сейчасъ!

И старушка быстро вышла въ кухню хлопотать объ обѣдѣ, а отецъ Василій остался въ зальцѣ и, заложивъ за спину руки, ходилъ отъ одной стѣны до другой, свѣсивъ на грудь голову и задумчиво разсматривая узоръ узкаго, самотканнаго половика, по которому мягко ступали его ноги.

— Когда же кончится твое ученье?—слегка грубоватымъ тономъ спросилъ онъ, остановившись передъ дочерью и пытливо посмотрѣвъ ей въ глаза.

Наташа вспыхнула и потупила глаза.

— Не знаю, папа... мнѣ напишутъ, когда будутъ экзамены... —и она снова вспыхнула и потупилась.

И только въ эту минуту она поняла, что любитъ отца по новому, а гдѣ та „любовь", непосредственная и безотчетная, которая тянула ее къ отцу и матери, какъ слѣпую? Ея нѣтъ, какъ нѣтъ многаго, что стряхнулось вмѣстѣ съ годами новыхъ думъ, настроеній и желаній. Наташу всегда тяготила жалость, съ которой начинались ея отношенія къ роднымъ, а не жалѣть ихъ она не могла: они пережили длинные годы блѣдной и тусклой жизни, и, не замѣтивъ этого, умрутъ съ такимъ же запросомъ духа, съ какимъ умерли ихъ отцы и дѣды; а она, Наташа, начала по новому, и будущая жизнь ей представляется заманчивой, интересной, той дѣйствительной жизнью, въ которой потомъ усомнятся новыя дѣти, и такъ будетъ долго-долго!.. Быть звеномъ этой вѣчной цѣпи Наташѣ казалось заманчивымъ, а на отцѣ порвется та ветхая ржавая цѣпь минувшихъ поколѣній, начало которой— въ мрачномъ и тяжеломъ прошломъ... Наташу тяготила рознь между нею и родными, а измѣнить этого невозможно, исправить это—поздно!..

Гдѣ-то въ прошломъ Наташи—начало этой розни: какъ отъ зерна, упавшаго на благопріятную почву, зародилась она, съ теченіемъ лѣтъ подросла, окрѣпла, и вотъ теперь—ея плоды, на которые съ одинаковой грустью смотритъ и она, переживающая утрату той „своей", петербургской жизни, къ которой теперь уже не вернуться, и они, старики, чувствующіе какую-то незримую пропасть между собою и дочерью... Если бы Наташа возвращалась къ своимъ, около которыхъ можно бы было отдохнуть отъ пережитого—она не чувствовала бы себя настолько одинокой; еслибъ и они, старики, встрѣтили свою дочь, которую можно бы было легко понять,—они также были бы счастливы и покойны...

Обѣдъ начался нѣсколько натянуто, хотя Наташа не молчала. Она разсказывала о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, говорила о Москвѣ, гдѣ она прожила два дня, въ одинъ изъ которыхъ ей наконецъ-то удалось побывать въ Третьяковской галереѣ. Зная, что отецъ большой любитель живописи, она съ особой охотой описывала картины, которыя произвели на нее большое впечатлѣніе, и обѣщала послѣ обѣда достать изъ чемо-

данчика иллюстрированный каталогъ художественныхъ „диковинокъ“, собранныхъ въ „московскомъ святилищѣ“, какъ она выразилась о галереѣ, откуда вынесла неизгладимое впечатлѣніе.

— Я и тебѣ, папа, подарокъ привезла!—замѣтила, между прочимъ, Наташа.

— Что ты? Ну, посмотримъ,—произнесъ отецъ, и счастливая улыбка озарила его лицо въ первый разъ послѣ возвращенія дочери.

Послѣ поздняго обѣда подали чай, и на столѣ зажгли лампу.

Наташа распаковала свой чемоданчикъ и подала отцу свертокъ въ бумагѣ. Отецъ Василій надѣлъ на глаза очки, подсѣлъ ближе къ лампѣ и принялся разсматривать поданное ему дочерью.

— Батюшки! Вотъ-то!.. Это чудесно! это чудесно! спасибо!—восторгался священникъ, разсматривая большія фотографіи съ картинъ Васнецова.—Мать! Надежда Александровна! Иди-ка!—звалъ онъ жену.

Батюшка съ матушкой разсматривали картины, а Наташа стояла около нихъ съ иллюстрированнымъ каталогомъ въ рукахъ и счастливо улыбалась: въ эту минуту она, казалось, забыла о той розни, которая тяжелымъ камнемъ ложилась ей на душу; счастливы были и старики.

Отецъ Василій положилъ фотографіи на столъ и, снявъ очки, посмотрѣлъ на дочь. Ихъ глаза встрѣтились. Отецъ Василій приподнялся съ кресла и, словно влекомый какой-то тайной силой, двинулся къ дочери, чувствуя, какъ на глаза навертываются слезы, а въ груди что-то спирается. Какъ дитя, заплакалъ старикъ, прижимая дочь къ груди и цѣлуя ея щеки, лобъ и волосы... Какія-то сладкія и непонятныя слезы прорвались и у Наташи.

— Вотъ такъ... вотъ... хорошо, голубка моя... Какъ легко на душѣ стало, а то... пріѣхала ты, точно чужая... Наташа! Наташа!... голубка моя...—бормоталъ старикъ, не выпуская дочери изъ объятій.

— Ко мнѣ, ко мнѣ... моя дорогая!—вдругъ сквозь рыданія воскликнула Надежда Александровна, и ея слезы кончились истерикой.

Отецъ и дочь довели старушку до кровати, поудобнѣе усадили ее, заложивъ за спину подушку. Наташа сбѣгала за водою, спрыснула ею голову и лицо матери и дала ей пить.

Скоро старушка очнулась, раскрыла глаза и, узнавъ дочь, снова залилась слезами, но это были слезы тихаго счастья. Онѣ тронули дѣвушку, и она опустилась на диванъ около матери и, какъ могла, старалась утѣшить ее.

Часовъ въ одиннадцать вечера, Наташа простилась съ родными и ушла къ себѣ.

VI.

Пожелавъ роднымъ доброй ночи, Наташа съ лампой въ рукахъ прошла въ свою маленькую комнатку въ одно окно, выходившее въ садъ. Плотно притворивъ за собою дверь, Наташа подошла къ столу, поставила на вязаную скатерть лампочку, опустила коленкоровую стору и осмотрѣла приготовленную постель. Въ углу у двери стоялъ ея распакованный чемоданчикъ, прикрытый пледомъ, на стулѣ лежали дорожная сумочка и башлыкъ.

Наташа чувствовала переутомленіе послѣ дороги и прекрасно знала, что заснетъ не скоро. Знакомая ей тоска и безпокойство овладѣли ею, а въ такія минуты надо занять себя чѣмъ-нибудь, чтобы не оставаться самой съ собою наединѣ. Всю дорогу отъ Москвы было такъ скучно и одиноко. Раньше, отъѣзжая изъ Петербурга на каникулы, она никогда не испытывала того, что̀ ей пришлось пережить въ томительные часы подневольной поѣздки, и именно эта поѣздка и есть причина всѣхъ ея настроеній. И долго не вернется она въ столицу, въ ту среду, интересами которой жила цѣлыхъ три года. Утрачено все, начиная съ общества близкихъ и друзей и кончая той интересной работой, которой она была занята.

Наташа подтащила къ столу чемоданъ, вынула изъ него книги, какія-то рукописи, небольшую дорожную чернильницу и пеналь. Она рѣшила писать письмо одной изъ своихъ подругъ, съ которой пришлось разстаться въ Москвѣ. Дѣвушки дали другъ другу слово поддерживать общеніе перепиской, и знали по опыту минувшихъ лѣтъ, что это не пошлое обѣщаніе передъ разлукой, а честное слово сохранить единеніе, какъ бы велико ни было разстояніе, раздѣлявшее ихъ.

Наташа начала письмо съ жалобы на свою тоску и отчаяніе передъ неизвѣстностью, и въ ея словахъ, набросанныхъ мелкимъ почеркомъ на бумагу, слышались слезы. Она прочла первую исписанную страницу и безъ колебанія разорвала написанное.

Для чего начинать съ жалобы? Для чего тревожить чью-то,

и безъ того измученную душу? Саша Звѣрева, которой она писала письмо, развѣ лучше настроена, чѣмъ она, развѣ не съ такой же мукой оторвалась она отъ работы и покинула столицу? Знала только Наташа, что ея подруга вернулась въ семью, гдѣ ее поймутъ, съ нею же вмѣстѣ обсудятъ обстоятельства дѣла и во многомъ помогутъ ей разобраться.

Наташа прошлась по комнатѣ разъ и другой, и ей показалось, что за нею слѣдомъ ходитъ еще кто-то и такъ же тихо шагаетъ по половицамъ. Она прислушалась и сообразила, что это слышатся шаги ея отца, потому что знала привычку старика-священника. Когда всѣ улягутся въ домѣ, отецъ Василій пройдетъ въ зальце, наглухо прикроетъ всѣ двери, и при слабомъ свѣтѣ лампады прогуливается по коврику и думаетъ свою благочестивую думу.

Наташа тихо подошла къ двери и еще разъ прислушалась. Въ зальцѣ глухо раздавались шаги... Если бы она была увѣрена, что старикъ пойметъ ея настроеніе этой минуты, она тотчасъ же отправилась бы къ нему и повѣдала бы ему свои думы, черныя, какъ эта непогожая осенняя ночь. Но отецъ не пойметъ ея, и для чего же пытать и его, и себя ненужными страданіями? Потомъ! Потомъ, когда она отдохнетъ и соберется съ силами, она разскажетъ ему все, что̀ случилось, и выскажетъ отцу свое рѣшеніе, на которомъ остановилась еще по пути изъ Петербурга.

Наташа сѣла къ столу, подперла рукою голову и начала обдумывать письмо къ подругѣ. Первыя фразы показались дѣвушкѣ бодрыми и веселыми; она даже пошутила, припомнивъ и описавъ какую-то смѣшную вагонную сцену. Незамѣтно для себя дѣвушка исписала первую страницу почтоваго листка, но бодрости и жизнерадостности хватило только до половины второй. Она вспомнила сцену прощанія на московскомъ вокзалѣ, и снова въ душѣ заныла знакомая печаль.

Ихъ было много тамъ, изгнанниковъ столицы. Съ шумомъ и смѣхомъ вышли они изъ вагона и размѣстились въ громадной залѣ со своимъ незатѣйливымъ багажемъ, разсуждая о томъ, кому по какой изъ желѣзныхъ дорогъ направляться въ свои углы.

„Много дорогъ протянулось отъ сердца земли русской къ окраинамъ, и какъ по венамъ и артеріямъ, по нимъ струится *кровь жизни*",—написала она, подчеркнувъ два послѣднія слова. Она прочитала написанное, и ей показался фальшивымъ этотъ приподнятый тонъ, и она хотѣла-было перечеркнуть написанное, но потомъ, подумавъ, рѣшила, что она—права: всѣ они, молоды е и здоровые, всѣ они, бодрые передъ лицомъ жизни и стреми-

щіеся къ „нови“ этой жизни,—дѣйствительно, „кровь жизни“, кровь народа, отливающая отъ центра къ окраинамъ и несущая съ собою элементы обновленія...

Въ коррядорѣ скрипнула дверь въ зальце и по скрипучимъ половицамъ послышались тихіе шаги. Дѣвушка догадалась, что это отецъ вышелъ въ корридоръ, и, притаивъ дыханіе, отложила перо въ сторону.

Отецъ Василій прошелся по корридору, дошелъ до передней и опять, такъ же тихо ступая, вернулся въ зало. Минуту спустя, дверь снова скрипнула и въ корридорѣ послышались шаги.

— Ты еще не спишь, Наташенька?—тихо окрикнулъ дочь отецъ Василій, слегка постучавъ въ дверцу.

— Нѣтъ, папа...

— Ты одѣта? Можно къ тебѣ?

— Да, папа, можно...

И дѣвушка пошла и отворила дверь.

Отецъ Василій, въ легкомъ сѣромъ подрясникѣ и съ красивыми сѣдыми волосами, заплетенными въ косу, вошелъ въ комнату дочери. Окинувъ взоромъ столъ съ начатымъ письмомъ, онъ какъ-то быстро и робко опустилъ глаза и прошелъ къ комоду.

— Съ дороги-то уснуть бы тебѣ,—замѣтилъ онъ и посмотрѣлъ дочери въ глаза.

— Не могу заснуть: должно быть, переутомилась сильно, да я и разучилась ложиться такъ рано,—отвѣтила дѣвушка и усѣлась на прежнее мѣсто, отложивъ письмо въ сторону.

— Не успѣла пріѣхать, а ужъ письмо писать надумала!—немного помолчавъ, продолжалъ отецъ Василій, усаживаясь въ кресло спиною къ окну.

Наташа промолчала, и это смутило старика. Расправивъ бороду, онъ тихо проговорилъ:

— Мать уснула... Слаба стала старуха...

Голосъ отца Василія дрогнулъ, и онъ зналъ, какая тому причина. Сцена съ дочерью въ зальцѣ сняла тяжесть съ его души, а потомъ, когда они съ женою распростились съ дочерью, и когда онъ, уложивъ ослабѣвшую старуху, вышелъ въ зало на свою обычную прогулку,—что-то тревожное и тяжелое проснулось въ душѣ. И вся обстановка большой комнаты навѣвала унывіе. У образовъ горѣла лампада, на дворѣ стонала непогода, а маятникъ старинныхъ часовъ такъ печально отбивалъ свои тихіе и ровные удары.

Мелочь этотъ подарокъ, съ которымъ вернулась дочь изъ своего непродолжительнаго путешествія, но эта мелочь многое

говорила отцу Василію, мнительному и подозрительному человѣку. Ему казалось, что дочь въ чемъ-то провинилась, и своимъ подаркомъ хочетъ расположить его въ свою пользу.

И отцу Василію не давала покоя одна и та же мысль: теперь, сегодня же узнать, съ чѣмъ вернулась въ отчій домъ Наташа. Онъ вышелъ въ корридоръ и обрадовался, увидя въ комнатѣ дочери огонь. Ему хотѣлось, не спросивъ позволенія, отворить дверь и войти, какъ это онъ дѣлалъ когда-то, но что-то заставило его миновать дверь, и только уже послѣ того, какъ онъ вернулся въ залу,—желаніе увидѣть дочь овладѣло имъ съ новой силой.

— Я все-таки, Наташенька, въ толкъ не могу взять, понять не могу, чтò за причина, что тебѣ пришлось вернуться; вѣдь этакъ на лишній годъ оттянется время...—началъ отецъ Василій, немного помолчавъ.—А мы думали—вотъ, ты уѣдешь по осени, а весною вернешься, совсѣмъ покончивъ со своей наукой.

Наташа сдвинула брови. Сердце ея тревожно и сильно забилось. Весь вечеръ она старалась оттянуть неизбѣжный окончательный переговоръ, а отецъ самъ торопитъ ее. Въ душѣ Наташи мгновенно выросло какое-то недоброжелательное чувство къ отцу: какъ онъ не могъ догадаться, что этого вопроса не слѣдуетъ затрагивать теперь. И Наташа рѣзко отвѣтила:

— Я же говорила тебѣ, что это не отъ меня зависитъ!

Лицо ея вспыхнуло. Старикъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи дочери и тоже вспыхнулъ.

— Это я отъ тебя слышалъ, но это непонятно мнѣ... Отъ кого же зависитъ, что ты не учишься? Развѣ отъ воли начальства?

— Воля начальства, какъ ты самъ же говоришь всегда—законъ!—холоднò отвѣтила дочь.

— Да. Но, стало быть, ты въ чемъ-нибудь провинилась?—спросилъ отецъ Василій и приподнялся. Медленно и разводя руками, прошелъ онъ по комнатѣ и, вернувшись къ столу, рѣзко спросилъ:

— Значитъ, тебя выключили?

— Да...

— За чтò?

Наташа молчала, повернувъ лицо къ двери.

— За чтò? за чтò?—быстро переспросилъ старикъ, и голосъ его дрогнулъ.

Наташа молчала.

— За чтò? Наташа!.. Наташенька!..

Наташа молчала, съ трудомъ переводя дыханіе. Съ каждой минутой непріязнь къ отцу разгоралась въ ней.

— За то, что я не понравилась ему,—рѣзко отвѣтила она.— Мы, многіе, не понравились ему своимъ поведеніемъ, и насъ всѣхъ исключили.

— Исключили?.. И тебя?

Отецъ Василій поблѣднѣлъ и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Да, и меня... Было бы позорно оставаться въ рядахъ неисключенныхъ!—еще рѣзче отвѣтила дѣвушка.

Отецъ Василій молча сѣлъ въ кресло къ окну и послѣ продолжительной паузы началъ, словно не сразу собравшись съ духомъ:

— Объясни, Наташа, все сейчасъ же... иначе я не уйду отъ тебя...

Твердая нотка въ голосѣ отца кольнула сердце дѣвушки, и ихъ взгляды встрѣтились: пытливое выраженіе въ глазахъ отца Василія потупилось, встрѣтившись съ смѣлымъ и вызывающимъ взоромъ дочери.

— Если ты этого хочешь — я объясню тебѣ кратко: я участвовала въ студенческихъ волненіяхъ вмѣстѣ съ другими, и за это исключена...

— Ты? Въ студенческомъ волненіи? Развѣ ты забыла мои мольбы и мольбы матери—держаться подальше отъ этого? Развѣ ты забыла, какъ мы просили тебя? Ты не сдержала своего слова!

— Я не давала тебѣ никакихъ обѣщаній!—воскликнула дѣвушка.

— Вѣдь иначе мы не отпустили бы тебя на эти проклятые курсы!

— Я не давала тебѣ, отецъ, никакихъ обѣщаній!

— Но пожалѣть-то ты насъ должна?

Наташа молчала.

— Я сорокъ лѣтъ пастыремъ, Наташа! Голова моя посѣдѣла за этой работой, и никогда никто не говорилъ со мною такъ, какъ ты... моя дочь!..

— Папа!—тихо проговорила дѣвушка:—папа!..

— Что?

— Если-бы я попросила тебя не трогать... прекратить этотъ разговоръ теперь.

— Если бы ты для меня была чужая — я сейчасъ же ушелъ бы... Но я хочу вырвать тебя изъ той злой ямы, куда ты попала! Я спасти хочу тебя! сейчасъ... Ты должна принести мнѣ покаянное слово за все, что ты сдѣлала...

— Я ни въ чемъ не виновата!

— Ты виновата! Ты попрала завѣты закона и той правды,

за которую—Богъ! Ты погибаешь въ этой... въ этой шайкѣ... Ты забыла слово Божіе...

Отецъ Василій рѣзко оборвалъ свою рѣчь и поднялся. Сердце его также тревожно билось, въ глазахъ мутилось.

— Я ни въ чемъ не виновата, папа... и въ этомъ — мое тебѣ раскаяніе...—твердо отвѣтила Наташа.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать? Можетъ быть, ты еще и наказанію какому-нибудь подвергнешься? — послѣ паузы спросилъ отецъ.

Наташа молчала.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать! — еще разъ переспросилъ отецъ!—Эти три года пропали даромъ?

— За это время я многое успѣла сдѣлать...

— Что же ты сдѣлала? Гдѣ дипломъ? Какъ ушей своихъ, не увидѣть тебѣ его,—добавилъ грубо отецъ Василій.

— Не въ дипломѣ дѣло...

— А въ чемъ же? Ради чего же ты ѣздила учиться? Даромъ время потратила... Опять же, развѣ дешево ты обошлась мнѣ?

Наташа вспыхнула и зло взглянула на отца: онъ вдругъ сталъ ей чужимъ, и она сухо сказала:

— Потомъ я заплачу тебѣ этотъ долгъ.

— Чѣмъ ты заплатишь? Ха-ха-ха! — разсмѣялся онъ нехорошимъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, отецъ!—И въ голосѣ дѣвушки послышались такія нотки, отъ которыхъ отца Василія покоробило. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ не повиновался ему, и съ дрожью въ рукахъ онъ поднялся.

— Я уѣду продолжать образованіе за границу!—спокойно проговорила Наташа, и въ этомъ спокойствіи было что-то непоколебимое.

— Что?.. что ты сказала?—вспылилъ отецъ Василій, подавшись всѣмъ корпусомъ къ дочери.—Да кто же тебя пуститъ? Кто?

— Я и не буду никого спрашивать объ этомъ.

— И меня, и меня не спросишь? Ха-ха-ха! Наташа, Наташа... оставь эти бредни, а вотъ лучше усни-ка...

Отецъ Василій повернулся и медленно вышелъ, спокойно притворивъ за собою дверь.—„За границу",— повторилъ онъ съ усмѣшкой въ голосѣ уже въ корридорѣ, и скоро его шаги смолкли.

Наташу до глубины души оскорбилъ этотъ насмѣшливый тонъ, съ какимъ отецъ Василій произнесъ послѣднюю фразу; она поднялась и едва не вскрикнула.

— Да, за границу, изъ этой проклятой родины - мачихи! — рѣзко прошептала она.

Еслибъ отецъ Василій не успѣлъ уйти, она ему бросила бы эту фразу проклятія родины, она передъ нимъ излила бы накипѣвшую злобу юнаго уязвленнаго сердца, ему — старику, затхлому человѣку, мѣшающему жить ей, молодой! Она жалѣла, что не удалось высказать этого теперь, и были минуты, когда она порывалась догнать отца и бросить ему въ глаза проклятіе родинѣ.

Минуты двѣ Наташа стояла неподвижной, потомъ быстро подошла къ двери, замкнула ее на крючокъ и, утомленная и разстроенная, опустилась на кровать, не раздѣваясь. Сердце ея попрежнему тревожно билось, голова горѣла, руки и ноги дрожали.

И ей вдругъ стало легче отъ сознанія, что всѣ опасенія, передъ которыми она робко отступала — миновали, и теперь она, ясная и опредѣленная, стоитъ передъ отцомъ, храбро отражая его нападенія и смѣло заявляя о желаніи своего „я“, жаждущаго свободы, разрыва ветхихъ и ржавыхъ цѣпей, этой незримой духовной пуповины, которую должны разорвать сами новорожденные обновленные люди.

Пусть это будетъ — война объявлена и даже хорошо, что все такъ быстро совершилось; теперь обѣ воюющія стороны знаютъ, что надо вооружиться, отстаивая свои интересы.

Наташа лежала въ постели съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ тишинѣ дома... На дворѣ стонала расходившаяся непогода, и Наташа заснула подъ ея тягучіе и печальные напѣвы...

VII.

На другой день она проснулась поздно. Всю ночь она крѣпко проспала, въ чемъ легла, и сновидѣнія не безпокоили ея утомленнаго мозга.

Наташа обвела глазами комнату, узнала—гдѣ она и вспомнила, что было здѣсь вчера. Какой-то непріятный осадокъ всколыхнулся въ ея душѣ при этомъ воспоминаніи, и она быстро встала. На столѣ горѣла забытая ею лампа, сквозь коленкоровую стору проникалъ свѣтъ дня. Она подняла стору и заглянула въ окно.

Сѣрый день; безъ солнца, съ тѣми же, что и вчера, тяжелыми тучами. Дождя не было, и это порадовало дѣвушку. Въ столовой, куда она вошла, освѣжившись холодной водой умы-

вальника, никого не было. На столѣ была разставлена чайная посуда вокругъ пустого подноса. Наташа мелькомъ окинула глазами столъ и по большому стакану съ серебрянымъ подстаканникомъ опредѣлила, гдѣ недавно сидѣлъ отецъ. Дѣвушка окликнула мать, но на ея зовъ никто не отозвался. Она прошла до кухни и, притворивъ дверь, снова позвала мать.

Въ передникѣ, замазанномъ мукою, и съ засученными рукавами Надежда Александровна бросилась къ дочери и расцѣловала ее.

— А мы съ отцомъ давно чайку напились. Пусть, думаемъ, поспишь ты съ дороги-то... Иди, голубчикъ, иди, — сейчасъ и самоваръ подадутъ... Чайку-то ты сама завари, свѣженькаго...

Наташа вернулась въ столовую, и вслѣдъ за нею кухарка внесла за-ново вскипѣвшій самоваръ. Заваривъ чай, Наташа прошла въ залу. Здѣсь все было такъ же, какъ и вчера. На столѣ передъ диваномъ лежали фотографіи, которыя вчера вечеромъ она разсматривала вмѣстѣ съ отцомъ и матерью; тутъ же лежалъ и каталогъ Третьяковской галереи. Наташа осмотрѣла и то и другое, обратила вниманіе на какой-то пейзажъ, безотрадный и унылый въ своихъ сѣрыхъ тонахъ, и быстро захлопнула книгу.

Она вспомнила отца и мать, вчерашнюю сцену встрѣчи и примиренія, ласки отца, его дрогнувшій голосъ, слезы матери,— и ей стало безконечно жаль ихъ, старыхъ и усталыхъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни... „Пуповина, незримая родственная цѣпь“... вспомнила дѣвушка и сжала руки...

— Наташа! Наташенька!—позвала ее мать.

Дѣвушка вернулась въ столовую.

— Ты ужъ одна, Наташенька, кушай — извини меня,—говорила Надежда Александровна, стоя въ дверяхъ кухни.—У меня тамъ тѣсто готово, ватрушечекъ тебѣ напеку... твоихъ любимыхъ, маленькихъ такихъ и поджаристыхъ...

Старушка ушла. Наташа налила себѣ чаю, обвела комнату глазами и, подперевъ голову рукою, задумалась.

Чѣмъ-то давно знакомымъ повѣяло на нее отъ скромной и ветхой обстановки ихъ жилья. Все здѣсь по старому и, кажется, долго еще обѣщаетъ быть неизмѣннымъ,—измѣнилась только она вся: окрѣпъ разсудокъ, возмужало сердце, распахнулась душа навстрѣчу новому. А эта комната вся та-же: тѣ-же стѣны съ блѣдно-голубыми полинявшими обоями; тѣ же окна съ кисейными занавѣсками и тусклыми стеклами, та же висячая лампа, старинные стулья, аккуратно разставленные вдоль стѣнъ,

и тѣ же закоптѣвшіе и потемнѣвшіе портреты епископовъ между оконъ: тотъ же и отецъ, старикъ, немного суровый и съ непреклонной волей, и та же хлопотунья старушка-мать. Только не та она, Наташа. Развѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ могла бы она разсуждать съ отцомъ такъ, какъ она объяснялась вчера? Но то, что̀ было нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—то не вернется, какъ не вернется дѣтство Наташи и ея юность — вначалѣ безпечная и беззаботная, потомъ—эта ломка подъ вліяніемъ лицъ, случайно выплывшихъ на горизонтѣ жизни дѣвушки.

Въ столовую вошла Надежда Александровна съ раскраснѣвшимся у печки лицомъ.

— Господи! устала! — переводя духъ, проговорила она и усѣлась на стулъ по другую сторону стола. — Стара я, Наташенька, стала: ноги не носятъ, да и такъ-то прихварываю что-то... Вотъ какъ-то вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, въ боку у меня боль поднялась — и свалилась, и думала, что не встану... А у меня ужъ всегда такъ — сердце изноетъ, когда что-нибудь прихворнется, все думушка безпокоитъ: вотъ, уѣхала ты далеко, и нѣтъ тебя... А я умру тутъ и не увижу тебя, голубчикъ мой, и не благословлю тебя на жизнь...

Глаза Надежды Александровны переполнились слезами, и она смолкла. Наташа сидѣла съ опущенной головой, ощущая въ груди какую-то тяжесть. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала покидать домъ родныхъ, ей знакомо это тяжелое ощущеніе. Обыкновенно, начиналось оно за нѣсколько дней до отъѣзда, когда мать, ничѣмъ не выказывая своего горя, старалась подавить въ себѣ тоску передъ разлукой и цѣлые дни ходила съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ. Наташа видѣла эту борьбу старухи съ надвинувшейся тоской, и проникалась къ ней глубокимъ сожалѣніемъ. Въ такихъ случаяхъ она нерѣдко спрашивала себя: имѣетъ ли она право причинять боль матери? И всегда оставляла этотъ вопросъ безъ отвѣта, въ то же время продолжая собираться въ дорогу.

Помнится, когда впервые былъ поднятъ Наташею вопросъ о поѣздкѣ на курсы, и когда этотъ вопросъ вызвалъ цѣлую семейную бурю, роли отца и матери опредѣленно выяснились. Отецъ, услыша рѣшеніе Наташи, вспылилъ такъ же, какъ и вчера, когда услышалъ высказанное дѣвушкою рѣшеніе и на поѣздку за границу: нѣсколько дней онъ не говорилъ съ дочерью, а когда та своими вопросами побуждала его высказаться окончательно — онъ говорилъ, что обдумываетъ этотъ вопросъ, и говорилъ это такимъ тономъ, который оскорблялъ дѣвушку: въ

голосѣ отца Василія слышались всегда какія-то ироническія ноты.

Мать отнеслась совершенно иначе. Когда Наташа сказала ей о своемъ рѣшеніи, старушка молча выслушала ее и, опустивъ глаза, коротко проговорила:

— Господь надъ тобой, голубка моя! Какъ знаешь—тàкъ и поступай, дѣлай, чтò тебѣ лучше.

Съ этого момента Наташа словно прозрѣла. Только теперь она поняла, какова ея мать, и послѣ этого она смѣло бы могла сказать, что скромную и молчаливую мать она любитъ больше, нежели отца. Еслибы мать была такъ же энергична и умна, какъ отецъ, еслибы у нея была такая же воля, какъ и у этого бодраго и здороваго старика,—въ старушкѣ сочетались бы тѣ необходимыя качества, которыя необходимы Наташѣ въ человѣкѣ съ именемъ „близкій другъ". Наташа никогда и ничего не скрывала отъ матери, напротивъ—иногда она сама шла къ старушкѣ и разоблачала передъ ней свою душу. Покойно становилось на душѣ дѣвушки въ это время, но только покойно,—другіе запросы ея души не удовлетворялись,—мать умѣла только любить. И Наташа знала, что отецъ могъ бы дать то, чего напрасно бы ожидать отъ матери, но отца Наташа давно считала своимъ врагомъ.

Онъ никогда не задавался вопросомъ—хорошо ли онъ поступаетъ, относясь къ Наташѣ, какъ къ дѣвочкѣ, онъ никогда не сдерживалъ себя и съ какой-то безпорядочностью, съ какой-то вульгарностью оскорблялъ ея человѣческое достоинство, смѣло заявляя ей о какихъ-то своихъ отцовскихъ правахъ на ея волю и свободу. Даже мысли ея старался подслушать, чтобы потомъ грубо высказать имъ свою оцѣнку, а Наташа давно перестала оцѣнивать мнѣніе отца съ вниманіемъ „младшей" или съ покорностью рабы.

— Отчего ты, Наташенька, такая грустная?—тихо спросила мать, видя, что дочь опустила голову и ни однимъ звукомъ не отвѣтила на ея невольно сорвавшуюся жалобу. Теперь Надежда Александровна уже жалѣла, что высказалась передъ дочерью.

— Плохо спала сегодня, мама, да и съ дороги-то, должно быть, еще не успѣла оправиться...

— Отецъ тоже что-то нынче плохо спалъ... Ворочается все и вздыхаетъ,—простодушно проговорила Надежда Александровна и также опустила глаза.—Старѣетъ и онъ съ каждымъ годомъ. Бывало—король-королемъ ходитъ, голосъ-то какой былъ, а нынче вонъ и на грудь жалуется, и съ сердцемъ у него что-то неладно..

Часы въ столовой пробили одиннадцать. Наташа просчитала въ умѣ всѣ эти хриплые удары и, обернувшись, посмотрѣла на полинялый и засиженный мухами циферблатъ часовъ, на помятыя гири и на маятникъ, двигавшійся изъ стороны въ сторону съ какимъ-то писклывымъ и жалобнымъ тиканьемъ. И ей пришла въ голову странная мысль: „все здѣсь старѣетъ и умираетъ медленной смертью“. Какая-то дрожь пробѣжала по спинѣ дѣвушки и отозвалась въ мозгу, и она съ болѣзненнымъ чувствомъ въ душѣ поднялась...

— Мама! Спасибо, милая!—проговорила Наташа и, обнявъ мать, поцѣловала ее:—я съ такимъ аппетитомъ напилась чаю и такъ вкусны были эти лепешечки...

Наташа чувствовала, что говоритъ не то, что подсказываетъ ея сердце. Она должна бы броситься къ матери, высказать ей все, накипѣвшее въ душѣ, и молить у нея прощенія въ чемъ-то. Но этого не могла она сдѣлать, потому что не считала себя провинившейся передъ этой доброй старушкой. Она любитъ мать, глубоко любитъ и хочетъ охранять ея жизнь, хочетъ окружить ее спокойствіемъ и счастьемъ, тѣмъ счастьемъ, какимъ живутъ старые, пожившіе люди.

При этой мысли дѣвушка вздрогнула и отошла къ окну. Какое счастье можетъ она дать роднымъ? Ихъ желаніе сводится къ одному, чтобы Наташа отказалась отъ своихъ стремленій учиться и осталась бы около нихъ, потому что она—единственная у нихъ радость въ жизни. Они хотятъ ей той же жизни, какою жили они; они выработали для этой жизни програму, обсудили ее больше сердцемъ, нежели разсудкомъ, и хотятъ, чтобы дочь приняла ее безъ критики и не сообразуясь съ собственными желаніями и стремленіями. Для Наташи это рѣшеніе невозможно. Она — другая теперь, она отравлена ядомъ другой жизни, и она пойдетъ по этому пути во что бы то ни стало...

— Мама, а какъ поживаетъ Коля? — спросила дѣвушка, чтобы отогнать мысли отъ этого „громаднаго“ вопроса, котораго она никакъ не можетъ разрѣшить рѣзко и опредѣленно.

— Что ему дѣлается—здоровъ,—сухо отвѣтила Надежда Александровна и тоже встала. — Живетъ по прежнему, какъ звѣрь какой: ни дяди, ни тетки не признаетъ... А тоже не долженъ забывать, что, благодаря дядѣ-то, и устроился тутъ, а не прими онъ въ немъ участія, такъ шатался бы безъ дѣла-то и искалъ бы пропитанія, какъ птица небесная!..

Наташѣ не понравился этотъ сухой, непріязненный отвѣтъ

матери, и она пожалѣла, что такимъ неудачнымъ вопросомъ вздумала спасти себя отъ назойливыхъ думъ.

Ни Надежда Александровна, ни отецъ Василій не любили племянника Николая Проскурнина, и когда-то Наташѣ не разъ приходилось воевать изъ-за него съ матерью и съ отцомъ. И теперь Наташа поймала себя на такомъ странномъ желаніи досадить матери и тѣмъ отомстить ей за ея отношеніе къ своему лучшему другу, какъ она въ глаза и за глаза называла двоюроднаго брата.

— Я пойду къ нему,—сухимъ тономъ проговорила дѣвушка и направилась въ прихожую.

— Что̀ ужъ это! Сама говорила, что устала, плохо ночь спала съ дороги, а теперь хочешь идти,—ворчала Надежда Александровна, медленно шагая вслѣдъ за дочерью.

Наташа молча одѣлась и вышла въ сѣни.

VIII.

Николай Проскурнинъ и Наташа росли вмѣстѣ. Его отецъ, вдовый старикъ, служилъ когда-то діакономъ въ церкви села Тузова, настоятелемъ которой почти сорокъ лѣтъ былъ отецъ Василій, его родной братъ. Когда Николаю Проскурнину было восемь лѣтъ, его отецъ умеръ, и мальчикъ остался на попеченіи дяди. Сироту отвезли въ духовное училище и опредѣлили въ бурсу на казенный счетъ. Черезъ четыре года Николай Проскурнинъ перешелъ въ семинарію и каждую весну радовалъ дядю своими успѣхами, хотя отецъ Василій не разъ получалъ изъ города увѣдомленіе, что поведеніе племянника „недобронравно и заставляетъ желать лучшаго“.

Послѣ такихъ тревожныхъ извѣщеній отецъ Василій писалъ племяннику отеческія письма, напоминая ему о его сиротствѣ и противопоставляя выгоду хорошаго поведенія и подчиненія начальству. На эти письма племянникъ отвѣчалъ длинными посланіями, которыя изумляли отца Василія „бойкостью пера и умственнымъ содержаніемъ“. Николай Проскурнинъ никогда не отвѣчалъ прямо на вопросы, поставленные отцомъ Василіемъ въ его письмахъ, никогда онъ не оправдывался, не защищался и не ругалъ начальства: его посланія были безстрастнымъ изложеніемъ семинарской жизни и порядковъ, и когда дядя заканчивалъ читать эти описанія,—всегда выходило какъ будто такъ, что его племянникъ крайне благонравный молодой человѣкъ, но что тамъ какъ будто что-то и не ладно.

Пріѣзду племянника на каникулы отецъ Василій всегда радовался, хотя на первыхъ же порахъ свиданія заводилъ рѣчь о поведеніи, и снова Николай разубѣждалъ старика на этотъ счетъ, такъ что доносы городского пріятеля отца Василія представлялись послѣднему „неблаговидныѣмъ вымысломъ и преувеличеніемъ“. Отецъ Василій успокаивался и относился къ племяннику съ большей ласкою, и тѣмъ не менѣе, многое въ жизни Николая ему не нравилось.

На каникулы Николай Проскурнинъ возвращался, обыкновенно, съ чемоданами, нагруженными свѣтскими книгами. Дядя безцеремонно рылся въ богатствѣ племянника, и тотъ всегда охотно предоставлялъ ему это право, напротивъ, даже, какъ казалось отцу Василію, старался подсовывать ему ту или другую книгу, или восторженно отзываясь объ авторѣ, или кратко, но вразумительно передавая дядѣ ея содержаніе. Отецъ Василій пробѣгалъ заглавія книгъ, иногда вздыхалъ и покачивалъ головою, иногда разспрашивалъ Николая, что̀ значитъ то или другое непонятное ему слово. Въ душѣ же отецъ Василій относился къ книгамъ племянника, какъ къ личнымъ врагамъ, и, повертѣвъ въ рукахъ, откладывалъ ихъ въ сторону.

— Да гдѣ ты ихъ берешь? такую уйму?—только, бывало, и рѣшится спросить батюшка.

— Горломъ добываю!—шутливо отвѣтитъ племянникъ.

Отецъ Василій зналъ, что Николай считается лучшимъ теноромъ въ архіерейскомъ хорѣ, и понималъ смыслъ его шутки.

— Горломъ?.. Гм!.. Это похвально, конечно, да только ты лучше бы сюртукъ себѣ лишній сдѣлалъ, или брючки бы купилъ, а то, вишь-ты, какое на тебѣ несвѣженькое одѣяньице-то...

Николай посмотрѣлъ на свое „одѣяньице“ и добродушно улыбнулся.

— Кромѣ того,—послѣ паузы начиналъ отецъ Василій:— кто ихъ знаетъ, что̀ это за книги,—ужъ очень мудреныя названія-то... Не зачитался бы ты, садовая головушка!.. Тоже и книги надо съ разборомъ читать!

— А вы, дядя, возьмите любую, да и прочтите, и скоро убѣдитесь, что все это и интересныя книги, и зачитаться ими я очень хочу, почему и вожу съ собою. Жаль только вотъ, что у насъ ихъ исподтишка приходится читать...

— То-то, вотъ, видишь! Начальство противъ нихъ—значитъ, что-нибудь есть въ нихъ этакое... непотребное...

Отецъ Василій пристально смотритъ въ лицо юноши, какъ будто съ тайнымъ желаніемъ прочесть на немъ отвѣтъ на свой

запросъ, но, убѣдившись, что на худощавомъ покойномъ лицѣ Николая ничего не прочтешь, крякнетъ и скажетъ:

— А что же это ты ни одной духовной книги не привезешь, и я бы что-нибудь почиталъ новенькаго.

— Духовныя книги мы учимъ, дядя, а сюда меня отпускають на каникулы,—коротко отвѣтитъ племянникъ и примется уставлять книги на этажерку, въ углу небольшой комнатки, которая, обыкновенно, отводилась въ его распоряженіе на время каникулъ.

Съ тревожной думой уйдетъ отецъ Василій изъ комнаты племянника и досадуетъ на свою безхарактерность. Ему, какъ старому человѣку, замѣнившему юношѣ родного отца, слѣдовало бы наставить его на путь истинный, слѣдовало бы разсмотрѣть, что это, въ самомъ дѣлѣ, за книги такія? Къ чему онѣ ведутъ молодой умъ? И сердце старика обливалось новой досадой на свою темноту. Онъ впервые и видитъ эти книги, да и плохо понимаетъ ихъ названія, а когда же тамъ еще читать ихъ,—пожалуй, на позоръ передъ племянникомъ, и не поймешь ничего.

Вмѣстѣ съ этимъ, отецъ Василій замѣчалъ, что Николай своими книгами какъ будто воздвигаетъ какую-то стѣну между собою и имъ, и ему уже не легко относиться къ нему, какъ къ мальчику, которому можно и нотацію прочесть, а въ случаѣ, если и это не поможетъ, то и болѣе крутыя мѣры принять. И съ каждымъ годомъ отецъ Василій убѣждался, что эта стѣна дѣлается толще и толще. Изумляла его и перемѣна въ характерѣ Николая, въ его образѣ жизни и во всемъ, чего онъ только ни наблюдалъ. Онъ видѣлъ, что племянникъ почтителенъ къ нему, никогда голоса не повыситъ, а если что и скажетъ иной разъ— то выслушаетъ спокойно и потомъ такъ же спокойно отвѣтитъ. Если возникнетъ какой-нибудь споръ, Николай говоритъ горячо, но прилично, сначала выслушаетъ, а потомъ возражаетъ. На лицѣ племянника отецъ Василій часто читалъ выраженіе какой-то тайной и упорной мысли, задумчивые глаза съ покойнымъ блескомъ казались старику какими-то также необыкновенными, мягкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суровыми, проникающими въ душу посторонняго человѣка.

Все это обезоруживало отца Василія и подчасъ вселяло въ него неудовольствіе: почему онъ слабъ передъ этимъ узкоплечимъ юношей съ такимъ тихимъ и какъ будто робкимъ голосомъ?

Безпокоило отца Василія и еще одно обстоятельство. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на его глазахъ росли племянникъ и его единственная дочь Наташа, Николай былъ года на три старше кузины; развивался онъ быстро и физически, и духовно.

Худенькая и болѣзненная Наташа къ семнадцати годамъ вдругъ преобразилась: пополнѣла, выросла, слабый голосъ теперь звучалъ опредѣленнѣе и гуще; въ лицѣ тоже произошла перемѣна: черты округлились, глаза стали смѣлыми,—и отецъ Василій съ испугомъ замѣтилъ, что въ нихъ тоже вселилась какая-то дума. Раньше отецъ Василій видѣлъ, что Николай близокъ къ дочери, они ласковы, часто подолгу вмѣстѣ гуляютъ и говорятъ; она читаетъ книги изъ библіотеки брата и потомъ при нихъ, при отцѣ Василіѣ и его женѣ, вмѣстѣ говорятъ о прочитанномъ. Отецъ Василій и самъ старался остановить свое вниманіе на этихъ книгахъ, и убѣждался, что это—повѣсти и романы какихъ-то писателей, неизвѣстныхъ ему.

Вникая въ содержаніе невиданныхъ дотолѣ книгъ, онъ убѣждался, что все въ нихъ прилично и благонравно, такъ что онъ переставалъ безпокоиться за дочь, тайно въ душѣ тоскуя, что и она, какъ и Николай, не привержены къ книгамъ духовнымъ. Онъ объяснялъ это молодостью и окончательно успокаивался; и только уже послѣ того, какъ Наташа преобразилась изъ худенькой дѣвочки въ видную дѣвицу,—онъ понялъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ дочери выросла въ ней ея душа и умъ безъ его отеческаго контроля. Онъ замѣтилъ большое сходство въ привычкахъ, въ разговорахъ и сужденіяхъ Наташи съ ея двоюроднымъ братомъ. Послѣ этого онъ сталъ наблюдательнѣе и осторожно старался завладѣть вниманіемъ Наташи, но послѣ каждой попытки убѣждался, что въ этомъ отношеніи онъ опоздалъ. Многое привилось къ его дочери такого, чего ни въ немъ, ни въ его женѣ, ни въ близкихъ и знакомыхъ—нѣтъ, и съ этимъ новымъ чаще и чаще приходится сталкиваться и бороться.

Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ въ душѣ отца Василія поселилась какая-то тайная враждебность къ племяннику: онъ чувствовалъ, что этотъ посторонній человѣкъ сталъ между нимъ и дочерью, вліяя на дѣвушку все сильнѣе и сильнѣе и обрекая на безсиліе передъ нею старика-отца. На этой почвѣ произошло немало столкновеній между дядей и племянникомъ.

Совершенно неожиданно, когда Николай Проскурнинъ былъ уже въ пятомъ классѣ семинаріи, отецъ Василій получилъ письмо отъ своего друга, который извѣщалъ отца Василія, что его племянникъ исключенъ изъ семинаріи навсегда. Далѣе описывались подробности „сахарнаго бунта“, который, какъ показало семинарское слѣдствіе, былъ устроенъ стараніемъ Николая Проскурнина, вовлекшаго въ преступленіе и своихъ товарищей.

Отецъ Василій, что̀ называется, рвалъ на себѣ волосы, горя-

чился и проклиналъ Николая, когда тотъ вернулся въ Тузово. Онъ не позволилъ ему даже остановиться у себя на ночевку, и исключенному семинаристу пришлось ночевать въ первой гостепріимной избѣ крестьянина, съ которымъ у изгнанника была давнишняя дружба.

Поселившись въ деревнѣ, Николай Проскурнинъ сбросилъ съ себя городское платье, облекся по-крестьянски и жилъ, спокойно ожидая, что̀ будетъ дальше. Въ первую же зиму онъ нашелъ себѣ заработокъ, нанявшись къ мужикамъ, въ качествѣ учителя, за квартиру и столъ. Это позволяло ему жить, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пріобрѣлъ и урокъ, взявшись за три рубля обучать сына купца Красильникова, который проживалъ на хуторѣ верстахъ въ трехъ отъ Тузова.

За это же время ему удалось показать крестьянамъ, какъ просто можно устроить, чтобы ихъ ребята обучались грамотѣ, и какихъ результатовъ можно добиться, если приняться за это дѣло съ любовью. Послѣ этого Проскурнину нетрудно было доказать мужикамъ, что можно устроить даже, что всѣ ихъ ребята будутъ обучаться, если найти для этого подходящую избу, раздобыться кое-какими средствами и, главное, склонить отца Василія, какъ законоучителя ивановскаго земскаго училища и школьнаго попечителя, хлопотать о школѣ грамоты.

Мужики увѣровали въ планы поповича и направились къ отцу Василію съ просьбой. Вначалѣ батюшка никакъ не могъ отдѣлить своей личной непріязни къ племяннику отъ совершенно посторонняго мужицкаго дѣла, но потомъ, благодаря настоятельнымъ приставаньямъ мужиковъ и времени, сгладившему острый порывъ непріязни къ Николаю, наконецъ уступилъ и потомъ самъ же молебномъ съ водосвятіемъ открылъ школу грамоты въ селѣ Тузовѣ во главѣ съ учителемъ Проскурнинымъ.

— Смотри только у меня!—пригрозилъ онъ племяннику:—не забывай, что я наблюдатель и попечитель, твой ближайшій начальникъ... Чуть что̀—и школу закрою, и тебя къ исправнику!

Проскурнинъ улыбнулся въ отвѣтъ на эту реплику, какъ невольно дѣлалъ это всегда, когда старался скрыть на лицѣ выраженіе, соотвѣтствующее его настроеніямъ.

Занявшись школой грамоты, Проскурнинъ зажилъ нѣсколько лучше, такъ какъ и мужики стали относиться къ нему съ необыкновеннымъ вниманіемъ и почтеніемъ, да, кромѣ того, ему давали теперь квартиру и столъ, согласно съ постановленіемъ сельскаго приговора, а это обезпечивало возможность не тратить время изъ-за разговоровъ о томъ, кому сегодня кормить

учителя, или кому везти въ школу дрова для отопленія и доставить необходимое для обихода школьной жизни.

Свободное время Проскурнинъ отдавалъ чтенію книгъ, и за нѣсколько лѣтъ у него скопилась порядочная библіотека. Кромѣ того, онъ занялся языками, писалъ корреспонденціи въ одну изъ московскихъ газетъ и работалъ надъ своими первыми беллетристическими опытами изъ семинарской жизни.

IX.

За рѣчкой, на окраинѣ Тузовки, въ обширной крестьянской избѣ, обращенной на улицу тремя окнами, помѣщалась тузовская церковно-приходская школа. Длинная изба, сооруженная изъ стариннаго лѣса лѣтъ сорокъ тому назадъ, раздѣлялась обширными сѣнями на двѣ половины: первая служила собственно школой, а въ задней половинѣ, раздѣленной на двѣ комнаты, жилъ Проскурнинъ, и тутъ же, за перегородкою, по его иниціативѣ устроенъ былъ на зимнее время ночлежный пріютъ для школьниковъ изъ отдаленныхъ деревень.

Наташа застала Проскурнина во дворѣ.

Въ сопровожденіи церковнаго старосты, Тихона Ѳедоровича, онъ ходилъ около потемнѣвшихъ стѣнъ избы и, тыкая палкой въ бревна, показывалъ скупому старикашкѣ на изъяны въ ветхомъ строеніи, не устранивъ которые, трудно было бы прозимовать въ общественномъ помѣщеніи, гдѣ нѣкогда процвѣталъ тузовскій кабакъ.

Увидя Наташу идущей по улицѣ, Проскурнинъ отпустилъ старосту и быстрыми шагами направился навстрѣчу дѣвушкѣ. Наташа издали улыбнулась ему, и когда онъ быстро подошелъ къ ней,—проговорила:

— Боже, какъ я рада, что ты дома!.. Здравствуй!..

— Боже, какъ я радъ, что тебя вижу! — шутливо воскликнулъ и Проскурнинъ.

Онъ молча и крѣпко пожалъ ея руку, продолжая:

— Я получилъ твое послѣднее письмо и не буду надоѣдать тебѣ ненужными разспросами... Идемъ, я только-что собирался пить чай!..

Они вошли въ маленькую комнату съ двумя узкими окнами въ двухъ стѣнахъ дома, сходящихся подъ угломъ. Обиталище Проскурнина не отличалось особеннымъ внѣшнимъ порядкомъ. Въ углу стояла кровать, прикрытая дешевенькимъ одѣяломъ; по-

верхъ одѣяла валялись какія-то рукописи и книги. Столъ въ переднемъ углу, прикрытый газетой, вмѣсто сукна, также былъ заваленъ книгами; книги, брошюры и журналы лежали и на полкѣ надъ кроватью.

— Ну, вотъ, садись здѣсь!—указалъ онъ на стулъ возлѣ небольшого столика съ пыхтящимъ, видимо только-что вскипѣвшимъ самоваромъ.—Садись и разсказывай, чтò тамъ такое у васъ въ Питерѣ случилось; изъ газетъ-то вѣдь путнаго ничего не вычитаешь, а правда-матка изъ столицы до насъ не скоро доходитъ...

— Погоди, дай отдышаться... разскажу...

Разумѣется, Наташѣ не сразу пришлось разсказывать о томъ, о чемъ спрашивалъ ее Проскурнинъ. Вначалѣ они говорили о письмахъ, которыя посылала ему Наташа, и изъ этого разговора выяснилось, что Проскурнинъ не получилъ двухъ изъ шести, изъ которыхъ одно было весьма интересно, и дѣвушка не безъ тревоги пожалѣла о его исчезновеніи. Потомъ разговоръ перешелъ на тему объ общихъ знакомыхъ Наташи и Проскурнина, живущихъ въ Петербургѣ, и какъ только вопросъ коснулся этой темы,—Наташа перешла къ разсказу о послѣднихъ событіяхъ, такъ какъ ихъ общіе знакомые и сама Наташа имѣли самое ближайшее соприкосновеніе съ этими событіями.

— Такъ-такъ! — негромко произнесъ онъ, когда Наташа смолкла и съ задумчивостью въ глазахъ принялась размѣшивать сахаръ на днѣ стакана.

— Да, вотъ такъ-то... а теперь позимуемъ здѣсь,—негромко произнесла и она.

Проскурнинъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, скрипя половицами, и, остановившись около кузины, сказалъ:

— Ну, что-жъ,—не бѣда! прозимуемъ и здѣсь... Не вѣчно же будетъ зима... Поди, тебѣ пришлось перенести штормъ... тамъ, у родителей-то?

Наташа махнула рукой и промолчала, чтò заставило Проскурнина пожалѣть о своемъ послѣднемъ вопросѣ, невзначай сорвавшемся съ языка. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ началъ:

— А я теперь ссорюсь все съ Тихономъ Ѳедоровичемъ. Сговорились они, повидимому, морозить меня со школярами — никакъ не могу выпросить у нихъ ремонта вотъ этой хатины... Просто скандалъ. Недавно подбилъ было мужиковъ выхлопотать у нашихъ господъ Тузовыхъ флигель въ саду, чтобы оборудовать тамъ школу, и съ самимъ генераломъ, нашимъ земцемъ новой формаціи, имѣлъ разговоръ, да только ничего путнаго изъ этого разговора не вышло...

— А ты бы обратился къ этой mademoiselle Sophie—вѣдь она лучше всѣхъ ихъ! — замѣтила Наташа.

— Предварительно бесѣдовалъ и съ нею. По обыкновенію, пообѣщала, но, видимо, плохо воздѣйствовала на генерала.

— Противные какіе-то всѣ они, и что̀ досадно, такъ это то, что отецъ страшно поддается ихъ вліянію!—съ негодованіемъ въ голосѣ воскликнула Наташа, и пальцы ея сложенныхъ рукъ хрустнули.

— Они магнаты нашихъ мѣстъ, а церковь всегда прислушивается къ ихъ мнѣнію и хотѣнію,—довольно спокойнымъ тономъ произнесъ Проскурнинъ, но потомъ онъ глубоко вздохнулъ, словно набравъ въ легкія свѣжаго воздуха, и, сильно повысивъ голосъ, добавилъ:— Вотъ то-то и скверно, что мы всѣ, вѣрующіе въ силу своихъ идей, ничего не можемъ сдѣлать ни съ тѣми, ни съ другими! Возимся мы съ ними, говоримъ, волнуемся, а потомъ у нихъ же въ услуженіи состоимъ... Я послѣднюю зиму вожусь съ этой школой,—будетъ. Ничего не дѣлается такъ, какъ ты хочешь, и сводится все къ тому, что не только служишь всѣмъ имъ, но еще даже и другихъ просвѣщаешь тому, чтобы подготовить и ихъ къ служенію „имъ же", по ихъ указкѣ... Понимаешь, Наташа: „имъ же"! дѣлаешь изъ мальченокъ угодный „имъ" матеріалъ... Вѣдь это же подло!.. подло.. Меня будутъ упрекать за это слово и будутъ увѣрять, что школа—нѣчто самодовлѣющее... Неправда это! Наша школа—въ ихъ рукахъ и обращена ими въ негодное средство!.. Довольно этого! довольно!..

Онъ смолкъ, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ, потомъ остановился около печки и, глядя куда-то въ уголъ и словно пряча отъ Наташи глаза, добавилъ:

— Если я съ твоимъ батькой не сговорюсь въ нѣкоторыхъ пунктахъ и если онъ будетъ насѣдать на меня—я брошу школу теперь же... Пусть дьяконъ Маркелъ учитъ ребятъ...

— Коля! но развѣ отъ этого дѣло улучшится?..—спросила его Наташа.

— Дѣло не улучшится, но я не могу, голубчикъ, насиловать себя! Наконецъ, я не хочу ломать себя! мнѣ ужъ надоѣла эта ломка,—стало душно!.. И потомъ... Впрочемъ, что̀ же объ этомъ говорить...

— Что̀ потомъ?..

Онъ молчалъ.

— Что̀ потомъ, Коля?—настойчивѣе прежняго спросила она.

— А потомъ-то что̀... Вотъ, я сидѣлъ въ этой мурьѣ, думалъ... вѣрнѣе—другіе мнѣ помогали думать и вмѣстѣ съ этими

„другими“,—вотъ съ этими книгами—я пришелъ къ выводу, что такъ-то жить, какъ мы жили—нельзя. Много мы уступали обстоятельствамъ и часто, ради цѣли, ломали себя. А это невѣрно! Не слѣдуетъ дѣлать того, что̀ можно дѣлать только въ полумѣру. Лучше бросить и уйти!..

— А бросить и уйти—развѣ не то же, что уступить?..

— Нѣтъ, не то же! Дѣлать по ихъ желанію—значитъ плясать подъ ихъ дудку, а уйти—значитъ плюнуть на нихъ!.. Я, вотъ, третій годъ собираюсь дѣлать изъ моихъ мальченокъ холоповъ духа, холоповъ мысли,—а на кой дьяволъ такіе люди нужны?.. На что̀ они?.. Я вынужденъ учить ихъ слѣпо вѣрить и робко ожидать, а я долженъ ихъ учить—твердо надѣяться и смѣло дерзать!.. Я имъ говорю: любите то, что̀ я самъ ненавижу; я имъ говорю: жалѣйте то, что̀ недостойно сожалѣнія!.. Нѣтъ, нѣтъ! Наташа, ты не знаешь, ты не учила другихъ по чужой указкѣ! ты не поймешь меня... Ну, наплевать на все это!.. Будемъ лучше говорить о чемъ-нибудь другомъ...

Они долго потомъ молчали и не скоро нашли новую тему для разговора.

Когда Наташа собиралась идти домой и они вышли во дворъ, съ неба моросилъ мелкій, пронизывающій осенній дождикъ. Маленькія хатки деревни, главы церкви съ купами березъ, рѣчка съ горбатымъ мостикомъ, луга, поля и холмы,—все тонуло въ сѣрой влажной мути. Они медленно шли подъ зонтикомъ Наташи и, кутаясь отъ холода и сырости, казалось, силились спрятать отъ этой сырости и свои опечаленныя души. Точно сгоготорившись, они настроили другъ друга въ тонъ отчаянія и тоски, и въ ихъ воспоминаніяхъ прошлаго, въ ихъ представленіяхъ о будущемъ, такъ же, какъ и на фонѣ сѣраго осенняго дня, не было ни одного просвѣта. Какъ будто холодный и влажный вѣтеръ гналъ ихъ куда-то безпріютными, унылыми и усталыми, и печальные голоса осени напоминали имъ о какихъ-то свѣжихъ и преждевременныхъ могилахъ.

— Ну, до свиданья! — проговорилъ онъ, когда они вошли на мостикъ.—Заходи...

— Зайду,—тихо проговорила она, и они разошлись.

X.

Къ вечеру изъ-за лохмотьевъ тучъ проглянуло солнце, но это была только послѣдняя его улыбка, ради истекшаго ненаст-

наго дня. Наташа сидѣла у себя въ комнаткѣ и, распахнувъ окно, смотрѣла на поля и на отдаленный лѣсъ, залитые красно-багровыми лучами солнца.

Какая-то тихая грусть покоила ея душу, и ей хотѣлось припомнить изъ своего прошлаго всѣ тѣ факты, всѣ тѣ мелочи, которые отзывались въ душѣ такой же непонятной и тихой грустью. Пусть съ этой грустью прожита вся жизнь — есть въ этомъ что-то радостное, тихое, молитвенное, а все остальное — какъ грохотъ отдаленнаго грома, какъ крикливая пѣсня въ тишинѣ полей въ сумракѣ іюльской звѣздной ночи.

Кто-то осторожно пріотворилъ дверь въ комнату Наташи, и дѣвушка вздрогнула.

— Наташенька, иди чай пить! — какимъ-то особенно нѣжнымъ тономъ проговорила Надежда Александровна и вошла въ комнату.—Какъ хорошо у тебя здѣсь!.. Не простудись только! Зачѣмъ окошко-то открыла?..

— Нѣтъ, мама, вѣдь тепло.

Старушка подошла къ столу и, сощуривъ глаза, уставилась вдаль полей.

— Завтра бы Богъ послалъ вёдрышко, къ отцу на могилку надо съѣздить: память ему завтра...

Она замолчала, потомъ посмотрѣла въ лицо дочери и положила на ея голову руку.

— Ты что̀ такая невеселая, Наташенька?.. А?..

— Такъ, мама...

— Ничего... ужъ потерпи... все пройдетъ... все пройдетъ... Отецъ тоже невеселый, сидитъ въ столовой и голову рукою подперъ... Всѣ вы какъ-то разладились... А что̀ тутъ!.. Ну, поговорили крупно, поспорили... съ кѣмъ этого не бываетъ... Ты пошла бы, все-таки, попросила у него прощенья... А... Наташенька!..

— Мама, но вѣдь я ни въ чемъ передъ нимъ не провинилась,—возразила дочь, и того настроенія, съ которымъ она сидѣла за минуту передъ тѣмъ, какъ не бывало.

— Нѣтъ, Наташенька, ты виновата... Отецъ пусть и вспылитъ, а ты смолчи... смолчи, какъ будто онъ тебѣ ничего и не сказалъ; тогда и миръ, и ладъ будетъ...

— Но я не могу этого, мама! Вѣдь мы съ папой серьезный вопросъ обсуждали... Вѣдь не ребенокъ же я, поймите!..

— Ты ему вонъ чего наговорила: за границу хочешь ѣхать... Развѣ это мыслимо!.. Да развѣ это возможно!.. Насъ, на старости лѣтъ, хочешь покинуть! Вѣдь мы оба одной ногой въ могилу вступили! Наташенька!..

— Но что же сдѣлать, мамочка, если здѣсь душно жить!..

— Съ нами душно жить!..

— Да не съ вами, не съ вами!.. Вы—добрые, хорошіе... вы... Не съ вами, не васъ я имѣю въ виду... А такъ, вообще, душно на родинѣ... на родинѣ душно!.. Мама! мама! вы не понимаете меня! вы не поймете меня!..

— Наташенька... Наташенька... — прошептала старушка и подняла трясущіяся руки вровень съ своимъ лицомъ, какъ будто она хотѣла защититься ими отъ дочери.

— Ну, хорошо, мамочка, идемте пить чай! — съ какимъ-то напускнымъ удальствомъ воскликнула Наташа и, понизивъ голосъ почти до шопота, добавила:—я пойду просить прощенія у отца... Идемте...

Оставивъ мать въ своей комнатѣ, она быстро вышла въ коридоръ, повернула налѣво и вошла въ столовую.

Отецъ Василій сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ съ головою, подпертой руками. Его задумчивые глаза уставились на какую-то одну точку стола; губы были плотно сомкнуты, словно онъ боялся даже невольно выкрикнуть всю ту душевную боль, которая скопилась въ немъ.

Наташа, молча, подошла къ отцу, быстро обняла его голову и поцѣловала старика въ губы.

— Прости, папа!.. прости меня...—тихо проговорила она.

Объятія ея были нѣжны, поцѣлуй горячъ и слова искренни. Вся эта мимолетная покаянная сцена подготовлялась недолго, но она подготовлена была той непонятной тихой грустью, которая успокоила мятежную душу дѣвушки: тихая грусть — молитва всепрощенія!..

Отецъ Василій, не отнимая отъ лица рукъ, закрылъ ладонями глаза, стараясь скрыть мгновенно выступившія слезы. Надежда Александровна усѣлась на свое мѣсто за самоваромъ и также залилась слезами. Наташа видѣла ихъ, растроганныхъ и плачущихъ, и ей самой хотѣлось рыдать... Но она придвинула къ себѣ немного остывшій чай, опустила на дно чашки ложку, и лязгомъ послѣдней о края чашки силилась нарушить воцарившуюся жуткую тишину. Въ тактъ лязгу металла маятникъ старинныхъ часовъ негромко отбивалъ свое однообразное „тикъ-такъ! тикъ-такъ!“, словно приколачивая на дощатой перегородкѣ краткія секунды въ жизни непрочно-примирившихся людей, взаимно отравляющихъ другъ другу долгіе часы и дни пребыванія подъ одной кровлей.

XI.

Поздно вечеромъ Сергѣй Николаевичъ пріѣхалъ въ Тузовку. Все время, пока пришлось тащиться по грязной дорогѣ отъ усадьбы отца до усадьбы тетокъ, онъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ. Медленная ѣзда по плохой проселочной дорогѣ, безпрерывный мелкій дождь, хмурое небо—навѣвали на него какое-то тоскливое настроеніе. Дома, въ теченіе двухъ сутокъ, онъ также чувствовалъ себя скверно.

Генералъ не обрадовался и не опечалился его внезапнымъ пріѣздомъ. Съ обычной развязностью онъ поздоровался съ сыномъ, съ улыбочкой намекнулъ на его „несуразныя затѣи“ и благословилъ благополучный исходъ восклицаніемъ:

— Такъ-то лучше, Сергѣй!.. Пошатаемся мы съ тобой по лѣсу съ гончими, а потомъ и заляжемъ медвѣдями въ берлогѣ и прекрасно проведемъ зиму.

— Уподобленіе хорошее, только я уже не раздѣлю съ тобою, отецъ, этой счастливой участи, — въ тонъ отца отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ого!.. Ну, что жъ! въ одиночествѣ заляжемъ...—воскликнулъ генералъ съ притворной улыбкой на лицѣ, побагровѣвшемъ отъ неудовольствія.

Такая встрѣча, однако, несовсѣмъ испортила первый вечеръ пребыванія сына въ усадьбѣ отца. За позднимъ обѣдомъ и чаемъ генералъ пилъ вино, угощалъ сына, шутилъ, разсказывалъ анекдоты изъ мѣстной жизни и даже счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя подробности о своемъ хозяйствѣ, начиная съ умолота хлѣбовъ до количественнаго прироста мелкаго скота и птицы. Николай Николаевичъ любилъ хозяйничать и любилъ поговорить о своемъ хозяйствѣ. Передъ сномъ генералъ даже по-пріятельски пожалъ руку сына, на что тотъ отвѣтилъ рукопожатіемъ съ сдержанно-холоднымъ выраженіемъ на лицѣ.

И только на другой день, утромъ, Николай Николаевичъ вспылилъ, узнавъ отъ сына причину, почему онъ пріѣхалъ въ родныя мѣста...

— Ого! вотъ какъ, до серьезнаго дѣло дошло! — воскликнулъ генералъ, и глаза его сверкнули злобой, а губы задрожали и лицо поблѣднѣло.—Что же ты думаешь теперь о себѣ?—съ подчеркнутымъ спокойствіемъ спросилъ генералъ.

— Да то же, что и раньше...

— Позволь!.. да какъ же это „то же"? — вспылилъ генералъ и поднялся съ кресла:—вѣдь это—ссылка!.. Что жъ, у меня въ домѣ тюрьма, что-ли? какія-нибудь отдаленныя мѣста?.. Что жъ, ты подумалъ объ этомъ?

И лицо генерала покрылось пятнами; въ глазахъ, устремленныхъ на сына, сверкало какое-то непонятное злобное выраженіе, словно сынъ оскорбилъ его страшнымъ словомъ.

— Я могу жить и не у тебя...

— А гдѣ же?.. гдѣ?..

— Могу нанять любую свободную и подходящую хату...— тихо отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ, и этотъ отвѣтъ ошеломляюще подѣйствовалъ на генерала. Онъ прошелся по комнатѣ, закурилъ свѣжую папиросу, задыхаясь отъ злобы.

— И ты объ этомъ тоже подумалъ, или такъ, что взбрело въ голову—выпалилъ? — приступая къ сыну, спрашивалъ генералъ.

— Ты самъ такъ разрѣшаешь вопросъ...

— Я?.. Да вѣдь ты поставилъ себя въ какое-то дурацкое положеніе! Ты въ Петербургѣ порочишь мое имя, да еще, не колеблясь, хочешь продолжать эту недостойную игру и здѣсь... Нѣтъ!.. Нѣтъ-съ, этого не будетъ!.. Нѣтъ-съ!.. Я сумѣю справиться съ тобою! Я обращусь къ предводителю дворянства, къ губернатору поѣду!..

Кипятясь, генералъ ходилъ по комнатѣ съ сверкающими глазами, и были минуты, когда ему необходимо было имѣть настолько самообладанія, чтобы не броситься на сына съ кулаками... Сергѣй Николаевичъ, напротивъ, разговаривая съ отцомъ, не терялъ самообладанія. Когда генералъ немного успокоился, онъ самъ же и разрѣшилъ задачу, высказавъ желаніе поселиться на Куромышенскомъ хуторѣ. Генералъ примолкъ, обсуждая это предложеніе, и въ душѣ радовался такому исходу. И оба, сынъ и отецъ, чувствовали, что договорились до одного для обоихъ пріятнаго рѣшенія. Отецъ сознавалъ, что такой исходъ, въ сущности, ложь, глупая и ненужная; то же самое чувствовалъ и сынъ. Послѣднему особенно непріятна была эта ложь, какъ ложь все, что привязываетъ его къ отцу, а пренебречь этой ложью не было возможности; какъ ни какъ, а Тузовка и ея окрестности—родина Сергѣя Николаевича, а по оффиціальнымъ соображеніямъ онъ водворенъ на родину, стало быть и долженъ жить въ условіяхъ родного пепелища.

И въ тотъ же вечеръ Сергѣй Николаевичъ рѣшилъ уѣхать къ теткамъ, но не потому, чтобы его интересовало это свида-

ніе. Въ Тузовкѣ онъ разсчитывалъ встрѣтиться съ близкими ему людьми—Проскурнинымъ и Наташей. Объ отъѣздѣ послѣдней изъ Петербурга онъ зналъ, еще находясь въ „предварилкѣ“.

Съ дѣвушкой онъ не видѣлся съ самой весны, съ того самаго дня, когда ихъ засадили въ полутемномъ помѣщеніи Казанской части, какъ участниковъ уличной демонстраціи. Проскурнина онъ не видѣлъ больше года, зимой переписывался съ нимъ, а весною не могъ этого дѣлать, несмотря на желаніе узнать что-либо о своемъ другѣ.

Въ усадьбу тетокъ Сергѣй Николаевичъ пріѣхалъ поздно. Старушки не столько удивились его позднему визиту, сколько изумило ихъ появленіе его, такъ какъ, по соображеніямъ Николая Николаевича, сынъ долженъ былъ уѣхать куда-то въ приволжскую губернію, на эпидемію. Марья Николаевна даже измѣнилась съ лица, когда увидѣла племянника входившимъ въ столовую; Софья Николаевна, напротивъ, встрѣтила Сергѣя радушно.

Черезъ полчаса Сергѣй Николаевичъ уже сидѣлъ за столомъ, съ удовольствіемъ отхлебывалъ изъ стакана горячій чай съ ромомъ, такъ какъ за дорогу порядочно назябся,—и съ улыбкой на губахъ разсказывалъ объ отцѣ. Марьѣ Николаевнѣ никогда не нравились насмѣшечки Сергѣя по адресу отца, и теперь она также надула губы и воскликнула:

— Господи!.. вѣдь отецъ онъ тебѣ, Сереженька, отецъ, а ты съ такими улыбочками да ужимочками разсказываешь о немъ,— говорила она, хмуря брови.

— Но, тетя, я ни капли не прибавляю отъ себя, а разсказываю только правду; тѣмъ болѣе она меня не оскорбляетъ, а только смѣшитъ...

Марья Николаевна демонстративно смолкла, а сестра ея принялась разспрашивать племянника о Петербургѣ. Съ Софьей Николаевной Сергѣй всегда съ удовольствіемъ бесѣдовалъ, потому что разговоръ этотъ обыкновенно касался такихъ предметовъ, о чемъ можно говорить только со смѣхомъ. Она разспрашивала Сергѣя Николаевича о петербургскихъ балахъ, о театрѣ, о концертахъ,—а такъ какъ разсказчикъ не всегда могъ удовлетворить любопытство тетки, особенно что касалось баловъ, то ему приходилось выдумывать событія.

Послѣ ужина Сергѣй пошелъ было въ отведенную ему угловую комнату, которая издавна предназначалась для „пріѣзжающихъ“, но его остановила Марья Николаевна вопросомъ.

— Ты очень усталъ? спать хочешь?—спросила она, и

ласковымъ гососомъ добавила:—я хотѣла бы съ тобой поговорить.

Они вернулись въ столовую и усѣлись за столикомъ у окна, въ тѣни, отброшенной пузатымъ самоваромъ.

— Я хотѣла говорить съ тобою относительно твоего письма, —начала Марья Николаевна, когда они усѣлись. Не дождавшись отвѣта племянника, она продолжала:

— Ужели ты хочешь отобрать у насъ съ сестрой Корголинскій участокъ?

— То-есть, какъ отобрать?—изумился племянникъ.

— Но я понимаю... ты единственный его владѣлецъ, твоя мать завѣщала тебѣ его... но... по вѣдь мы съ сестрой только и жили доходами съ него,—наша Тузовка совсѣмъ ничего не даетъ дохода...

— Тетя, вы не такъ поняли мое письмо: я вовсе не собирался отбирать у васъ доходовъ,—я писалъ только, что предполагаю въ Корголахъ построить хуторъ и поселиться тамъ... Разумѣется, для собственныхъ надобностей мнѣ придется удѣлять часть изъ доходовъ, но остальное остается попрежнему...

— Позволь! какъ поселиться? А ученье? Вѣдь ты еще не кончилъ курса?—всплеснувъ руками, изумилась Марья Николаевна.

— Не кончилъ, но скоро и не думаю кончать—меня навсегда уволили и такъ, что... едва ли примутъ...

— Вотъ какъ!..

— Да-а... Вотъ я и рѣшилъ обосноваться въ Корголахъ и надумалъ поработать въ земствѣ...

Обрадованная сообщеніемъ племянника о томъ, что доходы съ Корголинскаго участка только частью отойдутъ изъ общей тузовской кассы, старушка почувствовала необыкновенную нѣжность къ Сергѣю Николаевичу, и хотя все время и относилась къ земской службѣ, какъ къ чему-то враждебному, все же нашла нужнымъ сказать:

— А вѣдь это хорошо, Сереженька, послужи... послужи земству... дѣло хорошее...

Сергѣй Николаевичъ смотрѣлъ на старческое лицо тетки и съ трудомъ сдерживался, чтобы не выразить по ея адресу своего презрѣнія. Такой противной показалась она ему въ эту минуту, послѣ ея лживаго замѣчанія съ оттѣнкомъ нескрытой лести. Онъ поднялся и рѣзко проговорилъ:

— Ну, объ этомъ, тетя, поговоримъ завтра... я усталъ и хочу спать.

Онъ пожалъ ей руку и молча вышелъ въ корридоръ.

Небольшая двухъ-оконная комната съ двумя кроватями, изъ которыхъ на одной была приготовлена для него постель, а на другой лежалъ ничѣмъ не прикрытый матрацъ,—показалась ему неуютной и холодной. На ночномъ столикѣ мерцала одинокая свѣча, а въ окна, не прикрытыя сторами, глядѣла темная и молчаливая ночь осени.

Сергѣй Николаевичъ раскрылъ свой небольшой чемоданчикъ, досталъ книгу и, раздѣвшись, улегся въ постель. Холодныя простыни показались ему неожиданнымъ душемъ, но черезъ минуту онъ почувствовалъ въ тѣлѣ какую-то свѣжесть и упругость. Онъ раскрылъ было книгу и началъ читать, но вдругъ въ его памяти промелькнула послѣдняя сцена въ столовой, и снова въ глубинѣ его души поднялось непріятное чувство.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ назвалъ своихъ тетокъ и отца „богадельщиками жизни", и съ тѣхъ поръ это опредѣленіе приходило къ нему на память въ каждыя подходящія минуты.

Въ самомъ дѣлѣ, эти старые люди, обломки прошлаго, остались въ своихъ полуразрушенныхъ и оскудѣвшихъ гнѣздахъ. Для настоящей здоровой жизни они уже давно неспособны. Они доживаютъ въ деревнѣ послѣдніе годы, и эта деревня является для нихъ, немощныхъ и старыхъ, богадельней. Когда-то они давали тонъ уѣздной жизни, и жили за счетъ деревни, истребляя всѣ ея здоровые и полезные соки. А когда оскудѣла деревня, жизнь ихъ зачахла и сами они захирѣли. Для городской жизни они никогда не были способны, потому что городъ требуетъ физической силы и труда, а въ деревнѣ оплотомъ для ихъ жизни осталась все та же земля, которую они истощали цѣлые годы, чтобы поддержать свое существованіе.

Между ними и землей-кормилицей, какъ тѣнь, бродило малоземельное крестьянство, борясь съ нуждой и тѣснясь на крошечныхъ душевыхъ надѣлахъ. Физическая сила мужика жаждала труда до пота и крови, мужицкая душа искала выхода изъ спячки и невѣжества, единственной мужицкой надеждой и идеаломъ стала земля...

Но эта земля, использованная барствомъ, какъ пріютъ, какъ богадельня, пріютила ненужную дряхлость и безполезную старость. Сергѣю Николаевичу часто представлялась иная картина. Если бы его тетушки вымерли нѣсколько лѣтъ тому назадъ, может бы эта земля попала бы въ руки мужиковъ, и тогда Туровка могла бы не походить на то, что̀ она представляетъ

изъ себя въ настоящее время. Но часто его останавливало и другое соображеніе, и въ его представленіяхъ выростала грубая, но могучая фигура „чумазаго“. Вѣдь онъ такъ же могъ обосноваться на разоренномъ пепелищѣ господъ Тузовыхъ... Сергѣю Николаевичу представлялось, что̀ могло бы изъ того выйти, и онъ старался отогнать отъ себя такія сумрачныя мысли.

Въ мысляхъ вставали новыя картины деревенскаго уклада, и онъ начиналъ думать о разоренномъ мужикѣ, бросившемъ деревню, ради стороннихъ заработковъ. И ему представлялся деревенскій пролетаріатъ, съ котомкой за плечами бродящій по Руси. Въ городѣ для бродячаго люда подготовлены фабричные котлы, въ которыхъ они будутъ выварены безропотно, слѣдуя велѣнію законовъ науки. Еще такъ недавно онъ вѣрилъ въ могучую силу фабричнаго котла, а теперь и эта вѣра поколебалась, а жизнь не распутала и не ослабила затянувшагося узла. Еще такъ недавно въ его памяти блѣднѣлъ скорбный обликъ господскаго и разореннаго мужика, и къ мужику деревни онъ относился съ пренебреженіемъ, противопоставляя ему фабричнаго человѣка.

Правда, отъ человѣка, вывареннаго въ фабричномъ котлѣ, вѣяло новизной, человѣкъ этотъ казался ему большимъ и сильнымъ, и какая-то слѣпая вѣра толкала его къ тому человѣку... Но потомъ новое разочарованіе оттолкнуло отъ него и отъ человѣка, вывареннаго въ фабричномъ котлѣ.

А теоретики науки перестали вѣрить въ могущество фабричнаго котла и стали искать новыхъ путей, вѣря въ какого-то отвлеченнаго человѣка, завоевавшаго себѣ право на настоящую жизнь. И теперь новые пророки зовутъ его къ новому исканію, ради новой работы, а въ мускулахъ его, вмѣсто энергіи—вялость, а въ душѣ, вмѣсто вѣры—пустота.

Проѣзжая отъ желѣзнодорожной станціи до Тузовки по улицамъ встрѣчныхъ деревень, съ ветхими хатками, минуя истощенные перелѣски и трясясь въ телѣжкѣ по скверной дорогѣ, проложенной по полямъ, надъ которыми въ осенней мглѣ носились крикливыя вороны и галки,—онъ вспомнилъ о мужикѣ, и этотъ мужикъ представлялся ему вставшимъ изъ забытой могилы безъ савана, съ исхудавшими руками и ногами, съ впалой грудью и съ печатью горя и отчаянія въ ввалившихся глазахъ.

Сергѣй Николаевичъ уснулъ съ тяжелой думой, забывъ потушить свѣчу, и ея неподвижное пламя озаряло его утомленное и исхудавшее лицо... А въ окно смотрѣла темная и молчаливая ночь.

XII.

На другой день, утромъ, Сергѣй Николаевичъ засталъ тетокъ въ столовой за чайнымъ столомъ.

Онѣ радушно поздоровались съ племянникомъ, усаживая его и стараясь занять, но разговоръ какъ-то не вязался: спрашивали онѣ его о проведенной ночи и освѣдомлялись о его здоровьи, и онъ охотно отвѣчалъ на пустые вопросы.

Послѣ долгаго и неловкаго молчанія, Софья Николаевна проговорила:

— А мы тутъ съ Манечкой чуть въ уныніе не впали послѣ твоего письма...

Сергѣй Николаевичъ поднялъ на тетку глаза. Жалкимъ и печальнымъ показалось ему ея лицо, и онъ негромко отвѣтилъ:

— Вѣдь я говорилъ вчера тетѣ Марьѣ... Вы не такъ поняли мое письмо: никакихъ доходовъ я отъ васъ отбирать не собираюсь...

Онъ оборвалъ свою фразу и принялся за чай. Обѣ тетки почувствовали себя неловко, и чтобы поправить впечатлѣніе, Марья Николаевна проговорила:

— А у насъ тутъ новость... Отца Василія дочка Наташенька ни съ чѣмъ вернулась изъ Петербурга—исключили ее...

— Какъ и меня, тетя Маня,—съ улыбкой проговорилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Да-а! — жалобно протянула Марья Николаевна. — Держаться бы тебѣ въ сторонѣ, Сереженька, отъ всѣхъ ихъ; вѣдь тебѣ только годъ оставалось, а тамъ былъ бы докторомъ и—дѣлай что̀ хочешь...

— Въ томъ-то и дѣло, тетя: что̀ хочется-то, того и не позволяютъ дѣлать...

Сергѣй Николаевичъ говорилъ съ нескрываемой ироніей въ голосѣ, но тетка не замѣчала тона голоса племянника. Марья Николаевна продолжала:

— Вонъ, посмотри-ка ты на Женю. Теперь онъ къ департаменту причисленъ и пишетъ, что черезъ два мѣсяца его лѣсничимъ назначатъ... Вотъ это хорошо — человѣкъ при мѣстѣ.

— Вѣдь вы знаете, тетя, что я чиновникомъ никогда не собирался быть,—отвѣтилъ племянникъ сухо.

Послѣ продолжительной паузы, Марья Николаевна тихо проговорила:

— Что-то мнѣ не понять тебя, Сереженька...

— Нечего тутъ и понимать, Марiе! Каждый человѣкъ хочетъ жить по-своему, и ему не надо мѣшать,—неожиданно вмѣшалась въ разговоръ и Софья Николаевна.

— И этой твоей философiи понять не могу,—отвѣтила сестрѣ старушка.—По-твоему, вотъ, выходитъ и поповна права, ослушиваясь отца Василiя и матери своей... Дѣвушкѣ еще и двадцати лѣтъ не минуло, а она ослушивается. Отецъ говоритъ: не ѣзди на курсы,—а она уѣхала. Отецъ увѣщевалъ ее, чтобы скромно себя вела, а ее вонъ исключили... То же и съ племянничкомъ-то грѣхъ одинъ... Теперь, вотъ, и пойдетъ по свѣту шляться.

— А что̀ съ нимъ?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Сергѣй Николаевичъ о Проскурнинѣ.

— Да тоже, вотъ, дяди не слушался. Отецъ Василiй его въ люди вывелъ, въ школѣ учителемъ устроилъ, а онъ—неповиновенiе... Теперь, вотъ, школу-то у него и отобрали... Потому учить ребятъ сталъ не такъ, какъ дозволяетъ начальство, да и мужикамъ то-жъ какiя-то книги раздавалъ... Прiѣхалъ, вотъ, становой—бацъ-бацъ! и готово... И пошелъ на всѣ четыре стороны.

При печальной вѣсти о прiятелѣ, Сергѣй Николаевичъ торопливо допилъ чай и вышелъ изъ дома.

На дворѣ его опахнуло свѣжимъ воздухомъ. День былъ ясный. Солнце свѣтило за пеленой пушистыхъ бѣлесоватыхъ облаковъ. Сергѣй Николаевичъ вышелъ въ поле и по знакомой дорогѣ направился къ Тузовкѣ.

Какое-то странное, тоскливое чувство охватило его. Минутъ десять тому назадъ, слушая разсказъ тетки о Проскурнинѣ, въ немъ поднялась энергiя и какая-то досада. Онъ торопился выйти, чтобы увидѣться съ пострадавшимъ другомъ, а теперь вдругъ энергiя упала и вмѣсто душевнаго подъема — пустота. Десять минутъ тому назадъ, ему хотѣлось поспѣшить и къ Проскурнину, и къ Наташѣ, а теперь лѣнь передвигать ноги, лѣнь думать и о томъ, что̀ онъ скажетъ имъ при свиданiи.

Сергѣй Николаевичъ повернулъ лицо влѣво и уставился глазами на знакомую съ дѣтства коренастую березу, одиноко стоявшую у борта полевой дороги. Она стояла вдали, съ опущенными къ землѣ вѣтками и съ обломанной вершиной, и какимъ-то печальнымъ призракомъ одиночества царила надъ всѣмъ полемъ.

Когда-то давно, послѣ первыхъ столкновенiй съ жизнью, Сергѣй Николаевичъ, шутя, назвалъ эту березу одинокимъ рыцаремъ безъ латъ и безъ шлема, и съ тѣхъ поръ, когда бы очъ

ни посмотрѣлъ въ сторону дерева, мысль объ одиночествѣ овладѣвала имъ.

„Какое-то странное время одинокихъ людей,—подумалъ онъ.—Одинокіе люди въ жизни, одинокіе люди у дѣла... Одинокіе люди и въ думахъ о будущемъ... Скопилась цѣлая литература объ одинокихъ людяхъ... И бродятъ они въ тоскѣ и въ отчаяніи“...

Онъ закурилъ папиросу и ускорилъ шаги, чтобы скорѣе дойти до Тузовки, словно спасаясь отъ бѣгущаго за нимъ призрака одинокаго человѣка.

XIII.

Домъ, гдѣ помѣщалась церковно-приходская школа, онъ нашелъ припертымъ на замкѣ.

Сергѣй Николаевичъ тоскливо посмотрѣлъ на окно учительской комнаты, и, какъ два пустыхъ глаза, на него глянули четырехугольники съ потемнѣвшими стеклами. Онъ постоялъ въ нерѣшимости и осмотрѣлся кругомъ. На гумнѣ ближайшихъ задворокъ какой-то мужикъ ворошилъ солому и, завидя молодого тузовскаго барина, поспѣшилъ выйти на улицу.

— Здравствуйте, Сергѣй Миколаевичъ, а мотри-ка, вамъ Миколая Ивановича надо?.. У Василисы онъ теперь живетъ... у повитухи-то у нашей...

Мужикъ хотѣлъ сказать еще что-то, но Тузовъ спѣшно поблагодарилъ его, прикоснувшись рукою къ борту шляпы, и направился обратно въ деревню. Онъ зналъ обиталище популярной во всемъ околоткѣ старухи и дошелъ до обширной трехоконной избы безъ указанія постороннихъ. Да еслибы онъ и вздумалъ обратиться къ кому-нибудь съ разспросами, то этого ему не удалось бы сдѣлать, такъ такъ ни на улицѣ, ни во дворахъ, никого не было видно, и только изумленные его появленіемъ ребятишки виднѣлись въ окнахъ нѣкоторыхъ избъ.

Проскурнина Сергѣй Николаевичъ засталъ у себя. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, перегнувъ спину и упираясь локтемъ въ подоконникъ, и читалъ книгу. Бывшій учитель такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что и не замѣтилъ прихода Тузова и, видимо, не слышалъ его шаговъ по скрипучему полу.

— Николай, да встрѣчай же!—воскликнулъ Тузовъ, подходя къ лавкѣ.

Проскурнинъ поднялъ голову, быстро вскочилъ на ноги и съ нескрываемой радостью воскликнулъ:

— Сергѣй! да ты ли это!.. Я тебя не ожидалъ такъ скоро. Думалъ даже, что здѣсь ужъ и не увидимся!

Они крѣпко расцѣловались, пожимая другъ другу руки и смотря въ глаза одинъ другому.

— Ты что̀, развѣ удираешь отсюда?

— Да что̀ же мнѣ дѣлать? Школа отъ меня—тю-тю!..

— Это я слышалъ...

Сергѣй Николаевичъ оборвалъ свою фразу, усѣлся на лавку по другую сторону стола, и оба пріятеля долго и молча смотрѣли другъ на друга, какъ будто задавались вопросами: „А ну! каковъ ты сталъ? что̀ у тебя въ глазахъ? что̀ у тебя на душѣ?“ Оба они знали о послѣднихъ происшествіяхъ, и имъ не могло придти въ голову разспрашивать о подробностяхъ.

— Вонъ видишь,—указалъ Проскурнинъ на корзину и чемоданъ, стоявшіе у печки:—совсѣмъ собрался въ дорогу, только паспорта жду, да что-то медлятъ съ этой анаѳемской бумаженціей. До двадцати-двухъ лѣтъ не ощущалъ потребности въ этой бумагѣ, а теперь вотъ и въ россійскіе граждане попалъ... То былъ просто бывшій семинаристъ, а теперь еще и бывшій учитель... ха-ха!..

Онъ разсмѣялся сухимъ сдержаннымъ смѣхомъ и потянулся за коробкою съ табакомъ, но Сергѣй Николаевичъ предупредилъ его намѣреніе и раскрылъ собственный портъ-папиросъ. Пріятели закурили, и скоро облако синеватаго дыма отдѣлило ихъ другъ отъ друга.

— Куда же ты и что̀ думаешь дѣлать?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Въ Питеръ ѣду...

— Ага! Это интересно, поѣзжай; я тебѣ дамъ массу порученій, да и такъ-то... къ моимъ друзьямъ попадешь...

— Спасибо... Хочу попробовать пристроить свои вещицы куда-нибудь въ журналы. Влечетъ меня литература, какъ злой недугъ.

— Что-жъ, много написалъ?

— Уйму!.. Выйдетъ ли только изъ этого толкъ-то?.. Ну, да не бѣда, если не повезетъ! Сила у меня есть, попробую въ фабричномъ котлѣ прокипятиться. Скверно только, что въ паспортѣ-то будетъ значиться: бывшій семинаристъ... Лучше бы ужъ прямо: Николай Проскурнинъ, статистическая единица безъ всякихъ прилагательныхъ...

— Ну, а что̀ Наталья Васильевна?—перебилъ хозяина гость.

— Не важно ей живется: мечта ея о заграничной поѣздкѣ,

кажется, не осуществится—попъ и слышать не хочетъ, тетка съ ума сходитъ, цѣлые дни плачетъ...

Онъ смолкъ, и они оба молчали.

— Прочно мы связаны узами родства съ близкими, не скоро оборвешь эту пуповину. А Наташа такъ и совсѣмъ неспособна на это: жалливый она человѣкъ, мягкій... Я увѣренъ, что она замучаетъ себя здѣсь и останется...

— Я бы хотѣлъ ее увидѣть,—тихо проговорилъ Тузовъ.

— Она обѣщала сегодня зайти... Впрочемъ, я сейчасъ пошлю за ней...

Проскурнинъ быстро вышелъ изъ избы, а Сергѣй Николаевичъ окинулъ угрюмую и неуютную обстановку его обиталища и задумался. Минутъ черезъ десять, Николай Ивановичъ снова появился и молча усѣлся на прежнее мѣсто.

— Странно какъ-то вышло,—черезъ минуту началъ онъ:—вы оба сюда, а я... Впрочемъ, что̀ же объ этомъ... Я давно хотѣлъ бросить всю эту канитель, всю эту „учёбу"... Хотѣлъ-было въ земскую школу пробраться, но тамъ такая конкурренція, что страсть. Да мало радостей и тамъ... Вообще, Сергѣй, скверно теперь въ деревнѣ, и я не знаю, что̀ ты будешь дѣлать?..

— Отецъ предлагаетъ залечь въ берлогу,—съ горькой улыбкой произнесъ Тузовъ.

— Что жъ, и это недурно: медвѣди только зимуютъ въ берлогахъ, а какъ чуть весной запахнетъ—поднимутся они изъ своихъ логовищъ, встанутъ на заднія ноги и...

— Думаю заняться философіей,—шутливымъ тономъ перебилъ Проскурнина Сергѣй Николаевичъ.

— Деревня располагаетъ и къ этому. Думать о судьбѣ мужика не приходится—вся она на ладони, а вотъ подумать о человѣкѣ вообще, да еще сверхъ-человѣка прихватить... Работы много!.. А по современному и это—трудъ, работа, настоящая работа... Ха-ха!

И Проскурнинъ снова разсмѣялся короткимъ и нехорошимъ смѣхомъ.

Черезъ полчаса пришла Наташа. Съ оживленіемъ на лицѣ она вошла въ избу, сбросила на лавку платокъ, но его на лету подхватилъ Тузовъ и, быстро двинувшись къ дѣвушкѣ, крѣпко сжалъ ея маленькую холодную руку.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте,—обмѣнялся онъ короткимъ привѣтствіемъ.

— Когда вы пріѣхали?

— Сюда—вчера, а... домой—дней пять тому назадъ...

Они упомянули нѣсколько именъ петербургскихъ знакомыхъ, но разговоръ какъ-то не клеился, точно они оба избѣгали вспоминать еще такъ недавно минувшее. Избѣгали они касаться и тѣхъ вопросовъ, которые имѣли непосредственную связь съ ихъ деревенскимъ настоящимъ. И только когда Сергѣй Николаевичъ высказалъ предположеніе о своей будущей земской работѣ въ качествѣ гласнаго,—разговоръ сдѣлался ровнѣе.

— И ты думаешь, что тебя пустятъ въ земство?—рѣзко и съ насмѣшкой въ голосѣ спросилъ Проскурнинъ, когда Сергѣй Николаевичъ высказалъ предположеніе, что, благодаря связямъ съ нѣкоторыми изъ членовъ, ему удастся попасть въ партію лѣвыхъ.

— Я думаю, что пустятъ... Группа около Александра Ѳедоровича довольно большая, а онъ давно меня зазываетъ къ своимъ.

— Голубчикъ, Сергѣй, да вѣдь дѣлать-то этой группѣ нечего, она безсильна, а партія Нассонова забралась здѣсь во всѣ земскія щели и даже служащіе управы—всѣ его ставленники... Говорятъ, онъ даже и сторожей замѣнилъ, находя, что прежніе краснымъ духомъ заражены.

— Но не будетъ же вѣчно продолжаться эта нассоновщина,— горячо возразилъ Тузовъ.

— Вѣрь, если можешь, а я не вѣрю,—сухо отвѣтилъ Проскурнинъ.—Потомъ, твое положеніе будетъ крайне фальшиво, тебѣ придется воевать съ отцомъ. Всему этому придадутъ отвратительную окраску, и мракобѣсы окончательно оплюютъ порядочныхъ земцевъ... А вѣдь ихъ тамъ мало осталось у дѣла. Всѣ, какъ ты же собираешься, сидятъ по берлогамъ и ждутъ весны...

Проскурнинъ всталъ, прошелся по избѣ изъ угла въ уголъ и, пристально глядя въ глаза Тузову, продолжалъ:

— Говорятъ, въ Петербургѣ весну дѣлаютъ дворники... Вотъ и думаю о себѣ: сперва хорошенько прокипячусь въ фабричномъ котлѣ, а потомъ, если найдутся охотники изъ „прокипяченыхъ", и двинусь съ ними дѣлать весну съ другого конца...

Наташа все время молчала, и съ ея исхудавшаго и блѣднаго лица не сходило тревожное выраженіе. Невольно поддавшись какому-то тяжелому чувству, она хотѣла спросить: „А что̀ буду дѣлать здѣсь я?"—но потомъ быстро одумалась и, покраснѣвъ, промолчала.

Въ этотъ день они скоро разстались, недовольные другъ другомъ.

XIV.

Сергѣй Николаевичъ рѣшилъ прожить въ Тузовкѣ до отъѣзда Проскурнина въ Петербургъ. Ежедневно съ утра всѣ трое они сходились въ квартирѣ Николая Ивановича, цѣлые часы проводя за разговорами. Неловкость перваго свиданія давно сгладилась, и Сергѣй Николаевичъ и Наташа относились другъ къ другу такъ, какъ будто они и не переселялись изъ Петербурга.

За послѣдніе дни Николай Ивановичъ сдѣлался необыкновенно серьезнымъ, и въ его рѣчахъ теперь уже не слышалось жестокой насмѣшки, чѣмъ онъ отличался, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Въ эти дни онъ прочелъ написанные имъ очерки изъ семинарской жизни, получилъ одобреніе своей работы со стороны Тузова и Наташи, и это окончательно сгладило съ его лба морщины.

Иногда всѣ они по нѣскольку часовъ проводили въ полѣ и въ лѣсу, и эти прогулки на свѣжемъ воздухѣ дѣлали и мысли, и настроенія ихъ свѣжими и даже жизнерадостными. Молодость брала свое, какъ бы печально ни слагались обстоятельства. Въ сущности, всѣ они вѣрили въ близость иной жизни, и вѣра ихъ въ это крѣпла незамѣтно, какъ незамѣтно крѣпнетъ и утолщается на рѣкѣ ледъ. Зимнія вьюги могутъ занести этотъ молодой, чистый, какъ хрусталь, ледъ, но все же и подъ снѣгомъ онъ будетъ крѣпнуть и утолщаться. Пусть даже изуродуютъ его гладкую поверхность неуклюжими прорубями, а пройдетъ часъ-другой, и снова поверхность рѣки покроется тонкой и хрустальной пленкой, и будетъ эта пленка крѣпнуть и утолщаться. Таковъ вѣчный и могучій законъ природы и для рѣки-жизни, и всѣ выдуманные человѣкомъ законы временны и слабѣе его.

Дня за два до отъѣзда, въ ночь съ субботы на воскресенье, Проскурнинъ засидѣлся у Сергѣя Николаевича до полуночи и ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ въ усадьбѣ Тузовыхъ. Марья Николаевна всполошилась, когда узнала о намѣреніи племянника оставить гостя ночевать.

— Сереженька,—говорила она,—ладно ли будетъ... Вѣдь вотъ онъ что̀ надумалъ—мужиковъ смущалъ и противъ насъ, помѣщиковъ, возбуждалъ...

— Кто вамъ сказалъ такой вздоръ?—равнодушно оборвалъ тетку племянникъ.

— А какъ же, Сереженька, отецъ Василій самъ говорилъ у насъ вчера.

Тузовъ расхохотался и, принявъ изъ рукъ пуховую подушку, простыню и одѣяло, ушелъ къ себѣ и тотчасъ же все разсказалъ Проскурнину.

— Да ну!...—воскликнулъ тотъ.—Это любопытно!.. Ну и попъ!.. Чортъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается на старости лѣтъ!

Потомъ, потушивъ свѣчи и лежа въ кровати, они долго говорили на разныя темы. Словно они хотѣли наговориться на всю жизнь, вспоминая свое дѣтство, протекшее на ловѣ пахучихъ тузовскихъ полей.

Поутру они встали поздно, и Сергѣй Николаевичъ еще разъ до слезъ насмѣшилъ Проскурнина. Встрѣтивъ послѣ тетокъ въ столовой за утреннимъ кофе, Сергѣй Николаевичъ узналъ, что старушки только-что вернулись изъ церкви.

— Вотъ я говорила тебѣ, Сереженька,—таинственнымъ шопотомъ начала Марья Николаевна.—Я говорила тебѣ, что Николай Ивановичъ—опасный человѣкъ... Послушалъ бы, что̀ сегодня отецъ Василій говорилъ о немъ въ проповѣди.

И старушка, въ краткихъ словахъ, передала содержаніе проповѣди отца Василія и сообщила о томъ впечатлѣніи, съ которымъ крестьяне слушали эту проповѣдь.

А въ церкви въ этотъ день произошло слѣдующее.

Въ положенный „по чину“ моментъ отецъ Василій вышелъ на амвонъ и обратился къ прихожанамъ съ проповѣдью, въ которой бичевалъ современнаго человѣка, утратившаго вѣру въ Бога и любовь къ родинѣ и утвердившагося въ неповиновеніи начальству. Священникъ направилъ свое обличеніе прежде всего на высшіе слои общества, потомъ перешелъ къ народу. Далѣе слѣдовало обличеніе современныхъ „книжниковъ и газетчиковъ“, потомъ досталось и школѣ, сперва высшей, потомъ и низшей. Отецъ Василій, съ проклятіемъ на устахъ, упоминалъ о студентахъ и о „стриженыхъ барышняхъ“. Говоря, онъ ни на минуту не забывалъ о своей дочери Наташѣ и о Сергѣѣ Николаевичѣ. Въ нихъ двоихъ онъ олицетворялъ все зло и всю крамолу, „какъ ржа желѣза, разъѣдавшую высшую школу“. И чѣмъ яснѣе вырисовывались въ его памяти о̀бразы ближайшихъ враговъ,—тѣмъ вдохновеннѣе становилась его рѣчь. Затѣмъ онъ перешелъ на обличеніе земскихъ народныхъ школъ, противопоставляя имъ „благочестіе и благонравіе“ школъ церковно-приходскихъ.

— Но и въ этотъ храмъ науки и благочестія стали проникать зараженные крамолою пастыри. Не вѣрьте, міряне, ихъ нечестивымъ и лжемудрымъ ученіямъ! Вѣрьте въ единаго Бога и святыхъ его...

Глаза отца Василія вспыхнули огонькомъ вдохновенія, и онъ, повысивъ голосъ, продолжалъ:

— Вы знали своего учителя, нынѣ съ посрамленіемъ изгнаннаго изъ храма благочестія, вы посылали къ нему своихъ цѣломудренныхъ и чистыхъ птенцовъ... Вы и сами слушали его злоученія, и вотъ десница Божія указала на искусителя чистыхъ и праведныхъ людей, и онъ съ посрамленіемъ изгнанъ мною навсегда изъ предѣловъ нашей школы. Онъ племянникъ мнѣ, вы всѣ знаете это, а я, не взирая на сіе, ради истины изгналъ его, не потворствуя своимъ кровнымъ узамъ... Оставьте отца своего и мать свою и слѣдуйте за Господомъ... Вѣрьте въ единаго Его и не послушайтесь злоучителей и смутьяновъ... Но Господь повелѣлъ простить грѣхи врагамъ нашимъ. Простимъ и мы рабу Божію Николаю. Помолимся мы за него Богу и попросимъ Всевышняго, да проститъ Онъ ему прегрѣшенія вольныя и невольныя и просвѣтитъ его душу свѣтомъ истины и направитъ его на стезю праведную...

Голосъ священника дрогнулъ. Обернулся онъ лицомъ къ алтарю и сталъ молиться, преклонивъ колѣни. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣни и принялась молиться...

Сергѣй Николаевичъ выслушалъ разсказъ тетки и поспѣшилъ къ Проскурнину. Когда онъ передалъ ему въ короткихъ словахъ совершившееся въ церкви, Николай Ивановичъ сначала поблѣднѣлъ, какъ будто не сразу сообразивъ, о чемъ идетъ рѣчь, потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Дядя мой правъ: я, дѣйствительно, кажется, выбрался на настоящую стезю.

Когда, часъ спустя послѣ этого, они втроемъ съ Наташей бродили по лѣсу, Проскурнинъ нерѣдко возвращался къ происшедшему въ церкви. Ему представлялось, что вся Тузовка думаетъ о немъ то же, что̀ громко сказалъ отецъ Василій. И это былъ вызовъ, брошенный ему деревней. Съ какой-то непонятной тревогой въ голосѣ онъ говорилъ:

— Я только въ дѣтствѣ чувствовалъ нравственную связь съ деревней; съ годами—что-то такое неотвратимое отдаляло меня отъ нея. Съ годами это неотвратимое опредѣлилось, становилось яснѣе, и пропасть между мною и деревней разросталась все шире и шире. Обстоятельства услужливо помогали этому разрыву... Но, друзья мои, развѣ вы не чувствуете того же разрыва? Въ современной деревнѣ мы ничего не можемъ дѣлать... Вы видите—меня изгнали; изгонятъ и васъ, если вы не захотите сдѣлокъ съ вашей совѣстью. Ты, Сергѣй, счастливѣе насъ

съ Наташей, — ты можешь лечить, а мы что можемъ дѣлать? что?.. Да, наконецъ, смѣшно учить грамотѣ голоднаго человѣка...

Проскурнинъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь и, махнувъ рукой, добавилъ:

— Впрочемъ, все это старо... Объ этомъ говорятъ давно, давно и пишутъ.

Они шли хорошо укатанной дорогой, пролегавшей по тузовскому лѣсу. Въ безоблачномъ небѣ свѣтило яркое солнце, и по землѣ, устланной опавшими листьями, ложились рѣзкія тѣни деревъ. Въ лѣсу попискивали какія-то птички, и въ ихъ слабыхъ голосахъ слышалась какая-то тихая грусть по минувшемъ лѣтѣ. Они шли молча, прислушиваясь къ шелесту пожелтѣвшихъ и поблекшихъ листьевъ, которыми были застланы колеи дороги.

— Вотъ ихъ сколько свалилось,—началъ послѣ молчанія Проскурнинъ,—а когда-то они тоже шумѣли... Такъ и мы пошумимъ-пошумимъ, а дохнётъ холодомъ жизни—и свалимся... Смотрите, все желтые, поблекшіе листочки... умершіе листочки... А есть и совсѣмъ зеленые... Смотрите!..

Онъ поднялъ съ дороги здоровый зеленый листъ дуба, перекинувшаго свои искривленные сучья черезъ дорогу, и поднялъ его въ уровень съ лицомъ Сергѣя Николаевича и Наташи.

— Свалился и зеленый листочекъ... Ну, да наплевать!..

Онъ поднялъ правую руку съ листкомъ, зажатымъ между пальцами, и съ искреннимъ паѳосомъ воскликнулъ:

— Не горюй, дремучій боръ! Пришла осень, придетъ и зима, и за нею снова вернется весна. Одѣнешься ты снова въ зеленую листву, взмахнешь головою навстрѣчу буйному вѣтру, и зашумишь, и заволнуешься... Ха-ха-ха!—разсмѣялся онъ:—изъ меня, повидимому, выйдетъ недурной беллетристъ!.. А?..

Но Наташа и Сергѣй Николаевичъ промолчали. Они молча дошли до деревни и распрощались съ какимъ-то тоскливымъ настроеніемъ. При прощаніи Наташа подняла глаза на Проскурнина, но онъ не замѣтилъ слезъ, блеснувшихъ за ея темными рѣсницами.

Вечеромъ совершенно неожиданно въ обиталищѣ Проскурнина появилась старушка попадья Надежда Александровна.

— Коленька, ты что же это въ потьмахъ-то лежишь?—начала старушка, войдя въ избу.

— Какъ въ потьмахъ?—удивившись появленію тетки, проговорилъ Проскурнинъ и поднялся съ кровати, на которой лежалъ передъ этимъ съ загнутыми за голову руками.—А свѣчка горитъ, развѣ вы не видите, тетя?..

Кутаясь въ большую шаль, наброшенную на плечи, Надежда Александровна усѣлась на табуретъ и проговорила:

— Да ужъ больно тускло она у тебя горитъ-то...

— Тускло, тетя, потому тоненькая...

Разставшись съ друзьями, Проскурнинъ до вечера пролежалъ на кровати, куря папиросу за папиросой, и когда стемнѣло—зажегъ свѣчу. Какая-то непонятная тоска давила его душу; онъ всѣми фибрами своего существа ощущалъ томительное одиночество, точно онъ былъ одинъ во всемъ мірѣ, похоронивъ и оплакавъ все живое. Когда вошла тетка и онъ услышалъ ея тихій ласковый голосъ, ему показалось, что все дорогое вымершее воспрянуло вновь и прислало къ нему вѣстника воскресенія и возрожденія.

— Я хотѣла днемъ къ тебѣ придти,—начала послѣ продолжительной паузы Надежда Александровна,—да отецъ Василій-то что-то прихворнулъ... Пришелъ изъ церкви, покушалъ пирожка, да и говоритъ, что, молъ, усталъ что-то... Я и тебѣ пирожка принесла, Коленька, скушай... съ кашкой пирогъ-то... ты вѣдь любишь...

Она вынула изъ-подъ шали большой кусокъ пирога, завернутый въ газетную бумагу, и положила на край стола.

— Спасибо, тетя...

— А теперь ты проводилъ бы меня немного, а то темно стало...

— Посидите, тетя, — обратился было къ ней Николай Ивановичъ, но старушка уже поднялась съ табурета.

— Не могу я долго-то...

Они вышли. Было темно. Въ небѣ горѣли звѣзды. Кое-гдѣ въ окнахъ избъ мерцали огоньки.

Они долго шли въ сумракѣ ночи, и старушка все время разспрашивала племянника о томъ, есть ли у него бѣлье, вымыто ли оно, выглажено ли. Справилась она также и о состояніи его подушки, одѣяла, чемодана; но она не спросила Николая Ивановича, куда онъ поѣдетъ и что̀ будетъ дѣлать... Когда они подошли уже къ церковной оградѣ, старушка вдругъ остановилась, прижала руку къ глазамъ и тихо, сквозь слезы проговорила:

— Коленька... дорогой... ужъ ты прости его... дядю-то... Онъ сегодня осудилъ тебя въ церкви...

Она смолкла и зарыдала.

— Да я и не сержусь, тетя,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Николай Ивановичъ.

— Потомъ онъ молился за отца твоего... онъ вѣдь любитъ тебя... Самъ надоумилъ меня: „снеси, говоритъ, Надежда, Колѣ пирожка, онъ любитъ съ кашкой-то"... Не сердись ты на него, ужъ прости ему... старъ онъ..

— Я не сержусь, тетя, скажите ему... дядѣ...

— Ну, Господь благословитъ тебя!..

И она съ материнской заботливостью и съ нѣжностью въ голосѣ перекрестила Проскурнина три раза.

— Прости, голубчикъ, поздно...

И скоро ея маленькая фигура потонула въ сумракѣ ночи.

Проскурнинъ медленно шелъ по знакомой дорогѣ, и какая-то тихая грусть нѣжила его душу. Онъ смотрѣлъ на небо съ ясными мерцающими звѣздами, и оно казалось ему далекимъ. Онъ осматривался по сторонамъ — на безмолвныя поля, потонувшія въ сумракѣ, на силуэты крестьянскихъ избъ, кровли которыхъ обрисовались на фонѣ неба; онъ смотрѣлъ на отдаленный лѣсъ, на усадьбу Тузовыхъ, гдѣ въ окнахъ горѣли огни; осмотрѣлъ онъ и старинную церковь съ бѣлыми куполами, и церковный садъ, и домъ, гдѣ жилъ от. Василій,—и все это казалось ему близкимъ, дорогимъ, но отодвинувшимся отъ него... Чуткимъ ухомъ онъ ловилъ голоса ночи,—послѣдней ночи подъ роднымъ небомъ. Но ночь была безмолвна. Бѣлый туманъ выползалъ изъ оврага и безшумно, какъ таинственный и неразгаданный житель иного міра, придвигался къ дорогѣ, по которой шелъ Николай Ивановичъ.

Что-то жуткое чудилось въ этомъ безшумномъ движеніи. Что-то странное совершалось въ эту глухую темную ночь.

На другой день Проскурнинъ уѣхалъ.

Провожать его собрались Наташа, Сергѣй Николаевичъ и Надежда Александровна. Когда вещи были уже уложены въ тарантасъ, принадлежавшій Сергѣю Николаевичу, тетка усадила всѣхъ по русскому обычаю, потомъ молча поднялась и принялась молиться. Потомъ она благословила Николая Ивановича образомъ и сказала:

— Зайди проститься съ дядей.

Потомъ они всѣ вышли, рѣшивъ пѣшкомъ пройти до поворота дороги церкви. Пока Николай Ивановичъ ходилъ къ дядѣ прощаться, остальные стояли на дорогѣ у экипажа и молчали.

Съ каждой минутой усиливался холодный сѣверный вѣтеръ.

Ясное съ утра небо заволоклося сѣрыми тучами; березы церковнаго сада зашумѣли, роняя листья...

Когда, четверть часа спустя, за холмомъ скрылся экипажъ, Наташа и Сергѣй Николаевичъ, провожавшіе отъѣзжавшаго еще съ версту, пошли обратно. Почти все время они шли молча, и только иногда перебрасывались незначительными фразами.

Когда они дошли до калитки церковнаго сада и вошли въ широкую березовую аллею, Сергѣй Николаевичъ проговорилъ:

— Давно я не бывалъ здѣсь,—а вѣдь тутъ могилы моихъ предковъ,—и онъ показалъ рукою на памятники и кресты около стѣнъ церкви.

Наташа молчала. Такъ молча они прошли весь садъ до воротъ, обращенныхъ къ селу, и Сергѣй Николаевичъ спросилъ:

— Что же мы, Наталья Васильевна, будемъ здѣсь дѣлать?..

Она что-то отвѣтила, но налетѣвшій вѣтеръ зашумѣлъ верхушками деревьевъ и заглушилъ звукъ ея голоса... А плакучія кладбищенскія березы обсыпали Тузова и Наташу поблекшими осенними листьями...

Вас. Брусянинъ.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ *).

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906 (Casa edit. Castoldi).

I.

Озеро Любви.

Жанна опустила на колѣни книгу, которую читала, сидя у окна. Она задумчиво стала глядѣть на свинцовую воду озера у ея ногъ; въ водѣ отражались бѣгущія весеннія облака, которыя отъ времени до времени освѣщали домикъ, тихій садъ, деревья на другомъ берегу озера, далекія поля, справа—мостъ, слѣва—дорожки, которыя терялись за обителью бегиновъ, и остроконечныя крыши таинственнаго мертваго города Брюгге. А вдругъ „Непрошенная гостья", о которой она только-что прочла въ книгѣ Метерлинка, бродитъ уже невидимкой по мрачному городу, и рябь на свинцовой водѣ—слѣды ея шаговъ? Быть можетъ, она уже подошла къ берегу, къ крыльцу маленькаго дома, принося свой желанный даръ вѣчнаго покоя. Пробило пять часовъ; вы-

---

*) Романъ „Святой" А. Фогацпаро — третій въ серіи, которая началась двумя другими: „Piccolo mondo antico" и „Piccolo mondo moderno". Фабула новаго романа связана съ предыдущимъ личностью героя, Пьеро Майрони. Въ „Piccolo mondo moderno" Пьеро Майрони переживаетъ трагическую любовь къ соблазнительной Жаннѣ Десаль, изъ-за нея заставляетъ страдать свою жену, самъ терзается борьбой между страстью и жаждой духовной чистоты. Жена Пьеро умираетъ въ домѣ умалишенныхъ, — и тогда, вмѣсто того, чтобы соединить свою свободную жизнь съ любимой женщиной, Пьеро безслѣдно исчезаетъ, къ отчаянію безумно любящей его Жанны. Дѣйствіе романа „Il Santo" начинается черезъ три года послѣ исчезновенія Пьеро.

соко, у самыхъ бѣлыхъ облаковъ, раздались волшебные звуки колоколовъ, разнося надъ домами, площадями и улицами Брюгге грустныя чары и еще болѣе углубляя мертвенный сонъ города. Вдругъ Жанна почувствовала, что двѣ нѣжныя руки прикрыли ей глаза и легкій поцѣлуй коснулся ея волосъ. Она не выказала удивленія; поднявъ руку, она погладила склонившееся къ ней лицо, и только сказала:

— Это ты, Ноэми? Не ты ли Метерлинковская „Intruse"? Куда ты ходила съ моимъ братомъ?

— Въ госпиталь св. Джіованни, смотрѣть картины Мемлинга.

— Ну, разскажи про Мемлинга. Только раньше скажи, сдѣлалъ ли тебѣ Карлино предложеніе?

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

— Напротивъ того, онъ объявилъ мнѣ войну, и я ему—тоже.

— А я бы хотѣла, чтобы онъ влюбился въ тебя,—сказала Жанна серьезнымъ тономъ.

Ноэми нахмурила брови.

— Я бы этого не хотѣла,—сказала она.

— Почему? Развѣ онъ не симпатиченъ, не умёнъ, не образованъ, не изященъ? Къ тому же—онъ богатъ. Можно презирать богатство, но въ жизни оно довольно удобно.

Ноэми д'Арксель положила руки на плечи подруги и взглянула ей прямо въ глаза. Пытливые голубые глаза Жанны глядѣли строго и грустно. Каріе глаза Ноэми выдержали этотъ взглядъ съ твердостью.

— Синьоръ Карлино,—сказала дѣвушка,—мнѣ очень милъ; я охотно хожу съ нимъ смотрѣть Мемлинга, люблю играть съ нимъ въ четыре руки классическія пьесы и слушать, какъ онъ читаетъ мнѣ вслухъ Ѳому Кемпійскаго, хотя, при его полномъ безвѣріи, мнѣ это кажется профанаціей. Я—не католичка, но когда такой атеистъ, какъ твой братъ, такъ великолѣпно читаетъ Кемписа, то я точно перестаю быть христіанкой. Я съ нимъ дружна, потому что онъ твой братъ, но вотъ и все. И что̀ только иногда можетъ взбрести въ голову этой Жаннѣ Десаль!.. Не понимаю, совсѣмъ не понимаю тебя. Но подожди,—прибавила она, обхвативъ рукой шею подруги,—у меня есть средство глубоко проникнуть въ твою душу; я извлеку изъ нея со дна всѣ жемчужины, такія большія и прекрасныя, но также и всю муть, которая скрывается въ самой глубинѣ.

— Ты меня не знаешь, — возразила Жанна. — Изъ всѣхъ моихъ друзей ты одна меня не знаешь.

— Ну, да, только тѣ, которые тебя обожаютъ, знаютъ тебя, не правда ли? Ты вѣдь помѣшана на томъ, что всѣ тебя обожаютъ.

Жанна надула губы, какъ капризный ребенокъ.

— Какія глупости!—сказала она, но сейчасъ же загладила свой обиженный тонъ поцѣлуемъ и улыбкой.—Только женщины,—сказала она.—Я вѣдь тебѣ всегда говорила, что меня обожаютъ женщины. И ты въ томъ числѣ;—развѣ ты станешь это отрицать?

— Конечно. Ничуть я тебя не обожаю.

Десали провели предшествующее лѣто въ Малойѣ, и Жанна старалась быть пріятной для окружающихъ, скрывая, насколько могла, свою неизлечимую муку. Карлино бродилъ по деревнѣ и ея окрестностямъ, когда его охватывало мистическое настроеніе, и думалъ о Ницше, а въ часы свѣтскаго легкомыслія порхалъ среди дамъ, часто обѣдалъ въ Сенъ-Морицѣ и въ Понтрезинѣ, игралъ въ четыре руки съ военнымъ атташè германскаго посольства въ Римѣ и съ Ноэми д'Арксель, бесѣдовалъ о религіозныхъ вопросахъ съ сестрой и шуриномъ Ноэми. Сестры д'Арксель, сироты, были бельгійки, голландки по происхожденію и протестантки. Старшая изъ нихъ, Марія, вышла замужъ за стараго итальянскаго мыслителя Джіованни Сельва, котораго полюбила своеобразной поэтичной любовью. Сельва навѣрное пользовался бы большой популярностью въ Италіи, еслибы итальянцы больше интересовались религіозными вопросами; онъ былъ самый выдающійся представитель прогрессивнаго католичества. Марія приняла католичество, выходя за него замужъ. Они проводили зиму въ Римѣ, а остальное время жили въ Субіакѣ. Ноэми осталась протестанткой и жила попеременно въ Брюсселѣ и въ Италіи. Но старая компаньонка, съ которой она жила, умерла въ Брюсселѣ въ концѣ марта. Джіованни Сельва и его жена не могли, вслѣдствіе болѣзни Джіованни, помочь Ноэми въ эту трудную минуту. Тогда Жанна Десаль, которая очень подружилась съ Ноэми, убѣдила брата поѣхать въ Бельгію, гдѣ онъ еще никогда не бывалъ, и предложила Маріи Сельва и мужу поѣхать, вмѣсто нихъ, въ Брюссель. Вотъ какимъ образомъ Ноэми очутилась въ обществѣ Десалей въ Брюгге, въ концѣ апрѣля. Они поселились въ домикѣ на берегу небольшого озера, которое прозвали „Озеромъ Любви". Карлино влюбился въ Брюгге, и въ особенности ему нравилось названіе „Озеро Любви" для заглавія задуманнаго имъ новаго романа. Кромѣ заглавія, онъ ничего еще не придумалъ, но заранѣе наслаждался

пророческимъ сознаніемъ, что подаритъ міру необычайно изысканное и оригинальное художественное произведеніе.

Ноэми повторила, что вовсе не обожаетъ подругу всѣмъ сердцемъ уже потому, что сердце свое она отдала кому-то другому— одному монаху.

Жанна вздрогнула при словахъ молодой дѣвушки, и та покраснѣла, раскаиваясь въ своей необдуманности. Она знала о сердечной драмѣ своей подруги, знала про ея неизлечимую любовь къ человѣку, который исчезъ, вѣроятно укрывшись куда-нибудь въ монастырь. Ноэми постаралась исправить свою ошибку, стала говорить нѣжныя слова Жаннѣ, поцѣловала ее, но ей не удалось разсѣять грустное выраженіе ея лица; Жанна только успокоила Ноэми, увѣривъ, что разстроилась не отъ ея словъ; вѣдь и до нихъ она была грустна. Ноэми должна была согласиться, что дѣйствительно не видѣла Жанну никогда веселой, но теперь она казалась еще болѣе печальной, чѣмъ обыкновенно. Можетъ быть, это вина „Непрошенной гостьи“ Метерлинка. Жанна утвердительно кивнула головой, и по выраженію ея лица можно было понять, что причина ея грусти—не символическая „Непрошенная гостья“ Метерлинка, а реальная близость грознаго призрака смерти.

— Я получила письмо изъ Италіи,—сказала она послѣ слабой попытки отмолчаться отъ настойчивыхъ вопросовъ Ноэми.— Умеръ донъ Джузеппе Флоресъ.

— Флоресъ? Кто это?—Ноэми не помнила его, и Жанна съ горечью упрекнула ее за такую забывчивость. Донъ Джузеппе Флоресъ былъ тотъ старый священникъ изъ Венеціи, который принесъ ей прощальный привѣтъ Пьеро Майрони. Она заподозрила старика въ томъ, что это онъ убѣдилъ ея возлюбленнаго покинуть міръ, и не только приняла его крайне холодно, но стала его преслѣдовать упреками за его поступокъ, недостойный служителя безконечной благости. Старикъ отвѣтилъ ей такъ просвѣтленно, такими внушительными и кроткими словами, и лицо его, когда онъ говорилъ, было такъ величественно, что она же попросила у него прощенія и пригласила навѣщать ее. Онъ два раза послѣ того приходилъ къ ней, но не заставалъ ее дома. Тогда она посѣтила его въ его одинокомъ домикѣ, и у нея остались неизгладимыя воспоминанія объ этомъ посѣщеніи, о бесѣдѣ со старикомъ, привлекавшимъ его своимъ высокимъ умомъ, своей душевной кротостью и душевнымъ жаромъ. Ей писали, что онъ умеръ, кротко отдавшись въ руки Творца, со словами: „да исполнится воля Твоя“. Писавшій ей объ этомъ не зналъ, что, не-

смотря на смутные религіозные порывы, Жанна и теперь, какъ и прежде, отрицала Бога и безсмертіе души, какъ вѣковыя заблужденія; она еще ходила иногда въ церковь, но только для того, чтобы не выставлять на показъ своего атеизма.

Она не стала разсказывать Ноэми всѣхъ этихъ подробностей о послѣднихъ часахъ дона Джузеппе, но съ мучительной горечью думала о томъ, какъ бы ея жизнь сложилась по иному, еслибы она обладала такой же наивной, твердой вѣрой, какъ старый священникъ. Можетъ быть, въ душѣ Пьеро Майрони сохранилось инстинктивное религіозное чувство, унаслѣдованное отъ матери; теперь Жанна была увѣрена, что когда созналась Пьеро въ своемъ атеизмѣ, то этимъ вписала свое несчастіе въ книгу судебъ. Она опять стала съ мукой думать о прошломъ, и хотя ничего не говорила, но страданіе ясно отпечатлѣвалось на ея чертахъ. Ноэми молча поцѣловала ее въ лобъ, потомъ медленно отвела губы, какъ бы боясь разорвать тонкую нить, соединившую ихъ души, и прошептала:

— Быть можетъ, этотъ старикъ зналъ, гдѣ... Какъ ты думаешь, онъ поддерживалъ сношенія съ...?

Жанна отрицательно покачала головой. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, когда въ іюлѣ умеръ ея несчастный мужъ отъ бѣлой горячки, Жанна поѣхала къ Флоресу въ его виллу и выразила желаніе, чтобы Пьеро узналъ объ этой смерти, для того, чтобы могъ думать о ней, — если это когда-нибудь случится, — не чувствуя на совѣсти никакого грѣха. Донъ Джузеппе прежде всего кротко посовѣтовалъ ей отказаться навсегда отъ такихъ мечтаній, а затѣмъ сказалъ ей съ полной откровенностью, что не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Пьеро со времени его исчезновенія.

Страшась дальнѣйшихъ разспросовъ, боясь, чтобы ея ранъ не коснулись неопытныя руки, Жанна хотѣла отвлечь разговоръ отъ воспоминаній о прошломъ.

— Разскажи же мнѣ о твоемъ монахѣ,—сказала она. Но въ это время изъ передней раздался голосъ Карлино.

— Не теперь, — сказала Ноэми. — Я разскажу тебѣ вечеромъ.

Вошелъ Карлино; горло у него было повязано бѣлымъ шолковымъ шарфомъ, и онъ началъ ругать „Озеро Любви"; оно въ концѣ концовъ даже не живописно, утверждалъ Карлино, а только заражаетъ воздухъ, наполняя его отвратительными мошками, отъ которыхъ распухаетъ горло.

— Озеро отвратительно,—и въ любви тоже ничего нѣтъ хорошаго,—сказалъ онъ.

Ноэми стала запрещать ему говорить о любви, такъ какъ онъ не имѣетъ понятія о ней. Онъ иронически благодарилъ молодую дѣвушку, говоря, что уже чуть было не влюбился въ нее—къ великому своему ужасу,—но что ея слова излечили его, въ особенности послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на ней недавно некрасивую шляпу, и послѣ того, какъ она восторгалась жалкой музыкой Мейербера. Они продолжали пикироваться въ этомъ родѣ, и Карлино былъ такъ оживленъ, несмотря на боязнь инфекціи, что Ноэми поздравила его съ удачей въ работѣ.

— Очевидно, романъ вашъ подвигается,—сказала она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ романистъ. Теперь какъ-разъ онъ боролся съ большими трудностями, такъ какъ взялся за очень своеобразную психологическую проблему. Въ романѣ шла рѣчь о любопытномъ случаѣ духовнаго зараженія. Центральное лицо его романа—французскій священникъ восьмидесяти лѣтъ, очень чистый, благочестивый и ученый человѣкъ. Французомъ онъ изобразилъ его потому, что ему нуженъ былъ человѣкъ съ поэтическимъ воображеніемъ, съ гибкой, воспріимчивой душой, а по его мнѣнію этихъ качествъ въ итальянскомъ священникѣ не найдется даже у одного изъ тысячи. Къ этому священнику пришелъ однажды на исповѣдь очень умный, мыслящій человѣкъ, котораго одолѣвали страшныя религіозныя сомнѣнія. Исповѣдывавшійся ушелъ успокоенный, но самъ священникъ пошатнулся въ своей вѣрѣ. За этимъ долженъ былъ послѣдовать пространный и тщательный анализъ душевнаго состоянія старика; онъ со дня на день ждетъ смерти, какъ школьникъ, который передъ экзаменомъ чувствуетъ, что у него въ головѣ пусто, что все, что̀ онъ зналъ, вылетѣло изъ памяти. Онъ попадаетъ въ Брюгге.

На этомъ мѣстѣ разсказа воинственно настроенная Ноэми прервала Карлино:

— Въ Брюгге? Почему?

— А потому, что я —его отецъ,—отвѣтилъ Карлино,—и могу послать его, куда хочу. Я его переселилъ въ Брюгге, потому что здѣсь тихо, какъ въ преддверьи къ вѣчности, и здѣшній звонъ колоколовъ, который въ сущности начинаетъ мнѣ надоѣдать, может въ все-таки сойти въ романѣ за хоръ ангеловъ. Наконецъ, потому я въ Брюгге, что тамъ есть тоненькая брюнетка, очень стройная, неглупенькая,—хотя ничего не понимаетъ въ музыкѣ.

— Какія глупости вы говорите! — сказала она съ легкой гримасой.

Карлино продолжалъ разсказывать. Онъ сказалъ, что еще не знаетъ, какъ это устроить, но тоненькая брюнетка должна непремѣнно исповѣдываться у стараго священника. Ноэми разсмѣялась: такъ, значитъ, онъ не ее хотѣлъ изобразить?—Какъ бы она, еретичка, пошла къ исповѣди?—Карлино пожалъ плечами. Немножко больше безумія, или немножко меньше—вотъ новая разница между протестантствомъ и католичествомъ,—казалось ему. По его замыслу, старый священникъ долженъ былъ вернуться къ прежней вѣрѣ, подъ вліяніемъ простой и твердой вѣры дѣвушки. Тутъ Карлино открылъ скобки въ своемъ разсказѣ и сознался, что совершенно не знаетъ, какова собственно вѣра Ноэми. Она покраснѣла и отвѣтила, что она—протестантка. Это Карлино зналъ,—но можно ли утверждать, что вѣра ея—простая и твердая?—спросилъ онъ. Ноэми разсердилась.

— Я протестантка,—сказала она,—и вамъ нѣтъ дѣла до того, какъ я исповѣдую мою вѣру.

На самомъ дѣлѣ, Ноэми была очень тверда въ своей вѣрѣ, не столько по убѣжденію, какъ изъ уваженія къ памяти родителей. Она въ душѣ очень не одобряла перехода въ католичество своей сестры.

Карлино продолжалъ разсказъ. Мистическое вліяніе женскихъ чаръ привело старика къ тому, что онъ сталъ искать душевнаго единенія съ молодой дѣвушкой.

— Чтò за чепуха!—сказала Ноэми, по обыкновенію презрительно сжавъ губы. Но Карлино невозмутимо продолжалъ свой разсказъ. Новизна и интересъ его книги заключались именно въ анализѣ этой скрытой силы любви, вліявшей на священника и на дѣвушку.

— Карлино,—остановила его Жанна,—какъ это тебѣ пришло въ голову? Любовь къ восьмидесятилѣтнему старику?!

Карлино посмотрѣлъ вверхъ, какъ бы обращаясь къ какому-то невидимому другу. — Онѣ ничего не понимаютъ!—сказалъ онъ.

Онъ, собственно, хотѣлъ сдѣлать священника еще болѣе старымъ; ему должно было бы быть лѣтъ девяносто. Карлино представлялъ себѣ своего героя, какъ существо совершенно особое, нѣчто среднее между человѣкомъ и духомъ, съ глазами, въ которыхъ отражается таинственная глубина созерцателя вѣчности. У героини его должно было быть въ крови таинственное влеченіе къ старымъ людямъ, вовсе не столь рѣдкое у женщинъ; оно всегда свидѣтельствуетъ о благородствѣ женской души. Карлино чувствовалъ, что можно сказать много глубокаго о мистическомъ влеченіи дѣвушки двадцати-четырехъ лѣтъ къ девяносто-

лѣтнему старику-священнику, уже какъ бы перешедшему въ вѣчность, прозрачному и при этомъ не сгорбленному, но всѣмъ тѣломъ дрожащему. Бываютъ такіе старики съ высокой душой, которыхъ время точно не касается. Но чѣмъ же эта необычайная любовь можетъ кончиться? Ни Ноэми, ни Жанна не могли себѣ этого никакъ представить. Карлино самъ сказалъ съ самаго начала, что создалъ положеніе, изъ котораго никакъ не можетъ выпутаться. Но онъ не приходилъ въ отчаяніе. Зачѣмъ нуженъ непремѣнно конецъ?—это мѣщанскій предразсудокъ. Въ жизни ничто не кончается.—Конечно,—согласились дамы,—но книга-то вѣдь должна на чемъ-нибудь кончиться?—Несомнѣнно,—сказалъ имъ авторъ. Въ романѣ его будетъ несказанно прекрасная заключительная сцена—описаніе ночной прогулки при лунѣ священника и молодой дѣвушки. Они будутъ ходить по улицамъ Брюгге, гдѣ ихъ души открылись для общенія—почти для любви, и для мечтаній—почти пророческихъ. Въ полночь они пойдутъ къ спящимъ водамъ „Озера Любви", будутъ слушать, какъ бы застывъ на мѣстѣ, мистическіе звуки колоколовъ, и тогда имъ откроется смутное предчувствіе любви, которая въ грядущемъ объединитъ ихъ души на звѣздѣ Фомальготѣ.

— Почему же именно на Фомальготѣ?—воскликнула Ноэми.

— Какая вы несносная!—отвѣтилъ Карлино. — Я выбралъ эту звѣзду потому, что мнѣ нравится ея названіе; въ немъ звучитъ сковывающій германскій холодъ, и въ то же время душевный пылъ, зной восточнаго солнца.

— Боже мой, какъ это хитро! А мнѣ больше нравится Альголь.

— Хорошо; въ такомъ случаѣ вы и вашъ духовникъ отправитесь на Альголь.

Ноэми засмѣялась, а Карлино обратился къ Жаннѣ, спрашивая, какую звѣзду она предпочитаетъ? Жанна отвѣчала, что она сама не знаетъ, такъ какъ не обращала вниманія на звѣзды. Карлино разсердился, ставя ей, повидимому, въ вину не столько ея разсѣянность, какъ скрытыя мысли, отвлекавшія ее отъ всего другого. Боясь сказать лишнее, онъ только предложилъ ей углубиться въ философію дыма и облаковъ, сидя у себя въ комнатѣ. Она ничуть не обидѣлась и поднялась съ мѣста, чтобы пройти къ себѣ; тогда онъ ее остановилъ и спросилъ, слышала ли она, по крайней мѣрѣ, на чемъ заканчивается романъ?

— Конечно, слышала,—отвѣтила она:—на прогулкѣ героини и героя по улицамъ Брюгге въ лунную ночь.

— Вѣрно; и такъ какъ сегодня вечеромъ будетъ луна, то

мнѣ нужно погулять отъ десяти часовъ до полуночи съ тобой и Ноэми, чтобы набраться впечатлѣній.

— Ужъ не одѣться ли мнѣ священникомъ?—спросила Жанна, выходя изъ комнаты.

Ноэми хотѣла послѣдовать за ней, но Жанна попросила ее остаться. Ноэми осталась и сказала Карлино, что онъ недостоинъ такой сестры. Карлино пошелъ искать среди нотъ какую-то пьесу Баха, продолжая спорить съ Ноэми, и даже Бахъ не могъ ихъ сразу примирить. Они сѣли играть въ четыре руки, но еще долго ссорились, сначала изъ-за Жанны, потомъ изъ-за невѣрно взятыхъ нотъ. Наконецъ звуки, прерываемые ихъ гнѣвными вспышками, преодолѣли препятствія и понеслись яснымъ потокомъ, отражая небо и мирные берега.

Жанна унесла къ себѣ въ комнату книгу Метерлинка, но уже больше не читала. Ея комната тоже выходила на озеро. Сѣвъ къ окну, она стала смотрѣть вдаль, на мостъ; за нимъ виднѣлась старинная башня, а надъ нею носились голубоватыя облачка. Она слушала ясные звуки Баха и думала о донѣ Джузеппе съ грустнымъ чувствомъ человѣка, который все дальше и дальше удаляется отъ любимаго дома, ежеминутно оглядывается на него, и на поворотѣ дороги глядитъ, какъ исчезаетъ послѣдній уголъ, послѣднее окно. Но къ ея грусти присоединилась также болѣе острая тревога. Ей писали, что среди бумагъ умершаго найденъ запечатанный пакетъ съ собственноручной надписью такого содержанія: „Передать черезъ моего душеприказчика монсиньору епископу въ собственныя руки". Это порученіе было исполнено; въ пакетѣ оказалось письмо дона Джузеппе къ епископу и запечатанный конвертъ съ надписью, сдѣланной другой рукой: „Открыть послѣ моей смерти. Пьеро Майрони". Епископъ, какъ передавали бывшіе при этомъ, сказалъ: „Будемъ надѣяться, что синьоръ Пьеро Майрони, невѣдомо гдѣ пребывающій, появится, чтобы дать знать, что онъ умеръ".

Жанна не знала, что Пьеро Майрони, прежде чѣмъ навсегда безслѣдно уйти изъ дому, разсказалъ въ письмѣ къ дону Джузеппе о видѣніи, которое у него было близъ часовни дома умалишенныхъ, гдѣ умирала его жена. Ему ясно представилась вся его дальнѣйшая жизнь и его смерть. „Что̀ можетъ заключать въ себѣ запечатанный конвертъ?—думала Жанна.—Навѣрное, что-нибудь имъ написанное,—но что̀? По всей вѣроятности, исповѣдь, признаніе своей вины. Это соотвѣтствовало бы его врожденному мистицизму, преобладанію въ немъ фантазіи надъ разумомъ, всему его духовному облику. Прошло три года съ того дня, когда

Жанна, доведенная до отчаянія, сказала себѣ, что больше не будетъ любить Пьеро, и не можетъ любить уже ничего на свѣтѣ. И все-таки она до сихъ поръ его любила, но теперь, какъ прежде, судила его разумомъ, независимо отъ голоса сердца. Этой независимостью ума она очень гордилась. Жанна строго судила Пьеро за всѣ его поступки и за его поведеніе въ теченіе всего времени ихъ сближенія. Онъ всегда обнаруживалъ неспособность любить, былъ нерѣшителенъ, перемѣнчивъ какъ женщина. И до самаго конца онъ поступалъ какъ женщина, совершенно не умѣя обуздывать волей свою мистическую истеричность. Можетъ быть, она судила его не съ полной искренностью; намѣренно преувеличенная строгость ея была тщетной попыткой возстать противъ всевластнаго, непобѣдимаго чувства любви.

Если онъ пошелъ въ монастырь, то навѣрное раскаялся въ этомъ; Жанна въ этомъ не сомнѣвалась. Онъ былъ слишкомъ чувственный человѣкъ, чтобы уйти отъ міра навсегда. Послѣ перваго порыва скорби и религіознаго пыла, въ немъ должна была снова проснуться страсть и возбудить въ немъ мятежъ противъ вѣры, коренящейся скорѣе въ чувствахъ и привычкахъ, нежели въ разумѣ. Но что, если онъ дѣйствительно сдѣлался монахомъ? Жаннѣ показалось, что огромная башня Notre-Dame, съ тонкой стрѣлой, поднимающейся къ небу, также какъ грустныя стѣны обители бегиновъ, какъ темныя воды „Озера Любви“ и торжественная тишина мертваго города, что все это подтверждаетъ ея опасенія, но что было бы суевѣріемъ вѣрить въ предчувствія.

— Куда же мы пойдемъ? — спросила Жанна въ десять часовъ, надѣвая перчатки. Карлино, тѣмъ временемъ, далъ Ноэми держать одинъ конецъ длиннѣйшаго шарфа, а другой началъ обматывать вокругъ шеи и вертѣлся при этомъ на одномъ мѣстѣ, какъ веретено, пока наконецъ шея у него не вышла толще головы.

— А девяностолѣтнимъ священникомъ буду я, что-ли? — прибавила Жанна.

Карлино вскипѣлъ, потому что Ноэми разсмѣялась и выпустила изъ руки шарфъ, недостаточно натянувъ его.

— Ты или она, это все равно, — отвѣтилъ онъ, когда Ноэми, застегнувъ ему шарфъ булавкой, отпустила его наконецъ на волю. — Отправляйтесь, куда хотите! Нужно только пойти къ серединѣ озера и вернуться вдоль другого берега. Говорите между собой о чемъ-нибудь очень для васъ интересномъ.

— Въ вашемъ присутствіи? — спросила Ноэми. — Да развѣ это возможно?

Карлино объяснилъ имъ, что вовсе не собирается идти рядомъ съ ними, а пойдетъ позади съ своей памятной книжечкой и карандашомъ. Онѣ подчинились его желанію.

— Хорошо, — сказала Ноэми. — Пойдемте на quai du Rosaire, смотрѣть на лебедей.

Они направились къ Notre-Dame, причемъ Карлино шелъ шагахъ въ двадцати за дамами. Сначала между авангардомъ и арьергардомъ шли непрерывныя пререканія. Авангардъ шелъ слишкомъ скоро, и Карлино кричалъ въ догонку: — Это въ девяносто-то лѣтъ? — или авангардъ смѣялся, и Карлино кричалъ: — Да что съ вами? Тише! — Когда Ноэми и Жанна останавливались, чтобы разсмотрѣть при лунѣ какую-нибудь старую церковь, съ оригинальными верхами и башнями, или кладбище подлѣ церкви, Карлино опять начиналъ командовать: — Да говорите же, спорьте, дѣлайте какіе-нибудь жесты! Нечего стоять, поднявъ носъ кверху! — Авангардъ бунтовалъ, особенно Ноэми, которая грозила сейчасъ же вернуться домой, если несносный романистъ не перестанетъ командовать и ворчать. Тогда Жанна шепнула подругѣ:

— Разскажи мнѣ о твоемъ монахѣ.

— О монахѣ? Съ удовольствіемъ, — отвѣтила Ноэми, и крикнула Карлино, что она подчиняется его требованіямъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ шелъ подальше отъ нихъ. Съ quai du Rosaire не видно было лебедей, которыхъ Ноэми замѣтила утромъ на озерѣ. Лунный свѣтъ падалъ искоса на дома и башни, не касаясь темной воды. Жанна и Ноэми, однако, наклонились надъ перилами и стали глядѣть на воду. Ноэми такъ долго говорила, не мѣняя положенія, что Карлино успѣлъ заполнить нѣсколько страницъ своей книжечки замѣтками и зарисовать фасадъ ближайшаго дома съ выведенными на фасадѣ цифрами — годомъ рожденія владѣльца.

Монахъ, о которомъ говорила Ноэми, былъ бенедиктинецъ монастыря св. Схоластики въ Субіакѣ. Его звали донъ Клементій. Онъ былъ знакомъ съ Джіованни Сельвой, который встрѣтилъ его въ первый разъ случайно по дорогѣ къ какимъ-то развалинамъ. Джіованни спросилъ у него дорогу, потомъ они разговорились. На видъ монаху было немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, а внѣшность его была очень аристократическая. Разговоръ зашелъ сначала о развалинахъ, потомъ перешелъ на монастыри и монашескіе обѣты, потомъ на религію. Въ самыхъ звукахъ голоса бенедиктинца чувствовалась святость. Кромѣ

того, въ немъ виденъ былъ любознательный, открытый для смѣлой мысли духъ. Они разстались, выразивъ взаимное желаніе видаться. Джіованни понравилась одухотворенность молодого монаха, лицо котораго свѣтилось внутренней красотой; а бенедиктинца привлекала богословская ученость Джіованни. Первая же краткая бесѣда съ нимъ открыла широкіе горизонты его жаждѣ укрѣпить свою вѣру доводами разума и знаній. Джіованни слыхалъ въ Субіакѣ о молодомъ человѣкѣ знатнаго рода, который сдѣлался монахомъ бенедиктинскаго ордена послѣ смерти любимой женщины. Онъ не сомнѣвался, что это именно его новый знакомый. Онъ сталъ разспрашивать о немъ другихъ монаховъ, но не могъ ничего разузнать. Послѣ того они нѣсколько разъ видѣлись и много бесѣдовали. Джіованни давалъ дону Клементію свои книги для чтенія, а донъ Клементій приходилъ къ Сельвѣ, познакомился съ Маріей. Оказалось, что онъ — музыкантъ; онъ сыгралъ на роялѣ „утренній псаломъ“ для органа и пѣнія своего собственнаго сочиненія. Однажды Джіованни предложилъ ему вопросъ, по поводу котораго уже много спорилъ съ Ноэми — вопросъ о томъ, будутъ ли души, покидая земную жизнь, тотчасъ же знать всю свою грядущую судьбу. Донъ Клементій отвѣтилъ, что послѣ смерти...

На этомъ мѣстѣ разсказа Ноэми Карлино спросилъ, не разставить ли ему три палатки на тотъ случай, если они всѣ здѣсь будутъ ночевать. Дамы отошли отъ перилъ и пошли дальше по rue des Laines.

— Онъ отвѣтилъ, — продолжала Ноэми, — что послѣ смерти души человѣческія будутъ подчинены естественнымъ законамъ, какъ и при жизни, такъ что и тогда можно будетъ предвидѣть будущее по разнымъ даннымъ, — но тоже безъ полной достовѣрности.

Какой-то человѣкъ, котораго они встрѣтили на узкой темной улицѣ, повернулъ назадъ и, пройдя вторично мимо двухъ дамъ, пристально взглянулъ на нихъ. Жанна сказала, что она боится этого человѣка, остановилась, позвала Карлино и предложила пойти домой. Она сказала это измѣнившимся голосомъ, но Карлино не могъ повѣрить, что она дѣйствительно испугалась. Чего ей было пугаться? Вѣдь передъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ были огни Grande Place. Къ тому же, по словамъ Карлино, этотъ человѣкъ ему знакомъ, и онъ его помѣстилъ въ свой романъ. Это — братъ Юдиѳи съ лебединой шеей; теперь онъ превращенъ въ духа тьмы и осужденъ блуждать ночью по улицамъ Брюгге, въ наказаніе за то, что онъ пытался соблазнить святую

Гунгильду, сестру короля Гаральда. Карлино сказалъ, что когда онъ бродилъ ночью по пустыннымъ кварталамъ Брюгге, ему всегда попадался навстрѣчу этотъ зловѣщій человѣкъ.

— Нашли чѣмъ успокаивать, нечего сказать! — замѣтила Ноэми.

Карлино пожалъ плечами и заявилъ, что считаетъ эту встрѣчу счастливой, такъ какъ, благодаря ей, ему пришло въ голову имя Гунгильды для его героини; вѣдь нельзя же было назвать ее Ноэми—это имя слишкомъ семейственное.

Въ тѣни огромнаго зданія центральнаго рынка, мимо котораго они пошли, страшный незнакомецъ прошелъ совсѣмъ близко отъ Жанны и слегка задѣлъ ее. Она вся вздрогнула, и въ это время безчисленные колокола зазвонили среди облаковъ надъ ея головой.

Она судорожно ухватилась за руку Ноэми, не промолвивъ ни слова. Они молча прошли черезъ площадь. Карлино повелъ ихъ по маленькой улицѣ, совершенно пустынной, но ярко освѣщенной луной, озарявшей зубчатые верхи темныхъ домовъ. Жанна шепнула своей подругѣ:

— Идемъ скорѣе домой!

Но Карлино, услышавъ звуки бальной музыки изъ Hôtel de Flandres, крикнулъ имъ, чтобы онѣ остановились, и сталъ что-то записывать въ книжечку. Ноэми стала разсказывать что-то про Hôtel de Flandres, гдѣ жила нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но Жанна вдругъ перебила ее и спросила:

— Это Марія такъ пространно писала тебѣ объ этой исторіи?

Ноэми отвѣтила, не удивившись вопросу, но видимо волнуясь:

— Да, Марія.

— Не понимаю, — возразила Жанна, — для чего это она писала.

Ноэми ничего не отвѣтила. Карлино скомандовалъ имъ идти дальше. Онѣ пошли; Ноэми продолжала молчать.

— Такъ скажи же,—снова спросила Жанна,—зачѣмъ твоя сестра писала тебѣ объ этой исторіи?

Ноэми молчала. Жанна стала ее трясти за руку.

— Почему ты не отвѣчаешь? Что̀ ты думаешь?

Хотя онѣ теперь молчали обѣ, но были такъ поглощены своими мыслями, что не слышали, какъ Карлино крикнулъ имъ повернуть направо. Онъ нагналъ ихъ, сталъ ругаться и, схвативъ ихъ за плечи, насильно повернулъ, куда слѣдовало. Онѣ повиновались, не замѣтивъ ни его крика, ни его безцеремоннаго обращенія.

— Ты не отвѣчаешь?—повторила Жанна, удивленная и обиженная молчаніемъ подруги. Ноэми въ свою очередь схватила ее за руку.

— Подождемъ, пока вернемся домой; я тебѣ тогда все объясню,—сказала она.

— Остановитесь подъ деревьями!—крикнулъ имъ Карлино.

Но Жанна тотчасъ же остановилась и, стоя у стѣны стариннаго собора, выдернула руку изъ руки Ноэми и спросила ее дрожащимъ отъ скрытой муки голосомъ:

— Ноэми, скажи, ты что-нибудь расказывала твоей сестрѣ?

Карлино крикнулъ имъ, что пусть онѣ постоятъ хоть здѣсь, подлѣ собора,—только пусть дѣлаютъ видъ, что говорятъ о чемъ-то очень интересномъ, Ноэми отвѣтила подругѣ такимъ слабымъ и робкимъ „да!“, что Жанна все поняла. Марія Сельва думала, что этотъ монахъ, этотъ донъ Клементій и есть Пьеро Майрони.

— Господи! — воскликнула она, еще крѣпче сжимая руку Ноэми. — Да скажи же наконецъ, вѣрно ли я тебя поняла?— Жанна сердито отвернулась отъ упорно молчавшей Ноэми, которая въ ужасѣ ухватилась снова за ея руку.

— Отлично!—крикнулъ Карлино.—Но теперь довольно; помолчите.

— Прости меня! — взмолилась Ноэми. — Это вѣдь только предположеніе и больше ничего. Но Марія, дѣйствительно, высказываетъ эту мысль.

— Нѣтъ,—отвѣтила Жанна, рѣшительно отвергая догадку.— Это не онъ, — это не можетъ быть онъ. Музыкантомъ онъ никогда не былъ.

— Ну, конечно, не онъ,—поспѣшила согласиться Ноэми, говоря въ полголоса въ виду того, что къ нимъ приближался Карлино. Подойдя къ нимъ, онъ похвалилъ ихъ за оживленный разговоръ и попросилъ ихъ медленно пройтись подъ деревьями.

Онѣ исполнили его желаніе. Подъ деревьями Жанна упрекнула Ноэми за то, что она только теперь разсказала ей о письмѣ сестры, и опять стала увѣрять, что этотъ бенедиктинецъ не можетъ быть Майрони, такъ какъ тотъ никогда не занимался музыкой. Ноэми оправдывалась. Она объяснила, что хотѣла заговорить о письмѣ, когда вернулась изъ госпиталя Санъ-Джіованни, гдѣ разсматривала картины Мемлинга; но Жанна была такъ грустна, что она не рѣшилась еще болѣе волновать ее. И все-таки она заговорила бы, если бы Карлино не помѣшалъ своимъ приходомъ. А теперь, во время прогулки, когда Жанна прямо спросила ее, она не сумѣла отклонить разговоръ. Если бы, когда

онѣ остановились передъ „Hotel de Flandres", Жанна не возобновила разговора о монахѣ, Ноэми подождала бы, пока онѣ вернутся домой, чтобы уже тамъ все сказать.

— И твоя сестра дѣйствительно думаетъ...

Ноэми отвѣтила, что Марія, напротивъ того, очень сомнѣвается. Повидимому, въ это больше вѣритъ Джіованни. Онъ совершенно убѣжденъ, что донъ Клементій дѣйствительно—Майрони; такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ Марія. Жанна возмутилась. Какъ онъ могъ быть убѣжденъ? Какъ онъ могъ знать? Майрони вѣдь не умѣлъ взять аккорда на роялѣ. Ноэми возразила тихимъ голосомъ, что въ три года онъ могъ научиться; въ монастыряхъ стараются учить музыкѣ, чтобы имѣть своихъ органистовъ.

— Значитъ, и ты въ это вѣришь?—воскликнула Жанна. Ноэми отвѣтила такимъ нерѣшительнымъ „нѣтъ", что Жанна заволновалась и объявила, что хочетъ сейчасъ же поѣхать въ Субіакъ, чтобы удостовѣриться самой. Она вѣдь обѣщала Маріи привезти ей сестру, и надѣялась, что ей удастся убѣдить Карлино тотчасъ же уѣхать. Ноэми сильно перепугалась. Мужъ ея сестры не хотѣлъ бы, чтобы Жанна пріѣзжала въ Субіакъ, ради ея собственнаго душевнаго покоя, также какъ ради дона Клементія. Ноэми поручено было убѣдить ее не ѣхать. Сельва выздоровѣлъ и предлагалъ самъ пріѣхать за своей belle-soeur; онъ готовъ былъ, если нужно, пріѣхать даже въ Бельгію. Она попыталась разубѣдить Жанну, но только вызвала въ ней раздраженіе. Жанна настойчиво опровергала догадку Сельвы и его жены, но не приводила никакихъ убѣдительныхъ доводовъ. Карлино, услыхавъ сердитое „довольно!" изъ устъ сестры, подошелъ къ дамамъ. Что̀ это, священникъ и молодая дѣвушка повздорили—и какъ-разъ теперь, когда должны были испытывать мистически-нѣжныя чувства?!

— Оставьте насъ въ покоѣ!—возразила Ноэми.—Вашъ девяностолѣтній священникъ десять разъ уже умеръ бы отъ усталости. Довольно вамъ командовать. Теперь я буду водить васъ—я Брюгге знаю лучше вашего. А вы идите въ ста шагахъ отъ насъ.

Карлино выразилъ удивленіе на лицѣ, воскликнувъ: „Какая прыткая!"—но Ноэми уже умчалась впередъ, увлекая за собой Жанну; онѣ пошли вдоль рѣшотки маленькаго кладбища Saint-Sauveur. Ей казалось, что теперь наступило время сдѣлать послѣднее разоблаченіе.

— Знаешь, я полагаю, что Джіованни правъ,—сказала она.—Вѣдь донъ Клементій—тоже изъ Бресчіи.

Жанна, охваченная порывомъ горя, обняла одной рукой подругу за шею и разрыдалась. Ноэми стала успокаивать ее. Среди рыданій, Жанна спросила, знаетъ ли Карлино что-нибудь. Узнавъ, что нѣтъ, она стала умолять Ноэми ничего ему не говорить. Ноэми обѣщала. Жанна понемногу успокоилась и первая же отправилась дальше. Ей больше всего хотѣлось быть теперь одной въ своей комнаткѣ. Видъ башни Notre-Dame съ устремленнымъ къ небу шпицемъ былъ ей мучителенъ, какъ лицо побѣднаго и безпощаднаго врага. Теперь она ясно видѣла, что ошибалась всѣ эти три года, думая, что надежда умерла въ ея душѣ. До чего эта надежда, которую она считала мертвой, терзала теперь ея сердце, поднимая въ ней бурю протеста! Нѣтъ, онъ не въ монастырѣ; нѣтъ, это не онъ. Она опять крѣпко сжала руку Ноэми въ порывѣ отчаянія. Голосъ, внушавшій ей бодрость, постепенно ослабѣвалъ въ ея сердцѣ. Теперь ей казалось, что это дѣйствительно Пьеро, и что все кончено. Тишина ночи, грустный видъ луны, печальныя пустынныя дорожки, поднявшійся холодный вѣтерокъ—все это укрѣпляло ея горькія мысли. Когда онѣ прошли Notre-Dame, вдоль стѣны, въ тѣни опять промелькнулъ мимо нихъ тотъ же мрачный человѣкъ. Ноэми ускорила шаги, тоже торопясь домой. Когда Карлино увидѣлъ, что онѣ направляются прямо домой вмѣсто того, чтобы идти черезъ мостъ, на другой берегъ озера, онъ запротестовалъ. Что же будетъ съ заключительной сценой романа—развѣ онѣ забыли? Ноэми хотѣла возмутиться, но Жанна, боясь, какъ бы Карлино не заподозрилъ чего-нибудь, попросила Ноэми уступить ему.

— Когда будете на мосту,—крикнулъ имъ Карлино,—постойте на мѣстѣ нѣсколько минутъ!

Онѣ подошли къ periламъ и стали глядѣть на неподвижное зеркало воды. Луна скрылась за облаками.

— Это отсутствіе луннаго свѣта кажется мнѣ божественнымъ,—сказалъ Карлино.—Но теперь я далъ бы половину моей будущей славы за то, чтобы среди облачнаго неба открылся маленькій просвѣтъ съ звѣздочкой по срединѣ, для того, чтобы можно было видѣть воду. Вы не можете себѣ представить, какой красивой выйдетъ у меня эта послѣдняя глава. Послушайте. На quai du Rosaire вы глядѣли на лебедей...

— Но вѣдь лебедей не было,—прервала его Ноэми.

— Не все ли равно!—возразилъ Карлино.—Вы глядѣли на лебедей, освѣщенныхъ луной...

— Но луна не озаряла воду,—снова возразила Ноэми.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ Карлино съ нѣкоторой досадой. А когда Ноэми замѣтила, что въ такомъ случаѣ нечего было таскать ихъ по Брюгге въ такой поздній часъ, онъ поэтически сравнилъ свои подготовительные наброски съ чеснокомъ, который употребляется на кухнѣ, но не подается къ столу. Отразивъ ея протестъ, онъ продолжалъ говорить о лебедяхъ и лунѣ.

— Вы сравнивали,—сказалъ онъ,—живую бѣлизну лебедей съ мертвой бѣлизной луны. Старый священникъ тоже чувствуетъ, что живая, чистая душа молодой дѣвушки можетъ оживить его чувства, поблѣднѣвшія отъ близости смерти, какъ побѣлѣли его волосы; въ душѣ его загорается чистое пламя. Онъ невольно шепчетъ про себя: „Абизагъ!“ Дѣвушка спрашиваетъ, кто это Абизагъ; она, какъ и вы, не знаетъ Абизагъ, мою первую любовь. Священникъ ничего не отвѣчаетъ и идетъ дальше съ дѣвушкой по rue des Laines; она опять его спрашиваетъ, кто Абизагъ, но старикъ молчитъ. Въ это время угрюмая, черная тѣнь появляется, исчезаетъ и какъ бы расплывается при звонѣ двадцати-четырехъ колоколовъ.

— Все это было не такъ,—запротестовала Ноэми, но Карлино не далъ ей договорить.

— Священникъ,—продолжалъ онъ,—сравниваетъ эту черную тѣнь съ недобрымъ духомъ, который кружится вокругъ свѣтлыхъ душъ, стараясь прогнать ихъ и завладѣть ихъ внѣшнимъ обликомъ вмѣстѣ съ другими недобрыми силами. Послѣ этого, священникъ и дѣвушка начинаютъ говорить о любви... Я еще не придумалъ перехода къ этой темѣ, но придумаю. Вотъ, вы прошли по Grande Place. Сегодня вечеромъ тамъ не играла музыка, но обыкновенно играетъ, и, вѣроятно, во время музыки дѣвушки и молодые люди переглядываются и заигрываютъ другъ съ другомъ. Старый священникъ относится къ этому снисходительно, но дѣвушка находитъ, что такое проявленіе любви глупо и возмущается тѣмъ, что̀ видитъ. „Такова земная любовь“, говоритъ ей священникъ. И въ это время они проходятъ мимо Hôtel de Flandres, откуда раздается музыка свадебнаго бала.

— Какъ!—воскликнула Ноэми:—развѣ тамъ свадьба?

Карлино сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и продолжалъ:

— Дѣвушка спрашиваетъ: „а бываетъ небесная любовь?“... Поэтому-то я сказалъ вамъ, чтобы вы остановились подъ деревьями кладбища Saint-Sauveur—она должна именно тамъ предложить этотъ вопросъ; но вы, вмѣсто того, остановились на площади. Впрочемъ, это все равно; нужно только, чтобы виденъ былъ соборъ. Священникъ отвѣчаетъ: „да, небесная любовь существуетъ“.

Величіе древняго собора, ночь и тишина—вдохновляютъ его, и онъ начинаетъ говорить. Я не могу повторить вамъ его рѣчь; она еще невполнѣ ясно сложилась у меня въ умѣ, но смыслъ его словъ—тотъ, что небесная любовь рождается на землѣ, но никогда не достигаетъ тамъ полнаго развитія. Старикъ раскрываетъ передъ дѣвушкой всю душу. Задыхаясь отъ волненія, онъ говоритъ пламенными словами, что испыталъ влеченія, которыхъ не стыдится, — это было духовное желаніе сблизиться съ безплотной женской душой, которая была бы дополненіемъ его духа. Такое чувство онъ считаетъ святымъ и достойнымъ самыхъ высокихъ душъ. Наконецъ онъ умолкаетъ, весь дрожа отъ экстаза. Они направляются къ Notre-Dame; дѣвушка беретъ его подъ руку. Появляется зловѣщій человѣкъ, духъ-искуситель. Вѣдь вы сами его видѣли. Скажите: развѣ я не хорошо это придумалъ? Старикъ и дѣвушка убѣгаютъ отъ него, но какъ небо покрывается облаками, такъ и на нихъ находитъ грусть. Вотъ тутъ-то мнѣ и нуженъ просвѣтъ между облаками, со звѣздочкой по срединѣ. Старикъ и дѣвушка глядѣли бы молча на дрожаніе звѣздочки, отраженное въ „Озерѣ Любви“, и таинственныя сплетенія ихъ мыслей привели бы ихъ къ мечтѣ, что, быть можетъ, гдѣ-то, за облаками земного міра, ихъ любовь возможна.

Жанна не проговорила ни слова, слушая разсказъ брата. Нагнувшись надъ перилами, она смотрѣла на темную воду. Но при его послѣднихъ словахъ она возбужденно обратилась къ нему:

— Да вѣдь ты самъ этому не вѣришь!—воскликнула она. —Ты знаешь, что все это—фантазіи, и не хотѣлъ бы, чтобы и я повѣрила. Ты бы меня выгналъ за такія глупыя мечты.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтилъ Карлино.

— Увѣряю тебя, что да. А ради литературныхъ цѣлей ты готовъ самъ распространять вѣрованія, которыя и такъ сбиваютъ съ толку людей. Не нравится мнѣ это. Какъ можетъ невѣрующій человѣкъ сочинить нѣчто подобное? Ты вѣдь увѣренъ, какъ и я, что мы—не что иное, какъ мыльные пузыри, которые блестятъ на минуту, потомъ возвращаются, не исчезая въ темнотѣ, а какъ бы сливаясь съ полнотой бытія.

— Я ни въ чемъ не увѣренъ,—возразилъ Карлино, оглушенный упреками сестры.—Я во всемъ сомнѣваюсь—и все считаю возможнымъ. Въ этомъ и заключается моя философія, ты сама знаешь. Если бы мнѣ теперь сказали, что истинная религія—это религія кафровъ или краснокожихъ, я бы сказалъ: можетъ быть, не знаю. Я увѣренъ только въ ложности тѣхъ ре-

лигій, которыя знаю, и поэтому не хотѣлъ бы, чтобы ты стала католичкой. Но выгонять тебя изъ дому за это...

— Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ ты меня выгонишь, пойдемъ домой.

Говоря это, Жанна взяла подъ-руку Ноэми. Карлино попросилъ ихъ обойти вокругъ озера. Какъ знать,—можетъ быть, въ это время откроется просвѣтъ на небѣ. Ему это было очень нужно. Ноэми стала придумывать разныя затрудненія, говоря, что даже если облака раздвинутся, то это будетъ ни къ чему, если въ просвѣтѣ не мелькнетъ звѣзда,—ни большая, ни маленькая. Карлино сейчасъ же нашелъ на это отвѣтъ. Звѣзда непремѣнно будетъ,—можетъ быть, незримая для глазъ, но будетъ. Дѣвушка сначала ничего не увидитъ; но звѣзду увидитъ священникъ, благодаря своей старческой дальнозоркости. Потомъ ужъ ее увидитъ дѣвушка, повѣривъ ему.

— И такимъ образомъ бѣдная дѣвушка,—съ горечью сказала Жанна,—повѣривъ старому, полуслѣпому священнику, будетъ видѣть звѣзды, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, и тратить свой здравый смыслъ, свою молодость, свою жизнь, все. Ты вѣдь, конечно, заставишь ее похоронить свою молодость въ обители бегинокъ?

Не дожидаясь отвѣта, она пошла съ Ноэми впередъ.

Онѣ обошли „Озеро Любви“ и долго стояли на другомъ берегу, но въ небѣ не открылось просвѣта. Зданіе рынка вдали, мощныя башни Notre-Dame, острыя верхушки монастыря бегинокъ вырисовывались на фонѣ облаковъ молочнаго цвѣта. Карлино, отчаявшись увидѣть звѣзду, сталъ вслухъ пріискивать на небѣ мѣсто для просвѣта и звѣзды въ своемъ описаніи.

— Какой сегодня день?—тихо спросила Жанна свою подругу.

— Суббота.

— Завтра я схожу къ Карлино, въ понедѣльникъ и вторникъ мы приведемъ въ порядокъ всѣ дѣла, въ среду уложимъ вещи и въ четвергъ уѣдемъ. Можешь написать своей сестрѣ, что мы пріѣдемъ въ Субіакъ на будущей недѣлѣ.

— Не рѣшай такъ быстро, подумай раньше.

— Я рѣшила. Я хочу знать правду. Если это онъ, я отстранюсь и не буду ему мѣшать идти своей дорогой. Но я хочу его видѣть.

— Мы еще объ этомъ поговоримъ завтра, Жанна. Не рѣшай сразу.

— Я обо всемъ подумала и все рѣшила.

Пробило полночь на башнѣ рынка. Въ высотѣ, подъ самыми облаками, долго носились грустные звуки безчисленныхъ колоколовъ. Ноэми, которая сначала хотѣла убѣждать подругу, замолчала; душу ея охватила грусть. Печальные звуки, раздававшіеся на фонѣ вечерняго неба, точно говорили ей, что судьба Жанны соткана изъ любви и страданій и должна свершить свой кругъ.

II.

Донъ Клементій.

Свѣтъ блѣднѣлъ въ рабочемъ кабинетѣ Джіованни Сельва, и у стола, заваленнаго книгами и бумагами, было уже темно работать. Джіованни поднялся и открылъ окно, выходившее на западъ. Горизонтъ пылалъ за раскинувшимся на первомъ планѣ Субіакомъ, вдоль наклонной линіи Сабинскихъ горъ. Субіакъ задернулся тьмой. Въ воздухѣ было тихо. Не шевелились листья оливковыхъ деревьевъ, стоявшихъ кучкой позади краснаго домика съ зелеными ставнями. Не двигались и листья большого дуба, который высился сбоку надъ маленькой старинной часовней. Воздухъ, пропитанный запахомъ дикихъ травъ и недавняго дождя, былъ свѣжій; дулъ вѣтеръ съ горъ. Было четверть восьмого. Начался звонъ колоколовъ, сначала большого колокола въ церкви св. Андрея, потомъ жалобно звучавшихъ колоколовъ Santa Maria della Valle, а наверху, справа, изъ маленькой церкви подлѣ рощи, раздавались колокола капуцинской обители, а потомъ—еще другіе, далекіе колокола. Изъ полуоткрытыхъ дверей раздался тихій, мягкій голосъ молодой женщины; онъ робко спросилъ:

— Можно мнѣ войти?

Джіованни обернулся, съ улыбкой протянулъ руки стоявшей на порогѣ молодой женщинѣ и, подойдя къ ней, обнялъ ее, ничего не говоря:

Она почувствовала, что и ей не нужно говорить, что мужъ ея погруженъ всей душой въ созерцаніе умирающаго свѣта, въ звуки колоколовъ. Она опустила голову ему на плечо, простояла такъ съ минуту и потомъ тихо сказала:

— А теперь помолимся.

Онъ нѣжно пожалъ ей руку въ отвѣтъ. Ни онъ, ни она не произносили ни слова. Глаза ихъ расширились. Во взглядахъ ихъ отражались благоговѣніе и грусть, мысли о вѣчности, не

передаваемыя словами. Колокола смолкли; синьора Сельва устремила на мужа свои глубокіе голубые глаза и протянула ему губы. Его сѣдая голова и ея свѣтловолосая головка сблизились въ долгомъ поцѣлуѣ, который, вѣроятно, привелъ бы всѣхъ въ изумленіе. Маріи д'Арксель было двадцать-одинъ годъ, когда она влюбилась въ Джіованни Сельва, прочтя его книгу по философіи религіи, переведенную на французскій языкъ. Она написала незнакомому ей автору такое пламенное письмо, что Сельва въ отвѣтѣ счелъ долгомъ упомянуть о томъ, что ему пятьдесятъ-шесть лѣтъ, и что у него сѣдые волосы. Дѣвушка отвѣтила, что она все это знаетъ, не ждетъ отъ него любви и не предлагаетъ ему свою, но была бы счастлива, еслибы онъ отъ времени до времени писалъ ей нѣсколько словъ. Ея письма обнаруживали свѣтлый, открытый умъ. Сельва получалъ ихъ какъ-разъ въ тяжелое для него время внутренней борьбы. Онъ подумалъ, что Марія можетъ стать для него спасительной звѣздой, и поддерживалъ переписку съ нею.

— Знаешь, какая сегодня годовщина?—спросила Марія.— Помнишь, что̀ было въ этотъ день?

Джіованни помнилъ; это былъ день ихъ первой встрѣчи. Въ письмахъ они открыли другъ другу свои души до самаго дна, съ пламенной искренностью; а лично они еще не видались и знали другъ друга только по фотографіямъ. Послѣ четвертаго или пятаго письма, Джіованни попросилъ у незнакомой дѣвушки прислать ему свой портретъ; Марія ожидала этой просьбы, и боялась ея. Она согласилась исполнить желаніе своего друга, съ тѣмъ однако, чтобы онъ ей вернулъ карточку, и сильно волновалась, пока карточка не вернулась съ очень милой припиской Сельвы. Онъ былъ очарованъ умнымъ выраженіемъ ея лица, мягкостью большихъ глазъ, изяществомъ линій. Потомъ они условились встрѣтиться,—онъ по дорогѣ съ озера Комо, она по дорогѣ изъ Брюсселя, — и оба ждали этой встрѣчи съ большимъ волненіемъ.

„Портретъ мой ему понравился, — думала она, — но мой живой обликъ, какая-нибудь линія, неудачный цвѣтъ одежды, звукъ голоса, могутъ сразу убить его любовь“.

„Она знаетъ, что у меня старое лицо и сѣдые волосы,—думалъ онъ,—я ей нравлюсь на портретѣ; но, можетъ быть, когда она увидитъ меня во-очію, ея непостижимая любовь сразу исчезнетъ“.

Онъ пріѣхалъ въ Гергесвиль пароходомъ, на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ она; Марія, выѣхавъ утромъ изъ Базеля, пріѣхала по желѣзной дорогѣ въ полдень.

— Знаешь,—припоминала Марія,—когда тебя не оказалось на вокзалѣ, я въ первую минуту даже обрадовалась,—до того меня волновала мысль о встрѣчѣ. Но черезъ минуту мнѣ сдѣлалось страшно.

— Этого ты мнѣ никогда не разсказывала,—сказалъ Джіованни, улыбнувшись, и, взглянувъ ему въ лицо, молодая жена его тоже улыбнулась.

— Да и ты не разсказалъ мнѣ о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ при нашей встрѣчѣ.

Джіованни нагнулся къ ея уху и таинственно прошепталъ:

— Да, я не разсказалъ тебѣ ужасную вещь—у тебя тогда шляпа съѣхала набокъ!

— Неправда, неправда!

Звонко смѣясь и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожа отъ воспоминанія о томъ, какая опасность ей угрожала въ достопамятный день, она утверждала, что это невозможно: она самымъ тщательнымъ образомъ оправила свой туалетъ передъ зеркаломъ въ вагонѣ, когда поѣздъ подходилъ къ Гергесвилю.

Они стали припоминать всѣ дальнѣйшіе эпизоды ихъ первой встрѣчи, которая привела къ такому тѣсному душевному союзу, къ такой безоблачной любви, освященной глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Джіованни былъ мистикъ, и въ его душѣ земная любовь сливалась съ чувствомъ близости къ Богу. Жена его, бывшая протестантка, пріобщилась, насколько могла, къ его мистицизму, но любовь къ мужу говорила въ ней сильнѣе всякаго другого чувства. Она была богата, у него были тоже коекакія средства, но жили они скромно, чтобы имѣть возможность много отдавать неимущимъ; зиму они проводили въ Римѣ, а съ апрѣля до ноября жили въ Субіакѣ, въ своемъ маленькомъ домикѣ, верхній этажъ котораго они отдавали въ наемъ. Они много тратили только на книги, такъ какъ Джіованни писалъ трактатъ о раціональныхъ обоснованіяхъ христіанской морали. Жена читала нужныя ему книги и дѣлала выписки, участвуя такимъ образомъ въ его работѣ.

— Хорошо бы поѣхать въ будущемъ году въ Гергесвиль. Я хотѣла бы, чтобы ты именно тамъ написалъ послѣднюю главу—главу о непорочности.

Она просіяла при воспоминаніи объ очаровательномъ городкѣ на берегу яснаго озера, о высокихъ горахъ въ глубинѣ; для мирной работы и созерцательной жизни Гергесвиль казался ей самымъ подходящимъ мѣстомъ. Она была хорошо знакома со всѣмъ планомъ работы мужа, знала тезисы каждой главы и

главные доводы, которыми Сельва доказывалъ ихъ. Глава о непорочности нравилась ей больше всѣхъ по твердости разсужденій. Мужъ ея думалъ выдвинуть и разработать въ этой главѣ слѣдующій вопросъ:

„Почему христіанство превозноситъ, какъ путь къ совершенству, отреченіе, которое противорѣчитъ законамъ природы, мучитъ человѣческую волю, не принося никому пользы и закрывая доступъ къ жизни существамъ, которыя могли бы явиться на свѣтъ?“ Отвѣтъ свой Сельва основывалъ на изученіи моральной проблемы въ ея историческомъ развитіи; этому были посвящены первыя главы его труда. Сельва доказывалъ свою мысль на примѣрѣ животныхъ, которыя жертвуютъ собой для дѣтей и для животныхъ своего стада, а также способны иногда на единобрачіе. Онъ доказывалъ, что и у животныхъ стимулъ нравственности существуетъ и развивается въ антагонизмѣ съ инстинктомъ плоти. Онъ развивалъ гипотезу прогрессивнаго развитія человѣческой совѣсти уже въ низшихъ породахъ животныхъ. Теперь онъ намѣревался, исходя изъ этихъ положеній, установить какъ принципъ, что отрѣшеніе отъ плотскаго наслажденія, ради высшихъ удовлетвореній духа, обозначаетъ стремленіе даннаго рода къ высшей формѣ существованія. Онъ бралъ какъ примѣръ людей, противопоставляющихъ инстинкту плоти, усиленному взаимодѣйствіемъ ума и развитого воображенія, еще бо̀льшую силу отреченія—съ единственной цѣлью служенія славѣ Божіей. Это онъ доказывалъ на примѣрѣ многихъ религій, въ которыхъ отреченіе хотя и прославляется, но признается только какъ свободное проявленіе личной воли. Онъ доказывалъ, что отреченіе нельзя было бы возвести въ принципъ, еслибы оно не отвѣчало таинственному влеченію человѣческой природы, тому, что борьба духовныхъ влеченій и плотскихъ инстинктовъ—міровой законъ бытія. Безсознательные исполнители міpового закона, герои, совершающіе подвиги отреченія, полагаютъ, что они только славятъ Творца своей жертвой, а между тѣмъ они, на самомъ дѣлѣ, воплощаютъ цѣль міра, силу совершенствованія, вложенную въ природу человѣческую, и приготовляютъ для собственныхъ духовныхъ силъ возможность въ грядущемъ обрѣсти и болѣе совершенныя, сродныя духу физическія формы. Такимъ образомъ, ихъ непорочность—знакъ человѣческаго совершенствованія; это—та высота, на которую можетъ подняться человѣческій духъ, приближаясь къ туманнымъ возможностямъ невѣдомаго еще высшаго человѣческаго бытія.

— Когда я думаю о воплощенной непорочности,—сказалъ

Джіованни женѣ,—то вижу передъ собою дона Клементія. Я тебѣ говорилъ, что онъ сегодня вечеромъ придетъ на собраніе? Онъ явится сейчасъ же послѣ ужина.

Марія вздрогнула.—Ахъ, да, воскликнула она,—я и забыла тебѣ сказать: я получила письмо отъ Ноэми. Она выѣхала вчера изъ Милана вмѣстѣ съ Десалями. Они пробудутъ—вѣроятно, нѣсколько дней въ Римѣ, и потомъ пріѣдутъ сюда.

— Ты вспомнила объ этомъ, потомъ что я назвалъ дона Клементія?—съ улыбкой спросилъ Джіованни.

— Да,—отвѣтила жена,—но вѣдь ты знаешь... я не вѣрю въ это.

Развѣ такой человѣкъ, какъ донъ Клементій, съ его высокимъ лбомъ и синими глазами—такими ясными и спокойными,—похожъ былъ на человѣка, знавшаго страсть? Въ его тихомъ, кроткомъ, почти робкомъ молодомъ голосѣ было, по мнѣнію Маріи, такъ много сдержанности и чистоты, что она никакъ не могла предположить въ его жизни трагическую любовь.

— Ты, можетъ быть, права,—возразилъ Джіованни,—можетъ быть, это, дѣйствительно, не Майрони. Нужно будетъ, однако, ему какъ-нибудь сообщить, что пріѣдетъ Жанна Десаль и, конечно, посѣтитъ монастырь. Такъ какъ онъ завѣдуетъ пріемомъ гостей, то онъ же и долженъ будетъ показывать ей монастырь.

Марія сказала, что, конечно, предупредитъ его. Она не думаетъ, что онъ — бывшій возлюбленный Жанны, и потому надѣется совершенно просто говорить съ нимъ о ней. Какъ было бы ужасно, если бы это былъ все-таки онъ, Майрони, если бы никто его не предупредилъ, и они бы вдругъ встрѣтились лицомъ къ лицу въ монастырѣ! Но увѣренъ ли Джіованни, что донъ Клементій придетъ на собраніе?—Джіованни отвѣтилъ, что вполнѣ увѣренъ. Донъ Клементій получилъ уже разрѣшеніе отъ настоятеля, въ присутствіи Джіованни. Онъ придетъ и приведетъ съ собой садовника, нужнаго Джіованни для обученія огороднымъ работамъ. Джіованни пріобрѣлъ маленькій участокъ земли за домомъ, для огорода, и намѣревался самъ копать гряды и сажать картофель. Маріи не нравилась эта недавно появившаяся страсть къ полевому труду, но она не хотѣла мѣшать удовольствію мужа и не протестовала. Въ эту минуту вошла дѣвушка и сообщила, что гости поднимаются по лѣстницѣ, и что ужинъ готовъ.

По лѣстницѣ поднимались три человѣка, и Джіованни пошелъ имъ навстрѣчу. Первый изъ нихъ былъ его другъ ди-Лейни, который поздоровался съ нимъ и извинился, что идетъ впереди своихъ спутниковъ—двухъ патеровъ.

— Я церемоніймейстеръ,—сказалъ онъ, и назвалъ пришедшихъ съ нимъ: — Синьоръ аббатъ Маринье изъ Женевы, донъ Паоло Фаре—изъ Варезе; его вы знаете по имени.

Сельва нѣсколько изумился неожиданнымъ гостямъ, но поспѣшилъ попросить ихъ сойти внизъ и провелъ ихъ на террасу, гдѣ уже были приготовлены стулья.

— А гдѣ же Данэ? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ ди-Лейни, взявъ его подъ руку. — Гдѣ профессоръ Минучи, гдѣ падре Сальвіати?

— Они всѣ пріѣхали,—съ улыбкой отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и сидятъ здѣсь по близости, въ ресторанѣ. Это—цѣлая исторія, я ее сейчасъ разскажу.

Тѣмъ временемъ аббатъ Маринье восторгался видомъ съ террасы, а донъ Паоло Фаре, какъ подобало уроженцу Комо, снисходительно хвалилъ, давая понять, что истинная красота—исключительное преимущество его родины.

Вошла Марія; ей всѣхъ представили, и ди-Лейни сталъ разсказывать о томъ, что случилось съ остальными пріѣзжими; Маринье въ это время не отводилъ глазъ отъ пейзажа, а донъ Фаре жадно глядѣлъ на Сельву, автора критическихъ трудовъ о Старомъ и Новомъ Завѣтѣ, и въ особенности книги объ основахъ грядущаго обновленнаго католицизма; книга эта возродила и преобразила вѣру дона Фаре. Разсказъ барона ди-Лейни заключался въ томъ, что на станціи было очень вѣтрено, что профессоръ Данэ боялся простудиться, и сомнѣваясь, найдется ли коньякъ въ домѣ добродѣтельнаго синьора Сельва, зашелъ въ ресторанъ выпить коньяку и съѣсть два яйца. Они оставили ему для компаніи профессора Минучи и падре Сальвати, а сами пришли безъ нихъ.

Въ виду отсутствія болѣзненнаго профессора Данэ, Джіованни предложилъ ужинать на террасѣ, но сейчасъ же взялъ обратно свое предложеніе, видя, что оно пришлось не по душѣ женевскому аббату. Изящный, свѣтскій Маринье, другъ Данэ, также занятъ былъ собою, какъ и профессоръ, только скрывалъ это, такъ какъ не могъ ссылаться, для оправданія своей изнѣженности, на слабое здоровье. Онъ только потому не остался ужинать со своимъ другомъ въ ресторанѣ, что въ его первый пріѣздъ въ Субіакъ кухня ресторана показалась ему слишкомъ простой. Онъ надѣялся, что у синьоры Сельва—болѣе изысканный французскій столъ. Ди-Лейни зналъ, что аббатъ обманется въ своей надеждѣ, но изъ коварства не предупредилъ его. Въ

маленькой столовой едва могли помѣститься пять человѣкъ. Хорошо, что не пришли и другіе два гостя. Аббата Маринье и дона Фаре хозяева не ждали; но зато недоставало двухъ другихъ. Не явились—одинъ монахъ и одинъ священникъ, люди очень извѣстные; они должны были пріѣхать изъ верхней Италіи. Они письменно извинились въ невозможности пріѣхать, къ великому огорченію Сельвы, Фаре и ди-Лейни. Маринье, напротивъ того, извинился въ томъ, что пріѣхалъ, и свалилъ вину на Данэ, который убѣдилъ его пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ. А Паоло Фаре обвинялъ въ томъ же ди-Лейни. Сельва любезно увѣрилъ ихъ, что друзья друзей—всегда желанные гости, такъ что ди-Лейни и Данэ могли привести своихъ единомышленниковъ съ полной увѣренностью, что имъ будутъ рады. Марія ничего не сказала,—Маринье ей не понравился. Она подумала, что напрасно Данэ и ди-Лейни приводятъ своихъ знакомыхъ безъ предупрежденія. Маринье, слегка нахмурившій брови при видѣ супа съ бобами, первый началъ бесѣду.

— Не знаю,—сказалъ онъ,—дозволитъ ли намъ хозяйка поговорить теперь о томъ, что̀ будетъ обсуждаться на собраніи.

Марія сказала, что сама она не будетъ присутствовать на собраніи, но очень интересуется вопросами, которые будутъ подняты на немъ, и потому проситъ его не стѣсняться и начать разговоръ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Маринье,—мнѣ бы очень хотѣлось въ точности узнать, о чемъ будетъ рѣчь. Данэ говорилъ мнѣ обо всемъ только въ общихъ чертахъ, и я не увѣренъ, что вполнѣ раздѣляю ваши идеи во всемъ.

Донъ Паоло не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго жеста. Сельва тоже былъ, повидимому, раздраженъ. Онъ, очевидно, считалъ необходимымъ согласіе въ основныхъ принципахъ. Безъ этого собраніе могло оказаться не только безполезнымъ, но даже опаснымъ.

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ онъ,—что есть извѣстное число католиковъ въ Италіи и за ея предѣлами, лицъ духовнаго званія и міряпъ, которые стремятся осуществить реформы въ церкви. Мы желаемъ при этомъ, чтобы это совершилось не насильственно, а мирнымъ путемъ. Мы стремимся къ преобразованію преподаванія Закона Божія, къ реформамъ культа, церковной дисциплины, а также къ перемѣнамъ въ высшемъ управленіи церкви. Для этого намъ нужно создать сочувственное настроеніе умовъ, подъ давленіемъ котораго эти реформы совершатся естественно—конечно, только въ будущемъ. Въ настоящемъ

всѣ тѣ, которые такъ думаютъ, разрознены. Мы не знаемъ нашихъ единомышленниковъ, — кромѣ тѣхъ, которые пишутъ статьи и книги. А между тѣмъ, людей, раздѣляющихъ наши взгляды, навѣрное — великое множество среди развитыхъ и вѣрующихъ католиковъ. Я думалъ поэтому, что для пропаганды нашихъ идей было бы чрезвычайно полезно, по крайней мѣрѣ, познакомиться другъ съ другомъ. Сегодня вечеромъ мы и собираемся маленькимъ кружкомъ для перваго знакомства.

Во время этой объяснительной рѣчи Джіованни, всѣ присутствующіе глядѣли на женевскаго аббата. Онъ опустилъ глаза на тарелку. Послѣдовало краткое молчаніе. Джіованни первый нарушилъ его.

— Развѣ профессоръ Данэ, — спросилъ онъ, — вамъ этого не говорилъ?

— Да, въ общемъ онъ говорилъ мнѣ почти то же самое, — отвѣтилъ аббатъ, поднявъ наконецъ глаза съ тарелки.

По его тону чувствовалось неодобрительное отношеніе къ словамъ Джіованни. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ явился? Донъ Паоло откровенно выказывалъ свое неудовольствіе, другіе молчали. Наступила минутная неловкость. Маринье сказалъ:

— Мы объ этомъ поговоримъ еще сегодня вечеромъ.

— Да, — спокойно отвѣтилъ Сельва. — Поговоримъ вечеромъ.

Мысленно онъ рѣшилъ, что аббатъ — его несомнѣнный противникъ, и что Данэ поступилъ очень неосторожно, пригласивъ его на собраніе. Но въ то же время онъ утѣшался тѣмъ, что полезно выслушивать всякія возраженія, и что пріятель профессора Данэ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкъ честный, который не выдастъ участниковъ собранія. Но молодой баронъ ди-Лейни опасался именно этого; онъ зналъ, какъ много — и сколь различныхъ — знакомствъ у аббата Маринье въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ лѣтъ пять, для подготовленія своихъ историческихъ трудовъ. Ди-Лейни безконечно сожалѣлъ, что не узналъ своевременно о томъ, что на собраніе явится Маринье, и не предупредилъ Сельву и его жену. Слѣдовало сказать имъ, чтобы они постарались завоевать симпатіи Маринье, и прежде всего угостили бы его съ этой цѣлью хорошимъ обѣдомъ. У Сельвы были цвѣты на столѣ и сервировка была изящная, но самый обѣдъ былъ чрезвычайно скромный. Сами хозяева никогда не пили вина, и къ тому же легкое кисленькое субіакское вино не могло нравиться человѣку, привыкшему къ французскимъ винамъ.

Дѣвушка уже подавала кофе, когда прибыли въ одно и

то же время донъ Клементій, пѣшкомъ изъ своего монастыря, и Данэ, падре Сальвати и профессоръ Минучи, въ коляскѣ. Донъ Клементій привелъ съ собой садовника, и увидавъ, что къ дому Сельвы подъѣзжаютъ гости, зашагалъ быстрѣе, для того, чтобы Джіованни успѣлъ повидаться и поговорить минутку съ садовникомъ до начала собранія.

Сельва съ женой и трое гостей поднялись изъ-за стола, и Марія, которую велъ подъ руку свѣтскій аббатъ Маринье, увидѣла, выйдя на террасу, бенедиктинца; онъ поднимался по крутой дорожкѣ къ ихъ виллѣ. Она поздоровалась съ нимъ сверху и попросила подождать, чтобы освѣтили лѣстницу. Она сама спустилась со свѣчой внизъ по витой лѣстницѣ и сказала дону Клементію, что хочетъ ему нѣчто сообщить; при этомъ она выразительно взглянула на человѣка, стоявшаго за дономъ Клементіемъ. Послѣдній обернулся къ своему спутнику, сказалъ ему, чтобы онъ ждалъ его въ саду, подъ грушами, затѣмъ поднялся, по безмолвному приглашенію хозяйки, на нѣсколько ступенекъ выше и остановился, чтобы выслушать, что̀ она ему скажетъ. Она торопливо разсказала ему о трехъ гостяхъ и въ особенности объ аббатѣ Маринье. Она сказала, что ей больно за мужа, который съ такой любовью лелѣялъ мысль о католическомъ союзѣ и теперь очутился лицомъ къ лицу съ неожиданнымъ противникомъ. Она хотѣла предупредить объ этомъ дона Клементія, чтобы онъ приготовился дать отпоръ. Марія прибавила, что мужъ ея не можетъ оставить гостей, и потому она, а не онъ, говоритъ ему все это. На этомъ она съ нимъ простилась, говоря, что не будетъ присутствовать на засѣданіи, считая себя слишкомъ невѣжественной. Но она прибавила, что надѣется черезъ нѣсколько дней видѣть его въ монастырѣ.—Вѣдь вы принимаете посѣтителей?—прибавила она.—А я какъ-разъ пріѣду въ монастырь дня черезъ три-четыре съ сестрой, которую жду къ себѣ въ гости.

При этихъ словахъ синьора Сельва невольно подняла нѣсколько выше свѣчу, которую держала въ рукахъ; ей хотѣлось посмотрѣть своему собесѣднику прямо въ лицо; но она сейчасъ же раскаялась: этимъ вѣдь она какъ бы выказывала недовѣріе къ его несомнѣнно святой душѣ, равной, навѣрное, мужественно прекрасному лицу и стройному стану монаха. Его открытое лицо, высокій ясный лобъ и свѣтло-синіе глаза, въ которыхъ женская мягкость соединялась съ мужественнымъ пламенемъ, производили впечатлѣніе необычайной чистоты и высоты духа.

— Вмѣстѣ съ моей сестрой,—тихо прибавила Марія, почти

стыдясь самой себя, — пріѣдетъ ея близкая пріятельница, синьора Десаль.

Донъ Клементій вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ прямо въ лицо Маріи, которая вздрогнула отъ неожиданности. Такъ, значитъ, это онъ! Онъ снова посмотрѣлъ ей въ лицо. Видно было, что онъ взволнованъ, но сдерживаетъ себя.

— Простите,—спросилъ онъ,—какъ имя дамы, которая пріѣдетъ съ вашей сестрой?

— Синьоры Десаль?

— Да.

— Ее зовутъ Жанной.

— А сколько ей можетъ быть лѣтъ?

— Не знаю. Между тридцатью и тридцатью-пятью, на мой взглядъ.

Теперь ужъ Марія ровно ничего не понимала. Падре предлагалъ всѣ эти вопросы съ такимъ равнодушіемъ, что Марія была совершенно сбита съ толку. Она рѣшилась спросить его въ свою очередь:

— Вы ее знаете, падре?

Донъ Клементій ничего не отвѣтилъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ бѣдный Данэ, измученный подагрой; онъ съ трудомъ прошелъ отъ рѣшотки виллы къ самому дому; его велъ подъ-руку профессоръ Минучи. Оба они были друзья дома, и синьора Сельва приняла ихъ очень мило, но нѣсколько разсѣянно.

Засѣданіе происходило въ небольшомъ кабинетѣ Джіованни. Комната была такъ мала, что кипучій донъ Фаре, не имѣя возможности открыть окно изъ-за ревматизма Данэ, сталъ чувствовать, что задыхается, и сказалъ это совершенно открыто со своей ломбардской грубостью. Другіе дѣлали видъ, что не слышатъ его словъ; только ди-Линьи сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ не настаивалъ на своихъ жалобахъ, а Джіованни открылъ дверь въ корридоръ и на террасу. Но Данэ сразу почувствовалъ сырость, и пришлось запереть двери. Профессоръ Минучи страдалъ глазами, и робко попросилъ абажуръ, который стали искать, нашли и надѣли на лампу. Донъ Паоло пробормоталъ сквозь зубы: „Да это какой-то лазаретъ!“—и другъ его ди-Лейни, которому казалось, что въ такія минуты слѣдуетъ нѣсколько забыть о своихъ удобствахъ, слегка разсердился на него. Джіованни тоже не понравилась необузданность дона Паоло, но онъ ничего

не сказалъ, понимая, что Данэ и отчасти Минучи должны производить раздражающее впечатлѣніе, если ихъ видѣть въ первый разъ. Самъ онъ хорошо ихъ зналъ. Данэ, при всемъ своемъ ревматизмѣ и нервахъ и несмотря на свои шестьдесятъ-два года, обладалъ несокрушимой бодростью духа и испытанной твердостью воли. Андреа Минучи, несмотря на свѣтлые волосы, очки и нѣкоторую неповоротливость, придававшую ему видъ нѣмецкаго ученаго, обладалъ молодой, пламенной душой, испытанной жизнью, не вскипающей ежеминутно, какъ душа ломбардскаго священника, но таящею въ себѣ огонь, строгою и, вѣроятно, болѣе сильною.

Джіованни первый заговорилъ, съ полной искренностью раскрывая свои мысли. Онъ поблагодарилъ присутствующихъ за то, что они пришли, пожалѣлъ о тѣхъ, которыхъ недоставало, и сказалъ, что во всякомъ случаѣ увѣренъ въ томъ, что они примкнутъ къ новому союзу, и настаивалъ на цѣнности ихъ участія. Затѣмъ, онъ прибавилъ громко и медленно, глядя въ упоръ на аббата Маринье, что необходимо держать въ тайнѣ все, что говорится и рѣшается на собраніяхъ, и просилъ всѣхъ считать полное молчаніе относительно этихъ собраній долгомъ чести. Затѣмъ онъ изложилъ цѣли задуманнаго имъ союза нѣсколько болѣе пространно, чѣмъ сдѣлалъ это за ужиномъ, и попросилъ всѣхъ высказать свои мысли.

Наступило глубокое молчаніе. Аббатъ Маринье собирался заговорить первый, но его предупредилъ Данэ, поднявшись съ трудомъ съ своего мѣста. На его блѣдномъ, худомъ лицѣ было очень торжественное выраженіе. Онъ предложилъ, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію союза, помолиться всѣмъ вмѣстѣ, что и было исполнено, а затѣмъ предложилъ признать основнымъ принципомъ повиновеніе высшимъ церковнымъ властямъ. Донъ Паоло прервалъ его рѣзкимъ возраженіемъ, но Данэ прибавилъ, что повиновеніе должно соблюдаться только относительно власти, не превышающей своихъ законныхъ полномочій. Съ такой поправкой слова Данэ приняты были общимъ согласіемъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что нужно отречься навсегда отъ злобныхъ словъ и злобныхъ чувствъ, и дѣйствовать только во имя любви.

— Я предлагаю еще, — продолжалъ Данэ, — чтобы никогда, ни на устахъ нашихъ, ни въ сердцѣ нашемъ, не было гнѣва.

Сельва присоединился къ словамъ Данэ и сталъ говорить о томъ, что стремленія къ реформамъ должны быть проникнуты любовью, что священный гнѣвъ возможенъ только при полнотѣ чувства любви къ ближнимъ, при истинномъ стремленіи объединиться съ братьями въ единой вѣрѣ.

— А теперь скажите,—сказалъ онъ, заканчиная свое обращеніе,—принимаете ли вы предложеніе основать союзъ, цѣли котораго я вамъ изложилъ? Обсудите это сначала, а потомъ скажите. Если мое предложеніе будетъ принято, мы увидимъ, какъ оно можетъ быть осуществлено.

Донъ Паоло возбужденно воскликнулъ, что принципіально это уже не подлежитъ обсужденію, а Минучи замѣтилъ болѣе примирительнымъ тономъ, что всѣ присутствующіе были заранѣе знакомы съ задачей собранія, и что своимъ приходомъ они выразили свое принципіальное согласіе объединиться для общаго дѣла; оставалось только обсудить способы единенія. Тогда аббатъ Маринье попросилъ слова.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ съ улыбкой, — но я не могу позволить связать себя никакими нитями единенія. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые видятъ, что не все въ церкви обстоитъ какъ слѣдуетъ, но все-таки, когда синьоръ Сельва ясно изложилъ мнѣ, сначала за ужиномъ, а потомъ здѣсь, свои мысли,— я ихъ не совсѣмъ вѣрно понялъ въ передачѣ моего друга, профессора Данэ,—я нахожу много возраженій противъ нихъ—и даже возраженій очень вѣскихъ.

„Ага, — подумалъ Минучи, который уже слыхалъ о честолюбивыхъ замыслахъ Маринье:—онъ карьеристъ, и не можетъ, конечно, примкнуть къ намъ“. Вслухъ онъ сказалъ:

— Изложите ваши возраженія.

— Во-первыхъ, господа,—началъ умный и хитрый аббатъ,— вы беретесь за дѣло, не сговорившись ни о чемъ. Вы производите на меня впечатлѣніе прекрасныхъ людей, которые въ самомъ праздничномъ настроеніи духа садятся играть вмѣстѣ въ карты, но у которыхъ ничего не выходитъ, потому что у нихъ разныя карты на рукахъ: у однихъ—итальянскія, у другихъ—французскія, у третьихъ—нѣмецкія, и они никакъ не могутъ понять другъ друга. Мы всѣ, вѣроятно, согласны въ томъ, что церковь пала, сравнительно съ ея первобытной простотой, что напрасно мертвый языкъ вытѣсняетъ въ ней всѣ живые языки,—но относительно средствъ, какими можно было бы исправить царящее въ церкви зло, мы едва ли будемъ согласны. Прежде чѣмъ говорить о союзѣ, слѣдуетъ поэтому сговориться относительно пониманія нужныхъ реформъ. Кромѣ того, я посовѣтовалъ бы вамъ, даже въ случаѣ полнаго идейнаго единодушія, не связываться видимыми узами изъ предосторожности, для того, чтобы не поставить себя въ опасное положеніе относительно Рима. Плавая

всѣ вмѣстѣ, связанными между собой, вы тѣмъ легче попадетесь въ сѣти великаго рыбаря въ Римѣ.

— Недурно,—сказалъ донъ Паоло и громко разсмѣялся. Другіе молчали, видимо недовольные. Аббатъ продолжалъ:

— Я не вѣрю, что вы сможете достичь чего-нибудь хорошаго своимъ союзомъ. Союзы полезны для развитія торговли и промышленности, но въ наукѣ и въ исканіи истины они не нужны. Реформы, быть можетъ, когда-нибудь наступятъ, потому что идеи сильнѣе людей и движутся впередъ, но вы, вооружая ихъ къ битвѣ и пуская ихъ впередъ отрядами, ведете ихъ навстрѣчу страшному огню, который остановитъ ихъ движеніе. Науку и религіозную мысль двигаютъ отдѣльные люди, мессіи. А есть между вами святой? Знаете ли вы, откуда онъ возьмется? Найдите его и пустите впередъ. Если онъ будетъ пламенно говорить, если у него будетъ благостное сердце, если онъ совершитъ нѣсколько чудесъ,—хоть самыхъ незначительныхъ,—тогда внушите ему, что̀ нужно сказать, и вашъ мессія больше сдѣлаетъ, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ.

Аббатъ замолчалъ, и Джіованни поднялся, чтобы возразить ему.

— Быть можетъ,—началъ онъ,—вы не могли составить себѣ яснаго понятія о желанномъ для насъ союзѣ. Мы начали съ молитвы, и это объясняетъ характеръ нашего объединенія. Видя зло, которое тяготѣетъ надъ церковью и состоитъ главнымъ образомъ въ несогласіи ея преходящаго, человѣческаго элемента, съ вѣчнымъ, съ божественной истиной, мы стремимся къ устраненію этого антагонизма и къ общему единенію. Для такого единенія не нужно идейнаго соглашенія относительно отдѣльныхъ принциповъ, хотя многіе принципы у насъ общіе у всѣхъ. Для достиженія нѣкоторыхъ реформъ не нужно коллективныхъ открытыхъ дѣйствій, — нужно только общаться, чтобы поддерживать другъ въ другѣ пламень живой идейной жизни. Достаточно согласія въ признаніи отрицательныхъ сторонъ церкви, о которыхъ говорилъ аббатъ Маринье. Будемъ стараться, чтобы увеличилось число сознательно вѣрующихъ, чтобы союзъ охватилъ большинство нашихъ развитыхъ братьевъ, и вы увидите сами, какъ изъ отрицанія создастся соглашеніе относительно положительныхъ принциповъ. Да, достаточно объединенія въ отрицаніи, достаточно чувствовать, что церковь страдаетъ, и что наши братья, какъ и мы, чувствуютъ, какъ она страдаетъ. Развѣ я не правъ, синьоръ аббатъ?

Аббатъ тихо отвѣтилъ съ легкой усмѣшкой:

— Это красиво сказано, но не логично.

— Причемъ тутъ логика?—вспылилъ донъ Паоло.

— Ну да,—возразилъ Маринье съ лукавымъ видомъ,—если вы отказываетесь отъ логики...

Донъ Паоло вспылилъ и хотѣлъ рѣзко отвѣтить, но профессоръ Данэ остановилъ его и заговорилъ самъ:

— Мы не отказываемся отъ логики,—сказалъ онъ,—но въ вопросахъ чувствъ, любви, вѣры, такъ же трудно измѣрить логичность выводовъ, какъ, напротивъ того, ее легко установить въ области геометріи. Въ вопросахъ, занимающихъ насъ, логическій процессъ скрытъ. Вѣдь вы, дорогой мой другъ Маринье, не хотѣли же—я увѣренъ въ этомъ—сказать, возражая моему дорогому другу Сельвѣ, что когда заболѣваетъ любимый человѣкъ, то слѣдуетъ прежде всего условиться относительно способовъ леченія, прежде чѣмъ подойти къ его постели.

— Прекрасно сказано,—отвѣтилъ Маринье съ нѣкоторой рѣзкостью; — но вы сами знаете, что сравненія — не доказательства.

Донъ Клементій, который стоялъ въ углу между дверью въ корридоръ и окномъ, и профессоръ Минучи, сидѣвшій подлѣ него, одновременно собрались говорить, и, замѣтивъ каждый желаніе другого, остановились, уступая слово другъ другу. Сельва предложилъ, чтобы первымъ говорилъ монахъ. Всѣ обратили взоры на его благородное лицо, слегка покраснѣвшее отъ волненія, но спокойное. Донъ Клементій съ минуту колебался, а потомъ заговорилъ своимъ мягкимъ, скромнымъ голосомъ.

— Синьоръ аббатъ Маринье,—началъ онъ,—сказалъ нѣчто, по моему, глубоко вѣрное: нуженъ святой. Какъ знать? Можетъ быть, такой и существуетъ,—я не отчаиваюсь въ этомъ.

— Онъ самъ и есть этотъ святой,—тихо пробормоталъ донъ Паоло.

— И вотъ что̀ я хочу сказать синьору аббату Маринье: мы до нѣкоторой степени пророки этого святого, этого мессіи. Мы подготовимъ ему путь, т.-е. возбудимъ общее стремленіе къ обновленію всего, что̀ составляетъ одежду, а не сущность нашей религіи, даже если это обновленіе и будетъ источникомъ страданій для нѣкоторыхъ душъ. Мы будемъ стоять при этомъ на почвѣ незыблемости старыхъ принциповъ, ожидая новыхъ законовъ отъ старыхъ авторитетовъ и доказывая, что если не перемѣнить изношенныхъ одеждъ, то отъ насъ всѣ отшатнутся, и можетъ случиться, что многіе изъ насъ сбросятъ ихъ самовольно—отъ омерзѣнія. Еще я хотѣлъ сказать вамъ, синьоръ

Маринье, что главное—не нужно слишкомъ поддаваться страхамъ человѣческимъ.

Горячій шопотъ одобренія былъ отвѣтомъ на его слова; Минучи, весь дрожа, вскочилъ съ мѣста. Ди-Лейни и Сельва видѣли, какъ онъ весь кипѣлъ и хмурилъ брови, пока говорилъ Маринье. И Джіованни, который зналъ горячій нравъ этого мистика и аскета, нарочно предоставилъ слово сначала дону Клементію, для того, чтобы Минучи пока успокоился. Теперь наконецъ онъ заговорилъ. Онъ говорилъ не плавно, слова вырывались у него отрывисто, но выражался онъ чрезвычайно точно и мощно, говоря съ сильнымъ римскимъ акцентомъ.

— Да. Нужно отбросить человѣческіе страхи. Наши цѣли такъ высоки, и стремленіе наше къ нимъ—такое сильное, что человѣческихъ страховъ у насъ не должно быть. Мы хотимъ живой вѣры, и такъ силенъ въ насъ огонь вѣры, что онъ очиститъ религіозную мысль и жизнь вѣрующихъ католиковъ. Мы вѣримъ, что готовится обновленіе религіи, которое предвозвѣщается пророками и святыми; оно будетъ стоить многихъ жертвъ и внесетъ много смуты въ сердца вѣрующихъ, но оно должно наступить. Мы хотимъ общенія съ единомыслящими всѣхъ странъ, и въ этомъ—цѣль нашего союза. Назовите его католическимъ масонствомъ, если хотите. Чего вы собственно боитесь,—что тогда отъ одного удара падетъ много головъ? Но и такъ ничья голова не ограждена отъ ударовъ, — каждый изъ насъ можетъ ежедневно сдѣлаться жертвой Рима. Рыбарь можетъ выудить по одиночкѣ каждаго изъ насъ. Но позвольте васъ спросить, синьоръ аббатъ, гдѣ ваша вѣра? Ваша осторожность, кажется, убила ее. Неужели же вы, дѣйствительно, изъ боязни передъ папскимъ престоломъ усомнитесь въ исполненіи долга вѣрующаго христіанина? Соединимтесь всѣ противъ фанатизма, отъ котораго погибаетъ церковь, и если намъ придется претерпѣть страданія за это,— возблагодаримъ Отца и за страданія!

Донъ Паоло Фаре вскочилъ съ мѣста и обнялъ оратора. Ди-Лейни глядѣлъ на него восхищеннымъ взглядомъ. Данэ, Сельва, донъ Клементій и другой монахъ молчали, нѣсколько смущенные, чувствуя, что Минучи зашелъ слишкомъ далеко, что его слова о вѣрѣ, о боязни Рима, были слишкомъ воинственны и не совпадали съ мистическимъ вступительнымъ воззваніемъ Данэ, также какъ съ изложеніемъ цѣли предполагаемаго союза Сельвой. Женевскій аббатъ ни на минуту не отводилъ глазъ отъ Минучи, пока онъ говорилъ, и его маленькіе глаза блистали. На экспан-

сивность дона Паоло, обнимавшаго Минучи, онъ посмотрѣлъ, однако, съ нѣкоторой ироніей, и потомъ поднялся.

— Я не знаю,—сказалъ онъ,—раздѣляетъ ли мой другъ Данэ ваши взгляды. Я даже очень сомнѣваюсь, чтобы это было такъ. Вы упомянули о престолѣ св. Петра. Мнѣ кажется, дѣйствительно, что здѣсь собираются покинуть челнъ Петра, надѣясь, быть можетъ, что смогутъ ходить по волнамъ. Я смиренно заявляю, что вѣра моя не столь сильна, и что я тотчасъ же пойду ко дну. Я намѣренъ остаться въ челнѣ и развѣ только немного помогать вамъ однимъ-другимъ взмахомъ весла—больше ничего, потому что, какъ сказалъ ораторъ, я очень боязливъ. Мы, значитъ, должны разстаться, и мнѣ остается только извиниться за то, что я пришелъ. Я еще долженъ пройтись немного пѣшкомъ,—это необходимо для моего пищеваренія. Милый другъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Данэ,—до свиданія въ ресторанѣ.

Онъ подошелъ къ Сельвѣ съ протянутой рукой, чтобы попрощаться, но всѣ его окружили и стали упрашивать остаться. Только донъ Паоло и Минучи безучастно стояли въ сторонѣ. Онъ спокойно настаивалъ на необходимости покинуть собраніе и останавливалъ слишкомъ упорно пристававшихъ къ нему то ледяной улыбкой, то ироническимъ словомъ, то изящнымъ жестомъ... Ди-Лейни обратился къ Фаре, дѣлая знакъ, чтобы онъ присоединился къ общимъ просьбамъ, но бурный донъ Паоло только презрительно пожалъ плечами. Тѣмъ временемъ изъ группы, окружавшей Маринье, возвысился голосъ, говорившій сильнымъ тосканскимъ говоромъ:

— Подождите; вѣдь еще ничего не рѣшено... Я вѣдь еще не высказалъ своего мнѣнія.

Это сказалъ падре Сальвати, старикъ съ бѣлоснѣжными волосами, краснымъ лицомъ и живыми глазами.

— Еще ничего не рѣшено,—повторилъ онъ.—Я стою за союзъ, но хочу одного, а въ рѣчахъ, которыя здѣсь произносились, мнѣ навязывается другое... Интеллектуальный прогрессъ—это я одобряю; реформу церковнаго обученія и католическаго культа въ духѣ современности—тоже. Я—сторонникъ Ламбрускини, который былъ великимъ человѣкомъ. Но синьоръ профессоръ Минучи хочетъ, чтобы реформа была, главнымъ образомъ, интеллектуальной, идейной, а это, простите меня...

Тутъ Данэ поднялъ свою бѣлую, женственную руку.

— Простите, падре,—сказалъ онъ,—мой дорогой другъ Маринье видитъ, что споръ возобновляется. Я надѣюсь поэтому, что онъ снова присоединится къ намъ.

Аббатъ слегка поднялъ брови, скептически вздохнулъ и повиновался. Другіе тоже сѣли, очень довольные, что дѣло обошлось. Они не особенно довѣряли Маринье и боялись, что если онъ уйдетъ, разсердившись, могутъ возникнуть непріятности.

Падре Сальвати снова заговорилъ: онъ былъ противъ того, чтобы реформы носили высоко интеллектуальный характеръ,—не столько изъ страха передъ Римомъ, сколько для того, чтобы не оскорблять въ ихъ простой вѣрѣ множество спокойныхъ душъ. Слѣдовало, главнымъ образомъ, заботиться о нравственныхъ цѣляхъ, о томъ, чтобы направить вѣрующихъ къ исполненію евангельскаго закона. Нужно вносить свѣтъ въ сердца,—это важнѣе, чѣмъ дѣйствовать на умы. Важно показать, что въ настоящее время большинство благочестиво только на словахъ, а сердца людей холодны къ вѣрѣ,—показать, какъ извращено пониманіе христіанскаго долга, какъ церковь поощряетъ стремленіе къ богатству, и какъ извращеніе совѣсти въ этомъ смыслѣ все больше и больше распространяется при полномъ соучастіи церкви.

— Наступило время выступить съ проповѣдью монашества,—воскликнулъ старый монахъ.—Духъ монашества исчезъ,—въ современномъ демократическомъ христіанскомъ мірѣ забыли святую нищету св. Франциска. У насъ есть общество изученія францисканскихъ идей, но это—забава для ума. Нужно другое,—мы должны возстановить францисканскую практику, дѣла, а не слова ихъ. Вотъ въ чемъ должна заключаться реформа.

— Но какъ этого достигнуть?—спросилъ Фаре; а Минучи пробормоталъ съ досадой:

— Нѣтъ, это не то!

Сельва почувствовалъ, что послѣ перваго порыва единенія наступаетъ разбродъ стремленій и желаній. Онъ чувствовалъ, что Данэ, Минучи и, вѣроятно, также Фаре, думали, какъ и онъ, положить начало чисто идейному движенію, и что это уклоненіе въ сторону францисканскаго монашескаго идеала совершенно неумѣстно и несвоевременно. Слова Сальвати были тѣмъ болѣе некстати, что они были высказаны съ большой искренностью и жаромъ. Онъ признавалъ, что въ словахъ падре Сальвати было несомнѣнно много правды; онъ самъ много разъ думалъ о томъ, не слѣдуетъ ли поднять движеніе на этической, а не на идейной почвѣ... Но онъ не чувствовалъ въ себѣ призванія къ монашескому апостольству и не видѣлъ такого призванія и въ своихъ друзьяхъ, даже въ самыхъ пламенныхъ—въ Луиджи Минучи, жившемъ отшельникомъ, и въ такомъ аскетѣ, отстраняющемся отъ толпы, какъ онъ самъ, Сельва. Доводы Сальвати могли скорѣе

расхолодить, чѣмъ привлечь къ задуманному союзу. Джіованни почувствовалъ скрытую иронію словъ Сальвати, обращенную противъ Маринье и Данэ, съ ихъ весьма немонашескими вкусами, избалованностью въ ѣдѣ, слабыми нервами, любовью къ собачкамъ и попугаямъ. Чтобы спасти дѣло, нужно было примирить возникающій антагонизмъ.

— Простите меня,—сказалъ онъ,—дорогой падре Сальвати, но я долженъ сказать, что ваша рѣчь, пламенѣющая христіанскимъ духомъ, все-таки несвоевременна. Мнѣ кажется, что вы сходитесь съ нами въ желаніи католической реформы. Сегодня у насъ одна только цѣль—создать связь между всѣми, охваченными однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Остановимся пока на этомъ.

Но Сальвати не сдавался. Онъ не могъ соглашаться на бездѣйственное единеніе, а дѣйствіе, обращенное на идейную сторону, не удовлетворяло его. Женевскій аббатъ воскликнулъ:

— Я такъ и зналъ!

Онъ поднялся, чтобы на этотъ разъ дѣйствительно уйти. Сельва не допустилъ этого, и предложилъ закрыть засѣданіе, думая созвать опять, на слѣдующій день или позже, профессора Данэ, Минучи, ди-Лейни, Фаре. Съ Сальвати, все равно, нельзя было ничего подѣлать, и лучше было бы, чтобъ Маринье уѣхалъ, думая, что все разстроилось. Минучи понялъ его мысль и промолчалъ, а легкомысленный донъ Паоло ничего не понялъ, и настаивалъ на необходимости тотчасъ же все рѣшить и вотировать. Сельва и — изъ любезности къ Сельвѣ — ди-Лейни просили его подождать. Онъ весь дрожалъ—главнымъ образомъ, отъ возмущенія противъ швейцарца. Данэ и донъ Клементій были тоже недовольны, но каждый по разнымъ причинамъ. Данэ былъ раздраженъ противъ Маринье и очень жалѣлъ, что привелъ его съ собой. Донъ Клементій, собственно, хотѣлъ бы сказать, что слова падре Сальвати были истинно прекрасны и святы и вовсе не несвоевременны, потому что каждый долженъ работать согласно своему призванію,—люди идейные должны идти своимъ путемъ, францисканцы—своимъ. Провозглашающій истину долженъ также возбуждать активность въ призываемыхъ къ истинной вѣрѣ; эти разныя призванія могутъ отлично уживаться вмѣстѣ въ союзѣ. Все это онъ хотѣлъ сказать, но не смогъ сразу формулировать, пропустилъ надлежащій моментъ, тоже изъ смущенія, изъ боязни, что онъ не скажетъ какъ слѣдуетъ, а также изъ любезности къ Сельвѣ, который, очевидно, хотѣлъ оборвать засѣданіе. И засѣданіе было прервано, всѣ поднялись, вышли на террасу; остались только Данэ и Джіованни.

Аббатъ Маринье намѣревался отправиться на слѣдующій день въ монастырь св. Схоластики и къ Священному Гроту, а потомъ, быть можетъ, вернуться въ Римъ черезъ Олевано и Палестрину — новой для него дорогой. Кого бы ему разспросить про эту дорогу? Оказалось, что ее зналъ донъ Клементій, который по ней пришелъ изъ Субіака. Дорога вела чрезъ рѣку по мосту св. Маврикія, затѣмъ налѣво, по направленію къ горамъ въ глубинѣ.

Воздухъ былъ ароматный, небо покрыто тучами; просвѣтъ былъ только въ одномъ мѣстѣ надъ горой, гдѣ блестѣли двѣ звѣздочки. Минучи показалъ ихъ ди-Лейни.

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—какъ блестятъ эти звѣздочки. Данте сказалъ бы, что это души св. Схоластики и св. Бенедикта, которыя сверкаютъ, завидѣвъ родственную душу.

— Вы говорите о святыхъ? — спросилъ Маринье, подходя къ нимъ. — Я васъ сегодня спросилъ, есть ли у васъ святой, и пожелалъ вамъ обрѣсти его. Но я отлично знаю, что святого нѣтъ. А если бы даже святой выискался,—его тотчасъ же призвали бы къ отвѣту, или же послали бы въ Китай.

— Что̀ изъ того, что его призвали бы къ отвѣту? — спросилъ ди-Лейни.

— Его призвали бы къ отвѣту сегодня, а завтра посадили бы въ тюрьму.

— Такъ что̀ же?—отвѣтилъ юноша. — И св. Павла сажали въ тюрьму.

— Ну, милый мой, св. Павелъ—другое дѣло.

Аббатъ Маринье хотѣлъ дать понять, что нечего надѣяться на новаго св. Павла, а его собесѣдникъ подумалъ, что не всѣ похожи, однако, на аббата Маринье. Донъ Клементій замѣтилъ, что нельзя же всѣхъ святыхъ отправлять въ Китай. Возможно вѣдь, что будущій святой будетъ міряниномъ.

— Я въ это вѣрю,—воскликнулъ падре Сальвати.

Но восторженный донъ Фаре былъ увѣренъ, что такимъ святымъ окажется папа. Аббатъ разсмѣялся.

— Простая и прекрасная мысль, — сказалъ онъ. — Но я слышу стукъ колесъ; это коляска, которая пріѣхала за мной, Данэ и тѣми, кто захотятъ поѣхать съ нами въ Субіакъ. Пойду попрощаться съ синьоромъ Сельвой.

Онъ нагнулся надъ перилами террасы и сорвалъ оливковую вѣтвь, тянувшуюся вверхъ съ террасы нижняго этажа.

— Я преподнесу эту вѣтвь ему, — сказалъ онъ. — И вамъ тоже, господа,—прибавилъ онъ съ улыбкой и ушелъ съ террасы.

Внизу, дѣйствительно, раздался грохотъ коляски; она обогнула домъ и остановилась у входной рѣшотки. Черезъ нѣсколько минутъ на террасу вышли Марія Сельва и Данэ въ пальто и большой шляпѣ. За ними слѣдовали Джіованни и аббатъ.

— Кто ѣдетъ съ нами?—спросилъ Данэ.

Никто не отвѣтилъ. Въ это время внизу раздались голоса и шаги, по направленію отъ рѣшотки къ дому. Минучи, стоявшій въ углу террасы, посмотрѣлъ внизъ и сказалъ:

— Сюда идутъ двѣ дамы.

Марія вздрогнула.—Двѣ дамы?—спросила она. Нагнувшись надъ перилами, она увидѣла двѣ фигуры въ бѣломъ, которыя медленно поднимались вверхъ, къ дому. Издали невозможно было различить, кто онѣ,—тѣмъ болѣе, что уже становилось темно. Джіованни замѣтилъ, что, вѣроятно, это кто-нибудь къ жильцамъ перваго этажа. Профессоръ Данэ улыбнулся.

— А можетъ быть, это гости къ жильцамъ второго этажа,—сказалъ онъ.

Марія воскликнула:

— Развѣ вы что-нибудь знаете?—и крикнула внизъ:—Ноэми, это вы?

Ясный голосъ Ноэми отвѣтилъ:

— Да, это мы.

Другой женскій голосъ остановилъ ее громкимъ упрекомъ:

— Какой ребенокъ! Вѣдь ты обѣщала молчать.

Марія вскрикнула отъ радости и быстро побѣжала внизъ по витой лѣстницѣ.

— Вы знали объ ихъ пріѣздѣ, профессоръ Данэ?—спросилъ Сельва. Данэ отвѣтилъ, что зналъ; онъ въ Римѣ видѣлъ синьору Десаль, съ которой былъ знакомъ, еще когда она жила въ своей роскошной венеціанской виллѣ, украшенной фресками Тіеполо. Братъ ея, синьоръ Карлино Десаль, остался во Флоренціи. Она и синьорина д'Арксель хотѣли сдѣлать сюрпризъ своимъ пріѣздомъ и просили Данэ не говорить о встрѣчѣ съ ними. Имя Жанны Десаль сразу напомнило Сельвѣ то, о чемъ онъ въ первую минуту забылъ. Онъ вспомнилъ о присутствіи дона Клементія, о томъ, что, можетъ быть, онъ и есть исчезнувшій возлюбленный Жанны, и что необходимо предупредить встрѣчу, ужасную для обѣихъ сторонъ. О разговорѣ между его женой и дономъ Клементіемъ онъ еще, конечно, не зналъ. Тѣмъ временемъ Марія быстро побѣжала по дорожкѣ, и внизу раздались радостныя восклицанія и поцѣлуи. Данэ, боясь слишкомъ долго стоять на террасѣ, чтобы не простудиться, предложилъ

спуститься внизъ... Дамы, навѣрное, воспользовались коляской, которая пріѣхала за нимъ, такъ что какъ-разъ пора ѣхать. Донъ Клементій имѣлъ тоже очень обезпокоенный видъ. Сельва, скрывая собственное волненіе, поспѣшно взялъ его подъ-руку.

— Если вы не хотите промѣшкаться изъ-за дамъ,—сказалъ онъ,—то пойдемте со мной; я васъ проведу верхней дорогой.

Донъ Клементій, видимо, обрадовался его предложенію и быстро ушелъ, даже не попрощавшись съ другими.

— Теперь поздно,—сказалъ онъ.—Я сказалъ аббату, прося позволенія уйти, что вернусь къ половинѣ десятаго.

Они быстро спустились по витой лѣстницѣ; но когда они вышли на площадку передъ домомъ, усаженную акаціями, Жанна Десаль вступала на нее вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми.

Подъ акаціями не было совсѣмъ темно, такъ что Марія узнала мужа и дона Клементія въ двухъ темныхъ фигурахъ, выходившихъ изъ дома. Она шла впереди своей сестры, рядомъ съ Жанной, и быстро повернула налѣво, увлекая за собой Жанну къ маленькому флигелю ихъ дома; такимъ образомъ, онѣ повернулись спиной къ выходившимъ изъ дома. Съ своей стороны, Сельва, видя движеніе своей жены, шепнулъ дону Клементію:

— Сойдемте поскорѣе прямо внизъ.

Но его попытка предотвратить встрѣчу не удалась изъ-за Ноэми. Удивленная тѣмъ, что сестра свернула налѣво, она остановилась и громко спросила:

— Куда вы идете?

А донъ Клементій, вмѣсто того, чтобы пройти мимо и спуститься внизъ, пошелъ за садовникомъ, который ждалъ его въ самомъ темномъ углу площадки, тамъ, гдѣ одна изъ сторонъ дома примыкала къ горѣ. Онъ крикнулъ:—Бенедетто!—и обратился къ Сельвѣ:

— Можетъ быть, вы ему покажете теперь ваше поле?—спросилъ онъ. Джіованни отвѣтилъ:—Въ такой поздній часъ?—а жена его въ это время тихо сказала Ноэми:—Дадимъ имъ пройти, а сами останемся здѣсь у флигеля. Она сказала это очень многозначительно, и Жанна почувствовала, что тутъ скрывается какая-то тайна.

— Зачѣмъ ихъ избѣгать?—спросила она.—Развѣ они такіе ужасные?—Она замедлила шаги. Ноэми поняла намѣреніе сестры и стала слишкомъ ревностно помогать ей; она обняла сестру и Жанну за таліи, увлекая ихъ въ сторону флигеля. Жанна Десаль стала инстинктивно сопротивляться, быстро обернулась, го-

воря:—Что ты дѣлаешь?—и увидѣла Сельву. Онъ шелъ имъ навстрѣчу, раскланиваясь и широко простирая руки, очевидно, для того, чтобы скрыть дона Клементія, который, въ сопровожденіи садовника, прошелъ въ пяти шагахъ отъ Жанны, направляясь къ спуску.

Ноэми, обернувшаяся на привѣтствіе Джіованни, подбѣжала къ нему, чтобъ его поцѣловать. Тѣмъ временемъ Сельва съ радостью замѣтилъ, что дону Клементію удалось избѣжать встрѣчи. Освободившись отъ объятій Ноэми, онъ протянулъ руку Жаннѣ, но она какъ-то растерянно поздоровалась съ нимъ. Въ эту минуту изъ дома вышли Данэ, Маринье, Фаре, ди-Лейни и падре Сальвати. Сельва и его жена пошли имъ навстрѣчу, оставивъ Ноэми и Жанну. Прощаніе длилось довольно долго. Данэ выразилъ желаніе привѣтствовать Жанну, но, не найдя ее и Ноэми тамъ, гдѣ она ихъ оставила, Марія взяла на себя передать ей поклоны. Наконецъ, когда всѣ пятеро спустились внизъ въ сопровожденіи Джіованни, раздался голосъ Ноэми:

— Марія!

Испуганный голосъ сестры встревожилъ Марію. Она побѣжала; Жанна Десаль, сидя на пнѣ въ углу, гдѣ за пять минутъ до того сидѣлъ садовникъ дона Клементія, повторяла слабымъ голосомъ:

— Ничего, ничего. Пойдемъ теперь домой, пойдемъ!

Ноэми, вся дрожа, разсказала, что Жаннѣ вдругъ сдѣлалось дурно, и что она едва дотащила ее до этого пня.

— Идемъ, идемъ! — повторяла Жанна, и сдѣлала усиліе, чтобы подняться; при помощи двухъ сестеръ, она дотащилась до входныхъ дверей и сѣла на лѣстницу, ожидая, пока ей принесутъ стаканъ воды. Выпивъ воду, она оправилась и медленно поднялась по лѣстницѣ, останавливаясь на каждой ступенькѣ и стараясь улыбаться, чтобъ успокоить другихъ. Но служанка, которая шла впереди со свѣчой, повернувшись лицомъ къ Жаннѣ, сама вся дрожала при видѣ ея провалившихся глазъ, бѣлыхъ губъ и смертельно блѣднаго лица. Жанну провели на диванъ въ гостиную, и тамъ, просидѣвъ съ минуту съ закрытыми глазами, она нѣсколько пришла въ себя и сказала Маріи, что все это—слѣдствіе малокровія, и что она привыкла къ такимъ припадкамъ. Ноэми и Марія стали шептаться между собою, и услышавъ, что онѣ сказали: „въ постель“, Жанна съ благодарностью кивнула головой. Марія приготовила для нея и для Ноэми лучшую комнату въ ихъ маленькой квартиркѣ, угловую, противъ кабинета Джіованни съ другой стороны корридора. Въ то время,

какъ Жанна медленно направлялась туда подъ-руку съ Ноэми, вернулся Сельва, который проводилъ гостей до рѣшотки. Жена, услышавъ его шаги на лѣстницѣ, побѣжала ему навстрѣчу и задержала его. Они стали тихонько говорить въ темнотѣ. Такъ, значитъ, это былъ онъ; но какъ она его узнала? Джіованни сказалъ, что онъ въ опасную минуту старался стать между Жанной и дономъ Клементіемъ, что послѣдній прошелъ почти бѣгомъ, но онъ сейчасъ же понялъ, что Жанна увидѣла своего бывшаго возлюбленнаго, потому что она остановилась какъ статуя, и почти не отвѣтила на его поклонъ. Падре тоже, услыхавъ на террасѣ, что пріѣхала синьора Десаль, встревожился, потомъ выказалъ явное желаніе избѣгнуть встрѣчи съ ней, но все-таки въ рѣшительную минуту обнаружилъ огромное самообладаніе. Удивительно онъ выдержанный человѣкъ. Того же мнѣнія была и Марія, которая передала свой разговоръ съ нимъ передъ его уходомъ. Сельва и его жена медленно поднялись по лѣстницѣ, взволнованные горемъ несчастной женщины и ужасомъ внезапной встрѣчи для обѣихъ сторонъ.

— Помолимся о то́мъ, чтобы она свою любовь и свою муку сумѣла поручить рукѣ Господней,—сказалъ Сельва, и, придя въ свою комнату, они молча молились, подойдя вмѣстѣ къ окну. Дыханіе вѣтра пронеслось какъ плачъ по вѣтвямъ дуба, свѣсившагося надъ маленькой церковью.

— Бѣдная! — прошептала Марія. Ей и ея мужу казалось въ эту минуту, что ихъ любовь другъ къ другу стала еще болѣе нѣжной, чѣмъ всегда, но что-то удерживало ихъ обоихъ въ этотъ вечеръ отъ словъ любви.

Какъ только Ноэми закрыла дверь ихъ комнаты, Жанна бросилась ей на шею и стала безудержно рыдать. Ноэми, понявъ, что патеръ, прошедшій быстро мимо ея подруги, и былъ Майрони, почувствовала глубокую жалость къ Жаннѣ. Она стала нѣжно успокаивать подругу, говоря съ ней, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Жанна не отвѣчала и продолжала рыдать...

— Вѣдь такъ лучше, дорогая,—рѣшилась наконецъ сказать Ноэми.—Лучше знать и не питать больше иллюзій. Лучше, что ты увидѣла его въ этой одеждѣ.

Но Жанна, продолжая рыдать, такъ рѣзко сказала: „нѣтъ, нѣтъ!“, что Ноэми была совершенно смущена и съ меньшей настойчивостью повторяла свои доводы.

— Все-таки, милая, лучше. Когда все безнадежно потеряно...

Жанна поднялась съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

— Неужели ты не понимаешь, что этотъ монахъ—не онъ?—сказала она.

Ноэми, совершенно пораженная, отшатнулась отъ нея.

— Какъ не онъ? Все это волненіе—изъ-за того, что это не онъ?

Жанна опять бросилась къ ней на шею.

— Онъ не тотъ монахъ, который прошелъ впередъ,—сказала она среди рыданій,—а его провожатый.

— Какой провожатый?

— Тотъ человѣкъ, который шелъ слѣдомъ за нимъ, который уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Ноэми даже не замѣтила этого другого человѣка. Жанна обняла ее и стала судорожно смѣяться.

Съ итальян. З. В.

ВИДЫ КООПЕРАЦІИ И ЕЯ ПРЕДѢЛЫ

Очеркъ кооперативнаго движенія въ Великобританіи.

Проявившееся во второй половинѣ минувшаго столѣтія новое кооперативное движеніе рабочихъ представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ экономически-соціальныхъ явленій нашего времени. Движеніе это уже приняло крупные размѣры, распространилось почти на всѣ культурныя государства,—а въ томъ числѣ на Россію,—и общій интересъ къ нему съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Получаемые коопераціею блестящіе результаты вызвали у многихъ ярыхъ ея поборниковъ болѣе чѣмъ оптимистическія надежды на ея будущее. Многіе изъ публицистовъ по кооперативному движенію высказываются въ томъ смыслѣ, что кооперативныя потребительныя общества являются начальною ступенью къ преобразованію всего общественнаго строя, упраздненіемъ пропасти, отдѣляющей бѣдность отъ обезпеченности; что наступитъ день, когда потребительныя кооперативныя общества окажутся достаточно богатыми, чтобы закупить все годовое производство страны, сдѣлаются господами всей торговли и всего промышленнаго производства, и что это поведетъ къ давно желаемой соціалистами націонализаціи самыхъ средствъ производства. Въ отчетахъ разныхъ комитетовъ кооперативныхъ пред-

пріятій встрѣчается мысль, что коопераціи предстоитъ рѣшить весь соціальный вопросъ. Однако, желаемое преобразованіе экономическаго и соціальнаго строя не должно осуществиться какими бы то ни было насильственными мѣрами или распространеніемъ догматовъ соціалистическаго евангелія. Консервативный и практическій умъ англичанъ вообще не сочувствуетъ примѣненію принудительныхъ мѣръ извнѣ или провозглашенію спекулятивныхъ теорій. Онъ любитъ начинать всякое дѣло практически-конкретными случаями. Такъ и новое кооперативное движеніе рабочихъ произошло не по почину какихъ-нибудь законодателей или теоретиковъ, — какъ Марксъ, Лассаль или Толстой,—а имѣло свое начало въ самомъ учрежденіи перваго кооперативнаго потребительнаго общества. Но великобританскіе практики и континентальные теоретики сходятся между собою въ томъ, что они въ своихъ ожиданіяхъ касательно будущности коопераціи доходятъ до утопій, каково обобществленіе земли, путей сообщенія и средствъ производства. Новое кооперативное движеніе еще сравнительно молодо, оно полно юношескаго энтузіазма и преувеличенныхъ надеждъ, и есть основаніе думать, что оно вредитъ своему дальнѣйшему успѣху, высказывая подобныя стремленія. Въ нижеслѣдующемъ опредѣлимъ основные принципы старой и новой формъ кооперацій, распространеніе послѣдней въ Великобританіи и, наконецъ, установимъ вѣроятные практическіе ея предѣлы.

Для опредѣленія предѣловъ коопераціи необходимо сначала остановиться на различіяхъ, существующихъ между отдѣльными ея видами. Дѣло въ томъ, что подъ общимъ терминомъ коопераціи подразумѣваются весьма разнящіяся другъ отъ друга начинанія. Безъ яснаго пониманія сущности опредѣленной формы коопераціи, невозможно опредѣлить ея достоинство и границы возможнаго ея дѣйствія. Для этого надо убѣдиться въ томъ, изъ какихъ членовъ состоитъ кооперація: изъ потребителей, производителей или капиталистовъ? чьи интересы она имѣетъ въ виду и для какой цѣли она существуетъ—для удовлетворенія ли потребностей ограниченнаго и впередъ опредѣлимаго круга людей, или для желаемаго завоеванія всей промышленной жизни страны?

Кооперативное начало въ смыслѣ учрежденія, предпринятаго соединенными силами для достиженія извѣстной цѣли—явленіе не новое. Въ древнемъ Римѣ установившіяся въ царствованіе Нумы Помпилія производительныя кооперативныя учрежденія, такъ называемыя collegia opificum, обнимали восемь родовъ ра-

бочаго труда: гончаровъ, плотниковъ, сапожниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кожевниковъ, котельниковъ, красильщиковъ и игроковъ на флейтѣ. Но нигдѣ кооперація издавна не пустила болѣе глубокихъ корней, чѣмъ въ Россіи, гдѣ со временъ старой Руси сохранилась самобытная форма производительныхъ кооперативныхъ артелей, распространенныхъ между ремесленниками и кустарями самыхъ различныхъ отраслей человѣческаго труда. Артель обучаетъ народъ принципамъ солидарности, содѣйствія и общежитія. Вообще говоря, кооперативныя учрежденія разныхъ видовъ существуютъ во многихъ странахъ съ незапамятныхъ временъ, но они нисколько не успѣли уничтожить существующей между богатыми и бѣдными разницы и создать тотъ соціальный рай, о которомъ мечтаютъ увлекшіеся въ своихъ надеждахъ поборники кооператизма.

Во Франціи, приложеніе начала совмѣстнаго труда въ производительныхъ экономическихъ предпріятіяхъ восходитъ къ 30-мъ годамъ XIX-го вѣка и было вызвано инициативою соціологовъ и филантроповъ, какъ, напр., Бюше (Buchez), Фурье (Fourier), Годэнъ (Godin), дѣятельность которыхъ исходила изъ той точки зрѣнія, будто соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ созданіемъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе были бы сами хозяевами, получающими соотвѣтствующую часть прибыли. Нѣкоторыя изъ подобныхъ учрежденій,—особенно идеально задуманныя рабочія колоніи и братскія общежитія Фурье—оказались весьма недолговѣчными, а другія просуществовали до настоящаго времени. Вообще говоря, произведенный во Франціи опытъ съ рабочими союзами (associations ouvrières) не привелъ ни къ какому новому соціальному строю, а только еще разъ доказалъ вѣрность старой истины, что при согласіи и общихъ усиліяхъ производительность отдѣльнаго рабочаго увеличивается. Въ опытахъ съ ассоціаціями во Франціи интересно отмѣтить тотъ фактъ, что мѣры посторонняго споспѣшествованія ассоціаціямъ и выдача правительственныхъ ссудъ, въ цѣляхъ развитія этихъ ассоціацій, оказались одинаково неудачными, и что ассоціаціи, оказавшіяся наиболѣе долговѣчными, все болѣе и болѣе теряли свой прежній характеръ полнаго равенства членовъ, дѣлежомъ между ними прибыли неравными частями. Такъ, напр., участники затѣянной въ 40-хъ годахъ фурьеристомъ Годэномъ фабрики для изготовленія приборовъ для отопленія въ Гизѣ подраздѣляются на три категоріи: членовъ, завѣдующихъ дѣлами предпріятія (associés) и получающихъ наибольшій размѣръ прибыли; членовъ общинниковъ (sociétaires), съ меньшимъ размѣромъ прибыли,—и пособни-

ковъ (auxiliaires), послѣ года службы пользующихся самымъ меньшимъ размѣромъ прибыли. Подобное неравное распредѣленіе прибыли, въ сущности, весьма мало отлично отъ принципіальнаго различія, существующаго между прибылью работодателя и платою рабочаго, и во всякомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ рѣшенія рабочаго вопроса въ смыслѣ уничтоженія борьбы между капиталомъ и трудомъ, уничтоженія разницы между работодателемъ и рабочимъ и водворенія полнаго равенства между людьми.

Попытки англійскихъ филантроповъ учредить кооперацію на коммунистическихъ началахъ не пользовались бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ подобное же стремленіе во Франціи. Какъ извѣстно, основанныя Робертомъ Овеномъ рабочія колоніи въ Индіанѣ (Сѣверной Америкѣ) и въ Великобританіи окончились банкротствомъ, безпорядками и окончательнымъ распаденіемъ. Въ настоящее время кооперативныя общества Роберта Овена всѣ исчезли. Причина неуспѣха начинанія идеалиста-философа Ланарка кроется въ томъ, что его учрежденія были искусственными продуктами диктатора-законодателя, навязавшаго свои идеальныя мечты о полномъ равенствѣ и общежитіи лицамъ, не дозрѣвшимъ до того, вообще недостижимаго, нравственнаго совершенства, которое необходимо при подобномъ общественномъ строѣ. Неудача съ рабочими колоніями Овена доказываетъ, что самое идеальное устройство жизни общества или государства не можетъ создать ничего практически полезнаго, если у отдѣльныхъ членовъ общества отсутствуетъ способность разумно пользоваться этими благами. Идеалисты обыкновенно забываютъ, что только тотъ умѣетъ пользоваться правомъ полнаго общественнаго равенства, кто сознаетъ свою проистекающую изъ этого равенства отвѣтственность передъ обществомъ. Для осуществленія коммунистической идеи требуется такое возвышенное сознаніе общежитія, которое врядъ ли когда-нибудь станетъ достояніемъ человѣческаго рода. Подъ это правило подходитъ также появившаяся въ новѣйшее время земледѣльческая кооперація англійскихъ „толстовцевъ“-коммунистовъ въ Эссексѣ. Эта форма кооперативнаго коммунизма имѣетъ не болѣе способности къ продолжительному существованію, чѣмъ какую имѣли эфемерныя учрежденія Фурье и Овена. Она является тепличнымъ растеніемъ, неспособнымъ жить на свѣжемъ воздухѣ практической жизни. Производительные союзы рабочихъ для дѣлежа между ними же выручаемой прибыли—„associations ouvrières“ во Франціи и „brotherhood of workers“ въ Великобританіи—не имѣли успѣха потому, что были основаны на чисто этическихъ началахъ, и вслѣдствіе этого не могли сообразоваться съ

практическими условіями индустріальнаго труда, существующими въ настоящее время, т.-е. съ увеличеніемъ прибыли примѣненіемъ большихъ капиталовъ, съ усовершенствованною дисциплиною заводской системы и съ необходимымъ умѣньемъ заручиться рынкомъ для производимыхъ ими продуктовъ въ борьбѣ съ конкурренціею. Безвозвратно прошло то время, когда отдѣльный производитель могъ быть въ одно и то же время собственникомъ орудій и продуктовъ производства; практически неосуществимо возвращеніе къ тому первобытному экономическому состоянію, въ которомъ одинъ и тотъ же рабочій покупалъ сырье и продавалъ продуктъ своего промысла. Весьма характеренъ тотъ фактъ, что истинныя ассоціаціи производителей, въ которыхъ рабочіе владѣютъ капиталомъ и также управляютъ производствомъ, существуютъ лишь въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя успѣли сохранить прежнее устройство и не поддались индустріальной революціи.

Такъ же далеки отъ разрѣшенія соціальнаго вопроса кооперація для совмѣстной закупки сырья или предметовъ первой необходимости по системѣ Шульце-Делича, для совмѣстнаго пользованія машинами, для совмѣстной доставки производимыхъ продуктовъ на опредѣленные рынки, для продажи за общій счетъ зерновыхъ хлѣбовъ и другихъ продуктовъ; или же чисто производительныя кооперативныя общества или кооперативные банки, основанные по образцу Рефейзена; или потребительныя общества вродѣ „Army & Navy Stores“ (магазины служащихъ въ арміи и флотѣ) или „Civil Service Stores“ (магазинъ чиновниковъ), служащія потребностямъ извѣстнаго класса населенія и при этомъ дающія своимъ членамъ годичный дивидендъ соотвѣтственно суммамъ покупокъ, на подобіе дивидендовъ обыкновенной акціонерной компаніи; или, наконецъ, муниципальныя заведенія, вродѣ муниципальныхъ водопроводовъ, телефоновъ, трамваевъ и т. п. предпріятія, именуемыя въ Англіи „муниципальнымъ соціализмомъ“. Всѣ эти предпріятія представляютъ собой лишь соединеніе отдѣльныхъ хозяевъ для совмѣстной покупки или продажи извѣстныхъ продуктовъ, или товарищества, мало различающіяся отъ простыхъ акціонерныхъ компаній, и нисколько не оправдываютъ возлагаемыхъ на будущность коопераціи чрезмѣрныхъ надеждъ.

Итакъ, просмотрѣнные виды коопераціи не заключаютъ въ себѣ новыхъ началъ, могущихъ повести къ болѣе усовершенствованному человѣческому общежитію по слѣдующимъ причинамъ:

1. Коопераціи не были практическими предпріятіями, основанными на прочномъ базисѣ по собственной инниціативѣ соучастниковъ, а представляли собою искусственныя творенія филантроповъ, философовъ, христіанскихъ соціалистовъ и тому подобныхъ идеалистовъ-мыслителей, болѣе или менѣе чуждыхъ дѣйствительныхъ условій человѣческой жизни; реформаторы эти пожелали навязать свои мысли и превратились въ невыносимыхъ диктаторовъ, погубившихъ личную свободу и предпріимчивость.

2. Производительныя коопераціи принялись производить промышленные продукты, не заручившись сначала вѣрными потребителями, коимъ производимые предметы могли бы быть сбыты.

3. Иныя формы коопераціи, имѣя лишь ограниченное поле дѣйствія, не могли принять сколько-нибудь обширныхъ размѣровъ и имѣть значеніе бо́льшаго круга людей.

4. Другія формы кооперація, имѣя явно коммунистическій характеръ, задались цѣлью обнять всю жизнь своихъ членовъ, осуществить полное равенство между ними и упразднить, болѣе или менѣе насильственными мѣрами, естественное неравенство между людьми, не давая должнаго вознагражденія таланту, работоспособности и выдающимся качествамъ отдѣльнаго лица.

Но пророки блестящей, въ соціалистическомъ смыслѣ, будущности коопераціи имѣли при этомъ въ виду не столько старое, сколько новое кооперативное движеніе рабочихъ. Посмотримъ, поэтому, въ чемъ это послѣднее отличается отъ прежнихъ видовъ коопераціи.

1. Новое движеніе произошло по иниціативѣ самихъ заинтересованныхъ рабочихъ и руководимо было не просвѣщенными теоретиками, но самими соучастниками. Оно получило свое начало не сверху человѣческаго общества, распространяясь затѣмъ на болѣе низкіе классы, но было дѣломъ самихъ рабочихъ, причемъ оно не пользовалось ни капиталомъ филантроповъ, ни субсидіею отъ правительства, являясь однимъ изъ самыхъ яркихъ откровеній духа самопомощи и практическаго генія англійскаго народа.

2. Новая кооперація только занялась производствомъ промышленныхъ продуктовъ настолько, насколько она располагала сбытомъ этихъ продуктовъ членамъ потребительныхъ обществъ. Такимъ образомъ, движеніе началось съ практически вѣрнаго конца, т.-е. съ потребленія, а не съ производства.

3. Новые кооператоры избѣгли примѣненія какихъ бы то ни было отвлеченныхъ соціалистическихъ идей, ограничиваясь удо-

влетвореніемъ жизненныхъ своихъ потребностей. Кооперація эта не задалась цѣлью устранить естественное неравенство между людьми или бороться съ капиталомъ.

4. Новая форма кооперація, развившаяся на исключительно хозяйственномъ поприщѣ и примѣняемая ко всѣмъ обыкновеннымъ потребностямъ человѣка, не предавалась какимъ бы то ни было политическимъ, религіознымъ или соціальнымъ стремленіямъ и, вслѣдствіе этого, одинаково распространилась среди всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ политическихъ партій.

Новый видъ кооперація, обыкновенно называемый „рочдэльскою системою", зародился въ Великобританіи въ 1844 году, когда историческіе двадцать-восемь бѣдныхъ ткачей въ Родчэлѣ пришли къ мысли—избавиться отъ посредника, ставшаго между производителемъ и потребителемъ и наживавшаго большой процентъ на продаваемый имъ потребителю товаръ, такимъ образомъ удорожая цѣну покупаемыхъ товаровъ. Піонеры эти въ кооперативномъ дѣлѣ соединились для созданія первой потребительной кооперація, съ капиталомъ лишь въ 28 фунтовъ, и постановили, чтобы прибыль не распредѣлялась, какъ въ акціонерной компаніи, между пайщиками, или между рабочими и служащими, соразмѣрно ихъ труду, а между покупателями, соотвѣтственно размѣрамъ ихъ покупокъ. Кромѣ этого простого, но чрезвычайно плодотворнаго принципа, новая кооперація рабочихъ организовалась на слѣдующихъ, общихъ всѣмъ кооперативнымъ обществамъ рочдэльскаго типа, главныхъ началахъ:

Каждому лицу мужского или женскаго пола, имѣющему болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, предоставлено право сдѣлаться членомъ кооперативнаго общества, за исключеніемъ, однако, лицъ, признанныхъ нежелательными комитетомъ общества. Общедоступность кооперативныхъ обществъ заручается еще тѣмъ, что отдѣльные его паи, всегда выпускаемые по номинальной цѣнѣ, во всѣхъ случаяхъ—невысокаго достоинства (обыкновенно въ 1 ф. ст. каждый) и могутъ быть пріобрѣтаемы малыми еженедѣльными или ежемѣсячными взносами, или даже автоматическимъ наращеніемъ суммъ, причитающихся члену въ видѣ падающей на его долю части прибыли общества. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ платятъ лишь ничтожную сумму (одинъ шиллингъ) наличными деньгами при вступленіи въ члены общества. Пока паи не уплачены сполна, вся причитающаяся члену прибыль, т.-е. дивидендъ и извѣстный процентъ съ суммы его покупокъ, идетъ на погашеніе его долга. Во многихъ обществахъ члены обыкновенно не вынимаютъ причитающейся имъ прибыли,

и ихъ активъ въ кассѣ такимъ образомъ наростаетъ до предѣла паёваго капитала, разрѣшаемаго каждому члену (обыкновенно 50 паевъ). По достиженіи этого предѣла, дальнѣйшій приростъ капитала отдѣльнаго пайщика превращается въ заемъ, производимый у него обществомъ. Благодаря такому устройству, члены коопераціи накопляютъ капиталы безъ всякихъ взносовъ и незамѣтно для себя. Всякій, кто знаетъ, какъ трудно водворить у рабочихъ предусмотрительный обычай постепеннаго сбереженія извѣстной суммы денегъ на случай безработицы, болѣзни или другихъ несчастныхъ случаевъ, уничтожающихъ работоспособность труженика,—пойметъ, какую пользу приносятъ кооперативныя общества въ этой ихъ роли автоматическихъ сберегательныхъ кассъ. Для дальнѣйшаго поощренія сбереженія, въ 1874 году былъ учрежденъ кооперативный „пенсовый банкъ", принимающій еженедѣльно вклады отъ одного пенса до пяти шиллинговъ и выплачивающій вкладчикамъ 4% годовыхъ.

Кооперативныя общества рабочихъ допускаютъ въ своей средѣ капиталистовъ и даже открыто признаютъ благотворное вліяніе капитала на развитіе торговли и промышленности, но они при этомъ сохраняютъ свой демократическій характеръ тѣмъ, что каждый членъ имѣетъ одинъ голосъ, независимо отъ числа принадлежащихъ ему паевъ, и что при голосованіи не допускается замѣстительства. Въ случаѣ же, если часть паёваго капитала одного кооперативнаго общества принадлежитъ другому, то этому послѣднему обыкновенно предоставляется число голосовъ, пропорціональное принадлежащему ему капиталу. Большая часть паёваго капитала можетъ быть возвращена членамъ въ непродолжительномъ времени по ихъ требованію. Извѣстное число обществъ, однако, обязываетъ своихъ членовъ держать, по крайней мѣрѣ, одинъ переводный пай, реализируемый только посредствомъ продажи. Выплачиваемая членамъ общества прибыль опредѣляется большею частію 5-ю годовыми процентами съ паёваго капитала. Остальная часть прибыли распредѣляется, въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣляемыхъ пропорціяхъ, между покупщиками общества, или между покупщиками и рабочими, или же между покупщиками, рабочими и пайщиками; но ни въ какомъ случаѣ вся прибыль не раздѣляется между одними пайщиками, какъ это дѣлается въ акціонерныхъ обществахъ. Демократическій характеръ кооперативныхъ обществъ выражается еще въ гласности всѣхъ счетовъ, издаваемыхъ со всѣми нужными подробностями, для полнаго надзора надъ дѣлами и экономическимъ положеніемъ общества.

Одинъ изъ основныхъ принциповъ кооперацій состоитъ въ платежѣ наличными деньгами. Лишь немногія кооперативныя общества отступаютъ отъ этого правила, предоставляя своимъ членамъ кредитъ на одинъ мѣсяцъ, подъ предлогомъ демократическаго принципа. Въ крайнихъ случаяхъ, когда потребитель нуждается въ кредитѣ, ему выдается ссуда, подъ ручательствомъ двухъ товарищей, отвѣтственныхъ за надежность и добросовѣстность должника. Выдаваемая ссуда затѣмъ удерживается изъ доходовъ, слѣдуемыхъ должнику изъ общей прибыли кооперативнаго общества. Такими ссудами избѣгается нарушеніе принципа продажи за наличныя деньги.

Кооперацій управляются комитетами, состоящими изъ 10—15 членовъ, выбранныхъ пайщиками въ общемъ собраніи и находящихся подъ постояннымъ надзоромъ ежемѣсячныхъ общихъ собраній членовъ общества. Почти во всѣхъ обществахъ члены комитета не получаютъ никакого жалованья и секретари общества также не пользуются таковымъ, тогда какъ бухгалтерія и собственно ручной трудъ совершаются приказчиками и рабочими, нанятыми на общихъ началахъ. Въ подобномъ устройствѣ выражается англійскій принципъ самоуправленія (selfgovernment), по которому выбранные обществами руководители не пользуются никакимъ денежнымъ вознагражденіемъ, но довольствуются одною честью.

Кооперативныя общества въ Великобританіи занимаются лишь экономическими дѣлами, оставляя въ сторонѣ интересы политическіе, соціалистическіе или религіозные; тогда какъ въ другихъ странахъ, напр. въ Бельгіи и во Франціи, встрѣчаются кооперацій „католическія", „соціалистическія" и т. д., отдѣляющія свои доходы для религіозной или соціалистической пропаганды, въ Великобританіи кооперація является совершенно нейтральной почвой, гдѣ люди объединены лишь общимъ экономическимъ интересомъ. На послѣднемъ годовомъ кооперативномъ конгрессѣ, собравшемся 23-го мая 1904 года въ Лондонѣ, предсѣдатель, мистеръ Гринингъ, охарактеризовалъ это стремленіе кооперацій въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ: „Мы говоримъ всякому—вступите къ намъ. Мы найдемъ для васъ общую почву, на которой вы можете соединиться, чтобы взаимопомощью поднять человѣчество. Здѣсь не затронутъ вашихъ религіозныхъ чувствъ, вашихъ политическихъ убѣжденій, національныхъ особенностей, партійныхъ интересовъ или сословныхъ идей. Здѣсь почва, посвященная благу всѣхъ безъ исключенія. Мы хотимъ быть соединительнымъ и примирительнымъ средствомъ всѣхъ человѣческихъ начинаній".

Во избѣжаніе конкурренціи между потребительными обществами при покупкѣ товаровъ и въ видахъ самозащиты противъ бойкота кооперативныхъ обществъ оптовыми торговцами, отказывающимися отпускать имъ товары, и для дальнѣйшаго развитія кооперативнаго движенія, были основаны оптовыя кооперативныя общества (Wholesale Cooperative Societies),—одно въ Англіи, въ 1864 году, и одно въ Шотландіи, въ 1869 году,—съ тѣмъ же принципомъ, существующимъ у мелочныхъ кооперативныхъ обществъ: прибыль распредѣляется между покупателями соразмѣрно суммамъ ихъ покупокъ, но съ тою разницею, что пайщиками оптовыхъ обществъ могутъ быть лишь общества, а не отдѣльныя лица. Извѣстно, что покупка товаровъ обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ въ бóльшихъ размѣрахъ она производится. Оптовыя общества представляютъ собою громадныя организаціи, покупающія отъ производителей продукты въ самыхъ большихъ количествахъ для отпуска розничнымъ кооперативнымъ обществамъ. Для дальнѣйшаго укороченія перехода продуктовъ отъ производителей къ потребителямъ, оптовыя общества учредили свои заводы и разнаго рода производительныя заведенія. Исполняя заказы потребительныхъ обществъ, они стали производительными обществами, и, такимъ образомъ, получилось упраздненіе всякаго рода перехода продуктовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія: въ одно и то же время кооперація производитъ продукты и потребляетъ ихъ; избѣгается расходъ на продажу, рекламу, конкурренцію и т. д.; купецъ-посредникъ вовсе не вмѣшивается въ дѣло; передъ нами вполнѣ самодовольствующееся промышленно-хозяйственное учрежденіе. Вся прибыль, становящаяся обыкновенно достояніемъ длиннаго ряда посредниковъ, сберегается въ пользу кассы коопераціи. Потребительная кооперація породила производительную. Почти все производство на кооперативныхъ началахъ въ Великобританіи прямо зависитъ отъ потребительной коопераціи и процвѣтаетъ лишь благодаря обезпеченности сбыта производимыхъ продуктовъ потребительнымъ обществамъ [1]). Такимъ образомъ, новая форма производительной коопераціи является:

1) въ видѣ составныхъ частей потребительныхъ розничныхъ или оптовыхъ кооперативныхъ обществъ; или

2) въ видѣ мукомольныхъ обществъ, производящихъ муку для потребленія самими членами коопераціи; или же—

[1]) Бывали случаи, что оптовыя потребительныя общества исполняли заказы и для постороннихъ, не принадлежащихъ къ коопераціи обществъ,—напр., для муниципалитетовъ городовъ,—но эти случаи не мѣняютъ первоначальнаго ихъ характера поставщиковъ розничныхъ кооперативныхъ обществъ.

3) въ видѣ потребительно-производительныхъ обществъ на смѣшанныхъ началахъ (Co-partnership Cooperation).

Эти послѣднія общества на смѣшанныхъ началахъ представляютъ собой одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ новаго кооперативнаго движенія рабочихъ въ Великобританіи. Ихъ доходъ распредѣляется между: 1) рабочими—пропорціонально заработку каждаго изъ нихъ; 2) заказчиками—пропорціонально суммѣ покупокъ каждаго; при чемъ заказчики большею частью тѣ же рабочіе; и 3) пайщиками—пропорціонально числу имѣющихся у нихъ паевъ; причемъ, однако, во избѣжаніе возможнаго завладѣнія кооперацiею крупнымъ капиталистомъ, одному лицу не разрѣшается владѣть болѣе чѣмъ 25-ю паями. Кромѣ того, извѣстная доля прибыли идетъ на благотворительныя и образовательныя цѣли и на пополненіе резервнаго фонда. Но и въ этой формѣ кооперацiи, существующей главнымъ образомъ для производителей товаровъ, заручаются сперва вѣрнымъ сбытомъ, напр., столькихъ-то паръ сапогъ, столькихъ-то бушелей картофеля, столькихъ-то штукъ яицъ, и т. д., и затѣмъ только переходятъ къ производству этихъ продуктовъ.

Для распространенія производства на подобныхъ началахъ, съ участіемъ производителей въ прибыли, была учреждена особая ассоціація труда (Labour Association), въ которую включены отдѣльныя лица и 63 [1]) кооперативныхъ производительныхъ общества. Для пропаганды идеи кооперацiи существуетъ „кооперативная юнія“ (Cooperative Union), организація, состоящая изъ 1008 кооперацій [1]), представляющихъ до 1.620.185 членовъ. Кооперативная юнія, въ противоположность кооперативнымъ потребительнымъ обществамъ, представляющимъ собой практическое осуществленіе кооперативнаго начала, занимается выработкою теоретическихъ началъ движенія и выясненіемъ его руководящихъ принциповъ. Учрежденный въ 1895 году „международный кооперативный союзъ“ задается цѣлью соединить кооператоровъ всѣхъ странъ, для международнаго обсужденія и развитія принциповъ кооперацiи. Имѣется особая, состоящая изъ 58 производительныхъ обществъ федерація, производства на кооперативныхъ началахъ, для взаимнаго поддержанія. Есть еще разныя другія ассоціаціи, какъ, напр., кооперативная гильдія для женщинъ (Women's Cooperative Guild), для изученія улучшенныхъ условій домашней жизни и соціальныхъ реформъ разнаго рода, общество для организацiи земледѣлія въ Ирландiи

[1]) Цифра относится къ концу 1900-го года.

(Irish Agricultural Organisation Society) и т. д. Всѣ эти органы для сплоченія отдѣльныхъ группъ, усовершенствованія внутренней ихъ организаціи и распространенія кооперативной идеи, свидѣтельствуютъ о жизнеспособности кооперативнаго организма и указываютъ на его дальнѣйшее развитіе.

Общій ростъ новаго кооперативнаго движенія въ Великобританіи съ начала его появленія по настоящее время былъ постоянный и поразительно быстрый. Онъ касался и числа членовъ коопераціи, и капитала въ паяхъ и займахъ, и выручки и чистой прибыли.

Статистика кооперацій показываетъ, какихъ огромныхъ размѣровъ въ сравнительно короткое время достигло коопераціонное движеніе рабочихъ въ Великобританіи. Общая выручка въ 89.216.223 фунт. стерл., достигнутая коопераціонными обществами за 1903 годъ, превышаетъ общій итогъ вывозной торговли Великобританіи въ 1844 году, когда новое кооперативное движеніе рабочихъ началось. Этотъ колоссальный оборотъ товаровъ совершается 2.116.127 кооператорами, мужчинами и женщинами, имѣющими всѣ голосъ въ управленіи дѣломъ. Если принять во вниманіе, что почти каждый членъ является представителемъ семейства, то, считая среднимъ числомъ по 4 человѣка на семью, приходится заключить, что въ настоящее время свыше 8 милліоновъ лицъ причастно коопераціонному движенію рабочихъ въ Великобританіи, т.-е., приблизительно, одна пятая общаго народонаселенія Соединеннаго Королевства и Ирландіи. Если сложить капиталъ въ паяхъ, займы, принадлежащіе почти исключительно членамъ, и резервный фондъ, то получается огромная сумма, въ 37.158.239 фунт. стерл., представляющая капиталъ, принадлежащій кооператорамъ. Общая сумма вырученной годовой чистой прибыли въ 9.873.385 фунт. стерл. составляетъ не менѣе 36½ процентовъ съ паёваго капитала. Этотъ замѣчательный экономическій результатъ не является исключеніемъ. Напримѣръ, въ 1863 году паёвый капиталъ кооперативныхъ обществъ равнялся 573.583 фунт. стерл., и чистая прибыль въ томъ же году дошла до 213.623 фунт. стерл., т.-е. до слишкомъ 37 процентовъ. Средняя чистая прибыль, получаемая коопераціонными обществами съ ихъ паёваго капитала въ послѣднія сорокъ лѣтъ, равнялась, приблизительно, 31 проценту. Если принять во вниманіе, что средняя чистая прибыль съ торговли и промышленности въ Великобританіи, по всей вѣроятности, не превышаетъ 10 процентовъ, то усматривается,

что кооперація утроиваетъ обыкновенную производительность капитала [1]).

Новая кооперація рабочихъ пользуется расположеніемъ государственныхъ властей, выразившимся въ Великобританіи, между прочимъ, въ ея освобожденіи отъ подоходнаго налога. Государственная власть не заинтересована въ томъ, чтобы защищать коммерсантовъ отъ дѣятельности кооператоровъ, желающихъ сами совершать всѣ купеческія операціи для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Съ другой стороны, капиталисты не имѣютъ никакой причины бояться кооперацін рочдэльскаго типа, въ виду того, что она, устройствомъ систематическихъ денежныхъ сбереженій и капитализаціею членскихъ взносовъ, является союзомъ мелкихъ капиталистовъ или, другими словами, представляетъ собой то самое начало, на которомъ зиждутся скопленіе и экономическая функція капитала. Дѣйствительно, кооперація рочдэльскаго типа есть не что иное, какъ удачная попытка рабочихъ сдѣлаться самимъ капиталистами. Они этого достигаютъ упорнымъ трудомъ, бережливостью, умѣренностью, нравственною жизнью и мирною ассоціаціею труда.

Новая кооперація имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣятельности: она занялась производствомъ всякаго рода общеупотребляемыхъ съѣстныхъ припасовъ, мебели, одежды, игрушекъ, бездѣлушекъ, однимъ словомъ, почти всего, что составляетъ потребность для человѣка; она сама, безъ участія какихъ бы то ни было посредниковъ, потребляетъ производимые ею продукты; она занимается ассоціаціею труда, общею постройкою и сдачею жилыхъ помѣщеній, взаимнымъ страхованіемъ, взаимнымъ кредитомъ, умственнымъ развитіемъ своихъ членовъ, поднятіемъ ихъ общественной нравственности, взаимнымъ ихъ обученіемъ и просвѣщеніемъ и благотворительностью. Въ Великобританіи за 1903 г. кооперативными обществами израсходовано не менѣе 78.499 ф. стерл. на воспитательныя и 45.649 ф. ст. на благотворительныя цѣли. Она уменьшаетъ стоимость жизни, увеличиваетъ шансы отдѣльнаго лица на успѣваніе въ экономическомъ отношеніи, обучаетъ своихъ членовъ трезвости, бережливости и честности,

---

[1]) Цифры заимствованы изъ изданія кооперативнаго союза „The 36-th Annual Cooperative Congress“, 1904. Въ эту таблицу не вошли необъединенныя съ кооперацiею рабочихъ товарищества, вродѣ „Лондонскаго Потребительнаго Общества для гражданскихъ чиновниковъ, для арміи и флота“. Подобныя общества, члены которыхъ не имѣютъ ни контроля, ни права голоса, имѣютъ мало общаго съ новымъ кооперaціоннымъ движеніемъ рабочихъ.

развиваетъ въ нихъ понятія объ общественной солидарности, товарищеской взаимопомощи, и смягчаетъ тотъ дикій эгоизмъ, который такъ часто отравляетъ человѣческое общежитіе. Она оказываетъ помощь въ случаяхъ болѣзни, безработицы и вообще во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, и, такимъ образомъ, одинаково примѣнима къ главнымъ человѣческимъ потребностямъ, какъ въ экономической, такъ и въ духовной и нравственной областяхъ. Тѣмъ не менѣе, ей врядъ ли удастся забрать въ свои руки всю торговлю или завладѣть всѣми средствами производства. Торговля и промышленность частныхъ лицъ, рисуемыя кооператорами въ видѣ преступнаго эгоизма и некрасиваго стремленія къ личной наживѣ, исполняютъ необходимыя для человѣческаго общежитія функціи и способствуютъ увеличенію благосостоянія страны. Если даже допустить, что во многихъ отрасляхъ промышленности посредникъ можетъ съ пользою быть устраненъ, то, все же, въ другихъ, посредничество торговца и индивидуальное начало незамѣнимы коопераціею. Въ доказательство несостоятельности чрезмѣрныхъ ожиданій увлекшихся кооператоровъ, необходимо опредѣлить предѣлы, которыхъ кооперація, по самому ея существу и устройству, не въ состояніи переступить. Мы поэтому разсмотримъ, въ какихъ именно случаяхъ кооперативное начало непримѣнимо.

1. Первый предѣлъ кооперативнаго движенія усматривается въ томъ, что, при существующихъ условіяхъ культурнаго общежитія, оно не распространимо на состоятельныхъ людей, на совершенно бѣдныхъ и на рабочихъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ занятій. Случайные рабочіе, занимающіеся отхожими промыслами, странствующіе рабочіе, уличные разносчики и тому подобные люди, не имѣютъ интереса быть членами кооперацій. Не случайный—тотъ фактъ, что кооперативная организація лучше всего прививается къ урегулированнымъ законами промышленностямъ, какъ-то: прядильной, ткацкой, горной, машиностроительной и т. п., тогда какъ рабочіе въ собственныхъ квартирахъ, работа которыхъ производится не подъ надзоромъ публичныхъ властей, остаются внѣ кооперативнаго движенія. Въ Великобританіи лишь одна пятая [1]) людей, снискивающихъ свое пропитаніе ручнымъ трудомъ, принадлежитъ къ коопераціи, несмотря на предоставляемыя ею рабочимъ экономическія и другія преимущества. Съ другой стороны, кооперативное движеніе огра-

---

[1]) Цифра, заимствованная изъ „The Cooperative Movement in Great Britain", by Beatrice Potter, London, Swan, Sonnenschein, 1891, page 226.

ничено тѣмъ, что оно развилось почти исключительно въ средѣ рабочихъ, при чемъ кооперативныя операціи простирались лишь на предметы общедоступнаго обихода и на удовлетвореніе присущихъ каждому человѣку постоянныхъ потребностей. Не существуетъ кооперативныхъ заводовъ для разведенія кровныхъ верховыхъ лошадей, ни лавокъ для деликатессъ, ни магазиновъ для моднаго платья, драгоцѣнныхъ камней, брюссельскихъ кружевъ, элегантныхъ экипажей, картинъ старинныхъ мастеровъ, ни пушечныхъ заводовъ, ни верфей для постройки судовъ, хотя подобныя учрежденія приносятъ большую прибыль. Отчего? Кооператоры разумно избѣгали имѣть дѣло съ предметами, подвергнутыми измѣненіямъ моды, или имѣющими лишь условную, временную цѣнность, или употребляемыми лишь извѣстнымъ кругомъ людей, или же принадлежащими къ роскоши. Иногда они отступали отъ этого правила, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что спекуляція и рискъ,—вообще образъ дѣйствія отдѣльнаго предпринимателя-капиталиста, находящагося на постоянныхъ поискахъ за новыми шансами и начинающаго предложеніемъ, чтобы затѣмъ отыскать спросъ на предлагаемый имъ товаръ,—совершенно несовмѣстимы съ основными правилами кооперацiи. Между тѣмъ, извѣстно, что многія отрасли торговли и промышленности, по ихъ существу, немыслимы безъ спекуляціи и обязательно сопряжены съ рискомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствія кооперацiи ограничены извѣстными экономическими рамками.

2. Изъ того факта, что кооперація принципіально стоитъ внѣ всякой торговой спекуляціи, усматриваются еще другіе предѣлы, мѣшающіе распространенію ея на всю торговлю и промышленность страны. Хотя кооперація рабочихъ и производитъ промышленные продукты въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ, но она не можетъ задаться цѣлью производить для открытаго рынка потому, что представляетъ собою такъ сказать, домашнее предпріятіе, существующее благодаря оказываемому ей со стороны кооперативныхъ потребителей покровительству. Вслѣдствіе этого, кооперація рабочихъ фактически не коснулась той части промышленности, на которую главнымъ образомъ опирается благосостояніе Великобританіи — вывоза за границу. А въ случаѣ, если бы она захотѣла вступить на это, остававшееся ей до сихъ поръ неизвѣстнымъ, поприще, — она принуждена была бы считаться съ міровою торговою спекуляціею, заниматься государственно-политическими соображеніями, совершать сдѣлки на кредитъ, однимъ словомъ, отступать отъ тѣхъ принциповъ, которые

до сихъ поръ служили основою и ручательствомъ ея процвѣтанія. Она въ такомъ случаѣ должна была бы превратиться въ учреждение совершенно другое, успѣхъ котораго явился бы весьма сомнительнымъ въ виду того, что процвѣтавшая до сихъ поръ кооперація избѣгала конкурренціи на открытомъ рынкѣ и обставлена особыми, охраняющими ее отъ таковой, гарантіями. Вообще, всѣ торговыя и промышленныя предпріятія, не имѣющія ничего общаго съ потребленіемъ замкнутаго круга людей, стоятъ внѣ предѣловъ коопераціи. Она, напримѣръ, не могла бы играть роли желѣзнодорожной или портовой компаніи, потому что потребленіе желѣзныхъ дорогъ или доковъ не ограничено членами коопераціи, но открыто для общей публики. Если же кооператоры вздумали бы предпринять дѣло, не ограниченное ихъ собственнымъ потребленіемъ, но служащее потребностямъ большой публики, то они, въ случаѣ финансоваго успѣха, подверглись бы искушенію закрыть свои двери новымъ пришельцамъ, чтобы самимъ воспользоваться результатомъ собственнаго труда. Тогда они превратились бы въ членовъ акціонернаго общества. Акціи оптовыхъ кооперативныхъ обществъ, до сихъ поръ не имѣвшія биржевой стоимости, вслѣдствіе выдачи ихъ каждому новому члену по нарицательной цѣнѣ и вслѣдствіе того, что число членовъ кооперативныхъ обществъ не ограничено,—стали бы котироваться на биржѣ, ихъ цѣнность поднялась бы, или же упала бы, въ зависимости отъ разныхъ экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, и все зданіе рочдэльской системы, служащее ограниченной, но тѣмъ болѣе солидной цѣли упраздненія прибыли посредника купца, замѣнимаго работающею для пользы самого потребителя коопераціею, окончательно обрушилось бы, уступая мѣсто непрочному строю обыкновеннаго промышленнаго товарищества.

3. Новая кооперація рабочихъ вообще не способна успѣшно конкуррировать на общихъ торговыхъ началахъ, т.-е. не заручившись заранѣе сбытомъ, по той причинѣ, что принципіально не желаетъ вступать въ борьбу съ конкурренціею. Она считаетъ конкурренцію абсолютнымъ зломъ и предполагаетъ, что ее у себя устранила. И то, и другое—опасный самообманъ, заключающій въ себѣ зародышъ заблужденій и слабости. Достаточно просмотрѣть отчеты годовыхъ кооперативныхъ конгрессовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не прекращаются жалобы на такъ называемое overlapping,—практика, состоящая въ томъ, что отдѣльныя кооперативныя общества,—особенно въ сапожномъ дѣлѣ, въ которомъ имѣется очень много коопераций,—для увеличенія своего сбыта стараются

отбить другъ отъ друга покупателей, прибѣгая къ пріемамъ самой обыкновенной торговой конкурренціи. Кооперативныя потребительныя общества естественно ищутъ запастись товаромъ, гдѣ дешевле и лучше, и иногда пополняютъ свои запасы на открытомъ рынкѣ и не заказами у производительныхъ кооперативныхъ обществъ, такъ что въ дѣйствительности и въ кооперативномъ мірѣ дѣло безъ всякой конкурренціи не обходится. Конкурренція въ экономическомъ отношеніи приноситъ существенную пользу тѣмъ, что заставляетъ производителей какъ можно больше стараться, а съ другой стороны предохраняетъ потребителей отъ чрезмѣрныхъ цѣнъ на покупаемые ими товары: она регулируетъ рыночныя цѣны. Въ естественной борьбѣ за существованіе конкурренція служитъ залогомъ успѣха самыхъ старательныхъ и годныхъ, — по теоріямъ Дарвина и Спенсера: „the selection and survival of the fittest in the struggle for existence“. Отсутствіе конкурренціи можетъ повести къ качественному ухудшенію продаваемыхъ продуктовъ и къ слишкомъ высокимъ ихъ цѣнамъ. Бывали случаи ярыхъ пререканій между кооператорами по поводу подобныхъ проявленій. Правда, что кооператору принципіально не возбраняется запасаться нужными ему продуктами гдѣ ему угодно, но разъ онъ состоитъ членомъ коопераціи, онъ по возможности будетъ избѣгать покупать въ не-кооперативныхъ лавкахъ, въ виду того, что онъ самъ прямо заинтересованъ въ кооперативномъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не усмотрѣть въ избѣжаніи коопераціею благотворнаго и укрѣпляющаго вліянія конкурренціи, замѣняемой ею фактическою монополіею въ снабженіи кооператоровъ нужными имъ товарами,—недостатка и предѣла, мѣшающихъ ей заниматься производствомъ для открытыхъ внутренняго и внѣшняго рынковъ.

4. Завладѣніе коопераціею всею торговлею и промышленностью страны немыслимо и потому, что есть отрасли торговли и промышленности, въ которыхъ не стѣсненная кооперативнымъ надзоромъ личная иниціатива и независимость составляютъ обязательное условіе для успѣха предпріятія. Напр., во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходится быстро сообразоваться съ измѣнившимися условіями рынка, выбирать новые способы производства, слѣдовать новымъ модамъ, создавать новыя отрасли промышленности,—отдѣльное лицо, одаренное талантомъ и предпріимчивостью, имѣетъ большое преимущество надъ кооператорами. Кромѣ того, кооперація неспособна заручиться услугами первоклассныхъ людей, въ виду того, что не можетъ имъ дать достаточнаго вознагражденія за ихъ труды. Руководящія лица, какъ,

напр., Армстронгъ, Карнеги и вообще піонеры новыхъ отраслей промышленности, очевидно, не имѣли бы никакого разсчета стать членами кооперація и обременить свою свободу дѣйствія ея надзоромъ. Кооперація, оказывающая большія услуги для общедоступныхъ начинаній обыкновенныхъ людей, не можетъ быть приманкою для человѣка, могущаго справедливо ожидать бóльшей личной выгоды отъ приложенія своихъ умственныхъ способностей. Сподвижники преобразованія всего общежитія на кооперативныхъ началахъ это сами сознаютъ.

Такъ, напр., Голіокъ восклицаетъ: „ни одинъ магазинъ лондонскаго или рочдэльскаго типа не показываетъ таланта въ искусствѣ продажи. Знаніе, сужденіе и ловкость обыкновеннаго продавца и личное его знакомство со вкусами и потребностями покупателей недостижимы для кооперативнаго магазина" [1]). Со своей стороны, составители руководства для кооператоровъ, Юзъ и Нилъ, упоминаютъ о томъ, что кооперація, намѣревающаяся выйти изъ предѣловъ сравнительно простого фазиса потребленія, должна заручиться услугами успѣшныхъ коммерсантовъ и промышленниковъ, при чемъ, однако, она, взамѣнъ прибыли, которую эти послѣдніе могли бы пріобрѣсти, будучи предпринимателями на собственный счетъ, можетъ предложить имъ въ качествѣ вознагражденія лишь краснорѣчивое убѣжденіе, что они прилагаютъ свои старанія къ усовершенствованію благосостоянія человѣчества. Какъ видно, надежда на успѣхъ кооперація основывается на предположеніи, что найдутся подходящіе люди, признающіе подобныя соображенія верховными для себя и не требующіе вознагражденія, равнаго прибыли, предлагаемой имъ міромъ конкурренціи. Юзъ и Нилъ восклицаютъ: „Подобная надежда,—безосновательна ли она?" [2]) Еще бы: она представляется въ видѣ морально-экономическаго донкихотства, могущаго привести къ заблужденіямъ, подобнымъ испытаннымъ благороднымъ рыцаремъ ламаншскимъ, не сообразовавшимся съ дѣйствительными данными окружавшаго его міра. Трудно предположить, чтобы сознающій свои силы первоклассный промышленникъ или коммерсантъ поддался моральнымъ чарамъ кооперація, когда передъ его глазами развертывается заманчивая картина личнаго успѣха и богатства. Не безъинтересно отмѣтить, что такой авторитетъ по кооперативной части, какъ Голіокъ,

---

[1]) George Jacob Holyoke: „The Cooperative Movement To-day". London, 1896, page 97.

[2]) Thomas Hughes and Edward Neale: „A Manual for Cooperators". Macmillan & Co. London, 1888, page 59.

самъ приходитъ къ слѣдующему, печальному для вздутыхъ надеждъ коопераціи заключенію: „торговцы, располагающіе спеціальными знаніями, и особенно умѣлостью, никогда не будутъ упразднены коопераціею, подобно тому, какъ люди искусства, въ родѣ Квинтина Маци или Бенвевуто Челлини, не упразднимы промышленными машинами“ [1]). При существующемъ индустріальномъ строѣ, при которомъ трудъ отдѣльныхъ рабочихъ направляется съ одной стороны большими капиталами, а съ другой — выдающимися спеціалистами-управителями, успѣхъ промышленныхъ предпріятій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ скораго примѣненія къ производству усовершенствованныхъ машинъ, дальновидныхъ операцій на міровыхъ рынкахъ и страхованія предпріятій свободнымъ капиталомъ противъ непредвидѣнныхъ происшествій внутри страны и за границею. Строй этотъ не благопріятствуетъ всеобщему примѣненію кооперативнаго начала, и онъ же, съ другой стороны, въ виду его экономическаго превосходства, неустранимъ коопераціею.

5. Вообще, новая рабочая кооперація стремится устранить заботу о личной выгодѣ и замѣнить ее исканіемъ общаго блага. Подобный принципъ, хотя и нравственно возвышенъ, къ сожалѣнію фактически не соотвѣтствуетъ условіямъ практической жизни и самой природѣ человѣка, основанной на самозащитѣ и эгоизмѣ. Не отрицая существованія въ душѣ человѣка способности къ соболѣзнованію, человѣколюбію и благотворительности, необходимо признать, что забота о личной выгодѣ всегда играла и будетъ играть первенствующую роль въ человѣческой жизни. Поэтому, упраздненіе этого главнаго мотива человѣческой энергіи можетъ отразиться пагубно на его стараніи, творчествѣ и предпріимчивости. Въ эпоху варварства собственность принадлежала всему обществу. Переходъ къ принципу частной собственности и къ индивидуальному началу привелъ къ напряженію всѣхъ имѣющихся у человѣка силъ, къ развитію его энергіи, къ достиженію болѣе удовлетворительныхъ результатовъ въ производствѣ промышленныхъ продуктовъ, къ улучшенію хозяйственныхъ условій народовъ, къ болѣе правильному эксплоатированію рессурсовъ данной страны, — вообще, къ прогрессу. Общее примѣненіе къ промышленности страны кооперативнаго начала было бы, въ экономическомъ отношеніи, ретроградньмъ движеніемъ. Забота о личной выгодѣ увеличиваетъ производи-

---

[1]) George Jacob Holyoke: „The Cooperative Movement To-day“. London. 1896, page 101.

тельность человѣческаго труда, и индивидуальное начало для талантливаго человѣка всегда будетъ болѣе подходящимъ, чѣмъ кооперативное [1]). Кооператоры на это возражаютъ, что частная промышленность, приносящая наибольшую пользу даровитому меньшинству народонаселенія, не выгодна для большинства съ среднимъ умомъ, для которыхъ полезнѣе всего кооперативное устройство. Но прогрессъ въ культурѣ, улучшеніе условій человѣческой жизни и вообще явленія, рѣшающія участь народовъ, всегда были и будутъ дѣломъ весьма немногихъ руководящихъ мыслителей, изобрѣтателей, реформаторовъ, полководцевъ и государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Человѣчество, какъ цѣлое, неизбѣжно оказалось бы въ проигрышѣ созданіемъ строя, неблагопріятнаго для проявленія великихъ людей.

6. Однако, кооперація не желаетъ полнаго обобществленія всего имущества, и, какъ уже указано было выше, участіе капиталистовъ въ кооперативномъ дѣлѣ ею даже не особенно предусмотрѣно, но, въ такомъ случаѣ, спрашивается, какимъ образомъ обѣщанное кооператорами объединеніе всей торговли и промышленности подъ знаменемъ коопераций могло бы осуществиться? Интересы капиталиста, представляющаго индивидуальное, и кооператора, олицетворяющаго общественное начало, казалось бы, діаметрально противоположны. Общій капиталъ Великобританіи, равняющійся десяти милліардамъ фунтовъ стерлинговъ, врядъ-ли поглощаемъ 37-ю милліонами, коими располагаютъ кооператоры.

Итакъ, при всемъ признаніи большихъ услугъ, оказанныхъ и оказываемыхъ коопераціею, особенно новою коопераціею рабочихъ въ Великобританіи, и еще ожидаемыхъ отъ нея въ будущемъ, мы записываемся въ скептики относительно проповѣдуемаго увлекшимися кооператорами обновленія кооперационнымъ движеніемъ всего строя торговли, промышленности и общественности. Подобныя преувеличенныя надежды, проявившіяся въ особен-

[1]) Интересно отмѣтить, что графъ С. Ю. Витте, въ своей запискѣ по крестьянскому дѣлу (С.-Петербургъ, 1904), также выступаетъ защитникомъ индивидуальнаго начала. По его мнѣнію, сознаніе и увѣренность, что результатомъ работы воспользуется самъ трудившійся или близкія ему по крови и привязанности лица, является основнымъ стимуломъ всякой матеріальной культуры; общественное же устройство, проповѣдуемое соціалистическими ученіями, несовмѣстимо съ гражданскою и экономическою свободою и убило бы всякую хозяйственную самодѣятельность и предпріимчивость. Поступательное движеніе матеріальной культуры основано на личной предпріимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ разсчетѣ.

ности въ новѣйшей литературѣ кооперативнаго движенія, опасны, не только по своей неосуществимости, но и потому, что угрожаютъ прочности самыхъ основъ кооперацiи. Какъ выше указано, успѣхъ новаго кооперативнаго движенія рабочихъ въ Великобританіи является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ:

1) удовлетворенія жизненныхъ потребностей кооператоровъ при одновременномъ ими соблюденіи существующихъ государственнаго и соціальнаго строевъ и воздержанія ихъ отъ какихъ бы то ни было политическихъ, религіозныхъ или соціалистическихъ тенденцій;

2) сплоченія въ общества отдѣльныхъ потребителей, заказывающихъ нужные имъ товары у другихъ потребительныхъ обществъ, существующихъ для исполненія этихъ заказовъ,—или же союза людей, являющихся въ одно и то же время производителями и потребителями извѣстныхъ продуктовъ.

Новое направленіе многихъ руководителей кооперативнаго движенія хочетъ замѣнить эти испытанныя вѣрныя начала другими, болѣе честолюбивыми и претенціозными цѣлями. Помянутые выше, Э. Нилъ, Томасъ Юзъ, Э. Гринингъ, Голіокъ и Вальтеръ, Моррисонъ, лордъ Рейтонъ, Ллойдъ Джонсъ, Сэдлей Тэйлоръ, Джоржъ Томсонъ, Вильямъ Максвель, болѣе не намѣрены довольствоваться старымъ здравымъ принципомъ, по которому въ кооперативныхъ обществахъ прибыль причитается потребителю. Они желаютъ предоставить прибыль самому рабочему, цѣль котораго впредь должна быть производство не для самого себя или для потребительнаго общества, но для открытаго рынка. Вслѣдствіе этого кооперація существенно измѣнилась бы и превратилась бы въ учрежденіе совершенно иного рода. На мѣсто мирнаго круга людей, до сихъ поръ трудившихся для самихъ себя и не желавшихъ стать поперекъ пути другихъ, явилось бы общество, намѣревающееся открыто конкуррировать съ промышленными и торговыми предпріятіями, организованными на индивидуальныхъ началахъ. Прежнее чисто экономическое учрежденіе, основанное рочдэльскими ткачами, приняло бы видъ новаго соціалистическаго опыта, которому предстоитъ разбиться о закаленную въ борьбѣ за существованіе индивидуальную предпріимчивость. Каждый, принимающій къ сердцу участь рабочихъ и удостовѣрившійся въ чрезвычайно благопріятномъ, въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, вліяніи, оказываемомъ кооперацією на рабочихъ,—сожалѣлъ бы о подобномъ поворотѣ начавшагося такъ успѣшно и такъ много обѣщавшаго кооперативнаго движенія. Желаемъ указать на грозящую кооперативному началу опасность

отъ новаго направленія „кооперативной юніи“, согласно которому юнія эта открыто стремится къ тому, чтобы воспользоваться кооперативнымъ движеніемъ для измѣненія всего существующаго промышленнаго и общественнаго строя по примѣру вожделѣній континентальныхъ соціалистовъ.

Рѣшеніе такъ называемаго рабочаго вопроса,—т.-е. удовлетворительная, въ смыслѣ избѣжанія антагонизма между капиталомъ и трудомъ, организація промышленнаго производства,—осуществима кооперацією капитала и труда на примѣняемыхъ уже на практикѣ въ Великобританіи общихъ началахъ, безъ надобности для этого прибѣгать къ желаемому соціалистами общественному перевороту. Выше было упомянуто о новомъ типѣ коопераціи на смѣшанныхъ началахъ (Co-partnership cooperation), по которой прибыль раздѣляется, не только между потребителями и капиталистомъ, но и между рабочими, производившими потребляемые продукты. Участіе рабочихъ въ выручкѣ установлено еще въ другой формѣ мирной коопераціи капитала и труда, по которой существуютъ особыя льготы для рабочихъ, желающихъ сдѣлаться акціонерами предпріятія, въ которомъ они работаютъ, становясь такимъ образомъ сами предпринимателями-хозяевами. По этой, уже заведенной во многихъ большихъ товариществахъ Великобританіи, системѣ, рабочимъ предоставляется право внести свои сбереженія правленію товарищества, для пріобрѣтенія отъ него акцій подъ особенно льготными условіями. Подобный порядокъ заведенъ въ большихъ судостроительныхъ фирмахъ—сэра Кристофера Фурнесса въ Гартлепулѣ, баронета Чарльза Пальмерса въ Джарро-на-Тайнѣ, на пушечномъ заводѣ лорда Армстронга въ Эльвикѣ-на-Тайнѣ и т. д. Эта форма экономическаго сотоварищества между капиталомъ и трудомъ оказалась успѣшною и имѣетъ тѣмъ болѣе благотворное вліяніе, что рабочій, состоящій въ то же время акціонеромъ предпріятія, въ которомъ онъ работаетъ лично заинтересованъ въ его успѣхѣ, и поэтому не станетъ принимать участія въ стачкахъ, подрывающихъ производство заведенія. Созданіе общности интересовъ между капиталистами и рабочими одинаково выгодно для обоихъ. Такъ, напр., газовая компанія въ южной части Лондона, „The South Metropolitan Gas Company“, состоящая подъ просвѣщенною дирекціею сэра Джоржа Ливсея, получила благопріятнѣйшіе результаты отъ примѣнимаго ею согласованія интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. По мѣрѣ того, какъ дивиденды, получаемые отъ акцій этой компаніи, возрастаютъ, цѣна за потребленіе газа уменьшается и рабочая плата соразмѣрно увеличивается. Кромѣ того,

выпускаемыя компаніею новыя акціи, до поступленія на открытый рынокъ, предлагаются сперва ея потребителямъ и рабочимъ. Въ настоящее время акціи потребителей компаніи насчитываютъ 1.000.000 фунт. стерл., рабочіе же и служащіе компаніи владѣютъ акціями въ размѣрѣ 143.603 фунт. стерл. и денежными вкладами въ 60.852 фунт. стерл. Подобное образцовое объединеніе интересовъ капиталистовъ, потребителей и рабочихъ привело къ все большему процвѣтанію компаніи. Рыночная стоимость ея акцій, при номинальной цѣнѣ въ 100 фунт. стерл., дошла нынѣ до 125 и 127 фунт. стерл. Итакъ, практическій опытъ въ Великобританіи доказалъ, что умиротвореніе между интересами капитала и рабочаго труда достижимо приложеніемъ началъ, не имѣющихъ ничего общаго съ соціалистическими стремленіями извѣстной партіи кооператоровъ [1]).

Бар. Гейкингъ.

Ньюкастль-на-Тайнѣ.

---

[1]) The 36-th Annual Co-operative Congress, 1904, Manchester, published by the Co-operative Union, pages 47 and 48.

ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ

Ilde Ideas in 1905. Jerome K. Jerome.

I.

Такъ ли мы интересны, какъ мы то думаемъ?..

— Очень пріятно! Какая нынче жара,—я хочу сказать: какой холодъ! Позвольте, я не совсѣмъ разслышалъ ваше имя... Благодарю! Да, здѣсь немного душно.—И затѣмъ наступаетъ молчаніе, такъ какъ ни одинъ изъ насъ не знаетъ: что̀ сказать?

Вотъ что̀ произошло: хозяинъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ и дружески потрясъ мнѣ руку.

— Очень радъ, что вы пріѣхали,—сказалъ онъ;—тутъ собрались нѣкоторые изъ моихъ друзей, жаждущіе съ вами познакомиться;—онъ потащилъ меня черезъ комнату:—очаровательные люди. Они вамъ понравятся—прочли всѣ ваши книги.

Онъ подвелъ меня къ представительной дамѣ, и она—я это чувствую—ждетъ, чтобы я сказалъ что-нибудь умное, оригинальное и тактичное. А я не знаю: мормонка она или пресвитеріанка; принадлежитъ ли она къ протекціонистамъ или къ фритредерамъ, собирается ли замужъ, или только-что развелась съ мужемъ.

Одинъ изъ моихъ друзей имѣетъ привычку сообщать вамъ краткія біографіи лицъ, съ которыми онъ васъ знакомитъ.

— Я хочу представить вамъ м-ссъ Джонсъ,—шепчетъ онъ:—умная женщина. Написала книгу два года тому назадъ. Забылъ ея названіе. Нѣчто о близнецахъ. Воздержитесь отъ упоминанія о сосискахъ,—отецъ ея торговалъ свининою въ Бороу. Мужъ

играетъ на биржѣ. Не упоминайте также о коксѣ: обанкрутилась какая-то компанія. Лучше держитесь книги. Въ ней много говорится о платонической дружбѣ. Не глядите на нее слишкомъ пристально. У нея маленькое косоглазіе, которое она желаетъ скрыть.—Тѣмъ временемъ мы приблизились къ дамѣ, и онъ рекомендуетъ ей меня въ качествѣ человѣка, умирающаго отъ желанія съ нею познакомиться.

— Желаетъ поговорить о вашей книгѣ,—поясняетъ онъ,—совершенно съ вами расходится по вопросу о платонической дружбѣ. Я увѣренъ, что вы его убѣдите.

Такой пріемъ избавляетъ насъ обоихъ отъ недоразумѣній. Я прямо начинаю съ платонической дружбы, разспрашиваю о близнецахъ, избѣгая сосисокъ и кокса. Она считаетъ меня необычайно интереснымъ человѣкомъ, и я чувствую себя въ менѣе непріятномъ положеніи, чѣмъ это могло быть.

Иногда мнѣ приходило въ голову, что было бы большимъ удобствомъ, еслибы мы являлись въ общество съ карточкою, пришпиленною, скажемъ, позади, и заключающею въ себѣ необходимыя свѣдѣнія: наше имя, четко написанное, и способъ его произношенія, нашъ возрастъ—не настоящій, но оффиціальный. (Однажды я не на шутку оскорбилъ нѣмецкую лэди, задавъ ей вопросъ о франко-германской войнѣ,—она посмотрѣла на меня съ такимъ видомъ, какъ будто она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я принялъ ее за сорокалѣтнюю. Оказалось, что ей тридцать-семь лѣтъ. Не будь я англичаниномъ, мнѣ предстояла бы дуэль). Къ этому слѣдовало бы добавить: наше политическое и религіозное credo и кое-какіе факты изъ нашей жизни—для того, чтобы избѣгнуть того, что̀ въ просторѣчіи называется: ляпнуть. Гости, держащіеся мнѣнія лорда Биконсфильда о томъ, что самый пріятный человѣкъ—это тотъ, кто согласенъ съ вами, сразу могли бы выбрать собесѣдника себѣ по вкусу.

— Простите, пожалуйста! Не обернетесь ли вы ко мнѣ на минуту спиною? А! Послѣдователь Вагнера? Боюсь, что мы не сойдемся. Я предпочитаю итальянскую школу.

Или:—Какъ пріятно! Я вижу, что вы не вѣрите въ оспопрививаніе. Могу я повести васъ къ ужину?—Съ другой стороны, для людей, любящихъ поспорить, возможно было бы выбрать подходящихъ оппонентовъ. Церемоніймейстеръ могъ бы выйти на середину залы и провозгласить:

— Лэди, будучи крайней феминисткой, желаетъ вступить въ споръ съ джентльменомъ, раздѣляющимъ взгляды апостола Павла.

Два года тому назадъ, одна американка написала мнѣ порадовавшее меня письмо: съ такимъ пониманіемъ оцѣнивала она мои произведенія, съ такимъ дружескимъ сочувствіемъ критически разбирала ихъ. Она прибавляла, что во время своего пребыванія въ Англіи прошлымъ лѣтомъ она имѣла случай познакомиться со мною, но въ послѣднюю минуту раздумала: она побоялась, что личностью своею я не оправдаю ея ожиданій. Ради себя самого, я сожалѣю о томъ, что знакомство не состоялось: пріятно было бы встрѣтиться съ такою здравомыслящею женщиной. Авторъ, знакомящійся съ людьми, читавшими или говорящими, что они читали его произведенія, похожъ на человѣка, котораго представляютъ родственникамъ его жены. Они очень милы. Они стараются одобрить его. Но онъ инстинктивно чувствуетъ, что они въ немъ разочарованы. Я помню, что, будучи юношей, присутствовалъ на праздникѣ, дававшемся въ честь знаменитаго американскаго юмориста. Я стоялъ позади дамы, разговаривавшей со своимъ мужемъ.

— Онъ совсѣмъ не кажется забавнымъ,—говорила она.

— Что̀ за вздоръ!—отвѣчалъ мужъ.—Какимъ же ты его представляла? Съ краснымъ носомъ и бородавкою подъ глазомъ?

— Ну, все же онъ могъ бы казаться позабавнѣе,—возразила дама, очень недовольная:—не стоило и пріѣзжать.

Всѣмъ извѣстна исторія хозяйки, просившей юмориста разсказать что-нибудь смѣшное раньше, чѣмъ ея милыя дѣти лягутъ спать. Я самъ однажды пригласилъ къ себѣ въ домъ пріятеля, интереснаго человѣка, и до его пріѣзда я расхваливалъ его остроуміе (что̀ было, быть можетъ, не совсѣмъ умно)—въ присутствіи близкой мнѣ юной особы, которая слушаетъ все, чего не надо, и не слушаетъ того, что̀ нужно. Какъ нарочно, другъ мой былъ не въ юмористическомъ настроеніи. Послѣ обѣда юная особа влѣзла ко мнѣ на колѣни. Минутъ пять она сидѣла молча. Затѣмъ она шепнула:

— Онъ сказалъ что-нибудь смѣшное?

— Тише. Нѣтъ еще. Не глупи.

Пять минутъ спустя:

— А это было смѣшно?

— Нѣтъ, конечно нѣтъ.

— А почему?

— Потому что... Развѣ ты не слышала, что мы говорили о пенсіяхъ?

— Это что̀ такое?

— Это — я объясню потомъ. Словомъ, по такому поводу нельзя сказать ничего смѣшного.

— Такъ зачѣмъ же онъ объ этомъ говоритъ?

Она подождала еще съ четверть часа, затѣмъ, очень разочарованная и къ великому моему облегченію, рѣшила, что ей тоже пора спать. На слѣдующее утро она съ торжествомъ подбѣжала ко мнѣ въ саду.

— Онъ такое смѣшное сказалъ вчера вечеромъ! — воскликнула она: — я только не помню, что̀ именно, — но я даже во снѣ это видѣла.

Для всѣхъ, не принадлежащихъ къ великимъ людямъ, но лишь находящихся съ ними въ родствѣ — представленія должны быть настоящею пыткой. Вы говорите имъ, что цѣлыми годами жаждали съ ними встрѣчи. Вы увѣряете ихъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что это — по истинѣ счастье, и хотите прибавить, что еще будучи мальчикомъ...

Но тутъ собесѣдникъ прерываетъ васъ объясненіемъ, что онъ — не мистеръ такой-то, а лишь его кузенъ или дѣдушка, и единственныя слова, которыя вамъ приходятъ на умъ: „О, какъ жаль!"

У меня былъ племянникъ, любитель велосипедныхъ гонокъ. Онъ и до сихъ поръ у меня есть, только потолстѣлъ и перешелъ къ автомобильному спорту. Въ спортсменскихъ кругахъ, я извѣстенъ подъ именемъ „дяди Шорлэнда". Остриженные подъ гребенку молодые люди восторженно таращатъ на меня глаза и затѣмъ освѣдомляются:

— А вы сами, м-ръ Джеромъ, чѣмъ-нибудь занимаетесь?

Но все же я въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другъ мой докторъ. Онъ женился на выдающейся актрисѣ, и съ тѣхъ поръ его называютъ „мужемъ миссъ Б.".

На публичныхъ обѣдахъ, гдѣ приходится сидѣть рядомъ съ людьми, которыхъ вы никогда не видѣли ранѣе и никогда больше не увидите — разговоры бываютъ затруднительны и опасны. Я помню, какъ на одномъ изъ клубныхъ обѣдовъ дама, съ которою я бесѣдовалъ, обратилась ко мнѣ съ припомнившимся мнѣ впослѣдствіи легкимъ смѣхомъ, прося меня высказать съ полною откровенностью мое мнѣніе о послѣдней книгѣ одной знаменитой писательницы. Я высказалъ свое мнѣніе, и между нами воцарилась холодность. Она оказалась этою самой знаменитой писательницей: въ послѣднюю минуту она помѣнялась съ кѣмъ-то мѣстами для того, чтобы избѣжать сосѣдства съ другою романисткой, которую терпѣть не могла.

Въ подобныхъ случаяхъ приходится вывертываться. На обѣдѣ въ Mansion-House ко мнѣ подошелъ знакомый журналистъ:

— Не помѣняетесь ли вы со мной мѣстами?—спросилъ онъ. —Меня посадили рядомъ съ моею бывшею женой.

Я самъ провелъ однажды тревожный вечеръ. Мнѣ пришлось сопровождать молодую вдову на концертъ въ домъ одной дамы, имѣвшей черезчуръ большой кругъ знакомыхъ. Наверху лѣстницы стоялъ докладывавшій о пріѣздѣ гостей лакей. Моя знакомая сказала первая:

— Доложите: м-ссъ Дэшъ и...

Не ожидая далѣе, слуга, еще молодой и неопытный, провозгласилъ:

— М-ръ и м-ссъ Дэшъ.

— Милая моя, до чего вы были скрытны! — радостно воскликнула хозяйка:—позвольте васъ поздравить.

Эффектъ былъ слишкомъ великъ, а хозяйка—слишкомъ занята для того, чтобы можно было объясниться. Насъ увлекло людскимъ потокомъ, и оба мы провели вечеръ, слабо протестуя противъ взведеннаго на насъ обвиненія. Еслибы это произошло на сценѣ, недоразумѣніе не разъяснилось бы до самаго конца пьесы. Сценическимъ персонажамъ не дозволяется установить ихъ личность. Если комикъ ждетъ слесаря, первый вошедшій въ комнату оказывается слесаремъ. Ему даже не позволяютъ намекнуть на то, что онъ—не слесарь, хотя никто, кромѣ идіота, не можетъ принять его за слесаря. Его запираютъ въ ванной комнатѣ, льютъ на него воду, и не ранѣе конца послѣдняго акта ему разрѣшается намекнуть, что онъ—не кто иной, какъ вновь назначенный помощникъ пастора.

Я смотрѣлъ однажды пьесу, на которой большинство смѣялось. Меня же она огорчала. Къ концу перваго акта появилась почтенная старая лэди. Мы знали, что она — тетка. Никто не можетъ ошибиться въ личности театральной тетки, за исключеніемъ людей на театрѣ. Ее, конечно, приняли за цирковую наѣздницу и посадили ее въ шкафъ. Вѣдь только для этого и существуютъ шкафы на сценѣ. Въ нихъ ничего не помѣщаютъ, за исключеніемъ родственниковъ героя. Когда тетка не сидѣла въ шкафу, ее прятали въ корзину съ вещами, закутывали въ оконный занавѣсъ. А ей стоило только сказать герою:

— Если вы перестанете на десять секундъ кричать и бѣсноваться и дадите мнѣ возможность разъяснить, что я — прибывшая изъ Девоншира тетка, вся эта суматоха сразу прекратится.

И дѣлу былъ бы конецъ. Но все окончилось лишь въ пять

минуть двѣнадцатаго. Ей не пришло въ голову сказать это ранѣе.

Въ дѣйствительной жизни мнѣ извѣстенъ одинъ лишь случай, когда человѣкъ молча и добровольно переносилъ непріятное положеніе, изъ котораго могъ выйти, благодаря одному своему слову; героемъ этого приключенія былъ комикъ Корни Грэйнъ. Его пригласили для увеселенія публики въ загородную усадьбу. Хозяйка дома, недавно разбогатѣвшая, была заражена снобизмомъ. Она сдѣлала распоряженіе, чтобы Грэйна посадили обѣдать со слугами. Буфетчикъ, человѣкъ воспитанный, извинился, но Грэйна не легко было смутить. Онъ сдѣлалъ честь обѣду, а послѣ обѣда всталъ и обратился къ обществу.

— Ну, друзья мои,—сказалъ Корни,— если вы пообѣдали, и это доставитъ вамъ удовольствіе, я охотно покажу вамъ мое искусство.

Слуги зааплодировали. Рояля не было, но и безъ него Корни въ продолженіе получаса сумѣлъ занять свою публику. Около десяти часовъ хозяйка дома прислала за м-ромъ Корни Грэйномъ, прося его въ гостиную. Корни отправился. Общество уже сидѣло въ ожиданіи.

— Мы ждемъ, м-ръ Грэйнъ, — сказала хозяйка.

— Ждете чего?—спросилъ Корни.

— Вашего дивертиссемента.

— Я уже исполнилъ его,—объяснилъ Корни,—а меня пригласили только на одинъ разъ.

— Исполнили? гдѣ? когда?

— Часъ тому назадъ. Въ людской.

— Что̀ за вздоръ!—воскликнула хозяйка.

— И мнѣ оно показалось несовсѣмъ обыкновеннымъ, — отвѣтилъ Корни, — но я всегда обѣдаю въ томъ обществѣ, для увеселенія котораго я приглашенъ. Я и рѣшилъ, что вы устроили этотъ маленькій праздникъ для вашихъ слугъ.

И Корни удалился, спѣша на поѣздъ.

Другой профессіональный увеселитель разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію, хотя онъ самъ является въ ней страдательнымъ лицомъ. Онъ жилъ съ Корни Грэйномъ въ коттеджѣ на берегу рѣки. Рано утромъ къ Корни зашелъ какой-то человѣкъ, и они стали толковать о дѣлѣ. Разсказчикъ, одѣвавшійся въ комнатѣ верхняго этажа, которая находилась надъ гостиной, высунулся изъ окна, чтобы лучше слышать, такъ какъ голосъ посѣтителя показался ему знакомымъ. Но онъ высунулся такъ неосторожно, что не удержался и, вылетѣвъ изъ окна, попалъ

головою прямо въ цвѣточную клумбу, такъ что его голыя ноги— и однѣ только ноги—предстали взору собесѣдниковъ, сидѣвшихъ у открытаго окна.

— Господи Боже!—воскликнулъ обернувшійся въ эту минуту гость, увидѣвшій болтающіяся въ воздухѣ ноги:—это что̀ такое?

Корни, вставивъ монокль, подошелъ къ окну.

— Ахъ, это тотъ — какъ бишь его?.. Удивительно веселый характеръ! Дурачится съ утра.

II.

Нужна ли женщинамъ красота?

Для хорошенькихъ женщинъ наступаютъ тяжелыя времена. До сихъ поръ онѣ играли слишкомъ большую роль. Въ скоромъ времени онѣ уже не будутъ хорошенькими дѣвушками, такъ какъ некрасивыхъ дѣвушекъ совсѣмъ не будетъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я систематически изучаю дамскіе журналы. Некрасивая дѣвушка подвергается извѣстному „методу леченія". Черезъ полтора года она появляется въ обществѣ признанною красавицей. Вотъ что̀ пишетъ одна барышня:

„Еще недавно, смотрясь въ зеркало, я плакала. Теперь я смотрюсь и улыбаюсь".

Къ письму приложены двѣ фотографіи молодой особы. Я самъ бы заплакалъ, посмотрѣвъ на нее въ ея первоначальномъ видѣ. Она была приземистымъ, плоскоголовымъ, широконосымъ, косоглазымъ существомъ. Она не казалась даже доброй. Но однимъ достоинствомъ она обладала: вѣрою. Она повѣрила въ объявленіе и поступила согласно его указаніямъ. Теперь она— стройная, восхитительная молодая особа, и единственное, что̀ ее нѣсколько затрудняетъ—ея волосы; она не знаетъ что̀ съ ними дѣлать, такъ какъ они у нея до колѣнъ. Если мы возьмемъ вышеупомянутую молодую дѣвицу за правило, то окажется, что всякая дѣвушка, отказывающаяся превратиться въ чудо красоты, поступаетъ такъ исключительно изъ упрямства. Каковъ бы ни былъ сырой матеріалъ—это не имѣетъ значенія. Если только всѣ черты находятся въ наличности—результатъ всегда одинъ и тотъ же.

Достигнувъ сознательнаго возраста, дѣвушка сама выбираетъ свой стиль красоты. Желаетъ ли она быть Юноною, Венерою или Еленою? Желаетъ ли она имѣть греческій или вздернутый, подобный лепестку розы, носикъ? Пусть испробуетъ сначала по-

слѣднее. Профессоръ увѣряетъ, что такіе носики входятъ въ моду. Если впослѣдствіи онъ ей не понравится, можно попробовать греческій. Въ теоріи это трудно рѣшить. Предпочитаетъ ли кліентка высокій или низкій лобъ? Нѣкоторыя лэди имѣютъ пристрастіе къ интеллигентной наружности. Это, конечно, дѣло вкуса. Но къ греческому носу скорѣе пойдетъ широкій низкій лобъ. Съ другой стороны, высокій лобъ—оригинальнѣе.

Перейдемъ къ глазамъ. Барышнѣ нравится нѣжно-голубой оттѣнокъ — не очень яркій, одинъ изъ тѣхъ выгодныхъ оттѣнковъ, которые идутъ ко всему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ должна быть глубина и страсть. Профессоръ прекрасно понимаетъ, какой сортъ глазъ желателенъ его кліенткѣ, но это дорого обойдется. Есть болѣе дешевый сортъ,—однако онъ не рѣшится рекомендовать его. Правда, вечеромъ онъ сойдетъ, но при дневномъ свѣтѣ прямо не годится. Въ немъ недостаетъ нѣжности и за эту цѣну нельзя пріобрѣсти загадочно-чарующаго выраженія. Профессоръ совѣтуетъ взять умиленный оттѣнокъ: „О, Джорджъ, - заключи-меня-въ свои-объятія-и-успокой-мою-безумную тревогу!“ Этотъ сортъ обойдется нѣсколько дороже, но онъ до конца постоитъ за себя.

Относительно волосъ — профессоръ совѣтуетъ взглянуть на образцы. Быть можетъ, молодая лэди обладаетъ своевольнымъ характеромъ. Она любитъ съ хохотомъ бѣгать по лѣсамъ въ исключительно дурную погоду, или скакать по полямъ безъ шляпы, съ развѣвающимися по вѣтру кудрями, между тѣмъ какъ старый конюшій тщетно пытается догнать и остановить ее. Если вѣрить моднымъ романамъ, то этимъ путемъ можно получить вполнѣ удовлетворительнаго мужа. Для дѣвушки этого типа необходимы вьющіеся волосы, такіе волосы, которые кажутся еще лучше въ сырую погоду. Бутылочка снадобья, выращивающаго подобные волосы, конечно сравнительно дорого стоитъ. Но слѣдуетъ думать только о результатахъ. „Масломъ каши не испортишь“, говоритъ пословица: Желающая быть своевольной, рѣзвой красавицей—должна обладать нужными для этого амплуа волосами—иначе все рушится. Брови и рѣсницы слѣдуетъ выбирать, по мнѣнію профессора, подъ цвѣтъ волосъ. Онъ не одобряетъ рѣзкихъ контрастовъ; природа должна служить лучшимъ указателемъ. Брови должны быть совершенно прямыми, рѣсницы—длинными и пушистыми, чуть-чуть завивающимися. Профессоръ совѣтуетъ уменьшить скулы. Въ нынѣшнемъ году выдающіяся скулы—не въ модѣ.

Желаетъ ли кліентка имѣть подбородокъ съ ямочкой или

твердую четвероугольную челюсть? Быть можетъ, четвероугольная челюсть и нѣжный, выразительный ротъ — болѣе подходятъ для замужней дамы? Они гармонируютъ съ бэби, чайнымъ приборомъ и сильнымъ, гордымъ мужчиною на заднемъ планѣ.

Для барышни подбородокъ съ ямочкой и ротикъ въ видѣ розоваго бутона—пожалуй безопаснѣе. Нѣкоторые мужчины опасаются твердой четвероугольной челюсти. Покуда что — остановимся на ямочкѣ и бутонѣ.

Цвѣтъ лица! Существуетъ лишь одинъ, достойный вниманія цвѣтъ лица: молочно-бѣлый съ нѣжно-розовымъ румянцемъ. Онъ ко всему идетъ и всегда бываетъ хорошъ. Вы слыхали, конечно, о чудныхъ оливковыхъ тонахъ, матовой блѣдности, но опытность профессора склоняется въ пользу обыкновеннаго бѣлаго съ розовымъ цвѣта лица. Онъ не такъ скоро портится и его легче возобновлять.

Что касается фигуры — профессоръ рекомендуетъ нѣчто стройное и гибкое. Пять футовъ—хорошій ростъ, но относительно этого пункта лучше посовѣтоваться съ портнихою. Для платьевъ съ трэномъ предпочтительнѣе пять футовъ шесть дюймовъ. Но для спортсменки, носящей короткія юбки, подобный ростъ, разумѣется, невозможенъ.

Относительно бюста и таліи также слѣдуетъ прибѣгнуть къ совѣту портнихи. Спѣшить не надо—какая мода предвидится на предстоящіе два-три сезона? Извѣстный стиль требуетъ идущей отъ самой шеи, какъ у голубя, выпуклости. Этого, очевидно, не трудно достигнуть. Но что, если войдутъ въ моду кринолины? Съ таліей—то же самое. При нѣкоторыхъ модахъ она должна начинаться чуть ли не у шеи. Въ другихъ случаяхъ требуется спустить ее пониже. Пусть молодая лэди хорошенько обдумаетъ эти подробности, и затѣмъ уже увѣдомитъ профессора.

Все это очень просто и—по зрѣломъ обсужденіи—совсѣмъ не дорого. Годы, очевидно, не дѣлаютъ разницы. Женщинѣ столько лѣтъ, сколько ей кажется на видъ. Со временемъ не будетъ дамъ старше двадцати-пяти лѣтъ. Морщины? Рѣшительно не могу себѣ объяснить, почему нѣкоторыя дамы упорно не желаютъ разстаться съ ними? Безъ особеннаго старанія каждая принадлежащая къ среднему классу дама можетъ отложить изъ хозяйственныхъ денегъ достаточную для удаленія ихъ сумму. Сѣдые волосы? Конечно, если вы имѣете къ нимъ явное пристрастіе, тутъ нечего спорить. Но для особъ, желающихъ имѣть волнистые темные или золотистые волосы, я могу указать на сто-

сорокъ-семь безвредныхъ средствъ, которыя, будучи втираемы на ночь при помощи (не очень жесткой) зубной щетки, должны привести къ желанному результату.

Если вы черезчуръ толсты или слишкомъ худощавы,—благоволите увѣдомить, съ приложеніемъ марокъ. Только не перемѣшайте флаконовъ. Если вы слишкомъ тонки, вы можете, вслѣдствіе этого, совсѣмъ исчезнуть ранѣе, чѣмъ замѣтите вашу ошибку. Я знавалъ одну толстую лэди, которая трэнировалась полтора года и становилась все толще. Это настолько разочаровало ее, что она бросила леченіе. Безъ сомнѣнія, она выписала по ошибкѣ не тотъ флаконъ, но она не пожелала слушать дальнѣйшихъ совѣтовъ. Она сказала, что все это надоѣло ей.

Въ грядущемъ молодымъ людямъ незачѣмъ будетъ пріискивать невѣстъ. Женихъ нарисуетъ первой встрѣчной дѣвушкѣ свой идеалъ красоты, и если онъ нравится ей, она пойдетъ въ магазинъ и передѣлаетъ себя по его образцу.

Нѣчто подобное, насколько я знаю, существуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ Востока. Желающій увеличить число своихъ женъ джентльменъ извѣщаетъ окрестныхъ жителей о вѣсѣ и объемѣ его любимой жены, намекая этимъ, что если гдѣ-нибудь окажется особа, подходящая подъ эту мѣрку, то для нея найдется мѣсто въ его сералѣ. Отцы обходятъ своихъ дочерей, выбирая подходящій экземпляръ, и затѣмъ принимаются его откармливать. Таковъ грубый восточный обычай. У насъ на Западѣ онъ будетъ примѣненъ въ болѣе деликатной формѣ. Матери заведутъ книжки съ вопросами, приглашая холостяковъ заполнить рубрики: — Какой ростъ вы предпочитаете? Какой объемъ таліи? Любите ли вы блондинокъ или брюнетокъ?

Выборъ будетъ предоставленъ дѣвицамъ.

— Генри Уильямъ такъ очарователенъ, что я не умѣю выразить этого словами, — скажетъ себѣ дѣвушка будущаго. Мягко, робко — она вывѣдаетъ у него его идеалъ женщины. Черезъ полгода или годъ она предстанетъ его взорамъ, идеальная *Она*—вѣрная до мельчайшихъ подробностей его идеалу. Онъ заключитъ ее въ свои объятія.

— Наконецъ!—воскликнетъ онъ—я встрѣтилъ мечту моей жизни!

И если идеалъ его не измѣнится, и чудодѣйственные флаконы не начнутъ терять своей силы, есть поводъ думать, что они будутъ счастливы навѣки.

Но не пойдетъ ли наука еще далѣе? Неужели она удовлетворится тѣмъ, что сдѣлаетъ всѣхъ женщинъ красивыми? Не

сдѣлаетъ ли она одновременно всѣхъ женщинъ добрыми? Не извиняюсь за подобное предположеніе. Я считалъ всѣхъ женщинъ прекрасными и добрыми. Ихъ собственные модные журналы разочаровали меня. Робко, стараясь быть незамѣченнымъ, я поглядывалъ, бывало, то на одну, то на другую даму и думалъ: „Какъ она хороша! Какъ стройна!“ Теперь я только спрашиваю себя: „Въ какомъ парфюмерномъ магазинѣ состоитъ она покупательницей?“

Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, мнѣ говорили, что барышни сдѣланы изъ сахара и пряностей. Теперь я знаю правду. Я читалъ рецепты въ отвѣтахъ корреспондентамъ.

Будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, я, сидя въ темныхъ углахъ, съ замирающимъ сердцемъ прислушивался къ пѣнію романсовъ, въ которыхъ говорилось о небесномъ происхожденіи дѣвичьихъ глазъ и ямочекъ. Горе мнѣ! Лучше бы я никогда не читалъ модныхъ журналовъ! Теперь я знаю матеріалъ, изъ котораго создаются эти обворожительные глаза. Мнѣ извѣстны магазины, въ которыхъ пріобрѣтаются эти ямочки. Я проходилъ мимо и заглядывалъ въ нихъ. Я думалъ, что эти ямочки—слѣды ангельскихъ поцѣлуевъ, но, насколько я могъ видѣть, по близости не было ни одного ангела. Быть можетъ, я такъ же обманываюсь относительно ихъ доброты. Быть можетъ, женщины не такъ совершенны, какъ объ этомъ поется въ народной пѣснѣ. Вотъ почему я и предлагаю, чтобы наука прогрессировала и одарила ихъ духовною красотою въ той же степени, въ какой она намѣревается одарить ихъ тѣлесною прелестью.

Мы еще доживемъ до объявленія въ газетѣ, къ которому будетъ приложенъ портретъ молодой дѣвушки, дующейся въ углу, снабженный подписью: „До принятія лекарства“, а ниже—другой портретъ той же молодой особы, танцующей въ кругу маленькихъ братьевъ и сестеръ и разливающей въ домѣ свѣтъ и тепло: „Послѣ первыхъ трехъ стклянокъ“.

Быть можетъ, изобрѣтутъ микстуру, послѣ чайной ложки которой, принятой на сонъ грядущій, дама, со словами: „Покойной ночи, милыя!“, сразу заснетъ съ улыбкой на устахъ. Возможно, что какой-нибудь изъ будущихъ спеціалистовъ помѣститъ публикацію о массажѣ, уничтожающемъ всѣ слѣды самой застарѣлой ненависти, зависти и злобы.

А когда наука сдѣлаетъ все возможное для женщинъ, она, быть можетъ, обратитъ вниманіе и на мужчинъ. Кажется, она полагаетъ въ настоящее время, что мы слишкомъ прекрасны—физически и нравственно—для того, чтобы нуждаться въ улуч-

шеніи. Но я лично желалъ бы посовѣтоваться съ нею относительно одного-двухъ пунктовъ.

III.

Въ какое время лучше всего веселиться?

Многое я могъ бы измѣнить къ лучшему въ Европѣ и въ другихъ странахъ, будь у меня власть. Я не сталъ бы предлагать существенныхъ перемѣнъ. Люди привыкли жить по-своему, и было бы неумно настаивать на реформахъ во всемъ. Но есть кое-какія мелочи, которыя я могъ бы для нихъ сдѣлать; мнѣ удалось бы исправить кое-какія ихъ ошибки. И если бы они только знали, что среди нихъ живетъ человѣкъ, готовый руководить ими и направлять ихъ — какъ бы они этому порадовались! Но въ мірѣ всегда повторяется та же исторія. Прочтите, напримѣръ, объявленіе:

„Молодая дѣвица, которую находятъ красивой (сама она не увѣрена въ этомъ: она рискуетъ быть пристрастной, и потому ограничивается передачею слуха; ее находятъ красивой, а правда это или нѣтъ—не ей судить), получившая хорошее образованіе, обладающая пріятнымъ характеромъ и денежными средствами, желаетъ познакомиться съ господиномъ, имѣющимъ намѣреніе вступить въ бракъ“.

Тутъ же внизу помѣщена публикація отъ имени господина „двадцати-восьми лѣтъ, высокаго, бѣлокураго, котораго находятъ пріятнымъ“. Изъ этихъ объявленій можно извлечь нравственный урокъ. Я чувствую, что еслибы кто-нибудь внезапно спросилъ меня: „считаете-ли вы себя пріятнымъ человѣкомъ?“ — я съ живостью отвѣтилъ бы:

— Конечно, я пріятный человѣкъ! Чтò за глупые вопросы вы мнѣ задаете!

А если бы онъ вздумалъ настаивать, говоря: „есть люди, которые не считаютъ васъ пріятнымъ человѣкомъ,“ — я просто разсердился бы на него.

— Вотъ какъ? Они этого не находятъ? Такъ передайте имъ отъ меня, что они—не кто иное какъ идіоты. Не находятъ меня пріятнымъ! Покажите-ка мнѣ человѣка, который такъ думаетъ! Я покажу ему, пріятенъ я или нѣтъ!

Женихи, ищущіе невѣстъ, обыкновенно умалчиваютъ о своихъ достоинствахъ, предоставляя открывать ихъ другимъ, и огра-

ничиваются простымъ констатированіемъ факта: человѣка находятъ пріятнымъ. Онъ имѣетъ расположеніе къ семейной жизни и, въ ожиданіи наслѣдства, желаетъ вступить въ бракъ съ достойною дѣвицею. Если она обладаетъ средствами—хорошо, но въ сущности это—пустяки. Онъ на этомъ не настаиваетъ, хотя, съ другой стороны, и не отказывается отъ дѣвицы со средствами. Главная его цѣль — бракъ.

Грустно подумать, что красивая, образованная, со средствами дѣвица должна прибѣгать къ газетнымъ объявленіямъ для того, чтобы найти себѣ мужа. Чего же смотрятъ знакомые молодые люди? Чего имъ еще нужно? Не ждутъ ли они Венеру съ десятью тысячами годового дохода? Меня прямо злятъ такія объявленія. И какъ только подумаешь о томъ, какія дѣвушки выходятъ замужъ!

Но жизнь — загадка. Фактъ остается фактомъ! Идеальная жена тщетно ищетъ мужа. И тутъ же мужъ — не скажу идеальный, мы всѣ далеки отъ совершенства, но составляющій рѣшительное пріобрѣтеніе для домашняго очага, пріятный человѣкъ, любящій семейную жизнь, не какой-нибудь шалопай — громко взываетъ о какой бы то ни было женѣ!

Кто знаетъ? Быть можетъ, эти два существа встрѣчались на улицѣ, сидѣли рядомъ въ вагонѣ трамвая, причемъ ни одинъ изъ нихъ не подозрѣвалъ, что рядомъ съ нимъ находится именно тотъ предметъ, котораго ему недостаетъ для того, чтобы жизнь его стала прекрасной.

Хозяйки, ищущія служанку, не столько для работы, сколько для того, чтобы сдѣлать ея жизнь счастливою, помѣщаютъ свои объявленія на одной страницѣ. А на страницѣ рядомъ — служанки, настоящій кладъ для семьи, послѣдовательницы Карлейля, страстно любящія трудъ ради него самого, ищутъ мѣсто, не столько изъ-за желанія устроиться, сколько ради сознанія того, что онѣ ведутъ полезную жизнь. Эти хозяйки-филантропки, эти любящія трудъ служанки—годами жили въ одномъ и томъ же городѣ и не знали другъ друга.

Такъ обстоитъ дѣло и съ европейскими народами. Я сталкиваюсь съ ними на улицахъ, а они и не подозрѣваютъ, что я готовъ позаботиться о нихъ, поучить ихъ уму-разуму, словомъ— стать для нихъ отцомъ роднымъ. Они смотрятъ на меня. Во мнѣ нѣтъ ничего такого, что̀ сказало бы имъ, что я лучше понимаю ихъ благо, нежели они сами. Въ волшебныхъ сказкахъ мудрецъ всегда является въ остроугольной шляпѣ и длинной, испещренной кабалистическими знаками, одеждѣ. И всѣ знаютъ,

что онъ—мудрецъ. Такимъ образомъ, всякія объясненія не нужны. Но мы, современные мудрецы, ходимъ въ обыкновенной одеждѣ. Никто не угадываетъ въ насъ мудрецовъ. Даже если скажешь, тебѣ не повѣрятъ. И это очень осложняетъ нашу задачу.

Еслибы я завѣдывалъ европейскими дѣлами, первое, что̀ я взялъ бы въ руки, это—переустройство карнавала. Обыкновенно карнавалъ празднуется во всей Европѣ въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ Ниццѣ, въ Испаніи, въ Италіи, вы можете по временамъ ощущать потребность плясать на улицахъ въ легкомъ костюмѣ въ февралѣ. Но въ болѣе сѣверныхъ странахъ я только разъ въ жизни видѣлъ здравомыслящаго человѣка: онъ выбралъ для себя костюмъ водолаза.

Это происходило въ Антверпенѣ. Дождь лилъ потоками; веселый, шумный восточный вѣтеръ — въ своемъ родѣ Джонъ-Булль--проносился по улицамъ со скоростью пятнадцати миль въ часъ. Пьеро̀ потирали свои синіе носы окоченѣвшими руками. Пожилой Купидонъ, выпросившій въ сосѣднемъ кафѐ дождевой зонтикъ, ожидалъ трамвая. Маленькій чертенокъ утиралъ слезящіеся глаза кончикомъ собственнаго хвоста. Каждый подъѣздъ былъ занятъ толпою дрогнущихъ отъ холода масокъ. Одинъ водолазъ гордо разгуливалъ по улицѣ и съ него потоками струилась вода.

Нѣтъ, февраль—не подходящее время для маскарадовъ на открытомъ воздухѣ. Конфетти, представляющія собою обрѣзки разноцвѣтной бумаги, превращаются въ мокрую массу. Когда кто-нибудь швырнетъ ими вамъ въ глазъ—у васъ рождается желаніе не весело разсмѣяться, но дать ему тумака.

Въ одномъ городкѣ по близости отъ французской границы карнавалъ продолжается безъ перерыва три дня и двѣ ночи, въ продолженіе которыхъ населеніе, увеличенное гостями, съѣхавшимися изъ окрестностей, кричитъ, дурачится, ѣстъ, пьетъ и пляшетъ. Послѣ этого пріѣзжихъ напихиваютъ въ вагоны, какъ сардинки—въ жестянку. Они пришпиливаютъ билеты къ своимъ пальто, но вскорѣ засыпаютъ. На каждой станціи желѣзнодорожные служащіе входятъ въ вагонъ и спотыкаются о ноги спящихъ. Послѣднее усиліе, на какое способенъ самый сознательный пассажиръ, прежде чѣмъ онъ увеличитъ собою груду храпящихъ на полу тѣлъ, это—обмѣнить свой билетъ на билетъ своего безсознательнаго сосѣда. Такимъ образомъ, пріѣзжихъ съ востока вытаскиваютъ за ноги и нагружаютъ на западные поѣзда, а южанъ выставляютъ за дверь на отдаленныхъ сѣверныхъ станціяхъ, гдѣ ихъ восторженно встрѣчаютъ чужіе родственники.

Въ этомъ городѣ одновременно плясало—не считая меня—тридцать тысячъ человѣкъ. Когда они не пляшутъ, они бросаютъ другъ въ друга апельсинами. Въ домахъ закрываютъ ставни. Въ ресторанахъ убираютъ зеркала и закрываютъ стекла. Если бы я вздумалъ замаскироваться въ Б., я выбралъ бы костюмъ рыцаря въ бронѣ—эпохи Генриха VII.

— А вамъ не больно, когда въ васъ бросаютъ апельсинами? —спросилъ я у одной дамы.—Какіе апельсины употребляются для этой цѣли: привозные изъ Явы, или тѣ маленькіе, твердые, съ кожурою, похожею на терку? Если же допускаются оба сорта, который изъ нихъ вы предпочитаете?

— Восторженные люди — они вездѣ одинаковы — предпочитаютъ пускать въ ходъ явскіе апельсины. Я предпочитаю ихъ въ томъ случаѣ, если ими попадаютъ по спинѣ. Они сочнѣе, и потому ударъ менѣе чувствуется. Но большинство людей, конечно, употребляетъ маленькіе, твердые апельсины. Если вы во-время успѣете нагнуться и ударъ придется по макушкѣ—онъ причиняетъ меньшую боль, чѣмъ можно было бы думать. Если же все-таки вамъ попадутъ апельсиномъ въ чувствительное мѣсто—ну, тогда примочка изъ нюхательной соли пополамъ со старымъ коньякомъ—лучшее средство. Но вѣдь это случается разъ въ году,—прибавила дама.

Почти всюду выдаются призы за лучшій костюмъ. Въ маленькихъ городахъ король - карнавалъ особенно ярко проявляетъ свою власть. Треть жителей принимаетъ участіе въ весельи. Въ Брюсселѣ и въ большихъ городахъ все это кажется смѣшнымъ. Нѣсколько сотенъ масокъ съ трудомъ пробираются среди тысячъ людей въ обыкновенномъ платьѣ, напоминая испанскую рѣчку въ лѣтнее время: еле-замѣтный ручеекъ, струящійся между грязными берегами. Въ Шарльруа главная особенность карнавала —пляска дѣтей.

Если въ это время солнце вздумаетъ милостиво выглянуть—зрѣлище получается красивое. Какъ эта мелкота любитъ наряжаться и разыгрывать роли! Одна юная особа—ей было не болѣе десяти лѣтъ — одѣлась взрослою, много о себѣ воображающей дѣвицею. На ней былъ громадный бѣлокурый парикъ, шляпа, которая, вѣроятно, обратила бы на себя вниманіе даже на скачкахъ въ Аскотѣ, въ день розыгрыша большого приза, двухъаршинный шлейфъ, пара когда-то бывшихъ бѣлыми лайковыхъ перчатокъ... Въ рукахъ она держала голубой шолковый зонтикъ. Что же касается достоинства...

Я видалъ оскорбленныхъ кельнершъ; мнѣ случалось встрѣ-

чать—случайно, разумѣется,—дѣвицъ изъ хора на воскресной прогулкѣ вдоль рѣки. Но никогда я не видалъ въ человѣческомъ существѣ столько надменности, столько высокомѣрія, какъ въ этой десятилѣтней дѣвчонкѣ! Товарищи игръ, простые дѣвочки и мальчики желали возобновить съ нею знакомство. Она проcлѣдовала мимо нихъ, окинувъ ихъ такимъ презрительнымъ взглядомъ, что они попадали другъ на друга. Когда же они достаточно оправились для того, чтобы вспомнить о старомъ жестяномъ чайникѣ, лежавшемъ подъ рукою въ канавѣ, она уже скрылась за угломъ.

Двое оборванныхъ малышей, не имѣвшихъ нѣсколькихъ копѣекъ для взятія на прокатъ какихъ-нибудь лохмотьевъ, рѣшили все-таки не отстать отъ другихъ. Они гдѣ-то достали пару бѣлыхъ блузъ—не тѣхъ, нарядныхъ съ кружевами и плойкою блузъ, о которыхъ вы, вѣроятно, думаете, сударыня, но пару мѣшковъ, надѣваемыхъ метельщиками улицъ поверхъ своего платья. Они достали также пару метлъ. И до чего они были забавны со своими маленькими головами поверхъ широкихъ мѣшковъ, въ то время какъ они торжественно выступали гуськомъ, сметая грязь въ канавы.

Они изображали метельщиковъ и также принимали участіе въ карнавалѣ.

Я видѣлъ еще одну оригинальную картину. „Серпантинъ“ играетъ большую роль въ бельгійскомъ карнавалѣ. Это—полоса цвѣтной бумаги, длиною ярдовъ въ двѣнадцать. Вы набрасываете его, какъ лассо, на голову прохожаго. Разумѣется, цѣль, намѣчаемая бельгійскими юношами—бельгійская дѣвушка. И разумѣется, наиболѣе запутавшаяся въ нихъ дѣвушка — та самая, которую, говоря языкомъ брачныхъ объявленій,—„находятъ красивою“. Серпантинъ на головѣ — тотъ же знакъ отличія. Повернувъ за уголъ, я наткнулся на дѣвушку, стоявшую ко мнѣ спиною. Улица была тихая. Дѣвушка держала въ рукѣ съ полдюжины этихъ серпантиновъ. Поспѣшно, дрожащими пальцами она обматывала ихъ вокругъ своей головы. Проходя мимо, я взглянулъ на нее. Она багрово покраснѣла. Бѣдняжка со вздернутымъ носомъ и плоскимъ лицомъ! Жаль, что она увидѣла меня.

На югѣ Германіи, гдѣ кровь течетъ быстрѣе, король-карнавалъ по истинѣ—старый весельчакъ. Въ Мюнхенѣ онъ царитъ цѣлыхъ шесть недѣль и заканчивается двумя днями безумнаго веселья на улицахъ. Во время этого періода, на людей въ обыкновенномъ платьѣ смотрятъ какъ на рѣдкость. Отъ графини до служанки, отъ господина профессора до „пикколо“—такъ на-

зываютъ прислуживающихъ въ мастерскихъ мальчиковъ—всѣ мюнхенцы только и дѣлаютъ, что танцуютъ,— по возможности, въ фантастическихъ костюмахъ. Въ театрахъ сцена убирается, въ кафé—столы и стулья отодвигаются къ стѣнѣ. Мюнхенъ сходитъ съ ума.

Мюнхенъ вообще немного помѣшанъ. Самый безумный балъ, на какомъ я когда-либо плясалъ, давался въ Мюнхенѣ. Я отправился на него съ профессоромъ Гарвардскаго университета, предупредившимъ меня о томъ, каковы эти балы. Стремясь къ изученію всего въ мірѣ, онъ рѣшилъ приступить лично къ изслѣдованіямъ. Писатель тоже долженъ поучаться,—поэтому я согласился сопровождать его. Мы не разсчитывали танцовать. Мы намѣревались быть снисходительными зрителями, наблюдающими изъ какого-нибудь укромнаго уголка за дурачествами безумной толпы. Профессоръ былъ одѣтъ—какъ подобаетъ профессору. На мнѣ былъ просто скромный сюртукъ съ панталонами сѣро-французскаго цвѣта. Швейцаръ объяснилъ намъ, что это—костюмированный балъ: онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ впустить насъ, но публика на балъ допускается только костюмированная или во фракахъ.

Было уже половина второго. Мы нарочно засидѣлись, мы не обѣдали и прошли пѣшкомъ двѣ мили. Профессоръ задумалъ подколоть въ видѣ фрака фалды своего длиннаго сюртука и вывернуть жилетъ. Швейцаръ выразилъ опасеніе, что это будетъ не совсѣмъ то, чтò надо. Притомъ съ моими французскими панталонами ничего нельзя было подѣлать. Швейцаръ предложилъ намъ взять костюмы напрокатъ (операція, приносившая ему маленькія выгоды); многіе джентльмены, въ особенности—женатые, находятъ удобнѣе поступать такимъ образомъ и переодѣваться, передъ возвращеніемъ домой, въ свое собственное скромное платье.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь такого, мой другъ, чтò бы сдѣлало насъ совершенно неузнаваемыми?—спросилъ профессоръ.

У швейцара оказалось нѣчто вполнѣ подходящее: костюмъ китайца съ маскою и парикомъ, надѣвавшимися сразу. Я укрылся отъ взоровъ подъ рясою и капюшономъ кармелитскаго монаха.

— Надѣюсь, что никто насъ не узнаетъ?—шепнулъ мнѣ профессоръ при входѣ.

Искренно надѣюсь, что нѣтъ. Я не желаю говорить о себѣ. Это было бы эгоизмомъ. Но тайна профессора тревожитъ меня до сихъ поръ. Я видѣлъ собственными глазами, какъ этотъ почтенный серьезный человѣкъ, отецъ семейства, надѣлъ себѣ на голову шутовскую размалеванную маску. Уже позднѣе—значи-

тельно позднѣе—мы съ нимъ безмолвно шли рядомъ по молчаливымъ улицамъ, при свѣтѣ звѣздъ. Гдѣ онъ провелъ этотъ промежутокъ времени и что за странное существо скрывалось подъ маскою китайца—это навсегда останется для меня неразрѣшимою загадкой.

IV.

Существа, которыя когда-нибудь станутъ людьми [1]).

Я не настолько люблю Россію, какъ бы долженъ былъ любить, хотя бы уже потому, что у меня среди русскихъ много хорошихъ друзей; этимъ я, впрочемъ, очень горжусь. У меня на каминѣ стоитъ большая фотографическая карточка, на которую я часто смотрю, чтобы поддержать въ себѣ бодрость, нужную для литературной работы. По срединѣ ея изящно написанъ привѣтственный адресъ мнѣ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, и я сознаюсь, что мнѣ пріятно безъ конца перечитывать этотъ адресъ. Вокругъ адреса—нѣсколько сотъ подписей. Я не могу ихъ прочесть, но знаю, что это—имена милыхъ русскихъ людей, мужчинъ и женщинъ, которые, года два тому назадъ, прислали мнѣ къ Рождеству это милое привѣтствіе.

Отдѣльные русскіе люди—самыя очаровательныя существа въ мірѣ. Если вы имъ нравитесь, они не задумаются тотчасъ же высказать это вамъ, не только всяческимъ содѣйствіемъ, но и непосредственной задушевностью обращенія,—а это въ нашей сѣрой жизни—большая поддержка.

Мы, англичане, почему-то гордимся своей сдержанностью. Максъ Аделеръ разсказываетъ исторію про мальчика, котораго отецъ послалъ въ лѣсъ за дровами. Мальчикъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы убѣжать изъ дому, и цѣлыхъ двадцать лѣтъ не возвращался подъ родительскій кровъ. Тогда только появился однажды вечеромъ хорошо одѣтый незнакомецъ и, улыбаясь, заявилъ старикамъ, что онъ—ихъ пропавшій сынъ, вернувшійся, наконецъ, домой.

— Такъ, значитъ, ты не погибъ?—буркнулъ старикъ.—А почему же, чортъ возьми, ты и теперь не принесъ дровъ?

Я завтракалъ разъ съ англичаниномъ въ одномъ лондонскомъ ресторанѣ. Въ это время вошелъ какой-то человѣкъ, и сѣлъ у столика по близости отъ насъ. Оглянувшись, онъ встрѣтился

---

[1]) Приводимъ этотъ очеркъ извѣстнаго юмориста, какъ своего рода курьезъ.

глазами съ моимъ пріятелемъ, улыбнулся и кивнулъ ему головой.

— Простите меня, на минуту,—сказалъ мой пріятель,—мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ моему брату,—я болѣе пяти лѣтъ не видѣлъ его.

Онъ кончилъ супъ, не торопясь вытеръ себѣ усы, и тогда только подошелъ къ сосѣднему столику и пожалъ руку брату. Они поговорили очень недолго, и мой пріятель вернулся ко мнѣ.

— Вотъ ужъ не думалъ, что свижусь съ нимъ,—сказалъ онъ.—Онъ служилъ въ гарнизонѣ въ Африкѣ—не помню, какъ это звали крѣпость, которую штурмовалъ Махди. Только три человѣка уцѣлѣло. Удивительный удачникъ этотъ Джимъ!

— Можетъ быть, вы хотѣли бы поговорить съ нимъ подольше?—возразилъ я:—такъ не стѣсняйтесь. О нашемъ дѣлѣ мы можемъ поговорить и въ другой разъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—мы переговорили и условились свидѣться завтра.

Я вспомнилъ объ этой сценѣ, обѣдая однажды съ нѣсколькими русскими пріятелями въ Петербургѣ, въ ресторанѣ. Одинъ изъ обѣдавшихъ не видался со своимъ кузеномъ, горнымъ инженеромъ, около полутора года. Они сидѣли другъ противъ друга, и по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать во время обѣда одинъ изъ нихъ вскакивалъ со стула и бѣжалъ цѣловаться съ другимъ. Они обнимались, цѣловали другъ друга въ щеки, и потомъ снова садились на мѣста, съ влажными отъ слезъ глазами. Поведеніе ихъ никому не казалось страннымъ.

Но русскіе такъ же порывисты въ гнѣвѣ, какъ и въ любви. Въ другой разъ меня пригласили ужинать въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ на Невскомъ. У сосѣдняго стола сидѣли двое господъ; они сначала мирно разговаривали, потомъ вдругъ накинулись другъ на друга. Одинъ схватилъ графинъ и пустилъ имъ въ голову другого. А противникъ его вооружился тяжелымъ стуломъ изъ краснаго дерева; чтобы нанести болѣе вѣрный ударъ, онъ широко замахнулся и задѣлъ жену моего пріятеля за нашимъ столомъ.

— Осторожнѣе!—сказала она.

— Простите, ради Бога!—отвѣтилъ незнакомецъ, въ жилахъ котораго, повидимому, кровь и вода текли въ одинаковомъ изобиліи. Онъ отодвинулся отъ нашего стола, чтобы не мѣшать намъ спокойно ужинать, и тогда ловко разсчиталъ свой ударъ, которымъ повалилъ противника на полъ.

На мѣсто происшествія сейчасъ же явился полицейскій. Но

онъ и не думалъ вмѣшиваться въ дѣло, а поспѣшилъ выбѣжать на улицу, чтобы сообщить радостную вѣсть другому полицейскому.

— Эта исторія вскочитъ имъ въ хорошую копѣйку,—замѣтилъ пригласившій меня къ ужину пріятель, спокойно продолжая ѣсть.—И что имъ стоило подождать немного?

Дѣйствительно,. исторія обошлась имъ дорого. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ окружило человѣкъ шесть полицейскихъ, и каждый потребовалъ взятки. Получивъ что слѣдуетъ, они пожелали сражавшимся доброй ночи и удалились въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. А противники, обвязавъ головы мокрыми полотенцами, опять сѣли за столъ и возобновили смѣхъ и дружескую бесѣду.

Эти люди кажутся иностранцамъ настоящими дѣтьми, но за этой дѣтскостью чувствуются уродливыя черты характера. Рабочихъ—ихъ вѣрнѣе было бы назвать рабами—сильно эксплоатируютъ, и они переносятъ это съ безропотнымъ смиреніемъ животныхъ. Но съ кѣмъ бы изъ интеллигентныхъ русскихъ людей вы ни заговорили—всѣ знаютъ, что близка революція.

Говорить объ этомъ, однако, предпочитаютъ при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ въ Россіи нельзя быть увѣреннымъ, что ваша собственная прислуга не служитъ въ тайной полиціи. Я однажды говорилъ о политикѣ съ однимъ русскимъ чиновникомъ въ его кабинетѣ, когда вошла въ комнату экономка, старая женщина съ сѣдыми волосами и кроткими глазами. Она служила въ домѣ болѣе восьми лѣтъ, и на нее смотрѣли почти какъ на члена семьи. Однако, онъ рѣзко прервалъ разговоръ и заговорилъ о другомъ. Какъ только она вышла изъ комнаты, онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— О такихъ вещахъ лучше говорить съ глазу на глазъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ.

— Но вѣдь этой женщинѣ вы можете вполнѣ довѣрять,—возразилъ я.—Она вамъ такъ предана.

— Самое благоразумное—не довѣрять никому,—отвѣтилъ онъ и вернулся къ прерванному разговору.

— Гроза надвигается,—сказалъ онъ.—Временами мнѣ кажется, что въ воздухѣ уже запахло кровью. Я старикъ, и быть можетъ меня это еще минуетъ, но дѣтямъ моимъ придется тяжело—они будутъ страдать, какъ страдаютъ дѣти за грѣхи отцовъ. Мы сдѣлали изъ народа грубыхъ звѣрей, и они накинутся на насъ какъ звѣри—кровожадно, не разбирая: кто правъ, кто виноватъ. Но это будетъ,—это неизбѣжно.

Невѣрно, что высшіе классы въ Россіи изъ эгоизма противятся всякому прогрессу. Исторія Россіи повторитъ исторію Франціи, но съ той разницей, что образованный классъ, люди мыслящіе, ведутъ впередъ глухую народную массу, совершенно не закрывая глаза на послѣдствія. Въ Россіи не будетъ Мирабо и Дантоновъ, возмущающихся неблагородствомъ народа. Среди людей, подготовляющихъ революцію въ Россіи, есть государственные люди, военные, нѣжно воспитанныя женщины, богатые помѣщики, состоятельные коммерсанты, учащаяся молодежь, знакомая съ уроками исторіи. Они не заблуждаются относительно того слѣпого чудовища, въ которое хотятъ вдохнуть жизнь. Оно ихъ раздавитъ—они это знаютъ,—но вмѣстѣ съ ними оно раздавитъ несправедливость и тупость,—а это они болѣе ненавидятъ, чѣмъ любятъ себя.

Когда поднимется русскій крестьянинъ, то онъ окажется болѣе страшнымъ и безпощаднымъ, чѣмъ французы 1790 года. Онъ менѣе развитъ, болѣе грубъ. Русскій рабочій людъ поетъ за работой дикую печальную пѣсню. Ее поютъ хоромъ на пристаняхъ, поднимая грузы, поютъ на фабрикахъ, поютъ въ унылыхъ безконечныхъ степяхъ, или когда снимаютъ хлѣбъ, который будутъ ѣсть другіе. Въ этой пѣснѣ поется о счастливомъ житьѣ господъ, объ ихъ пирахъ и весельи, о смѣхѣ дѣтей, о поцѣлуяхъ влюбленныхъ.

Но каждая строфа кончается однимъ и тѣмъ же повторяющимся стихомъ. Если вы попросите какого-нибудь русскаго перевести этотъ стихъ, онъ пожметъ плечами.

— Они поютъ о томъ,—скажетъ онъ,—что современемъ наступитъ ихъ чередъ. Жуткая, полная трагизма пѣсня. Ее поютъ также въ московскихъ и петербургскихъ гостиныхъ, и тогда какъ-то сразу обрывается легкій разговоръ и смѣхъ, и по комнатѣ точно проносится ледяная струя воздуха, ворвавшись черезъ закрытую дверь. Эта странная пѣсня похожа на завываніе вѣтра, и когда-нибудь она пронесется по всей странѣ, возвѣщая объ ужасахъ.

Я встрѣтился въ Россіи съ однимъ шотландцемъ, и онъ разсказалъ мнѣ, что, завѣдуя большой фабрикой въ Петербургѣ—владѣлецъ ея былъ тоже шотландецъ,—онъ ошибся въ разсчетѣ, выплачивая въ первую недѣлю жалованье рабочимъ. Запутавшись въ счетѣ русскихъ денегъ, онъ уплатилъ каждому приблизительно на рубль меньше, чѣмъ ему слѣдовало. До слѣдующей субботы онъ самъ открылъ свою ошибку и исправилъ ее. Рабочіе выслушали его объясненія совершенно равнодушно и не

сдѣлали даже никакихъ замѣчаній по этому поводу. Это его удивило.

— Но вѣдь вы знали, что я вамъ не доплатилъ,—сказалъ онъ одному изъ нихъ,—почему же вы не заявили мнѣ?

— Да мы думали, что вы эти деньги положили себѣ въ карманъ,—отвѣтилъ рабочій,—и еслибы мы пожаловались, насъ бы разсчитали. Вѣдь вамъ бы скорѣе повѣрили, чѣмъ намъ.

Подкупъ, повидимому, настолько обычное явленіе во всей Россіи, что во всѣхъ классахъ населенія онъ считается въ порядкѣ вещей. Одинъ знакомый подарилъ мнѣ собачку, которую я повезъ съ собой. Собачка была очень дорогая, и мнѣ не хотѣлось отпускать ее отъ себя. А между тѣмъ брать собакъ съ собой въ вагонъ строго запрещается. Списокъ штрафовъ и каръ за нарушеніе этого запрещенія меня очень напугалъ.

— Пустяки, это можно уладить,—увѣрилъ меня знакомый. —Не жалѣйте только истратить нѣсколько лишнихъ рублей.

Я подкупилъ начальника станціи и кондуктора, и думалъ, что этимъ все кончилось. Но я не зналъ, что̀ еще меня ждало. Извѣстіе о томъ, что въ поѣздѣ ѣдетъ англичанинъ, который везетъ съ собой собачку въ корзинкѣ, и у котораго есть рубли въ карманѣ, точно по телеграфу разнеслось по всей линіи. Почти на каждой большой станціи въ поѣздѣ появлялось какое-нибудь внушительное съ виду должностное лицо, со шпагой и въ каскѣ. Сначала эти господа пугали меня. Я принималъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, за фельдмаршаловъ.

Въ головѣ моей мелькали картины Сибири. Дрожа отъ ужаса, я далъ первому золотую монету. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, чуть даже не поцѣловалъ меня. Я даже увѣренъ, что онъ дѣйствительно поцѣловалъ бы меня, еслибы я ему позволилъ. Слѣдующій уже показался мнѣ менѣе страшнымъ. Я далъ ему нѣсколько рублей, и насколько я могъ понять, онъ за это сталъ призывать на мою голову всяческія благословенія; поручивъ меня милости Всевышняго, онъ удалился. Подъѣзжая къ нѣмецкой границѣ, я уже давалъ монеты, равняющіяся приблизительно шести пенсамъ, людямъ, похожимъ по платью и величественности на генералъ-майоровъ. А этихъ денегъ стоилъ видъ ихъ сіяющихъ лицъ и ихъ горячая благодарность.

Но человѣку, не имѣющему рублей въ карманѣ, не такъ легко справиться съ русскими чиновниками. Израсходовавъ еще нѣсколько денегъ, я легко отдѣлался на границѣ отъ таможенныхъ чиновниковъ, и до отхода поѣзда у меня осталось довольно много свободнаго времени. Разглядывая, что̀ дѣлается вокругъ меня,

я увидѣлъ довольно жалкаго человѣка, на котораго набросилось человѣкъ пять-шесть въ мундирахъ, а онъ безпомощно огрызался, скорчивъ жалостную гримасу. Лицо у него было изможденное, и онъ производилъ впечатлѣніе голоднаго щенка, котораго травятъ школьники. Оказалось, какъ мнѣ объяснилъ пассажиръ, съ которымъ я подружился дорогой, что у этого несчастнаго не была соблюдена какая-то пустяшная формальность въ паспортѣ. А такъ какъ у него въ карманѣ не было лишнихъ рублей, то его отправляли обратно въ Петербургъ — это часовъ восемнадцать ѣзды — въ вагонѣ, который въ Англіи не считался бы пригоднымъ для перевозки скота.

Отправка несчастнаго, видимо, забавляла пограничныхъ служащихъ; они отъ времени до времени входили въ пассажирскую залу, гдѣ онъ сидѣлъ скорчившись въ углу, и со смѣхомъ уходили. Онъ уже пересталъ объяснять. На лицѣ его было тупое выраженіе, какое бываетъ у битой собаки, когда она молча лежитъ, глядя большими глазами въ пустоту; такъ и кажется, что она о чемъ-то думаетъ.

Русскій рабочій не читаетъ газетъ, не имѣетъ клуба, но, повидимому, обо всемъ освѣдомленъ. На берегахъ Невы есть тюрьма. Говорятъ, что теперь уже многое измѣнилось, но до недавняго времени тамъ была маленькая камера ниже уровня льда, и когда туда помѣщали заключенныхъ, то они исчезали черезъ нѣсколько дней, и больше уже ничего о нихъ не было извѣстно никому, за исключеніемъ развѣ рыбъ Балтійскаго моря.

О такихъ исторіяхъ русскій народъ толкуетъ промежъ себя; объ этомъ говорятъ извозчики, собравшись вокругъ костровъ, землепашцы, выходя на работу съ зарею, фабричные рабочіе, голоса которыхъ заглушаются гуломъ машинъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я искалъ себѣ квартиру въ Брюсселѣ, и меня направили къ домику на маленькой улицѣ, выходящей на Avenue Louise. Обстановка квартиры была бѣдная, но все-таки стѣны были увѣшаны картинами—большими и маленькими.

— Эти картины,—объяснила мнѣ хозяйка, старая женщина съ измученнымъ лицомъ, — не останутся здѣсь. Я ихъ возьму съ собой, въ Лондонъ. Это—работы моего мужа, и онъ устраиваетъ выставку своихъ произведеній.

Знакомый, который послалъ меня сюда, говорилъ, что эта женщина—вдова, что она жила болѣе десяти лѣтъ въ Брюсселѣ, сдавая меблированныя комнаты и этимъ поддерживая свое очень скромное существованіе.

— Вы во второй разъ вышли замужъ?—спросилъ я.

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, не во второй разъ; я вышла замужъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Россіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы моего мужа отправили въ Сибирь, и съ тѣхъ поръ я его не видѣла.

— Я бы поѣхала за нимъ,—прибавила она,—но мы каждый годъ надѣялись, что его освободятъ.

— А теперь онъ дѣйствительно освобожденъ?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтила она.—На прошлой недѣлѣ его выпустили на свободу. Онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ Лондонъ, и наконецъ наступитъ нашъ медовый мѣсяцъ.

Она улыбнулась, и по этой улыбкѣ я увидѣлъ, что она когда-то была молода и красива.

Я читалъ въ англійскихъ газетахъ отчеты о выставкахъ въ Лондонѣ картинъ ея мужа. Писали, что онъ много обѣщаетъ. Можетъ быть, наконецъ для него начнется настоящая жизнь.

Природа очень затрудняетъ жизнь въ Россіи—для богатыхъ и для бѣдныхъ одинаково. Можно бы подумать, что дьяволъ направилъ Петра Великаго къ берегамъ Невы, гдѣ обитаютъ лихорадки и простуды.

„Покажи мнѣ во всѣхъ твоихъ владѣніяхъ мѣсто наиболѣе непривлекательное и безнадежное, для того, чтобы мнѣ построить тамъ городъ“. Такъ молился Петръ, и дьяволъ открылъ мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Петербургъ, за что вѣроятно заслужилъ похвалу отъ своего начальства и вернулся къ пославшему его, вполнѣ довольный собою.

— Я, кажется, нашелъ единственное въ своемъ родѣ мѣсто. Это—гнилое болото, на которое огромная рѣка направляетъ стужи и туманы, а въ короткое лѣто вѣтеръ соединяетъ тамъ всѣ дурныя стороны сѣвернаго полюса и Сахары. Зимой въ Россіи топятъ большія печи, наглухо заколачиваютъ двери и окна, и въ этомъ тепличномъ воздухѣ многія женщины проводятъ около полугода, никогда не рѣшаясь выйти изъ дому. Даже мужчины предпочитаютъ не выходить. Во всѣхъ конторахъ, во всѣхъ лавкахъ жарко какъ въ печкѣ.

У сорокалѣтнихъ мужчинъ — пергаментныя лица и сѣдые волосы, женщины въ тридцать лѣтъ — старухи. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ землепашцы почти не знаютъ сна; они отсыпаются зимою, забравшись въ свою берлогу, гдѣ зарыты въ снѣгу съѣстные припасы и водка.

Вечеринка въ Россіи длится цѣлую ночь. Въ сосѣдней ком-

натѣ стоятъ кровати и диваны, на которыхъ всегда лежитъ съ полдюжины гостей. Русскіе ѣдятъ—когда придется, столъ постоянно накрытъ, гости приходятъ и уходятъ. Разъ въ годъ въ Москвѣ бываетъ празднество. Купцы съ ранняго утра ѣдятъ горячія лепешки (блины), пиршество длится нѣсколько часовъ, и каждый изъ купцовъ стремится къ тому, чтобы съѣсть больше, чѣмъ его сосѣдъ. Они съѣдаютъ за одинъ присѣстъ до 50—60 такихъ лепешекъ, и часто результатомъ этого состязанія бываетъ нѣсколько похоронъ.

Мы, въ своемъ горделивомъ самомнѣніи, называемъ ихъ людьми нецивилизованными, но они молоды. Русской исторіи нѣтъ трехсотъ лѣтъ. Они еще перещеголяютъ насъ, какъ мнѣ думается. Ихъ энергія, ихъ способности чудовищны. Я зналъ русскаго, который въ полгода изучилъ китайскій языкъ. По-англійски они выучиваются шутя. Дѣти играютъ на скрипкѣ и въ шахматы, ради собственнаго удовольствія.

Міръ будетъ радъ познакомиться съ Россіей, какъ только она приведетъ свой домъ въ порядокъ.

Съ англійскаго О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Страшный годъ!

Съ довѣрьемъ я глядѣлъ на поворотъ судьбы,
Который намъ сулилъ людей свободныхъ долю;
И грезилъ я, что мы, недавніе рабы,
На вѣки вѣчные отпущены на волю.

Вотъ—мы ужъ гра́ждане. Вотъ—сердцемъ и умомъ
Равно и рабской лжи, и мести рабской чужды,
Мы, въ Думѣ рѣчь держа свободнымъ языкомъ,
Врачуемъ родины страданія и нужды...

О, грёзы праздныя! О, тщетныя мечты!
Къ свободѣ рвемся мы, но путь къ ней намъ невѣдомъ.
Мы выступили въ ночь, средь грозной темноты,
И бродимъ безъ огней, объяты буйнымъ бредомъ.

Пожары, грабежи, кровь льется какъ вода,
Засады, западни, подвохи и обманы...
Мы, озвѣрѣвшіе, стихаемъ лишь тогда,
Какъ водкою родной и кровью братской пьяны.

Потомъ опять вражда нещадная встаетъ,
Какъ будто разрѣшить поставила свобода
Задачу: кто кого насильемъ изведетъ
Во имя новыхъ правъ и счастія народа?!

Какъ прежде, духъ вождей и нынѣ нетерпимъ.
Ихъ властный нравъ грозитъ мышленью гражданина,—
Но гражданинъ рабомъ не хочетъ быть ничьимъ;
Свободы не добыть, мѣняя господина.

Борьба есть жизни смыслъ, когда ведется бой
Духовной силою и разума, и слова;
А родина моя, забитая судьбой,
Мятется, вся въ крови; но мыслить не готова.

Въ безмысліи, во лжи, въ безправной темнотѣ
Ее жестокая воспитывала школа;
Свободу мнѣнія признать не въ силахъ тѣ,
Чей разумъ развращенъ заразой произвола.

Свобода!.. А давно-ль съ упорствомъ большинство
Ея чуждалося своей душой казенной?
Давно-ль мы думали: не нужно ничего,
Чтò нарушало бы затишье жизни сонной?

Нѣтъ, не далекія то были времена.
И мы предъ совѣстью должны сознаться сами,
Скорбя и со стыдомъ, что еслибъ не война—
Мы были бъ и теперь живыми мертвецами.

Великъ и тяжекъ нашъ предъ родиною грѣхъ.
Верховный Судія, пристрастью недоступный!
Свой правый гнѣвъ смягчи! Прости, помилуй всѣхъ!
Всѣ, съ верху дò низу, виновны; всѣ преступны.

II.

Въ наши дни.

Опять извѣстій ниоткуда;
Просвѣта нѣтъ средь нашей тьмы...
И сердце чуетъ близость худа,
Какого не знавали мы.
Не видя смысла смуты дольной,
Мы взоръ возводимъ къ небесамъ—
И вспоминается невольно:
„Отмщенье Мнѣ, и Азъ воздамъ".

Алексѣй Жемчужниковъ.

1 декабря 1905.
Тамбовъ.

ПРИЗРѢНІЕ СИРОТЪ

И

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВЪ РАБОЧЕМЪ ВОПРОСѢ.

Переживаемое нами тяжелое время сосредоточиваетъ все болѣе и болѣе мысли каждаго на рабочемъ вопросѣ, являющемся краеугольнымъ камнемъ прочнаго развитія производительныхъ силъ и благосостоянія страны. Беру здѣсь слова „рабочій вопросъ“ въ смыслѣ того источника рабочей силы страны, изъ котораго только и можетъ развиться и прочно укорениться благосостояніе народа,—я говорю здѣсь о пріученіи подростающаго поколѣнія къ труду, къ работѣ, и не только къ умѣнію, но и къ потребности примѣненія своихъ силъ къ болѣе производительному труду, что̀ составляетъ именно полноту жизни. Если рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ еще не принялъ тѣхъ безобразныхъ формъ, какія видимъ въ фабричномъ дѣлѣ, то это еще далеко не значитъ, что рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ переживаетъ менѣе критическое и менѣе безвыходное положеніе. Привычка къ даровому крѣпостному труду, еще съ полъ-вѣка тому назадъ, пріучила насъ смотрѣть менѣе требовательно на продуктивность труда каждаго отдѣльнаго индивидуума, восполняя недочетъ въ количественной продуктивности — увеличеніемъ числа рабочихъ рукъ на данную работу, мирясь при замѣченномъ качественномъ недочетѣ въ работѣ (тамъ, гдѣ это вообще замѣчалось) съ упованіемъ на Бога, на „авось Богъ родитъ“, „Богъ дастъ“,—забывая совершенно болѣе мудрое народное изреченіе: „береженаго и Богъ бережетъ“. Такимъ образомъ, поколѣніями развивалось извѣстное неряшество къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, которое при крѣпостномъ правѣ привилось съ помѣщичьяго хозяйства на крестьянское, а съ освобожденіемъ крестьянъ—и въ томъ и въ другомъ перешло съ поколѣнія на поколѣніе, сдѣлавъ всю про-

изводительность земледѣльца значительно менѣе продуктивной, чѣмъ она должна была бы быть при болѣе интенсивномъ развитіи ея. Вслѣдствіе ясно проявившейся малой продуктивности труда земледѣльца (помѣщика и крестьянина), послѣдній не находитъ уже въ работѣ надлежащаго нравственнаго удовлетворенія; это дѣлаетъ ему трудъ его еще болѣе тяжелымъ, подчасъ даже невыносимымъ, и онъ бѣжитъ отъ него, самъ не выяснивъ себѣ, что то, куда онъ бѣжитъ, на что онъ бросается, дастъ ему еще менѣе полное удовлетвореніе и менѣе вѣрное обезпеченіе къ существованію. Такимъ образомъ, изъ года въ годъ усиливается число отрывающихся отъ земледѣлія и приплывъ грубыхъ, неспеціализированныхъ къ какому-либо производству, рабочихъ силъ въ города и промышленные центры, увеличивая собою массу голодающихъ и недовольныхъ, изъ которыхъ и образуется та темная масса, которая, сама не понимая, что̀ дѣлаетъ, валитъ валомъ за каждымъ сулящимъ благо и сытость отъ производимаго ею насилія какъ противъ частной собственности, такъ и противъ образованныхъ классовъ общества.

Ни въ одной отрасли народнаго хозяйства не слышится столько жалобъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что вести дѣло стало положительно невозможнымъ, потому что нѣтъ у насъ ни умѣлыхъ рабочихъ, продуктивность работы которыхъ могла бы окупить и болѣе дорогую плату за работу, нѣтъ у насъ старостъ, нѣтъ у насъ крестьянъ-арендаторовъ; наконецъ, даже тѣ крестьяне, которые въ окружающихъ деревняхъ еще образовывали до сихъ поръ излишекъ рабочей силы, и тѣ—либо, истощивъ свои земли, переселяются на новыя мѣста, либо—идутъ въ города, на увеличеніе недовольной массы. Но развѣ хозяева озаботились создать себѣ основной элементъ рабочей силы, безразлично—въ видѣ ли крестьянина-собственника, или безземельнаго рабочаго, отъ котораго и далѣе передавалась бы привязанность къ земледѣльческому промыслу? Рѣшительно нѣтъ.

Войдите въ мастерскую ремесленника, пользующуюся заслуженной славой, и сѣдой хозяинъ, создавшій славу мастерской, съ гордостью укажетъ вамъ, по меньшей мѣрѣ, на двухъ-трехъ мастеровъ въ своей мастерской, бывшихъ учениковъ своихъ, которыми онъ гордится и которые прочно способствуютъ славѣ его мастерской, передавая мастерство это съ тою же основательностью ученикамъ. Крупныя капиталистическія предпріятія, крупныя фабрики, владѣльцы которыхъ не связаны съ работающими въ нихъ крѣпкой нитью патріархальнаго быта, царящаго въ мастерской ремесленника,—и тѣ прониклись сознаніемъ что для успѣшнаго процвѣтанія предпріятія необходимо имъ воспитать себѣ рабочихъ въ подростающемъ поколѣніи, чувствующихъ нравственную связь съ даннымъ предпріятіемъ, что̀ и заставило

ихъ устроить хорошо обставленныя школы для дѣтей рабочихъ и мастеровъ, въ которыхъ они обучаются не только грамотѣ, но и подготавливаются къ данному производству, чтобы тѣмъ самымъ развить въ себѣ болѣе сознательно дѣйствующую, болѣе производительную и болѣе конкуррентно-способную рабочую силу. Ничего подобнаго сельскіе хозяева для своей отрасли не сдѣлали. Въ то время, когда нить патріархальнаго быта связывала помѣщика съ крестьяниномъ крѣпче, чѣмъ нить, связывающая ремесленника-хозяина съ подростающими въ его мастерской учениками, во время крѣпостного права, землевладѣльцы не думали озаботиться объ укрѣпленіи прочной будущности нашего сельскаго хозяйства, созданіемъ надлежаще подготовленной массы земледѣльцевъ,—а теперь нить патріархальнаго быта, связывавшая крестьянина съ помѣщикомъ, оборвалась навсегда, и рѣчь о связи и вліяніи землевладѣльца на крестьянина-земледѣльца можетъ быть лишь тамъ, гдѣ матеріальные интересы ихъ настолько тѣсно связаны, настолько солидарны, что интересы обѣихъ сторонъ—работать вмѣстѣ. Образуйте для вашего хозяйства спеціалиста, которому вамъ за его спеціальныя знанія выгодно платить больше, чѣмъ онъ получитъ въ другомъ, менѣе развитомъ хозяйствѣ, и онъ будетъ вамъ прочной опорой, потому что его личные интересы тѣсно связаны съ вашими, связаны съ развитіемъ вашего предпріятія, отъ котораго зависитъ и повышеніе его заработка.

Теперь, когда, вслѣдствіе печальныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, явилось громадное увеличеніе числа сиротъ въ деревняхъ, это—моментъ, созданный Провидѣніемъ для образованія той нити, которою могла бы быть возстановлена прочная связь помѣщика съ осиротѣлымъ подростающимъ крестьяниномъ и истинная связь послѣдняго съ земледѣліемъ, благодаря развитію въ немъ бо́льшей продуктивной силы, облегчающей ему борьбу за существованіе въ связи съ землей. Осуществимо же это ни въ какомъ случаѣ не въ нынѣшнихъ земскихъ сиротскихъ пріютахъ, несостоятельность которыхъ достаточно обнаружена и выяснена прессой за истекшее пятилѣтіе. Неисправимый грѣхъ уже въ одномъ помыслѣ—воспитать этихъ деревенскихъ сиротъ, дѣтей природы, въ казарменныхъ сиротскихъ домахъ, не отвѣчающихъ даже элементарнымъ требованіямъ выращиванія здороваго поколѣнія, что лучше всего показываетъ поражающій процентъ смертности въ нихъ, не говоря уже объ отдаленности направленія этихъ учрежденій отъ созданія продуктивной рабочей силы для земледѣлія и связанныхъ съ нимъ промысловъ. Не менѣе того удаляетъ отъ развитія продуктивныхъ силъ въ подростающихъ сиротахъ оставленіе сироты въ деревнѣ на рукахъ матери, бабы, понимающей благо ребенка съ своей узко-матеріальной, часто алчной, точки зрѣнія, довольной матеріаль-

нымъ успѣхомъ отъ собиранія милостыни Христа ради, не понимающей, насколько это навсегда отрываетъ подростающаго мальчика отъ продуктивнаго труда. Единственный путь—изъ оставшихся отъ павшихъ воиновъ сиротъ развить продуктивную силу на пользу земледѣлія и процвѣтанія страны, это — тѣсная прикосновенность къ этому дѣлу лучшихъ силъ нашего землевладѣльческаго элемента, организація въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ это цѣлесообразно въ интересахъ заданной цѣли, „сиротскихъ колоній“, для сиротъ, въ числѣ, не превышающемъ того максимума, который долженъ быть признанъ за крайній предѣлъ, при которомъ каждый изъ выращиваемыхъ сиротъ съ ранняго возраста сознательнаго дѣйствія былъ бы настолько занятъ полезнымъ использованіямъ своего времени, соотвѣтственно его силамъ, чтобы тѣмъ самымъ прочно развить въ немъ максимальную продуктивность и любовь къ работѣ. Поэтому максимальное число сиротъ въ такихъ колоніяхъ или сиротскихъ станціяхъ, въ нѣкоторыхъ небольшихъ хозяйствахъ, будетъ цѣлесообразнымъ—не болѣе трехъ сиротъ, тогда какъ въ болѣе крупномъ имѣніи, съ различными отраслями хозяйства, максимальное число можетъ достичь 10—15 сиротъ. Но избави Богъ помѣщика, взявшаго на свою отвѣтственность воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ, смотрѣть на это только какъ на эксплоатацію дарового труда, какъ на лично выгодное дѣло; а еще болѣе оборони Богъ — смотрѣть на это какъ на актъ простой благотворительности, состоящей лишь въ томъ, что бѣдныя сиротки будутъ „хорошо призрѣны“. Этотъ послѣдній взглядъ на дѣло для развитія продуктивныхъ силъ еще пагубнѣе перваго взгляда, подсказываемаго алчной погоней за наживой. Каждый прикоснувшійся къ этому дѣлу активно — долженъ смотрѣть на него какъ на дѣло государственной важности, безразлично, будетъ ли это сиротская станція для дѣвочекъ или для мальчиковъ,—дѣло, за которое онъ взялся съ полной нравственной отвѣтственностью передъ будущимъ поколѣніемъ и передъ Богомъ въ томъ, что онъ въ принятыхъ сиротахъ создастъ дѣйствительно продуктивныя силы на пользу родинѣ.

Пріученіе къ труду, къ интенсивному труду, къ болѣе выгодному использованію времени, возможно лишь съ малолѣтства, какъ и прививка любви къ землѣ въ той степени, когда изъ любви къ ней человѣкъ въ состояніи перенести и трудность работы, затрачиваемой для достиженія наибольшаго результата; онъ получаетъ тѣмъ не только большій доходъ съ извѣстнаго клочка земли, но и несравненно большее удовлетвореніе отъ своей работы, поднимающей въ человѣкѣ чувство уваженія къ себѣ, дающей ему въ свою очередь больше силъ перенести и тяжелыя минуты экономической жизни. Насколько важно пріученіе къ труду и порядку съ ранняго возраста для каждой отрасли хозяйства, лучшимъ примѣромъ служатъ намъ въ молочномъ дѣлѣ бывшія

ученицы извѣстной своимъ молочнымъ хозяйствомъ г-жи И. Буманъ, въ вологодской губерніи. Г-жа Буманъ, въ то время, когда она сама лично занималась молочнымъ дѣломъ, набирала себѣ ученицъ изъ деревенскихъ дѣвочекъ, преимущественно сиротъ, не иначе какъ малолѣтокъ 7—8 лѣтъ, пріучала ихъ сначала къ опрятности и къ чистотѣ собственной внѣшности, затѣмъ пріучала ихъ къ содержанію въ строгой чистотѣ жилыхъ комнатъ ея, къ аккуратности въ каждой выполняемой работѣ, обучая ихъ въ то же время грамотности, и лишь такая, пріученная къ чистотѣ и корректному выполненію работъ, 14-ти, 15-тилѣтняя дѣвушка допускалась къ молочному дѣлу и къ маслодѣлію и изучала его основательно. Результатомъ такой школы вышли молочницы и маслодѣлки, стоящія—не только въ практическомъ знаніи своего дѣла и въ большей добросовѣстности, но и въ строгомъ проведеніи чистоты во всемъ молочномъ дѣлѣ—далеко выше ученицъ всѣхъ прочихъ школъ нашихъ по молочному дѣлу.

То же самое требуется и при каждой другой отрасли хозяйства, а при земледѣліи болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Вслѣдствіе того, что къ обработкѣ земли юноша можетъ приступить, лишь достигнувъ уже извѣстнаго физическаго развитія, съ извѣстными физическими силами, потребными для выполненія работъ,—и основной задачей этихъ сиротскихъ станцій должно быть потому примѣненіе къ воспитанію дѣтей такого труда, который доступенъ и посиленъ уже восьмилѣтнему ребенку и пріучалъ бы его къ полезному использованію времени, развивая въ то же время его продуктивность, дѣлая его болѣе конкуррентоспособнымъ. Такое воспитательное значеніе и должно имѣть основательное обученіе соотвѣтствующему кустарному промыслу, могущему для крестьянина-земледѣльца и впослѣдствіи стать существеннымъ подспорьемъ въ борьбѣ за существованіе, какъ зимній заработокъ дома. Въ данномъ случаѣ, для примѣра возьмемъ корзиночное производство, которое по характеру своему, сообразно условіямъ, въ которыхъ находится хозяйство, можетъ быть раздѣлено на производство корзинъ изъ лучинъ или стружекъ (въ болѣе лѣсныхъ мѣстностяхъ) и на ивовое корзиночное производство, которое можетъ быть введено въ каждомъ хозяйствѣ съ ивовой культурой (и даже безъ того, выписывая готовые ивовые прутья). Мальчуганъ (или дѣвочка) 7—8 лѣтъ уже пріучается къ лущенію прутьевъ и къ сортировкѣ ихъ, что̀ физически наиболѣе легкая работа; но уже сортировка прутьевъ требуетъ настолько вниманія отъ малыша, что развиваетъ въ немъ сознательное дѣйствіе и смѣтливость; затѣмъ, съ увеличеніемъ возраста и интеллектуальнаго развитія, возрастаютъ и требованія къ его продуктивности, его приставляютъ къ плетенію корзинъ зимою, а лѣтомъ къ посильнымъ работамъ въ ого-

родѣ и на полѣ. Воспитавъ такимъ образомъ труженика, силы котораго, затѣмъ, смотря по способностямъ, переносятся къ болѣе интенсивному земледѣлію или же къ болѣе крупнымъ и болѣе выгоднымъ кустарнымъ промысламъ, его дѣлаютъ конкуррентоспособнымъ къ самостоятельному существованію и къ борьбѣ съ фабричнымъ производствомъ.

До четырнадцатилѣтняго возраста, какъ мальчикъ, такъ и дѣвочка, не могутъ своей работой окупить стоимость ихъ обученія и полнаго содержанія съ одеждой. Этотъ расходъ долженъ быть добываемъ изъ правительственныхъ и земскихъ ассигновокъ и изъ средствъ частной благотворительности на этотъ предметъ. Съ 14-ти лѣтъ до 16-ти включительно, при вѣрномъ веденіи дѣла, индивидуумъ уже вполнѣ окупаетъ свое содержаніе; 17-ти и 18-ти лѣтъ ему уже должна причитаться плата, соотвѣтствующая его работѣ, какъ будто вся работа дѣлалась издѣльно; плата, однако, не выплачивается ему на руки и учитывается слѣдующимъ образомъ. Изъ всего заработка $^3/_5$ идутъ на полное содержаніе и одежду его, $^3/_{10}$ идутъ въ сберегательную кассу въ его пользу, и $^1/_{10}$ заработка выплачивается ему на руки. Съ начала 18-го и до конца 21-го года (для дѣвушекъ—до конца 20-го года) изъ его заработка учитывается: $^2/_5$ на его содержаніе, $^2/_5$ на сбереженіе, $^1/_5$ выдается ему на руки. Дѣвушки остаются обязательно до окончанія 20-го года, мужчины—до окончанія 21-го года; какъ дѣвушкѣ, такъ и мужчинѣ скопившаяся на ихъ долю сумма изъ заработной платы выдается на руки лишь съ достиженіемъ—имъ 26-го года (ею—24-го года), и не деньгами, а живымъ и мертвымъ инвентаремъ для начала хозяйства, или инструментами для даннаго кустарнаго промысла, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по рѣшенію совѣта, скопленный заработокъ можетъ быть выданъ на руки деньгами, для уплаты аренды за землю или найма и оборудованія помѣщенія подъ мастерскую.

Для примѣра, въ указаніе, насколько подходящее кустарное производство можетъ имѣть воспитательное значеніе для данной цѣли, я привелъ корзиночное производство. Это—на первый взглядъ столь ничтожное—производство въ дѣйствительности, при той правильной постановкѣ, какою оно пользуется въ Германіи, имѣетъ громадное значеніе для народнаго хозяйства, не только какъ отрасль кустарнаго производства, дающая личный заработокъ въ нѣсколько милліоновъ рублей населенію, не отрывая его отъ земли, но не менѣе важное значеніе это производство имѣетъ для упроченія сбыта продуктовъ плодоводства, садоводства и огородничества. Хотя укупорка имѣетъ весьма важное значеніе для всѣхъ товаровъ, сбытъ свѣжихъ фруктовъ прямо зависитъ отъ того, насколько укупорка ихъ отвѣчаетъ вкусу и удобству потребителя, чѣмъ и обусловливается требованіе рынка. Эта

укупорка отвѣчаетъ удобству потребителя: упаковываются плоды въ небольшія корзины, обладающія даже нѣкоторымъ изяществомъ формъ и могущія быть полезными въ обыденной хозяйственной жизни, а это въ значительной степени расширило внутреннее потребленіе и внѣшній сбытъ плодовъ.

Изъ 18-ти милл. марокъ, зарабатываемыхъ въ Германіи на корзиночномъ дѣлѣ, кустарямъ, живущимъ въ деревнѣ, приходится около 14,33 милл. марокъ, изъ коихъ 9 милл. слишкомъ составляютъ личный заработокъ кустаря, т.-е. плату за его работу. Кустарное производство, дающее населенію чистый заработокъ слишкомъ на 9 милл. мар., или болѣе 4 милл. рублей, ни въ какомъ случаѣ не должно считаться ничтожнымъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ вопросѣ о поднятіи производительныхъ силъ населенія.

Реальная и прочная постановка этого дѣла, устраняющая узкіе предѣлы мѣстныхъ и туземныхъ рынковъ, дѣлая производителя конкуррентоспособной единицей и міроваго рынка, устранила тѣмъ самымъ и опасность внутренняго перепроизводства, превративъ корзиночныя издѣлія въ прочный товаръ внѣшней торговли. Такъ, первыя серьезныя попытки вывоза корзиночныхъ издѣлій въ Германіи мы видимъ въ 1883 году; средній годовой вывозъ корзиночныхъ издѣлій изъ Германіи за послѣднее десятилѣтіе составляетъ 3,35 милл. мар. въ годъ. Главными мѣстами сбыта были Соединенные Штаты—слишкомъ на 0,72 милл. марокъ, и Великобританія — слишкомъ на 0,60 милл. марокъ. Мы корзиночныхъ издѣлій не вывозимъ вовсе; ввезли же ихъ въ 1901 году на 736.581 руб.

Говоря о корзиночномъ производствѣ, я привелъ здѣсь въ примѣръ производство, вырабатывающееся изъ хозяйственной обстановки того или другого имѣнія, начинающееся съ культуры корзиночной ивы, съ пріученія къ корзиночному плетенію. Такими же кустарными производствами являются—веревочное, бочарное и другія. Но связь съ интересами сельскаго хозяйства имѣетъ и значительное число другихъ производствъ, перерабатывающихъ не только мѣстный матеріалъ, но даже ввезенный изъ-за-границы,—введенныхъ и развившихся, благодаря мудрому веденію народнаго хозяйства, въ крупную промышленность, дающую населенію достаточно прочный заработокъ зимою, не отрывающій его лѣтомъ отъ земли, способствующій тѣмъ еще болѣе развитію сельскаго хозяйства. Для подтвержденія сказаннаго приведу здѣсь два примѣра прочной связи такихъ, на первый взглядъ ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ неимѣющихъ, производствъ,—и ихъ дѣйствительнаго вліянія на развитіе сельскаго хозяйства. Возьму производство пробочныхъ издѣлій и производство соломенныхъ шляпъ.

Въ Максайнѣ, въ баденскомъ округѣ (Maxain, Unterwesterwaldkreis,

Regierungsbezirk Wiesbaden), въ 1868 году также проявилось стремленіе къ переселенію въ города, за недостаткомъ заработковъ въ деревнѣ, хотя въ Максайнѣ, въ лѣтнее время, во время полевыхъ работъ, излишка въ рабочихъ не замѣчалось. Это очень озаботило мѣстныя власти, которыя и предложили максайнскому пастору Е. Вёмелю заняться организаціей работъ, могущихъ дать населенію прочный заработокъ въ свободное отъ земледѣлія время года. Пасторъ Вёмель привлекъ къ этой работѣ своего пріятеля, техника І. Ф. Мейера, на котораго и выпало впослѣдствіи практическое осуществленіе ихъ предложенія, состоящаго въ введеніи, какъ кустарнаго промысла, выдѣлки пробковыхъ издѣлій. На это правительство выдало одновременно 3.000 талеровъ (около 4.500 руб.), на которые была устроена небольшая мастерская для обученія населенія, подъ руководствомъ мѣстнаго техника Мейера, и закупленъ первый небольшой запасъ пробочнаго дерева. Уже въ 1871 году населеніе Максайна, подъ руководствомъ пастора Вёмеля, техника Мейера и избранныхъ трехъ членовъ общества, составляло администрацію максайнской пробочной промышленности подъ фирмою „Maxainer Korkindustrie Voemel, Meyer und C°"; пробочнымъ издѣліемъ было занято уже тогда 223 мужчины, 110 женщинъ и 25 дѣтей, которые перерабатывали въ годъ 1.000 метр. центнеровъ пробочнаго дерева, на сумму 48.000 мар.; вырабатывались издѣлія на 75.000 мар., изъ которыхъ чистый заработокъ населенія составляли 24.000 мар., или около 70 мар. на человѣка, въ видѣ пробочнаго кустарнаго заработка у себя дома, въ свободное отъ земледѣлія время.

Насколько кустарное производство пробочныхъ издѣлій дѣйствительно служило матеріальной выручкой въ случаѣ плохого урожая, показываютъ слѣдующія цифры, заимствованныя изъ отчета [1]) относительно деревень Дермбахъ и Гейза. Въ этихъ двухъ деревняхъ было:

Годы:	Выдано рабочихъ книжекъ по производству пробочныхъ издѣлій:	По этимъ книжкамъ чистаго заработка кустарей выплачено всего марокъ:	Урожай хлѣбовъ и картофеля былъ:
1878	400	60.118	ниже средняго
1879	400	60.377	„ „
1880	253	56.548	выше средняго
1881	288	61.492	„ „
1882	358	67.395	средній
1883	265	47.968	выше средняго
1884	425	56.167	ниже средняго

[1]) „Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik", herausgeg. v. Dr. Joh. Conrad. 1886.

Еще болѣе характернымъ примѣромъ является развитіе производства соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ, въ центрѣ молочнаго скотоводства и сыроваренія баварскихъ Альпъ, съ которымъ мнѣ удалось близко ознакомиться въ 1893 году, при изученіи постановки швейцарскаго сыроваренія въ Вейлерѣ. Линденбергъ, находящійся въ центрѣ баварскаго Альгау, славящагося своимъ молочнымъ скотоводствомъ, лежитъ уже настолько высоко надъ уровнемъ моря, что населеніе занято усиленными лѣтними работами, требующими все наличное количество рабочихъ рукъ, не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, остальные же 8 мѣсяцевъ земледѣліе не даетъ имъ достаточно занятія на всѣхъ членовъ семьи.

Въ силу большого капитала, находящагося въ молочномъ скотѣ,—въ стадѣ крестьянина въ 6—15, коровъ цѣнностью по 150—250 руб. корова,—крестьянинъ-хозяинъ самъ болѣе заинтересованъ уходомъ за скотомъ и самъ выполняетъ этотъ уходъ съ помощью сына или работника, вслѣдствіе чего женскія руки тамъ заняты въ хозяйствѣ лишь съ іюня по сентябрь, т.-е. съ перваго укоса и по уборку полей, послѣ чего, кромѣ хозяйки-матери, ведущей домашнее хозяйство, остальныя женщины семьи совершенно свободны. Эти хозяйственныя условія, уже съ незапамятныхъ временъ, способствовали плетенію простыхъ соломенныхъ шляпъ, носимыхъ лѣтомъ при полевыхъ работахъ сельскимъ населеніемъ Альгау и прочей южной Баваріи. Впослѣдствіи, съ распространеніемъ моды на соломенныя шляпы въ городахъ, женское населеніе той мѣстности начало заготовлять соломенную плетенку для фабрикъ соломенныхъ шляпъ въ большихъ городахъ. Но соломенная плетенка Альгау, даже въ лучшемъ видѣ, представляла собою лишь матеріалъ средней тонины (соломенное плетеніе высшаго качества и до настоящаго времени поставляютъ Италія и Швейцарія, вырабатывающія ее изъ недозрѣвшей, болѣе мягкой соломы), который быстро былъ вытѣсненъ китайской соломенной плетенкой; а эта, не уступая альгауской по качеству, настолько дешевле, что окончательно убила изготовленіе соломенной плетенки въ баварскихъ Альпахъ. Это поставило тамошнее населеніе въ безвыходное положеніе, угрожая уходомъ части женскаго населенія отъ сельскаго хозяйства, столь нуждающагося въ нихъ въ лѣтніе мѣсяца. Послѣднее обстоятельство побудило баварское правительство поощрить появленіе въ Линденбергѣ первыхъ фабрикъ соломенныхъ шляпъ, для введенія, въ видѣ домашняго (кустарнаго) промысла, шитья соломенныхъ шляпъ для фабрики. Успѣхъ первыхъ фабрикъ соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ вскорѣ создалъ соперничество, и уже въ 1893 году въ одномъ Линденбергѣ работало болѣе 30 фабрикъ, а во всемъ Альгау всего 45 фабрикъ соломенныхъ шляпъ.

Производство соломенныхъ шляпъ по своему характеру представляетъ два типа производства. Одинъ изъ нихъ—производство дамскихъ соломенныхъ шляпъ высшаго достоинства, быстро проходящей моды, часто представляющихъ собою положительно произведеніе художественное, есть производство, настолько зависящее отъ быстро проходящихъ капризовъ моды, что можетъ существовать лишь въ большихъ европейскихъ городахъ, находясь въ постоянной связи съ быстро мѣняющимися модами женщинъ большого свѣта; другой типъ—массовое производство соломенныхъ шляпъ, имѣющее также свои моды даннаго сезона, но моды, пользующіяся массовымъ сбытомъ. Это послѣднее производство уже не нуждается непремѣнно въ близости большого города, имѣя своихъ потребителей вездѣ, во всемъ свѣтѣ. Этотъ характеръ производства имѣютъ и фабрики соломенныхъ шляпъ въ Линденбергѣ, который находится въ 12 верстахъ отъ ближайшей станціи желѣзной дороги и въ 927 верстахъ отъ ближайшаго порта—Бремена [1]), черезъ который фабрики получаютъ китайскую соломенную плетенку, закупаемую ими въ Лондонѣ, являющемся міровымъ рынкомъ для закупки китайской соломенной плетенки, доставляемой туда главнымъ образомъ изъ провинціи Петчили и Шантунгъ, черезъ Шанхай.

Такая фабрика изготовляетъ, кромѣ модныхъ шляпъ мужчинъ и дѣтей, менѣе подвергающихся быстрому измѣненію модъ, ёще прочно удерживающіяся формы женскихъ шляпъ, извѣстныхъ подъ названіемъ флорентинской и шляпы Памела, а затѣмъ женскія шляпы моды предстоящаго сезона. Работа фабрикъ продолжается съ октября по май, лѣтомъ для нихъ заказовъ нѣтъ; все, чтò требуютъ лѣто и осень даннаго года, должно быть изготовлено и отправлено не позже мая. Готовыя шляпы изъ Линденберга, мужскія въ готовомъ, гарнированномъ видѣ, дамскія большею частью негарнированными, идутъ не только въ разные города Европы, но—особенно мужскія шляпы—вывозятся въ большомъ количествѣ въ заатлантическія страны, особенно въ Америку и Австралію. Фабрики Линденберга вырабатываютъ 70% всего своего производства изъ китайскаго, а около 30%—болѣе цѣннаго товара—изъ тонкаго итальянскаго и швейцарскаго плетенія.

Такая фабрика сама не занимается шитьемъ шляпъ, чтò и составляетъ кустарный заработокъ мѣстнаго женскаго населенія. Такая фабрика состоитъ: а) изъ учебной мастерской, въ которой изготовляются по спеціальному модному журналу, самостоятельно или по указу заказчика, первыя модели, по которымъ изготовляются дере-

[1]) Чтò равно разстоянію: отъ Риги до Орла; или отъ Либавы до Городни, черниговской губерніи; или отъ С.-Петербурга до Ярославля, до Тулы, до рязанской или до владимірской губерніи.

вянныя формы, а по нимъ швейки дома, на особыхъ швейныхъ машинахъ, шьютъ шляпы изъ данной имъ плетенки; этою же учебною мастерскою обучаются желающія работать на фабрикѣ шитью шляпъ на швейной машинѣ; б) изъ отдѣленія, въ которомъ производится аппретуровка шляпъ, съ помощью желатина, и бѣленія бѣлыхъ шляпъ сѣрнистымъ паромъ; в) изъ отдѣленія, въ которомъ, при помощи гидравлическихъ прессовъ съ нагрѣтыми формами, шляпа получаетъ окончательную формовку; г) гарнировочное отдѣленіе, въ которомъ мужскія и дѣтскія шляпы получаютъ гарнитуру, состоящую изъ ленты вокругъ шляпы; и д) упаковочнаго отдѣленія, въ которомъ готовый къ отправкѣ товаръ, смотря по тому, какой товаръ и куда отправляется, упаковывается въ тонкіе дощатые ящики или въ легкія корзины изъ лучинъ.

Фабрика, обучивъ дѣвушку или женщину шитью шляпъ, убѣдившись въ ея способности и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, даетъ ей машину на разсрочку уплаты стоимости машины въ теченіе 2—3 лѣтъ, вычетомъ изъ заработка. Вслѣдствіе большого числа фабрикъ шляпъ и конкурренціи межъ ними, притѣсненія ими мастерицъ не замѣчается. Такихъ машинъ для шитья шляпъ въ окрестностяхъ Линденберга въ 1892 году работало слишкомъ 800, за которыми женское населеніе работаетъ ежегодно съ октября по май мѣсяцъ. Заработокъ хорошей мастерицы составляетъ около 3 марокъ, средней—около 2 марокъ, плохой—отъ 1 до $1^1/_2$ марки въ день. Шляпы болѣе замысловатаго фасона, изъ тонкаго итальянскаго или швейцарскаго плетенія, большею частью шьются отъ руки, болѣе ловкими мастерицами, денной заработокъ которыхъ даже выше 3 марокъ въ день.

Достаточно указать на то, что Линденбергъ (всего съ 2.000 жителей) имѣетъ свой коммерческій банкъ, обороты котораго въ 1892 г. превысили 3 милліона марокъ, изъ которыхъ фабрики соломенныхъ шляпъ пользовались слишкомъ $2^1/_2$ милліонами марокъ.

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Германіи, первоначально изготовленіе ножеваго и проч. товара было исключительно ручное, составляя громадную отрасль кустарнаго производства по деревнямъ и мѣстечкамъ, ремесленнаго производства—по городамъ. Къ концу XIX столѣтія машинное производство навсегда вырвало изъ рукъ кустарей замочный, ножевый, гвоздочный и прочій товаръ. Нигдѣ именно это фабричное производство не развилось съ такою силою, какъ въ Германіи, и нигдѣ не было по этой отрасли производства такой ожесточенной борьбы, какъ въ Германіи, между кустаремъ и

фабрично-заводской промышленностью, имѣвшей въ результатѣ почти полное изъятіе этихъ производствъ изъ кустарной промышленности. Изготовленіе замковъ, ножеваго товара, гвоздей, лопатъ и т. п. товара кустарнымъ производствомъ въ Германіи въ настоящее время уже почти вовсе не встрѣчается, развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія, благодаря какимъ-либо особымъ условіямъ.

Своевременно предвидя исходъ борьбы кустарей съ фабричной промышленностью въ производствѣ металлическихъ издѣлій, въ Германіи обратили всѣ усилія на то, чтобы въ кустарѣ-кузнецѣ развить настолько интеллектуальную производительность, какъ въ техникѣ производства, такъ и въ самостоятельности творческой силы, чтобы сдѣлать изъ него конкуррентоспособную силу не только противъ отечественнаго фабричнаго производства, но и на міровомъ рынкѣ, создавъ изъ него производителя, противопоставляющаго массовому фабричному производству,—доводящему свои издѣлія до минимальной цѣны,—свою художественную работу, стоящую внѣ конкурренціи съ фабричнои, такъ какъ фабрики не вырабатываютъ подобныхъ издѣлій, могущихъ въ виду этого держать высокую цѣну. Такимъ образомъ, годами, постепенно, но прочно создалось въ Германіи художественное кузнечное ремесло, „Kunstschmiedegewerbe", распространенное по всей странѣ въ видѣ кустарнаго промысла. Такъ, изъ всей суммы 74.093.000 мар. желѣзныхъ издѣлій, издѣлія художественно-кузнечнаго производства составляютъ сумму въ 11.382.000 мар. Главными потребителями этихъ издѣлій являются Соединенные Штаты и Великобританія.

Благодаря такимъ же цѣлесообразнымъ мѣрамъ къ поднятію интеллектуальной производительности кустаря въ производствѣ кожаныхъ, басонныхъ, ткацкихъ и другихъ издѣлій, всѣ эти отрасли кустарной промышленности въ Германіи также твердо укоренились и противостояли фабричной промышленности. Такъ, напримѣръ, вывозъ предметовъ производства кожаныхъ издѣлій въ Германіи составляетъ, въ среднемъ, 110.108.000 мар. въ годъ, изъ которыхъ издѣлій кустарныхъ производствъ считаютъ, приблизительно, на 44.841.000 мар., съ чистымъ заработкомъ кустарей въ 8,57 милл. мар.; Россія, за тотъ же періодъ, вывезла кожаныхъ издѣлій всего лишь на 894.294 руб. въ годъ. Басонныхъ издѣлій за послѣднее десятилѣтіе вывезено изъ Германіи, въ среднемъ, въ годъ на 48.497.000 мар., изъ которыхъ на издѣлія кустарной промышленности пришлось 19.398.000 мар., давшихъ чистый заработокъ кустарямъ на 7.759.000 мар. въ годъ. Чулочнаго товара вывезено на 107.051.000 мар., съ 53.216.000 марокъ на долю кустарной промышленности, давшихъ чистый заработокъ кустарямъ въ 10.043.000 мар. въ годъ. Разныхъ издѣлій ткацкаго производства было вывезено въ годъ на 466.198.000 мар., изъ которыхъ на долю ку-

старной промышленности пришлось около 157,399.000 мар., давшихъ чистый заработокъ въ 51,35 милл. мар. въ годъ, и т. д.

Исторія борьбы кустарной промышленности съ фабрично-заводской, при естественныхъ (нормальныхъ, здравыхъ) условіяхъ, даетъ намъ лучшій примѣръ того, какой непобѣдимой силой является кустарный промыселъ въ соединеніи съ земледѣліемъ. Мы видимъ, что еще по послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ [1]) даже въ ткацкомъ производствѣ и производствѣ чулочнаго товара, въ которыхъ находится наибольшій процентъ кустарей, не причастныхъ къ земледѣлію, изъ 1.000 кустарей по ткацкому производству: мелкихъ землевладѣльцевъ 311, занятыхъ лѣтомъ земледѣліемъ 342, непричастныхъ къ земледѣлію 347; по производству чулочнаго товара: мелкихъ землевладѣльцевъ 138, занятыхъ лѣтомъ земледѣліемъ 149, непричастныхъ къ земледѣлію 713. Столь большой процентъ непричастныхъ къ земледѣлію въ производствѣ чулочнаго товара является отъ того, что это производство преимущественно въ рукахъ женщинъ, и потому имъ заняты часто круглый годъ многія изъ дочерей и проч. женскихъ членовъ семей тѣхъ же мелкихъ землевладѣльцевъ, которые, слѣдовательно, все-таки косвеннымъ образомъ обезпечены этимъ производствомъ.

Несмотря на всѣ усилія германскихъ правительствъ содѣйствовать расширенію кустарной промышленности вмѣстѣ съ земледѣліемъ,—въ Германіи, вслѣдствіе чрезвычайной населенности и малоземелья страны, осуществленіе этой основной мысли отъ поколѣнія къ поколѣнію все болѣе удаляется отъ примѣненія ея въ дѣйствительности. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находится Россія, въ которой крестьянинъ-кустарь уже родится съ правомъ на земельный надѣлъ. И еслибы этотъ надѣлъ у насъ еще сократился отъ прироста населенія, такъ и то онъ долго будетъ имѣть существенный перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе надъ безземельнымъ кустаремъ Германіи. Къ этому, въ настоящемъ, присоединяется въ нашу пользу еще то, что нашъ кустарь ведетъ несравненно болѣе простую жизнь и довольствуется значительно меньшимъ заработкомъ, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ кустарь-германецъ.

Насколько прусское правительство, заботясь главнымъ образомъ объ устроеніи кустарной промышленности, и теперь еще не только не сокращаетъ, но даже изъ года въ годъ увеличиваетъ затраты на развитіе разныхъ производствъ, показываетъ то, что маленькая Пруссія, ежегодный расходъ которой на этотъ предметъ уже составлялъ 2.737.560 марокъ, въ 1892 году пришла къ заключенію, что этой суммы далеко

[1]) Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. Bd. 2, S. 4 и 5.

не достаточно для низшихъ профессіональныхъ школъ, и, въ виду развитія кустарной промышленности, сразу повысила расходъ на этотъ предметъ еще на слишкомъ 848 тыс. марокъ въ годъ. Мы же на всѣ нужды кустарной промышленности „всей Россіи“, обороты которой даже при теперешнемъ отсталомъ состояніи ея превышаютъ 2 миліарда руб. въ годъ, затрачиваемъ всего около 200 тыс. руб. въ годъ.

Результаты такого отношенія къ важнѣйшей отрасли нашего народнаго хозяйства болѣе всего даютъ себя знать въ слабомъ развитіи платежной способности нашего народонаселенія.

Я привелъ здѣсь въ примѣръ важности значенія кустарной промышленности для народнаго хозяйства страны именно Германію, въ доказательство того, что кустарная промышленность не есть удѣлъ некультурныхъ и полудикихъ народовъ съ неразвитой заводской промышленностью, а что она, при правильной постановкѣ народнаго хозяйства, можетъ прочно существовать наряду съ сильно развитой заводской промышленностью,—Германію, какъ страну, въ которой крупная заводская промышленность развилась за послѣднія 20 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной культурной странѣ Европы, въ которой въ то же время и кустарная промышленность, сдѣлавшая крупные успѣхи въ техникѣ производства, сдѣлалась конкуррентоспособной отраслью народнаго хозяйства.

Насколько даже изъ вышеприведеннаго ясно усматривается связь кустарной промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ, настолько, при правильной постановкѣ кустарной промышленности, она стоитъ въ тѣсной связи съ заводской промышленностью и способствуетъ развитію послѣдней; становясь прочнымъ потребителемъ издѣлій сельскаго хозяйства, она способствуетъ развитію его, не отрывая населенія отъ земли. Если мы, напримѣръ, подсчитаемъ, насколько великъ будетъ расходъ на желѣзо и на каменный уголь, расходуемые нашими кузнецами-кустарями при прочномъ введеніи и развитіи у насъ художественнаго кузнечнаго производства, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи,—то увидимъ, что этой отраслью кустарной промышленности создается для нашихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ довольно крупный и прочный внутренній рынокъ для хорошаго ковальнаго желѣза, и значительно увеличится потребленіе каменнаго угля. А что такое художественное кузнечное производство и у насъ въ деревнѣ можетъ процвѣтать и художественно развиваться—это убѣдительнѣе всего доказалъ архитекторъ Ягнъ, привившій его въ черниговской губ.; высоко-художественныя издѣлія его учениковъ обращали на себя вниманіе на нижегородской всероссійской промышленной выставкѣ и представлены, въ видѣ желѣзныхъ перилъ, въ „верхнихъ рядахъ“ въ Москвѣ.

Настолько же развитіе кустарныхъ проволочныхъ издѣлій разовьетъ проволочное производство; развитіе кустарнаго ткачества—наше фабрично-прядильное производство; басонное производство — спросъ на шолковую и прочую пряжу; производство чулочнаго и вязанаго товара—спросъ на разную машинную пряжу, и т. д.

Однако, нѣтъ хуже дилеттантскаго характера въ дѣлѣ профессіональнаго развитія народа, безъ выработанной законченности, безъ яснаго пониманія того, чего именно требуется достичь, а особенно въ дѣлѣ обученія и въ школьномъ дѣлѣ, долженствующемъ лечь въ основу того или другого кустарнаго промысла, требующаго развитія болѣе тоннаго чутья къ художественной сторонѣ и къ техникѣ даннаго промысла.

При правильной постановкѣ такого призрѣнія сиротъ, наибольшая часть ихъ останется прочно привязанной къ земледѣлію, образуя, смотря по интеллектуальнымъ способностямъ и характеру, либо мелкаго арендатора, либо надѣльнаго крестьянина, использывающаго зимнее время тѣмъ или инымъ кустарнымъ промысломъ, либо исполовнаго рабочаго, или, наконецъ, лучшаго типа работника. Сообразно съ тѣмъ, какой типъ характернѣе выразится въ воспитанникахъ того или другого хозяйства,—выразится и болѣе выгодный типъ веденія его. Такъ, напримѣръ, если обнаружится, что въ данной мѣстности проявится стремленіе къ образованію мелкихъ арендаторовъ, то можетъ оказаться прочно выгоднымъ значительную часть имѣнія превратить въ мелкіе арендные дворы, оставивъ лишь лучшія земли подъ обработкою работниками, пользуясь при томъ излишномъ рабочихъ рукъ членовъ семьи мелкихъ арендаторовъ, по вольному найму. Или, напримѣръ, если въ бывшихъ воспитанникахъ проявится прочный типъ исполовщика,—значительная часть полевыхъ и покосныхъ угодій можетъ съ выгодою быть сдана исполовщикамъ; при дѣлежѣ урожая соотвѣтственно силамъ почвы, оставляется лишь поле, воздѣланное подъ корнеплоды, одно изъ озимыхъ полей и клеверныя поля—для обработки экономіей рабочимъ трудомъ, оставляя при этомъ за собою возможность, черезъ извѣстный періодъ времени, подвергнуть поле надлежащей обработкѣ [1]). Бо́льшая же часть этихъ сиротъ, вѣроятно, вернется въ деревню на свой надѣлъ и займется смѣшаннымъ трудомъ земледѣльца и кустаря, служа примѣромъ болѣе продуктивнаго и болѣе обезпеченнаго существованія.

---

[1]) На проявленія у насъ такого смѣшаннаго типа исполовнаго хозяйства съ работниками впервые мною было указано еще въ моемъ трудѣ „Очерки сельскаго хозяйства въ губ. Псковской“ (С.-Петерб., 1880), а затѣмъ подробнѣе развито раціональное примѣненіе его въ журналѣ „Сельск. Хоз. и Лѣсов.“, томъ CXLVIII, отд. II, стр. 129—153.

Часть этихъ воспитанниковъ, притомъ, вѣроятно, изъ болѣе даровитыхъ, пристрастится къ тому или другому кустарному промыслу настолько, что отдастся ему совершенно, отпавъ отъ земледѣлія, ставъ кустаремъ-кузнецомъ, бондаремъ, гончаромъ или рѣзчикомъ. И эти силы разовьются на благо страны, если развитіе ихъ будетъ доведено до надлежащей законченности, и если будетъ облегчено укорененіе ихъ въ деревнѣ, ибо онѣ дадутъ намъ прочный классъ умѣлыхъ мастеровъ и въ деревнѣ, которые, увеличивъ собою потребителя продуктовъ земледѣлія на мѣстѣ производства, въ то же время облегчатъ веденіе болѣе интенсивнаго и прибыльнаго хозяйства и въ менѣе крупныхъ имѣніяхъ, благодаря возможности имѣть по близости хорошихъ мастеровъ для ремонта и болѣе сложнаго инвентаря. А между тѣмъ ни одинъ кустарь, собственникъ хотя бы малѣйшаго клочка земли и свободный хозяинъ надъ собою, какъ и ни одинъ исполовщикъ, заинтересованный въ прибыли съ земли, какъ и ни одинъ мелкій арендаторъ,—никогда не заразится болѣзненнымъ вырожденіемъ стачниковъ. Лучшій примѣръ въ томъ даетъ намъ Лифляндія въ переживаемое нами теперь тяжелое время; тутъ мы видимъ, что вліяніе стачниковъ, перенесшихъ свою агитацію изъ Риги на окружающее сельское населеніе, распространяется и быстро охватываетъ лишь безземельнаго батрака,—батрака à profession, тогда какъ уже батракъ-сынъ крестьянина-собственника или крестьянина-арендатора—въ стачкахъ участвуютъ лишь принужденные силою стачниковъ, заявляя владѣльцу о ихъ несолидарности со стачниками.

Это дѣло правильнаго призрѣнія сиротъ и развитія кустарнаго промысла не есть дѣло частнаго лица, любителя-благотворителя, не есть дѣло одного земства или одного правительства, это — единое государственное дѣло, для правильнаго осуществленія котораго должны соединиться тѣсно всѣ силы,—правительство, земство и частная благотворительность, инищіатива, знаніе и энергія,—чтобы, не щадя средствъ и силъ, тѣмъ самымъ дать сильный толчокъ къ поднятію нравственныхъ и матеріальныхъ силъ страны, поднявъ при этомъ творческій ея геній и продуктивность во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

К. Веберъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906.

Новый избирательный законъ. — Временныя правила о печати и о забастовкахъ.— Историческія параллели и историческіе уроки. — На комъ лежитъ отвѣтственность за послѣднія событія? — Новыя формы произвола. — Опасность, грозящая личной свободѣ.

Почти два мѣсяца спустя послѣ обнародованія манифеста 17-го октября появился обѣщанный имъ новый избирательный законъ, замѣняющій собою положеніе 6-го августа о выборахъ въ Государственную Думу. Изъ двухъ путей—рѣшительнаго измѣненія системы и частичныхъ къ ней поправокъ,—указомъ 11-го декабря избранъ, къ сожалѣнію, послѣдній. Число избирателей значительно увеличено, но они остаются раздѣленными на группы, неравноправныя между собою, и самый порядокъ выборовъ сохраняетъ свою запутанность и сложность. Совершенно особое положеніе по прежнему занимаютъ крестьяне, съ четырехстепенными выборами и съ отдѣльными представителями, обязательно избираемыми изъ ихъ среды. Не отмѣнено правило, въ силу котораго избраны въ Думу могутъ быть только выборщики даннаго избирательнаго собранія. Внѣ области избирательнаго права остаются рабочіе небольшихъ фабричныхъ заведеній, ремесленники, чернорабочіе, живущіе при главѣ семьи взрослые ея члены и другія лица, не имѣющія особой квартиры, не платящія промысловаго налога и не получающія содержанія или пенсіи по службѣ государственной, общественной или желѣзнодорожной. Для рабочихъ, получающихъ право голоса, вводятся трехстепенные выборы: рабочіе избираютъ уполномоченныхъ, уполномоченные—выборщиковъ, которые и входятъ, вмѣстѣ съ другими, въ составъ избирательныхъ собраній. Число выборщиковъ отъ рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ невелико, что трудно ожидать сколько-нибудь замѣтнаго ихъ вліянія на рѣшеніе собранія;

въ костромской губерніи, напримѣръ, ихъ всего семь, а остальныхъ выборщиковъ—92, въ пермской губерніи соотвѣтствующія цифры—10 и 196, въ тверской—4 и 120, даже во владимірской, гдѣ такъ много фабрикъ—16 и 92. Нѣсколько большее значеніе выборщики отъ рабочихъ могутъ имѣть развѣ въ губерніяхъ столичныхъ (въ с.-петербургской губерніи ихъ 24, въ московской — 35), но они распредѣляются между избирательными собраніями губернскимъ и городскимъ, и слѣдовательно ни въ томъ, ни въ другомъ ихъ не будетъ много. Въ с.-петербургской губерніи фабрики и заводы больше, чѣмъ въ московской, сосредоточены въ столицѣ; но если и допустить, что въ избирательное собраніе города С.-Петербурга войдутъ 20 рабочихъ (изъ 24), то все же они составятъ только одну девятую его часть (другихъ выборщиковъ въ этомъ собраніи — 160). Ужъ если принятъ былъ принципъ отдѣльныхъ избирательныхъ курій, то слѣдовало довести его до конца и дать рабочимъ — въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ много, — право избирать особо своихъ представителей въ Государственную Думу, подобно тому, какъ это право дано крестьянамъ.

„Вводимыя новымъ закономъ"—говоритъ Совѣтъ министровъ,—„поправки и дополненія къ порядку, установленному въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу, страдаютъ, конечно, нѣкоторыми недостатками, какъ и всякая избирательная система, которая построена на различныхъ для разныхъ классовъ основаніяхъ, а потому съ точки зрѣнія стройности и логическихъ основаній могутъ вызвать немало возраженій. По существу, однако, они вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ, которыя могутъ быть въ этомъ отношеніи предъявлены". Итакъ, законъ можетъ, въ одно и то же время, „страдать нѣкоторыми недостатками" и „удовлетворять самымъ строгимъ требованіямъ"? Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, нужно, по меньшей мѣрѣ, доказать, что *въ данную минуту* недостатки, отъ которыхъ „страдаетъ" законъ, были *безусловно неизбѣжны*. Попытку доказательства мы дѣйствительно и встрѣчаемъ въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Совѣта министровъ. „Всеобщая подача голосовъ", по словамъ Совѣта, „далеко не составляетъ послѣдняго слова политическаго представительства и даже въ странахъ, значительно опередившихъ Россію на пути развитія формъ государственной жизни, не является сколько-нибудь общепризнаннымъ началомъ. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ большинство европейскихъ державъ, которое не проявляетъ еще опредѣленной рѣшимости перейти къ этому способу выборовъ и расширяетъ свои избирательныя системы лишь медленно и постепенно, по мѣрѣ роста и политическаго развитія низшихъ общественныхъ слоевъ и проникновенія соотвѣтствующихъ идей въ сознаніе всѣхъ классовъ населенія. Если же въ Россіи, ко-

торая по условіямъ своимъ мало подготовлена не только ко всеобщимъ, но ко всякаго рода политическимъ выборамъ, дѣйствительно развилось въ большинствѣ населенія сознательное убѣжденіе въ пользѣ для государства этой именно системы народнаго представительства, то Государственная Дума, по силѣ манифеста 17-го октября, не лишена будетъ возможности возбудить въ установленномъ порядкѣ вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи избирательнаго права въ мѣрѣ и степени, какія, по ея мнѣнію, соотвѣтствуютъ истиннымъ пользамъ и нуждамъ нашего отечества. Пока же мнѣніе по этому предмету всего населенія остается неизвѣстнымъ, правительство, устанавливая порядокъ избранія членовъ Государственной Думы, не считаетъ себя въ правѣ отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, кои до сихъ поръ неизмѣнно полагались въ Россіи въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ и вошли въ сознаніе огромнаго большинства населенія".

Убѣдительными эти соображенія признать нельзя. Россія вступила на путь радикальныхъ преобразованій при особыхъ условіяхъ, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ обновлялся государственный строй въ бо̀льшей части западно-европейскихъ странъ. Не говоря уже объ Англіи, издавна привыкшей къ осторожному, постепенному усовершенствованію государственныхъ учрежденій, почти вездѣ конституціонный порядокъ установлялся въ то время, когда на очереди стояли исключительно или главнымъ образомъ политическіе вопросы, когда едва намѣчались соціальныя реформы и движеніе не проникало въ глубь народной массы. Сравнительно легко, поэтому, создавались цензовыя системы, ограничивалось избирательное право; сравнительно медленно возникало и расло требованіе всеобщей и равной подачи голосовъ. Самыя формы этого требованія смягчались—и смягчаются до сихъ поръ (напримѣръ въ Бельгіи)—вошедшей въ обиходъ свободой слова и высокою, сравнительно, степенью благосостоянія народныхъ массъ. Обездоленные слои населенія успокаиваетъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ ихъ ожидаетъ желанная равноправность. У насъ страшная запоздалость политическихъ преобразованій привела къ тому, что одновременно съ ними выступилъ на сцену соціальный вопросъ—выступилъ на сцену не только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ знакомъ нашимъ сосѣдямъ, но и въ формѣ специально-русской: къ новому, рабочему вопросу присоединился старый, аграрный, давно таившійся въ средѣ крестьянства. Тѣ способы привлеченія населенія къ участію въ государственной жизни, которые были бы приняты съ восторгомъ двадцать-пять, даже десять лѣтъ тому назадъ, теперь оказываются безсильными внести успокоеніе въ умы. Скажемъ болѣе: еще въ концѣ прошлаго года Государственная Дума, построенная по

образцу указа 11-го декабря, была бы встрѣчена совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. Не было еще тогда воспоминаній о несчастномъ днѣ 9-го января, не была еще потеряна надежда на успѣшный исходъ японской войны, не было тѣхъ безчисленныхъ катастрофъ, которыя ознаменовали собою по истинѣ несчастный для Россіи 1905-ый годъ. Меньше было поколеблено довѣріе къ правительству, меньше были организованы оппозиціонныя силы, меньше взволнована и потрясена народная масса. Инымъ, быть можетъ, было бы положеніе дѣлъ даже въ такомъ случаѣ, еслибы положеніе 6-го августа ближе подходило къ указу 11-го декабря или еслибы послѣдній былъ обнародованъ нѣсколько дней спустя послѣ манифеста 17-го октября. Обстоятельства, вслѣдствіе медленности и нерѣшительности правительства, сложились такъ, что наиболѣе смѣлый шагъ оказался бы теперь и наиболѣе благоразумнымъ. Опасностей и затрудненій провозглашеніе всеобщей подачи голосовъ повлекло бы за собою не больше, а меньше, чѣмъ полумѣра 11-го декабря. Не случайно же за всеобщее избирательное право высказалось значительное меньшинство Совѣта министровъ; не случайно оно включено въ программу такой умѣренной партіи, какъ союзъ 17-го октября.

Рѣшимость воздержаться, въ настоящую минуту, отъ введенія всеобщей подачи голосовъ Совѣтъ министровъ мотивируетъ, между прочимъ, нежеланіемъ отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, которыя до сихъ поръ „неизмѣнно полагались у насъ въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ". На самомъ дѣлѣ манифестъ 17-го октября, а за нимъ и указъ 11-го декабря, знаменуютъ собою такой разрывъ съ прошедшимъ, при которомъ нѣтъ основанія держаться за ту или другую привычную форму. Общественные и сословные выборы, производившіеся при прежнемъ режимѣ, не могутъ служить образцомъ для выборовъ въ Государственную Думу: слишкомъ велика разница между задачами тѣхъ и другихъ, слишкомъ велика важность послѣднихъ сравнительно съ первыми. Сословное начало, притомъ, проводится въ указѣ 11-го декабря, какъ и въ положеніи 6-го августа, только отчасти: дворянству эти государственные акты никакой особенной роли не предоставляютъ. Необходимость сохранить отдѣльные крестьянскіе выборы Совѣтъ министровъ мотивируетъ тѣмъ, что „еслибы дарованное крестьянамъ по положенію 6-го августа право особаго представительства было отмѣнено, то всякое новое измѣненіе въ группировкѣ крестьянскихъ избирателей, произведенное безъ согласія Государственной Думы, могло бы вызвать, особенно при нынѣшнемъ настроеніи крестьянства, самыя серьезныя волненія". Едва ли, однако, крестьяне не съумѣли бы понять, что всеобщая подача голосовъ, при громадной, сравнительно съ другими сословіями, числен-

вости крестьянства, создастъ для нихъ гораздо болѣе вліятельное положеніе на выборахъ, чѣмъ сложный избирательный порядокъ, перенесенный въ указъ 11-го декабря изъ положенія 6-го августа.

Какъ бы велики, впрочемъ, ни были въ нашихъ глазахъ недостатки новаго избирательнаго закона, мы стоимъ за возможно скорое его осуществленіе, по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя заставили насъ возражать даже противъ бойкотированія Государственной Думы 6-го августа. Манифестъ 17-го октября предоставилъ дальнѣйшее развитіе общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, Отсюда ясно, что указъ 11-го декабря имѣетъ только временное значеніе: созданіе постояннаго избирательнаго закона будетъ зависѣть отъ Государственной Думы, составляя одну изъ тѣхъ ея „учредительныхъ функцій", которыя, по какому-то странному недоразумѣнію, оспариваютъ у нея противники общеземскаго съѣзда. Право Государственной Думы „возбуждать вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи избирательнаго права" признаетъ, какъ мы видѣли, и Совѣтъ министровъ. Трудно предположить, что она не воспользуется этимъ правомъ или воспользуется имъ въ недостаточной мѣрѣ. За всеобщую подачу голосовъ высказываются даже самыя консервативныя земскія собранія и городскія думы—а между тѣмъ избирательная система, устанавливаемая указомъ 11-го декабря, несравненно шире той, на которой зиждется наше земское и городское самоуправленіе. Есть полное основаніе предполагать, что на сторону всеобщаго избирательнаго права станетъ громадное большинство элементовъ, вновь призванныхъ къ избирательной урнѣ, и, вмѣстѣ съ крестьянской массой, проведетъ въ Думу рѣшительныхъ сторонниковъ демократическаго строя. Составленной такимъ образомъ Думѣ ничто не помѣшаетъ настаивать на введеніи въ дѣйствіе новаго избирательнаго закона, какъ только будутъ исполнены первыя, важнѣйшія задачи народнаго представительства. Великая цѣль будетъ достигнута этимъ путемъ безъ новыхъ потрясеній, безъ новыхъ жертвъ, непосильныхъ для истрадавшагося народа и слишкомъ легко могущихъ привести къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Запоздали, наравнѣ съ положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу, и временныя правила о печати, обнародованныя въ указѣ 24-го ноября. Какую радость возбудили бы еще недавно такія мѣры, какъ освобожденіе періодической прессы отъ цензуры, свѣтской и духовной, уничтоженіе административной власти надъ печатью, явочный порядокъ основанія періодическихъ изданій, отмѣна закона, въ силу котораго печать могла быть осуждаема на молчаніе по важнѣйшимъ

очереднымъ вопросамъ — это не требуетъ объясненій. Теперь онѣ прошли едва замѣченными, потому что все содержаніе ихъ было уже фактически введено въ жизнь самою печатью. Вниманіе общества сосредоточилось исключительно на слабой сторонѣ правилъ—на измѣненіяхъ и дополненіяхъ, внесенныхъ ими въ уголовные законы о печати. Нарушая систему новаго уголовнаго уложенія, въ силу котораго печатное слово разсматривается лишь какъ одна изъ возможныхъ формъ преступнаго дѣянія и преступленія печати не отдѣляются отъ другихъ аналогичныхъ правонарушеній,—правила 24-го ноября предусматриваютъ цѣлый рядъ специфическихъ проступковъ печати, и притомъ такихъ, совершенію которыхъ особенно способствуютъ условія переживаемаго нами времени (возбужденіе къ стачкамъ, къ прекращенію занятій, къ устройству воспрещенныхъ закономъ скопищъ, распространеніе ложныхъ свѣдѣній или слуховъ). Еще важнѣе то, что суду предоставлено не только право пріостановить или запретить осужденное повременное изданіе, но и право пріостановить, въ случаѣ наложенія ареста на тотъ или другой отдѣльный нумеръ періодическаго изданія, выходъ въ свѣтъ дальнѣйшихъ его нумеровъ, до воспослѣдованія судебнаго приговора. Мѣра несомнѣнно карательнаго свойства налагается, такимъ образомъ, въ то время, когда еще не разрѣшенъ вопросъ о преступности или непреступности инкриминированной статьи; заранѣе предполагается не только виновность обвиняемаго, но и преступность того, что̀ могло бы впослѣдствіи появиться въ его изданіи. Это противорѣчитъ самымъ элементарнымъ началамъ права. Правда, при явочномъ порядкѣ пріостановка изданія не такъ опасна, какъ при концессіонномъ: пріостановленное изданіе можетъ быть замѣнено другимъ, подъ той же редакціей и при томъ же составѣ сотрудниковъ продолжающимъ то же самое дѣло. Нельзя не замѣтить, однако, что если на нашихъ глазахъ пріостановленныя изданія почти немедленно возникали вновь подъ другимъ именемъ, то это объясняется игнорированіемъ требованія, установляющаго двухнедѣльный промежутокъ между заявленіемъ о новомъ изданіи и выходомъ его въ свѣтъ. Этого не предвидѣли составители временныхъ правилъ; въ ихъ глазахъ пріостановка изданія до судебнаго приговора представлялась мѣрой гораздо болѣе серьезной, чѣмъ она оказалась на самомъ дѣлѣ... Безъ дѣйствія остается, во многихъ случаяхъ, и та статья временныхъ правилъ, по которой каждый нумеръ періодическаго изданія, одновременно съ выпускомъ его изъ типографіи, представляется издателемъ мѣстному установленію или должностному лицу въ опредѣленномъ числѣ экземпляровъ. Въ болѣе спокойное время исполненіе этой статьи едва ли встрѣтило бы какія-либо затрудненія. Преступленія, совершаемыя путемъ печати, вездѣ подлежатъ судеб-

ному преслѣдованію; отсюда вытекаетъ само собою установляемое и иностранными законодательствами немедленное сообщеніе каждаго произведенія печати мѣсту или лицу, отъ котораго зависитъ возбужденіе преслѣдованія. Весьма цѣлесообразно, также, доставленіе всѣхъ вновь выходящихъ произведеній печати въ главныя книгохранилища государства—но, конечно, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ требуемое дѣйствующимъ закономъ.

Чрезвычайно неудовлетворительны постановленія временныхъ правилъ объ арестѣ періодическаго изданія. Наложеніе ареста зависитъ отъ установленія или должностного лица по дѣламъ печати и допускается всякій разъ, когда въ содержаніи нумера заключаются признаки преступнаго дѣянія (за исключеніемъ преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія). Какъ бы маловаженъ, слѣдовательно, ни былъ проступокъ, достаточно одного предположенія о его наличности, чтобы остановить обращеніе даннаго нумера газеты или журнала. Совершенно иначе вопросъ объ арестѣ разрѣшается иностранными законодательствами. Въ Германіи, напримѣръ, предварительный арестъ допускается только въ пяти случаяхъ, прямо указанныхъ закономъ, причемъ относительно двухъ изъ нихъ сдѣлана оговорка: „если есть настоятельная опасность, что при промедленіи ареста воззваніе (къ совершенію преступленія) или возбужденіе (различныхъ классовъ населенія другъ противъ друга) будетъ имѣть своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ совершеніе преступленія или проступка". Во Франціи сфера примѣненія предварительнаго ареста еще тѣснѣе, чѣмъ въ Германіи; арестъ, притомъ, можетъ быть наложенъ только слѣдственнымъ судьею. Дальнѣйшей гарантіей для печати служатъ въ Германіи точно установленные сроки для всѣхъ дѣйствій, входящихъ въ составъ производства объ арестѣ. Если арестъ наложенъ полиціей, прокуроръ долженъ быть извѣщенъ о томъ въ теченіе 12-ти часовъ; затѣмъ, въ теченіе 12 часовъ прокуроръ или дѣлаетъ распоряженіе о снятіи ареста, или вноситъ предложеніе объ утвержденіи его судебнымъ порядкомъ. Если арестъ наложенъ прокуроромъ, судъ долженъ быть поставленъ о томъ въ извѣстность въ теченіе 24-хъ часовъ; въ теченіе слѣдующихъ сутокъ должно состояться постановленіе суда. Предварительный арестъ, подтвержденный судомъ, подлежитъ отмѣнѣ, если въ теченіе двухъ недѣль не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія. Временныя правила 24-го ноября гораздо менѣе опредѣленны. Распоряженіе объ арестѣ представляется суду *немедленно*; но кому же неизвѣстно, что въ нашей административной практикѣ понятіе о немедленности весьма условно и растяжимо? Судъ обязанъ разсмотрѣть представленіе въ первомъ, послѣ полученія его, распорядительномъ засѣданіи; а что, если это засѣ-

даніе, вслѣдствіе наступленія праздниковъ или по другой причинѣ, состоится нескоро? Для возбужденія судебнаго преслѣдованія временныя правила не назначаютъ никакого срока; безсрочной, значить, можетъ быть и продолжительность ареста. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда у насъ еще практиковались процессы печати, арестъ оставался иногда въ силѣ въ теченіе цѣлаго года—и снимался лишь вслѣдствіе отказа прокуратуры возбудить судебное преслѣдованіе.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 29-го ноября установлены временныя правила о наказуемости наиболѣе опасныхъ проявленій въ забастовкахъ. И между этими правилами есть одно, которое еще недавно вызвало бы общее удовольствіе: мы говоримъ объ отмѣнѣ ст. 1358-ой улож. о наказ., назначающей наказаніе за обыкновенную стачку рабочихъ. Фактически, однако, свобода стачекъ существуетъ у насъ уже цѣлый годъ; понятно, что узаконеніе ея не произвело никакого впечатлѣнія. Одновременно съ ст. 1358-ой стараго уложенія слѣдовало бы отмѣнить и 1-ую часть ст. 367 новаго уложенія, также облагающую наказаніемъ простую стачку.

Остріе правилъ 29-го ноября направлено: 1) противъ стачекъ служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, на телефонѣ или вообще въ такомъ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія; 2) противъ стачекъ служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ; 3) противъ сообществъ, имѣющихъ цѣлью возбужденіе стачекъ того или другого рода. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ наказанію подлежитъ самое участіе въ сообществѣ или стачкѣ; въ первомъ случаѣ наказаніе грозитъ лишь такимъ участникамъ стачки, которые нанесутъ поврежденіе имуществу даннаго предпріятія или служащимъ въ немъ лицамъ, или будутъ дѣйствовать на другихъ служащихъ и рабочихъ принужденіемъ, выражающимся въ насиліи, угрозахъ или отлученіи отъ общенія. Наказуемымъ признается также возбужденіе къ стачкѣ перваго или второго рода.

Поврежденіе имущества, насиліе, угрозы—все это воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; нѣтъ, слѣдовательно, причины выдѣлять эти дѣйствія въ особые проступки, когда они совершаются въ связи съ забастовкой. Наказуемость дѣянія должна зависѣть отъ его свойства, а не отъ момента его совершенія; послѣдній можетъ имѣть вліяніе только на опредѣленіе *мѣры* наказанія. „Отлученіе отъ общенія“, само по себѣ не составляющее преступнаго дѣянія, нельзя считать наказуемымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно связано съ возникновеніемъ или поддержаніемъ стачки. Слишкомъ растяжимо самое

понятіе о немъ, слишкомъ неуловимы его признаки. Оно можетъ быть выражено взглядомъ, жестомъ, словомъ, ни къ кому спеціально не обращеннымъ. Трудно опредѣлить, притомъ, произвело ли оно желанное впечатлѣніе, имъ ли, или чѣмъ-либо другимъ, вызвана въ данномъ лицѣ рѣшимость примкнуть къ стачкѣ или отказаться отъ возобновленія работы. Болѣе чѣмъ спорной кажется намъ и наказуемость участія въ сообществѣ, направившемъ свою дѣятельность къ возбужденію или поддержанію стачекъ. Трудно представить себѣ возможность существованія сообщества, спеціальная цѣль котораго заключалась бы въ организаціи и распространеніи стачекъ; такъ называемые стачечные комитеты образуются обыкновенно только въ виду одной опредѣленной стачки, и, слѣдовательно, ихъ члены ничѣмъ существенно не отличаются отъ обыкновенныхъ организаторовъ стачки. Уголовная отвѣтственность послѣднихъ допустима развѣ тогда, когда, вслѣдствіе ихъ почина, дѣйствительно состоялась стачка въ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ общественнымъ бѣдствіемъ или опасностью для государства. Только при наличности этого условія можетъ быть рѣчь и о наказуемости соглашеній между состоящими на государственной службѣ, направленныхъ къ прекращенію или пріостановленію занятій; во всѣхъ другихъ случаяхъ вполнѣ достаточна отвѣтственность дисциплинарная. Стачки служащихъ мыслимы лишь при глубокомъ потрясеніи государственнаго организма,—а въ такое время путемъ преслѣдованій и наказаній можно достигнуть лишь весьма немногаго... Существенное значеніе имѣетъ, по нашему мнѣнію, только та часть правилъ 29-го ноября, которая обезпечиваетъ участь служащихъ, пострадавшихъ за отказъ присоединиться къ забастовкѣ.

Много цѣннаго принесъ минувшій годъ Россіи—но многаго и лишилъ ее. Онъ положилъ начало давно желанной перемѣнѣ государственнаго строя, давно желанной политической свободѣ; онъ прекратилъ тяжелую войну, обезсиливавшую народъ и не обѣщавшую ничего кромѣ новыхъ неудачъ и новыхъ бѣдствій. Но еще раньше возстановленія внѣшняго мира былъ нарушенъ миръ внутренній—и нарушенія его, захватывая все болѣе и болѣе широкую область, становились все болѣе и болѣе интенсивными. Несчастный день 9-го января и ужасные декабрьскіе московскіе дни—вотъ двѣ крайнія точки, между которыми лежатъ весенніе и осенніе аграрные безпорядки, еврейскіе погромы на югѣ Россіи, трагическія событія въ Одессѣ, Севастополѣ, Варшавѣ, избіенія въ Томскѣ, Твери, Ѳеодосіи, открытое возстаніе въ остзейскихъ губерніяхъ, желѣзнодорожныя и почтово-

телеграфныя забастовки. Разстраиваются государственные финансы, останавливается промышленность, бѣднѣетъ народъ, голодаютъ крестьяне—вслѣдствіе неурожая, рабочіе—вслѣдствіе безработицы. На всемъ громадномъ протяженіи страны нѣтъ уголка, гдѣ бы царила полная тишина. Утрачено взаимное довѣріе, поколеблена надежда на лучшее будущее: впереди виднѣется цѣлый рядъ новыхъ усложненій. Когда наступитъ конецъ безпрестанно повторяющимся стачкамъ? Какъ пройдетъ весна въ взбаламученной до дна деревнѣ? Водворится ли спокойствіе на окраинахъ государства, близкихъ и дальнихъ? Соберется ли безпрепятственно Государственная Дума, найдетъ ли она необходимую поддержку во всѣхъ слояхъ населенія? Удастся ли ей трудное дѣло созданія формъ и условій для обновленной государственной и общественной жизни? Войдетъ ли въ нормальную колею движеніе, разлившееся бурною волною? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; въ нависшей надъ нами мглѣ просвѣтовъ еще слишкомъ мало.

Ни въ одной войнѣ—кромѣ, быть можетъ, той, которая велась въ шестидесятыхъ годахъ между сѣверными и южными штатами Америки—не было такихъ продолжительныхъ, многодневныхъ сраженій, какъ битвы при Лаоянѣ и Мукденѣ. Какъ бы въ параллель съ ними, необыкновенно продолжителенъ былъ и только-что прекратившійся уличный бой въ Москвѣ. Столько же, приблизительно, времени длилась лишь битва на улицахъ Парижа въ маѣ 1871 года—но тамъ регулярныя войска имѣли передъ собою цѣлую армію національныхъ гвардейцевъ, привыкшую къ военнымъ дѣйствіямъ во время двукратной осады Парижа и располагавшую всѣми средствами для отчаяннаго сопротивленія. Макъ-Магону предстояло овладѣть городомъ, который весь, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, находился въ рукахъ коммуны. Совершенно инымъ было положеніе дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ никогда не переставала дѣйствовать правительственная власть и революціонеры, не прошедшіе черезъ боевую школу, были не только обороняющеюся, но и нападающею стороною. При такихъ условіяхъ продолжительность борьбы имѣетъ несомнѣнное симптоматическое значеніе: она указываетъ на слабость моральнаго противодѣйствія, встрѣченнаго инсургентами въ окружающей средѣ. Весьма велико, съ другой стороны, различіе въ общей обстановкѣ сравниваемыхъ нами явленій. Въ маѣ 1871-го года французское правительство имѣло передъ собою только одинъ возставшій Парижъ: волненія, раньше происходившія въ немногихъ большихъ провинціальныхъ городахъ, были безъ труда подавлены, и масса населенія, особенно сельскаго, ни мало не сочувствовала нарушителямъ мира, только-что возстано-

деннаго послѣ бѣдственной войны [1]). Наоборотъ, революціонное движеніе въ Москвѣ совпало съ гражданской войной въ Лифляндіи и Курляндіи, съ серьезными безпорядками въ Харьковѣ и многихъ другихъ городахъ, съ непрекращающимися аграрными волненіями, съ частичными желѣзнодорожными и почтово-телеграфными забастовками, съ тревогой среди значительной части петербургскихъ рабочихъ. Мы подчеркиваемъ этотъ контрастъ потому, что онъ подсказываетъ, какъ намъ кажется, важные практическіе выводы. Не только гуманность, но и простое благоразуміе говоритъ противъ репрессій въ родѣ тѣхъ, какія слѣдовали за усмиреніемъ парижскихъ возстаній 1848 и 1871 гг. Всегда осуждаемая нравственнымъ чувствомъ, чрезмѣрная строгость становится опасной, когда настроеніе, противъ котораго она направлена, широко распространено во всей странѣ. И во Франціи память о томъ, что творилось послѣ торжества Кавеньяка и Макъ-Магона, долго висѣла мрачною тѣнью надъ народомъ, медленно уступала мѣсто забвенію; чего же можно было бы ожидать у насъ, при всеобщей нервности, при страшно ускоренномъ біеніи общественнаго пульса? Намъ нужны не военные суды, не казни и ссылки: намъ нужны рѣшительные шаги впередъ на пути къ политическимъ и соціальнымъ реформамъ. Это прекрасно поняла московская городская дума, принявшая, еще до окончанія уличныхъ столкновеній, слѣдующее постановленіе: „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненій обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія".

Громко говоря за умѣренность послѣ побѣды, московскія событія напоминаютъ, съ другой стороны, объ условіяхъ, которыя слѣдовало бы соблюдать во время самаго боя. Понятіе о превышеніи необходимой обороны, выработанное уголовнымъ правомъ, примѣнимо и къ войнѣ, въ особенности къ войнѣ гражданской. Оно обнимаетъ собою,

[1]) При аналогичныхъ условіяхъ протекала и другая ожесточенная борьба на улицахъ Парижа, въ іюньскіе дни 1848-го года. Въ департаментахъ мятежъ не только не находилъ поддержки, но даже вызывалъ прямой отпоръ; національные гвардейцы изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ городовъ становились въ ряды войскъ Кавеньяка. Съ особеннымъ усердіемъ дѣйствовала противъ инсургентовъ и подвижная гвардія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ парижанъ.

напримѣръ, такіе факты, какъ артиллерійскій разгромъ домовъ, изъ которыхъ были сдѣланы единичные выстрѣлы. Недопустимость подобнаго образа дѣйствій признали и высшія московскія власти, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Безспорно, уличный бой создаетъ почву для взаимнаго озлобленія, доводя его до еще болѣе высокой степени, чѣмъ международная битва; но и для него можетъ и долженъ быть созданъ предѣлъ, охраненіе котораго сравнительно легче для власти, при высокомъ развитіи воинской дисциплины... Столь же недопустимы стѣсненія помощи, подаваемой раненымъ. Обезоруженный, безсильный, окровавленный противникъ перестаетъ быть врагомъ и вызываетъ только состраданіе.

Между кѣмъ и какъ распредѣляется отвѣтственность за все пережитое Россіей въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1905-го года—это вопросъ, безпристрастное рѣшеніе котораго пока еще немыслимо. Съ полною увѣренностью можно только указать—если не идти назадъ дальше 17-го октября—двѣ главныя причины разразившихся надъ нами бѣдствій: ошибки кабинета гр. Витте и переходъ крайнихъ партій къ революціоннымъ дѣйствіямъ. О первыхъ мы подробно говорить не будемъ; запоздалость и недостаточность мѣръ, направленныхъ къ осуществленію манифеста 17-го октября, далеко не полный разрывъ съ традиціями и порядками прежняго режима, оставленіе у власти многихъ его представителей [1])—все это слишкомъ хорошо извѣстно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій невѣрный шагъ правительства подбавлялъ воды на революціонную мельницу—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ея работа остановилась при другомъ, болѣе цѣлесообразномъ образѣ дѣйствій. Въ широкихъ кругахъ рѣшимость прибѣгнуть къ оружію созрѣвала уже давно и въ послѣднее время только окрѣпла: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы резолюцію совѣта рабочихъ депутатовъ, состоявшуюся 22-го октября, т.-е. въ такое время, когда еще не опредѣлилась политика новаго кабинета („петербургскій пролетаріатъ дастъ царскому правительству послѣднее сраженіе тогда, когда это будетъ выгодно вооруженному и организованному пролетаріату“). Вооруженное возстаніе — страшное зло, по тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно требуетъ, по тѣмъ сѣменамъ ненависти и злобы, которыя оно остав-

---

[1]) Особенно ненормальнымъ составъ кабинета сталъ съ тѣхъ поръ, какъ было оглашено въ печати—и оставлено безъ отвѣта—обвиненіе, взводимое А. А. Стаховичемъ на П. Н. Дурново. Знаменательно также увольненіе министра юстиціи, С. С. Манухина, если оно дѣйствительно вызвано тѣмъ, что онъ настаивалъ, вопреки мнѣнію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на соблюденіи законнаго порядка разсмотрѣнія сенаторскихъ ревизіонныхъ отчетовъ.

ляетъ, по невозможности, наконецъ, предвидѣть его исходъ, его ближайшіе и отдаленные результаты. Оно законно развѣ какъ ultima ratio угнетенныхъ, справедливо отчаявшихся въ мирномъ улучшеніи своей участи. Есть ли, съ точки зрѣнія наиболѣе обездоленныхъ слоевъ русскаго народа, достаточный поводъ для такого отчаянія, для внушаемыхъ имъ крайнихъ рѣшеній? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ казаться спорнымъ во время первыхъ фазисовъ освободительнаго движенія, даже послѣ 6-го августа, но не послѣ 17-го октября. Манифестъ, возвѣстившій превращеніе Россіи въ конституціонное государство, открылъ дорогу для правомѣрнаго заявленія всѣхъ требованій, какъ бы далеко они ни отступали отъ существующаго общественнаго строя. Еслибы Государственная Дума, вслѣдствіе недостатковъ избирательнаго закона, и оказалась невѣрной истолковательницей народной мысли, политическая свобода должна открыть легальные пути къ воздѣйствію на народное представительство, къ измѣненію его состава, къ болѣе цѣлесообразному его устройству. По меньшей мѣрѣ преждевременнымъ является, поэтому, обращеніе къ насилію, особенно въ такую минуту, когда не изглажены еще слѣды несчастной войны, когда сводятся національные счеты, когда народъ страдаетъ отъ стихійныхъ бѣдствій. Ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться къ лучшему отъ того, что къ развалинамъ домовъ и къ сотнямъ труповъ въ разныхъ деревняхъ и городахъ прибавились еще болѣе грандіозныя развалины и еще болѣе многочисленные трупы въ Москвѣ. Если событія будутъ идти въ томъ же направленіи и тѣмъ же темпомъ, если не водворится, хотя бы на время, порядокъ, необходимый для созыва народныхъ представителей, Россія вступитъ въ новый періодъ своей исторіи истощенною, озлобленною, неспособною къ творческой работѣ.

Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о новыхъ формахъ тираніи, идущихъ на смѣну старыхъ. Опасность, указанная нами, остается въ полной силѣ. Печати, освобожденной отъ правительственнаго гнета, грозитъ произволъ, зарождающійся въ собственной ея средѣ. Выходъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ былъ прерванъ на нѣсколько дней несогласіемъ наборщиковъ съ содержаніемъ статьи, принятой редакціей. Однородная причина привела къ временной пріостановкѣ „Разсвѣта“. Газеты „Право“, „Россія“, „Дэръ Фрайндъ“ нѣсколько дней не могли выходить въ свѣтъ изъ-за отказа набирать ихъ, пока въ нихъ не будетъ помѣщенъ извѣстный „манифестъ“ крайнихъ партій. Весьма характерно объясненіе, данное по этому поводу редакціей газеты „Дэръ Фрайндъ“ [1]. Редакція, по ея словамъ, съ самаго начала

[1] См. „Молва“, № 5.

готова была перепечатать манифестъ, но этому помѣшало прекращеніе работы наборщиками изъ-за нежеланія ихъ подчиняться существовавшему до тѣхъ поръ внутреннему распорядку. 4-го декабря они предложили стать на работу только на одинъ день, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ день въ газетѣ былъ перепечатанъ „манифестъ". Несмотря на то, что требованіе наборщиковъ совпадало съ рѣшеніемъ, уже принятымъ редакціею, редакція, „считая вопросъ о помѣщеніи того или иного матеріала подлежащимъ исключительно ея вѣдѣнію и недопускающимъ вмѣшательства со стороны наборщиковъ, заявила, что не находитъ возможнымъ входить съ ними въ обсужденіе этого вопроса". Взглядъ, выраженный въ этихъ словахъ, до очевидности правиленъ— и можно только удивляться, что понадобилась его защита. Если бы въ нашей печати получили право гражданства приказы, идущіе отъ рабочихъ, — а имъ, конечно, внушаемые извнѣ, — то положеніе ея стало бы худшимъ, чѣмъ при правительственной цензурѣ. Послѣдняя запрещала говорить то-то или о томъ-то, но ничего не диктовала, ничего не заставляла печатать (кромѣ оффиціальныхъ опроверженій)— а теперь мы присутствуемъ при попыткахъ сдѣлать газеты и журналы проводниками нераздѣляемыхъ ими взглядовъ. Нужно надѣяться, что эти попытки прекратятся сами собою, не находя болѣе поддержки въ средѣ самихъ дѣятелей періодической прессы.

Только-что указанная опасность—не единственная, созданная новыми условіями нашей общественной жизни. Больше чѣмъ когда-либо теперь необходима не только внѣшняя, но и внутренняя реакція противъ печальнаго наслѣдства, завѣщаннаго намъ вѣками матеріальнаго и умственнаго гнета. Нужно воскресить свободу мысли и оградить ее отъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили; нужно возстановить утраченную привычку дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не отдавая себя во власть чужой воли, единичной или коллективной. Между тѣмъ, въ разрѣзъ съ стремленіями, направленными къ этой цѣли, идутъ нѣкоторыя черты, замѣчаемыя въ образованіи столь многочисленныхъ, въ послѣднее время, партій и союзовъ. И партіи, и союзы имѣютъ, безспорно, крупное значеніе, какъ орудія борьбы въ настоящемъ и будущемъ; но не слишкомъ ли велики требованія, предъявляемыя ими къ своимъ членамъ? Уставами многихъ партій прямо предписывается *подчиненіе* не только программѣ, но и партійной дисциплинѣ. Не знаемъ, содержатъ ли въ себѣ аналогичное предписаніе уставы или руководящія правила союзовъ, но думаемъ, что оно лежитъ, большею частью, въ основѣ союзной дѣятельности, хотя бы и не было выражено прямо и открыто. Партійная дисциплина—понятіе, заимствованное изъ практики западно-европейскихъ государствъ, давно живущихъ полною политическою жизнью. Сложившіяся въ прочныя единицы, состоящія изъ лицъ близко знакомыхъ между собою,

непосредственно ведущія борьбу съ противниками, парламентскія группы безъ большихъ неудобствъ и затрудненій могутъ установлять тактическіе пріемы, обязательные, въ данную минуту, для каждаго ихъ участника. За своими представителями могутъ слѣдовать и внѣпарламентскіе члены партіи, т.-е. избиратели, примыкающіе къ ея программѣ и поддерживающіе общеніе съ нею на періодическихъ, правильно организованныхъ съѣздахъ. Каждый членъ партіи знаетъ ея вождей, слѣдитъ—или можетъ слѣдить—за всѣми ихъ дѣйствіями и словами; довѣріе, если можно такъ выразиться, никѣмъ и никому не отпускается въ кредитъ. Совсѣмъ иное дѣло—партіи только-что организующіяся, только-что вступающія въ жизнь. Въ организаціи ихъ неизбѣжно играетъ большую роль элементъ случайности: привлекаетъ программа, составленная нѣсколькими лицами, а не довѣріе къ этимъ лицамъ. Принимая ту или другую партійную программу, вступающій въ партію знаетъ, чего она требуетъ, чего не допускаетъ; подчиняясь партійной дисциплинѣ, онъ идетъ навстрѣчу неизвѣстному будущему и рискуетъ сдѣлаться невольнымъ исполнителемъ такихъ рѣшеній, съ которыми, будь они ему заранѣе извѣстны, онъ никогда бы не согласился. Ограниченіе свободы, которому онъ себя подвергаетъ, является и ненужнымъ, и опаснымъ: ненужнымъ, потому что партія, находящаяся въ періодѣ формированія и не выступившая еще на политическую арену, можетъ, безъ вреда для себя, не быть единодушной по отдѣльному тактическому вопросу; опаснымъ, потому что приходится жертвовать только-что пріобрѣтенной свободой и надѣвать на себя новыя путы, въ иныхъ отношеніяхъ болѣе тяжелыя чѣмъ прежнія. Созданіе „партійной дисциплины" кажется намъ, поэтому, по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ; совершенно достаточно соглашеніе по личнымъ вопросамъ, т.-е. готовность подавать голосъ, на выборахъ, за кандидатовъ, намѣченныхъ свободно избранными представителями партіи. Возможно менѣе стѣснительными должны быть и самыя партійныя программы, обнимая собою сравнительно небольшое число существенно важныхъ пунктовъ и допуская разномысліе о всемъ остальномъ. Не такое теперь время, чтобы расходиться изъ-за частныхъ разногласій. Желательны, наконецъ, соглашенія между партіями, близко подходящими одна къ другой—соглашенія, которыя, не нарушая самостоятельности партій, позволили бы имъ дѣйствовать заодно въ особенно критическіе моменты (напр. во время выборовъ въ Государственную Думу).

Сказанное нами о партіяхъ примѣнимо, въ значительной степени, и къ союзамъ. Какъ средства борьбы въ видахъ достиженія строго опредѣленной цѣли, они законны и полезны, особенно въ наше смутное время; но принадлежащія къ нимъ лица не должны отказываться отъ

своей свободы, не должны принимать на себя обязательствъ, значеніе которыхъ нельзя заранѣе установить, тяжесть которыхъ нельзя заранѣе взвѣсить. Представимъ себѣ, напримѣръ, что членъ учительскаго союза, присоединившійся къ нему въ видахъ поднятія педагогической профессіи и улучшенія школьнаго строя, становится лицомъ къ лицу съ требованіемъ прекратить занятія и примкнуть къ политической забастовкѣ. Если онъ сознаетъ, что исполненіе этого требованія равносильно нарушенію его профессіональнаго долга, что школьная забастовка можетъ принести только вредъ, ничѣмъ не уравновѣшиваемый и не вознаграждаемый, ему предстоитъ выборъ между двумя тяжелыми рѣшеніями: подчиниться—и поступить вопреки голосу совѣсти, или отказаться—и навлечь на себя если не бойкотъ, то во всякомъ случаѣ обвиненіе въ трусости, въ измѣнѣ. Не можетъ быть признанъ правильнымъ путь, который приводитъ къ такимъ дилеммамъ; никто не долженъ поступаться драгоцѣннымъ правомъ самоопредѣленія. Ненормальность положенія становится еще ярче, если приказъ, требующій безусловнаго повиновенія, идетъ не отъ союза, къ которому принадлежитъ данное лицо, а отъ другого учрежденія, съ которымъ онъ связанъ самою поверхностною, въ сущности мнимою связью—напр., отъ союза союзовъ... Несвободнымъ оказывается, въ настоящую минуту, множество профессіональныхъ дѣятелей, для которыхъ обязательное послушаніе можетъ стать еще болѣе тягостнымъ, чѣмъ для учителей: достаточно назвать врачей и фармацевтовъ. Пожелаемъ, чтобы ближайшее будущее и въ этомъ отношеніи было болѣе благопріятно для личной свободы, безъ которой немыслимо правильное политическое развитіе страны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906 г.

Печальные итоги истекшаго года. — Послѣдствія военныхъ катастрофъ. — Вліяніе внѣшнихъ неудачъ на внутреннее политическое положеніе.—Международныя отношенія: военно-морскіе инциденты и крейсерство.—Политика Германіи.—Портсмутскій миръ.—Главныя событія въ другихъ государствахъ.

Истекшій годъ можно назвать годомъ ужасовъ для Россіи—ужасовъ всякаго рода, внѣшнихъ и внутреннихъ, — „l'année terrible“, какъ говорятъ французы о своемъ 1870-мъ годѣ. Рядъ колоссальныхъ пораженій въ войнѣ съ Японіею, безславная гибель всего русскаго флота, „неслыханная смута“ на всемъ пространствѣ имперіи, братоубійственная борьба и рѣзня, рѣзня безъ конца,— все это бросаетъ мрачную тѣнь на ближайшее будущее и не позволяетъ спокойно взвѣшивать значеніе совершающихся событій. Міровая политика остановилась въ ожиданіи исхода русскаго кризиса; на этомъ мучительномъ кризисѣ сосредоточивается вниманіе всѣхъ культурныхъ націй, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ судьбѣ Россіи, какъ великой державы.

Военныя катастрофы на Дальнемъ Востокѣ слѣдовали одна за другою: въ январѣ — дѣло при Сандепу, раскрывшее недостатокъ единства и обдуманности въ дѣйствіяхъ русской главной квартиры въ Манчжуріи, несмотря на сосредоточеніе власти въ рукахъ главнокомандующаго, располагавшаго услугами необыкновенно многочисленнаго и роскошно оплачиваемаго штабнаго персонала; въ февралѣ— двѣнадцатидневный бой подъ Мукденомъ, гдѣ главныя русскія силы, численностью не менѣе 400 тысячъ человѣкъ, были окончательно разбиты японскими войсками; наконецъ, въ маѣ, при Цусимѣ,— полный разгромъ балтійской эскадры, съ добровольною сдачею непріятелю четырехъ могущественныхъ броненосцевъ.

Въ другихъ государствахъ всякая крупная военная или политическая неудача, имѣющая характеръ катастрофы, вызываетъ прежде всего удаленіе распоряжающихся лицъ, какъ ближайшихъ виновниковъ бѣдствія: такъ было въ Австріи 1866 года, послѣ битвы при Садовой, когда главнокомандующій Бенедекъ тотчасъ же былъ устраненъ, и вслѣдъ затѣмъ подверглась коренному преобразованію вся система управленія въ австрійской монархіи; во Франціи, послѣ Седана, немедленно сошли со сцены не только генералы Макъ-

Магонъ и Паликао, но и всѣ министры второй имперіи. вмѣстѣ со своимъ повелителемъ и замѣнившимъ его регентствомъ; даже въ колоніальной англо-бурской войнѣ, послѣ первыхъ серьезныхъ неудачъ, генералъ Буллеръ долженъ былъ уступить мѣсто Робертсу и Китченеру. У насъ въ Россіи, напротивъ, виновники бѣдствій не только не уходили, но еще расширяли свою власть и увеличивали свои притязанія, какъ бы въ насмѣшку надъ русскимъ обществомъ и народомъ. Генералъ Куропаткинъ, доказавшій свою неспособность и несостоятельность въ цѣломъ рядѣ дѣлъ съ самаго начала кампаніи, сдѣланъ главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ послѣ того, какъ проигралъ сраженіе при Лаоянѣ, и упорно сохранялъ свое мѣсто и роль до тѣхъ поръ, пока не устроилъ грандіознаго отступленія при Мукденѣ; такъ же точно оставались на мѣстѣ до конца высшіе распорядители арміи и флота, отвѣтственные за состояніе русскихъ вооруженныхъ силъ и за способъ управленія ими; даже намѣстникъ Дальняго Востока, со своимъ штабомъ и канцеляріею, продолжалъ номинально управлять дѣлами Квантунскаго полуострова послѣ перехода послѣдняго подъ власть японцевъ; наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, не съумѣвшій распутать манчжурскій вопросъ и предупредить войну, остался министромъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Конфликтъ съ Японіею обострился и доведенъ былъ до разрыва стараніями небольшой группы закулисныхъ придворныхъ совѣтниковъ, участниковъ лѣсопромышленной концессіи въ сѣверной Кореѣ, образовавшихъ Особый комитетъ Дальняго Востока; этому комитету, составленному изъ совершенно некомпетентныхъ случайныхъ лицъ, предоставлено было завѣдывать крайне щекотливыми дипломатическими переговорами, отъ которыхъ зависѣлъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. Тотъ фактъ, что жизненные интересы Россіи и русскаго народа могли внезапно очутиться въ распоряженіи нѣсколькихъ безотвѣтственныхъ царедворцевъ, указывалъ на явную ненормальность государственнаго строя, основаннаго на „исконныхъ началахъ“ самовластія. Контръ-адмиралъ Абаза, статсъ-секретарь Безобразовъ, егермейстеръ Балашовъ и адмиралъ Алексѣевъ считали долгомъ чести для Россіи обузданіе японскаго честолюбія, присоединеніе Манчжуріи или продленіе ея военной оккупаціи на неопредѣленный срокъ и рѣшительное противодѣйствіе домогательствамъ и протестамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ,—и такая фантастическая политика, противорѣчившая всѣмъ стремленіямъ и чувствамъ русскаго общества, навязывалась Россіи даже не оффиціальнымъ правительствомъ, а какимъ-то закулиснымъ, вопреки публично заявленнымъ взглядамъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Позорное крушеніе всей этой манчжурско-корейской авантюры, по-

топленной въ потокахъ русской крови, должно было, казалось бы, образумить самыхъ непреклонныхъ защитниковъ старой секретной системы государственнаго управленія. Но придворная бюрократія не хотѣла добросовѣстно признать свою великую вину передъ Россіею; и это нежеланіе подчиниться неизбѣжнымъ логическимъ послѣдствіямъ войны послужило источникомъ еще худшихъ несчастій, чѣмъ пораженія на полѣ битвы. Бездарные фавориты постарались разоблачить передъ всѣмъ міромъ внутреннее ничтожество и безсиліе режима, скрывающаго въ себѣ грозныя опасности для страны; и въ то же время они съ надменнымъ высокомѣріемъ отстаивали неприкосновенность своего владычества, подъ прикрытіемъ громкихъ охранительныхъ формулъ, и возбуждали темные инстинкты массъ противъ сторонниковъ необходимыхъ перемѣнъ и преобразованій. Вмѣсто того, чтобы уступить мѣсто честнымъ и свѣдущимъ людямъ, они проповѣдывали борьбу противъ внутреннихъ враговъ и крамольниковъ, недовольныхъ существующими порядками. Возникли кровавыя междоусобія, которыя въ глазахъ Запада временно вычеркнули Россію изъ числа вліятельныхъ и могущественныхъ державъ.

Иностранная печать съ интересомъ слѣдила за ходомъ этой внутренней борьбы между защитниками и противниками пагубной системы самовластія. Заграницей говорили о русской конституціи, когда появился скромный рескриптъ 18 февраля о призывѣ достойнѣйшихъ выборныхъ людей къ участію въ предварительныхъ законодательныхъ совѣщаніяхъ; русское народное представительство признавалось уже чѣмъ-то безспорно существующимъ, когда вышелъ законъ 6 августа о Государственной Думѣ; наконецъ, манифестъ 17 октября, повидимому, завершилъ превращеніе Россіи въ конституціонную монархію. Эти послѣдовательныя уступки оппозиціонному или освободительному движенію дѣлались только подъ напоромъ крайне тяжелыхъ обстоятельствъ и усилій, стоившихъ огромныхъ, неисчислимыхъ матеріальныхъ жертвъ; но иноземные наблюдатели не замѣчали, что самое осуществленіе новыхъ началъ гражданской свободы поручалось тѣмъ же представителямъ стараго режима, и что эта очевидная аномалія поддерживала и оправдывала недовѣріе либеральной части общества. Серьезныя англійскія газеты ставили въ упрекъ русскимъ либераламъ, что они не отдали себя сразу въ распоряженіе графа Витте и кабинета 17 октября; англичане считали какъ будто либерально-конституціоннымъ такое министерство, въ которомъ вся реальная власть принадлежала реакціонному генералу, а важнѣйшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ переданъ бывшему директору департамента полиціи, удаленному когда-то со службы за незаконный обыскъ въ домѣ иноземнаго посланника и опять возвышенному потомъ при Сипягинѣ и

Плеве. Трудно разсчитывать на довѣріе, когда вводить конституцію призываются дѣятели третьяго отдѣленія, подвергавшіе людей аресту и ссылкѣ за простые разговоры о конституціи. Заграничная публика не знаетъ дѣйствительныхъ особенностей русскаго кризиса, и для нея остается неяснымъ, почему оппозиціонная борьба продолжалась послѣ манифеста 17 октября; отсюда рядъ недоразумѣній, пропагандою которыхъ спеціально занимался услужливый корреспондентъ графа Витте въ лондонскомъ „Daily Telegraph".

Тяжкія послѣдствія несчастной войны заставили вскорѣ забыть самую войну со всѣми ея ужасами и катастрофами; Мукденъ и Цусима отодвинулись какъ будто въ прошлое и утратили свою горечь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того убійственнаго внутренняго кошмара, который охватилъ Россію. Искусственный авторитетъ государственной власти внезапно лишился своей традиціонной почвы; правители, доведшіе страну до разгрома и позора, не уходили въ отставку, а по прежнему требовали безпрекословнаго повиновенія и уваженія обывателей, безъ всякихъ попытокъ загладить свои грѣхи или покаяться въ нихъ. Привычный тонъ фарисейской лжи и обмана лишь раздражалъ населеніе, и довѣріе къ правительству было подорвано въ корнѣ. Сдавленные долгими годами насилія, оппозиціонные элементы вырвались на просторъ тотчасъ же, какъ только поколебался нравственный авторитетъ высшей власти, отъ имени которой сурово проводилась и охранялась система беззаконія. Правительство не измѣнило своего состава и характера послѣ страшныхъ опытовъ японской войны, и это полное отсутствіе сознанія и чувства отвѣтственности въ высшихъ сферахъ было истинною причиною общаго кризиса, выразившагося въ послѣдовательныхъ взрывахъ и волненіяхъ въ разныхъ частяхъ имперіи.

Въ безпощадной борьбѣ за свое господство властвующая бюрократія не могла опираться на иностранные примѣры и прецеденты; въ отличіе отъ правительствъ и династій, переживщихъ эпохи 1789 и 1848 годовъ, она не должна была вступать впервые на путь неиспытанныхъ еще смѣлыхъ преобразованій, а обязана была только усвоить общепринятыя уже во всемъ культурномъ мірѣ политическія начала, добросовѣстно примкнуть къ западно-европейской конституціонной практикѣ и отречься наконецъ отъ постыднаго сходства съ турецкимъ режимомъ. Французы временъ великой революціи были окружены въ Европѣ атмосферою неограниченнаго феодальнаго монархизма и имѣли предъ собою только одинъ исключительный примѣръ свободнаго парламентскаго государства — Англію; нѣмцы или австрійцы 1848 года такъ же не видѣли вокругъ себя разумно управляемыхъ конституціонныхъ государствъ и стремились къ обновленію

своего политическаго строя, какъ къ чему-то идеальному, далекому отъ окружающей жизни, и ихъ горячіе порывы могли многимъ казаться благородными фантазіями, стараніями сдѣлать скачокъ въ область неизвѣстнаго будущаго. Въ совершенно другомъ положеніи находится русское правительство: оно давно уже не видитъ предъ собою другихъ образцовъ управленія, кромѣ конституціонныхъ и парламентскихъ, и оно должно было поневолѣ интересоваться мнѣніями и рѣшеніями народнаго представительства даже въ Японіи, гдѣ микадо представляетъ собою „божественную" династію, начало которой восходитъ къ миѳическимъ временамъ за пять вѣковъ до Рождества Христова. Если „священный" японскій монархъ для пользы своего государства сдѣлался ограниченнымъ конституціоннымъ правителемъ и этимъ открылъ народу широкій путь къ блестящему процвѣтанію и развитію, то съ тѣмъ большимъ правомъ можно было устроить подобную реформу въ Россіи, гдѣ династія имѣетъ выборное происхожденіе и менѣе чѣмъ трехсотлѣтнюю исторію. Ненормальность въ томъ именно и заключалась, что, окруженная со всѣхъ сторонъ поучительными образцами благотворнаго конституціоннаго режима, Россія принуждалась считать для себя всякія подражанія этимъ образцамъ недоступными и запретными безсмысленными мечтаніями. Бюрократія не имѣла, конечно, ни нравственнаго, ни формальнаго права противиться реформѣ, безусловно необходимой и спасительной для страны и вмѣстѣ съ тѣмъ сближающей послѣднюю съ Европою; и если она, однако, долго противилась, не отступая при этомъ отъ кровавыхъ репрессій, то она дѣлала это исключительно изъ эгоистическихъ, корыстныхъ побужденій. Даже послѣ манифеста 17 октября провозглашенныя „гражданскія свободы" остались отчасти фиктивными, ибо соблюденіе этихъ свободъ всецѣло зависитъ отъ произвола многочисленныхъ исполнителей и распорядителей прежняго самодержавнаго типа. Такимъ образомъ, кризисъ не смягчается, а становится все болѣе острымъ и опаснымъ, распространяясь въ народныхъ массахъ, гдѣ накопившееся вѣками озлобленіе выражается въ неожиданно дикихъ формахъ; опасность полной анархіи увеличивается при общей неустойчивости и безсиліи государственной власти, не успѣвшей или не желающей замѣнить старыя основы быта новыми, основанными на принципѣ всенароднаго выборнаго представительства. Русско-японская война почти забыта, но ея плачевные результаты неустанно дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ какъ на внутреннее, такъ и на международное положеніе Россіи.

Подвергаясь систематическимъ военнымъ неудачамъ, какихъ не ожидали даже злѣйшіе наши враги, русское правительство далеко не

сохраняло предъ Европой того апломба, который оно усиленно поддерживало въ отношеніяхъ къ собственному народу. За нѣсколько дней до Мукдена наша дипломатія должна была проглотить горькую пилюлю, выслушавъ постановленіе международной слѣдственной коммиссіи въ Парижѣ по поводу постыдной паники и стрѣльбы среди балтійской эскадры при встрѣчѣ съ гулльскими рыболовными судами въ Сѣверномъ морѣ. Въ этомъ грустномъ инцидентѣ, возбудившемъ на первыхъ порахъ сильнѣйшее негодованіе англичанъ, Франціи удалось достигнуть компромисса, способнаго удовлетворить Англію безъ большого ущерба для чести Россіи и ея адмираловъ: было признано съ одной стороны, что адмиралъ Рожественскій не имѣлъ основанія стрѣлять въ рыбацкую флотилію и не долженъ былъ потомъ поспѣшно удалиться, не оказавъ помощи пострадавшимъ, а съ другой стороны,— что онъ старался дѣйствовать правильно и ничѣмъ не нарушилъ ни военнаго долга, ни обязанностей человѣчности; за убытки же щедро заплатило русское казначейство, согласно подробному англійскому счету, провѣренному и исправленному Гаагскимъ третейскимъ трибуналомъ. Приходилось также дорого расплачиваться за неумѣлыя попытки крейсерства въ открытомъ морѣ; снаряженіе судовъ Добровольнаго флота въ Красное море для захвата кораблей, идущихъ черезъ Суэзскій каналъ на Дальній Востокъ, вызвало рѣшительный протестъ лондонскаго кабинета, такъ какъ эти крейсеры вышли изъ Чернаго моря черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ видѣ простыхъ купеческихъ судовъ и не имѣли права потомъ вооружаться для нападенія на нейтральную морскую торговлю; русское правительство должно было поневолѣ подчиниться и отозвать посланныя суда, причемъ не могло доставить имъ свои инструкціи иначе какъ черезъ посредство британскаго адмиралтейства. Почти каждый захватъ иностраннаго судна подъ предлогомъ контрабанды давалъ поводъ къ непріятнымъ дипломатическимъ спорамъ и къ требованіямъ крупнаго денежнаго вознагражденія; командиры нашихъ крейсеровъ, по своей отечественной привычкѣ не справляться ни съ какими точными законами, постоянно нарушали какія-нибудь международныя правила: то они задерживали почтовый пароходъ и захватывали почту, адресованную на Дальній Востокъ; то они уводили въ плѣнъ пароходъ съ казеннымъ британскимъ грузомъ, предназначеннымъ для британской эскадры, какъ это было съ „Малаккою"; то они топили большіе иностранные пароходы, которыхъ не могли доставить до Владивостока, какъ это было съ „Найтъ-Командеромъ". Эти неудачные и безтактные подвиги крайне раздражали иностранцевъ, особенно англичанъ, и налагали на насъ напрасныя финансовыя тягости, не причиняя никакого вреда японцамъ; но морское вѣдомство, беззаботное вообще насчетъ интересовъ

казны, усердно продолжало устраивать крейсерскія экспедиціи, и наши вспомогательные крейсеры имѣли возможность тревожить англійскіе или нѣмецкіе торговые корабли даже послѣ окончательнаго разгрома и истребленія всего нашего тихоокеанскаго флота. Жалкія потуги этого крейсерства вносили отчасти комическій элементъ въ общую картину послѣдовательной гибели нашихъ боевыхъ эскадръ.

Оффиціальныя международныя отношенія Россіи, повидимому, оставались прежними, но въ нихъ чувствовалась внутренняя перемѣна вслѣдствіе значительно измѣнившейся оцѣнки русскаго политическаго могущества и вліянія. Наибольше выгодъ извлекла изъ этой перемѣны Германія: въ январѣ она безъ всякихъ усилій получила отъ русскаго правительства согласіе на подписаніе торговаго договора, которымъ интересы русской вывозной торговли принесены въ жертву домогательствамъ нѣмецкихъ аграріевъ и промышленниковъ. Весною, послѣ Мукдена, Германія внезапно обнаружила сильный интересъ къ судьбѣ Марокко, отданнаго подъ протекторатъ Франціи англо-французскимъ соглашеніемъ 1904 года, одобреннымъ также Испаніею; императоръ Вильгельмъ II и его канцлеръ князь Бюловъ сдѣлали видъ, что они оффиціально ничего не знаютъ объ этой конвенціи, сообщенной имъ въ свое время только частнымъ образомъ, и что они нисколько не обязаны считаться съ нею послѣ международнаго ослабленія Франціи, лишенной фактическаго союза и содѣйствія Россіи. Вильгельмъ II прибылъ въ концѣ марта на военномъ кораблѣ въ Танжеръ, вступилъ въ личныя сношенія съ марокканскимъ султаномъ, призналъ его вполнѣ независимымъ государемъ, провозгласилъ безусловную равноправность всѣхъ націй въ торговлѣ и промышленности въ предѣлахъ Марокко, и этимъ поставилъ въ довольно критическое положеніе французскую дипломатію, которая вела тогда переговоры съ султаномъ относительно программы реформъ въ видахъ установленія новаго порядка вещей подъ контролемъ Франціи. Марокканскій султанъ, найдя неожиданнаго заступника и покровителя въ лицѣ германскаго императора, перемѣнилъ тонъ въ сношеніяхъ съ французами, отвергъ всѣ ихъ требованія и только съ трудомъ согласился на международную конференцію для обсужденія марокканскихъ дѣлъ, по проекту, принятому Франціею и Германіею. Берлинскій кабинетъ такъ рѣзко поставилъ марокканскій вопросъ и такъ круто велъ переговоры, что французскій министръ Делькассè, давнишній и неизмѣнный сторонникъ русскаго союза, вынужденъ былъ выйти въ отставку, и его замѣнилъ болѣе сговорчивый глава кабинета, ловкій финансистъ Рувье. Делькассè давно возстановилъ противъ себя нѣмцевъ своимъ стремленіемъ устроить тѣсныя политическія связи не только съ Россіею, но и съ Англіею, Италіею и Испаніею, чтобы постепенно изолировать Германію и подорвать значеніе

ея тройственнаго союза; въ виду этихъ возможныхъ плановъ полезно было дать почувствовать Франціи, что теперь она сама одинока и ни на чью поддержку разсчитывать не можетъ, и эта задача была исполнена Вильгельмомъ II съ несомнѣннымъ искусствомъ и успѣхомъ.

Само собою разумѣется, что германскій императоръ въ то же время сохраняетъ близкую оффиціальную дружбу съ Россіею и готовъ ей при случаѣ оказывать разныя услуги или давать совѣты въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; въ этомъ смыслѣ возбудило много толковъ путешествіе его въ финляндскія шхеры для важнаго политическаго свиданія у Бьерке, въ Финскомъ заливѣ, 11 іюля; а позднѣе, въ октябрѣ, газеты сообщали о цѣломъ рядѣ германскихъ миноносцевъ, поддерживавшихъ сношенія по безпроволочному телеграфу между берегами Германіи и Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что германское правительство заботливо интересуется необычайными русскими бѣдствіями и можетъ въ извѣстный моментъ принять въ нихъ участіе, подъ предлогомъ дружественныхъ фамильныхъ традицій, которыя и въ прошломъ причиняли намъ немало вреда. Чтобы имѣть возможность предупредить подобныя попытки закулиснаго односторонняго воздѣйствія, русская дипломатія должна изъ придворной сдѣлаться государственною и національною, а это будетъ достигнуто только прочнымъ утвержденіемъ представительной формы правленія въ Россіи.

Пока не была окончена русско-японская война, существовали надежды или на поворотъ военнаго счастья въ другую сторону, или на заключеніе безобиднаго мира, который позволитъ Россіи возстановить потрясенныя силы и начать новую эру внутренняго прогрессивнаго развитія. Послѣ Мукдена и Цусимы не могло быть и рѣчи о благопріятныхъ шансахъ дальнѣйшей войны, и требовать продолженія военныхъ дѣйствій при тѣхъ же порядкахъ и условіяхъ, которые привели къ проигрышу кампаніи, могли только газетные лицемѣры и льстивые царедворцы, щеголявшіе дешовымъ патріотизмомъ на чужой или народный счетъ. Въ концѣ мая принято было посредничество президента Соединенныхъ Штатовъ, Рузевельта, для устройства свиданія русскихъ и японскихъ представителей съ цѣлью выясненія возможныхъ условій мира. Главнымъ уполномоченнымъ съ нашей стороны назначенъ былъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, статсъ-секретарь С. Ю. Витте. Совѣщанія открылись 27 іюля въ небольшомъ приморскомъ городѣ американскаго штата Нью-Гемпширъ, Портсмутѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ выяснилось, что Японія считаетъ необходимыми условіями мира возмѣщеніе военныхъ издержекъ и уступку острова Сахалина, и что эти требованія категорически отклонялись Россіею; однако, въ

послѣдній моментъ, когда личное вмѣшательство Рузевельта не устранило принципіальнаго разногласія и прекращеніе переговоровъ казалось уже неминуемымъ, японскіе делегаты неожиданно, въ засѣданіи 16 августа, выразили свое согласіе на окончательныя русскія предложенія, и такимъ образомъ 23 августа былъ подписанъ въ Портсмутѣ мирный договоръ, ратификація котораго состоялась 1 октября. Заключеніе мира на условіяхъ сравнительно безобидныхъ, безъ уплаты контрибуціи и съ потерею только части Сахалина, было достигнуто не искусствомъ русскихъ уполномоченныхъ, а тѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ, что 30 іюля возобновленъ былъ англо-японскій союзъ на широкихъ и чрезвычайно выгодныхъ для Японіи основаніяхъ и что обезпеченныя этимъ союзомъ выгоды побуждали токійскій кабинетъ отказаться отъ продолженія войны съ Россіею. Такъ какъ текстъ этого союзнаго договора былъ обнародованъ только въ сентябрѣ, то успѣшное окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ приписывалось или финансовымъ затрудненіямъ Японіи, или дѣловой выдержкѣ и ловкости главнаго русскаго уполномоченнаго. Въ дѣйствительности заслугою русской дипломатіи было устраненіе важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ при началѣ переговоровъ и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ второстепенныхъ пунктовъ; а когда къ концу совѣщаній были опять поставлены самые трудные и важные вопросы—о военныхъ издержкахъ и Сахалинѣ,—то политическое положеніе уже измѣнилось, и Японія не имѣла никакого разсчета воевать ради пріобрѣтенія денегъ и пустынной сѣверной части Сахалина. Удачнымъ заключеніемъ мира настолько прославился С. Ю. Витте, что на него стали смотрѣть какъ на замѣчательнаго государственнаго человѣка, призваннаго взять въ свои руки и благополучно довести до конца великое дѣло возрожденія Россіи на новыхъ началахъ гражданской свободы и народнаго представительства. Эти ожиданія и предположенія оказались впослѣдствіи сильно преувеличенными, и за эти ошибочныя ожиданія трудно, конечно, считать отвѣтственнымъ самого С. Ю. Витте.

Во Франціи министерство Комба вышло въ отставку въ январѣ, такъ какъ его односторонняя борьба съ духовными конгрегаціями и католическимъ духовенствомъ вызывала все болѣе настойчивую оппозицію умѣренныхъ либеральныхъ группъ и не встрѣчала уже прежней единодушной поддержки среди представителей крайней лѣвой. Новый кабинетъ Рувье ставитъ себѣ широкія и разнородныя задачи, политическія, финансовыя и экономическія, но прежде всего стремится объединить разрозненные элементы передовыхъ республиканскихъ партій; между тѣмъ самъ Рувье пользуется авторитетомъ только какъ

дѣльный финансистъ-практикъ и ловкій парламентскій ораторъ, но большинству радикаловъ и соціалистовъ онъ не внушаетъ довѣрія. Будучи противникомъ всякихъ крайностей, онъ не раздѣлялъ ни антиклерикальныхъ увлеченій Комба, ни прямолинейнаго руссофильства Делькассè; однако, онъ взялся провести проектъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства и признавалъ себя солидарнымъ съ политикою министра иностранныхъ дѣлъ. Разногласіе между Делькассé и радикальными группами выразилось довольно рѣзко въ палатѣ при первомъ же обсужденіи министерской декларація Рувье, въ концѣ января; слова о вѣрности русскому союзу возбудили энергическіе протесты и возгласы, по поводу жестокой расправы съ рабочими на улицахъ Петербурга, 9 января. Многіе заявляли, что пора отречься отъ позорнаго союза съ „правительствомъ палачей", и Делькассè вступилъ въ горячій споръ съ противниками, защищая оффиціальную Россію отъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, обвиненій. Въ дѣло вмѣшался Жорéсъ, и только умѣренная лѣвая и центръ отнеслись одобрительно къ доводамъ Делькассé. Но глава министерства, съ финансовой точки зрѣнія, очень дорожитъ установленіемъ прочныхъ дружественныхъ отношеній со всѣми вообще державами и особенно съ Германіею, и потому онъ охотно разстался съ Делькассé, когда возникли щекотливые международные споры изъ-за Марокко. Рувье временно взялъ на себя завѣдываніе иностранною политикою и благополучно уладилъ марокскій инцидентъ въ смыслѣ желаній и интересовъ Германіи.

Важнѣйшая законодательная реформа, предпринятая и доведенная до конца министерствомъ Рувье,—отдѣленіе церкви отъ государства, одобренное большинствомъ палаты въ началѣ іюля и получившее силу закона въ декабрѣ. Отмѣна конкордата 1801 года издавна входила въ программы крайнихъ французскихъ партій, но представлялась скорѣе угрозою противъ клерикаловъ, чѣмъ серьезнымъ практическимъ требованіемъ. Конкордатъ ставилъ служителей церкви въ зависимость отъ государства, которое уплачивало имъ опредѣленное жалованье, какъ чиновникамъ; такіе же казенные оклады назначались оффиціальнымъ представителямъ другихъ признанныхъ вѣроисповѣданій, причемъ правительство имѣло возможность контроля и вмѣшательства по отношенію къ дѣйствіямъ духовныхъ властей. Этотъ порядокъ вещей считался довольно удобнымъ для республики, хотя въ принципѣ онъ не выдерживалъ никакой критики и создавалъ совершенно недопустимыя аномаліи. По свойственному французамъ консерватизму относительно старыхъ практическихъ учрежденій и обычаевъ, конкордатъ могъ бы еще долго существовать или подвергся бы только пересмотру, еслибы Ватиканъ не ускорилъ дѣла своимъ оффиціальнымъ

разрывомъ съ Франціею при министерствѣ Комба, по поводу посѣщенія президентомъ Лубé итальянскаго короля въ Римѣ, незаконно будто бы отнятомъ у папства. Разрывъ побудилъ республиканцевъ осуществить старинную, давно назрѣвшую идею объ освобожденіи государства отъ матеріальныхъ и иныхъ обязательствъ относительно церкви, противъ чего не могли возражать и клерикалы; такимъ образомъ съ начала 1906 года служители церкви получаютъ свое содержаніе не отъ казны, а отъ тѣхъ мѣстныхъ духовныхъ ассоціацій, которымъ передаются церковныя имущества и церковные доходы для удовлетворенія нуждъ даннаго вѣроисповѣданія. Основной принципъ новаго закона — свобода совѣсти и религіи, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ ограниченій, которыя установлены въ интересахъ общественнаго порядка.

Въ Австріи министръ-президентъ Гаучъ, и въ Венгріи—Фейервари, получившіе власть почти одновременно въ началѣ года, имѣютъ предъ собою одинаково сложныя и почти неразрѣшимыя задачи, которыя еще болѣе усложняются и запутываются старческимъ упрямствомъ императора Франца-Іосифа. Баронъ Фейервари выставилъ програму крупныхъ реформъ, во главѣ которыхъ стоитъ введеніе всеобщаго избирательнаго права; этотъ же лозунгъ всенароднаго голосованія воодушевляетъ народныя массы въ Австріи и принятъ въ принципѣ правительствомъ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ въ обѣихъ половинахъ имперіи практическое осуществленіе весьма важной конституціонной перемѣны, которая должна сильно отразиться на общемъ строѣ и внутреннемъ политическомъ состояніи имперіи Габсбурговъ.

Въ Италіи управляетъ дѣлами очень дѣльный и ловкій министръ-президентъ Фортисъ, напоминающій нѣкоторыми своими пріемами извѣстнаго когда-то парламентскаго дѣльца Депретиса. Въ декабрѣ кабинетъ Фортиса вышелъ въ отставку только для того, чтобы дать возможность тому же Фортису составить новое министерство, съ устраненіемъ нежелательныхъ ему коллегъ и съ замѣною ихъ другими, болѣе подходящими; такимъ способомъ былъ, между прочимъ, удаленъ министръ иностранныхъ дѣлъ Титтони, съумѣвшій возстановить и упрочить дружественныя отношенія съ Франціею. Быть можетъ, это обстоятельство возбуждало неудовольствіе Германіи, и Фортисъ рѣшилъ замѣнить Титтони маркизомъ Санъ-Джуліано. Французская оффиціозная печать находитъ весь этотъ министерскій кризисъ слишкомъ искусственнымъ и тенденціознымъ, но высказываетъ увѣренность, что при существующихъ политическихъ условіяхъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ будетъ держаться политики своего предмѣстника.

Въ Англіи совершилась наконецъ давно ожидаемая перемѣна министерства: безцвѣтный кабинетъ Бальфура держался до сихъ поръ только потому, что имѣлъ за собою поддержку такъ называемыхъ имперіалистовъ и уніонистовъ, т.-е. противниковъ ирландской автономіи. Частичные парламентскіе выборы, происходившіе по разнымъ случаямъ въ отдѣльныхъ пунктахъ страны, все чаще давали успѣхъ либераламъ, указывая такимъ образомъ на ростъ либеральнаго настроенія, а эти симптомы считаются обыкновенно весьма важными, когда правительство долго находится у власти и не имѣетъ увѣренности въ прочности парламентскаго большинства. Положеніе кабинета затруднялось еще ожиданіемъ всеобщихъ выборовъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли бы оказаться благопріятными для единомышленниковъ Бальфура. Повинуясь общественному настроенію, кабинетъ вышелъ въ отставку, и власть перешла къ оффиціальному предводителю либеральной партіи въ палатѣ общинъ, сэру Кемпбеллю-Баннерману. Либеральный премьеръ выбралъ, можно сказать, блестящихъ министровъ, и даже консервативныя газеты чрезвычайно довольны составомъ новаго правительства. Наиболѣе талантливыми и безусловно удачными министрами признаются—министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, министръ по дѣламъ Индіи, извѣстный писатель и сотрудникъ Гладстона, Джонъ Морлей, министръ по дѣламъ Ирландіи, также выдающійся писатель, Брайсъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Асквитъ, военный министръ Гальданъ, президентъ управленія торговли Ллойдъ-Джорджъ, и президентъ вѣдомства мѣстнаго управленія, Джонъ Бернсъ, представитель партіи рабочихъ въ парламентѣ, самъ изъ рабочихъ. Видные либеральные имперіалисты примкнули къ новому кабинету и отчасти входятъ въ его составъ, какъ сэръ Грей, и правительство сэра Кемпбелля-Баннермана можетъ вполнѣ разсчитывать на сочувствіе и довѣріе широкихъ круговъ англійскаго общества, безъ различія направленій. Въ Англіи давно укоренилось и крѣпко держится то „исконное начало", по которому правительство составляется изъ лучшихъ, истинно честныхъ, глубоко образованныхъ и способныхъ людей, заслужившихъ общее довѣріе своею публичною дѣятельностью,—тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, напр. у насъ, считается наоборотъ, что къ управленію государствомъ могутъ быть призываемы только генералы и чиновники извѣстнаго ранга, хотя бы совершенно бездарные, никому внѣ своего круга неизвѣстные и никакимъ общественнымъ уваженіемъ не пользующіеся, но зато искусные въ закулисныхъ интригахъ и въ угодничествѣ. Вездѣ существуютъ честные, просвѣщенные, всѣми уважаемые люди, и нужно только искать ихъ въ той общественной средѣ, гдѣ они дѣйствуютъ и выдвигаются, а не въ бюрократическихъ канцеля-

ріяхъ и не въ департаментѣ полиціи. Въ этомъ отношеніи мы легко могли бы имѣть такое же добросовѣстное, знающее и безукоризненное правительство, какъ Англія, еслибы у насъ разъ навсегда утвердилось пониманіе той простой истины, что первая и прямая обязанность государственной власти—доставить странѣ самое лучшее управленіе, какое возможно при данномъ состояніи образованныхъ классовъ общества. Усвоить подобное правило и сдѣлать его „исконнымъ" на будущее время было бы дѣйствительно необходимо для государства, и можно надѣяться, что когда-нибудь это будетъ достигнуто и у насъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1906.

I.

— Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1905 годъ. Книга седьмая. Спб. 1906.

Въ настоящей книжкѣ помѣщена новая пьеса г. Горькаго „Дѣти солнца". Намъ довелось видѣть ее въ сценическомъ исполненіи, въ театрѣ г-жи Коммисаржевской, гдѣ, говорятъ, при постановкѣ пользовались указаніями самого автора. Талантливая игра артистовъ этого театра сообщала пьесѣ ту жизненность и колоритность, которой такъ недостаетъ при ея чтеніи. Не удовлетворяя многимъ требованіямъ сценичности, она тѣмъ не менѣе особенно нуждается въ подспорьи и, подчасъ, художественномъ толкованіи талантливыхъ и вдумчивыхъ актеровъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ пьеса производитъ впечатлѣніе болѣе головной, „умственной", чѣмъ художественной, вещи.

Г. Горькій назвалъ свое произведеніе „Дѣти солнца". Въ публикѣ по этому поводу возникали самыя разнообразныя предположенія. Одни видѣли въ безпочвенномъ идеалистѣ-теоретикѣ (Павелъ Протасовъ) образъ, призванный развѣнчать и показать утопичность благороднѣйшихъ порывовъ интеллигенціи, другіе объясняли его съ точки зрѣнія насмѣшки надъ наукой, претендующей обезпечить человѣчеству торжество надъ природой и блаженство сознательной жизни въ отдаленномъ будущемъ, третьимъ казалось, что этотъ образъ слитъ изъ безконечнаго скептицизма и величайшей жалости къ интеллигенту, лишенному органическихъ связей съ народной массой, чуждому ея страданіямъ и интересамъ. Пожалуй, мотивы для всѣхъ этихъ объясненій можно найти въ произведеніи, охватывающемъ группу явленій сложныхъ и по своей близости къ намъ недостаточно опредѣлившихся въ

существѣ. И на протяженіи всей пьесы намъ казалось, что самъ авторъ колеблется въ своемъ отношеніи къ тому, что̀ можно назвать идейнымъ остовомъ сюжета, и это колебаніе естественно передавалось публикѣ.

Постараемся всмотрѣться въ основныя фигуры, изображенныя въ пьесѣ, и выяснить ихъ идейное значеніе.

Къ писателю, не безъ основанія, предъявляется требованіе, чтобы онъ, во что̀ бы то ни стало, далъ опредѣленное истолкованіе изображеннымъ явленіямъ. И писатель обязанъ удовлетворить этому требованію и объяснить, насколько серьезны были тѣ основанія, ради которыхъ онъ вызвалъ въ воображеніи читателя или зрителя отрывокъ жизни, преломившійся черезъ духовную призму художника. Талантъ и общественное побужденіе чаще всего служатъ отвѣтомъ на возможный запросъ со стороны читателя. Общественное побужденіе уже само по себѣ предполагаетъ міровоззрѣніе, настолько развитое, что оно можетъ претендовать на вниманіе болѣе или менѣе широкаго круга людей. Въ этомъ отношеніи пьеса производитъ оригинальное впечатлѣніе: въ ней на первый взглядъ—не одно опредѣленное міросозерцаніе, объединяющее, доказывающее, требующее признанія, а нѣсколько неустойчивыхъ, колеблющихся, какъ бы доказывающихъ въ своей общности объективно-философскую проблему, что жизнь въ пониманіи людей есть сплошной и хаотическій калейдоскопъ міровоззрѣній, стремленій и чувствъ. Если отбросить преднамѣренность въ изображеніи интеллигентовъ въ смыслѣ желанія сдѣлать ихъ типичными выразителями своей среды, то можно сказать, что г. Горькій сдѣлалъ попытку изобразить ту разрозненность человѣческихъ жизней, которая воспринимается сознаніемъ непосредственно, и которая служитъ источникомъ борьбы, страданій, но и безконечнаго интереса.

Въ самомъ дѣлѣ, люди, выведенные г. Горькимъ на сценѣ, смотрятъ въ разныя стороны: одни уносятся въ небо, другіе не отрываютъ глазъ отъ земли. Въ центрѣ фигура Протасова, который не живетъ реальной жизнью,—онъ весь въ своей наукѣ и мечтахъ. Протасовъ могъ бы сказать о себѣ словами Декарта—cogito, ergo sum, но придать этимъ словамъ нѣсколько особый смыслъ. Онъ не живетъ, но именно *думаетъ*, что живетъ, почти чуждый реальнымъ радостямъ и скорбямъ. Онѣ лежатъ у него мертвымъ капиталомъ глубоко въ душѣ, и нужны невѣроятныя стеченія обстоятельствъ, чтобы расшевелить ихъ, заставить пробиться наружу— и то не надолго. Жизнь его—въ мечтахъ о грядущемъ блаженствѣ человѣчества, которое наступитъ, когда мысль добьется полнаго торжества въ своихъ стремленіяхъ найти ключъ къ таинствамъ вселенной. Эта несокрушимая, младенчески-чистая и наивная вѣра лежитъ въ основѣ всей фило-

софіи и морали Протасова. „Все—живетъ, всюду—жизнь,—говоритъ онъ.—И всюду тайны. Вращаться въ мірѣ чудесныхъ, глубокихъ загадокъ бытія, тратить энергію своего мозга на разрѣшеніе ихъ—вотъ истинно-человѣческая жизнь, вотъ гдѣ неисчерпаемый источникъ счастья и животворной радости! Только въ области разума человѣкъ свободенъ, только тогда онъ человѣкъ, когда разуменъ, и если онъ разуменъ, онъ честенъ и добръ! Добро создано разумомъ, безъ сознанія—нѣтъ добра!“ Протасовъ довольствуется ролью наблюдателя жизни, тонкаго изслѣдователя ея безконечныхъ процессовъ. „Я вижу,—говоритъ онъ,—какъ растетъ и развивается жизнь, какъ она, уступая упорнымъ исканіямъ мысли моей, раскрываетъ предо мною свои глубокія, свои чудесныя тайны. Я вижу себя владыкой многаго; я знаю, человѣкъ будетъ владыкой всего! Все, что растетъ, становится сложнѣе; люди все повышаютъ свои требованія къ жизни и къ самимъ себѣ... Когда-то подъ лучомъ солнца вспыхнулъ къ жизни ничтожный и безформенный кусокъ бѣлка, размножился, сложился въ орла и льва и человѣка; наступитъ время,—изъ насъ, людей, изъ всѣхъ людей, возникнетъ къ жизни величественный, стройный организмъ—человѣчество! Человѣчество, господа! Тогда у всѣхъ клѣтокъ его будетъ прошлое, полное великихъ завоеваній мысли — наша работа! Настоящее—свободный, дружный трудъ для наслажденія трудомъ, и будущее—я его чувствую, я его вижу—оно прекрасно. Человѣчество растетъ и зрѣетъ. Вотъ жизнь, вотъ смыслъ ея!“

Страхъ смерти—кажется Протасову—главная причина, мѣшающая людямъ быть смѣлыми, красивыми, свободными людьми. Этотъ страхъ и только онъ одинъ, кажется Павлу, заставляетъ людей сбиваться въ сторону съ прямого пути къ свободѣ, съ широкой дороги опыта. Подъ его вліяніемъ разумъ размѣнивается на „уродливыя догадки“ о смыслѣ бытія, и въ мысли рождаются заблужденія. „Но мы, мы люди, дѣти солнца, свѣтлаго источника жизни, рожденные солнцемъ, мы побѣдимъ темный страхъ смерти! Мы—дѣти солнца! Это оно горитъ въ нашей крови, это оно рождаетъ гордыя, огненныя мысли, освѣщая мракъ нашихъ недоумѣній, оно—океанъ энергіи, красоты и опьяняющей душу радости!“ Эта милая, дѣтски-наивная и старая, какъ міръ, вѣра въ мощь человѣческой мысли можетъ развиться въ душѣ человѣка, который, или какъ фанатикъ идеи, не видитъ реальныхъ формъ жизни, или же сторонится отъ нея, какъ декадентъ, который, въ своемъ чистомъ видѣ, не хотѣлъ знать иныхъ цѣлей жизни, кромѣ тѣхъ, какія указывали ему солнце, красота и любовь...

Фанатики идеи, подобные Павлу, сосредоточенные въ себѣ, въ своемъ культѣ и своихъ опытахъ, въ своего рода жертвоприношеніяхъ божеству грядущаго счастья, являются по отношенію къ окружающимъ

бездушными и холодными эгоистами, чуждыми ихъ внутреннему міру и личнымъ интересамъ. Протасовъ не замѣчаетъ душевнаго одиночества своей жены, колеблющейся между чувствомъ долга и жаждой иной, неясно рисующейся ей, красивой и свободной жизни; ея душа— одна изъ тѣхъ, которыя могутъ жить только раздѣленнымъ чувствомъ, ищутъ взаимнаго пониманія и отвѣта. Не замѣчаетъ Павелъ и того страшнаго недуга, который развивается въ душѣ сестры его Лизы. Недугъ этотъ давно уже былъ подмѣченъ, какъ отличительная черта многихъ, по преимуществу русскихъ людей. Онъ характеризуется тѣмъ, что человѣкъ, страдающій имъ, не чувствуетъ себя личностью съ свободной волей, съ развитыми инстинктами личныхъ потребностей жизни и счастья, и не можетъ выдѣлить себя, какъ отдѣльное звено, изъ безконечной цѣпи не только человѣческихъ существъ, но и міровыхъ явленій въ самомъ широкомъ смыслѣ. Пантеистическое начало, весьма желательное, даже необходимое, какъ элементъ понятія общечеловѣческаго и гражданскаго долга, въ крайнемъ своемъ развитіи становится именно недугомъ, парализующимъ волю и проявленія индивидуальнаго сознанія. Души, охваченныя имъ, становятся необычайно, болѣзненно чутки; онѣ берутъ на себя отвѣтственность за все уродливое, порочное, злое, что̀ творится въ мірѣ. Жить за свой личный страхъ и совѣсть онѣ не могутъ, и существованіе ихъ становится источникомъ глубокихъ страданій за поруганный идеалъ высокой и гармоничной жизни. Въ ихъ душѣ вѣчная борьба между дѣйствительностью и идеаломъ, вѣчный разладъ. Имъ мало одной мечты о томъ, что когда-то люди будутъ счастливы какъ боги, что „нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ чистѣйшимъ существамъ", имъ хотѣлось бы видѣть воплощеніе идеала въ жизни теперь же, при нихъ, чтобы оправдать въ ихъ глазахъ право на удовлетвореніе ихъ личныхъ запросовъ и примирить въ ихъ душѣ борьбу свѣта и мрака. „Я не могу сказать... какъ это хорошо!—восклицаетъ Лиза вслѣдъ за патетическимъ гимномъ Павла.—Дѣти солнца... да? но—у меня расколота душа, разорвана душа... вотъ, послушайте:

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса, за орломъ!

Хочу! Но безплодны усилья!
Я—дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачились въ грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но—знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпые кроты;

Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоятъ молчаливой стѣною...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мною?

Отказъ отъ личнаго счастья, пока это счастье не стало всеобщимъ—добрый, старый мотивъ идеалистическихъ стремленій, благороднѣйшихъ душъ, вложившихъ столько великихъ жертвъ въ исторію нашего общественнаго развитія на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ отжившаго вѣка. И самъ онъ кажется какъ бы отживающимъ въ наши смутные и жестокіе дни, полные ужасовъ, стоновъ и крови; онъ долетаетъ до насъ, какъ райская пѣснь души, просящейся въ небесныя обители изъ этого омута страданій и скорби. Его заглушають иные мотивы, иные голоса, властно требующіе признанія своей силы и права на жизнь, на борьбу, если не во имя личнаго счастья, то за счастье тѣхъ, кто пойдетъ за ними. Они говорятъ: безумно ждать вселенскаго счастья, чтобы почерпнуть изъ него право на счастье моего „я". Нѣтъ, вселенское счастье можетъ быть достигнуто только нашими усиліями, когда всѣ наши „я" будутъ счастливы,—поэтому стремиться къ личному счастью есть не только мое право, но мой обязанность и мой жизненный долгъ. И это міросозерцаніе увѣнчивается лучезарной мечтой о лучшей долѣ, ожидающей человѣчество послѣ усилій, страданій и борьбы, но самыя усилія эти, эта борьба—сами по себѣ являются ближайшими цѣлями жизни, дающими ей содержаніе, смыслъ и красоту. У представителя подобнаго міросозерцанія, выведеннаго въ пьесѣ, художника Вагина, есть гордый отвѣтъ на нѣжное томленіе Лизы. Онъ говоритъ:

Какъ искры въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней—будущаго зёрна!
Мы въ ней—грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты —
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

Художникъ Вагинъ—послѣднее слово общественнаго модернизма съ нитшеанской закваской и декадентскимъ налетомъ. Въ томъ, что онъ говоритъ, чувствуется порывъ смѣлой и гордой личности, заставляющей угадывать сознательную и ясную цѣль жизни. Философія Лизы, требующая отъ людей любви, всепрощенія, кротости, кажется

Вагину „кислой". Онъ требуетъ, и ему кажется, что этого одного достаточно, чтобы жизнь была свободной и красивой, и на первый разъ во имя этой свободной и красивой жизни, во имя торжества своего принципа, настойчиво требуетъ, чтобы Елена, жена Павла, перенесла на него свою любовь, безъ пощады разбивъ существованіе того, кто будто бы ея „не цѣнитъ". Освобождая нравящуюся ему женщину отъ всѣхъ обязательствъ разсудка, традицій, долга, Вагинъ всей силой своихъ аргументовъ опирается на волю и чувство: „желая сильно, не разсуждаютъ,—говоритъ онъ.—...Вы приносите себя въ жертву—кому? человѣку, который разлагаетъ жизнь на мельчайшія частицы въ тупомъ стремленіи найти ея начало! Нелѣпая идея! Онъ (мужъ) служитъ черной смерти... а не свободѣ, не красотѣ и радости. И ему не нужна наша жертва"... Аргументація Вагина не очень убѣдительна: то, что̀ нужно *мнѣ*, не нужно *ему*; то же, что̀ нужно *ей*,—а ей нужна свобода, красота, радость,—она найдетъ,—*я* утверждаю это,—во *мнѣ*. *Я* говорю это за *него* и за *нее*, потому что говорю это *я*, и *мнѣ* это нужно. И пьеса блестяще опровергаетъ эту аргументацію, потому что нигдѣ не обнаруживаетъ, что̀, кромѣ обладанія любимой женщиной, могъ бы внести Вагинъ красиваго, свободнаго и счастливаго, но его призывъ къ красотѣ жизни невольно поднимаетъ духъ. Недаромъ Чепурной, скептикъ и резонеръ пьесы, находитъ, что на сторонѣ Вагина—красота, а на сторонѣ Лизы—правда („красота — лучше, но правда — нужнѣе людямъ"). А жизнь только тогда цѣльна и глубока, если красота и правда образуютъ двѣ равноцѣнныя половины, и тамъ, гдѣ красота старается обойтись безъ правды, жизнь лишается своего ядра и превращается въ блестящую мишурную канитель. Именно глубины содержанія жизни мы и не чувствуемъ въ красивомъ призывѣ къ эгоизму индивидуалиста-художника.

Спорный вопросъ не рѣшается въ пьесѣ ни въ ту, ни въ другую сторону. Старая правда на сторонѣ Лизы, но съ другой стороны—„правда всегда съ новорожденнымъ", и Вагинъ, можетъ быть, тоже своего рода новорожденный, предвѣстникъ той новой весны, которой предстоитъ превратить „слѣпыхъ кротовъ" въ стаи „гордыхъ орловъ", истинныхъ дѣтей солнца. Но пока — будущіе орлята ходятъ по старымъ дорожкамъ, заглядывая въ кротовыя норы и лишь создавая новую религію, освящающую свободную работу инстинктовъ въ погонѣ за лакомыми кусочками жизни.

Особое міросозерцаніе носитъ въ себѣ и Чепурной, честный и добрый утилитаристъ, ветеринарный врачъ по профессіи, безумно любящій Лизу. Его мелодраматическій конецъ очень портитъ впечатлѣніе. И Чепурной—не столько сознательный работникъ въ жизни, сколько любопытствующій наблюдатель. Эта весьма распространенная кате-

горія людей тонко и мѣтко очерчена г. Горькимъ. Задавшись немудреной цѣлью „устроиться такъ, чтобы жилось недурно“, такіе люди смотрятъ на жизнь именно съ точки зрѣнія ея занимательности и любопытства. „Я,—говоритъ Чепурной,—видѣлъ, что жизнь устроена дрянно, люди жадны и глупы, а я—умнѣе и лучше, чѣмъ они... Это было мнѣ пріятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видѣлъ, что иному человѣку труднѣе жить, чѣмъ той лошади, что я лѣчу, да и хуже, чѣмъ собакѣ... но этотъ случай объяснялся тѣмъ, что человѣкъ глупѣе собаки и лошади“. И до сорока лѣтъ жилъ Чепурной съ такимъ „спокойствіемъ души“, и только Лиза, „заглянувшая, по его выраженію, куда-то глубоко, и носящая трагедію въ душѣ“, разбудила въ немъ интересъ къ людямъ, и онъ вглядѣлся въ нихъ впервые съ точки зрѣнія смысла бытія: „одинъ горитъ въ своей наукѣ, другой бредитъ киноварью съ охрой, третья — притворяется, что она веселая и разумная“ — и обнаружилъ отсутствіе смысла въ ихъ жизни, а самъ инстинктивно потянулся всей своей неуклюжей, но честной душой къ Лизѣ, на сторонѣ которой, показалось ему, и была высшая жизненная правда.

Метерлинковскій мотивъ звучитъ въ словахъ Лизы, когда она обращается ко всѣмъ этимъ ходячимъ „міросозерцаніямъ“ съ указаніемъ на ихъ слѣпоту, и леденящая ужасомъ пророческая нотка грозитъ имъ чѣмъ-то невыразимо страшнымъ, прообразомъ вырвавшейся наружу злобы и мести. „Вы всѣ—слѣпые,—говоритъ она тревожно-болѣзненно:—откройте глаза: то, чѣмъ живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они—какъ цвѣты въ лѣсу, полномъ сумрака и гніенія... полномъ ужаса... Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ... На землѣ замѣтны милліоны, а не сотни... и среди милліоновъ растетъ ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я— видѣла, какъ вырвалась на улицу ненависть, и люди, дикіе, озлобленные, съ наслажденіемъ истребляли другъ друга... Однажды ихъ злоба обрушится на васъ“...

Протасовъ недоумѣваетъ, за что людямъ ненавидѣть его, напримѣръ. За то, отвѣчаетъ Лиза, что вы такъ далеко ушли отъ нихъ, „за отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! за то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть— слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ“.

Вотъ она—страшная мораль пьесы, вотъ приговоръ дѣтямъ солнца, съ ихъ безплодными мечтами и миражами вмѣсто истинныхъ жизненныхъ идеаловъ. Они, эти интеллигенты, ученые, художники, дѣятели различныхъ привиллегированныхъ профессій, капиталисты и собственники, всѣ они—только жалкій, мишурный наростъ на тѣлѣ гиганта, шевелящагося въ сумракѣ уходящей ночи и готоваго встряхнуться и

сорвать этотъ зудящій наростъ съ кровью и съ мясомъ и со всѣмъ, что въ немъ накопилось подъ узломъ тяжелыхъ путъ, державшихъ гиганта въ оцѣпенѣніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ! Проснется гигантъ — и заиграетъ въ немъ новая жизнь, но какая, — этого Лиза, при всей чуткости своего ясновидѣнія, сказать не можетъ...

Назвалъ свою пьесу г. Горькій „Дѣти солнца“ — ироническую усмѣшку не трудно подмѣтить въ этомъ названіи,—но еслибы авторъ захотѣлъ обойтись безъ ироніи, онъ съ бо́льшимъ правомъ могъ бы назвать ее „Около жизни“. Мы видѣли, какихъ людей изобразилъ г. Горькій въ пьесѣ: они или мудрятъ, или мечтаютъ, или „созерцаютъ“, или, наконецъ, *болѣютъ* жизнью, но не живутъ, не работаютъ мыслью и душой вмѣстѣ со всѣмъ могучимъ процессомъ великихъ міровыхъ силъ, направляющихъ волю человѣчества къ какой-то чудной, но невѣдомой цѣли... Но есть и другая жизнь, и другіе люди. И для людей, ищущихъ свободы не однимъ лишь пареньемъ въ небеса, есть дѣйствительно свободная жизнь, та жизнь, которая основана на реальной работѣ надъ освобожденіемъ людей отъ насилія, предразсудковъ, обмана. Есть жизнь красивая, та, въ которой красота постигается не въ смыслѣ удовлетворенія инстинктовъ здороваго и хищнаго звѣря, но красота общественной гармоніи, достигнутой высокимъ сознаніемъ своихъ обязанностей и правъ въ общей и для всѣхъ обязательной міровой работѣ. Есть жизнь разумная, основанная на знаніи, опытѣ, уваженіи къ завѣтамъ культурнаго прошлаго. Все это есть, все это образуетъ лишь часть того великаго цѣлаго, которое, какъ путеводный маякъ, свѣтитъ и направляетъ усилія благороднѣйшихъ умовъ своей эпохи. Люди, отдавшіе все для культурной работы на благо своей родины, люди, жертвовавшіе личнымъ счастьемъ, годами заточенія и жизнью за ея освобожденіе—всѣ эти люди испытали высочайшее наслажденіе чувствомъ полной жизни, упоенной погоней за идеаломъ истинной свободы и истиннаго духовно-красиваго счастья. Русская интеллигенція насчитываетъ въ своихъ рядахъ тысячи подобныхъ людей. Они—не наростъ на тѣлѣ гиганта, они шли къ нему съ любовью, они помогали ему облегчать тяготу его путъ, они не отрывались отъ него, но чувствовали, напротивъ, свои съ нимъ кровныя, братскія узы. И во имя этихъ людей гигантъ не растерзаетъ и тѣхъ, которымъ г. Горькій далъ презрительное имя „дѣтей солнца“. Гигантъ пойметъ, что не на нихъ однихъ лежитъ вина за все тунеядное, мелкое, пошлое, бременящее землю. Чуткимъ, прозорливымъ сердцемъ пойметъ онъ, что они—лишь отдаленное слѣдствіе глубокихъ причинъ, лишь застоявшаяся пѣна въ заливѣ жизни, и бережно растопитъ ее въ общемъ морѣ набѣжавшая отъ далекой бури волна. Гигантъ принесетъ съ собой все ту же вѣчную правду

о томъ, что жизнь строится не враждой и ненавистью, но единеніемъ и любовью, и правда эта станетъ воплощаться на землѣ...

Въ пьесѣ разлито, сквозь общій меланхолическій колоритъ, предвидѣнье этихъ нужныхъ для новой свободной и красивой жизни людей: вчерашніе кроты, они явятся орлами, способными взлетать до небесъ. Оставимъ этотъ символическій образъ... Нѣтъ, они уже есть, не кроты и не орлы, а люди сильные, великодушные, смѣлые, самоотверженные,— они не герои на полѣ битвы, они знаютъ, что зло не уничтожается насиліемъ, а лишь отрицаніемъ зла, они вѣрятъ, что сила человѣческой мысли въ борьбѣ съ порабощеніемъ дѣйствительнѣе физической силы и разрушительнѣе свинца... Они ждутъ, когда наступитъ время мирной культурной работы въ общемъ потокѣ многомилліонной народной жизни, гдѣ не будетъ ни великана, ни карлика, ни орла, ни крота, но всѣ будутъ членами одного братскаго союза, истинными дѣтьми не только животворнаго солнца, но и общей кормилицы матери сырой земли.

Кромѣ пьесы Горькаго, въ той же книгѣ сборника „Знаніе" помѣщены разсказы гг. Кипена—„Бирючій островъ" и Скитальца—„Полевой судъ", затѣмъ переводъ, А. С. Черемного, поэмы Густава Даниловскаго—„На островѣ" и стихотворенія гг. Бунина и Рукавишникова. Въ общемъ содержаніе этихъ произведеній слѣдуетъ признать заслуживающимъ вниманія; съ особеннымъ интересомъ читается разсказъ г. Скитальца. Тема его носитъ животрепещущій современный характеръ. Царь Алексѣй Михайловичъ далъ нѣкогда грамоту стариннымъ поселенцамъ урочища Селитьбы (на Волгѣ), чтобы вся прилегающая къ Селитьбѣ долина навѣки принадлежала имъ и ихъ поколѣніямъ за то, что стерегли они землю русскую отъ набѣговъ кочевыхъ племенъ,—и дарственная царская грамота сохранялась изъ поколѣнія въ поколѣніе старѣйшими людьми Селитьбы. „И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсами, и долго никто не зналъ о нихъ. Вѣкъ проходилъ за вѣкомъ, а дѣти лѣса жили безъ перемѣнъ, все такъ же, какъ и прежде, и знали только свою землю, лѣсъ и горы. Потомъ отыскало ихъ крѣпостное право, покорило и ввело въ колею. А при Екатеринѣ они были подарены вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой въ „майоратное" вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу и всему его потомству. „Царская грамота" стала ненужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, неистребимая, незабываемая легенда о ней. И старики разсказывали внукамъ „о царской грамотѣ".

А потомъ, съ паденіемъ крѣпостного права, крестьяне пошли на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями

„графа“. Но вотъ стала оживать легенда о землѣ и волѣ, а тутъ случайно отыскалась и грамота, и жившая въ крестьянахъ тоска по старой Божьей правдѣ охватила ихъ души и потребовала суда. Составили они приговоръ о „полевомъ судѣ“, созвали окольныхъ людей, пригласили графскаго управляющаго и, увѣдомивъ исправника и земскаго начальника, рѣшили просить „міръ“ сличить ихъ царскую грамоту съ актами владѣнія графа и постановить рѣшеніе: кому владѣть исконными крестьянскими землями... Окольные люди присудили землю крестьянамъ, но исправникъ съ земскимъ начальникомъ усмотрѣли въ этомъ судбищѣ „бунтъ“, а губернаторъ, дня черезъ три, приказалъ схватить „зачинщиковъ“, самыхъ почтенныхъ и старыхъ людей Селитьбы, и наказать ихъ каждаго по сту ударовъ, а потомъ ихъ продержали цѣлый годъ въ тюрьмѣ, прежде, чѣмъ судили и осудили въ тюрьму. И когда вели ихъ къ Волгѣ—„былъ опять сіяющій весенній день... И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ былъ этотъ благодатный край, столько въ немъ было всепрощающаго спокойствія, терпѣливаго незлобія и нѣжной, женственной грусти, что странно было видѣть, какъ солдаты съ саблями на-голо вели къ берегу кучку добродушныхъ, смиренныхъ людей“. Разсказъ обрывается на этой картинѣ, но въ душѣ читателя не остается сомнѣнія въ томъ, что на такомъ людскомъ рѣшеніи Божеская правда остановиться не можетъ, и исканіе ея приведетъ къ стихійному протесту противъ тѣхъ, кто, по глубокому убѣжденію народной массы, явился насильственнымъ нарушителемъ ея законныхъ правъ на политую ихъ потомъ и кровью землю...

Отмѣтимъ въ заключеніе нѣкоторыя строфы изъ стихотворенія г. Рукавишникова, нервно отразившаго одно изъ настроеній современности:

Кто за насъ—иди за нами!
И сомкнутыми рядами
Мы пройдемъ надъ головами
Проклинающихъ враговъ...
Кто за насъ—иди за нами,
Чтобы не было рабовъ!

Кто мы? Насъ много. Мы—люди великой свободы.
Мы за страданья доступнаго счастья хотимъ.
Родина! Родина! Даромъ пропавшіе годы,
Даромъ пропавшую мощь мы тебѣ возвратимъ.

Кровью горячей мы рабство вѣками поили.
Рабство падетъ отъ ударовъ житейскихъ наукъ.
Все впереди! Не напрасно вѣка проходили:
Прадѣдъ не зналъ, до чего дострадается внукъ.

Очень хороши и стихотворенія г. Бунина на восточныя темы.

II.

— Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева. Спб. 1905.

Наконецъ-то знаменитое путешествіе Радищева стало доступно широкимъ кругамъ читающей публики. Прекрасный трудъ свободной мысли и истинной любви къ родинѣ до нашихъ дней считался предметомъ опаснымъ, и изданіе его, неоднократно сожигавшееся цензурой, было разрѣшено, если не считать позднѣйшаго Бурцевскаго, лишь А. С. Суворину въ 1888 г., въ качествѣ библіофильскаго баловства, доступнаго лишь немногимъ богатымъ людямъ. Но имя Радищева неизмѣнно упоминалось при всякомъ начинаніи, возникавшемъ на почвѣ освободительнаго движенія. Пушкинъ, „вслѣдъ Радищеву" возславившій свободу, не могъ въ своей статьѣ о Радищевѣ высказать о немъ всего, что хотѣлъ и какъ могъ, но и онъ отмѣтилъ въ немъ необыкновенный духъ политическаго фанатизма, удивительное самоотверженіе борца противъ самодержавія, борца, еще одинокаго въ свое время. Своимъ протестомъ противъ крѣпостного права книга Радищева положила краеугольный камень въ образованіе оппозиціонныхъ мнѣній, и сама явилась какъ бы источникомъ тѣхъ положеній, которыя надолго опредѣлили наши освободительныя политическія программы. Но и с освобожденіемъ крестьянъ книга Радищева не утратила своего значенія; многое сохраняетъ свою назидательную силу и для нашего времени. Опредѣливъ понятіе свободы изъ идей права естественнаго, в связи съ разумными для всѣхъ обязательными ограниченіями, образующими право гражданское, Радищевъ обращается къ разсудку и сердцу читателей, по поводу современнаго ему положенія вещей, и говоритъ: „Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тягость неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, неимѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно, мужей пришедшихъ въ пустыню, для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую злакомъ землю. Кто жребій на удѣлъ получаетъ? Нетотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; нетотъ ли, кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощному и нерадивому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она пребудетъ въ запустѣніи, и вѣтръ класовъ на ней невозвѣетъ. Если она безполезна дѣлателю ея, то безполезна и обществу; ибо избытка своего

дѣлатель обществу неотдастъ, неимѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества, тотъ кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею право, и обработывающій ее пользуется ею исключительно. Но колико удалились мы, отъ первоначальнаго общественнаго положенія, относительно владѣнія. У насъ, тотъ кто естественное имѣетъ къ оному право, нетокмо отъ того исключенъ совершенно, но работая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ, истины сіи не могутъ быть непонятны, но дѣянія ваши, въ исполненіи сихъ истинъ, препинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели, сердца ваши любовію человѣчества полные, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ?"

Въ настоящей книгѣ приведенъ текстъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" съ сохраненіемъ правописанія перваго его изданія 1790 г. и указаніемъ всѣхъ особенностей первоначальнаго текста сочиненія по рукописи, исправленной Радищевымъ и хранящейся въ государственномъ архивѣ. Вступленіемъ къ нему служитъ кратко, но обстоятельно составленная біографія Радищева, написанная Н. П. Сильванскимъ, и статья П. Е. Щеголева, посвященная обзору рукописи и исторіи текста книги. „Путешествіе" Радищева,—говоритъ Сильванскій въ своей статьѣ,—похоже теперь на старую картину художника XVIII вѣка, потрескавшуюся, запыленную, съ выцвѣтшими красками. Но въ этой картинѣ, сквозь густой слой пыли устарѣлаго слога и сквозь выцвѣтшія краски сентиментализма и манернаго пафоса просвѣчиваютъ яркія черты жизни, порывы сильнаго чувства и блескъ смѣлой, глубокой мысли. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ по стилю и тону очерковъ, бытовые очерки, замѣчательные народнымъ языкомъ и реализмомъ, смѣняются сценами трагическими, юморъ смѣняется рѣзкой сатирой, легкій разсказъ — воодушевленными размышленіями о свободѣ и Богѣ. Всѣ эти очерки, сливаясь, широко охватываютъ современность, съ торжествующимъ въ ней насиліемъ и рабскимъ угнетеніемъ, и мрачныя стороны жизни оттѣняются смѣлыми мыслями автора, страдающаго, негодующаго, вдохновеннаго идеаломъ свободы".

Книга снабжена прекрасно исполненнымъ портретомъ Радищева (геліогравюра съ оригинала, находящагося въ Саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ), факсимиле заглавной страницы и четырехъ страницъ перваго изданія, а также примѣчаніями, гдѣ сообщено нѣсколько неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Радищева. Въ концѣ приведена библіографія книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ этого писателя".

III.

— Щукинскій Сборникъ. Выпускъ четвертый. Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Имп. Александра III — музея П. И. Щукина. М. 1905.

Намъ уже приходилось говорить о характерѣ предыдущихъ книжекъ „Щукинскаго Сборника" и отмѣчать его во многихъ отношеніяхъ цѣнное содержаніе по тѣмъ документамъ, которые были въ немъ помѣщены. Приходилось намъ указывать и на то, что матеріалы размѣщались въ немъ безъ всякой, сколько-нибудь осязательной, системы, вѣроятно,—въ порядкѣ поступленія; повидимому, преслѣдовалась единственная цѣль, не стѣсняя себя никакими обязанностями редакціонного свойства, сохранить документы въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ поясненій, справокъ и примѣчаній. Какъ видно изъ заглавнаго листа настоящаго, четвертаго выпуска, извѣстный музей П. И. Щукина вошелъ въ качествѣ особаго Отдѣленія въ составъ Московскаго Россійскаго Историческаго музея, имени импер. Александра III, и, такимъ образомъ, обширное и цѣнное собраніе историческихъ предметовъ и рукописей закрѣплено какъ общественное достояніе за учрежденіемъ, которому предстоитъ, несомнѣнно, быть однимъ изъ виднѣйшихъ хранилищъ нашей исторической старины. Выходя до извѣстной степени подъ флагомъ Историческаго Музея, четвертый выпускъ ничѣмъ, однако, не отличается отъ предыдущихъ, въ смыслѣ редакціи и расположенія матеріала, и является, слѣдовательно, продолженіемъ опредѣленной серіи изданій, начатой г. Щукинымъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ.

Матеріалы четвертаго выпуска—не всѣ одинаковой цѣнности; по времени они охватываютъ періодъ отъ начала XVIII вѣка до 60-хъ годовъ XIX. Во всякомъ случаѣ одни изъ нихъ интересны въ научномъ отношеніи, другіе любопытны чертами сравнительно еще недавняго быта, еще не вполнѣ отошедшаго въ исторію и не оборвавшаго видимыхъ связей съ современностью. Къ первымъ отнесемъ въ особенности документы изъ бумагъ князя А. Д. Меншикова съ подробной описью его имущества, вотчинъ и донесеній его управляющихъ и приказчиковъ, затѣмъ указы, бумаги оффиціальнаго содержанія, нѣкоторыя письма (напр., Энгеля) съ описаніемъ Лейпцигской битвы, копіи съ рескриптовъ и т. д. Вторые представляютъ живой и разнообразный интересъ, и мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ.

На первомъ мѣстѣ помѣщенъ текстъ „Штрафной книги" по-

селеннаго гренадерскаго Павла Мекленбургскаго полка 1830 года. Напомнимъ читателю, что поселенные полки—неудачная затѣя императора Александра I, которой онъ имѣлъ въ виду улучшить бѣдственное положеніе нижнихъ чиновъ, давая имъ возможность во время службы продолжать земледѣльческія занятія, а на старость не обременять казну требованіемъ обезпеченія. Никакія возраженія не могли убѣдить Александра въ нецѣлесообразности насильственной организаціи, какъ для казны, которой они должны будутъ обойтись непомѣрно дорого, такъ и для арміи, для которой солдатъ - земледѣлецъ несомнѣнно утратитъ многія чисто солдатскія качества и, прежде всего, преданность воинской службѣ. Александръ отвѣчалъ, что военныя поселенія будутъ устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова. И поселенія были устроены. Въ лицѣ Аракчеева государь нашелъ усерднаго выполнителя своей мысли, и послѣдняя, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, стала осуществляться въ жизни. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое, превратить отвыкшихъ отъ земледѣлія солдатъ въ земледѣльцевъ и въ земледѣльцахъ воспитать воинскій духъ повело къ образованію обширнаго и сложнаго управленія, органомъ котораго былъ „комитетъ полкового управленія“. Комитетъ долженъ былъ заботиться и о сельскомъ хозяйствѣ и входить въ мелочи семейнаго быта поселенцевъ и отправлять судебныя функціи и приводить въ исполненіе приговоры. Командиръ поселеннаго батальона былъ въ одно и то же время и военнымъ начальникомъ, и хозяиномъ сельскаго округа; поселенцы не могли безъ разрѣшенія начальства ни жениться, ни распоряжаться своимъ имуществомъ, ни отлучаться, ни покупать вина; еще менѣе они могли распоряжаться участью своихъ дѣтей, такъ какъ сыновья большую часть времени проводили въ школѣ и на учебномъ плацу, а дочери выдавались замужъ по распоряженію начальства. Побои и истязанія были единственнымъ учебнымъ средствомъ не только при военномъ обученіи, но и въ сферѣ земледѣльческихъ работъ, которыя производились точно также по приказамъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ несвѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Контингентъ офицеровъ образовался крайне неудовлетворительный, среди нихъ распространилось взяточничество, пьянство и самые грубые нравы. Въ этомъ отношеніи и интересна „Штрафная книга“ упомянутаго поселеннаго полка. Изъ нея видно, въ какомъ вѣчномъ страхѣ отвѣтственности должны были влачить свое существованіе несчастные поселенцы и какими мѣрами начальство, само порочное до мозга костей, доводило ихъ до потери терпѣнія и кровавыхъ бунтовъ. Взысканія назначались обыкновенно комитетомъ полкового управленія и состояли чаще всего изъ наказанія розгами, затѣмъ назначенія на

сверхурочныя работы, рѣже—опредѣлялся публичный выговоръ. Среди записей нѣкоторыя весьма примѣчательны. Такъ, дѣвица Ефимова наряжена на общественную работу на пять дней — „за противозаконные роды“; наказана Захарова—„за то, что она, топивши баню, оставила безъ присмотра, которая загорѣлась, но безъ дальнѣйшихъ послѣдствій потушена“. „Тридцатью лозанами“ наказана дѣвица Василиса Нестерова—„за непозволительную связь первой фузелерной роты съ унтеръ-офицеромъ Давыдомъ Иванцовымъ“. Ефимова была наказана— „за самовольное секретное лѣченіе дѣвицы Марьи Спиридоновой“. Старшина рядовой хозяинъ Потапъ Семеновъ получилъ семьдесятъ пять розогъ—„за допущеніе къ распутству ввѣренной ему части дѣвицъ“; столько же получила и дѣвица Иванова. Рядовой хозяинъ Никита Агѣевъ получилъ пятьдесятъ лозановъ „за то, что безъ всякаго позволенія построилъ вѣтряную мельницу“. Рядовой хозяинъ Емельяновъ получилъ пятьдесятъ лозановъ лишь по одному „подозрѣнію въ корчемствѣ“. Жена рядового хозяина Анна Астафьева была наряжена мести улицу—„за то, что, вопреки приказанія, топила избу въ непоказанное время“... И это выдержки изъ журнала, который долженъ былъ придавать дѣйствіямъ гг. офицеровъ нѣкоторый видъ законности, а сколько же „дѣйствій“ не оставило по себѣ никакого слѣда, кромѣ несмываемаго оскорбленія и ненависти въ памяти народной...

Въ статьѣ „Изъ записной книжки протоіерея П. Н. Мысловскаго“ сообщается разсказъ о послѣднихъ часахъ декабристовъ и приводится нѣсколько отзывовъ о нихъ. Въ этихъ сообщеніяхъ нѣтъ чего-либо новаго, но въ матеріалахъ этого рода и мелочи знаменательны, тѣмъ болѣе, что ихъ освѣщеніе весьма любопытно двойственностью мысли и чувства. Протоіерей Казанскаго собора П. Н. Мысловскій, котораго кн. Е. П. Оболенскій называетъ въ своихъ воспоминаніяхъ „единственнымъ другомъ заключенныхъ“, такъ характеризуетъ Пестеля: „Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа. Имѣлъ онъ отъ роду не болѣе 33-хъ лѣтъ, средняго роста, лица бѣлаго и пріятнаго съ значительными чертами или физіономіею; быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный; увертками, тѣлодвиженіемъ, ростомъ, даже лицомъ очень походилъ на Наполеона. И сіе-то самое сходство съ великимъ человѣкомъ, всѣми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всѣхъ его сумасбродствъ и самыхъ преступленій. Ему погрезилось такъ сказать наяву, что онъ легко можетъ сдѣлаться въ Россіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ во Франціи Наполеонъ. Вотъ источникъ гибельныхъ его начинаній, окончившихся столь ужасно! Никто не

подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ коммиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ своихъ выдержать тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ коммиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самонадѣяніемъ. Однажды спросилъ его нѣкоторый членъ коммиссіи: зналъ ли онъ, чему подвергалъ себя такими ужасными предпріятіями? Случалось ли хоть разъ взглянуть ему на послѣдствія? „У меня, отвѣчалъ хладнокровно Пестель, все было разсчитано; зналъ, что дѣлалъ, и видѣлъ конецъ. По меньшей мѣрѣ какъ самъ я, такъ и всѣ сочлены наши могли надѣяться, что насъ станутъ судить такъ, какъ убійцъ Павловыхъ. Мы кричали, шумѣли, вызывались на цареубійство, словомъ, кончили только одними словами; а тамъ!..“ Между прочимъ вотъ что говоритъ Мысловскій о сдѣланныхъ имъ запискахъ: „...пятеро главнѣйшіе изъ преступниковъ повѣшены на висѣлицѣ. Всѣ сіи обстоятельства, даже самыя мелочныя, коихъ я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ, описаны мною въ особенныхъ запискахъ, и съ вѣрнѣйшею точностью, равно какъ и безпристрастіемъ. Здѣсь особенно вздумалъ я изобразить каждое изъ преступниковъ лице порознь со стороны нравственной и физической. Увѣряю, что портреты будутъ схожи съ оригиналами. Ибо во все время, проведенное мною съ преступниками, я успѣлъ воспользоваться довѣренностью каждаго изъ нихъ, и слѣдовательно безъ ошибки зналъ ихъ свойства, читалъ въ сердцахъ ихъ вещи сокровеннѣйшія. Описаніе сіе помѣщено будетъ и въ моихъ запискахъ, но случиться можетъ, что онѣ или утратятся, или, судя по прямотѣ и истинѣ, въ нихъ изображенной, подвергнутся преслѣдованію правительства. Политическіе гражданскіе разсчеты не всегда одобряютъ языкъ справедливый и чистосердечный, и въ самой вещи правда всегда глаза колетъ“. Записки эти пока еще, сколько извѣстно, не появлялись въ печати, и было бы жаль, еслибы онѣ дѣйствительно утратились.

Въ статьѣ—„Замѣтки неизвѣстнаго о декабристахъ и о русскихъ порядкахъ прежняго времени“ сообщается нѣсколько поясненій и дополненій къ извѣстнымъ уже фактамъ о судьбѣ декабриста Г. С. Батенкова. На этой судьбѣ съ особенной наглядностью сказалось злобное отношеніе императора Николая I и его сотрудниковъ къ декабристамъ. Батенковъ состоялъ послѣднимъ по списку изъ третьяго разряда, т.-е. присужденныхъ, послѣ указа 22-го августа 1826 г., къ каторжнымъ работамъ на пятнадцать лѣтъ. Между тѣмъ Батенковъ былъ заключенъ, безъ всякаго объясненія истинныхъ причинъ, сначала въ фортъ Свартгольмъ (на Аландскихъ островахъ), а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и пробылъ, въ общей сложности,

двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Его не коснулись „всемилостивѣйшіе“ указы 1832 и 1835 гг., которыми до нѣкоторой степени облегчалась участь остальныхъ осужденныхъ, и никакихъ въ этомъ смыслѣ не дѣлалось особыхъ распоряженій о Батенковѣ, вплоть до 12-го февраля 1846 г., когда послѣдовало, по иниціативѣ гр. Орлова, высочайшее повелѣніе отправить его въ Томскъ на поселеніе. Каковы же были мотивы этого ничѣмъ не оправдываемаго, даже съ точки зрѣнія жестокихъ нравовъ Николаевской эпохи, измѣненія судебнаго приговора? „Батенковъ — разсказываетъ авторъ „Замѣтокъ“ — былъ сначала отправленъ въ Сибирь къ назначенному наказанію; его довезли до Новгорода (или что-то близъ этого мѣста), но тутъ его нагналъ фельдъ-егерь и воротилъ назадъ; дѣло было въ томъ, что кто-то доложилъ государю императору, что Батенковъ сибирскій уроженецъ, и что ссылка туда не будетъ ему наказаніемъ,—„поэтому-то онъ и былъ заключенъ въ крѣпость. Изъ двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія девятнадцать Батенковъ провелъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловки. Авторъ „Замѣтокъ“ объясняетъ „очень просто“ строгость, съ которой онъ содержался здѣсь все время: „декабристы состояли въ разныхъ мѣстахъ и подъ вѣдѣніемъ разнообразныхъ вѣдомствъ; каждое изъ нихъ представляло свои донесенія о нихъ отдѣльно; Батенковъ одинъ только не попадалъ ни въ какія донесені[я] и былъ какъ бы забытъ всѣми. Графъ Орловъ дѣйствительно перв[ый] обратилъ вниманіе на его заключеніе и облегчилъ первоначальн[ую] строгость; не знаю, были ли ему даны книги, но полагаю, что облегченіе это состояло прямо въ отправленіи на поселеніе въ Томск[ъ]. Отчужденность отъ всего въ крѣпости была такова, что Батенко[въ] по правиламъ, существующимъ только для крѣпости, не могъ ни с[ъ] кѣмъ все время заключенія говорить и не зналъ даже, кто царствуетъ въ Россіи; а чтобы не отупѣть, не обезумѣть, онъ принялся, бе[зъ] всякаго средства и способа писать, работая только умомъ и вообр[а]женіемъ, повторять математику, причемъ все писалось, чертилось и вычислялось у него въ умѣ; и такимъ образомъ онъ повторилъ полн[ый] курсъ математики два или три раза“.

Человѣка, у котораго не было своего „вѣдомства“, можно бы[ло] забыть въ каменномъ мѣшкѣ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и неизбало[]ванная память потомства обращаетъ благодарныя строки къ обер[ъ]-жандарму гр. Орлову, открывшему несчастнаго узника и, какъ особу[ю] милость, испросившаго ему ссылку на поселеніе въ Сибирь! Извѣстно, что и послѣ двадцати лѣтъ одиночнаго заключенія Батенковъ нашелъ въ себѣ силы быть полезнымъ своей родинѣ, сдѣлавшись однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Сперанскаго,

Среди писемъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ „Сборника“, пол[]

психологическаго интереса серія писемъ Ю. В. Жадовской къ Ю. Н. Бартеневу; въ другихъ документахъ встрѣчаются отзывы о Пушкинѣ, Фетѣ (выдержка изъ письма гр. А. К. Толстого къ Маркевичу). Затѣмъ, здѣсь же находимъ нѣсколько писемъ И. С. Никитина, Н. Н. Раевскаго, А. А. Муханова и др.; любопытны также выписки изъ журнала неизвѣстнаго, подъ заглавіемъ „всякая всячина", гдѣ, между прочимъ, приводится немало характеристическихъ чертъ личности Загоскина.

IV.

— Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Священника М. С. Попова. Спб. 1905.

Книга эта представляетъ собою обстоятельное, основанное на тщательномъ изученіи документовъ, изысканіе о жизни, дѣятельности и личности одного изъ характернѣйшихъ дѣятелей въ сферѣ церковнаго управленія въ Екатерининскую эпоху. Въ основу жизнеописанія митрополита Арсенія авторъ положилъ знаменитое дѣло его, созданное фанатическимъ протестомъ противъ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Не подвергая принципіальному обсужденію самый предметъ, легшій въ основу борьбы между правительствомъ Екатерины и ростовскимъ митрополитомъ, авторъ вводитъ читателя въ обстановку административныхъ и церковныхъ порядковъ второй половины XVIII в. и на этомъ общемъ фонѣ старается обрисовать личность Арсенія привлекательными чертами. Но читатель невольно выноситъ двойственное впечатлѣніе. Правда, Арсеній высоко несъ знамя защитника достоинства русской церкви, былъ непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, фанатиченъ въ своихъ убѣжденіяхъ и борьбѣ, но, съ другой стороны, знакомство съ сущностью его обличеній (напр., противъ лютеранъ и раскольниковъ) обнаруживаетъ въ немъ значительную узость взглядовъ; защита же монастырскихъ имѣній обнаруживаетъ кромѣ того, при всемъ произволѣ и грубости дѣйствій правительства, и непониманіе духа времени, что само собой ставитъ Арсенія въ ряды наиболѣе косныхъ и до ослѣпленія упрямыхъ поборниковъ уже невозможнаго и для той эпохи консерватизма. Въ личной своей жизни Арсеній былъ скорѣе помѣщикъ и хозяинъ, чѣмъ пастырь духовный. Такъ, принявъ въ свое управленіе обширныя архіерейскія вотчины, ростовскій митрополитъ становится настоящимъ феодаломъ не только по традиціи, но и по свойству своего характера: по своему усмотрѣнію, онъ отбираетъ у дворянъ крѣпостные акты на занимаемыя ими земли архіерейскаго дома, творитъ судъ и расправу среди крестьянъ и ведетъ сельское хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ нѣкоторыми отраслями хозяйства занимается,

по выраженію автора, не только со вниманіемъ, но и съ увлеченіемъ. До страсти, напримѣръ, митрополитъ любилъ лошадей, которыхъ у него было до 600. Въ книгѣ приведено нѣсколько любопытныхъ наказовъ конюхамъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: „А которые конюхи будутъ пасти кобылъ—и смотрѣть за ними накрѣпко, дабы жеребца къ постороннимъ кобыламъ, конечно, не припускали; а если окажется въ томъ ихъ плутовство, то сѣчь ихъ плетьми безъ милости, а съ ѣздоками къ намъ писать о томъ. А буланому жеребцу ходить въ мірскомъ табунѣ, чтобъ у крестьянъ нашихъ отъ кобылъ завелись крупныя лошади для ихъ удовольствія, а крестьянамъ должно чувствовать оную нашу къ нимъ милость. А караванъ кобылъ нашихъ съ мірскимъ табуномъ близко, конечно, не сгонять, и того пастухамъ накрѣпко подтверждать, чтобъ жеребецъ съ жеребцомъ не сближались и между собой не грызлись, за что ты, Ѳедька конюхъ, съ управителемъ, старостою и съ выборнымъ немилосердно плетьми разсѣчены будете, со взятіемъ тяжкаго штрафа, и воономъ ты съ ними будь согласенъ безъ опущенія".

Самое „дѣло" изложено фактически обстоятельно, но въ немъ недостаетъ характеристики общихъ условій, которыми были обставлены судъ и защита при Екатеринѣ II. Нѣкоторая односторонность въ изложеніи „дѣла" лишаетъ читателя возможности представить тотъ общій фонъ, въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ, на которомъ оно разыгралось. О личности Арсенія авторъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ: „Цѣлостность натуры Арсенія сказывалась какъ въ снисходительности къ обездоленнымъ, такъ и въ раздражительной неуступчивости тамъ, гдѣ онъ замѣчалъ несправедливость. И то и другое иногда сообщаетъ облику его черты замѣчательнаго великодушія. Онъ, напримѣръ, не только не преклонялся предъ страшнымъ временщикомъ герцогомъ Бирономъ, вмѣстѣ со всѣми, но, когда Бирона назначили регентомъ малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, уклонился отъ присяги ему съ понятнымъ рискомъ подвергнуться опалѣ. Теперь же, во время пребыванія свerженнаго временщика въ Ярославлѣ, въ унизительной ссылкѣ, онъ же относится къ нему въ высшей степени участливо. Неудачи Бирона трогали Арсенія. „Удивительная вещь,—говорилъ онъ, по поводу неудачъ Бирона,—въ Митавѣ счастье Бироновъ, какъ сырая головня горитъ". Впослѣдствіи Биронъ при всякомъ случаѣ выражалъ Арсенію за это свою благодарность. Противъ открытыхъ противниковъ законовъ и вѣры у него всегда вспыхивала необычайная энергія и гордое сознаніе властнаго защитника правды".

Въ приложеніяхъ приведены полностью „доношенія" Арсенія синоду, послужившія поводомъ для привлеченія его къ суду, и выговоръ

Екатерины замѣшанному въ дѣлѣ крутицкому архіерею Амвросію, текстъ котораго извлеченъ изъ бумагъ государственнаго архива. Поставляя на видъ необходимость секуляризаціи монастырскихъ имѣній, въ цѣляхъ государственныхъ, императрица говоритъ, между прочимъ: „Еже ли бы наше намѣреніе было излишними церковными доходами воспользоваться на другія свѣтскія дѣла, то и въ такомъ случаѣ мы бы одни за то Богу — предъ судомъ Его небеснымъ отвѣтъ дали, такъ какъ уже Его же святою силою никакому человѣческому суду мы не подвластны; но вы сами понимаете, что наша мысль не иная, какъ все только духовное имѣніе въ лучшій привести распорядокъ и на тѣ же богоугодныя дѣла распредѣлить, то не вящшей ли мы помощи отъ васъ самихъ духовныхъ надѣяться должны?“

Такъ совершалась эта борьба, въ которой обѣ стороны старательно обходили истинный предметъ спора — вопросъ о власти, впрочемъ тогда уже взвѣшенный судьбою.

Къ книгѣ приложены портретъ Арсенія, указатель и три снимка съ мѣста заключенія бывшаго ростовскаго митрополита.—Евг. Л.

Въ теченіе декабря мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К. — Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 11-ое. Спб. 906. Ц. 60 к.

Акимовъ, В. (Махновецъ).—Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи. Спб. 906. Ц. 50 к.

Александрова-Игнатьева, П. П.—Практическія основы кулинарнаго искусства. Руководство для кулинарныхъ школъ и для самообученія, съ 108 рис. и съ приложеніемъ краткаго популярнаго курса мясовѣдѣнія М. А. Игнатьева. Изд. 4-е. Спб. 906. Ц. 3 р. 50 к.

Аннунціо, д', Габріель.—Разложеніе. Траг. въ 4 акт. Перев. С. Горвицъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Бальталонъ, Ц. — Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. 6-ое дополн. изд. М. 905. Ц. 75 к.

Березкинъ, Д. М. — Во тьмѣ вѣковой. Повѣсть и три разсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Велиховъ, Л. — Сравнительная таблица русскихъ политическихъ партій. Спб. 906. Ц. 30 к.

Веревкинъ, Н. (Артурскій обыватель).—Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Весинъ, С.—Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составл. по программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. 7-ое исправл. и дополн. изд. Спб. 905. Ц. 80 к.

Варзаръ, В. Е.—Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за 10-лѣтіе 1893—1904 г. Спб. 905. Ц. 75 к.

Виньоло.—Архитектурные ордера. Справочная книжка для архитекторовъ и строителей. Съ франц. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Волковъ, Н.—Заразныя болѣзни и санитарно-гигіеническія условія. Владикавказъ, 905. Ц. 15 к.

Грановскій, Т. Н.—Избранныя сочиненія. М. 906. Ц. 75 к.

Деруновъ, К. Н.—Примѣрный библіотечный каталогъ. Сводъ лучшихъ книгъ на русскомъ языкѣ съ 60-хъ годовъ по 1905-й годъ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 60 к.

Дьяковъ, свящ. Н.—Въ Манчжуріи съ сибирскими стрѣлками. 1904 г. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Зоргенфрей, Г.—Въ средней школѣ. Мелкія замѣтки. I. Спб. 906. Ц. 20 к.

Кони, А. Ѳ.—Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 906. Ц. 4 р.

Мырный, Панасъ.—Кнызка друга творивъ. У Кыиви. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Нижегородцевъ, М. Н. — Алкоголизмъ и Коммиссія Русскаго Общества охраненія народнаго здравія по этому вопросу. Спб. 905.

Николаевъ, А. А.—Очерки по исторіи японскаго народа. Т. I. Ц. 1 р.

Онкенъ, Германъ. — Фердинандъ Лассаль, какъ политическій дѣятель. Съ нѣм. А. Ивашкевичъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Отоцкій, П. В. — Грунтовыя воды, ихъ происхожденіе, жизнь и распредѣленіе. Ч. II: Грунтовыя воды и лѣса, преимущественно на равнинахъ среднихъ широтъ. Спб. 905.

Пликеръ, А. П.—Справочная книжка для лѣсныхъ хозяевъ. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Рейснеръ, М. А. — Государство и вѣрующая личность. Сборникъ статей. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Стебутъ, И. А.—Сборникъ статей по вопросамъ женскаго сельско-хозяйственнаго образованія, п. р. В. И. Срезневскаго. Спб. 905.

Строевъ, Н.—Историческій моментъ. I-й Московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Спб. 906. Ц. 30 к.

Толстой, Левъ.—Великій грѣхъ. Спб. 905. Ц. 10 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Старость Донъ-Жуана. Ком. въ 3 д. Лефевра Сентъ-Огани. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Федоровъ, М. П. — Финансово-хозяйственная программа г. Петербурга на 1905 годъ. Спб. 905.

Федоровъ, П. А.—Постройка дома. Справочная книга и руководство для домовладѣльцевъ, десятниковъ и завѣдывающихъ постройкой дома. Съ 124 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Ц. 1 р.

Фтита.—Христіанство и политика. Спб. 905.

Ходырева, М.—Намеки и облики. Сказки. Спб. 906. Ц. 1 р.

Штуцеръ, А., проф. — Практическое наставленіе къ составленію корневыхъ дачъ. Перераб. и дополнилъ, примѣнительно къ русскимъ условіямъ, Ав. Калонтаръ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Яновьска, П.—Оповидання. У Кыиви. 905. Цина 75 к.

— Deux ans de réformes en Macédoine. 1903—1905. Par un Ex-Diplomate. Géneve. 905.

— Библіотека „Общественной пользы“: 1) В. М. Гаршинъ, То, чего не было – Лягушка-путешественница—Сказка о жабѣ и розѣ. 2) Ф. Нефедовъ. Въ туманѣ. 3) Д. Аизманъ, Исторія одного преступленія. 4) Ф. Лассаль, О сущ-

ности конституціи, съ нѣм. 5) В. Гаршинъ, Четыре дня. 6) Поль Луи, Рабочее законодательство въ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, съ французск. Г. Салиберъ. 7) С. Кароннинъ, Снизу вверхъ, исторія одного рабочаго. 8) С. Цейтлинъ, Избирательное право въ современныхъ государствахъ конституціонныхъ. 9) Его же, Учредительныя и законодательныя собранія въ конституціонныхъ государствахъ. Спб. 905.

— Изданія О. Н. Поповой: № 64. Доисторическій человѣкъ, М. Сабининой, ц. 15 к.—№ 81. Франція, Е. Сно, ц. 10 к.—№ 84. Италія, Е. Сно, ц. 10 к.—№ 85. Голландія, Е. Сно, ц. 6 к.—№ 86. Бельгія, Е. Сно, ц. 7 к. Спб. 906.

— Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губерніи. Т. X: Шуйскій уѣздъ. Вып. II: Свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Владим.-на-Кл. 905.

— Отчетъ по С.-Петербургскому столичному судебному мировому округу за 1904 годъ. Спб. 905.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1904 годъ. Составл. по отчет. губерн. Акцизн. Управленій. Спб. 905.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. 1903-ій годъ, съ предварительными данными за 1904 г. Изд. Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей по статистическому отдѣленію. Выпускъ II. Спб. 905.

— Человѣкъ въ природѣ. Мысли о познаніи Бога. Кіевъ, 905. Ц. 30 к.

— Рефераты и работы. 1902—1904 гг. Студенческій „Кружокъ Политической Экономіи“ при Спб. университетѣ. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

— Черниговскій Историко-Археологическій отрывной Календарь. 1906-й г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

René Doumic. Études sur la littérature Française, 5-ème série. Paris, 1905.
Charles Maurras, L'avenir de l'Intelligence, Paris. 1905.
Jean Lionnet, L'évolution des idées chez quelques uns de nos contemporains.

Нѣсколько сборниковъ критическихъ очерковъ, вышедшихъ во Франціи въ теченіе минувшаго года, даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, что̀ выдвинулось за послѣднее время, и по нимъ можно судить о преобладающихъ идейныхъ интересахъ въ разныхъ областяхъ новѣйшей французской литературы.

Романъ, какъ всегда, продолжаетъ занимать первенствующее мѣсто въ литературномъ производствѣ, но въ этой области намѣчаются существенныя измѣненія. Всѣ обозрѣватели указываютъ на паденіе чисто психологическаго романа, очень распространеннаго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и на преобладаніе романа общественнаго и коллективнаго, посвященнаго не изученію индивидуальностей, а психологіи большихъ общественныхъ группъ или же совокупности націи въ яркія политическія и соціальныя эпохи. Ренэ Думикъ въ своихъ новыхъ очеркахъ, „Études sur la littérature Française", объясняетъ господство общественнаго романа реакціей противъ крайностей натурализма. Главари натуралистической школы, Зола, Мопассанъ и другіе, далеко не безъидейны. Они „протоколировали" дѣйствительность, но вкладывали въ изображеніе ея свою тоску о неосуществимости должнаго и желаннаго въ жизни людей. У продолжателей же ихъ принциповъ натурализмъ свелся къ безсмысленному воспроизведенію реальныхъ явленій и къ старательному устраненію фантазіи. Реакціей во имя правъ воображенія является новѣйшій типъ романа. Реакція эта выразилась прежде всего въ нарожденіи историческаго романа, обращеннаго не на далекое прошлое, а на непосредственно предшествовавшее современной дѣйствительности, на то, что̀ еще живо въ памяти и въ чувствахъ. Воображенію дается, однако, больше свободы при изображеніи героическихъ моментовъ хотя бы не очень отдаленнаго прошлаго, чѣмъ при непосредственномъ воспроизведеніи будничной дѣйствительности. Но принципъ реализма, т.-е. документированной правды, сохраняется въ историческомъ романѣ новѣйшаго образца. Онъ поэтому и является примиреніемъ принциповъ реализма съ правами художественной фантазіи. Образцами

этого рода романа является трилогія братьевъ Маргеритъ, „Le Désastre“, „Tronçons du glaive“, „Les Braves gens“, посвященная франко-прусской войнѣ. Въ первомъ романѣ этой серіи разсказана болѣе отрадная для патріотическаго сознанія часть національной эпопеи, самая борьба противъ сильнаго врага со всѣми проявленіями героизма борцовъ за родину. Второй романъ, „Tronçons du glaive“, возсоздаетъ наиболѣе тягостный моментъ исторической драмы—нашествіе врага, занявшаго и столицу, и провинціи Франціи. Особенность романистовъ, возсоздающихъ столь болѣзненный для національнаго самосознанія моментъ, заключается въ томъ, что они не впадаютъ въ пессимизмъ, повѣствуя о національныхъ бѣдствіяхъ, а проникнуты вѣрой въ жизненность своего народа, который съумѣетъ осилить всѣ испытанія судьбы. Въ психологіи опустошенной завоеванной Франціи они видятъ и выдвигаютъ одно основное чувство—страстную любовь къ родинѣ и воплощаютъ ее въ національныхъ герояхъ той эпохи. Вокругъ этой основной идеи группируются многочисленные, даже загромождающіе въ значительной степени романъ эпизоды, основанные на документальномъ изученіи источниковъ. Реализмъ романа, такимъ образомъ, обусловливается его исторической основой, а по своему идейному освѣщенію онъ составляетъ противовѣсъ психологическому роману съ его надоѣвшими адюльтерными интригами. Появленіе такихъ романовъ, какъ трилогія братьевъ Маргетитъ, интересно главнымъ образомъ симптоматически. „Авторамъ и публикѣ, повидимому, наскучили слишкомъ использованныя формы современнаго романа“,—говоритъ Думикъ. — „Идеалистическій романъ впалъ въ чрезмѣрную слащавость, романъ реалистическій—въ чрезмѣрную грубость. Психологическій романъ убилъ самъ себя, злоупотребивъ правомъ быть скучнымъ. Романъ интриги исчезъ съ того момента, какъ рѣшили, что въ романѣ и въ драмѣ ничего не должно происходить. Адюльтерный романъ упалъ на степень чисто ремесленнаго предпріятія и стоитъ почти внѣ литературы“. Для обновленія романа новѣйшіе беллетристы стали прибѣгать къ разработкѣ историческаго матеріала. При этомъ, въ противоположность прежнему историческому роману, современный основывается не на фантазіи, а на основательной документировкѣ, что приближаетъ его къ принципамъ реализма. Этого рода литература насчитываетъ въ послѣднее время много образцовъ. Думикъ называетъ, кромѣ трилогіи братьевъ Маргеритъ, серію романовъ Баресса подъ общимъ заглавіемъ: „романъ національной энергіи“. Въ нихъ интересъ сосредоточенъ на коллективной психологіи страны въ опредѣленный историческій моментъ. Идея всѣхъ трехъ романовъ заключается въ выясненіи связи между психологіей соціальныхъ группъ и національной почвой, и каждый изъ трехъ романовъ, связанныхъ

этой общей мыслью, посвященъ отдѣльной чертѣ обще-національной психологіи. Въ одномъ, „Les Déracinés“, разсматривается трагедія безпочвенности—разсказывается исторія группы молодыхъ лотарингцевъ, оторвавшихся отъ почвы и совершенно потерявшихъ оттого, что они не черпаютъ изъ источника національной энергіи. Только въ единеніи съ душой народа Барессъ видитъ залогъ сильной и плодотворной культуры. На этой націоналистской точкѣ зрѣнія Барессъ стоитъ и въ другихъ романахъ, въ „L'appel au soldat“, гдѣ онъ объясняетъ психологію популярности, иногда совершенно не оправдываемой истинными достоинствами любимца толпы, и показываетъ, что дѣло не только въ искусной рекламѣ, а въ непремѣнномъ соотвѣтствіи идеи, воплощенной въ популярномъ человѣкѣ, съ общими желаніями наши въ данный моментъ. Въ третьемъ романѣ, „Leurs figures“, изображена психологія парламентаризма. Въ немъ изображена очень пессимистически атмосфера эгоистическаго страха, въ которомъ живутъ парламентскіе дѣятели въ острые моменты кризиса, и развитіе всѣхъ отрицательныхъ чертъ характера подъ вліяніемъ этого страха. Въ романахъ Баресса много тенденціознаго, но во всякомъ случаѣ они интересны своимъ идейнымъ замысломъ и тѣмъ, что они основываются на изученіи историческихъ документовъ, мемуаровъ и т. д. Историческій и коллективный романъ новаго типа представленъ и множествомъ другихъ произведеній. Всѣ романы Поля Адана написаны серіями и относятся къ французской жизни Наполеоновской поры, или къ другимъ эпохамъ XIX-го вѣка, причемъ во всѣхъ нихъ психологія массъ преобладаетъ надъ непосредственнымъ изложеніемъ романтической интриги въ противоположность историческому роману стараго типа. Одинъ изъ самыхъ выдающихся, или, вѣрнѣе, самый выдающійся представитель нео-историческаго романа—Анатоль Франсъ, написавшій цѣлый рядъ романовъ подъ общимъ заглавіемъ „Современная исторія“. Въ нихъ художественный вымыселъ тѣсно переплетается съ фактами текущей общественной жизни. Его послѣдняя книга, „На бѣлыхъ камняхъ“, вполнѣ примыкаетъ къ этому жанру. Въ своемъ перечнѣ образцовъ коллективнаго, историческаго и соціальнаго романа Рене Думикъ указываетъ также на романы Вогюэ, Эдуарда Рода и другихъ; они тоже перешли отъ анализа индивидуальной воли, составлявшаго центръ тяжести психологическаго романа со всѣми его разновидностями, къ изученію общественныхъ группъ и ихъ психологіи.

Другой литературный обозрѣватель, Шарль Морра̀, въ своей книгѣ „L'Avenir de l'Intelligence“, разсматриваетъ другую разновидность современнаго французскаго романа—произведенія женщинъ. Ихъ можно

выделить въ отдѣльную группу, потому что въ нихъ намѣчаются, наряду съ индивидуальными особенностями каждаго автора, цѣлый рядъ общихъ чертъ. Морра говоритъ наиболѣе подробно о двухъ романисткахъ, которыя пріобрѣли извѣстность за послѣдніе годы: это м-мъ де-Ренье и графиня де-Ноайль. М-мъ де-Ренье, выступившая сначала подъ псевдонимомъ Жераръ де-Нерваль,—дочь поэта Эредіа. Она унаслѣдовала отъ отца любовь къ звучности стиха, но по точности рисунка и выдержанной простотѣ формы въ своихъ стихахъ обнаруживаетъ полную самостоятельность. Въ поэзіи м-мъ де-Ренье есть любовь къ жизни предметовъ—вмѣсто любви къ словамъ ея отца, есть ясность воображенія, идейность, замѣняющая мечтательность—и эти качества отличаютъ ея творчество отъ поэзіи ея мужа, Анри де-Ренье, и приближаютъ ее къ традиціямъ французскаго классицизма. Въ своемъ прозаическомъ романѣ, „L'Inconstante", м-мъ де-Ренье тоже обнаруживаетъ трезвое, вдумчивое отношеніе къ женской душѣ и соединяетъ почти циничный скептицизмъ съ поэтичностью. Ея героиня бравируетъ правдивостью, измѣняетъ съ полнымъ спокойствіемъ и простотой, и это откровенное признаніе своихъ инстинктовъ, это отсутствіе лицемѣрія передъ самой собой придаетъ жизненность и привлекательность героинѣ романа, которая, при всемъ своемъ инстинктивномъ непостоянствѣ, способна на искреннюю страсть и непосредственную красоту чувствъ. Романъ задуманъ въ духѣ Анатоля Франса, съ его пониманіемъ человѣческихъ слабостей, съ такой же, какъ у него, поэзіей и теплотой на фонѣ безпощадной правдивости. Но, разбирая этотъ романъ, критикъ м-мъ де-Ренье справедливо указываетъ на уклоненіе автора въ сторону романтизма. Ея пониманіе жизни и страсти—отголосокъ старой романтики. Правдиво поэтичный и граціозно скептическій романъ заканчивается слезливо и добродѣтельно, съ оттѣнкомъ толстовства—скорѣе напускного. Такой же романтизмъ портитъ новѣйшій романъ м-мъ де-Ренье, „L'Esclave"; при несомнѣнной серьезности и продуманности замысла, авторъ впадаетъ въ расплывчатость изъ-за чрезмѣрнаго изобилія романтическихъ живописныхъ деталей.

Романтизмъ стараго типа, т.-е. сентиментально преувеличенное представленіе о чувствахъ, Шарль Морра̀ считаетъ общей чертой даже лучшихъ современныхъ писателей, и доказываетъ это на примѣрѣ прославившейся за послѣднее время графини де-Ноайль. Въ ней склонность къ экзальтаціи подчеркивается еще ея южнымъ происхожденіемъ. Она родомъ полу-гречанка, полу-румынка, но воспитанная на французской литературѣ; наиболѣе сильно отразилось на ней вліяніе Бодлэра и романтизма 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ ея романѣ „Новая надежда" прославляется меланхолія и всѣ чувства, сопровождающія романтическую любовную страсть. Всѣ инциденты фабулы

подчинены одной основной мысли — изображенію власти „демона любви“, котораго убиваетъ въ героинѣ только смерть. Книга написана съ необычайной пламенностью и трагизмомъ въ изображеніи любви, настолько сосредоточенной въ самой себѣ, что теряется даже связь съ предметомъ любви. Чувство перерождается въ любовь къ любви, становится абсолютной любовью къ себѣ и, порывая всѣ связи съ міромъ дѣйствительности, приводитъ къ неминуемому самоубійству. Мотивировка самоубійства героини—вполнѣ романтическая, и въ этомъ смыслѣ очень сильная. Ей соотвѣтствуетъ стиль романа, соединяющій всѣ свойства романтическаго идеала: напряженность, любовь къ странности и извращенности, упоенность самыми словами и сочетаніемъ ихъ. Графиня де-Ноайль подбираетъ одно къ другому слова съ чисто женской любовью къ подбору гармонирующихъ и эффектныхъ сочетаній красивыхъ тканей. Эта любовь къ словамъ и звукамъ составляетъ особенность декадентской школы Малармэ, непосредственно связанной съ романтизмомъ Бодлэра и его предшественниковъ въ 30-хъ годахъ. Женщины-романистки, въ особенности м-мъ де-Ноайль, не впадая въ непонятный жаргонъ декадентовъ, продолжаютъ въ своихъ произведеніяхъ традиціи романтизма, примѣняя ихъ къ болѣе сложной современной психологіи. Чисто романтическія черты, однако, скорѣе портятъ ихъ произведенія, отвлекая ихъ отъ идейной правды въ сторону душевной экзальтаціи, всегда таящей въ себѣ нѣкоторую ложь.

О женщинахъ-романисткахъ говоритъ и другой изъ литературныхъ обозрѣвателей за минувшій годъ, Жанъ Ліонэ, въ своей книгѣ: „L'Evolution des idées chez quelques uns de nos contemporains“. Но романистки, которымъ онъ удѣляетъ много вниманія, относятся къ иному разряду, нежели м-мъ де-Ренье и графиня де-Ноайль съ ихъ романтически экзальтированнымъ воображеніемъ. Онъ разбираетъ два романа, отражающіе психологію современной французской женщины съ ея проснувшимся сознаніемъ своей духовной личности. Число французскихъ романистокъ очень возросло за послѣднее время. Кромѣ названныхъ нами выше писательницъ, большой и заслуженной извѣстностью пользуются Марсель Тинэръ, Мирьямъ Гарри и другія. Въ идейномъ отношеніи критикъ ставитъ этихъ современныхъ романистокъ выше Жоржъ-Зандъ. Она всегда излагала теоріи, заимствованныя у друзей („le style c'est l'homme“,—говорила про нее одна „сестра по перу“, м-мъ де-Жирардэнъ, ядовито приводя въ особомъ смыслѣ извѣстное изреченіе Бюффона); современныя романистки самостоятельны въ области мысли и создаютъ теоріи жизни, идущія даже часто въ разрѣзъ со взглядами ихъ собратьевъ - мужчинъ. Какъ

образецъ женскаго романа, проводящаго самобытныя идеи, а также изучающаго новые типы женщинъ, Ліонэ приводитъ очень интересный романъ Колеты Иверъ, носящій странное загланіе — „Cervelines". Слово это—неологизмъ, созданный романисткой для обозначенія современныхъ женщинъ, живущихъ больше головой, нежели сердцемъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ впервые произноситъ это слово и такъ поясняетъ его своему пріятелю въ теоретической бесѣдѣ о современной женщинѣ: „Это—женщины, которыхъ теперь множество и въ Парижѣ, и даже въ провинціи. Романисты предостерегали отъ опасности, которую представляютъ для общества кокетки, авантюристки, порочныя женщины. Но опасность, грозящая со стороны женщинъ, живущихъ головой,—cervelines—гораздо бóльшая. Тѣ все-таки были женщины. Лживыя или порочныя, онѣ все-таки насъ любили... онѣ были подругами, иногда глупыми, коварными или необузданными... но подругами, отдававшими намъ свое сердце. Эти же живутъ только головой, дѣятельностью мозга. У нихъ есть всѣ качества самыхъ прекрасныхъ женщинъ—всѣ, кромѣ сердца; иногда даже у нихъ есть сердце, но въ немъ нѣтъ любви.

„— Ты, однако, далеко не феминистъ,—прерываетъ психолога современной женщины его другъ, и въ отвѣтъ на это авторъ устами своего героя объясняетъ разницу между феминисткой и cerveline. — Ты думалъ, что я говорю о феминисткахъ,—говоритъ Жанъ Сесиль, придумавшій названіе cervelines, — объ этихъ воинствующихъ проповѣдницахъ ненависти къ мужчинамъ, которыя, однако, во всемъ подражаютъ мужчинамъ? Дѣло не въ нихъ, и онѣ не опасны. Опасны женщины, сохранившія обаяніе женственности, тѣ, которыя не изъ принципа отвергаютъ мужчинъ, а, живя исключительно головными интересами, просто не нуждаются въ любви. Онѣ не выходятъ замужъ, но на нихъ не смотрятъ какъ на старыхъ дѣвъ; онѣ—самостоятельныя личности. Ихъ теперь всюду огромное множество — и въ этомъ виноваты мужчины. Случился переворотъ въ отношеніяхъ половъ. Мужчина, вотъ уже два-три поколѣнія, какъ отказывается заботиться о женщинахъ. Это идетъ со временъ Бальзака, съ начала царства денегъ. А теперь женщины научились обходиться безъ мужчинъ и не хотятъ брать на себя заботу о нихъ".

Этотъ новый типъ представленъ въ романѣ двумя женщинами, изъ которыхъ одна—врачъ, а другая—профессоръ исторіи. Вторая изъ нихъ вполнѣ женственна и, полюбивъ молодого доктора, радуется перспективѣ семейнаго счастья. Она говоритъ, что не принадлежитъ къ числу cervelines—къ великой радости жениха, который уже въ жизни разъ пострадалъ, полюбивъ женщину, слишкомъ увлеченную умственными интересами. Но когда обстоятельства такъ складываются, что

Марселина—такъ зовутъ молодую ученую дѣвушку—должна оставить чтеніе лекцій и научныя занятія, выходя замужъ,—она отказываетъ жениху, заявляя ему, что все-таки она — cerveline. Его печальный выводъ изъ двухъ пережитыхъ имъ разочарованій въ любви заключается въ словахъ, которыя онъ говоритъ на похоронахъ молодой дѣвушки, умершей отъ чахотки: „любовь исчезаетъ!"

Наиболѣе яркой и цѣльной выразительницей типа cerveline является вторая героиня романа, женщина-врачъ, Жанна Боркъ, гордая, съ чисто мужскимъ умомъ и свободная отъ любви. Очень оригинальны вложенныя въ ея уста разсужденія о материнствѣ и любви къ дѣтямъ. Въ нихъ есть намекъ на новое, свободное отношеніе къ семьѣ, есть мысль о томъ, что любовь къ *своимъ* дѣтямъ съуживаетъ любовь къ дѣтямъ вообще, что семейное начало, какъ исключительный идеалъ для женщины, противорѣчитъ и индивидуальной свободѣ, и благу общества, какъ цѣлаго. Вотъ что̀ отвѣчаетъ Жанна Боркъ своей подругѣ на вопросъ, неужели она не хочетъ имѣть дѣтей: „Мнѣ не нужны дѣти, которыя были бы непремѣнно моими. Женщина должна быть матерью, не правда ли? Знаю. Но почему не предоставить мнѣ права выбирать для себя ту жизнь, которая мнѣ по душѣ? Я тоже противъ безполезныхъ существованій. Но развѣ я безполезна? Развѣ я не исполняю общественной функціи? Будь у меня свои дѣти, развѣ бы я такъ заботливо ухаживала за чужими дѣтьми, какъ я это дѣлаю теперь? Я бы произвела на свѣтъ одного собственнаго ребенка, но сколькимъ другимъ я изъ-за этого дала бы умереть отъ крупа. Нѣтъ, хотя у меня нѣтъ ни мужа, ни дѣтей, я все же считаю себя вполнѣ цѣльной личностью, исполняющей свое назначеніе въ общественномъ организмѣ. Я каждый день посвящаю около десяти часовъ работы изученію средствъ для облегченія человѣческихъ страданій; я оперирую и лечу больныхъ, углубляюсь въ науку, вношу свою долю въ общее движеніе науки, и вы рѣшаетесь утверждать, что я не исполняю своего долга?"

Эта апологія духовной самобытности женщины сильна тѣмъ, что даетъ логическіе доводы въ пользу свободы, опредѣляющей призваніе къ тѣмъ или другимъ нормамъ жизни. Въ противоположность феминизму съ его сектантской узкостью, такого рода защита индивидуальной иниціативы чрезвычайно цѣнна, какъ противовѣсъ эгоизму семейственности, подъ закономъ котораго жила женщина до сихъ поръ—во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Еще одна книга, „L'un vers l'autre", м-мъ Компэнъ, тоже характерна, какъ протестъ противъ уничтоженія духовной личности женщины въ бракѣ. Условія жизни, обрисованныя въ этомъ романѣ, вообразимы только въ буржуазной французской средѣ, гдѣ самостоятельность убѣжденій жены кажется чѣмъ-то непріемле-

нымъ, и тѣмъ отраднѣе, что нарождается поколѣніе сознательныхъ, идейно самобытныхъ женщинъ, которыя и изображаются новѣйшими романистками въ ихъ произведеніяхъ. Объединяя всѣ данныя относительно новѣйшихъ теченій во французскомъ романѣ, можно сдѣлать благопріятный выводъ, отмѣтивъ обновленіе идейнаго содержанія беллетристики. Адюльтерный романъ совершенно выдѣленъ изъ литературы и сдѣлался достояніемъ литературныхъ ремесленниковъ, въ то время какъ писатели съ серьезнымъ литературнымъ именемъ вводятъ въ художественное творчество идеи, примыкающія къ духовнымъ вопросамъ и интересамъ всего общества въ цѣломъ.

И не только въ романѣ, а и въ поэзіи замѣчается такое же влеченіе къ коллективнымъ идеямъ. Самый выдающійся современный французскій поэтъ, Эмиль Верхарнъ,—бельгіецъ, тѣсно связанный съ Франціей общностью языка и мысли. Онъ соединяетъ идеалы прежней эстетической школы съ ея стремленіями къ обособленной красотѣ стиха, къ новизмѣ ритма и новизнѣ оттѣнковъ съ идейнымъ содержаніемъ, отражающимъ борьбу въ современномъ обществѣ за обновленныя справедливыя нормы жизни. Верхарнъ — вдохновенный пѣвецъ мятежныхъ трудовыхъ массъ, отстаивающихъ свои права. Считая Верхарна главой современной французской поэзіи, мы видимъ въ его лицѣ самую характерную особенность новѣйшаго фазиса литературной жизни,—какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ,—сліяніе высшаго индивидуализма съ духомъ общественности во имя вѣчныхъ идеаловъ справедливости. Поэзія Верхарна до крайности субъективна, что не мѣшаетъ ему быть пророкомъ трудящихся массъ. Есть во Франціи много другихъ поэтовъ, занятыхъ болѣе обособленными, чисто художественными задачами, но духъ времени, сказывающійся какъ въ романѣ, такъ и въ поэзіи и въ другихъ литературныхъ областяхъ, заключается въ синтезѣ индивидуализма и коллективности.

II.

Hermann Sudermann. Das Blumenboot. Schauspiel in 4 Akten. Berlin, 1905. J. G. Cotta'sche Buchhandlung.

Въ своей новой пьесѣ „Лодка въ цвѣтахъ" Германъ Зудерманъ возвращается къ темѣ, которую разрабатывалъ въ прославившей его „Родинѣ". Онъ опять поднимаетъ вопросъ о женской свободѣ въ области любви,—и любопытно сравнить, какъ за промежутокъ многихъ лѣтъ („Родина" написана въ 1893 году) драматургъ измѣнилъ свое отношеніе къ этическимъ проблемамъ, и посмотрѣть, въ какую сторону

совершился его уклонъ—въ сторону ли защиты правъ личности—или къ примиренію съ традиціонной буржуазной моралью.

Собственно говоря, и въ знаменитой „Родинѣ“, такъ же, какъ и въ новѣйшей варіаціи на эту тему, рѣчь идетъ не о свободѣ въ высокомъ значеніи этого слова. Магда, героиня „Родины“, отстаиваетъ свои права на образъ жизни куртизанки, на роскошь и прожиганіе жизни. Къ этому сводится та апологія свободы, которою Магда хочетъ увлечь свою молоденькую невинную сестру. Эта сцена производитъ на вдумчиваго зрителя скорѣе тягостное впечатлѣніе, потому что актриса Магда ратуетъ въ ней за самыя низменныя формы свободы; нельзя даже не посочувствовать ея ограниченнымъ, тупымъ родителямъ, которые все-таки готовы принести жертвы своему идеалу добра, хотя бы и ложному, въ то время какъ цѣль ихъ дочери—легкомысленное веселье. Но все-таки Магда облагорожена своимъ пониманіемъ любви и материнства, какъ свободныхъ, но тѣмъ болѣе священныхъ обязательствъ. Этимъ и объясняется то обаяніе, которымъ драма Зудермана пользуется до сихъ поръ на всѣхъ сценахъ. Глубокое мѣщанство житейскихъ идеаловъ Магды—почти такое же глубокое, какъ условная мораль ея родителей,—какъ-то не замѣчается; въ ней видятъ только проповѣдь благородной свободной любви. Кромѣ того, конечно, сила Зудермана—въ большомъ сценическомъ умѣніи; его героиня чрезвычайно интересна для всякой артистки, какъ роль, въ которой можно выказать цѣлую гамму разнообразныхъ чувствъ.

Сценическій талантъ Зудермана остается вѣренъ себѣ и въ его новѣйшей пьесѣ. „Лодка въ цвѣтахъ“ изобилуетъ эффектными сценами, и роль героини—Магды новѣйшаго образца—должна привлекать всякую артистку. Но по внутреннему содержанію она гораздо ниже „Родины“, потому что тотъ же вопросъ взятъ болѣе плоско и разрѣшенъ откровенно въ сторону идеаловъ буржуазности. Замыселъ пьесы сводится къ тому, что нѣсколько женщинъ разнаго возраста и разныхъ характеровъ хотятъ отвоевать себѣ въ жизни право наслаждаться земными радостями, понимая ихъ въ смыслѣ свободы любовныхъ приключеній, и выводъ пьесы, ея мораль, состоитъ въ побѣдѣ твердыхъ семейныхъ устоевъ надъ этими проявленіями односторонне понятой женской эмансипаціи.

Никакихъ облагораживающихъ мотивовъ, какъ въ артистическихъ порывахъ Магды, нѣтъ у трехъ проповѣдницъ свободной и веселой жизни въ новой пьесѣ Зудермана,—и поэтому ихъ психологическія переживанія не кажутся дѣйствительной борьбой за болѣе свободную и широкую жизнь. Женщиной, осуществившей идеалъ свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ житейскаго благополучія, является баронесса Эрфлин-

генъ, еще красивая мать двухъ взрослыхъ дочерей. Она въ своей жизни ставила выше всего культъ удовольствія, и устраивала свою жизнь согласно съ своими желаніями. Первый ея мужъ былъ компаньонъ ея отца въ ихъ крупномъ торговомъ предпріятіи, и она вышла за него замужъ изъ практическихъ соображеній. Но затѣмъ ея принципомъ стала жизнь для удовольствія, и жертвой ея похожденій сталъ ея братъ,—онъ погибъ на дуэли, какъ мститель за честь сестры. Послѣ молодости, подчиненной закону наслажденія, она стала женой послѣдняго изъ своихъ возлюбленныхъ, ради титула баронессы, и живетъ въ домѣ старика отца, главы богатой торговой фирмы; мужъ ея, баронъ, занимаетъ мѣсто терпимаго приживальщика, къ которому его собственная жена относится съ легкимъ пренебреженіемъ, а фактическій хозяинъ дѣла, мужъ старшей дочери баронессы отъ перваго брака,—съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Баронесса проявляетъ и подъ старость свое „искусство жизни", устраиваетъ для себя рамки, достойныя ея вкусовъ и требованій. Когда любовь перестаетъ играть роль въ ея жизни, она окружаетъ себя роскошью и красотой, составляющими замѣну другихъ радостей, — и затѣмъ дѣятельно и убѣжденно пріобщаетъ къ своему культу жизненныхъ наслажденій своихъ двухъ дочерей. „Я стремлюсь для васъ,—говоритъ она своей младшей дочери,—не къ банальному прожиганію жизни—это слишкомъ мелко для такихъ женщинъ, какъ мы... Такія натуры созданы для того, чтобы смотрѣть на міръ какъ на веселую панораму, движущуюся передъ нашими взорами. Или, вѣрнѣе, намъ кажется, что она движется; на самомъ дѣлѣ мы идемъ своимъ путемъ... не останавливаясь ни передъ чѣмъ. И всякій балластъ неудобенъ въ пути. Нужно, чтобы даже собственный мужъ оставался на берегу и только оттуда кивалъ намъ". Для достиженія этого идеала она совѣтуетъ дочерямъ не любить самимъ, а только позволять любить себя, и проповѣдуетъ дочерямъ, чтобы онѣ заботились о внутреннемъ освобожденіи, о самобытности, — говоря, что на высотѣ такого свободнаго идеала жизни и культа наслажденій не можетъ быть мѣста для признанія за собой какой-либо вины. Она хочетъ, чтобы дочери ея стали наслѣдницами ея крови, ея искусства жизни, ея стремленія къ красотѣ. Она сулитъ имъ вѣнецъ наслажденій, свободныхъ отъ сознанія какой-либо виновности.

Столкновеніе этой жизненной философіи съ противоположнымъ, чисто этическимъ отношеніемъ къ семейному началу и составляетъ содержаніе пьесы Зудермана. Столкновеніе это происходитъ въ судьбѣ двухъ дочерей баронессы, Рафаэлы и Тэа. Обѣ онѣ находятся почти подъ гипнотическимъ вліяніемъ воли матери, считаютъ ее во всемъ правой и при ея помощи идутъ по наклонной плоскости „свободы и

наслажденія". Ихъ мужья, очень различные, оба однако становятся защитниками семейной добродѣтели, и нравственная побѣда—на ихъ сторонѣ. Въ противоположность „Родинѣ" культъ свободы и наслажденія проповѣдуется не самой героиней — или двумя героинями, такъ какъ обѣ сестры переживаютъ въ разныхъ условіяхъ одинъ и тотъ же нравственный конфликтъ, — т. е. не становится положительной истиной, возводимой въ идеалъ авторомъ, а напротивъ того, изображается чѣмъ-то весьма спорнымъ, тѣмъ, что должно быть побѣждено строгой старой моралью. Вотъ какъ перерѣшаетъ авторъ „Родины" вопросъ о свободѣ и самобытности женской жизни въ своей новой драмѣ на старую тему.

Тенденція автора проводится въ судьбѣ обѣихъ сестеръ. Старшая, Рафаэла, тоже должна была выйти замужъ, какъ и ея мать, по практическимъ соображеніямъ. Мать находитъ однако, что участь дочери ея въ данномъ случаѣ была лучшей, чѣмъ ея собственная. Мать въ семнадцать лѣтъ отдали компаньону отца—„какъ придачу къ рождественскому подарку", а Рафаэла знала своего мужа, Бреземанна, довольно долго до брака, видѣла, какъ онъ работалъ дни и ночи, чтобы поднять благосостояніе ея семьи, видѣла его заботы о нихъ всѣхъ послѣ смерти брата ихъ матери, поручившаго ему попеченіе о семьѣ— и въ порывѣ благодарности согласилась стать его женой. О томъ, что Рафаэла дѣйствовала изъ привитаго ей чувства долга и жертвовала собой ради практическихъ интересовъ семьи, мать ея не хочетъ вспоминать. Она полагаетъ, что Рафаэла можетъ теперь, послѣ замужества, отстаивать свою самобытность и свободу чувствъ, искать любви какъ внѣ-семейнаго развлеченія — именно какъ развлеченія, игры, а отнюдь не серьезнаго чувства: оно въ глазахъ баронессы— препятствіе для искусства жизни. Она сама старается устроить дочери романическія развлеченія, не сознавая, что при душевной глубинѣ Рафаэлы такая система можетъ привести къ трагическимъ результатамъ. Свѣтлыя надежды баронессы сосредоточены главнымъ образомъ на младшей дочери, Тэа, которая вполнѣ унаслѣдовала ея взгляды и ея инстинктивную легкость жизни, готова построить свою жизнь на предпочтеніи удовольствій счастью искренней любви и хочетъ главнымъ образомъ обезпечить себѣ свободу. Она разсуждаетъ трезвѣе своей старшей замужней сестры; она заранѣе примирилась съ необходимостью лжи въ жизни. Она знаетъ, что въ вопросъ о бракѣ не долженъ входить вопросъ о любви, а что радости можно ожидать только отъ свободно избраннаго послѣ брака друга, для котораго и нужно, какъ она съ наивнымъ цинизмомъ объясняетъ сестрѣ, сохранить свою внутреннюю свободу. И когда сестра говоритъ ей о другой, истинной любви, составляющей все содержаніе жизни, Тэа, какъ до-

стойная ученица своей матери, говоритъ ей, чтобы она не дѣлала себѣ иллюзій. „Наши сердца выдрессированы для погони за наслажденіями и не могутъ испытывать сильныхъ чувствъ“, говоритъ она.

Жизнь даетъ ей случай примѣнить свои теоріи къ дѣйствительности.. Къ ней сватается графъ Шпернеръ, типичный представитель старыхъ рыцарскихъ традицій, честный, серьезно ее полюбившій, но при этомъ твердый въ принципахъ традиціоннаго пониманія чести. Свобода женщины въ бракѣ кажется ему чѣмъ-то недопустимымъ. Онъ считаетъ, что высшее счастье для женщины—повиноваться любящему ее мужу, и его идеалъ жены — семьянинка съ христіанскими добродѣтелями. Познакомившись съ Тэа, онъ почему-то воображаетъ, что за ея внѣшней задорностью скрывается именно серьезная, любящая натура, и потому рѣшается просить ея руки, дѣлая это въ традиціонныхъ формахъ, т.-е. предупредивъ баронессу о своемъ желаніи поговорить съ нею. Тэа объясняетъ матери намѣреніе графа, и мать созываетъ семейный совѣтъ, назначивъ для него время послѣ ожидаемаго визита графа, для того, чтобы, выслушавъ его предложеніе, рѣшить отвѣтъ на семейномъ совѣтѣ — согласно установленному въ семьѣ обычаю. До прихода графа, Тэа говоритъ о готовящейся перемѣнѣ въ жизни сначала съ сестрой, подавляя ее своей житейской мудростью, а затѣмъ со своимъ кузеномъ Фредомъ, сыномъ убитаго на дуэли брата баронессы. Фредъ также легкомысленъ, какъ Тэа; она его дразнитъ связью съ женщиной полу-свѣта и другими его похожденіями, о которыхъ она хорошо освѣдомлена. Говоритъ она ему все это не въ укоръ, а завидуя его свободѣ, вполнѣ одобряя его образъ жизни. Она даже полушутливо, полусерьезно говоритъ, что согласна была бы выйти замужъ за такого добраго товарища, какъ онъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ бракъ былъ абсолютно-товарищескій, съ предоставленіемъ полной свободы другъ другу. Фредъ, которому его кузина нравится больше всѣхъ его случайныхъ подругъ, счастливъ надеждой, которую она ему подаетъ, и готовъ на всѣ условія, даже на то, чтобы въ самый день свадьбы повезти ее въ артистическую таверну, гдѣ онъ постоянно бываетъ и гдѣ господствуютъ чрезвычайно свободные нравы. Но Тэа беретъ назадъ свое шутливое предложеніе, и говоритъ, что раньше должна еще поговорить со своимъ графомъ и посмотрѣть, дѣйствительно ли онъ такой скучный проповѣдникъ морали, какимъ его представилъ ей Фредъ.

Во второмъ дѣйствіи происходитъ объясненіе Тэа съ графомъ, и въ сценѣ этого объясненія графъ проявляетъ себя дѣйствительно человѣкомъ старыхъ правилъ, во многихъ отношеніяхъ узкимъ, но очень честнымъ и сильнымъ въ своемъ чувствѣ. Онъ откровенно говоритъ, что не будь большого приданаго у Тэа, онъ не могъ бы

просить ея руки, такъ какъ на его рукахъ заботы о семьѣ и о помѣстьи, требующемъ большого капитала. Его практическія соображенія менѣе всего возмущаютъ Тэа, но когда онъ начинаетъ съ благоговѣніемъ говорить о старикахъ родителяхъ, выражать надежду, что Тэа будетъ имъ угождать, и вообще развивать свой идеалъ христіански-смиренной супруги, она сразу видитъ невозможность принять его предложеніе, но изъ благоразумія говоритъ, что подчинится рѣшенію семейнаго совѣта. На совѣтѣ выясняются взаимныя отношенія членовъ семьи, фактическое главенство мужа Рафаэлы,브ееманна, единственно дѣльнаго человѣка въ семьѣ. Торговая фирма процвѣтаетъ только благодаря ему, и онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ искателямъ наслажденій, изъ которыхъ состоитъ вся семья, обязанная ему возможностью удовлетворять своимъ безграничнымъ капризамъ. Онъ протестуетъ противъ брака Тэа съ графомъ, не имѣющимъ ни гроша, и этимъ навлекаетъ на себя гнѣвъ чванной, помѣшанной на внѣшнемъ блескѣ семьи. Но всѣмъ этимъ спорамъ полагаетъ конецъ Тэа, призванная высказать свое мнѣніе. Она заявляетъ, что выходитъ замужъ за Фреда. Мать въ ужасѣ изъ-за крушенія надеждъ на блестящій бракъ, но соглашается въ виду необходимости.

Первое условіе, которое поставила Тэа для своего замужества, Фредъ исполняетъ. Онъ ведетъ свою молодую жену въ вечеръ свадьбы въ таверну „Морской свинки“, гдѣ Тэа, несмотря на предосторожности Фреда, видитъ не только всѣхъ товарищей мужа изъ артистической богемы, но даже его прежнюю возлюбленную. Все это кажется ей лишь забавнымъ, но тутъ, въ тавернѣ, она получаетъ первый урокъ нравственности. Одинъ изъ присутствующихъ, клоунъ по профессіи, разсказываетъ ей въ назиданіе, какъ ему пришлось въ день своей свадьбы выкидывать клоунскіе фокусы для потѣхи своей жены. Онъ это дѣлалъ съ мукой въ душѣ, такъ какъ ему хотѣлось именно выйти изъ грязи, молиться на полюбившую его женщину.—„Я унижался по необходимости, — говоритъ онъ Тэа, — но что̀ заставляетъ васъ окунаться въ грязь?“ Этотъ первый урокъ Тэа не забываетъ, потому что послѣ замужества она получаетъ второй, въ болѣе драматическихъ обстоятельствахъ. Она вышла замужъ на правахъ товарищества, позволяетъ Фреду продолжать привычки холостой жизни, но сохраняетъ и за собой право вести себя какъ угодно. Теперь только она рѣшаетъ слѣдовать примѣру матери, искать въ любви легкихъ развлеченій, и предметомъ таковыхъ избираетъ своего бывшаго поклонника, графа Шпернера. Мать, вѣрная своимъ принципамъ, потворствуетъ капризу дочери и приглашаетъ графа къ себѣ въ помѣстье, гдѣ, какъ во всякое лѣто, устраиваются празднества и, между прочимъ, фантастическія прогулки на лодкахъ, украшенныхъ цвѣтами;

на лодкахъ катаются влюбленныя парочки. Баронесса предназначаетъ для младшей дочери графа, а для старшей—того, кого Рафаэла полюбила изъ неудовлетвореннаго инстинкта любви и, главнымъ образомъ, подъ гнетомъ теоріи матери. Избранный ею возлюбленный—какой-то путешественникъ, охотникъ на львовъ, увлекшій ее своей властностью и дерзостью. Онъ, повидимому, совершенно недостоинъ ея чувства, но въ ней говоритъ потребность любви, и она готова на всякое безуміе. Она уклоняется съ пути добродѣтели изъ страсти, и въ этомъ—ея погибель. Тэа, напротивъ того, слишкомъ легкомысленна. Она хочетъ завести съ графомъ легкую любовную интригу, но натолкнулась въ немъ на слишкомъ глубокую натуру, и онъ отказывается быть игрушкой ея каприза. Онъ объясняетъ ей, что дѣйствительно глубоко полюбилъ ее, и если бы она теперь была свободна, то готовъ жениться на ней, хотя это значило бы совершенно разбить свою жизнь. Тэа считается въ его кругу скомпрометированной женщиной послѣ вечера, проведеннаго въ тавернѣ, и, ставъ ея мужемъ, онъ долженъ былъ бы со всѣми порвать, оставить полкъ и т. д. На все это онъ согласенъ, и считаетъ, что и при такихъ условіяхъ счастье его было бы выше его заслугъ. Но на легкомысленную интригу съ женщиной, которая для него священна, графъ не способенъ. Тэа впервые видитъ примѣръ дѣйствительной любви, и это ее преображаетъ. Она начинаетъ думать, что радость любви выше радости свободныхъ удовольствій. Ея мужъ и товарищъ Фредъ тоже начинаетъ тяготиться товарищеской свободой, начинаетъ ревновать къ графу, и готовъ отказаться отъ своей холостой свободы для того, чтобы обрѣсти право на любовь жены. Ихъ конечное примиреніе и поворотъ къ старой нравственности свершаются подъ давленіемъ трагическихъ происшествій въ семьѣ Рафаэлы. Бреземаннъ узнаетъ о готовящейся измѣнѣ жены и убиваетъ того, кто грозилъ его семейному счастью. Вотъ къ чему приводятъ легкомысленныя теоріи жизни. —„На лодкахъ съ цвѣтами уже больше ѣздить не будутъ“,—заявляетъ Фредъ своей женѣ, вступая на путь старой семейной добродѣтели и семейнаго счастья по старому образцу. Этотъ конецъ съ его нравоучительными сентенціями звучитъ странно въ современной драмѣ. Конечно, представители стараго въ пьесѣ Зудермана—прямолинейный графъ, честный Бреземаннъ—привлекательнѣе баронессы, развращающей своихъ дочерей; но значитъ ли это, что свобода въ любви и въ жизни—нежелательный результатъ современной культуры? Очевидно—нѣтъ, и Зудерманъ, въ своей эффектной и мѣстами жизненно-правдивой драмѣ, совершенно неправъ въ своихъ выводахъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1906.

Ходъ развитія революціоннаго настроенія.—Слова и дѣйствія министерства графа Витте.—Декабрьская политическая забастовка въ Петербургѣ.—Забастовка ресторанной прислуги.—Итоги вооруженнаго возстанія въ Москвѣ.—Ожидаемое возстаніе въ Петербургѣ.—Событія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Характерныя мелочи.

Политическая революція есть взрывъ народнаго протеста противъ пережившаго себя государственнаго строя. Государства слагаются исторически при различныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Но идея государственной организаціи всегда неизмѣнно одна: установленіе и поддержаніе правовыхъ отношеній, какъ необходимаго условія обезпеченія моральныхъ и матеріальныхъ благъ жизни. Блага моральныя состоятъ въ безпрепятственномъ поступательномъ развитіи свободнаго по природѣ человѣческаго духа. Блага матеріальныя—въ удовлетвореніи запросовъ физическаго существованія. И тѣ, и другія требуютъ обращенія естественной свободы лица въ свободу гражданскую, регулируемую объективными нормами права. Ибо разъ за каждымъ человѣкомъ признается свобода на самоопредѣленіе въ области духовной и матеріальной, то она въ безграничномъ объемѣ не можетъ принадлежать никому. Фактическимъ регуляторомъ отношеній станетъ сила—или физическая, или экономическая. Стремясь къ торжеству своего „я“, сильный неизбѣжно подавитъ слабаго.

Сила, какъ факторъ человѣческихъ отношеній, должна быть отнята отъ отдѣльныхъ людей и должна быть поставлена внѣ ихъ. Она должна быть сосредоточена въ рукахъ власти, достаточно удаленной отъ личныхъ индивидуальныхъ интересовъ, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечивать интересъ общій, но въ то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь съ гражданами—дабы ея дѣйствія не оказались въ противорѣчіи съ начальнымъ общимъ интересомъ. Такъ, во имя свободы создается право. Во имя права—государство съ его основными элементами: власть, населеніе и территорія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторически вырабатываются формы правленія и общественнаго строя. Но такова ужъ судьба всѣхъ учрежденій человѣческихъ: форма отрывается отъ содержанія, и по мѣрѣ того, какъ формы отливаются и крѣпнутъ, онѣ обращаются въ самостоятельное и самодовлѣющее явленіе жизни. Содержаніе, обусловившее образованіе формъ, уходитъ куда-то назадъ. Во всей мощи выступаютъ однѣ формы, и содержаніе начинаетъ оцѣниваться, какъ явленіе служебное, какъ ихъ результатъ. Въ государ-

ствѣ исключительно быстро наступаетъ торжество факта надъ идеей. Право получаетъ оцѣнку постольку, поскольку оно охраняетъ данный строй и данный способъ управленія. Свобода—поскольку она совмѣстима съ такимъ искусственно построеннымъ правомъ... Идея, однако, никогда не умираетъ. Если фактъ своей реальной силой не даетъ ей горѣть во всемъ блескѣ, она теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы. Повѣетъ вѣтромъ—уголь вспыхнетъ яркимъ пламенемъ. Пойдетъ дождь—онъ снова будетъ мерцать едва замѣтно до новой вспышки...

Съ 1881 г. въ Россіи шелъ сплошной дождь. Событіе перваго марта подавляющимъ образомъ подѣйствовало на общественную мысль. Идея свободы притаилась. Казалось, что она замерла. Болѣе чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ вставшее на путь реакціи, правительство уловило смѣну настроенія и формулировало его въ извѣстномъ апрѣльскомъ манифестѣ. Черезъ годъ у власти оказался графъ Д. А. Толстой, начавшій постепенное и неумолимо послѣдовательное возведеніе въ принципъ служенія государственной формѣ. „Зачѣмъ намъ права?—возглашалъ Катковъ—у насъ есть больше: обязанности". „Зачѣмъ намъ правовой порядокъ?—у насъ есть Государь Императоръ". Общество, едва освобожденное отъ оковъ рабства, съ тѣмъ бо̀льшей готовностью внимало этимъ словамъ, что лишено было возможности слышать иныя. Мысль, однако, работала. Впечатлѣнія наростали; гипнозъ распоряженій и циркуляровъ, несмотря на поддержку уголовныхъ и административныхъ каръ, слабѣлъ. Въ концѣ 1894 г. изъ среды общества раздались голоса, въ которыхъ звучала нота протеста,—протеста робкаго и слабаго, но единодушнаго. Общество просило власть спуститься съ недосягаемаго пьедестала и снизойти къ духовнымъ идеаламъ и реальнымъ нуждамъ народа, задавленнымъ во имя торжества власти. Правительство не сумѣло или не захотѣло понять момента. Послѣдовалъ рѣзкій отказъ. Курсъ не былъ измѣненъ. Но того настроенія, которое въ теченіе предшествующихъ тринадцати лѣтъ питало правительственную реакцію, уже не было. Въ передовой части общества созрѣло сознаніе глубокаго противорѣчія между государственной идеей и фактомъ служенія,—взамѣнъ государства и блага народа,—власти, въ лицѣ ея представителей. По нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ обнаружилось, что это сознаніе проникло и въ пассивные слои. Напомнимъ, какъ всѣ земскія собранія, за немногими исключеніями, отнеслись тогда къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній... Наступили годы шатанія. Шатаясь, власть неудержимо покатилась по наклонной плоскости къ безграничному произволу своихъ агентовъ. Сѣмена, заложенныя гр. Д. А. Толстымъ на благодарную почву человѣческаго властолюбія и тщеславія, дали

уродливый плодъ: самодержавіе царя окончательно выродилось въ самовластіе чиновниковъ—отъ министровъ до урядниковъ.

Война воочію показала всю глубину той бездны, въ которую ввергъ страну режимъ безправія и произвола, режимъ подавленія всего, что составляетъ идейную сущность государства. Смерть В. К. Плеве—послѣдняго сильнаго человѣка реакціи—облегчила обществу возможность проявить свое негодованіе. Проявилось оно въ критикѣ режима. Готовыхъ же положительныхъ идеаловъ у общества не оказалось. Идеалы соціалистическіе составляли всего годъ назадъ достояніе весьма немногихъ. Годъ назадъ, деревнѣ, помѣщичьей и крестьянской, они были чужды; даже на фабрикахъ и заводахъ они въ массахъ только бродили, но отъ опредѣленной формулировки были очень далеки. Такъ называемая интеллигенція не шла далѣе перенесенія къ намъ скромныхъ формъ прусской конституціи. И то ей приходилось бороться съ славянофильскимъ теченіемъ въ пользу сохраненія самодержавія и совѣщательнаго голоса представителей народа.

Моментъ опять оказался непонятымъ. Требованіямъ общества былъ противопоставленъ указъ 12 декабря. Правительство сдѣлало попытку разрѣшить кризисъ, не затрогивая формъ государственнаго строя. Въ результатѣ получились вороха бумаги—безконечное множество словъ, намѣреній и обѣщаній, и никакого дѣла. Но для общественнаго сознанія эта попытка не прошла безслѣдно. Она окончательно убѣдила, что форма правленія себя пережила и что о ея сохраненіи не можетъ быть рѣчи. Событія кончающагося года и то, чѣмъ отвѣчало на нихъ правительство, настолько близки и памятны, что перечислять ихъ нѣтъ надобности. Каждый день росло революціонное настроеніе и слабѣла надежда на мирный исходъ борьбы. Страной весь годъ управляла не власть, а управляли ею событія. Власть постепенно удовлетворяла требованія, но въ тотъ моментъ, когда мысль о требованіи дальнѣйшемъ уже получала законченную формулировку.

---

17 октября былъ объявленъ переломъ. Въ Россіи впервые образовалось „правительство“ въ техническомъ смыслѣ понятія—правительство съ политической программой, не исчерпывающейся „преданностью“, „вѣрностью“ и „повиновеніемъ“, идейно-объединенное и солидарно-отвѣтственное. Верховная власть возложила на обязанность новаго правительства выполнить ея „непреклонную“ волю: даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые закономъ 6 августа были лишены избирательныхъ правъ, и установить право рѣшающаго

голоса народныхъ представителей, вмѣстѣ съ правомъ надзора за дѣйствіями администраціи.

Одновременно опубликованный, докладъ графа Витте давалъ полное основаніе думать, что переломъ не только объявленъ, но и произошелъ. „Волненіе—писалъ предсѣдатель совѣта министровъ,—охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы". Далѣе была выражена глубоко вѣрная мысль: „принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну съ 135-милліоннымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность". Наконецъ, во главѣ руководящихъ принциповъ дѣятельности власти „на всѣхъ ступеняхъ" гр. Витте ставилъ: „прямоту и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы".

Всего два мѣсяца прошло съ памятнаго дня 17 октября, когда общество прочло эти новыя для него слова и манифеста, и правительственной деклараціи, а какъ они кажутся гдѣ-то далеко позади! Въ тюрьмѣ время бѣжитъ незамѣтно. Каждый день тянется томительно долго, а если мысленно перенестись на мѣсяцъ или на два назадъ, то надо убѣждать себя, что отъ прошлаго отдѣляетъ не недѣля. Такъ было въ Россіи, жившей за стѣной запретовъ и каръ, крѣпче тюремной ограды сковывавшихъ работу мысли. Теперь же мы не живемъ, а горимъ. Революція ежеминутно приноситъ новыя впечатлѣнія. Реагируя на нихъ, общественное сознаніе кипитъ, какъ въ котлѣ, и безудержно несется отъ одного идеала къ другому. Вчера неизвѣстное—сегодня становится признаннымъ, а завтра люди уже готовы за него жертвовать жизнью... Если общество горѣло и до перехода революціи въ дѣйствіе, то съ октября оно запылало. Стоитъ лишь сопоставить лозунги октябрьской и декабрьской забастовокъ.

Перелома 17 октября въ общественномъ настроеніи не произошло,

ибо его не произошло и въ правительственной дѣятельности. За объявленными словами дѣйствій — немедленныхъ и энергичныхъ — не послѣдовало. Или, вѣрнѣе, дѣйствія послѣдовали, но по старому шаблону: рѣшительныя въ „прекращеніи“ и „пресѣченіи“—и робкія, неувѣренныя, а главное съ постояннымъ опозданіемъ, во всемъ, что должно созидать. „Гражданская свобода“ съ 17 октября повисла въ воздухѣ и продолжаетъ висѣть безъ всякой опоры, качаясь изъ стороны въ сторону. Правительство объявило себя новымъ, но старая канцелярія, оторванная отъ жизни, осталась. Канцелярія лукавая, готовая на подачки. Канцелярія неспособная, вѣчно колеблющаяся и думающая, думающая безъ конца. Канцелярія, которая и во время революціи продолжаетъ говорить: „сперва успокоеніе—потомъ реформы“.

А моментъ былъ благопріятный. Послѣ невѣроятныхъ цензурныхъ репрессій, свобода печати, влитая въ формы хотя бы закона 24-го ноября, была бы признана свободой. Послѣ полутора мѣсяца свободы, абсолютно безформенной, когда успѣла образоваться цензура революціонная, это уже—отнятіе, ограниченіе. За полтора мѣсяца сложилась привычка сообразовываться только съ нормами, идущими отъ наборщиковъ или отъ совѣта рабочихъ депутатовъ. Подчиненіе нормамъ, охраняемымъ судомъ, какія бы это нормы ни были, не могло быть принято иначе, какъ тягота. Еще лучшую иллюстрацію представляетъ разрѣшеніе задачи о расширеніи избирательнаго права. Система всеобщаго голосованія, такъ недавно не отличавшаяся отъ системы представительства всѣхъ классовъ и сословій, ко дню манифеста уже была, правда, общепризнанной, но это ея признаніе имѣло, такъ сказать, теоретическій характеръ. Способы осуществленія мало кому ясно и опредѣленно рисовались. Съ другой стороны, и печать, и общество, вплоть до значительной части соціалъ-демократовъ, только что передъ тѣмъ отвергли бойкотъ выборовъ по положенію 6-го августа. А потому буквальное приведеніе въ исполненіе словъ манифеста о привлеченіи къ участію въ выборахъ, „въ мѣрѣ возможности“, тѣхъ классовъ, „которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ“, имѣло всѣ шансы быть встрѣченнымъ сочувственно и внести существенное умиротвореніе тѣмъ болѣе, что оно мотивировалось соотвѣтствующимъ общему желанію недопущеніемъ отсрочки созыва Думы въ январѣ и „краткостью остающагося срока“. Такъ буквально вопросъ и оказался разрѣшеннымъ, но когда?—11-го декабря! Правительству понадобилось безъ малаго два мѣсяца для того, чтобы обратить въ законъ тотъ самый проектъ, который, по сообщеніямъ газетъ, въ главныхъ чертахъ, былъ готовъ черезъ два-три дня послѣ изданія манифеста. Тогда предпосылка указа сенату: „Манифестомъ 17-го октября 1905 г. изданнымъ, Мы возвѣстили о непреклонной

водѣ Нашей, не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу", и т. д.—дѣйствительно была бы въ логической связи съ стоящимъ подъ ней текстомъ. Теперь же она оказывается иное: выборы остановлены, и непреклонная воля фактически уже неосуществима. А что произошло въ общественномъ сознаніи за эти два мѣсяца? Четырехчленная формула или „четырехвостка" стала достояніемъ гимназистовъ и проникла въ деревню. Прибавился пятый хвостъ: безъ различія пола. Бюро земскаго съѣзда, а затѣмъ союзъ союзовъ детально разработали основанный на всеобщемъ голосованіи избирательный законъ. Требуютъ допущенія къ урнамъ чуть не каторжниковъ. Съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо̀льшую популярность мысль произвести выборы—не въ Думу, а въ учредительное собраніе, облеченное всей полнотой неограниченной власти — „явочнымъ" порядкомъ.

Нельзя не согласиться съ постановленіемъ московской городской думы, принятымъ 15-го декабря послѣ ужасовъ только-что пережитого вооруженнаго возстанія: „признать, что событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ за послѣдніе дни, нашли себѣ, къ сожалѣнію, благопріятную почву въ отсутствіи законовъ, регулирующихъ свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября, и въ чувствѣ недоброжелательности и недовѣрія къ дѣйствіямъ правительства, каковое создано въ населеніи замедленіемъ выполненія обѣщаній, возвѣщенныхъ правительствомъ. Дума выражаетъ твердую увѣренность, что эти событія не задержатъ и не помѣшаютъ проведенію либеральныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи вывести страну на путь мирнаго развитія".

Да, только руководительство движеніемъ со стороны власти, послѣдовательной не на словахъ, но и на дѣлѣ, можетъ ввести страну въ русло разумныхъ и осуществимыхъ желаній и предотвратить анархію. Революція не создала именъ, ни личныхъ, ни коллективныхъ, и въ этомъ—трагизмъ положеній. Руководительства общественное сознаніе ищетъ. Оно мечется, оно истомилось и готово подчиняться совѣту рабочихъ депутатовъ. Правительство дало обѣтъ повести за собой „благоразумное большинство общества". Дѣйствіями же своими оно лишило себя довѣрія, какъ въ смыслѣ способности руководить, такъ и въ смыслѣ прямоты и искренности „въ утвержденіи благъ гражданской свободы". Вторымъ изъ основныхъ принциповъ дѣятельности правительства графъ Витте ставилъ: „стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній". Въ чемъ это стремленіе выразилось? Къ положеніямъ усиленной и чрезвычайной охраны и къ военному положенію, нигдѣ не отмѣненнымъ и почти на всю Россію распространеннымъ, 14 декабря прибавились правила чрезвычайной охраны на желѣзныхъ дорогахъ...

Не успѣли улечься впечатлѣнія революціоннаго „манифеста", призывавшаго къ борьбѣ съ правительствомъ путемъ разрушенія государственнаго кредита и полнаго разоренія благосостоянія страны, какъ появилось воззваніе, назначавшее на 8 декабря всеобщую политическую забастовку. Воззваніе — крикливое и грубое въ вступительной части и безконечно самонадѣянное — въ резолютивной. Совѣтъ депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, партія соціалистовъ-революціонеровъ и еврейскій бундъ объявляли:

„Въ четвергъ, 8 декабря, въ 12 часовъ дня, во всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ, конторахъ, банкахъ, лавкахъ, складахъ, по всѣмъ путямъ сообщенія самого Петербурга и соединяющимъ Петербургъ съ остальной Россіей должна быть пріостановлена работа. Борьба начата, она будетъ стоить великихъ жертвъ, быть можетъ, многихъ жизней, но что бы ни было, мы не сложимъ оружія, пока не будетъ обезпечено слѣдующее: Учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права. Уничтоженіе всѣхъ временныхъ правилъ. Уничтоженіе военнаго и осаднаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны, уничтоженіе всѣхъ другихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Отмѣна военныхъ судовъ и смертной казни. Полная гарантія неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходокъ, союзовъ, стачекъ и распространеніе этихъ правъ также и на армію и флотъ, прекращеніе политическихъ процессовъ, включая сюда также процессы по печати. Освобожденіе всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Выполненіе особыхъ требованій, поставленныхъ арміей, флотомъ, желѣзнодорожными служащими и служащими почтъ и телеграфовъ. Переходъ земли къ народу. Признаніе восьми-часового рабочаго дня основнымъ политическимъ правомъ народа, наряду съ свободой слова, совѣсти и другими основными политическими правами. Немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ отдѣльныхъ націй и вѣроисповѣданій".

Забастовка въ Петербургѣ не удалась, ни въ отношеніи исполненія призыва остановить трудовую жизнь, ни въ отношеніи возвѣщенныхъ условій, когда „мы сложимъ оружіе". Да и могла ли она удаться? Можно ли было бастовать до достиженія того, что недостижимо вовсе, или достижимо путемъ долгихъ лѣтъ соціальной эволюціи? Въ какомъ государствѣ мыслимо распространеніе на армію и флотъ права стачекъ? Возможно ли произвести соціальный переворотъ по мановенію власти или насильственно? Наивно полагать, что объявленіе формулы: „вся земля переходитъ къ народу" дѣйствительно обезпечитъ упраздненіе частной земельной собственности. Не менѣе наивно

думать, что за формулой: „восьми-часовой рабочій день есть основное политическое право народа"—дѣйствительно послѣдуетъ установленіе этой нормы во всѣхъ областяхъ приложенія труда. Только въ упоеніи славой прошлаго успѣха можно было до такой степени переоцѣнить свои силы, чтобы рискнуть на изданіе подобнаго воззванія. Или—это былъ рискъ отчаянія. Для отчаянія, намъ думается, революціонныя организаціи не имѣли достаточныхъ основаній. Революціонное настроеніе слишкомъ глубоко заложено, слишкомъ разрослось и слишкомъ послѣдовательно поддерживается правительственными мѣропріятіями въ одномъ направленіи и бездѣйствіемъ—въ другомъ, чтобы аресты отдѣльныхъ лицъ, хотя бы массовые, могли сколько-нибудь прочно задавить движеніе. Неудавшаяся же забастовка, послѣ такого широковѣщательнаго и самонадѣяннаго воззванія, причинила движенію неисчислимый вредъ. Въ политикѣ внутренней, какъ и въ дипломатіи, прощается неуспѣхъ, даже прямое пораженіе, но смѣшное положеніе—никогда.

А смѣшное положеніе декабрьская забастовка въ Петербургѣ имѣла несомнѣнно. Во имя учредительнаго собранія, отмѣны военныхъ судовъ, восьмичасового рабочаго дня, выполненія требованій солдатъ и почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и т. д. дружно бастовали гимназисты, наборщики либеральныхъ газетъ всѣхъ оттѣнковъ и зубные врачи. Послѣдніе изъ-за забастовки объявили даже бойкотъ одному дантисту, о чемъ оповѣстили всему міру. На фабрикахъ и заводахъ—гдѣ бастовали, гдѣ нѣтъ. Магазины и лавки торговали. Присутственныя мѣста, банки и почта не прерывали занятій. При такихъ обстоятельствахъ совѣту рабочихъ депутатовъ едва ли не лучше было промолчать, нежели публиковать постановленіе: „объявить 19 декабря забастовку прекращенной".

Въ сознаніи всей важности лежащаго на нихъ долга и, очевидно, не подозрѣвая какую медвѣжью услугу они оказываютъ дѣлу революціи, „старосты-гимназисты" тоже выпустили 20-го декабря слѣдующее объявленіе: „отъ организаціоннаго бюро объединеннаго совѣта старостъ средне-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Въ своемъ воззваніи отъ 10-го декабря организаціонное бюро приглашало всѣхъ учащихся присоединиться къ политической забастовкѣ, выражая этимъ свою солидарность съ восставшимъ народомъ. Теперь, когда совѣтъ рабочихъ депутатовъ постановилъ прекратить забастовку, организаціонное бюро, оставаясь вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, предлагаетъ учащимся, не распущеннымъ на рождественскія каникулы, приступить къ занятіямъ". Итакъ, будь спокоенъ, „восставшій народъ",—съ тобою солидарны учащіеся юноши и дѣти. Не хлопочи искать союзниковъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—съ тобою остаются вполнѣ солидарными

старосты-гимназисты. Нѣтъ, горе тому народу, который бросаетъ въ водоворотъ революціи подростающее поколѣніе. Онъ готовитъ себѣ печальное будущее. „Въ моей практикѣ—пишетъ дѣтскій врачъ, проф. Гундобинъ („Новое Время", № 10685)—все чаще начинаютъ встрѣчаться въ послѣднее время случаи остраго бреда у дѣтей школьнаго возраста, 12—16 лѣтъ. Мальчики вскакиваютъ ночью, воображая себя на баррикадѣ, среди вооруженнаго возстанія. Въ другихъ семьяхъ дѣти, прежде добрыя и воспитанныя, стали грубыми и дерзкими, явно обнаруживая болѣзненное разстройство нервной системы. Приведенные случаи грозятъ въ будущемъ вырожденіемъ молодого поколѣнія и ослабленіемъ его умственныхъ способностей. Я вполнѣ признаю, что при настоящемъ положеніи, въ наше время, каждый мыслящій гражданинъ обязанъ присоединиться къ той или другой политической партіи, по собственному убѣжденію; согласенъ, что возрастаніе числа душевныхъ разстройствъ среди лицъ взрослыхъ составляетъ при современномъ положеніи дѣлъ неизбѣжное зло. Но участіе дѣтей въ политической борьбѣ представляется мнѣ безусловно вреднымъ и свидѣтельствуетъ лишь о слабости той партіи, которая допускаетъ школьниковъ". Прочтите эти строки, родители! Прочтите ихъ, гг. бастующіе педагоги! Идите сами на баррикады, если ваши убѣжденія того требуютъ, говорите на митингахъ, призывайте къ борьбѣ—ваше дѣло. Но не ведите за собой дѣтей, не посылайте ихъ впередъ себя...

Полная нецѣлесообразность газетныхъ забастовокъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Успѣхъ забастовки создаетъ настроеніе. Настроеніе, если не создаетъ, то поддерживаетъ на извѣстной высотѣ всего сильнѣе газета—освѣщеніемъ событій и еще болѣе сообщеніемъ фактовъ. При отсутствіи газетъ, правда, начинаютъ господствовать слухи, но ни по способности распространенія, ни по авторитетности, слухи, само собою разумѣется, никогда не могутъ конкуррировать съ газетами. Печатное слово въ сознаніи обывателя имѣетъ презумпцію достовѣрности, слухъ—вымысла. Поэтому вѣрнѣйшее средство понизить напряженіе общественнаго настроенія—прекратить газеты. Никакіе летучіе листки ихъ замѣнить не могутъ, ибо, во-первыхъ, авторитетность летучаго листка, сравнительно съ газетной, ничтожна, и, во-вторыхъ, равная степень распространенія недостижима. Эти безспорныя соображенія заставляли и въ октябрѣ, и въ ноябрѣ, и теперь въ декабрѣ, поголовно всѣхъ издателей, редакторовъ и сотрудниковъ газетъ, особенно радикальныхъ, добиваться возможности писать и печатать. Наборщики же, печатники и вообще всѣ механическіе работники печати всякій разъ отвѣчали рѣшительнымъ и упорнымъ отказомъ. А потомъ они требовали и получали плату за забастовочные дни, заявляя—въ октябрѣ, что ими для газетъ завоевана свобода пе-

чатнаго слова, а въ ноябрѣ—ничего не заявляя, просто подъ угрозой прекратить работу. „Новому Времени“ и „Свѣту“ въ декабрьскую забастовку какъ-то удалось сломить упорство своихъ наборщиковъ, и обѣ газеты аккуратно выходили. Въ результатѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, публика воспринимала впечатлѣнія о событіяхъ въ Москвѣ, въ прибалтійскомъ краѣ, да и въ Петербургѣ тоже подъ угломъ зрѣнія консервативной прессы. Этого ли хотѣли достичь въ интересахъ успѣха политической забастовки совѣтъ рабочихъ депутатовъ и союзъ типографскихъ рабочихъ?

Одновременно съ гимназистами и газетами бастовала въ Петербургѣ прислуга въ трактирахъ и ресторанахъ. Бастовала она не по политическимъ мотивамъ, а исключительно въ цѣляхъ упорядоченія своихъ отношеній къ хозяевамъ и улучшенія матеріальнаго быта. Положеніе ресторанной прислуги и отношеніе ея къ хозяевамъ заведеній болѣе, чѣмъ оригинальны. Особенно рѣзко эта оригинальность выражена въ такъ называемыхъ первоклассныхъ ресторанахъ. Въ основѣ всего лежать ничѣмъ не регулированныя и по размѣру совершенно случайныя подачки отъ посѣтителей „на чай“. Офиціанты и швейцары, въ сущности, не наемные служащіе хозяина, а арендаторы. Они арендуютъ право получать „на-чай“ и за это принимаютъ на себя рядъ обязанностей. Первые—имущественную отвѣтственность за цѣлость посуды, въ иныхъ случаяхъ стирку бѣлья и т. п. Было время, когда офиціанты, сверхъ того, платили хозяину до 25 р. въ мѣсяцъ съ человѣка. Теперь этой платы, кажется, нѣтъ, и, напротивъ, они сами нерѣдко получаютъ жалованье, но такое ничтожное, что оно скорѣе является субсидіей, нежели вознагражденіемъ за трудъ. Вторые, швейцары, принимаютъ обязанность содержать вѣшалки и потребное число помощниковъ, въ то же время обязательно уплачивая хозяину никогда не малыя, а всегда весьма и весьма крупныя суммы. Но, будучи, такимъ образомъ, самостоятельными арендаторами, и офиціанты, и швейцары, формально остаются прислугой, находящейся въ безотчетномъ распоряженіи у хозяина, который можетъ ихъ въ любую минуту прогнать. Подобное ненормальное положеніе, создавшееся давно, до настоящаго времени, если и вызывало протесты, то въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ. „На-чаи“ давали, хотя и случайный, но очень хорошій заработокъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, помнится, на какомъ-то судебномъ процессѣ обнаружилось, что швейцаръ одного изъ бойкихъ ресторановъ на Невскомъ отъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ за сбереженіе платья сколотилъ капиталъ въ десятки тысячъ рублей. Подъ вліяніемъ всеобщаго кризиса, щедрость подачекъ, очевидно, сократилась, и этимъ, надо думать, объясняется забастовка. Для посѣтителей ресторановъ урегулированіе платы „на-чай“—мѣра чрезвычайно жела-

тельная. Только при ней установится нормальное отношеніе посѣтителей къ прислугѣ и прислуги къ посѣтителямъ. Только при ней исчезнетъ отвратительное низкопоклонство передъ тароватыми и грубая пренебрежительность въ отношеніи бережливыхъ на накладныя траты.

Въ Москвѣ декабрьская забастовка съ перваго же дня перешла въ открытое вооруженное возстаніе. Болѣе недѣли Москва была объята ужасомъ уличной войны—револьверныхъ выстрѣловъ, ружейныхъ залповъ и пушечной канонады. Гранаты и шрапнели разбивали дома; пулеметы выпускали рои пуль. Воздвигались и разрушались грандіозныя баррикады. Ручьями лилась кровь... Погибли тысячи людей...

Безумное самоистребленіе! Безумное уничтоженіе народныхъ силъ! Два мѣсяца назадъ мы писали, что повтореніе революціонныхъ актовъ конца XVIII в. и первой половины XIX в., при современномъ развитіи и состояніи средствъ активной борьбы, которыми располагаетъ государственная власть, немыслимо, и что теперь въ цѣляхъ революціи вступать въ бой съ войсками безразсудно. Московскія событія только утвердили насъ въ этомъ убѣжденіи. Конечно, смѣшно читать въ объявленіи саратовскаго губернатора, что „древняя столица осталась вѣрна Царю". Фактъ возстанія, охватившаго значительную часть населенія Москвы, стоитъ внѣ сомнѣнія Это были не отдѣльные случаи хотя бы массоваго сопротивленія или буйства безформенной толпы. Это было именно возстаніе — организованное, державшее въ своихъ рукахъ иниціативу, нападавшее, а не защищавшееся. Но какой оно имѣло результатъ? Можно ли его считать въ какомъ бы то ни было отношеніи достигшимъ цѣли?

Степень напряженія революціонныхъ силъ была, между тѣмъ, наивысшею, на какую только можно въ данный моментъ разсчитывать. Планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ и быстрота замѣны разрушенныхъ новыми показываютъ прямо недюжинную организацію и умѣлое руководительство повстанцами. Отвага боевыхъ дружинъ, упорство въ нападеніи и стойкость въ отраженіи показываютъ чрезвычайный подъемъ духа среди рядовыхъ борцовъ. Устройство отрядовъ медицинской помощи и частныхъ временныхъ лазаретовъ—широкое сочувствіе къ возстанію. Отсутствіе противодѣйствія со стороны пассивныхъ элементовъ населенія и особенно анти-революціонныхъ доказывало если не вѣру въ силы и грядущій успѣхъ возставшихъ, то недовѣріе къ силамъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ въ первые дни полиціи и войскъ обнаружили большую долю растерянности власти. Оружія возставшіе имѣли мало, и мало въ рядахъ ихъ было лицъ, искусившихся въ употребленіи оружія, но этотъ дефектъ

могъ быть устраненъ лишь при одномъ условіи, если бы на сторону возставшихъ передались войсковыя части. Можно думать, что организаторы и имѣли въ виду, что къ возстанію присоединятся солдаты. Бунтъ въ ростовскомъ гренадерскомъ полку, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ было низложено начальство въ лицѣ всѣхъ офицеровъ, и броженіе въ другихъ полкахъ давали право на это надѣяться. Но развѣ много выиграло бы дѣло, если бы надежда оправдалась? Передавшаяся на сторону возставшихъ воинская часть въ составѣ ея готовой организаціи, т.-е. съ младшими и старшими офицерами во главѣ, съ опорнымъ пунктомъ въ казармахъ и т. д., дѣйствительно была бы способна, если не опрокинуть и низвергнуть правительственную власть, то, во всякомъ случаѣ, создать для нея самое тяжелое положеніе. Одинъ полкъ, охваченный и проникнутый идеей, въ союзѣ съ народомъ, при партизанской войнѣ на кривыхъ и узкихъ улицахъ, представилъ бы силу громадную, и неизвѣстно еще, кто бы побѣдилъ: этотъ одинъ полкъ или пять выставленныхъ противъ него, по приказу начальства, полковъ. Солдаты же, сколько бы ихъ числомъ ни было, разрушившіе полковую организацію, не принесли бы никакой пользы. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ Кронштадтъ, Кіевъ, Харьковъ, Севастополь. Выборный комитетъ, руководимый посторонними войску людьми, не знающими и не понимающими солдатской психологіи, не въ состояніи замѣнить ту спайку, которая дѣлаетъ изъ тысячи различно думающихъ и различно чувствующихъ людей одно компактное и грозное цѣлое. Эта спайка — сложная система командного управленія, покоящаяся на еще болѣе сложной системѣ военнаго воспитанія. Большее, на что способны толпы солдатъ, предводительствуемыя комитетомъ—устройство шествій, импонирующихъ манифестацій или церковныхъ парадовъ, какъ было въ Севастополѣ. Къ повиновенію же, точному исполненію распоряженій и ко всему тому, что необходимо для боевого успѣха, онѣ органически неспособны. Ихъ дѣйствія неизбѣжно обращаются въ безпорядочную стрѣльбу, пьяный разгулъ и грабежъ. Неужели „Потемкинъ", кіевскіе саперы, кронштадтскіе и севастопольскіе матросы и ростовскіе гренадеры не доказали, какъ непрочна энергія самоуправляющихся солдатъ!

И такая степень крайняго напряженія въ отношеніи фактическомъ не привела ни къ чему. Лозунгъ возстанія: учредительное собраніе, образованное всеобщимъ голосованіемъ, — сталъ даже менѣе близокъ къ осуществленію, чѣмъ былъ ранѣе. Погибъ начальникъ сыскной полиціи, разстрѣленный на глазахъ молившихъ о пощадѣ дѣтей, убито нѣсколько офицеровъ и, быть можетъ, не одна сотня солдатъ и городовыхъ. А правительство окрѣпло. Вооруженное открытое возстаніе развязало ему руки. Противъ мирнаго отказа работать

оно было безсильно. Оружію же оно могло противопоставить и противопоставило тоже оружіе, только неизмѣримо сильнѣйшее: револьверамъ — ружья и пулеметы, ружьямъ—пушки. Въ Москву приведены войска изъ Петербурга и изъ-подъ Варшавы. Двухсторонняя борьба перешла въ одностороннее подавленіе. Разгромлены остатки боевыхъ дружинъ, засѣвшіе на Прѣснѣ. Экспедиціонные отряды двинулись по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Началось жестокое истребленіе „крамолы"... На какой-то станціи разстрѣлено триста человѣкъ... Предстоятъ судъ и казни... Опять убійства, опять смерть. Смерть за прошлое, убійство властное, по закону... Въ отношеніи идейномъ едва ли можно ожидать отъ московскаго возстанія успѣха. Авторитетъ правительства, получившаго поводъ и возможность стать на путь террора, въ глазахъ массъ скорѣе для даннаго момента усилится, чѣмъ ослабѣетъ. Озлобленіе, быть можетъ, увеличится, но оно притаится. Зато озлобленіе лицъ, революціи не сочувствующихъ, уже таиться перестанетъ. Реакціонеры поднимутъ голову. Да они ее уже и подняли. „Кіевлянинъ" устами г. Пихно требуетъ отмѣны манифеста 17 октября. За нимъ заговорятъ „Московскія Вѣдомости", русское собраніе... Поднимать тонъ революціоннаго настроенія городской интеллигенціи и фабричныхъ рабочихъ не было надобности — онъ и такъ высоко поднятъ. Въ крестьянствѣ же идетъ свое движеніе, чуждое городу. Движеніе — въ идейной глубинѣ — отрицающее идеалы „господъ" и „мастеровыхъ"... Съ другой стороны, погибли тысячи жизней, фабрики обращены въ развалины, боевыя революціонныя силы или перебиты, или посажены по тюрьмамъ, рабочіе за дни возстанія потеряли два милліона рублей заработной платы. Гдѣ равновѣсіе, если даже считать, что московское возстаніе показало возможность вооруженной борьбы въ теченіе недѣли?..

Вооруженное возстаніе въ Москвѣ не было неожиданнымъ. Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онѣ получили право открыто говорить, революціонныя организаціи не скрывали, что систематическія забастовки должны закончиться рѣшительнымъ ударомъ—возстаніемъ. Дѣятельно шли сборы денегъ на вооруженіе. Образовывались дружины и легіоны. Послѣ октябрьскихъ погромовъ усиленно пропагандировалась мысль о немедленномъ формированіи народной милиціи и даже просто о раздачѣ оружія населенію въ цѣляхъ самообороны. Ожидалось возстаніе и въ Петербургѣ, даже назначались дни, когда оно вспыхнетъ. И сейчасъ это намѣреніе не оставлено. Одновременно съ объявленіемъ декабрьской забастовки прекращенною, совѣтъ рабочихъ депутатовъ „рѣшилъ приступить къ организаціи вооруженнаго возстанія". Вѣроятно, въ отвѣтъ, правительство, конкуррируя по тону съ революціонными воззваніями, распубликовало слѣдующее сообщеніе: „Нѣкоторыя рево-

люціонныя общества объявляютъ въ находящихся у нихъ на служеніи органахъ печати, что они рѣшили, въ виду неудачи нынѣ поднятыхъ въ столицахъ и другихъ городахъ смуты и мятежа, временно таковые прекратить съ тѣмъ, чтобы въ началѣ будущаго года поднять общее восстаніе. Такъ какъ подобныя дерзкія сообщенія, разсчитанныя на легковѣрную трусливость и малодушіе, имѣютъ вліяніе на мало освѣдомленные круги, то правительство съ своей стороны считаетъ нужнымъ заявить, что оно не допуститъ мятежа и смуты и будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ устранять всякія революціонныя приготовленія, а въ случаѣ мятежа раздавить его въ зародышѣ всѣми имѣющимися у него средствами. При вышеизложенномъ застращиваніи общимъ восстаніемъ указывается прежде всего на Петербургъ, куда, будто бы, направились остатки революціонныхъ бандъ, потерпѣвшихъ пораженіе въ Москвѣ; правительство, въ частности по отношенію къ Петербургу, считаетъ необходимымъ, въ видахъ успокоенія населенія столицы, заявить, что оно можетъ быть совершенно спокойно—никакихъ безпорядковъ въ столицѣ допущено не будетъ". Мы не знаемъ, сумѣетъ ли правительство не допустить мятежа и смуты въ Петербургѣ и можетъ ли оно съ такой увѣренностью писать заключительную фразу сообщенія. Но едва ли можно сомнѣваться, что въ Петербургѣ вооруженное восстаніе никогда не разгорится до тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло въ Москвѣ. И войскъ неизмѣримо больше, и улицы прямыя, и населеніе не то.

Иной характеръ имѣетъ восстаніе, охватившее Прибалтійскій край. Тамъ оно возникло не на отвлеченной почвѣ недоговариваемыхъ соціалистическихъ идеаловъ и теоретическихъ сужденій объ объемѣ полномочій и способѣ образованія народнаго представительства. Тамъ оно возникло на строго реальной національно-аграрной почвѣ. Латыши-крестьяне поднялись противъ нѣмецкихъ бароновъ. Исконные туземцы-батраки—противъ пришлыхъ завоевателей, монопольныхъ собственниковъ и угнетателей. Сотни лѣтъ тамъ подготовлялся чисто мѣстный и тѣмъ болѣе неизбѣжный и опустошительный пожаръ. Кто и подъ какимъ знаменемъ принесъ взрывательный составъ—соціалисты-революціонеры или соціалъ-демократы, поляки, финны или еврейскій бундъ—все равно. Взрывъ произошелъ и загорѣлся самостоятельный пожаръ. Вооруженные латыши двинулись на вѣковые замки, выгоняютъ бароновъ, разрушаютъ желѣзную дорогу, рубятъ парки, уничтожаютъ мѣстное нѣмецко-баронское управленіе, захватываютъ въ свою власть цѣлые города. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и на Кавказѣ, идетъ борьба не съ правительствомъ, не съ самодержавнымъ строемъ, а національная, самая интенсивная по заложенной въ нее

идеѣ. Численно могущественная угнетаемая національность возстала противъ угнетающей, численно ничтожной, но сильной по формальному праву. Латыши объявили войну правительству лишь поскольку оно, въ ихъ глазахъ, источникъ силы бароновъ. И это возстаніе, однако, ждетъ та же участь! За предательское избіеніе восемнадцати драгунъ въ Туккумѣ уже свалилась сотня жертвъ. За вандализмъ, за уничтоженіе старинныхъ замковъ съ ихъ роскошной обстановкой и цѣнными библіотеками погибнутъ тысячи убогихъ хижинъ. За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ... Временный военный генералъ-губернаторъ — уже въ Валкѣ. Особый отрядъ изъ Петербурга уже приступилъ къ дѣйствіямъ...

Такъ не должно быть—быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ... Примѣръ Финляндіи ничего не говоритъ. Финляндцы побѣдили въ борьбѣ потому, что боролись за право, неправомѣрно нарушенное. Латыши терпѣли столѣтія и не выждали мѣсяцевъ. Передъ ними, какъ и передъ всей Россіей, раскрылся широкій горизонтъ, за которымъ виднѣется новое право, построенное на истинно справедливой основѣ. Ужели можно сомнѣваться въ томъ, что ихъ нужда, ихъ горе не нашли бы живого отклика въ всенародномъ представительствѣ?..

Въ заключеніе—характерныя для нашего времени мелочи.

Долгіе годы вынужденнаго преклоненія передъ властью привели, между прочимъ, къ тому, что въ нарушеніе правилъ русской грамматики вошло въ обычай, тщательно поддерживавшійся провинціальной цензурой, писать и печатать съ прописныхъ буквъ наименованія правительственныхъ учрежденій, высшихъ должностныхъ лицъ и вообще „важныя“ слова. Напримѣръ: Правительствующій Сенатъ, Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Господинъ Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Отечество, Сводъ Законовъ, Манифестъ и т. п. Въ одномъ земствѣ вышелъ серьезный конфликтъ съ губернаторомъ изъ-за преступнаго и упорнаго нежеланія управы писать въ заголовкѣ адресуемыхъ ему бумагъ: „Его Превосходительству Господину Начальнику такой-то Губерніи“. Управа вмѣсто этихъ шести словъ писала два: „такому-то губернатору“, и за это была обвинена въ неуваженіи власти и потрясеніи основъ. Въ другомъ земствѣ былъ недопущенъ къ печати журналъ собранія, въ которомъ было написано „богъ“, а не „Богъ“, хотя произнесшій это слово ораторъ и утверждалъ, что употребилъ его въ смыслѣ божества языческаго.

Теперь обстоятельства измѣнились и—измѣнилось правописаніе. Передъ нами газета, въ которой рядомъ напечатано: царскій манифестъ, царское самодержавіе, государственная дума, высочайшій указъ, министръ и—Манифестъ (о требованіи золота), Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Союзъ Союзовъ, Учредительное Собраніе. Изъ-за желанія видѣть въ своей собственной статьѣ учредительное собраніе напечатаннымъ съ строчныхъ буквъ намъ едва не пришлось отказаться отъ удовольствія вообще увидѣть статью въ газетѣ, для которой она предназначалась. Вмѣсто строчныхъ „у", какъ было въ рукописи, въ корректурѣ вездѣ оказались прописныя. По исправленіи оттиснули другой разъ—то же самое. Понадобилось настойчивое заступничество редактора-издателя, чтобы типографія согласилась поколебать свое уваженіе къ учредительному собранію.

Отрывокъ изъ воззванія союза чиновниковъ, отъ 5 декабря: „...И вотъ рыцари грабежа и насилій съ (двѣ фамиліи) во главѣ, открыто выступая передъ Россіей въ роли преступниковъ, предприняли походъ въ направленіи къ ограниченію отвоеванныхъ населеніемъ правъ. На первый разъ тактика реакціонеровъ, призванная высасывать соки изъ населенія, безъ какихъ бы то ни было соображеній о его нуждахъ, правахъ и благосостояніи, свелась къ схоластическимъ изворотамъ, по силѣ коихъ труженики государственной службы исключались изъ разряда населенія и пріобщались къ той преступной опричинѣ, къ которой принадлежатъ сами (опять фамиліи). Съ точки зрѣнія этой схоластики, чиновники не могутъ входить ни въ какой другой союзъ, кромѣ опричины. Труженики государственной службы, однако, не обольстились такой паразитной логикой и, когда самозванные собственники государства, въ лицѣ ......, измѣннически потрясая бутафорскимъ декретомъ сквернаго французскаго рыночника, кавалера отъ Панамы, Рувье, стали угрожать репрессіями чиновникамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства за принадлежность ихъ къ союзу, послѣдніе отвѣтили имъ забастовкой; всѣ остальные служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ Петербурга открыто заклеймили преступниковъ презрѣніемъ и припечатали это клеймо къ наглымъ физіономіямъ узурпаторовъ въ формѣ резолюціи за своими подписями" и т. д.

Недурной образчикъ новаго чиновничьяго стиля! Какъ жаль, что составленія этого воззванія не подглядѣлъ Рѣпинъ! Онъ написалъ бы великолѣпнѣйшій pendant къ своимъ запорожцамъ.

Давно сказано: у насъ всякаго можно обидѣть—дворянина, купца, крестьянина, учителя, бѣднаго, богатаго—кого угодно. Но петербургскаго чиновника нельзя обидѣть: этотъ до всего дойдетъ, этотъ самъ всѣхъ обидитъ...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45),

---

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ Имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

[illegible] А. Ф. Очерки и воспоминанія. Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки. Спб. 1906. Стр. 391.

[illegible], столь же обширный выпускъ трудовъ [illegible] носитъ на себѣ нѣсколько иной характеръ, нежели первый, гдѣ были собраны его [illegible] рѣчи, имѣющія значеніе прежде всего и [illegible] для юридическаго міра, настоящій сборникъ даетъ возможность ознакомить широкій кругъ читателей съ интересными разнообразными по содержанію и общедоступными рѣчами А. Ф. въ академіи наукъ и [illegible] Обществѣ при с.-петербургскомъ университетѣ, а также и съ публичными [illegible] о д-рѣ Гаазѣ и И. Ө. Горбуновѣ. [illegible] разнообразія содержанія этого выпуска, авторъ въ своихъ чтеніяхъ преслѣдовалъ, [illegible], повидимому одну и ту же цѣль—ознакомить [illegible] съ жизнью, трудами и дѣятельностью [illegible] выдающихся нашихъ дѣятелей [illegible] духовнаго и гражданскаго развитія [illegible] общества, въ теченіе второй половины [illegible] вѣка и преимущественно—въ эпоху [illegible] годовъ; можно потому сказать, [illegible] выпускъ трудовъ А. Ф. представляетъ [illegible] такъ сказать, исторію самого русскаго [illegible] въ лицѣ лучшихъ представителей [illegible] недавняго еще прошлаго. Предъ нами [illegible] цѣлый рядъ такихъ личностей, какъ [illegible], Достоевскій, Вл. С. Соловьевъ, [illegible], Б. Чичеринъ, В. Кн. Елена Павловна, [illegible] Черкасскій, Н. А. Арнольдъ и [illegible] др. Мы еще возвратимся къ этому выпуску [illegible] ближе познакомить читателей [illegible] его содержанія.

[illegible], И. П. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права, съ изложеніемъ предположеній о реформѣ въ Россіи,—и закона [illegible] Государственной Думѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

[illegible] въ виду то обстоятельство, что до [illegible] времени понятіе о конституціонномъ [illegible] не могли быть у насъ предметомъ [illegible], общедоступнаго изложенія, и [illegible] течніями жизни, а также и [illegible] законовъ, авторъ взялъ на себя [illegible] составить именно такое общедоступное [illegible], при чемъ читатель, даже вовсе не [illegible] систематическимъ изученіемъ [illegible], могъ бы, безъ большой затраты времени и труда, пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія [illegible] отношенія ко всему, что [illegible] обсуждается въ настоящее время, въ [illegible] и въ собраніяхъ, въ ожиданіи новой [illegible] жизни страны. Первая часть книги [illegible] изъ нѣсколькихъ главъ, посвященныхъ [illegible] правамъ человѣка и гражданина, [illegible] существующихъ формъ правительства, [illegible] избирательнаго права, и въ [illegible] описывается устройство и дѣятельность [illegible] существующихъ нынѣ представительныхъ [illegible]. Вторая часть, очерчивъ то тяжкое [illegible], въ которомъ находилась Россія [illegible] административнаго произвола до самаго послѣдняго времени, говоритъ объ оффиціальныхъ постановленіяхъ, предпринимаемой нынѣ [illegible] реформы и о [illegible] ея общественныхъ [illegible] относительно ея исполненія. [illegible] заключаетъ свой очеркъ попыткою, съ [illegible] стороны, составить политическую программу, по возможности полную и всестороннюю. Въ приложеніи читатель найдетъ весьма полезный и довольно обширный списокъ книгъ и брошюръ по конституціонному праву и по вопросамъ о современномъ положеніи Россіи.

Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго. М. 1905. Стр. 147. Ц. 75 к.

Полное собраніе сочиненій покойнаго Тимоѳея Николаевича выдержало уже четыре изданія и вмѣстило въ себѣ не только ученыя монографіи, но и публичныя лекціи, журнальныя статьи и даже проекты и наброски к учебнику исторіи. Въ настоящемъ изданіи сдѣланъ выборъ изъ того полнаго собранія всего, что и до сихъ поръ, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти (ум. 4 сент. 1855 г.), можетъ быть прочтено съ интересомъ, и что даетъ понятіе о значеніи Т. Н. не только какъ профессора, но еще болѣе какъ руководителя общественной мысли въ тяжелое для нея время, какимъ была первая половина пятидесятыхъ годовъ. Благодаря этому, и теперь имя Грановскаго, какъ одного изъ лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, не забыто. Всего лучше охарактеризовалъ его Н. А. Некрасовъ, говоря:

Передъ рядами многихъ поколѣній
Прошелъ твой свѣтлый образъ; чистыхъ впечатлѣній
И добрыхъ знаній много сѣялъ ты,
Другъ истины, добра и красоты!

Въ началѣ 50-хъ годовъ Грановскій выступилъ горячимъ защитникомъ классическаго образованія и преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Уваровскаго [illegible], — и это вполнѣ понятно: изученіе языковъ древняго міра, гдѣ господствовала республика, была приписана революція 1849 года, и потому на нихъ было воздвигнуто гоненіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія! Грановскій отвѣчалъ своимъ противникамъ, объясняя, что задача среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ въ приготовленіи питомцевъ „не къ одному университету, но и къ жизни, не черезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей“. Правда, Грановскій присовокуплялъ, что „полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошо знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей.

Пири, Р. Е. По большому льду къ сѣверу. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. Берхоса. Съ 5 картами и 357 рис. Спб. 1906.

Авторъ назвалъ свой трудъ вполнѣ справедливо „разсказомъ“, что придаетъ книгѣ особенный интересъ, такъ какъ предъ нами развертывается цѣлый рядъ сценъ, приключеній въ странахъ, рѣдко посѣщаемыхъ путешественниками. Авторъ жилъ и работалъ около береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи, въ первый разъ—въ 1877 г., и вторично—въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ (1891—1897 г.г.). Къ своимъ разсказамъ авторъ присоединилъ описаніе жизни и быта малочисленнаго племени эскимосовъ, самыхъ сѣверныхъ жителей міра и ближайшихъ къ сѣверному полюсу. Самое число рисунковъ (357), превосходно иллюстрирующихъ описываемые предметы, говоритъ о ихъ богатствѣ и придаетъ наглядность разсказамъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2.
ФЕВРАЛЬ. 1906.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1906.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1906-го года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

„КАРТЫ—НА СТОЛЪ"!

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Засѣданіе подходило къ концу. Въ гостиной было сильно накурено. На длинномъ овальномъ столѣ тускло горѣли свѣчи. Въ открытую дверь изъ столовой, ярко освѣщенной, гдѣ готовили холодный ужинъ, доносились звуки посуды.

Бучаевъ сидѣлъ, все время, въ углу и сильно курилъ. Оттуда ему видны были, въ ракурсѣ, всѣ сидѣвшіе за столомъ, и мужчины, и женщины.

Тутъ все — самый „послѣдній крикъ" и женскаго, и мужского „движенія".

Хозяйка, Анна Прокофьевна Козлянина — еще не старая, когда-то хорошенькая женщина, съ раскраснѣвшимися щеками и возбужденными глазами — только-что вдоволь „выкричалась",— какъ Бучаевъ выговорилъ про себя. Она—самая рьяная учредительница и хлопотунья по всякимъ общественнымъ вопросамъ и заслуженный боецъ за женскія права.

„Баба добрая, а царя въ головѣ нѣтъ",—уже давно поставилъ ей діагнозъ Бучаевъ.

С[illegible]ва и слѣва отъ нея и по угламъ сидятъ ея товарки, член[illegible]го же кружка, который собирается въ этотъ сезонъ — выра[illegible]вать устои новаго „союза".

---

*) [illegible]выше: январь, стр. 51.

И нѣсколько мужчинъ — все изъ интеллигенціи — сидятъ за столомъ. Онъ ихъ всѣхъ болѣе или менѣе знаетъ, вплоть до того худого, съ кадыкомъ, черноволосаго мужчины, съ длинными волосами и жидкой бородой. Это—богатый коммерсантъ, универ- ситетскаго образованія, страстный охотникъ до всякихъ „дви- женій“, пріятель актеровъ, газетчиковъ, музыкантовъ, кѣмъ-то въ печати прозванный „*сверхъ*-купцомъ“.

А зовется совершенно по-гостинодворски—Варсанофій Си- лычъ Свайщиковъ.

Но какой же „союзъ“ можетъ быть теперь безъ купца? Кто же поддержитъ?

Самая выдающаяся фигура—баринъ, съ наружностью не то писателя, не то артиста, крупный блондинъ, съ красивой боро- дой, въ золотомъ pince-nez, съ типичнымъ проборомъ русыхъ во- лосъ, почти по срединѣ черепа.

Это — извѣстный Сукачевъ, Леонидъ Алексѣевичъ, земскій дѣятель, ораторъ, недавно прославился одной рѣчью на какомъ- то провинціальномъ съѣздѣ.

Онъ — въ этотъ сезонъ — герой дня. „На него“ — пригла- шаютъ.

Къ своему „союзу“ хозяйка привлекла его въ качествѣ бу- дущаго почетнаго члена. Всѣ дамы передъ нимъ — таютъ.

И всѣ тѣ, кто здѣсь собрался, считаютъ его вовсе не тѣмъ, чтò онъ изъ себя изображаетъ.

И Бучаевъ знаетъ это доподлинно. Онъ давно слѣдитъ за этимъ махровымъ земцемъ, присутствовалъ даже на томъ засѣ- даніи, гдѣ онъ отличился, года три назадъ, слышалъ отъ него самого исторію его „коллизіи“ съ высшимъ начальствомъ, и даже вызывалъ его на принципіальный разговоръ, гдѣ тотъ выставилъ довольно откровенно свою „платформу“ и даже свою „тактику“.

А эти ультра-радикальныя дѣятельницы продолжаютъ млѣть передъ нимъ и воображаютъ, что онъ „чтò ни на есть“ канди- датъ на историческую роль, по меньшей мѣрѣ, Дантона.

Можетъ-быть, кое-кто изъ этихъ господъ, даже „сверх- купецъ“, мекаетъ, что въ немъ Дантонъ ни въ какомъ разѣ не воскреснетъ, но они тоже „пàдамъ дò ногъ“ и, во все время дебатовъ, не иначе обращались къ нему, какъ съ титуломъ „нашъ высокоуважаемый сочленъ, Леонидъ Алексѣичъ“.

„Кажется, сейчасъ все кончится“,—подумалъ Бучаевъ.

Но, вотъ, встаетъ хозяйка дома—она же и предсѣдательница— встала, обвела взглядомъ весь столъ, кивнула и ему въ уголъ и начала произносить съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ:

— Господа! Позвольте отъ лица всѣхъ васъ принести нашу глубочайшую признательность...

„Высокоуважаемому Леониду Алексѣевичу“,—мысленно подсказалъ Бучаевъ, продолжая сидѣть въ своемъ углу.

— Сердечно уважаемому Леониду Алексѣевичу за то участіе, какое онъ принялъ въ нашемъ, сегодня уже окончательно народившемся союзѣ.

Дамы захлопали. Изъ мужчинъ застучалъ чѣмъ-то по столу купецъ Свайщиковъ.

— Въ лицѣ нашего дорогого сочлена,—продолжала, все поднимая тонъ, хозяйка,—мы привѣтствуемъ здѣсь гражданина, который такъ доблестно защищаетъ самыя коренныя права человѣка...

„И гражданина“,—прибавилъ мысленно Бучаевъ.

И такъ шло все въ гору—еще на нѣсколько минутъ.

Сукачевъ не остался въ долгу. Онъ произнесъ что-то и свѣтски-любезное, по адресу дамъ, и указывающее на какія-то перспективы общественнаго возрожденія. Опять ему зааплодировали. И тогда хозяйка попросила всѣхъ перейти въ столовую.

— Что же это вы, Николай Сергѣевичъ,—спросила она его въ полголоса, подавая ему стаканъ чаю, — все безмолвствовали?

— Зато внимательно слушалъ, Анна Прокофьевна.

— Да, я знаю васъ... ставили, про себя, отмѣточки всѣмъ намъ.

Онъ только пожалъ плечами.

И хозяйка, и остальныя дамы опять прильнули къ Сукачеву. Кто-то вспомнилъ о прошлогоднемъ всероссійскомъ съѣздѣ и сожалѣлъ, что Леонидъ Алексѣевичъ могъ попасть только на одно засѣданіе, задержанный у себя въ губерніи. А какъ бы его присутствіе было знаменательно на томъ вечернемъ засѣданіи, когда произносили шумные протесты противъ „полицейскаго гнета“ и внезапнаго запрещенія реферата, котораго всѣ такъ страстно ждали.

— Леонидъ Алексѣевичъ! — вдругъ окликнулъ его Бучаевъ, подавшись впередъ съ своего мѣста.—Вы были на одномъ засѣданіи — и я помню, на какомъ — когда произносила свою, такъ сказать, исповѣдь одна пожилая учительница въ очкахъ?

— Да, да!

Сукачевъ поглядѣлъ на него вопросительно. Онъ точно предчувствовалъ, что за этимъ вопросомъ что-нибудь да кроется.

— Ну, и что же?—спросила кто-то изъ дамъ.

— Согласитесь, господа,—Бучаевъ обвелъ взглядомъ все обще-

ство, — сокровенный смыслъ того, что тамъ читалось и говорилось, сводился къ чему?

Глаза Сукачева вопросительно обратились къ нему.

— Къ одной фразѣ, къ одному желанію: какъ бы поскорѣе рухнуло кое-что...

— Какъ вы изволили сказать?—остановилъ купецъ Свайщиковъ.

— Кое-что...—повторилъ раздѣльно Бучаевъ.—Всякій понималъ—что...

И онъ игриво поглядѣлъ на хозяйку.

— Это само собою разумѣется,—отвѣтила за нее одна изъ дамъ.

— Ну, а вы, Леонидъ Алексѣевичъ, — продолжалъ Бучаевъ съ той же усмѣшкой въ глазахъ,—какъ себя, такъ сказать, пріурочиваете... къ какой формулѣ?

Этотъ вопросъ заставилъ хозяйку напряженно улыбнуться въ сторону почетнаго гостя—Сукачева.

— Леонидъ Алексѣевичъ—сторонникъ безусловной свободы мнѣній и совѣсти,—поспѣшила она выговорить, впадая опять въ торжественный тонъ.

— Но я хотѣлъ бы знать, — въ какой степени этотъ общій лозунгъ, признававшійся tacitu consensu громаднымъ большинствомъ съѣзда, могъ раздѣлять и Леонидъ Алексѣевичъ?

— Это слишкомъ личный вопросъ, Бучаевъ!—замѣтила одна изъ дамъ.

— И каждый имѣетъ свое credo, — прибавила другая дама, какъ бы обидѣвшись за Сукачева.

— Вашъ вопросъ я не совсѣмъ понимаю, monsieur Бучаевъ,—выговорилъ Сукачевъ тономъ предсѣдателя, желающаго предупредить непріятный инцидентъ на публичномъ засѣданіи.

— Будто, Леонидъ Алексѣевичъ?—спросилъ все съ той же усмѣшкой Бучаевъ. И, повернувъ голову къ хозяйкѣ, прибавилъ:—Pardon! Я хотѣлъ только освѣжить въ памяти и засѣданіе того съѣзда, и одинъ принципіальный разговоръ... прошлой зимой.

Онъ, вкось, поглядѣлъ на Сукачева. Тотъ промолчалъ. Хозяйка опять „пустила свой волчокъ“ и перешла къ тѣмъ перспективамъ, на которыя указывалъ Сукачевъ въ своемъ отвѣтномъ спичѣ, тамъ, въ гостиной.

Что-то вышло какъ будто несовсѣмъ ловкое.

Сукачевъ заговорилъ въ полтона съ своей сосѣдкой, по лѣвую руку. Хозяйка взглянула на Бучаева съ особеннымъ выраженіемъ. Онъ продолжалъ усмѣхаться.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Сукачевъ поднялся и сталъ раскланиваться.

— Леонидъ Алексѣевичъ! Куда вы такъ рано? — вскричала хозяйка, устремляясь къ нему и протягивая обѣ руки.

— Не могу... дорогая Анна Прокофьевна. Никакъ не могу!

Остальныя дамы всполошились и окружили Сукачева.

Онъ поцѣловалъ руку у хозяйки и всѣмъ пожалъ руку.

Бучаеву онъ также протянулъ руку и, улыбаясь глазами, выговорилъ:

— Нашъ разговоръ я помню, monsieur Бучаевъ. И отъ всего того, что̀ я тогда сказалъ—не отступлюсь и теперь.

И съ этими словами двинулся въ переднюю. Дамы его провожали.

— Въ вашихъ словахъ былъ тонкій намэкъ,—произнесъ, помосковски, купецъ Свайщиковъ, подходя къ Бучаеву.

— Николай Сергѣичъ!—вскричала хозяйка, вернувшись изъ передней.—Это Богъ знаетъ что̀ такое! Мы всѣ на васъ негодуемъ.

— За что̀?

— Какъ за что̀? И спрашиваетъ это такимъ казанской сиротой! Mesdames! Какъ вамъ это нравится?

Дамы окружили его.

— Не понимаю, почему предметъ вашего поклоненія, mesdames, такъ встрепенулся!

— Вы пустили какую-то шпильку — перебила хозяйка. — И мы ее даже не поняли. У васъ былъ съ Леонидомъ Алексѣевичемъ какой-то тамъ разговоръ... Но это—ваше личное дѣло.

— Не просто разговоръ,—возразилъ Бучаевъ, оглядывая ихъ всѣхъ съ тою же усмѣшкой: — Сукачевъ высказалъ мнѣ свою платформу...

— Какую платформу?—остановила въ недоумѣніи одна изъ дамъ.

— Душечка! —пояснила ей хозяйка.—Это—нынѣшнее слово... вмѣсто profession de foi... или политической программы тамъ что-ли.

— Ну, да. Онъ ее не скрываетъ... по крайней мѣрѣ, когда ему ставятъ категорически вопросъ. Сукачевъ — славянофильствующій земецъ, вѣрующій въ то, что намъ надо не представительство съ гарантіями, безъ которыхъ никакое подобіе свободы немыслимо, а пресловутое сліяніе народа съ источникомъ власти, безъ всякаго средостѣнія.

— Ну, такъ что-жъ! — нервно воскликнула одна изъ дамъ..

— Больше ничего... Мнѣ вспомнился съѣздъ, гдѣ ему также сдѣлали овацію и гдѣ все было проникнуто одной формулой, подъ которой милѣйшій Леонидъ Алексѣевичъ, конечно, не подпишется.

— Онъ—выше всякихъ партій!—крикнула хозяйка.

— Нисколько, и согласитесь, mesdames, что наивно такимъ радикалкамъ въ западномъ смыслѣ, какъ всѣ вы, — считать Сукачева своимъ единомышленникомъ, повторяю—человѣкомъ одной платформы.

— Это правильно!—замѣтилъ съ юморомъ Свайщиковъ.

— Онъ сочувствуетъ идеѣ нашего союза... Его имя...—начала-было одна изъ дамъ.

— Позвольте,—остановилъ ее Бучаевъ, и нѣсколько другимъ тономъ продолжалъ:—мнѣ, въ сущности, все это „Schnuppe", какъ говорятъ нѣмцы. Я самъ стою всегда за абсолютную свободу мнѣній; но гдѣ же логика, гдѣ же послѣдовательность? А главное: зачѣмъ человѣка считать Дантономъ, когда онъ, московскій земскій человѣкъ XVII вѣка... вѣрующій въ формулу: „народу—мнѣніе, государю—власть"?

— Правильно! — съ той же интонаціей выговорилъ сверхкупецъ.

— Все это прекрасно!—заволновалась хозяйка. — Но вы, Бучаевъ, придали всему этому... какъ бы это сказать — инциденту... личный характеръ...

— Для васъ и вашего круга непріятный?—остановилъ онъ ее.—Очень сожалѣю и прошу извинить меня. Вамъ угодно считать Сукачева Дантономъ, — считайте! На здоровье! А если вы знали, кѣмъ онъ самъ себя считаетъ, тогда дѣло иное: вы его привлекли потому, что вамъ нужно его имя... Такъ и будемъ знать.

— Все-таки!

Хозяйка, обращаясь къ остальнымъ гостямъ, воскликнула:

— Господа! Сядемте же! Вѣдь вы еще ничего не кушали... И чай стынетъ.

Всѣ стали разсаживаться...

Бучаевъ сходилъ съ крыльца вмѣстѣ съ однимъ брюнетикомъ, который все время—и на совѣщаніи, и за чаемъ—сидѣлъ молча.

Онъ не былъ твердъ въ его фамиліи, но считалъ его приватъ-доцентомъ. Его голова ему нравилась.

Вмѣстѣ прошли они по троттуару большого двора и вышли изъ воротъ.

Бучаевъ, оглянувшись вправо и влѣво, спросилъ его:

— Вамъ въ какую сторону?

— На Арбатъ.

— И мнѣ также. А извозчика ни единаго. Хотите пройтись?

— Съ удовольствіемъ.

Помолчавъ немного, спутникъ его выговорилъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ:

— Вы въ нихъ пустили освѣжающій душъ.

— Я?

— Это превосходно! Первѣе всего — бороться съ той безтолковщиной, какая царитъ у насъ въ интеллигенціи. Вотъ такой земецъ XVII-го вѣка, а слыветъ у нашихъ радикальныхъ дамъ за Дантона. Ха, ха!

Онъ засмѣялся короткимъ, очень пріятнымъ смѣхомъ.

— А я, вотъ, злюсь на себя, — сказалъ хмуро Бучаевъ.

— За что̀?

— Вышло пошловато. Точно я завидую дешевымъ лаврамъ господина Сукачева. Такъ теперь всѣ эти феминистки и станутъ судачить.

— Пускай ихъ! Карты на столъ! Вотъ что̀ теперь нужно, какъ воздухъ.

Бучаевъ остановился и воззрился въ брюнета.

— Карты на столъ! Вы точно знали, что это—мой лозунгъ.

— Прекрасный лозунгъ!

— Только у насъ и имъ не возьмешь... А самъ прослывешь смутьяномъ.

Протянувъ руку спутнику, онъ сказалъ:

— Моя фамилія Бучаевъ. Будемъ знакомы.

II.

И опять столовая—просторная, съ высокимъ штучнымъ потолкомъ, въ богатомъ домѣ, откуда родители нарочно удалились, чтобы не мѣшать юнца́мъ.

Чай уже пили. На столѣ, кромѣ самовара — закуски, варенье, остатки сладкаго пирога и ваза съ фруктами.

Но никто ни къ чему уже не прикладывается.

Всѣ заняты бесѣдой.

Идутъ „пренія“. Молодые хозяева созвали своихъ товари-

щей и товарокъ по гимназіи. Всѣхъ человѣкъ до двѣнадцати. Есть одинъ студентъ; но онъ больше въ качествѣ слушателя. Есть и предсѣдатель—гимназистъ восьмого класса. Дѣвицъ меньше, чѣмъ молодыхъ людей.

И Бучаевъ попалъ въ число приглашенныхъ. Онъ былъ заинтересованъ этой „debating society", напомнившей ему тотъ сезонъ, когда онъ жилъ въ Лондонѣ, и въ первый разъ попадалъ на такое юное засѣданіе, гдѣ все велось очень чинно, какъ „у большихъ", съ предсѣдателемъ, съ строгой очередью ораторовъ, когда начались „дебаты", послѣ прочтенія реферата.

Тема была: „Непротивленіе злу", какъ соціальный принципъ.

Докладчикъ—краснощекій юноша, съ пушкомъ на щекахъ, въ штатскомъ платьѣ, не читалъ, а говорилъ, съ конспектомъ, сначала немного волновался и какъ-то все вздыхалъ, переводя дыханіе; но потомъ вошелъ въ роль, говорилъ складно и горячо, только голосъ его часто срывался: низкія ноты заскакивали въ альтовый регистръ звуковъ.

Онъ выставилъ даже нѣсколько тезисовъ.

Въ женскомъ персоналѣ выдѣлялись двѣ дѣвушки: красивая брюнетка, стройная, съ огромными глазами, въ формѣ гимназистки, и ея ближайшая подруга—блѣднолицая, худая дѣвица, съ большимъ лбомъ и причесанными за уши пепельными волосами.

Бучаевъ уже зналъ, что ея фамилія Порослева. И подруга окликаетъ ее „Васса".

Предсѣдатель — старше всѣхъ, уже съ усиками и чѣмъ-то вродѣ бакенбардъ — въ сѣрой гимназической блузѣ.

Онъ очень серьезно исполняетъ обязанности предсѣдателя, говоритъ баскомъ, поводитъ внушительно бровями, не позволяетъ перебивать и требуетъ, чтобы всѣ держались очереди.

Всего чаще останавливалъ онъ своего товарища, тоже въ сѣрой блузѣ, съ вихромъ на лбу. Лицо у него старше его лѣтъ, русые волосы вихрятся. Онъ нервенъ и подвиженъ, и вотъ сейчасъ выступилъ съ настоящимъ разносомъ и самаго доклада, и отдѣльныхъ „положеній".

— Какъ его фамилія? — спросилъ Бучаевъ шопотомъ у сидѣвшаго рядомъ съ нимъ студента.

Тотъ все время поглядывалъ на юнцовъ, снисходительно усмѣхаясь, и курилъ одну папиросу за другой.

— Вонъ тотъ... возражатель? — переспросилъ студентъ.

— Да.

— А! Это у нихъ первый діалектикъ. Тыквинъ — его фамилія.

Бучаевъ сталъ прислушиваться, когда этотъ Тыквинъ попросилъ у предсѣдателя голоса, не въ очередь, съ согласія одной изъ дѣвицъ, блондинки съ пепельными волосами.

— Намъ неясно, — сталъ выкрикивать Тыквинъ, поднимаясь на цыпочкахъ,—онъ упирался, стоя, на спинку стула,—какого же собственно руководящаго принципа держится самъ авторъ доклада.

Авторъ пожалъ плечами и еще болѣе покраснѣлъ. Его полное, полудѣтское лицо такъ и пылало.

— Докажите, Тыквинъ! — раздался женскій голосокъ.

Предсѣдатель зазвонилъ. Дѣвица смолкла.

— И постараюсь,—увѣренно выговорилъ Тыквинъ. — Одно изъ двухъ: или считать „толстовскій“ принципъ безусловно вѣрнымъ... тогда надо признать и то, откуда идетъ все его ученіе; или же держаться прямо противоположныхъ принциповъ, необходимыхъ для всякой общественной борьбы. А тутъ я вижу у него нѣчто половинчатое. И такъ, и этакъ! Можно съ почтеніемъ относиться къ имени великаго писателя, но все-таки признать, что съ этимъ „непротивленіемъ“ далеко не уйдешь!

Голосъ у Тыквина крѣпчалъ, и некрасивое лицо, съ энергичнымъ ртомъ и быстрыми темными глазами, то-и-дѣло мѣняло выраженіе.

— Спорщикъ! — шепнула одна гимназистка другой.

— И какой еще!

— Вы кончили? — спросилъ безстрастнымъ тономъ предсѣдатель.

— Нѣтъ-съ... позвольте еще нѣсколько словъ. И уже съ нѣкоторымъ обобщеніемъ... такъ сказать.

— Записано еще трое.

— Знаю... но я не задержу.

Тыквинъ звонко откашлялся и опять взялся обѣими руками за спинку стула.

— Вообще... позволю себѣ сказать, что въ настоящій моментъ, когда наше отечество переживаетъ такой кризисъ и приступаетъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей...

— Сейчасъ будетъ изъ Ничше цитировать, — шепнула подругѣ та же гимназистка.

— Все еще слишкомъ много водится у насъ такихъ интеллигентовъ, которые только все анализируютъ... чрезвычайно тонко и умно, а въ сущности имъ ни до чего дѣла нѣтъ.

Глаза рѣчистаго гимназиста повернулись въ ту сторону, гдѣ сидѣли, у стѣны, Бучаевъ и студентъ.

И Бучаеву показалось, что это было брошено въ его огородъ, хотя онъ въ первый разъ видѣлъ Тыквина.

Это какъ будто его задѣло. Онъ подавилъ въ себѣ тотчасъ же мимолетное непріятное чувство. Но развѣ онъ и въ глазахъ ближайшихъ своихъ сверстниковъ не можетъ считаться такимъ субъектомъ?

И точно чьи-то другіе глаза—уже не мужскіе, а женскіе—уставились на него и говорили ему:

„Вы мастеръ разбередить душу. А чуть что—вы на попятный дворъ. И вамъ дѣла нѣтъ до того, что въ этой душѣ происходитъ".

— А намъ теперь такихъ половинчатыхъ резонеровъ не надо. Пускай русская жизнь оставитъ ихъ за шлагбаумомъ, вмѣстѣ съ разными нытиками и психопатами, которыми слишкомъ долго кормила насъ беллетристика.

Захлопала блондинка съ пепельными волосами. На ней, какъ и на хозяйкѣ, была гимназическая форма.

— Вы кончили, Тыквинъ? — такъ же безстрастно спросилъ предсѣдатель.

— Многое бы могъ добавить, но...

— Надо и честь знать! — крикнулъ ему кто-то изъ гимназистовъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Вѣрно!—согласился Тыквинъ съ полнымъ апломбомъ и, оглянувъ всю аудиторію, сѣлъ на стулъ, перевернувъ его къ себѣ сидѣньемъ.

И опять Бучаеву показалось, что умные и задорные глаза перваго „спорщика" уставились на него.

Студентъ взглянулъ на него все съ той же усмѣшкой.

— Господа! Угодно еще кому-нибудь записаться?

Никто не заявилъ себя.

— Въ такомъ случаѣ. позвольте маленькій перерывъ.

— Страсть чаю хочется! — раздался женскій возгласъ.

И всѣ дружно расхохотались.

За столомъ всѣ сначала пили и закусывали, а потомъ вдругъ разомъ заговорили.

Тыквинъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ шутокъ и его товарищей, и дѣвицъ. Видно было, что Порослева, блондинка съ пепельными волосами, благоволитъ къ нему. Онъ сѣлъ съ ней рядомъ и потчивалъ ее пирожнымъ.

— Да, Тыквинъ, здорово споритъ!—весело крикнулъ одинъ изъ гимназистовъ, постарше.

— Діалектикъ! Одно слово!—съ юморомъ, не мѣняя серьезнаго выраженія, выговорилъ предсѣдатель, и сталъ скоро-скоро отхлебывать свой чай.

— Недаромъ онъ собирается въ учителя, — замѣтила брюнетка съ огромными глазами.

— И все онъ по хріямъ разбираетъ, точно въ семинаріи учился!

Это замѣчаніе предсѣдателя вызвало общій смѣхъ.

Острые глазки „діалектика“ бойко оглядывали всѣхъ.

„Смѣйтесь, молъ, а я васъ не боюсь, потому что у меня логика; а вы желаете только нанизывать хорошія слова“.

Тыквинъ, наклонившись къ уху Порослевой, шепнулъ ей:

— Пущай ихъ!

— Они любя... безъ всякаго ехидства.

— А хотя бы и съ ехидствомъ?.. Только бы дѣло...

Студентъ, сидѣвшій рядомъ съ Бучаевымъ, противъ Тыквина, положилъ локти на столъ и подался впередъ головой.

— Позвольте маленькій вопросъ, господинъ Тыквинъ,—началъ онъ съ своей двойственной усмѣшкой, — я у васъ здѣсь, вотъ какъ и мой сосѣдъ, мы только гости и права голоса въ вашей конференціи не имѣемъ.

— Почему же? Говорите!—откликнулась первая Порослева.— Мы всѣ были бы такъ рады, если бы вы приняли участіе... вы и господинъ Бучаевъ.

Она ласково взглянула на него. Ея кавалеръ кивнулъ головой и проговорилъ своимъ теноркомъ:

— Подѣлитесь съ нами вашимъ умственнымъ добромъ.

— Такъ вотъ... я хотѣлъ васъ спросить, — продолжалъ студентъ, глядя прямо на своего vis-à-vis, черезъ столъ:—почему вы такъ строго выразились насчетъ тѣхъ, кто не хочетъ быть прямолинейнымъ? Рубить съ плеча—не значитъ еще возвѣщать безусловную истину!

Всѣ насторожились.

— Я этого не говорилъ!

Тыквинъ быстро покраснѣлъ и также подался впередъ, и также положилъ локти на столъ.

— Вы мнѣ навязываете совсѣмъ не мои слова... Выраженіе „прямолинейный“ вы употребили, кажется, въ ироническомъ смыслѣ?

Глазки гимназиста задорно блеснули.

— Это слово давно имѣетъ право гражданства. И всякій пойметъ—что̀ оно собою изображаетъ.

— Позвольте-съ! Прямолинейный! Если взять это слово какъ слѣдуетъ... серьезно, то всякое глубокое убѣжденіе должно быть прямолинейно. Какъ же иначе?

И онъ обвелъ всѣхъ взглядомъ.

— Разумѣется!—подтвердила брюнетка.

— А я только и говорилъ, что про твердые принципы, про то, что обязательно становиться направо или налѣво, а не изображать собою газетную прибаутку: „надо сознаться, хотя нельзя не признаться“.

— Это все по твоему адресу!—крикнулъ кто-то краснощекому автору доклада.

— И къ этому,—продолжалъ Тыквинъ,—никакъ не слѣдуетъ пріучаться съ молодыхъ лѣтъ. Ну, вы провретесь, ну, вы защищаете чистѣйшую ерундистику, но вы должны быть въ этомъ убѣждены, и когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь важномъ принципѣ—нельзя бродить только вокругъ да около!

Блондинка обласкала его взглядомъ.

— Не мало есть и настоящихъ интеллигентовъ... старше насъ... съ учеными дипломами... Слушаешь ихъ, а никакъ тебѣ не вдомёкъ: кто собственно сей господинъ—каковъ его символъ вѣры?..

Бучаеву опять показалось, что этотъ „діалектикъ“ посмотрѣлъ на него съ особеннымъ выраженіемъ.

„Что̀ ему отъ меня нужно?“—не безъ раздраженія подумалъ онъ.

— Вы позволите обратиться къ вамъ?

— Ко мнѣ?—спросилъ Бучаевъ.

— Да-съ... Вы меня какъ будто совсѣмъ не знаете... а мы были съ вами на одномъ вотъ такомъ же рефератѣ съ преніями.

— Гдѣ же это—позвольте узнать?

Бучаевъ переглянулся съ студентомъ.

— У Панкратьевыхъ это было, въ началѣ зимы. Помните... когда читалъ господинъ Анкудиновъ... по соціологіи. Мы—несовершеннолѣтніе — сидѣли въ уголкѣ, около двери... двое насъ было... сынъ хозяина и я...

— Будто и тамъ ты не выступилъ?—остановилъ предсѣдатель и вызвалъ опять смѣхъ.

— Намъ не полагалось. Но позвольте мнѣ—онъ повернулъ голову къ Бучаеву—сказать на чистоту... прямолинейно что-ли...

хотя вы имѣете право и не отвѣтить мнѣ, если вамъ не понравится.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь! — сказалъ сдержанно Бучаевъ.

„Что̀ ему отъ меня нужно?"—спросилъ онъ, про себя, во второй разъ.

— Вы, конечно, помните... какой главный тезисъ защищалъ тогда референтъ?

— Помню.

— И вы были въ числѣ оппонентовъ. Насъ съ моимъ пріятелемъ сначала сильно заинтересовала ваша рѣчь. Но когда вы кончили... мы остались въ великомъ недоумѣніи.

— Почему же?

— Будь мы съ вами знакомы—мы бы позволили себѣ и тогда спросить: за кого же, собственно, прикажете считать васъ?

Всѣ стали глядѣть на Тыквина съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Предсѣдатель, допивъ свой стаканъ, остановилъ его словами:

— Съ какой же стати, Тыквинъ, такой допросъ? Это вѣдь называется по латыни argumentum ad hominem?..

— Ничего, ничего, — тономъ снисходительнаго старшаго отозвался Бучаевъ.

Студентъ покачалъ головой.

— Тутъ нѣтъ ничего личнаго,—возразилъ Тыквинъ, возбужденно оглядывая всѣхъ.—Я уже предупредилъ, что господинъ Бучаевъ можетъ и не отвѣчать мнѣ. Но я и теперь хотѣлъ бы знать: къ какой—какъ нынче говорятъ—*платформѣ* вы себя самого причисляете?...

— Какъ же это не личный вопросъ?—строже остановилъ его предсѣдатель.

— Позвольте ему высказаться,—попросилъ Бучаевъ тѣмъ же снисходительнымъ тономъ; но, про себя, онъ обозвалъ Тыквина „назойливымъ іерихонцемъ".

— Мы съ товарищемъ не могли взять въ толкъ, господинъ Бучаевъ, говорилъ ли въ васъ соціалъ-демократъ чистой воды, другимъ словомъ, марксистъ, или соціалъ-революціонеръ, или ни то, ни другое... а какъ будто идеалистъ... вотъ въ новѣйшемъ значеніи, иначе—нео-идеалистъ, какіе теперь здѣсь процвѣтаютъ?...

— Тебя, Тыквинъ, не спросивши! — замѣтилъ кто-то изъ гимназистовъ.

— Ладно!—возразилъ ему Тыквинъ съ комической гримасой и, повернувъ опять голову къ Бучаеву, продолжалъ тономъ пониже: —Извините еще разъ. Никто не имѣлъ бы права подвергать васъ допросу. Но намъ съ товарищемъ было бы поучительно и цѣнно—знать, что такой интеллигентный человѣкъ, какъ вы, принадлежитъ къ сторонникамъ такой-то партіи или ученія.

Насмѣшливые глаза студента обратились къ нему, кажется, съ такимъ же вопросомъ.

„И ты также?"—подумалъ онъ.

Точно будто оба они—и рѣчистый гимназистъ, и прималчивающій студентъ—собирались крикнуть ему: „Карты на столъ, господинъ обличитель!"

Ему сильно захотѣлось осадить этого самомнительнаго „мальчишку"; но онъ сейчасъ же пристыдилъ себя.

— Вы, господинъ Тыквинъ, смѣшиваете двѣ вещи,—началъ онъ:—credo данной личности, когда оно должно быть заявляемо прямо и смѣло, и свободу критическаго анализа. Предположимъ, что я держусь одной изъ этихъ доктринъ:—марксизма, чисто экономическаго ученія, революціоннаго соціализма или новѣйшаго идеализма...

— Вотъ это для насъ и осталось тайной.

— Если бы дѣло шло о какомъ-нибудь голосованіи... о поддержкѣ какой-нибудь резолюціи, — тогда и я, и всякій убѣжденный человѣкъ высказался бы pro или contra, положилъ бы шаръ направо или налѣво. Но разбирался теоретически чисто научный вопросъ...

— Общественный!—крикнулъ Тыквинъ.

— По соціологіи... т.-е. по теоріи общественнаго развитія. И тутъ обязанность мыслящаго и свободнаго внутренно человѣка—воздерживаться отъ всякой партійной односторонности. Иное дѣло научная истина, иное дѣло—то, чего вы добиваетесь, какъ борецъ за тотъ или другой идеалъ!

— Вѣрно!—тихо воскликнулъ предсѣдатель.

— Ну, инъ будь по вашему!—выговорилъ, крякнувъ, Тыквинъ и что-то шепнулъ блондинкѣ.

Всѣ остальные молчали, и Бучаевъ почувствовалъ, что его отвѣтомъ никто не остался доволенъ.

И насмѣшливый взглядъ студента опять остановился на немъ.

— Господа! Пренія еще не кончены! Пожалуйте!—пригласилъ предсѣдатель.

III.

Третій мѣсяцъ пошелъ, какъ Бучаевъ „ходитъ“ опять по Москвѣ. Ѣздилъ онъ, на нѣсколько дней, въ Петербургъ и въ два губернскихъ города, по близости.

И опять онъ въ тѣхъ же номерахъ, близъ университета, полу-студенческихъ, полу-обывательскихъ, гдѣ такъ же шумно, грязновато и неприглядно, такъ же пахнетъ керосиномъ и ваксой, такъ же плохо освѣщены узкіе корридоры.

И все это напоминаетъ ему студенческіе годы, да и по цѣнѣ сходно, хотя на двадцать процентовъ дороже, чѣмъ было десять лѣтъ назадъ.

Каждый день, утромъ, онъ записываетъ все, что̀ пережилъ за день. Записи—короткія; но и ихъ набирается немало.

Столько теперь всякаго „овоща“—по всѣмъ вопросамъ, во всѣхъ слояхъ и кружкахъ... хоть ушатомъ черпай!

И всѣ говорятъ, спорятъ, кричатъ, горячатся или мрачно молчатъ, накопляютъ въ себѣ всякіе виды протеста.

Готовые лозунги и формулы такъ и рѣютъ въ воздухѣ. У каждаго свой рецептъ, своя панацея. И какимъ бы жестокимъ пессимизмомъ онъ васъ ни обдалъ, знайте, что у него, за пазухой, все-таки найдется вѣра въ какое-нибудь Эльдорадо.

А главнаго—нѣтъ: желанья и умѣнья сплотиться.

Когда разразится кризисъ—а его надо ждать, какъ евреи ждутъ Мессію, — то наверхъ всплывутъ все тѣ же стародавнія повадки.

Ему, съ каждымъ днемъ, кажется все больше и больше, что выйдетъ, скорѣе всего, полная шумиха и безсиліе—найти выходъ изъ невыносимаго положенія. Начнутся ожесточенные партійные раздоры. Они неизбѣжны, потому что надъ всей страной тяготитъ роковое неумѣнье сплотиться, во имя общей и ясной цѣли. И это—въ самомъ избранномъ меньшинствѣ, которое привыкло смотрѣть на себя, какъ на соль земли.

Но ничто это его не удивляетъ. Такъ должно быть. И главная бѣда идетъ отъ самообмана. А самообманъ—отъ стараго недуга, отъ слащаваго или фанатическаго романтизма, что̀ сводится, опять-таки, къ тому же самому.

То, что̀ вышло на совѣщаніи у милѣйшей Анны Прокофьевны Козлянниной—развѣ не блистательное доказательство того, какой разбродъ царитъ въ головахъ? Славянофильствующаго земца, за

нѣкоторый либерализмъ, окружаютъ ореоломъ. И кто? Самый радикальный кружокъ, который считаетъ „Декларацію правъ человѣка и гражданина“ только легкой закуской ко всякимъ другимъ правамъ.

А если у тебя нѣтъ готовой репутаціи, то ты долженъ сейчасъ же выкладывать свою „платформу“, какъ тогда, въ кружкѣ самой зеленой молодежи, гдѣ гимназистъ Тыквинъ, первый „діалектикъ“, сталъ его допрашивать. И вышло нехорошо. Точно будто эти мальчуганы изловили его, приперли къ стѣнѣ, а онъ уклонился, „далъ бѣжку“, какъ они, навѣрно, назвали на своемъ жаргонѣ школьниковъ.

Ничего не будетъ удивительнаго, если на него начнутъ смотрѣть подозрительно.

Чтò за гусь? Бываетъ вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, землячествахъ, обществахъ, всѣхъ допрашиваетъ, все разнюхиваетъ, а самъ не выкладываетъ своего символа вѣры.

Человѣкъ „сумлительный“.

Въ старой Москвѣ сейчасъ бы скомандовали:

„Взять его за приставы!“

А теперь ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлаться „сумлительнымъ“ всякимъ лагерямъ и очутиться между двухъ огней.

Его сестрица и ея супругъ—тѣ зачислили его, безповоротно, въ странствующіе агенты одного изъ „комитетовъ“.

Объ нихъ онъ ничего не знаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ оттуда. Переписываться съ сестрой — нѣтъ повода. Это было что-то вродѣ окончательнаго разрыва. Милѣйшій Эліодоръ Ильичъ отъ такого родственнаго „разъѣзда“ — конечно въ восхищеніи. Да и Елена... чтò же имѣетъ она съ нимъ общаго — въ теперешней фазѣ своего развитія?

Нѣкоторое время ему было ее жаль. Онъ хотѣлъ даже, по пріѣздѣ сюда, написать ей большое письмо—родъ увѣщанія; но нашелъ, что это будетъ совершенно глупо.

Господа Зубровы должны остаться вѣрны своему типу поборниковъ капитализма, орудующаго по усадьбамъ и хуторамъ въ ожиданіи того момента, когда все это полетитъ вверхъ тормашками.

И они еще болѣе приготовлены къ борьбѣ, умнѣе, честнѣе, работящѣе другихъ владѣльцевъ... имя которымъ—легіонъ!

Милѣйшій Эліодоръ Ильичъ и его „выученица“ Елена Сергѣевна—имѣютъ право смотрѣть на себя какъ на образцовыхъ, корректныхъ ландлордовъ новѣйшей формаціи, трудящихся надъ привитіемъ мужику всякихъ культурныхъ добродѣтелей.

Бучаевъ перебиралъ все это, ходя взадъ и впередъ по своему „мумеру“, какъ называетъ его корридорный.

Сегодня онъ долженъ быть у Марьи Ѳедоровны Лодыгиной. Она просила его, по телефону, завернуть къ ней, между тремя и четырьмя.

У Лодыгиныхъ онъ не былъ уже цѣлую недѣлю. Это могло показаться умышленной уклончивостью съ его стороны.

Точно онъ, въ самомъ дѣлѣ, „притаился“.

Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и зашелъ, въ первый разъ, къ Лодыгинымъ, онъ засталъ его одного. Марья Ѳедоровна уѣхала въ Петербургъ—не совсѣмъ, но жила тамъ уже третью недѣлю.

Лодыгинъ принялъ его странно, дѣлалъ какіе-то намеки, взглядывалъ на него съ особенной усмѣшкой и подъ-конецъ сказалъ:

— Я не зналъ, что вы такой дипломатъ, Бучаевъ.

На его вопросительный взглядъ онъ продолжалъ:

— Моя супруга... задумала, кажется, возвратить себѣ свободу?.. Ни въ чемъ, какъ говорится... преступномъ—я ее не подозрѣваю... И васъ также,—прибавилъ онъ иронически,—но вы были, кажется, ея просвѣтителемъ... открыли ей глаза на личность ея мужа.

На это онъ ничего не отвѣтилъ и вообще уклонился отъ всякаго „лишняго“ объясненія.

— Это ея дѣло! Но у насъ дѣти. Отнимать ихъ у матери я не желалъ бы; но ставить ихъ между отцомъ и матерью, другими словами, омрачать ихъ лучшіе годы — безъ серьезной причины—врядъ-ли похвально, не говоря уже о той нечистоплотной процедурѣ, которая, по нашимъ законамъ, связана съ разводомъ.

Вынесъ онъ такое впечатлѣніе, что этотъ самовлюбленный „субъективистъ“ не переживалъ ничего трагическаго. Всего замѣтнѣе то, что тщеславію Лодыгина нанесенъ жестокій ударъ, что жена его „раскусила“.

По возвращеніи Марьи Ѳедоровны, онъ видѣлся съ нею раза два, урывками, при постороннихъ. Но она дала ему понять, что скоро все должно рѣшиться. Говорила она и о Парижѣ—на вторую половину зимы.

Провожая его, въ послѣдній его визитъ, до передней, она сказала ему съ удареніемъ:

— Намъ бы надо съ вами обширно потолковать.

— Душевно радъ!—отвѣтилъ онъ и, дѣйствительно, притаился.

— Такъ вы на всю зиму? — спросилъ Бучаевъ Марью Ѳедоровну, принимая отъ нея чашку чаю.

Они сидѣли въ ея кабинетѣ.

Все было такъ же убрано, какъ и годъ назадъ. Комната—въ матеріяхъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Много этюдовъ и рисунковъ. Мебель зеленоватая, въ новомъ стилѣ. Диванчикъ — въ углубленіи стѣны, гдѣ стоитъ и чайный столикъ. Мольбертъ—въ углу, пустой. Два букета—сирени и лилій—въ другомъ углу.

Хозяйка—въ черномъ гренадиновомъ платьѣ-мѣшкѣ, съ косой, зачесанной, на маковкѣ, живописнымъ узломъ, съ полуоткрытыми рукавами. Лицо у нея сегодня особенно интересно, но блѣднѣе обыкновеннаго. И глаза какъ будто немного впали.

Мужа ея нѣтъ въ Москвѣ. Онъ уѣхалъ защищать куда-то на югъ, на очень громкій аграрный процессъ.

— Да, на всю зиму, Николай Сергѣевичъ,—замедляя темпъ рѣчи, выговорила она.—И часть весны захвачу. Тамъ такъ хорошо ранней весной и позднѣе, къ маю, когда зацвѣтутъ глициніи по стѣнамъ и на балконахъ. Вы вѣдь живали тамъ?

— Живалъ.

— Гдѣ? Въ Алупкѣ?

— И въ Алупкѣ, и въ Гурзуфѣ, и въ Ялтѣ. По моему, довольно-таки противна эта россійская Ницца.

— О, да! Ялта въ разгаръ сезона—отвращеніе!

— Ихъ степенства московскія династіи...

— Ха, ха!

Она было-засмѣялась и тотчасъ же смолкла.

Ея взглядъ остановился на немъ. Но онъ сидѣлъ съ опущенной головой и отхлебывалъ изъ чашки маленькими глотками.

Имъ обоимъ было неловко; но онъ это чувствовалъ больше и замѣтнѣе, чѣмъ она.

Объясняться имъ было не о чемъ. Вѣдь между ними не завязалось даже хорошаго флёрта. Онъ велъ себя слишкомъ безупречно. Какъ красивая и интересная женщина, она могла бы считать себя обиженной — будь она потщеславнѣе. Но у нея, все-таки, былъ противъ него маленькій „зубъ", хотя она и понимала прекрасно, что ему, до сихъ поръ, какъ бы совѣстно передъ ней. Отъ него пошелъ тотъ „разъѣдающій анализъ", который довелъ ее—жену и мать двоихъ дѣтей—до разрыва.

Бучаевъ поднялъ голову и спросилъ:

— Это житье въ Крыму, Марья Ѳедоровна, будетъ вродѣ искуса?

— Врядъ-ли, Николай Сергѣевичъ, — отвѣтила она, очень

простымъ тономъ.—Викторъ Петровичъ не желалъ бы всей этой нечистоплотной процедуры,—какъ онъ выражается.

— И онъ, быть можетъ, правъ.

О томъ, какъ Лодыгинъ говорилъ съ нимъ безъ нея, онъ не сказалъ ей ни слова.

— Но какъ же имѣть полную свободу? Вы сами знаете...

— Не по личному опыту.

— И не женитесь, Бучаевъ.

Рядомъ, въ столовой, раздались дѣтскіе голоса.

Вбѣжали мальчикъ и дѣвочка, какъ были—она въ салопчикѣ, онъ въ пальто, съ покрытыми головами.

Отъ нихъ пышало снѣжнымъ воздухомъ.

— Мама! Милая!

Дѣвочка первая бросилась ее цѣловать. Мальчикъ тоже потянулся.

— А поздороваться съ Николаемъ Сергѣевичемъ не надо развѣ?—остановила она.

Оба—по порядку—подали ему свои ручонки—еще въ варежкахъ; но онъ почуялъ, что эти дѣти какъ будто имѣютъ что-то противъ него. Точно они знаютъ, что отъ него все пошло... и если они не лишатся матери, то отецъ уже не будетъ съ ними жить, а потомъ, можетъ, явится и „второй папа“.

— Ну, идите... раздѣвайтесь.

Когда дѣти выбѣжали, Марья Ѳедоровна отставила свою чашку и откинулась на спинку дивана.

— И они вамъ останутся... нераздѣльно?—потише промолвилъ Бучаевъ.

— Надѣюсь.

Марья Ѳедоровна взглянула на него съ новымъ выраженіемъ.

— Пока все точно по старому. Но старое уже не вернется, Николай Сергѣевичъ. Говорю это безъ горечи. Но не правда ли, начни я изливаться какой-нибудь барынькѣ, изъ моихъ подругъ—меня каждая сочтетъ чуть не психопаткой.

— Будто ужъ и каждая?

— Я думаю. Адюльтера нѣтъ, побоевъ нѣтъ, ни малѣйшаго скандала. Нѣтъ даже охлажденія или дурного характера—incompatibilité d'humeur—какъ у французовъ. Будь это въ Парижѣ и я задумалась бы разводиться по французскимъ законамъ—это было бы очень трудно. Тамъ меня уже, конечно, всѣ бы признали... une folle... наши бабушки называли: „полудурья“.

И она тихо разсмѣялась.

Онъ ей не вторилъ.

— Я никого не виню,—продолжала она, точно думая вслухъ.— Онъ—такой! Надо было раньше разглядѣть его... какъ сдѣлали вы. Вотъ и все! Я и сама не знала, что я такая... какъ бы это сказать... прямолинейная.

— Можетъ, это къ худу?

— Бучаевъ! Вы ли это говорите?

Она даже покачала головой.

— Женщинѣ трудно... срывать маски,—выговорилъ онъ, поглядѣвъ на нее пристально.

— Другими словами, она обречена на вѣчные компромиссы?

— Пожалуй.

— Даже если предметъ ея анализа—и не мужъ, не герой ея романа?

— Тутъ менѣе опасно... а все-таки...

— Не со всѣми мужчинами, Бучаевъ... вы, напримѣръ... вотъ мы съ вами прощаемся. Когда опять столкнемся—не знаю. я могла, на свободѣ, изучать васъ. Помните... разговоръ въ бесѣдкѣ, когда Лодыгинъ сталъ вамъ ставить вопросные пункты. Нельзя сказать, чтобы вы тогда „притаились".

Это его кольнуло; но онъ промолчалъ.

— Но, право, вы для меня, до сей минуты, нѣчто вродѣ таинственнаго незнакомца.

— Не такъ, какъ для четы Зубровыхъ.

— А для нихъ кто вы?

— Эмиссаръ подпольнаго комитета.

— Нѣтъ,—она вдумчиво прищурила глаза.—Нѣтъ,—протянула она,—вы совсѣмъ не то. Но и не дилеттантъ-наблюдатель... не скептикъ... Только вашъ часъ еще не пробилъ.

— Это было бы слишкомъ претенціозно, Марья Өедоровна. Такъ о себѣ говорилъ только... Учитель изъ Назарета.

— Ваша любимая поговорка: „карты на столъ"! Еслибъ вамъ самимъ кинули ее прямо въ глаза—вы бы, пожалуй, и раскрыли эти самыя карты. Но врядъ-ли бы это много подвинуло того или ту, кто бы сталъ къ вамъ приставать.

— Какая вы умница!—тихо сказалъ онъ.

— Полноте... Всѣ мы... женское сословіе, въ сущности, жалкій народъ.

И, выпрямившись, она спросила другимъ тономъ:

— Въ Крымъ вы не соберетесь? А тамъ славно... Только надо выбрать уголокъ. Вы видали вещи Васильева? Такой былъ пейзажистъ.

— Не помню.

— И умеръ тамъ... чахоткой. Такой талантливый и душевный. Какія писалъ чудесныя письма! Мнѣ бы хоть частицу его таланта.

Она подавила вздохъ.

— Всѣ вы, мужчины—каковы бы вы ни были—куда занимательнѣе насъ.

— Аминь!—шутливо выговорилъ онъ.

Имъ обоимъ стало вдругъ очень грустно.

IV.

Въ дешевомъ ресторанѣ—позади Большого театра—такая же дешевая публика, почти изъ одной молодежи, нахлынула разомъ изъ четырехъ театровъ.

За однимъ изъ дальнихъ столиковъ второй комнаты Бучаевъ засѣдалъ съ своими двумя собесѣдниками — студентомъ и студенткой. Онъ съ ними разговорился „на верхахъ“ Новаго театра, гдѣ, въ этотъ вечеръ, шелъ не драматическій спектакль, а опера, съ теноромъ, любимцемъ публики.

Ресторанъ уже начиналъ пустѣть; но все еще по немъ ходили волны дыма. Изъ первой комнаты доносились голоса подгулявшей компаніи.

Студентъ былъ въ рубашкѣ-косовороткѣ и разстегнутой тужуркѣ, уже немолодой, бородатый, съ копной волосъ, изъ такихъ, въ комъ сразу можно признать члена какого-нибудь землячества.

Его спутница—онъ пришелъ съ нею и въ театръ — также смотрѣла типичной слушательницей какихъ-нибудь курсовъ, въ короткихъ, свѣтлорусыхъ волосахъ, въ кофточкѣ мужского покроя, еще юная, съ красивыми карими глазами, очень близорукая, но не въ очкахъ.

Бучаеву не трудно было распознать въ нихъ нѣчто ему прекрасно знакомое. Въ антрактѣ они разговорились, и не объ оперѣ, не о голосахъ, не о тенорѣ, которому молодежь неистово хлопала и такъ же неистово вызывала его послѣ каждаго дѣйствія, а сейчасъ же о разныхъ „злобахъ дня“.

Почти сутокъ не проходило, чтобы онъ не велъ разговоровъ съ молодежью, то здѣсь, то тамъ; но у него не было никакого своего кружка. Онъ и въ студенческіе годы не выносилъ никакого закрѣпощенія кружку, землячеству, партіи, доктринѣ. И

тогда уже онъ выработалъ себѣ большое умѣнье сходиться, въ бесѣдахъ, съ самымъ разнохарактернымъ людомъ. Онъ не поддакивалъ умышленно, не выспрашивалъ съ цѣлью вытянуть у собесѣдника его profession de foi; онъ только не отталкивалъ его ничѣмъ слишкомъ прямолинейнымъ и авторитетнымъ, прекрасно умѣлъ слушать и только тогда возражалъ, когда выходило что-нибудь „противъ логики".

Одинъ его товарищъ давно сказалъ ему: „Слушай, Бучаевъ, не знай я тебя такъ давно и такъ хорошо, я бы сталъ думать, что ты—„агентъ-провокаторъ".

Они оба засмѣялись; но самому Бучаеву не разъ приходило на мысль, что его могли бы, пожалуй, заподозрить въ принадлежности къ такой профессіи.

Въ матеромъ студентѣ-медикѣ, сидѣвшемъ противъ него, за кружкой пива, онъ сразу зачуялъ апостола „экономическаго матеріализма" чистой воды. И онъ, дѣйствительно, оказался начетчикомъ по Марксу и суровымъ теоретикомъ, съ непоколебимой вѣрой въ непреложность доктрины учителя.

Курсистка—его пріятельница—была совсѣмъ не той „платформы". Повидимому, они стали сходиться только въ эту зиму. Кажется, и любовнаго влеченія тутъ не было. Медикъ держался съ ней тона старшаго брата, достаточно пожившаго и болѣе начитаннаго. Это ее немного задѣвало, и она отстаивала—довольно забавно—свои „самоопредѣленія"—ея любимое слово.

По нѣсколькимъ фразамъ, въ началѣ ихъ ужина, Бучаевъ догадывался, что она уже побывала за-границей, гдѣ-нибудь „въ теплыхъ мѣстахъ", и здѣшнимъ своимъ ученьемъ была недовольна, да, кажется, и смотрѣла на лекціи только какъ на средство участвовать „въ движеніи".

Медикъ сказалъ Бучаеву, что видалъ его въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему называли его по фамиліи. Онъ считалъ его, кажется, беллетристомъ; но разспрашивать его не сталъ. Дѣвица была тоже нелюбопытна. Для нея, вѣроятно, довольно было того, что онъ—„изъ интеллигенціи".

— Ахъ, Макаровъ!—вскричала курсистка, послѣ длинной тирады студента.—Вы застыли на книжныхъ формулахъ.

— Скажите, пожалуйста!—шутливо остановилъ ее медикъ и покачалъ своей лохматой, огромной головой.

— Разумѣется! Теперь или никогда надо дѣйствовать, а не дожидаться результатовъ классовой борьбы.

— Зачѣмъ же дожидаться? Она идетъ теперь на всѣхъ парахъ. Но всякое движеніе подчиняется извѣстнымъ соціологическимъ законамъ. Надо его осмыслить, упорядочить.

— Поѣхали!—воскликнула дѣвушка, съ жестомъ правой руки.—Теорія у меня, и не у одной меня, въ зубахъ завязла, Макаровъ! Вотъ что̀ я вамъ скажу! Развѣ не правда?—обратилась она къ Бучаеву.—Скажите!

— Пожалуй и такъ!—промолвилъ онъ.

— И вездѣ-то теорія! Разныя тонкости и хитросплетенія, законы развитія!—она повела ртомъ съ комической гримасой.— Слушаешь, слушаешь—одурь возьметъ! Ужъ я про здѣшніе курсы не говорю. А и за-границей также.

— А вы долго тамъ были?—спросилъ Бучаевъ.

— Три семестра. Въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Новомъ Вольномъ, и въ Русской школѣ. Захаживала и въ Сорбонну, и въ Collège de France. Но возьмемъ даже и Nouvelle Université libre. Считается самымъ что ни на есть... какъ бы это сказать?..

— Разрывнымъ?—подсказалъ студентъ.

— Ну, да. Первая знаменитость по части анархизма... вы знаете, кто?—она оглядѣла обоихъ:—а читаетъ географію. Ходила изъ принципа. Старецъ-то ужъ очень симпатиченъ. И пострадалъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ въ изгнаніи... Выйдетъ на каѳедру, такъ тепло скажетъ каждый разъ: „Mes frères!“ Но развѣ намъ географія нужна? Ха, ха! Скажите на милость!

Всѣ трое разсмѣялись.

— Вы, небось, слушаете его, да думаете: „Милый старичокъ, полно тебѣ меледу-то эту разводить. Научи ты насъ лучше— какъ похерить всѣ теперешніе общественные и политическіе порядки!“

Студентъ громко разсмѣялся своимъ собственнымъ словамъ. Дѣвушка тоже улыбнулась.

Бучаевъ оглядѣлъ комнату. За однимъ столомъ сидѣли два какихъ-то индивида, неопредѣленнаго званія.

Онъ наклонился къ студенту и сказалъ въ полголоса:

— А васъ не стѣсняетъ то, что мы въ такомъ мѣстѣ?

— Насчетъ сикофантовъ? Такъ вѣдь если черезчуръ остерегаться—нигдѣ рта не раскрывай. Все едино. Вездѣ теперь этой нечисти завелось видимо-невидимо. Поди, и среди женскаго пола?—спросилъ онъ у дѣвушки.

— Не знаю доподлинно... но весьма можетъ быть. За-границей—навѣрное. И я могла бы вамъ кое-что поразсказать.

— Значитъ, и на лекціяхъ?—спросилъ студентъ.

— Въ Парижѣ всего возможнѣе. Но не будемъ, господа, уклоняться отъ главной нашей темы. И за-границей, и въ русской школѣ также... есть люди съ большой ученостью. И по направленію ничего,—протянула она,—но настоящей сути все-таки же нѣтъ...

— Въ какомъ смыслѣ?—очень осторожно остановилъ ее Бучаевъ.

— Ну, читаютъ курсъ что-ли тамъ, по соціологіи, по экономикѣ... Какіе тамъ фламандскіе или итальянскіе города развивались въ пятнадцатомъ столѣтіи...

— А вашему брату совсѣмъ не это надо!—опять перебилъ студентъ.

— Разумѣется... не это!

— А ты, молъ, милый человѣкъ, дай намъ лучше рецептъ насчетъ того—какую намъ пустить тактику для осуществленія своей платформы? А исторической иллюстраціей могутъ тебѣ послужить примѣры атамана Разина или Емельки Пугачева.

— Вы все свое!

— А развѣ не вѣрно? Вотъ—указалъ на нее студентъ Бучаеву—и все такъ у женскаго пола! Боятся словъ, именъ и самой сути. Но вѣдь, добрѣйшая Настасья Петровна,—повернулся онъ къ дѣвушкѣ,—прежде чѣмъ что-либо разрушить, надо знать ходъ развитія извѣстнаго учрежденія.

— Довольно книжекъ!—вскричала дѣвушка.—Это только парализуетъ волю! И что̀ мнѣ, въ сущности, за дѣло, что нѣсколько сотъ лѣтъ пошло на то, чтобы развилось и укоренилось какое-нибудь безобразіе, которое надо стереть съ лица земли? Все это одна безплодная, педантская ученость! Стоило ли копаться въ прошломъ, чтобы констатировать—какъ человѣчество было глупо и какъ оно, по доброй волѣ, надѣвало на себя цѣпи и дѣлало жизнь адомъ?..

Глаза ея заблестѣли и щеки разгорѣлись. Бучаеву она очень нравилась, въ эту минуту.

— Ахъ, Настасья Петровна!—студентъ покачалъ головой:—такъ, по вашему, исторію-то человѣчества можно похерить однимъ почеркомъ пера или одной хорошей соціальной пертурбаціей? Такъ тогда лучше уже, какъ у Ломоносова, кажется, говорится въ одной одѣ:

„Иль тяготой земли тряхнуть,
Да-бъ беззаконныхъ съ ней сопхнуть“.

— Или,—добавилъ Бучаевъ,—продѣлать изверженіе Лысой горы на Мартиникѣ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ...

И, какъ бы перебивая самого себя, онъ повернулся къ дѣвушкѣ и продолжалъ, глядя на нее съ сочувственной улыбкой:

— И васъ я понимаю. И, право, не знаю, что лучше: быть сторонникомъ пропаганды... par le fait..., или все гнуть только къ тому, чтобы держаться упорно тѣхъ или иныхъ выводовъ доктрины?..

— Они,—указала дѣвушка на студента,— книжники и фарисеи!

— Ужъ будто и фарисеи? Мы-то?

— А книжники—это тысячу разъ вѣрно. Да и фарисейской въ васъ непогрѣшимости—цѣлый непочатой уголъ. И вы, еслибъ молились, тоже бы приговаривали: „Смотрите, я не такой, какъ вонъ тотъ мытарь. Мы—праведники, мы—глашатаи безусловной истины!“ Такъ то-съ!

Эта горячая тирада, сказанная однимъ духомъ, грозила вызвать одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, какіе Бучаеву приходилось слушать и въ Россіи, и за-границей, въ русскихъ кружкахъ, сотни, если не тысячи разъ.

— Ну, мы книжники... а вы кто? Развѣ это не высокомѣріе—считать всѣхъ, кто не хочетъ становиться въ ваши ряды, такой же дрянью, какъ и буржуа, эксплоататоры, гасильники, душители народной свободы?

— Такъ вѣдь и вы твердите: „все на смарку“!

— Что все-то? Надо различать. Да и это невѣрно.

— Какъ невѣрно?

— Мы говоримъ: происходитъ неизбѣжная эволюція экономическихъ фактовъ. Капиталъ овладѣлъ орудіями производства...

— Слышали, Макаровъ, слышали мы это!

— Послушайте еще разъ! Выше желѣзнаго закона эволюціи—не прыгнешь! И чѣмъ сильнѣе разростется могущество капитала, тѣмъ скорѣе ему крышка!

— И это знаемъ! А въ настоящій моментъ,—нервно возразила дѣвушка,—и этотъ моментъ можетъ продлиться еще сто и больше лѣтъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и у насъ—вы будете созерцать, какъ буржуи жирѣютъ, дѣлаются милліардерами; а пролетаріи—все въ роли ихъ илотовъ, паріевъ.

— Зачѣмъ, барышня, зачѣмъ? У пролетаріевъ крѣпнетъ классовое чувство, и борьба идетъ исполинскимъ шагомъ впередъ. Точно вы этого не знаете?

— Борьба? Мышеловка! Иллюзія! Всѣ ваши стачки... и всеобщія забастовки—обманъ! Еще вопросъ: полезны ли онѣ самимъ пролетаріямъ?

— А вы отрицаете ихъ значеніе?

— Я этимъ не занимаюсь. Не вторгаюсь въ вашу спеціальность; но кое-что читала. Да и вообще, это еще старушка надвое сказала: много ли толку въ томъ, что ваша братія побѣждаетъ на выборахъ?

— Что за притча? Не понимаю!—крикнулъ студентъ.

— А нѣмецкій рейхстагъ? Вотъ вамъ и всеобщая подача голосовъ... Вотъ вамъ и побѣда соціалъ-демократовъ. Сколько ихъ теперь тамъ?

— Человѣкъ восемьдесятъ!—подсказалъ Бучаевъ.

— Вонъ видите!

— Больше, чѣмъ гдѣ-либо, чѣмъ въ Парижѣ, въ Италіи, въ Бельгіи.

— А какой толкъ? Въ этомъ самомъ рейхстагѣ большинство все-таки стоитъ за мракобѣсіе и сословный духъ, роль играютъ аграріи и клерикалы... Небось вы не будете этого отрицать?

Она подалась головой къ студенту и вызывающе глядѣла на него.

— Дайте срокъ! Сегодня восемьдесятъ человѣкъ, а черезъ десять лѣтъ и всѣ двѣсти, и такъ далѣе.

— По пословицѣ: „Улита ѣдетъ, скоро ли будетъ“! А, пока, вы будете сидѣть и подсчитывать статистическія цифры и разводить антимонію насчетъ законовъ соціальнаго развитія? Ха, ха! Головастики вы, господа! Вотъ что! Книжники...

— И фарисеи!—дурачливо добавилъ студентъ.

Но сквозь шутливый тонъ студента Бучаевъ чувствовалъ, что ему непріятно такое отношеніе къ доктринѣ „учителя“.

— Друзья мои,—обратился онъ къ нимъ обоимъ.—Позвольте мнѣ повторить стихъ изъ „Горе отъ ума“:

„Зашла бесѣда наша за ночь“!

И здѣсь врядъ-ли очень удобное мѣсто для такого принципіальнаго спора!

Все тѣ же два индивида сидѣли въ сторонѣ и пили пиво.

Студентъ и курсистка оглянулись на нихъ разомъ.

— Не суть важно! — выговорилъ студентъ.— А, кажется, часъ уже поздній?

Бучаевъ посмотрѣлъ на часы.

— Сорокъ второго... Скоро и заведеніе будутъ закрывать. Надо спросить счетъ.

Онъ подозвалъ человѣка.

— Счетъ пополамъ?—сказалъ въ полголоса Бучаевъ, наклоняясь къ студенту.

Дѣвушка услыхала это.

— Почему же не на три части?—все такъ же возбужденно возразила она.—Меня не считаете отдѣльной особой, а только придаткомъ къ какому-нибудь мужчинѣ? Я протестую.

— Ну, ладно!—успокоилъ ее студентъ.

Пока человѣкъ ходилъ за счетомъ, Бучаевъ, точно входя въ роль председателя, сдѣлалъ вслухъ выводъ изъ пріятельской схватки.

— Выходитъ, стало быть,—началъ онъ,—что вамъ трудно столковаться, господа.

— Время терпитъ!—вставилъ студентъ.

— Вы хотите сказать, что ваша знакомая... придетъ къ тому, что гораздо вѣрнѣе и разумнѣе — создавать новый порядокъ вещей, справляясь съ экономической эволюціей, чѣмъ сразу превратить все въ tabula rasa...

— А вы сами какого мнѣнія?—остановила его дѣвушка и довольно строго поглядѣла на него.

Въ ея внезапномъ вопросѣ ему вспомнилось обращеніе къ нему гимназиста Тыквина.

„Карты на столъ!“—мысленно выговорилъ онъ.

— Развѣ это такъ важно?—спросилъ онъ, сдержанно улыбнувшись.

— Все-таки!..

— Въ другой разъ... и въ другомъ мѣстѣ, если позволите, мы вернемся къ той же темѣ... Я надѣюсь, мы бесѣдуемъ не въ послѣдній разъ... Но позвольте мнѣ только одно замѣчаніе... вотъ такого шатуна, какъ я, способнаго сочувственно относиться къ каждому искреннему убѣжденію. Вѣдь, кажется, васъ разъединяетъ чуть не цѣлая пропасть?

— Вродѣ того!—откликнулась первая дѣвушка.

— А между тѣмъ, между вами есть мостикъ, объединяющій двѣ такія доктрины.

— Любопытно узнать, какой такой мостикъ?—спросилъ съ юморомъ студентъ.

— И вы—сторонникъ экономической эволюціи...

— И борьбы съ капиталомъ,—прибавилъ тотъ.

— Ну да, ортодоксальный соціалъ-демократъ... И вотъ эта особа—Бучаевъ указалъ головой на курсистку—въ концѣ концовъ питаетесь одной и той же вѣрой.

— Какой это еще вѣрой?!—воскликнула она.

— Вѣрой въ то, что какъ только восторжествуетъ ваша доктрина, начнется для рода человѣческаго настоящее Эльдорадо.

„Но этого мало. Вы такая умница и такая сильная натура, что я съ трепетнымъ интересомъ способенъ былъ бы слѣдить за тѣмъ—*что изъ васъ будетъ*—простите за рѣзкость фразы,—какъ вы *додѣлаете* себя, дойдете ли до полнаго расцвѣта своего „я“, избѣжите ли новаго подводнаго камня, въ образѣ *его*—„луи“ какъ называютъ въ Италіи предметъ своего увлеченія.

„Не надо! Не надо! Лучше одиночество или даже разсудочный, спокойный союзъ на договорномъ правѣ, лучше супружество, вродѣ того, какимъ кончила тургеневская Одинцова, чѣмъ та ужасная „галера“, въ которую попадаетъ женщина, безумно вѣрующая въ то, что счастье—только въ любви!

„Сколько въ моей памяти примѣровъ?! Нѣтъ числа! И нѣтъ для женщины возможности быть самой собою до тѣхъ поръ, пока этотъ роковой инстинктъ не замеръ въ ней.

„Но возможно ли это?

„Не берусь отвѣтить. Но молю боговъ объ одномъ: если жизнь гдѣ-нибудь столкнетъ насъ, хочу найти васъ *внутренно свободной*, живущей во всемъ и всегда на свой страхъ... наши старики говаривали: „на свой салтыкъ“.

„Когда это будетъ? Не знаю. Не буду интересничать, скажу откровенно: меня сильно потянетъ туда, гдѣ Язонъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ обрѣлъ и Медею. Но это было бы слишкомъ скоро! Какъ мой профессоръ химіи, передъ перерывомъ лекцій, неизмѣнно говорилъ: „Wollen wir ein Bischen pausiren“?

„Такъ и мы съ вами... Да вы, быть можетъ, и не пожелаете совсѣмъ, даже и черезъ иксъ времени—лицезрѣть вашего „подстрекателя“. Вѣдь это такъ называется въ русскомъ уложеніи?

„Важнѣе всего то, что вы „прозрѣли“, и великолѣпный Викторъ Петровичъ уже не будетъ властителемъ вашихъ думъ.

„Я написалъ это безо всякой злости. Какіе между нами счеты?.. Предоставляю ему цѣнить меня, какъ ему угодно. Быть можетъ, и онъ считаетъ меня чуть не агентомъ-провокаторомъ“?

„Но довольно! Здоровья тѣла и духа горячо желаю вамъ...

„Прощайте! Нѣтъ, лучше: до свиданья, хоть и не до скораго.

„Вашъ—Н. Бучаевъ“.

Рука Марьи Ѳедоровны, въ которой былъ листокъ, опустилась на колѣни... А лѣвой рукой она прошлась по глазамъ и опустила голову.

Въ буфетѣ на станціи сновала публика. За длиннымъ столомъ и по бокамъ ѣли, пили, курили, громко разговаривали.

У окна, сидѣли, другъ противъ-друга, Бучаевъ и Марья Ѳедоровна.

Она уже отправила дѣтей съ бонной въ отдѣленіе вагона, занятое ею.

До второго звонка оставалось еще добрыхъ четверть часа.

Бучаевъ встрѣтилъ ее на подъѣздѣ вокзала. Она почти-что не ожидала его и даже сказала ему суховато:

— Зачѣмъ вы безпокоились?

Онъ взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ упрекомъ и поцѣловалъ ей руку, чего обыкновенно не дѣлалъ.

Но, кажется, ей было пріятно, что онъ все-таки пріѣхалъ проститься съ нею.

Когда они остались вдвоемъ за столикомъ и имъ подали двѣ чашки кофе, Бучаевъ сдѣлалъ намекъ на свое письмо, немного какъ бы сконфуженнымъ тономъ, но распространяться объ этомъ не сталъ.

— Вамъ, Николай Сергѣичъ,—начала она, не поднимая на него головы,—пора бы пустить корни.

— Ужъ не жениться ли?—остановилъ онъ.

— Нѣтъ!—Вовсе не то, а осѣсться здѣсь... или въ другомъ мѣстѣ. Люди такъ нужны.

— Но я-то буду не ко двору, Марья Ѳедоровна.

— Почему?

— Какъ будто вы сами не знаете? Надо приставать къ какой-нибудь award кликѣ.

— Непремѣнно къ кликѣ...

— А то какъ же?.. Я, должно быть, родился... бѣгуномъ, странникомъ. Вы знаете—такая есть секта?

— Но неужели вы можете жить только... какъ наблюдатель?..

— И рисковать, что васъ наконецъ будутъ подозрѣвать—не предаетесь ли вы ремеслу соглядатая, сикофанта?

— Чтò вы!

— Очень возможно. Я ни въ сихъ, ни въ оныхъ, Марья Ѳедоровна. Попаду въ одинъ кружокъ, съ которымъ, въ идеяхъ и принципахъ, имѣю много общаго — и сейчасъ же мнѣ бросается въ носъ ихъ нетерпимость, доктринерство, и мнѣ хочется показать имъ—какіе они тупицы и фанатики... Точно то же чувствую и среди ихъ противниковъ.

— Нельзя же такъ!.. Да я вамъ и не вѣрю. Вы потому выдаете себя только за... какъ бы это сказать... за созерцателя, что ваше credo слишкомъ радикально.

— Не употребляйте этого слова. Не хочу никакой клички!

И вамъ никакой не желаю, хотя и удобнѣе выбрать себѣ ярлыкъ, лозунгъ и прощеголять съ нимъ весь свой вѣкъ.

Оба они чувствовали, что ихъ прощальный разговоръ—совсѣмъ не то, что̀ имъ хотѣлось бы сказать другъ другу.

Если онъ не испытывалъ никакого перелома въ своей бродячей жизни, то она, въ принципѣ, уже разорвала съ своимъ прошлымъ. Можетъ быть, онъ не совсѣмъ этому вѣритъ—и такая мысль сильно бы обидѣла ее. Ей и захотѣлось увѣрить его въ томъ, что она — не нервная, взбаломошная барыня, которой нужно что-нибудь новое, по любовной части... что къ мужу она дѣйствительно не вернется и „пойдетъ въ жизнь“ одна, не создавая себѣ никакого кумира, въ видѣ такой „цацы“, какъ е *бывшій* супругъ.

Ей показалось, что глаза его усмѣхались.

— Бучаевъ,—нервно начала она,—вы, кажется, думаете, что мой отъѣздъ — такъ... une escapade... и что я попрыгаю, попрыгаю — и вернусь къ тому же домашнему очагу? Скажите прямо!

— Нѣтъ, я этого именно не думаю, Марья Ѳедоровна, н вамъ все-таки надо будетъ окунуться во что-нибудь, какъ каждой женщинѣ. Что-жъ! У васъ есть искусство...

— Какъ вы это сказали!

— Совершенно искренно. Не всѣ имѣютъ такой козырь в своей рукѣ. У васъ есть талантъ, вы любите природу, вы найдете свою ноту въ ея художественномъ толкованіи.

— Но вѣдь нельзя себя отрѣшить отъ всего. Я не декадентка. Отъ жизни не уйдешь. Да я и не хочу уходить отъ не

— Да, не уйдете... если не захотите впасть въ какое-нибудь маньячество, воздѣлывать только свое „я“.

Онъ подался впередъ головой.

— Бѣдовое это дѣло, Марья Ѳедоровна... переоцѣнка всѣх цѣнностей. Вотъ, одну статью вы покончили. Но остается ещ десять такихъ же статей, съ которыми надо такъ или инач порѣшить. Первое — то, что̀ вы собою изображаете въ смысл классоваго чувства.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ.

— А то какъ же? У васъ есть собственныя средства?

— Есть.

— Но, если не ошибаюсь, вы не выдѣлены? У васъ ес пай въ мануфактурномъ дѣлѣ вашихъ братьевъ?

— Да.

— Стало быть, вы представляете собою капиталъ. Вотъ вам

и классовое чувство. И тутъ надо быть по сю или по ту сторону соціальной пропасти.

— Зачѣмъ такъ страшно?

— Будто вы никогда объ этомъ не думали?

— Думала.

— Но ни до какого итога не доходили? Тутъ вѣдь на полумѣрахъ и на полусловахъ остановиться нельзя. Захотите дойти до сути — надо будетъ сжигать корабли.

— Ахъ, Бучаевъ! Вы—ужасный человѣкъ! Развѣ можно рѣшить это сейчасъ, вотъ до отхода поѣзда?!

— Зачѣмъ такъ скоропостижно? Но душевное равновѣсіе до тѣхъ поръ не наступитъ, пока мысль не выѣстъ всѣхъ противорѣчій и компромиссовъ. Иначе самообманъ неизбѣженъ. Вѣдь вы хотите во всемъ идти до конца. Положеніе вашего эксъ-супруга Виктора Петровича—гораздо выгоднѣе. Онъ имѣетъ право смотрѣть на себя, какъ на пролетарія.

— Хорошъ пролетарій!

— Позвольте... Разница количественная. Онъ работаетъ по найму... у него нѣтъ рабочихъ. Онъ не сидитъ на капиталѣ. Вдобавокъ, онъ можетъ и отказываться отъ гонорара.

— Если ему это выгодно.

— Все равно. Вотъ, въ настоящую минуту, что̀ онъ дѣлаетъ?

— Защищаетъ.

— Но по какому дѣлу?

— Не знаю, — съ гримасой выговорила она.

— А я знаю! Дѣло о стачечникахъ, очень серьезное, по которому двадцать и больше человѣкъ могутъ пойти въ Сибирь. И онъ ихъ защищаетъ. Допустимъ, это онъ дѣлаетъ для своей славы; но все-таки онъ будетъ громить хозяевъ. Онъ преисполненъ, за своихъ кліентовъ, классоваго чувства. Предположимъ, что стачка съ разгромомъ случилась на мануфактурѣ вашихъ братьевъ, гдѣ вы пайщица. Какова была бы ваша платформа, Марья Ѳедоровна!

Она замѣтно вспыхнула.

— Зачѣмъ все это, Бучаевъ? Неужели вы думаете, что я способна...

— Стоять за хозяйскую эксплоатацію? Но тогда вамъ надо войти въ дѣло или уйти изъ него, и не просто, продавъ свой пай, а сдѣлавъ что-нибудь радикальное въ интересахъ рабочихъ.

И глаза его—можетъ быть, противъ воли—улыбнулись.

— Марья Ѳедоровна! Пожалуйте! Второй звонокъ! — раздался отъ двери зовъ бонны.

Оба встали.

— Продолженіе слѣдуетъ,—сказалъ онъ, подавая ей руку,

— Прощайте, Бучаевъ... Развѣ вы злой? Приготовили мнѣ такой заключительный аккордъ.

— Клянусь вамъ, не нарочно!

Она заторопилась. Онъ пошелъ за ней на платформу.

Поѣздъ давно ушелъ. Бучаевъ ходилъ все по длинной платформѣ, подъ навѣсомъ.

Вышло что-то совсѣмъ неладное, и онъ стыдилъ себя за этотъ „прощальный“ разговоръ.

Съ какой стати началъ онъ его? Женщина милая, интересуетъ его, достойна особеннаго сочувствія, разорвала съ прошедшимъ, и въ этой разъѣдающей работѣ „подстрекателемъ“ былъ онъ. И онъ, на прощанье, сталъ обличать ее, какъ „буржуйку“, которая сама себя обманывала и, считая себя радикалкой, а то и соціалисткой, преспокойно продолжала получать дивидендъ съ своего пая.

Многіе изъ его парижскихъ пріятелей, даже изъ самыхъ крайнихъ, сказали бы:

„Vous vous êtes comporté comme un cuistre!“

Да, но такъ случилось безъ всякаго, съ его стороны, умысла. Все равно, встрѣться они позднѣе, черезъ годъ, черезъ два— „переоцѣнка цѣнностей“ всплыла бы въ видѣ вотъ такого же кореннаго вопроса общественной морали.

„Разочароваться въ своемъ мужѣ и уѣхать отъ него — это еще не все, милѣйшая Марья Ѳедоровна. Надо показать, насколько вы сами выше его“,—выговорилъ онъ мысленно и пошелъ къ выходу. А на сердцѣ что-то скребло.

VI.

Бучаевъ шелъ по Тверскому бульвару и сильно задумался.

Стоялъ сухой, солнечный день. Онъ только-что позавтракалъ, тутъ же, въ дешевомъ ресторанѣ, гдѣ всего больше бываетъ студентовъ.

Онъ хотѣлъ подсѣсть къ одной „компаніи“, гдѣ нашелъ одного знакомаго студента и одного „интеллигента“—изъ газетныхъ переводчиковъ, съ которымъ встрѣчался и въ прошлую зиму.

И тутъ вышло нѣчто несовсѣмъ ладное.

Студентъ протянулъ ему руку съ какой-то странной усмѣшкой. Газетный сотрудникъ, на его вопросъ:—„Мы съ вами встрѣчались?“ — ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой.

И ему неловко стало сказать имъ:

„Позволите присѣсть къ вамъ?“

Онъ тотчасъ же ушелъ въ дальній уголъ залы и сѣлъ за маленькій столикъ.

„Компанія“, къ которой онъ хотѣлъ подсѣсть, была очень шумная, когда онъ приближался къ ней. А тутъ они сразу спустили всѣ тонъ и стали говорить гораздо тише.

Двое изъ нихъ даже оглянулись на него, когда онъ уже сидѣлъ за столикомъ.

Это его сильно покоробило.

„Что̀ же это такое?“ — спрашивалъ онъ себя и минутъ съ пять сидѣлъ надъ картой, не находя глазами того, что̀ хотѣлъ бы заказать.

Лакей стоялъ надъ нимъ, недоумѣвая.

— Что̀ изволите заказать? — проговорилъ онъ наконецъ.

Бучаевъ заказалъ совсѣмъ не то, что̀ желалъ, и не сразу овладѣлъ собою.

Для него было несомнѣнно, что студентъ и его пріятель „интеллигентъ“ не пожелали принять его въ свою компанію.

Почему?

До сихъ поръ молодежь не сторонилась его. А тутъ чѣмъ-то другимъ запахло.

Неужели и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь пустилъ слухъ, что его надо остерегаться, потому что онъ—„подозрительная личность“?

Внутри у него даже захолодѣло. Это его взбѣсило. И былъ моментъ—онъ хотѣлъ встать, подойти къ тому столу и начать вышучивать студента, который такъ нелюбезно обошелся съ нимъ.

Но онъ сдержалъ себя и даже сдѣлалъ самому себѣ окрикъ:

„Что̀ за мальчишество, Бучаевъ!“

И какое же ему, въ сущности, дѣло до обоихъ этихъ „индивидовъ“, и до студента, и до того газетнаго „строчилы“?

Онъ дѣлается слишкомъ нервенъ... оттого, что зажился въ этой Москвѣ, гдѣ только болтаютъ въ разныхъ говорильняхъ, а вся гражданская жизнь сводится къ учебнымъ забастовкамъ.

Ничего, въ сущности, нѣтъ такого, къ чему стоило бы примкнуть. Въ вожаки онъ не собирался, даже еслибъ и выходило что-нибудь покрупнѣе. Надо непремѣнно поддѣлываться къ

„улицѣ“, какова бы она ни была, безграмотная или интеллигентная.

Поѣлъ онъ скверно, и когда спросилъ счетъ, то та компанія все еще сидѣла за столомъ, продолжая говорить настолько тихо, что отъ его окна трудно было схватывать и отдѣльныя фразы.

Онъ прошелъ черезъ буфетъ, чтобы не быть вынуждену поклониться студенту и газетному сотруднику.

И подъ впечатлѣніемъ этого, въ сущности пустѣйшаго, „инцидента“ онъ вышелъ на бульваръ, прошелъ, до самаго конца, по боковой аллеѣ, и опять сталъ подниматься къ памятнику Пушкина.

Ему—и туда, и назадъ—попадалась все молодежь, и въ студенческой формѣ, и штатскіе.

Впервые онъ началъ испытывать что-то похожее на непріязнь ко всѣмъ этимъ фигурамъ и лицамъ—и къ франтикамъ въ пальто изъ зеленаго сукна, и къ простецамъ въ косоворткахъ, даже въ красныхъ рубашкахъ, воротъ которыхъ выступалъ изъ-подъ воротниковъ, и къ очень долговолосымъ, и къ обстриженнымъ подъ гребенку.

И зачѣмъ ихъ столько? И почему они стали играть роль какой-то чуть не политической партіи? Точно будто всѣ судьбы родины сведены къ тому: желаютъ они ходить на лекціи или не желаютъ, устраиваютъ они обструкціи или нѣтъ?

Для него все это—только „продромы“ другихъ движеній. И то общество, которое предоставляетъ такую роль юнцамъ, этимъ самымъ показываетъ, какъ оно мало способно къ настоящему почину.

Подходя къ памятнику, онъ перебилъ себя вопросомъ:

Отчего же такія ворчливыя ноты явились у него именно теперь? Неужели оттого, что одинъ студентъ и одинъ „газетчикъ“ не пожелали пригласить его присѣсть къ ихъ столу?

Но и по прошествіи цѣлаго часа онъ все-таки не могъ отдѣлаться отъ подозрѣнія, что это было „не спроста“.

Какая-нибудь сплетня да опутываетъ его. И уже не со вчерашняго дня.

И онъ сталъ припоминать: о сколькихъ изъ его знакомыхъ, въ разные годы—и въ Россіи, и за-границей—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начиналось шипѣнье? Уликъ нѣтъ, фактовъ еще меньше; а человѣкъ зачисляется въ какой-то разрядъ...

„Сумнительныхъ“,—какъ говоритъ народъ. И никто не защищаетъ его, не возмущается голословностью такого подозрѣнія.

Въ заграничныхъ кружкахъ молодежи это всего чаще. А главная причина—роковая россійская склонность къ раздорамъ, взаимнымъ обличеніямъ, узкопартійному духу.

„Какъ ты смѣешь не признавать моихъ догматовъ? Не молиться на моего учителя, не повторять нашихъ формулъ?“

„Коли такъ,—ты человѣкъ непрочный. Кто тебя знаетъ, кто ты такой!“

И ему вспомнились безсознательно-циническія слова одного такого сектанта:

„Мнѣ нѣтъ дѣла до того, какой ты жизни человѣкъ; а ты прими мое credo. Согласись, что я безусловно правъ. Все остальное — вздоръ!“

Какъ же—на такомъ грунтѣ—не развиться маніи подозрѣній?

— А! Здравствуйте, добрѣйшій!

Этотъ возгласъ заставилъ Бучаева остановиться и поднять голову.

Передъ нимъ стоялъ Лодыгинъ, въ короткой шубѣ съ ильковымъ воротникомъ.

Лицо — свѣжее, румянецъ, глаза блестятъ, все съ той же снисходительной усмѣшкой на выразительныхъ губахъ.

— Здравствуйте.

Бучаевъ, подавая руку Лодыгину, оглядѣлъ его вбокъ.

— Какой вы сіяющій! Послѣ побѣды въ Кремлѣ?

— Нѣтъ. Я совсѣмъ изъ другого мѣста. А вы гуляете?

— Гуляю.

— Хотите покурить?

Лодыгинъ протягивалъ ему папиросницу.

Съ отъѣзда Марьи Ѳедоровны они не видались. Бучаевъ не заходилъ къ нему и былъ радъ, что не видитъ его. Но онъ не ожидалъ, что тотъ повстрѣчается съ нимъ съ такимъ видомъ. Ему захотѣлось даже сказать что-нибудь колкое.

— Спасибо, не хочется,—отвѣтилъ онъ суховато.

— Какъ угодно. Пройдемся немного. Погода прекрасная.

Молча, Бучаевъ согласился, и они стали, замедленнымъ шагомъ, удаляться внизъ по бульвару, отъ памятника.

Ясно было, что Лодыгинъ напускаетъ на себя полное душевное равновѣсіе, точно будто въ жизни его не случилось ничего особеннаго.

„Хлыщъ!—выбранился про себя Бучаевъ.—Комедіантъ!“

И тотчасъ же подумалъ:

„А, быть можетъ, онъ очень радъ? Чтò для него жена, даже и такая, какъ Марья Өедоровна?“

— Вы, конечно, знаете, что я теперь—соломенный вдовецъ?

— Знаю,—такъ же сухо промолвилъ Бучаевъ.

— Вы, вѣроятно, провожали Марусю?

И называетъ ее „Маруся“ такимъ тономъ, точно онъ и теперь еще „супругъ и повелитель“.

Подозрѣніе мгновенно охватило Бучаева: „А чтò, если и въ самомъ дѣлѣ никакого разрыва нѣтъ, и она къ нему вернется, какъ ни въ чемъ не бывало?“

Это защемило его сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Послушайте, Лодыгинъ — остановилъ онъ его, взявшись за пуговицу шубы,—зачѣмъ вы ломаете комедію?

— Я? Въ какомъ смыслѣ?

— Жена разорвала съ вами и уѣхала, съ тѣмъ, чтобы не возвращаться больше; а вы... съ такимъ легкимъ сердцемъ говорите о ней... Странно!

— Странно?—повторилъ Лодыгинъ.—А вы чего же желали бы, Бучаевъ? Чтобы я посыпалъ главу пепломъ... именно передъ вами?

— Зачѣмъ этотъ тонъ?

Они дошли уже до площадки, гдѣ кофейная.

— Присядемъ!—пригласилъ Лодыгинъ, все еще сохраняя свой довольный, улыбающійся видъ.

Бучаевъ сѣлъ съ нимъ на одну скамью.

— Вы вѣдь пріятель Марьи Өедоровны... — заговорилъ Лодыгинъ съ короткимъ смѣхомъ — и нѣкоторымъ образомъ ея вдохновитель. Стало быть, вамъ должны быть достаточно извѣстны мотивы ея рѣшенія.

И онъ, вбокъ, прищурился на него.

— А вамъ они не извѣстны?

— До сихъ поръ... не могу достаточно уразумѣть.

— И я—нервно спросилъ Бучаевъ—сыгралъ тутъ роль подстрекателя... съ тайнымъ умысломъ... Такъ что-ли?

Лодыгинъ, все съ той же улыбочкой, покачалъ головой, въ дорогой бобровой шапкѣ.

— Извините, добрѣйшій... Такихъ подозрѣній, ей-же-ей, не имѣю.

Тонъ былъ очень дерзкій; но Бучаевъ самъ себя счелъ виноватымъ: не слѣдовало заводить такого разговора.

— Другими словами,—сказалъ онъ,—я слишкомъ мало гожусь въ роль...

— Соблазнителя? Не знаю!.. Это вѣдь дѣло вкуса. Но Марья Өедоровна никѣмъ не увлечена... Я въ это вѣрю. У нея колобродитъ голова... а не сердце... и даже не темпераментъ.

— И вы увѣрены, что она къ вамъ вернется?

— Было бы безуміемъ—разбивать жизнь... Богъ знаетъ изъ-за чего!..

— Да-а, вотъ что̀!—протянулъ Бучаевъ и, не поднимая головы, выговорилъ какъ бы про себя:—Завидное ослѣпленіе!

— Чье?

— Ваше. Чье же больше?

— Прошу объясненія... Ха, ха!

— Зачѣмъ этотъ смѣхъ, Лодыгинъ?—строже остановилъ Бучаевъ.—Или онъ напускной, или циническій? Средины тутъ быть не можетъ. Вы сейчасъ сказали, что нельзя такъ, ни съ того, ни съ сего, разбивать жизнь. Чью? Позвольте узнать. Вашу? Врядъ-ли!

— Какъ же вы можете говорить за меня?

— Вы вѣдь жрецъ индивидуализма. Такой инцидентъ не можетъ надломить ваше великолѣпное „я“. Полноте! Не предавайтесь новому самообману.

— Прекрасно. А потомъ что̀?

— А Марья Өедоровна — насколько я ее понимаю — изъ тѣхъ женщинъ, которыя не пойдутъ на компромиссъ. Особенно, если вѣрно то, что она еще не любила.

— Какой же выводъ?

— Лодыгинъ! Мы здѣсь не въ залѣ Окружного Суда. Оставьте вы свои адвокатскіе фасоны! Я не вмѣшиваюсь въ ваши интимныя дѣла.

— И благоразумно умываете руки?

— Это уже совсѣмъ—некстати. Будь у васъ другая натура—я бы не простилъ себѣ, что—не желая того—вызвалъ въ вашей женѣ тотъ разъѣдающій процессъ, который кончился ея уходомъ. Но вѣдь это, рано или поздно, должно было случиться. А согласитесь, лучше раньше, чѣмъ съ опозданіемъ, когда женщина потеряла бы силу рвануть?..

— Спасибо за наставленіе.

— Еще разъ прошу васъ: оставить вашъ тонъ. А впрочемъ.. мнѣ все равно. Даже еслибъ вы стали доказывать, что я изъ низкой зависти сталъ подкапываться подъ вашъ супружескій пьедесталъ или мстилъ вамъ за то, что вы—за глаза—прохаживались насчетъ меня, дали мнѣ прозвище нео-Базаровъ. Я не обижаюсь. Базаровымъ, даже и не подлиннымъ, лучше быть, чѣмъ...

— Вы выпустите что-нибудь ядовитое, добрѣйшій. Не прекратить ли намъ этотъ коллоквій?

Бучаевъ сдержалъ себя, съ острымъ чувствомъ недовольства самимъ собою. Опять вышло что-то неладное, какъ и въ послѣднемъ его разговорѣ съ Марьей Ѳедоровной, въ буфетѣ вокзала.

Рѣшительно, онъ теряетъ равновѣсіе, дѣлается нервнымъ, точно какая истеричка. И впечатлѣніе, тамъ, въ ресторанѣ, было такое же болѣзненное, недостойное человѣка, который, какъ онъ, выше всего ставитъ „внутреннюю свободу духа".

— Извините, Лодыгинъ,—началъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—Все, что̀ я сейчасъ сказалъ, я беру назадъ. Никакихъ счетовъ между нами нѣтъ и быть не должно. Мы смотримъ другъ на друга строгонько... Это—право каждаго изъ насъ. Желаю вамъ выйти побѣдителемъ изъ той борьбы, какая завязалась у васъ дома. Русская женщина пробуждается только теперь. И намъ всѣмъ надо держать ухо востро̀!

И съ этими словами онъ всталъ. Поднялся и Лодыгинъ.

— Да и вообще, Бучаевъ, время—рѣзкое. И всѣ цѣнности идутъ на переоцѣнку.

Эта фраза опять напомнила ему послѣдній разговоръ съ Марьей Ѳедоровной.

— Вы еще помаячите здѣсь, на Москвѣ?—спросилъ Лодыгинъ, опять съ усмѣшкой въ острыхъ глазахъ.

— Пріѣдается эта московская солянка на сковородкѣ.

— Ха, ха! Сравненіе удачно! Именно солянка. Чего хочешь—того и проси; и квашеная ка̀пуста, и специи, и лимонъ, и куски севрюжки. Севрюжина...—протянулъ онъ съ особымъ выраженіемъ.—Помните у Щедрина: „Хочется чего-то, не то севрюжины, не то конституціи". Ха, ха!

Подавая Бучаеву руку, онъ выговорилъ интонаціей кореннаго москвича:

— Всего хорошаго!

Они разошлись въ разныя стороны. Лодыгинъ пошелъ скорой, легкой походкой внизъ; а Бучаевъ, дойдя до памятника, постоялъ съ минуту, глядя ему вслѣдъ.

Врядъ-ли они будутъ видаться. Къ чему? Опошливать отношенія, которыя, и безъ того уже, не то что для университетскихъ товарищей, а и просто для „добраго знакомства"—слишкомъ неподходящія.

Бучаевъ оглядѣлся кругомъ. Что-то близкое къ тоскѣ, никогда еще не испытанной имъ, подобралось внезапно.

„Московская солянка!"—беззвучно выговорилъ онъ.

VII.

На эстрадѣ было такъ же душно, какъ и въ залѣ. Электрическія лампочки рампы слѣпили Бучаеву глаза. Передъ нимъ, въ полусвѣтѣ, пестрѣла публика, гдѣ женскія головы и туалеты преобладали.

Зала была набита биткомъ. Вдоль стѣнъ стояли мужчины, и сзади, между стѣной и послѣднимъ рядомъ креселъ, все чернѣло отъ мужскихъ сюртуковъ.

За длиннымъ столомъ сидѣли—вправо и влѣво отъ докладчика — предсѣдатель и члены бюро. Позади, полукружіемъ — члены разныхъ коммиссій,—между ними и двѣ-три женщины.

Бучаевъ говорилъ по конспекту свободно, ни разу не сбился, но слишкомъ нервно—и самъ не былъ доволенъ и собою, и составомъ своей аудиторіи.

Зачѣмъ онъ согласился читать этотъ рефератъ?

Ужъ, конечно, не изъ тщеславія. Но у него была одна „завѣтная“ тема. Онъ о ней говорилъ съ пріятелемъ, изъ университетскихъ преподавателей, а тотъ—въ постоянныхъ сношеніяхъ съ директоромъ кружка—повезъ его туда, и ему сейчасъ же назначили день.

Рефератъ—съ преніями, какъ у нихъ водится. Это ему не очень понравилось; но иначе нельзя было сдѣлать.

Онъ не разсчитывалъ на особенно горячій пріемъ. И предвидѣлъ—откуда потянетъ противный вѣтеръ. Его тема должна была понравиться только самому избранному меньшинству.

Она не должна была понравиться ни эстетамъ, ни народникамъ, ни марксистамъ.

Когда онъ кончилъ, ему довольно жидко похлопали. Чуткое ухо референта распознало и звукъ, похожій на шиканье.

Предсѣдатель, извѣстный своей находчивостью, сказалъ ему въ полголоса:

— На всякое чиханье не наздравствуешься.

Бучаевъ ничего не отвѣтилъ и, во время короткаго перерыва, пошелъ курить. Публика оставалась больше въ залѣ.

Онъ присѣлъ къ столу и спросилъ себѣ стаканъ чаю.

Никогда еще онъ не чувствовалъ себя, въ многолюдствѣ, такимъ одинокимъ и чужимъ.

А вѣдь здѣсь все „интеллигенція“. Сколько молодежи—и самой юной! Онъ разсмотрѣлъ—въ заднихъ рядахъ и вдоль стѣнъ—

одѣтыхъ въ штатское гимназистовъ. И столько женщинъ — всякихъ, и въ модныхъ туалетахъ, даже въ бриллiантахъ, и въ самыхъ скромныхъ темныхъ платьяхъ, бѣдно и небрежно одѣтыхъ.

И между нимъ и этой „интеллигентной“ массой нѣтъ тока, который бы трепетно отдавался въ его душѣ, въ его мозгу. Для нихъ—совсѣмъ не того надо.

Онъ охотно удалился бы тотчасъ же вонъ отсюда... да это было бы непорядочно... и трусливо.

— А! Господинъ референтъ! Добраго здоровья!

Ему протягивалъ руку высокiй брюнетъ, съ просѣдью, въ бородѣ, въ длинномъ сюртукѣ, наклонившись надъ его столомъ.

— А! Докторъ! Вы были въ залѣ?

Бучаевъ обрадовался этой встрѣчѣ. Докторъ Сергѣевъ—его давнишнiй знакомый. У него давно своя лечебница по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и солидное имя по этой спецiальности.

— Присядьте, докторъ.

— Да вѣдь вамъ надо идти... на пропятiе?

— Успѣю.

Докторъ присѣлъ и закурилъ.

— Какъ себя чувствуете... передъ схваткой?

— Могу повторить возгласъ Чацкаго:

„И въ многолюдствѣ я затерянъ, самъ не свой...
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!“

Оба тихо разсмѣялись.

— Сказать вамъ откровенно, Бучаевъ...

— Пожалуйста.

— Вы... слишкомъ сами по себѣ. А наша публика... вотъ такая, какъ въ этой залѣ... хотя и состоитъ изъ элементовъ довольно-таки разношерстныхъ... но вся преисполнена иллюзiй. У каждаго свой конекъ. И всѣ мы—россiйскiе сектаторы...

— Какъ вы сказали?

— Сектаторы. Камня на камнѣ не оставимъ, когда разнесимъ существующiй порядокъ. Но вѣримъ, что если примутъ нашу формулу, наше credo... то всѣ превратятся въ ангеловъ и настанетъ Эльдорадо.

— Какъ это вѣрно!—вырвалось, со вздохомъ, у Бучаева.

— И вы, голубчикъ, имѣли смѣлость высказать это безъ всякихъ подсахариванiй. И никому не польстили. Никого по головкѣ не погладили. А у насъ этого вамъ не простятъ.

— Никакой охоты нѣтъ... препираться съ разными...

— Милостивыми государями,—подсказалъ психiатръ.—Удо-

вольствіе—не особенное! Дѣлать нечего! Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ!

И, мѣняя тонъ, онъ наклонился къ Бучаеву и сказалъ ему почти-что на ухо:

— Тутъ есть одна компанія, почему-то имѣющая противъ васъ зубъ. До меня долетѣло нѣсколько фразъ, тамъ, въ читальнѣ, до начала лекціи...

Бучаевъ весь нервно встрепенулся.

— На здоровье! Въ какомъ же вкусѣ?

— Такъ... вздоръ... сплетни, не стоющія вниманія.

И тотчасъ Бучаева точно что̀ внутри дернуло: ему представилась зала дешеваго ресторана, какъ его тамъ встрѣтили и въ какомъ настроеніи вышелъ онъ на бульваръ...

Неужели и здѣсь говорятъ уже о немъ, какъ о подозрительной личности?

— Вы — психіатръ, и вамъ яснѣе, чѣмъ кому-либо—какія душевныя контагіи захватываютъ массу. Не правда ли, докторъ, въ такомъ обществѣ, какъ наше,—воспитанномъ въ традиціяхъ рабства,—свирѣпствуетъ манія чудовищнаго злоязычія и всеобщее заподозриванье?

Голосъ Бучаева вздрагивалъ, когда онъ выговаривалъ эту тираду.

— Обязательно, голубчикъ! Но только вы не волнуйтесь, пожалуйста. Навѣрно, будутъ глупыя выходки. Не тратьте своихъ нервовъ. Пускай глупятъ и дерзятъ. Ныньче, батенька, всякій клопъ—гимназистъ пятаго класса—норовитъ изрекать глаголы изъ Заратустры собственнаго производства! Смѣху подобно!

Оффиціантъ въ сѣромъ фракѣ прошелъ съ колокольчикомъ вдоль столовой, направляясь къ буфету. Оттуда онъ началъ звонить.

— А вы останетесь?—спросилъ Бучаевъ, допивая чай.

— Съ вашего позволенія. Только не тратьте вы пороху... зря. А выищется оппонентъ съ мозгами, не изъ сектаторовъ, влюбленныхъ въ свой конекъ,—дайте ему отпоръ. Охотно поддержалъ бы васъ, еслибъ это было въ другомъ мѣстѣ. А здѣсь какъ-разъ нарвешься на какого-нибудь коллегу, который будетъ въ восхищеніи—пустить въ васъ каверзой!..

Психіатръ разсмѣялся, поднимаясь съ своего стула.

Бучаевъ ему не вторилъ.

Они вмѣстѣ дошли до первой залы, гдѣ уже накрыты были столы для ужина, и тамъ пожали другъ другу руки.

— Можетъ, поужинаемъ?—спросилъ тотъ.

— Спасибо!

Предсѣдатель уже занималъ свое мѣсто. Бучаевъ сѣлъ опять рядомъ съ нимъ, откинулся на спинку кресла и глядѣлъ молча на то, какъ наполнялась опять зала.

Докторъ Сергѣевъ сидѣлъ близко отъ рампы, во второмъ ряду. Онъ кивнулъ Бучаеву головой, какъ бы желая еще разъ сказать ему:

„Не тратьте пороха, голубчикъ. Пожалѣйте свои нервы".

Раздался звонокъ предсѣдателя.

— Прошу покорно тѣхъ, кто думаетъ возражать—дать свои фамиліи. Предупреждаю, что записалось уже немало желающихъ.

Поднялось нѣсколько человѣкъ. Двое взбирались и на эстраду. Бучаеву показалось, что одинъ изъ этихъ господъ сидѣлъ въ той компаніи, которую онъ нашелъ въ ресторанѣ Тверского бульвара.

Одинъ изъ записавшихся былъ совсѣмъ юнецъ, непохожій даже на студента.

Глазами докторъ Сергѣевъ указалъ на него Бучаеву: „вотъ, молъ, какіе у насъ слётки выступаютъ передъ публикой".

Сразу стало опять душно и внизу, и на эстрадѣ. Бучаеву вступило въ голову. Съ великой радостью удалился бы онъ изъ этой говорильни. Не тревогу, а безвкусное равнодушіе къ тому, что онъ услышитъ отъ своихъ оппонентовъ, проникало въ него. Но приходилось отсиживать.

Въ кофейной гудѣла ночная публика. Электрическій свѣтъ ровно обливалъ фигуры и лица. Между ними выдѣлялись огромныя шляпки женщинъ. Ихъ рѣзкій смѣхъ пронизывалъ общій гулъ, гдѣ преобладали мужскіе голоса.

Было немало учащейся молодежи, въ формѣ.

Въ углу, вправо отъ входа изъ пекарни, за столикомъ, сидѣли Бучаевъ и докторъ Сергѣевъ.

Они уже заказали себѣ что-то и оба курили.

Докторъ былъ очень огорченъ за Бучаева. Они условились ужинать тамъ, въ „Кружкѣ", но Бучаевъ не захотѣлъ оставаться.. И они, выйдя на улицу, тотчасъ же зашли въ кофейную, открытую до поздняго часа.

Дорогой они молчали. Дѣло было непоправимое. Какъ предсѣдатель дебатовъ ни сдерживалъ оппонентовъ, но двое изъ нихъ— одинъ совсѣмъ юный, въ тужуркѣ студента, и другой, уже немолодой „интеллигентъ", волосатый, бородатый, въ темныхъ очкахъ—стали нападать на него съ особенной злобностью, и вто-

рой изъ нихъ закончилъ свои выходки весьма прозрачными намеками на то—какою репутаціею пользуется „докладчикъ“. Предсѣдатель хотѣлъ-было зазвонить и лишить его слова, но Бучаевъ попросилъ его жестомъ руки—не дѣлать этого.

Свою обличительную рѣчь этотъ оппонентъ закончилъ словами:

— Тѣ, кто подъ личиною радикализма и даже соціальныхъ стремленій—предаются, въ сущности, какому-то обличительному скептицизму,—тѣ должны, въ первую голову, оглядѣться на самихъ себя и отвѣтить на вопросъ: кто они сами... и не лучше ли имъ, первѣе всего, позаботиться о томъ, чтобы свое собственное обличье немножко обѣлить?

Раздались, въ глубинѣ залы, рукоплесканія и даже крики: „Славно, славно!“

Предсѣдатель сильно зазвонилъ и хотѣлъ сдѣлать выговоръ оппоненту; но Бучаевъ опять остановилъ его движеніемъ руки.

— Говорите! Говорите!—раздалось сзади него, между сидѣвшими на эстрадѣ.

Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ сказать что-то и лишился чувствъ.

Когда онъ открылъ глаза и пришелъ въ себя, надъ нимъ хлопоталъ докторъ Сергѣевъ.

Онъ и увелъ его въ какую-то пустую комнату, гдѣ далъ ему чего-то изъ рюмки.

И вотъ, теперь, они сидятъ другъ противъ друга за стаканами кофе.

Первый прервалъ молчаніе психіатръ.

— Нервы у васъ... расшатаны... голубчикъ. Вы бы должны были исчеркнуть этого милостиваго государя, какъ онъ того заслуживалъ. А теперь... они будутъ болтать, что вы сами себя выдали.

Сергѣевъ не досказалъ, чувствуя, что такъ не слѣдовало говорить.

— Все равно, докторъ! Чтò же тутъ дѣлать!

И, глотнувъ изъ стакана, Бучаевъ понизилъ тонъ и заговорилъ нервнѣе:

— Вѣдь вы уже слышали до начала моего доклада шипѣніе на мой счетъ. Скажите прямо, безъ обиняковъ: обо мнѣ говорили, какъ о... сикофантѣ?

— Стòитъ ли копаться въ этой мерзости!

— Нѣтъ, не уклоняйтесь! мнѣ все равно. Я уже не со вчерашняго дня догадываюсь, что легенда гуляетъ здѣсь. Кто ее пустилъ, по какому поводу—я добираться не стану.

— Но недопустимо, добрѣйшій... оставить такъ... подобную гнусность.

— Чтò же я стану дѣлать? — рѣзче спросилъ Бучаевъ, и выпрямился. Требовать сатисфакціи?.. Это слишкомъ глупо. Я не трусъ; но я не допускаю самаго мотива. Его намеки можно толковать и такъ, и этакъ.

— Чего же прозрачнѣе?

— Да; но формально можно требовать удовлетворенія только за дерзкій тонъ и неумѣстныя выходки. Но въ какой странѣ мы живемъ, докторъ? Во Франціи чтò-ли? У насъ ни одного сборища, ни въ одной говорильнѣ, не происходитъ безъ ругатни. Это въ нашихъ нравахъ.

— Но, по малой мѣрѣ, привлечь его къ суду чести. Вѣдь это кружокъ! Обязанность дирекціи — заставить его извиниться.

— Да онъ можетъ оказаться и не членомъ, а гостемъ. Знаю я эти суды чести. Кромѣ новыхъ гнусностей, ничего не наслушаешься! Эхъ, докторъ! — Бучаевъ тряхнулъ головой. — Кто не рабъ кружковщины, кто не льститъ панургову стаду и не преклоняется передъ стоптанной туфлей учителя — тотъ и ренегатъ, тотъ и гасильникъ, если не предатель и не тайный агентъ. Мнѣ противно, что нервы мои не выдержали... точно какая институтка. И никогда со мной не бывало обмороковъ.

— Васъ взорвало! Сердце посильнѣе сжалось — вотъ и лишились чувствъ. Штука самая простая... Досадно, что такъ вышло подъ самый конецъ. А все-таки не совѣтую оставить это такъ.

— Будьте послѣдовательны, докторъ! Вы сами мнѣ сказали, передъ началомъ лекціи, чтобы я плевалъ на всякую злобную болтовню. Вы ко мнѣ расположены; а вѣдь не стали вы затѣвать исторіи съ тѣми господами, которые говорили обо мнѣ въ такомъ же духѣ.

Бучаевъ опустилъ голову въ руки и сидѣлъ такъ съ минуту.

— Знаете, докторъ, — началъ онъ, выпрямляясь: — надо имѣть много твердости, чтобы не впасть въ самый отчаянный скептицизмъ... чтобы сохранить въ себѣ хоть какія-нибудь иллюзіи. Всѣ мы — жалкіе романтики...

— Кто мы? — остановилъ Сергѣевъ.

— Всѣ, всѣ! Можетъ, и вы также — не обижайтесь. У всѣхъ насъ есть какая-нибудь „цàца“. Одни носятся съ народомъ, другіе — съ интеллигенціей... вѣрятъ въ лозунги и готовыя формулы, ждутъ наступленія чуда, когда всѣ будутъ какъ безтѣлесные ангелы.

— Это вѣрно!

— А вы вотъ—какъ психіатръ—отлично знаете, что этого никогда не будетъ. Вы, какъ человѣкъ науки, должны стоять за роковой детерминизмъ. Вездѣ—вырожденіе, упадочность, кривлянье, самовлюбленность, безуміе!

— И прочая, и прочая, и прочая! Спорить не стану; а въ отчаяніе приходить все-таки не слѣдуетъ, милѣйшій! Надо проповѣдывать норму... Въ ней одной спасеніе.

— Аминь! А первѣе всего надо вонъ изъ Москвы, какъ у меня вырвалось, когда вы ко мнѣ подошли сегодня.

— Нѣтъ, и этого не слѣдуетъ дѣлать. Надо вести свою линію. И всякихъ наглецовъ сокрушать, какъ Самсонъ сокрушалъ филистимлянъ ослиной челюстью, то-есть, ихъ же тупоуміемъ и гнусностью. А теперь—пора спать... и если ваша милость не желаетъ связываться съ тѣмъ... милостивымъ государемъ—плюньте и ножкой разотрите.

Докторъ позвалъ проходившаго мимо лакея.

Когда они надѣли свое верхнее платье и пошли отъ вѣшалки къ подъѣзду, еще ярко освѣщенному, Бучаевъ взглянулъ влѣво и узналъ сейчасъ же двухъ юнцовъ—Тыквина и его товарища, который былъ предсѣдателемъ въ говорильнѣ гимназистовъ.

Они оба приподнялись и поклонились ему. Но въ глазахъ Тыквина онъ прочелъ что-то похожее на вопросъ:

„Что? Дождался аттестаціи?“

Оба эти юнца были навѣрное въ залѣ, слушали пренія и врядъ-ли возмутились выходкою того лохматаго индивида въ темныхъ очкахъ.

VIII.

Наканунѣ Бучаевъ ходилъ выправлять себѣ заграничный паспортъ, и когда вернулся въ свою меблировку, получилъ два письма.

Довольно большой неожиданностью было для него первое изъ этихъ писемъ—отъ сестры.

Елена Сергѣевна писала ему въ какомъ-то странномъ тонѣ, чѣмъ-то очень встревожена, спрашивала—найдетъ ли она его еще въ Москвѣ, и распространялась на ту тему, что всѣмъ, кто стоитъ „за просвѣщеніе и культуру“—пора сплотиться, оставить всякія партійныя распри и спасать общество отъ надвигающейся „пугачевщины“.

Второе письмо—городское—было также женское, и также въ

приподнятомъ тонѣ — отъ той самой передовой дамы, гдѣ онъ выказалъ себя такимъ плохимъ дипломатомъ и огорчилъ всѣхъ своей „трезвенной“ оцѣнкой эффектнаго земца.

Она была на его докладѣ, все видѣла и слышала, и проситъ его вѣрить, что она возмущена выходкой его послѣдняго оппонента, повторяя нѣсколько разъ, что „это“ нельзя оставить „такъ“, и что ея друзья и единомышленники, и мужчины, и женщины—готовы составить коллективное письмо въ дирекцію кружка, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ.

Въ концѣ, она „умоляетъ“ его быть у нея завтра вечеромъ. Она чувствуетъ „неудержимую потребность“: выразить ему, съ глазу на глазъ, очень многое, завѣряя его, что она сама — „высоко цѣнитъ“ свободу его мыслей и „скорбитъ душой“ о томъ, что въ нашей интеллигенціи такъ все преисполнено духа партій, недовѣрія и личныхъ счетовъ.

Сестрѣ онъ отвѣтилъ сегодня, что по дорогѣ за границу— заѣдетъ къ ней проститься надолго, если только его пріѣздъ не будетъ особенно непріятенъ Эліодору Ильичу, и просилъ отвѣтить ему депешей.

А къ радикальной барынѣ онъ отправилъ сегодня же посыльнаго съ письмомъ, гдѣ благодарилъ ее за сочувствіе, но просилъ извинить его: онъ уѣзжаетъ и долженъ укладываться.

Барыня не унялась. Она, съ тѣмъ же посыльнымъ, прислала длиннѣйшее письмо, въ огорченно-лирическомъ тонѣ.

Онъ „обидитъ ее кровно“, если не навѣститъ ее. Такая женщина, какъ она, способна больше, чѣмъ кто-либо, оцѣнить его profession de foi, которое — она въ этомъ признается — ей несовсѣмъ ясно и послѣ его доклада. Она горячо желаетъ обмѣняться съ нимъ идеями и симпатіями, и теперь уже цѣнитъ ту проницательность, какую онъ выказалъ, когда заговорили о томъ земцѣ. Она и сама видитъ, что его популярность не отвѣчаетъ его настоящему „удѣльному вѣсу“, какъ общественнаго дѣятеля.

„Отъ нея не отвертишься!“—выговорилъ онъ, про себя, и отвѣтилъ ей депешей, что будетъ у нея вечеромъ, къ девяти часамъ.

Ему, все-таки, стало какъ-то полегче. Барыня фразиста и „безъ царя въ головѣ“,—но никто не заставлялъ ее изливаться, если она не была возмущена выходкой его послѣдняго оппонента.

Но онъ будетъ просить ее: никакого коллективнаго протеста не писать. И самъ не желаетъ никакого „суда чести“.

Бесѣда вышла не съ глазу на глазъ.

Бучаевъ нашелъ у Козланиной еще двухъ дамъ, изъ тѣхъ, что были на ея совѣщаніи, и скромнаго брюнета, съ которымъ они тогда вышли на улицу и разговорились.

Онъ былъ, въ столовой, встрѣченъ громкимъ возгласомъ хозяйки:

— Monsieur Бучаевъ! Какъ я рада!

И она начала зáново знакомить его и съ обѣими дамами, и съ брюнетомъ.

Навѣрное, она и пригласила ихъ „на него“. Можетъ, и еще наберется народъ, и это было ему очень непріятно.

— Вотъ, господа, — начала хозяйка тономъ спича, — вы знаете... какую выходку позволилъ себѣ одинъ господинъ... въ кружкѣ, возражая Николаю Сергѣевичу...

— Какъ же, какъ же!—воскликнула одна изъ дамъ.

— Не правда *ли*, надо протестовать?

Какъ бы предвидя возраженіе Бучаева, она стремительно продолжала:

— Я понимаю... Вы сами не желаете выступать. Это—ниже вашего достоинства. Но мы и не будемъ васъ вмѣшивать.

— Виноватъ,—остановилъ ее скромный брюнетъ: — можетъ быть, Николаю Сергѣевичу будетъ вообще непріятно?..

— Было бы очень досадно, еслибъ мы всѣ не воспользовались такимъ инцидентомъ.

Хозяйка порывисто схватила со стола нумеръ какой-то газеты.

— Намъ всѣмъ,—продолжала она въ томъ же приподнятомъ тонѣ, — надо сплотиться, господа. Развѣ вы не замѣчаете, что началась травля того, чѣмъ только и держится общественное движеніе?

— Интеллигенціи!—подсказала одна изъ дамъ.

— Именно! И не одни гасильники, изувѣры, обскуранты и сикофанты систематически науськиваютъ на интеллигентовъ. И тутъ не обошлось безъ рабскаго подражанія гнилому Западу. Чтò мы видимъ во Франціи? Ихъ націоналисты — чѣмъ они лучше нашихъ патріотовъ „своего отечества“? Всѣ эти антидрейфуссары... Какой срамъ! Писатели, поэты съ европейской репутаціей—и предаются такому ненавистничеству! Брюнетьеръ, Коппé, Жюль Леметръ... Я уже не говорю о такихъ старыхъ блудницахъ пера, какъ Рошфоръ и Дрюмонъ!.. И тамъ ожесточенный походъ противъ тѣхъ, кого называютъ „les intellectuels“... По нашему... противъ все той же интеллигенціи...

Брюнетъ молча кивнулъ головой.

— И вдвойнѣ непростительно нѣкоторымъ изъ нашихъ кружковъ такъ же шипѣть на интеллигенцію и въ своихъ произведеніяхъ изображать какой-то обывательскій сбродъ, выдавая его за интеллигентовъ.

— Вѣрно, вѣрно!—разомъ воскликнули обѣ дамы.

— Можно ли безъ негодованія читать вотъ такія вещи... въ печати, въ газетахъ, которыя, какъ-разъ, распространены въ публикѣ, нуждающейся въ честномъ руководительствѣ?

Она развернула газетный листъ, нашла сейчасъ столбецъ, отмѣченный краснымъ карандашомъ, и начала читать, громко, останавливаясь на запятыхъ и взглядывая и на дамъ, и на мужчинъ.

— „Наша интеллигенція, не сумѣвшая, за послѣднее полстолѣтіе, установить какой-нибудь разумной и прочной связи съ народомъ, заблудившаяся въ созданномъ ею же самой лабиринтѣ, не знающая ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, презирающая тотъ домъ, въ которомъ живетъ, и хлѣбъ, которымъ ее кормятъ,—наглая и трусливая“...

— Ого!—крикнула одна изъ дамъ.

— Подождите! Это цвѣточки, ягодки будутъ впереди!

И, громко переведя духъ, она принялась опять читать, подчеркивая каждое звонкое слово:

— „И въ трусости своей готовая продаться любому инородческому хищнику, этотъ ублюдокъ крѣпостнаго рабства и франко-русско-европейской декадентки съ разстроенными нервами и жадными загребистыми лапами—вотъ надъ кѣмъ дѣйствительно горятъ грозныя слова Валтасарова видѣнія!“

Дочитавъ эту тираду, хозяйка обратилась къ брюнету и спросила его:

— Куда же дальше идти?

Тотъ промолчалъ и только сдержанно усмѣхнулся.

— И вотъ заключительная угроза... Прислушайтесь.

Она дочла:

— „Вамъ слѣдуетъ помнить, что какъ ни терпѣливъ и ни привыченъ ко всякимъ экспериментамъ надъ собой народъ, но когда наступитъ серьезный моментъ его жизни — врядъ ли онъ примирится съ необходимостью считать своей интеллигенціею, своимъ цвѣтомъ—толпу неврастениковъ, нытиковъ, международниковъ и прихвостней европейскаго космополитизма“.

Листокъ она бросила на столъ и вызывающе выпрямилась.

— Что-жъ!—первый откликнулся брюнетъ:—насчетъ неврастениковъ и нытиковъ и я подписался бы!

— Что вы говорите!—вскричала хозяйка.—Развѣ вы не понимаете, что они пристегнуты тутъ только затѣмъ, чтобы облить помоями все, что у насъ есть самаго достойнаго и даже доблестнаго?..

— Позвольте,—кротко возразилъ брюнетъ,—выходка, разумѣется, гадкая... но за нашей интеллигенціей водятся грѣхи, и немаловажные. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ — давно пора разобраться въ этой формулѣ, въ этой кличкѣ. Давно пора отдѣлять овецъ отъ козлищъ.

— Они-то и сваливаютъ все въ кучу... нарочно, съ цѣлью натравливанья.

— Конечно... Но мы-то съ вами, уважаемая Анна Прокофьевна, знаемъ—какъ много плевелъ на россійской нивѣ, гдѣ произрастаютъ злаки интеллигенціи.

Онъ тихо разсмѣялся и, поднявъ голову въ сторону Бучаева, спросилъ:

— Развѣ это не такъ, Николай Сергѣевичъ?

— Безусловно такъ, — подтвердилъ Бучаевъ и прибавилъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — За исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, я бы сказалъ то же.

— Что вы... Monsieur Бучаевъ!—въ голосъ крикнули всѣ три дамы.

— Въ томъ, въ особенности, что говорится тутъ объ интеллигенціи и народѣ. Съ нимъ никто у насъ не чувствуетъ и не мыслитъ въ униссонъ, и не можетъ этого сдѣлать!

— Помилуйте!

Блѣднѣя, онъ выговорилъ съ сильнымъ удареніемъ:

— Никто! О гасильникахъ и хищникахъ я уже не говорю. Но и самые крайніе лагери: одни херятъ чуть не сто милліоновъ мужиковъ съ высоты своей платформы, другіе не могутъ еще стряхнуть съ себя мистической вѣры въ этого самаго мужика, хотя они и позитивисты. И что же мудренаго, что улица въ городахъ и громада въ деревнѣ—очутятся въ рукахъ такихъ руководителей, которымъ съ интеллигенціей—какъ говорится—не дѣтей крестить.

— Ну да!—крикнула хозяйка.—Къ тому идетъ! Къ пугачевщинѣ!

— Можетъ быть,—подтвердилъ Бучаевъ.—Но тѣ, кто надѣется на народъ... могутъ очутиться сами жертвой его расправы.

И хозяйка, и ея двѣ гостьи удивленно поглядѣли на Бучаева, и у одной изъ нихъ вырвался возгласъ:

— Такой отповѣди мы отъ васъ никакъ не ожидали!

Они опять шли по пустыннымъ переулкамъ.

— Кажется, я этихъ дамъ чуть не скандализовалъ?—спросилъ брюнета Бучаевъ.

— Во всякомъ случаѣ, онѣ не того отъ васъ ждали, Николай Сергѣевичъ.

— И я, въ глазахъ хозяйки и ея подругъ, нѣчто вродѣ того, на что намекалъ мой оппонентъ въ кружкѣ?

— Но вѣдь Анна Прокофьевна права. Вдругъ, съ разныхъ концовъ—и сверху, и снизу, и съ боковъ—началась травля интеллигенціи. Что̀ изъ этого будетъ?

— Всеобщій разбродъ!—глухо вымолвилъ Бучаевъ.

И они оба остановились.

Это было на перекресткѣ все того же глухого переулка.

— Хорошо, если только разбродъ. А какъ пугачевщина,—какъ вырвалось у одной изъ этихъ госпожъ?

— Можетъ и это быть. Позвольте,—Бучаевъ поднялъ голову на своего спутника,—для васъ народъ—символъ и догма, ultima ratio?

Выговоривъ это, Бучаевъ тотчасъ охладилъ себя вопросомъ:

„Какъ же ты самъ допытываешься у другого—выложи тебѣ свое credo?“

— Не сотвори себѣ кумира,—пошутилъ брюнетъ.

— Но онъ уже сотворенъ. И до тѣхъ поръ, пока его не повергнутъ—все будетъ проникнуто мистицизмомъ. Нужды нѣтъ, что народопоклонники считаютъ себя невѣрами.

— Но не они теперь берутъ нотой выше, а ихъ непосредственные противники—вамъ это прекрасно извѣстно, Николай Сергѣевичъ! И если тотъ собратъ въ черныхъ очкахъ—я вѣдь былъ на вашемъ докладѣ—позволилъ себѣ такую выходку, то навѣрно отъ того, что онъ васъ считаетъ народолюбцемъ... во вкусѣ семидесятниковъ, защитниковъ ненавистныхъ ему и его одновѣрамъ деревенскихъ устоевъ.

— У нихъ фундаментъ болѣе прочный. И роль они сыграютъ болѣе видную.

— Вы это признаете?

— Да. Но и они мистики.

— Нѣкоторые изъ нихъ... повернули къ „откровенной“ истинѣ.

— Я не про этихъ говорю, а про тѣхъ, кто держится научнаго камертона. И для нихъ, съ всеобщей нивеллировкой, настанетъ Эльдорадо и всѣ превратятся въ ангеловъ.

— Вѣдь ихъ учитель держится пессимизма въ своихъ выводахъ?

— Пожалуй. Но они—россіяне. Не можемъ мы быть безпощадными детерминистами. Оттого у насъ все такъ хаотично и безплодно, что разумъ подчиненъ у насъ подоплёкѣ. И такъ, кажется, всегда будетъ...

Бучаевъ чего-то не досказалъ.

— И такимъ интеллигентамъ, какъ вы, Николай Сергѣевичъ, особенно тяжко быть въ положеніи...

— Знаете кого?..—остановилъ его Бучаевъ.—Я много разъ сравнивалъ такихъ, какъ я, съ зрителями въ амфитеатрѣ, надъ ареной, гдѣ происходитъ бой быковъ. Быка вамъ жаль больше, чѣмъ всѣхъ этихъ раззолоченныхъ франтовъ — пикадоровъ и торрéровъ. Но вѣдь и имъ можетъ угодить здòрово... А подъ конецъ вамъ дѣлается тошно.

— Можно не ходить!

— Конечно. Но отъ нашей россійской арены не уйдешь. Ввязаться въ схватку можно... но тогда—прощай всякая свобода духа! Безъ фанатизма вы не годитесь! А убѣжать изъ амфитеатра—не поможетъ... Все тянетъ васъ на его скамейки. И вы жадно впиваетесь глазами въ то; чтò дѣлается у васъ подъ ногами, и сердце ваше бьется, и спирается духъ... и сжимаются кулаки. Вотъ взлетитъ на воздухъ отчаянный пикадоръ, а потомъ и самъ торрéро!..

— Быка-то все-таки повалятъ.

— Можетъ быть... А потомъ-то чтò?

— Какъ въ писаніи говорится, Николай Сергѣевичъ: „не узрися, чтò будетъ“.

Они простились на углу Арбата.

Бучаевъ не бралъ извозчика и пошелъ дальше по плохо освѣщеннымъ улицамъ, гдѣ только мелькали извозчичьи сани и кое-гдѣ былъ свѣтъ въ обывательскихъ домахъ.

Обиды онъ уже совсѣмъ не чувствовалъ отъ инцидента въ „Кружкѣ“.

Ну, пускай ихъ считаютъ его сикофантомъ! Это—косвенная месть за то, что онъ—„ни въ сихъ, ни въ оныхъ“, что онъ, до сихъ поръ, не записывался ни въ какой цехъ, ни въ какую организацію.

Но все-таки, какъ-то сразу, эта Москва, для него лично, потеряла всякій вкусъ. Не тянетъ его, какъ еще недавно, ни къ молодежи, ни къ своимъ сверстникамъ.

Надо всего ждать. Все возможно!

И тутъ слово, брошенное за чайнымъ столомъ, у Козлиниой—„пугачевщина"—зазвучало въ ухѣ. И цѣлый рядъ картинъ пронесся въ его воображеніи.

Вотъ на этой самой улицѣ или на площади, гдѣ онъ сейчасъ проходилъ—стоитъ гулкое галдѣнье. Толпа—пьяная, дикая, отвѣдавшая крови, гдѣ все перемѣшалось: босяки съ мастеровщиной, оборванные нищіе съ хорошими чуйками и сапогами, отшибающими ворванью—разноситъ лавки и кабаки, бьетъ стекла, выбрасываетъ мебель, жжетъ и выпускаетъ изъ бочекъ керосинъ, пиво, водку.

И раздается кличъ: „бей ихъ!"

Кого?

Какъ кого? Интеллигенцію: „скубентовъ", барышенъ, по-господски одѣтыхъ „стрюцкихъ", тѣхъ самыхъ, кто возлагалъ надежды на поддержку народа.

„Бей ихъ!"—перекатывается дальше, все ближе къ Кремлю и къ Красной площади. Разсвирѣпѣвшая громада въ сотни тысячъ головъ хватаетъ женщинъ, подростковъ, топчетъ ихъ ногами, бьетъ чѣмъ попало, превращая лица въ безформенные комы мяса.

Онъ весь вздрогнулъ и нервно закрылъ глаза, отгоняя отъ себя кровавое видѣніе.

„Неужели это будетъ?"—спросилъ онъ себя, дико осматриваясь.

IX.

Бучаевъ вышелъ въ переднюю канцеляріи, гдѣ получилъ паспортъ.

Одинъ изъ сторожей потянулся къ его верхнему платью и сталъ разыскивать его галоши.

Слѣва, по лѣстницѣ, спускался какой-то господинъ. Бучаевъ сначала не обратилъ на него вниманія. Но тотъ, на предпослѣдней ступенькѣ, пристально поглядѣлъ на него.

Лицо желтоватое, нѣсколько одутлое, бритое, точно актерское, круглая лысая голова, съ рыжеватыми короткими волосами на вискахъ, большой ростъ. Одѣтъ въ черную пару. По костюму и выраженію лица, смотритъ учителемъ или чиновникомъ, лѣтъ подъ-сорокъ.

Въ лѣвой рукѣ онъ несъ портфель.

Что-то Бучаевъ вспомнилъ.

Лицо ему извѣстно. Но оно было не такое лѣтъ шесть-семь назадъ.

— Николай Сергѣевичъ Бучаевъ?—глухо окликнулъ его незнакомецъ, медленно подходя къ нему.

Его свѣтло-сѣрые, тусклые глаза смотрѣли вопросительно и еще съ какимъ-то несовсѣмъ пріятнымъ выраженіемъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—отозвался Бучаевъ.

— Не узнали меня?

— Извините.

— Давненько это было.

Ему также подалъ сторожъ шинель съ мѣховымъ воротникомъ.

Бучаевъ припомнилъ и почти уже остановился на одной фамиліи, но его что-то удержало.

Они вмѣстѣ вышли на подъѣздъ. Справа видна была ѣзда по Тверской. Налѣво шелъ дальше переулокъ.

Господинъ съ бритымъ по-актерски лицомъ поправилъ на головѣ мягкую плюшевую шапку и спросилъ съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ:

— Такъ вы не признали сразу?

— Виноватъ... Лицо знакомое... И голосъ также.

— Варенцовъ... Павелъ Варенцовъ!..

— Вы?!

Мгновенно Бучаевъ вспомнилъ все.

Они встрѣчались когда-то въ Швейцаріи. Этотъ Варенцовъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ „страшныхъ“ заправилъ того кружка, которымъ Бучаевъ—одно время—интересовался.

И съ тѣхъ поръ они не встрѣчались. Онъ зналъ доподлинно, что для того уже нѣтъ возврата домой. Кто-то ему говорилъ, не такъ давно, что этотъ Варенцовъ „повинился“ и проживаетъ въ Россіи, кажется, въ Москвѣ, гдѣ-то работаетъ.

Но это вылетѣло у него изъ головы.

— Теперь—узнали?

Тонъ этого господина ему не нравился. Было что-то въ немъ и тревожное, и почти-что дерзкое.

— Да... вы обрились... и—если правду сказать—постарѣли.

— Полагаю. Да, года берутъ! Я, вѣдь, годковъ чуть не на десять постарше васъ.

„А что̀ тебѣ отъ меня угодно?“—подумалъ Бучаевъ.

— Вы въ какую сторону? Сюда, по Тверской?

— Пожалуй.

„Неужели будетъ просить на бѣдность?“

вашего стана—представляетъ собою нѣчто достойное ненависти и презрѣнія.

Сдѣлавъ передышку, онъ замѣтилъ:

— Простите... я сейчасъ сказалъ—„для людей вашего лагеря“; но мнѣ сдается—таково было мое впечатлѣніе отъ вашего реферата,—что вы не кружковой человѣкъ. Нѣтъ! Но, во всякомъ случаѣ, я и въ вашихъ глазахъ... нѣкоторый подозрительный *иксъ*... разъ я вернулся на родину съ повинной.

Тусклые глаза получили другое выраженіе—болѣе твердое и смѣлое.

— Это—дѣло... вашей совѣсти!—вымолвилъ, какъ бы нехотя, Бучаевъ.

— Да... моей совѣсти. Публично я оправдываться не намѣренъ; но я беру на себя отвѣтственность за то *credo*, къ которому пришелъ еще тамъ, за границей, послѣ долгой мучительной борьбы. Я чуть не нажилъ душевнаго разстройства! Я выстрадалъ свое... если угодно—отступничество.

Это слово онъ выговорилъ съ намѣреніемъ замедленно.

— Мое глубочайшее убѣжденіе—то, что наше отечество погибнетъ, если его судьбы очутятся въ рукахъ изувѣровъ всеобщей нивеллировки.

Онъ опять громко перевелъ духъ.

— Я, Николай Сергѣевичъ, выстрадалъ свою вѣру въ тѣ устои русскаго народа, которые одни спасутъ наше отечество отъ разложенія, какое мы видимъ вездѣ, тамъ...

Онъ провелъ рукой.

— На гниломъ Западѣ?—подсказалъ Бучаевъ.

— Вы вѣрите въ него, въ этотъ хваленый Западъ? А я извѣрился... И ставлю себѣ въ самую большую вину, что такъ долго ходилъ на буксирѣ у европейскихъ заправилъ... считалъ ихъ спасителями человѣчества, когда они—или изверги, или галлюцинаты... Простите, что задержалъ васъ. Вашего credo доподлинно не знаю и не берусь поставить правильную діагнозу; но... что вы тоже на распутьи, что вы тоже *ищете*... я въ этомъ не сомнѣваюсь. Думаю, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего особеннаго обиднаго для васъ?

Онъ поднялся съ своего мѣста.

Бучаевъ ждалъ, протянетъ онъ ему руку или нѣтъ.

Но тотъ воздержался. И, отходя отъ стола, выговорилъ:

— Добраго здоровья!

И пошелъ къ вѣшалкѣ надѣвать свою шинель.

Оставшись одинъ у столика, Бучаевъ оглянулъ залу, гдѣ

понабралось всякой публики, въ томъ числѣ и троттуарнаго женскаго пола.

У проходившаго мимо служителя онъ спросилъ себѣ стаканъ чаю.

Эта встрѣча съ бывшимъ эмигрантомъ—изъ партіи террористовъ—совсѣмъ на особый ладъ возбудила его.

Вѣдь если такой господинъ рѣшился напомнить о себѣ—значитъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ распозналъ въ немъ человѣка, „стоящаго на распутьи“.

А еще проще: это—подходъ, „фортель“ такого „милостиваго государя“ (какъ назвалъ бы докторъ Сергѣевъ), который захотѣлъ позондировать почву. Авось и „клюнетъ“.

— Ахъ ты!..

Бранное восклицаніе чуть было вслухъ не вырвалось у него.

Но этого еще мало. Вотъ въ этой самой залѣ могутъ сидѣть молодые люди—студенты, репортеры, педагоги, знающіе его въ лицо. Кто-нибудь, при случаѣ, напомнитъ ему:

„А я васъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ кофейной, въ оживленной бесѣдѣ съ нѣкоимъ Варенцовымъ... Или это былъ вашъ двойникъ?“

— Вонъ, вонъ изъ Москвы!

Но онъ задумался надъ стаканомъ чая, который только-что поставили передъ нимъ.

Каковъ бы ни былъ этотъ эксъ-террористъ, но онъ не затруднился открыть свои карты.

„А ты самъ? Неужели тебѣ не пріѣлась твоя роль аналиста и мелкаго обличителя тѣхъ, кто носитъ личину—сознательно или въ состояніи самообмана?

„Вѣдь этотъ бритый, какъ актеръ, покаявшійся „мятежникъ“ имѣлъ бы также право крикнуть тебѣ:

„— Господинъ Бучаевъ! Карты на столъ! Мы въ темную не играемъ.

„И что̀ бы ты ему отвѣтилъ?“

X.

Убогія пошевни ухали изъ ухаба въ ухабъ. Сверху шла изморозь пополамъ съ мокрымъ снѣгомъ. Часто попадались „зажо̀ры“. Тучи—темно-сѣрыя и густыя—висѣли кругомъ.

Бучаевъ—въ короткой шубѣ—сидѣлъ на чемоданѣ, прикры-

ваясь пледомъ. Распустить зонтикъ казалось ему слишкомъ „по-западнически“.

На станцію ему не выслали саней отъ Зубровыхъ. Онъ телеграфировалъ сестрѣ—съ какимъ поѣздомъ пріѣдетъ изъ Москвы. Елена Сергѣевна не могла такъ не по-родственному обойтись съ нимъ.

Нашелся ямщикъ, на парѣ, съ развалистыми пошевнями, безъ сидѣнья и даже безъ рогожи, которой можно было бы укрыться.

На станціи ему показалось что-то несовсѣмъ обычное, какая-то тревога, усиленная ходьба прислуги. Даже жандармы все поглядывали по сторонамъ.

Но онъ не сталъ ни о чемъ разспрашивать. Надо было поторговаться съ ямщикомъ; тотъ запросилъ непомѣрно дорого.

— Въ Теря́ву (онъ такъ произнесъ — вмѣсто Теряево)... больше десяти верстъ буде.

— Всего только семь.

— А дорога-то, баринъ? А время-то какое?

Слово „время“ онъ произнесъ какъ-то особенно; но Бучаевъ сначала не обратилъ на это вниманія.

Скорчившись на своемъ чемоданѣ, сидѣлъ онъ—хмурый и нервный—отъ безсонной ночи въ вагонѣ, гдѣ было адски натоплено, и въ головѣ у него бродили разрывчатыя, такія же хмурыя и нервныя мысли.

Давно ему такъ жадно не хотѣлось вонъ изъ Россіи. Поскорѣе, какъ можно поскорѣе... туда, на границу, въ Эйдкуненъ и, нигдѣ не останавливаясь, очутиться на яркомъ, блистающемъ югѣ, на берегу Неаполитанскаго залива, передъ огненнымъ конусомъ Везувія... или въ Палермо.

Почувствовать себя просто туристомъ-шатуномъ... по-европейски глядѣть, дышать, ходить, спать, мечтать... стряхнуть съ себя русскіе недуги унынія, хандры, тупого раздраженія, безпросвѣтнаго разброда.

Зачѣмъ онъ торчалъ такъ долго въ этой мужицко-купецкой Москвѣ? Что̀ онъ тамъ забылъ? Для кого нужны его соціологическіе анализы, опусканіе лакмусовой бумажки въ растворы общественныхъ кислотъ и щелочей?

Добился того, что заподозрѣнъ какимъ-то „милостивымъ государемъ“ чуть не въ шпіонствѣ. И нечего этому удивляться! Онъ вѣдь изъ „самоопредѣляющихся“, ни къ какому толку не принадлежитъ, всѣхъ подвергаетъ анализу, ни передъ какимъ „учителемъ“ не падаетъ въ прахъ и не цѣлуетъ его ногъ.

„Вонъ, вонъ!“ — повторилъ онъ беззвучно, не раскрывая глазъ и чувствуя, какъ мокро его лицо, какъ хлещетъ его изморозь, забираясь подъ приподнятый воротникъ.

Лошади еле тащились. Бучаевъ все еще не раскрывалъ глазъ.

Какъ тяжко ему будетъ у Зубровыхъ! Видно, что сестра совсѣмъ перетрусила.

Подѣломъ! И ей, и ея великолѣпному Эліодору Ильичу. Но что ему-то до всего этого? Ничего путнаго не выйдетъ изъ такого родственнаго свиданія. Этихъ „совмѣстителей“ не исправишь! Пускай сами отстаиваютъ „священный“ принципъ собственности, какъ знаютъ!

Дорого бы онъ далъ, еслибы что-нибудь чрезвычайное прервало его поѣздку, и онъ принужденъ былъ бы вернуться на чугунку и взять билетъ до того пункта, гдѣ онъ попалъ бы на варшавскую дорогу.

Думать на эту тему стало еще тошнѣе. Онъ сжалъ вѣки и, покачиваясь изъ стороны въ сторону отъ толчковъ, какъ будто задремалъ.

И вдругъ лошади стали. Бучаевъ раскрылъ глаза.

Они были на перекресткѣ. По дорогѣ, шедшей имъ крестъ-на-крестъ, протянулся обозъ, и вправо, и влѣво.

Не сразу понялъ онъ, что это такое. Ѣхали мужики съ бабами и ребятишками. Возы были нагружены и хлѣбомъ, и всякой всячиной.

Никто не шелъ рядомъ; а всѣ сидѣли и лежали, громко переговарились, пѣли. Не мало было и подгулявшихъ.

— Что это такое?—спросилъ онъ своего ямщика.

Тотъ, обернувшись къ нему лицомъ, осклабился.

— Невдомёкъ вамъ, ваше степенство?

— На простой обозъ не похоже.

— А это изъ барской экономіи... значитъ... забрали господскій хлѣбъ и всякую штуку.

— Какъ забрали?

— Очень просто. У насъ... по всей округѣ... вотъ уже которая недѣля... такимъ-то манеромъ удоблетворяютъ себя.

И ямщикъ засмѣялся, прищурившись.

„А! Вотъ оно что!“—подумалъ Бучаевъ и весь выпрямился.

— По всей округѣ, ты говоришь?

— Вѣрно... И у вашихъ теряевскихъ тоже драная грамота съ господами.

И, обернувъ свою шершавую рыжеватую бороду къ сѣдоку, ямщикъ спросилъ, опять прищурившись:

— А вы сродственникъ ихній будете, али по дѣлу ѣдете, значитъ?

Бучаевъ ничего не отвѣтилъ.—„Такъ вотъ оно что̀!“—снова воскликнулъ онъ про себя.

А обозъ все еще тянулся. Гудѣли голоса, раздавалось пьяное пѣніе.

Сестра сидѣла передъ нимъ — въ креслѣ, около кровати— въ ихъ общей спальнѣ, съ головой, укутанной въ пуховый оренбургскій платокъ, въ какой-то странной куцавейкѣ на мѣху и въ бархатныхъ сапогахъ.

Въ комнатахъ не было холодно, но ее лихорадило. Лицо—съ землистымъ цвѣтомъ кожи и красными глазами.

И говорила она простуженнымъ голосомъ, скоро, отрывисто и все оглядывалась по сторонамъ.

— Какой ужасъ!.. Дора поѣхалъ сегодня чѣмъ свѣтъ въ городъ къ земскому и къ воинскому начальнику—просить команду.

— Вотъ что̀!—беззвучно выговорилъ Николай.

Никогда онъ не могъ представить себѣ сестры такой жалкой. Но она еще не сдавалась.

— Да вѣдь у васъ пока ничего нѣтъ?

— Я жду... съ часу на часъ... У меня есть чувство, что ночь такъ не пройдетъ.

— Зачѣмъ же ты сидишь?

— Мы не хотимъ бѣжать. Пускай пожалуютъ.

— Тогда ладьте съ мужиками. А вы просите команду. Откуда вы ждете погрома? Изъ Теряева?

— Развѣ это можно знать?—почти крикнула она.—Отовсюду. Третьяго дня къ Казанцеву нагрянули чуть не сто подводъ... даже и не изъ нашей волости, и не изъ сосѣдней. Это какое-то нашествіе варваровъ. Хуже того! Хулиганство, или душу возмущающее...

— Леля!—остановилъ онъ сестру и взялъ ее быстро за руку. —Воздержись отъ этихъ ненужныхъ возгласовъ. Неужели ты не понимаешь, что ледъ тронулся, что пришли минуты расплаты?..

— За что̀?—спросила она его, сдвинувъ брови.

— Ты не понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю. И Эліодоръ не понимаетъ. Мы ни у кого ничего не отнимали... у насъ не было крѣпостныхъ... мы подняли заработки... мы не поднимали арендъ. У насъ нѣтъ ни одного должника, чтобы зарабатывать задатки за ничтожную плату.

— Хорошо. Вѣрю. Но всего этого мало.

— Мало?—повторила она почти со слезами.

— Теряевскіе мужики... по скольку получили на душу?

— Я не знаю. Эліодору досталось имѣніе всего восемь лѣтъ назадъ.

— Не можетъ быть, чтобы ты не знала, по скольку... Такъ я тебѣ скажу. Они сѣли на обязательный выкупъ... Ты понимаешь, что̀ это такое.

— Это была ихъ добрая воля. Могли требовать и полнаго надѣла.

— Лена! Лена! Смотрю я на тебя, слушаю и ужасаюсь: во что̀ можетъ превратиться женщина, у которой было чувство правды и жалость къ народу... во что̀!

Она сдѣлала движеніе, точно хотѣла закрыть себѣ лицо обѣими руками.

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Я тебя просила... пріѣхать проститься. Я чувствую, что тутъ пахнетъ кровью.

— Если сами не доведете себя до этого—крови не будетъ.

— Какъ ты можешь знать?..

Елена Сергѣевна уставила на немъ глаза.

— Что̀ же?.. Ты все это зналъ впередъ? Можетъ быть... черезъ твои руки прошли... листки подметные, прокламаціи... или грамоты съ печатями?.. Говори! Сбрось ты маску! И я тебѣ крикну: Николай! Карты—на столъ!

— Полно! Не говори вздору.

— Почему это вздоръ? Развѣ я знаю, кто ты!

— Будь я то, въ чемъ ты меня подозрѣваешь, я бы сюда къ вамъ въ усадьбу не пріѣхалъ. Я не занимаюсь активной пропагандой.

— Но ты сочувствуешь ей?

— Это уже сыскъ, сестра, а не разговоръ по душѣ. Я жду, и давно жду, что это движеніе начнется и вотъ въ такихъ именно формахъ. А тебя оно удивляетъ. Гдѣ же у васъ съ твоимъ Эліодоромъ были глаза? Неужели вы думали, что у мужика— не душа, а паръ, какъ у кошекъ? Вы прозѣвали то, что̀ лежитъ въ глубинѣ всей его подоплеки. „Земля — наша!“ Вотъ чѣмъ живутъ они съ незапамятныхъ временъ. Точно будто ты, когда меня воспитывала въ цивическихъ идеяхъ, не знала этого? Ха, ха! Смѣху подобно, сестра! Отъ тебя-то я и слыхалъ эту формулу: „мы ваши, а земля—наша!“ А такъ какъ они уже больше не ваши—и случилось это больше сорока лѣтъ, — то, кажется, не трудно закруглить этотъ силлогизмъ.

— И это твое credo?

Голосъ ея дрогнулъ.

— А когда же я тебѣ говорилъ, что считаю коренную вѣру мужика безуміемъ... Когда?

Она опустила голову. Лицо было полно нервнаго возбужденія; даже руки ея вздрагивали.

— Да... вотъ чтò... И ты... съ злорадствомъ присутствуешь теперь при нашей ликвидаціи!

— Радоваться еще рано, Лена...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но дверь изъ корридора со скрипомъ растворилась, и въ спальню вошелъ Зубровъ, въ шапкѣ, въ полушубкѣ и большихъ сапогахъ.

— А! Мое почтеніе, Николай Сергѣевичъ!

— Чтò, Дора? Чтò?!

Елена Сергѣевна кинулась къ нему.

— Предоставлены... на произволъ судьбы.

— Какъ?

У нея перехватило въ горлѣ.

— Очень просто! Нѣтъ ни одного взвода... ни одного десятка казаковъ... Все отправлено туда... на заводъ... князя Щигровскаго. Тамъ второй день идетъ форменный разгромъ. И защитники порядка явятся туда, когда все уже будетъ истреблено и поломано, а то и подожжено... Знаешь, какъ въ оперетке Оффенбаха:

„Nous sommes des carabiniers...
Nous arrivons toujours trop tard!“

Обернувшись къ Бучаеву, онъ сквозь носъ засмѣялся:

— Не правда ли, высокій комизмъ? И вы должны быть въ особенно пріятномъ настроеніи, любезнѣйшій beau-frère?

Николай повелъ головой и медленно поднялся съ кресла.

— Мое настроеніе, добрѣйшій Эліодоръ Ильичъ, ничему не поможетъ. Одно могу сказать: на всѣ сто милліоновъ владѣльческой земли, чтобы ее отстоять съ оружіемъ въ рукахъ—врядъ-ли хватитъ и цѣлой арміи.

— Да-съ?—съ глухой злобой спросилъ Зубровъ, и тутъ только снялъ мѣховую шапку и бросилъ ее на столъ.—Противъ такой истины нельзя ничего возразить. Арміи у насъ нѣтъ... нѣтъ даже жалкой команды... Но мы такъ даромъ не дадимся въ руки господамъ пейзанамъ.

— Но чтò же теперь дѣлать?—совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросила Елена Сергѣевна и опустилась на край постели.

— Я знаю—чтò!

Онъ оглянулся на Бучаева.

— Не хочу мѣшать вашей конференціи,—сказалъ тотъ.—Я тутъ лишній. Позвольте мнѣ удалиться.

— Какъ вамъ угодно! — сказалъ Зубровъ и заходилъ по комнатѣ, разстегивая ременный поясъ своего полушубка.

Все еще спитъ въ усадьбѣ. Николай проснулся въ темнотѣ. Окна его комнаты — въ антресолѣ — выходятъ на дворъ; а за околицей идетъ проселокъ изъ села Теряево на хуторъ Зайнище.

Онъ лежитъ въ постели. Сильно засвѣжѣло. Должно быть, истопникъ забылъ закрыть печку.

Сна уже не будетъ. Онъ это знаетъ. Все пережитое имъ вчера слишкомъ его всколыхнуло.

Да, ледъ тронулся. Надо ждать водополья, когда всѣ плотины и шлюзы прорветъ. Это еще не повсюдное пробужденіе; но оно будетъ имъ—не сегодня—завтра, не черезъ полгода, такъ черезъ годъ.

И его уже больше не тянетъ туда, въ Эйдкуненъ и дальше, къ Неаполитанскому заливу, въ Палермо.

Надо остаться. „Гнусно“ было бы бѣжать въ такой моментъ.

Голова заработала совсѣмъ по новому. Въ груди точно такое ощущеніе, какъ бывало на горныхъ высяхъ, гдѣ воздухъ разрѣженъ и требуетъ глубокихъ передышекъ.

Только здѣсь, у этихъ перепуганныхъ и злобствующихъ „совмѣстителей“, онъ не желаетъ оставаться и до завтрашняго дня.

Бездушно! Сестра въ такой тревогѣ, а онъ не хочетъ поддержать ее, помочь, защитить, если выйдетъ что-нибудь серьезное!

Въ его помощи не нуждаются. Вчера Эліодоръ Ильичъ язвительно сказалъ ему:

— Вамъ будетъ не особенно пріятно оставаться здѣсь.

„Ты, молъ, пожалуй станешь во главѣ бунтующихъ мужиковъ и укажешь имъ, гдѣ лежитъ наша кубышка!“...

Не будетъ же онъ вооружаться винтовкой изъ рукъ Эліодора Ильича? Тотъ сегодня сбирается устроить вооруженную засаду съ своими лѣсниками.

Томительно тянется время. Тишина дома кажется зловѣщей. Должно быть, еще очень рано.

Онъ чиркнулъ спичкой. Половина шестого. Деревня должна уже подняться. Если изъ Теряева начнется „исходъ“ на хуторъ, то обозъ двинется мимо, вдоль частокола усадьбы... За

хлѣбомъ и прочимъ добромъ поѣдутъ на хуторъ. Мужики знаютъ, что въ усадьбѣ, кромѣ запасовъ на продовольствіе господъ и прислуги—ничего нѣтъ. Все тамъ: риги, амбары, кладовыя, машины, скотные дворы.

А можетъ быть, захотятъ произвести и разгромъ усадьбы... Это —по дорогѣ. Всего прямѣе — выместить на барскомъ добрѣ то, что̀ у нихъ накипѣло противъ ихъ „супротивника", противъ „ловкача" и „искаріота", который на обухѣ рожь молотить, извелъ ихъ штрафами, собирается отрѣзать ихъ отъ водопоя.

Въ шесть часовъ Николай всталъ, зажегъ свѣчу, началъ умываться и одѣваться, стараясь дѣлать все это какъ можно тише. Снизу стали доходить звуки. Прислуга поднялась. Кажется, поднялись и господа.

Но онъ не сходилъ внизъ, сѣлъ у окна, досталъ изъ чемодана какую-то книжку и сталъ читать, стараясь уйти въ то, что̀ мелькало передъ нимъ въ печатныхъ строкахъ.

Такъ протянулось еще съ полчаса. Онъ поглядѣлъ въ окно. Чуть-чуть брезжило.

И ему показалось, что слѣва вправу, вдоль частокола господской усадьбы, тянулось что-то сѣрой полосой, мелькали головы лошадей, дуги, темныя фигуры на мужицкихъ розвальняхъ и у оглоблей.

„Это—исходъ!—мысленно воскликнулъ онъ.—Это — теряевскіе крестьяне".

Они ѣдутъ на хуторъ.

Что-то въ немъ внутри точно дернуло.

Надо же предупредить хозяевъ дома.

Онъ тихонько спустился внизъ. Корридоръ былъ уже освѣщенъ лампой, горѣвшей въ передней.

Изъ дверей спальни, со скрипомъ своихъ большихъ сапогъ, вышелъ Эліодоръ Ильичъ.

Они столкнулись почти носъ къ носу.

— Вы изволили видѣть, Николай Сергѣевичъ, отъ себя, сверху? Потянулись подводы къ хутору... Милости просимъ. Я ѣду туда!

— А сестра?

— Она останется здѣсь. Можетъ быть, вы ей хоть сколько-нибудь поможете уложиться. Оставаться дольше—рискованно.

— Конечно, конечно.

— Благодарю васъ,—съ удареніемъ выговорилъ Зубровъ и скорымъ шагомъ пошелъ къ передней.

———

Въ залу было вынесено нѣсколько сундуковъ. Горничная, мальчикъ, кухонный мужикъ помогали барынѣ.

Смеркалось. Въ кабинетѣ мужа Елена Сергѣевна прибирала бумаги на столѣ, то вскакивала, то опять садилась. Въ углу стоялъ несгораемый шкапъ. Мужъ забылъ ей сказать, гдѣ ключи отъ него. Съ собою ли онъ захватилъ ихъ, или куда положилъ— она не знала.

Братъ предлагалъ ей — ѣхать сейчасъ же. Лошади были дома, и второй кучеръ, на котораго можно было положиться. Но она отказалась ѣхать до возвращенія Эліодора Ильича съ хутора.

Она было-порывалась туда; но онъ не пускалъ ее. Не могъ оставить ее и одну. Вдругъ какъ часть теряевскихъ крестьянъ пожалуетъ сюда.

День стоялъ сумрачный. И въ девятомъ часу было совсѣмъ почти темно.

Въ это время изъ людской прибѣжала баба и крикнула:

— Батюшки! Горитъ!

Всѣ выбѣжали на крыльцо. На небѣ что-то клубилось и зловѣще переливалось.

— Это заводъ князя Щигровскаго,—тотчасъ узнала Елена Сергѣевна.

Блѣдная и вся вздрагивающая, она вернулась въ домъ и стала еще безпомощнѣе метаться. И опять начала искать ключи отъ несгораемаго шкапа.

Николай ходилъ за ней, боясь, что она вдругъ упадетъ въ обморокъ.

— Баринъ! Баринъ! — пронесся женскій крикъ въ корридорѣ.

Оба они бросились туда.

— Господи! Ты раненъ, Дора?

Раздались ея рыданія.

— Ничего! ничего!

Рука у него была перевязана. Онъ взялъ ее за талію и повелъ въ кабинетъ. Николай пошелъ за ними.

— Чтó это... Дора? Въ тебя стрѣляли?

— Мы должны были дать нѣсколько выстрѣловъ. Никто не убитъ. А я, вотъ, видишь... раненъ... чѣмъ-то... камнемъ, должно быть... Но нельзя терять ни минуты, Леля! Сейчасъ будутъ готовы лошади... ты поѣдешь съ приказчикомъ; а я останусь.

И тутъ только замѣтивъ Бучаева, онъ сказалъ ему:

— Я васъ не прошу провожать вашу сестру. Если угодно... мы дадимъ вамъ сани,—вѣдь вы спѣшите за границу? Добраго пути!..

— Я не тороплюсь,—выговорилъ Николай.

„Всѣмъ намъ надо расплачиваться", — добавилъ онъ про себя.

А изъ окна уже видны были, на пеленѣ дымнаго неба, красные языки зарева.

П. Боборыкинъ.

1905 г.

КИТАЙ
и
ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ

I.

Кто не былъ нѣсколько лѣтъ въ Пекинѣ и возвратился туда въ послѣднее время, тотъ не могъ не замѣтить въ столицѣ имперіи много перемѣнъ къ лучшему, какъ во внѣшнемъ видѣ самого города, такъ и во внутренней его жизни. Прежде всего бросается въ глаза начинающееся благоустройство Пекина. Улицы освѣщаются, вмѣсто прежнихъ масляныхъ плошекъ, фонарями не только въ европейской части столицы, но также и въ китайскомъ городѣ.

Въ фонаряхъ, правда, горятъ керосиновыя лампочки, но императорскій дворецъ уже весь освѣщается электричествомъ, и идетъ рѣчь о проведеніи электричества для освѣщенія посольствъ и Посольской улицы.

На видныхъ мѣстахъ устроены полицейскіе посты, и полицейскіе одѣты въ полу-европейскую военную форму.

Улицы поливаются чистой водой изъ колодцевъ, а не изъ вонючихъ уличныхъ лужъ, количество которыхъ значительно уменьшилось; уменьшилось вмѣстѣ съ ними и прежнее зловоніе. У городскихъ воротъ въ китайскомъ городѣ стоятъ солдаты съ ружьями, а по ночамъ, по люднымъ улицамъ, ходятъ вооруженные патрули. Въ утренніе часы со всѣхъ сторонъ Пекина доносятся китайскіе военные сигналы и марши, по поводу обученія солдатъ.

Нерѣдко можно теперь встрѣтить на китайскихъ улицахъ

проходящія китайскія войска, хорошо вооруженныя, хорошо одѣтыя, предводимыя офицерами. Эти войска создалъ энергичный Юанъ-Ши-Кай.

Должно признать вообще, что съ боксерскаго 1900 года Китай несомнѣнно далеко шагнулъ впередъ и сталъ твердой ногой на путь, указанный ему Европой: завелъ, вооружилъ и обучилъ войска, дабы быть всегда въ готовности европейскому вооруженному кулаку показать свой вооруженный китайскій кулакъ.

Настоящее тяжелое время, которое готовитъ едва ли счастливое будущее для народовъ Дальняго Востока, требуетъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія не только къ японцамъ, но и къ китайцамъ.

Въ настоящее время нельзя продолжать относиться невѣжественно къ жизни народовъ, но необходимо прежде всего изученіе и знаніе этой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Было бы преступно, поэтому, успокоиться въ своемъ невѣжествѣ по отношенію китайцевъ и удовольствоваться тѣми знаніями, которыя опредѣляли китайцевъ или какъ трусовъ, или какъ миролюбивыхъ земледѣльцевъ и торгашей. Европейцы давно уже отрѣшились отъ такого взгляда на китайцевъ и приступили къ изученію ихъ государственнаго строя, обративъ серьезное вниманіе на вооруженныя силы Китая.

По этому вопросу въ европейской печати имѣется уже обширная литература, и недавно вышедшая книга генерала H. Frey, „L'armée chinoise", даетъ намъ много интересныхъ свѣдѣній.

Генералъ H. Frey въ книгѣ своей, посвященной китайской арміи, коснулся пяти вопросовъ: организаціи древней китайской арміи; данныхъ организаціи современной китайской арміи; средствъ, которыми располагаетъ Китай для возможно скорой организаціи своихъ вооруженныхъ силъ; состоянія китайской арміи въ 1903 году и того возможнаго, что̀ она можетъ дать въ будущемъ. Въ пятой части своей книги авторъ дѣлаетъ выводъ изъ всего имъ сказаннаго.

„Ихэтуанскій" (боксерскій) 1900-й годъ раскрылъ глаза европейцамъ на дѣйствительное къ нимъ отношеніе китайцевъ и показалъ, что въ душѣ китайскаго народа много накопилось горечи и прочно осѣла ненависть къ своимъ просвѣщеннымъ западной цивилизаціей поработителямъ.

Вполнѣ понятно, что послѣ ихэтуанскаго года вся Европа встрепенулась и взглянула тревожно въ сторону Желтаго Востока, гдѣ увидѣла для себя „желтую опасность".

Не довольствуясь уже сообщеніями своихъ дипломатовъ, евро-

пейскіе народы пожелали узнать мнѣніе о Китаѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ жилъ и работалъ.

Всѣмъ предложенъ одинъ общій вопросъ: существуетъ ли желтая опасность? Чѣмъ можетъ грозить Европѣ Китай?

Яснаго, опредѣленнаго отвѣта, однако, нѣтъ и по сей день. Да и трудно ожидать такого опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ китайскій народъ все еще остается для всѣхъ загадочно-молчаливымъ о томъ, о чемъ онъ мыслитъ и что лежитъ глубоко сокрытое въ его душѣ.

Въ настоящее время, быть можетъ, еще не настала та минута, когда онъ сознаетъ самъ, что таилось въ его вѣками нароставшихъ народныхъ идеалахъ.

О китайскомъ народѣ можно въ настоящее время сказать только одно: онъ проснулся и можетъ проявить себя столь же неожиданно, какъ и жестоко. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, неподготовленными дать отвѣтъ на предъявленныя требованія народовъ Дальняго Востока, необходимо быть всегда насторожѣ, быть всегда наблюдающими и изучающими жизнь этихъ народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Европейцы, впрочемъ, давно уже изучаютъ Китай и Японію; иностранная литература объ этихъ странахъ обширна.

Русскіе и въ знаніи жизни своихъ сосѣдей далеко отстали отъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ русскому обществу болѣе, чѣмъ какому-либо иному, необходимо знаніе, знаніе и знаніе. Настоящее время въ жизни народовъ таково, что заставляетъ прежде всего мыслить, но не полагаться только на одну грубую силу кулака, которая, будучи сильна сама по себѣ, безсильна противъ знанія и мысли, какъ наглядно показала намъ несчастная для насъ война съ японцами, маленькимъ государствомъ, населеніе котораго мы называли не иначе, какъ презрительнымъ именемъ „макакъ“ и „япошекъ“...

Китайскаго народа и китайскаго государства мы тоже не знаемъ, мы не изучали его внутренней жизни, мы не знаемъ его вооруженныхъ силъ...

Военная мощь Китая слагалась столь же своеобразно, какъ и само китайское государство, создавшееся изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и удѣльныхъ княжествъ, образовавшихъ эту громадную имперію.

Общій принципъ государственной жизни Китая былъ и остается до сего дня—широкая децентрализація, которая служитъ основой управленія четырехсотъ-милліоннаго населенія. На этомъ принципѣ децентрализаціи развивался и военный

строй Китая. Намѣстникъ каждой области, губернаторъ каждой провинціи, имѣлъ столько военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, сколько находилъ нужнымъ имѣть только для своей области или своей провинціи, оставаясь совершенно независимымъ, какъ отъ потребностей сосѣднихъ областей, такъ и отъ центральной власти.

Каждый намѣстникъ и губернаторъ содержали свои войска на средства своей области и своей провинціи, являясь отвѣтственными только передъ трономъ, когда этого требовали чрезвычайныя обстоятельства.

Съ появленіемъ европейцевъ въ Китаѣ такая система военной организаціи оказалась вполнѣ непригодной, и покойный Ли-Хун-Чангъ первый задался цѣлью образовать, обучить и вооружить по-европейски хоть часть своихъ войскъ, положивъ начало китайской общегосударственной арміи и оставивъ пока въ сторонѣ областныя войска. Послѣдователемъ Ли-Хун-Чанга является въ настоящее время энергичный Юан-Ши-Кай.

Правительственная китайская армія состояла и состоитъ изъ такъ-называемыхъ „Восьми знаменъ".

Самымъ многочисленнымъ изъ нихъ являются войска „Зеленаго знамени", состоящія почти исключительно изъ китайцевъ. Войска „Зеленаго знамени" дѣлятся на двѣ части: внутренній гарнизонъ и полевыя войска.

Войска, входящія въ составъ внутренняго гарнизона, являлись постоянными и несли обязанности жандармеріи, участвуя во взиманіи податей, составляя охранную стражу городовъ.

До 1900-го года эти войска были вооружены копьями, луками и старинными кремневыми ружьями-пистолями.

Полевыя войска „Зеленаго знамени" составлялись изъ выборныхъ отъ всего знамени, а кромѣ того пополнялись солдатами и по вольному найму.

Эти войска распредѣлялись на границахъ государства для ихъ охраны, употреблялись для подавленія возстаній, для преслѣдованія разбойниковъ.

Этимъ войскамъ было уже дано европейское вооруженіе и обученіе. Подобная военная организація Китая по отдѣльнымъ областямъ, не имѣя ничего въ себѣ общаго, не могла создать единой китайской арміи, почему Китай и не былъ въ состояніи выдержать ни одной войны съ европейцами.

Въ 1860 году противъ соединенной англо-французской арміи Китай выставилъ лишь одну печилійскую армію, такъ какъ война велась въ Печилійской области.

Въ японо-китайскую войну 1894—95 года противъ японской арміи дѣйствовали войска Ли-Хун-Чанга, т.-е. войска печилійскаго намѣстника и войска манчжурскія, такъ какъ война велась въ этихъ мѣстностяхъ. Вызванные на помощь отборные отряды отъ другихъ областей и провинцій не могли быть полезными, такъ какъ явились вполнѣ неподготовленными и разрозненными другъ отъ друга въ вооруженіи и обученіи.

Вполнѣ понятнымъ является, что до 1900 года большинство китайскихъ войскъ являлось временнымъ лишь уличнымъ сбродомъ, нанимавшимся на случай необходимости, а постоянной арміи въ европейскомъ смыслѣ слова не существовало.

Отсюда и явилась общая характеристика китайскихъ войскъ того времени, какъ негодныхъ къ серьезной войнѣ, трусливыхъ, плохо обученныхъ, плохо вооруженныхъ.

До послѣдняго времени Китай, какъ обособившееся отъ Европы государство, занимавшее средину и восточную оконечность азіатскаго материка, не обзаводился войсками, необходимыми для отраженія наступательнаго движенія Европы, а для своихъ внутреннихъ потребностей, для борьбы съ разбойниками, для подавленія возстаній довольствовался мѣстными войсками. Такому положенію дѣла въ Китаѣ много способствовала и его вѣковая культура, столь враждебная развитію военнаго государства.

Общее количество войскъ въ Китаѣ считалось на бумагѣ въ шестьсотъ тысячъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было ничтожное количество. Низшіе офицеры по своему образованію и развитію стояли не выше своихъ солдатъ, а высшіе военные чины были прежде всего ученые гражданскіе чиновники, носившіе вмѣстѣ съ своими гражданскими обязанностями только присвоенное имъ военное званіе.

Такіе гражданскіе военачальники не могли, конечно, создать духа арміи и дисциплины, а солдаты, набранные изъ отбросовъ народа, не могли вселить къ себѣ уваженіе и создать связь съ населеніемъ.

Понятнымъ отсюда являлось въ Китаѣ общее народное презрѣніе и страхъ къ военному сословію, выразившіеся въ народной пословицѣ: „Хорошее желѣзо не берутъ на выдѣлку замковъ, и изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ солдатъ“.

Отсутствіе сильной китайской арміи проходитъ черезъ всю исторію Китая. Слабость китайскихъ войскъ дала возможность завоевать Китай монголамъ въ 1260 году, подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана. Завоеватели-монголы отлично понимали

всю выгоду, которую они могутъ извлечь изъ невоинственности китайскаго народа, и поэтому покровительствовали проповѣди китайскихъ философовъ и учителей, которые указывали, что только науки, искусства, тихая семейная жизнь, сохраненіе мира составляютъ счастье человѣка.

Монголы поощряли враждебное чувство китайцевъ къ ужасамъ войны и бѣдствіямъ, которыя вызываютъ постоянныя передвиженія войскъ. Монголы не заставляли умолкать ученіе Конфуція, который сказалъ: „Миръ, хотя бы и мало славный, не составляетъ ли самую блестящую побѣду?“ —и ученіе другого мыслителя, который говорилъ: „Воздавайте побѣдителямъ только погребальныя почести; встрѣчайте ихъ воплями и криками въ память совершенныхъ ими душегубствъ, и пусть памятники ихъ побѣдъ будутъ окружены могилами“.

Китайскіе императоры, тѣмъ не менѣе, признавали необходимость имѣть армію для огражденія своей династіи отъ посягательствъ сосѣдей, а также и для охраненія безопасности внутри своихъ владѣній, что̀ и было причиной, что въ Китаѣ все-таки всегда существовали династическія войска.

Манчжуры, завоевавъ Китай въ 1644 году, признали эти войска весьма полезными и удержали ихъ, какъ отвѣчающія вполнѣ интересамъ династіи, раздѣливъ на восемь знаменъ, причемъ манчжуры-побѣдители были всѣ поголовно обязаны оставаться воинами, а китайцы-побѣжденные зачислялись въ войска по найму.

Монголы образовали тогда особое казачество, обязанное нести военную службу за дарованныя имъ государствомъ земли. Манчжуры, ставъ владыками Китая, не довѣряли китайцамъ отвѣтственныхъ должностей въ войскахъ, почему во всѣ китайскія провинціи отправлялись солдаты-манчжуры, и китайскимъ солдатамъ начальниками назначались также офицеры-манчжуры, дабы показать повсемѣстно власть манчжурской династіи. Въ древней исторіи Китая, тѣмъ не менѣе, былъ и періодъ милитаризма, выдвинувшій знаменитаго генерала Сун-Цзы, о славѣ и доблестяхъ котораго говорятъ всѣ лѣтописи.

Генералу Сун-Цзы, жившему за 2500 лѣтъ до Р. Х., приписываютъ классическое сочиненіе о военномъ дѣлѣ.

Ему же приписываютъ громадное вліяніе на китайское правительство, которое признавало справедливость высказаннаго имъ положенія: „Войска должны составлять самую великую заботу государства, ибо отъ нихъ зависитъ жизнь или смерть подданныхъ, величіе или упадокъ государства“.

Генералъ Сун-Цзы въ сочиненіи своемъ, раздѣленномъ на тринадцать главъ, подробно опредѣляетъ основныя правила военной науки и искусства. И до сего дня основныя положенія, высказанныя генераломъ Сун-Цзы, сохраняютъ свою жизненную правду и пріемлемость.

„Командованіе арміей и дисциплина,—говоритъ онъ,—должны быть одинаковыми, какъ во время мира, такъ и во время войны.

„Наши древніе военачальники были люди мудрые, дальновидные, энергичные и упорные въ трудѣ. Они были всегда готовы ко всякой случайности. Войска, которыми они начальствовали, были хорошо дисциплинированы и всегда были готовы нанести ударъ по первому данному имъ знаку.

„У нихъ теорія и практика предшествовали войнѣ и подготовляли къ ней.

„Чтобы выйти побѣдителемъ надъ своими врагами, необходимо соблюсти пять условій: 1) знать время начать бой и время начать отступленіе; 2) знать, когда, по обстоятельствамъ, нужно пустить въ дѣло много войска, когда—мало; 3) проявлять одинаковую любовь, какъ къ простому солдату, такъ и къ высшимъ офицерамъ; 4) умѣть пользоваться всѣми обстоятельствами, какъ заранѣе предусмотрѣнными, такъ и неожиданно явившимися; 5) быть увѣреннымъ, что государь не станетъ порицать за все то, на что можно отважиться, какъ для пользы его службы, такъ и для славы его войска.

„Если ко всему вышесказанному присоединить личное сознаніе того, что можешь сдѣлать и чего сдѣлать не въ силахъ, а также знаніе всѣхъ людей, которые находятся подъ твоимъ начальствомъ, знаніе, что они могутъ сдѣлать и чего отъ нихъ можно требовать,—то, еслибы пришлось выдержать сотни войнъ, изъ нихъ выйдешь сто разъ побѣдителемъ.

„Хорошій генералъ никогда не долженъ говорить: „я поступлю такъ-то, я пойду туда-то, я произведу аттаку на врага, я предприму осаду такой-то мѣстности“. Обстоятельства должны имѣть рѣшающее значеніе.

„Не слѣдуетъ всегда и во всемъ держаться одной общей системы, не слѣдуетъ точно также руководствоваться разъ созданнымъ планомъ. Каждый день, каждый случай, каждое обстоятельство требуютъ особаго тщательнаго разсмотрѣнія и примѣненія того или другого принципа. Великій полководецъ долженъ постигать искусство измѣнять планы.

„Если онъ придерживается всегда строго опредѣленныхъ знаній, однообразнаго приложенія правилъ, однихъ и тѣхъ же

законовъ дисциплины... онъ не заслуживаетъ того званія, которое носитъ, онъ не заслуживаетъ назначенія быть начальникомъ.

„Жалованье солдатамъ должно платить всегда своевременно и съ величайшей точностью.

„Заботьтесь о плѣнныхъ; кормите ихъ, какъ вашихъ собственныхъ солдатъ; старайтесь даже, если возможно, чтобы у васъ имъ было лучше, нежели въ собственномъ ихъ лагерѣ или даже у нихъ на родинѣ. Извлекайте пользу изъ ихъ службы. принимая, конечно, всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Короче сказать, смотрите на плѣнныхъ, какъ еслибы они принадлежали къ солдатамъ, свободно пришедшимъ подъ ваши знамена.

„Только одна необходимость должна заставлять начинать войну. Только она одна можетъ принудить захватить территорію вашего непріятеля для увеличенія собственной страны, только она одна можетъ заставить вторгнуться въ селенія враговъ, внести разореніе въ ихъ жилища.

„Не считайте средствомъ побѣды однѣ только битвы, осады. Учитесь побѣждать, не сражаясь; чѣмъ болѣе вы достигнете въ этомъ, тѣмъ болѣе приблизитесь къ превосходному, несравнимому.

„Достигнуть того, чтобы ворота города были открыты безъ кровопролитія, найти средства побѣдить чужеземныя государства, не входя въ ихъ предѣлы съ войсками—такова задача, которую военачальники, предводя арміями, должны непрестанно имѣть въ виду и никогда не отчаяваться въ ея достиженіи.

„Не упускайте ни единой возможности тревожить, тѣснить непріятеля; губите его по частямъ; находите возможность раздражать его, чтобы заставить его попасть въ разставленную вами для него западню.

„Отвлекайте непріятеля, отнимайте у него подвозъ припасовъ, его транспорты. Великій полководецъ торжествуетъ надъ врагомъ, пуская въ ходъ все свое искусство, чтобы разстроить планы непріятеля; онъ распространяетъ раздоры въ рядахъ его людей; онъ держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи, не давая врагу отдыха, не допуская до него подходящихъ подкрѣпленій“...

Таковъ идеалъ полководца, выставленный генераломъ Сун-Цзы въ его книгѣ.

Переходя къ описанію современной китайской арміи, генералъ Frey во второмъ отдѣлѣ своей книги говоритъ, что каждый, кто видѣлъ китайскія войска въ послѣдней печилійской войнѣ и особенно въ Таньцзинѣ въ 1900 году, кто видѣлъ во-

оруженіе арміи, обученіе пѣхоты и артиллеріи, однимъ словомъ, кто видѣлъ китайскую армію, какъ цѣлое, составленное изъ различныхъ ея частей, тотъ не можетъ не удостовѣрить, что китайская армія значительно стала лучше не только противъ 1860 года, но и противъ 1894-го. Китайскія войска 1900 года не помѣшали европейскимъ войскамъ достигнуть Пекина только потому, что генералъ Юан-Ши-Кай, бывшій главнымъ начальникомъ войскъ и вице-королемъ Шандунской провинціи, увелъ свои войска въ свою провинцію, чѣмъ, какъ дальновидный государственный человѣкъ, достигъ двухъ цѣлей заразъ: боксерское движеніе было локализовано только въ Печилійской провинціи и не могло распространиться въ Шандунской провинціи, въ которой Юан-Ши-Кай поддержалъ строгій порядокъ, и европейскія войска безъ особыхъ препятствій достигли Пекина и положили конецъ смутамъ, освободивъ европейскія посольства отъ боксеровъ. Такимъ образомъ, армія Юан-Ши-Кая, серьезно обученная и дисциплинированная, можетъ служить образцомъ новыхъ китайскихъ войскъ.

Другой европейски-обученной и дисциплинированной арміей обладаетъ другой выдающійся китайскій государственный человѣкъ, вице-король Чжан-Чжи-Дунъ.

Его армія расположена на югѣ Китая: въ Ву-Зунѣ и по Ян-Цзэ-Кіангу.

Одинъ изъ французскихъ офицеровъ, присутствовавшій на маневрахъ артиллеріи въ 1901 году, говоритъ о ней такъ: „Всѣ движенія артиллеріи отличаются поразительной точностью; выѣздъ на позиціи, снятіе и постановка орудій совершаются съ поразительной быстротой и совершенствомъ. Инструкторъ, нѣмецкій офицеръ, признавая прекрасныя военныя качества китайскихъ солдатъ, высказалъ, что каждый изъ нихъ превосходный стрѣлокъ, у каждаго изъ нихъ великолѣпное зрѣніе и полное отсутствіе нервовъ“.

Вучангская армія Чжан-Чжи-Дуна состоитъ изъ десяти-тысячъ прекрасно вооруженныхъ, обученныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ. Ядромъ, изъ котораго выдѣлились и развились эти новыя китайскія арміи, были все тѣ же старыя „Восемь знаменъ“. Первый, положившій начало этимъ арміямъ, какъ уже было сказано, былъ Ли-Хун-Чангъ, выдѣлившій изъ „Восьми знаменъ“ новый пекинскій корпусъ въ составѣ тринадцати тысячъ, который долженъ былъ всегда держаться въ боевой готовности для защиты Пекина. Въ 1889 году, изъ „Восьми знаменъ“ былъ выдѣленъ новый корпусъ въ сорокъ-три тысячи,

предназначенный для защиты всей Печилійской провинціи. Первая печилійская армія и была излюбленнымъ дѣтищемъ покойнаго Ли-Хун-Чанга. Императрица, признавая всю неотложность реорганизаціи вооруженныхъ силъ Китая, указомъ отъ 7-го декабря 1898 года раздѣлила всѣ дѣйствующія войска на пять дивизій, подъ общимъ начальствомъ генерала Чжун-Лу, получившаго тогда наименованіе генералиссимуса.

Весь этотъ пяти-дивизіонный корпусъ заключалъ въ себѣ 57.000 человѣкъ съ 5 тысячами кавалеріи и небольшимъ количествомъ артиллеріи. Первая дивизія, подъ начальствомъ генерала Суна, была размѣщена въ Шанхай-Гуани; вторая дивизія, подъ начальствомъ генерала Нэ, была размѣщена въ Лутаѣ и Кайпинѣ, близъ Тяньцзина. Генералъ Нэ, одинъ изъ просвѣщенныхъ китайскихъ генераловъ, былъ убитъ въ бою подъ Тяньцзиномъ въ 1900 г. Его войска въ Лутаѣ имѣли въ 1899 году русскихъ инструкторовъ въ лицѣ полковника лейбъ-гвардіи гусарскаго полка П. П. Воронова и двухъ гусарскихъ унтеръ-офицеровъ.

Третья дивизія, подъ начальствомъ генерала Юана, была расположена въ Сяо-Чанѣ; четвертая дивизія, подъ начальствомъ знаменитаго въ боксерскомъ движеніи Дун-Фу-Сань, была расположена въ Цзи-Чжоу, и, наконецъ, пятая дивизія, находившаяся въ личномъ распоряженіи самого генералиссимуса Чжун-Лу, располагалась въ окрестностяхъ Пекина въ такъ-называемомъ императорскомъ Охотничьемъ паркѣ, и была предназначена для службы въ предѣлахъ императорскаго дворца. Большинство войскъ этихъ пяти дивизій было уже вооружено ружьями Маузера и Манлихера, и только меньшинство имѣло ружья различныхъ системъ.

Что касается Манчжуріи, то въ трехъ ея провинціяхъ войска были выдѣлены изъ „Восьми знаменъ“ и составили въ каждой провинціи гарнизонъ изъ четырехъ тысячъ пѣхоты, вооруженной по-европейски, 500 кавалеріи и 80 орудій полевой и горной артиллеріи.

Эти арміи должны были находиться въ состояніи боевой готовности.

Въ случаѣ необходимости, войска въ Манчжуріи могли быть доведены до 37 тысячъ общаго состава.

Кромѣ того, на границѣ Кореи и Россіи находилась самостоятельная армія въ 10 тысячъ человѣкъ.

Весь численный составъ манчжурской арміи и пограничной съ Россіей и Кореей, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, долженъ былъ быть доведенъ до 170.000. Но манчжурскія войска не

имѣли еще европейскихъ инструкторовъ, и, какъ полагаютъ, общее ихъ количество едва-ли могло превысить 60 тысячъ.

Кромѣ этихъ армій, существовавшихъ въ дѣйствительности, считалась еще на бумагѣ такъ-называемая тибетская армія, въ постоянномъ численномъ составѣ въ три тысячи человѣкъ, а въ случаѣ войны долженствовавшая имѣть численный составъ въ 47 тысячъ.

Южный Китай имѣлъ свои войска, расположенныя какъ въ городахъ провинціи, такъ и въ пограничной полосѣ Китая и Тонкина.

Полковникъ Famin, наблюдавшій эти пограничныя войска, говоритъ, что количественно они достигаютъ 10 тысячъ, въ числѣ этомъ заключаются пѣхота, кавалерія и горная артиллерія, сообразно съ характеромъ горной мѣстности.

Бо̀льшая часть южной арміи, по словамъ полковника Famin, получила поверхностное европейское военное образованіе, но дисциплина этихъ войскъ удовлетворительная, а стрѣльба—хорошая.

Вооруженіе армій самое разнообразное и въ большинствѣ—старое. Въ различныхъ мѣстностяхъ расположенія арміи находятся въ достаточномъ количествѣ снабженные аммуниціей запасные склады.

По близости границы имѣются также арсеналы, производящіе снаряды и порохъ.

Что касается состава офицеровъ въ южной арміи, то большинство изъ нихъ не имѣетъ общаго образованія, и многіе изъ нихъ не сдавали даже военнаго экзамена. Корпусъ высшихъ офицеровъ пополняется кандидатами на вакансію, живущими при арміи и ожидающими зачисленія въ войска.

Замѣщеніе невѣжественныхъ офицеровъ получившими образованіе въ военныхъ школахъ происходитъ очень медленно, за общимъ пока еще недостаткомъ военныхъ школъ относительно потребности въ образованныхъ офицерахъ. Что касается до унтеръ-офицеровъ, то большинство изъ нихъ старые служаки и выбираются сами же солдатами, по добровольному соглашенію. Низкій умственный и нравственный уровень офицеровъ и унтеръ-офицеровъ составляетъ пока слабую сторону организаціи въ южной пограничной арміи.

Для потребностей этой арміи въ нѣсколькихъ мѣстахъ находятся большіе склады риса, но въ арміи нѣтъ ни санитарной организаціи, ни организаціи перевязочныхъ средствъ и транспортовъ.

Полковникъ Famin считаетъ, что пограничный армейскій южный корпусъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ только для веденія оборонительной войны въ этой мѣстности, трудно вообще доступной и войскамъ хорошо извѣстной.

Боевыя качества этой арміи выказались въ благопріятномъ все-таки свѣтѣ, такъ какъ въ 1902 году она храбро выдержала борьбу съ возстаніемъ. Небольшая китайская армія, организованная по образцу арміи въ Гуань-Си, находится также и въ провинціи Юн-Нань.

Офицеры и унтеръ-офицеры въ этой юн-наньской арміи принадлежатъ къ бывшимъ когда-то предводителямъ пиратовъ и мятежниковъ во время войны въ Тонкинѣ. Войска эти хотя мало обучены и мало дисциплинированы, но къ нимъ небрежно относиться нельзя...

Если бы произошла война съ Китаемъ, то они могли бы въ Индо-Китаѣ доставить французамъ менѣе хлопотъ.

Одна изъ новѣйшихъ и наиболѣе обученныхъ южныхъ армій, это та, которая расположена въ Ву-Чангѣ.

Эту армію видѣлъ французскій офицеръ Hubert, въ началѣ 1901 г., и говоритъ о ней слѣдующее.

Въ концѣ 1894 года, вице-король Лянцзянскихъ провинцій Чжан-Чжи-Тунъ, пригласилъ въ Нанкинъ 12 германскихъ офицеровъ, 24 унтеръ-офицера, и поручилъ имъ организовать, обучить и вооружить бывшія подъ его начальствомъ войска, долженствующія быть постоянными.

По прошествіи двухъ лѣтъ, Чжан-Чжи-Тунъ декретомъ императрицы былъ переведенъ въ провинцію Ху-Бей, въ которой Ву-Чангъ является главнымъ торговымъ пунктомъ. Вице-король взялъ съ собою въ новое свое вице-королевство (намѣстничество) и бо̀льшую часть своей новой, по-европейски вооруженной и обученной арміи.

Кромѣ обученія по-европейски войскъ, Чжан-Чжи-Тунъ учредилъ въ Нанкинѣ военную школу и нѣсколько военныхъ заводовъ, изготовлявшихъ ружья и отливавшихъ пушки.

Прибывъ въ Ву-Чангъ, Чжан-Чжи-Тунъ, немедля, при помощи тѣхъ же германскихъ офицеровъ, приступилъ и здѣсь къ организаціи постоянной по-европейски обученной арміи, и открылъ военную школу, послужившую ядромъ, изъ которой выростали новые китайскіе офицеры. Къ концу 1897 года число по-европейски обученныхъ войскъ въ Ву-Чангѣ было до трехъ тысячъ, и въ настоящее время количество этихъ войскъ считаютъ возросшимъ до 20 тысячъ.

Эти войска раздѣлены на двѣ дивизіи: дивизію дѣйствующую (войны) и дивизію резерва, которая несетъ службу внутри провинціи.

Дѣйствующая дивизія (войны) состоитъ при вице-королѣ и заключаетъ въ себѣ три полка пѣхоты, батальонъ саперъ, эскадронъ кавалеріи, полкъ артиллеріи (8 горныхъ баттарей) и двѣ роты желѣзнодорожной охраны.

Вторая резервная дивизія состоитъ изъ трехъ полковъ пѣхоты, одного полка артиллеріи (8 горныхъ баттарей) и различныхъ отрядовъ, несущихъ службу по охранѣ путей сообщенія, городскихъ гарнизоновъ, полиціи, охраняющей европейцевъ, и т. д.

Что касается состава войскъ различнаго рода оружія, то китайскій пѣхотный полкъ состоитъ изъ батальоновъ, ротъ, взводовъ.

Батальонъ во всѣхъ новыхъ полкахъ въ провинціи состоитъ изъ 500 человѣкъ. Вооруженіе офицеровъ по образцу нѣмецкому.

Войска вооружены ружьями Маузера съ ножемъ-штыкомъ.

Одежда, лагерное расположеніе, шанцевые инструменты— все это заведено или по нѣмецкому, или по японскому образцамъ.

Инженерныя войска по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ пѣхоты, но имѣютъ въ своемъ распоряженіи артиллерійскіе парки, зарядные ящики, взрывчатыя вещества, матеріалъ для наведенія мостовъ при переправахъ чрезъ небольшія рѣчки и каналы.

Артиллерійскій полкъ состоитъ изъ четырехъ баттарей, каждая баттарея имѣетъ 8 орудій калибра 57 мил. системы Круппа.

Кавалерія находится еще въ періодѣ начальнаго образованія,

Вооруженіе кавалерійскаго офицера состоитъ изъ сабли и револьвера.

Сабля—нѣмецкаго образца. Вооруженіе солдатъ состоитъ изъ копья и магазиннаго карабина.

Считаютъ, что въ каждомъ вновь сформированномъ эскадронѣ имѣется 250 лошадей.

Обмундировка по-европейски обученныхъ солдатъ повсюду одинакова. Разные роды оружія отличаются другъ отъ друга только цвѣтомъ галунныхъ нашивокъ на рукавѣ.

Офицерамъ, начиная съ чина капитана, полагается быть на конѣ.

Каждый батальонъ имѣетъ военнаго врача и необходимый запасъ врачебныхъ матеріаловъ и средствъ.

Жалованье солдатамъ платится ежемѣсячно.

Обозъ каждой военной части одинаковъ и состоитъ изъ китайскаго образца тачекъ, хорошо и прочно построенныхъ по

особому типу и весомыхъ, какъ вообще практикуется у китайцевъ, особыми кули (чернорабочими).

Каждый пѣхотный батальонъ, артиллерійскій полкъ и кавалерійскій эскадронъ имѣетъ свое значеніе, но въ каждомъ знамени въ центрѣ помѣщена китайская надпись: „Всегда впередъ —и никогда назадъ“.

Въ европейски обученныхъ войскахъ офицерскій корпусъ пополняется получившими военное образованіе въ военныхъ школахъ въ Тяньцзинѣ, Ву-Чангѣ, Нанкинѣ. Въ ближайшемъ будущемъ всѣ офицерскія мѣста будутъ пополняться людьми, получившими военное образованіе въ военныхъ школахъ.

Чтобы поднять уваженіе къ военному сословію, вице-король Чжан-Чжи-Тунъ издалъ приказъ, по которому всѣ подвѣдомственные ему мандарины обязаны одного изъ своихъ сыновей отдавать въ военную школу. Самъ вице-консулъ подалъ этому примѣръ, отдавъ одного сына въ военную школу въ Ву-Чангѣ, а другихъ своихъ сыновей отправивъ въ военную школу въ Токіо.

Солдаты въ провинціяхъ Печилійской, Шандуньской и Хонаньской нанимаются на службу на десятилѣтній срокъ. Всѣ принятые на службу солдаты должны быть грамотны и принадлежать къ хорошимъ семьямъ.

Французскій командиръ Hubert, который присутствовалъ на маневрахъ различныхъ частей китайскихъ войскъ, говоритъ, что нашелъ войска хорошо вымуштрованными, какъ въ отношеніи сомкнутаго строя, такъ и при дѣйствіи въ разсыпную.

Построенія въ боевой порядокъ, наступленія, отступленія, высылка подкрѣпленій, совершались войсками въ высшей степени правильно, съ увлеченіемъ, но въ величайшемъ спокойствіи и тишинѣ.

Порядокъ въ стрѣльбѣ замѣчательный: стрѣлки развиваютъ правильный огонь, не обнаруживая торопливости.

Прицѣлъ, назначаемый начальникомъ, берется всегда замѣчательно точно.

Инженерныя войска приспособлены къ различнымъ маневрамъ пѣхоты и исполняютъ ихъ съ тою же тщательностью, какъ и пѣхота. Въ исполненіи своей спеціальности эти войска проявляютъ ту особенную способность, которая такъ свойственна китайцамъ.

Артиллерія выполняетъ свои маневры выше всякихъ похвалъ: постановка орудій, наводка ихъ на прицѣлъ, стрѣльба, повѣрка стрѣльбы по методу вилки,—одинаково усвоены, какъ начальниками, такъ и солдатами. Какъ только орудіе выѣхало на пози-

цію, то наводчики и прислуга при орудіяхъ, чтобы не показывать непріятелю явной цѣли, остаются сидѣть; такое положеніе, помимо удобства, предохраняетъ ихъ отъ утомленія во время продолженія стрѣльбы.

Кавалерія не столь удовлетворительна. Вооруженіе карабиномъ, саблей и копьемъ отягощаетъ всадника, а малый ростъ лошади не даетъ возможности легко развернуться рукѣ съ копьемъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ упражненія въ волтижировкѣ исполняются китайцами-кавалеристами съ ловкостью и отвагой.

Что касается размѣщенія войска въ Ву-Чангѣ, то казармы, гимнастическій плацъ, магазины и склады для храненія матеріаловъ какъ дѣйствительной службы, такъ и резервовъ, кухня, баня, лазаретъ, содержатся въ прекрасныхъ условіяхъ, въ чистотѣ, и хорошо обставлены. Каждый человѣкъ имѣетъ свою походную кровать, которая образуетъ крышку деревяннаго сундука съ выдвижными ящиками для помѣщенія вещей. Постельный приборъ состоитъ изъ цыновки, двухъ одѣялъ и мустикера.

Вице-король Чжан-Чжи-Тунъ, по примѣру покойнаго Ли-Хун-Чанга, одновременно съ реорганизаціей своей арміи, принялъ мѣры также и къ тому, чтобы освободиться отъ опеки европейцевъ и зависимости отъ доставки ими всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и обмундированія для своей арміи.

Вслѣдствіе этого онъ поручилъ бельгійскимъ и нѣмецкимъ инженерамъ привести въ извѣстность природныя горныя богатства въ провинціяхъ Ху-Бей и Хунань, изобилующихъ мѣстонахожденіями угля, желѣза, мѣди.

Въ настоящее время по близости Ву-Чанга возникли уже многіе промышленныя учрежденія и заводы, каковы: сталелитейные, желѣзодѣлательные, арсеналы, дабы все необходимое получалось и обработывалось изъ первыхъ рукъ и источниковъ.

Директоромъ арсенала состоитъ китайскій чиновникъ, имѣющій помощниками двухъ нѣмецкихъ инженеровъ. Машинное устройство доставлено по бо́льшей части отъ Круппа.

Въ этомъ арсеналѣ имѣются слѣдующія производства: 1) заводъ для выдѣлки ружей системы Маузера, — ежедневно 50 штукъ; 2) заводъ для отливки пушекъ и мастерская для изготовленія лафетовъ, необходимыхъ для пушекъ въ количествѣ ста ежегодно; пушки отливаются скорострѣльныя, системы Grüson, калибра 37 mm., 57 mm. и 80 mm.; имѣется литейная для производства гранатъ въ количествѣ ста тысячъ въ годъ; 3) патронный заводъ, выпускающій ежедневно 25 тысячъ патроновъ,

4) пороховой заводъ, расположенный въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ арсенала.

Въ устьѣ рѣки Ян-Цзэ существуетъ другой, еще болѣе солидный арсеналъ, нежели въ Хань-Янѣ (Ву-Зунѣ).

Этотъ арсеналъ имѣетъ директоромъ также китайскаго чиновника и нѣсколькихъ инженеровъ-англичанъ.

Въ этомъ арсеналѣ не только дѣлаются ружья и отливаются скорострѣльныя орудія, но отливаются и тяжелыя горныя орудія, а также и необходимыя вооруженія для фортовъ гор. Янцзэцзяна. Крупныхъ орудій, по образцу англійскихъ морскихъ, отливается въ этомъ арсеналѣ ежегодно 20 и сто скорострѣльныхъ по модели Grüson, калибровъ 37 m., 47 m. и 57 m.

Находящійся въ 4 километрахъ къ юго-востоку отъ арсенала, пороховой заводъ производитъ порохъ различнаго качества и пироксилинъ; здѣсь выдѣлываются также и патроны для ружей всѣхъ системъ, принятыхъ въ войскахъ Лянцзянскаго намѣстничества.

Кромѣ арсеналовъ, въ Ву-Чангѣ имѣется еще центральный складъ оружія и матеріаловъ, служащій, какъ резервъ.

Здѣсь имѣется большое количество пушекъ, полученныхъ изъ Германіи передъ войной 1900 года, а также и орудія собственнаго производства. Эти запасы считаютъ въ 342 орудія 57 mm., 60 орудій 75 mm.; 70 тысячъ ружей Маузера; полевыя баттареи европейскаго производства; запасы въ тысячу пачекъ патроновъ и т. д.

Кромѣ 20 тысячъ войскъ, обученныхъ по-европейски, въ южномъ Китаѣ есть еще 40 тысячъ необученныхъ, вслѣдствіе лишь недостатка въ европейцахъ-инструкторахъ, но всѣ эти войска вооружены ружьями Маузера.

Въ каждомъ пунктѣ болѣе или менѣе значительнаго расположенія этихъ войскъ находится одинъ или два батальона, обученныхъ по-европейски, которые и служатъ образцомъ при обученіи всѣхъ остальныхъ войскъ.

Изъ числа этихъ 40 тысячъ, въ Сяо-Янѣ расположено отъ 6 до 8 тысячъ; 12 тыс. расположено въ Ичанѣ, 10 тыс.— большинство манчжуры—расположено въ Кин-Чоу, гдѣ находится главная квартира манчжурскаго генерала. Войска эти вообще, какъ малообученныя и не имѣющія достаточнаго числа образованныхъ офицеровъ, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Было уже нами сказано выше, что тотъ, кто первый обратилъ все вниманіе на военное образованіе офицеровъ и положилъ начало этому образованію учрежденіями военныхъ школъ

въ Тяньцзинѣ, Пекинѣ, Кантонѣ, Нинпо, Нанкинѣ, Уюнѣ,—былъ Ли-Хун-Чангъ.

Однѣ изъ этихъ школъ были школами низшаго разряда, приготовительными къ званію офицера, а другія были школами спеціальными или военными академіями, воспитанники которыхъ, по окончаніи курса наукъ, выходили прямо офицерами. Подготовительныя военныя школы были основаны въ Манчжуріи въ городахъ Мукденѣ, Гиринѣ и Цицикарѣ въ 1894 г.

Подполковникъ Быковскій, посѣтившій Цицикаръ въ 1900 г., сообщилъ интересныя свѣдѣнія о пріемѣ воспитанниковъ въ училище, о программѣ преподаванія и продолжительности курса. Преподаваніемъ въ училищѣ занимались тогда пять офицеровъ, большинство изъ нихъ были манчжуры.

Двое проходили китайскую литературу, а трое читали военныя науки: фортификацію, артиллерію, топографію, курсъ желѣзнодорожнаго дѣла, курсъ минного дѣла.

По выходѣ изъ школы, ученики должны были прослужить въ теченіе года въ званіи нижнихъ военныхъ чиновъ, затѣмъ получали чинъ унтеръ-офицера и зачислялись на вакансію по собственному желанію въ одну изъ трехъ армій. Прослуживъ еще годъ въ званіи унтеръ-офицера, они получали званіе адъюнктовъ, по пѣхотѣ или кавалеріи.

Прослуживъ два года въ этомъ званіи, они получали первый офицерскій чинъ, который давался имъ, такимъ образомъ, не особенно легко.

Капитанъ Boichut, ознакомившись съ положеніемъ китайскихъ военныхъ школъ, признаетъ, что китайцы сдѣлали много шаговъ впередъ по пути прогресса, и если бы національное ихъ движеніе не было замедлено, то боксерское движеніе 1900 года, съ прекрасно вооруженной арміей и образованными молодыми офицерами, могло бы имѣть другой результатъ.

Въ настоящее время европейцы не могутъ не признать попытокъ китайскаго правительства создать у себя военное населеніе и должны къ будущему отнестись съ большимъ вниманіемъ.

Послѣ 1900 года въ Китаѣ проявляются попытки японцевъ къ организаціи военнаго образованія среди китайцевъ силами японскихъ инструкторовъ, съ каковой цѣлью японскіе офицеры въ отставкѣ или въ запасѣ предлагали свои услуги вице-королямъ различныхъ южныхъ провинцій къ учрежденію военныхъ школъ въ главныхъ городахъ и обученію ихъ солдатъ по-европейски.

Послѣ 1900 года, въ Китаѣ открыто уже нѣсколько выс-

шихъ военныхъ училищъ, преподавателями въ которыхъ были приглашены европейскіе офицеры.

Каждая изъ высшихъ школъ имѣетъ до ста воспитанниковъ, изъ которыхъ многіе уже имѣютъ ученую степень, полученную ими при окончаніи курса гражданскихъ наукъ. Курсъ въ высшихъ военныхъ школахъ трехлѣтній. По окончаніи курса, воспитанники въ зависимости отъ успѣховъ получаютъ дипломъ—одни на чинъ капитана, другіе—на чинъ лейтенанта. Офицеры-европейцы, которые интересовались узнать, насколько усвоено военное развитіе и мышленіе китайскими офицерами, окончившими высшія школы, высказываютъ мнѣніе, что первоначальное образованіе до поступленія въ школу, получаемое по китайской системѣ обученія, безусловно неблагопріятно и служитъ самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ усвоенію офицерами широкаго военнаго образованія.

Китайскій методъ образованія и до сего времени стремится развить въ высшей степени память въ ущербъ всѣмъ остальнымъ способностямъ, а особенно въ ущербъ личной иниціативѣ и свободному мышленію.

Остающійся непоколебимымъ въ Китаѣ, методъ литературный имѣетъ своей задачей возможно больше обогатить память учащагося множествомъ изреченій китайскихъ мыслителей и правилъ морали, не развивая въ то же время критическаго сужденія. И до сего дня въ Китаѣ умственное развитіе чиновника ставится въ зависимость отъ его искусства владѣть кистью и умѣть примѣнять къ выраженію своихъ сужденій возможно изящно подобранныя изреченія классиковъ.

Даже либеральные новаторы послѣдняго времени, требующіе введенія новыхъ системъ образованія по-европейски, не имѣютъ рѣшимости и смѣлости отказаться отъ китайскаго метода образованія, какъ отжившаго свое время и вреднаго. Даже они оставляютъ этому методу видное мѣсто.

Въ числѣ неблагопріятныхъ условій ставятъ еще и то обстоятельство, что новыя военныя школы, стремясь дать европейское научное военное образованіе, оставляютъ совершенно безъ вниманія духовную сторону, поднятіе нравственнаго уровня, развитіе въ душѣ высшей чести воина.

Военное образованіе китайцы ставятъ на степень ремесла и понимаютъ военное дѣло какъ ремесло. Въ высшей военной школѣ въ Ву-Чангѣ введена строгая дисциплина, воспитывается строгое уваженіе къ офицеру, требуются товарищескія отношенія и уваженіе къ службѣ и оружію. Такія же строгія требованія

обращены и къ солдатамъ, отъ которыхъ требуются уваженіе къ своимъ начальникамъ, уваженіе другъ къ другу, чистота и бережное отношеніе къ оружію и преслѣдуется азартная игра и куреніе опіума.

Школа въ Ву-Чангѣ — образцовая, изъ которой, по проекту вице-короля Чжан-Чжи-Туна, должны выходить лучшіе офицеры.

Дѣлая общій обзоръ китайской арміи, генералъ Frey признаетъ, что какъ регулярныя войска, такъ даже и кантонскіе пираты, съ которыми французы вступали въ бой во время войны въ Тонкинѣ, обладаютъ многими военными качествами и способностями, а серьезная военная организація и обученіе могутъ сдѣлать изъ нихъ достойнаго противника.

Должно признать,—говоритъ генералъ,—что китайцы обладаютъ высшей военной доблестью — презрѣніемъ къ смерти.

Трудно, правда, согласовать презрѣніе къ смерти съ трусостью, которую обнаружили китайскіе солдаты во множествѣ случаевъ, какъ во время войны 1900 года, такъ и во время японо-китайской войны, когда китайцы были вынуждаемы вступать въ открытый бой въ полѣ безъ прикрытія или совершать отступленіе, или выдерживать несущуюся на нихъ отчаянную аттаку, грозящую перейти въ рукопашный бой.

Презрѣніе къ смерти въ дѣйствительности высказывается у китайцевъ не только у политическихъ преступниковъ, но и у уголовно-осужденныхъ, не только у мандариновъ, но и у простыхъ рабочихъ, когда они спокойно подставляютъ свою шею подъ топоръ палача. Это презрѣніе къ смерти высказывается среди китайцевъ всѣхъ слоевъ во многихъ случаяхъ. Развѣ оно не отвѣчаетъ понятію о мужествѣ и, въ частности, не можетъ быть приравнено къ храбрости воина?

Трусливость китайскаго солдата происходитъ отъ собственнаго признанія себя какъ существа низшаго, отъ сознанія, что онъ самъ и вся китайская армія ниже по достоинству, нежели европейскія войска, отъ недовѣрія къ своему собственному профессіональному образованію, отъ недовѣрія къ мужеству своихъ полководцевъ и, въ концѣ концовъ, отъ недовѣрія къ конечному счастливому исходу,—вотъ причины, которыя предрасполагаютъ армію къ пораженію.

Китайскій солдатъ, особенно пѣхотинецъ, неутомимъ, выносливъ въ трудѣ, проявляетъ величайшую умѣренность и замѣчательное проворство въ ручной работѣ, совмѣщаемое съ поразительной ловкостью.

Кромѣ того, въ организаціи общественнаго строя своей жизни

и, въ частности, въ организаціи строя своей семьи китаецъ воспитываетъ въ себѣ духъ повиновенія, мягкости характера, уваженія, — качества наиболѣе важныя, чтобы образовать человѣка съ военной дисциплиной.

Какъ стрѣлокъ, китаецъ оставляетъ еще желать многаго: запахъ пороха пріятно опьяняетъ его, волненіе боя заставляетъ его легко терять голову и предаваться безконечной и безполезной стрѣльбѣ, что̀, впрочемъ, дѣлаютъ большинство солдатъ восточнаго происхожденія, если они не пріучены дѣятельной, методической и строгой подготовкой къ дисциплинѣ огня.

Французскіе офицеры въ колоніяхъ въ Африкѣ и въ Азіи знаютъ, какихъ трудовъ стоитъ — вразумить туземцевъ-солдатъ въ необходимости спокойнаго опредѣленія цѣли и отдаванія отчета въ своихъ дѣйствіяхъ въ виду непріятеля. Нѣкоторые писатели того мнѣнія,—что̀ отвѣчаетъ также убѣжденію и генерала Frey, — что китайскому солдату, въ силу его слабо развитой нервной системы и въ силу его значительной покорности и послушности, можно дать хорошее военное образованіе и сдѣлать изъ него хорошаго стрѣлка. Баронъ Binder Krieglstein сообщаетъ по этому случаю, что нѣмецкіе офицеры во время происходившаго боя на границѣ Шен-Си были поражены тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ китайскіе солдаты выдерживали прицѣльный огонь, а китайскіе офицеры съ невозмутимымъ хладнокровіемъ въ самомъ разгарѣ боя медленно ходили по линіи огня, чтобы ободрять своихъ солдатъ и вселять въ нихъ довѣріе.

Китайскій солдатъ, какъ показали Тяньцзинъ и Пекинъ, умѣетъ извлекать для себя выгоду изъ малѣйшаго прикрытія: боксеры и солдаты сражались изъ-за баррикадъ, зубчатыхъ стѣнъ, развалинъ домовъ, могилъ.

Достаточно было небольшого прикрытія, чтобы за нимъ собрался цѣлый отрядъ китайскихъ солдатъ.

Нѣкоторые писатели дѣлаютъ выводъ, что китайскій солдатъ хорошъ только для пассивной обороны, но въ послѣдней китайской войнѣ 1900 года были наблюдаемы случаи, что китайскіе солдаты переходили въ отчаянное наступленіе. Таковы были 4-ое и 11-е іюля 1900 г., когда китайцы шли въ аттаку желѣзнодорожной станціи въ Тяньцзинѣ. Правда, это были, какъ выяснилось впослѣдствіи, лучшіе батальоны китайской печилійской арміи.

Несостоятельнымъ оказалось также убѣжденіе европейцевъ, что китайцы боятся ночной темноты и отказываются, изъ боязни демоновъ и злыхъ духовъ, бродящихъ по ночамъ, отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Какъ китайскія войска, такъ и боксеры пред-

принимали въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ среди непроглядной ночной тьмы и во время грозъ отчаянныя нападенія на европейцевъ.

Заслуживаетъ большого вниманія у китайцевъ ихъ поразительное искусство возведенія окоповъ и земляныхъ укрѣпленій, что̀ наблюдалось европейцами въ Бей-Цанѣ, Ян-Цунѣ, гдѣ войска̀ генерала Ма быстро возвели на полѣ битвы ретраншаменты для пѣхоты и прикрывающія насыпи отъ выстрѣловъ артиллеріи.

Китайцы обладаютъ также удивительнымъ умѣньемъ выбирать оборонительныя позиціи, устраивать вспомогательныя защитныя работы, рыть волчьи ямы, устраивать наводненія, отводя искусственно воду изъ каналовъ и рѣкъ, производить минныя работы.

Французы еще не забыли, съ какимъ искусствомъ и ловкостью пользовались всѣми этими средствами „черные флаги“ во время тонкинской экспедиціи.

Вообще же, о китайскомъ солдатѣ должно сказать, что онъ будетъ защищать ввѣренную ему позицію до послѣдней крайности и дорого отдастъ свою жизнь, если только будетъ видѣть хорошій примѣръ со стороны своего офицера.

Но недостаткомъ китайскихъ офицеровъ, какъ младшихъ, такъ и начальствующихъ, должно считать отсутствіе знаній по стратегіи и тактикѣ.

Имѣя кое-какія теоретическія познанія въ военномъ дѣлѣ, они не имѣютъ никакой опытности, никакой практики въ командованіи и маневрированіи большими силами, пользованіи соединенными арміями разныхъ родовъ оружія, призывомъ подкрѣпленій, резервовъ.

Что касается китайской артиллеріи, то капитанъ канонерки „Le Lion“, M. Frot, говоритъ, что во время боя 17 іюня 1900 года упорство китайской артиллеріи было замѣчательное. Выбывавшая въ бою прислуга при орудіяхъ быстро замѣнялась другими.

Китайскіе артиллеристы много разъ давали возможность убѣдиться, что уроки европейцевъ, обучавшихъ ихъ, не были напрасны.

Что касается кавалеріи, то европейскіе офицеры не имѣли возможности прослѣдить ее въ дѣлѣ, такъ какъ кавалерія держалась въ сторонѣ, но французскіе офицеры, которые наблюдали дѣятельность китайской кавалеріи въ преслѣдованіи боксерскихъ шаекъ, говорятъ, что у китайскихъ кавалеристовъ не было недостатка ни въ смѣлости, ни въ умѣньи нести развѣдочную службу.

Китайцы-кавалеристы проявляютъ большой навыкъ въ обращеніи съ лошадью и въ обращеніи съ копьемъ.

Европейская кавалерія во время войны 1900 года, несмотря на свою прекрасную внѣшность и быстроту своихъ коней, все-таки уступала китайской кавалеріи, такъ какъ китайцы-монголы на своихъ маленькихъ, но сильныхъ и выносливыхъ лошадкахъ, привыкшихъ къ ѣздѣ на своей неудобной почвѣ, представляющей множество препятствій, всегда умѣли избѣгать столкновеній и уходить отъ преслѣдованія европейцевъ.

Бо́льшая часть лошадей, несущихъ кавалерійскую службу у китайцевъ, доставляется изъ Монголіи, обширныя степи которой кормятъ болѣе милліона головъ лошадей, а монгольскіе князья, въ случаѣ призыва, могутъ доставить тысячи всадниковъ.

Ежегодно по веснѣ изъ Монголіи пригоняютъ на продажу цѣлые табуны лошадей. Послѣ тяжелаго пути лошади приходятъ худыя и истощенныя, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдыха и корма получаются добрые кони, какъ для работы, такъ и для военной службы.

Монгольская лошадь, низкорослая, съ густой длинной гривой, коренастая, съ толстыми ногами, короткой шеей, чрезвычайно вынослива, неприхотлива и нервна.

Она хорошо выдерживаетъ длительную пробѣжку и при умѣлой тренировкѣ всегда выдѣляетъ для скачекъ нѣсколько хорошихъ скакуновъ.

Въ 1903 году европейцы-спортсмены устроили пробѣгъ на монгольскихъ лошадяхъ изъ Тяньцзина въ Пекинъ. Въ пробѣгѣ участвовало 38 монгольскихъ лошадей; разстояніе между Тяньцзиномъ и Пекиномъ равняется 126 километрамъ.

Несмотря на неблагопріятную погоду (пробѣгъ состоялся 20 февраля), первая лошадь прошла это разстояніе въ 7 часовъ 33 минуты, а 23-я лошадь прошла это разстояніе въ 9 часовъ 7 минутъ.

Обращаясь къ 1900 году, генералъ Frey говоритъ, что китайскія войска не проявили себя во всей своей силѣ противъ европейцевъ, благодаря лишь нѣкоторымъ исключительнымъ особенностямъ и дѣйствіямъ китайскаго правительства.

Прежде всего, у китайскаго правительства отсутствовалъ общій планъ защиты Пекина и защиты пути отъ Тяньцзина на Пекинъ. Настроеніе китайскаго правительства было крайне смутное: одинъ день правительство относилось благопріятно къ посольствамъ и европейцамъ вообще, а на другой день брала верхъ враждебная партія. Эта измѣнчивость настроенія не могла не

отзываться на военныхъ начальникахъ и солдатахъ, не знавшихъ въ концѣ концовъ, какъ имъ относиться къ европейцамъ. Наконецъ, по занятіи Пекина европейскими войсками, твердо отданное приказаніе Ли-Хун-Чанга, чтобы китайскіе генералы избѣгали всякой встрѣчи, всякаго возможнаго столкновенія съ международными войсками, окончательно вывело китайскія войска на путь мирныхъ отношеній.

Какъ государственный человѣкъ, Ли-Хун-Чангъ стремился лишь къ тому, чтобы насколько возможно облегчить веденіе мирныхъ переговоровъ и положить конецъ войнѣ, которую онъ почиталъ гибельной для истинныхъ интересовъ Китая.

Бóльшая часть китайскихъ войскъ отошла отъ Тяньцзина и Пекина, слѣдуя приказанію Ли-Хун-Чанга, но нисколько не потеряла ни одушевлявшаго ихъ чувства патріотизма, ни воинскаго духа.

Baron Krieglstein, въ своей книгѣ: „Les combats du corps expéditionnaire allemand en Chine“, говоритъ, что китайскія войска, не теряя изъ вида союзныхъ европейскихъ войскъ, располагались слѣдующимъ образомъ въ Печилійской провинціи. На востокъ отъ Тяньцзина стояла лутайская армія, часть арміи Юан-Ши-Кая, 12 тысячъ; эти войска были прекрасно вооружены и экипированы. Къ сѣверу отъ Пекина находились войска генераловъ Ма и Хо, 10 тысячъ, съ пятью орудіями. Стояли также аванпосты съ полевой баттареей на Шахэ и Чанъ-Пи. Въ главныхъ городахъ провинціи находились гарнизоны отъ 1.500 до 4 тысячъ солдатъ. На югъ отъ Императорскаго канала расположены были войска въ разныхъ пунктахъ до 25 тыс. Всѣ проходы, которые вели изъ Печилійской провинціи въ Шахейскую, были также заняты значительными отрядами.

Въ общемъ, какъ считаетъ баронъ Krieglstein, у китайцевъ было подъ ружьемъ отъ 80 до 90 тысячъ, и не будь рѣшительнаго запрещенія Ли-Хун-Чанга, эти войска могли бы оказать сильное сопротивленіе союзнымъ европейскимъ войскамъ.

Какъ только европейскія государства заключили мирный договоръ съ Китаемъ, такъ ставшій извѣстнымъ печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай, приступилъ къ энергичной реорганизаціи военныхъ силъ въ своей провинціи. То же самое предпринялъ и другой вице-король, Чжан-Чжи-Тунъ. О всѣхъ нововооруженныхъ и по-европейски обученныхъ китайскихъ войскахъ получаются единогласныя свидѣтельства европейцевъ, что войска эти, расположенныя въ Пекинѣ, Тяньцзинѣ, Шандунѣ, Ву-Чангѣ, Нанкинѣ, Фу-Чжоу, въ Манчжуріи и Лянцзянской провинціи, содержатся

прекрасно и всегда могутъ быть двинуты въ ту часть территоріи Китая, которой станетъ угрожать новое столкновеніе съ однимъ или нѣсколькими европейскими государствами.

Генералъ Frey, разбирая господствующее въ настоящее время среди китайскаго правительства убѣжденіе о необходимости создать сильную армію и флотъ по европейскому образцу, приводитъ рядъ документальныхъ справокъ о развитіи этого убѣжденія среди партіи реформъ. Въ знаменательный періодъ реформъ 1898 года, когда императоръ Гуанъ-Сюй съ лихорадочной поспѣшностью издавалъ декретъ за декретомъ, ломавшимъ старые устои, были сказаны имъ знаменательныя слова: „Для новой жизни нужны новые пути. Мы предоставимъ всѣмъ приверженцамъ старой организаціи арміи охранять берега Китая при помощи стараго вооруженія, старыхъ канонерокъ, вмѣсто современныхъ броненосцевъ".

Что касается до мандариновъ, противниковъ реформъ изъ-за рутины, а также всѣхъ тѣхъ, которыхъ приводили въ отчаяніе обширность издержекъ, имѣющихъ привести Китай къ разоренію черезъ вынужденное обложеніе народа налогами, а также всѣхъ тѣхъ, которые, будучи противниками милитаризма по убѣжденію, предлагали, вмѣсто организаціи дорого стоющихъ армій, общее разоруженіе, полагаясь на возможность урегулированія могущихъ возникать между Китаемъ и другими государствами недоразумѣній путемъ уваженія къ справедливости и международнымъ правамъ, —то представители реформъ, не скрывая своего презрѣнія къ нимъ, высказывались такъ: „Войска для страны составляютъ то же самое, что̀ дыханіе для тѣла. Ни одинъ человѣкъ не можетъ жить не дыша, ни одна страна не можетъ существовать безъ арміи.

Въ настоящее время, когда въ Китаѣ находятся люди съ высокимъ положеніемъ, видящіе необходимость для Срединной имперіи присоединиться къ лигѣ разоруженія, потому что имперія находится въ отчаянномъ положеніи, и вѣрующіе въ то, что дѣятельность этой лиги можетъ охранить миръ на Востокѣ,—другіе высказываютъ убѣжденіе, что разоруженіе Китая, вмѣсто введенія въ страну мира, послужитъ лишь скорѣе тому, что другія государства произведутъ новыя нападенія, и они разсуждаютъ такъ:

„Какъ не должны мы быть теперь особенно на сторожѣ, когда всѣ государства говорятъ о разоруженіи?

„Если мы сохранимъ нашу армію, то маленькіе народы будутъ на насъ смотрѣть съ уваженіемъ, а великіе народы будутъ насъ бояться.

„Очень многіе изъ насъ имѣютъ полное довѣріе къ международному праву, но они столь же недальновидны, какъ и тѣ, которые надѣются на разоруженіе или всеобщій миръ.

„Для государствъ равно вооруженныхъ международное право еще что-нибудь значитъ, но что можетъ сдѣлать это право, чтобы разрѣшить возникшія несогласія и споры между народомъ слабымъ и сильнымъ?

„Въ эти-то критическія времена пусть совѣтники императора будутъ честны и искренни, заняты только однимъ, чтобы предупредить малѣйшую опасность, которая могла бы угрожать имперіи.

„Пусть высшіе чиновники оберегаютъ границы, пусть генералы внушаютъ войскамъ презрѣніе къ опасности и обучаютъ искусству войны, пусть среди народа и солдатъ держится только любовь къ предкамъ".

Но не одни прогрессисты во главѣ съ императоромъ высказываютъ такіе взгляды. То же самое высказывалъ въ бесѣдѣ съ однимъ французскимъ публицистомъ и выдающійся китайскій государственный человѣкъ, вице-король Чжан-Чжи-Тунъ.

„Мы пріобрѣли сокровища европейской науки,—говорилъ онъ,—такъ намъ нужно беречь ихъ; а чтобы ихъ сберечь, намъ будетъ нужна армія".

„Въ настоящее время нѣсколько ученыхъ, видя, что положеніе Китая становится съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, предложили примкнуть къ европейской лигѣ разоруженія.

„Этотъ проектъ, естественно, навлекъ бы на насъ новыя самыя ужасныя унижения. Весь міръ говоритъ о мирѣ, но никто не стремится къ его осуществленію. Германія силой своего оружія захватила Кіао-Чао, а Россія—Портъ-Артуръ.

„Въ продолженіе 20 лѣтъ только и слышно, что вездѣ говорятъ объ увеличеніи флота, о новыхъ расходахъ на армію.

„Всѣ государства оспариваютъ одно у другого первенство въ количествѣ пушекъ и ружей. Если мы будемъ имѣть солдатъ, то сильныя государства будутъ искать нашей дружбы; а если мы не будемъ имѣть солдатъ, ожидая, что другія государства распустятъ своихъ, то не сдѣлаемъ ли мы себя посмѣшищемъ всего свѣта?

„Проектъ разоруженія въ дѣйствительности можетъ имѣть только одинъ результатъ—наше разрушеніе.

„Другія государства, видя насъ до такой степени ослабленными, нерѣшительными, безъ сомнѣнія устремятся на насъ всѣ вмѣстѣ, чтобы раздѣлить имперію" („En Chine", G. Donnat).

Тѣ же самые реформисты-патріоты, которые признають необходимость въ созданіи могущественной арміи и флота, признають также обязанность Китая пріобрѣсти для себя западную науку, безъ которой не можетъ быть прогресса для народа въ борьбѣ его съ международными интересами разнаго рода.

Реформисты признаютъ желательнымъ учрежденіе въ Китаѣ преподаванія современныхъ техническихъ и практическихъ знаній, которыя позволили бы будущимъ поколѣніямъ развивать отечественную промышленность посредствомъ разработки горныхъ и другихъ богатствъ почвы, посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, военнаго и коммерческаго флота, литья пушекъ и другихъ военныхъ принадлежностей.

Въ этомъ заключается—говорятъ они—безотлагательная необходимость; въ этомъ, въ концѣ концовъ, лежитъ вопросъ благополучія имперіи, вопросъ, который надо вбивать въ голову молодымъ людямъ, избирающимъ себѣ карьерой новое военное искусство, которое идетъ въ своемъ усовершенствованіи соотвѣтственно новѣйшимъ знаніямъ. Молодые люди держатся того мнѣнія, что изъ чтенія западныхъ европейскихъ книгъ гораздо меньше можно пріобрѣсти знаній и проникнуть въ таинства новаго высшаго искусства, нежели чрезъ путешествія и частыя посѣщенія другихъ народовъ, чрезъ изученіе на мѣстѣ организацій различныхъ армій, чрезъ тѣсное общеніе съ тѣми расами, отъ которыхъ желаешь пріобрѣсти познанія.

„Наше большое несчастіе,—сказалъ одинъ изъ реформистовъ,—происходитъ отъ того, что мы не путешествуемъ. Годъ жизни въ Европѣ доставитъ намъ больше пользы, нежели пятилѣтнее изученіе у себя на родинѣ европейскихъ книгъ“...

В. И. Дальченко.

Пекинъ, 1905 г.

ДВА ДНЯ

въ

КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ *)

Уже около мѣсяца жили мы на кочевкѣ, верстахъ въ полутораста отъ Оренбурга, а охота, отъ которой мы обѣщали себѣ столько удовольствія, почти ничего не представляла занимательнаго. Лѣто было самое жаркое, всѣ болота высохли; со дня на день ожидали соколовъ, чтобы поохотиться на утокъ и стрепетовъ, но соколовъ не привозили, и намъ оставалось только ходить съ лягавой за тетеревами.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ эта охота была бы для меня занимательна, но здѣсь она мнѣ скоро надоѣла. Кочевка расположена между высокими холмами, составляющими начало Уральскаго хребта и покрытыми дубнякомъ и березникомъ. Мимоходомъ можно сказать, что холмы эти совершенно между собою схожи, и что ничего нѣтъ легче, какъ въ нихъ заблудиться. Почти всѣ они имѣютъ ту же оригинальную форму, почти всѣ увѣнчаны стѣнообразнымъ гребнемъ сланцеватаго камня, и въ каждой долинѣ протекаетъ небольшой ручей, съ обѣихъ сторонъ скрытый кустарникомъ. Долины эти изобилуютъ разными ягодами, а болѣе всего особеннымъ родомъ дикихъ вишенъ, ростущихъ въ высокомъ ковылѣ едва примѣтными кустами.

---

[1]) Изъ бумагъ покойнаго гр. А. К. Толстого; доставлено С. П. Хитрово.—*Ред.*

Имъ-то, кажется, должно приписать неимовѣрное множество тетеревей, водящихся въ этихъ мѣстахъ. Каждый день мы стрѣляли штукъ по шестидесяти и даже по сто, но уменьшенія ихъ вовсе не было замѣтно. Обыкновенно мы уѣзжали верхами рано поутру и часа черезъ три возвращались домой, обвѣшанные добычей. Каждый изъ насъ убивалъ столько, что невозможно было помѣстить всего въ обыкновенномъ ягдташѣ, и чтобы помочь этому неудобству, одинъ опытный охотникъ того края изобрѣлъ ремни, которые, не занимая лишняго мѣста, могли помѣстить на себѣ множество дичи. Съ начала охоты ремни эти мы носили черезъ плечо, а подъ конецъ навьючивали ими лошадь. Случалось, что мы принуждены были воротиться единственно потому, что у насъ истощался весь запасъ пороха и дроби. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о числѣ тамошнихъ тетеревей, я приведу только одинъ примѣръ. Въ теченіе часа мы однажды втроемъ убили шестьдесятъ-три штуки.

Правда, что у насъ была отличная собака: бѣдный Буффонъ былъ глухъ и кривъ, но имѣлъ такое чутье и такую стойку, какихъ я никогда не видывалъ. Я помню, однажды онъ сталъ надъ куропаткой. „Пиль!“ сказалъ я.—Буффонъ ни съ мѣста.—„Пиль, Буффка!“—Буффонъ не шевелится.—„Пиль, дуракъ!“ закричалъ я,—и пихнулъ его ногой. Буффонъ перекувырнулся и сталъ ко мнѣ лицомъ, нисколько не теряя ни хладнокровія, ни стойки. Куропатка сидѣла между нимъ и мною, и я поймалъ ее руками. Таковъ былъ бѣдный Буффонъ, но даже и безъ него мы бы настрѣляли пропасть тетеревей: стоило только отойти шаговъ двѣсти отъ кибитокъ, чтобы поднять нѣсколько выводковъ. Охота эта могла позабавить сначала, но у нея недоставало главной прелести охоты: ожиданія неизвѣстнаго, которое такъ же пріятно охотнику, какъ и игроку. Если бы сей послѣдній зналъ напередъ, что онъ не можетъ проиграть, игра для него, вѣроятно, лишилась бы всей занимательности. Такъ точно и я, увѣренный заранѣе, что убью непремѣнно столько-то штукъ, не находилъ въ томъ никакого удовольствія. Тетеревиная стрѣльба наша напомнила мнѣ кровопролитныя охоты въ нѣмецкихъ паркахъ—охоты, которыхъ, откровенно сказать, я терпѣть не могу.

Послѣ этого сознанія, легко себѣ можно представить, какъ я обрадовался, когда пришло на кочевку извѣстіе, что за Ураломъ, въ Киргизской степи, показались сайгаки. Я вспомнилъ объ описаніяхъ этого животнаго въ натуральныхъ исторіяхъ, гдѣ о немъ всегда говорится какъ объ одномъ изъ быстрѣй-

шихъ и недоступнѣйшихъ антилопъ. Нѣкоторые изъ охотниковъ, бывшіе въ хивинской экспедиціи, разсказывали намъ, какъ на возвратномъ пути, весною, имъ случалось встрѣчать сайгаковъ, и какъ они тщетно старались догнать ихъ лучшими скакунами. Однажды имъ удалось окружить цѣлый табунъ и вогнать его въ середину обоза, но сайгаки безъ всякаго усилія перепрыгнули черезъ навьюченныхъ верблюдовъ и тотчасъ скрылись изъ виду.

Подобные разсказы еще болѣе возбудили мое любопытство, и я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть сайгака, почти не смѣя надѣяться на удачу охоты. Цѣлый день мы выливали пули, пробовали штуцера и дѣлали патроны. Отъ кочевки до Сухорѣченской крѣпости, гдѣ намъ надлежало ночевать и потомъ переѣхать черезъ Уралъ, было верстъ двѣсти. Ѣзда въ оренбургской губерніи неимовѣрно быстра, степныя дороги гладки какъ паркетъ, а башкирскія лошади неутомимы.

Часовъ въ четырнадцать мы на двухъ тарантасахъ проскакали двухсотверстное пространство и еще нашли время выкупаться въ Сакмарѣ и пообѣдать въ одной изъ линейныхъ станицъ. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, были очень разнообразны и живописны; сначала такіе же холмы, какъ и на кочевкѣ, потомъ широкія долины, Сакмара, отсвѣчивающая сквозь лѣсъ серебряныхъ тополей, зеленая, цвѣтущая степь, а вдали—голубыя Губерлинскія горы.

Стаи витютней пролетали надъ нами; по дорогѣ прохаживались степные кулики, съ краснымъ носомъ и красными ногами, называемые сороками по цвѣту ихъ перьевъ; время отъ времени вспархивалъ изъ-подъ тарантаса испуганный стрепетъ и поминутно выскакивали изъ норъ своихъ суслики и свистѣли, сидя на заднихъ лапкахъ. На все это мы почти не обращали вниманія, будучи заняты лишь мыслью о сайгакахъ. Часовъ въ девять вечера мы пріѣхали въ Сухорѣченскую крѣпость и остановились у станичнаго атамана. Передъ его домомъ казаки забавлялись стрѣляніемъ въ цѣль изъ длинныхъ винтовокъ съ крошечнымъ калибромъ и съ присошкой о двухъ остріяхъ, придѣланной къ ложу. Настрѣлявшись съ ними вдоволь и выкупавшись въ Уралѣ, мы легли на дворѣ на свѣжемъ сѣнѣ и заснули подъ говоръ атамана, разсказывавшаго намъ, какъ его взяли въ плѣнъ киргизы и какъ онъ отъ нихъ убѣжалъ.

Солнце едва начинало всходить, а тарантасъ нашъ уже ѣхалъ по берегу Урала, окруженный конвоемъ башкирцевъ. Переѣздъ черезъ рѣку былъ какъ нельзя болѣе живописенъ.

Крутые берега утеса, тарантасъ, до половины колесъ погруженный въ воду, прыгающія лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающіе кинжалы, все это освѣщенное восходящимъ солнцемъ, составляло прекрасную и оригинальную картину. Уралъ въ этомъ мѣстѣ не широкъ, но такъ быстръ, что насъ едва не унесло теченіемъ. На другой сторонѣ степь приняла совершенно новый видъ. Дорога скоро исчезла, и мы ѣхали цѣликомъ по крѣпкой глинистой почвѣ, едва покрытой сожженною солнцемъ травою. Степь рисовалась передъ нами во всемъ своемъ необъятномъ величіи, подобная слегка взволнованному морю. Тысячи разноцвѣтныхъ оттѣнковъ бороздили ее въ разныхъ направленіяхъ; въ иныхъ мѣстахъ стлался прозрачный паръ, черезъ другія бѣжали тѣни облаковъ и все казалось въ движеніи, хотя ничего не поражало нашего слуха, кромѣ стука колесъ и конскаго топота. Вдругъ одинъ башкирецъ остановилъ коня и протянулъ руку. Послѣдовавъ глазами направленію его пальца, я увидѣлъ нѣсколько свѣтложелтыхъ точекъ, движущихся на горизонтѣ: то были сайгаки. Одинъ изъ насъ сѣлъ на башкирскую лошадь въ надеждѣ, что успѣетъ какъ-нибудь къ нимъ подъѣхать; но едва сайгаки увидѣли эти приготовленія, какъ пустились бѣжать, не смотря, что насъ раздѣляло нѣсколько верстъ. Мы продолжали путь, и вскорѣ стали различать кибитки, расположенныя у подножія высокаго и длиннаго утеса, синяго и лиловаго цвѣта который, какъ я узналъ послѣ, назывался Кукъ-Ташъ, т.-е. синій камень, и состоялъ изъ яшмы. Тутъ былъ приготовленный для насъ станъ. Нѣсколько казаковъ выѣхали къ намъ на встрѣчу, и между ними хорунжій Иванъ Ивановичъ, завѣдывавшій на кочевкѣ всѣми охотами. Извѣстія о сайгакахъ были самыя удовлетворительныя. Казаки говорили, что имъ нѣтъ и числа, и что не помнятъ, когда бы ихъ приходило на линію такое множество. Они полагали, что засухи вытѣснили ихъ изъ самой глубины степей и заставили искать прохлады вблизи отъ Урала.

Когда мы вошли въ кибитку, Иванъ Ивановичъ, къ удивленію нашему, показалъ намъ десять сайгачьихъ головъ, съ красивыми рогами и съ безобразными горбатыми носами, напоминающими своею длиною и мягкостью носы индѣйскихъ пѣтуховъ.

— Чтò вы сдѣлали? — сказалъ я ему: — вы напугали сайгаковъ, они опять уйдутъ въ степи, и вся наша охота пропадетъ!

— Чтò-жъ дѣлать? — отвѣчалъ онъ: — никакъ ребятъ не удержу. Еще казаковъ пристрастилъ коę-какъ, а башкирцевъ ничѣмъ не остановишь, — такъ и рвутся! Вчера убили тридцать

штукъ, сегодня еще не успѣли поохотиться; впрочемъ, не безпокойтесь, довольно останется для всѣхъ!

Мы хотѣли тотчасъ же ѣхать на охоту, но намъ совѣтовали подождать, чтобы сдѣлалось пожарче. Поутру сайгаки бродятъ табунами и никого не подпускаютъ, но къ полудню они ложатся порознь, и тогда есть возможность къ нимъ подползти. Подождавъ немного, мы сѣли на лошадей и разсѣялись по степи партіями человѣка по четыре.

Дорогой я завелъ разговоръ съ своими проводниками, и спросилъ ихъ: часто ли видно на линіи киргизовъ?

— Теперь не такъ часто, ваше благородіе,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; — а все-таки случается; и черезъ Уралъ даже переходятъ табуны угонять!

— А какъ ты думаешь, увидимъ мы ихъ сегодня?

— Куда! Они уже давно пронюхали, что мы на охотѣ; и ни одна собака сюда не покажется!

— А я слышалъ, что они не всегда васъ боятся?

— Да, тогда не боятся, когда ихъ десять на одного: дрянной народъ, нечего сказать, а плетьми бить умѣютъ! Меня чуть живого оставили, какъ попался я имъ, года два тому; да добро бы одинъ билъ, а то кто подъѣдетъ, тотъ и ударитъ, да одинъ другого крѣпче, по чему ни попало; а сидѣлъ я на лошади нагишомъ; лишь только поймали, собаки, такъ всего и раздѣли дочиста. Дрянной народъ, ваше благородіе!

— Какъ же ты ушелъ отъ нихъ?

— Двухъ лучшихъ коней высмотрѣлъ, ваше благородіе, да и ускакалъ ночью о дву-конь. Два дня, почитай, скакалъ безъ остановки, на третій совсѣмъ проголодался, да не далъ Богъ умереть: нашелъ мертваго сайгака, поѣлъ немного да взялъ съ собою на дорогу, а безъ него пропалъ бы навѣрно; верстъ было съ пятьсотъ отъ линіи.

— Чтò жъ тебя заставляли дѣлать киргизы?

— Чтò тамъ заставлять? Табуны стерегъ, кобылъ доилъ, да сыръ дѣлалъ изъ козьяго молока. Только били каждый день, собаки; да добро бы ужъ одни мужчины, а то и бабы, и мальчишки! А плети-то у нихъ съ доброе полѣно!

Разговаривая такимъ образомъ, мы проѣхали верстъ десять, не встрѣтивъ ничего, кромѣ сурковъ, которые, выскакивая изъ норъ, стояли надъ ними какъ будто на часахъ, но не подпускали насъ на ружейный выстрѣлъ. Изрѣдка, какъ желтыя точки, виднѣлись вдали сайгаки, но мгновенно исчезали, не давая намъ даже различить ихъ формы. Вдругъ казакъ, ѣхавшій возлѣ меня,

прилегъ къ конской шеѣ и круто повернулъ назадъ. Я и другіе казаки послѣдовали его примѣру.

— Слѣзайте проворнѣе!—сказалъ онъ мнѣ:—вонъ, за этимъ бугромъ, лежатъ сайгаки! Ты, Рѣшетаевъ, оставайся съ лошадьми да поглядывай по сторонамъ, а вы ложитесь на землю и ползите за мною.

Мы оба легли на землю и начали ползти на локтяхъ и на колѣняхъ. Въ одной рукѣ у меня была тяжелая одноствольная винтовка, въ другой—не менѣе тяжелое двуствольное ружье, заряженное картечью.

Глинистая, засохшая почва, ужъ и безъ того жесткая какъ камень, была еще покрыта маленькими, острыми камешками, которые причиняли мнѣ ужасную боль; солнце жгло мою спину какъ будто огонь, и потъ градомъ съ меня катился. Не смотря на то, я ползъ, не останавливаясь; но, не предвидя этому конца, спросилъ тихонько у казака: гдѣ лежатъ сайгаки?

— А вотъ, изволите видѣть кустикъ съ красными ягодами?

— Вижу.

— А тамъ, полѣвѣе, прямая травинка?

— Вижу; тамъ что̀ жъ?

— Слѣдите глазомъ все прямо между ягодами и травинкой; ступеняхъ въ пятидесяти оттоль торчитъ какъ будто сучокъ: то сайгачьи рога.

Я напрягъ свое зрѣніе, и дѣйствительно увидѣлъ что-то похожее на сучокъ.

— Скоро ли мы туда дополземъ?—спросилъ я.

— А вотъ надобно дать немного круга, чтобъ подлѣзть изъ-подъ вѣтра, а то какъ разъ почуютъ. Да не извольте головы подымать, ваше благородіе,—тотчасъ замѣтятъ!

Мы опять стали ползти и описали такой большой кругъ, что я почти выбился изъ силъ.

— Теперь ужъ близко! — сказалъ казакъ:—шаговъ сто, не больше! Не подымайтесь на колѣняхъ, ползите на брюхѣ! Да, ради Бога, тише, не стучите ружьями о землю!

Я совсѣмъ растянулся и ползъ какъ лягавая собака.

— Что̀, скоро ли?

— Тсъ! вонъ, сталъ голову подымать,—что-нибудь да замѣтилъ... Ради Бога, тише... Нѵ, теперь пора!.. Кладите ружье ко мнѣ на плечо!..

Не успѣлъ я взвести курка, какъ сайгакъ вскочилъ и вихремъ умчался въ степь. Другіе, лежавшіе вблизи, послѣдовали за нимъ.

Казакъ и я посмотрѣли другъ на друга, встали на ноги и побрели навстрѣчу къ лошадямъ.

— Я вамъ говорилъ, что надобно болѣе нагибаться!—сказалъ онъ, покачивая головою.

Мы пустились рысью, и вскорѣ Рѣпниковъ (такъ звали казака) опять увидѣлъ сайгаковъ.

Этотъ разъ мнѣ удалось доползти къ нимъ шаговъ на восемьдесятъ, но руки мои дрожали, потъ катился въ глаза и мѣшалъ мнѣ смотрѣть; я цѣлился минуты съ двѣ, наконецъ выстрѣлилъ и далъ промахъ. Къ счастью, сайгакъ насъ не увидѣлъ; онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на всѣ стороны, отошелъ шаговъ на сорокъ и опять легъ. Я, лежа, зарядилъ ружье, подползъ опять на выстрѣлъ, но, прежде чѣмъ стрѣлять, отдохнулъ нѣсколько минутъ, не спуская съ глазъ сайгака. Я могъ различить его большіе, красиво-выгнутые рога съ черными кончиками, глубокія морщины на горбатомъ носу и огромныя раздутыя ноздри, которыми онъ шевелилъ во всѣ стороны.

Когда я собрался стрѣлять, сердце мое такъ сильно забилось, что мнѣ казалось, будто сайгакъ услышитъ его стукъ. Я вынулъ изъ-за пояса ятаганъ и воткнулъ его въ землю; потомъ съ величайшею осторожностью положилъ на него винтовку и крѣпко прижалъ его къ плечу. Мнѣ видны были только голова и шея. Я прицѣлился въ шею и, удержавъ дыханіе, тронулъ шнеллеръ.

Сначала ничего нельзя было различить за дымомъ, но когда я всталъ и посмотрѣлъ вокругъ себя, сайгака нигдѣ не было. Я побѣжалъ впередъ, и кто опишетъ мою радость, когда онъ представился моимъ глазамъ, лежащій съ прострѣленною шеей: я попалъ какъ разъ куда цѣлилъ.

Казаки скоро ко мнѣ подоспѣли, сайгака выпотрошили и привязали за сѣдло. Онъ былъ ростомъ болѣе дикой козы, свѣтлобураго цвѣта, и съ шестнадцатью кольцами на рогахъ.

Эта удача насъ развеселила. Мы поскакали далѣе, соображая направленіе пути съ теченіемъ солнца. Я опять вступилъ въ разговоръ съ казаками.

— Правда ли,—спросилъ я, между прочимъ,—что киргизы переносятъ боль съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, и никогда не жалуются, какъ бы тяжело они ни были ранены.

— Правда, ваше благородіе, — отвѣчалъ Рѣпниковъ.—Намедни я откусилъ одному киргизцу ухо, такъ нисколько и не поморщился, собака!

— Откусилъ ухо!—вскричалъ я:—какимъ это образомъ?

— Да вотъ будетъ скоро двѣ недѣли, какъ они угнали ночью табунъ изъ станицы. Мы собрались самъ-восемь и пустились въ погоню. Ѣдемъ часъ, ѣдемъ другой, не видать ничего; а слѣдъ на солончакахъ знатенъ, ошибиться нельзя. Что за чортъ! По моему разсчету намъ бы давно пора ихъ увидѣть: слѣдъ идетъ небольшой рысью, а мы ѣдемъ верстъ по пятнадцати на часъ. „Смотрите, ребята, — говорю я, — тутъ какая-нибудь да штука,—они, должно быть, запали вонъ въ той лощинѣ. Ступайте шагомъ, да приготовьте винтовки,—мнѣ что-то сдается, что они выскочатъ, собаки, вонъ изъ-за этого камня!“ Не успѣли мы еще поровняться съ камнемъ, какъ слышимъ: ззъ!.. и стрѣла воткнулась мнѣ прямо въ ногу. Тутъ какъ завизжатъ они, да какъ посыплются одинъ за другимъ изъ-за камня!.. Я думаю, человѣкъ съ двадцать-пять было, всѣ съ копьями, да еще двое панцырниковъ! Ребята было-смѣшались, да я говорю: „не робѣть!“ Вытащилъ стрѣлу изъ ноги, соскочилъ съ камня, приложился, бацъ! Такъ одинъ и покатился. Рѣшетаевъ ссадилъ другого, а они, шельмы, какъ увидѣли, что мы стоимъ за себя, повернули коней, да и давай тягу! „Ну, братцы,—говорю я,—теперь за ними!“ Тутъ ребята ударили на мошенниковъ, кто кого догоняетъ, а Рѣшетаевъ гонится за панцырникомъ. Ужъ онъ было-доставалъ его плетью, вдругъ тотъ—въ сторону. Я вижу, что уйдетъ, разбойникъ, а панцырь на немъ рублей во сто,—я и сталъ норовить наперехватъ. Подъ нимъ конь хорошъ, а подо мной лучше. Скачемъ, скачемъ, только тотъ какъ обернется на всемъ скаку, да какъ пуститъ стрѣлу прямо въ горло моему коню, такъ у него и духъ вонъ; покатился, сердечный, и я вмѣстѣ съ нимъ. Досадно стало, да и коня, признаться, жаль. Не упустить же разбойника, говорю я! Взялъ у товарища коня, да и давай опять догонять собаку. Только куда! Пока я поднялся на ноги, тотъ ужъ успѣлъ ускакать чуть-ли не на версту, а я остался за всѣми послѣдній. Смотрю, онъ скачетъ ровнымъ бѣгомъ, что стрѣла летитъ, а Рѣшетаевъ чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе отстаетъ. „Эхъ, жаль, уйдетъ!“—думаю я, только, глядь, лошадь его какъ летѣла, такъ со всѣхъ ногъ и ударилась о землю: знать, наткнулась на сурочью яму. Тутъ Рѣшетаевъ съ ребятами навалились на молодца и скрутили ему руки, а я какъ подскакалъ къ нимъ, да какъ увидѣлъ эту киргизскую рожу, такъ сердце и закипѣло,— бросился на него и отхватилъ зубами ухо...

Тутъ разсказчикъ остановился и, заслонившись рукою отъ солнца, началъ всматриваться вдаль.

— Э, э, э!—сказалъ онъ:—да ихъ тутъ нѣсколько сотенъ!

— Кого?—спросилъ я:—киргизовъ?

— Нѣтъ, сайгаковъ!—отвѣчалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовавъ направленію его нагайки, я увидѣлъ множество свѣтло-желтыхъ точекъ, которыя съ разныхъ сторонъ бѣжали къ зеленой полосѣ, ясно отдѣлявшейся отъ бураго цвѣта степи. Зеленою полосою казались издали берега небольшого ручья, впадающаго въ Уралъ. Сайгаки, мучимые жаромъ, бѣжали на водопой.

— Что?—спросилъ я:—убьемъ ли мы хоть одного изъ нихъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Рѣпниковъ:—кабы заранѣе залечь въ травѣ, такъ, можетъ, и набѣжалъ бы одинъ, другой, а теперь не подъѣхать.

Число сайгаковъ примѣтнымъ образомъ увеличивалось. Они бѣжали къ ручью огромными стадами. Чѣмъ болѣе я всматривался вдаль, тѣмъ болѣе открывалъ ихъ на горизонтѣ: они тянулись отовсюду. Вся степь, исключая какого-нибудь десятиверстнаго пространства вокругъ насъ, была ими покрыта. Я думаю, тутъ было нѣсколько тысячъ.

— Экое богатство! — говорили казаки.—Видитъ глазъ, да зубъ неймётъ!

Между тѣмъ, мы ѣхали далѣе и вскорѣ наткнулись на лежащій табунъ. Вѣроятно, его уже прежде насъ подсмотрѣла другая партія, ибо мы увидѣли верстахъ въ двухъ четырехъ всадниковъ, осторожно объѣзжающихъ холмъ, на которомъ лежали сайгаки; но мы были къ нимъ ближе и къ тому же подъ вѣтромъ. Я слѣзъ съ лошади, началъ-было ползти, но сайгаки тотчасъ вскочили, не допустивъ меня на нѣсколько выстрѣловъ. Охотники другой партіи поскакали, чтобы перерѣзать имъ дорогу, а мы погнались за ними съ другой стороны, такъ, что они бѣжали между двумя партіями, какъ будто въ клещахъ.

Мы были отъ нихъ довольно далеко, и не имѣли никакой надежды догнать ихъ; но товарищи наши, скрытые холмомъ, успѣли ихъ перехватить. Табунъ остановился, и намъ видно было, какое произошло въ немъ смятеніе. Старый самецъ, бѣжавшій впереди, бросился-было въ сторону, но одинъ изъ охотниковъ соскочилъ съ лошади и застрѣлилъ его на лету въ то самое время, какъ онъ дѣлалъ отчаянный прыжокъ. Выстрѣлъ этотъ возбудилъ удивленіе казаковъ, никогда не стрѣляющихъ иначе, какъ съ подлаза, и то съ помощью придѣланныхъ къ ихъ ружьямъ присошекъ.

— Джигитъ! джигитъ!—закричали они, посматривая другъ на друга, т.-е., „молодецъ, молодецъ!“ Здѣсь можно замѣтить, что

татарскій языкъ употребляется у казаковъ линейныхъ станицъ почти столько же, какъ и русскій, а мои проводники безпрестанно на немъ болтали.

Мы съѣхались съ своими товарищами, сравнили нашихъ сайгаковъ, и нашли, что убитый ими гораздо болѣе моего. Между тѣмъ солнце такъ пекло, и мы чувствовали такую жажду, что рѣшились воротиться въ свои кибитки.

Охотникъ, застрѣлившій сайгака, убилъ дорòгой сурка изъ винтовки. Бывшій съ нимъ калмыкъ тотчасъ слѣзъ съ лошади, чтобы его взять.

— Чтò это, самецъ или самка? — спросилъ мой товарищъ.

— Жеребецъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ калмыкъ, снявъ фуражку.

Мы отъ души захохотали, и кто видалъ смѣшную фигуру сурка, тому этотъ отвѣтъ, вѣроятно, покажется столь же забавнымъ, какъ и намъ.

— Смотрите, ваше благородіе!—сказалъ мнѣ Рѣпниковъ:— вѣдь калмыкъ теперь подобралъ сурка, а потомъ его съѣстъ. Это такой народъ,—хуже киргизовъ, всякую гадость ѣдятъ, а еще называютъ себя христіанами.

И казакъ, незадолго передъ тѣмъ откусившій киргизское ухо, съ омерзѣніемъ плюнулъ въ сторону.

Мнѣ также удалось заслужить названіе джигита: я застрѣлилъ пулей, на довольно большомъ разстояніи, сидячаго карагуша, родъ орла, котораго бывшіе съ нами башкирцы тотчасъ ощипали, чтобы перьями его оклеить себѣ стрѣлы.

Когда, послѣ продолжительной ѣзды, мы увидѣли вдали свои кибитки, то, вмѣстѣ съ ними, намъ представилось необыкновенное и великолѣпное зрѣлище. Вмѣсто степи, сожженной солнцемъ, у подножія синяго утеса Кукъ-Ташъ разстилалось прекрасное озеро, отражавшее, какъ свѣтлое зеркало, и утесъ, и расположенныя близъ него кибитки.

— Чтó это за озеро?—спросилъ я съ удивленіемъ:—это не наши кибитки?

— Наши!—отвѣчали, смѣясь, казаки.—Это не озеро, а марево [1]).

Несмотря на это объясненіе, я не могъ повѣрить, что вижу не чтò иное, какъ призракъ; и мнѣ казалось, что я различаю всѣ оттѣнки воды и отраженныхъ въ ней облаковъ. Я поскакалъ прямо къ кибиткамъ; но по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ

[1]) Извѣстное явленіе, которое французы называютъ mirage.

приближался, вода дѣлалась все болѣе и болѣе прозрачною, превращалась въ струящійся паръ и наконецъ совсѣмъ исчезла.

Въ кибиткахъ былъ приготовленъ для насъ вкусный обѣдъ; но мы предпочли пить чай. Никогда я не забуду, съ какимъ удовольствіемъ выпилъ я одиннадцать стакановъ горячаго чаю, несмотря на то, что на мнѣ не было ни одной сухой нитки, и что даже въ тѣни было болѣе тридцати градусовъ.

Остальную часть дня мы провели въ бездѣйственномъ отдыхѣ. Разсѣянныя партіи возвращались одна послѣ другой; но башкирцы остались въ степи и пріѣхали только поздно вечеромъ, обремененные добычей. У многихъ было по два, а у иныхъ даже по три сайгака за сѣдломъ. Всего-на-все въ этотъ день было убито болѣе пятидесяти штукъ, а всѣхъ насъ было только сорокъ человѣкъ.

Большая часть нашихъ оренбургскихъ охотниковъ, утомленныхъ ѣздою и ползаніемъ, въ тотъ же вечеръ уѣхали на кочевку; но я остался, чтобы еще на другой день поохотиться съ казаками.

Цѣлую ночь передъ кибиткою горѣлъ костеръ изъ сухой травы и привезеннаго нами хвороста. Казаки окликали другъ друга на пикетахъ. Звѣзды сквозь круглое отверстіе кибитки смотрѣли мнѣ прямо въ лицо; но ни поэтическій свѣтъ ихъ, ни трескъ пылающаго хвороста, ни клики казаковъ не помѣшали мнѣ заснуть крѣпкимъ сномъ. Я спалъ какъ убитый, и проснулся только тогда, какъ солнце было уже высоко и наставало время ѣхать на охоту.

Рѣпниковъ съ своими товарищами повели меня этотъ разъ по другому направленію. Опять я увидѣлъ тысячи сайгаковъ, опять имѣлъ случай любоваться чудеснымъ освѣщеніемъ и безчисленными оттѣнками степи; но мѣста, по которымъ мы проѣзжали, являли болѣе разнообразія, чѣмъ вчера. Холмы были выше, лощины глубже, а мѣстами синѣли обломки яшмовыхъ утесовъ, или краснѣли большія груды желѣзняка. Но, кромѣ рѣдкой сожженной травы, мы ни вчера, ни сегодня не встрѣчали никакого слѣда прозябенія.

Послѣ долгой ѣзды и многихъ неудачныхъ попытокъ, я застрѣлилъ одного сайгака съ подлаза, а другого, раненнаго казакомъ, мы догнали на лошадяхъ. Довольные этой добычей, мы уже возвращались домой, какъ увидѣли вдали большой бѣгущій табунъ.

Рѣпниковъ нѣсколько секундъ слѣдилъ за нимъ взглядомъ, ударилъ коня и поскакалъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, сказавъ только: „За мной, не отставайте!“

Мы примчались къ глубокому оврагу, бросились на самое дно и продолжали скакать во весь опоръ, не обращая вниманія

на большіе, острые камни, лежавшіе на дорогѣ. Оврагъ, похожій на узкій корридоръ, поворачивалъ то направо, то налѣво, и, наконецъ, началъ постепенно уравниваться съ поверхностью земли. Какъ скоро она стала видна, Рѣпниковъ велѣлъ намъ слѣзть съ лошадей и бѣжать за нимъ пѣшкомъ, согнувшись какъ можно болѣе.

Такимъ образомъ мы достигли до утеса, изъ-за котораго могли свободно обозрѣвать степь, сами не будучи видимы. Чего ожидалъ Рѣпниковъ, то и случилось. Не прошло двухъ минутъ, какъ показались сайгаки, бѣгущіе рысью прямо на насъ. Впереди ихъ былъ прекрасный самецъ, съ большими лирообразными рогами, нѣжнаго желтаго цвѣта, которые на солнцѣ казались прозрачно-золотыми. Онъ раздувалъ широкія ноздри и подымалъ голову кверху, какъ будто чуя опасность.

Мы притаили дыханіе и взвели курки. Когда табунъ, шагахъ въ шестидесяти, поровнялся съ утесомъ, я приложился и выстрѣлилъ въ передового сайгака. Онъ перевернулся колесомъ и упалъ вверхъ ногами. Весь табунъ взволновался, поднялась ужасная пыль и скрыла его на минуту. Казаки также выстрѣлили по бѣгущему табуну, но дали промахъ. У меня еще оставалось двуствольное ружье, заряженное картечью. Я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, почти не надѣясь на удачу. Табунъ продолжалъ бѣжать, но одинъ сайгакъ отдѣлился отъ прочихъ и бросился въ сторону. Онъ бѣжалъ скоро, но по временамъ спотыкался, взрывая облака пыли.

„Подбитъ, подбитъ!"—говорили казаки, смотря ему вслѣдъ.

Мы сѣли на лошадей, оставили одного казака, чтобы взять убитаго сайгака, и пустились догонять раненаго. Вскорѣ мы его настигли, и Рѣпниковъ, подскакавъ къ нему съ боку, убилъ его наповалъ однимъ ударомъ нагайки.

Этотъ случай далъ ему поводъ разсказать мнѣ, какимъ образомъ башкирцы и киргизы ѣздятъ осенью на волковъ. „Лишь только упадетъ пороша,—говорилъ онъ,—они садятся на коней и ищутъ волчьяго слѣда. Попавъ на тропу, они ѣдутъ ею до тѣхъ поръ, пока не увидятъ звѣря; а какъ скоро онъ покажется, то преслѣдуютъ его затѣмъ небольшою рысью. Сначала звѣрь бѣжитъ скоро, иногда даже скрывается изъ виду, но мало-по-малу устаетъ, останавливается и оглядывается на охотниковъ. Случается, что они такимъ образомъ ѣдутъ верстъ пятьдесятъ. Наконецъ, волкъ выбьется изъ силъ, высунетъ языкъ и пойдетъ шагомъ: тогда охотники къ нему подскакиваютъ и убиваютъ его нагайками. Ударъ по носу считается вѣрнѣйшимъ".

Разговаривая про киргизовъ, про степь и охоту, мы пріѣхали къ своимъ кибиткамъ. Вскорѣ возвратились и прочіе стрѣлки; а какъ наканунѣ прибылъ въ станъ дистаночный начальникъ съ тридцатью новыми казаками, то и добыча этотъ разъ была гораздо болѣе.

Несмотря на то, что охота кончилась ранѣе вчерашняго, мы застрѣлили слишкомъ сто сайгаковъ.

Обѣдъ нашъ состоялъ большею частью изъ сайгачины. Мясо это довольно вкусно и нѣсколько похоже на баранину; но я ѣлъ его не безъ отвращенія: у всѣхъ сайгаковъ подъ кожей на спинѣ были большіе бѣлые черви; и хотя мѣста эти тщательно вырѣзывались, но мысль о нихъ не придавала особеннаго вкуса ни соусу, ни жаркому. Черви эти происходятъ отъ яицъ, которыя кладутъ къ нимъ въ шерсть какія-то насѣкомыя. Всѣ кожи, нами снятыя, были на спинѣ какъ будто прострѣлены крупною дробью; но зимою у сайгаковъ червей не бываетъ.

Послѣ обѣда началась между башкирцами стрѣльба изъ лука, борьба и пробованіе силы. Мнѣ удалось, на разстояніи пятидесяти шаговъ, пронзить стрѣлою татарскую шляпу; но послѣ этого случайнаго выстрѣла я не переставалъ давать промахи. Въ борьбѣ, требующей столько же силы, сколько и ловкости, башкирцы безъ труда бросали меня на землю, также какъ и казаковъ; но въ пробованіи силы я нѣсколько разъ одерживалъ надъ ними верхъ, и они меня честили именемъ джигита. Когда настала ночь, мы всѣ вмѣстѣ отправились верхами въ Сухорѣченскую крѣпость. Казаки затянули пѣсни, и голоса ихъ терялись въ необъятномъ пространствѣ, не повторяемые ни однимъ отголоскомъ... Пѣсни эти отзывались то глубокимъ уныніемъ, то отчаянною удалью, и время отъ времени были приправляемы такими энергическими словами, какихъ нельзя и повторить. Поѣздъ этотъ запечатлѣлся въ моей памяти со всѣми его подробностями.

Какъ теперь вижу я небо, усѣянное звѣздами, и степь, похожую на открытое море; какъ теперь слышу слова:

Дай намъ Богъ, казаченкамъ, пожить да послужить,
На своей сторонушкѣ головки положить!

Слышу глухой топотъ и фырканье коней, бряцаніе стремянъ, шумъ и плескъ воды, когда мы переѣзжали черезъ Уралъ...

На другой день мы прибыли опять на кочевку; началась наша прежняя тихая жизнь, стрѣляніе въ цѣль и купанье, и безконечная тетеревиная охота...

Графъ А. К. Толстой.

ОЧЕРКИ

изъ жизни

ЛОНДОНСКАГО ЮНОШЕСТВА

I.

Лондонское юношество можно раздѣлить на два класса: на учащееся и подучивающееся. Первое регулярно посѣщаетъ учебныя заведенія; днемъ учится въ средней или высшей школѣ, а вечеромъ готовитъ уроки, проводитъ время въ семьѣ, съ родными, или въ пансіонахъ и коллегіяхъ. Этотъ классъ юношества принадлежитъ къ состоятельному слою общества; онъ готовится въ одну изъ свободныхъ профессій или на солидныя должности въ банковскихъ, страховыхъ и иныхъ учрежденіяхъ торгово-промышленнаго характера. Изрѣдка, какъ въ видѣ исключенія, среди этого класса юношества попадается и молодой человѣкъ бѣдныхъ родителей, пользующійся одной изъ многочисленныхъ стипендій, которыя въ послѣдніе годы учреждены какъ лондонскою, такъ и другими думами. Число юношей изъ бѣдныхъ семей, попадающее въ университеты, несомнѣнно значительно выросло въ послѣднее время въ Англіи и доступъ къ среднему и высшему образованію сталъ куда легче, чѣмъ бывало хотя бы лѣтъ 10 тому назадъ. Но все-таки, въ общемъ, регулярное школьное и университетское воспитаніе продолжаетъ быть удѣломъ все еще почти однихъ болѣе или менѣе хорошо обезпеченныхъ классовъ англійскаго общества. И происходитъ это не столько потому, что образо-

ваніе обходится дорого, сколько по нетерпѣнію родителей, стремящихся какъ можно скорѣе воспользоваться заработками подростающихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, стремленіе это находитъ себѣ сильное поощреніе въ спросѣ на трудъ подростковъ, сдѣлавшійся наиболѣе искомымъ товаромъ на рабочемъ рынкѣ. Множество причинъ соединилось, чтобы сдѣлать подростка между 14 и 16 лѣтъ самымъ желаннымъ служащимъ. Съ одной стороны, обязательное элементарное образованіе, улучшеніе нравовъ и домашняго воспитанія, усовершенствованіе манеръ и болѣе высокое развитіе сдѣлали мальчика, рожденнаго даже въ простой рабочей семьѣ, болѣе пригоднымъ для разныхъ услугъ. Съ другой стороны, увеличилось и число мѣстъ, замѣщаемыхъ обыкновенно подростками. Въ клубахъ, богатыхъ домахъ и гостинницахъ прислуживающіе мальчики, такъ называемые page-boys (старо-русское „казачки") сдѣлались необходимымъ учрежденіемъ. Они отлично замѣняютъ взрослыхъ лакеевъ и въ то же время обходятся много дешевле. Почтово-телеграфное вѣдомство завело у себя въ Лондонѣ, да и въ другихъ большихъ городахъ Англіи, цѣлыя бригады разсыльныхъ изъ подростковъ. Кромѣ телеграфнаго вѣдомства, мальчиковъ-разсыльныхъ содержатъ и частныя телеграфныя заокеанскія компаніи. А лондонская акціонерная компанія участковыхъ разсыльныхъ только и пользуется трудомъ подростковъ. Затѣмъ, конторы въ Сити почти не обходятся безъ office-boy, безъ „конторскаго мальчика", обязанности котораго бываютъ иногда чрезвычайно разнообразны, начиная съ докладовъ „самому" о посѣтителяхъ, желающихъ его видѣть, и принятія почты, и кончая веденіемъ какой-нибудь нехитростной конторской записи.

Кромѣ этого, огромное число мальчиковъ поступаютъ для мелкихъ порученій въ лавки, къ уличнымъ торговцамъ и на прочія мелко-торговыя мѣста, не говоря уже, конечно, о серьезныхъ мастерскихъ и большихъ торговыхъ домахъ, гдѣ мальчики не только имѣютъ заработокъ, но и обучаются какому-нибудь полезному дѣлу. При такомъ огромномъ спросѣ на трудъ подростковъ мальчикъ въ Лондонѣ очень легко можетъ зарабатывать отъ 5 до 10 шиллинговъ въ недѣлю, и, понятно, бѣдныя семьи, даже и при наличности образовательныхъ средствъ, нерѣдко предпочитаютъ увидѣть дѣтей на службѣ, чѣмъ въ классѣ. Пусть себѣ мальчикъ будетъ телеграфнымъ разсыльнымъ или office-boy, лишь бы приносилъ домой каждую недѣлю нѣсколько шиллинговъ въ помощь семьѣ. Правда, черезъ два-три года, когда мальчикъ выростетъ, этихъ нѣсколькихъ шиллинговъ уже не хватитъ, да

и спросъ на его трудъ сравнительно упадетъ, хотя жалованье и поднимется. Но бѣдныя семьи слишкомъ далеко заглядывать не могутъ, и онѣ берутъ пока то, что̀ даетъ имъ настоящее, а тамъ пусть себѣ выросшія дѣти сами о себѣ заботятся.

Такимъ образомъ, кромѣ учащагося юношества, имѣется огромный классъ подростковъ и юношей, вынужденныхъ порвать съ регулярнымъ посѣщеніемъ учебнаго заведенія и заняться добываніемъ средствъ къ жизни. Вотъ объ этомъ-то классѣ юношей, который если не учится, то все же отчасти „подучивается“, продолжая занятія по вечерамъ, какъ въ государственныхъ вечернихъ классахъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (обществахъ и клубахъ), я и намѣренъ здѣсь поговорить. Воспитаніе этого класса юношей, по достиженіи ими 14 лѣтъ, составляетъ для соціальнаго реформатора самую трудную задачу. До 14 лѣтъ мальчикъ или дѣвочка обязаны въ Англіи посѣщать школу, и какова бы ни была ихъ жизнь въ семьѣ, каково бы ни было воспитаніе, получаемое ими дома, за нихъ никто, кромѣ родителей, не отвѣчаетъ. До 14 лѣтъ у ребенка имѣются вполнѣ опредѣленныя лица, отвѣчающія за него: дома—это мать и отецъ, въ школѣ—это учитель. Плохъ ли надзоръ за нимъ или хорошъ, но номинально и юридически этотъ надзоръ существуетъ. Но какъ только школьный возрастъ минулъ и мальчикъ начинаетъ самъ зарабатывать на свое содержаніе, прежняя отвѣтственность, прежніе факторы воспитанія теряютъ свою силу. Вмѣсто семьи и школы, ареной дѣятельности становится улица; вмѣсто родителей и учителей выступаетъ „хозяинъ“, и вмѣсто семейныхъ связей и школьнаго товарищества, мальчика начинаютъ притягивать и опутывать уличныя „знакомства“ и „пріятельства“. Въ этомъ отношеніи рабочее юношество глубоко отличается отъ учащагося, которое до 17—18 лѣтъ, а иногда и значительно позже, продолжаетъ оставаться подъ вліяніемъ лишь семьи и школы.

Нечего говорить, что, предоставленный почти всецѣло новымъ условіямъ жизни, мальчикъ, оставляя школу, особенно нуждается въ какихъ-нибудь общественныхъ учрежденіяхъ, которыя бы имѣли цѣлью заботы о его дальнѣйшемъ воспитаніи. Если мальчику, въ силу матеріальныхъ условій, нельзя посѣщать школу, нельзя учиться усидчиво и систематически, то все же можно создать вокругъ него такую нравственную атмосферу, которая вліяла бы на выработку характера его не хуже школы и семьи. Эту именно задачу воспитанія юношества отъ 14 до 18 или 20-лѣтняго возраста и берутъ на себя разныя учрежденія, о которыхъ рѣчь впереди.

II.

По характеру своей дѣятельности англійскія учрежденія, имѣющія дѣло съ воспитаніемъ рабочаго юношества, могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: на образовательныя, клубныя, трудовыя и милитарныя или, вѣрнѣе, дисциплинарныя. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смѣшанный характеръ, соединяя разнообразные виды воздѣйствія на юношество, но у каждаго изъ нихъ есть все-таки какая-нибудь основная, преобладающая черта дѣятельности и устройства, дѣлающая всегда возможнымъ причислить его къ опредѣленной категоріи, хотя по существу, конечно, безразлично, къ какой категоріи вы его отнесете, такъ какъ мы приняли эту классификацію лишь для удобства описаній.

За исключеніемъ образовательныхъ учрежденій, содержимыхъ на счетъ муниципалитетовъ и государства, всѣ остальныя являются дѣломъ частной иниціативы и руководства и всѣ они основаны на началѣ самодѣятельности. Въ однихъ учрежденіяхъ и обществахъ принципъ этотъ проводится во всей полнотѣ и сами юноши являются полными руководителями и отвѣтчиками въ своихъ собраніяхъ, клубахъ и пр., а въ другихъ самодѣятельность ихъ отчасти ограничена и они ее дѣлятъ съ взрослыми организаторами и руководителями.

Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы ограничиться лишь тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ больше воспитательный, чѣмъ образовательный характеръ, и поэтому болѣе обстоятельно намѣренъ остановиться лишь на послѣднихъ трехъ категоріяхъ. Однако, для полноты и цѣльности очерка, считаю нелишнимъ, хотя бы вкратцѣ, сказать кое-что и о первой категоріи учрежденій, т.-е. образовательныхъ, тѣмъ болѣе, что, въ концѣ концовъ, самымъ могучимъ факторомъ воспитанія все-таки является образованіе.

Къ образовательнымъ учрежденіямъ для рабочаго внѣ-школьнаго юношества въ Лондонѣ принадлежатъ вечерніе классы, политехникумы, вечернія школы и тому подобныя заведенія, почти всецѣло приноровленныя къ потребностямъ мальчиковъ выше 14 лѣтъ, занятыхъ днемъ на службѣ. Основныя свойства этихъ учрежденій состоятъ въ томъ, что занятія въ нихъ происходятъ по вечерамъ и что записываться можно въ нихъ лишь на курсы отдѣльныхъ предметовъ по желанію и выбору ученика. Лондон-

ская дума, какъ и существовавшее до 1903 года особое училищное правленіе Лондона, обязанности котораго перешли нынѣ къ думѣ, придаетъ огромное значеніе этимъ вечернимъ классамъ, для содержанія которыхъ она не жалѣетъ средствъ. За обученіе ученики почти ничего не платятъ. Съ нихъ взимается лишь номинальная плата въ два или три пенса въ недѣлю. Очевидно, все разсчитано на привлеченіе учениковъ изъ наиболѣе бѣдныхъ слоевъ населенія, и съ этой цѣлью для учениковъ и ученицъ устраиваются время отъ времени даже танцовальные вечера и концерты въ помѣщеніяхъ вечернихъ классовъ. И до нѣкоторой степени средства, употребляемыя думой, оказываются успѣшными, но все-таки не настолько, чтобы привлечь всю огромную массу рабочаго юношества. По отчету 1902—3 года, въ среднемъ, посѣщало вечерніе классы, устраиваемые въ помѣщеніяхъ элементарныхъ школъ Лондона, 57.800 молодыхъ людей обоего пола. Если имѣть въ виду, что всего населенія въ возрастѣ между 15 и 21 годами считалось въ томъ же году въ Лондонѣ около 537.000 лицъ, то можно сказать почти навѣрное, что изъ 10-ти лондонскихъ юношей лишь одинъ пользуется предоставленной возможностью дальнѣйшаго образованія. Пожалуй, и этотъ процентъ слишкомъ большой, такъ какъ въ числѣ лицъ, посѣщающихъ вечерніе классы, многіе старше 21-го года и никоимъ образомъ къ „юношамъ" причислены быть не могутъ.

Впрочемъ, записывается обыкновенно на лекціи куда больше лицъ. Въ 1902—1903-мъ отчетномъ году ихъ записалось 126.753 лица. Но больше половины ихъ скоро отстаетъ, начинаетъ манкировать и вычеркивается изъ списковъ. Всего въ этомъ году преподавалось 76 предметовъ, изъ которыхъ можно было избрать любой. Многіе изъ этихъ предметовъ не имѣютъ, впрочемъ, теоретическаго значенія и составляютъ лишь рукодѣлія или техническія знанія, особенно изъ сферы домоводства.

Нѣкоторое понятіе о программѣ классовъ и требованіяхъ учениковъ могутъ дать слѣдующія цифры лицъ, обучавшихся девяти наиболѣе популярнымъ предметамъ. Цифры эти, однако, относятся лишь до такихъ учениковъ (и ученицъ), которые пробыли на лекціяхъ, въ сложности, не менѣе 14-ти часовъ. Этотъ минимумъ времени установленъ правительствомъ для каждаго ученика, на котораго оно выдаетъ пособіе. Если ученикъ учился въ классахъ менѣе 14-ти часовъ, то онъ игнорируется, и дума за его счетъ отъ правительства никакой субсидіи не получаетъ. Нижепоказанныя цифры касаются поэтому лишь тѣхъ молодыхъ людей, на обученіе которыхъ вечерніе классы получили отъ правитель-

ства соотвѣтственныя пособія, составляющія нѣсколько шиллинговъ на человѣка.

Стенографіи обучалось . . .	16.082	лица.
Гимнастикѣ	10.207	"
Работѣ иголкой.	8.406	"
Бухгалтеріи	8.142	"
Пѣнію	6.515	"
Французскому языку . . .	4.947	"
Обработкѣ дерева	4.938	"
Чтенію и письму	4.284	"
Ариѳметикѣ	3.799	"

Затѣмъ, огромное число молодыхъ людей привлекаютъ къ себѣ такія образовательныя учрежденія, какъ „политехникумы“ и „институты“, которые, однако, ничего общаго не имѣютъ съ заведеніями, извѣстными подъ этимъ именемъ въ Россіи. Прежде всего эти лондонскіе институты и политехникумы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою столько же клубы для юношества, сколько и образовательныя заведенія, и этой своей особенностью они существеннымъ образомъ отличаются отъ вечернихъ школъ и вечернихъ классовъ, содержимыхъ муниципальнымъ управленіемъ. Затѣмъ, хотя въ нихъ читаются иные курсы и днемъ, все же главная работа ихъ происходитъ вечеромъ, именно въ часы, когда рабочее юношество свободно отъ обычныхъ своихъ занятій.

Въ общей сложности, политехникумы и институты посѣщаются не менѣе, чѣмъ 60.000 лицъ обоего пола. Но въ огромной массѣ своей лица эти далеко не принадлежатъ къ тому классу рабочихъ, который обыкновенно подразумѣвается, когда говорятъ о „рабочемъ вопросѣ“. Это въ большинствѣ случаевъ молодые люди небогатаго средняго класса, дѣти лавочниковъ, хорошо оплачиваемыхъ ремесленниковъ, мелкихъ агентовъ страховыхъ обществъ, приказчиковъ въ большихъ магазинахъ и тому подобнаго слоя трудящагося населенія, которое хотя и не даетъ своимъ дѣтямъ университетскаго образованія, все-таки не хочетъ оставить ихъ совсѣмъ безъ дальнѣйшаго обученія какимъ-нибудь искусствамъ и наукамъ.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ подготовку хорошихъ и искусныхъ мастеровъ, нѣкоторые изъ политехникумовъ и институтовъ, кромѣ обученія многимъ теоретическимъ предметамъ, содержатъ и классы спеціальныхъ ремеслъ, особенно такихъ, которыя болѣе всего ходки въ той мѣстности, гдѣ расположено заведеніе, и, напримѣръ, политехникумъ на Риджентъ-стритѣ имѣетъ особую мастерскую для обученія каретному дѣлу; институтъ въ

Клеркенвеллѣ обучаетъ, между прочими предметами, отдѣлкѣ кирпичей, т.-е. обтесыванью ихъ въ разныя формы, которыя могутъ потребоваться при кирпичной кладкѣ и облицовкѣ; „политехническій институтъ“ въ Бороу имѣетъ самую лучшую въ Лондонѣ школу пекарнаго и пирожнаго мастерства.

Многія изъ заведеній этого характера содержатся на деньги, взимаемыя въ видѣ платы за обученіе, и на пособія, получаемыя отъ города. Нѣкоторыя имѣютъ собственные, большіе, завѣщанные и дарственные капиталы, а иныя содержатся религіозными конгрегаціями или спеціальными вѣдомствами. Изъ послѣднихъ заведеній можно отмѣтить институтъ телеграфныхъ разсыльныхъ, являющійся и клубомъ, и школой для мальчиковъ, служащихъ въ телеграфномъ вѣдомствѣ. За однимъ или двумя исключеніями, всѣ „институты“ и политехникумы одинаково доступны для лицъ обоего пола, и записывающіеся въ нихъ на курсы называются часто не слушателями или учениками, а членами. Такъ напримѣръ, политехникумъ на Риджентъ-стритѣ объявляетъ, что за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ его курсы посѣщало свыше 15.000 „членовъ“. Уже это одно наименованіе учащихся показываетъ истинный характеръ отношеній, установившихся между заведеніемъ и его учениками и ученицами,—характеръ равенства и самостоятельности, наполовину клубный, наполовину университетскій.

III.

Болѣе глубокій, хотя и не столь обширный слой рабочаго юношества захватываютъ клубныя учрежденія. Клубы для мальчиковъ, такъ называемые „boys clubs“, исключительно даже предназначаются для юношей изъ рабочаго класса. Богатыя дѣти не нуждаются въ такихъ спеціально-мальчишескихъ клубахъ: днемъ они учатся, а вечеромъ проводятъ время дома, гдѣ къ ихъ услугамъ хорошо освѣщенныя, богато-обставленныя, просторныя гостиныя, столовыя, библіотеки. Зачѣмъ мальчику изъ состоятельной семьи клубъ? Если же онъ живетъ въ пансіонѣ или колледжѣ, то у него, кромѣ собственнаго помѣщенія, еще есть чисто товарищескіе, школьные или университетскіе клубы. Только для юноши рабочей семьи, которому дома и тѣсно, и неудобно, нужно какое-нибудь особое помѣщеніе, гдѣ бы онъ могъ въ кругу товарищей пріятно и безвредно проводить время. Такой юноша, возвращаясь домой со службы или работы въ подчасъ переполненную ребятишками и взрослыми комнату, невольно рвется

вонъ, на уличный просторъ, гдѣ его поджидаютъ иногда разные соблазны и испорченная компанія. Для него, поэтому, клубная обстановка, соотвѣтствующая его возрасту, является весьма полезнымъ и даже необходимымъ дополненіемъ домашней жизни. Въ клубѣ онъ найдетъ просторную комнату, товарищей для игръ, книги для чтенія, предметы для забавы, иногда развлеченія въ видѣ концертовъ, лекцій и общихъ собесѣдованій (дебатовъ). Здѣсь онъ не услышитъ окриковъ старшихъ, находящихся почему-либо не въ духѣ, не получитъ тумака отъ раздраженнаго или пьянаго отца, не ввяжется въ ссору или драку съ своими воинственными сестрами или братьями, и не станетъ предметомъ ворчанья и брани сварливой матери. Въ своемъ клубѣ онъ если и не полный хозяинъ, то независимъ и ровня каждому. Правда, за ними и тутъ имѣется надзоръ какого-нибудь секретаря или другого дежурнаго изъ взрослыхъ учредителей и руководителей клуба, но надзоръ этотъ очень нечувствителенъ; онъ не стѣсняетъ дѣйствій отдѣльныхъ членовъ клуба и касается лишь общаго порядка.

Конечно, каждый клубъ имѣетъ свои особые порядки и правила. Въ одномъ больше дисциплины, въ другомъ меньше. Одинъ задается болѣе широкими задачами, а другой — болѣе скромными; одинъ предоставляетъ мальчикамъ больше самоуправленія, другой — меньше. Но всѣ они имѣютъ передъ собою одну общую цѣль — оказывать облагораживающее вліяніе на своихъ юныхъ членовъ. На хорошее вліяніе такого рода клубовъ для рабочаго юношества обратили вниманіе особенно въ послѣдніе годы. Нѣсколько случаевъ грубаго и серьезнаго „хулиганства“, происшедшихъ на улицахъ Лондона, произвели переполохъ и тревогу въ обществѣ. Хулиганами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оказывались юнцы 14 — 20-лѣтняго возраста, дѣти рабочихъ, проводящія весь свой досугъ на улицахъ. Правда, нѣкоторые историки и старожилы Лондона ничего новаго и угрожающаго въ нынѣшнемъ хулиганствѣ не нашли. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, Лондонъ замѣчательно даже прогрессируетъ въ очищеніи себя отъ уличныхъ безобразниковъ, грубіяновъ и драчуновъ, и они указываютъ на то, что въ былое время, и даже не въ очень далекое отъ насъ, уличными нападеніями занимались и молодые люди приличныхъ семей, студенты-медики и даже аристократы.

Однако, лондонцу, терпящему отъ современнаго хулигана, отъ историческихъ изысканій ничуть не дѣлается легче, и естественно вопросъ о мѣрахъ къ предупрежденію безобразій со сто-

роны уличныхъ юнцовъ получилъ въ послѣдніе годы особую важность. Вспомнили о клубахъ. Гдѣ же клубы для рабочаго юношества? Почему юнцы шляются по вечерамъ по улицамъ и не находятъ себѣ мѣста, гдѣ бы могли прилично и пріятно проводить свое досужее время? И въ 1902 г. была основана спеціальная лига, такъ называемая „Лига двадцатаго столѣтія" (Twentieth Century League), для содѣйствія и поощренія основанія клубовъ для рабочаго юношества.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ этой лигой въ первый годъ своего существованія, оказалось, что этихъ учрежденій, сравнительно говоря, не много въ Лондонѣ. Многія изъ нихъ, огромное даже большинство ихъ, открыты лишь одинъ или два вечера всего въ недѣлю. Клубовъ, открытыхъ не меньше шести дней въ недѣлю, считалось около 80-ти; изъ нихъ около 30-ти были женскіе. Вообще, по подсчетамъ „Лиги", изъ 291.000 мальчиковъ между 14 и 21 годами членами клубовъ были 26.000, а изъ 325.000 дѣвушекъ того же возраста клубами пользовалось не больше 22.000 лицъ. Недостаточное развитіе клубной жизни объясняется главнымъ образомъ двумя причинами: отсутствіемъ средствъ на устройство и содержаніе ихъ и отсутствіемъ людей для руководства ими. И цѣль „Лиги"—восполнить эти два недостатка.

„Лига" взялась за свою задачу очень энергично. Она успѣла соединить подъ своимъ знаменемъ представителей всѣхъ религій и разнороднѣйшихъ учрежденій, и, напримѣръ, въ числѣ ея вице-президентовъ состоятъ епископъ лондонскій, главный раввинъ, нонконформистскій борецъ и ораторъ, пасторъ Клиффордъ, министръ колоній Литльтонъ, директоръ Итонской школы и др. Въ каждомъ отдѣльномъ лондонскомъ участкѣ „Лига" старается имѣть свое отдѣленіе, которое собираетъ свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ въ клубахъ для юношества, поддерживаетъ существующія и открываетъ новыя учрежденія. Подъ вліяніемъ же этой „Лиги" недавно основана и „бригада соціальной службы", состоящая изъ молодыхъ людей, готовыхъ посвятить часть своего времени работѣ на пользу общества, особенно рабочаго юношества.

Впрочемъ, „Лига" или эта новая „бригада соціальныхъ служителей"—не первыя и не единственныя организаціи, имѣющія дѣло съ клубами для юношества. Этихъ организацій не мало. Стόитъ только упомянуть о „союзѣ помощи фабричнымъ дѣвушкамъ", устраивающемъ клубы и оказывающемъ вообще помощь рабочимъ дѣвушкамъ, о центральной федераціи соціальныхъ клубовъ въ Лондонѣ, объ ассоціаціи вечернихъ помѣщеній для дѣ-

вушекъ (Girls' Evening Homes Association), и другихъ этого же рода организаціяхъ. Въ періодъ расцвѣта имперіализма, въ 1900 г., была основана и имперская лига мальчиковъ (the Boys' Empire League), имѣющая также цѣлью воспитаніе и развитіе рабочаго юношества посредствомъ клубныхъ учрежденій, но въ духѣ имперіализма. Мальчики, поступающіе въ эту лигу, обѣщаются обращаться съ иностранцами вѣжливо и въ своихъ сношеніяхъ съ ними „помнить традиціи британской расы, касающіяся честности, мужества и прямоты, и ничего не дѣлать такого, что унизило бы отечество въ глазахъ ихъ". Мальчики обѣщаются также прочитать въ опредѣленный срокъ одну книгу о какой-либо части англійской имперіи. Имперская лига мальчиковъ принципіально поставлена широко, обнимая собою всѣ партіи и религіи. Въ настоящее время лига считаетъ до 6.000 членовъ, вербуемыхъ, главнымъ образомъ, въ клубахъ рабочаго юношества.

Очень близко къ клубнымъ учрежденіямъ, и почти сливаясь съ ними, стоятъ учрежденія трудовыя, т.-е. такія, которыя доставляютъ своимъ членамъ не только моральное и религіозное воспитаніе, но и матеріальную поддержку. Этихъ учрежденій, если не считать спеціально сиротскихъ, въ Лондонѣ очень немного, просто потому, что въ такихъ учрежденіяхъ рабочее юношество почти не нуждается. Какъ уже было упомянуто выше, трудъ мальчика встрѣчаетъ здѣсь слишкомъ большой спросъ, и лишь стеченіе очень неблагопріятныхъ обстоятельствъ могло бы поставить подростка въ положеніе тщетно ищущаго работы.

Единственными учрежденіями трудового типа можно считать, кажется, лишь „бригады" сапожныхъ чистильщиковъ и „бригаду" домашняго услуженія. Первыя возникли еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а послѣдняя—дѣло новѣйшаго времени.

Благодаря иниціативѣ Джона Макгрегора, пользовавшагося содѣйствіемъ извѣстнаго въ свое время филантропа, графа Шефтсбюри, была основана въ Лондонѣ, въ 1851 году, первая Shoe Black Brigade, бригада сапожныхъ чистильщиковъ, составленная изъ уличныхъ, беспризорныхъ мальчиковъ 14 — 16-лѣтняго возраста. Мальчики поступаютъ въ бригаду по собственному лишь желанію, и если у нихъ нѣтъ мѣста, гдѣ жить, то имъ предоставляютъ въ особомъ пріютѣ, открытомъ Макгрегоромъ, помѣщеніе, столъ и обмундированіе. Каждый членъ бригады занимаетъ опредѣленный, указанный ему уголъ на какой-либо улицѣ, и занимается чисткой сапогъ желающимъ. Минимальная плата за чистку одной пары была установлена въ одинъ пенсъ, но большинство заказчиковъ даетъ больше. Изъ выручки мальчикъ

вноситъ опредѣленную часть на покрытіе расходовъ по его содержанію, а остальное вносится въ банкъ или сберегательную кассу на его имя.

Послѣ учрежденія первой бригады, извѣстной подъ именемъ центральной, были учреждены и другія для разныхъ частей города. Въ 1854 г. возникли южно-лондонская и восточно-лондонская; въ 1857 г. появилась вестъ-эндская; а въ 1868 г.— бригада „Юніонъ-Джекъ“. Каждая изъ нихъ представляетъ собою отдѣльную организацію со своими особыми порядками и учрежденіями. У всѣхъ у нихъ заведены библіотеки, классы, гимнастическія залы, спортсменскіе кружки и разныя игры и развлеченія. Достигнувъ 16-ти лѣтъ, мальчики должны выйти изъ бригады и обыкновенно пристраиваются въ армію, флотъ или же въ частныя учрежденія. Мальчики же, страдающіе отъ какихъ-либо физическихъ недостатковъ, могутъ оставаться въ бригадѣ всю жизнь.

Однако, спросъ на трудъ мальчиковъ развился за послѣднія пять или десять лѣтъ настолько, что бригады чистильщиковъ сапогъ, первоначально предназначавшіяся только для помощи подросткамъ, за послѣднее время очутились почти безъ членовъ, и пріюты ихъ начали пустовать. И хотя всѣ прежде-основанныя бригады еще продолжаютъ существовать, но три изъ нихъ обратились уже въ учрежденія для взрослыхъ безработныхъ и лишь двѣ продолжаютъ еще вербоваться изъ подростковъ.

IV.

До сихъ поръ рѣчь у насъ шла объ учрежденіяхъ, которыя почти въ одинаковыхъ размѣрахъ имѣютъ дѣло съ образованіемъ и воспитаніемъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Политехникумы и институты принимаютъ въ члены молодыхъ людей обоего пола, для которыхъ и классы, и развлеченія въ большинствѣ случаевъ устраиваются даже не отдѣльно, а смѣшанно. Клубы бываютъ также иногда смѣшаннаго, иногда обособленнаго для каждаго пола характера. Столь же общи для обоихъ половъ бываютъ и учрежденія трудовой категоріи. Если дѣвочки и не составляютъ бригадъ сапожныхъ чистильщицъ, то у нихъ есть другія занятія, какъ домашнее услуженіе, шитье и пр. Теперь же мы укажемъ на такія учрежденія, которыя имѣютъ дѣло исключительно съ воспитаніемъ мальчиковъ, это—милитарныя, извѣстныя въ Англіи подъ именемъ boys' brigades, бригадъ мальчиковъ.

Бригады эти, несомнѣнно, являются одною изъ самыхъ оригинальныхъ и курьезныхъ выдумокъ Англіи. Онѣ возникли въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія по инициативѣ одного жителя Гласго, нѣкоего Вильяма Смита. Начавшись съ одной „роты", состоявшей изъ трехъ „офицеровъ" и тридцати мальчиковъ, бригады эти теперь считаютъ десятками тысячъ своихъ членовъ, встрѣчаются во всѣхъ городахъ и во множествѣ деревень Великобританіи и даже въ англійскихъ колоніяхъ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. „Бригадами" стали обзаводиться разныя христіанскія исповѣданія и даже евреи, среди которыхъ „бригада мальчиковъ" была основана въ серединѣ 90-хъ годовъ покойнымъ нынѣ полковникомъ Гольдсмитомъ. Изъ всѣхъ бригадъ, однако, болѣе всего извѣстна и наиболѣе успѣшной оказалась та, которая была основана изобрѣтателемъ ихъ, Вильямомъ Смитомъ, называющаяся просто „The Boys' Brigade" (бригадой мальчиковъ). Въ настоящее время бригада эта считаетъ 52.000 мальчиковъ, 1.150 ротъ и 4.300 офицеровъ, не считая тѣхъ отдѣленій ея, которыя разсѣяны по англійскимъ колоніямъ и въ Америкѣ. Главныя силы бригады находятся въ Лондонѣ, гдѣ сформированы восемь баталіоновъ, состоящихъ изъ 152 ротъ и, въ общей сложности, считающихъ 6.556 мальчиковъ, 580 офицеровъ и 180 „штабныхъ сержантовъ" (цифры взяты изъ отчета за 1903 г.).

Цѣль бригады, на основаніи 2-го параграфа ея устава, заключается „въ споспѣшествованіи царству Христа между мальчиками и въ развитіи среди нихъ привычекъ послушанія, благоговѣнія, дисциплины, самоуваженія и всего того, что̀ составляетъ настоящее благородство характера христіанина" (true Christian manlikness).

Чтобы достигнуть этой цѣли, стоитъ только, по мысли инициатора бригаднаго движенія, одѣть мальчика въ военную форму, обучать его военнымъ пріемамъ и упражненіямъ и записать его членомъ „роты". Необходимо только, чтобы нравственно-религіозная цѣль этого военнаго маскарада никогда не упускалась изъ виду и чтобы увлеченіе милитарной стороной движенія не заглушало первоначальной воспитательной задачи. Милитарное же устройство избрано средствомъ воспитанія потому, что, по наблюденіямъ Смита, мальчики вообще любятъ играть въ солдаты. Если надѣть на мальчика кепи вмѣсто обыкновенной шапки и сказать ему: „смирно!", вмѣсто: „пожалуйста, ведите себя прилично!", то онъ гораздо больше будетъ слушаться. Этой психологіей и воспользовался Смитъ, имѣвшій въ виду исключительно тотъ классъ

дѣтей, которыя, кончая школу къ двѣнадцати или, какъ нынѣ, къ четырнадцати годамъ, начинаютъ уже жить полусамостоятельной жизнью подручныхъ въ лавкахъ и мастерскихъ и освобождаются не только отъ школьной, но и семейной опеки.

Въ правильности своей теоріи Смитъ успѣлъ убѣдиться въ первые же мѣсяцы своей „бригадной“ дѣятельности. Ведя раньше воскресный классъ для рабочаго юношества, онъ съ трудомъ могъ собирать на свои чтенія и молитвы какой-нибудь десятокъ уличныхъ подростковъ, и съ этой горсточкой сорванцовъ онъ справлялся съ трудомъ. Но стоило ему только объявить, что онъ собирается составить „роту“ изъ мальчиковъ и обучать военной гимнастикѣ и маршировкѣ, какъ къ нему начали являться десятки и сотни мальчиковъ, съ просьбой записать ихъ въ его роту. Разъ въ недѣлю въ теченіе первой зимы онъ собиралъ свою роту и обучалъ ее маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. При этомъ пѣлись гимны, совершались молитвы и произносились краткія проповѣди. По воскресеньямъ происходили обычные библейскіе классы, но въ военной обстановкѣ. Этотъ первый опытъ послужилъ толчкомъ къ основанію въ Гласго новыхъ ротъ, и мысль Смита встрѣтила откликъ въ разныхъ мѣстахъ Шотландіи и Англіи, и мало-по-малу движеніе разрослось. Вскорѣ состоялась конференція учредителей разныхъ ротъ, былъ выработанъ общій для всѣхъ нихъ уставъ; роты были соединены въ одну „бригаду“ и все дѣло сосредоточено въ одномъ правленіи, въ такъ называемомъ совѣтѣ бригады. Чтобы движеніе не уклонилось отъ первоначальной религіозно-нравственной цѣли, было установлено основать роты лишь при какой-нибудь церковной или религіозной организаціи: при церкви, миссіи или библейскомъ классѣ. Только такія роты включаются членами въ бригаду. Если же рота основана кѣмъ-либо самостоятельно, безъ покровительства какой-либо христіанско-церковной организаціи, the Boys' Brigade ея не признаетъ.

Шесть или больше ротъ соединяются въ баталіоны, и баталіонный совѣтъ, состоящій изъ офицеровъ ротъ, является главнымъ руководителемъ движенія въ соотвѣтственной мѣстности. Баталіонный совѣтъ избираетъ своего президента, вице-президента, секретаря, казначея и исполнительный комитетъ. Совѣтъ же всей бригады состоитъ изъ „капитановъ“ (начальниковъ) всѣхъ ротъ, изъ баталіонныхъ исполнительныхъ комитетовъ и изъ лицъ, занимающихъ почетныя баталіонныя должности.

Въ роты записываются мальчики отъ 12-ти до 17-ти лѣтъ. Достигшіе 17-ти лѣтъ роту оставляютъ. Каждый изъ мальчиковъ поступаетъ въ роту „нижнимъ чиномъ“ и затѣмъ, по „выслугѣ

лѣтъ“ и по личнымъ достоинствамъ, производится въ младшіе, а потомъ и въ старшіе унтеръ-офицеры. Члены роты обязаны платить какой-либо еженедѣльный, очень небольшой взносъ и затѣмъ уплатить около двухъ шиллинговъ за экипировку, состоящую изъ трехъ вещей: кепи, пояса и сумки. Ружья составляютъ собственность бригады. Это очень дешевенькія монте-кристо, которыми и курицу нельзя убить. Вообще, на основаніи правилъ бригады, выработанныхъ еще на первой конференціи, ни штыковъ, ни сабель, ни вообще ничего смертоноснаго въ вооруженіи бригады не можетъ быть. Даже военная градація чиновъ въ ней допускается лишь въ границахъ самой роты, въ которой она необходима какъ приманка. Но она совершенно отсутствуетъ внѣ роты и никакихъ „майоровъ“, „полковниковъ“, „генераловъ“ въ ней нѣтъ. Бригада прежде всего—учрежденіе гражданское, съ безусловно обще-гражданскими цѣлями, усвоившее лишь нѣкоторые военные порядки, какъ мишуру и позолоту, для привлеченія еще не установившихся дѣтски-легкомысленныхъ подростковъ.

Съ годами и съ развитіемъ движенія, роты и баталіоны стали заводить собственные оркестры, клубы, библіотечки. Стали устраивать лѣтомъ „лагери“ гдѣ-либо на берегу моря или въ полѣ, и лагери эти, продолжающіеся обыкновенно отъ трехъ до четырнадцати дней, составляютъ очень пріятный и желанный отдыхъ для членовъ роты.

Чтобы дать читателю болѣе вѣрное представленіе о томъ кругѣ населенія, откуда обыкновенно „вербуются“ члены этихъ ротъ, какъ и объ обычныхъ занятіяхъ ихъ, считаю нелишнимъ разсказать здѣсь о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Благодаря близкому знакомству съ „капитаномъ“ одной роты, я имѣлъ возможность присутствовать не только на ея ученьяхъ и смотрахъ, но и при „наборѣ“ членовъ роты. Нужно сказать, что окончательные списки ротъ составляются въ сентябрѣ. Но одной записи мало. Начальство роты еще считаетъ необходимымъ удостовѣриться, что мальчикъ записался съ разрѣшенія родителей или опекуновъ. Родители же далеко не всѣ позволяютъ дѣтямъ присоединиться къ бригадѣ. Многіе изъ нихъ боятся, что занятія въ бригадѣ разовьютъ въ ихъ дѣтяхъ охоту къ военной службѣ, далеко не популярной въ англійскомъ народѣ. Въ солдаты обыкновенно поступаютъ здѣсь лишь лѣнтяи и на серьезное дѣло и трудъ неспособные. Офицерамъ бригады приходится поэтому раньше всего обходить родителей записавшихся мальчиковъ и часто доказывать имъ, что поступленіе въ бригаду имѣетъ мо-

ральное значеніе и ничего общаго съ солдатчиной не имѣетъ. Впрочемъ, не только родители, но и многіе соціальные дѣятели далеко не увѣрены въ пользѣ воспитанія, прививающаго дѣтямъ милитарный духъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ была основана новая бригада, хотя тоже на началахъ дисциплины, но не милитарнаго, а человѣколюбиваго характера,—это Boys' Life Brigade, занятія которой состоятъ не въ упражненіяхъ съ ружьями, а въ обученіи пріемамъ спасанія жизни на пожарахъ, на водѣ и при другихъ несчастныхъ случаяхъ. И эта новая бригада начинаетъ теперь завоевывать симпатіи юношей, но пока болѣе популярна прежняя бригада, къ описанію которой возвращаюсь.

И вотъ разъ въ такой-то экспедиціи по домамъ кандидатовъ бригады я и сопровождалъ „офицера", хорошо знакомаго мнѣ молодого человѣка, сына богатаго строительнаго подрядчика. Молодой человѣкъ, занимавшійся днемъ въ конторѣ отца своего, любилъ посвящать свои вечерніе и каникулярные досуги волонтерной арміи, бригадѣ мальчиковъ и спорту. Вмѣстѣ съ „капитаномъ" роты, занимавшимся тоже по строительной части, они организовали свой отрядъ при одной изъ баптистскихъ церквей въ одной изъ очень скучныхъ сѣверо-западныхъ частей Лондона.

V.

Было около семи часовъ вечера, когда мы достигли района жительства записавшихся „рекрутовъ". Это былъ типичный рабочій участокъ Лондона. На улицахъ играли толпы дѣтей, и въ воздухѣ стоялъ несмолкаемый шумъ отъ дѣтскаго крика, визга и смѣха. На углу, у кабака, играла шарманка, и подъ тоскливые и рѣзкіе звуки ея плясали на мостовой нѣсколько десятковъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя съ наивной серьезностью выдѣлывали разныя фигуры и, внимательно слѣдя за тактомъ, отбивали своими тоненькими дѣтскими ножками, вертѣлись и играли своими коротенькими юбочками не хуже балеринъ, танцующихъ на театральной сценѣ. Итальянецъ-шарманщикъ, вертя ручку своего инструмента, какъ будто самъ увлекался этимъ полнымъ жизни зрѣлищемъ, и продолжалъ играть и играть, несмотря на то, что никто ему ничего не давалъ и становилось уже темно. Словно слившись въ одну загипнотизированную группу, прыгали ритмически дѣвочки, игралъ шарманщикъ и поодаль останавливались неподвижно любопытные прохожіе. По сторонамъ улицъ тянулись уныло и однообразно ряды двухэтажныхъ домиковъ съ крошеч

ными палисадниками впереди, изъ которыхъ мѣстами торчали чахлые кусты.

Мой спутникъ повернулъ въ одинъ изъ этихъ домиковъ и постучался въ дверь. Вышла нестарая женщина, вытиравшая руки о передникъ.

— Что̀ угодно?—спросила она грубовато.

— Вы миссисъ Вильямсъ?.. Я изъ гордонскаго клуба. Вашъ мальчикъ Джонъ хочетъ поступить въ бригаду,—заявилъ мой спутникъ.

— Ни за что, сэръ!—отвѣтила она рѣзко.—Извините, но Джонъ и думать не долженъ объ этомъ. Вотъ еще, позволю ему шляться по улицамъ до поздней ночи! Пусть дома сидитъ. Тоже! У меня и такъ голова идетъ кругомъ отъ ихъ шалостей... Вотъ и этотъ пострѣлъ еще на улицѣ, никакъ дозваться не могу,—сказала она вдругъ, замѣтивъ своего четырехлѣтняго карапуза на противоположномъ тротуарѣ.—Чарли, эй, Чарли!—крикнула она ему. — Сейчасъ сюда, а то я тебѣ... Ахъ! вы не можете себѣ представить, сколько съ ними хлопотъ! (а въ это время изъ кухни донесся дѣтскій плачъ)... Вотъ и этотъ.... У меня ихъ четверо. Джонъ—старшій...

Очевидно, миссисъ Вильямсъ попала на свой конекъ, на трудность управиться съ дѣтьми, и жалобамъ, вѣроятно, не было бы конца, еслибы ихъ не остановилъ мой спутникъ напоминаніемъ о цѣли своего визита.

— Нѣтъ,—повторила она рѣшительно.—Очень любезно съ вашей стороны, но онъ долженъ по вечерамъ дома сидѣть. Онъ и такъ достаточно времени проводитъ на улицѣ.

Дѣлать нечего, пришлось уйти ни съ чѣмъ, и мой спутникъ оставилъ лишь ей листокъ.

— Прочтите,—сказалъ онъ ей:—сами увидите, что мы какъ-разъ спасаемъ дѣтей отъ уличнаго бездѣлья, а не толкаемъ на улицу.

На слѣдующій стукъ черезъ нѣсколько домовъ на той же улицѣ намъ открылъ дверь самъ „рекрутъ“.

— Здравствуйте,—сказалъ мой спутникъ.—Это вы—Дэвисъ и есть?

— Да,—отвѣтилъ мальчикъ не безъ собственнаго достоинства.

— Прошлаго мая вы заявили, что хотите записаться въ „Boys' Brigade“. Что̀ же, не перемѣнили намѣреніе?

— Пожалуй,—милостиво отвѣтилъ Дэвисъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ въ тонъ офицеръ.

— Если хотите, могу записаться.

— Пожалуйста, любезнѣйшій, не причиняйте себѣ лишнихъ хлопотъ. Мы, правда, безъ васъ обойтись не можемъ, но все-таки попытаемся, лишь бы только не обезпокоить васъ,—подражаетъ мой спутникъ независимому тону мальчика.

Я улыбаюсь. Мальчикъ, глядя на меня, тоже улыбается не то сконфуженно, не то съ хитрецой юной проницательности. Но въ это время раздается голосъ изъ внутренней комнаты:

— Кто тамъ, Дэви, съ кѣмъ это ты?

— Это господинъ—насчетъ бригады,—говоритъ онъ.

— All right,—доносится изъ глубины узенькаго корридорчика, и къ намъ выходитъ благообразный мужчина въ ситцевой рубашкѣ и разстегнутомъ жилетѣ, съ трубкой въ зубахъ.

— Good evening, sir, — говоритъ онъ какъ-то открыто и добродушно и приглашаетъ въ переднюю комнату, въ гостиную. Онъ проситъ сѣсть и начинаетъ говорить, очевидно готовый покалякать послѣ дневного труда и сытнаго ужина. По убранству комнаты, скромному, но не безъ претензій на комфортъ, видно, что отецъ Дэви принадлежитъ къ рабочимъ съ постояннымъ заработкомъ. И дѣйствительно, оказывается, онъ служитъ въ какомъ-то мебельномъ складѣ и работаетъ на одномъ мѣстѣ уже восьмой годъ. Хозяинъ нашъ—большой политикъ и философъ. Начинаетъ говорить о церкви, о роли ея, объ отношеніи ея къ государству, о школьномъ вопросѣ. Но мой спутникъ нетерпѣливъ. У него на рукахъ еще много адресовъ, большинство которыхъ онъ хочетъ обойти еще сегодня. Онъ, поэтому, пользуется первымъ удобнымъ случаемъ и обрываетъ своего собесѣдника вопросомъ:

— Кажется, вашъ мальчикъ не очень охотно поступаетъ въ бригаду?

— Помилуйте! — возражаетъ тотъ: — мой Дэви спитъ и во снѣ видитъ себя мальчикомъ бригады, только о ней и говоритъ. Пусть поступитъ! Вреда отъ этого не будетъ.

Оставивъ въ распоряженіи отца Дэви разные бланки и листки, касающіеся записи въ бригаду и дѣятельности ея, мы отправляемся дальше.

Въ слѣдующей семьѣ намъ открыла дверь болѣзненнаго вида женщина и очевидно очень недовольная своимъ непослушнымъ сыномъ. Мой спутникъ объяснилъ, что пришелъ справиться, не имѣютъ ли чего-либо родители противъ поступленія ихъ сына въ бригаду.

— Онъ можетъ дѣлать, что̀ ему угодно,—отвѣтила съ легкимъ раздраженіемъ женщина.—Какъ будто онъ когда-нибудь насъ спрашиваетъ!

— Но вы знаете, что мы его не примемъ, если не подпишетесь вы или вашъ мужъ,—говоритъ мой спутникъ.

— Сдѣлайте одолженіе, подпишу, что угодно, лишь бы только избавиться отъ него. Франки!—крикнула она въ сторону кухни.— Вотъ господинъ изъ бригады, выйди!—прибавила она, удаляясь навстрѣчу вышедшему къ намъ Франки, плохо одѣтому, грязноватому и кудластому мальчугану лѣтъ тринадцати.

Мальчикъ, носившій какой-то мѣшковатый пиджакъ съ предлинными рукавами, очевидно, съ чужого плеча, оказался, однако, далеко не такимъ извергомъ, какимъ онъ представлялся по словамъ его матери. Мой спутникъ передалъ ему бланкъ и сказалъ:

— Ну-ка, любезный, прочти внимательно и напиши полностью имя и фамилію. Если нѣсколько именъ, валяй всѣ, но четко и чисто. Напиши и адресъ, и сколько лѣтъ, и день рожденія. Понялъ?

— Хорошо, сэръ,—отвѣтилъ Франки скромно и конфузясь.

— Вотъ увидите, изъ этого Франки выйдетъ молодецъ; ему нужны ласка и теплота, а дома его, очевидно, вѣчно бранятъ,— сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда мы очутились на улицѣ.

По слѣдующему адресу мать оказалась, наоборотъ, ужъ очень глубоко интересующейся похожденіями своего сына. Она была вдовой, занималась стиркой, чисткой комнатъ и прочей поденной домашней работой на ближайшихъ улицахъ; но жила она очень чистенько и не безъ комфорта. Она занимала три комнаты, одна изъ которыхъ составляла спальню, другая—гостиную, куда она и пригласила насъ, а третья—кухню и столовую. Гостиная, очевидно, составляла гордость вдовы, что-то вродѣ священнаго храма, куда не могла ступить ни одна нога изъ младшихъ членовъ ея семьи. Гостиная служила знаменемъ респектабельности, крѣпостью, въ которой охранялась сословная честь семьи, знавшей, должно быть, лучшія времена.

Вдова, съ засученными рукавами и въ передникѣ, быстро зажгла газовый рожокъ подъ розовымъ стекляннымъ колпакомъ, имѣвшимъ видъ тюльпана, и небольшая комната наполнилась мягкимъ свѣтомъ, въ которомъ передъ нами предстала обычная обстановка „drawing-room“ всякой болѣе или менѣе приличной англійской рабочей семьи: по переднимъ угламъ важно покоились кресла, покрытыя поддѣльнымъ плюшемъ. На спинкахъ ихъ бѣлѣли вышитыя салфетки, такъ называемые антимакассары. У двери стоялъ комодъ съ разными бездѣлушками и съ зеркаломъ. На каминѣ торчали вазы, статуэтки, рамки съ фотогра-

фическими карточками. На стѣнѣ было нѣсколько портретовъ и какой-то аттестатъ общества („ордена") трезвости и взаимопомощи, выданный на имя покойнаго главы семьи. У окна стоялъ высокій треножникъ съ вазой для цвѣтовъ. Было еще нѣсколько мягкихъ стульевъ и, наконецъ, какъ высшій символъ приличнаго соціальнаго положенія у стѣны, насупротивъ камина, красовалось піанино.

— Я такъ рада, что мой Артуръ поступаетъ въ роту,—начала хозяйка.—Это ему будетъ полезно. Ему нужно хорошо проводить время... Онъ теперь моется, сейчасъ кончитъ. Онъ только-что изъ Сити... Вы знаете „Нокъ и Вильямсъ"? Большая фирма фотографическихъ принадлежностей. Онъ тамъ служитъ... Онъ раньше приходитъ, чѣмъ его сестра; она тоже служитъ въ Сити, въ кофейнѣ „Эй-Би-Си" (акціонерное общество кофейныхъ заведеній, извѣстное подъ именемъ Aerated Bread Company, а сокращенно „A. B. C."),—болтала она.

Вскорѣ въ комнату вошелъ чистенько одѣтый мальчикъ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, причесанный и съ манерами благовоспитаннаго человѣка. Мой спутникъ подалъ ему бланкъ и сказалъ:

— Вы знаете, какъ написать?

— О, да!—отвѣтилъ тотъ увѣренно. И мы вышли.

— Этотъ поступаетъ съ мыслью сейчасъ же попасть въ унтеръ-офицеры, — сказалъ мой спутникъ; — но семья, очевидно, хорошая, согласная и трудовая.

Впечатлѣніе, вынесенное изъ этой квартиры вдовой charwoman, быстро улетучилось и смѣнилось тяжелымъ чувствомъ, оставленнымъ въ насъ посѣщеніемъ другой семьи. Это посѣщеніе было послѣднимъ въ тотъ вечеръ.

По данному однимъ „рекрутомъ" адресу мы постучались въ одну изъ длиннаго ряда облупленныхъ и обшарпанныхъ дверей, выходившихъ на тоскливый и глухой рабочій переулокъ. Корридорчикъ за дверью не былъ освѣщенъ, и когда какая-то фигура открыла намъ дверь, мы только по запаху ея могли узнать, что она не совсѣмъ трезва. Это была мать рекрута. Она, видно, порядочно выпила, но отлично держалась на ногахъ, и языкъ ея не только не заплетался, но пріобрѣлъ еще какую-то необыкновенную бойкость и плавность.

— Пожалуйте, сударь, пожалуйте, — говорила она, узнавъ въ чемъ дѣло.—Пожалуйте, сударь. Очень рада.

Она насъ ввела въ кухню. Изъ кухни дверь вела въ другую комнату, бывшую спальней. Какая-то запущенность, оголенность

и неуютность царили въ этой квартирѣ. Въ кухнѣ стоялъ грязный столъ съ неубранными чайными чашками и съ остатками ужина. У одной изъ стѣнъ стояла небольшая кровать, на которой, растянувшись, лежалъ теперь глава семьи и курилъ изъ коротенькой трубки. Дѣти разнаго возраста копошились во всѣхъ углахъ.

— Вамъ нужно Боба, не такъ ли? — говорила хозяйка.— Бобъ!—крикнула она.—Офицеръ изъ бригады пришелъ. Встань сейчасъ же и иди сюда! О, сударь, за честь почитаю видѣть васъ у себя, за истинную честь. Какъ это мило съ вашей стороны—интересоваться моимъ мальчикомъ! Надѣюсь, что вы изъ него сдѣлаете человѣка, надѣюсь на васъ, господа!

Тутъ мать Боба очень расчувствовалась, впала въ сентиментальный тонъ и продолжала:

— Да, надѣюсь. Конечно, мой Бобъ и такъ хорошій мальчикъ. Любитъ и жалѣетъ свою маму. Бобъ! что ты тамъ копаешься, выйди же! Видишь, идутъ къ тебѣ хорошіе господа,— говорила она, повернувшись лицомъ въ сторону спальни.

— Я вотъ его потормошу сейчасъ, такъ онъ у меня ловчѣе станетъ,—произнесъ вдругъ хриплымъ басомъ молчавшій до сихъ поръ глава семьи, лицо котораго носило явные слѣды алкоголя.

И черезъ минуту къ намъ вышелъ, застегиваясь на ходу, блѣдный и высокій мальчикъ, съ тонкими чертами лица и съ синими глазами. Это былъ Бобъ (Робертъ).

Мальчикъ произвелъ на насъ сразу глубокое впечатлѣніе. Въ этой неряшливой, полупьяной и нищенской обстановкѣ отъ него повѣяло на насъ кристаллической чистотой невинной дѣтской души, пріятной свѣжестью нѣжнаго, неиспорченнаго еще сердца. Казалось, мы увидѣли принца, одѣтаго въ рубище.

Роберту было лѣтъ четырнадцать, и было ясно, что онъ стыдится своей обстановки, и ему больно, что чужіе люди, джентльмены, видятъ его родителей пьяными. Отъ стыда и неожиданности нашего визита онъ былъ очень взволнованъ и, краснѣя, взялъ бланкъ, пробормоталъ: „Thank you, sir“, и быстро пошелъ впереди насъ, направляясь къ наружной двери. Ему, очевидно, хотѣлось скорѣе, чтобы мы ушли, чтобы избавиться отъ насъ, и мы поторопились оставить эту семью.

— Вотъ мальчикъ, котораго слѣдуетъ спасать,—произнесъ мой спутникъ, когда дверь за нами захлопнулась.—Именно для такого сорта дѣтей бригада наша неоцѣнима. Она нужна не столько для дѣтей вродѣ Франки и Дэви, сколько для такихъ, которыхъ грозитъ засосать страшное болото, окружающее ихъ

въ ихъ собственныхъ семьяхъ. И увидите, что Робертъ будетъ спасенъ!—сказалъ энергично мой спутникъ, горѣвшій огнемъ истиннаго миссіонера.

И дѣйствительно, Робертъ былъ спасенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы его посѣтили, прошло лѣтъ пять или шесть; и теперь, собираясь разсказать здѣсь объ этомъ посѣщеніи, я нарочно справился о судьбѣ мальчика.

— Робертъ? — отвѣтилъ мнѣ мой знакомый „офицеръ".— Онъ теперь у насъ помощникомъ главнаго техника на строительныхъ работахъ въ Каирѣ. Получаетъ триста фунтовъ въ годъ. Блестящая будущность!

Разсказавъ о томъ, какъ бригада вербуетъ свой „сырой матеріалъ", попробую теперь дать краткое описаніе обработки его.

VI.

Было бы слишкомъ долго описывать разныя стороны жизни бригады, ея библейскіе классы, лагерныя собранія, ея ежегодныя демонстраціи въ Albert-Hall, ея парады, клубы, классы первоначальной помощи, и пр. и пр. Все это является лишь побочными дѣлами ея и спутниками основного воспитательнаго воздѣйствія, имѣющаго своимъ принципомъ военную дисциплину. Главная дѣятельность „офицеровъ" ея заключается, поэтому, въ обученіи мальчиковъ военной гимнастикѣ, послушанію и аккуратности. Что же касается до отношеній между „офицерами" и мальчиками, то они вполнѣ точно опредѣлены въ руководствѣ, изданномъ правленіемъ бригады для своихъ офицеровъ. Отношенія эти должны быть чисто братскія. Офицеръ, т.-е. руководитель роты, долженъ знать лично каждаго мальчика и его семейныя обстоятельства, и когда нужно, долженъ являться совѣтникомъ и другомъ.

„Старайтесь предоставить мальчикамъ и унтеръ-офицерамъ какъ можно больше дѣла въ связи съ ихъ ротой,—говорится въ этомъ руководствѣ.—Довѣряйтесь мальчикамъ. Ничто не вліяетъ такъ облагораживающимъ образомъ на мальчика, какъ возбужденіе въ немъ чувства чести и отвѣтственности.

„Никогда не нарушайте слова, даннаго хотя бы и по самому пустяшному дѣлу. Довѣріе офицеру является необходимѣйшимъ условіемъ успѣха, и офицерамъ рекомендуется не упускать ни малѣйшаго случая для укрѣпленія этой вѣры".

Согласно этимъ указаніямъ руководители ротъ и поступаютъ.

часто являясь не только учителями военной маршировки, но и посредниками въ отысканіи занятій и въ устройствѣ карьеры мальчика. Собирается обыкновенно рота для своихъ упражненій разъ или два въ недѣлю по вечерамъ, а для библейскаго класса въ воскресенье по утрамъ. Мѣстомъ для собраній служитъ почти всегда церковный домъ, т.-е. флигель, являющійся обыкновенной принадлежностью нонконформистскихъ церквей въ Англіи. Впрочемъ, въ послѣдніе годы такими пристройками къ главному зданію начали обзаводиться и церкви англиканскаго исповѣданія. Въ такомъ церковномъ флигелѣ обыкновенно происходятъ разные митинги, концерты, базары, спѣвки и празднества, чѣмъ-либо связанные съ церковью. И тутъ же обучаются маршировкѣ члены той роты бригады мальчиковъ, которая пользуется покровительствомъ соотвѣтствующей конгрегаціи.

Въ одинъ изъ назначенныхъ для бригады вечеровъ мы, пользуясь приглашеніемъ знакомаго „капитана", входимъ въ церковный домъ, гдѣ упражняется восьмая рота западно-лондонскаго баталіона. Въ большой, освѣщенной электричествомъ залѣ, построенной, какъ и всѣ залы этого рода, безъ потолка, вся мебель убрана и нагромождена отчасти у задней стѣны и отчасти въ противоположномъ концѣ, на эстрадѣ. Мальчики собираются по одиночкѣ или группами, одѣтые въ свою форму, т.-е. въ маленькія безкозырьковыя кепи, напоминающія маленькіе тамбурины безъ погремушекъ, съ поясомъ и съ сумкой, накинутой черезъ плечо. Это—вся ихъ „форма", которая, однако, несмотря на всю свою простоту и дешевизну, придаетъ членамъ бригады молодцоватый видъ и военное однообразіе. Мальчики, очевидно, раньше, чѣмъ отправиться на ученье, хорошенько вымылись и причесались. Чистота и опрятность—главныя требованія наружнаго осмотра.

Въ ожиданіи начала занятій въ залѣ стоятъ шумъ и гамъ. Мальчики предаются разнымъ шалостямъ, со свойственной ихъ возрасту рѣзвостью, и принесенныя ими ружьеца исполняютъ роль барабанныхъ палокъ, костылей, носилокъ, словомъ—всего, чего хотите, только не боевого оружія. Присутствіе капитана и офицеровъ ихъ ничуть не стѣсняетъ, хотя, вступая въ залу и проходя мимо своего начальства, мальчики отдаютъ ему честь по-военному. Все форменное обмундированіе офицера состоитъ лишь въ шапкѣ, извѣстной подъ именемъ „гленгарри" и составляющей обыкновенно принадлежность шотландскаго костюма. За исключеніемъ этой шапки, офицеръ ничего военнаго и никакихъ отличій не носитъ, а одѣтъ въ свое обыкновенное платье.

Но вотъ наступилъ часъ занятій, и громовое „смирно!“ со стороны капитана сразу водаряетъ тишину и порядокъ. Мальчики быстро выстраиваются, по очереди каждый изъ нихъ произноситъ свой нумеръ—и начинаются упражненія: колонна то поворачивается направо, то налѣво, отступаетъ, наступаетъ, двоится, перестраивается по-четверо и по-шестеро въ рядъ. Въ залѣ только и слышны громкая, отрывистая команда капитана да ритмическое топанье мальчиковъ, двигающихся взадъ и впередъ, налѣво и направо.

Черезъ нѣсколько времени маршировка смѣняется молитвою „Отче нашъ“, послѣ которой раздается команда „вольно!“—и, словно колода картъ, освобожденная отъ бандероли, только-что чинно и прямо стоявшіе въ строю мальчики быстро смѣшались и завозились по залѣ. Капитанъ и офицеры замѣшались также въ ихъ толпу, бесѣдуя и шутя съ ними, какъ съ товарищами, разспрашивая о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и выслушивая разные разсказы.

Черезъ нѣсколько минутъ упражненія возобновились, затѣмъ были розданы листки, касавшіеся записи желающихъ въ члены какого-то кружка—не то плаванія, не то футболла. Послѣ этого капитанъ началъ примѣрять на мальчикахъ новыя шапки, присланныя изъ „главнаго штаба“ бригады. Новыя шапки, имѣвшія, кажется, лишній бѣлый кантъ, произвели своего рода сенсацію въ средѣ роты, которая, однако, сейчасъ же принялась за дальнѣйшія упражненія съ ружьями. Занятія закончились церемоніей возведенія въ унтеръ-офицерскіе чины нѣсколькихъ мальчиковъ,— очень простой церемоніей, состоявшей лишь въ томъ, что капитанъ прикрѣплялъ соотвѣтственные банты къ рукавамъ у удостоенныхъ производства мальчиковъ.

Послѣ этой церемоніи былъ пропѣтъ гимнъ, взятый изъ сборника гимновъ бригады, и рота была объявлена „dismissed“, т.-е. уволенной.

Но этимъ вечеръ ея еще не закончился. Сейчасъ же по окончаніи занятій въ стѣнахъ церковнаго дома, у дверей его на улицѣ выстроился оркестръ роты, состоявшій изъ десятка полтора флейтистовъ и барабанщиковъ, и мальчики во главѣ съ этимъ своимъ оркестромъ двинулись по улицѣ, чтобы совершить небольшую прогулку. Впереди шелъ подростокъ, игравшій на турецкомъ барабанѣ. Онъ былъ ростомъ выше другихъ музыкантовъ и дѣйствовалъ локтями и ударными палками, словно огромная птица крыльями. Онъ, очевидно, былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ извлекать изъ своего инструмента широкіе метрическіе

удары, наполнявшіе воздухъ воинственнымъ и бодрящимъ гуломъ, пріятно сливавшимся съ тоненькими задорными голосами флейтъ. Не успѣлъ оркестръ тронуться съ мѣста, какъ вокругъ него оказалась толпа уличныхъ дѣтей, которыя старались подражать военному строю и подпѣвали игравшему оркестру. Большинство дѣтей было безъ шапокъ, безъ верхней одежды и даже безъ обуви. Очевидно, дѣти уже собирались спать, но, заслышавъ музыку, выбѣжали на улицу, такъ, въ чемъ были, и теперь, словно соломинки, увлеченныя общимъ потокомъ, понеслись вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми вдоль по улицѣ. Вслѣдъ за отрядомъ „бригадныхъ" тоже бѣжала въ припрыжку толпа мальчишекъ и дѣвочекъ—и всѣ вмѣстѣ быстро двигались, и подъ музыку барабановъ и флейтъ, наигрывавшихъ что-то бойкое, поворачивали на другую улицу и таяли въ воздушной мглѣ, чтобы черезъ полчаса показаться вновь съ другой стороны у церковнаго же дома.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

I.

Былъ уже девятый часъ сентябрьскаго вечера, когда въ полутемный залъ Маріинскаго театра вошелъ Мамаевъ.

Онъ опоздалъ къ началу балета, засидѣвшись съ Стаховской въ ресторанѣ за обѣдомъ.

Стаховская сегодня была не занята въ балетѣ, и Мамаевъ долженъ былъ отвезти ее домой, чтобы переодѣться. Ей непремѣнно хотѣлось надѣть въ театръ новую кофточку, только-что привезенную изъ Парижа, цвѣта bleu turquoise, который чрезвычайно шелъ къ ея матово-блѣдному лицу, съ тонкимъ, изящнымъ профилемъ, и къ ея волнистымъ матово-бѣлокурымъ волосамъ.

Переодѣться къ обѣду Стаховская не успѣла, потому что урокъ, который она ежедневно брала у извѣстной учительницы танцевъ, сегодня затянулся позже обыкновеннаго, какъ это всегда случалось осенью, когда нужно было особенно много заниматься, чтобы размять ноги и корпусъ, немножко запущенные за лѣтнее время.

Мамаевъ по опыту зналъ, что перемѣна туалета займетъ больше часа времени, а потому уѣхалъ въ театръ, предоставивъ Стаховской пріѣхать туда въ каретѣ.

Конечно, не обошлось безъ того, чтобы они немного не повздорили, но это уже вошло у нихъ въ обыкновеніе за послѣднее время, и никого изъ нихъ особенно не смущало; стычки про-

исходили легкія: начинались съ пустяковъ, а кончались неопредѣленно,—такъ, что въ каждую минуту можно было возобновить добрыя отношенія, безъ перетряхиванья и анализа непріятнаго недоразумѣнія.

Однако, прежде этихъ стычекъ не было или, во всякомъ случаѣ, онѣ являлись рѣдкими исключеніями.

Только въ послѣднее время онѣ участились и грозили превратиться въ хроническое явленіе.

Совмѣстная лѣтняя поѣздка заграницу, какъ это часто бываетъ, не только не поспособствовала сближенію, но, напротивъ, посѣяла между ними сѣмена антагонизма: они ближе узнали другъ друга.

Съ этими мыслями входилъ Мамаевъ въ театральный залъ. Онѣ не очень огорчали его.

Романъ съ Стаховской былъ ему интересенъ, какъ красивый эпизодъ на фонѣ его свѣтской и служебной жизни.

Стаховская была красивой женщиной, очень красивой—и выдающейся артисткой; она была молода, и балетная критика возлагала на нее большія надежды: въ танцахъ ея находили особую прелесть вдохновенія, большое чувство ритма и темпа, умѣнье одѣться со вкусомъ, придать извѣстное cachet варіаціи, красоту „attitudes“ и позъ, смѣлость сложныхъ пируэтовъ, сильно разработанную технику и еще многое другое, за исключеніемъ „элеваціи“ и „баллона“.

Это была танцовщица немножко terre-à-terre, и балетные критики, въ отчетахъ о ней, никогда не упускали случая, отдавая должное ея танцамъ, процитировать извѣстный стихъ: „Не называй ее небесной и у земли не отнимай“.

Это вливало каплю горечи въ существованіе Стаховской, которой, какъ всякому истинному художнику, хотѣлось имѣть въ своемъ талантѣ именно то, чего въ немъ не хватало.

Но у нея было немало и утѣшеній.

Она была самой изящной, миловидной и красивой артисткой балета; въ своей сферѣ—въ сферѣ виртуознаго танца, технически разработанной варіаціи и осмысленности общаго исполненія со стороны мимической—она не знала соперницъ; въ теченіе нѣсколькихъ только лѣтъ она уже завоевала видное положеніе въ балетѣ и занимала такія мѣста, которыя въ прежнія времена добывались, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, постепеннымъ переходомъ по разрядамъ сложной хореграфическо-іерархической лѣстницы.

Карьера въ балерины ей была открыта, и даже теперь ей

давали уже танцовать отдѣльные балетики, а въ предстоящій сезонъ обѣщанъ былъ и большой, сложный балетъ.

У Мамаева было обширное знакомство во всѣхъ сферахъ петербургскаго общества.

Связи и богатство способствовали его быстрой карьерѣ; онъ былъ еще молодъ и уже готовился занять мѣсто начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ виднѣйшаго министерства.

Онъ былъ красивъ, изященъ, остроуменъ, прекрасный собесѣдникъ и bon-vivant, одѣвался у лучшаго портного въ Лондонѣ и періодически ѣздилъ туда освѣжать свой туалетъ.

Въ безукоризненно сшитомъ смокингѣ Мамаевъ пробирался теперь по узкому проходу къ абонированному имъ креслу перваго ряда и всматривался въ публику.

Сцена была ярко освѣщена, но залъ былъ погруженъ въ полутьму.

Мамаевъ плохо различалъ лица въ этой полутьмѣ, съ которой еще не освоилось его зрѣніе, и сѣлъ въ кресло. Онъ пожалъ руки своимъ ближайшимъ сосѣдямъ направо и налѣво, кивнулъ кое-кому изъ болѣе далекихъ и взглянулъ на сцену.

Подъ очаровательную симфонію Чайковскаго зарасталъ дикимъ лѣсомъ дворецъ короля Флорестана.

Одинъ за однимъ гасли праздничные огни и меркли краски на пестрыхъ костюмахъ людей Соннаго Царства.

Зеленый сумракъ спускался на дворецъ и окутывалъ таинственнымъ колоритомъ волшебный садъ.

Группы внезапно заснувшихъ на ходу людей виднѣлись еще за разроставшейся зеленой порослью лѣса, сквозь прорѣзи которой мягкимъ фіолетовымъ пятномъ вырисовывалась Фея Сирени съ магической палочкой въ рукѣ, погрузившая въ долгій сонъ это сказочное царство короля Флорестана...

II.

По мѣрѣ того, какъ разросталась и углублялась въ чудныя многозвучныя красоты симфонія Чайковскаго, балетоманамъ становилось скучно, и они начали переговариваться, порой перекрикивая piano оркестра.

Кое-гдѣ раздались возмущенныя шиканья меломановъ.

Кто-то сзади, изъ особенно увлеченныхъ музыкою, фальшиво подпѣвалъ оркестру.

Мамаевъ всталъ со своего кресла, когда опустился занавѣсъ,

поклонялъ балеринѣ, которая вышла къ рампѣ и оказалась среди сада живыхъ цвѣтовъ.

Корзины и букеты выносились служителями изъ правой кулисы и образовали у рампы настоящую душистую изгородь.

Балерина кланялась, прикасалась къ корзинамъ, оторвала цвѣтокъ и прижала его къ груди, потомъ посылала воздушные поцѣлуи къ верху, къ тому эдему, изъ котораго шли наиболѣе неистовые возгласы и крики.

Въ партеръ она почти не смотрѣла и не кланялась балетоманамъ, давно находясь съ ними въ разладѣ.

Впрочемъ, одинъ изъ балетомановъ усиленно старался обратить на себя ея вниманіе и вызывалъ ее особымъ короткимъ выкрикомъ, походившимъ на собачій лай.

Другіе смѣялись.

Мамаевъ смотрѣлъ на всю эту сцену критическимъ, слегка насмѣшливымъ взглядомъ.

Онъ не одобрялъ балерины, и не столько за ея талантъ, сколько за ея закулисныя интриги, а также за ея недружелюбное отношеніе къ Стаховской.

Вызовы продолжались безъ конца, прерываемые шиканьями партіи второй балерины.

Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ залъ Маріинскаго театра превратился въ дни балетныхъ спектаклей въ арену микроскопическихъ „политическихъ“ демонстрацій.

Только здѣсь публика чувствовала себя свободной выражать открыто свои мнѣнія и пользовалась этой возможностью при всякомъ случаѣ.

Впрочемъ, и здѣсь свобода выражать свое неодобреніе простиралась лишь до тѣхъ поръ, пока полиція не забирала въ верхнихъ сферахъ театра черезчуръ ретивыхъ демонстрантовъ и не выводила ихъ на свѣжій воздухъ.

Первая балерина была persona gratissima театральной дирекціи и пользовалась неограниченнымъ вліяніемъ на закулисныя дѣла.

Въ сущности, не дирекція, а она была вершительницей судебъ казеннаго балета и „бюрократически“ управляла имъ.

Ни на одной сценѣ нѣтъ такой прочной связи и такой сплоченности между артистами и публикой, какъ въ балетѣ; балетная публика все одна и та же; это огромный кадръ абонентовъ, изъ года въ годъ посѣщающихъ балетъ, свыкшихся съ нимъ, видимыми и невидимыми связями соединенныхъ съ артистами; всѣ другъ съ другомъ знакомы по залу и по балетнымъ объ-

Мамаевъ вскинулъ на него удивленный взоръ.

— Будущей Россіи?—не понялъ онъ.

— Ну, да. Посмотрите на это трогательное единеніе интеллигенціи съ народомъ и эту общую сарабанду, гдѣ маркизъ держитъ за руку пейзанку, а баронесса—пейзана. Всѣ чувствуютъ себя равноправными въ этотъ чудный весенній день, и потому всѣмъ такъ непринужденно весело.

— Я не нахожу, чтобы было весело. Кордебалетъ танцуетъ вяло.

Зимницкій чуть презрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Ахъ, вы съ профессіональной точки зрѣнія? Я говорю объ идеѣ.

— Объ идеѣ?—усмѣхнувшись, сказалъ Мамаевъ.—Странная идея! Развѣ возможно у насъ, чтобы сенаторъ или членъ государственнаго совѣта пустился въ плясъ съ кухаркой Матреной или прачкой Дарьей? Или чтобы графиня Елена Михайловна—онъ кивнулъ головой въ одну изъ ложъ бель-этажа—вдругъ затанцовала... ну, хотя бы трепака со своимъ кучеромъ... Это, милый мой, публицистическій бредъ.

— Вы меня поняли слишкомъ узко. Но—какъ символъ? Вы не допускаете единенія съ народомъ? Я на балетъ смотрю, какъ на поэтическую символику, и съ этой точки зрѣнія онъ интересенъ и забавенъ.

— Я на него смотрю не какъ на забаву, а какъ на искусство,—съ важностью отвѣтилъ Мамаевъ.

— Господа, вы мѣшаете слушать, — остановилъ ихъ генералъ Брядовъ, сидѣвшій рядомъ съ Мамаевымъ.

Они, дѣйствительно, увлеклись и заговорили черезчуръ громко.

Оба замолчали.

Но Зимницкому хотѣлось говорить, и онъ, понизивъ голосъ до шопота, снова обратился къ Мамаеву.

— Сколько разъ вы видѣли „Спящую“?

— Много,—отвѣтилъ также шопотомъ Мамаевъ.—Разъ сорокъ, должно быть.

— Ну и что̀ же скажете?

— Какъ что? Прекрасный балетъ, дивная музыка, геніальная постановка, костюмы съ большимъ вкусомъ.

— А еще?

— Что̀ же еще?

— А символъ? Вы не чувствуете аллегоріи?

— Опять! Какой же символъ? — съ еще большей неохотой спросилъ Мамаевъ.

— Да вѣдь это—исторія Россіи,—началъ Зимницкій.—Спящая Красавица—это Россія. Она спитъ; добрая Фея Сирени коснулась ея волшебной палочкой и погрузила въ тяжелый сонъ до тѣхъ поръ, пока не явится какой-нибудь принцъ Дезире и не разбудитъ ее поцѣлуемъ. И тогда вѣковой сонъ спадетъ съ нея, запущенный домъ ея быстро обновится, заблещутъ яркими красками стѣны ея хоромъ и злые пауки, заткавшіе ея царство паутиной всевозможныхъ ограниченій, стѣсненій и усмотрѣній, разорвутъ со страха свои паутины и разбѣгутся въ разныя стороны. И надъ Россіей заблещетъ яркое весеннее солнце красоты, правды и свободы...

Мамаевъ хмуро улыбался съ чуть-чуть пренебрежительнымъ видомъ къ этому расфантазировавшемуся публицисту, который, по мѣрѣ того какъ говорилъ, все больше и больше увлекался аналогіями.

И пока Зимницкій говорилъ, Мамаеву неожиданно для него самого дѣлалось интересно, и онъ съ любопытствомъ прислушался къ его послѣднимъ словамъ.

— Это, дѣйствительно, забавно,—проговорилъ онъ:—балетъ —съ точки зрѣнія публицистики. Кто же, по вашему, злая Фея Карабасъ?

Зимницкій подумалъ и сказалъ:

— Историческая судьба; судьба исторіи, поклявшаяся погубить молодое народившееся существо.

— За что же?

— За то, что въ первые дни его жизни Каталабютъ (народное невѣжество) позвало на пиръ чужихъ людей править, володѣть нами, и отдать имъ свою свободу. За это Карабасъ обрекла этотъ народъ на историческую смерть. Но Фея Сирени парализовала этотъ приговоръ. Она погрузила прелестную малютку въ каталептическій сонъ и все царство ея—въ сонныя зеленыя дебри, съ тѣмъ, однакоже, что когда, въ тяжкихъ грезахъ, окрѣпнутъ силы этого спящаго царства, явится принцъ и поцѣлуемъ разбудитъ ее. Разбудитъ и скажетъ: я имѣю теперь довѣріе къ твоимъ силамъ. Встань, проснись, вѣдь весна на дворѣ.

— И этотъ принцъ?..—спросилъ Мамаевъ весело.

— Конечно, князь...

Онъ не договорилъ, потому что въ это время раздался оглушительный гулъ аплодисментовъ.

Изъ-за зеленаго холма, освѣщенная мягкимъ розовымъ свѣтомъ утренней зари, появилась вся въ блескѣ разсвѣта Аврора—первая балерина.

Когда апплодисменты смолкли, Мамаевъ, невольно заинтересованный аллегоріями Зимницкаго, сказалъ ему:

— Я не вѣрю въ вашего принца Дезире, въ вашего принца Желаннаго. Ни въ него, ни въ его „весну“.

— Почему?—поднявъ бровь, спросилъ Зимницкій.

— Послушайте,—серьезнымъ тономъ сказалъ Мамаевъ, положивъ руку ему на колѣно: — что̀ бы вы сказали, еслибы въ одинъ прекрасный день управляющій вашимъ имѣніемъ оповѣстилъ бы васъ, что онъ выражаетъ вамъ свое довѣріе, и потому согласенъ допустить васъ высказаться о вашихъ нуждахъ? Вотъ вы смѣетесь... Вы бы подумали, что вашъ управляющій неумѣстно шутитъ. Потому что это вы, хозяинъ, можете и должны высказывать довѣріе или недовѣріе управляющему, который обязанъ быть у васъ на отчетѣ... а не онъ—вамъ.

— А, знаете, вы правы! — радостнымъ голосомъ отвѣтилъ Зимницкій.—Вы тысячу разъ правы, Владиміръ Григорьевичъ.

— По крайней мѣрѣ вездѣ въ Европѣ общество, народъ, выражаетъ довѣріе своему правительству, какъ управляющему своихъ дѣлъ. И если высказывается недовѣріе, то этотъ управляющій уходитъ, его замѣняютъ новымъ. А у насъ—наоборотъ. Управляющій высказалъ, наконецъ, довѣріе, и хозяинъ положенія невѣсть какъ обрадовался и возликовалъ. Такому хозяину цѣна—грошъ. И вотъ почему я не вѣрю ни въ вашу „весну“, о которой столько теперь говорятъ, ни въ ваше пресловутое довѣріе... Она сегодня въ ударѣ,—неожиданно проговорилъ онъ, кивнувъ на сцену.—Тройные пируэты великолѣпны. Точны, стремительны... великолѣпные пируэты...

Зимницкій поглядѣлъ съ удивленіемъ на Мамаева, потомъ—на балерину и пожалъ плечами.

И въ то же время профессоръ-солистъ, игравшій на скрипкѣ въ оркестрѣ варіацію балерины, злыми глазами взглянулъ на нихъ.

Ихъ безконечный разговоръ, переходившій изъ шопота въ громкую рѣчь, обижалъ и раздражалъ его неуваженіемъ и равнодушіемъ къ его художественной игрѣ.

Брядовъ и Боричевъ тоже смотрѣли на нихъ съ неудовольствіемъ и осужденіемъ.

„Нашли мѣсто, гдѣ вести политическіе дебаты!“

IV.

Раздались аплодисменты.

Балерина раскланивалась своимъ обычнымъ жестомъ, вздымая руки по направленію къ верхнимъ сферамъ и посылая туда улыбки и воздушные поцѣлуи. Затѣмъ она подошла къ зеленому холму и въ прежнемъ розовомъ сіяніи исчезла за нимъ, словно растаяла въ воздухѣ.

Фея Сирени и принцъ Дезире сѣли въ лодку и подъ звуки симфоніи Панорамы отправились въ дальній путь на поиски Спящаго Царства.

Настала зелено-фіолетовая ночь.

Мелькали темные замки съ освѣщенными окнами, часовни, рыбачьи суда, таинственныя озера, скалы.

А въ оркестрѣ шла чудная симфонія, мечтательно-грустная, задумчиво-волшебная...

Теперь танцевъ на сценѣ не было, и собесѣдники возобновили разговоръ, близко наклонивъ другъ къ другу головы и еще больше понизивъ голоса.

— Такъ вы не вѣрите?—сказалъ Зимницкій.

— Не вѣрю. Эта смѣна вѣяній въ нашемъ режимѣ—нелѣпа, потому что основана на настроеніяхъ, а не на твердомъ законѣ. „Диктатура сердца"... а рядомъ — „quos ego!" недавно исчезнувшаго министра, а теперь „довѣріе къ обществу". Все это — вздоръ. Нужно одно: реформы. И даже не нѣсколько, а одна коренная.

— Остальное приложится?

— Само собой. А то—„весна", „весна". И заговорили о ней въ сентябрѣ. Nonsens! Я ѣхалъ въ театръ. Небо заволокло тучами; сверху—холодный осенній дождь, и даже не дождь, а чортъ знаетъ что̀, внизу—грязь. Хмуро, темно, сыро, холодно. Какая весна, помилуйте! Вотъ здѣсь—весна. Взгляните на эту лодку, украшенную цвѣтами весенней сирени. Но вѣдь и это весна—бутафорская, безъ благоуханія. Намъ до настоящей весны далеко. И нужна какая-нибудь особая встряска, чтобы мы ее почувствовали. Повѣрьте же, что не дворникамъ дѣлать настоящую весну.

— Да вы—форменный пессимистъ...

— Я—дѣловой человѣкъ. О дѣлѣ будемъ говорить сколько угодно. И о поэзіи, если хотите. Но смѣшивать двѣ этихъ

вещи—не понимаю. И не понимаю того, какъ вы, публицисты, этого не понимаете и ликуете, когда вамъ говорятъ столь незначительныя слова...

— Мы отлично понимаемъ, не хуже васъ,—обидчивымъ голосомъ возразилъ Зимницкій.—Мы просто придрались къ этимъ словамъ, на нихъ строимъ свою программу и навязываемъ ее властямъ. Надо ловить моментъ.

— Это унизительно для уважающаго себя общества. Нужно сказать прямо то, что̀ нужно. И требовать. А если не хватаетъ силъ или умѣнья, то лучше гораздо молчать, чѣмъ играть въ какой-то политическій балаганъ. Свобода берется съ боя, и повѣрьте, что если мы, дѣйствительно, проснулись, то мы возьмемъ ее послѣ генеральнаго сраженія. Или не возьмемъ вовсе. Но вотъ, видите, мы уже подплыли къ „Спящему Царству".

На сценѣ красовался запущенный, заросшій дворецъ Флорестана.

Группы охотниковъ, слугъ и дѣвушекъ спали глубокимъ сномъ на ступеняхъ дворца; спали лошади съ всадниками въ сѣдлахъ, спали собаки, спали всѣ.

Казалось, кусты и деревья—и тѣ заснули глубокимъ, безпробуднымъ сномъ.

Добрая Фея Сирени вела принца Дезире въ волшебный спящій за̀мокъ.

„Чортъ его знаетъ, что̀ это за человѣкъ!—подъ звуки музыки думалъ Зимницкій, искоса поглядывая на красивое и задумчивое лицо Мамаева, который внезапно замолчалъ и, видимо, не желалъ больше разговаривать.—Вѣдь снобъ, форменный снобъ, и притомъ балетоманъ, и притомъ имѣетъ длительный романъ съ Стаховской и даже, можетъ быть, только потому, что она считается первой красавицей... Искренно восторгается пируэтами и „фуэтэ". Оживлялся только тогда, когда говорили о балетѣ. А вотъ подите же! Заговорилъ и о политическихъ дѣлахъ! Чудо чудное, диво-дивное! какъ поется въ „Садко". Нѣтъ, что̀ ни говори, а политика довѣрія все-таки разбудила нашу спящую красавицу—сонное общество"...

Онъ смотрѣлъ на сцену.

Темная спальня Авроры, вся затканная паутиной и подернутая плѣсенью временъ, казалась такой неуютной, сырой и мрачной!

Но вотъ раздался громовый ударъ въ оркестрѣ и—феерическая перемѣна декораціи: стѣны заблестѣли новой позолотой, краски сдѣлались яркими, паутина исчезла, въ каминѣ весело

загорѣлись дрова, въ альковѣ Спящей Красавицы зажегся фонарь.

И подъ вліяніемъ горячаго, страстнаго поцѣлуя юнаго, какъ весна, принца, давно жданнаго, давно желаннаго, случайно гревшагося въ кошмарномъ видѣніи тяжелаго долгаго сна, Аврора вдругъ проснулась и съ удивленіемъ оглядѣлась.

Можетъ быть, она продолжаетъ гревить? Можетъ быть, ей все это снится? Нѣтъ, нѣтъ, вотъ и весь этотъ уснувшій штатъ ея друзей, чиновниковъ и придворныхъ Флорестана, вотъ и народъ, когда-то принимавшій участіе въ празднествахъ, всѣ, всѣ, застигнутые сномъ, теперь просыпаются, протираютъ глаза и изумленными взорами, сначала недовѣрчиво и робко, потомъ все бодрѣе и увѣреннѣе оглядываютъ другъ друга.

И вотъ они начинаютъ подыматься...

Зимницкій посмотрѣлъ на сосѣднее кресло и хотѣлъ сказать Мамаеву, что, по его шутливому мнѣнію, общественное движеніе непремѣнно разовьется изъ этой балетной залы, изъ этой распри „зеленыхъ“ и „голубыхъ“ новаго византійскаго цирка.

Ему давно пришла въ голову эта мысль, и онъ носился съ нею. Этотъ залъ, казалось ему, былъ приготовительнымъ классомъ интеллигенціи.

Здѣсь она училась дѣлиться на партіи и бурно выражать свои антипатіи балеринѣ привиллегированной и монопольной, навязанной „казной“, и балеринѣ, свободно созданной „общественными симпатіями“.

Это была невинная игра въ невинные символы, какъ игра дѣтей въ „папу и маму“ или въ „мужа и жену“, но она доставляла какое-то особенное удовольствіе этой публикѣ.

Зимницкій повернулся къ Мамаеву, но его уже не было здѣсь.

Не дождавшись конца акта, онъ быстро шелъ по проходу, кивая направо и налѣво своимъ многочисленнымъ знакомымъ и безпокойно вглядываясь въ двери, изъ которыхъ ждалъ появленія Стаховской.

Но такъ какъ Стаховской все еще не было, то онъ, нѣсколько взволнованный, рѣшилъ пойти въ ложу къ Кардановымъ.

По дорогѣ онъ возстановилъ въ своемъ воображеніи сцену переодѣванія Стаховской и разсчитывалъ время, потребное для этого. Снять кофточку bleu turquoise, вымыть руки, сѣсть къ зеркалу—на все это четверть часа.

Но вотъ у зеркала начнется подвивка волосъ сзади, подъ затылкомъ, и чуть-чуть на вискахъ; можетъ быть, еще подвивка

волосъ, прикрывающихъ руло модной прически, хотя ondulations были уже сдѣланы сегодня парикмахеромъ. Потомъ двѣ-три ретуши щекъ заячьей лапкой—зачѣмъ? Женя и такъ свѣжа, молода, имѣетъ прекрасный цвѣтъ лица.

Но это ужъ ритуалъ. Безъ этого нельзя... Потомъ полировка ногтей пудрой Dorin и помадой Darupan — это беретъ у нея ужасно много времени, но зато ея красивые, миндалевидные ногти всегда изумительно розовы и блестятъ, точно смазанные провансвимъ масломъ.

Ну, а потомъ—одѣваніе... Онъ попытался себѣ представить это одѣваніе въ подробностяхъ, чтобы разсчитать время, но подробностей было столько и такихъ сложныхъ, что онъ мысленно махнулъ рукой, весело улыбнулся и сказалъ себѣ: „нѣтъ, она еще не выѣзжала“—и постучался у ложи.

V.

— Войдите!—раздался за дверью свѣжій молодой голосъ.

Мамаевъ узналъ голосъ юной Анны Петровны.

Ему отворили дверь, и онъ вошелъ въ аванложу. Въ самой ложѣ и въ ея аванложѣ было много народу. Точно въ двухъ смежныхъ купэ wagon-lit передъ отходомъ поѣзда, когда провожающіе набиваются въ эти узкія помѣщенія за пять минутъ до звонка.

Мамаевъ былъ нѣсколько ошеломленъ, но тотчасъ, по издавна усвоенной привычкѣ, спокойно оглядѣлся и разобрался въ этой толпѣ.

Вѣры Алексѣевны Кардановой, матери семейства, не было въ этотъ вечеръ въ ложѣ.

Она отпустила въ театръ своихъ дочерей: Анну съ замужней Ольгой и сыновей—студента Михаила съ офицеромъ Вадимомъ.

Около молодежи и набралась вся эта веселая публика.

Впрочемъ, настоящей молодежью можно было назвать только двухъ членовъ семьи Кардановыхъ, такъ какъ Вадиму было уже за тридцать, а Ольгѣ двадцать-шесть.

Мамаевъ поздоровался со всѣми.

Его всегда и вездѣ встрѣчали весело и привѣтливо. Онъ умѣлъ ладить со всѣми и подлаживаться ко всѣмъ. Въ этомъ не было ничего предосудительнаго, потому что въ этомъ savoir-vivre не было признаковъ исканія выгодъ, а просто свойство чрезвычайно гибкаго характера. Съ молодежью онъ умѣлъ ду-

рачиться и говорить забавныя глупости, съ людьми серьезными говорить серьезно и интересоваться ихъ идеями, съ профессіоналами говорить объ ихъ профессіи.

Поэтому всѣ чувствовали въ немъ своего въ тотъ моментъ, когда онъ стоялъ передъ ихъ глазами, и какъ-то быстро забывали о немъ, какъ только онъ долго не появлялся.

Одна Анна не забывала его.

Анна только-что кончила курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ аристократическихъ пансіоновъ и начала увлекаться Маяевымъ.

Ее влекла къ нему интересная внѣшность и красивое лицо; забавный разговоръ, который онъ всегда умѣлъ съ нею поддерживать, любопытство, свойственное подростку, которое онъ возбуждалъ въ ней своимъ отношеніемъ къ балету, и въ особенности къ Стаховской, а можетъ быть, и несознанное еще чувство, начинавшее пробуждаться въ ней къ этому красивому мужчинѣ.

Анна была рѣзвой дѣвушкой, съ чисто петербургскимъ пошибомъ поведенія.

Въ восемнадцать лѣтъ она уже знала многое, чего не знали дѣвушки предшествующаго поколѣнія, а чего не знала, о томъ догадывалась по книгамъ, преимущественно по французскимъ романамъ, которые она читала въ изобиліи и безъ всякаго контроля съ чьей бы то ни было стороны.

Мать никогда и ни въ чемъ не ставила ей преградъ и препятствій, въ особенности въ чтеніи.

„Если дѣвушка нравственно здорова, она должна читать все. Только чахлое растеніе ставятъ подъ колпакъ, а здоровое должно свободно расти на открытомъ воздухѣ, подъ солнцемъ, дождемъ, бурей и градомъ. Оно отъ этого не зачахнетъ, а укрѣпится",— часто говорила Вѣра Алексѣевна, въ отвѣтъ на дѣлаемыя ей предостереженія со стороны лицъ, мнившихъ себя компетентными въ дѣлѣ воспитанія.—„Повѣрьте, что все органическое въ мірѣ должно развиваться свободно. Регламентирующій бюрократизмъ, ça ne vaut rien въ дѣлѣ воспитанія дѣвушки. Напротивъ. Если я ей запрещу читать открыто какую-нибудь книгу, она будетъ ее читать закрыто, я хочу сказать—тайно. Но, все-таки же, будетъ. C'est une loi comme une autre"...

И Анна въ полной мѣрѣ пользовалась этой воспитательной системой свободы à outrance.

Теперь она увлекалась чтеніемъ „Willy"; съ огромнымъ интересомъ прочла „Minne" и съ большой скукой „La môme Pic-

râte, надъ которой неистово зѣвала, почти ничего не понявъ въ ней.

Въ послѣднее время ей казалось, что она влюбилась въ Мамаева.

Ей хотѣлось бы влюбиться въ какого-нибудь идеальнаго героя съ сильными страстями и предосудительнымъ поведеніемъ, во вкусѣ героя „Minne“; но, за неимѣніемъ таковаго, подходилъ à la rigueur и Мамаевъ.

Онъ былъ высокъ и строенъ, изящно одѣтъ; глаза его особенно прельщали ее: въ нихъ было что-то безпокойное, пытливое, властное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто чуть-чуть наглое, въ особенности когда онъ пристально смотрѣлъ на нее...

Она была увѣрена, что онъ въ эти минуты мысленно сравниваетъ ее съ Стаховской. Вообще, въ лицѣ его было много энергіи, которая сквозила не только во взглядѣ его темно-карихъ глазъ, но и въ этихъ поднятыхъ кверху усахъ, и въ остроконечной темной бородкѣ, всегда тщательно подстриженной и выхоленной, и въ этихъ красиво очерченныхъ губахъ, которыя, когда онъ смѣялся, всегда обнажали крупные, ровные, бѣлые зубы, и въ его большихъ, широкихъ рукахъ и, наконецъ, въ его походкѣ— рѣшительной, увѣренной, легкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердой. И „сильныя страсти“ были въ немъ на лицо: это увлеченіе Стаховской, о которомъ всѣ знали и всѣ открыто говорили при ней; и „предосудительное поведеніе“ имѣлось въ наличности: оно и заключалось именно въ его незаконной связи съ танцовщицей.

Даже maman приходила въ восторгъ при видѣ ихъ вмѣстѣ, и иногда у нея вырывалось при Аннѣ:

— Какая это чудная парочка—Мамаевъ и Стаховская: брюнетъ и блондинка въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты. C'est à croquer!

И Анну одолѣвали тогда честолюбивыя мечты: „Вѣдь то же самое могли бы сказать о ней, если бы она Мамаеву „попалась“ раньше, а не торчала бы въ нелѣпомъ пансіонѣ лишній годъ“.

Но такъ же ли она хороша, какъ эта танцовщица?

И задавъ себѣ этотъ вопросъ, Анна подбѣгала къ зеркалу и подвергала себя строгому критическому осмотру. И оставалась довольной: и ростъ, выше средняго, и тонкая фигура, которая теперь была „установлена“, какъ мода въ виду „декадентскихъ“ вѣяній, и тиціановскій — съ рыжеватымъ отливомъ — цвѣтъ ея роскошныхъ по густотѣ и мягкости волосъ, и молодыя сочныя губы на смугловатомъ лицѣ, почти лишенномъ румянца, и наивно-

любопытный взглядъ большихъ сѣровато-голубыхъ глазъ съ узкимъ, миндалевиднымъ, почти египетскимъ разрѣзомъ вѣкъ, и темныя, загнутыя кверху, какъ у дорогой французской куклы, рѣсницы — все это было, ma foi, недурно и даже очень недурно! И вотъ только отъ этой наивности взгляда она старалась тщательно себя отучить.

Въ аванъ-ложѣ Мамаева окружили, шутили, смѣялись...

Анна сейчасъ же такъ устроила, что должна была выйти изъ аванъ-ложи въ ложу, чтобы остаться наединѣ съ Мамаевымъ.

VI.

Она сѣла съ нимъ въ уголокъ, бросила на барьеръ небрежнымъ жестомъ афишу, за которою именно и пришла сюда, и наклонилась къ Мамаеву всѣмъ своимъ корпусомъ. Онъ косымъ взглядомъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ, вспомнивъ, какъ „обглядывала“ его иногда Стаховская, по ея любимому балетному жаргонному выраженію, и улыбнулся.

Анна не замѣтила ни этого слегка насмѣшливаго взгляда, ни этой улыбки.

— Владиміръ Григорьевичъ,—сказала она, опустивъ глаза, зная, что полузакрытыя вѣки съ длинными, темными загнутыми рѣсницами очень идутъ къ ея нѣжному личику,—это была новая мимика лица, только-что примѣренная ею утромъ передъ зеркаломъ,—Владиміръ Григорьевичъ, отчего вы у насъ такъ рѣдко бываете?

— Я очень занятъ, — отвѣтилъ онъ довольно небрежнымъ тономъ и поглядѣлъ внизъ, въ залъ, съ нѣсколько обезпокоеннымъ видомъ.

Онъ все ждалъ появленія Стаховской и удивлялся, что ея до сихъ поръ не было. Вѣдь скоро долженъ будетъ начаться второй актъ.

— Очень заняты? — переспросила она, вложивъ въ этотъ вопросъ оттѣнокъ насмѣшки и затянувъ послѣднее слово.

— Ну да.

Она помолчала. Потомъ, понизивъ голосъ, спросила:

— Стаховской?

Онъ опять „обглядѣлъ“ ее, и не понялъ, что̀ она именно вложила въ этотъ вопросъ: полутонъ насмѣшливости или интимной довѣрчивости, на которую напрашивалась.

Онъ отвѣтилъ ей просто:

— Дѣлами и ею.

— Я думаю, ею больше, чѣмъ дѣлами.

— Возможно.

— Вы знаете,—еще ближе наклонившись къ нему, продолжала она,—я такъ завидую танцовщицамъ!

— Почему?

— Ахъ, по всему. Во первыхъ, онѣ могутъ гримироваться, дѣлать себѣ нужное лицо, одѣвать свѣтлый или темный парикъ, дѣлать фантастическія прически, словомъ—быть всегда интересными. И костюмы, и цвѣты, и ленточки... Во-вторыхъ, все, что есть у женщины красиваго, у нихъ открыто—ноги, плечи, спина... Въ-третьихъ, это должно быть такъ весело танцовать подъ хорошую музыку, подъ электрическое освѣщеніе, среди роскошной обстановки и передъ биноклями, устремленными на тебя...

Онъ ничего не отвѣтилъ и пожалъ плечами.

Ему было скучно, и онъ ощущалъ все бо́льшее и бо́льшее безпокойство отъ опаздыванія Стаховской.

— Отчего вы все смотрите внизъ? Вы ждете ее?

Онъ съ таинственнымъ видомъ кивнулъ ей.

— И боитесь?

— Кого?

— Ея, конечно.

— Почему?

— Она вамъ сдѣлаетъ сцену, за то, что вы со мной.

Онъ весело засмѣялся.

Она обидѣлась и надула капризно губы. Это было второе примѣренное передъ зеркаломъ выраженіе лица, которое очень шло ей.

— Отчего вы засмѣялись? Развѣ я такая дурнушка, что ко мнѣ и ревновать нельзя?

— Вы—хорошенькая. И вы это знаете такъ же, какъ и всѣ, кто имѣетъ наслажденіе любоваться вами. Но... ревнуютъ того, кого любятъ...

Она сдѣлала вдругъ большіе глаза, непомѣрно расширивъ ихъ. Еще сегодня утромъ она повторяла этотъ эффектный пріемъ нѣсколько разъ передъ зеркаломъ до рѣзи, появившейся въ вѣкахъ.

Съ такими раскрытыми глазами она больше всего походила на bebé-jumeau.

— Что̀ вы говорите?!—сказала она, и въ голосѣ ея зазвучали радостныя нотки.—Стаховская васъ не любитъ? Васъ?

— Ну... любитъ... Но не настолько, чтобы ревновать...

— Но тогда отчего же она съ вами... она... вмѣстѣ съ вами? Enfin...

— Да отчего же ей не быть... вмѣстѣ со мной? Но, мнѣ кажется, этотъ разговоръ не совсѣмъ подходящій для барышни... для дѣвушки общества...

Она вдругъ довѣрчивымъ жестомъ положила ему руку на колѣно.

Она старалась подражать въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ манерамъ Стаховской, которую видѣла однажды на благотворительномъ вечерѣ, въ ложѣ вмѣстѣ съ Мамаевымъ. Стаховская тоже иногда прижималась всѣмъ корпусомъ къ нему и довѣрчиво клала ему руку на колѣно.

— О,—сказала она.—Дѣвушка общества! Оставьте, пожалуйста, это... Не лицемѣрьте! Вы знаете, что я съ наслажденіемъ читаю „Willy“, люблю балетъ и танцовщицъ и выслушиваю всякія глупости у себя дома отъ нашихъ... представителей общества...

— А!—иронически перебилъ онъ ее.—Недовольство существующимъ порядкомъ?

Она поморщилась.

— Не говорите такъ... такимъ тономъ...

— „Я не люблю ироніи твоей, оставь ее нежившимъ и отжившимъ“!

— Именно. Съ вами никогда нельзя говорить серьезно.

— А вамъ хочется говорить серьезно?

— Ну да. Иногда очень хочется. И—не съ кѣмъ. Развѣ у насъ домъ? У насъ салонъ madame Рекамьé.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

Этотъ тонъ былъ новъ для него въ устахъ этой молоденькой и хорошенькой куколки.

— Салонъ Рекамьé?

— Ну да. Maman помѣшана—passez-moi le mot—на томъ, чтобы собирать у себя „цвѣтъ интеллигенціи“. Она такъ и говоритъ: la fine fleur интеллигенціи... Мнѣ „интелегенція“ напоминаетъ почему-то „липовый цвѣтъ“. „C'est chaud et dégoûtant.— Она засмѣялась совершенно дѣтскимъ смѣхомъ.—У насъ бываютъ артисты, пѣвцы, генералы, адмиралы, толстые и тонкіе студенты съ грудью на ватѣ и юбками на шелку... И всѣ говорятъ...

— О чемъ?

— Ну, точно вы не знаете? Вы же бывали у насъ! Обо всемъ. Говорятъ и другъ друга не слушаютъ. И maman гово-

ритъ, а втихомолку зѣваетъ. Она долго скучала послѣ смерти папы, а потомъ выдумала этотъ салонъ. Вокругъ говорятъ, а она думаетъ о своемъ, дѣлая видъ, что слушаетъ. Иногда она отвѣчаетъ невпопадъ, иногда говоритъ очень умныя вещи, отъ которыхъ всѣмъ дѣлается скучно и ей въ особенности...

— У васъ есть братья и сестра.

— Parlons-en! Братъ—офицеръ... У него вѣчныя фигли-мигли съ какими-то,—она сдѣлала паузу,—enfin, съ кокотками.

VII.

Она вдругъ вызывающимъ взглядомъ посмотрѣла на Мамаева, ожидая отъ него возмущенія за ея смѣлыя слова, но онъ только повелъ плечомъ и не обнаружилъ возмущенія.

— Братъ—студентъ скучный, ску-учный, вѣчно съ толстой книгой въ рукахъ, изъ которой онъ, кажется, не прочиталъ и предисловія. Онъ рѣдко говоритъ, но когда заговоритъ—такъ спать хочется. Я съ нимъ всегда говорю на ночь... И сестра Ольга. Между нами почти одиннадцать лѣтъ разницы. Ей—двадцать-девять, и она мнѣ кажется старухой. И она любитъ своего Леонида, который на войнѣ, и скучаетъ по немъ... Впрочемъ, всѣ въ нашемъ домѣ скучаютъ. Впрочемъ...—Анна сдѣлала лукавое лицо,—въ послѣднее время...—она наклонилась къ самому уху Мамаева такъ, что губами защекотала его.—La grande nouvelle du jour... Соломенная вдовушка Ольга начинаетъ увлекаться...

— Да что̀ вы?!

— Не ломайтесь. Вы сами должны были замѣтить...

— Забѣлинымъ?

— О, yes! Адвокатомъ Забѣлинымъ. Леонидушка подъ шрапнелями не чувствуетъ этой другой желтой опасности, потому что Забѣлинъ—желтоватый блондинъ, а Леонидъ—сѣдоватый брюнетъ.

— „Онъ далеко, онъ не узнаетъ...“—протянулъ Мамаевъ вполголоса.

— Ну да.

— Вотъ что̀...

— Ну да. Вы видите, въ салонѣ Рекамье́ всѣ развлекаются по своему. Только я одна...

— „Я здѣсь одна, никто меня не понимаетъ, и молча гибнуть я должна...“—засмѣявшись, продекламировалъ Мамаевъ.—Какъ жаль, что васъ не зовутъ Татьяной!

Она хлопнула его по рукѣ.

— Чтò это вы все стихами изъ оперъ? То изъ „Демона", то изъ „Онѣгина"?

— Почему же именно изъ оперъ, а не изъ самыхъ произведеній? Итакъ...

— Итакъ, милый Владиміръ Григорьевичъ, найдите когонибудь, съ кѣмъ бы у меня могъ завязаться романъ... хорошенькій такой, солидный романчикъ... Противный! Вы не слушаете меня! Вы все смотрите въ залъ. Чтò ни говорите, а она васъ держитъ въ рукахъ? Скажите, вы боитесь ея? Это пріятное ощущеніе бояться женщины? Отчего вы меня съ ней не познакомите?..

— Анна, Владиміръ Григорьевичъ,—раздались голоса изъ аванъ-ложи.—Идите ѣсть замороженныя конфекты! Чтò за продолжительное интервью? Это становится...

Анна съ досадой встала.

— Пойдемте въ филіальное отдѣленіе салона Рекамьé,—сказала она, съ ненавистью поглядѣвъ на дверь.

Въ аванъ-ложѣ было шумно.

VIII.

Въ самомъ уголкѣ, подъ круглой матовой лампой, вдѣланной въ стѣну, сидѣла Ольга съ Забѣлинымъ.

Свѣтъ падалъ на нихъ сверху и клалъ странныя тѣни на ихъ лица.

Ольга была очень красивой женщиной. Она походила лицомъ на сестру, но такъ какъ была значительно старше ея, то черты лица ея были опредѣленнѣе, нѣсколько грубѣе и выразительнѣе. Волосы ея были свѣтлѣе волосъ Анны, но тоже съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, отливавшимъ подъ матовымъ свѣтомъ электричества красноватой бронзой. Подъ ея красивыми бровями лежала тѣнь отъ этого освѣщенія и затемняла ихъ выраженіе. Она была блѣднѣе Анны, и въ лицѣ ея чувствовалось какое-то утомленіе, какая-то вялость, придававшія ей странное устало-поэтическое выраженіе.

Забѣлинъ былъ полноватый блондинъ — очень красивый съ его глазами цвѣта стали, въ которыхъ было чуть-чуть холодности и надменности. Но когда онъ смотрѣлъ ими на Ольгу, холодъ этотъ мгновенно таялъ, а надменность превращалась въ нѣжность. Въ его лицѣ съ аккуратно подстриженной бѣлокурой бо-

родкой Henry IV, въ его фигурѣ, въ его красивыхъ, выхоленныхъ рукахъ было что-то деликатное и элегантное, свидѣтельствовавшее о породѣ.

Между присутствующими состоялось какъ бы интимное соглашеніе не тревожить эту парочку, относиться бережно къ ихъ очевидно только-что начавшемуся сближенію, изъ котораго неизвѣстно что̀ еще выйдетъ—красивая коротенькая идиллія, серьезный романъ или грустная элегія...

Одинъ только студентъ съ темно-рыжеватой бородкой, братъ Ольги, бросалъ иногда на нихъ недоброжелательные взоры, въ которыхъ можно было угадать оттѣнокъ презрительной пренебрежительности и во всякомъ случаѣ осужденія.

Офицеръ, другой братъ Ольги, стоялъ въ открытыхъ дверяхъ и разговаривалъ съ генераломъ, который зычнымъ голосомъ бранилъ танцовавшую балерину. Офицеръ изящнымъ жестомъ руки поглаживалъ свои удивительно выбритыя щеки или покручивалъ свои небольшіе усики и поддакивалъ генералу.

Когда Анна съ Мамаевымъ вошли въ аванъ-ложу, тамъ было еще нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у противоположной стѣны.

Мамаевъ со всѣми поздоровался. Онъ былъ, кажется, знакомъ рѣшительно со всѣми и всѣхъ звалъ по именамъ и отчеству.

— Здравствуйте, Иларія Семеновна,—сказалъ онъ толстой дамѣ, на которой при малѣйшемъ движеніи звенѣли браслеты, цѣпи и всякія подвѣски.—Хлопочете о благотворительномъ вечерѣ?

— И имѣю виды на васъ.

— На меня? Помилуйте! Я не пою, не читаю, не танцую, не играю... полное отсутствіе талантовъ. Бездарность...

— Не то. Я разсчитываю на ваше содѣйствіе.

— Да, она говорила, разсчитываетъ на васъ,—какъ эхо, вставилъ стоявшій съ Иларіей Семеновной мужъ ея. Онъ былъ худощавъ, съ втянутымъ животомъ, точно не ѣлъ нѣсколько дней.

— Хорошо. Вы мнѣ дадите билеты. Немного. Потому что, à vrai dire,—еще не сезонъ. Не всѣ съѣхались. И если дѣло идетъ о теплыхъ вещахъ для нашихъ солдатиковъ, то не думаю, чтобы имъ много очистилось...

— Не то,—перебила она его.—Я разсчитываю даже не на васъ, а на Стаховскую.

Никто не удивился этимъ словамъ.

Только студентъ насмѣшливо посмотрѣлъ на Иларію Семеновну и на Мамаева.

— Ахъ, на Стаховскую! Что̀ она должна дѣлать? Танцовать?

— Не то... Продавать цвѣты и афиши. Попросите ее.

— Хорошо, я ей скажу...—такъ же просто отвѣтилъ Мамаевъ.

— А мнѣ устройте другой кіоскъ, рядомъ!—вдругъ вставила Анна.—Я буду продавать шампанское.

Ольга въ это время вдругъ прекратила разговоръ съ Забѣлинымъ.

— Ты? — съ удивленіемъ спросила она, обращаясь къ сестрѣ.

— Я,—вызывающимъ тономъ отвѣтила та.—А что̀?

— Я думаю, это немножко рано для тебя...

— Ахъ, оставь пожалуйста! Я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла.

Лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

Всѣ вдругъ заговорили, чтобы не дать возгорѣться ссорѣ между сестрами.

— Я у васъ выпью все шампанское! — крикнулъ черезъ порогъ генералъ.

— А я закуплю всѣ цвѣты, — вполголоса, чтобы его не услышала Ольга, сказалъ Мамаевъ.

— Для Стаховской? — тономъ интимной тайны, съ чуть ревнивой ноткой въ голосѣ, спросила Анна.

— Хватитъ и на другихъ. Впрочемъ, купивъ у васъ цвѣты, я открою цвѣточный магазинъ.

Анна засмѣялась.

Иларія Семеновна уже уговаривалась съ Мамаевымъ о подробностяхъ; ея мужъ вторилъ ей, какъ эхо.

Раздались первые звуки оркестра, и Мамаевъ, вмѣстѣ съ остальными, поспѣшилъ выйти изъ ложи. Тамъ изъ посѣтителей остался только молодой Лубянскій, который проводилъ Мамаева злымъ взглядомъ.

„Что̀ съ нимъ?“ — подумалъ въ недоумѣніи Мамаевъ и вспомнилъ, какъ Лубянскій стоялъ у противоположной стѣны, скрестивъ на груди демонически руки и не спуская съ него, пока онъ говорилъ съ Анной, горящаго взгляда.

Влюбленъ онъ, что-ли, въ Анну, этотъ преподаватель Горнаго Института? Ему-то какое дѣло? Вотъ ужъ не собираюсь ухаживать за Анной!

Онъ торопливо спускался съ лѣстницы и безпокойно вглядывался въ публику.

Но Стаховской нигдѣ не было.

„Ужъ не случилось ли чего-нибудь съ ней?—подумалъ онъ.— Обычный приступъ капризнаго настроенія, или, можетъ быть, ея

карета столкнулась съ автомобилемъ? Мало ли что могло быть!" И въ немъ шевельнулось досадливое чувство. Эта Евгенія всегда умѣетъ держать его въ „трансѣ", вѣчно она держитъ его въ напряженномъ настроеніи, заставляетъ безпокоиться, волноваться, озираться и оглядываться.

Это, наконецъ, становится невыносимымъ!

Что, въ самомъ дѣлѣ! У него есть дѣла, есть служба, требующія спокойствія духа, самообладанія и времени. Она его лишаетъ и того, и другого, и третьяго... Пора, наконецъ, подтянуться и взять себя... и ее—въ руки.

Но это не такъ-то легко. Все это—теоретическое разсужденіе, свободно зарождающееся въ ея отсутствіе. А какъ только она появится, красивая, изящная, благоухающая, въ одномъ изъ своихъ красивыхъ туалетовъ, съ ея антично-прекраснымъ лицомъ, такъ трезвость пропадаетъ и наступаетъ опьяненіе.

Всѣ на нее смотрятъ, всѣ провожаютъ ее долгимъ взглядомъ, иногда завистливымъ, иногда восторженнымъ, а потомъ переводятъ эти взгляды на него.

И ему лестно. И только? Или въ этомъ сознаніи, что у него романъ съ первой красавицей балета, играетъ роль и какое-нибудь болѣе серьезное чувство, кромѣ чувства удовлетвореннаго „снобизма"?

Вотъ надъ этимъ вопросомъ онъ въ послѣднее время часто задумывался, но опредѣленнаго отвѣта не получалось.

Онъ и теперь поспѣшилъ отогнать отъ себя назойливый и непріятный вопросъ, и сосредоточилъ свое вниманіе на сценѣ.

IX.

Тамъ происходило шествіе сказокъ; среди дворцовъ, цвѣтовъ и свѣта рождались и исчезали сказки: Красная шапочка, Голубая птица, Синяя борода, Котъ и кошечка, Людоѣдъ и людоѣдка; потомъ сапфиры, брилліанты, серебро и золото, все это переливалось, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ, веселило глазъ, ласкало слухъ, переносило изъ суровой дѣйствительности прозаическаго существованія въ волшебный край поэтической грезы.

— „Балеты долго я терпѣлъ, но и балетъ мнѣ надоѣлъ",— сказалъ вдругъ Зимницкій, подымаясь съ своего кресла.— Quand le ballet va—tout va—и, слѣдовательно, все въ Россійскомъ государствѣ преблагополучно. Имѣю честь...—онъ пожалъ руку Мамаеву и ушелъ, грузно переступая съ ноги на ногу.

Въ это время появилась, наконецъ, Стаховская.

На ней былъ прекрасный вечерній туалетъ, очевидное произведеніе Пакэна или Лаферьера, одного изъ этихъ неподражаемыхъ художниковъ, у которыхъ такъ гармонично сливаются пластика красокъ съ пластикой формъ изъ бархата, шолка, лентъ, кружевъ и другихъ матеріаловъ современной моды. Въ особенности цвѣтъ платья—feuille morte, золотистаго оттѣнка—шелъ къ блѣдному лицу, свѣтлымъ волосамъ и эфемерной фигурѣ Стаховской.

Зимницкій чуть не ахнулъ, наступилъ кому-то на ногу и растопырилъ отъ удивленія руки, точно его поразило необыкновенное явленіе.

Стаховская улыбнулась ему и мелькомъ взглянула на ложи, изъ которыхъ смотрѣли на нее въ бинокли.

Анна изъ ложи бель-этажа совсѣмъ перевѣсилась черезъ барьеръ и жадно впилась въ нее взоромъ.

— Я сяду на ваше мѣсто, — сказала Стаховская Зимницкому, несмотря на то, что балетоманы второго ряда уже зашевелились, приготовляясь сдѣлать обычныя перестроенія, чтобы освободить для нея кресло.

Она ласково кивала направо и налѣво, отрицательно кивала головой и сѣла рядомъ съ Мамаевымъ.

— Здравствуй,—сказала она, и въ это время опустился занавѣсъ.

Онъ засмѣялся, вдругъ успокоенный ея присутствіемъ.

Прежняя тревога сразу прошла.

— Ну, ужъ это скорѣе прощай, а не здравствуй!—отвѣтилъ онъ.—Вѣдь этакое удивительное умѣнье у тебя, Женя! Когда люди уходятъ—ты приходишь. Когда надо обѣдать—ты спишь, а когда надо ѣхать спать—ты хочешь ужинать.

— Не ворчи. Конечно, мы поѣдемъ ужинать. Я страшно проголодалась.

У барьера собрались балетоманы и вызывали балерину вяло, неохотно, изъ приличія. Въ моменты, когда опускался занавѣсъ, они всѣ окружали Стаховскую и сыпали комплиментами какъ изъ рога изобилія; нѣкоторые даже забывали повернуться лицомъ къ сценѣ, когда выходила на вызовы верховъ балерина.

И балерина это замѣтила и нахмурилась.

— Викторъ Васильевичъ, поѣдемъ ужинать?—спросилъ Мамаевъ у генерала, который весело разговаривалъ въ антрактѣ съ молодымъ Кардановымъ у ихъ ложи.

— Поѣдемъ. И Евгенія Сергѣевна?

— Конечно.

— А еще кто?

— Генералъ Брядовъ, Боричевъ, Игнатьевъ, я не знаю. Я поговорю.

Онъ безъ церемоніи отстранилъ балетомановъ отъ Стаховской и взялъ ее за руку повыше локтя, чтобы пошептаться съ нею.

Потомъ пошелъ приглашать избранныхъ лицъ.

Оваціи балеринъ кончились.

Плохо поддерживаемыя партеромъ, онѣ были всегда очень бурны, но кратковременны.

Пославъ еще нѣсколько воздушныхъ объятій и поцѣлуевъ быстро пустѣвшей залѣ, балерина исчезла за занавѣсью и больше не появлялась.

Въ залѣ стало темно. Капельдинеры появились среди рядовъ креселъ, собирая афиши и пустыя коробки изъ-подъ конфектъ.

Петербургскій сезонъ только еще начинался, и до разгара его было далеко.

Но въ Петербургѣ было шумно и оживленно. Рестораны были полны, ѣли и пили, говорили и острили съ веселыми лицами; на улицѣ шелъ дождь, пополамъ со снѣгомъ, было сыро, холодно, неуютно, а залъ „Медвѣдя“ былъ ярко освѣщенъ электричествомъ, столы были заняты почти всѣ, румынскій оркестръ игралъ свой обычный репертуаръ, лакеи во фракахъ безшумно сновали по ковру, разнося блюда и шампанское.

Стаховская уѣхала изъ театра съ генераломъ Сусловымъ въ своей каретѣ, а въ его экипажѣ поѣхалъ впередъ Мамаевъ, чтобы распорядиться занять столъ.

X.

Въ вестибюлѣ ресторана, у акваріума, онъ встрѣтился съ толстымъ господиномъ, у котораго на мясистомъ носѣ прыгало при малѣйшемъ движеніи золотое pince-nez, сильно увеличивавшее его небольшіе сѣрые глазки съ насмѣшливымъ и чуть-чуть презрительнымъ выраженіемъ.

Коротенькіе щетинистые усики его какъ-то смѣшно шевелились, когда онъ говорилъ.

Это былъ Jules Ferrand, корреспондентъ распространенной французской газеты „L'Aube“, командированный сюда десять мѣсяцевъ тому назадъ, при возникновеніи войны съ Японіей.

Онъ жилъ въ Петербургѣ и страшно скучалъ.

— Bonjour,—сказалъ ему Мамаевъ.

— Ah, tiens! C'est vous! — пожимая ему руку, отвѣтилъ monsieur Ferrand, выходя изъ задумчивости.—Comment va?

— Mais... ça marche...

— Ah, vous trouvez!..

У нихъ завязался разговоръ. Мамаевъ подозвалъ лакея и заказалъ ему столъ, слушая рѣчи француза.

Monsieur Jules Ferrand, командированный для передачи въ газету настроенія русскаго общества по поводу войны и для описанія революціи, которая, по мнѣнію редакціи его газеты, непремѣнно должна будетъ вспыхнуть, какъ неизбѣжное и логическое слѣдствіе военныхъ неудачъ и внутреннихъ неблагоустройствъ, жилъ уже много мѣсяцевъ безвыѣздно въ Петербургѣ en pleine déception.

Никакой революціи за эти истекшіе десять мѣсяцевъ не было. Напротивъ, съ назначеніемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, заговорили о какой-то „веснѣ".

И monsieur Ferrand излагалъ теперь Мамаеву свои жалобы и недоумѣніе.

— Я пораженъ,—сказалъ онъ Мамаеву,—десять мѣсяцевъ длится война: пораженія слѣдуютъ за пораженіями для вашей арміи, а между тѣмъ...—онъ кивнулъ по направленію ярко освѣщеннаго зала ресторана, изъ котораго неслись веселые звуки вальса румынскаго оркестра, — смотрите: здѣсь собрался истинный цвѣтъ столичнаго общества—генералы, офицеры, журналисты, аристократія, дамы легкія и дамы почтенныя... И всѣ ѣдятъ, пьютъ шампанское и вездѣ цвѣты, брилліанты и золото...

Мамаевъ почувствовалъ смущеніе и опустилъ взоры.

— Ну, такъ что же? — неопредѣленнымъ тономъ проговорилъ онъ.

— Ничего, я удивленъ,—отвѣтилъ Ferrand.—Я очень удивленъ.—C'est à ne rien comprendre. Нашъ патріотизмъ, de nous autres français, не допустилъ бы этого... ну, этого внѣшняго декорума, этого блеска. Это... какъ бы сказать деликатнѣе? C'est un manque du tact. А еще говорятъ о вашей великой славянской душѣ, о вашемъ патріотизмѣ свѣжаго, нетронутаго еще народа.

— Изъ чего слѣдуетъ, что вы plus royaliste que le roi и болѣе славянинъ, чѣмъ славяне, — попробовалъ пошутить Мамаевъ.

Но Ferrand горячо остановилъ его.

— Mais non, mon cher monsieur! Вашъ Петербургъ—какъ будто не столица Россіи, а какой-то иностранный городъ космополитовъ. C'est un vrai Cosmopolis! Столько неудачъ, столько нужды, столько траура въ семьяхъ и... такое веселье въ театрахъ и ресторанахъ! Это удивляетъ. И мнѣ грустно! Грустно на этихъ промокшихъ отъ безпрестаннаго дождя и снѣга улицахъ, грустно оттого, что я не вижу десять мѣсяцевъ солнца, и грустно оттого, что здѣсь такъ свѣтло и весело.

— Но не можемъ же мы всѣ посыпать пепломъ головы, одѣться во вретища—haillons—и запереться по домамъ? Это походило бы на уныніе, на упадокъ духа, и это было бы много хуже.

— Красный Крестъ обнищалъ,—продолжалъ, не слушая его, Ferrand,—у него нѣтъ средствъ. Ваши раненые нуждаются, а вы бросаете здѣсь тысячи, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить вашими свободными деньгами—потому что онѣ, очевидно, свободны, если на нихъ можно покупать цвѣты и шампанское—кассы благотворительнаго общества. Откуда же весь этотъ индифферентизмъ и это легкомысленное веселье? У васъ много въ характерѣ общаго съ французами, но мы никогда не доходили до такого легкомыслія, pour ne pas dire un mot plus rude.

— Откуда?—вдругъ нашелся Мамаевъ.—C'est simple comme bonjour. Мы вѣримъ, что наши неудачи—неудачи, а не défaites, какъ вы говорите,—временны, случайны. Мы вѣримъ, что мы побѣдимъ, и вотъ почему мы не унываемъ, а веселимся. Еслибы мы унывали, было бы хуже.

Ferrand не согласился съ такимъ взглядомъ.

— Quelle blague!—сказалъ онъ.—У васъ на войнѣ очень плохо. Очень плохо,—повторилъ онъ.—И серьезнѣе, чѣмъ вы это себѣ рисуете. Ни одного свѣтлаго промежутка... Ялу, Тюренченъ, Вафангоу, Ляоянъ... Ни одного свѣтлаго промежутка. Pas ça!—онъ сдѣлалъ жестъ пальцами.

— Mais non, mais non!—протестовалъ Мамаевъ.—А Портъ-Артуръ? Эта эпическая поэма геройской защиты крѣпости.

— La fin de Port-Arthur est proche,—пророческимъ голосомъ отвѣтилъ Ferrand.—Oh, ça ne peut pas durer! И для героевъ есть предѣлъ. Et puis après Port-Arthur? Что̀ случится, когда онъ падетъ?

— Побѣда подъ Мукденомъ.

— Ея не можетъ быть. У васъ дома плохо...

Мамаевъ засмѣялся.

— Вы чему?

— Вы всѣ, иностранные корреспонденты, сидите здѣсь въ ожиданіи революціи. Вы ждете мѣсяцъ, два, три, десять мѣсяцевъ—гдѣ же она?

Ferrand серьезно покачалъ головой.

— Ça ne va pas tarder. Она придетъ, вѣрьте мнѣ. И она не за горами. Она придетъ послѣ паденія Артура. Чаша переполнится. Послѣдняя капля заставитъ вылиться накопившійся матеріалъ.

— О, я не вѣрю въ ваши prophéties!

— Но, mon cher monsieur Mamaïeff, не надо быть пророкомъ, чтобы понять это. Надо быть слѣпымъ, глухимъ и опоеннымъ шампанскимъ, опьяненнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, звуками этой музыки и огнями этого вѣчнаго праздника, чтобы не предчувствовать этого. Le printemps proclamé par votre ministre va vite passer. Мнѣ пишутъ товарищи, которые поѣхали pour des enquêtes въ ваши провинціи, что народъ и общество тамъ созрѣли; что однихъ академическихъ разговоровъ о веснѣ, неопредѣленныхъ обѣщаній, полусвободы — всего этого мало. Нужны реформы и не много, а всего одна, но коренная. Нужна программа, строгая и опредѣленная, а не поэтическія метафоры... Этимъ не удовлетворить теперь Россіи. Mais voici vos amis...

Въ вестибюль входила компанія Мамаева во главѣ со Стаховской.

Ferrand поправилъ pince-nez, внимательно оглядѣлъ ее, закурилъ сигару и исчезъ.

XI.

Компанія усѣлась за столъ.

Подавали закуску, ужинъ, откупоривали шампанское, оркестръ игралъ какую-то меланхолическую вещицу, и Мамаеву сдѣлалось грустно и отъ этой мелодіи, и отъ разговора съ французскимъ корреспондентомъ.

Мамаевъ чувствовалъ какую-то неловкость, стѣсненность, неудовлетворенность. Ему вдругъ показался неумѣстнымъ этотъ пиръ среди электричества, цвѣтовъ и искристаго вина, этотъ праздникъ веселья, эти легкомысленные разговоры и это роскошное платье Стаховской и ея брилліанты, все то, что̀ такъ недавно еще льстило его самолюбію.

Онъ пробовалъ выйти изъ этого настроенія, отдѣлаться отъ этой волны, нахлестнувшей на него безотчетную грусть.

„Вздоръ какой!—пробовалъ онъ себя утѣшать.—Заговорила славянская кровь: мы, вѣдь, куска не можемъ проглотить безъ покаянія—это давно извѣстно. И когда мы выпиваемъ бутылку шампанскаго, то непремѣнно должны подумать, что на эти деньги могли бы послать теплые кальсоны какому-нибудь солдату на Дальній Востокъ".

Но эта мысленная шутка показалась ему весьма дурного тона.

И онъ искалъ выхода изъ своего невозможнаго настроенія. Онъ старался подбодрить себя: „Кто въ такомъ настроеніи— долженъ сидѣть дома, а не выходить въ общество", — подумалъ онъ.

Къ счастью, на него еще никто не обращалъ вниманія.

Генералъ Сусловъ хохоталъ и разсказывалъ анекдоты.

Онъ говорилъ, до какого рамолисмента дошли наши сановники. Сегодня онъ встрѣтилъ одного изъ выдающихся сенаторовъ, подошедшаго къ только-что назначенному товарищу министра, генералу, и, похлопавъ его по плечу, подбодрялъ его: „Тòго, конечно, силенъ со своимъ флотомъ, но вы, генералъ, не ударите передъ нимъ лицомъ въ грязь. Наша надежда на васъ. Я увѣренъ, вы поведете эскадру къ побѣдамъ". Товарищъ министра сдѣлалъ удивленный видъ. „Позвольте, ваше высокопревосходительство, эскадру ведетъ адмиралъ Рожественскій". Сенаторъ прищурилъ глаза: „А вы кто же?"—Тотъ назвалъ себя.— „А, ну, значитъ, я спуталъ. Это все равно. Я вѣрю и въ Рожественскаго".

Всѣ смѣялись и больше всѣхъ Сусловъ.

— Ну, генералъ,—сказала Стаховская,—вы сами не ушли далеко отъ этого сенатора.

— За чтò такъ, красавица?

— Вы недавно приняли Полозову 3-ью за меня, — помните, въ...

— Помню, помню!—весело захохотавъ, сказалъ Сусловъ.— Я еще оралъ, какъ зарѣзанный: „Стаховскую!" пока мнѣ Брадовъ,—онъ кивнулъ въ сторону другого генерала,—не сказалъ: „Чтò ты орешь, это вовсе не Стаховская, а Полозова 3-ья, Таня". Ну, тогда я нашелся и сказалъ: „А будто Стаховская хуже танцуетъ Полозовой 3-ей? Вотъ я ее и вызываю, въ видѣ протеста дирекціи. Нельзя давать такую варіацію такому развинченному чортику въ банкѣ, какъ Полозова 3-ья, и нельзя дѣлать такую тьму на сценѣ, чтобы почтенный балетоманъ не могъ отличить одну фигуру отъ другой".

Онъ опять захохоталъ, нагнулся къ Стаховской и поцѣловалъ ей руку, чокаясь съ нею и чуть не обливъ ея дорогого платья шампанскимъ.

— Просто, вы—ramolli,—сказала она.—Я васъ буду звать генералъ-ramolli. Хорошо?

— Нѣтъ-съ, не согласенъ!

Онъ нагнулся къ ней и началъ шептать ей что-то смѣшное.

А генералъ Брядовъ говорилъ съ Боричевымъ и внушалъ ему, что нельзя такъ писать о балетѣ, какъ онъ пишетъ.

— А какъ же?

— Нужно ругать дирекцію. Все нехорошо! Нехороши декораціи, костюмы, репертуаръ, освѣщеніе...

— Отопленіе...—подсказалъ ему иронически Боричевъ.

— Да, и отопленіе... Нѣтъ, что̀ это вы меня путаете! Нѣтъ, впрочемъ, и отопленіе: духота въ театрѣ невыносимая. И вообще, все стало скверно... Я помню, въ мое время...

И онъ пустился въ воспоминанія о давно прошедшихъ временахъ балета.

Онъ рѣшительно всѣмъ былъ теперь недоволенъ. Рѣшительно всѣмъ. Боричевъ началъ зѣвать.

— Вы и танцовщицами недовольны?

— Да, и танцовщицами.

— Всѣми? И Стаховской?

— И ею... Нѣтъ!—вскрикнулъ онъ:—что̀ вы меня путаете? Стаховская—исключеніе. Уже давно не было такой.

Стаховская погрозила ему пальцемъ.

— То-то,—сказала она.

И затѣмъ снова заговорили о балетѣ.

Стаховская говорила, что она не желаетъ подтанцовывать этой балеринѣ, изъ-за которой возгорѣлись распри въ балетѣ, что она, Стаховская, и сама уже готовая балерина, и что глупо дѣлаетъ дирекція, ставя ее на второй планъ, между тѣмъ какъ публика и критика—она благосклонно взглянула на Боричева—ее такъ любятъ и одобряютъ.

Генералъ Сусловъ разсказывалъ очень интересный случай, какъ балерина, танцуя „Зиму“ въ „Камарго“, вмѣсто утвержденнаго дирекціей историческаго костюма, надѣла свой собственный; директоръ оштрафовалъ ее за это на пятьдесятъ рублей. Она пожаловалась выше, и штрафъ долженъ былъ быть съ нея сложенъ. Директоръ, вынужденный сложить штрафъ съ балерины, вслѣдствіе приказанія сверху, нашелъ справедливымъ сложить штрафы и со всѣхъ остальныхъ артистовъ, когда-либо наложенные.

Это сочли актомъ демонстраціи противъ высшаго начальства, и директоръ долженъ былъ подать въ отставку.

Собственно, всѣ знали этотъ инцидентъ, но Сусловъ любилъ его разсказывать, потому что принималъ во всемъ этомъ „дѣлѣ" какое-то непосредственное участіе и придавалъ большое значеніе малоизвѣстнымъ подробностямъ.

Боричевъ разсказалъ къ случаю, какъ онъ сумѣлъ обойти цензуру и передать объ этомъ вопіющемъ фактѣ въ газетѣ, подъ видомъ происшествія, случившагося въ концѣ XVIII вѣка при французскомъ дворѣ. Не такъ давно еще нельзя было касаться этихъ вопросовъ въ печати, и онъ, Боричевъ, рисковалъ многимъ.

Газетѣ сдѣлали, однако, предостереженіе съ пріостановкой розничной продажи, и редакторъ выругалъ Боричева, сказавъ: „Чортъ васъ возьми въ самомъ дѣлѣ! Недостаетъ еще, чтобы изъ-за вашихъ балетныхъ тюниковъ и башмаковъ газету запрещали!" И съ тѣхъ поръ тщательно вытравлялъ изъ статей Боричева всѣ его неодобрительные отзывы. И когда Боричевъ писалъ, что госпожа Озерова 2-ая танцовала вяло, безъ entrain, то редакторъ, ничего не смыслившій въ балетѣ, перечеркивалъ отзывъ и писалъ: „госпожа Озерова танцовала блестяще, съ большимъ бріо". А однажды, въ рецензіи „съ упоминовеніемъ именъ" кордебалетныхъ танцовщицъ, плохо исполнившихъ „Золотой вальсъ" въ „Щелкунчикѣ", редакторъ передѣлалъ слово „плохо" въ слово „великолѣпно" и уже совсѣмъ глупо прибавилъ отъ себя: „всѣ онѣ прекрасно дѣлали фуэте".

Тогда много смѣялись надъ этой рецензіей въ балетѣ и думали, что Боричевъ написалъ это „въ пьяномъ видѣ".

И тогда-то чаша терпѣнія его переполнилась, онъ явился къ редактору и спросилъ его:

— Что̀ это за ахинею вы прибавили о фуэте?

— А что-жъ? Это для красоты.

— Да вы знаете ли, что̀ такое фуэте?

— А на кой чортъ мнѣ это знать? Выкрутасъ какой-нибудь ножной,—и помахалъ рукой въ воздухѣ, при чемъ получилось нѣчто совершенно неопредѣленное.

— Да какъ же вы пишете о томъ, чего не знаете? И вообще... Озеровой шикали, а вы пишете „танцовала съ бріо". „Золотой вальсъ" былъ исполненъ кордебалетомъ, а вы пишете фуэте... Вѣдь это же нелѣпость! И въ какое дурацкое положеніе вы меня ставите! Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— А чтобы не получить запрещенія. Почемъ я знаю, кто сто̀итъ за Озеровой? И кто изъ цензурнаго или другихъ вѣ-

домствъ подъ вліяніемъ этихъ вотъ... вашихъ изъ „Золотого вальса"...

Боричевъ обругалъ редактора, и вотъ почему онъ ушелъ тогда изъ „Вечернихъ Вѣстей" и перешелъ въ „Утреннюю Зарю". Съ тѣхъ поръ въ „Вѣстяхъ" пишетъ о балетѣ туалетный хроникеръ и больше пишетъ о бриллiантахъ, чѣмъ о танцахъ.

Всѣ смѣялись этому разсказу, и раскатистѣе всѣхъ Сусловъ.

Стаховская заливалась смѣхомъ и проливала отъ восторга шампанское.

Одинъ Игнатьевъ молчалъ. Онъ былъ убѣжденный и увлеченный ницшеанецъ и плохо понималъ балетъ.

Неизвѣстно, для чего онъ ходилъ въ него и участвовалъ во всѣхъ балетныхъ ужинахъ и вечерахъ. Онъ былъ всегда сосредоточенъ и мраченъ. Вѣрилъ въ ученье Ницше, какъ въ божественное откровеніе, и всѣ явленія жизни взвѣшивалъ на вѣсахъ этого ученія, а то, чтò взвѣсить было невозможно, просто отвергалъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, когда Боричевъ кончилъ свой разсказъ, Игнатьевъ заговорилъ съ нимъ:

— Я задумалъ тоже написать статью о балетѣ.

— Вы?—удивился Боричевъ.

— Да, я. Серьезную, дѣльную статью: „Ницшеанство и хореграфія". Мнѣ нужны будутъ кое-какія спеціальныя свѣдѣнія, и я обращусь тогда къ вамъ. Идея такова: исторія борьбы общества за освобожденіе—contrat social и прочее. Это практическая и идейная борьба за освобожденіе общества. Но слѣдующій этапъ свободы—выше. Это борьба личности за освобожденіе отъ уже освобожденнаго общества. Это и есть наивысшая, доступная человѣку на землѣ свобóда—Ибсенъ, Ницше... вы меня понимаете?

Боричевъ похлопалъ вѣками, глотнулъ шампанскаго и сказалъ:

— Да, кажется.

— Слѣдите: сплоченное большинство—конечный идеалъ освобожденнаго общества—уже нелѣпость въ слѣдующемъ этапѣ! Глупости больше на свѣтѣ, чѣмъ ума. Слѣдовательно, умъ—въ меньшинствѣ, вы меня понимаете?—и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Прекрасно. Слѣдовательно, я за меньшинство, потомъ за tres faciunt collegium, потомъ—за то, что три ума хорошо, два лучше, одинъ—всего лучше. То-есть, за освобожденіе личности отъ путъ общества. Слѣдите...

— Но позвольте,—съ недоумѣніемъ проговорилъ Боричевъ, —я не вижу, при чемъ же тутъ балетъ?

— Слѣдите: у Ницше есть нѣсколько вещицъ о танцахъ въ „Заратустрѣ": „Пѣснь Танца" и „Другая пѣснь Танца„ и еще

кое-что. Значитъ, онъ, этотъ Одинокій, признавалъ танцы какъ искусство, вы меня понимаете? Ну-съ, такъ вотъ. Балетъ—искусство аристократическое, для немногихъ, для меньшинства. Отсюда, понимаете, и всѣ остальные выводы...

Слушая, Боричевъ выпилъ цѣлый стаканъ шампанскаго и сразу захмелѣлъ.

Теперь ему были одинаково интересны и Ницше, и балетъ, и самъ Игнатьевъ, и освобожденіе личности.

Стаховская дѣлала большіе глаза отъ усилія понять рѣчь Игнатьева, въ которой она чувствовала что-то „умное", и неожиданно сказала:

— Вотъ такимъ, какъ вы говорите, Ефремъ Ефимовичъ, и слѣдуетъ писать рецензіи о балетѣ.

Боричевъ сначала съ изумленіемъ вскинулъ на нее взоромъ, но потомъ сочувственно закивалъ головой.

— Да, именно, — проговорилъ онъ слегка заплетающимся языкомъ:—„Если принять во вниманіе тотъ внутренній смыслъ и то символическое значеніе, тщательно скрытое для всякой неосвобожденной отъ наслоившихся за вѣка и вѣка путъ личности, каковое открывается намъ при тщательномъ изученіи „Другой пѣсни Танца" изъ „Такъ говоритъ Заратустра" знаменитаго философа Ницше, то количество сдѣланныхъ госпожей Стаховской фуэте въ не менѣе знаменитой варіаціи второго акта „Лебединаго Озера" должно быть, по меньшей мѣрѣ, доведено до безпредѣльнаго количества, выражаемаго алгебраическою формулою $n+1$. Что же касается до renversés въ заключительной варіаціи pas d'action, то эти renversés слѣдуетъ сообразить съ теоремой о параллелизмѣ—касательной къ хордѣ, и тогда само собою обнаружится, что Одинокіе, освобожденные отъ воздѣйствія и путъ общественнаго кордебалета, стоятъ на недосягаемой аристократической высотѣ, недоступной даже для меньшинства..." Такова должна быть современная балетная рецензія и писать ихъ должны ницшеанцы, учителя алгебры и геометріи или отставные чиновники министерства финансовъ. А мы, бывшіе балетные критики, подаемъ въ отставку. А по сему случаю выпьемъ.

Сусловъ хохоталъ неистово, слушая эту рецензію.

Игнатьевъ сначала одобрительно кивалъ головой, но потомъ мрачно махнулъ рукой.

Брядовъ хмуро проговорилъ:

— Существовали Тальони, Гризи и прочія. Но онѣ существовали именно потому, что не было балетныхъ рецензентовъ.

Боричевъ хотѣлъ что-то возразить, но осовѣлъ окончательно и смолкъ.

Стаховская чуть-чуть обидѣлась: и на Боричева, который позволилъ себѣ сымпровизировать къ ея словамъ насмѣшливую иллюстрацію, и на Брядова, который всегда всѣмъ недоволенъ и осмѣливается вѣчно противопоставлять ей Тальони и Гризи. Положимъ, онъ старъ, но развѣ онъ могъ ихъ видѣть? Да еще и были ли эти Тальони и Гризи, а если и были, то кто ихъ тамъ знаетъ, какъ онѣ танцовали? Ужъ одно вѣрно, что выпустить бы ихъ теперь, такъ, навѣрное, ни одна изъ нихъ не сдѣлала бы ни тридцать-два фуэте, ни renversés послѣ тройного пируэта въ варіаціонной кодѣ. И никакого бы успѣха не имѣли. Это было ея глубокое убѣжденіе.

XII.

Въ ресторанъ входили разряженныя въ изумительные туалеты дамы въ сопровожденіи блестящихъ военныхъ и статскихъ во фракахъ. На столикахъ благоухали цвѣты, и подъ матовымъ свѣтомъ электричества искристо переливалось въ стопахъ и кремаикахъ янтарно-желтое шампанское; оркестръ игралъ мелодію изъ балета, придавая ей какіе-то особые оттѣнки, въ которой была цѣлая гамма настроеній—отъ меланхолически-грустнаго до страстно-замирающаго.

Jules Ferrand все еще стоялъ въ корридорикѣ, ведущемъ въ залъ и наблюдалъ съ полу-недоумѣвающимъ, съ полупрезрительнымъ выраженіемъ лица это странное общество веселившихся гражданъ, братья и дѣти которыхъ погибали въ трагической войнѣ.

Тамъ, на далекихъ, чужихъ поляхъ Манчжуріи замерзали, голодали и умиралъ отъ ранъ и болѣзней лучшій цвѣтъ этой страны, странной сѣверной страны, безъ солнца и тепла, гдѣ все такъ необыкновенно и отлично отъ другихъ странъ!

А здѣсь, въ искусственно созданной иллюзіи свѣта и тепла, подъ звуки веселой музыки, безпечно веселились граждане этой страны, не пошедшіе на войну.

Они создали себѣ искусственную весну изъ электрическаго суррогата солнца, оранжерейныхъ цвѣтовъ и министерскихъ обѣщаній.

Маленькіе свиные глазки корреспондента, защищенные прыгавшимъ на его толстомъ мясистомъ носу pince-nez, съ изумленіемъ перебѣгали съ одного столика на другой.

Онъ за десять мѣсяцевъ своего пребыванія здѣсь все еще никакъ не могъ привыкнуть къ отсутствію солнца на улицахъ сѣраго города и въ душахъ этихъ полу́ночныхъ людей.

И онъ въ сотый разъ задавалъ себѣ неразрѣшимый для француза-психолога вопросъ: вѣдь тѣ, герои эпическихъ битвъ— дѣти и братья этихъ вотъ здѣсь веселящихся гражданъ? Какъ же между ними и тѣми можетъ быть такая громадная разница? Когда онъ ѣхалъ сюда, тотчасъ же по объявленіи войны, онъ ожидалъ встрѣтить націю, объединенную однимъ могучимъ и властнымъ порывомъ патріотизма.

Послѣ первыхъ грустныхъ для національнаго самолюбія пораженій онъ ожидалъ встрѣтить всеобщее уныніе или революцію.

Но ни того, ни другого, ни третьяго не было: театры были полны, рестораны дѣйствовали на славу, шампанское лилось широкой опаловой рѣкой, и, можетъ быть, еслибы собрать всѣ его потоки въ одно русло, оказалась бы рѣка не меньшей ширины и глубины, чѣмъ та, которая образовалась изъ потоковъ пролитой русской крови.

На улицѣ безконечной пеленой падалъ снѣгъ и переходилъ, не долетая до земли, въ дождь.

Дома и тротуары стояли намокшіе, сѣрые, унылые; по улицамъ—лужи и грязь.

Мрачно, холодно, сыро, темно.

Утромъ горѣли огни, и послѣ краткаго полумрака трехъ— четырехъ-часового дня, мутнаго и бѣлесоватаго, вновь зажигались огни.

И такою жизнью сумерекъ жилъ этотъ странный народъ въ этой странной столицѣ, объятой, казалось, безпросвѣтной, безпробудной осенью.

А между тѣмъ вездѣ повторяли пущенное газетами крылатое слово „весна", и, кажется, успокоились на этомъ словѣ, пока не пришло другое крылатое слово „довѣріе".

Какъ мало имъ нужно! Японское общество, какъ только возникла война, стало экономно и бережливо и осторожно въ своихъ расходахъ; оно поспѣшило ограничить себя во всемъ. А здѣсь,—за ужинъ платятъ по сту рублей, а Красный Крестъ бьется, какъ рыба объ ледъ, нуждаясь въ средствахъ.

Мамаевъ видѣлъ съ своего мѣста monsieur Ferrand и слѣдилъ за нимъ.

Казалось, Мамаевъ угадывалъ мысли этого француза, пріѣхавшаго за революціей и за человѣческими документами русскаго

общества и ставшаго втупикъ передъ непостижимой загадкой русской общественной психологіи.

И Мамаеву дѣлалось совѣстно передъ французомъ. Именно передъ французомъ, а не передъ самимъ собой.

Опять заговорили о балетѣ.

Мамаевъ словно очнулся отъ сна.

Онъ внимательно оглядѣлъ своихъ компаньоновъ. Переливаясь тысячами огней, блеснулъ ему въ глаза огромный бриллiантъ въ ушахъ красавицы Стаховской, и отъ этого блеска ему сдѣлалось вдругъ страшно.

Стаховская говорила о дирекціи, и взоръ ея блестѣлъ не менѣе бриллiанта,—столько было въ немъ одушевленія.

Она бранила дирекцію, чиновниковъ, понасаженныхъ въ администраторы балета изъ училища правовѣдѣнія, новыхъ художниковъ, новыхъ композиторовъ, режиссеровъ и режиссершъ, и всѣ другіе поддерживали ее, и всѣ говорили о балетѣ и только о балетѣ, какъ будто въ Россіи не было сейчасъ ни войны, ни страшныхъ неудачъ, ни провозглашенной „весны", ни милостиво объявленнаго „довѣрія" и никакихъ другихъ вопросовъ, кромѣ балета.

И все скучнѣе и скучнѣе дѣлалось Мамаеву отъ этого страшнаго и рокового индифферентизма.

XIII.

У Вѣры Алексѣевны Кардановой была большая квартира на Сергіевской, которую она послѣ смерти мужа не захотѣла мѣнять.

Въ этой-то квартирѣ и собирался по пятницамъ тотъ разношерстный народъ, который образовалъ, по ироническому выраженію ея дѣтей, „салонъ Рекамье".

Карданова терпѣть не могла картъ, но очень любила общество.

Протосковавъ мучительной печалью годъ послѣ смерти мужа, затворившись рѣшительно отъ всѣхъ и вся, она жила въ атмосферѣ горя, глубокихъ вздоховъ, молитвъ и слезъ. Горе ея казалось безутѣшнымъ.

Она прожила съ мужемъ много долгихъ, долгихъ и счастливыхъ лѣтъ, нажила четырехъ дѣтей и организовала сплоченную, дружную на рѣдкость семью.

Это-то и было ея главной и положительной заслугой.

Послѣ освобожденія крестьянъ состояніе ихъ замѣтно умень-

шилось, но, все-таки, было еще настолько достаточнымъ, чтобы жить не только безбѣдно, но даже рѣшительно ни въ чемъ существенномъ себѣ не отказывая.

Самъ Кардановъ занималъ видный постъ въ администраціи, получалъ хорошее содержаніе, что служило кое-какимъ подспорьемъ къ ихъ личнымъ средствамъ. Это былъ добродушнѣйшій и благожелательнѣйшій администраторъ, убѣжденный шестидесятникъ, остававшійся имъ до послѣдняго дня смерти. Онъ не сочувствовалъ тенденціи правительства послѣднихъ двадцати лѣтъ къ урѣзыванію освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, и потому не двигался по службѣ съ той быстротой, съ какой двигались его сверстники, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ достаточнаго мужества, чтобы уйти со службы.

Это былъ типичный чиновникъ-исполнитель, готовый лояльно исполнять предначертанія, даже не сочувствуя имъ, и любившій вечеромъ, на свободѣ, среди интимнаго кружка молодежи и близкихъ людей, осуждать правительство, въ духѣ либеральной воркотни, тѣмъ самымъ создавая себѣ ореолъ передового человѣка, „вѣчнаго студента", идущаго въ уровень вѣка.

Популярность, пріобрѣтаемая такой политикой, не Богъ вѣсть какой цѣны, но въ то недалекое отъ насъ время точекъ и точекъ съ запятой къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ—такихъ либеральствующихъ сановниковъ народилось много; это были именно тѣ, о которыхъ въ писаніи сказано: „Вы не холодны и не горячи. Вы теплы. О, еслибы вы были холодны или горячи!"

Но душа у него была добрая, истинно благожелательная, и семья у него вышла дружная.

Вѣра Алексѣевна очень горевала объ утратѣ мужа, скончавшагося отъ быстро развившагося нефрита. Она не захотѣла мѣнять квартиры и обстановки комнатъ, какъ не захотѣла мѣнять и жизни. „Пусть все будетъ такъ, какъ было при Петрѣ Александровичѣ".

Неодушевленныя вещи — безмолвные памятники прошлаго. Онѣ невидимыми нитями связываютъ насъ съ ушедшими; онѣ ежеминутно напоминаютъ намъ о нихъ и держатъ насъ въ какомъ-то странномъ общеніи съ ними.

Черезъ годъ, отхлынувшая волна жизни стала вновь прибывать въ истомленной душѣ Кардановой; ей вдругъ жадно захотѣлось свѣта и воздуха, солнца, зелени, звука людской рѣчи.

И она собралась весной за-границу вмѣстѣ съ младшей дочерью Анной. Заграничное путешествіе развлекло, разсѣяло ее,

и если не залечило ея сердечной раны, то тщательно прикрыло ее болеутоляющей перевязкой.

Теперь она могла принимать, говорить, даже улыбаться, и только по ночамъ, когда въ домѣ становилось тихо, эта рана стонала и болѣла, вызывая на ея ослабѣвшіе и старые глаза слезы.

И осенью, въ ту осень, когда было объявлено на Руси о „веснѣ и довѣріи“, она открыла двери своего гостепріимнаго дома для друзей и знакомыхъ.

Общество, посѣщавшее этотъ домъ, было очень разнообразное.

Старшая, замужняя дочь Ольга, жившая со своимъ мужемъ отдѣльно, привлекла въ домъ матери офицеровъ, сослуживцевъ Леонида Егоровича Натарова, ея мужа.

Вотъ уже около года, какъ онъ на войнѣ, и съ тѣхъ поръ Ольга переселилась на житье къ матери.

Анна привела съ собой пансіонерокъ и курсистокъ; сынъ-студентъ усилилъ посѣтителей салона своими товарищами и молодыми приватъ-доцентами; старшій сынъ Вадимъ привелъ свѣтскихъ людей и гвардейскихъ офицеровъ. И у самой Вѣры Алексѣевны были очень разнообразныя знакомства во всѣхъ сферахъ общества. Ее часто посѣщали и сосѣди ея по имѣнію въ орловской губерніи.

Въ имѣніи этомъ она бывала рѣдко, но когда бывала, то, конечно, по своему общительному темпераменту, заводила связи и знакомства. Рядомъ съ ея имѣніемъ находилось имѣніе и ея свояченицы, сестры мужа, Таисы Александровны Кардановой, съ которой она видѣлась рѣдко, такъ какъ Таиса Александровна жила почти безвыѣздно въ помѣстьи, лично управляя обширными землями и заводами, ради которыхъ, кажется, и осталась старой дѣвой.

Иногда, впрочемъ, она являлась въ Петербургъ, въ домъ къ своему брату; но эти появленія были рѣдки.

Таиса Александровна вносила всегда въ этотъ мирный и благожелательный салонъ духъ озлобленной ворчливости и узко-реакціоннаго недовольства новыми вѣяніями, что вносило нѣкоторый нежелательный диссонансъ въ общее благодушное и теплое настроеніе.

XIV.

Въ одну изъ пятницъ у Кардановыхъ состоялось собраніе гостей.

На этотъ разъ оно носило особый характеръ; гости разбились на группы, и разговоры въ этихъ группахъ были ожив-

леннѣе, чѣмъ обыкновенно. Обыкновенно на этихъ вечерахъ было скучновато; русское общество не умѣло проводить вечеровъ безъ картъ, въ однихъ разговорахъ, да и разговоровъ до войны не оказывалось въ наличности: всѣ почти темы исчерпывались театрами и назначеніями; рѣдко говорили о литературныхъ явленіяхъ; только за ужиномъ начиналось общее оживленіе и споры — русскіе споры, когда одинъ старается наговорить возможно больше и перекричать другого, не слушая его доводовъ.

Отсутствіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ трибунъ не создало въ русскихъ людяхъ привычки къ спору, не выработало самой техники спора. Карданова всегда возмущалась этимъ неумѣніемъ спорить. Ей бы хотѣлось слышать въ своемъ салонѣ „европейскій споръ“, академическаго характера, чтобы спорщики выслушивали другъ друга, взаимно бы уважали другъ друга, не говорили бы одинъ другому непозволительныхъ рѣзкостей и обидныхъ вещей.

— У насъ умѣютъ говорить только адвокаты, — заявляла она.—Il n'y a que les avocats... et encore!

Но война внесла небывалый подъемъ и давно невиданное оживленіе въ русское общество, вялое, сонное и апатичное въ своей массѣ до этого времени.

Теперь общественный пульсъ повысился, и началъ сказываться темпераментъ. Рѣчи сдѣлались оживленнѣе, голоса громче, взоры бодрѣе.

Потомъ, когда о войнѣ говорить пріутомились, явилась провозглашенная газетами „весна“, и пульсъ общественной жизни сталъ еще полнѣе.

На смѣну „веснѣ“ явилось „довѣріе“, какъ новый принципъ правительства — и общее возбужденіе къ жизни нашло новую поддержку.

Война, весна и довѣріе—три пароля, три лозунга, которые обновили общественную жизнь Россіи.

Можетъ быть, именно это обновленіе и было причиной переполненія ресторановъ и театровъ — единственныхъ мѣстъ, гдѣ люди могли сходиться и обмѣниваться мнѣніями. Эта уличная жизнь столицы, обыкновенно замкнутой и унылой, и удивила Жюля Ferrand, который не могъ понять причинъ этого „веселья“ во время неудачной войны, этого, какъ ему казалось, „пира во время чумы“.

Но именно это всеобщее оживленіе, эта возбужденность рѣчей и лицъ и были результатомъ долго искусственно сдержи-

ваемаго общественнаго темперамента, которому стало необходимымъ такъ или иначе вылиться.

Вѣдь больной, долго удерживаемый въ своей комнатѣ съ запертыми окнами и спущенными сторами, получивъ возможность выйти на воздухъ при первомъ появленіи въ организмѣ силъ, всегда чувствуетъ опьяненіе и часто дѣлаетъ не то, что̀ нужно, злоупотребляя воздухомъ и свѣтомъ.

Гости съѣзжались въ уютную гостиную Кардановыхъ. Это была гостиная въ старинномъ стилѣ, строго выдержанная, съ глубокими диванами и креслами empire; къ ней примыкала маленькая гостиная, обставленная, по настойчивымъ просьбамъ Анны, въ стилѣ moderne, еще при жизни отца.

Здѣсь были диваны въ формѣ ширмъ съ полками, ширмы комбинировали съ креслами, низенькіе стулья съ высокими спинками и высокія кресла съ низкими спинками, шкапики причудливой формы; вазы съ необыкновенно-длинными, преимущественно зеленаго цвѣта женщинами, портьеры и ковры съ несуществующими цвѣтами, похожими на спрутовъ или на клубки извивающихся змѣй, лампы въ видѣ изогнутыхъ на особый манеръ обнаженныхъ женщинъ. И тона̀ матерій была какіе-то неопредѣленные, преимущественно желтовато-зеленые или голубовато-терракоттовые.

— Словомъ, все наоборотъ,—говорила Карданова, когда они обзаводились всѣми этими новшествами подъ руководствомъ „главной декадентки“ въ домѣ—Анны. — Твой стиль,—говорила она Аннѣ,—напоминаетъ мнѣ австралійскую флору по старымъ географическимъ учебникамъ, которые увѣряли, что тамъ все наоборотъ: груши растутъ толстыми концами къ вѣткѣ, косточка сливъ находится снаружи, а не внутри плода, и тому подобное.

— Какой вздоръ, мама! — смѣялась Анна. — Развѣ могутъ быть такіе учебники?

Маленькая гостиная была, тѣмъ не менѣе, очень красива, но ея всѣ избѣгали, по неудобству мебели.

Сядешь на диванъ, все время опасаешься, какъ бы не свалить разставленныхъ на диванной ширмѣ съ полкой причудливыхъ bibelots. Сядешь въ кресло — непремѣнно ударишься локтемъ о ручки. Колѣни подходятъ чуть не къ подбородку, когда сядешь на низкомъ стулѣ, а когда на высокомъ—то ноги болтаются въ воздухѣ. Поэтому всѣ ютились въ большой гостиной и сосѣднемъ будуарѣ съ мягкой и удобной мебелью, которую ненавидѣла Анна за то, что эта мебель была „vieux jeu et définitivement démodé“.

Анна всегда удалялась на пятницахъ въ декадентскую гостиную и привлекала къ себѣ кого-нибудь изъ молодежи.

Ее не занимали эти серьезные разговоры ихъ салона: она для нихъ была слишкомъ молода и легкомысленна.

Теперь она сидѣла на маленькомъ, двухмѣстномъ диванчикѣ съ ширмой, защищавшей ее отъ постороннихъ взоровъ, вдвоемъ съ Лубянскимъ.

Анна погасила электричество, оставивъ лишь небольшой четыреугольный фонарь подъ опаловымъ стекломъ, дававшій комнатѣ мягкій, слабый и таинственный полусвѣтъ.

Въ этомъ опаловомъ свѣтѣ тонкое, красивое и изящное лицо дѣвушки казалось озаренными грустными желтовато-розовыми лучами уходящаго солнца. И ея большіе темные глаза казались еще больше, еще темнѣе.

Она разсѣянно слушала Лубянскаго.

Это былъ новый флиртъ, который занималъ ее вначалѣ, а потомъ она къ нему охладѣла.

XV.

Лубянскій былъ очень талантливымъ человѣкомъ, но, какъ многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, имѣлъ довольно распущенный характеръ.

Онъ состоялъ доцентомъ въ одномъ изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но своей наукой занимался мало и неохотно, а любилъ больше всего музыку. Музыкантъ онъ былъ чрезвычайно талантливый, но, конечно, дилеттантъ. Однако, его романсы среди знакомыхъ были очень популярны.

Онъ давно уже замѣтилъ охлажденіе къ себѣ Анны. Она ему нравилась своей молодостью, красотой и тѣмъ „бродильнымъ началомъ", которое всегда, по его наблюденіямъ, находится въ дѣвушкахъ и придаетъ имъ особую пикантность. Онъ и не огорчился этимъ охлажденіемъ, потому что никогда не былъ увлеченъ ею серьезно, но любилъ на эту тему „поизводить" ее.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія вещи?—вдругъ вскипѣла дѣвушка, вслушавшись въ его слова.

— Условимся,—отвѣтилъ онъ:—влюбленъ я въ васъ или нѣтъ?

— Ну, что изъ этого?

— Если влюбленъ, то смѣю. Отчего не говорить: я васъ люблю любовью брата и, можетъ быть, еще сильнѣй? Вы мнѣ

нравитесь; въ васъ есть какое-то cachet изящества. Что-то style moderne, вотъ вродѣ Стаховской.

При этомъ имени Анна нахмурилась, но онъ, не обращая вниманія, продолжалъ:

— Серьезно, что-то общее, съ корректиомъ: тамъ опытъ, здѣсь—нетронутость. И то и другое — на любителя. Но дѣйствуетъ. Это Moll и Dur какой-нибудь симфоніи.

— Какія глупости вы говорите! Какъ вы смѣете меня сравнивать съ нею?

— Ничуть. Условимся: если я влюбленъ въ васъ, то отчего не говорить? Стаховская—красавица.

— Отстаньте отъ меня съ Стаховской! Я вовсе не желаю походить на нее. Вотъ еще!

— Это не зависитъ отъ желанія. И отчего?

— Да ни отъ чего, просто не хочу.

— Ревнуете?

— Кого?—вызывающимъ тономъ спросила она и взглянула ему прямо въ глаза.

— Мамаева, конечно. Это — вашъ новѣйшій флиртъ или настоящее увлеченіе?

— Новѣйшій?... А кто же прежній?

— Это я.

— Самонадѣянно, но...

— Но вѣрно. Послушайте, Анна...

— Какъ вы смѣете?! Это невозможно. Я уйду отъ васъ.

— Вотъ вздоръ какой! Куда? Туда?—Онъ кивнулъ головой по направленію гостиной.—Тамъ идутъ важные разговоры: о войнѣ, о веснѣ и прочее. Это не нашего съ вами ума дѣло. Я нахожу, что у насъ ужасно много говорятъ и мало дѣйствуютъ. Пользы не ожидаю, какъ выражается вашъ директоръ. И потомъ всѣ кричатъ:—весна, весна! Плохое то общество, которое не вѣритъ въ настоящую весну, а вполнѣ увѣрено въ ней, когда ее дѣлаютъ дворники... Гм... я бы сказалъ иначе, да боюсь, нѣтъ ли среди вашихъ гостей цензора. Вы не знаете, нѣтъ ли здѣсь цензора?

— Вы мнѣ говорите?—оторвавшись отъ мечтаній, спросила Анна.

— А вы меня не слушали? Ну, это все равно. На меня нашло. Я долженъ говорить, разъ вы молчите. Вы знаете, я похожъ на тотъ автомобиль, на который, въ какомъ-то англійскомъ разсказѣ, сѣли неопытные новобрачные и, пустивъ его, не умѣли остановить машины, и автомобиль мчался по улицамъ

города, и такъ они ѣздили три дня, пока автомобиль самъ не остановился, врѣзавшись въ заборъ. Я не знаю, можетъ ли автомобиль ѣздить безъ перерыва три дня. Но это все равно, для красоты и эффекта разсказа—можетъ. Вотъ и я начну говорить и остановиться не умѣю. Итакъ...

Но она прервала его:

— Любитъ Мамаева Стаховская или нѣтъ?

— Ну вотъ, вы сыграли роль стѣны, наткнувшейся на автомобиль. А я почемъ знаю? Всѣ носятся съ Мамаевымъ. А за что? Красивъ—да. А еще что̀? Ничто. Но вотъ я...

— Оставьте, пожалуйста. Вы—фонографъ. Когда скучно и нечего дѣлать, можно слушать ваши пластинки. Но это однообразно и скоро надоѣдаетъ. А когда не въ духѣ, то это невыносимо.

— Merci.

— На здоровье.

— Вы неузнаваемы. Прежде было не то. Помните: мы говорили, и много. Я вамъ пѣлъ и игралъ. Тогда еще не говорили о веснѣ—символической,—но то было, дѣйствительно, ранней, настоящей весной. Цвѣла сирень и мальчики на улицахъ кричали: „купите сирени!" А потомъ кричали: „потопленіе двухъ японскихъ миноносокъ—три копѣйки!" А теперь валитъ снѣгъ, а вездѣ кричатъ: „весна!" И цѣна этой веснѣ, сдѣланной дворниками,—тоже три копѣйки. Тѣ же, кто сдѣлалъ вдругъ среди глубочайшей осени весну, могутъ позвать васъ въ участокъ и сказать: „потрудитесь взглянуть на улицы, покрытыя снѣгомъ,—никакой весны нѣтъ въ декабрѣ, а просто русская зима"... И настанетъ время, и уже, кажется, настало, что будетъ зима. А почтенная madame Рекамье́, ваша матушка, со своими сателлитами, разсуждаетъ съ академическимъ проникновеніемъ о новой эрѣ...

— Перемѣните пластинку.

— Уфъ! Усталъ. Развѣ грамофонъ самъ мѣняетъ пластинки? Это—дѣло ваше. Но такъ какъ вы молчите, а я завелся, то продолжаю. Нужно дать выходъ живымъ сокамъ жизни, чтобы дать настоящій расцвѣтъ веснѣ. А пока соки жизни находятся въ безконтрольномъ пользованіи бюрократіи — модное слово и притомъ псевдонимъ—нѣтъ ли здѣсь цензора? До тѣхъ поръ все останется по старому, дондеже соки не обрѣтутъ достаточно силъ и не прорвутъ толстую стѣну административнаго усмотрѣнія. Задержите меня, а то я уподоблюсь вашимъ посѣтителямъ салона.

— Я вамъ давно говорю,—заведитесь въ обратную сторону.

Въ это время послышались изъ будуара звуки музыки.

Лубянскій насторожился.

— А! это Тиль?

— Да, онъ. Прекрасно играетъ.

— Талантливый ученикъ консерваторіи—и только. Своего ничего нѣтъ. Музыку недостаточно играть правильно, даже по всѣмъ отмѣткамъ композитора. Ее надо понимать, и не столько понимать, сколько чувствовать, ощущать. Я не консерваторъ, а понимаю. Бѣдный неудачникъ! Мнѣ не везетъ въ жизни. Я обожаю музыку, благоговѣю передъ ней, но эта таинственная красавица съ задумчивой душой не любитъ меня. Я обожаю Анну, но эта дѣвушка съ задумчивыми глазами не любитъ меня. И такъ во всемъ. Минералогія, ужъ на что дама серьезная во всѣхъ отношеніяхъ и пренепріятная во многихъ, очень любитъ меня и привязалась ко мнѣ. А я ее не люблю! Занимаюсь нехотя и, меня, можетъ быть, скоро вышибутъ изъ института. Тогда поступлю въ таперы. Трагизмъ въ томъ, что у каждаго есть весна. Расцвѣтъ мечтаній, увлеченій любви и страсти. „Слыхали ль вы за рощей темной пѣвца любви, пѣвца своей печали?“ —вдругъ пропѣлъ онъ, услыхавъ знакомую мелодію.—У меня не было весны, или я не умѣю ее въ себѣ почувствовать.

— Другую пластинку!

— Гм... Ужъ сколько я ихъ перемѣнилъ! Ну, извольте. Вы говорите: Мамаевъ, Мам...

— Перемѣните.

— Не годится и эта? Ну, такъ о чемъ бы? Нужно говорить. А то вы начнете зѣвать. Впрочемъ, вы и теперь зѣваете? „Ахъ, Анна, я тебя люблю!“

— Какъ вы смѣете!

— Позвольте, это изъ „Онѣгина“. И я это не сказалъ, а пропѣлъ. Пѣть все можно,—даже „Марсельезу“.

— Тамъ Ольга.

— Гдѣ?—сдѣлавъ видъ, что ищетъ глазами, спросилъ онъ.

— Какой вы глупый! Въ „Онѣгинѣ“.

— Ну, не могу же я васъ называть Ольгой, когда батюшка окрестилъ васъ Анной. Et puis après? Условимся: если я люблю васъ, то и смѣю говорить о любви. Tout comprendre, c'est tout pardonner. Если бы вы поняли меня...

— Отстаньте!

— Ну, вотъ, опять! Тогда пойдемте туда, гдѣ разбираются

высшіе государственные вопросы, и примемъ участіе въ преніяхъ. Нужно пріучаться къ парламенту. Уже робко и тихо—совсѣмъ piano-pianissimo—поговариваютъ о „Соборѣ“. Здѣсь намъ дѣлать нечего. И очевидно—намъ вдвоемъ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ. Какъ хорошъ этотъ Marche Funèbre и какъ онъ его правильно играетъ! Хуже всего въ искусствѣ—это академизмъ и правильность. Не нужно ни того, ни другого. Нуженъ талантъ и больше ничего. Даже для флирта съ барышней. У меня его нѣтъ. То-есть, таланта. У меня ничего нѣтъ. Ну, дѣлать нечего. Возьмемъ лопату и пойдемъ дѣлать весну въ салонѣ Рекамье́. Боюсь, что когда настанетъ настоящая весенняя работа, то мы окажемся никуда негодными. Нельзя дѣлать новое дѣло со старыми дворниками, привыкшими къ старымъ порядкамъ. Пойдемъ.

Онъ всталъ, и она за нимъ.

Они вошли въ гостиную.

XVI.

Здѣсь политическій разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ.

Вѣра Алексѣевна сидѣла на диванѣ, а кругомъ нея, въ креслахъ, на стульяхъ, сидѣли представители ея домашняго парламента.

— „Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!“—сказалъ, входя съ Анной въ гостиную, Лубянскій.—И какъ всѣ по-русски спорятъ!—Онъ остановился у порога и театральнымъ жестомъ указалъ ей на говорившихъ, среди которыхъ поднялся въ эту минуту гамъ.—Всѣ говорятъ и никто не слушаетъ. Но тогда зачѣмъ говорятъ и для кого говорятъ, и съ кѣмъ говорятъ и кому говорятъ?

Какъ и тогда, въ театрѣ, Ольга сидѣла въ отдаленнѣйшемъ углу гостиной за стариннымъ трельяжемъ вдвоемъ съ Забѣлинымъ.

Въ ихъ лицахъ было что-то усталое, измученное, почти печальное. Такія лица бываютъ у влюбленныхъ, ясно сознавшихъ свою запылавшую любовь и принужденныхъ скрывать ее отъ посторонняго пониманія. Но истинная страсть всегда бурна, болтлива; ей хочется громко кричать, чтобы всѣ знали о ней, всѣ восхищались ею. А нужно было молчать, и это молчаніе было имъ тягостно.

Анна не любила салона своей матери и держалась отъ него

въ сторонѣ; она усѣлась съ Лубянскимъ неподалеку отъ Ольги съ Забѣлинымъ.

Анна давно уже замѣчала что-то ненормальное въ отношеніяхъ сестры къ Забѣлину и, конечно, очень скоро проникла въ тайну этихъ отношеній.

Сначала она очень не одобряла этого романа: онъ ей казался безнравственнымъ и грѣховнымъ. Какъ! Въ то время, какъ Леонидъ Егоровичъ на войнѣ испытываетъ всѣ трудности и лишенія похода, его жена заводитъ какой-то салонный романъ съ красивымъ адвокатомъ!

Неиспорченная еще душа Анны не могла освоиться съ этимъ страннымъ положеніемъ.

Ея вѣра въ любовь и ея любовь къ сестрѣ поколебались.

Что-то роковое, оскорбительное было во всемъ этомъ! И она чувствовала, какъ ея отношенія къ Ольгѣ становятся холодными, почти враждебными.

Она пробовала всесторонне освѣтить для себя этотъ новый вопросъ и говорила о немъ—очень осторожно—съ матерью, но мать уклонилась отъ разговора и сказала:

— Mêlez-vous de ce qui vous regarde.

Потомъ Анна говорила съ братьями.

Михаилъ отвѣтилъ:

— Я за свободу чувствъ и совѣсти. И то, и другое не поддаются нажиму. Всякій нажимъ производитъ совершенно обратное дѣйствіе. А любовь—такая штука... такая штука... безсмысленная штука! И потомъ...

Онъ взглянулъ на нее внимательно и вдругъ остановился.

— Ты еще дѣвчонка, ничего не понимаешь. И отстань.

Она обидѣлась, надулась.

— Вы всѣ считаете меня дурой и дѣвчонкой. Но мнѣ семнадцать лѣтъ, и, можетъ быть, я сама люблю.

Михаилъ захохоталъ.

— Ты?!

— Я. Это невозможно?

Онъ подумалъ.

— Нѣтъ, отчего же; пожалуй; все возможно. Кого?

— Много будешь знать, скоро состаришься,—сказала она ему и неожиданно для себя подумала о Мамаевѣ.

Въ первый разъ образъ Мамаева вдругъ всталъ въ ея воображеніи во всей своей прелести и въ перспективѣ возможности увлеченія имъ.

— Микробъ любви!—сказалъ Михаилъ.—Нашли время! На-

станетъ скоро время, когда надо будетъ думать не о любви. А вы всѣ позанялись флиртами. И Ольга больше всѣхъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Разное. Но это все равно. Ты—дѣвчонка еще. И это—твое счастье. Мужчинѣ теперь не до любви. И вотъ почему я не очень уважаю этого Забѣлина и всѣхъ остальныхъ, у которыхъ на умѣ любовь, въ то время какъ Россія страдаетъ отъ войны и ея лучшіе люди гибнутъ.

Анна пробовала говорить и съ Вадимомъ.

Вадимъ выслушалъ ее внимательно, затянулся папиросой, взялъ ее за подбородокъ и сказалъ:

— Ты, мордашка, молода и, неопытна. Любовь зла—полюбишь и козла.

Больше онъ ничего не сказалъ, еще раза два затянулся и ушелъ отъ нея.

„Что за вздоръ!—подумала она.—Забѣлинъ вовсе не уродъ, а, напротивъ, красавецъ“.

Она опять вспомнила Мамаева, и ей стало какъ-то сладко на душѣ, потому что сердце забилось совершенно по новому.

И отношеніе къ Ольгѣ у нея вдругъ измѣнилось. Она стала къ ней какъ-то снисходительнѣе, мягче, бережнѣе. Только иногда, при особенно остромъ воспоминаніи о Натаровѣ, сердце ея сжималось, ей становилось жутко и недоброе чувство къ Ольгѣ овладѣвало вновь ея душой.

Усѣвшись съ Лубянскимъ въ уголку, она начала отъ скуки прислушиваться къ разговорамъ.

Говорила теперь Таиса Александровна, рѣдко наѣзжавшая въ Петербургъ.

Она жила въ орловской губерніи, въ своемъ имѣніи, гдѣ у нея была роскошная усадьба, домъ, наполненный драгоцѣнными коллекціями, земли и заводы.

Она всѣмъ этимъ управляла сама, тщательно слѣдила за поступленіемъ доходовъ и уменьшеніемъ расходовъ, вся погружалась въ матеріальные вопросы.

Кромѣ этихъ вопросовъ накопленія и наращенія благъ, для нея ничего больше не существовало.

Она начала увлекаться этимъ постепенно со времени утраты молодости, на границѣ зрѣлости. И, постепенно увлекаясь этимъ дѣломъ, она превратила его въ спортъ.

Отпадали друзья, черствѣло сердце, уходили въ даль духовные порывы. Она сидѣла въ своемъ родовомъ гнѣздѣ и копила; накопивъ, пріѣжала въ Петербургъ и вкладывала накопленное въ банкъ.

Иногда уѣзжала на короткій срокъ за-границу, гдѣ скучала. Скучала она и въ Петербургѣ. Она чувствовала себя хорошо только въ своемъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, среди коллекцій старинныхъ вазъ, гобеленовъ, картинъ и ювелирныхъ произведеній, которыя она цѣнила не по ихъ художественности, а по матеріальной цѣнности.

Она была старой дѣвой, и неизвѣстно было, для кого накапливала она эти богатства.

Вѣра Алексѣевна, въ глубинѣ души, думала, что для племянниковъ и племянницъ, и даже радовалась этому: ея дѣти будутъ хорошо обезпечены.

— Я не понимаю нашего времени,—ораторствовала Таиса Александровна.—Какой-то шумъ. О чемъ? Къ чему? Что̀ нужно? Нужно одно: работать самому и умѣть заставлять работать другихъ. Не такъ ли? И когда всѣ будутъ работать, не станетъ времени для глупыхъ думъ и отвлеченныхъ мечтаній. Я такъ убѣждена.

— Я съ вами совершенно согласна,—заявила Бородина.—Я сама очень много работаю по благотворительности. Вотъ Николай Сергѣевичъ...—она указала на мужа, который курилъ съ сосредоточеннымъ видомъ, врядъ ли слыхалъ, о чемъ рѣчь и, вздрогнувъ при звукѣ его имени, чуть не выронилъ изъ рукъ папиросы.

— О, да!—съ необыкновенной поспѣшностью закивалъ онъ головой.—Да, да, это вѣрно...

Бородина презрительнымъ взглядомъ оглядѣла его.

— Что̀ вѣрно? Для тебя, кажется, ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ папиросъ. Ты врядъ-ли слыхалъ, о чемъ мы говорили.

— О, да!—началъ-было онъ по привычкѣ всегда во всемъ соглашаться съ супругой, но потомъ спохватился.—То-есть, какъ это не слыхалъ... Ну да, впрочемъ...

Но тутъ выручилъ его батюшка, отецъ Виѳанскій, обычный посѣтитель салона Кардановой.

Это былъ еще молодой человѣкъ, блондинъ, съ умнымъ лицомъ, выразительными глазами и спокойной, твердой рѣчью.

— Позвольте, уважаемая Таисія Александровна,—сказалъ онъ.—Вы говорите: работать и заставлять работать. Этого мало.

— Почему мало?

— Потому что надо знать, для чего работаешь?—это разъ. А во-вторыхъ, надо создать возможность работать. Свободу работы. Безъ свободы труда—трудъ будетъ непроизводителенъ.

— Чтò такое, чтò такое? — заволновалась Таиса Александровна.—Какая свобода труда? Зачѣмъ? Еще мало свободы? И это говоритъ духовное лицо? Вы знаете, — обратилась она къ окружающимъ ее за сочувствіемъ:—я перестала понимать, чтò вокругъ происходитъ. Я понимаю—чтобы ѣсть, надо работать и работать въ потѣ лица. Какъ это—свобода? Разъ я работаю, то я не свободна. И только несвободная работа можетъ быть производительна.

Батюшка сдѣлалъ удивленное лицо и хотѣлъ возразить, но Таиса Александровна замахала на него руками.

— Да, да, я утверждаю это. Вспомните такое же время, какъ вотъ сейчасъ надвигается. Всѣ говорили объ освобожденіи. Всѣ бредили этимъ. Былъ крѣпостной трудъ—и всѣ жили въ довольствѣ и хорошо. Добились освобожденія — чтò вышло? Мужики обнищали, опились, одичали; помѣщики разорились...

— Во всякомъ случаѣ не ты, матушка, — вполголоса сказалъ Калитинъ, невысокій человѣкъ въ синихъ очкахъ и длинныхъ, кудлатыхъ волосахъ, своему сосѣду Вешнякову.

И Калитинъ, и Вешняковъ посѣщали иногда этотъ салонъ. Оба писали въ газетахъ: Калитинъ—длинныя и скучныя статьи о народномъ хозяйствѣ въ крайне радикальномъ духѣ, за каковыя часто былъ высылаемъ изъ Петербурга для совершенія краткихъ путешествій въ Финляндію, Псковъ и другія не столь отдаленныя мѣста; Вешняковъ писалъ: „взгляды и нѣчто“ въ умѣренномъ духѣ обо всемъ, о чемъ угодно. Это былъ памфлетистъ „съ короткими строчками“, писавшій бойко, иногда остроумно, но поверхностно.

— Кое-что вѣрно въ ея словахъ,—возразилъ Калитину Вешняковъ.

Но тотъ, тряхнувъ кудрями, не обратилъ на него вниманія и обрушился на Таису Александровну.

— Позвольте, почтеннѣйшая Таиса Александровна, — сказалъ онъ сухимъ, деревяннымъ голосомъ, въ которомъ не было и признаковъ возмущенія, овладѣвшаго имъ.—Вы говорите nonsens'ы, простите меня. Помѣщики разорились, а мужички одичали вовсе не изъ-за факта освобожденія труда и личности.

— А изъ-за чего?

— А изъ-за режима. При такомъ режимѣ такъ и должно было быть. Иначе и не могло быть.

— Какой же нуженъ режимъ? Анархія что-ли? — грубоватымъ и презрительнымъ тономъ, еле взглянувъ на Калитина, проговорила Таиса Александровна.—Я васъ очень мало знаю,—

продолжала она, давая намекъ, что ему не слѣдовало вмѣшиваться въ ея разговоръ,—какъ и вы меня, но слыхала, что вы проповѣдуете въ своихъ статейкахъ — терроръ противъ помѣщиковъ.

Вешняковъ хихикнулъ.

— Хороши „статейки“! — сказалъ онъ сосѣду, Бравину.— Ни одной—меньше печатнаго листа. И это въ газетѣ!

— Такъ вы бы почитали,—язвительнымъ голосомъ отвѣтилъ ей Калитинъ. — Тогда, можетъ быть, и не говорили бы столь голословно.

— Недосугъ мнѣ, батюшка, заниматься чтеніемъ всякихъ вашихъ измышленій. Да и что̀ вычитаешь? Все то же. Свобода, свобода! А кому, зачѣмъ она нужна? Вотъ у насъ былъ кузнецъ въ домѣ. Тоже въ тѣ времена кричалъ, сказывали,—свобода!—рвался на свободу; а какъ выпустили его изъ усадьбы на всѣ четыре стороны, черезъ мѣсяцъ пришелъ съ подбитыми крыльями и въ дворню попросился. Только, говоритъ, дайте три цѣлковыхъ въ годъ жалованья, чтобы, молъ, служилъ какъ бы свободнымъ за вознагражденіе, а не какъ раньше, крѣпостной.

— Немудрено! — отвѣтилъ, злобно усмѣхаясь, Калитинъ.— Держали рабомъ до старости, а потомъ вышвырнули на всѣ четыре стороны.

— Это все оттого,—перебилъ его Бравичъ, — что освобожденіе было совершено безъ подготовки. Такія реформы нужно долго, медленно, тщательно подготавливать. Вести къ освобожденію постепенно.

— Не такъ ли, какъ у васъ въ министерствѣ подготавливаютъ доклады?—съ насмѣшкой спросилъ Калитинъ.

— А непремѣнно. Всестороннее освѣщеніе, ознакомленіе со всѣми деталями, тщательное обсужденіе. Къ свободѣ нужно воспитать людей. А не такъ вдругъ, открыть всѣ двери и сказать:—вы свободны. Нѣтъ, я за постепенность, уважаемый мой публицистъ,—извините, имени, отчества не знаю. Я за постепенность. А это, что̀ говорятъ о веснѣ—вздоръ-съ! Не бываетъ весны осенью. И жалѣю того, кто повѣритъ въ такое противоестественное перемѣщеніе сезоновъ-съ. Надо ихъ перемѣщать въ порядкѣ естественнаго чередованія, а не извращать законы природы, хотя бы символически, и законы историческіе.

— Напишите объ этомъ докладную записку, — фыркнувъ, сказалъ Калитинъ, и рѣшительно отвернулся отъ чиновника, начавъ прислушиваться къ тому, что̀ говорили около него сосѣди.

Одинъ изъ нихъ, высокій и сухой, съ огромной бородой и

очками изъ толстыхъ стеколъ на близорукихъ и подслѣповатыхъ глазахъ, разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при представленіи новому министру.

— Онъ черезчуръ простъ въ обращеніи,—говорилъ онъ,— и это несомнѣнный минусъ. Министръ долженъ импонировать. А онъ садится за столъ и угощаетъ кофеемъ фотографа, пришедшаго къ нему, чтобы его снять. И все это вздоръ—провозглашенное имъ довѣріе и прочее. Онъ погубитъ этимъ Россію и себя. Не довѣріе нужно, а, напротивъ, полнѣйшее недовѣріе. Только когда подозрѣваешь, тогда можно и оградить себя. Вотъ я вышелъ въ толпу и всѣмъ довѣряю. Ну, ясно, съ меня снимутъ часы и вытащатъ кошелекъ. Вездѣ вѣдь хулигановъ много. А ежели я не довѣряю, то я буду остороженъ, и никто у меня ничего не вытащитъ, и я вернусь домой съ часами и кошелькомъ.

— Но позвольте, г. Бояриновъ,—вступилъ опять въ разговоръ возмущавшійся Калитинъ.—Не всѣ же хулиганы, и нельзя смотрѣть на общество, какъ на сборище хулигановъ.

— Всѣ-съ! — съ необыкновенной горячностью воскликнулъ Бояриновъ: — всѣ-съ! И это до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что вы не хулиганъ. Для меня каждый человѣкъ — мошенникъ, пока онъ не докажетъ противнаго.

Калитинъ сталъ злобно хохотать и сквозь свои синіе очки смѣрилъ взглядомъ говорившаго, съ головы до ногъ.

— Но вы это серьезно?

— Вполнѣ.

— Ну, такъ намъ и говорить не о чемъ. Это, дѣйствительно, новый взглядъ. На Западѣ существуетъ другой взглядъ: всѣ— люди, и каждый человѣкъ заслуживаетъ довѣрія, пока онъ не совершилъ преступленія. Нельзя принимать мѣръ противъ того, что̀ не совершено. Это будетъ произволъ и насиліе. Не могу я васъ привлечь къ отвѣтственности за то, что, можетъ быть, у васъ мелькнула въ головѣ мысль обокрасть меня. Вы обкрадите, тогда я привлеку.

— Тогда ужъ будетъ поздно.

— Я знаю одно,—прервалъ ихъ Толоконниковъ,—что, кажется, настанетъ скоро время, когда изъ Россіи надо будетъ бѣжать.

— Почему?—спросилъ Калитинъ.

— Я не знаю. Я вѣдь только помѣщикъ; у меня семья, дѣти. Я обязанъ заботиться о нихъ, не такъ ли? А жить стало какъ-то страшно. Богъ знаетъ, что̀ будетъ. Всѣ испуганы. И я испуганъ.

Вокругъ засмѣялись.

— Да чѣмъ же?

— Всѣмъ. И войной, и вотъ еще чѣмъ-то, чего я не понимаю. Но что-то носится. Я здѣсь временно, по дѣламъ. А что̀ дѣлается тамъ, на мѣстахъ? Какое-то шевеленье, словно, знаете, какъ въ березѣ, побѣжали весенніе соки. И это страшно, это пугаетъ. Я чувствую, что я испуганъ. А вдругъ—пугачевщина?

XVII.

Карданова, не принимавшая участія въ общемъ разговорѣ, воспользовалась паузой, происшедшей вслѣдствіе того, что горничная и лакей стали разносить чай, и сказала:

— Вы, monsieur Толоконниковъ, слишкомъ напуганы. У васъ большая семья и небольшое имѣніе. Въ этомъ—все объясненіе. Я прислушивалась ко всѣмъ нашимъ разговорамъ и удивлялась. По моему, только мы, русскіе, способны такъ много и... извините меня, такъ безтолково говорить—о чемъ?—я не знаю. Обыкновенно можно говорить опредѣленно, объ опредѣленныхъ вещахъ. Но намъ, обществу, бросили какой-то туманный, общій символъ: „весна“. Что̀ такое весна? Весны разныя бываютъ: дождливыя, ненастныя, холодныя. А наша сѣверная весна—каррикатура южныхъ зимъ. И потомъ — „довѣріе“. Что̀ такое? Я не понимаю, о чемъ тутъ спорить, ссориться, негодовать, восхищаться, куда-то бѣжать, что-то спасать, на что-то надѣяться? Нужно ожидать поступковъ правительства, его дѣйствій. А до тѣхъ поръ я считаю, что все по-прежнему. Реформъ нѣтъ еще и въ поминѣ, да никто изъ правящихъ и не заикается о нихъ. Чего же вы такъ разволновались, милостивые государи?

Она всегда такъ говорила, общими фразами, неопредѣленными рѣчами, потому что еще никакъ не могла разобраться, къ какому лагерю ей надо примкнуть.

Сынъ-студентъ у нея былъ либераломъ, сынъ-офицеръ—консерваторомъ, въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, какими были всѣ вообще до сихъ поръ на Руси.

Но братья, при различіи этихъ общихъ взглядовъ, жили очень дружно, и ихъ убѣжденія какъ-то мирно уживались одно рядомъ съ другимъ. Ольга, старшая дочь, замужемъ за офицеромъ, не имѣла, кажется, никакихъ политическихъ взглядовъ и вся была поглощена флиртомъ—или настоящей любовью—и въ этомъ Карданова еще не могла разобраться — къ Забѣлину.

Анна была еще совсѣмъ юной дѣвушкой, и мать тщетно старалась выяснить себѣ свой взглядъ на современное положеніе по взглядамъ молодежи.

Но ничего опредѣленнаго изъ этого не получалось.

Она только успѣла понять, что каждый членъ ея семьи занятъ своими мелкими, личными дѣлами и дѣлишками, мало интересуясь общимъ положеніемъ родины, несмотря на такое событіе первостепенной важности, какъ война съ Японіей, несмотря даже на то, что на войну эту пошелъ мужъ Ольги.

И Карданова нѣсколько недоумѣвала: что̀ это? Непривычка къ общественности? Индифферентизмъ? Или что̀ другое?

Изъ салонныхъ разговоровъ она тоже немногое могла уяснить себѣ.

Валер. Свѣтловъ.

КАВКАЗЪ

и

КАВКАЗСКІЕ НАМѢСТНИКИ

Назначеніе графа И. И. Воронцова-Дашкова кавказскимъ намѣстникомъ, при настоящихъ политико-экономическихъ условіяхъ края, породило много толковъ, въ особенности среди кавказскаго населенія.—Нѣкоторая часть общества привѣтствуетъ эту мѣру, какъ актъ величайшей государственной мудрости, а другіе утверждаютъ, что при существованіи телеграфа и желѣзныхъ дорогъ нѣтъ надобности обращаться къ административнымъ формамъ далекаго прошлаго, и что эта мѣра не принесетъ государству никакихъ существенныхъ выгодъ, хотя значительно возвыситъ расходы на администрацію края.

Можетъ быть, возстановленіе намѣстничества на Кавказѣ доказываетъ особое вниманіе къ нему со стороны правительства.—Но чѣмъ же вызывается подобное вниманіе?—Очевидно, соображеніями чисто экономическаго характера, такъ какъ экономическій строй въ этомъ краѣ никого не удовлетворяетъ, тогда какъ въ этомъ отношеніи мы всегда возлагали на край самыя радужныя надежды. На чемъ онѣ основаны,—это пока остается загадкой.

Нѣтъ надобности доказывать, что отъ экономической оцѣнки той или другой государственной области зависитъ въ наибольшей степени судьба послѣдней. Слишкомъ высокая экономическая оцѣнка Кавказа, собственно Закавказья, уже болѣе ста лѣтъ заставляла наше правительство согласовать свою внутреннюю политику въ краѣ съ такой оцѣнкой. Если экономическіе рессурсы

Закавказья слишкомъ обширны, то внимательное отношеніе къ нему правительства являлось неизбѣжнымъ и необходимымъ. Въ противномъ случаѣ, наше вѣковое исключительное вниманіе къ Закавказью было роковой ошибкой, которую повторять было бы нежелательно.

I.

Цѣнители Кавказскаго края.

Въ концѣ истекшаго года, въ газетахъ появилась статья В. С. Кривенко, подъ заглавіемъ: „Кавказъ", гдѣ авторъ выражалъ такую мысль: „Еслибы подобно Закавказью и Сѣверный Кавказъ съ Дагестаномъ также быстро признали русское подданство, то, вѣроятно, въ настоящее время наша южная окраина представляла бы собою драгоцѣннѣйшій брилліантъ, а не тотъ тусклый алмазъ, какимъ онъ остается до сихъ поръ". — Но почему?— спросимъ мы. Развѣ мало прошло времени для надлежащей шлифовки этого алмаза? Кавказская война закончилась въ 1862 году, а слѣдовательно Закавказье пользуется миромъ и спокойствіемъ уже около полувѣка. Періодъ времени не малый, и потому, казалось бы, достаточно было времени, чтобы двинуть культуру края по пути экономическаго прогресса, если только въ этомъ краѣ имѣются на лицо условія для того.

Кавказъ является, дѣйствительно, тусклымъ алмазомъ, но и въ этомъ видѣ онъ представляетъ самъ по себѣ большую цѣнность. Позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ: почему нашъ авторъ приравниваетъ Кавказъ къ алмазу, а не простому рѣчному булыжнику, цѣна котораго совсѣмъ другая?.. Нужны, какъ за, такъ и противъ, серьезныя, обоснованныя на фактахъ, доказательства, а такихъ доказательствъ у автора мы не находимъ.

Сказалъ ли г. Кривенко въ этомъ случаѣ что-либо новое? Нѣтъ!—Это говорилось давно. Высокая и даже слишкомъ высокая оцѣнка экономическихъ рессурсовъ Кавказа и Закавказья имѣетъ свою спеціальную исторію,—потому мы и считаемъ нужнымъ остановиться на ней.

Первымъ цѣнителемъ экономическихъ рессурсовъ Кавказа является бывшій камергеръ двора императора Павла, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Во второй половинѣ 1799 года, онъ доказывалъ, что Кавказскія горы—это та Колхида, о которой повѣствуютъ греческія легенды; что горы эти заключаютъ въ себѣ руды разныхъ дра-

гоцѣнныхъ металловъ; что стоитъ за это дѣло взяться съ надлежащей энергіей, и въ предѣлы Россіи польются неизсякаемыя матеріальныя богатства. Графъ Мусинъ-Пушкинъ вѣрилъ въ реальность своихъ предположеній и успѣлъ внушить эту вѣру императору Павлу. Успѣхъ Мусина-Пушкина объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что политика толкнула Россію за трудно проходимыя Кавказскія горы; что этотъ политическій замыселъ вызывалъ чрезвычайные расходы, которые въ то время были слишкомъ тяжелы для русской казны, а потому надежда на возможность пополнить эти расходы за счетъ Кавказскихъ горъ была крайне соблазнительной для правительства. И вотъ, мы читаемъ предложеніе, данное 17 октября 1799 г., на имя предсѣдателя бергъ-коллегіи: „Его императорское величество, высочайше позволяя камергеру гр. Мусину-Пушкину отправиться, по его желанію, въ видѣ путешественника, къ Кавказскимъ горамъ, для изысканія рудъ благородныхъ металловъ, высочайше повелѣть соизволилъ въ помощь ему, графу Мусину-Пушкину, дать по его выбору, изъ принадлежащихъ вѣдомству бергъ-коллегіи, двухъ добраго поведенія офицеровъ, знающихъ горное дѣло, и столько же бергъ-гаіеровъ для шифрованія". Отъ того же 17 октября, высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу: „Камергеръ гр. Мусинъ-Пушкинъ, изъ усердія къ пользѣ нашей, просилъ нашего позволенія отправиться, въ видѣ путешественника, въ Кавказскія горы, для изысканія рудниковъ благородныхъ металловъ; соглашаясь на таковое похвальное его намѣреніе, повелѣваю вамъ дѣлать ему по начальству вашему, по линіи Кавказской, всевозможныя вспоможенія и предохранять его, сколь возможно вамъ будетъ, отъ опасностей сего предпріятія".

Проходитъ годъ; надежды на горныя богатства Кавказа не ослабѣваютъ,—напротивъ, все больше и больше поглощаютъ вниманіе правительства. Первое донесеніе гр. Мусина-Пушкина читается лично государемъ, причемъ императоръ Павелъ пишетъ собственноручно, 8 октября 1800 г.: „Въ разсужденіе осмотра вами чинимаго, по вещамъ до горной части касающимся, повелѣваю: 1) касательно рудниковъ въ Грузіи находящихся и кои удобно быть-можетъ обратить въ пользу государства, вступить въ трактованіе съ царемъ грузинскимъ о кондиціяхъ, но не приступая къ заключенію по онымъ, прежде мнѣ донесть. 2) О горной минерализаціи Казбекскихъ горъ ожидать имѣете отзывы къ вамъ бергъ-коллегіи и равномѣрно съ нею сноситься въ разсужденіи трехъ офицеровъ, въ коихъ вы, по части вамъ порученной, какъ пишете, имѣете нужду. И на осмотръ вамъ бу-

дущею весною въ окрестностяхъ Эльборуса и каменнаго мѣста горъ, а осенью близь Каспійскаго моря лежащихъ, я соизволяю. О подаркахъ, какія нужны вамъ для князей горскихъ и прочихъ, повелѣніе уже дано генералъ-прокурору, которые къ вамъ и будутъ доставлены"...

Съ воцареніемъ Александра I-го, наступаетъ второй періодъ дѣятельности гр. Мусина - Пушкина; отъ словъ онъ переходитъ къ дѣлу, хотя возможно было ожидать, что призванные къ управленію судьбами имперіи новые люди вопросъ о Грузіи и дѣйствіяхъ гр. Мусина-Пушкина въ Кавказскихъ горахъ заново пересмотрятъ и разрѣшатъ его съ надлежащей осмотрительностью. Такъ и было поступлено въ отношеніи вопроса чисто политическаго—о присоединеніи Грузіи къ предѣламъ имперіи. Интриги грузинскихъ царевичей, бунты со стороны вліятельныхъ князей и духовенства давали поводъ отказаться въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ отъ бѣдной, разоренной и крайне отдаленной Грузіи, безъ ущерба политическому престижу Россіи. Александръ I склонялся на такой политическій шагъ, но его удержало отъ подобной мѣры указаніе генерала Кнорринга на то обстоятельство, что единовѣрный грузинскій народъ, народъ угнетенный, ждетъ отъ русскаго императора защиты и спасенія его отъ притѣснителей, и что Грузія богата рудами благородныхъ металловъ, которые не разработываются, при чемъ грузинская казна получаетъ ежегодно разныхъ доходовъ до 240.000 р. сер. Трудно утверждать, но также трудно и отрицать, что на рѣшеніе императора Александра въ этомъ важномъ вопросѣ не имѣли хотя бы косвеннаго вліянія толки о минеральныхъ богатствахъ, хранящихся въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ. Объ этихъ сокровищахъ уже докладывалъ ему неоднократно гр. Мусинъ-Пушкинъ, который внесъ даже по этому предмету особый докладъ въ государственный совѣтъ; о нихъ говорятъ послы грузинскаго царя и, наконецъ, о тѣхъ же сокровищахъ доносилъ ген. Кноррингъ, лично осматривавшій грузинское царство. Въ рескриптѣ на имя послѣдняго императоръ Александръ, 12 сентября 1801 г., указываетъ: „Сборы государственные въ казну и особо царскому дому прежде принадлежавшіе, привести въ такое положеніе, чтобы все то, что, кромѣ хлѣба, натурой прежде собиралось, обращено могло быть въ сборъ хлѣбный, по мѣрѣ надобности онаго къ продовольствію войскъ, остальное разсчитать въ подать денежную, наблюдая, однако, преимущественно, что бы сіе новое распоряженіе не только не произвело излишняго отягченія жителямъ, но и подавало бы имъ всевозможное облегченіе въ ихъ

упражненіяхъ"... „Вникая въ часть хозяйственную попечительнымъ окомъ, не оставьте вы безъ вниманія и прочія статьи, доходы приносящія, стараясь о пріумноженіи оныхъ елико возможно, безъ отягченія и стѣсненія народнаго, способомъ одобренія и распространенія въ землѣ торговли, ремеслъ, земледѣлія и скотоводства. Часть горная въ Грузіи, составляя свою важность, должна обратить на себя особое вниманіе. Мы предположили поставить ее тамъ въ лучшее устройство и на сей конецъ назначаемъ знатные капиталы въ распоряженіе тайнаго совѣтника гр. Мусина-Пушкина, коему приведеніе этой части въ желанный порядокъ, а равно и утвержденіе битья монеты отъ насъ препоручается и что̀ ему отъ насъ предписано будетъ, то въ свое время и вамъ сообщится".

Этимъ повелѣніемъ императоръ Александръ I устанавливаетъ планъ хозяйственныхъ дѣйствій въ Грузіи, причемъ послѣдній подраздѣляется на двѣ самостоятельныя группы: нормальное хозяйственное управленіе Грузіей вручается бдительному оку главнокомандующаго, а управленіе исключительное, какъ бы неотносящееся къ Грузіи, — хозяйство горное,—поручается спеціально гр. Мусину-Пушкину.

Интересенъ результатъ этой внутренней политики: указомъ правительственному сенату, въ 19 день ноября 1801 года, императоръ Александръ I повелѣлъ: 1) „Какъ главная препона успѣшному дѣйствію заводовъ грузинскихъ состоитъ въ недостаткѣ при нихъ знающихъ свое дѣло мастеровъ, почему будущій успѣхъ заводовъ долженъ основываться на томъ, чтобы снабдить оные, на первый случай, искусными горными заводскими служителями, то и предоставить гр. Мусину-Пушкину выбрать лично, часть изъ Колывано-Воскресенскихъ, часть же изъ прочихъ сибирскихъ заводовъ, потребныхъ ему людей. — Для производства выковки нужнаго заводскому дѣйствію желѣза на небольшихъ горнахъ кричными кузнецами, дать ему 6 человѣкъ таковыхъ мастеровъ, дабы сверхъ того главнаго предмета и сей видъ ковки ввести въ Грузіи въ употребленіе. 3) Для письмоводства и переписки откомандировать въ вѣдомство гр. Мусина-Пушкина изъ чиновниковъ, при бергъ-коллегіи состоящихъ, пять человѣкъ. 4) Капиталъ нужный на осмотръ заводовъ и горную развѣдку, въ теченіи будущаго года, такожь на награжденіе новымъ рудопріискателямъ, на подарки и угощеніе тѣхъ изъ князей, дворянъ и обывателей, съ коими гр. Мусинъ-Пушкинъ въ сношеніяхъ находиться будетъ, всего 12.000 руб., отпустить изъ доходовъ грузинскихъ. Но какъ на счетъ сей суммы нужны будутъ, еще

до отправленія туда, разныя здѣсь на мѣстѣ издержки, то повелѣли мы отпустить 5.000 р. сер. изъ кабинета нашего, которые и возвратить потомъ изъ грузинскихъ доходовъ. 5) Потребную же, на содержаніе чиновниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ людей, къ сей экспедиціи назначенныхъ, сумму какъ на жалованье, которое имъ производить серебромъ, такъ и состоящимъ не въ штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ, на провіантъ, по справочнымъ цѣнамъ, натурою или деньгами, выдавать на счетъ прибавочной на чугунъ подати изъ нашего кабинета, сообразно тому, какъ сіе предписано указомъ 16 іюля сего года о чинахъ, состоящихъ уже при графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, такъ и командированнымъ туда чиновникамъ, мастеровымъ и рабочимъ отпускать изъ помянутой прибавочной на чугунъ пошлины, равно какъ и издержки, потребныя на доставленіе отсюда въ Тифлисъ и къ Алавертскому заводу нужныхъ матеріаловъ и орудій".

Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя гр. Мусина-Пушкина, отъ того же 19 ноября, выражено монаршее желаніе о скорѣйшей постановкѣ горнаго дѣла въ Грузіи на широкую ногу. Этотъ рескриптъ заключенъ слѣдующими милостивыми словами монарха: „Неоднократные опыты отличнаго вашего усердія къ службѣ, ревностныхъ трудовъ и любви къ отечеству удостовѣряютъ меня заблаговременно, что вы сей новый подвигъ предпріемлете съ обыкновенною вамъ дѣятельностью, увѣнчаете съ желаннымъ успѣхомъ и удостоитесь совершеннаго моего благоволенія".

На 1803 годъ гр. Мусинъ-Пушкинъ испросилъ, кромѣ жалованья, при немъ состоявшимъ офицерамъ, чиновникамъ, мастеровымъ и служителямъ, изъ средствъ государственнаго казначейства, 80.000 руб. сер., каковое его ходатайство было безпрекословно уважено. Въ то же время гр. Мусинъ-Пушкинъ возбуждаетъ вопросъ о необходимости дать ему средства на постройку въ Тифлисѣ казенныхъ зданій такихъ размѣровъ, которые позволили бы размѣстить въ этихъ зданіяхъ, какъ горное управленіе, такъ и служащихъ при немъ. Зашелъ, наконецъ, вопросъ объ охранной стражѣ для горныхъ работъ, что видно изъ высочайшаго рескрипта на имя ген. Кнорринга, отъ 26 августа 1802 г.: „Управляющій экспедиціей для учрежденія горнаго въ Грузіи производства, т.-е. гр. Мусинъ-Пушкинъ, представляетъ, что какъ внутреннія безпокойства теперь въ ономъ краѣ не только не прекращаются, но еще и усиливаются, то непремѣнно нужно, чтобы для прикрытія заводовъ и горныхъ работъ вообще имѣть хотя одинъ полкъ казачій и одинъ бата-

лiонъ регулярныхъ войскъ съ приличнымъ количествомъ орудiй, которыя и должны находиться въ совершенномъ его распоряженiи. А какъ указомъ 19 ноября 1801 г. предписано было вамъ сдѣлать съ помянутымъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ общее положенiе, между прочимъ и въ разсужденiи обороны заводовъ, то и повелѣваю вамъ, по предварительномъ съ нимъ сношенiи, распорядиться сообразно надобности и обстоятельствамъ къ охраненiю и совершенной безопасности горнаго производства".

Въ томъ же году гр. Мусинъ-Пушкинъ уже признаетъ испрошенные имъ на работы 1803 г. 80.000 руб. недостаточными, недостаточнымъ—и то количество войскъ, какое онъ первоначально испрашивалъ; а потому онъ входитъ съ дополнительнымъ представленiемъ, коимъ испрашиваетъ на тотъ же 1803 годъ 250.000 р. и ходатайствуетъ объ образованiи особаго корпуса войскъ для охраны горныхъ заводовъ. На это представленiе послѣдовалъ, отъ 25 ноября 1802 г., нижеслѣдующiй высочайшiй рескриптъ: „Докладъ вашъ отъ 28 сентября сего года, ко мнѣ изъ Тифлиса присланный, о новыхъ предположенiяхъ по тамошнему горному производству, для котораго требуется прибавка суммъ и учрежденiе вооруженнаго горнаго корпуса, я читалъ. При всѣхъ выгодахъ, какiя тутъ представляются, не нахожу я однако же удобности на сей разъ онаго въ дѣйствiе производить, а потому и препоручаю вамъ, до дальнѣйшаго впредь усмотрѣнiя, будущiй 1803 г. ограничиться въ тѣхъ 80.000 р., кои вы сами, по представленiю, отъ 12 iюня, на сiе назначили и указомъ отъ 25 августа сего года вамъ опредѣлены, стараясь по мѣрѣ того и работы всѣ расположить".

Двойственность цѣлей, какiя преслѣдовало правительство въ Грузiи, въ свою очередь внесла двойственность въ систему финансоваго управленiя краемъ: одновременно въ бывшей Грузiи русское правительство поставило себя въ положенiе хозяина, который заботится преимущественно объ интересахъ вновь присоединенной къ имперiи области, не эксплоатируетъ послѣдней, а лишь хлопочетъ, чтобы обыкновенныхъ доходовъ отъ этой области хватало на удовлетворенiе расходовъ по администрацiи края. Въ то же время русское правительство въ послѣднемъ заняло мѣсто частнаго капиталиста-предпринимателя. Оно не жалѣетъ денегъ на разработку горныхъ богатствъ, эти деньги расходуются за счетъ русскаго народа, въ надеждѣ, конечно, что барыши отъ этого частнаго предпрiятiя съ избыткомъ покроютъ всѣ расходы на содержанiе русскихъ войскъ и сдѣлаютъ без-

убыточной рискованную политику въ этомъ далекомъ отъ Россіи, но многообѣщающемъ краѣ.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ съ 1803 г., желая доказать, что горное дѣло въ Закавказьѣ можетъ идти за счетъ собственныхъ прибылей, какъ видно изъ высочайшаго указа, отъ 2-го октября 1803 г., установилъ слѣдующій способъ полученія казенныхъ денегъ: „Договорныя статьи, вами заключенныя съ помѣщиками-заводскими и съ греческими рудопромышленниками, при заводахъ обитающими, во всемъ ихъ пространствѣ, утверждаю; согласенъ и на покупку лорійскаго уѣзда у владѣтельнаго карабахскаго мелика Джимшида Шахназарова за просимую имъ цѣну 6.000 руб., производимою на тамошнихъ заводахъ мѣдью, по торговымъ въ Тифлисѣ цѣнамъ, для заселенія того уѣзда новыми вышлецами греческаго и армянскаго народа, равно какъ и на мнѣніе ваше относительно заводовъ, чтобы очищенную на заводахъ мѣдь вносить въ тамошнюю казенную экспедицію, а заводамъ на мѣсто того за каждый грузинскій пудъ, мѣрою 43 фун. 67 золотниковъ россійскаго вѣсу составляющій, получать через каждые 4 мѣсяца, по пріемнымъ отъ экспедиціи квитанціямъ, изъ астраханской казенной палаты по 10 р. серебряною монетою, которыми деньгами и производить уже всѣ обороты заводскіе, не требуя на то новыхъ суммъ, предоставляя, впрочемъ, сдѣлать вамъ общее съ главнокомандующимъ Грузіи, кн. Цiціановымъ, положеніе, какими людьми производить заводскія работы, доколѣ заселеніе лорійскаго уѣзда не сдѣлаетъ таковое распоряженіе излишнимъ". Гр. Мусинъ-Пушкинъ нашелъ въ лицѣ казны надежнаго покупателя мѣди, которая получалась на заводѣ, но которую не представлялось возможности сбывать въ предѣлахъ края.

Дѣятельность гр. Мусина-Пушкина была прекращена смертью его, которая послѣдовала въ 1805 г. въ Тифлисѣ. По обыкновенію, послѣ его смерти начали всесторонне обсуждать то, что было имъ сдѣлано при жизни. Кн. Циціановъ, ни единымъ словомъ не упоминавшій раньше о горныхъ работахъ въ краѣ, 10 іюля 1805 г., за № 773, донесъ гр. Васильеву, „что Мусинымъ-Пушкинымъ на жалованье и другія издержки употребляется несоразмѣрная приходамъ сумма"... „Мѣдь никѣмъ изъ промышленниковъ не покупается, по причинѣ нековкости оной, которая, будучи отдаваема въ казенную экспедицію верховнаго грузинскаго правительства, по квитанціямъ коей горное начальство получаетъ изъ астраханской казенной палаты за оную плату, остается, какъ думаю, совсѣмъ не проданною, и казна

несетъ убытки. Не могу умолчать и о томъ, что необходимо нужно прислать сюда старшаго и безпристрастнаго чиновника для личнаго и мѣстнаго обозрѣнія и разсмотрѣнія, какъ способности выдѣлки здѣшнихъ рудъ, такъ и пользы государственной, оттого быть имѣющей, ибо я въ дѣлѣ семъ не знающъ; знаю только то, что много десятковъ тысячъ изъ астраханской казенной палаты отпущено и отпустить должно, а не продано и на 10 тыс. руб. Слышалъ также отъ горнаго начальства офицеровъ, что чинаровый уголь неспособенъ къ большой печи и большой расплавкѣ столько, сколько дубовый, а потому удовлетворительно, по долгу званія моего и присяги, сдѣлать заключеніе, что покойный гр. Мусинъ-Пушкинъ, при первомъ обозрѣніи рудниковъ, не видалъ лѣсовъ, а послѣ закрывалъ стыдъ своего невѣжества". Получивъ это донесеніе, министръ финансовъ всеподданнѣйше доложилъ: „Мѣди очищенной въ казенную экспедицію поступило 7.690 пудовъ грузинскаго вѣса; слѣдовательно, астраханская казенная палата должна отпустить горному начальству 76.900 р., въ число коихъ уже болѣе половины получено, выручено же за мѣдь, по 11 сентября, только 4.800 руб.; слѣдовательно, еще болѣе 70.000 руб. остается въ однѣхъ графахъ".

Смерть гр. Мусина-Пушкина поколебала надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ, и въ то же время доказала, что увлеченія этими проблематическими надеждами вовлекли казну въ значительные непроизводительные расходы.

Но со смертью гр. Мусина-Пушкина,—очевидно, идеалиста и мечтателя,—не умерли надежды, что Кавказскія горы, рано или поздно, сторицею возвратятъ то, что̀ на долю Закавказья удѣлитъ русскій народъ. Надежды Мусина-Пушкина заключались въ простой возможности найти въ Кавказскихъ горахъ богатый пластъ золотой или серебряной руды; эти надежды не осуществились, но онѣ не исчезли, а лишь видоизмѣнили свой характеръ.

Горное управленіе съ того времени продолжало существовать на Кавказѣ, принося казнѣ только убытки, а въ письмѣ генерала Канкрина къ генералу Сипягину, отъ 27 сентября 1827 г., за № 11, читаемъ: „по найденнымъ въ кабинетѣ блаженной памяти государя императора Александра Павловича бумагамъ покойнаго вице-президента бергъ-коллегіи гр. Мусина-Пушкина, нынѣ благополучно царствующему государю императору благоугодно было изъявить желаніе знать, что̀ по онымъ бумагамъ заключитъ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и не полезно ли будетъ снова обратить вниманіе на Кавказскія

горы"... „Судя по сказаніямъ древнихъ и новыхъ писателей, горы Кавказскія и вся вообще полоса между Чернымъ и Каспійскимъ морями должна заключать въ себѣ разнаго рода металлы; въ особенности Мингрелія, Имеретія и Гурія, извѣстная въ древности подъ именемъ Колхиды, вѣроятно, изобилуютъ даже драгоцѣнными ископаемыми, и что по всему этому, несмотря на прежнія неудачи, надлежитъ преслѣдовать во всемъ тамошнемъ краѣ горныя развѣдки, и что департаментъ полагаетъ ежегодно отпускать на это по 20.000 руб. ассигнаціями". Скоро эти 20.000 превратились въ 35.000 руб. сер., и этотъ отпускъ неизмѣнно и ежегодно продолжается до настоящаго времени, безъ какихъ бы то ни было теоретическихъ или практическихъ результатовъ. Надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ не оправдались, но казна на разысканіе ихъ понесла весьма значительные денежные расходы.

Кн. Циціановъ, второй главнокомандующій на Кавказѣ, воочію убѣдился въ безнадежности разсчетовъ на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ. Отказаться отъ подобныхъ надеждъ и трезво посмотрѣть на край, оцѣнивъ его по достоинству, было равносильно низведенію этого края на уровень курской, орловской или другой какой-либо изъ внутреннихъ губерній Россіи, что̀ равносильно было упраздненію со стороны правительства исключительной заботливости объ этомъ краѣ. Но князь Циціановъ нашелъ изъ такого положенія прекрасный исходъ: онъ заявилъ, что Грузія награждена отъ природы необыкновенными дарами, что послѣдніе сулятъ въ скоромъ будущемъ полное процвѣтаніе Грузіи и немалыя пользы русскому народу. Склоняя правительство къ присоединенію къ предѣламъ имперіи царства Имеретинскаго, кн. Циціановъ указывалъ на богатѣйшіе лѣса въ долинѣ Ріона, что изъ этихъ лѣсовъ будетъ выстроенъ весь русскій черноморскій флотъ, и что за счетъ тѣхъ же лѣсовъ будетъ довольствоваться вся безлѣсная Новороссія. Когда зародились эти мечты о естественныхъ богатствахъ Закавказья, на тифлисскомъ рынкѣ установились цѣны (ст. 2065 Акт. кавказ. археограф. коммиссіи, т. II):

Четверть муки въ 7 п. 10 ф. . . .	6 р.	$16^{1}/_{4}$	к. сер.	
„ ячменя въ 6 п. 20 ф. . .	3 „	31	„	„
Въ Душетѣ:				
„ муки	7 „	25	„	„
„ ячменя.	2 „	60	„	„
пудъ сѣна	— „	40	„	„

Мука въ то время въ россійскихъ губерніяхъ продавалась по 1 р. 50 коп. за четверть, а сѣно—по 1—2 коп. за пудъ. Взглядъ кн. Циціанова на Кавказскій край, въ смыслѣ его естественныхъ богатствъ, необыкновенно пришелся по вкусу кавказскимъ правительственнымъ канцеляріямъ. Съ тѣхъ поръ всѣ оффиціальныя представленія, исходившія изъ этихъ канцелярій, когда требовались все новыя и новыя ассигнованія на нужды Закавказья, всегда начинались основной посылкой, что край необыкновенно богатъ въ естественномъ отношеніи.

Убѣжденіе въ естественныхъ анонимныхъ богатствахъ края царило и царитъ въ обществѣ и до настоящаго времени непоколебимо.

Впослѣдствіи выяснилось, что лѣса Имеретіи годны только на дрова, такъ какъ при влажномъ и жаркомъ климатѣ древесина получается слишкомъ крупнозернистой, рыхлой и некрѣпкой. При постройкѣ сурамскаго туннеля лѣсъ на подмостки выписывался изъ Херсона, такъ какъ мѣстный лѣсъ не выдерживалъ надлежащаго давленія. Остальныя естественныя богатства, которыя опредѣлялъ Циціановъ общей фразой, не перечисляя ихъ, остаются пока неизслѣдованными.

А было много основаній, чтобы надъ реальностью этихъ богатствъ призадуматься. Министерство финансовъ въ 1816 году замѣтило (Акт. археол. ком., т. V, ст. 327): „съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, въ 1801 г., высочайшимъ манифестомъ того же года предположено доходы съ края обращать на содержаніе правленія, а остатки отъ доходовъ обращать въ пользу Грузіи, на возстановленіе разстроенныхъ городовъ и селеній, съ доставленіемъ, однако, о доходахъ и расходахъ въ Грузіи свѣдѣній министру финансовъ или государственному казначею. Такихъ обстоятельныхъ свѣдѣній до 1810 г. не было. Какъ исчисляетъ казенная экспедиція, доходовъ въ Грузіи, вмѣстѣ съ присоединенными городами и областями отъ Персіи—до 300.000 руб. сер. деньгами и хлѣбомъ въ натурѣ до 17.000 четвертей“... „Доходы, однакоже, столь малы, въ сравненіи съ тамошними нуждами короны, что оныхъ едва достаточно на удовлетвореніе однихъ гражданскихъ чиновниковъ, пенсіонныхъ выдачъ и на содержаніе аманатовъ, и государственное казначейство принуждено посылать туда изъ внутреннихъ губерній большія суммы въ звонкой монетѣ на содержаніе тамошнихъ войскъ“. Такого рода указанія на недостаточность доходовъ, получаемыхъ отъ богатаго края, объяснялись кавказскимъ начальствомъ необходимостью жертвъ со стороны государственнаго казначейства ради буду-

щихъ интересовъ и невозможностью примѣнять къ этому краю строгія требованія со стороны финансоваго вѣдомства. Эти объясненія казались совершенно правдоподобными: въ гражданскомъ управленіи Кавказскимъ краемъ царилъ полный хаосъ. Генералъ Ермоловъ, въ бытность свою главнокомандующимъ на Кавказѣ, по личному усмотрѣнію, понижалъ податные оклады, прощалъ недоимки, накопившіяся за многіе годы, прощалъ дани съ подвластныхъ Россіи хановъ, въ виду их заслугъ и добропорядочнаго поведенія по отношенію къ Россіи, въ силу того правила своей внутренней политики, что кавказскихъ жителей нужно ласкать и не причинять имъ никакихъ непріятностей. На протестъ со стороны министра финансовъ противъ такихъ произвольныхъ дѣйствій Ермоловъ объяснилъ, что онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать такъ, а не иначе, въ силу мѣстныхъ условій края, угрожая министру финансовъ, „что если случится какой-либо важный вредъ и замѣшательство, кои трудно будетъ поправить, то никакой упрекъ не можетъ тогда пасть на меня, и я обязаннымъ найдусь отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, представляя передъ императорскимъ величествомъ въ настоящемъ видѣ весь ходъ сего дѣла“ (ст. 23 Акт. арх. ком., т. VI). Неудовлетворительность государственнаго хозяйства въ этомъ богатомъ краѣ графъ Паскевичъ объяснилъ полнымъ административнымъ неустройствомъ послѣдняго, но мысль о естественныхъ богатствахъ края никогда не умирала, что̀ заставило наше правительство изыскивать всевозможные способы для пробужденія народныхъ рабочихъ силъ, которые могли бы способствовать надлежащей эксплоатаціи естественныхъ богатствъ края.

Это печальное, повидимому, заблужденіе породило со стороны правительства массу фальшивыхъ политико-экономическихъ мѣръ, которыя слишкомъ дорого обошлись русскому плательщику государственныхъ повинностей и привели край, вѣрнѣе, его населеніе, къ полному экономическому застою.

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Закавказье должно было обогатиться за счетъ торговли и казны, и—

2) жители Закавказья не должны были платить значительныхъ государственныхъ повинностей, даже вовсе могли быть освобождаемы отъ подобныхъ повинностей.

Осуществленіе этой правительственной програмы и началось съ временъ императора Александра I, полагавшаго всѣ убытки по управленію Закавказьемъ пополнить за счетъ минеральныхъ богатствъ Кавказа.

Въ видахъ слабаго развитія русской фабричной промышленности и невозможности конкуррировать съ Западомъ, наше правительство, по указаніямъ Петра Великаго, всегда ревниво оберегало азіатскую торговлю. Торгъ съ Китаемъ, а въ особенности торгъ съ Персіей, признавался самымъ выгоднымъ для русскихъ промышленниковъ. По настоянію ген. Ермолова, ради интересовъ Закавказскаго края, этими дорогими для Россіи торговыми связями съ Персіей было пожертвовано.

Изъ представленія ген. Канкрина въ государстзенный совѣтъ, отъ 21 мая 1827 г., читаемъ: „Внимательное наблюденіе оборотовъ и хода торговли въ Грузіи и присоединенныхъ отъ Персіи провинцій, со времени изданія высочайшаго указа, отъ 8-го октября 1821 г., открыло постепенно увеличивающійся привозъ туда иностранныхъ товаровъ. Указомъ симъ постановлено: всѣ товары, привозимые въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не подвергать другому платежу, какъ по 5% съ цѣны, объявленной сообразно тому, какъ послѣ Гулистанскаго трактата взималась пошлина съ товаровъ, изъ Персіи привозимыхъ. Иностранцы, пользуясь симъ преимуществомъ, начали проникать во внутренность Азіи, черезъ Редутъ-Кале. Портъ сей имѣетъ въ приходѣ значительное число судовъ разной величины. Привезенные на нихъ иностранные товары водворяются въ наши предѣлы съ уплатою 5% пошлины“ съ объявленной цѣны, тогда какъ въ другихъ русскихъ портахъ тѣ же товары оплачивались пошлиной отъ 25 до 30%. Сверхъ того, эта 5% пошлина уменьшается еще отъ низкой оцѣнки товаровъ“... „Опыты доказали, что наши фабрики требуютъ еще защиты и нѣкоторыхъ пожертвованій; слѣдовательно, правила, противныя сей системѣ, полезны для Грузіи, но вредны для Россіи, такъ какъ значительно уменьшаютъ потребность въ россійскихъ товарахъ въ Закавказскомъ краѣ и Персіи“. „Четвертый уже годъ нижегородская ярмарка не снабжаетъ Персію и Грузію товарами россійскихъ фабрикъ въ той степени, какъ бывало прежде, и купечество на это жалуется единогласно“. По такимъ уваженіямъ министръ финансовъ представилъ комитету министровъ, отъ 14 іюня 1825 г., о необходимости принять мѣры, кои бы затруднили сбытъ иностранныхъ товаровъ черезъ Грузію въ Азію, и, по предварительному одобренію, комитетъ опредѣлилъ сообщить оныя для соображенія главнокомандующаго въ Грузіи, каковое положеніе было удостоено высочайшаго утвержденія“. Ген. Ермоловъ сообщилъ: „Воспрещеніе транзита европейскими издѣліями черезъ Грузію въ Персію только тогда могло бы служить огра-

скій простолюдинъ того времени былъ въ полномъ смыслѣ слова —„голъ, какъ соколъ".

Съ присоединеніемъ Грузіи къ предѣламъ имперіи, всѣ неопредѣленныя повинности, подъ названіехъ разныхъ приношеній и подарковъ, были отмѣнены. Махта, кодисъ-пуры, каланъ и сурсатъ были оставлены въ томъ же видѣ, какъ взыскивались они при царяхъ. Кулухи же, саагдамо и сашабо и натуральныя повинности были обращены въ денежную повинность, по очень низкой расцѣнкѣ, что̀ составило ничтожную сумму, каковая безъ измѣненія взыскивалась съ жителей до 1844 г.

Такимъ образомъ, грузинское населеніе, съ первыхъ же дней прихода въ край русскихъ, получило значительное облегченіе въ податномъ обложеніи. Затѣмъ, постепенно, произволъ князей и дворянства былъ значительно ослабленъ, что̀ въ свою очередь составляло большое облегченіе для простолюдина; предѣлы Грузіи были расширены, сосѣдніе независимые магометанскіе народы покорены русскимъ оружіемъ, чѣмъ были прекращены набѣги на Грузію, которые разоряли послѣднюю въ конецъ. А приливъ въ предѣлы края чужихъ денегъ породилъ всевозможные источники для заработковъ, возвысилъ стоимость сельско-хозяйственныхъ произведеній и создалъ небывалую до того торговлю. Пребываніе же въ предѣлахъ Грузіи главнаго русскаго начальства, въ свою очередь, исключало возможность со стороны мѣстныхъ чиновниковъ чрезмѣрно злоупотреблять своею властью. Словомъ, на долю грузинскаго народа досталось не мало,—благодаря факту добровольнаго его присоединенія къ Россіи,—какъ въ политическомъ, духовномъ, такъ равно и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Народонаселеніе области могло благоденствовать только при условіи постоянной и систематической борьбы съ природой, чему мѣшали междоусобныя войны, набѣги сосѣднихъ горцевъ, въ томъ числѣ преимущественно изъ турецкихъ предѣловъ, что̀ составляло явленіе почти заурядное, если не повседневное. Населеніе Имеретіи при ея царяхъ было настолько бѣднымъ и угнетеннымъ, что среди него вошло въ обычай торговать собственными дѣтьми. Продавались, по дешевымъ цѣнамъ, какъ мальчики, такъ въ особенности дѣвушки, которыми наполнялись гаремы мусульманскихъ государствъ. Мальчиковъ въ значительномъ числѣ доставляли въ Грузію, гдѣ они мѣстнымъ дворянствомъ зачислялись въ число ихъ крѣпостныхъ, противъ чего ратовалъ бывшій тифлисскій губернаторъ Симоновичъ.

Въ первое время присоединенія Имеретіи къ Россіи, порядокъ взиманія податей былъ оставленъ прежній, а въ 1823 г.

всѣ сборы, за исключеніемъ пшеницы и гоми, были переложены на деньги, по цѣнамъ того года, и къ нимъ добавлено—по 1 р. съ казенныхъ крестьянъ и по 50 к. съ крестьянъ, перешедшихъ въ казну отъ князей, измѣнившихъ правительству. Эти рубль и полтинникъ замѣнили собою натуральную службу царю и князьямъ, что, очевидно, было громаднымъ облегченіемъ для имеретинскаго простолюдина.

Такъ называвшаяся армянская область, по системѣ податного обложенія, до присоединенія къ Россіи, дѣлилась на двѣ части,— Эриванскую область и Нахичеванскую провинцію съ Ордубатскимъ округомъ.

Въ Эриванской области народонаселеніе отбывало повинности, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Сердарь ежегодно назначалъ сумму, которая подлежала поступленію отъ хлѣбопашцевъ, кочевниковъ, городскихъ жителей и проч., и затѣмъ сами города или деревни должны были сдѣлать раскладку между жителями поселенія, сообразно съ платежною способностью каждаго изъ нихъ.

Вообще, обложеніе жителей армянскихъ областей, по истинѣ, было тяжелое. Нѣтъ сомнѣнія, что азіатскіе сборщики податей умѣли взять съ населенія не только все то, что съ нихъ слѣдовало по раскладкѣ, но и то, чего вовсе не слѣдовало, а потому ханскій гнетъ въ этихъ областяхъ былъ доведенъ до послѣдней возможности.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Армянской области, всѣ многочисленныя и разнообразныя повинности были замѣнены,—подымною денежною повинностью. Кочевники были обложены денежной податью по 5 р. съ дыма. Кромѣ того, немалымъ податнымъ облегченіемъ являлось то, что іонха (люцерна), саманъ (солома), сѣно и сѣмена хлопчатника были свободны отъ обложенія, а подать въ натурѣ должна была поступать въ казну только пшеницею, ячменемъ, просомъ разнаго рода, хлопчатой бумагой и табакомъ. Русское правительство, по меньшей мѣрѣ, уменьшило налоги съ жителей Армянской области на $^2/_3$. Но это облегченіе отчасти парализовалось произвольными дѣйствіями со стороны сборщиковъ податей, откупщиковъ и коммиссіонеровъ; тѣмъ не менѣе, жителямъ этой области подъ властью Россіи жилось легче, чѣмъ во времена ханскаго владычества, и хотя, какъ свидѣтельствовалъ г.-м. Скалонъ, нѣкоторые жители переселялись изъ нашихъ владѣній въ предѣлы Персіи и Турціи, но эти переселенцы или принадлежали къ разряду кочевниковъ, и нынѣ постоянно перекочевывающихъ изъ одного сосѣдняго государства въ другое, или же находились люди, которые, въ силу своихъ

религіозныхъ вѣрованій, не хотѣли мириться съ новыми порядками жизни. Послѣдняя причина въ позднѣйшее время побудила кавказскихъ горцевъ въ большомъ числѣ выселиться въ предѣлы Азіатской Турціи.

Повинности въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ, какъ и въ Армянской области, также были тяжелы и разнообразны при прежнемъ ханскомъ режимѣ и значительно облегчены по иниціативѣ русскихъ военачальниковъ.

А потому, какъ было сказано выше, время податной реформы въ Закавказскомъ краѣ уже давно настало, и казалось бы, что цѣль этой реформы должна была сводиться къ двумъ главнымъ положеніямъ: а) уравнять повинности, отбываемыя населеніемъ, принимая въ соображеніе почвенныя, климатическія, экономическія и этнографическія условія; и б) установить необременительныя повинности, но такія, которыя соотвѣтствовали бы нуждамъ края и ставили бы населеніе въ возможность участвовать въ несеніи расходовъ, въ соотвѣтствующей пропорціи, на общегосударственныя потребности,—что̀, между прочимъ, предписывалось высочайше утвержденнымъ наказомъ, даннымъ главному управленію края.

При главноуправляющемъ ген. Головинѣ началъ разрабатываться вопросъ о податной реформѣ, и съ этою цѣлью въ Тифлисѣ, въ 1842 г., была образована особая коммиссія, которая обязана была выработать подробный проектъ этой реформы.

Что̀ дѣлала эта коммиссія, сказать въ настоящее время очень трудно. Повидимому, она не составляла проектовъ, а довольствовалась тѣми, какіе доставлялись ей со стороны. Однимъ изъ такихъ стороннихъ сотрудниковъ явился управляющій тифлисскою казенною палатою Безакъ. Въ поданномъ имъ проектѣ онъ заявилъ, что существовавшая въ краѣ система податного обложенія заключала въ себѣ слабыя стороны, а именно: оклады податей опредѣлялись на цѣлые участки, а не на селенія, что̀ порождало массу злоупотребленій; эти оклады не соотвѣтствовали современной численности жителей податной единицы обложенія, т.-е. участка; взыскивались съ жителей разные мелкіе налоги, которые, не принося казнѣ существенныхъ доходовъ, порождали массу злоупотребленій, и самымъ существеннымъ недостаткомъ системы было допущеніе натуральныхъ повинностей.

Въ своемъ проектѣ Безакъ рекомендовалъ обратить вниманіе на три основные элемента податного обложенія—почву, хозяйство и промышленность, причемъ всѣ казенныя земли, не входившія въ составъ оброчныхъ казенныхъ статей, оставить въ

полномъ распоряженіи крестьянъ, принять за единицу обложенія дымъ и назначить оклады, въ которые входили бы всѣ виды обложенія, а именно—податной, оброчный и земскій. Понятіе о дымѣ, какъ податной единицѣ, съ точностью никогда не было опредѣлено. Кавказскіе горцы южнаго и сѣвернаго склоновъ живутъ большими семьями, въ которыхъ зачастую насчитывается нѣсколько взрослыхъ мужчинъ съ ихъ женами и дѣтьми, но, по принятой нынѣ податной терминологіи, они признаются, какъ единая семья, за одинъ дымъ. Армяне въ свою очередь живутъ подобными же большими семьями; среди грузинскаго населенія замѣчается то же самое.

Безакъ предложилъ существенное нововведеніе—подати опредѣлять не по участкамъ, а по селеніямъ, по числу дымовъ въ послѣднемъ, согласно камеральному описанію. Причемъ раскладка подати между дымами предоставлена жителямъ селеній. Впослѣдствіи выяснилось большое неудобство подобнаго податного обложенія; камеральныя описанія производились очень рѣдко,—въ періодъ времени между описаніемъ первымъ и послѣднимъ число дымовъ по деревнямъ или значительно увеличивалось, или значительно уменьшалось, вслѣдствіе переселенія крестьянъ, или по другимъ причинамъ. Обложеніе селеній, тѣмъ не менѣе, оставалось неизмѣннымъ, что являлось очень выгоднымъ для селеній, въ которыхъ число жителей съ каждымъ годомъ увеличивалось, и тяжелымъ для тѣхъ, въ которыхъ число дымовъ уменьшилось противъ камеральнаго описанія, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Эти бѣднѣйшія села скоро оказывались неспособными платить податей, накоплялись безнадежныя къ поступленію недоимки, а въ результатѣ получалось—неравномѣрное обложеніе жителей государственными повинностями и крупные финансовые убытки казны.

Въ проектѣ Безака предлагалось включить окладъ въ 5 руб. для лицъ, занимающихся торговлей и не обложенныхъ до того никакими налогами. Опредѣленіе же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того или другого подымнаго оклада предоставлялось мѣстному главному управленію.

Комитетъ по дѣламъ Закавказскаго края, журналомъ, высочайше утвержденнымъ въ 26 день января 1843 г., проектъ Безака одобрилъ, при условіи: а) чтобы всѣ сборы, съ какою бы цѣлью ни предполагались они, были исчислены для предъявленія къ платежу въ одной общей суммѣ, и б) всѣ натуральныя повинности, гдѣ только возможность представится, были обращены въ денежныя.

При осуществленіи этого проекта, въ Армянской области подымное обложеніе было точно разсчитано. Но и здѣсь, какъ и въ предѣлахъ бывшей Грузіи, подымные оклады возвышались или уменьшались по усмотрѣнію мѣстнаго высшаго начальства, что̀ оставалось въ силѣ до 1901 года.

Подымные оклады, установленные въ 1844 г. при наплывѣ въ край русскихъ денегъ, при дешевизнѣ этихъ денегъ, когда за вязанку дровъ на тифлисскомъ рынкѣ можно было выручить не менѣе 50 коп., а за арбу—столько, сколько требовалось для взноса казенныхъ повинностей, т.-е. 3 руб.,—были не только не обременительны для жителей, но положительно ничтожны.

То же самое, хотя въ меньшей степени, въ силу климатическихъ особенностей западнаго Закавказья, можно сказать про обложеніе подымнымъ сборомъ населенія бывшей Имеретіи.

Что же касается Армянской области, то русское подымное обложеніе, по сравненію съ тѣмъ, что̀ платило населеніе своимъ ханамъ, было равносильно полному освобожденію этого населенія отъ какихъ бы то ни было повинностей въ пользу государства.

Казалось поэтому, что русскимъ правительствомъ было все сдѣлано для процвѣтанія Закавказскаго края, но результаты всѣхъ этихъ милостей и заботъ получились совершенно нежелательные. Край продолжалъ оставаться мертвой красавицей, и потому предстояло найти волшебника, который разбудилъ бы эту красавицу къ дѣйствительной трудовой жизни.

II.

Кн. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, первый кавказскій намѣстникъ. 1845—1854 гг.

Императоръ Николай Павловичъ, въ рескриптѣ на имя Воронцова, 17-го ноября 1844 г., писалъ: „Считаю нужнымъ избрать исполнителемъ моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ моимъ неограниченнымъ довѣріемъ и соединяющее съ извѣстными военными доблестями опытность гражданскихъ дѣлъ, въ семъ порученіи равномѣрно важныхъ. Выборъ мой палъ на васъ, въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое желаніе“.

27-го января 1845 г., кавказскій комитетъ заслушалъ проектъ

высочайшаго рескрипта на имя намѣстника кавказскаго Воронцова, предварительно высочайше одобренный, слѣдующаго содержанія:

„Возлагая на васъ, вмѣстѣ съ званіемъ главнокомандующаго войсками на Кавказѣ и главное начальство надъ гражданскою частью въ томъ краѣ, въ качествѣ моего намѣстника, находя нужнымъ для пользы службы усилить права, которыя донынѣ были даны главноуправляющимъ гражданскою тамъ частью, и въ полномъ довѣріи къ лицу вашему—повелѣваю: 1) къ общему составу гражданскаго на Кавказѣ управленія, въ высшемъ отношеніи, присоединить и область Кавказскую и, на семъ основаніи, кавказскому областному начальству по всѣмъ дѣламъ, власть его превышающимъ, не обращаясь въ министерство, входить къ вамъ представленіями. Затѣмъ, отъ усмотрѣнія вашего, по прибытіи на мѣсто, будетъ зависѣть сообразить и представить на мое утвержденіе: отмѣнить ли вовсе вліяніе на гражданское управленіе области командующаго войсками на кавказской линіи, или ограничить это вліяніе извѣстными предметами; 2) всѣ тѣ дѣла, которыя, по существующему нынѣ порядку, представлялись отъ главнаго управленія Закавказскимъ краемъ на разрѣшеніе министровъ, предоставляется вамъ рѣшать на мѣстѣ. Движеніе и разрѣшеніе дѣлъ законодательныхъ подчиняются порядку, нынѣ существующему, и 3) начальникъ гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ будетъ вмѣсто васъ постоянно предсѣдательствовать въ совѣтѣ главнаго управленія. Вы опредѣлите на мѣстѣ, какія именно дѣла могутъ быть разрѣшаемы симъ совѣтомъ, и по какимъ затѣмъ дѣламъ долженъ онъ испрашивать у васъ разрѣшеній; 4) сверхъ того, предоставляется вамъ, когда вы найдете нужнымъ, принимать на мѣстѣ мѣры, обстоятельствами требуемыя, донося прямо мнѣ, какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о причинахъ, къ нимъ васъ побудившихъ“.

Въ этихъ замѣчательныхъ рескриптахъ почти нѣтъ указаній на порядокъ и способы веденія войны въ предѣлахъ Кавказскихъ горъ, гдѣ, по прежнему, Шамиль продолжалъ упорную борьбу съ русскими войсками. Исходъ этой борьбы, очевидно, не особенно безпокоилъ высшія правительственныя власти, въ виду назначенія главноуправляющимъ кн. Воронцова, хотя эта борьба требовала отъ Россіи ежегодно большихъ расходовъ, какъ людьми, такъ и деньгами. Въ цитированныхъ рескриптахъ вниманіе Воронцова обращается исключительно на гражданскія дѣла въ краѣ, которыя—что̀ ясно видѣлъ Николай Павловичъ—шли не такъ

удачно, какъ бы этого хотѣло высшее правительство. Эти-то гражданскія дѣла породили мысль о необходимости выдѣлить Кавказъ въ особое намѣстничество, чтобы дать возможность Воронцову, облеченному полнымъ довѣріемъ государя, направить ихъ на надлежащую дорогу.

Для историческаго изслѣдователя время управленія Кавказомъ кн. Воронцовымъ и послѣдующими намѣстниками должно представлять двойной интересъ, въ отношеніи чисто историческомъ и какъ историческій матеріалъ для рѣшенія вопроса за и противъ децентрализаціи государственной власти въ предѣлахъ Россіи.

Кн. Воронцовъ вступилъ въ управленіе краемъ въ то время, когда по настояніямъ Головина, а въ особенности сенатора Гана, Закавказье получило болѣе или менѣе опредѣленное административное устройство, по своимъ формамъ тождественное съ администраціей губерній и областей центральной Россіи. Но это гражданское устройство края было слишкомъ молодымъ, еще не успѣвшимъ на новой почвѣ пустить глубокихъ корней, что̀ не исключало возможности, по первымъ шагамъ этой административной машины, судить о ея цѣлесообразности и пригодности для своеобразнаго Закавказскаго края. Изъ многочисленныхъ архивныхъ документовъ и „Полнаго Собранія россійскихъ законовъ" за 1845—1855 г.г. видно, что Воронцовъ, отдавая полную справедливость работамъ сенатора Гана, пришелъ къ заключенію о необходимости въ нѣкоторыхъ частяхъ цѣлаго сдѣлать частныя измѣненія. Такъ, по проекту Гана, Закавказье было подраздѣлено на Грузино-Имеретинскую губернію и Каспійскую область,—кн. Воронцовъ, принимая во вниманіе географическія, топографическія и этнографическія особенности края, призналъ подобное подраздѣленіе недостаточнымъ, и по его представленіямъ Закавказье было подраздѣлено на губерніи Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую и Эриванскую, что̀ (Полное Собраніе законовъ, ст. 20.702, 20.703, 20.709 и 23.303) возвысило стоимость мѣстной администраціи на 273.195 руб. сер.

Учреждена должность директора походной канцеляріи намѣстника кавказскаго (П. С. з., ст. 22.113) съ содержаніемъ въ 2.600 руб. сер. Усилена канцелярія при совѣтѣ главнаго управленія намѣстника кавказскаго (П. С. з., ст. 19.716), на содержаніе которой, по штату, было назначено—16.090 руб. сер.

Канцелярія намѣстника кавказскаго, въ коей по штату 1840 г. состояло чиновниковъ 65, съ содержаніемъ 43.650 р., была значительно усилена (П. С. з., ст. 19.716), причемъ на ея содержаніе, по новому штату, было исчислено—53.675 руб. сер.

При той же канцеляріи (П. С. з., ст. 20.723) учреждено новое отдѣленіе по части сельскаго хозяйства и горной промышленности, съ ежегоднымъ расходомъ, согласно штату, 8.435 р. с.

Сверхъ того, кн. Воронцовъ призналъ необходимымъ имѣть особую канцелярію при намѣстникѣ кавказскомъ, и таковая была образована (П. С. з., ст. 18.709), на что ежегодный расходъ былъ исчисленъ въ 3.800 рублей.

Учреждена новая должность управляющаго гражданскою медицинскою частью за Кавказомъ (П. С. з., ст. 20.724) и при немъ канцелярія, съ расходомъ по штату—4.880 рублей.

Совершенно преобразованъ тифлисскій приказъ общественнаго призрѣнія, который превращенъ въ земельный и городской кредитный банкъ, городской ломбардъ и правительственную сберегательную кассу, что (П. С. з., ст. 22.855 и 22.722), согласно штату, вызывало ежегодный расходъ со стороны казны на содержаніе чиновниковъ этого приказа до 29.363 руб., болѣе противъ штата 1840 г. на 16.488 руб.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вновь образованныхъ губерній увеличено число полицейскихъ участковъ, усиленъ составъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій и городскихъ полицій, что, согласно штатамъ (П. С. з., ст. 20.721), возвысило расходъ на администрацію въ суммѣ 24.385 руб.

Учреждено управленіе, долженствовавшее наблюдать за торговлею съ горцами, съ ежегоднымъ расходомъ въ 4.300 р. с.

Одновременно съ значительнымъ развитіемъ и усиленіемъ мѣстнаго административнаго управленія, нѣкоторыя части послѣдняго Воронцовъ нашелъ возможнымъ сократить. По штату 1840 г., въ Закавказьѣ были учреждены двѣ палаты государственныхъ имуществъ,—установленія коллегіальныя, на обязанности которыхъ лежало управленіе всѣми казенными крестьянами, казенными имуществами и казенными оброчными статьями. Учрежденіе этихъ палатъ вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ доносили сенаторы гр. Кутайсовъ, Мечниковъ и затѣмъ Ганъ, государственные крестьяне, а въ особенности государственныя недвижимыя имущества въ Закавказскомъ краѣ, благодаря невнимательному къ нимъ отношенію со стороны мѣстныхъ полицейскихъ властей, представляли собою нѣчто совершенно неопредѣленное. Списки этимъ имуществамъ, какіе имѣлись въ распоряженіи бывшей казенной экспедиціи, являлись продуктомъ свободнаго канцелярскаго творчества, совершенно не отвѣчавшаго дѣйствительности. Палаты государственныхъ имуществъ являлись центральными управленіями и дѣйствовали черезъ

подчиненныя имъ попечительства, которыя, какъ мѣстные органы, обязаны были въ своихъ районахъ собирать точныя свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ имуществахъ, кои или принадлежали казнѣ, или должны были принадлежать послѣдней по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ или соображеніямъ. На содержаніе этихъ палатъ и подчиненныхъ имъ попечительствъ, согласно штатамъ 1840 г., ежегодно расходовалось казной 89.240 р. 80 к. с. Князь Воронцовъ призналъ расходъ на содержаніе этихъ установленій непомѣрно большимъ и существованіе палатъ—несоотвѣтствующимъ цѣлямъ правительства. По этому поводу онъ, 30-го іюля 1848 г., за № 955, писалъ кн. Чернышеву, какъ предсѣдателю кавказскаго комитета: дѣйствіе палатъ „съ 1841 по 1848 г. состояло: въ распоряженіяхъ о переселеніяхъ туземныхъ крестьянъ; въ составленіи выписокъ изъ дѣлъ о преступленіяхъ и происшествіяхъ въ селеніяхъ; въ собраніи свѣдѣній о числѣ умершихъ людей и павшаго скота, извлекаемыхъ изъ вѣдомостей уѣздныхъ начальниковъ; въ оказаніи пособія поселянамъ въ случаяхъ неурожая,—впрочемъ, не частыхъ; въ переселеніи крестьянъ изъ одной деревни въ другую; въ поселеніи раскольниковъ и кочующихъ; въ распоряженіяхъ по сбору податей; въ участіи при разбирательствѣ споровъ между казной и частными лицами и въ отдачѣ въ оброчное содержаніе казенныхъ статей"... „Нельзя не сознаться, что дѣйствіе палатъ по управленію государственными имуществами не соотвѣтствовало цѣли ихъ учрежденія, и что результаты сихъ дѣйствій въ теченіе 7-ми-лѣтняго ихъ существованія, даже и тамъ, гдѣ чиновники показывали особое усердіе, не даютъ главной причины на дальнѣйшее оставленіе ихъ въ настоящемъ составѣ"... „Если попеченіемъ палатъ возвращены въ казну нѣсколько незначительныхъ участковъ земли, то, съ другой стороны, онѣ возбуждали такіе иски, которые были отвергнуты главнымъ начальствомъ, какъ совершенно бездоказательные и какъ противные высочайшему повелѣнію 18-го января 1843 г., въ коемъ сказано, чтобы не колебать ни прямыми, ни косвенными мѣрами правъ владѣльцевъ и не возбуждать никакихъ тревогъ и волненій въ народѣ, почему и сдѣлано распоряженіе, дабы никакой искъ со стороны казны не былъ начинаемъ безъ особаго на то разрѣшенія начальства".

Въ силу этихъ соображеній, несмотря на возраженія гр. Киселева, бывшаго министра государственныхъ имуществъ, который доказывалъ необходимость существованія палатъ во всѣхъ губерніяхъ Закавказья, послѣднія упразднены; упразднены также и уѣздныя попечительства, а порядокъ управленія государственными

имуществами въ Закавказьѣ совершенно измѣненъ: вмѣсто палатъ учреждена особая экспедиція при главномъ управленіи Закавказскаго края, которая, согласно утвержденному штату (П. С. з., ст. 23.753), состояла изъ управляющаго экспедиціей,—онъ же членъ совѣта главнаго управленія,—14 чиновниковъ и 9 писцовъ разныхъ окладовъ, съ расходомъ въ годъ 17.585 руб. сер. Эта экспедиція, являясь для края центральнымъ управленіемъ, имѣла свои исполнительные органы,—при губернскихъ управленіяхъ тифлисской и шемахинской губ. были образованы особыя отдѣленія, въ составѣ 1 совѣтника, 2 столоначальниковъ, 2 помощниковъ столоначальника, 1 землемѣра и 6 писцовъ, съ ежегоднымъ расходомъ по тому же штату—11.740 руб. При губернскихъ правленіяхъ кутаисской и эриванской губерній съ этою же цѣлью учреждены особые столы, въ составѣ 1 столоначальника, его помощника и 3-хъ писцовъ, съ расходомъ—3.060 р. с. При канцеляріи дербентскаго военнаго губернатора—помощникъ дѣлопроизводителя и писецъ, съ расходомъ—790 р. с. въ годъ. При нѣмецкихъ колонистахъ въ Закавказьѣ—смотритель, съ окладомъ содержанія въ 1.275 р. с. Всего на управленіе государственными имуществами въ краѣ—34.450 р., что, противъ штатовъ 1840 г., составляло сбереженія въ суммѣ 54.790 руб. 80 коп.

Разсматривая организацію этихъ новыхъ установленій, невольно возникаетъ вопросъ,—кто же, согласно новымъ штатамъ, долженъ былъ являться блюстителемъ интересовъ казны? Кто долженъ непосредственно, на мѣстѣ нахожденія государственныхъ имуществъ, заботиться о ихъ цѣли и продуктивности, въ смыслѣ извлеченія возможныхъ казенныхъ доходовъ? Ни начальники отдѣленій, ни столоначальники, сидя въ своихъ канцеляріяхъ за сотни верстъ отъ управляемыхъ ими государственныхъ имуществъ, не могли въ дѣйствительности управлять послѣдними, а потому необходимо заключить, что князь Воронцовъ, взамѣнъ палатъ государственныхъ имуществъ съ ихъ попечительствами, создалъ лишь органы, которые должны были контролировать дѣйствія тѣхъ лицъ, кои были обязаны непосредственно распоряжаться этимъ видомъ государственнаго достоянія. И дѣйствительно, изъ того же штата мы видимъ, что непосредственное завѣдываніе государственными имуществами въ краѣ снова перешло къ мѣстной полиціи, т.-е. къ уѣзднымъ и участковымъ полицейскимъ властямъ. При упраздненіи палатъ, а вмѣстѣ съ ними и бакинскаго попечительства государственныхъ имуществъ, въ составъ которыхъ входили самыя богатыя въ краѣ казенныя оброчныя статьи, какъ, напримѣръ, соляныя озера, нефтяныя

земли, рыбные и тюленьи промыслы и т. д., кн. Воронцовъ распорядился—„бакинское попечительство государственныхъ имуществъ упразднить, завѣдываніе же оными возложить на помощника уѣзднаго начальника“. Этотъ незначительный чиновникъ долженъ былъ приватно, помимо своихъ прямыхъ полицейскихъ обязанностей, вѣдать тѣмъ крайне цѣннымъ имуществомъ, ради котораго можно было не жалѣть казенныхъ денегъ.

Противъ такого отношенія кн. Воронцова къ государственнымъ имуществамъ, несмотря на весь его авторитетъ, не могъ не возражать бывшій министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, а потому состоялось высочайшее повелѣніе (П. С. з., ст. 26.739) объ отмѣнѣ присылки на заключеніе министра государственныхъ имуществъ дѣлъ по Закавказскому краю, относящихся къ вѣдомству сего министерства.

Впрочемъ, дѣйствія кн. Воронцова въ области управленія государственными имуществами не являлись ошибочными, а вытекали, какъ результатъ строго послѣдовательный, изъ той системы, которая была положена Воронцовымъ въ основу управленія краемъ. Что существованіе въ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ не согласовалось съ системой управленія послѣднимъ, это доказывается уже тѣмъ, что такой хозяинъ, какимъ былъ въ сущности первый кавказскій намѣстникъ, не могъ не видѣть совершенно ясно, что государственныя имущества, безъ явнаго ущерба для казны, не могли оставаться безъ надлежащаго присмотра и строгаго контроля со стороны высшей въ краѣ власти. Это заключеніе подтверждается отчасти: въ 1852 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе (П. С. з., ст. 26.736) о принятіи въ казенное управленіе имѣній духовнаго вѣдомства, съ производствомъ послѣднему ежегодно платежа въ 72.503 руб. 51 к. сереб.,—той именно суммы, какую духовное вѣдомство выручало въ послѣдніе годы съ этихъ имѣній. Духовныя имѣнія, въ большинствѣ случаевъ, состояли изъ незначительныхъ клочковъ земли, годныхъ только для занятія подъ постройку туземныхъ деревенскихъ домовъ, изъ городскихъ участковъ, уже состоявшихъ на арендѣ у частныхъ лицъ, мелкихъ зданій и лавокъ и т. п. Весьма возможно, что, при тщательномъ наблюденіи за этимъ недвижимымъ имуществомъ со стороны духовенства, они доставляли вѣдомству тѣ именно доходы, какіе указаны выше. Тѣмъ не менѣе, эти мизерныя имущества, по сравненію съ казенными имуществами края вообще, представляли собою ничтожную величину. Но, по представленію Воронцова (П. С. з., ст. 28.728), помимо возложенія завѣдыванія этими имуществами на экспедицію,

для той же цѣли были назначены три отдѣльные управляющіе, коимъ производилось ежегодно жалованье отъ казны въ суммѣ 3.300 руб. Какое же число чиновниковъ необходимо было, еслибы Воронцовъ желалъ привести въ точную извѣстность все вообще казенное имущество Закавказья? Слѣдовательно, Воронцовъ преднамѣренно не желалъ достигать указанной цѣли, на что, конечно, имѣлъ свои причины.

Что при уничтоженіи палатъ государственныхъ имуществъ Воронцовымъ не могло руководить желаніе достигнуть ничтожныхъ сбереженій, въ размѣрѣ около 50 тысячъ рублей ежегодно, это доказывается тѣмъ, что онъ вообще не былъ скупъ на казенныя деньги, когда дѣло касалось интересовъ края. Въ этомъ случаѣ могутъ служить доказательствомъ его мѣры по народному образованію. Желая поднять туземное населеніе въ смыслѣ европейской культуры, онъ не останавливался ни передъ какими жертвами со стороны казны. Первой мѣрой Воронцова въ этомъ направленіи—было ходатайство объ изъятіи учебныхъ заведеній Кавказа изъ-подъ вѣдомства харьковскаго учебнаго округа. Это представленіе было уважено (П. С. з., ст. 19.755), учебныя заведенія края были подчинены намѣстнику. Въ 1846 г., послѣдовали высочайшія повелѣнія объ учрежденіи въ Тифлисѣ школы кавказскихъ межевщиковъ (П. С. з., ст. 20.373) съ расходомъ изъ казны на этотъ предметъ 7.650 руб. ежегодно. Открыто (П. С. з., ст. 20.719) женское учебное заведеніе св. Нины; послѣдовало высочайшее повелѣніе о воспитаніи 4 туземцевъ (П. С. з., ст. 22.066) въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ и ремесленномъ заведеніи московскаго воспитательнаго дома на полномъ казенномъ иждивеніи.

Въ 1847 г. (П. С. з., ст. 22.838) образованъ независимый отъ министерства народнаго просвѣщенія кавказскій учебный округъ, содержаніе, котораго, съ подвѣдомственными ему учебными заведеніями, уже открытыми и подлежащими открытію, согласно штату, опредѣлилось въ 185.980 рублей сер.

Въ 1848 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе (2.307) объ открытіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи 160 казенныхъ стипендій для воспитанниковъ кавказскихъ учебныхъ заведеній, причемъ стипендіаты на казенный счетъ отправлялись въ эти заведенія и на тотъ же счетъ возвращались на родину. Во время ученія имъ отпускалось отъ казны отъ 300 до 350 р., въ годъ. Для надзора за этими стипендіатами были назначаемы особые надзиратели въ столичныхъ городахъ Россіи, на что, въ

общемъ, ежегодно расходовалось около 60.000 руб. сер. изъ государственнаго казначейства.

Въ 1850 г. (25.245) въ тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ учреждено приходское училище, съ 50 казенно-коштными воспитанниками, полное содержаніе которыхъ было отнесено за счетъ военнаго вѣдомства, съ отпускомъ отъ казны на вознагражденіе учителей по 1.545 руб. въ годъ, хотя этотъ округъ во всей совокупности уплачивалъ казенныхъ податей всего 1.200 руб. въ годъ.

Въ 1853 г. (27.646) штатные расходы на кавказскій учебный округъ доведены до 210.740 рублей.

По тому времени расходы на кавказскій учебный округъ, перечисленные выше, являлись болѣе, чѣмъ значительными, если принять во вниманіе, что въ указанное время населеніе края не превышало 1.400.000 душъ обоего пола, что доходы этого края не приносили казнѣ болѣе 2.800.000 руб.,—слѣдовательно, кн. Воронцовъ не останавливался передъ чрезмѣрными расходами казенныхъ денегъ, если признавалъ этотъ расходъ производительнымъ и полезнымъ для края.

Кн. Воронцовъ, изыскивая средства къ сокращенію штатныхъ расходовъ, остановилъ свое вниманіе и на казенныхъ палатахъ. Онъ не нашелъ возможнымъ совершенно уничтожить эти органы министерства финансовъ, подобно палатамъ государственныхъ имуществъ, но рѣшилъ, что для Закавказья совершенно достаточно одной казенной палаты, которая обязана была играть въ краѣ роль центральнаго управленія, а потому, 18 декабря 1848 г., послѣдовалъ высочайшій указъ: существующія нынѣ въ Закавскомъ краѣ двѣ казенныя палаты: тифлисскую и шемахинскую, соединить въ одну, общую для всего края, казенную палату, подъ названіемъ закавказской.

При прежнемъ порядкѣ финансоваго управленія не было основаній ожидать въ краѣ хорошихъ финансовыхъ результатовъ, что̀ въ достаточной степени подтверждается всѣми всеподданнѣйшими отчетами кн. Воронцова.

Неудовлетворительное финансовое положеніе края, въ первый годъ управленія кн. Воронцова, было очевиднымъ. Но, приступая къ разнаго рода реформамъ и нововведеніямъ, — что̀ требовало со стороны казны все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ матеріальныхъ пожертвованій въ пользу края, казалось бы, Воронцовъ принималъ на себя нравственную обязанность найти нужныя для нихъ денежныя средства въ самомъ краѣ, а не строить исключительно свои разсчеты „на тѣхъ подкрѣпленіяхъ“, какія можно было

получать отъ русскаго министра финансовъ, фактически устраненнаго отъ вліянія на ходъ финансовой жизни края. Слѣдовательно, сокращеніе въ краѣ числа казенныхъ палатъ, тогда какъ въ увеличеніи числа этихъ финансовыхъ органовъ настояла неотложная необходимость, кажется дѣяніемъ трудно объяснимымъ, если не искать разгадки этому дѣянію въ той же системѣ, которою руководствовался Воронцовъ при управленіи Закавказскимъ краемъ.

Для того, чтобы вполнѣ обрисовать духовный обликъ кн. Воронцова, какъ государственнаго человѣка, необходимо обратиться къ тому, что было написано или подписано кн. Воронцовымъ въ періодъ времени съ 1845 по 1855 г.г. Совокупность архивнаго матеріала, матеріала обширнаго и крайне разнообразнаго по содержанію, но не по руководящей мысли, приводитъ къ заключенію, что было бы большой несправедливостью причислить кн. Воронцова къ разряду умныхъ, трудолюбивыхъ, но заурядныхъ администраторовъ, которые ведутъ дѣло по примѣру прежнихъ лѣтъ, по тѣмъ рутиннымъ системамъ, какія кѣмъ-то когда-то выработаны и положены въ основу всевозможныхъ административныхъ работъ. Нѣтъ, кн. Воронцовъ не походилъ на такого рода полезныхъ въ большинствѣ случаевъ, но заурядныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. У кн. Воронцова мы ясно видимъ свою особую систему дѣлать государственное дѣло, благодаря которому къ нему нельзя приложить той заурядной мѣрки, при посредствѣ которой обыкновенно составляется общественное мнѣніе о заслугахъ и достоинствахъ администратора. Кн. Воронцовъ въ дѣлѣ управленія Закавказьемъ является безусловно новаторомъ, съ точно опредѣленной, тщательно обдуманной программой дѣйствій, которой онъ не видоизмѣняетъ со дня оставленія края навсегда.

Кн. Воронцовъ, облеченный полнымъ довѣріемъ государя, поставленъ былъ въ необходимость изыскать средства, чтобы въ наилучшей степени выполнить волю монарха, чтобы, помимо обременительной войны съ горцами, дать краю надлежащее гражданское устройство, которое отвѣчало бы цѣлямъ правительства. А потому кн. Воронцовъ былъ поставленъ въ необходимость рѣшить очень сложную дилемму: какимъ путемъ выполнить волю монарха? Главное, какимъ путемъ эту богатую естественными дарами природы страну поставить въ экономическомъ отношеніи на собственныя ноги. Кн. Воронцовъ сознавалъ, что это—задача очень трудная, но вполнѣ разрѣшимая и

при томъ разрѣшимая въ относительно короткій срокъ, исключительно при посредствѣ мѣстнаго населенія Но—

Не боюся я востока,
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ...

Въ этихъ восьми строкахъ, со всей вдохновенной прозорливостью, Лермонтовъ нарисовалъ истинный нравственный обликъ края того времени.

Кн. Воронцовъ видѣлъ то же самое, но онъ былъ убѣжденъ, что противъ такого общаго недуга можно найти радикальныя средства, которыя разбудятъ спящій востокъ и въ его обветшавшій организмъ вольютъ бодрость и новыя вѣянія жизни. Такія лекарства, по глубокому убѣжденію Воронцова, должны были заключаться—въ пріобщеніи азіатскихъ народовъ къ общеевропейской цивилизаціи, что въ свою очередь вызывало необходимость дать этому народу нужныя для подобнаго пріобщенія матеріальныя средства. А такъ какъ это леченіе съ наибольшимъ успѣхомъ возможно было примѣнять одновременно не ко всей массѣ народа, а къ лучшимъ представителямъ послѣдняго, то, въ силу необходимости, нужно было употребить всѣ средства, чтобы подвергнуть леченію мѣстное дворянство, которое, познакомившись съ удобствами жизни вполнѣ культурнаго человѣка, будетъ являться самымъ дѣйствительнымъ проводникомъ просвѣщенія для остальной массы населенія. А съ просвѣщеніемъ, сами собою, проснутся дремлющія экономическія силы края.

Эти соображенія послужили краеугольнымъ камнемъ для той административной системы, какой руководствовался кн. Воронцовъ въ теченіе 10-лѣтняго управленія Закавказскимъ краемъ.

Коранъ не допускалъ возможности, чтобы государство свое право владѣть поземельной собственностью передавало на вѣчныя времена и потомственно въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ государства. Всѣ правовѣрные, согласно тому же корану, не могли быть рабами, и потому пользовались полнымъ правомъ личной свободы. За государствомъ, въ лицѣ его верховнаго властелина, коранъ устанавливалъ лишь право обложенія подданныхъ повинностями въ пользу государства, и для сбора доходовъ въ пользу властелина существовалъ многочисленный классъ правительственныхъ чиновниковъ, подъ разными наименованіями.

Вообще, по догматамъ ученія Магомета во всѣхъ магометанскихъ государствахъ нѣтъ мѣста для какой бы то ни было родовитой земельной аристократіи. Порядки въ Персіи доказываютъ правильность сказаннаго выше, гдѣ и по настоящее время родственникамъ и любимцамъ шаха, а также заслуженнымъ чиновникамъ, раздаются въ управленіе не земли, а люди, живущіе въ томъ или другомъ участкѣ государства. Магометанскія провинціи восточнаго Закавказья, путемъ войны, пріобрѣтены нами отъ Персіи, а потому въ этихъ провинціяхъ мы нашли не мѣстныхъ лэндъ-лордовъ, а чиновниковъ ханскихъ, управлявшихъ отдѣльными поселками, подъ названіемъ бековъ, меликовъ и агаларовъ, которые являлись и низшими полицейскими чиновниками, и сборщиками податей въ пользу хана, за что̀, по общему правилу на Востокѣ, имѣли право пользоваться услугами управляемаго ими поселка и нѣкоторой частью собираемыхъ повинностей, такъ какъ эти чиновники не получали отъ своихъ хановъ жалованья. Слѣдовательно, въ закавказскихъ татарскихъ провинціяхъ не имѣлось на лицо мѣстной родовитой аристократіи, а потому и не представлялось возможности князю Воронцову примѣнить къ этимъ богатѣйшимъ въ краѣ провинціямъ свою систему управленія, т.-е. дѣйствовать на народную массу черезъ посредство родной этому народу аристократіи. Предстояло одно изъ двухъ — или отказаться отъ существеннѣйшихъ началъ системы управленія, или искусственнымъ образомъ создать въ татарскихъ провинціяхъ мѣстную аристократію. Князь Воронцовъ предпочелъ послѣднее. По его настояніямъ и усиленнымъ представленіямъ, 6-го декабря 1846 г. (Полн. Собр. зак., ст. 20.672), за беками, меликами и агаларами на вѣчныя времена были закрѣплены тѣ казенныя земли, кои состояли въ районахъ поселковъ, которыми, до присоединенія ханствъ въ предѣлахъ Россіи, управляли отцы или дѣды этихъ заштатныхъ бековъ, меликовъ и агаларовъ. Такимъ путемъ, ради принципіальныхъ началъ административной системы князя Воронцова, казна навсегда лишилась самыхъ дорогихъ земель въ предѣлахъ Закавказья, на разумной эксплоатаціи которыхъ можно было строить небезосновательныя экономическія надежды. Какъ велики были въ этомъ случаѣ матеріальныя жертвы казны, до полнаго размежеванія земель въ предѣлахъ края, сказать невозможно; извѣстно только, что, одновременно съ закрѣпощеніемъ за беками, меликами и агаларами казенныхъ земель, за ними же были закрѣпощены и казенные крестьяне, — частью въ видѣ нукеровъ, частью въ видѣ арендаторовъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, что̀ въ свою очередь сократило

размѣръ казенныхъ повинностей, кои раньше собирались въ пользу казны, такъ какъ подымная подать въ пользу казны съ крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ, взыскивалась въ значительно меньшемъ размѣрѣ.

По закону царя Вахтанга, который служилъ единственнымъ письменнымъ кодексомъ для бывшей Грузіи и руководствомъ до 1840 г., при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ въ русскихъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ то время въ предѣлахъ Грузіи и Имеретіи, было положительно указано: — „лѣсъ, трава и вода никому не принадлежатъ“.

Грузія, непосредственная сосѣдка магометанскихъ государствъ, не могла не позаимствовать отъ сосѣдей взглядовъ на поземельную собственность въ томъ смыслѣ, что эта собственность есть исключительное достояніе государства,—что̀, между прочимъ, возможно заключить и по тѣмъ спискамъ недвижимыхъ имѣній, кои были предъявлены русскимъ властямъ членами царскаго грузинскаго дома въ первый годъ присоединенія Грузіи къ предѣламъ Россіи. Съ приходомъ русскихъ въ Закавказье, эти взгляды мѣстнаго населенія на поземельную собственность быстро уступили мѣсто новымъ взглядамъ, занесеннымъ на югъ съ сѣвера, такъ какъ русскіе порядки пользованія землей для привилегированныхъ классовъ грузинскаго населенія были несравненно выгоднѣе. Русская закавказская администрація въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ по присоединеніи Грузіи, не привела въ достаточную извѣстность, какъ число членовъ привилегированныхъ сословій, такъ равно и того, что̀ имъ принадлежало. А потому въ предѣлахъ Грузіи на долю казны изъ поземельной собственности осталось лишь то, на что̀ не было охотниковъ, которые пожелали бы это присвоить.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кн. Воронцова за 1849—1851 гг. читаемъ: „Къ безчисленнымъ щедротамъ, изливаемымъ в. и. в. на здѣшній край, присоединилось еще въ настоящемъ году благодѣтельное разрѣшеніе одного важнаго дѣла, которымъ вы исторгнули изъ нищеты одну изъ первыхъ здѣшнихъ княжескихъ фамилій, а именно кн. Мачабели. Сопротивленіе, оказываемое принадлежащими имъ крестьянами въ 7-ми ущельяхъ Осетіи, вынуждало правительство въ разное время употреблять военныя силы для приведенія ихъ въ покорность, и въ 1850 г. отряжаемо было войско для ихъ усмиренія; между тѣмъ, указомъ правительствующаго сената, осетины эти отчуждены изъ владѣнія князей Мачабели, и хотя они, основываясь на своихъ правахъ на оныхъ и повергли къ стопамъ в. и. в. просьбу о все-

милостивѣйшемъ повелѣніи пересмотрѣть это дѣло въ общемъ собраніи сената [1]), но въ то же время, сколько я по совершенному знанію этого дѣла ни увѣренъ въ несомнѣнности ихъ правъ, но, имѣя въ виду высочайшее мнѣніе в. и. в., сообщенное мнѣ военнымъ министромъ во время совершавшейся экспедиціи для усмиренія осетинъ, что каковое бы ни было рѣшеніе высшихъ судебныхъ мѣстъ, трудно будетъ признать и привести въ дѣйствіе таковое въ пользу Мачабели, такъ какъ опытомъ дознано, что горные осетины не будутъ, безъ употребленія военной силы, исполнять слѣдующей отъ нихъ повинности,—я имѣлъ счастіе испрашивать всемилостивѣйшаго назначенія имъ потомственнаго пенсіона въ шесть тысячъ рублей сер., взамѣнъ отчужденныхъ изъ зависимости ихъ осетинъ, съ тѣмъ, чтобы кн. Мачабели, оставаясь владѣльцами земли, получали за пользованіе оною съ этихъ осетинъ, обращаемыхъ въ казенное вѣдомство, $^{1}/_{10}$ часть урожая съ земельныхъ произведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что кн. Мачабели, хотя безспорные владѣльцы земли, не имѣютъ права выгонять съ оной тѣхъ осетинъ, которые пожелаютъ на ней остаться"... „Этимъ благодѣяніемъ важный во всѣхъ отношеніяхъ край выведенъ изъ положенія шаткаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленная фамилія,—многія лица которой служили вѣрно и усердно, проливали свою кровь въ бояхъ послѣдняго полувѣка, и теперь служатъ престолу съ отличіемъ,—навсегда обезпечена въ средствахъ существованія".

Но, стремясь къ уничтоженію палатъ государственныхъ имуществъ, какъ учрежденій, мѣшавшихъ высшему сословію края производить повсемѣстный захватъ казенныхъ земель, и, въ то же время, заботясь о переселеніи въ край русскихъ и другихъ колонистовъ, кн. Воронцовъ самъ себѣ противорѣчилъ: хлопотать о заселеніи края русскими переселенцами, возможно было при условіи, если въ распоряженіи правительства имѣются свободныя казенныя земли, а между тѣмъ только учрежденія, подобныя палатамъ государственныхъ имуществъ, могли сохранить за казной эти земли. Но какъ ни странно кажется, а въ такомъ обширномъ, малонаселенномъ краѣ, какъ Закавказье, уже во времена Воронцова, казенныхъ свободныхъ земель не имѣлось!

Своеобразная административная система иногда ставитъ творца послѣдней въ необходимость поступаться всѣмъ, что̀ есть въ немъ лучшаго и что̀ составляетъ непремѣнное качество для всякаго

---

[1]) Сенатъ отвергъ притязанія кн. Мачабели, основываясь на томъ, что осетины никогда не состояли въ крѣпостной зависимости у кого бы то ни было.

представителя народа, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію и которому онъ служитъ. Кн. Воронцовъ, какъ вдохновенный художникъ, вѣрилъ въ непреложность своей системы, и ради того, чтобы выполнить ее неуклонно, рѣшилъ, что мѣстное дворянство должно было занимать высшее служебное положеніе въ краѣ. А потому на всѣ высшія мѣста, какъ административныя, такъ и строевыя, съ чѣмъ были связаны значительныя матеріальныя выгоды, назначались преимущественно грузинскіе князья. Здѣсь шелъ вопросъ не о пригодности или непригодности того или другого князя для отправленія той или другой должности, а въ силу высшихъ политическихъ соображеній кн. Воронцова грузинскіе князья назначались для того только, чтобы обезпечить ихъ приличнымъ казеннымъ содержаніемъ. Встрѣчались командиры старыхъ русскихъ полковъ изъ грузинскихъ князей, которые ни слова не знали по-русски, тогда какъ офицеры и солдаты того же полка не знали ни слова по-грузински, и потому всѣ приказанія отдавались по полку черезъ переводчика („25 лѣтъ на Кавказѣ. Записки Зисермана“). Главный аудиторъ кавказской арміи изъ грузинскихъ князей, кое-какъ говорившій по-русски, умѣлъ только подписывать свою фамилію, причемъ обыкновенно встрѣчалъ докладчика вопросомъ: „Намъ пишутъ, или мы пишемъ?“—За этихъ кавказскихъ орловъ временъ кн. Воронцова, само собою разумѣется, дѣла вершались русскими мелкими чиновниками и адъютантами. Нужна была только подпись начальника да росписка въ требовательной вѣдомости о полученіи имъ содержанія.

Эта политика кн. Воронцова имѣла свою нехорошую сторону по отношенію къ тѣмъ же дворянамъ, которымъ онъ всячески покровительствовалъ. Грузинскіе князья перестали заботиться о своемъ хозяйствѣ, уповая исключительно на казну, а тѣмъ временемъ ихъ имѣнія приходили въ полное запущеніе, обременялись казенными и частными долгами и потому довольно часто переходили въ чужія руки.

Предоставивъ грузинскому дворянству всевозможныя матеріальныя выгоды, связанныя съ государственной службой, кн. Воронцовъ, съ терпѣніемъ образцоваго педагога, заставлялъ это дворянство усвоивать привычки къ жизни, свойственныя вообще европейскому дворянству. Въ этихъ видахъ кн. Воронцовъ всегда охотно принималъ у себя всѣхъ вліятельныхъ грузинскихъ князей, не отказываясь, въ свою очередь, посѣщать послѣднихъ. Это имѣло свои результаты: князья и дворяне бывшей Грузіи начали быстро усвоивать внѣшнюю сторону цивилизаціи, патрі-

архальная простота жизни скоро уступила мѣсто безумной роскоши, на удовлетвореніе которой требовались все бо̀льшія и бо̀льшія суммы денегъ. Кн. Воронцовъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ ему казалось, что его административная система начинаетъ приносить желанные результаты: народился стимулъ къ дѣятельности — жажда денегъ, который заставитъ мѣстное дворянство подумать о возможности и необходимости извлекать нужныя средства изъ своихъ обширныхъ имѣній, лежавшихъ пока втунѣ. Но начать сельско-хозяйственное дѣло, по мнѣнію кн. Воронцова, мѣстные помѣщики не могли, за неимѣніемъ денегъ, и въ краѣ созданъ, преимущественно для нуждъ дворянства, особый приказъ общественнаго призрѣнія, который давалъ дворянамъ денежныя ссуды на необременительныхъ для нихъ условіяхъ. Грузинское дворянство не замедлило воспользоваться услугами приказа. А такъ какъ въ краѣ въ то время еще не имѣлось помѣщиковъ, земли которыхъ были бы размежеваны, то ссуды выдавались приказомъ по облегченнымъ правиламъ, сущность которыхъ сводилась къ тому, что это кредитное установленіе не знало, подъ залогъ какого именно имѣнія выдается ссуда. Конечно, дворянство отлично понимало свои выгоды въ этихъ коммерческихъ сдѣлкахъ, и потому не торопилось вносить въ приказъ срочные платежи. Возникала безконечная переписка о продажѣ имѣній за долгъ приказу, но это обыкновенно ничѣмъ не кончалось, такъ какъ, во-первыхъ, не находилось охотниковъ покупать нѣчто совершенно неопредѣленное, а во-вторыхъ, возбуждались со стороны должника всевозможныя ходатайства, въ силу которыхъ недоимки прощались или разсрочивались на безконечно долгое время.

Князя Воронцова не смущали подобныя явленія въ жизни края, и онъ продолжалъ свое дѣло съ прежней энергіей. Снабдивъ мѣстную старую и новую аристократію обширной земельной собственностью, возможностью добывать значительныя деньги путемъ государственной службы, путемъ эксплоатаціи закрѣпощенныхъ крестьянъ, въ крайнемъ случаѣ, путемъ займа въ приказѣ общественнаго призрѣнія, — кн. Воронцовъ безусловно вѣрилъ, что эти лэндъ-лорды, обратясь къ раціональному сельскому хозяйству, обогатятъ какъ себя, такъ и казну,—стоитъ только указать путь, какъ слѣдуетъ взяться за сельское хозяйство. И кн. Воронцовъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, пишетъ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ доношу в. и. в., что въ послѣдніе два года разныя отрасли сельской промышленности получили сильное развитіе во всемъ краѣ. Не-

смотря на саранчу, засухи и другія бѣдствія, примѣры правительства возбуждаютъ охоту въ частныхъ лицахъ, и многія изъ нихъ уже начинаютъ видѣть пользу, происходящую отъ усовершенствованія сельскаго хозяйства. Первое мѣсто по части сельскаго хозяйства занимаетъ садоводство. Еще въ 1845 г. в. и. в. благоугодно было упразднить существовавшее безъ всякой пользы въ краѣ общество сельской и мануфактурной промышленности и повелѣть обратить отпускавшуюся изъ казны сумму на устройство новой фермы. Тогда же отведенъ, близъ самаго Тифлиса, удобный участокъ земли, который и обнесенъ глубокимъ рвомъ. Въ теченіе 1846 и 1847 г. г. посажено, на приготовленныхъ мѣстахъ, большое число виноградныхъ лозъ, выписанныхъ изъ Крыма, фруктовыхъ деревьевъ и растеній до 170 т. Къ несчастію, существовавшая въ теченіе 2-хъ лѣтъ саранча истребила нѣкоторыя изъ посадокъ, и особенно виноградъ"... „Въ нынѣшнемъ году производятся на этой фермѣ необходимыя простыя постройки; но одинъ изъ важныхъ предметовъ, на который нужно было задержать довольно значительную сумму, состоялъ въ проведеніи на ферму воды. Работы по водопроводу постоянно продолжаются".

Жители Тифлиса знаютъ, что мѣсто для этой фермы было выбрано совершенно неудачно, такъ какъ въ сосѣднихъ холмахъ не нашлось достаточнаго количества воды для поливки этой фермы, и потому послѣдняя была скоро заброшена.

Сельскимъ хозяйствомъ занималась вся администрація Закавказскаго края, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто долженъ былъ заниматься этимъ дѣломъ, и потому результаты получались отрицательнаго свойства.

О развитіи торговли въ Закавказскомъ краѣ, въ исключительныхъ интересахъ послѣдняго, кн. Воронцовъ заботился съ присущей ему энергіей, и направлялъ свои усилія на возобновленіе тѣхъ торговыхъ льготъ, которыми пользовался край съ 1821 по 1831 г.г.

Статсъ-секретарь Вронченко, 28 февраля 1846 г., сообщалъ кн. Воронцову: „По случаю предположеній объ измѣненіи торговой системы въ Закавказскомъ краѣ, находя нужнымъ имѣть сколь можно достовѣрнѣйшее свѣдѣніе о количествѣ привозимыхъ туда изъ Россіи мануфактурныхъ издѣлій, и имѣя въ виду, что главная закупка сихъ издѣлій для края совершается постоянно пребывающими въ Москвѣ армянами у тамошнихъ и частью владимірскихъ фабрикантовъ и кромѣ того на нижегородской ярмаркѣ тѣми же, временно пріѣзжающими на ярмарку, армянами, большею частью у тѣхъ же фабрикантовъ,—я поручилъ предсѣдателю

московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, д. с. с. барону Мейендорфу, отобрать, какъ отъ фабрикантовъ, такъ и отъ армянскихъ торговцевъ въ Москвѣ, свѣдѣнія, на какую сумму и какихъ издѣлій отправляется ими ежегодно въ Закавказскій край, причемъ убѣдить ихъ къ сообщенію полныхъ показаній, съ предъявленіемъ Мейендорфу соотвѣтствующихъ статей въ подлинныхъ конторскихъ книгахъ, или подлинныхъ счетовъ". По собраннымъ такимъ путемъ свѣдѣніямъ, привозъ изъ Россіи въ Закавказье опредѣленъ въ 5.534.600 руб. сер. Можно было предполагать, что отправка товаровъ въ край была больше, такъ какъ спрашивались только крупныя фирмы и книжныя записи провѣрялись у послѣднихъ. Спросъ болѣе мелкихъ купцовъ едва ли былъ удобовыполнимъ, что подтверждается тѣмъ, что баронъ Мейендорфъ вытребовалъ изъ московской казенной палаты выписку изъ книгъ московскаго маклера Лаушкина, изъ которой было видно, что въ 1844 г. отправлено въ Тифлисъ и другіе города Закавказья (не считая Нахичевани, куда большая часть товаровъ также отправляется для Закавказья) болѣе 3.600 мѣстъ съ разными русскими издѣліями". Эти свѣдѣнія не понравились кн. Воронцову и его сторонникамъ, и потому онъ въ своей запискѣ говоритъ: „Я счелъ необходимымъ собрать о семъ предметѣ, какъ частно, такъ и оффиціально, сколь возможно вѣрныя свѣдѣнія, — посредствомъ спроса всѣхъ торгующихъ въ Тифлисѣ купцовъ; о торговлѣ же прочихъ городовъ я потребовалъ такія же свѣдѣнія черезъ уѣздныхъ начальниковъ. Дознаніе сіе привело къ слѣдующимъ результатамъ: по показаніямъ тифлисскихъ торговцевъ, отобраннымъ отъ каждаго изъ нихъ порознь и которыя, по объясненію управляющаго тифлисскою таможнею, кому сіе дѣло было поручено, представляются преувеличенными, вслѣдствіе свойственнаго купцамъ желанія дать сколь можно высокое понятіе о размѣрѣ производимыхъ ими оборотовъ,—тифлисскіе торговцы, по сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, получаютъ въ годъ русскихъ товаровъ на 2.011.000 руб. Во всѣхъ прочихъ городахъ, по свѣдѣніямъ уѣздныхъ начальниковъ, привозъ русскихъ товаровъ составляетъ никакъ не болѣе 500.000 руб." Несмотря, однако, на убѣдительность этой статистики, вопросъ о возобновленіи свободной торговли въ Закавказьѣ не прошелъ, хотя въ законодательныхъ мѣрахъ для подобной торговли не настояло существенной необходимости, такъ какъ въ краѣ свободно процвѣтала торговля контрабандными товарами. Ввозъ контрабанды почти не встрѣчалъ препятствій по той простой причинѣ, что службу пограничной стражи (П. С. з., ст. 21.827) отправляло

мѣстное населеніе подъ названіемъ конныхъ нукеровъ или чапаровъ, совершенно не отвѣчавшихъ своему назначенію.

Несмотря на контрабанду и облегченныя таможенныя правила, которыя заключались въ томъ, что иностранные товары оплачивались пошлиной въ тифлисской складочной таможнѣ, цѣны на мануфактурныя произведенія въ Закавказьѣ были необыкновенно высоки, причемъ добротность этихъ товаровъ была ниже посредственной, такъ какъ мѣстные купцы-армяне, не встрѣчая конкуррентовъ на мѣстныхъ рынкахъ, поставили за правило — все нужное покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже. Въ краѣ въ то время еще не было правильной торговли. Тифлисскіе купцы-армяне, какъ люди уже болѣе развитые и болѣе зажиточные, монополизировали торговлю въ краѣ: Тифлисъ сталъ поставщикомъ товаровъ для всего края, такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточивался главный контингентъ покупателей, состоявшій изъ русскихъ чиновниковъ, офицеровъ и кавказскихъ войскъ. Мѣстное населеніе попрежнему спало мирнымъ сномъ, сдѣлавъ уступку новому времени лишь въ томъ отношеніи, что начало довольствоваться для прикрытія своего грѣшнаго тѣла дешевой бязью, дешевыми ситцами и отслужившими срокъ солдатскими шинелями, пристрастіе къ которымъ среди грузинскихъ крестьянъ осталось до настоящихъ дней. Въ силу сказаннаго, мѣстные купцы совершенно уподоблялись маркитантамъ,—они довольствовали кавказскую армію и армію кавказскихъ чиновниковъ, причемъ какъ та, такъ и другая ничего не могли добыть иначе, какъ изъ рукъ мѣстныхъ армянскихъ купцовъ. Дѣйствуя вполнѣ солидарно и зная, что торговые обороты края весьма ограничены,—такъ какъ нельзя продать больше того, что̀ нужно русскому пришлому народу и грузинскимъ князьямъ, эти купцы всѣ свои разсчеты строили на возможности продать товаръ по невѣроятно высокой цѣнѣ, а потому они являлись большимъ экономическимъ зломъ въ краѣ. Нужно было, во что̀ бы то ни стало, создать конкурренцію на мѣстныхъ рынкахъ. Но въ созданіи послѣдней починъ былъ сдѣланъ помимо кн. Воронцова.

Не успѣвъ возобновить торговыхъ льготъ, практиковавшихся въ Закавказьѣ съ 1821 по 1832 г., кн. Воронцовъ тѣсно связалъ свое имя съ установленіемъ закавказскаго транзита. Кн. Воронцовъ неутомимо доказывалъ, что эта торговля будетъ благодѣтельна для Закавказья, такъ какъ она дастъ значительные заработки, какъ мѣстному купечеству, такъ равно и населенію, которое приметъ участіе въ перевозкѣ транзитныхъ товаровъ отъ

Чернаго до Каспійскаго моря. Старанія кн. Воронцова увѣнчались успѣхомъ: 14 декабря 1846 г. (П. С. з., ст. 20.699) послѣдовало высочайшее повелѣніе „Объ облегченіи Закавказскаго края въ торговлѣ". Въ этомъ повелѣніи было, между прочимъ, сказано: „открыть безпошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ изъ Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале въ Персію черезъ Тифлисъ и Нахичевань и персидскихъ товаровъ въ Редутъ-Кале, на основаніи правилъ у сего приложенныхъ". Правила эти были несложны: купецъ въ пограничной таможнѣ заявлялъ о желаніи своемъ отправить товаръ транзитомъ въ Персію или обратно; на мѣста этихъ товаровъ налагались таможенныя пломбы, и товаръ отправлялся подъ надзоромъ таможеннаго объѣздчика къ мѣсту назначенія.

Всѣ симпатіи кн. Воронцова въ области торговли были на сторонѣ Одессы, какъ складочнаго пункта европейскихъ товаровъ, а потому со стороны кн. Воронцова были приняты разныя мѣры къ облегченію сношеній закавказскихъ купцовъ съ Одессой. Одна изъ подобныхъ мѣръ заслуживаетъ особаго вниманія: кн. Воронцовъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о предоставленіи купцамъ Закавказскаго края вносить деньги въ интендантство кавказскаго корпуса, по квитанціямъ котораго эти купцы, отправляясь за товарами въ Одессу, получали свои деньги изъ одесскаго коммерческаго банка. Какъ контролировались въ этихъ случаяхъ дѣйствія кавказскаго интендантства и коммерческаго банка—неизвѣстно, но безъ надлежащаго контроля эта операція могла обойтись казнѣ очень дорого.

Въ интересахъ же торговли въ Тифлисѣ былъ учрежденъ спеціальный коммерческій судъ, на что̀ расходовалось изъ казны ежегодно 10.710 руб.

Вопросъ объ изъятіи изъ обращенія старой негодной грузинской и татарской монеты, обращеніе которой въ народѣ было неудобно, былъ рѣшенъ по настоянію кн. Воронцова въ томъ смыслѣ, чтобы правительство купило этотъ бракъ по его номинальной стоимости, не нанося населенію чувствительныхъ убытковъ. Какъ велики были въ этомъ случаѣ убытки казны, объ этомъ въ нашихъ лѣтописяхъ не имѣется указаній.

Чтобы развить въ населеніи края болѣе или менѣе утонченные вкусы, въ Тифлисѣ былъ построенъ театръ, въ которомъ вначалѣ играла русская и грузинская драматическія труппы, а затѣмъ была выписана итальянская оперная труппа. Это развитіе въ мѣстномъ населеніи вкуса къ прекрасному обошлось казнѣ очень дорого. По высочайшему повелѣнію на содержаніе тиф-

лисскаго театра назначена была субсидія по 12.000 руб. ежегодно. Но помимо этой субсидіи, кн. Воронцовъ съ 1845 по 1854 г.г. на содержаніе театра израсходовалъ изъ казенныхъ средствъ еще 124.463 руб. 63 коп.

Производя подобные крупные расходы на нужды края, кн. Воронцовъ, къ сожалѣнію, не принималъ никакихъ мѣръ къ усиленію его доходности, чтò видно изъ кассовыхъ вѣдомостей закавказской казенной палаты. Такъ, въ 1853 году поступило дѣйствительныхъ доходовъ — 2.214.847 руб. 12 коп.; въ томъ же 1853 г. израсходовано на гражданское управленіе края 3.153.256 руб. 99 коп.; вслѣдствіе чего получился дефицитъ въ 938.409 руб. 87 коп. Въ 1854 г. поступило дѣйствительныхъ доходовъ — 2.380.336 руб. 98 коп., а израсходовано въ томъ же 1854 г. на гражданское управленіе краемъ 3.263.085 руб. 56 1/2 коп., вслѣдствіе чего получился дефицитъ въ 883.748 руб. 58 1/2 коп. Всѣ эти дефициты покрывались на счетъ монетнаго двора и государственнаго казначейства.

Но, помимо перечисленныхъ выше доходовъ и расходовъ, въ краѣ ежегодно расходовались значительныя суммы военнымъ вѣдомствомъ. Эти расходы подраздѣлялись на двѣ группы — расходы мирнаго времени и расходы, вызываемые войной. Расходы первой группы въ 1853 г. выразились въ суммѣ 6.966.157 р.

Что же касается расходовъ чисто военныхъ, то въ мѣстныхъ архивахъ о размѣрѣ этихъ расходовъ свѣдѣній не имѣется, по той причинѣ, что кн. Воронцовъ вовсе не настаивалъ на составленіи отчетовъ. Изъ отношенія государственнаго контролера къ кн. Воронцову, отъ 13 февраля 1854 г., читаемъ: „Интендантство отдѣльнаго кавказскаго корпуса не доставило государственному контролю отчетовъ по мирнымъ расходамъ за 1847, 1848, 1850 и 1851 г.г. и по военнымъ расходамъ съ 1843 по 1851 г.г. и сверхъ того отчетовъ дополнительныхъ съ 1837 г.“.

А потому остается только предполагать, что эти расходы были немалые. Довольствіе войскъ провіантомъ обходилось казнѣ дорого, чтò видно изъ сохранившихся вѣдомостей кавказскаго интенданта.

Такимъ образомъ, результатомъ девятилѣтняго управленія краемъ кн. М. С. Воронцова получилось: израсходованы непроизводительно въ краѣ многіе милліоны рублей, добытые пòтомъ и кровью русскими плательщиками государственныхъ податей; казенная собственность въ видѣ недвижимой земельной собственности совершенно расхищена,—осталось только то, чтò казалось

ничего нестоющимъ; грузинское дворянство, усвоившее внѣшній лоскъ цивилизаціи, совершенно разстроило свое матеріальное положеніе, ставъ легкой добычей разнаго рода эксплоататоровъ; то же дворянство, получавшее не по заслугамъ отвѣтственныя должности на государственной службѣ, усвоило себѣ мысль, что оно должно пользоваться исключительнымъ положеніемъ среди остального русскаго дворянства, и что правительство обязано всѣми своими средствами поддерживать грузинское дворянство; наплывъ въ край чужихъ денегъ, незначительность податного обложенія, свобода по отбыванію воинской повинности—совершенно деморализовали мѣстныя производительныя силы края.

Н. Г. Макіевскій-Зубокъ.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906 (Casa edit. Castoldi).

III *).

Бурныя ночи.

Спускаясь къ рѣшеткѣ домика Сельвы, донъ Клементій спрашивалъ себя съ тайной тревогой: узналъ онъ ее или нѣтъ? А если узналъ, то какъ это на него подѣйствовало? Внизу, у входа, онъ обернулся къ тому, кого звалъ Бенедетто, и взглянулъ ему въ лицо—изможденное, блѣдное, одухотворенное мыслью. На немъ не было слѣдовъ волненія. Глаза его отвѣтили на взглядъ дона Клементія удивленно, точно спрашивая: почему вы меня разглядываете? Монахъ подумалъ: „Можетъ быть, онъ не узналъ ее, или же думаетъ, что я не знаю, кто она". Онъ взялъ Бенедетто подъ руку и, крѣпко держа его, безмолвно повернулъ вмѣстѣ съ нимъ къ рѣкѣ. Пройдя нѣсколько минутъ подъ деревьями, онъ сказалъ:

— Чтȯ же ты не спрашиваешь, чтȯ было на собраніи?— Въ тонѣ его вопроса звучала большая нѣжность.

— Разскажите пожалуйста,—попросилъ Бенедетто усталымъ и равнодушнымъ тономъ.—„Онъ ее узналъ",—рѣшилъ про себя донъ Клементій, и сталъ говорить о собраніи, какъ человѣкъ, занятый другимъ, безъ всякаго воодушевленія, не останавливаясь на подробностяхъ; спутникъ же его ни разу не прервалъ его вопросами или замѣчаніями.

---

*) См. выше: январь, стр. 236.

— Мы разошлись, — сказалъ донъ Клементій, — ничего не порѣшивъ, потому что къ Сельвѣ пріѣхали гости. Поэтому я не успѣлъ также устроить работу для тебя у синьора Джіованни. Но завтра, кажется, мы опять соберемся—или всѣ, или только часть. А ты,—прибавилъ онъ нерѣшительно,—хочешь еще разъ придти или нѣтъ?

Бенедетто отвѣтилъ тѣмъ же беззвучнымъ голосомъ, продолжая идти:

— Пріѣзжія дамы, которыхъ я видѣлъ, еще останутся?

Донъ Клементій крѣпко сжалъ ему руку.

— Не знаю,—сказалъ онъ и прибавилъ:—Еслибы я зналъ...

Бенедетто открылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но удержался.

Они въ молчаніи продолжали идти по гористой мѣстности, которая производила жуткое впечатлѣніе въ темнотѣ, въ особенности изъ-за глухого рева рѣки. Черезъ нѣсколько времени Бенедетто остановился.

— Падре,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно поговорить съ вами. Можетъ быть, наша бесѣда будетъ долгая.

— Хорошо, милый, но теперь поздно, войдемъ въ монастырь.

Бенедетто жилъ въ домѣ для странниковъ, который соединялся длиннымъ дворомъ съ одной стороны съ улицей, съ другой—съ корридоромъ монастыря.

— Я не хотѣлъ бы вернуться въ монастырь въ эту ночь, падре,—сказалъ онъ.

— Ты не хочешь вернуться сегодня на ночь?

Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ свободномъ служеніи монастырскому уставу, Бенедетто нѣсколько разъ, съ разрѣшенія своего учителя, проводилъ ночь въ горахъ, въ молитвѣ. Донъ Клементій понялъ, что для его ученика наступилъ моментъ тяжкой душевной борьбы, и что ему хотѣлось вырваться вонъ изъ стѣнъ монастыря, гдѣ воображеніе его осаждали мрачныя мысли.

— Выслушайте меня, падре!—сказалъ Бенедетто.

Онъ произнесъ эти слова очень рѣшительно, и донъ Клементій понялъ всю важность того, что̀ Бенедетто хотѣлъ высказать, и уже не настаивалъ на неудобствѣ поздняго часа. Они пошли дальше по дорогѣ, подождали, пока проѣхали мимо приближавшіеся издали всадники, и тогда Бенедетто молча обнялъ своего учителя. Донъ Клементій, изумленный, чувствуя, какъ онъ весь дрожитъ, и увѣренный, что его такъ взволновала встрѣча съ Жанной, сталъ его ободрять:

— Мужайся, милый, мужайся! Это—испытаніе, которое тебѣ посылаетъ Господь.

— Нѣтъ, это не то, что̀ вы думаете,—тихо сказалъ Бенедетто, попросилъ учителя сѣсть на камень, а самъ сѣлъ на траву и скрестилъ руки на груди.—Съ сегодняшняго утра,—сказалъ онъ,—я чувствую новую волю Господню относительно себя, но не могу ясно понять ее. Вы знаете, что три года тому назадъ, въ маленькой церкви, гдѣ я молился за мою умирающую жену, у меня было видѣніе; но еще до него, когда я стоялъ закрывъ глаза, я ясно прочелъ внутреннимъ взоромъ слова Марты: „Учитель здѣсь и зоветъ тебя". Сегодня утромъ, когда вы служили въ церкви, я увидѣлъ передъ собой тѣ же слова, и внутренній голосъ настойчиво повторялъ: „Неужели ты не понимаешь, неужели не понимаешь?" Я весь день былъ взволнованъ, потомъ сталъ читать св. Августина, и когда углубился въ него, то мнѣ послышался громкій голосъ съ улицы: „Учитель здѣсь и зоветъ тебя". Мнѣ это, вѣроятно, только послышалось послѣ долгаго чтенія Августина, но все же я весь задрожалъ и у меня явилась тревожная мысль: что̀, если Господь повелѣваетъ мнѣ стать монахомъ? Это вѣдь совпадало съ моимъ видѣніемъ, которому вы и донъ Джузеппе Флоресъ совѣтовали не вѣрить, говоря, что у меня нѣтъ призванія къ монашеству. И дѣйствительно, у меня странное нежеланіе вступить въ какой-либо изъ монашескихъ орденовъ. Но, можетъ быть, это нежеланіе послано мнѣ какъ испытаніе. Я хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ, когда мы отправлялись къ синьору Сельва, но вы такъ торопились, что я не успѣлъ. Тамъ, сидя въ саду, я почувствовалъ глубокую усталость, и заснулъ на нѣсколько минутъ. Во снѣ я увидѣлъ дона Джузеппе Флореса, который сказалъ мнѣ, что Господь меня зоветъ.—Куда, куда Онъ меня зоветъ?—спросилъ я съ такой мукой въ душѣ, что проснулся. Въ эту минуту раздались голоса пріѣзжихъ дамъ. Я узналъ ея голосъ, и окончательно убѣдился въ томъ, что это она, когда она приблизилась. На минуту я растерялся, но потомъ у меня просвѣтлѣло въ душѣ; я почувствовалъ близость Господню, и не страшился болѣе ни за себя, ни за нее. Я сейчасъ же рѣшилъ, что если мы встрѣтимся наединѣ, я буду говорить съ ней какъ съ сестрой, попрошу у нея прощенія. Я вѣрю, что скажу ей истину, что внушу ей надежду на душевный покой для нея, и разсѣю ея страхъ за меня.

Донъ Клементій перебилъ его въ ужасѣ:

— Нѣтъ, не надо ничего ей говорить, сынъ мой,—сказалъ онъ, внутренно рѣшивъ предотвратить ихъ встрѣчу, предупредивъ Сельву.

— Я понимаю,—продолжалъ Бенедетто грустнымъ тономъ,—

всѣ ваши возраженія, но если я ее встрѣчу, развѣ я не долженъ обратить ее къ добру, какъ прежде я обращалъ ее ко злу? Вѣдь вы сами меня учили, что, любя Бога превыше всего, нельзя заботиться болѣе всего о спасеніи собственной души. Когда любишь, не думаешь о себѣ,—вы сами говорили это.

— Хорошо, хорошо, милый!—отвѣтилъ падре, гладя его по головѣ.—А все-таки завтра ты пойдешь въ Дженнэ, и тамъ останешься, пока я не позову тебя обратно. Я дамъ тебѣ письмо къ настоятелю церкви. Онъ хорошій человѣкъ, и ты будешь жить у него. Понялъ? А теперь, пойдемъ въ монастырь, потому что уже поздно.

Онъ всталъ, и вслѣдъ за нимъ поднялся Бенедетто. Пробили часы надъ ихъ головами, и донъ Клементій, не начавъ сразу считать удары, не зналъ, пробило ли десять, или одиннадцать. Онъ потерялъ сознаніе времени среди стольких неожиданныхъ волненій. Они медленно шли по крутой каменистой дорогѣ для муловъ,—донъ Клементій впереди, Бенедетто за нимъ,—оба молчали и у каждаго изъ нихъ бушевала буря въ груди; глухой ревъ рѣки былъ къ ней надлежащимъ аккомпанементомъ. Бенедетто думалъ о томъ, какими таинственными путями онъ совершилъ свой путь отъ первой встрѣчи съ Жанной, тоже въ монастырѣ, въ Праліи, гдѣ Жанна его соблазняла и покорила,—къ этому монастырю, гдѣ душа его крѣпка, несмотря на близость Жанны. А въ сердцѣ дона Клементія житейское благоразуміе боролось съ влеченіемъ къ святости, которую онъ проповѣдывалъ своему любимому ученику въ спокойное время. Доводы благоразумія дѣйствовали на него своей очевидностью; внушенія святости влекли издалека своей строгой и грустной красотой. Онъ смотрѣлъ на двѣ звѣзды, сіявшія вверху, какъ ему казалось, кроткимъ и печальнымъ свѣтомъ. „О, нечистая земля,—думалъ онъ,—грустная земля! И нечисто, быть можетъ, и благоразуміе, жалкое земное благоразуміе!“

Они прошли мимо главнаго входа въ ограду монастыря, прошли по темной галереѣ, которая тянулась подъ библіотекой, и дошли до запертой двери, у которой донъ Клементій позвонилъ. Имъ пришлось ждать, потому что послѣ десяти часовъ всѣ ключи монастыря передаются настоятелю.

— Такъ вы мнѣ позволите,—спросилъ Бенедетто,—провести ночь внѣ дома?

Бенедетто показался теперь дону Клементію слишкомъ слабымъ и больнымъ, и онъ боялся за его здоровье, пострадавшее отъ полевыхъ работъ и отъ лишеній, которыя онъ налагалъ на

себя. Онъ ему это сказалъ, но Бенедетто сталъ умолять учителя не думать о его плоти, такъ какъ для него единственно важное —понять, какъ онъ долженъ поступить. Онъ говорилъ, что ночью въ горахъ онъ ближе всего чувствуетъ близость къ Богу. Убѣжденный его доводами, учитель поцѣловалъ его въ лобъ и благословилъ, обѣщая молиться за него.

Въ корридорѣ послышались шаги; въ замкѣ повернулся ключъ. Бенедетто исчезъ какъ тѣнь.

Старикъ фра Антоніо, привратникъ монастыря, почтительно сказалъ дону Клементію, открывая ему дверь, что его ждетъ у себя отецъ-настоятель. Донъ Клементій поднялся, съ фонарикомъ въ рукахъ, въ корридоръ, гдѣ находилось помѣщеніе настоятеля и нѣсколько дальше—келья самого дона Клементія.

Настоятель, падре Омобоно Равазіо изъ Бергамы, ждалъ его въ своей скромной пріемной, единственнымъ украшеніемъ которой была хорошая картина Моронэ. Настоятель очень любилъ живопись и музыку. Онъ былъ умный, очень культурный человѣкъ съ живымъ смышленымъ лицомъ и нѣсколько грубоватыми манерами, удивлявшими монаховъ, которые привыкли къ аристократизму его предшественника, знатнаго римлянина. Падре Омобоно пріѣхалъ изъ Пармы, и только за три дня до того вступилъ въ управленіе монастыря.

Донъ Клементій опустился на колѣни и поцѣловалъ руку настоятеля.

— Чтò это вы замѣшкались въ Субіакѣ?—спросилъ настоятель. — Вмѣсто десяти часовъ вы вернулись въ одиннадцать и отняли у себя часъ сна, а теперь я долженъ отнять у васъ еще часокъ, чтобы задать вамъ два вопроса. Вы пошли къ нѣкоему синьору Сельва. Скажите же мнѣ, ваша совѣсть спокойна?

Получивъ отъ дона Клементія утвердительный отвѣтъ, настоятель медленно понюхалъ табаку и снова заговорилъ:

— Я очень радъ, но меня это удивляетъ. Я вашего Сельву не знаю, но въ Римѣ онъ извѣстенъ. Онъ, кажется, пишетъ о религіи въ духѣ Росмини, и сегодня я получилъ письмо изъ Рима съ сообщеніемъ, что именно сегодня должно было состояться собраніе въ домѣ еретика Сельвы. Меня предупреждаютъ, что и вы, вѣроятно, собираетесь быть тамъ, и просятъ не пускать васъ туда. Но васъ уже не было, когда получилось письмо, а такъ какъ ваша совѣсть спокойна, то, очевидно, мнѣ написали неправду.

Донъ Клементій отвѣтилъ, что Сельва не еретикъ, и что на собраніи говорили о недугахъ церкви и о томъ, какъ ихъ из-

лечить,—и говорили такъ, что настоятель, навѣрное, согласился бы съ ораторами.

Настоятель отвѣтилъ, что не дѣло монаха искать средствъ для исцѣленія церкви; его дѣло — только молиться. — Поэтому, сынъ мой, не ходи больше въ этотъ домъ!.. Ради спокойствія нашей обители, не проси у меня больше разрѣшенія ходить туда.

Онъ перешелъ на „ты“ и ласково коснулся рукой плеча монаха, огорченнаго тѣмъ, что онъ не увидитъ больше полюбившихся ему друзей и, главное, не сможетъ поговорить съ синьоромъ Джіованни и отвратить опасность, грозящую Бенедетто. Онъ пробовалъ еще разъ увѣрить настоятеля въ искреннемъ благочестіи Сельвы, но тотъ твердо стоялъ на своемъ, повторяя, что монахи его монастыря ни въ какихъ обсужденіяхъ недуговъ церкви участвовать не должны, и что онъ запрещаетъ дону Клементію ходить къ Сельвѣ.

— А теперь о другомъ,—сказалъ онъ.—Я узналъ, что въ домѣ для странниковъ, гдѣ никто посторонній не имѣетъ права поселиться навсегда, уже три года живетъ молодой человѣкъ, помѣщенный тамъ вами, — конечно, съ разрѣшенія моего предшественника. Вы—его духовный наставникъ и, кажется, очень привязаны къ нему. Правда, что онъ работаетъ въ саду и обнаруживаетъ большое благочестіе, служащее примѣромъ и для другихъ; но такъ какъ онъ, повидимому, не имѣетъ намѣренія постричься въ монахи, то его пребываніе здѣсь нарушаетъ нашъ уставъ. Чтò вы мнѣ можете на это сказать?

Донъ Клементій зналъ, что въ монастырѣ многіе косятся на его дружбу съ Бенедетто. У него уже были непріятности по этому поводу, и теперь его возмутило, что настоятеля успѣли съ первыхъ же дней возстановить противъ его ученика. Онъ покраснѣлъ отъ возмущенія и не сразу отвѣтилъ, стараясь раньше подавить закипѣвшее въ немъ гнѣвное чувство; потомъ онъ сказалъ, что считаетъ своимъ долгомъ разсказать настоятелю всю исторію Бенедетто.

— Этотъ молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, — нѣкій Пьеро Майрони изъ Бресчіи; вы, вѣроятно, слыхали о его семьѣ. Отецъ его, донъ Франко Майрони, женился на простой, бѣдной дѣвушкѣ. Родителей у него уже не было, и онъ жилъ у бабушки, маркизы Майрони, очень властной и гордой женщины.

— Какъ же!—воскликнулъ аббатъ:—я ее зналъ. Ужасное созданіе! Я отлично помню ее. У нея было двѣнадцать кошекъ, и она носила большой черный парикъ.

— Я только слышалъ про нее, но не видалъ, — сказалъ

донъ Клементій съ улыбкой, и сталъ разсказывать дальше.— Такъ, вотъ, эта бабушка и слышать не хотѣла о такомъ неравномъ бракѣ. Молодая чета нашла пріютъ у дяди жены, которая тоже была сирота. Донъ Франко пошелъ въ солдаты въ 1859 г. и умеръ отъ раны. Жена его умерла вскорѣ послѣ него. Сына ихъ приняла къ себѣ бабушка Майрони, а послѣ ея смерти—его венеціанскіе родные. Бабушка оставила ему огромное состояніе. Онъ женился на дочери своихъ родственниковъ, но она, къ несчастью, сошла съ ума, кажется, вскорѣ послѣ свадьбы. Онъ очень страдалъ изъ-за этого и велъ уединенную жизнь, пока не встрѣтилъ, къ своему несчастью, женщину, разведенную съ мужемъ. Тогда онъ пережилъ время глубокаго паденія и въ своемъ образѣ жизни, и въ отношеніи къ религіи. Потомъ вновь все измѣнилось какимъ-то чудомъ. Его жена передъ смертью пришла въ себя, призвала мужа, говорила съ нимъ и умерла какъ святая. Эта смерть обратила его сердце къ Богу; онъ покинулъ ту женщину, отказался отъ богатства и ночью ушелъ изъ дому, никому не говоря—куда. Такъ какъ онъ видѣлъ меня въ Бресчіи и чувствовалъ симпатію къ нашему ордену, то явился сюда, разсказалъ мнѣ свою жизнь и умолялъ меня помочь ему вернуться къ праведной жизни. Я думалъ, что онъ хочетъ вступить въ нашъ орденъ, но онъ сказалъ, что считаетъ себя недостойнымъ, и не знаетъ, какова воля Господня относительно его. Пока же онъ хочетъ жить въ покаяніи, работать, зарабатывать хлѣбъ—нищенскій хлѣбъ—собственными руками. Онъ еще говорилъ мнѣ о какихъ-то своихъ видѣніяхъ. Я все это передалъ тогдашнему настоятелю, и рѣшено было, чтобъ онъ жилъ въ домѣ для странниковъ, работалъ въ качествѣ младшаго садовника и за это получалъ жалкую пищу, которою онъ ограничивался. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ не пилъ ни вина, ни молока, не съѣлъ ни одного яйца, а питался только хлѣбомъ, маисомъ, плодами и овощами. Онъ живетъ какъ святой,—это подтвердитъ каждый въ монастырѣ,—но считаетъ себя великимъ грѣшникомъ.

— Гм... такъ вотъ оно что̀!—задумчиво сказалъ настоятель. —Но почему онъ не вступаетъ въ орденъ?.. Да, еще объ одномъ я васъ хотѣлъ спросить: вы знаете, что онъ нѣсколько ночей провелъ внѣ монастырскихъ стѣнъ?

— Да, онъ молился въ горахъ,—отвѣтилъ донъ Клементій, и самъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Можетъ быть, — сказалъ настоятель, — но не всѣ этому вѣрятъ. Лучше, чтобы онъ молился у себя въ кельѣ... Скажите, какъ его зовутъ?

— Пьеро; но онъ, придя сюда, захотѣлъ измѣнить имя, и я его назвалъ Бенедетто, считая, что это имя для него подходящее.

Настоятель выразилъ желаніе повидать синьора Бенедетто, и приказалъ дону Клементію прислать его на слѣдующее утро, послѣ ранней заутрени. Донъ Клементій нѣсколько смутился, и долженъ былъ сознаться, что не можетъ ручаться за приходъ Бенедетто въ назначенное время, такъ какъ и въ эту ночь онъ ушелъ изъ монастыря, и нельзя съ точностью опредѣлить, въ которомъ часу онъ вернется. Настоятель выразилъ большое неудовольствіе. Донъ Клементій въ виду этого рѣшился разсказать о встрѣчѣ съ синьорой Десаль, прежней возлюбленной Бенедетто, о разговорѣ на возвратномъ пути и о томъ, что онъ намѣренъ послать Бенедетто въ Дженнэ, чтобы онъ тамъ остался до отъѣзда синьоры Десаль. Настоятель выслушалъ его, нахмуривъ брови, и сказалъ очень сердитымъ голосомъ:

— Пусть онъ возвращается въ сѣти грѣха. Пусть уходитъ отъ насъ. Пусть ѣдетъ въ Дженнэ и еще куда-нибудь подальше. И всего этого вы мнѣ не разсказали сразу?! Вамъ казалось неважнымъ, что въ монастырѣ разыгрываются такія интриги? Уходите, уходите...

Донъ Клементій хотѣлъ отвѣтить, что никакихъ интригъ тутъ нѣтъ, что онъ даже не былъ увѣренъ, узнала ли синьора Десаль его ученика, и все-таки рѣшилъ его удалить, на всякій случай. Но свое желаніе оправдаться онъ подавилъ въ себѣ, какъ недостойный взрывъ самолюбія, и ушелъ, смиренно попрощавшись съ настоятелемъ.

Взявъ фонарикъ, оставленный въ коррпдорѣ, донъ Клементій не пошелъ, однако, сразу къ себѣ въ келью, а медленно направился по длинному коррпдору въ самую глубь, къ витой лѣстницѣ, по которой спустился тоже очень медленнымъ шагомъ; очутившись въ очень узкомъ корридорѣ внизу, онъ направился въ часовню. Онъ сосредоточенно думалъ о своемъ любимомъ ученикѣ, о недоброжелательствѣ къ нему всей братьи и о томъ, что ему придется теперь принять окончательное рѣшеніе: или произнести монашескій обѣтъ, или оставить монастырь. Донъ Клементій возлагалъ большія надежды на Бенедетто; его мистическій пылъ и его смиренный духъ казались дону Клементію знаками высшаго призванія. Правъ былъ швейцарскій аббатъ, говорившій у Сельвы, что нуженъ новый святой, и, быть можетъ, желательно именно, чтобы этотъ святой былъ міряниномъ. Дону Клементію казалось, что Бенедетто и есть тотъ святой,

котораго ждутъ,—и поэтому онъ видѣлъ какъ бы знакъ свыше въ отвращеніи Бенедетто отъ монашества. Такимъ же предначертаніемъ божественной воли онъ считалъ пріѣздъ Жанны Десаль; вѣдь ея присутствіе заставитъ его какъ можно скорѣе покинуть монастырь. Но что съ нимъ теперь на горѣ? Какое рѣшеніе укрѣпилось въ его сердцѣ? Донъ Клементій вошелъ въ часовню, опустился на колѣни и поднялъ глаза на большой образъ Христа, который въ эту торжественную минуту показался ему живымъ, явственно призывающимъ къ себѣ всѣхъ страждущихъ и колеблющихся. Погрузившись въ размышленія, онъ сталъ думать о томъ, въ чемъ никогда не признавался даже самому себѣ. Онъ ясно чувствовалъ въ эту минуту, что все въ ихъ старинномъ монастырѣ мертво, кромѣ живого Христа, что монастырь пересталъ быть очагомъ духовнаго свѣта, отъ котораго расходятся лучи христіанской вѣры по всему міру. Онъ застылъ въ традиціонныхъ формахъ благочестія, и въ стѣны его не проникаетъ свѣжая струя жизни; монахи не имѣютъ общенія, какъ въ ранніе вѣка, съ природой, не поддерживаютъ ея творческихъ силъ своимъ плодотворнымъ трудомъ. Джіованни Сельва заразилъ дона Клементія въ частыхъ бесѣдахъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ современнымъ формамъ монастырской жизни, и теперь, думая о Бенедетто, онъ все болѣе проникался чувствомъ протеста противъ монастыря. Въ душѣ его жила надежда, что Бенедетто сдѣлается великимъ поборникомъ евангельской истины,—не обыкновеннымъ проповѣдникомъ, а исключительно плодотворнымъ работникомъ во славу Христа, не воиномъ регулярнаго дисциплинированнаго церковнаго войска, а свободнымъ рыцаремъ святого Духа. Донъ Клементій никогда съ такой ясностью не чувствовалъ той глубокой пропасти, которая отдѣляетъ монастырь съ его застывшимъ уставомъ отъ идеала святости, соотвѣтствующей духу современности. И ему стало страшно при мысли, что Бенедетто приметъ рѣшеніе, противоположное горячему желанію его учителя, что онъ выберетъ монастырь.

Но донъ Клементій испугался. Не совершаетъ ли онъ почти смертный грѣхъ своимъ судомъ надъ путями Господними, своимъ желаніемъ воздѣйствовать на рѣшенія Бенедетто? Стоя на колѣняхъ, охваченный порывомъ глубокаго раскаянія, онъ шепталъ о преклоненіи своемъ передъ волей Господней, какова бы она ни была. Потомъ онъ поднялся и вышелъ изъ часовни; но вмѣсто того, чтобы направиться къ себѣ въ келью, онъ прошелъ во второй монастырскій дворъ и сталъ глядѣть въ сторону горъ, гдѣ проводилъ эту ночь въ молитвѣ Бенедетто. Нѣсколько звѣздъ

блистали надъ утесистой черной стѣной горъ, и при ихъ слабомъ свѣтѣ вырисовывались на монастырскомъ дворѣ площадка, нѣсколько небольшихъ деревъ, огромная старая башня аббата Умберто, своды галереи, старыя вѣковыя стѣны и въ стрѣльчатомъ сводѣ надъ большимъ порталомъ—двойной рядъ каменныхъ фигуръ, изображавшихъ шествіе монаховъ. Монастырскій дворъ и въ особенности башня имѣли очень внушительный видъ среди ночи. При свѣтѣ звѣздъ монастырь казался болѣе живымъ, нежели днемъ, при солнцѣ; онъ высился въ какомъ-то мистическомъ общеніи съ звѣздами. Въ немъ какъ бы слился воедино духъ разныхъ эпохъ,—такъ, какъ образуется органическое архитектурное цѣлое изъ множества обтесанныхъ камней и каменныхъ изваяній, какъ разныя мысли и чувства слиты въ единой человѣческой личности. Старые камни, насыщенные любовью душъ, жившихъ среди нихъ, ихъ святыми желаніями и святой скорбью, ихъ жалобами и мольбами, сохраняли отпечатокъ минувшаго, сіяли свѣтомъ, проникавшимъ въ глубину души. Эти служители Бога, ушедшіе отъ міра, чтобы удалиться отъ зла, могли быть источникомъ обновленной силы. Но для того, чтобы камни оставались живыми, нужно было, чтобы потокъ жизни проходилъ черезъ нихъ, чтобы тамъ не переводились пламенныя, проникнутыя жаждой самоуглубленія души. Но эти мысли о паденіи монашескаго идеала легли на душу дона Клементія какъ тяжкій грѣхъ. Онъ почувствовалъ, что онѣ коренятся въ самолюбивыхъ мечтахъ, въ духовномъ стяжательствѣ отъ котораго такъ предостерегаютъ мистики—его учителя. Крѣпко сжавъ руки, онъ устремилъ пристальный взоръ на гору, гдѣ, вѣроятно, въ эту минуту молился Бенедетто, и внутренно отказался отъ своевольныхъ желаній относительно его будущаго. Онъ поручилъ его волѣ Божіей, заранѣе благословляя рѣшеніе свыше, все равно, направитъ ли оно Бенедетто къ монашеской жизни, или же вернетъ въ міръ.

Направившись наконецъ обратно къ себѣ въ келью, донъ Клементій сталъ снова думать о своемъ разговорѣ съ настоятелемъ, о злѣ, тяготѣющемъ надъ церковью, и о средствахъ исцѣленія ея. Онъ вспомнилъ также бесѣды съ синьоромъ Джіованни о словахъ: „да будетъ воля Твоя", понимаемыхъ обыкновенно какъ выраженіе одной только покорности, между тѣмъ какъ въ нихъ преподанъ долгъ напрягать всѣ свои силы для того, чтобы осуществить законы божескіе въ сферѣ свободной человѣческой дѣятельности. Синьоръ Джіованни больше волновалъ его своими словами, чѣмъ настоятель. Такъ кто же изъ нихъ двухъ сказалъ слово истины?

Прежде чѣмъ войти въ свою келью, донъ Клементій подошелъ къ окну и, въ корридорѣ, глядя на далекіе огни Субіака, подумалъ о красной виллѣ и о женщинѣ, которая туда пріѣхала. Любила ли она еще Пьеро Майрони? Знаетъ ли она, что онъ укрылся въ монастырѣ Св. Схоластики? Узнала ли она его и что̀ намѣрена предпринять? Она, навѣрное, не осталась въ маленькой квартиркѣ Сельвы и живетъ въ какомъ-нибудь изъ отелей Субіака. Неужели же эти далекіе огни—свѣтъ изъ непріятельскаго лагеря? Донъ Клементій перекрестился и прошелъ въ свою маленькую келью, для короткаго сна до ранней заутрени.

Бенедетто пошелъ по дорогѣ, которая вела къ монастырю Священнаго Грота. Поднимаясь вверхъ по каменистымъ тропинкамъ, онъ сталъ искать камень, на которомъ въ предшествующій разъ молился всю ночь. Поиски нѣсколько остудили пламенныя мистическія мысли, съ которыми онъ вышелъ изъ монастыря, и боясь, что въ эту ночь не наступитъ для него внутреннее просвѣтленіе, онъ опустился на колѣни и погрузился въ молитву, заглушая всѣ осаждавшія его мысли. Онѣ казались ему искушеніями, ввергающими его душу въ грѣхъ. Уставъ стоять на колѣняхъ, онъ сѣлъ на камни, закрывъ глаза, и отдыхалъ, вдыхая запахъ дикихъ травъ, растущихъ между камнями. Тогда передъ его внутреннимъ взоромъ появился образъ Жанны съ блѣднымъ лицомъ подъ большой черной шляпой съ перьями; она улыбалась ему глазами, полными слезъ.

Сердце его крѣпко забилось, и онъ напрягъ всѣ свои внутреннія силы, чтобы побѣдить влеченіе къ обаятельному образу. Онъ сосредоточился мысленно на представленіи о монастырѣ Святой Схоластики, столь близкомъ его сердцу, сталъ представлять себѣ башню на монастырскомъ дворѣ, церковь, часовню, алтарь, кельи, распятія у изголовья монаховъ и ангельское лицо своего учителя, мирно спящаго въ этотъ часъ,—и побѣдилъ этими представленіями образъ женщины съ блѣднымъ лицомъ, оттѣненнымъ большой шляпой съ черными перьями. Лицо ея стало все рѣже мелькать передъ нимъ и потерялось въ безсознательныхъ глубинахъ его души. Тогда онъ поднялся и, сложивъ молитвенно руки, сталъ повторять слова „Подражанія Христу", поручая себя рѣшеніямъ воли Господней. Ему стало легче,—духъ мятежности оставилъ его душу; но ангелъ мира все же еще не спустился въ нее. Утомленная мысль его останавливалась только на образахъ и представленіяхъ внѣшняго міра, на смутныхъ бѣ-

лыхъ формахъ среди ночной тьмы, на далекомъ рокотѣ воды, на слабомъ ароматѣ травы подлѣ него. Онъ крѣпко сжалъ руки и обратилъ жадный взоръ въ сторону монастыря. Онъ молился, чтобы Господь помогъ ему, не допустилъ бы его пораженія. И тогда въ глубинѣ его души, помимо его воли, возникли образы, которыхъ онъ, по совѣту своего учителя, никогда болѣе не вызывалъ въ себѣ съ того времени, какъ поселился въ монастырѣ,—образы видѣнія, запись о которомъ хранилась у дона Джузеппе Флореса.

Онъ увидѣлъ себя стоящимъ на колѣняхъ въ Римѣ, на площади св. Петра, между обелискомъ и папертью великаго храма, освѣщеннаго луной. Площадь пустынна; шумъ далекой рѣки казался Бенедетто въ эту минуту шумомъ фонтановъ на площади. На ступеняхъ собора стоитъ толпа людей, одѣтыхъ въ красныя, фіолетовыя и черныя одежды. Они грознымъ жестомъ указываютъ ему пальцемъ на замокъ Св. Ангела, какъ бы прогоняя его изъ священнаго мѣста. Но вотъ ему уже представляется нѣчто новое, не входившее въ прежнее видѣніе. Ему кажется, что онъ поднимается, гордо выпрямившись, на встрѣчу враждебной толпѣ. И за спиной его раздаются восторженные клики, со всѣхъ сторонъ на площадь стекаются массы народа, подхватываютъ его и вносятъ его на ступени храма, провозглашая его реформаторомъ церкви, намѣстникомъ Христа. Онъ оборачивается лицомъ къ толпѣ и дѣлаетъ жестъ, знаменующій его власть надъ католическимъ міромъ. Въ эту минуту у него мелькаетъ мысль о сатанѣ, предлагающемъ Христу царство земное, и онъ съ ужасомъ падаетъ ницъ на камни, чувствуя себя недостойнымъ столь великаго искушенія и взывая о помощи своей истерзанной душѣ.

Бенедетто долго стоялъ на колѣняхъ въ нѣмой молитвѣ въ смутномъ ожиданіи чего-то, чего онъ самъ не могъ опредѣлить. Потомъ онъ снова сѣлъ на камни и глубоко вздохнулъ. Онъ чувствовалъ, что въ эту ночь ему не будетъ просвѣтленія. Минуты медленно текли. Утомленная душа жаждала для своего успокоенія послѣдней части видѣнія—когда онъ какъ бы вознесся по бурному ночному небу — навстрѣчу спускающимся ангеламъ. И онъ смутно подумалъ, что ему нечего печалиться. Если это ждетъ его въ грядущемъ, то онъ можетъ только радоваться. Онъ не будетъ побѣжденъ въ готовящемся ему искушеніи, а если и будетъ, то Богъ поможетъ ему воспрянуть. Нечего жаждать теперь откровеній божественной воли.

Бенедетто рѣшилъ, что можетъ спуститься съ горы и вер-

нуться къ себѣ. Онъ поднялся съ тяжелой, какъ свинецъ, головой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ монастырю, но сейчасъ же остановился. Ноги отказывались ему служить, и ему бросилась кровь въ голову. Онъ уже около сутокъ ничего не имѣлъ во рту, и теперь почувствовалъ острый приступъ голода. Въ головѣ у него замутилось, по всему тѣлу стали бѣгать мурашки, и онъ никакъ не могъ совладать съ дрожью, охватившей его. Онъ потерялъ ясное сознаніе мѣста, гдѣ находится; только когда разразилась давно надвигавшаяся гроза и громкіе раскаты грома огласили горы, онъ нѣсколько пришелъ въ себя. „Что̀ я дѣлаю?—мысленно спросилъ онъ себя. — Зачѣмъ мнѣ спускаться внизъ“?

Онъ долженъ былъ сдѣлать большое усиліе, чтобы припомнить все, что̀ было съ нимъ. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что рѣшилъ вернуться въ монастырь, потому что молитва ненужна тому, кто увѣренъ, что вознесется на небо. Но онъ тутъ же подумалъ, что грѣхъ искушать Бога, и опять все слилось и завертѣлось передъ его глазами; ему слышался голосъ, болѣе громкій, чѣмъ раскаты грома, и онъ грозно взывалъ въ облакахъ: „Не искушай Господа Бога твоего!“ Бенедетто поднялъ глаза къ небу, сложилъ руки для молитвы, но тутъ его оставили послѣднія силы. Онъ зашатался, раскрылъ широко руки, медленно опрокинулся назадъ и, упавъ на землю, остался лежать безъ движенія.

Онъ долго лежалъ на травѣ безъ движенія, и когда очнулся, то не могъ сразу сообразить мѣста и времени. Онъ чувствовалъ только удивительную легкость въ членахъ и большую внутреннюю радость,—въ душѣ его словно открылся источникъ любви, и все его существо проникдось ею. Понявъ наконецъ, гдѣ онъ очутился, Бенедетто улыбнулся. Какъ онъ попалъ сюда, онъ все-таки еще не могъ сообразить, и не ощущалъ даже желанія знать. Онъ чувствовалъ себя слитымъ съ жизнью всего окружающаго, однимъ изъ голосовъ, сливающихся въ общемъ хорѣ бытія,—чувствовалъ себя частью благоухающихъ горъ, мягкаго воздуха. Погруженный въ блаженство этихъ ощущеній, закрывъ глаза и подставляя руки каплямъ мягко падающаго дождя, онъ чувствовалъ безконечное желаніе, чтобы такую радость познали тѣ, которые не вѣрятъ, которые не любятъ. Постепенно онъ сталъ вспоминать, почему онъ очутился на пустынной горѣ ночью, вспомнилъ о неопредѣленности завтрашняго дня, о Жаннѣ, объ изгнаніи изъ монастыря. Но всѣ эти сомнѣнія оставили его душу; воспоминаніе о мистическомъ видѣніи изгладилось, — онъ

отдался божественной волѣ, покоряясь ея опредѣленію. Мысль о Жаннѣ возбуждала въ немъ только желаніе отнестись къ ней по-братски — онъ точно видѣлъ ее теперь съ высоты неприступной башни. Когда наконецъ къ нему вернулось спокойное пониманіе происходящаго, онъ замѣтилъ, что платье его все смочено дождемъ, который продолжалъ медленно накрапывать. Что̀ теперь дѣлать? Постучаться въ монастырь слишкомъ поздно. Онъ рѣшилъ ждать утра подъ деревьями по дорогѣ въ монастырь. Къ великому его удивленію, ждать пришлось недолго. Ему казалось, что ночь еще въ самомъ началѣ, что немного только заполночь, а между тѣмъ вскорѣ начало свѣтать: съ монастырской башни пробило четыре часа—и издали послышались чьи-то шаги. Это былъ пастухъ, который шелъ изъ монастыря Св. Схоластики и несъ—ранѣе обыкновеннаго въ этотъ день—молоко въ Священный Гротъ. Бенедетто окликнулъ его. Услышавъ его голосъ, пастухъ вздрогнулъ и чуть не выронилъ кувшинъ съ молокомъ отъ изумленія.

— Какъ, это вы, Бенеде?—воскликнулъ онъ, узнавъ Бенедетто.—Какимъ образомъ вы здѣсь очутились?

Бенедетто попросилъ у него нѣсколько капель молока.

— Разскажите отцамъ, что вы мнѣ отдали немного молока,— сказалъ онъ.—Скажите, что я изнемогалъ и попросилъ у васъ немного молока во имя Господне.

— Пейте, пейте!—отвѣтилъ пастухъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, считая Бенедетто святымъ.—Да неужели же вы провели здѣсь ночь? Вѣдь вы весь промокли отъ дождя.

Бенедетто выпилъ.

— Да благословитъ васъ Господь,—сказалъ онъ пастуху,— за доброту вашу и за свѣжесть молока.

Онъ обнялъ пастуха, и тотъ еще много лѣтъ спустя разсказывалъ, какъ его бросило въ жаръ и какъ забилось сердце его отъ поцѣлуя Бенедетто. Онъ говорилъ, что такое сильное волненіе онъ испыталъ только когда причащался въ первый разъ, что у него сразу прошла тяжкая головная боль, которой онъ страдалъ нѣсколько дней до того. И онъ понялъ тогда, что получилъ поцѣлуй отъ святого, и упалъ передъ нимъ на колѣни. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ на колѣни не всталъ, а продолжалъ сидѣть на камнѣ. Бенедетто дважды сказалъ ему:—„А теперь идите, дорогой сынъ мой!“ Отправивъ его въ монастырь Священнаго Грота, онъ самъ направился къ Св. Схоластикѣ. На каменистомъ пути была глубокая тишина. Горы, облака, темныя стѣны [монастыря и башни казались отяжелѣвшими отъ сна.

Бенедетто вошелъ въ монастырь, прошелъ къ себѣ, легъ, не снимая промокшей одежды, на свою узкую, твердую койку и, скрестивъ руки на груди, заснулъ глубокимъ сномъ.

IV.

Лицомъ къ лицу.

Раскаты грома разбудили въ третьемъ часу ночи Ноэми, послѣ того какъ она только-что заснула. Она спала въ сосѣдней комнатѣ съ Жанной, и дверь между ними была открыта. Жанна ее тотчасъ же позвала. Онѣ разговаривали до двухъ часовъ, и Ноэми, совершенно обезсиленная, добилась наконецъ отъ своей подруги, чтобы та дала ей уснуть. Она сдѣлала видъ, что не слышитъ. Жанна опять ее позвала.

— Ноэми, гроза! Мнѣ страшно. Я приду къ тебѣ.

— Спи и не мѣшай мнѣ спать.

Жанна смолкла, потомъ опять заговорила жалобнымъ дѣтскимъ голосомъ, хорошо знакомымъ Ноэми:

— Неужели ты еще не выспалась?—спросила она.—Неужели не можешь теперь поговорить со мной? Вѣдь ты спала часа три.

Ноэми зажгла спичку и взглянула на часы.

— Не три часа, а двадцать-двѣ минуты,—сказала она.—Довольно болтать.

Жанна помолчала съ минуту, а потомъ стала жалобнымъ тономъ говорить, что Ноэми ее разлюбила, не сочувствуетъ ея горю.

— Ну, говори!—сказала Ноэми, вздохнувъ. Она видѣла, что Жанна, все равно, не дастъ ей уснуть.—Что ты мнѣ скажешь, чего не сказала за четыре часа?

Опять раздался громъ, но Жанна перестала обращать на него вниманіе.

— Завтра мы поѣдемъ въ монастырь,—сказала она.—Только мы вдвоемъ.

— Ну, да; это уже дѣло рѣшенное.

Жалобный голосъ Жанны смолкъ, но черезъ минуту она снова заговорила:

— Однако,—сказала она,—ты не дала мнѣ слова, что никому изъ своихъ ничего не скажешь.

— Я тебѣ десять разъ давала слово.

— А ты знаешь, какъ объяснить имъ мой вчерашній обморокъ? Ты скажешь, что мнѣ сдѣлалось дурно отъ разочарованія, когда я увидѣла, что монахъ—не Пьеро.

— Жанна, вѣдь ты въ двадцатый разъ говоришь мнѣ это!

— Противная, ты совсѣмъ меня не любишь!.. А скажи, какъ ты думаешь, онъ меня забылъ?

— Я не буду больше отвѣчать тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣть! Только одно слово—и я перестану мѣшать тебѣ спать.

Чтобы прекратить наконецъ разговоръ, Ноэми отвѣтила:

— Конечно, забылъ. Да, можетъ быть, онъ никогда и не любилъ тебя.

— Ты это говоришь съ моихъ же словъ. Сама ты объ этомъ судить не можешь.

Ноэми перестала отвѣчать на продолжающіеся вопросы и оклики Жанны, пока та наконецъ не заплакала; Ноэми опять смягчилась и заговорила:

— Да что̀ тебѣ нужно, Господи помилуй?

— Пьеро не могъ знать, что мой мужъ умеръ и что я свободна.

— Ну, такъ что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

— Какъ что̀? Ты меня положительно бѣсишь!

Опять наступило молчаніе. Ноэми не отвѣчаетъ, притворяясь обиженной. Но Жанна продолжаетъ думать вслухъ:

— Послушай, какъ ты думаешь, неужели у него нѣтъ теперь искушеній? Вотъ было бы странно, если бы даже искушенія исчезли у него.

Она сказала это съ такимъ комичнымъ презрѣніемъ, что Ноэми засмѣялась. Ея подруга не владѣла собой въ эту ночь, и Ноэми ясно это сознавала. Она знала, что не такой она будетъ при встрѣчѣ съ Пьеро Майрони, если они дѣйствительно встрѣтятся.

Громъ замолкъ, и Жаннѣ захотѣлось узнать, прошла ли гроза. Но ей было тяжело сойти съ постели; она боялась, что ей сдѣлается дурно, и что ее послѣ того не пустятъ въ монастырь. Она опасалась также, что въ случаѣ очень дурной погоды хозяева будутъ удерживать ее отъ поѣздки, и потому хотѣла поскорѣе знать, не просвѣтлѣло ли небо. Она упросила Ноэми встать и выглянуть въ окно. Ноэми исполнила ея просьбу, подошла къ окну, высунула руку въ темноту и, вглядываясь въ нее, стала различать тяжелыя тучи на небѣ и темные профили горъ.

— Идетъ дождь,—сказала она Жаннѣ, закрывая окно.

Жанна вздохнула, точно боялась, что дождь уже никогда не прекратится. И капли дождя падали все громче и громче и о чемъ-то тихо шептали Жаннѣ. А она не понимала тихихъ словъ, не поняла, что человѣкъ, мыслью о которомъ была полна ея душа, лежитъ безъ чувствъ подъ дождемъ въ горахъ.

На слѣдующее утро, когда обѣ подруги довольно поздно не выходили изъ своихъ комнатъ, синьора Сельва, нѣсколько встревоженная, тихонько вошла въ комнату своей сестры. Ноэми была уже почти одѣта, и сдѣлала ей знакъ молчать. Жанна наконецъ заснула, и Ноэми хотѣла, чтобы она хоть немного выспалась. Обѣ сестры вышли вмѣстѣ и прошли въ кабинетъ Джіованни, который ждалъ ихъ. Ну, что̀ же? Дѣйствительно донъ Клементій—тотъ, кого любитъ Жанна? Мужъ и жена съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Ноэми. Джіованни былъ совершенно увѣренъ, что это такъ, а жена его еще нѣсколько сомнѣвалась. Они ждали отъ Ноэми разрѣшенія ихъ сомнѣній.

Ноэми, однако, молчала. Она бы, можетъ быть, выдала секретъ подруги, для того, чтобы помимо ея вѣдома помочь ей, войдя въ заговоръ съ Сельвой и его женой. Но она боялась разногласій съ сестрой и ея мужемъ. Они, какъ католики, будутъ навѣрное за то, чтобы человѣкъ, покинувшій міръ, не возвращался въ него. Ей же, какъ протестанткѣ, полагалось думать, что христіанскій бракъ выше монашества. При этомъ она, однако, не была вполнѣ увѣренною и въ себѣ; она чувствовала, что если Майрони женится теперь на Жаннѣ, она внутренно осудитъ его. Въ виду всего этого она рѣшила лучше утаить истину.

— Вы что̀ думали?—сказала она.—Что вчерашній монахъ, прошедшій мимо насъ, ея прежній возлюбленный? Что вашъ донъ Клементій и есть Майрони? Такъ вотъ же нѣтъ—это не онъ.

— Неужели не онъ?—воскликнулъ Джіованни удивленно и недовѣрчиво.

— Вотъ видишь,—что̀ я говорила?—торжествовала его жена.

Но Джіованни не сдавался и сталъ спрашивать Ноэми, увѣрена ли она въ томъ, что̀ утверждаетъ, и какъ въ такомъ случаѣ объяснить обморокъ синьоры Десаль. Ноэми отвѣтила, что Жанна анемична, и ей часто становится дурно, но это не убѣдило Джіованни. Въ словахъ и въ лицѣ Ноэми онъ чувствовалъ что-то недоговоренное. Марія справилась о томъ, какъ прошла ночь. Узнавъ, что Жанна плохо спала, она спросила, что̀ ее тревожило.

— Да ничего особеннаго,—отвѣтила Ноэми съ легкимъ раздраженіемъ, и чтобы прекратить разговоръ, подошла къ окну посмотрѣть, какая погода. Небо было все покрыто тучами, воздухъ былъ теплый, но дождь не прекращался. Ноэми спросила, какъ далеко до монастыря Св. Схоластики.—Зачѣмъ тебѣ это знать?—спросила Марія. Услыхавъ, что Жанна хочетъ въ это же утро поѣхать въ монастырь вмѣстѣ съ Ноэми, она запротестовала. Ѣхать въ такую погоду было бы безуміемъ. Послѣднюю часть пути нужно все равно пройти пѣшкомъ. Лучше же подождать до завтра или до послѣ-завтра.

Узнавъ, что рѣшеніе ѣхать въ монастырь явилось у Жанны ночью, Джіованни еще болѣе укрѣпился въ своемъ подозрѣніи, тѣмъ болѣе, что Ноэми говорила нерѣшительнымъ тономъ, сама не зная, не лучше ли ужъ разсказать правду.

— Ноэми,—сказалъ Джіованни строгимъ тономъ,—не отрицай! Я увѣренъ, что синьора Десаль узнала дона Клементія. Ты это знаешь, и твой долгъ открыть мнѣ правду, чтобы предотвратить ихъ встрѣчу.

— То, что̀ я сказала, вѣрно,—возразила Ноэми совершенно твердо, но въ тонѣ ея было признаніе, что она не открыла всей правды.

— Ты говоришь, что она его не узнала? Но ты знаешь еще что-то. Скажи же.

— Я, дѣйствительно, знаю еще кое-что,—отвѣтила Ноэми,—но не могу сказать. Я только прошу васъ сейчасъ же предупредить дона Клементія, что синьора Десаль и я будемъ сегодня же въ монастырѣ. Больше я вамъ ничего не скажу, и пойду теперь будить Жанну.

Она быстро ушла, оставивъ сестру и ея мужа въ полномъ недоумѣніи. Джіованни подумалъ-было, что Ноэми сама отлично знаетъ, что донъ Клементій дѣйствительно Майрони, но скрываетъ это по просьбѣ подруги; а чтобы все-таки предотвратить встрѣчу, она и проситъ написать дону Клементію. Но Марія была увѣрена, что сестра ея не въ состояніи солгать, и отвергла предположеніе мужа. Оставивъ Джіованни, который сѣлъ писать записку, она вышла изъ кабинета, и въ корридорѣ увидѣла Ноэми. Та пришла попросить, чтобы послали въ Субіакъ за коляской, потому что Жанна рѣшила тотчасъ же ѣхать въ монастырь. Ноэми прибавила, что, конечно, раньше чѣмъ часа черезъ полтора Жанна не будетъ готова, такъ какъ она только-что проснулась, но что во всякомъ случаѣ нужна коляска, такъ какъ при ея слабости ей нельзя ходить пѣшкомъ.

Раздался звонокъ изъ комнаты Жанны, которая уже съ нетерпѣніемъ ждала подругу.

— Гдѣ ты пропадаешь?—спросила она полу-сердито, полу-шутливо.—Что̀ ты пошла разсказывать сестрѣ?

Ноэми пригрозила, что сейчасъ же уйдетъ, и Жанна стала упрашивать ее остаться. Затѣмъ, глядя ей пристально въ глаза, она спросила, какъ ей одѣться и причесаться.

— Да не все ли равно?—сказала Ноэми.—Ужъ не хочешь ли ты вновь завоевать своего Майрони?

— Хочу быть красивой, вотъ и все,—сказала Жанна.

Она была, дѣйствительно, очень хороша въ эту минуту въ своемъ ярко-желтомъ пеньюарѣ, съ распущенными черными волосами, падающими ниже пояса. Глаза ея сверкали такой же полнотой жизни, какъ въ прежнее время, въ ту минуту, когда Майрони входилъ къ ней въ комнату, или же когда она только слышала шаги его въ передней.

— Я хотѣла бы пріѣхать въ томъ же туалетѣ, какой былъ на мнѣ при послѣднемъ свиданьи въ Праліи. Я хотѣла бы явиться сегодня въ моемъ зеленомъ пальто на мѣху—теперь, въ маѣ мѣсяцѣ,—хотѣла бы, чтобы онъ сразу увидѣлъ, что я все та же, что ничто не измѣнилось. О, Боже, Боже!

Она порывисто обняла Ноэми, положила ей голову на плечо и, сдерживая рыданія, шептала невнятныя слова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она наконецъ.— Я сумасшедшая, я злая! Уѣдемъ поскорѣе отсюда, ѣдемъ въ Римъ!

— Хорошо,—взволнованно отвѣтила Ноэми.—Поѣдемъ сейчасъ же. Я пойду спросить, какой ближайшій поѣздъ.

Но Жанна ее удержала. Нѣтъ, такой отъѣздъ былъ бы безуміемъ. Что̀ подумала бы сестра Ноэми и ея мужъ? Закрывъ лицо руками, она стала шептать, что хочетъ лишь на минутку поглядѣть на него... что уѣхать, совсѣмъ его не видавъ, она не можетъ.

— Идемъ!—сказала она послѣ долгаго молчанія, и открыла наконецъ лицо.— Пойдемъ одѣваться. Я одѣнусь, какъ ты скажешь мнѣ,—хоть въ рубище.

Когда синьора Сельва постучалась въ дверь, чтобы сказать, что коляска стоитъ у дверей, Жанна стала съ шутливымъ смиреніемъ упрашивать Ноэми, чтобы та позволила ей надѣть ея любимую большую шляпу à la Рембрандтъ. Черная шляпа съ перьями, спущенная на блѣдное лицо, на сверкающіе черные глаза, художественно завершала прекрасный образъ стройной женщины въ темномъ плащѣ, съ горящимъ, страстнымъ и гор-

дымъ лицомъ. Она почувствовала, здороваясь съ Маріей Сельва, что произвела на нее впечатлѣніе своей красотой. То же она почувствовала во взглядѣ Джіованни, причемъ ей показалось, что онъ отнесся къ ней не дружественно. Она даже спросила Ноэми, не выдала ли она ея тайны, и успокоилась, только получивъ отрицательный отвѣтъ. Садясь въ коляску, Ноэми думала о томъ, скажетъ ли кто-нибудь дону Клементію имя синьоры Десаль, знаетъ ли онъ о любовной исторіи Майрони, и даже если знаетъ, то извѣстно ли ему имя женщины, которую любилъ Майрони. Ноэми очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, внушившимъ такое сильное чувство ея подругѣ и такъ странно покинувшимъ міръ. Но ей хотѣлось бы повидать его раньше одной,— ужасно подумать, что встрѣча Жанны съ нимъ произошла бы неподготовленной. Хоть бы ей удалось поговорить раньше съ этимъ монахомъ, съ дономъ Клементіемъ, предупредить его, если онъ самъ ничего не подозрѣваетъ, и узнать что-нибудь о Майрони, о его душевномъ состояніи, его намѣреніяхъ. „Предоставимъ все это волѣ Провидѣнія,—рѣшила она наконецъ, садясь въ коляску.—Да поможетъ небо бѣдной Жаннѣ!“

Выйдя изъ коляски, когда онѣ подъѣхали къ узкой дорожкѣ для муловъ, Жанна робко, какъ бы заранѣе предвидя отказъ, предложила Ноэми, что она одна пойдетъ въ монастырь съ мальчикомъ-проводникомъ, который прибѣжалъ вслѣдъ за ихъ коляской изъ Субіака. Ноэми рѣшительно воспротивилась. Жанна тогда попросила, чтобы, по крайней мѣрѣ, Ноэми оставила ее наединѣ съ Пьеро, если удастся устроить свиданіе съ нимъ. Ноэми сама не знала, что̀ ей отвѣтить, и предложила поговорить сначала съ отцомъ Клементіемъ и разспросить его о Пьеро. Но Жанна пришла въ ужасъ отъ одного предположенія посвятить дона Клементія въ ея тайну, и горячо попросила Ноэми не дѣлать этого. Онѣ медленно поднялись по каменистой дорожкѣ. Жанна часто останавливалась. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и протягивала холодныя, дрожащія руки подругѣ, чтобы та видѣла ея волненіе. Изъ моря тумана, застилавшаго небо, проглянуло солнце.

V.

Донъ Клементій кончилъ служить раннюю обѣдню въ семь часовъ, поговорилъ съ настоятелемъ и отправился въ домъ для странниковъ. Бенедетто спалъ, скрестивъ руки на груди. Лицо его сохраняло счастливое, успокоенное выраженіе. Донъ Клемен-

тій ласково провелъ рукой по его волосамъ и тихо окликнулъ его. Пьеро вздрогнулъ, очнулся, поднялъ голову съ нѣсколько растеряннымъ видомъ, потомъ вскочилъ съ постели и поцѣловалъ руку дону Клементію.

— Ну, что̀,—спросилъ донъ Клементій:—Господь открылъ тебѣ свою волю?

— Я—въ Его власти, отвѣтилъ Бенедетто,—какъ листъ во власти вѣтра, какъ листъ, который не знаетъ, куда его несетъ.

Донъ Клементій взялъ его голову обѣими руками, притянулъ его къ себѣ, поцѣловалъ его и долго не отпускалъ.

— Ты долженъ пойти теперь къ настоятелю, — сказалъ онъ.—А потомъ приходи ко мнѣ.

Бенедетто пристально посмотрѣлъ на него и безмолвно спросилъ, зачѣмъ ему идти къ настоятелю. Но взглядъ дона Клементія выражалъ рѣшимость молчать, и ученикъ покорно повиновался и только спросилъ:

— Нужно идти сейчасъ, или я могу еще помыться въ ручьѣ?

— Пойди, помойся,—съ улыбкой отвѣтилъ учитель.

Мытье въ водѣ холоднаго горнаго ручья, протекавшаго мимо монастыря, было единственнымъ физическимъ удовольствіемъ, которое разрѣшалъ себѣ Бенедетто. На этотъ разъ освѣжающее прикосновеніе чистой горной струи было ему особенно отрадно. Онъ думалъ, погружая голову въ воду, что небесный Отецъ посылаетъ его на новый путь и защититъ его на немъ. Онъ благословилъ чистоту воды, влившую въ душу его столько отрады, и вернулся къ учителю, который ждалъ его на дворѣ. Донъ Клементій вздрогнулъ, увидавъ его,—до того Бенедетто показался ему преображеннымъ. Подъ влажнымъ лѣсомъ волосъ глаза его сіяли спокойной небесной радостью, и исхудавшее лицо цвѣта слоновой кости было одухотворено, какъ лица святыхъ на картинахъ эпохи Возрожденія. Какъ не подходила къ его лицу крестьянская одежда, которую онъ носилъ! Донъ Клементій радъ былъ, что уже ночью ему пришла мысль дать Бенедетто старое платье послушника. Онъ уже сказалъ объ этомъ настоятелю, который, прежде чѣмъ дать согласіе или отказать, хотѣлъ повидать Бенедетто и поговорить съ нимъ.

Настоятель, въ ожиданіи Бенедетто, сѣлъ играть пьесу своей композиціи косточками пальцевъ и сопровождалъ звуки движеніями губъ и бровей. Услышавъ тихій стукъ въ дверь, онъ не отвѣтилъ и не перестал играть. Кончивъ пьесу, онъ повторилъ ее еще разъ сначала, сыгралъ хроматическую гамму, и тогда

только пошелъ открыть дверь. У порога стоялъ на колѣняхъ Бенедетто.

— Это кто?—сурово спросилъ онъ.

— Мое имя—Пьеро Майрони,—отвѣтилъ Бенедетто;—но въ монастырѣ меня зовутъ Бенедетто.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ взять руку настоятеля, чтобы поцѣловать ее.

— Подождите,—сказалъ настоятель, нахмуривъ брови, и, отдергивая руку, поднялъ ее.—Чтò вы здѣсь дѣлаете?

— Работаю въ монастырскомъ саду.

— Да я не о томъ!—воскликнулъ настоятель.—Я спрашиваю, зачѣмъ вы явились сюда? Кто васъ послалъ?

— Донъ Клементій.

Настоятель замолчалъ, долго глядѣлъ на стоящаго на колѣняхъ, потомъ пробормоталъ что-то непонятное и наконецъ далъ ему поцѣловать руку.

— Встаньте, — сказалъ онъ, не смягчая голоса. — Войдите. Закройте дверь.

Когда Бенедетто вошелъ, настоятель точно забылъ о его присутствіи, надѣлъ очки, сталъ перелистывать и читать книги и бумаги, повернувшись къ нему спиной. Бенедетто стоялъ и ждалъ, чтобы онъ заговорилъ.

— Майрони изъ Бресчіи?—спросилъ настоятель непріязненнымъ тономъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Наконецъ онъ снялъ очки и повернулся къ Бенедетто.

— Зачѣмъ вы пришли въ нашъ монастырь?—спросилъ онъ.

— Я—большой грѣшникъ,—отвѣтилъ Бенедетто.—Господь повелѣлъ мнѣ уйти изъ міра, и я ушелъ.

Настоятель помолчалъ съ минуту, потомъ, пристально посмотрѣвъ на молодого человѣка, сказалъ съ ироническимъ спокойствіемъ:

— Нѣтъ, милый мой, это—неправда.

Онъ вынулъ табакерку, осторожно нюхнулъ щепотку табаку, отряхнулъ пальцы и продолжалъ тѣмъ же спокойно-ироническимъ тономъ:

— Вѣрно, быть можетъ, то, что вы—большой грѣшникъ, но невѣрно, что вы ушли изъ міра. Вы—не въ міру и не внѣ міра.

Бенедетто поглядѣлъ на него, ничего не отвѣчая, но въ глазахъ его было столько скорби и столько смиренія, что настоятель опустилъ глаза на открытую табакерку и сталъ перебирать табакъ пальцами.

— Не понимаю васъ!—сказалъ онъ: — Вы живете въ мірѣ и не въ мірѣ, въ монастырѣ и не въ монастырѣ. Боюсь, что вы такъ же легкомысленны, какъ вашъ прадѣдъ, вашъ дѣдъ и вашъ отецъ. Всѣ они были легкомысленные красавцы.

Блѣдное лицо Бенедетто слегка покраснѣло.

— Ихъ души—у Господа, — сказалъ онъ, — и они теперь выше насъ. Ваши слова нарушаютъ велѣніе Господне.

— Замолчите!—воскликнулъ настоятель.—Вы говорите, что покинули міръ, а сами полны гордыни. Еслибы вы хотѣли дѣйствительно оставить міръ, вы бы стремились сдѣлаться послушникомъ. Почему вы этого не добивались? Вы хотѣли пожить здѣсь для отдыха—вотъ и все. Или, быть можетъ, у васъ были непріятности дома, и вы хотѣли отдѣлаться отъ всего, чтобы потомъ опять зажить по старому. А тѣмъ временемъ вы разсказываете басни легковѣрному дону Клементію, отнимаете мѣсто, которое досталось бы какому-нибудь бѣдному страннику, и стараетесь провести братію—что̀ не такъ трудно—и умилостивить Бога — что̀ уже труднѣе — молитвами. Не отрицайте правды.

Бенедетто сильно поблѣднѣлъ; губы, раскрывшіяся для словъ умиротворенія, были недвижимы; глаза устремились на настоятеля съ прежней кроткой строгостью. Это спокойное молчаніе, видимо, печалило настоятеля.

— Да говорите же! — сказалъ онъ. — Покайтесь. Развѣ вы не похвалялись особымъ даромъ ясновидѣнія, чуть ли не творили чудеса? Вы говорите, что были большой грѣшникъ. Покажите, что вы теперь не грѣшникъ, оправдайтесь, если можете. Скажите, какъ вы жили, объясните свои притязанія на то, что Господь васъ призвалъ; объясните, почему вы пришли ѣсть хлѣбъ братьевъ, не пожелавъ стать сами монахомъ и работая, въ сущности, очень мало.

— Отецъ,—отвѣтилъ Бенедетто, и строгость его голоса и его лица мало соотвѣтствовала кротости его словъ, — все это полезно мнѣ, грѣшнику, живущему уже три года въ безмятежности и радости, въ дружескомъ общеніи съ святыми душами. Ваши слова прекрасны и сладки для души моей; они—милость Господня. Они показали мнѣ, сколько еще во мнѣ гордости: я испытываю удовольствіе отъ поруганія. Но, какъ служитель святой истины, я долженъ вамъ сказать, что суровость нехороша даже въ примѣненіи къ тому, кто заблуждается, потому что добрыя слова, быть можетъ, заставили бы его раскаяться въ своемъ обманѣ. И говорю я также, что въ словахъ вашихъ,

отецъ, не почіетъ духъ истиннаго нашего Отца, Которому да воздастся слава!

При послѣднихъ словахъ Бенедетто опустился на колѣни, съ просвѣтленнымъ отъ экстаза лицомъ.

— Жалкій грѣшникъ, ты еще поучаешь меня?!—воскликнулъ настоятель.

— Вы правы, вы правы, — отвѣтилъ Бенедетто, скорбно складывая руки.—Теперь я скажу вамъ про мой грѣхъ. Я желалъ любви неправедной, страстно полюбилъ женщину, принадлежавшую другому, какъ и я былъ связанъ съ другой женщиной. Я уступилъ своей страсти, и въ то же время позабылъ о Богѣ и жилъ въ грѣхѣ. Та женщина тоже не вѣрила въ Бога, и моя вѣра умерла. Я былъ эгоистомъ, былъ слабъ, обманывалъ. Господь образумилъ меня, взывая ко мнѣ голосами умершихъ отца и матери. Я отошелъ отъ женщины, которую любилъ, но безъ твердой рѣшимости, колеблясь въ душѣ между добромъ и зломъ. Вскорѣ я опять вернулся къ ней, весь горя грѣховнымъ чувствомъ, зная, что гублю себя, и готовый погибнуть. Во мнѣ не оставалось уже никакой воли къ добру, когда меня коснулась и спасла благостная, святая рука умирающей женщины.

— Посмотрите мнѣ прямо въ глаза!—сказалъ настоятель.— Вы никогда никому не сообщали о томъ, что вы здѣсь?

— Никому. Никогда.

— Я вамъ не вѣрю,—сухо отвѣтилъ настоятель.

Бенедетто выслушалъ и эти слова съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Вы сами знаете,—продолжалъ настоятель,—почему я не вѣрю.

— Я предполагаю,—отвѣтилъ Бенедетто, склоняя лицо,— что причина одна: мой грѣхъ свидѣтельствуетъ противъ меня.

— Встаньте!—приказалъ непреклонный настоятель.—Я выгоню васъ изъ монастыря. Пойдите теперь повидать дона Клементія въ его кельѣ, а потомъ уходите и никогда не возвращайтесь. Поняли?

Бенедетто сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и хотѣлъ преклонить колѣно по установленному ритуалу, но настоятель удержалъ его знакомъ руки.

— Подождите, — сказалъ онъ, потомъ надѣлъ очки, взялъ листокъ бумаги и, стоя, написалъ нѣсколько словъ.

— Что вы будете дѣлать,—спросилъ онъ въ то время, какъ писалъ,—когда уйдете изъ монастыря?

Бенедетто отвѣтилъ тихимъ голосомъ:

— Развѣ ребенокъ, котораго отецъ беретъ спящимъ на руки, знаетъ, что̀ его отецъ намѣренъ сдѣлать съ нимъ?

Настоятель ничего не отвѣтилъ, докончилъ писать, вложилъ листокъ въ конвертъ, заклеилъ его и, не поворачивая головы, передалъ письмо Бенедетто, стоявшему за его спиной.

— Возьмите,—сказалъ онъ,—и снесите дону Клементію.

Бенедетто попросилъ позволенія поцѣловать его руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, уходите!—рѣзко возразилъ настоятель дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. Бенедетто повиновался. Выйдя въ корридоръ, онъ услышалъ, что разсерженный настоятель тотчасъ же сѣлъ за рояль. Раздались бурные звуки.

Прежде чѣмъ войти въ маленькую келью дона Клементія, Бенедетто остановился у большого окна въ концѣ корридора. Тамъ, за нѣсколько часовъ до того, стоялъ его учитель, глядя на огни Субіака и думая о врагѣ,—о прекрасной, умной женщинѣ съ добрымъ сердцемъ, которая пріѣхала, быть можетъ, для того, чтобы отнять у Бога духовнаго сына дона Клементія. Теперь его духовный сынъ самъ не сомнѣвался, что женщина, которую онъ любилъ грѣховной любовью, узнала о томъ, что онъ здѣсь, въ монастырѣ, и явится къ нему. Но эта увѣренность сопровождалась въ его просвѣтившейся душѣ надеждой, что и она познаетъ истину и просвѣтится высшей любовью.

Донъ Клементій, услышавъ издали его шаги, полуоткрылъ дверь своей кельи. Бенедетто вошелъ и передалъ ему письмо настоятеля.

— Я долженъ покинуть монастырь,—сказалъ онъ спокойно.— Тотчасъ же и навсегда.

Донъ Клементій ничего не отвѣтилъ и открылъ письмо. Читая его, онъ сказалъ, глядя на Бенедетто съ улыбкой, что его отъѣздъ въ Дженнэ былъ рѣшенъ уже наканунѣ. Бенедетто замѣтилъ, что настоятель прибавилъ: „навсегда“. У дона Клементія были слезы на глазахъ, но онъ все-таки улыбался.

— Вы довольны? — спросилъ Бенедетто грустнымъ тономъ.

Доволенъ? — Донъ Клементій не могъ объяснить свои чувства. Уѣзжалъ его ученикъ, котораго онъ любилъ всей душой, уѣзжалъ навсегда послѣ трехъ лѣтъ радостнаго духовнаго общенія. Но это было знакомъ свыше. Господь уводилъ его изъ монастыря, призывая его на иные пути. Дону Клементію было очень грустно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ доволенъ, чего, однако, не могъ разъяснить Бенедетто. Нужно было, чтобы онъ

самъ услышалъ призывъ свыше,—иначе призывъ этотъ не могъ имѣть силы.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не доволенъ, но я спокоенъ. Ты понимаешь меня? А теперь выслушай мои послѣднія слова, которыя, надѣюсь, принесутъ тебѣ пользу.—Донъ Клементій сказалъ это взволнованнымъ тихимъ голосомъ. Бенедетто наклонилъ голову, и учитель возложилъ на нее руки торжественно и нѣжно.

— Желаешь ты отдать всего себя служенію высшей истины и церкви Господней, видимой и невидимой?

Бенедетто произнесъ: „Да",—твердымъ голосомъ, и донъ Клементій взялъ съ него еще обѣтъ жить въ чистотѣ и бѣдности и въ послушаніи церкви до тѣхъ поръ, пока онъ не освободитъ его отъ обѣта. Бенедетто рѣшительнымъ голосомъ произносилъ свое согласіе, и послѣ того донъ Клементій привлекъ къ себѣ голову ученика и сказалъ ему, наклонившись къ его лбу:

— Я просилъ у настоятеля разрѣшенія дать тебѣ платье послушника, чтобы, уйдя отсюда, ты носилъ хоть знакъ прикосновенности къ монашеству. Настоятель хотѣлъ поговорить съ тобой прежде, чѣмъ рѣшить.

Донъ Клементій поцѣловалъ ученика въ лобъ, чтобы безъ словъ передать ему благожелательный отзывъ настоятеля послѣ ихъ бесѣды—и затѣмъ показалъ ему записку настоятеля: „Разрѣшаю",—писалъ онъ.—„Отошлите его немедленно, чтобы я не поддался соблазну удержать его здѣсь".

Бенедетто порывисто обнялъ учителя и прислонился головой къ его плечу, ничего не говоря. Донъ Клементій пробормоталъ:

— Ты доволенъ? Теперь я спрашиваю тебя объ этомъ.

Но онъ два раза повторилъ вопросъ, не получая отвѣта. Наконецъ раздался шопотъ:

— Могу я не отвѣтить? Могу я помолиться?

— Конечно, дорогой, помолись.

Бенедетто опустился на колѣни передъ большимъ Распятіемъ на стѣнѣ, и когда онъ поднялся, лицо у него было ясное, спокойное. По знаку учителя онъ надѣлъ платье послушника, приготовленное на постели, и опоясался кожанымъ поясомъ. Одѣвшись, онъ показался учителю, улыбаясь и широко раскрывъ руки, а учителю пріятно было видѣть его такимъ возвышенно-прекраснымъ въ смиренной одеждѣ.

— Вамъ ничего не приходитъ въ голову, глядя на меня?—спросилъ Бенедетто.

— Нѣтъ.—Донъ Клементій думалъ сначала, что волненіе Бенедетто вызвано его смиренностью. Но теперь онъ понялъ, что была еще какая-то другая причина. Но какая?

— Ахъ, да!—вдругъ воскликнулъ онъ.—Ты вспомнилъ о твоемъ видѣніи?

— Конечно. — Бенедетто видѣлъ себя умирающимъ подъ тѣнью большого дерева въ платьѣ бенедиктинскаго монаха. И онъ не вѣрилъ этому видѣнію, главнымъ образомъ, изъ-за своего страннаго внутренняго протеста противъ произнесенія монашескаго обѣта. Теперь же видѣніе пріобрѣтало пророческій смыслъ. Донъ Клементій, читая въ сердцѣ своего ученика, понялъ, что онъ чувствуетъ себя теперь избранникомъ, которому даны были знаки свыше, но въ то же время боится питать въ себѣ гордыню вѣрой въ свое предназначеніе для высокихъ цѣлей.

— Не думай объ этомъ,—сказалъ онъ Бенедетто, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ передалъ ему письмо и книги для священника въ Дженнэ. Къ этому священнику донъ Клементій направилъ Бенедетто, чтобы онъ тамъ жилъ, пока самъ не рѣшитъ, внимая высшей волѣ, остаться ли ему тамъ, или вернуться въ Субіакъ, или же отправиться въ другое мѣсто.

— Отецъ мой,—сказалъ Бенедетто,—я не думаю даже о томъ, что̀ станетъ со мной завтра. Я знаю только, что Господь здѣсь и зоветъ меня, но не вижу въ этомъ знака исключительной милости ко мнѣ. Моя ошибка была въ непониманіи того, что Господь всегда здѣсь и всегда зоветъ: меня, васъ, всѣхъ. Нужно только, чтобы стало нѣсколько тише въ душѣ, и тогда призывъ становится слышенъ.

Тонкій лучъ свѣта проникъ въ келью. Донъ Клементій подумалъ, что какъ только пройдетъ дождь, синьора Десаль пріѣдетъ осматривать монастырь. Онъ ничего не сказалъ, но внутреннее его безпокойство сказалось въ томъ, что онъ вздрогнулъ и поднялъ глаза къ небу, указывая Бенедетто, что ему пора уходить изъ монастыря. Бенедетто попросилъ, какъ милости, чтобы учитель разрѣшилъ ему еще помолиться сначала въ церкви Св. Схоластики, потомъ въ Священномъ Гротѣ. Солнце опять скрылось; снова пошелъ дождь. Учитель и ученикъ сошли вмѣстѣ въ церковь, постояли тамъ, молясь другъ подлѣ друга, и въ этомъ состояло ихъ прощаніе. Бенедетто направился въ Священный Гротъ въ девять часовъ. Онъ вышелъ изъ монастыря Св. Схоластики никѣмъ не замѣченный—какъ разъ въ то время, какъ фра Антоніо говорилъ съ посланнымъ отъ Джіованни Сельвы.

Въ эту минуту лучъ солнца озарилъ старыя стѣны, дорогу, горы. Со всѣхъ сторонъ раздались веселые голоса птичекъ, и Бенедетто громко произнесъ, вторя имъ:

— Иду!

VI.

Жанна и Ноэми прiѣхали въ монастырь въ десять часовъ. За нѣсколько шаговъ до входа въ ограду у Жанны сдѣлалось сильное сердцебiенiе. Ей хотѣлось зайти раньше въ монастырскiй садъ; мальчикъ-проводникъ говорилъ ей, что у монаховъ Св. Схоластики чудесный садъ, въ которомъ работаютъ садовники: одинъ старикъ изъ Субiака, а другой—молодой прiѣзжiй. Она не въ силахъ была больше говорить; блѣдная, обезсиленная, опираясь на руку Ноэми, она едва дотащилась до входной двери. Къ счастью, фра Антонiо открылъ имъ дверь еще раньше, чѣмъ Ноэми позвонила, и Ноэми попросила дать стулъ и принести стаканъ воды для синьоры, которой сдѣлалось дурно. Испуганный привратникъ прежде всего сунулъ въ руку Ноэми горшечекъ съ супомъ, который вынесъ для ожидавшаго у дверей нищаго, а потомъ побѣжалъ за стуломъ и за водой. Жанна вскорѣ оправилась, посидѣвъ и выпивъ воды, и фра Антонiо пошелъ доложить о прибытiи посѣтительницъ дону Клементiю, на обязанности котораго лежалъ прiемъ гостей.

— Скажите, что прiѣхали дамы изъ дома синьора Сельвы.

Донъ Клементiй явился съ нѣсколько смущеннымъ видомъ. Ему было совѣстно передъ Жанной за то, что, помимо ея вѣдѣнiя, онъ зналъ ея тайну. Изъ двухъ посѣтительницъ первой поднялась къ нему навстрѣчу Ноэми, и онъ принялъ ее за синьору Десаль. Высокая, стройная, изящная, Ноэми имѣла вполнѣ видъ покорительницы сердецъ. Ей, однако, никакъ нельзя было дать съ виду болѣе двадцати-пяти лѣтъ, и потому она не могла быть женщиной, о многочисленныхъ побѣдахъ которой разсказывалъ ему Бенедетто. Но бенедектинецъ объ этомъ не подумалъ. Ноэми хотѣлось поскорѣе удостовѣриться, вѣрно ли передалъ фра Антонiо ея слова.

— Здравствуйте, падре,—сказала она своимъ звучнымъ, красивымъ голосомъ.—Мы съ вами видѣлись вчера, когда вы выходили изъ дома Сельвы.

Донъ Клементiй утвердительно кивнулъ головой. Ноэми, дѣйствительно, видѣла его наканунѣ, и была поражена его красотой. Она подумала, что еслибы это былъ синьоръ Майрони, то лю-

бовь Жанны была бы понятна. Въ сознаніи своей свѣжести и молодости, ей не приходило въ голову, что ее могутъ принять за Жанну, которой уже исполнилось тридцать-два года. Жанна тѣмъ временемъ соображала, какъ бы ей воспользоваться своимъ минутнымъ недомоганіемъ.

— Васъ вчера не ждали,—сказалъ донъ Клементій, обращаясь къ Ноэми.—Вы пріѣхали изъ Венеціи?

— Изъ Венеціи?—съ изумленіемъ спросила Ноэми.

— Мнѣ синьоръ и синьора Сельва сказали, что вы живете въ окрестностяхъ Венеціи,—пояснилъ донъ Клементій.

Ноэми поняла его ошибку и улыбнулась; она отвѣтила что-то неопредѣленное, думая про себя, что слѣдуетъ воспользоваться этимъ недоразумѣніемъ и поговорить наединѣ съ дономъ Клементіемъ,—если нужно, посвятить его во все. Къ тому же ей улыбалась мысль говорить съ красивымъ монахомъ подъ именемъ Жанны. Она взглядомъ попросила Жанну, которая тоже поняла ошибку дона Клементія, чтобы она молчала.

— Моя подруга,—сказала Ноэми,—знаетъ вашъ монастырь, я же въ немъ никогда не была.

Потомъ, обращаясь къ Жаннѣ, она прибавила:

— Если падре будетъ столь любезенъ и пойдетъ показать мнѣ монастырь, то ты можешь остаться здѣсь. Тебѣ вредно ходить.

Жанна такъ поспѣшно приняла это предложеніе, что Ноэми заподозрила, нѣтъ ли у нея какого-нибудь тайнаго плана, и уже подумала, не дѣлаетъ ли она ошибку, оставляя ее. Во всякомъ случаѣ, теперь уже было поздно перерѣшать. Дону Клементію не улыбалась перспектива остаться наединѣ съ дамой, и онъ предложилъ подождать. Можетъ быть, синьора оправится и тоже пойдетъ съ ними. Но Жанна рѣшительно запротестовала. Лучше не ждать ее. Она съ удовольствіемъ посидитъ здѣсь одна.

Проходя изъ перваго двора во второй, внутренній, Ноэми снова напомнила падре о встрѣчѣ наканунѣ.

— Съ вами, кажется, былъ еще кто-то?—сказала она, и сразу устыдилась того, что оставляетъ монаха въ заблужденіи и выдаетъ себя за Жанну. Донъ Клементій отвѣтилъ ей, понизивъ голосъ:

— Да, синьора. Со мной былъ садовникъ нашего монастыря.

У обоихъ лица покраснѣли, но они не глядѣли другъ на друга, и чувствовали каждый только свою краску стыда.

— Вы знаете, кто мы?—спросила Ноэми.

Донъ Клементій отвѣтилъ, что, кажется, знаетъ. Вѣдь онѣ, повидимому, тѣ двѣ дамы, которыхъ ждала къ себѣ синьора Сельва. Насколько ему помнилось, синьора Сельва говорила о своей сестрѣ и о синьорѣ Десаль.

— Такъ вы знали о нашемъ пріѣздѣ отъ сестры?

При этихъ словахъ Ноэми, донъ Клементій не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Значитъ, синьора Десаль не вы?

Ноэми поняла, что онъ все знаетъ. Значитъ, онъ предупрежденъ, и внезапная встрѣча уже не произойдетъ. Она облегченно вздохнула, и ея женское сердце, освободившись отъ тревоги, наполнилось любопытствомъ.

Донъ Клементій говорилъ ей о башняхъ, о древнихъ сводахъ, о фрескахъ въ церкви, а она все думала: какъ навести его на разговоръ о Майрони? Она довольно безцеремонно прервала его въ то время, какъ онъ показывалъ ей вырѣзанныя надъ дверью каменныя названія монаховъ, и спросила его, часто ли въ монастырь приходятъ люди съ усталой душой, разочарованные и жаждущіе посвятить себя Богу.

— Я протестантка,—сказала она,—и это меня очень интересуетъ.

Донъ Клементій подумалъ про себя, что это ее интересуетъ не столько потому, что она протестантка, сколько изъ дружбы съ синьорой Десаль.

— Нельзя сказать, чтобы часто,—отвѣтилъ онъ.—Но иногда, дѣйствительно, приходятъ. Обыкновенно, люди съ усталой душой предпочитаютъ вступать въ другіе монашескіе ордена. Вы протестантка? Но, можетъ быть, вы все-таки зайдете посмотрѣть церковь нашего монастыря?

Онъ сталъ по этому случаю разсказывать о какомъ-то англичанинѣ, тоже протестантѣ, который, однако, подолгу жилъ въ Субіакѣ и часто посѣщалъ монастыри Св. Схоластики и Священнаго Грота. Ноэми поспѣшила вернуться къ интересующей ее темѣ разговора, и спросила, приходитъ ли ктонибудь въ монастырь только для искупленія своей вины, не надѣвая монашескаго платья? Но на это она не получила отвѣта. Донъ Клементій увидалъ входящаго во дворъ монаха, необыкновенно высокаго роста, и, извинившись передъ Ноэми, подошелъ къ нему и сказалъ нѣсколько словъ. Потомъ онъ подошелъ снова къ Ноэми вмѣстѣ съ нимъ, и представилъ ей дона Леона, говоря, что онъ великолѣпный проводникъ и, какъ

человѣкъ необыкновенно большихъ познаній, гораздо лучше покажетъ ей всѣ сокровища монастыря, чѣмъ онъ. Послѣ этого онъ, къ величайшей досадѣ Ноэми, удалился.

Когда Жанна осталась наединѣ, у нея опять сдѣлалось сильное сердцебіеніе. Боже, какъ здѣсь оживало все прошлое, какъ вспомнилась Пралія! У нея захватывало духъ при мысли, что онъ много разъ въ день ходитъ по этимъ дворамъ. И ему, вѣрно, тоже часто вспоминалась незабвенная встрѣча въ Праліи. А вѣдь теперь и онъ свободенъ, и она. Какое безуміе!

Фра Антоніо, испугавшись сначала, что его оставили наединѣ съ синьорой, которая сидѣла полумертвая на стулѣ, былъ крайне изумленъ, когда она вдругъ стала осаждать его вопросами.— „Нѣтъ ли сада въ монастырѣ?"—Есть, въ двухъ шагахъ отсюда.— „Кто наблюдаетъ за порядкомъ въ саду?" — Садовникъ.— „Молодой? Старикъ? Изъ Субіака или чужой?"—Старикъ. Изъ Субіака.—„И больше никто?"—Еще кромѣ него Бенедетто.— „Бенедетто? Кто это такой?" — Молодой человѣкъ, землякъ дона Клементія.—„А донъ Клементій откуда родомъ?"—Изъ Бресчіи.—„И его зовутъ Бенедетто?"—Всѣ его зовутъ Бенедетто, но дѣйствительно ли это его настоящее имя, фра Антоніо не могъ сказать.—„Что же это за человѣкъ?"—Это фра Антоніо можетъ сказать. Онъ—самый святой изъ братьевъ. По его лицу видно, что онъ знатнаго рода, а между тѣмъ онъ живетъ какъ собака, ѣстъ только хлѣбъ, плоды и траву, проводитъ ночи въ горахъ, въ молитвѣ. Онъ обрабатываетъ землю, и кромѣ того еще работаетъ въ библіотекѣ вмѣстѣ съ дономъ Клементіемъ. И какое у него доброе сердце! Какъ часто онъ отдаетъ нищимъ свою жалкую порцію ѣды!—„А гдѣ бы его можно было видѣть теперь?"—Да, конечно, въ саду. Фра Антоніо предполагалъ, что онъ занятъ въ виноградникѣ.

У Жанны такъ забилось сердце, что у нея потемнѣло въ глазахъ. Она замолчала и не могла тронуться съ мѣста. Фра Антоніо думалъ, что она уже забыла про Бенедетто,—и сталъ ей разсказывать про монастырь въ Праліи, гораздо болѣе величественный и прекрасный, чѣмъ монастырь Св. Схоластики. Но Жанна вдругъ перебила его:

— Гдѣ же этотъ садъ?—спросила она.—Какъ пройти въ него?

Фра Антоніо, нѣсколько удивленный, отвѣтилъ, что нужно пройти черезъ весь монастырь, или же обойти его снаружи. Жанна быстро встала, охваченная пламеннымъ порывомъ, вышла изъ ограды, повернула направо и вошла въ галерею подъ

библіотекой; тамъ она остановилась на минуту, прижала руку къ безумно бьющемуся сердцу и пошла дальше.

Монастырскій пастухъ, стоявшій у входа во дворикъ, передъ домомъ для странниковъ, указалъ, какъ пройти въ садъ. Она спросила, не въ саду ли человѣкъ, котораго зовутъ Бенедетто. Несмотря на то, что она усиленно сдерживала себя, голосъ ея задрожалъ, въ ожиданіи утвердительнаго отвѣта. Пастухъ отвѣтилъ, что не знаетъ, вызвался пойти посмотрѣть, нѣсколько разъ постучался въ калитку, потомъ сталъ звать:— „Бенеде, Бенеде!“—Наконецъ, послышались шаги. Жанна прислонилась къ рѣшеткѣ, чтобы не упасть. Боже, если это Пьеро, что она ему скажетъ?—Калитка открылась, но изъ нея вышелъ не Пьеро, а какой-то старикъ. Жанна свободнѣе вздохнула. Старикъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ пастуху: „Бенедетто нѣтъ здѣсь“. Жаннѣ опять сдѣлалось нехорошо. Она вся похолодѣла. Пастухъ и старикъ-садовникъ смотрѣли на нее молча, съ любопытствомъ.

— Это вы, синьора, ищете Бенедетто?—спросилъ старикъ.

Жанна не отвѣчала. За нее отвѣтилъ пастухъ; затѣмъ онъ разсказалъ, что Бенедетто провелъ ночь въ горахъ, что онъ, пастухъ, нашелъ его на зарѣ, промокшимъ отъ дождя, въ лѣсу, подлѣ Священнаго Грота, предложилъ ему молока, которое Бенедетто выпилъ, какъ умирающій, въ котораго вновь вливается жизнь. Пастухъ не преминулъ разсказать, что Бенедетто его обнялъ и поцѣловалъ, и что этотъ поцѣлуй святого вылечилъ его отъ всѣхъ болѣзней, которыми онъ страдалъ.

— Прошла головная боль, прошла ломота въ костяхъ—все прошло. И я сказалъ себѣ: клянусь святой Екатериной, этотъ человѣкъ—святой. И онъ, дѣйствительно, святой.

Въ то время, какъ говорилъ пастухъ, прошелъ мимо хромой нищій изъ Субіака. Увидавъ даму, онъ остановился и поклонился, снявъ шляпу. Жанна такъ жадно слушала пастуха, говорившаго о Пьеро, что не видѣла и не слышала нищаго. Когда пастухъ кончилъ, она спросила у садовника, гдѣ можно было бы застать теперь Бенедетто. Садовникъ затруднился отвѣтить, но нищій поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ:

— Вы ищете Бенедетто?—спросилъ онъ слезливымъ голосомъ.—Онъ въ Священномъ Гротѣ.

Жанна быстро, порывисто обернулась къ нему.

— Въ Священномъ Гротѣ? — спросила она. И садовникъ спросилъ нищаго, дѣйствительно ли онъ видѣлъ Бенедетто въ Священномъ Гротѣ. Нищій сталъ слезливо разсказывать цѣлую

исторію о томъ, какъ онъ шелъ по дорогѣ въ Священный Гротъ со связкой дровъ и упалъ. Его поднялъ проходившій мимо монахъ и провелъ его въ монастырь, гдѣ другіе монахи привели его въ чувство и накормили его. Отдохнувши, онъ пошелъ дальше, а монахъ остался въ святомъ гротѣ. Монахъ же этотъ, который его подобралъ по дорогѣ, и былъ Бенедетто. Онъ его хорошо зналъ, но не призналъ сразу подъ необычной монашеской одеждой.

— Да ты съ ума сошелъ!—обрушились на него садовникъ и пастухъ, браня его дуракомъ за то, что онъ могъ принять какого-то монаха за Бенедетто. Жанна дала ему денегъ, прося его хорошенько припомнить лицо монаха и сказать, дѣйствительно ли это былъ Бенедетто, или нѣтъ. Нищій сталъ благодарить и благословлять ее, и сказалъ, что, можетъ быть, онъ дѣйствительно ошибся, что это не былъ Бенедетто. Онъ ушелъ, побрякивая полученными деньгами, а Жанна стала еще разспрашивать пастуха и садовника, возможно ли, чтобы Бенедетто надѣлъ монашеское платье. Но они рѣшительно не допускали этого, говоря, что нищій—совершенно невмѣняемый человѣкъ.

Пастухъ ушелъ; Жанна вошла въ садъ и сѣла подъ оливковымъ деревомъ; она рѣшила, что Ноэми легко можетъ узнать отъ привратника, гдѣ ее разыскать. Старикъ-садовникъ, въ которомъ тоже загорѣлось любопытство, спросилъ ее, съ безконечными извиненіями, не родственница ли она Бенедетто.

— Вѣдь мы знаемъ,—сказалъ онъ,—что онъ знатнаго рода,—очень знатнаго рода.

Жанна не отвѣтила на вопросъ садовника. Но она въ свою очередь спросила, почему всѣ считаютъ Бенедетто знатнымъ человѣкомъ.—Это видно по его манерамъ, — отвѣтилъ садовникъ, —и, главное, по его лицу.—„А онъ навѣрное не сдѣлался монахомъ?“—Навѣрное.—„Почему же собственно?“—Этого никто не могъ сказать. О немъ ходило много слуховъ,—но какъ знать, что̀ правда? Говорили, что жена измѣнила ему, и что это заставило его уйти въ монастырь.—Жанна ничего не отвѣтила, и садовникъ подумалъ, что, можетъ быть, она и есть жена Бенедетто, которая пришла теперь каяться въ своей винѣ и просить прощенія.—Если правда то, что̀ говорятъ про жену,—продолжалъ садовникъ,—то, можетъ быть, конечно, у нея были свои причины уходить отъ него, но ужъ навѣрное можно сказать, что добрѣе и благороднѣе человѣка, чѣмъ онъ, она не нашла въ своей жизни. Знаете, синьора, всѣ отцы здѣсь святые люди—кто же этого не знаетъ?—но такого добраго человѣка,

какъ онъ, нѣтъ ни въ Святой Схоластикѣ, ни въ Священномъ Гротѣ. Клянусь, что нѣтъ, хотя донъ Клементій и святой человѣкъ. Но такого, какъ Бенедетто, нѣтъ.—Жанна опять вспомнила слова нищаго: Бенедетто надѣлъ монашеское платье. Она знала, что нельзя довѣрять его словамъ, но все-таки сердце ея забилось смутной тревогой.

— Посидите здѣсь, синьора,—сказалъ садовникъ.—Не пройдетъ и получаса, какъ онъ вернется. Да что̀ я говорю—онъ будетъ черезъ четверть часа. Онъ, вѣроятно, въ библіотекѣ съ дономъ Клементіемъ или же въ церкви. Изъ библіотеки есть прямой выходъ въ садъ.

— Да вотъ онъ!..—воскликнулъ старикъ.

Жанна вскочила. Дверь изъ библіотеки медленно открылась. Но вмѣсто Пьеро изъ нея показалась Ноэми въ сопровожденіи высокаго монаха. Ноэми увидѣла подругу подъ оливковыми деревьями и въ изумленіи остановилась. — Жанна въ саду? Неужели... Нѣтъ, старикъ, который стоитъ подлѣ нея, не можетъ быть Майрони, а никого другого возлѣ нея нѣтъ. — Она улыбнулась и пригрозила ей пальцемъ. Донъ Леоне, узнавъ отъ Ноэми, что это и есть та дама, про которую она говорила ему при обходѣ монастыря, попрощался. Онъ высказалъ предположеніе, что дамы поднимутся теперь въ Священный Гротъ, а туда онъ уже не могъ сопровождать ихъ.

Было около одиннадцати часовъ, а коляска должна была ждать ихъ тамъ, гдѣ онѣ ее оставили, въ половинѣ перваго; къ завтраку онѣ должны были вернуться домой въ часъ. Ноэми сказала, что если Жанна хочетъ видѣть Священный Гротъ, то нужно торопиться. Нездоровье ея очевидно уже прошло. Ноэми стала торопить ее, даже не спрашивая ее, почему она оставила фра Антоніо и побѣжала въ садъ. Жанна предложила Ноэми отправиться одной въ Священный Гротъ,—она же подождетъ ее въ саду. Ноэми стала подозрѣвать какую-то новую комедію.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она.—Идемъ со мной въ Священный Гротъ, или же, если тебѣ нехорошо, то спустимся сейчасъ же въ Субіакъ.

Жанна стала возражать, что сейчасъ же спуститься внизъ не имѣетъ смысла, потому что онѣ не застанутъ еще коляски; но Ноэми настаивала, говоря, что пока онѣ спустятся, коляска уже пріѣдетъ. Жанна продолжала, однако, про̀тестовать. Тогда Ноэми молча поглядѣла на нее, стараясь прочесть въ ея глазахъ какое-то скрытое намѣреніе. Въ эту минуту Жанна вдругъ вспомнила слова нищаго и порывисто взяла подругу подъ-руку,

— Ты хочешь, чтобы я пошла съ тобой въ Священный Гротъ?—сказала она.—Хорошо, пойдемъ. Ты сама не знаешь, на что меня толкаешь. Но да свершится судьба!

Прежде чѣмъ двинуться въ путь, она отдѣлилась отъ Ноэми, которая смотрѣла на нее съ удивленіемъ, оторвала листокъ изъ записной книжки и написала карандашомъ: „Я въ Священномъ Гротѣ. Прошу именемъ Джузеппе Флореса обождать меня". Не подписавъ своего имени, она передала записочку садовнику—„для того человѣка, когда онъ вернется",—взяла подругу подъ-руку и сказала:

— Пойдемъ!

Солнце ярко освѣщало каменистую дорогу, которая вела вверхъ къ монастырю Священнаго Грота. Жанна не отвѣчала ни слова на всѣ вопросы Ноэми, которую сильно тревожило ея молчаніе, ея блѣдность. Она чувствовала, какъ Жанна вся дрожитъ, едва удерживаясь отъ плача. Что случилось въ самую послѣднюю минуту? Ей показалось, что Жанна что-то узнала въ саду, о чемъ ей не хочется говорить. Ноэми была сильно встревожена, и дикая природа, окружавшая ихъ, еще усиливала ея волненіе; поэтому она искренно обрадовалась, услышавъ голоса. Навстрѣчу имъ показалась группа: профессоръ Данэ верхомъ, Маринье и настоятель пѣшкомъ спускались внизъ изъ Священнаго Грота.

Данэ обрадовался встрѣчѣ, остановился, представилъ дамъ настоятелю и сталъ говорить съ восхищеніемъ о Священномъ Гротѣ. Жанна, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ настоятелемъ, спросила, не произносилъ ли въ его монастырѣ кто-нибудь недавно монашескаго обѣта, или не надѣвалъ ли монашескаго платья. Настоятель отвѣтилъ, что находится здѣсь всего лишь нѣсколько дней, и не можетъ отвѣтить ей съ точностью на ея вопросъ. Но онъ почти увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ, за послѣдній годъ никто не постригался въ монахи въ Св. Схоластикѣ, и даже не надѣвалъ платье послушника. Жанна просіяла. Теперь она поняла, что было глупо повѣрить хоть на минуту, что Пьеро сталъ монахомъ, когда она за двѣнадцать лишь часовъ до того видѣла его въ крестьянской одеждѣ. Ей захотѣлось въ ту же минуту вернуться въ садъ Св. Схоластики, но какъ это сдѣлать? Подъ какимъ предлогомъ вернуться? Она продолжала идти, чтобы хоть скорѣе отдѣлаться отъ посѣщенія Священнаго Грота. Ноэми предложила отдохнуть подъ тѣнью дубовъ, но Жанна нетерпѣливо отказалась. Она раскраснѣлась, глаза ея сверкали, и она стала быстро подниматься по ступе-

нимъ лѣстницы, которая вела къ монастырю. Ноэми не понимала причины столь быстрой перемѣны въ настроенiи Жанны. Дойдя до верху, Ноэми залюбовалась широкимъ видомъ на горы, который открывался передъ ними, но Жанна торопила ее, и онѣ направились ко входу въ монастырь. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онѣ подошли, дверь открылась, пропуская компанiю посѣтителей, мужчинъ и дамъ, выходившихъ послѣ осмотра монастыря. Монахъ, который сопровождалъ ихъ, увидавъ Жанну и Ноэми, оставилъ дверь открытой. Жанна поспѣшила войти, и Ноэми послѣдовала за ней.

— Фрески XIII-го вѣка,—объяснялъ монахъ равнодушнымъ тономъ, вводя ихъ въ корридоръ. Ноэми остановилась, заинтересовавшись старинной живописью. Жанна стояла позади монаха, не глядя ни направо, ни налѣво, занятая своими мыслями. Что̀ если настоятель сказалъ неправду? Если вѣрно то, что̀ говорилъ нищiй? Ей припомнилась ихъ радостная неожиданная встрѣча въ Пралiи, его блѣдное лицо, его „благодарю“, которое преисполнило ее такой глубокой радостью. Она съ трудомъ сдержала волненiе, охватившее ее при одномъ воспоминанiи, и стала торопить Ноэми.

— Пойдемъ дальше,—сказала она.

Она пошла вслѣдъ за монахомъ, не слушая его и не глядя на то, что̀ онъ показывалъ. Ноэми тоже съ трудомъ скрывала свое безпокойство. Она боялась, главнымъ образомъ, обратнаго пути. Ей казался самымъ опаснымъ пунктомъ садъ въ Св. Схоластикѣ, куда Жанна намѣревалась вернуться, судя по тому, что̀ она сказала старому садовнику. У Ноэми прошла охота видѣть этого Майрони, про котораго она столько наслышалась. Ей хотѣлось одного: вернуться съ Жанной домой, избѣжавъ всякихъ встрѣчъ, и она рѣшила подольше побыть въ Священномъ Гротѣ, чтобы осталось какъ можно меньше времени для Св. Схоластики. Поэтому она дѣлала видъ, что ей крайне интересно осмотрѣть драгоцѣнныя внутреннiя святыни монастыря, невзрачнаго по внѣшнему виду. На самомъ дѣлѣ она предпочла бы прiѣхать сюда другой разъ съ сестрой и ея мужемъ, чтобы осмотрѣть все со спокойной душой.

Въ священномъ гротѣ, куда спустились Ноэми и Жанна съ ихъ провожатымъ, ихъ охватилъ мертвенно-холодный воздухъ; ихъ окружали таинственныя тѣни, среди которыхъ мелькали желтоватые отблески сверху; онѣ вдыхали запахъ мокрыхъ камней, дымныхъ свѣтильниковъ, проходили мимо маленькихъ часовенъ, мимо гротовъ, распятiй, лѣстницъ, исчезающихъ во мракѣ

пещеръ; спускаясь дальше, онѣ проникли въ нижнія пещеры, гдѣ сверкалъ мраморъ, красный, черный, и бѣлый, виднѣлись статуи монаховъ у стѣнъ, въ оконныхъ нишахъ, у колоннъ,— каждый монахъ представленъ былъ съ традиціоннымъ ореоломъ. Онѣ шли, не зная, куда ихъ ведетъ путь передъ ними, и Жаннѣ все окружавшее казалось чѣмъ-то фантастическимъ.

Спускаясь по Святой Лѣстницѣ, онѣ слѣдовали за монахомъ, который велъ ихъ, идя на четыре-пять ступенекъ впереди. Вдругъ Жанна ухватилась рукой за плечо монаха, потомъ, устыдившись своего инстинктивнаго порывистаго движенія, отдернула руку; монахъ остановился и удивленно повернулъ къ ней голову.

— Простите! — сказала она:—не знаете ли вы, кто этотъ монахъ?

Между двумя площадками лѣстницы, за выступомъ стѣны съ лѣвой стороны, стояла въ темномъ углу, прислонивъ голову къ мрамору, темная фигура въ одеждѣ бенедиктинца. Жанна прошла сначала мимо, не замѣтивъ темной фигуры, потомъ, случайно обернувшись, увидѣла ее, и въ ея трепетномъ сердцѣ вспыхнула надежда.

— Онъ не монахъ, синьора,—сказалъ проводникъ.

Онъ наклонился съ ключомъ въ рукахъ, чтобы открыть рѣшетку одной изъ часовенъ.

— Кто?—спросила Ноэми.

— Онъ не монахъ?—повторила Жанна.

Ея голосъ прозвучалъ такъ странно, что Ноэми вздрогнула. Она не замѣтила фигуры, стоявшей въ тѣни у стѣны.

Монахъ, открывшій тѣмъ временемъ часовню, сталъ давать объясненія.

— Подлинный портретъ святого Франциска не здѣсь,—сказалъ онъ, продолжая начатый раньше разговоръ.—Нѣсколько ниже есть святой Францискъ, написанный Маненте. Мы его потомъ увидимъ. Пожалуйте...

Ноэми тихо спросила Жанну, что съ ней, но когда та спокойно отвѣтила: „ничего“, она вошла въ часовню и стала слушать объясненія монаха. Тогда черная фигура отдѣлилась отъ стѣны. Жанна увидѣла, какъ человѣкъ въ черномъ сталъ медленно подниматься въ тѣни подъ стрѣльчатыми сводами. Дойдя до верхней площадки, онъ повернулъ налѣво, исчезъ по лѣвую сторону, потомъ вдругъ снова появился на поворотѣ лѣстницы, въ глубинѣ, и въ эту минуту его озарилъ лучъ свѣта, падавшій изъ невидимаго окна. Онъ поднимался медленно, какъ будто съ

трудомъ. Прежде чѣмъ исчезнуть за стѣной аркады, онъ наклонилъ голову, чтобы взглянуть внизъ. Жанна узнала его.

Въ одну секунду, точно подчиняясь молніеносной волѣ, управляющей ею, точно гонимая вихремъ своей судьбы, блѣдная, съ твердой рѣшимостью въ душѣ, но не зная еще, что̀ она скажетъ, что̀ сдѣлаетъ, она пошла вверхъ по лѣстницѣ. Пройдя верхнюю площадку, ступая на освѣщенную часть лѣстницы, она оступилась, упала и съ минуту лежала, не поднимаясь; такимъ образомъ Ноэми, выйдя изъ часовни, не увидѣла ее и подумала, что она спустилась внизъ, въ поискахъ за портретомъ святого Франциска. Жанна снова поднялась и пошла впередъ, охваченная страстью, не внимая призывамъ къ святости и покою въ изображеніяхъ на священныхъ стѣнахъ. Вокругъ нея было тихо и пусто. Она шла незнакомой дорогой, твердо и быстро, какъ въ гипнозѣ, проходила по темнымъ переходамъ, по свѣтлымъ промежуткамъ, не колеблясь ни на минуту, не глядя ни направо, ни налѣво, ничего не видя, вся обратившись въ слухъ, слѣдя за отдаленнымъ шорохомъ, за легкимъ скрипомъ двери въ отдаленіи,—и когда открылась отъ ея толчка послѣдняя дверь, она очутилась лицомъ къ лицу съ Пьеро.

Онъ тоже узналъ ее на лѣстницѣ, когда она прошла мимо. Онъ былъ почти увѣренъ, что она его не узнаетъ, но все же держался вдали отъ обычнаго пути посѣтителей монастыря. Когда же онъ услышалъ въ отдаленной залѣ, куда скрылся, шорохъ женскаго платья, онъ понялъ и сталъ ждать ее, обернувшись лицомъ къ двери.

Она увидѣла его движеніе, застыла, какъ вкопанная, въ раскрытыхъ дверяхъ и устремила взоръ на его глаза, которые уже не имѣли выраженія глазъ Пьеро Майрони.

Онъ казался преображеннымъ. Фигура его—можетъ быть, потому, что онъ былъ одѣтъ весь въ черное,—казалась болѣе тонкой. Блѣдное, исхудалое лицо съ высокимъ лбомъ выражало такую глубину мысли и такую скорбную кротость, какой Жанна никогда въ немъ не знала. И глаза у него были совершенно другіе. Въ нихъ было несказанно-божественное выраженіе, безконечная кротость и сила, та сила, которая дается высшей любовью, идущей не изъ сердца, а изъ таинственнаго источника души. Любовь эта проникала ей не въ сердце, а въ тайники души, ей самой до того невѣдомые. Она медленно сложила руки и опустилась на колѣни.

Бенедетто приложилъ къ губамъ палецъ лѣвой руки, а другой указалъ на стѣну противъ открытаго балкона, съ котораго

видны были зеленыя рощи и слышенъ былъ ревъ глубокой рѣки. Посреди стѣны чернѣло написанное крупными буквами слово:

„Silentium“.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ того времени, какъ начертано было это слово, здѣсь никогда не раздавался звукъ человѣческаго голоса. Жанна даже не взглянула на стѣну, не видѣла ничего. Ей достаточно было, что Пьеро приложилъ палецъ къ своимъ губамъ, чтобы и она сжала свои. Но сдержать слезы, душившія ее, она не могла. Она глядѣла на него съ сжатыми губами, и тихія слезы катились по ея лицу. Неподвижно, опустивъ руки, Бенедетто стоялъ, слегка наклонивъ голову, и закрылъ глаза, погруженный въ мысли. Властное слово, чернѣвшее на стѣнѣ, говорившее о мракѣ и смерти, побѣдило эти двѣ души.

Вдругъ, черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ Бенедетто закрылъ глаза отъ ея взора, она зашаталась и вся задрожала, горько зарыдавъ. Онъ открылъ глаза, кротко взглянулъ на нее, и она стала жадно впивать его взглядъ и снова зарыдала какъ бы отъ скорбной благодарности. Онъ опять приложилъ палецъ къ губамъ, и она кивнула головой, показывая, что будетъ молчать, что будетъ спокойна. Повинуясь его знаку, его взгляду, она поднялась, отошла въ сторону, пропустила его въ открытую дверь, смиренно пошла за нимъ, съ умершей надеждой, съ умершими мечтами въ душѣ. Ея любовь превратилась въ страхъ и благоговѣніе.

Она прошла за нимъ въ часовню, которую называли верхней церковью. Тамъ, противъ трехъ маленькихъ стрѣльчатыхъ сводовъ, замыкающихъ въ себѣ мракъ, вырисовывался алтарь, и серебряное Распятіе блестѣло на темномъ фонѣ старинныхъ картинъ. Жанна опустилась на колѣни, по его знаку, на молитвенной скамейкѣ, стоявшей справа отъ большого свода; онъ же сталъ на колѣни съ лѣвой стороны. На плафонѣ свода живописецъ XIV вѣка изобразилъ Скорбную Матерь. Ее освѣщалъ лучъ, падавшій изъ высокаго окна слѣва; Бенедетто былъ въ тѣни.

Его голосъ прозвучалъ едва слышно:

— Все еще не обрѣли вѣры?

Такъ же тихо, какъ онъ, и не поворачивая къ нему головы, она отвѣтила:

— Да.

Онъ на минуту помолчалъ, и потомъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Хотите вѣрить? Хотите поступать такъ, какъ еслибы у васъ была вѣра въ Бога?

— Если для этого не нужно лгать,—хочу.

— Обѣщаете жить для страждущихъ, любить ихъ такъ, какъ еслибы каждый изъ нихъ былъ частью души, вами любимой?

Жанна ничего не отвѣтила. Она была честна, хорошо себя знала, и не могла утверждать, что она на это способна.

— Можете обѣщать мнѣ это, — продолжалъ Бенедетто, — если я обѣщаю призвать васъ къ себѣ, когда наступитъ предначертанный часъ?

Она не знала, о какомъ торжественномъ и недалекомъ часѣ онъ думалъ, говоря это, и отвѣтила, задыхаясь:

— Да, да!

— Въ тотъ часъ я васъ позову, — произнесъ голосъ въ тѣни.—Но до того никогда не ищите встрѣчи со мной.

Жанна прижала руку къ глазамъ и отвѣтила тихо:

— Не буду!

Ей казалось, что все это—горячечный бредъ. Пьеро замолчалъ. Прошли двѣ-три минуты. Она отняла руку отъ глазъ, полныхъ слезъ, и устремила взоръ на крестъ, сіявшій передъ нею на темномъ фонѣ старинныхъ картинъ. Она прошептала:

— Вы знаете, что донъ Джузеппе Флоресъ умеръ?

Молчаніе.

Жанна обернулась. Въ церкви никого, кромѣ нея, не было.

VII.

Святой.

Луна уже зашла; прохладный поздній часъ; рѣка сердито бурлила, и лишь отъ времени до времени ревъ ея переходилъ въ тихій рокотъ, точно она разсказывала кому-то, что̀ другіе не должны были слышать. Джіованни Сельва внимательно вслушивался въ говоръ рѣки. Сидя у перилъ террасы, онъ облокотился на нихъ и глядѣлъ въ темноту. Марія и Ноэми, которыя тоже вышли подышать вечерней прохладой, сидѣли въ сторонѣ. Марія шепнула что-то на̀-ухо сестрѣ, и та вышла. Оставшись наединѣ съ мужемъ, Марія наклонилась къ нему и поцѣловала ему волосы.

— Джіованни!—сказала она. Въ звукѣ его имени она часто

изливала всю свою нѣжность въ такія минуты, когда всѣ другія слова казались ей недостаточными, слишкомъ часто произнесенными множествомъ иныхъ устъ.

— Марія, — отвѣтилъ Джіованни грустнымъ, усталымъ тономъ.—Дорогая!

Она помолчала, потомъ, положивъ обѣ руки ему на голову, медленно стала гладить его волосы, говоря:

— Счастливы страдающіе за истину.

Онъ обернулся къ ней, поглядѣлъ, нѣтъ ли Ноэми на террасѣ, потомъ привлекъ къ себѣ лицо жены и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Я такъ нуждаюсь въ тебѣ, — сказалъ онъ, — въ твоей силѣ.

— Я для того и живу,—отвѣтила Марія,—и я сильна тѣмъ, что ты меня любишь.

Онъ взялъ ея руку и благоговѣйно поцѣловалъ.

— Ты видишь, что̀ со мной! — воскликнулъ онъ, поднимая лицо.—Но ты не знаешь самой глубины моихъ страданій, потому что и я этого не знаю; я старъ, и все-таки еще не знаю себя. Я какъ-разъ объ этомъ думалъ. Когда страдаютъ отъ раны, то причина страданія ясна; но когда человѣка мучитъ лихорадка, то причина темна, и никогда нельзя узнать ее вполнѣ.

Не прошло и мѣсяца со времени собранія, на которомъ говорилось о единеніи между прогрессивными католиками. Никакого единенія не вышло, но послѣдовалъ рядъ непріятныхъ фактовъ, очевидно связанныхъ съ тѣмъ, что̀ тогда происходило. Профессора Данэ архіепископъ отозвалъ въ Ирландію,—и онъ узналъ, что его немилость вызвана донесеніями изъ Рима. Только благодаря вліянію одного кардинала, его друга, у него не отняли право проповѣди и не включили его сочиненій въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Донъ Клементій больше не появлялся, и когда Джіованни посѣтилъ его въ монастырѣ, онъ со слезами на глазахъ сказалъ ему, что ихъ дружбу нужно на время скрыть, какъ прячутъ сокровища во время войны. Дону Паоло Фарэ, который читалъ въ Парижѣ лекціи о религіи для взрослыхъ, запрещено было продолжать ихъ. На молодого де-Лейни стала оказывать давленіе его семья. Мать стала умолять именемъ его умершаго отца, чтобы онъ порвалъ сношенія съ такими опасными друзьями, какъ Сельва,—и онъ былъ увѣренъ, что мать дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своего духовника. Онъ отстоялъ свою независимость, но цѣной большихъ семейныхъ непріятностей. Самымъ чувствительнымъ ударомъ для Джіованни было появленіе

въ авторитетномъ клерикальномъ журналѣ трехъ обстоятельныхъ статей о его произведеніяхъ; въ нихъ, на ряду съ литературными похвалами, были строгія порицанія его раціонализму и дерзости, съ которой онъ пишетъ о богословскихъ вопросахъ, обладая только свѣтскими знаніями. По существу, эти статьи были безпощаднымъ предварительнымъ осужденіемъ книги, которую Джіованни готовилъ къ печати, о раціоналистической основѣ христіанской морали; цѣлью критика было подвергнуть этотъ и другіе труды Сельвы папскому осужденію, помѣщенію въ списокъ осужденныхъ книгъ.

— Ты сомнѣваешься въ правотѣ своихъ идей? — спросила Марія.

Вопросъ ея не былъ искреннимъ. При всей своей любви къ мужу она ясно читала въ его душѣ и знала, что, несмотря на самостоятельность его мыслей, осужденіе церкви его очень безпокоитъ. Марія, опасаясь больно задѣть его вопросомъ, боится ли онъ, выразила другое опасеніе, чтобы вызвать его на признаніе. Но отвѣтъ Джіованни очень ее удивилъ.

— Да, — сказалъ онъ. — Я сомнѣваюсь въ себѣ. Я боюсь, что живу исключительно головой и преувеличиваю значеніе моихъ идей. Я сомнѣваюсь въ себѣ, потому что не провожу моихъ идей въ жизнь. Боюсь, что я слишкомъ презираю людей, не раздѣляющихъ моихъ мыслей, слишкомъ презираю противниковъ, вмѣсто того, чтобы отнестись къ нимъ любовно; я, можетъ быть, неправъ, чувствуя гадливость къ тому швейцарскому аббату, который пріѣхалъ тогда вмѣстѣ съ Данэ; онъ, вѣроятно, и передалъ все, что̀ у насъ говорилось, въ ненадлежащемъ свѣтѣ. Боюсь, что я веду не достаточно дѣятельную жизнь, живу слишкомъ легко, слишкомъ пріятно,—умственный трудъ вѣдь мнѣ пріятенъ. Я сомнѣваюсь даже въ моей любви къ Богу, потому что слишкомъ мало люблю своихъ ближнихъ. Ты, Марія, воплощаешь свою вѣру, работаешь на бѣдныхъ, утѣшаешь ихъ, учишь ихъ. А я ничего не дѣлаю.

Марія знала, что дѣйствительно ему недоставало теплоты братскаго чувства къ людямъ. Она чувствовала, сама боясь признаться себѣ въ этомъ, что это мѣшало ея мужу успѣшно выполнять свою великую религіозную миссію, соотвѣтствующую его интеллектуальнымъ способностямъ, его глубокой, просвѣтленной вѣрѣ, которая была у него скорѣе результатомъ ума, глубокихъ мыслей и любви къ Богу, чѣмъ плодомъ традицій и привычекъ. Она упрекала себя въ томъ, что иногда радовалась холодности Джіованни къ людямъ, потому что она придавала осо-

бую цѣнность его любви въ ней. Онъ сознавалъ свой братскій долгъ и никогда не былъ глухъ къ просьбамъ, всегда сочувствовалъ чужимъ страданіямъ. Онъ не любилъ Бога въ людяхъ,—что составляетъ пламенность любви,—а любилъ людей въ Богѣ; это—холодная любовь, любовь добраго брата къ брату, только для того, чтобы угодить Отцу. Но и это чувство бываетъ только въ лучшихъ человѣческихъ сердцахъ. Таковымъ было и сердце Джіованни—и ему было грустно сознаваться, что онъ не способенъ на высокій паѳосъ любви. Марія съ безконечной нѣжностью проводила рукой по его волосамъ, призывая на него милость и прощеніе Бога.

— Хочешь,—сказала она,—я могу сейчасъ же дать тебѣ случай сдѣлать доброе дѣло. Ноэми получила письмо отъ своей подруги Десаль и нуждается въ твоемъ содѣйствіи, чтобы помочь ей.

— Позови ее,—сказалъ онъ.

Ноэми пришла на зовъ. Въ этотъ день между ней и Джіованни прошло легкое облачко неудовольствія. У нихъ вышелъ разговоръ о религіи,—это былъ исключительный случай, такъ какъ обыкновенно они избѣгали этой темы въ бесѣдахъ. Ноэми слѣпо держалась своихъ религіозныхъ убѣжденій, и не любила спорить и обсуждать ихъ. При всей своей нѣжности къ Маріи и большомъ уваженіи къ Джіованни, она боялась разсуждать съ ними о своей вѣрѣ, чувствуя, что болѣе склонна стать на сторону скептицизма Жанны, чѣмъ прогрессивнаго либеральнаго католицизма Сельвы. Къ тому же у нея было сильное подозрѣніе, что онъ хочетъ обратить ее въ свою вѣру, и потому она въ спорѣ держала себя еще болѣе рѣзко изъ чувства самообороны. Потомъ ей стало совѣстно, что она огорчила Джіованни: она знала, сколько непріятностей онъ и безъ того терпитъ изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій, видѣла, до чего онъ разстроенъ—и ей хотѣлось загладить свою рѣзкость, тѣмъ болѣе, что и сестра ея просила относиться къ нему помягче и добрѣе. Но она рѣшила выказать ему довѣріе, разсказавъ все про Жанну. Она только сказала, что Жанна, больная тѣломъ и духомъ, услыхала, что въ Дженнэ есть святой, исцѣляющій души, и проситъ въ своемъ письмѣ узнать о немъ и написать ей. Одна Ноэми не можетъ поѣхать въ Дженнэ, и потому проситъ, чтобы Джіованни сопровождалъ ее. Вначалѣ она сообщила только это, но потомъ нарушила всѣ запреты подруги и разсказала обо всемъ, что̀ произошло. Она сказала, что бѣдная Жанна болѣе несчастна, чѣмъ когда-либо послѣ того, какъ встрѣтила въ Субіакѣ своего

бывшаго возлюбленнаго.—„Такъ, значитъ, это все-таки былъ донъ Клементій?“ —воскликнулъ Джіованни.—Нѣтъ,—отвѣтила Ноэми,—это былъ садовникъ, сопровождавшій его въ тотъ вечеръ; теперь онъ ушелъ изъ монастыря—и онъ-то и есть тотъ святой въ Дженнэ, о которомъ идетъ слава по всему округу,—о которомъ говорятъ даже въ Римѣ.—Ноэми просила простить ее за то, что она раньше не разсказала правды,—но подруга умоляла ее не говорить. Она разсказала теперь о встрѣчѣ Жанны съ Пьеро въ Священномъ Гротѣ. Ноэми подробностей свиданья не знала; Жанна ей только сказала, что всѣ ея надежды разбиты, что Майрони былъ въ монашескомъ платьѣ, говорилъ какъ человѣкъ, посвятившій себя Богу, что она обѣщала ему заняться дѣлами благотворительности и что всякія прямыя сношенія между ними прекратились. Теперь Жанна писала изъ виллы Діедо подлѣ Венеціи, гдѣ она поселилась вмѣстѣ съ братомъ, послѣ того какъ уѣхала изъ Субіака. Письмо ея было очень печальное. Братъ ея, удивленный тѣмъ, что она вдругъ вздумала посвящать столько времени бѣднымъ, сталъ возмущаться этой перемѣной ея образа мыслей и образа жизни. Пусть бы она давала имъ сколько угодно денегъ,—онъ противъ этого ничего не имѣлъ. Но звать къ себѣ въ домъ нищихъ и посѣщать ихъ въ ихъ лачугахъ—этого онъ не могъ допустить. Онъ считалъ это глупостью, сумасбродствомъ. Кромѣ того, являлись и другія препятствія. Она хотѣла вступить дѣятельнымъ членомъ въ женскіе союзы, занимающіеся помощью бѣднымъ, но къ ней относились съ недовѣріемъ; большинство дамъ чуждалось ея, помня ея исторію съ Майрони и зная ея равнодушіе къ религіи. Чѣмъ больше трудностей представлялось ей на пути, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ ней привычка къ праздности, и она чувствовала, что не сумѣетъ идти по новому пути, если не будетъ духовной поддержки отъ *него*. Видѣть его она не могла, писать не рѣшалась, такъ какъ его запретъ относился, очевидно, и къ письменнымъ сношеніямъ, и она ни за что бы не нарушила даннаго ему прямого обѣщанія. Вдругъ она прочла въ газетахъ корреспонденцію изъ Рима о „Святомъ изъ Дженнэ“. Корреспондентъ разсказывалъ, что этотъ святой еще молодъ, что онъ былъ садовникомъ въ саду при Св. Схоластикѣ. Такъ, значитъ, это онъ. Она написала письмо Ноэми, умоляя ее отправиться въ Дженнэ и обратиться къ нему съ просьбой подать ей, Жаннѣ, милостыню нѣсколькихъ ободряющихъ словъ.

Ноэми рѣшила отправиться туда и попросила Джіованни сопровождать ее, на что тотъ сейчасъ же согласился, охотно за-

бывъ ихъ мимолетную ссору. Марія предложила тоже отправиться съ ними. Рѣшено было пойти на слѣдующій же день, пѣшкомъ, и выйти изъ дому въ пять часовъ утра, чтобы не было слишкомъ жарко ходить.

О новомъ святомъ очень много всюду говорили. Въ корреспонденціи, которую читала Жанна, сказано было, что въ Дженнэ приходитъ множество людей, чтобы видѣть и послушать святого; говорили о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершонныхъ имъ; бенедиктинцы разсказывали съ преклоненіемъ о томъ, какъ онъ провелъ три года въ покаяніи и молитвахъ, работая въ саду въ Св. Схоластинѣ. Въ Субіакѣ разсказывали другое. Одинъ лѣсничій, родственникъ служанки Сельвы, говорилъ ей, что ходилъ въ Дженнэ съ какимъ-то иностранцемъ, видимо художникомъ, который пріѣхалъ изъ Рима повидать святого. На пути туда и обратно они видѣли человѣкъ пятьдесятъ, отправлявшихся туда съ той же цѣлью—все люди изъ лучшаго общества. Въ Дженнэ имъ разсказали про все, что̀ было. Разъ ночью священнику-настоятелю въ Дженнэ приснился огненный шаръ надъ большимъ крестомъ, поставленнымъ на вершинѣ холма. Огненный шаръ зажегъ крестъ, который пылалъ, не сгорая, и освѣщалъ всѣ горы и долины вокругъ. На слѣдующій день къ священнику явился молодой человѣкъ въ одеждѣ бенедектинскаго послушника и принесъ ему письмо. Въ письмѣ было сказано: „Посылаю вамъ ангела, пылающаго небеснымъ огнемъ; о немъ скоро заговорятъ въ Дженнэ и въ цѣломъ мірѣ". Въ письмѣ сказано было также, что этотъ юноша очень знатнаго рода—даже королевской крови, но работалъ какъ простой садовникъ въ монастырскомъ саду, смиряя себя передъ Господомъ. Настоятель былъ внѣ себя отъ этого совпаденія сна съ появленіемъ послушника и заболѣлъ отъ волненія. Слѣдующій день былъ праздничный. Два другихъ священника не могли замѣнить его,—одинъ былъ боленъ, другой уѣхалъ къ больной матери. Служанка настоятеля разнесла по всему околотку вѣсть о бенедиктинцѣ и о вѣщемъ снѣ священника. Масса народа собралась въ церкви, чтобы послушать, какъ будетъ служить бенедиктинецъ, который вошелъ въ церковь; они настаивали на томъ, чтобы онъ служилъ. Онъ не соглашался, говоря, что не имѣетъ права, но они упрашивали его, чтобы онъ хоть произнесъ проповѣдь. Они не отпускали его, и онъ наконецъ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ вышли изъ церкви, и сказалъ тѣмъ, которые стояли поближе отъ него, что будетъ говорить на площади передъ церковью. И тамъ онъ говорилъ. Что̀ онъ собственно сказалъ, служанка не сумѣла повторить, и Марія не могла точно узнать отъ лѣсничаго. Но

приблизительно, насколько она поняла и добавила догадками, онъ сказалъ слѣдующее:

„Развѣ вы можете войти въ церковь? Развѣ вы примирились съ вашими братьями? Помните слова Христа, говорившаго, что нельзя приближаться къ алтарю, не примирившись съ братьями? Нельзя войти въ церковь, питая злобу противъ кого-либо или нанеся обиду ближнему, или посягая на его душу. Знаете ли вы, что всѣ мессы и молитвы ни къ чему, если раньше не очистить сердца по слову Христову? Если вы осквернены злобой, уходите. Христосъ не потерпитъ васъ въ храмѣ“.

— Да что!—говорилъ лѣсничій Торквато.—Дѣло было не въ словахъ, а въ голосѣ, во взглядѣ. Всѣ стали на колѣни, плакали: нѣкоторыя женщины, враждовавшія между собой, стали обнимать другъ дружку. Святой, увидавъ это, сказалъ:—„Войдите, преклоните колѣни передъ алтаремъ. Господь теперь вошелъ въ ваши души, молитесь ему въ тишинѣ“.—Вся толпа вошла въ церковь, опустилась на колѣни, и, по словамъ Торквато, въ теченіе четверти часа было такъ тихо, что слышно было бы, если бы пролетѣла муха. Потомъ святой сталъ громкимъ голосомъ читать „Отче нашъ“, и всѣ повторяли за нимъ слова молитвы. Торквато разсказалъ еще, что настоятель, услыхавъ про все это, обнялъ и поцѣловалъ своего гостя, и этотъ поцѣлуй вылечилъ его отъ лихорадки. Тогда стали водить къ нему больныхъ, чтобы онъ ихъ исцѣлялъ своимъ благословеніемъ. Онъ отказывался, но тѣ, кому удавалось тайкомъ коснуться его платья, выздоравливали. Всѣ стали ходить къ нему за совѣтами, разсказывали о томъ, какъ онъ спасъ однимъ движеніемъ руки человѣка, упавшаго въ воду, и совершилъ множество другихъ чудесъ.

Этотъ разсказъ лѣсничаго Марія передала сестрѣ и мужу.

— Можетъ быть, все это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ королевской крови?—спросила Ноэми.

— Узнаемъ завтра,—отвѣтилъ Джіованни, поднимаясь.

Они вышли часовъ въ шесть утра; небо было облачное, дулъ легкій вѣтерокъ, благоухали лѣса и горы, пѣли птицы. Поднимаясь вверхъ по узкой дорожкѣ для муловъ, они оставили по лѣвую руку монастыри Св. Схоластики, Священнаго Грота, Св. Лаврентія и пошли по мосту, перекинутому черезъ горный потокъ. Дорогой они много говорили о святомъ, къ которому направлялись. Джіованни удивлялся, что донъ Клементій ничего не сообщалъ ему о необычайныхъ дарованіяхъ молодого садовника. Ему понравилась переданная со словъ лѣсничаго рѣчь Бенедетто передъ церковью. На эту тему онъ много бесѣдовалъ съ дономъ

Клементіемъ, указывая ему на то, что слово Христово не соблюдается на практикѣ, что лучшіе изъ христіанъ не примѣняютъ его въ жизни. Если бы вѣрующіе не входили въ церковь, не очистивъ душу, христіанская мораль дѣйствительно была бы самой высокой въ мірѣ. Ему понравилось также чтеніе „Отче нашъ" въ церкви вмѣстѣ съ причтомъ. Но онъ очень неодобрительно отнесся къ разсказамъ о чудесахъ. Онъ считалъ непростительной слабостью со стороны Бенедетто то, что онъ не сумѣлъ сразу порвать съ суевѣріемъ толпы, создающей такого рода славу.

Джіованни спросилъ Ноэми, какое представленіе у нея объ этомъ человѣкѣ. Она затруднялась дать опредѣленный отвѣтъ. Разсказы о немъ Жанны убѣждали ее, что Майрони поступилъ съ нею нехорошо, что онъ никогда не любилъ ее настоящимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней пробуждалось странное любопытство: ей хотѣлось знать, полюбилъ ли бы этотъ человѣкъ ее больше, чѣмъ Жанну. Она отвѣтила Джіованни, что характеръ Майрони—для нея загадка. О его развитіи и умѣ она ничего опредѣленнаго не можетъ сказать. Очевидно, что если такая женщина, какъ Жанна, его полюбила, то онъ человѣкъ достойный въ умственномъ отношеніи.—„А каковы были его прежніе религіозные взгляды?"—спросилъ Джіованни. Ноэми сказала, что, судя по нѣкоторымъ фактамъ, извѣстнымъ ей отъ Жанны, по тому, какъ онъ подъ вліяніемъ семейныхъ религіозныхъ традицій порвалъ съ нею въ разгаръ ихъ любви, онъ былъ тогда католикомъ старой школы.

Они продолжали идти нѣсколько времени молча, изрѣдка лишь встрѣчая по пути горцевъ, спускавшихся внизъ на мельницу въ Субіакѣ, на мулахъ, нагруженныхъ мѣшками съ зерномъ. Они остановились отдохнуть на большомъ лугу при поворотѣ въ Дженнэ. Солнечные лучи пробивались сквозь тучи и золотили горы. Пустившись снова въ путь, они увидѣли ѣдущаго имъ навстрѣчу на мулѣ знакомаго доктора изъ Дженнэ.

— Вы отправляетесь въ Дженнэ?—спросилъ онъ.—Посмотрѣть святого? Сегодня тамъ масса народу.

Масса народу? Ноэми это было очень непріятно: она боялась, что ей не удастся обстоятельно поговорить съ Майрони. Сельва и Марія стали спрашивать, почему тамъ будетъ много народу. Оказалось, что нѣсколько сосѣднихъ городовъ хотятъ переманить святого къ себѣ, а мѣстныя женщины не отпускаютъ его.

— И все это дѣлается для того, чтобы я могъ отдохнуть,—

прибавилъ докторъ.—А также чтобы дать отдыхъ аптекарю. Теперь докторомъ сталъ бенедиктинецъ, а его одежда замѣняетъ аптеку.

Онъ разсказалъ, что сегодня пріѣдутъ делегаты изъ Филеттино, изъ Треви, для переговоровъ съ мѣстными жителями, чтобы какъ-нибудь подѣлить между собою святого.—Можетъ быть, еще дѣло до драки дойдетъ.

— Вы, однако, тоже называете его святымъ?—сказала Марія.

— Да,—засмѣялся докторъ. — Всѣ его такъ зовутъ. Есть, однако, люди, считающіе его дьяволомъ.

— Да неужели? Кто же это? И почему?

Докторъ скорчилъ лукавое лицо человѣка, который много знаетъ, но не хочетъ говорить всего.—Тутъ, въ Дженнэ,—сказалъ онъ,—проживаютъ два священника изъ Рима—продувной народъ!.. Мнѣ они не говорили своего мнѣнія о святомъ, но настоятель уже начинаетъ немножко отстраняться отъ него. Они потихоньку дѣлаютъ свое дѣло... какъ насѣкомыя, которыя губятъ растеніе, не касаясь ни плодовъ, ни цвѣтовъ, ни листьевъ, даже не корней,—потому что ихъ бы тамъ открыли,—а внѣдряются въ сердцевину и тамъ остаются. Пройдетъ мѣсяцъ, другой—и растеніе непремѣнно засохнетъ.

— Но вы сами что̀ о немъ думаете?—спросила Марія.— Дѣйствительно ли этотъ человѣкъ выдаетъ себя за святого? Неужели его радуетъ слава, которою его окружаетъ суевѣрная толпа? Правда, что онъ исцѣляетъ больныхъ?

Докторъ продолжалъ смѣяться, слушая ее.—Я смѣюсь,—отвѣтилъ онъ.—Это случай заразной мистической психопатіи. Простите, я спѣшу въ Субіакъ. Всего хорошаго.

Ноэми была болѣе всѣхъ взволнована ожидаемой встрѣчей съ человѣкомъ, котораго любила Жанна, и отъ волненія стала чувствовать усталость. Они отдохнули вторично у начала подъема въ Дженнэ. Тамъ они услышали чьи-то шаги за собой и обернулись. Какой пріятный сюрпризъ—донъ Клементій! Прекрасное лицо монаха тоже озарилось радостью. Онъ преклонялся передъ Сельвой, и съ трудомъ удерживался отъ искушенія видаться съ нимъ вопреки запрещенію настоятеля. Теперь же онъ счелъ неожиданную встрѣчу подаркомъ судьбы и присоединился къ друзьямъ безъ всякаго колебанія. Марія представила его Ноэми, и онъ покраснѣлъ, узнавъ ту, которую принялъ за искусительницу Бенедетто.

— А гдѣ же ваша подруга? — спросилъ онъ, боясь услышать, что она тутъ же гдѣ-нибудь по близости. Узнавъ, что ея

нѣтъ, онъ просіялъ. Ноэми улыбнулась, замѣтивъ, какъ онъ обрадовался; тогда онъ еще больше смутился. Другіе тоже улыбнулись, но никто ничего не сказалъ. Первымъ прервалъ молчаніе Джіованни. Онъ сказалъ, что имъ навѣрное по пути—вѣдь донъ Клементій, конечно, идетъ въ то же мѣсто, куда и они—къ садовнику, котораго онъ привелъ къ нимъ въ тотъ знаменательный вечеръ. Донъ Клементій отвѣтилъ, что, дѣйствительно, идетъ къ Бенедетто. Онъ извинился въ томъ, что представилъ его тогда подъ видомъ садовника. Это было не обманомъ, а желаніемъ, чтобы Джіованни сблизился съ нимъ непосредственно, безъ воздѣйствія, ничего не зная заранѣе о немъ.

Продолжая вмѣстѣ дальнѣйшій путь, они заговорили о Бенедетто. Ноэми, забывъ усталость, жадно слушала падре. Онъ же, какъ нарочно, говорилъ очень мало и очень осторожно, такъ что она отъ нетерпѣнія почувствовала снова усталость. Она взяла подъ-руку Марію и предоставила ея мужу разговаривать съ монахомъ, идя впереди дамъ. Тогда донъ Клементій признался Джіованни, что идетъ къ Бенедетто съ очень непріятнымъ порученіемъ. Кто-то, очевидно, написалъ въ Римъ въ непріязненномъ для Бенедетто духѣ, обвиняя его въ произнесеніи еретическихъ рѣчей, въ томъ, что онъ чуть ли не выдаетъ себя за чудотворца, и что онъ носитъ монашеское платье, не имѣя на это права. Объ этомъ написали изъ Рима настоятелю Св. Схоластики, который приказалъ ему, дону Клементію, отправиться въ Дженнэ и потребовать, чтобы Бенедетто снялъ монашескую одежду. Донъ Клементій тщетно старался отговорить настоятеля отъ этого рѣшенія. Это ему не удалось, и такъ какъ все равно кого-нибудь послали бы съ этимъ порученіемъ, то донъ Клементій предпочиталъ взять эту миссію уже лучше на себя. Кромѣ того, онъ получилъ странное письмо отъ священника-настоятеля изъ Дженнэ. Настоятель былъ честный, но боязливый человѣкъ. Онъ написалъ дону Клементію, что Бенедетто, по его мнѣнію, дѣйствительно благочестивый христіанинъ, но онъ слишкомъ много говоритъ о религіи со всѣми, и въ рѣчахъ его есть несомнѣнная доля квіетизма и раціонализма. Онъ сообщалъ, что его обвиняютъ въ пользованіи дьявольской властью для распространенія своихъ идей. Это обвиненіе онъ, конечно, считалъ лишеннымъ всякаго основанія, но предпочиталъ, чтобы Бенедетто все-таки не жилъ у него. Онъ считалъ, что лучше всего ему было бы уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ онъ могъ бы жить спокойно, никому невѣдомый.

Ихъ разговоръ прерванъ былъ голосомъ Маріи, которая звала

мужа. У Ноэми сдѣлалось сердцебіеніе отъ усилившейся жары, и ей нужно было еще разъ отдохнуть. Обѣ дамы сѣли на камень. Донъ Клементій попрощался на короткое время, чтобы потомъ снова увидаться съ ними въ Дженнэ. Марія была очень встревожена утомленнымъ видомъ сестры, и раскаивалась, что позволила ей идти пѣшкомъ. Она и Джіованни глядѣли на Ноэми, которая улыбалась имъ, очень поблѣднѣвшая. Они молчали всѣ трое, и среди дикой каменистой природы имъ становилось нѣсколько жутко. Они почувствовали облегченіе, услышавъ за собой голоса поднимающихся вверхъ путешественниковъ. Ѣхало человѣкъ шесть-семь съ двумя мулами, и они пѣли молитвы. Когда они приблизились, то верхомъ на мулахъ появились молодая дѣвушка и молодой человѣкъ, оба исхудавшіе какъ скелеты. Дѣвушка, при видѣ Сельвы и двухъ дамъ, широко раскрыла глаза; у молодого человѣка глаза были закрыты. Остальные продолжали молиться съ сосредоточенными лицами. Однообразная молитвенная мелодія сливалась съ топотомъ муловъ и терялась въ высотѣ. Вскорѣ вслѣдъ за грустной процессіей показалась поднимавшаяся вверхъ группа веселыхъ молодыхъ людей, которые шли, смѣясь и разговаривая объ очень суетныхъ дѣлахъ. При видѣ Джіованни и двухъ дамъ они смолкли, и только пройдя дальше, стали снова смѣяться и шутить, говоря, что Джіованни можетъ быть и есть святой между двумя искусительницами.

Большое облако съ серебряными краями, первое изъ стаи облаковъ, несшихся на западъ, затемнило солнце; Ноэми, успѣвшая отдохнуть, предложила воспользоваться прохладой и продолжать путь. Пройдя нѣсколько дальше, они встрѣтили человѣка въ черномъ, который спускался внизъ на мулѣ.

— Простите,—сказалъ онъ дамамъ, останавливая мула:—можетъ быть, одна изъ васъ—ея свѣтлость, герцогиня ди Чивителла?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ извинился, объяснивъ, что одинъ его другъ, сенаторъ, просилъ его выѣхать навстрѣчу этой герцогини, которую онъ не зналъ въ лицо, и сопровождать ее въ Дженнэ, гдѣ она хочетъ повидаться со святымъ.

— Что же,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—и вы, вѣроятно, идете къ нему же? Теперь всѣ идутъ и ѣдутъ къ нему. Прежде приходили сюда, чтобы видѣть папу. Да, здѣсь былъ папа Александръ IV. Вы увидите надпись, свидѣтельствующую объ этомъ. А теперь пріѣзжаютъ смотрѣть на святого. Думаютъ, что онъ выше папы. Боюсь, что онъ ниже папы. Видѣли вы двухъ больныхъ? Видѣли римскихъ студентовъ? Увидите еще много другихъ по-

сѣтителей. Но боюсь, что онъ этого не стоитъ. Добраго пути, господа!

Пройдя дальше, они поднимались, подъ прояснившимся небомъ, между зелеными скатами, окаймлявшими лощину Дженнэ, среди которой высилась церковная башня. Джіованни здѣсь уже бывалъ, и никакихъ измѣненій не нашелъ, несмотря на пребываніе здѣсь святого, будто бы совершающаго чудеса. Женѣ его, которая впервые была здѣсь, показалось, что это мѣсто—подходящее для религіознаго созерцанія по тишинѣ и уединенности. Ноэми съ грустью подумала о бѣдной Жаннѣ, которая томится вдали.

Съ итальян. З. В.

АЛЕКСАНДРЪ ЕГОРОВИЧЪ
БЕЙДЕМАНЪ

Біографическій очеркъ.

Кто былъ А. Е. Бейдеманъ и стоитъ ли знакомить читателя съ личностью, которая почти неизвѣстна?

На такой вопросъ я отвѣчу: да, пожалуй почти никто въ публикѣ не знаетъ А. Е. Бейдемана, даже по имени,—и это жаль. Жаль, что у насъ исчезаютъ люди, жизнь которыхъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ, — а между тѣмъ она проходитъ иногда безслѣдно.

А. Е. Бейдеманъ былъ художникъ далеко не дюжинный; но и художники едва знаютъ его и знаютъ только съ одной стороны. Это объясняется не только нашей апатичностью, лѣнью и равнодушіемъ, но и тѣмъ, что судьба, не давъ возможности развиться таланту А. Е. во всей полнотѣ, прекратила преждевременно его жизнь.

Изъ документовъ академіи художествъ мы знаемъ, что А. Е. Бейдеманъ былъ ея ученикомъ, награжденъ медалями за представленныя работы, но не былъ удостоенъ первой золотой медали, дающей право на отправку за границу. Извѣстно также, что впослѣдствія А. Е. былъ признанъ академіей адъюнктъ-профессоромъ и скончался въ 1869 году.

Мы, близко знавшіе А. Е., можемъ къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ добавить съ своей стороны, что онъ былъ родомъ молдаванинъ; что отецъ его занимался подрядами для дѣйствующей

русской арміи во время войны и, потерявъ въ этомъ дѣлѣ свое состояніе,—умеръ, оставивъ въ наслѣдство вдовѣ, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, процессъ, который тянулся десятки лѣтъ. Знаемъ, что вдовѣ было тяжело жить съ ограниченными средствами, при заботѣ о содержаніи и воспитаніи дѣтей.

Старшій сынъ Александръ, о которомъ идетъ рѣчь,— былъ опредѣляемъ то въ одну, то въ другую школу, и съ трудомъ дотащился до гимназіи; но и здѣсь ему не везло: учителя наводили на него скуку безсодержательными уроками, отбили охоту къ наукѣ, и онъ, бросивъ безполезное ученіе, началъ ходить въ академію художествъ, куда влекла его любовь къ рисованію.

Въ академіи талантъ А. Е. Бейдемана былъ замѣченъ; болѣе другихъ профессоровъ отличалъ его живой, умный и геніальный (нынѣ развѣнчанный невѣждами) К. П. Брюлловъ. При этомъ онъ пользовался совѣтами даровитаго художника, А. А. Агина.

Въ это время А. Е. сблизился съ выдающимися учениками академіи: Трутовскимъ, Лагоріо, Соколовымъ, Чернышевымъ, Филипповымъ, Хлопонинымъ и Осиповымъ. Но особенно тѣсно сдружился онъ съ Трутовскимъ и Лагоріо, съ которыми сплотили его юныя надежды, любовь къ искусству и недостатокъ средствъ.

Время, о которомъ я говорю,—было вторая половина сороковыхъ годовъ. Я жилъ тогда въ пажескомъ корпусѣ—и никого изъ упомянутыхъ юныхъ художниковъ не зналъ. Свои личныя воспоминанія о Бейдеманѣ приведу послѣ, а пока предлагаю прочесть воспоминанія К. А. Трутовскаго, который, по моей просьбѣ, написалъ ихъ въ 1877 году. На рукописи Трутовскій набросилъ портретъ Бейдемана, какимъ онъ былъ въ молодости.

Вотъ ея содержаніе.

I.

„Въ 1845 году, окончивъ курсъ въ инженерной академіи и оставшись преподователемъ при инженерномъ училищѣ, я началъ ходить въ академію художествъ, въ качествѣ вольноприходящаго. Не помню, при какихъ обстоятельствахъ, но я очень скоро сошелся съ Бейдеманомъ и Лагоріо. Оба они давно уже были между собой пріятелями, и мы цѣлый день были вмѣстѣ, то въ академіи, то у Бейдемана, который жилъ тогда вмѣстѣ съ матерью, маленькимъ братомъ и двумя сестрами. Скоро къ нашему тріо присоединились еще Хлопонинъ и Осиповъ. Всѣмъ намъ было

каждому около 20-ти лѣтъ, всѣ мы были восторженные юноши; всѣ наши разговоры, всѣ занятія касались одного искусства. Мы читали все, что попадалось объ искусствѣ, пріобрѣтали, на послѣднія деньги, какія-нибудь изданія, касающіяся искусствъ,—и нашъ кружокъ рѣзко отдѣлялся отъ другихъ учениковъ, которые шли чисто академическимъ путемъ, и далѣе академическихъ задачъ не шли. Насъ не увлекали академическія программы; насъ занимала живость народныхъ сценъ,— сценъ типичныхъ и даже фантастическихъ. Въ то время жанръ еще былъ въ младенчествѣ, и наши академическіе авторитеты не очень благосклонно на него посматривали и, конечно, презирали отъ глубины души. Увлекало насъ также *черченіе* карандашомъ, вкусное, ловкое и характерное. Тогда отличался въ этомъ родѣ Чернышевъ. Изъ всѣхъ насъ Бейдеманъ, конечно, былъ самый талантливый и самый восторженный и увлекающійся. Его южная натура сказывалась во всемъ (онъ былъ изъ Молдавіи). Все, что выходило изъ его рукъ, все носило отпечатокъ яркаго таланта и оригинальности. Писалъ ли онъ этюдъ, рисовалъ ли рисунокъ, чертилъ ли — все у него выходило какъ-то не такъ, какъ у другихъ. Но ярче всего выказывалась его оригинальность въ композиціяхъ. Тутъ у него не было соперниковъ. Расположеніе фигуръ, пятна свѣта и тѣни, типы головъ, все это выходило у него совсѣмъ не такъ, какъ у другихъ. Воображеніе было у него блестящее. Бывало, когда мы сочиняли эскизъ на заданную тему, то какъ ни старались сдѣлать что-нибудь новое, какъ только сравнивали свой эскизъ съ эскизомъ Бейдемана, то тотчасъ бросалась въ глаза огромная разница. Подзадоренные сочиненіемъ Бейдемана, каждый изъ насъ хотѣлъ къ слѣдующему мѣсяцу сдѣлать что-нибудь въ такомъ же родѣ. Но приходилъ экзаменъ,—и Бейдеманъ опять выставлялъ что-нибудь еще болѣе оригинальное и своеобразное. Изъ профессоровъ одинъ Брюлловъ (К. П.) своимъ чутьемъ цѣнилъ Бейдемана и на экзаменѣ, большей частью, ставилъ Бейдеману за эскизъ 1-й №, а слѣдующимъ—20-й и 30-й, чтобы показать, какъ выдавался Бейдеманъ своимъ дарованіемъ. Нѣкоторые его эскизы были восхитительны, и, кажется, еслибы онъ занялся такими картинами, гдѣ играетъ роль воображеніе, то онъ имѣлъ бы европейскую извѣстность. Вкусу у него была бездна, а также того художественнаго чутья, съ которымъ художникъ чувствуетъ всякую линію, всякую черту, характеризующую лицо, фигуру или предметъ. Мы, бывало, занимались тѣмъ, чтобы ловко и характерно начертить какую-нибудь шляпу съ широкими полями, или сапогъ, или другой предметъ, —

и все же характернѣе всѣхъ и ловче выходило все у Бейдемана.

„Средства у Бейдемана, какъ и у всѣхъ насъ, были ничтожны; и кромѣ того, у него была семья, которую онъ содержалъ; мы же, остальные члены нашего кружка, были одиноки. Картинъ въ то время онъ почти не писалъ,—не писалъ потому, что для этого нужно было имѣть средства, спокойствіе, и онъ, чтобы добыть деньги, долженъ былъ рисовать въ разныя изданія. Много онъ рисовалъ въ сатирическій журналъ „Искра", издаваемый Неваховичемъ; рисовалъ глупыя каррикатуры на камнѣ. Его мучила эта нелѣпая работа; но что было дѣлать! — работа эта давала ему постоянныя, хотя и небольшія средства.

„Когда Бейдеманъ былъ еще очень молодъ, на него имѣлъ большое и плодотворное вліяніе художникъ А. А. Агинъ, человѣкъ очень умный, даровитый и горячо любившій искусство. Объ Агинѣ у насъ мало знаютъ, хотя это былъ человѣкъ, глубоко понимавшій искусство. Къ сожалѣнію, онъ проявилъ себя только въ рисункахъ и композиціяхъ;—и въ нихъ онъ высказалъ огромныя дарованія, особенно въ томъ отношеніи, что шелъ по пути, уклонявшемуся отъ рутинной академической композиціи. Бейдеманъ былъ очень близокъ съ Агинымъ; а потомъ и мы всѣ сблизились съ нимъ, и очень часто проводили у Агина вечера, толкуя объ искусствѣ,—и какіе это были пріятные вечера! Агинъ хотя былъ гораздо старше насъ, но горячность у него была юношеская. Обыкновенно, мы кончали наши вечера пѣніемъ, хотя и нестройнымъ, — но всякій тянулъ свою ноту съ полнымъ усердіемъ. Я тогда очень любилъ читать стихи, и читалъ ихъ съ ожесточеніемъ. Бейдеманъ больше всѣхъ восторгался моимъ чтеніемъ.

„Бейдеманъ былъ тогда друженъ съ Ѳедотовымъ, и часто посѣщалъ его на Васильевскомъ-Острову, въ 16-й линіи. Я еще не былъ тогда знакомъ съ Ѳедотовымъ, и Бейдеманъ разсказывалъ мнѣ о работахъ его, о томъ, какъ онъ самъ добивался всего въ техникѣ, и какъ искалъ свои типы. Кромѣ Ѳедотова, въ то время не было въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, ни одного художника-жанриста, у котораго можно было бы поучиться, зайти въ его мастерскую, поглядѣть, какъ работаетъ;—и всѣ мы искали дороги своей. Изъ профессоровъ никто не могъ быть полезенъ: всѣ они очень мало обращали вниманія на художниковъ народныхъ сценъ, мало того,—относились къ нимъ съ пренебреженіемъ. Одинъ Бруни, какъ образованный человѣкъ, могъ относиться иначе,—но зато онъ любилъ,

чтобъ ученики его были въ очень почтительномъ отношенiи къ нему и чувствовали бы, что онъ—начальство. Ко мнѣ еще онъ былъ благосклоннѣе, потому что я былъ военный и инженеръ, и не вполнѣ ученикъ академiи.

„Лѣтомъ, Бейдеманъ жилъ или проводилъ все время съ Лагорiо. Они ѣздили вмѣстѣ писать этюды на Лахту и на взморье; у нихъ была своя лодка, которой они сами, или, лучше сказать, Лагорiо управлялъ мастерски. Во время этихъ экскурсiй, этюды писалъ Лагорiо, а Бейдеманъ предавался far-niente: лежалъ на травѣ и изучалъ природу больше глазами.

„Никто изъ старыхъ и опытныхъ профессоровъ не могъ указать Бейдеману истинный его путь, сообразный съ характеромъ его таланта. Если профессоръ говорилъ, что надо прежде всего изучить рисунокъ, то указывалъ на произведенiя Егорова, Шебуева и др.; но что̀ могъ ощущать такой живой и впечатлительный художникъ, какъ Бейдеманъ, глядя на эти правильно нарисованныя, но сухiя и безжизненныя произведенiя! Онъ чувствовалъ, какъ всѣ мы, что нужно еще что-то, кромѣ правильности. Это чувствовалось, но не было талантливаго человѣка, который бы разъяснилъ намъ этотъ вопросъ. Конечно, со временемъ Бейдеманъ понялъ все, но поздно, уже тогда, когда голова его ушла далеко впередъ противъ техники, и воображенiе работало съ неудержимой силой. Поэтому у Бейдемана, нѣтъ ни одного серьезнаго, оконченнаго произведенiя, которое бы выказало настоящее свойство его таланта; и онъ удовлетворялъ потребность своего творчества и воображенiя въ композицiяхъ и мелкихъ работахъ.

„Въ 1850 году я вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ харьковскую губернiю, ахтырскiй уѣздъ. Деревня, гдѣ я поселился, представляла собою очаровательный уголокъ Малороссiи: усадьба, домъ, деревня, все это было окружено садами; за садами виднѣлись пруды, за прудами лѣсъ. Я испытывалъ невыразимое наслажденiе, послѣ двѣнадцати-лѣтней жизни въ Петербургѣ. Южный климатъ, малороссiйскiй народъ, полная независимость помѣщичьей жизни, мечты о томъ, что тутъ я буду работать, дѣлать этюды, собирать типы,—все это вмѣстѣ дѣлало жизнь въ деревнѣ такою привлекательною, что не хотѣлось куда-нибудь ѣхать. А ѣхать надо было! Если бы въ то время достало доброй воли выбраться изъ деревни да отправиться туда, гдѣ сосредоточена дѣятельность художниковъ, туда, на Западъ, въ Римъ, Парижъ и т. д., то, вѣроятно, вышло бы совсѣмъ другое!.. Въ деревнѣ я въ первый разъ взялъ кисть въ

руки и сталъ писать масляными красками съ натуры; ѣздилъ по окрестнымъ деревнямъ, по ярмаркамъ, и все зачерчивалъ; все меня интересовало въ высшей степени. Лѣтомъ, въ томъ же году, я получилъ письмо отъ Бейдемана изъ Петербурга, въ которомъ онъ мнѣ писалъ, что будетъ скоро въ Харьковѣ съ Неваховичемъ, и желалъ бы видѣться со мной. Я, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ этого извѣстія, и, дѣйствительно, скоро получилъ еще письмо уже изъ Харькова отъ Бейдемана; тотчасъ же велѣлъ закладывать въ свою старомодную коляску четверку высокихъ и костлявыхъ коней — и отправился въ Харьковъ, который былъ отъ моей деревни въ 120-ти верстахъ. Путешествіе на своихъ лошадяхъ, по проселочнымъ дорогамъ, при нѣкоторыхъ неудобствахъ, все же очень пріятно, но, конечно, лѣтомъ. Ѣдешь не спѣша; пока лошади кормятся, гуляешь по селу, въ которомъ остановился, и питаешься взятой съ собою дома, приготовленной въ изобиліи, провизіей; и 120 верстъ проѣдешь не менѣе, какъ въ $2^1/_2$ сутокъ... Я и теперь очень люблю такія путешествія, особенно (даже исключительно) по Малороссіи. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я тотчасъ полетѣлъ въ ту гостинницу, гдѣ остановился Бейдеманъ. Встрѣча наша была самая восторженная: мы душили другъ друга въ объятіяхъ, болтали безъ умолку, и рѣшили завтра же ѣхать ко мнѣ въ деревню. Путешествіе вдвоемъ съ Бейдеманомъ было для насъ истиннымъ наслажденіемъ. Онъ на каждомъ шагу вскрикивалъ: „Удивительно! удивительно!“ И не мудрено: онъ чуть ли не съ дѣтства жилъ въ Петербургѣ, и не видѣлъ сельской природы, которая всегда нравится городскому жителю, даже не такому восторженному, какъ Бейдеманъ. Когда же, наконецъ, мы пріѣхали въ деревню мою (Поповку), то чуть оба не прыгали отъ восторга, да и дѣйствительно прыгали. Явились на столъ вареники, галушки, борщи, разныя наливки; чай пили въ одномъ изъ садовъ. Послѣ обѣда разстилались ковры въ саду; и мы тамъ нѣжились, вдыхая чудесный воздухъ. Со мной жила тогда моя сестра, шестнадцати лѣтъ; она была хорошенькая дѣвушка, и Бейдеманъ произвелъ на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Бейдеману она тоже нравилась; и онъ безпрестанно чертилъ ея профиль, фигуру и, по своему обыкновенію, восторгался и кричалъ: „Удивительно!“

„Дней пять, которые пробылъ у меня Бейдеманъ, прошли очень быстро. Не хотѣлось еще уѣзжать такъ скоро, но ему оставаться долѣе было невозможно. Мнѣ, не помню, почему-то, нельзя было опять ѣхать изъ деревни,—и Бейдеманъ уѣхалъ одинъ.

„Послѣ этого свиданія въ деревнѣ я не видѣлъ Бейдемана нѣсколько лѣтъ. Въ это время я переѣхалъ въ другую деревню, курской губерніи, женился, ѣздилъ за границу; и когда я увидѣлъ Бейдемана въ 1858 году, то уже прежней дружбы между нами не существовало. Онъ во многомъ измѣнился, какъ, вѣроятно, и всѣ мы, и въ искусствѣ онъ избралъ новую и совершенно другую дорогу. Онъ сталъ изучать съ свойственной ему страстностью византійскій стиль живописи, и, повидимому, хотѣлъ придать формамъ этого стиля, часто сухимъ, жизненность и красоту въ изящномъ и правильномъ рисункѣ и болѣе красивой композиціи. Я разъ или два былъ у него въ академіи, гдѣ онъ имѣлъ казенную квартиру, потомъ у него въ домѣ на Васильевскомъ-Острову, а потомъ мы долго не видѣлись. Какая именно произошла въ немъ внутренняя перемѣна, я судить не могъ; но по наружности онъ быль уже не такъ живъ и не такъ сообщителенъ. Послѣдній разъ я былъ у Бейдемана въ его домѣ, зимой; въ его мастерской было что-то начато имъ, но что̀ — не помню. Черезъ нѣсколько дней, я услышалъ, что онъ заболѣлъ; я собирался навѣстить его, какъ вдругъ слышу, что его не стало!..

„Съ воспоминаніемъ о Бейдеманѣ связано для меня воспоминаніе о первой молодости, молодыхъ, нерѣдко дикихъ порывахъ и стремленіяхъ; въ моемъ воображеніи ясно воскресаетъ его милое, оригинальное южное лицо, и я, какъ будто, слышу его любимое восклицаніе: „Удивительно!..“ Я убѣжденъ, что еслибы нашъ кружокъ былъ въ иныхъ условіяхъ, въ иной обстановкѣ, то изъ каждаго изъ насъ вышло бы совсѣмъ не то, что̀ вышло теперь...“

II.

1850-й годъ, — какъ видно изъ „Воспоминаній“ К. Я. Трутовскаго, — разлучилъ юныхъ друзей. Въ половинѣ мая Бейдеманъ уѣхалъ съ Неваховичемъ, издателемъ иллюстрированнаго журнала „Искра“, изъ Петербурга на югъ. Трутовскій уѣхалъ къ себѣ въ деревню; Лагоріо оставался въ Петербургѣ и писалъ картину на первую золотую медаль.

При какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Лагоріо — не помню. Мы скоро сошлись дружески; я у него часто бывалъ, читалъ ему во время его работы и съ нетерпѣніемъ поджидалъ пріѣзда Бейдемана. Лагоріо жилъ въ одномъ домѣ съ матерью Бейдемана, у которой столовался. Онъ познакомилъ

меня съ этой доброй женщиной, ожидавшей съ нетерпѣніемъ возвращенія сына.

Выѣхавъ изъ Петербурга, Бейдеманъ, по дорогѣ, свернулъ въ харьковскую деревню, къ другу своему Трутовскому, и затѣмъ продолжалъ путь до Одессы, гдѣ Неваховичъ скончался. Отсюда Бейдеманъ пустился далѣе на югъ, — употребивъ на это весь свой заработокъ,—заѣхалъ въ Бендеры, къ сестрѣ своей матери; въ Ѳеодосіи навѣстилъ сестру Лагоріо, и черезъ Тифлисъ проѣхалъ въ Грузію, до самыхъ окраинъ Кавказа.

12-го января 1851 года, А. Е. Бейдеманъ явился въ Петербургъ, послѣ девятимѣсячнаго путешествія. Онъ ѣхалъ съ разными попутчиками и обозами, присаживаясь къ нимъ, и возвратился благополучно, но безъ гроша денегъ, съ безконечнымъ запасомъ жизненныхъ впечатлѣній. Его особенно поразилъ Кавказъ, своей природой и типами.

Мы встрѣтились безъ особенныхъ изліяній чувствъ и восторговъ; но, при частыхъ свиданіяхъ и бесѣдахъ, между нами сказалась такая полная солидарность во взглядахъ на жизнь и искусство, что мы искренно полюбили другъ друга. Вскорѣ не было у него никого ближе меня, и у меня—ближе его. Мы видѣлись ежедневно; и свиданія наши незамѣтно продолжались часами. Лагоріо былъ нашъ третій другъ; составилось новое юное тріо;—я замѣнилъ Трутовскаго, уѣхавшаго въ провинцію. Настроеніе наше было восторженное; мы поклонялись искусству; въ душахъ нашихъ былъ гимнъ природѣ, красотѣ и свободѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Бейдеманъ былъ заваленъ работами на деревяшкахъ для различныхъ изданій, и получалъ за рисунки, смотря по величинѣ ихъ,—отъ 50 коп. до 3 рублей. Этими работами онъ помогалъ своей матери.

Но что̀ представляла собою эта работа на деревяшкахъ, оказывавшая помощь художнику и его семейству? Была ли она пріятная, легкая, приносила ли ему пользу? Теперь объ этой работѣ почти никто не имѣетъ никакого понятія. Работа эта, какъ видно изъ сохранившихся документовъ, состояла въ томъ, что издатель какого-либо журнала или книги обращался къ художнику съ такимъ заказомъ: „При семъ прилагаю три деревяшки. На нихъ нужно нарисовать: 1) Слонъ работаетъ, по колѣно, или выше колѣнъ, въ водѣ, веревкой тащитъ затопленное бревно; слонъ пятится къ берегу. На берегу—полуодѣтые люди. Вдали, въ водѣ, еще два слона, также работаютъ. У каждаго на шеѣ проводникъ, полуодѣтый и черный; а у того, что на первомъ

планѣ, проводникъ очень старый и безпечно лежащій на его шеѣ. Дѣло, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы нарисовать, какъ *пятится* слонъ съ *тяжелымъ* бревномъ".

„2) Охота на тигра, изъ прилагаемой книги, и только то, что отчеркнуто; кистей и колокольчиковъ на головѣ слона—не надо. Корнаку, или проводнику, надо дать въ руки ружье, которымъ онъ старается выстрѣлить въ голову тигра.

„3) Слонъ, съ старымъ проводникомъ, вбѣжалъ выше колѣнъ въ воду, опрокинулъ небольшую плывшую лодку съ двумя гребцами и аравитяниномъ; они плаваютъ въ водѣ; лодка опрокинута; слонъ хоботомъ схватилъ дитя, бывшее въ водѣ, и подаетъ своему проводнику, сидящему у него на шеѣ. Дитя — лѣтъ девяти, полуодѣтое и черное.

„Если можно — первую деревяшку сдѣлать не позже, какъ завтра, а потомъ и остальныя.

„*Необходимо нужно какъ можно скорѣе* и доставить Ег. Вас. Гогенфельдену, для вырѣзанія. Ужасно нужно, право"...

Бывали и такіе заказы: „1) Нарисовать двухъ собакъ; 2) тушканчика, траву и кусты; 3) пожилого персіянина, бѣдно одѣтаго и смотрящаго, какъ кузнецъ куетъ у горна и поетъ пѣсни; 4) изобразить вѣтеръ самумъ, налетающій на Хакима, который ѣдетъ по дорогѣ на одногорбомъ верблюдѣ; 5) бой быковъ въ Испаніи; 6) движущіеся столы; 7) птицелова" и т. д.

Не правда ли, какъ все это интересно и легко исполнимо для художника, который долженъ рисовать безъ натуры? Невольно приходятъ на память слова, сказанныя мнѣ К. Брюлловымъ: „Художникъ долженъ знать столько данныхъ, сколько ихъ въ природѣ"...

Такъ приходилось зарабатывать юному художнику средства для своего существованія; да еще въ то же время требовалось, чтобы онъ ежемѣсячно представлялъ къ экзамену классный рисунокъ съ натуры, классный этюдъ масляными красками и эскизъ на заданный сюжетъ.

Работа на деревяшкахъ также доставляла не мало заботы художнику. Ему предстояло удовольствіе видѣть свой рисунокъ вырѣзаннымъ плохимъ граверомъ въ такомъ видѣ, что оставалось съ болью въ сердцѣ развести руками и вытаращить глаза. При этомъ онъ могъ еще видѣть и слышать, какъ читающіе смѣялись надъ его рисункомъ, искаженнымъ до неузнаваемости. Необходимость заставляла его все выносить, мириться съ обстоятельствами и даже радоваться, когда подобные заказы слѣдовали одинъ за другимъ.

Случалось и такъ, что не только плохой граверъ портилъ рисунокъ, но тупоумный цензоръ зачеркивалъ его безцеремонно и надписывалъ красными чернилами *на немъ*: „печатать не дозволяется“; или отдавалъ приказъ переставить фигуры съ одной стороны на другую, перемѣнить выраженіе лица, которое ему не нравилось и казалось неприличнымъ для изображаемаго начальника.

III.

А. Е. Бейдеманъ хотѣлъ изобразить на своей картинѣ юнаго художника, къ которому мать привела молодую стыдливую дочь для позированія. Эскизъ былъ имъ хорошо обдуманъ, милъ, деликатно понятъ и прочувствованъ; но у него не было времени для такой работы, — надо было пробивать себѣ дорогу; и онъ рѣшилъ, для полученія серебряной медали, написать портретъ своей матери. Всѣ пріятели радовались, что портретъ оказался удачнымъ; академія удостоила его серебряной медали 27-го сентября 1851 года. Но впереди была малая золотая медаль, которую необходимо было получить, чтобы имѣть право работать на большую золотую, дающую средства ѣхать за границу на нѣсколько лѣтъ, за счетъ академіи. Эта большая золотая медаль есть цѣль, къ которой стремятся всѣ ученики, такъ какъ заграничная поѣздка, дѣйствительно, можетъ расширить горизонтъ художника, познакомивъ его съ подлинными произведеніями великихъ и разнообразныхъ мастеровъ. Въ числѣ другихъ и Бейдеманъ принялъ участіе въ конкурсѣ на вторую золотую медаль, для которой было задано: „Іоаннъ Предтеча проповѣдуетъ въ пустынѣ“. Эскизъ былъ утвержденъ, Бейдеману отведена мастерская въ академіи и работа началась...

Я не видѣлъ начала исполняемой имъ програмы, такъ какъ уѣхалъ на лѣто въ Малороссію; но, возвратясь къ осени въ Петербургъ, тотчасъ поспѣшилъ навѣстить своего друга и посмотрѣть его работу.

При входѣ въ мастерскую, я увидѣлъ прежде начатую программу, доведенную до половины, стоявшую въ сторонѣ; а на виду былъ большой холмъ, на которомъ изображенъ тотъ же сюжетъ, въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ и измѣненномъ видѣ. Я былъ пораженъ задушевностью и смѣлостью композиціи, оставившей далеко за собою первоначальный эскизъ. Мы обнялись. Работа была доведена почти до конца, и Бейдеманъ ждалъ только прихода совѣта профессоровъ, отъ которыхъ зависѣла его судьба.

Дни шли; онъ жаждалъ продолжать свою работу и долженъ былъ сдерживать свой пылъ, въ ожиданіи посѣщенія совѣта, который не приходилъ.

Спустя нѣсколько времени, я опять прихожу въ мастерскую и застаю моего друга, убитаго горемъ и растеряннаго. Совѣтъ былъ у него утромъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за отступленіе отъ утвержденнаго эскиза, и приказалъ ему окончить къ сроку прежде начатую програму и выставить ее съ прочими программами въ залахъ академіи. Такъ и было сдѣлано. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, холодной рукой, почти безучастно, онъ окончилъ къ сроку програму, не получивъ за нее медали. Но совѣтъ положилъ гнѣвъ на милость и назначилъ ему небольшое денежное пособіе.

Неужели такъ и слѣдовало поступить съ юнымъ и пылкимъ талантомъ, работавшимъ такъ, какъ требовала его душа? Неужели и художнику, въ своихъ произведеніяхъ, „не слѣдуетъ смѣть свое сужденіе имѣть“? Неужели подобный приговоръ не абсурдъ и не глубокая рана, нанесенная юному таланту? Какое оправданіе можно найти совѣту академіи?—Такъ спрашивалъ я многихъ; и мнѣ отвѣчали, что отступленіе отъ утвержденнаго эскиза не дозволено потому, что художнику можетъ помогать чужая рука. Если бы это было дѣйствительно такъ, то рѣшеніе совѣта было бы правильное и даже мягкое. Но вѣдь такое объясненіе здѣсь не имѣло смысла потому, что за работой конкуррентовъ совѣтъ обязанъ наблюдать. Кромѣ того, неужели опытные профессора не дошли до того, чтобы видѣть—рука ихъ ученика или не его рука работала? — Рѣшеніе профессоровъ объясняется просто ихъ рутиною, непростительной холодностью и лѣнью, которая мѣшаетъ имъ чаще посѣщать мастерскія конкуррентовъ. Не было между ними уѣхавшаго тогда за границу умирать К. Брюллова! Онъ обнялъ бы талантливаго ученика, далъ бы ему медаль и денежную поддержку,—я твердо въ этомъ убѣжденъ; онъ всегда отличалъ Бейдемана передъ всѣми.

IV.

Въ 1853 году, Бейдеману пришлось вторично конкуррировать на малую золотую медаль, на тему „Бѣгство Св. Семейства въ Египетъ“. На этотъ разъ медаль была ему присуждена.

Время шло. Сидя въ моей уединенной мастерской, окруженной садикомъ, мы бесѣдовали съ Бейдеманомъ о своихъ рабо-

тахъ, о моей поѣздкѣ въ Малороссію, съ наступленіемъ весны, и о предстоящей ему работѣ на конкурсъ, для полученія медали.

Былъ великій постъ, и я, увлеченный службой страстной недѣли, началъ рядъ рисунковъ на темы изъ св. писанія. Окончивъ рисунокъ на молитву: „Св. ангелы и архангелы, всѣ святые, молите о насъ грѣшныхъ", и сцену передъ причащеніемъ говѣющихъ,—я началъ почью, въ тишинѣ, рисунокъ на слова Христа: „Пріидите ко мнѣ, всѣ трудящіеся и обремененные". Сюжетъ этотъ очень интересовалъ Бейдемана; онъ внимательно слѣдилъ за эскизомъ, который былъ оконченъ въ разсвѣту. Простившись, мы разошлись, каждый къ себѣ.

Утромъ я получилъ отъ Бейдемана секретно посланную мнѣ изъ академіи, наскоро набросанную карандашомъ, записку, въ которой онъ извѣщалъ, что вызванъ на конкурсъ, сидитъ теперь взаперти и дѣлаетъ эскизъ на заданную ему тему: „Пріидите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные". Въ той же запискѣ онъ просилъ позволенія воспользоваться нашей вчерашней бесѣдой и сдѣланнымъ эскизомъ. Я несказанно былъ радъ такому счастливому стеченію обстоятельствъ.

Эскизъ Бейдемана былъ утвержденъ, и ему предстояло написать эту програму къ осени. Мы вскорѣ послѣ этого простились, и я уѣхалъ въ Малороссію.

Работая на эту программу, Бейдеманъ опять увлекся, внесъ жизненный современный интересъ, изобразивъ царя, схожаго съ императоромъ Николаемъ I, который на колѣняхъ обращается къ Христу. Тутъ же были славяне, греки, воины, дѣти и взрослые, рабы и бѣдняки... Казалось бы, такъ и слѣдовало,—вѣдь тогда была война: Севастополь громили враги, флотъ былъ уничтоженъ; Россіи грозила еще бо́льшая бѣда. Царь, дѣйствительно, въ это время страдалъ; и душа его искала опоры и помощи—въ молитвѣ. Но совѣтъ увидѣлъ въ этомъ ослушаніе и вольнодумство—и въ медали Бейдеману отказалъ.

Уже не разъ, обезкураженный холоднымъ отношеніемъ академіи, Бейдеманъ горевалъ и волновался; но по настоянію родныхъ, въ 1855 году, вторично явился конкуррентомъ на первую золотую медаль на тему „Христосъ въ домѣ у Мареы и Маріи". Я не видѣлъ этой программы; но знаю лишь то, что медали Бейдеманъ опять не получилъ, и что вмѣсто этого ему было дано званіе художника 14-го класса. Онъ просилъ задать ему еще разъ программу; но совѣтъ не согласился...

Я лично давно потерялъ всякое уваженіе къ академіи; мнѣ опротивѣла она своею условностью и бездушнымъ отношеніемъ

къ молодежи. Конечно, при нашей дружбѣ съ Бейдеманомъ, я имѣлъ на него вліяніе, критикуя рутинныя требованія академіи. Примѣры равнодушнаго отношенія профессоровъ къ ученикамъ были постоянно передъ глазами,—и одинъ изъ нихъ былъ особенно возмутителенъ:

Бѣдный, трудолюбивый и талантливый ученикъ, Павелъ Сорокинъ, былъ въ числѣ конкуррентовъ на первую золотую медаль. Ему было задано: „Первые мученики христіанства въ Россіи".— Добросовѣстно работалъ Сорокинъ (Павликъ, какъ мы его называли, братъ профессора Евграфа и мозаиста Василія), вѣрно передалъ содержаніе; все было хорошо—техника, выраженіе—но что же?.. въ медали ему отказали по его *молодости*. Павликъ нашъ повѣсилъ голову, одурѣлъ и опечалился. Впослѣдствіи онъ добрелъ до права быть отправленнымъ за границу; и тамъ я его видѣлъ; видѣли и другіе, знавшіе его прежде. Онъ былъ неузнаваемъ, ходилъ растерянный, ничего не понимая... Мы всѣ жалѣли его и, глядя на него, еще болѣе чувствовали не только охлажденіе, но и злобу на академію, бывшую когда-то для насъ храмомъ искусства, передъ которымъ замирало наше сердце... Мы благоговѣли тогда и передъ ея жрецами. Но теперь хотѣлось прокричать всѣмъ о пошлости академіи, одурачить ее, и мы задумали рисовать пародіи на ея требованія, изобразить нѣсколько излюбленныхъ ею сюжетовъ въ такомъ видѣ, чтобы совѣтъ профессоровъ пришелъ въ недоумѣніе, серьезно разбирая ихъ. Затѣя наша не осуществилась. Бейдеманъ былъ уже не въ состояніи продолжать борьбу съ академіей; къ тому же, многолѣтній процессъ его матери съ казной счастливо окончился: онъ получилъ небольшой капиталъ, женился, удалился отъ докучливаго и пошлаго круга своихъ родныхъ—въ Гатчину, гдѣ отдыхалъ въ тихой семейной жизни.

Въ 1856 году я нерѣдко навѣщалъ его; и мы рѣшили, съ наступленіемъ весны, отправиться за границу; и дѣйствительно, весной 1857 года, Бейдеманъ съ женой и ребенкомъ и я выѣхали изъ Петербурга: онъ—въ Мюнхенъ, а я—въ Швейцарію.

V.

Въ тихомъ, переполненномъ художниками, Мюнхенѣ Бейдеманъ успокоился и чувствовалъ себя счастливымъ. Здѣсь онъ началъ писать сцену мирнаго препровожденія времени мюнхенскихъ жителей въ общественномъ саду, гдѣ на переднемъ планѣ—

его жена и ребенокъ [1]). Кромѣ того, онъ сдѣлалъ эскизъ для картины, также изъ мѣстной жизни, изображающей „патера, несущаго дары по улицѣ, для причащенія больного". День клонится къ вечеру, видны окрестныя горы и жилища, народъ благоговѣйно преклоняетъ колѣни передъ процессіей [2]).

Хорошо жилось Бейдеману въ Мюнхенѣ; но я звалъ его въ Парижъ, въ центръ художественной жизни, куда съѣзжались художники Англіи, Бельгіи, Германіи, а также изъ другихъ странъ Европы и всего свѣта. Здѣсь было богатое собраніе искусства всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; жизнь была не такая замкнутая, и художественный пульсъ билъ въ то время въ Парижѣ. Къ тому же, мы тосковали другъ о другѣ въ разлукѣ; хотѣлось дѣлиться новыми впечатлѣніями.

Наша переписка кончилась тѣмъ, что Бейдеманъ съ семьей переѣхалъ въ Парижъ.

Поселились мы другъ отъ друга далеко; онъ—на Монмартрѣ, а я—близъ Люксембургскаго сада. Несмотря на огромное, раздѣлявшее насъ, пространство и работу, мы видѣлись часто и знакомились съ городомъ и толпой, сидя на верху городскихъ омнибусовъ, сновавшихъ по улицамъ въ разныя стороны, останавливались, гдѣ приходилось, чтобы закусить, и опять продолжали разъѣзжать по городу. Были дни, когда мы проводили время въ музеяхъ Лувра, Люксембурга, Версаля, бродили по церквамъ, разсматривая работы мастеровъ; и это служило намъ мотивами для безконечныхъ бесѣдъ.

Случалось сходиться въ ресторанахъ съ русскими художниками: Боголюбовымъ, А. Чернышевымъ, Лагоріо, М. Клодтомъ и другими; и тутъ опять шли горячіе споры о направленіи русской школы, о парижской академіи и о цѣломъ рядѣ художниковъ всѣхъ націй. Эти споры обнаружили ясно различіе нашихъ взглядовъ на искусство: особенно возбуждалъ неудовольствіе Делакруа (Евгеній), за котораго стояли Бейдеманъ, Боголюбовъ и я, а прочіе бранили за небрежность и неоконченность въ рисункѣ.

Къ этому времени относится первое знакомство Бейдемана съ техникой гравированія острой водкой на мѣди, наше увлеченіе идеями свободы и поклоненіе геніальному писателю, разоблачавшему язвы родной Россіи,—Герцену. Такъ, однажды, вечеромъ, у меня въ квартирѣ былъ набросанъ эскизъ „Коло-

[1]) Картина эта не кончена, и въ настоящее время находится въ Петербургѣ въ музеѣ Имп. Александра III.

[2]) Эскизъ картины, подаренный мною В. Е. Маковскому, находится у него въ собраніи.

кола", звонящаго на всю Европу, звуки котораго пробуждаютъ Россію отъ ея апатіи. Этотъ эскизъ былъ нарисованъ окончательно Бейдеманомъ и посланъ Герцену въ подарокъ, за что получена отъ него благодарность, съ приложеніемъ его фотографій намъ въ подарокъ.

Въ Парижѣ я познакомилъ Бейдемана съ двоюроднымъ братомъ моимъ, гр. Алексѣемъ Толстымъ, который поручилъ ему давать уроки племяннику и племянницѣ своей будущей жены, С. А. Б. Кромѣ того, я рекомендовалъ его священнику при русскомъ посольствѣ, І. В. Васильеву, какъ художника, которому смѣло можно и даже слѣдуетъ поручать работы въ строившейся тогда въ Парижѣ русской церкви.

На лѣто мы съ Бейдеманомъ и нашими семьями отправились въ Нормандію, къ океану, и поселились недалеко другъ отъ друга, онъ—въ маленькомъ городкѣ Вёль, а я—въ деревнѣ Соттевиль; и мы часто посѣщали другъ друга. Бейдеманъ задумалъ написать двѣ картинки изъ нормандской жизни.

Вернувшись въ Парижъ, я узналъ, что предсѣдательница академіи художествъ, великая княгиня Марія Николаевна, желаетъ назначить вице-президентомъ князя Г. Г. Гагарина, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и я немедленно познакомилъ съ нимъ Бейдемана. Это знакомство очень пригодилось моему другу въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ переселился съ семьей.

VI.

Въ концѣ 1860 года я выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, и мы вновь увидѣлись съ Бейдеманомъ послѣ долгой разлуки.

Въ это время Бейдеманъ пробавлялся кое-какими заказами и уроками. Въ числѣ его учениковъ былъ молодой гардемаринъ, худой и болѣзненный, съ большими способностями къ живописи и правильнымъ взглядомъ на искусство. Занимаясь подъ руководствомъ Бейдемана, онъ познакомился съ гравированіемъ на мѣди острой водкой и сдѣлалъ три гравюры для издаваемой мною тогда „Живописной Украины". Это былъ извѣстный позже всѣмъ и недавно погибшій художникъ Вас. Вас. Верещагинъ [1]). Бейдеманъ также принялъ участіе въ моемъ изданіи, и далъ

[1]) Добровольно отправившись на войну, Верещагинъ увидѣлъ весь ужасъ и гнусность этого дикаго и отвратительнаго истребленія людей людьми для рѣшенія ихъ спора между собою,—и изобразилъ это въ своихъ картинахъ.

нѣсколько работъ: „Засѣданіе въ судѣ черноморскихъ казаковъ", „Нищіе", „Евреи" и „Видъ казацкой станицы". Всѣ эти гравюрки были свѣжи, талантливы и типичны.

Въ 1861 году открылась вакансія на мѣсто адъюнктъ-профессора при академіи художествъ, и совѣтъ академіи, по баллотировкѣ, присудилъ это мѣсто бàловнику К. Брюллова—Михайлову. Однако, такого отступленія отъ обычнаго способа избранія преподавателей великая княгиня Марія Николаевна не утвердила и потребовала, чтобы мѣсто было предоставлено тому, кто получитъ премію по конкурсу на заданную тему. Михайловъ отказался отъ участія въ конкурсѣ, на который явилось пять состязателей.

Конкурсная задача была: „Аполлонъ и Діана истребляютъ семейство Ніобеи".

Бейдеманъ сдѣлалъ картонъ съ фигурами въ натуральный ростъ. Сцена была живая и производила впечатлѣніе; въ ней было сохранено чувство красоты въ мужскихъ и женскихъ фигурахъ разныхъ возрастовъ; при этомъ знаніе формъ было передано свободно и мастерски.

Рано утромъ,—до рѣшенія совѣта,—я пришелъ съ Бейдеманомъ въ залы академіи, чтобы взглянуть на выставленные къ конкурсу картоны, и, не доходя до его картона, уже ясно видѣлъ громадную разницу его работы съ прочими конкуррентами. Не сомнѣваясь въ побѣдѣ, я обнялъ и расцѣловалъ моего друга.

— Лёва, это *ты* такъ увѣренно говоришь; но что̀ скажетъ совѣтъ?..

Совѣтъ, къ нашей общей радости, на этотъ разъ присудилъ ему первый нумеръ.

Съ утвержденіемъ Бейдемана адъюнктъ-профессоромъ академіи, матеріальная его жизнь была сравнительно обезпечена, такъ какъ онъ получилъ квартиру съ отопленіемъ и жалованье въ пятьсотъ рублей въ годъ. Кромѣ того, у него явилась возможность внести жизнь въ летаргическій сонъ академіи.

Небольшіе рисунки Бейдемана съ натуры отдѣльныхъ фигуръ его конкурснаго картона „Семейство Ніобеи" находятся въ моемъ собраніи у И. Н. Терещенко. А картонъ?.. Гдѣ же самый картонъ, свидѣтельствующій объ изученіи формъ человѣка, красотѣ его, о смѣломъ рисункѣ, о талантливой композиціи, умѣньи придать интересъ сюжету, исполненному и передѣланному сотни разъ художниками? Увы!.. скатанный въ валекъ, картонъ много разъ мѣнялъ помѣщеніе по чердакамъ, а по смерти Бейдемана,

когда я пожелалъ его купить, оказался совершенно съѣденнымъ мышами!...

Съ 1861-го по 1870-ый годъ, дѣятельность А. Е. Бейдемана значительно усилилась. Онъ писалъ образа на мызу великаго князя Михаила Николаевича (близъ Стрѣльны) и плафонъ въ его петербургской дворцовой церкви, а также образа для дворцовой церкви въ Ливадіи и образа для церкви въ больницѣ императора Александра II, въ Петербургѣ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки великимъ князьямъ, занимался съ учениками академіи и биржевой школы; работалъ въ русской парижской церкви, въ имѣніи князя Барятинскаго, не пренебрегая никакими заказами.

Около 1863 г., Бейдеманъ составилъ прекрасный рисунокъ, замѣчательный по композиціи, въ память манифеста 19-го февраля 1861 г., съ котораго сдѣлана была гравюра и приложена къ одному изъ изданій Гоппе. Это было время, когда мы были далеко другъ отъ друга. Я жилъ въ пензенской своей деревнѣ, и могъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ съ нимъ, только по его письмамъ, довольно частымъ.

Изъ этихъ писемъ видно, какъ много работалъ Бейдеманъ, какъ тяготила его весьма многочисленная родня, и какъ рвался онъ освободиться отъ этой обузы. Разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Россіи, онъ вездѣ отыскивалъ работы, — ѣздилъ для этого и въ Европу,—но съ трудомъ работа доставалась ему, туго и скупо оплачивалась. Наконецъ, мало-по-малу, началъ матеріально оправляться Бейдеманъ: хотя частью въ долгъ, онъ обзавелся небольшимъ домомъ съ садикомъ въ 20-й линіи Васильевскаго-Острова и съ любовью устроивалъ семейное свое гнѣздо. Его радовало проявленіе новой жизни въ ученикахъ академіи, зарожденіе артели художниковъ,—будущихъ членовъ „Передвижной выставки".

... „Авось,—писалъ онъ мнѣ,—съ пріѣздомъ въ свой домъ, при которомъ мастерская, дѣло вести будетъ сподручнѣе, да я и не буду брать срочныхъ большихъ работъ, а погружусь въ мои композиціи; буду дѣлать маленькія картины, эскизы, картоны; займусь гравюрой; и жду всякаго блага отъ этого. Тогда-то займемся вмѣстѣ. Такое время составляетъ цѣль моей жизни; между тѣмъ и дѣтки подростаютъ. Мы съ женою значительно старѣемъ и все къ покою ближе, а теперь наше состояніе хотя и не описывай—чуть не каторжное: ни покою, ни радостей"...

Стремясь всею душою соединиться съ нимъ и работать, я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ обремененъ хозяйствомъ и дѣлами—дворянскими и земскими. Мнѣ оставалось только —

жалѣть объ изнуряющихъ его трудахъ, о скудномъ заработкѣ, бояться за его столь необходимое здоровье и радоваться, что онъ близится къ идеалу и цѣли своей жизни. Вотъ, вотъ, думалъ я, еще немного, и—мой Саша броситъ вынуждаемую необходимостью работу, расправитъ крылья и, вольный, свободный, полетитъ въ иной міръ, міръ красоты и фантазіи,— тотъ міръ, котораго всегда жаждала его душа и который вполнѣ былъ ему родной...

Но наши надежды остались надеждами; имъ не пришлось сбыться!

Въ письмѣ, отъ 9-го марта 1870 года, въ воскресенье, въ шесть часовъ вечера, жена А. Е. Бейдемана писала мнѣ:

„Добрый другъ мой, Левъ Михайловичъ! сейчасъ получила я письмо ваше. Не знаю, о чемъ писать вамъ сперва,—о несчастной ли кончинѣ моего Саши, или о моемъ безвыходномъ положеніи. Саша, можно сказать, умеръ не своею смертью, а убитъ *гипсомъ*, — руками Микель-Анджело, которыя лежали на полкѣ, въ кабинетѣ надъ дверьми. Ему показалось, что я зову его,—онъ вышелъ на лѣстницу посмотрѣть, и, возвратясь, такъ хлопнулъ сильно дверью, что гипсъ сорвался (24 фунта) съ полки и упалъ ему на голову, сдѣлалъ большую рану. Но онъ не лишился чувствъ, даже не упалъ, а побѣжалъ въ кухню; и мы сейчасъ стали прикладывать воду съ арникой; сейчасъ же явился докторъ и перевязалъ, какъ слѣдуетъ. Это было въ четвергъ, 13-го февраля. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо; рана стала заживать; онъ работалъ, былъ веселъ и спокоенъ; но черезъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ, у него сдѣлалась рожа на головѣ, а вслѣдъ за нею—воспаленіе клѣтчатки; — и въ четвергъ, 27-го февраля, его не стало“... „У меня все описали. Я сижу какъ въ темномъ лѣсу, и не знаю, откуда забрезжитъ свѣтъ. Голова моя идетъ кругомъ; одного, чего я боюсь,—чтобы не сойти съ ума“...

VII.

Прослѣдивъ въ бѣгломъ очеркѣ жизнь А. Е. Бейдемана, считаю нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ фактахъ.

Первое — мы видимъ: юношу безъ отца, очутившагося на чужбинѣ, въ сѣверной столицѣ,— съ матерью, отягощенною денежнымъ процессомъ, обремененною заботами о дѣтяхъ.

Второе—мы видимъ юношу, пылкаго уроженца юга, попав-

шаго въ среднюю школу, гдѣ господствовало стадное, рутинное и безсодержательное обученіе, способное охладить и оттолкнуть даровитую натуру отъ преподавателей чепухи. Юноша отказывается отъ такого просвѣщенія и поступаетъ въ академію художествъ, куда влечетъ его природа. Здѣсь онъ скоро выдѣляется изъ массы учениковъ, обращаетъ на себя вниманіе профессоровъ,—и тогдашній полубогъ К. Брюлловъ шлетъ ему поцѣлуй за его эскизъ. Отличіе передъ другими воодушевляетъ и укрѣпляетъ юнаго художника; затѣмъ, по выѣздѣ больного К. Брюллова за границу, онъ работаетъ подъ строгимъ и умнымъ наблюденіемъ художника А. Агина, сближается съ П. А. Ѳедотовымъ, вступаетъ въ товарищескія отношенія съ молодыми, талантливыми учениками. Но въ моментъ, когда, достаточно подготовленный въ техникѣ, онъ желаетъ отдаться собственному влеченію, его встрѣчаетъ бездушная рутина профессоровъ, лишаетъ заслуженной первой медали. Онъ бросаетъ Петербургъ и ѣдетъ за границу—искать разрѣшенія своей художественной задачи.

Далѣе—мы видимъ постоянное скитаніе талантливаго художника для отысканія заработка. Наконецъ, его надежда избавиться отъ гнетущей нужды начинаетъ осуществляться, и въ это самое время... роковая судьба лишаетъ его жизни, не давъ возможности вылить въ живописи давно скопившіяся мысли и чувства. И онъ, такъ искренно любящій жену и дѣтей, видитъ, что оставляетъ ихъ въ нуждѣ и долгахъ... А я, который былъ ему ближе всѣхъ, на котораго онъ разсчитывалъ, умирая, обремененный заботами и платежами, былъ безсиленъ сдѣлать что-либо, сидя за тысячу верстъ...

Молодымъ художникамъ имя Бейдемана неизвѣстно; люди, близко знакомые съ русскимъ искусствомъ, знаютъ его по двумъ — тремъ работамъ, хранящимся въ галереѣ Третьякова, („Изображеніе головы Спасителя“ и набросокъ, осмѣивающій рьяныхъ аллопатовъ и хирурговъ).

Мнѣ приходилось не разъ слышать отзывы о Бейдеманѣ не иначе, какъ объ *иконописцѣ*; при этомъ многіе еще прибавляли: „кажется, *какой-то*“...

Какой иконописецъ могъ получать отъ К. Брюллова похвалы за бойкіе, энергичные, талантливые эскизы? Какой иконописецъ могъ рисовать безконечное количество самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ для всевозможныхъ изданій? Какой иконописецъ могъ получить премію по конкурсу за сложный, большой картонъ съ голыми фигурами въ натуральную величину, съ сильными движеніями, смѣлыми ракурсами, — или могъ зло, остроумно

одной чертой набросить каррикатуру своего профессора? Какой иконописецъ справился бы съ трудной задачей выразить въ рисункѣ смыслъ манифеста 19-го февраля, съ массой правдивыхъ фигуръ самыхъ разнообразныхъ типовъ Россіи [1]? Какой иконописецъ могъ быть настолько проникнуть огненнымъ свободнымъ словомъ Герцена чтобы послать ему въ подарокъ рисунокъ звонящаго въ набатъ колокола? Какой иконописецъ принялъ бы участіе въ сочиненіи на конкурсъ памятника Пушкину [2], или, пораженный сценой покончившихъ съ собою любовниковъ, непосредственно передалъ бы это впечатлѣніе холсту [3]; или будетъ писать портретъ чахоточной молодой дѣвушки, жизненно передавая это тяжелое впечатлѣніе [4]?..

Нѣтъ, А. Е. Бейдеманъ былъ не иконописецъ, а громадный и разнообразный талантъ, который отъ каррикатуръ и передачи глубокихъ идей, трагическихъ и любовныхъ сценъ—могъ углубляться и всею душою понять религіозное смиреніе и святой экстазъ.

Тяжелая необходимость зарабатывать пищу, одежду и теплый уголъ себѣ и семьѣ заѣдала его, и писаніе иконъ служило ему только поддержкой. Не было бы такой необходимости, — и онъ вознесся бы въ другой міръ—міръ фантазіи, философіи и исторіи человѣчества; еще немного времени... и онъ удивилъ бы насъ своими произведеніями, ихъ новизною и глубиною пережитыхъ мыслей и чувствъ.

Поучительна жизнь А. Е. Бейдемана, честно трудившагося человѣка, случайно и преждевременно погибшаго. Я никогда не видѣлъ его празднымъ; онъ всегда работалъ, вѣчно искалъ работы; и отдыхъ его состоялъ въ бесѣдахъ объ искусствѣ, его цѣли и глубокомъ значеніи.

Онъ—былъ бы головою выше многихъ академическихъ профессоровъ, взятыхъ вмѣстѣ, и осмѣялъ бы ихъ отжившую рутину и ихъ самихъ, требовавшихъ рабскаго подчиненія условнымъ и затхлымъ воззрѣніямъ на искусство, осуждавшихъ всякое смѣлое проявленіе личнаго чувства и самостоятельности. Имъ было недоступно пониманіе вдохновеннаго творчества. Они не признавали

---

[1]) Слѣдовало бы этотъ рисунокъ распространить ко дню 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ. Оригиналъ его находился въ кабинетѣ импер. Александра II.

[2]) Бейдеманъ вылѣпилъ изъ воска прекрасный эскизъ этого памятника и подарилъ мнѣ, по окончаніи конкурса, который состоялся послѣ смерти Бейдемана. Не знаю, куда исчезъ этотъ эскизъ.

[3]) Работа эта хранится у меня въ имѣніи Погорѣльцахъ.

[4]) Находится эскизъ тамъ же.

права человѣка на свободное проявленіе личности, настаивали на выполненіи условныхъ движеній, условной одежды, требовали условныхъ формъ и даже условныхъ пейзажей. Они выросли во лжи и неправдѣ; по ихъ понятіямъ, простота, искренность, правдивость и живое изображеніе жизни были неумѣстны въ искусствѣ. Они были вымирающіе представители вымирающей системы.

Мы, ученики академіи, не раздѣляли взглядовъ профессоровъ. Мы чувствовали трупный запахъ въ ихъ требованіяхъ, чувствовали, что пришло время освободиться отъ связывавшихъ насъ оковъ на свободу. Неизмѣримо далеки были тогдашніе профессора отъ внутренней мучительной работы, переживаемой А. Е. Бейдеманомъ. Они не понимали ни его юношеской искренности, ни его нравственныхъ терзаній.

Безучастно брошенный академіей, онъ искалъ какой-либо „*работишки*“. Въ тѣ времена, дешевые дагерротипы, а потомъ фотографіи, въ значительной степени уменьшили заказы сравнительно дорогихъ живописныхъ портретовъ. На картины почти не стало охотниковъ; оставались заказы на образа, и при этомъ по самой низкой цѣнѣ. Между тѣмъ, писаніе образовъ требовало отъ художника значительной затраты на холстъ, краски, кисти, натурщиковъ и манёкены, такъ что отъ полученной платы оставалась сумма, едва покрывающая расходъ; да и та шла не на прихоти, а опять-таки на квартиру, пищу и одежду.

Является грустное чувство, глядя на массу нарождающихся вновь художниковъ, на старѣющихъ и состарившихся, на этихъ людей, одаренныхъ тонкимъ чувствомъ, чуткихъ, нервныхъ идеалистовъ и философовъ, неспособныхъ къ наживѣ. Гибнутъ люди, гибнутъ таланты въ безплодной борьбѣ. Мало-по-малу теряя всякую надежду на осуществленіе своихъ идеаловъ и духовныхъ стремленій, не имѣя средствъ къ существованію, они взываютъ къ обществу, чтобы оно дало какую-нибудь „*работишку*“... Холодно, голодно!..

Но можетъ ли талантъ съ искрой божества, съ тѣмъ святымъ огнемъ, который горитъ въ его душѣ, получивъ „*работишку*“, отнестись къ ней безсовѣстно и равнодушно? Нѣтъ!.. Талантъ вникнетъ и въ нее, найдетъ и въ ней интересъ, освѣтитъ ее духовнымъ огнемъ, и „*работишка*“ выходитъ изъ его рукъ— одухотворенною.

Приходилось и А. Е. Бейдеману добывать хлѣбъ, рисуя всякую всячину на деревяшкахъ, иллюстрировать въ журналахъ и писать иконы. Но, какъ истинный художникъ, онъ проникался данными задачами, и чѣмъ задача была серьезнѣе, тѣмъ глубже

онъ уходилъ въ нее. Такъ, принимаясь за икону св. Антонія и прочихъ святыхъ, онъ изучалъ ихъ жизнь, изображенія, написанныя предшествующими художниками и древними иконописцами; и тогда только являлось у него одухотворенное изображеніе подвижника. Это не было равнодушнымъ повтореніемъ написаннаго, это не была своевольная потѣха красками, бьющими на эффектъ,—это было талантливое изображеніе, незамѣтно притягивающее къ себѣ, внушающее отрѣшеніе отъ плотскихъ удовольствій, отъ пустоты жизни, призывающее на подвигъ и борьбу духовную. Вглядываясь въ лики святыхъ, переданныхъ кистью Бейдемана, вы чувствуете въ себѣ глубокую духовную связь съ изображенной имъ личностью и потребность смотрѣть еще и еще,—и не можете оторвать глазъ.

А. Е. Бейдеманъ, отрѣшившись по необходимости отъ бурныхъ фантазій, мутившихъ его въ молодости, сталъ замѣчательнымъ біографомъ тѣхъ подвижниковъ христіанства, которыхъ пришлось ему изображать. Съ молитвеннымъ настроеніемъ, страдая душой, онъ проникался глубокимъ уваженіемъ къ святымъ мученикамъ давно протекшихъ временъ.

Итакъ, едва ли можно сказать о Бейдеманѣ, что это „какой-то, кажется, иконописецъ“!..

VIII.

Проходятъ десятки лѣтъ, и мы, поколѣніе за поколѣніемъ, наслаждаемся твореніями художниковъ, жившихъ душою въ своихъ произведеніяхъ... Что десятки лѣтъ! Прошли сотни лѣтъ, и генія продолжаютъ жить, приводятъ насъ въ восторгъ, потрясаютъ и возвышаютъ душу, вознося отъ земной пошлости въ область духовнаго міра, въ міръ идей, вѣчной дивной гармоніи звуковъ, чуднымъ сочетаніемъ красокъ, огненнымъ словомъ!... Что сотни лѣтъ и вѣка!.. Прошли тысячи и тысячи лѣтъ, и не умирающій огонь безсмертныхъ геніевъ и теперь поражаетъ насъ великими произведеніями въ скульптурѣ и живописи, потрясающею мощью архитектуры, невыразимою прелестью музыкальныхъ звуковъ, глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, правдивостью, простотою и силой.

Но такіе геніи рѣдки. На ихъ долю выпало великое счастье—исполнить свою творческую миссію,—а сколько такихъ же геніевъ и великихъ талантовъ, поставленныхъ въ тиски общественной жизни, погибло и гибнетъ въ ея гниломъ, засасывающемъ бе-

лотѣ, отъ безсмысленныхъ случайностей, слабаго здоровья, людского тупоумія и безучастія!...

Къ числу такихъ погибшихъ крупныхъ талантовъ я смѣло причисляю А. Е. Бейдемана, одареннаго чуткой душой, умомъ, громаднымъ воображеніемъ, художественной памятью, и настолько владѣвшаго техникой, что онъ могъ свободно высказывать то, что̀ хотѣлъ и чувствовалъ. Къ этому онъ былъ вполнѣ подготовленъ, жаждалъ исполнить задачу своей жизни, стремился къ ней многіе годы; ужасная случайность погубила его, и смерть поглотила то, что̀ онъ могъ исполнить и чего мы ожидали отъ него съ нетерпѣніемъ.

Бейдеманъ оцѣненъ не былъ при жизни и забытъ по смерти. Его смѣлый порывъ на волю изъ академической рутины, за который онъ такъ жестоко поплатился, былъ едва ли не первой искрой для послѣдующаго протеста тѣхъ 14-ти молодыхъ художниковъ, которые выступили на новый путь и, покинувъ академію, составили „*Общество передвижниковъ*".

27-го февраля исполнится тридцать-шесть лѣтъ со дня смерти Бейдемана, и я счастливъ, что имѣю возможность сказать хотя что-нибудь о забытомъ замѣчательномъ талантѣ, дорогомъ и близкомъ для меня человѣкѣ, котораго часто, очень часто вспоминаю. Быть можетъ, мои отрывочныя воспоминанія объ А. Е. Бейдеманѣ пригодятся будущимъ составителямъ исторіи русской живописи.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ

Idle Ideas in 1905. Jerome K. Jerome.

V *).

Нужно ли военным быть вѣжливыми?

Однажды я возымѣлъ желаніе мирно и пріятно провести зиму въ Брюсселѣ за работою и самоусовершенствованіемъ. Брюссель—веселый, жизнерадостный городъ, и, вѣроятно, это удалось бы мнѣ, если бы не бельгійская армія. Бельгійская армія упорно преслѣдовала и тѣснила меня. Судя по личному опыту, я долженъ сказать, что это—хорошая армія. Наполеонъ установилъ аксіому, что мы не должны упускать врага изъ виду, не должны дозволять ему подумать хотя бы на одну секунду, что онъ ускользнулъ отъ насъ. Не знаю, какой тактики придерживается бельгійская армія при другихъ обстоятельствахъ, но относительно меня планъ кампаніи былъ рѣшенъ и проведенъ ею съ успѣхомъ, изумившимъ меня самого.

Для меня оказалось совершенно невозможнымъ ускользнуть отъ преслѣдованія бельгійской арміи.

Нарочно избиралъ я самыя спокойныя, отдаленныя улицы, я выходилъ во всякіе часы: рано утромъ, въ полдень, поздно вечеромъ. У меня бывали минуты безумнаго торжества, когда я воображалъ, что я спасенъ. Ее нигдѣ не было видно, ее не было слышно.

---

*) См. выше: январь, стр. 302 и слѣд.

— Теперь,—говорилъ я себѣ,—я вздохну свободно хоть на пять минутъ.

Но я оказывался несправедливымъ по отношенію къ ней: она уже совершала обходъ. На первомъ поворотѣ до слуха моего долеталъ звукъ барабанной дроби. Прежде чѣмъ я успѣвалъ пройти четверть мили—она уже нагоняла меня. Я вскакивалъ въ вагонъ трамвая и дѣлалъ нѣсколько миль; затѣмъ, полагая, что она потеряла меня изъ виду, я соскакивалъ и продолжалъ свою прогулку. Черезъ пять минутъ меня настигалъ другой отрядъ. Я бѣжалъ домой, и бельгійская армія провожала меня торжествующей барабанной дробью. Побѣжденный, пристыженный, навсегда распростившись съ національной британской гордостью, я пробирался въ свою комнату и запиралъ дверь. Тогда побѣдоносная бельгійская армія отступала къ своимъ казармамъ.

Будь при ней музыка—я бы еще примирился съ нею: я люблю военную музыку. Но при бельгійской арміи имѣется только барабанъ, да и тотъ—не настоящій. Это—игрушечный барабанъ, похожій на тотъ, въ который я самъ барабанилъ во время оно, покуда его не отняли у меня и не пригрозили, что разобьютъ его о мою собственую голову, если я не перестану играть на немъ. По-моему, это низко—расхаживать по улицамъ, барабаня на подобной штукѣ, въ сознаніи своей безнаказанности. Никто не рѣшился бы на это, будь при немъ его мать. Вѣдь онъ даже не барабанитъ. Онъ прогуливается съ барабаномъ, колотя по немъ палочкой. Тутъ нѣтъ мелодіи, нѣтъ смысла, даже ритма нѣтъ.

Сначала, внимая ему издали, я счелъ это дѣломъ рукъ какого-нибудь мальчишки, которому слѣдовало бы ходить въ школу или приносить пользу домашнимъ, катая колясочку съ младенцемъ. Я даже спрятался въ подъѣздѣ, намѣреваясь выскочить оттуда и нарвать ему уши, когда онъ пройдетъ мимо. Къ изумленію моему, я узналъ, что это бельгійская армія готовится къ ужасамъ войны, что̀ сдѣлало меня сторонникомъ мира во что бы то ни стало.

Говорятъ, что арміи необходимы для сохраненія мира въ Европѣ. Что касается меня лично—я пошелъ бы, если понадобится, на стычку. Можно ли говорить, что войны отжили свой вѣкъ, когда взрослые люди съ перьями на шапкахъ, гремящіе желѣзнымъ товаромъ, отправляются на прогулку не иначе какъ подъ надзоромъ двоихъ людей, бьющихъ въ игрушечный барабанъ и свистящихъ въ оловянную свистульку? Отрядъ солдатъ съ ранцами за спиною, котелками и манерками, обвѣшанныхъ

всякими смертоносными орудіями и марширующихъ въ тактъ— всегда напоминаетъ мнѣ Бѣлаго Рыцаря сказки.

Я полагаю—съ практической точки зрѣнія,—что для того, чтобы сражаться за родной край или за чужой (послѣднее дѣлается чаще), часть населенія должна умѣть обращаться съ ружьемъ. Но какую пользу, при современныхъ условіяхъ войны, можетъ принести маршировка на носкахъ и построеніе въ ряды— вотъ одинъ изъ многихъ, непостижимыхъ для моего ума, вопросовъ.

Въ средніе вѣка, когда люди боролись грудь съ грудью, стройность массовыхъ движеній являлась необходимостью,—но теперь, когда мы стрѣляемъ изъ-за прикрытія бездымнымъ порохомъ, слѣдовало бы разъяснить военнымъ людямъ, что мѣсто сержанта, обучающаго новобранцевъ,—въ музеѣ рѣдкостей.

Мнѣ случилось жить близъ казармъ въ Гайдъ-паркѣ, и я основательно ознакомился съ методомъ его обученія. Въ большинствѣ случевъ сержантъ—толстякъ съ походкою индюка. Голосъ его—одно изъ чудесъ природы, и у васъ большая смётка, если вы сумѣете отличить его отъ собачьяго лая. Говорятъ, что рядовые послѣ нѣкоторой практики усвоиваютъ это различіе. Но я лично въ этомъ сомнѣваюсь. У меня какъ разъ въ эти времена была прекрасная собака, и мы забавлялись, глядя на упражненія сержанта съ его отрядомъ. Однажды онъ въ продолженіе десяти минутъ выпаливалъ, какъ всегда, свое: „Боу! Боу! Боу!"— и все шло какъ слѣдуетъ. Вдругъ, къ безграничному его изумленію, рота, повернувшись къ нему спиною, замаршировала прямо къ озеру.

— Стой!—рявкнулъ сержантъ, едва лишь къ нему вернулся голосъ, и это случилось какъ разъ во-время для того, чтобы спасти солдатъ отъ водяной могилы.

Рота остановилась.

— Кто, громъ и молнія, и все такое... сказалъ вамъ: маршъ?

Солдаты переглянулись, но ничего не сказали и были возвращены на прежнее мѣсто. Минуту спустя, повторилось то же самое. Я положительно подумалъ, что сержантъ лопнетъ, и уже готовился бѣжать въ казармы за медицинскою помощью. Но пароксизмъ прошелъ. Призывая къ себѣ на помощь соединенныя силы небесъ и ада, онъ обратился къ солдатамъ, прося ихъ объяснить ему „по-человѣчески": почему имъ вздумалось, отказавшись, очевидно, отъ его услугъ, обучаться самостоятельно?

Въ эту минуту мой Колумбъ снова залаялъ, и, благодаря ему, дѣло разъяснилось.

— Пожалуйста, уйдите, сэръ!—попросилъ меня сержантъ:—

какъ я могу обучать людей, когда ваша собака каждую минуту мѣшаетъ мнѣ?

И этотъ случай не былъ единственнымъ. То же самое повторялось неоднократно. Собака, казалось, понимала и дѣйствовала съ умысломъ. Иногда, встрѣчая на прогулкѣ солдата съ его возлюбленной, Колумбъ неожиданно рявкалъ за моею спиною, и солдатъ, моментально покинувъ свою даму, принимался продѣлывать военные пріемы.

Военное министерство обвинило меня въ дрессировкѣ собаки, но я не дрессировалъ ее: у нея отъ природы былъ такой голосъ. Я намекнулъ въ министерствѣ, что вмѣсто того, чтобы обвинять собаку, изъяснявшуюся на ея родномъ языкѣ, они лучше бы научили своихъ сержантовъ говорить по-англійски.

Власти со мною не согласились. Въ воздухѣ чувствовалась гроза, и, живя тамъ, гдѣ я жилъ, я счелъ за лучшее разстаться съ Колумбомъ. Я видѣлъ, къ чему клонитъ военное министерство, и не желалъ, чтобы отвѣтственность за несовершенство британской арміи пала на меня.

Лѣтъ двадцать тому назадъ мы переживали въ Лондонѣ бурное время, и правоспособнымъ гражданамъ было предложено образовать добровольную милицію. Я былъ молодъ и интересовался такими дѣлами гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, въ одно воскресное утро я очутился въ обществѣ пяти-шести сотъ болѣе или менѣе почтенныхъ гражданъ во дворѣ албанскихъ казармъ. Начальство полагало, что мы сумѣемъ лучше охранить свои дома и защищать нашихъ женъ и дѣтей, если постигнемъ тайны маршировки и усвоимъ поворотъ глазъ „налѣво".

Для этой цѣли къ намъ былъ откомандированъ сержантъ. Онъ появился изъ буфетной, отирая губы и похлопывая тросточкою по ногѣ. Но при видѣ насъ онъ измѣнилъ выраженіе своего лица. Мы были плотными, представительными джентльменами; большинство явилось въ длинныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ. Сержантъ оказался человѣкомъ съ понятіемъ. Онъ отбросилъ мысль о томъ, чтобы насъ ругать и кричать на насъ, а потому не находилъ исхода. Спина его утратила свою неподвижность. Онъ почтительно встрѣтилъ насъ и заговорилъ языкомъ, принятымъ въ обществѣ.

— Добрый день, джентльмены,—сказалъ сержантъ.

— Добрый день,—отвѣтили мы, и затѣмъ наступило молчаніе. Сержантъ переминался съ ноги на ногу. Мы ждали.

— Ну, джентльмены,—сказалъ сержантъ съ пріятною улыбкой,—не приступить ли намъ къ занятіямъ?

Мы согласились. Онъ показалъ намъ, какъ слѣдуетъ „построиться“, и затѣмъ обвелъ критическимъ взглядомъ нашу заднюю шеренгу.

— № 3-й! Съ вашего позволенія, немного впередъ, сэръ!— предложилъ онъ.

№ 3-й, представительный джентльменъ, выступилъ впередъ.

Сержантъ оглядѣлъ критическимъ взоромъ переднюю шеренгу.

— Съ вашего позволенія, подайтесь немного назадъ, сэръ,— обратился онъ къ третьему съ конца.

— Не въ состояніи,—объяснилъ третій джентльменъ;—все, чтò я могу сдѣлать, это—держаться на мѣстѣ.

Критическій взоръ сержанта устремился въ глубину рядовъ.

— Прошу нѣкоторыхъ: грудь впередъ! Не угодно ли вамъ съ другой ноги, джентльмены?

И ученіе продолжалось въ томъ же пріятномъ для насъ родѣ.

— Ну, теперь, джентльмены, мы попробуемъ маршировку. Скорымъ шагомъ! Маршъ! Благодарю васъ. Мнѣ жаль безпокоить васъ, но, пожалуй, понадобится бѣжать—впередъ, разумѣется. Итакъ, если вы ничего противъ этого не имѣете—бѣглымъ шагомъ! Стой! Хорошо, если бы вы постарались въ слѣдующій разъ лучше сохранять равненіе. Оно выходитъ гораздо внушительнѣе. Современемъ вы научитесь переводить дыханіе.

Если обученіе необходимо, почему бы не производить его именно такимъ способомъ? Почему бы сержанту не обращаться къ новобранцамъ въ вѣжливой формѣ?

— Ну, молодые люди, вы готовы? Не волнуйтесь, — нѣтъ необходимости превращать въ тяжелый трудъ то, чтò должно быть для всѣхъ насъ удовольствіемъ. Вотъ такъ! Очень хорошо, если принять во вниманіе вашу неопытность. Ваша выправка оставляетъ желать лучшаго, рядовой Буллибой. Извините за личное обращеніе къ вамъ, но неужели у васъ отъ природы развинчены колѣнки? Не сдѣлаете ли вы маленькаго усилія надъ собою для того, чтобы не имѣть вида маріонетки, пружины которой ослабѣли? Благодарю васъ, теперь лучше. Видите ли, эти мелочи кажутся банальными, но все же мы должны приложить стараніе къ тому, чтобы предстать въ возможно лучшемъ видѣ...

— Вы недовольны вашими сапогами, рядовой Монморанси? Простите. Изъ того, какъ вы нагибаетесь и смотрите на нихъ, я вывелъ заключеніе, что видъ ихъ не удовлетворяетъ васъ. Я ошибся.

— Вы страдаете разстройствомъ желудка? Не дать ли вамъ водки? Это не разстройство? Такъ чтò же у васъ съ желудкомъ?

Почему вы стараетесь это скрыть? Тутъ нечего стыдиться. Это со всякимъ случается.

Такимъ образомъ, водворивъ съ помощью добрыхъ словъ порядокъ по всей линіи, онъ могъ бы приступить къ полезнымъ для здоровья упражненіямъ.

— На плечо! Хорошо, джентльмены, для начала очень хорошо! Но все же—съ критической точки зрѣнія—не совсѣмъ близко къ совершенству. Его не такъ легко достигнуть, какъ кажется. Я позволю себѣ замѣтить рядовому Томпсону, что ружье, положенное на плечо подъ правымъ угломъ, можетъ обезпокоить стоящаго позади джентльмена. Даже въ виду его собственнаго удобства я посовѣтовалъ бы рядовому Томпсону послѣдовать въ данномъ случаѣ общему примѣру.

— Я также намекнулъ бы рядовому Сентъ-Леонарду, что мы не изучаемъ здѣсь искусство жонглировать тяжелымъ ружьемъ. Сентъ-Леонардъ дѣлаетъ это очень ловко, но оно не нужно для военнаго времени.

— Повѣрьте, джентльмены, методъ обученія былъ основательно разработанъ и отъ единичныхъ опытовъ нельзя ожидать его улучшенія. Будемъ дѣйствовать единодушно. Это однообразно, но безопасно. А теперь, еще разъ, джентльмены!

Казарменный плацъ превратился бы такимъ образомъ въ источникъ безобиднаго развлеченія для тысячъ людей. Выраженіе: „офицеръ и джентльменъ"—оказалось бы имѣющимъ серьезное значеніе. Дарю эту мысль, чего бы она ни стоила, „Пэлль-Мэллю", и свидѣтельствую ему при этомъ мое почтеніе.

Недостатокъ военныхъ людей состоитъ въ томъ, что они слишкомъ усердно изучаютъ исторію, слишкомъ много читаютъ и черезчуръ склонны къ умствованію. Еслибы они оглядѣлись вокругъ, они замѣтили бы, что многое измѣнилось. Кто-то сказалъ британскому офицеру, что битва при Ватерлоо была выиграна на поляхъ въ Итонѣ. Поэтому онъ отправляется въ Итонъ—заниматься спортомъ. Когда-нибудь ему придется увидѣть другое Ватерлоо, и тогда—но уже поздно—онъ узнаетъ, что побѣда была выиграна не на поляхъ лаунъ-тенниса, но въ классной комнатѣ...

Стоя на валу долины Ватерлоо, можно составить себѣ понятіе о битвахъ былыхъ временъ. Остальныя поля сраженій въ Европѣ быстро исчезаютъ: полезная голландская капуста, какъ это отмѣтилъ бы съ чувствомъ удовлетворенія Карлейль, скрыла мѣста, бывшія свидѣтелями людского безумія. Сапожники мирно тачаютъ сапоги, женщины весело болтаютъ у колодца на томъ

самомъ мѣстѣ, на которомъ, сто лѣтъ тому назадъ, тысячи людей въ красныхъ мундирахъ и тысячи людей въ синихъ отчаянно бились между собою на смерть, подобно освирѣпѣвшимъ фоксъ-терріерамъ.

Но поле сраженія при Ватерлоо мало измѣнилось. Проводникъ, дѣдъ котораго принималъ участіе въ битвѣ (поразительно количество участвовавшихъ въ ней дѣдовъ,—изъ нихъ можно было бы составить цѣлый полкъ), можетъ указать вамъ каждую рытвину, служившую прикрытіемъ для пѣхоты. Все дѣло началось и кончилось на протяженіи какой-нибудь квадратной мили.

Можно себѣ представить, какую пользу принесло тутъ искусное маневрированіе сложной военной машины: движенія развернутымъ, сомкнутымъ строемъ, дѣйствіе центра, праваго и лѣваго крыла! Быть можетъ, когда-то стоило (если только когда-нибудь это стоило, въ чемъ разумные люди начинаютъ сомнѣваться) терять два года солдатской службы на то, чтобы научить солдатъ гусиному шагу. Но учить людей въ двадцатомъ вѣкѣ военнымъ пріемамъ, полезнымъ въ эпоху тридцатилѣтней войны, это все равно, что нагружать броненосцы холстомъ.

Однажды я слѣдовалъ за ротою волонтеровъ черезъ Блэкфрайерскій мостъ по пути отъ Соутварка къ Тэмплю. Близъ Людгэта начальникъ отряда, молодой, но добросовѣстный офицеръ, скомандовалъ: „На-лѣво кругомъ!“ —Авангардъ немедля свернулъ въ узкую аллею, которая привела бы роту къ границамъ Уаттфрайерса, гдѣ ей пришлось бы застрять навѣкъ. Пришлось остановиться, сдѣлать поворотъ направо и отступить шаговъ на сто. Затѣмъ раздалась команда: „Маршъ!“—Голова колонны, минуя Людгэтъ, двинулась къ мясному рынку.

Но тутъ офицеръ пересталъ быть офицеромъ и заговорилъ толкомъ.

— Не сюда!—крикнулъ онъ:—вверхъ по Флитъ-стриту черезъ Мидль-Тэмпль-Лэнъ.

И безъ дальнѣйшихъ недоразумѣній армія будущаго пошла своею дорогой.

VI.

Опрометчивы ли ранніе браки?

Въ настоящее время я скупъ на совѣты по вопросамъ, въ которыхъ не считаю себя авторитетомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я задумалъ статью о маленькихъ дѣтяхъ. Она не пре-

тендовала на авторитетность; я даже не предполагалъ исчерпать сюжетъ. Я соглашался предоставить моимъ послѣдователямъ дальнѣйшее его развитіе, если они найдутъ, конечно, что по этому вопросу возможно еще что-нибудь сказать. Статья мнѣ понравилась. Я взялъ изъ редакціи ея оттиски съ тѣмъ, чтобы показать ее одной дамѣ, моей пріятельницѣ, имѣвшей двоихъ дѣтей. Въ нихъ не было ничего замѣчательнаго, хотя сама она, конечно, носилась съ ними. Мнѣ пришло на умъ, что статья можетъ оказаться для нея полезнымъ руководствомъ. Я вручилъ ей статью, раскрывъ ее на надлежащемъ мѣстѣ.

— Прочтите ее внимательно и спокойно,—посовѣтовалъ я,—не развлекайтесь ничѣмъ. Положите рядомъ карандашъ и листокъ бумаги и отмѣтьте пункты, по которымъ вы желали бы получить болѣе подробное освѣдомленіе. Укажите мнѣ то, что̀ я, по вашему мнѣнію, упустилъ изъ виду. Быть можетъ, въ томъ или въ другомъ пунктѣ вы будете несогласны со мною. Въ такомъ случаѣ не стѣсняйтесь, я не обижусь. Если статья заинтересуетъ публику, я, по всей вѣроятности, выпущу дополненное и исправленное ея изданіе въ формѣ памфлета, и въ такомъ случаѣ тѣ намеки и указанія, которые кажутся вамъ почти дерзкими, сослужатъ мнѣ большую службу.

— У меня нѣтъ карандаша,—отвѣтила она;—о чемъ вы пишете?

— О маленькихъ дѣтяхъ,—отвѣтилъ я, и одолжилъ ей карандашъ.

Вотъ чему еще я научился. Если вы не желаете навѣкъ проститься съ нимъ,—не давайте женщинѣ карандаша. Въ отвѣтъ на просьбу вашу о возвратѣ его,—у нея имѣются три отвѣта. Первый: что она отдала вамъ его назадъ и вы положили его въ карманъ, гдѣ онъ и лежитъ, а если и не лежитъ, то долженъ тамъ лежать. Второй: что вы никогда не давали ей карандаша. Третій: что она терпѣть не можетъ, когда ей даютъ карандаши и требуютъ ихъ обратно какъ разъ въ такую минуту, когда она занята гораздо болѣе важнымъ дѣломъ.

— Что̀ вы знаете о дѣтяхъ?—спросила она.

— Увидите сами, когда прочтете статью,—отвѣтилъ я;—тутъ все написано.

Она презрительно перелистала статью.

— Тутъ, кажется, немного,—возразила она.

— Оно изложено въ сжатой формѣ,—пояснилъ я.

— Я рада, что это не длинно. Хорошо, я прочту,—согласилась она.

Мнѣ подумалось, что мое присутствіе помѣшаетъ ей сосредоточиться, и потому я вышелъ въ садъ. Пусть она читаетъ на свободѣ. По временамъ я подкрадывался и заглядывалъ въ окно. Она, повидимому, не дѣлала отмѣтокъ, но посмѣивалась про себя. Увидѣвъ, что она дочитала до конца, я вошелъ.

— Ну?—спросилъ я.

— Это юмористическая статья,—освѣдомилась она,—или ее слѣдуетъ принимать серьезно?

— Разумѣется, тамъ и сямъ встрѣчаются искры юмора...

Она не дала мнѣ договорить.

— Если вы писали въ юмористическомъ жанрѣ, то это—вовсе не смѣшно; если же вы писали серьезно, то для меня ясно только одно, а именно то, что вы—не мать.

Съ безошибочнымъ инстинктомъ врожденнаго критика она угадала мое единственное больное мѣсто. На всѣ другія возраженія я могъ бы отвѣчать. Но на этотъ единственный язвительный упрекъ у меня не было отвѣта. И вотъ почему съ тѣхъ поръ я скуплюсь на совѣты по вопросамъ, не входящимъ въ область моей компетенціи. Еслибы не это—я каждый годъ въ Валентиновъ день многое бы желалъ сказать моимъ добрымъ друзьямъ—птицамъ. Я желалъ бы серьезно поговорить съ ними. Не слишкомъ ли рано думать о бракахъ въ февралѣ мѣсяцѣ? Разумѣется, они отвѣтили бы мнѣ то же, что̀ и моя пріятельница, мать двоихъ дѣтей:

— Что̀ вы понимаете въ этомъ? Вѣдь вы—не птица.

Мнѣ извѣстно, что я—не птица, но именно поэтому имъ бы слѣдовало прислушаться къ мнѣнію посторонняго человѣка, не связаннаго птичьими условностями.

Февраль мѣсяцъ, дорогіе мои друзья, по крайней мѣрѣ въ нашемъ сѣверномъ климатѣ—слишкомъ ранняя пора. Приходится вить гнѣздо на сильномъ вѣтру, и, повѣрьте мнѣ, ничто такъ не раздражаетъ женщину, какъ вѣтеръ. Природа всегда останется природой, и женскій полъ, друзья мои, одинаковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, будь это птицы или человѣческія существа. Я старше большинства изъ васъ, и говорю на основаніи личнаго опыта.

Еслибы мнѣ съ женою пришлось строить домъ, я не выбралъ бы такого времени года, когда вѣтеръ рветъ у нея изъ рукъ доски и кирпичи, заворачиваетъ ей юбки на голову и она, ради спасенія своей жизни, должна цѣпляться за жерди на лѣсахъ. Я хорошо изучилъ женщину и знаю, что не таковъ ея идеалъ медоваго мѣсяца. Въ апрѣлѣ, въ маѣ—солнце сіяетъ,

воздухъ насыщенъ ароматомъ, и тогда, принеся одну-двѣ охапки кирпичей, одну-двѣ кадки съ глиною, мы, не опасаясь, что домъ нашъ унесетъ вѣтромъ на другую улицу, могли бы присѣсть, свѣсивъ ноги на стѣнкѣ, поклевать, что̀ Богъ послалъ. Затѣмъ я могъ бы посвистать для ея развлеченія, и при такихъ условіяхъ устройство гнѣзда ничего бы не доставило намъ, кромѣ удовольствія.

Ласточки умнѣе. Онѣ избрали—и очень разумно—іюнь мѣсяцъ. Въ Тиролѣ, въ горной деревушкѣ, я имѣлъ возможность близко наблюдать за ласточками, вившими себѣ гнѣздо. Въ первое же утро я вышелъ, послѣ кофе, изъ темныхъ, прохладныхъ, обширныхъ сѣней гостинницы на яркій солнечный свѣтъ и, самъ не зная почему, захлопнулъ за собою тяжелую дверь.

Покуда я набивалъ трубку, мимо меня пролетѣла ласточка—самецъ. Онъ описалъ кругъ и затѣмъ усѣлся на перила въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня. Во рту онъ держалъ нѣчто, казавшееся ему большимъ и тяжелымъ кирпичомъ. Онъ положилъ его передъ собою и закричалъ мнѣ что-то, чего я не могъ понять. Я не шевельнулся. Онъ совсѣмъ разгорячился и сказалъ еще что-то. Было несомнѣнно, что онъ обращался ко мнѣ—никого другого по близости не было. Судя по его тону, я понялъ, что онъ на меня сердится.

Въ эту минуту мой дорожный спутникъ, еще совершавшій свой туалетъ, высунулся изъ окна, какъ разъ надо мною.

— Вотъ странно!—крикнулъ онъ мнѣ:—я замѣтилъ это вчера вечеромъ. Пара ласточекъ вьетъ гнѣздо здѣсь въ сѣняхъ. Смотрите, не примите его за подставку для шляпы. Старушка-хозяйка говоритъ, что они уже третій годъ вьютъ гнѣздо на томъ же мѣстѣ.

Тутъ я сразу понялъ, что̀ желалъ мнѣ сказать мой случайный знакомецъ:

— Послушайте вы, сэръ, держащій во рту кусочекъ дерева, вы заперли дверь, и я не могу попасть въ домъ.—Теперь, когда у меня былъ ключъ къ его словамъ, они показались мнѣ до такой степени ясными и понятными, что я положительно забылъ о томъ, что имѣю дѣло съ птицею.

— Простите,—отвѣтилъ я,—мнѣ это не пришло въ голову. Какое странное мѣсто для гнѣзда вздумалось вамъ выбрать!

Я открылъ передъ нимъ дверь; поднявъ свой кирпичикъ, онъ влетѣлъ въ сѣни, и я послѣдовалъ за нимъ. У супруговъ завязался оживленный разговоръ.

— Онъ заперъ дверь,—говорилъ супругъ,—вонъ тотъ, что̀

сосетъ кусочекъ дерева. Я ужъ думалъ, что мнѣ и не попасть домой.

— Знаю,—было отвѣтомъ:—тутъ стало такъ темно, что, вѣришь ли, я просто не вижу, что̀ дѣлаю.

— Славный кирпичикъ, не правда ли? Куда бы ты хотѣла его вставить?

Замѣтивъ меня, они понизили голоса. Очевидно, она хотѣла, чтобы онъ положилъ кирпичъ и далъ ей время подумать. Она еще не рѣшила, куда онъ больше подойдетъ. Онъ съ своей стороны былъ увѣренъ, что нашелъ для него подходящее мѣсто. Другія птицы ссорятся во время устройства гнѣзда, но ласточки— самыя кроткія изъ птицъ. Она позволила ему сдѣлать такъ, какъ онъ хотѣлъ; онъ поцѣловалъ ее и улетѣлъ. Она скосила вслѣдъ ему одинъ глазъ, и убѣдившись, что онъ исчезъ изъ виду, ловко и быстро вытащила кирпичикъ и помѣстила его по другую сторону двери.

— Бѣдные, милые мужья! (Я угадалъ эту фразу, судя по тому, какъ она вздернула головку.) Пусть ихъ думаютъ, что они лучше понимаютъ дѣло. Самое благоразумное—не спорить съ ними.

Каждое лѣто я терзаюсь негодованіемъ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе наблюдать за ласточками, которыя вьютъ гнѣздо подъ окномъ моего кабинета. Такой онѣ веселый, болтливый, маленькій народъ! Такъ и кажется, что онѣ разсказываютъ другъ другу нѣчто милое и не лишенное юмора, такъ какъ порою мнѣ слышится легкій щебечущій смѣхъ. Меня радуетъ ихъ близость; иногда я начинаю думать, что когда мозгъ мой изощрится, то, прислушиваясь въ сумеркахъ къ тому, что онѣ щебечутъ, я также пойму ихъ разсказы.

Двѣ-три фразы мнѣ уже удалось понять. „Когда-нибудь потомъ". „Много-много дней тому назадъ". „Въ чужой странѣ, далеко-далеко отсюда". Мнѣ приходится такъ часто слышать эти слова, что я увѣренъ, что понялъ ихъ правильно. Эти шесть-семь гнѣздъ я называю „Улицею Ласточекъ". Два или три изъ нихъ помѣщаются, подобно отдѣльнымъ вилламъ, на собственной территоріи; остальныя на половину примыкаютъ одно къ другому. Я всегда злюсь при мысли, что ими завладѣютъ воробьи. Воробьи умышленно вертятся здѣсь, ожидая того времени, когда чета ласточекъ окончитъ свою работу, и затѣмъ, съ грубымъ смѣхомъ, отъ котораго кровь закипаетъ у меня въ жилахъ, они выгоняютъ ласточекъ и сами завладѣваютъ ихъ домомъ.

— Ну, будетъ убиваться, милая, — шепчетъ Томми своей

Дженни послѣ того, какъ улегся первый взрывъ отчаянія,— начнемъ сначала!

И полчаса спустя, съ головою, полною новыхъ плановъ, онѣ уже выбираютъ подходящее мѣсто и снова весело щебечутъ. Однажды я въ теченіе двухъ недѣль наблюдалъ за постройкою такого гнѣзда, и когда, послѣ трехдневнаго отсутствія, я вернулся домой и нашелъ удобно устроившуюся въ немъ чету воробьевъ— я обезумѣлъ отъ гнѣва.

М-ссъ Воробей выглянула изъ гнѣзда. Быть можетъ, гнѣвъ подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на мое воображеніе, но мнѣ показалось, что она подмигнула мнѣ.

— Миленькій домикъ, не такъ ли? Солидная постройка!

Тутъ подлетѣлъ м-ръ Воробей, держа во рту растрепанное, окрашенное въ голубой цвѣтъ и принадлежащее мнѣ перо. Я узналъ его. Оно выпало изъ метелки, съ помощью которой горничная разбиваетъ китайскій фарфоръ въ нашей гостиной. Въ другое время я былъ бы радъ, если бы онъ унесъ всю эту штуку—съ ручкою включительно. Но теперь похищеніе этого пера показалось мнѣ лишнимъ оскорбленіемъ. М-ссъ Воробей чирикнула отъ восторга при видѣ этого растрепаннаго безобразія. Получивъ даромъ домъ, они намѣревались затратить нѣкоторый запасъ энергіи на внутреннее украшеніе своего жилища. „Сама" походила на городскую воробьиху,—безъ сомнѣнія, она родилась и получила воспитаніе на Реджентъ-стритѣ.

— На свѣтѣ мало справедливости,—сказалъ я себѣ,—но она восторжествуетъ въ этомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, конечно, если мнѣ удастся найти лѣстницу.

Я нашелъ лѣстницу, и по счастью она оказалась достаточно длинна. Воробьевъ не было дома,—они, вѣроятно, отправились на розыски дешевыхъ фотографическихъ рамокъ и японскихъ вѣеровъ. Я аккуратно смелъ ихъ жилище въ ведро съ грязною водою и очистилъ „Улицу Ласточекъ" отъ всѣхъ слѣдовъ его. Едва успѣлъ я отставить лѣстницу, какъ вернулась м-ссъ Воробей съ кусочкомъ розовой шерсти во рту. Очевидно, ей нравилось сочетаніе цвѣтовъ розоваго съ голубымъ. Она выронила шерсть, и, присѣвъ на водосточномъ желобѣ, старалась понять, въ чемъ дѣло.

— Нумеръ первый, нумеръ второй, нумеръ четвертый, гдѣ же, провалъ его возьми... (воробьи, не исключая и женскаго рода, всѣ вульгарны), гдѣ же нумеръ третій?

М-ръ Воробей слетѣлъ съ крыши,—онъ несъ кусочекъ желтой матеріи—отъ абажура, насколько я могъ судить.

— Ну, шевелись! — крикнулъ онъ. — Что ты сидишь на дождѣ?

— Я вылетѣла на одну минуту,—отвѣтила м-ссъ Воробей,— нѣтъ, даже и двухъ минутъ не прошло. А когда я вернулась...

— Ступай же домой,—прервалъ м-ръ Воробей,—тамъ разскажешь.

— Объ этомъ-то я и хочу сказать, но ты меня не слушаешь. Нѣтъ дома, и ничего нѣтъ...

— Ничего нѣтъ?...

М-ръ Воробей, сидѣвшій на краю желоба, повернулся на мѣстѣ и оглядѣлъ улицу. Стоя за лавровымъ кустомъ, я могъ видѣть только его спину. Онъ встопорщился и казался разсерженнымъ.

— Что̀ ты сдѣлала съ домомъ? Стоитъ мнѣ на минуту отвернуться...

— Я ничего съ нимъ не сдѣлала. Говорю тебѣ, я только-что вылетѣла...

— Не въ томъ суть, куда ты летала! Куда дѣвался домъ— вотъ что̀ я желаю знать!..

Они переглянулись. Если когда-либо поза птицъ выражала изумленіе—оно выразилось въ положеніи ихъ хвостовъ. Затѣмъ воробьи стали злобно перешептываться. Мнѣ пришло на мысль, что съ помощью силы или хитрости они попытаются завладѣть другимъ гнѣздомъ. Но другія гнѣзда были заняты, и даже съ кроткою Дженни Ласточкой, когда она сидитъ у себя съ дѣтьми, шутки плохи.

М-ръ Воробей подлетѣлъ къ нумеру второму, сунулъ-было туда голову, и затѣмъ вернулся на мѣсто.

— Она сказала, что это не нашъ домъ,—объяснилъ онъ м-ссъ Воробей. Наступило молчаніе.

— Это не особенно аристократическая улица,—замѣтила м-ссъ Воробей.

— Если бы только я не чувствовалъ себя утомленнымъ, я построилъ бы собственный домъ,—сказалъ м-ръ Воробей.

— Попробуй,—сказала м-ссъ Воробей.—Говорятъ, что тебѣ бываетъ полезно поработать отъ времени до времени.

— Мало ли какой вздоръ нынче говорятъ! — сказалъ м-ръ Воробей:—не всякому слуху вѣрь.

— Ничего нѣтъ хорошаго и въ томъ, чтобы сидѣть сложа руки,—чирикнула м-ссъ Воробей,—не забывайте, что я—дама благороднаго происхожденія. Впрочемъ, каждый порядочный человѣкъ и самъ понимаетъ свои обязанности...

— Для чего только я женился!—воскликнулъ м-ръ Воробей. И они улетѣли, перебраниваясь.

VII.

Сколькими чарами обладаетъ музыка, по вашему мнѣнію?

Покойный маэстро Вагнеръ доказывалъ, что музыка,—музыкальная драма, какъ онъ называлъ ее,—включаетъ въ себѣ всѣ искусства. Относительно всѣхъ отраслей музыкальнаго искусства я пожалуй согласенъ съ покойнымъ маэстро Вагнеромъ. Сознаюсь, впрочемъ, — хотя мои музыкальные вкусы могутъ привести въ ужасъ покойнаго маэстро Вагнера,—что по временамъ я оказываюсь неспособенъ одновременно слѣдить за тремя различными мотивами.

— Слушайте! — шепчетъ мнѣ Вагнеровскій энтузіастъ:— корнетъ повторяетъ лейтъ-мотивъ Брунгильды!—Но по моимъ извращеннымъ понятіямъ, корнетъ занятъ далеко не однимъ этимъ мотивомъ.

— Вторыя скрипки,—продолжаетъ Вагнеровскій энтузіастъ, —выносятъ теперь тему Вотана.—Для меня и безъ словъ ясно, что онѣ многое выносятъ: по лицамъ музыкантовъ струится потъ.

— Мѣдные инструменты, — продолжаетъ мой пріятель, поставившій себѣ цѣлью развить мой слухъ, — аккомпанируютъ пѣвцамъ.

Я сказалъ бы: топятъ ихъ. Бываютъ случаи, когда я самъ брежу Вагнеромъ не меньше любого изъ его поклонниковъ. Всѣмъ намъ свойственны аристократическіе порывы. Но разница между прирожденными аристократами и нами, плебеями, трудящимися людьми — та же самая, какая существуетъ хотя бы между орломъ и цыплятами съ птичьяго двора. Я—цыпленокъ съ птичьяго двора, у меня есть крылья. Бываютъ и у меня минуты восторга, когда я готовъ отряхнуть отъ ногъ прахъ земной и воспарить въ область искусства. Я немного летаю, но тѣло мое тяжело, и я могу долетѣть лишь до застрѣхи. Тамъ, по истеченіи нѣкотораго времени, я начинаю чувствовать себя одинокимъ и соскакиваю снова внизъ къ моимъ сотоварищамъ.

Когда въ такіе филистерскіе періоды я слушаю Вагнера,

мои лучшія чувства бываютъ оскорблены. На сценѣ появляется одинокая, беззащитная женщина, тщетно старающаяся о томъ, чтобы ее услышали. Она снискиваетъ себѣ этимъ пропитаніе; быть можетъ, у нея на рукахъ—больная мать, младшіе братья и сестры. Сто-сорокъ мужчинъ, вооруженныхъ громадными инструментами, хорошо организованныхъ и, въ большинствѣ случаевъ, хорошо упитанныхъ, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы ни единаго звука ея голоса нельзя было разслышать сквозь грохотъ ихъ инструментовъ. Я вижу, какъ она стоитъ, то раскрывая, то закрывая ротъ и все болѣе и болѣе багровѣя въ лицѣ. Безъ сомнѣнія—она поетъ; ее можно бы было слышать, если бы только эти сто-сорокъ человѣкъ дали ей передышку. Она дѣлаетъ могучее послѣднее усиліе; сквозь громъ барабановъ, ревъ трубъ, визгъ скрипокъ—отчетливо прорывается послѣдняя отчаянная нота.

Она побѣдила, но побѣда дорого ей обошлась. Она безъ чувствъ падаетъ на сцену, и ее уносятъ статисты. Рыцарское негодованіе, при видѣ столь нервнаго состязанія, не даетъ мнѣ усидѣть на мѣстѣ. Я чувствую желаніе перескочить барьеръ, сбросить лысаго предводителя ея враговъ съ его высокаго стула и вступить въ бой съ кларнетомъ или тромбономъ,—смотря по тому, кто попадется подъ руку.

— Трусливые забіяки!—хочется мнѣ крикнуть:—какъ вамъ не стыдно? Сто-сорокъ противъ одной, все еще красивой и сравнительно молодой лэди? Замолчите на минуту,—неужели вамъ трудно? Дайте бѣдняжкѣ возможность показать себя.

Знакомая дама говорила мнѣ, что когда она слушаетъ Вагнера, ей кажется, что пѣвцу аккомпанируютъ четыре оркестра, и каждый изъ нихъ играетъ свой собственный мотивъ. Какъ я уже говорилъ, порой Вагнеръ уноситъ меня въ громѣ и вихрѣ своихъ перекрещивающихся гармонизацій. Но, увы, бываетъ пора (послѣобѣденная пора), когда я жажду чего-нибудь, похожаго на мелодію.

Вагнеръ доказываетъ также, что игра и пѣніе должны сливаться воедино. Мнѣ случилось слышать артистовъ, прошедшихъ школу великаго маэстро. Какъ пѣвцы—они не оставляли желать ничего лучшаго, но игра ихъ не удовлетворила меня. Вагнеръ не могъ избѣжать оперной условности, да и никто этого не можетъ. Когда оперный любовникъ встрѣчаетъ свою возлюбленную, онъ отводитъ ее въ уголъ и, повернувшись къ ней спиною, подходитъ къ рампѣ, чтобы доложить публикѣ, какъ онъ ее обожаетъ. Окончивъ, онъ въ свою очередь уда-

ляется въ уголъ, а она выступаетъ впередъ и докладываетъ публикѣ, что она прямо-таки безъ ума отъ него.

Узнавъ, что она любитъ его, онъ въ порывѣ радости выходитъ на правую сторону и говоритъ, что это—счастливѣйшая минута его жизни; она стоитъ съ лѣвой стороны, въ двѣнадцати футахъ отъ него, и у нея является предчувствіе, что счастіе ихъ слишкомъ велико и потому—недолговѣчно. Затѣмъ они вмѣстѣ отходятъ въ глубину, и дальнѣйшая сцена любви уже происходитъ, какъ предполагается, за кулисами.

Я не такъ понимаю сценическую игру. Но я не вижу, какъ можно замѣнить ее чѣмъ-нибудь болѣе естественнымъ. Когда вы поете во всю силу вашихъ легкихъ, вамъ не желательно, чтобы полная женщина висѣла у васъ на шеѣ. Если вы убиваете человѣка, и въ это время пускаете высокую ноту, вамъ не желательно, чтобы онъ юлилъ вокругъ васъ, защищаясь отъ удара. Вы хотите, чтобы онъ благоразумно подождалъ на указанномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда вы не кончите и не скажете ему, или—вѣрнѣе—публикѣ,—до какой степени вы ненавидите и презираете его.

Когда придетъ время и онъ окажется тамъ, гдѣ, думая о вашемъ верхнемъ „do", вы разсчитываете найти его, вы слегка кольнете его мечомъ въ плечо, и тогда онъ можетъ умереть подъ звуки своей собственной аріи.

Если вы были серьезно ранены въ сраженіи или въ какой-нибудь схваткѣ и вамъ приходится пѣть передъ смертью длинную балладу, вы не станете думать о томъ, каковы въ дѣйствительности ощущенія и поступки человѣка, которому осталось прожить всего нѣсколько минутъ. Самое вѣроятное—то, что онъ совсѣмъ бы не захотѣлъ пѣть. Истинно любящая его женщина не позволила бы ему пѣть. Она умоляла бы его лежать спокойно, и позаботилась бы о томъ, нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь ему.

Еслибы толпа, жаждущая вашей крови, поднималась по лѣстницѣ, вы не стали бы ожидать ее, стоя съ распростертыми руками далеко отъ двери. При желаніи играть естественно, вы заперли бы дверь и принялись бы кричать благимъ матомъ, чтобы вамъ принесли комодъ, кровать и другія вещи, которыми можно забаррикадировать дверь. Будь вы, наконецъ, королемъ, дающимъ пиръ, вы не пожелали бы сидѣть одиноко въ отдаленномъ концѣ залы, не имѣя другого собесѣдника, кромѣ вашей жены, между тѣмъ какъ ваши гости, повернувшись къ вамъ спиною, исполняли бы длинный и сложный танецъ. Вы захотѣли бы принять участіе въ весельи и показали бы имъ, что вы—король.

Въ драмѣ всѣ эти мелочи принимаются въ соображенiе. Въ оперѣ все, по необходимости, приносится въ жертву музыкѣ. Видѣлъ я молодыхъ, восторженныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, думавшихъ, что они и онѣ могутъ одновременно пѣть и играть. Опытный артистъ выходитъ на середину сцены и собирается съ силами. Негодуетъ ли онъ на то, что у него убили мать, радуется ли тому, что ему придется сразиться съ врагами отчизны, ожидающими лишь той минуты, когда онъ кончитъ пѣть, для того, чтобы напасть на городъ—онъ предоставляетъ композитору это выяснить.

Маэстро Вагнеръ полагалъ также, что для посѣтителей оперы заднiй планъ декорацiй вполнѣ можетъ замѣнить картинную галерею. Зàмокъ на скалѣ, къ которому возможно подняться лишь на воздушномъ шарѣ, причемъ сразу во всѣхъ окнахъ его мгновенно зажигаются огни черезъ минуту послѣ заката солнца, между тѣмъ какъ полная луна восходитъ на небѣ съ быстротою метеора. Удивительное море, раскрывающееся для того, чтобы поглотить корабль, снѣговыя горы, надъ которыми тѣнь героя скользитъ, подобно грозовому облаку, величественный старый зàмокъ, дрожащiй отъ вѣтра,—все это можетъ замѣнить посѣтителю оперы всевозможныхъ Корò и Тёрнеровъ. Заплативъ за входъ отъ шиллинга и дороже, онъ можетъ любоваться въ теченiе вечера на десять такихъ полотенъ.

Но, быть можетъ, самою смѣлою изъ надеждъ маэстро Вагнера была мечта его о томъ, что группировка оперныхъ хористовъ можетъ удовлетворить публику по части скульптурной красоты.

Я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, насколько большинство публики тяготѣетъ къ скульптурѣ. Не знаю, приходила ли подобная мысль какому-нибудь анархисту, но еслибы я былъ организаторомъ по устройству тайныхъ сборищъ съ недозволенными цѣлями, я пригласилъ бы моихъ товарищей въ отдѣленiе музея, посвященное скульптурѣ. Нѣтъ мѣста болѣе свободнаго отъ подглядыванiй и подслушиванiй. Существуютъ, однако, немногочисленные цѣнящiе скульптуру избранники, и таковые, какъ мнѣ думается, не удовлетворятся созерцанiемъ хористовъ въ разнообразныхъ ихъ костюмахъ.

Если даже теноръ олицетворяетъ идеалъ Аполлона, и сопрано настолько сильфидообразно, насколько ему полагается это по либретто, даже тогда я усомнюсь въ томъ, что оперный хоръ можетъ служить въ глазахъ знатока дешевою и прiятною замѣною барельефа изъ эллинскаго мрамора. Главное, что̀ требуется отъ хориста, это—опытъ.

Особенно восхищаетъ меня въ хорѣ его единодушіе. Вся деревня одѣвается совершенно одинаково. Въ обыкновенныхъ деревняхъ существуетъ соперничество, ведущее къ злобѣ и ревности. Какая-нибудь красавица появится въ день мѣстнаго праздника въ голубомъ уборѣ, и поразитъ всѣ мужскія сердца. На слѣдующемъ праздникѣ другая щеголиха отобьетъ у нея поклонниковъ, благодаря зеленой шляпкѣ. Въ оперныхъ деревняхъ дѣвицы рѣшаютъ, очевидно, туалетный вопросъ заранѣе. По всей вѣроятности, онѣ собираются на митингъ.

— Свадьба нашего дорогого графа, — заявляетъ предсѣдательница,—назначена на четырнадцатое, въ одиннадцать часовъ утра. Вся деревня должна собраться въ десять съ половиной для того, чтобы встрѣтить свадебный поѣздъ и поздравить молодыхъ. Замужнія женщины должны явиться съ мужьями; каждая дѣвушка обязуется привести съ собою кавалера подходящаго къ ней роста. По счастью, въ нашей деревнѣ число жителей мужского и женскаго рода одинаково. Дѣти выдѣлятся въ самостоятельную живописную группу.

— Было бы желательно,—продолжаетъ ораторша,—чтобы деревня встрѣтила нашего дорогого графа гдѣ-нибудь неподалеку отъ мѣстнаго трактира. Костюмъ женщинъ долженъ состоять изъ короткой розовой, доходящей до колѣнъ юбки, убранной гирляндами цвѣтовъ, изъ „болеро" цвѣта мальвы, корсажа декольтé и безъ рукавовъ. При чулкахъ тѣлеснаго цвѣта полагаются желтые атласные башмаки. Тѣмъ, чтò будутъ стоять впереди, слѣдуетъ надѣть жемчужныя ожерелья и вколоть въ прическу простенькіе изумрудные гребни. Слава Богу, мы всѣ можемъ себѣ позволить такую роскошь, и если только погода не испортится и не произойдетъ ничего особеннаго (нашъ графъ не особенно счастливъ въ жизни, и потому нужно быть готовыми ко всякимъ случайностямъ), но если ничего особаго не случится, намъ предстоитъ пріятный день.

Повѣрьте мнѣ, маэстро Вагнеръ, этого нельзя. Музыкальная драма не можетъ замѣнить собою всѣ искусства въ мірѣ. Цѣль искуснаго композитора заключается въ томъ, чтобы мы, слушая его музыку, забыли обо всѣхъ остальныхъ артистическихъ соображеніяхъ.

VIII.

Какимъ образомъ и въ маломъ можно быть счастливымъ.

Народамъ, страдающимъ шовинизмомъ, джингоизмомъ и прочими „измами“, къ какой бы странѣ они ни принадлежали, можно посовѣтовать проѣхаться по Голландіи. Теперь принято думать, что счастье измѣряется пространствомъ. Чѣмъ больше страна, тѣмъ лучше въ ней живется. Счастливѣйшій французъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ несчастнѣйшій изъ британцевъ—по той причинѣ, что Британія во много тысячъ миль больше Франціи. При взглядѣ на карты Европы и Азіи, швейцарскій поселянинъ долженъ чувствовать себя безконечно несчастнымъ по сравненію съ русскимъ мужикомъ. Причина, почему всѣ въ Америкѣ счастливы и добры, состоитъ въ томъ фактѣ, что территорія Америки равняется территоріи луны. Американскій гражданинъ, вскочившій не на ту лошадь, пропустившій поѣздъ и потерявшій багажъ—утѣшается этимъ сознаніемъ.

Сообразно этому, рыбы должны были бы чувствовать себя счастливѣйшими изъ смертныхъ, такъ какъ море, судя по атласу (я лично не измѣрялъ его), занимаетъ пространство въ сто-сорокъ-четыре милліона квадратныхъ миль. Но, быть можетъ, и въ морѣ существуютъ невѣдомыя намъ подраздѣленія. Возможно, что живущая у британскихъ береговъ сардинка печальна и недовольна судьбою именно потому, что норвежская сардинка—гордая обитательница моря бо̀льшихъ размѣровъ. Потому, быть можетъ, она и покинула берега Британіи. Стыдясь быть британскою сардинкой, она эмигрировала въ Норвегію, приняла тамъ норвежское подданство и теперь снова стала сама собою.

Въ туманные дни счастливый лондонецъ можетъ согрѣваться тою мыслью, что въ британской имперіи никогда не заходитъ солнце. Онъ не часто видитъ солнце, но это уже подробность. Онъ смотритъ на себя, какъ на обладателя солнца; солнце начинаетъ свою краткую жизнь въ британской имперіи и кончаетъ ее въ британской имперіи: во всѣхъ критическихъ вопросахъ жизни солнце всегда на сторонѣ британской имперіи. Неразумные люди другихъ странъ грѣются на солнцѣ и чувствуютъ его тепло, но только—вслѣдствіе своего невѣжества. Они не знаютъ,

что солнце составляетъ часть британскихъ владѣній; знай они это—имъ стало бы холодно.

Сознаю, что мои взгляды могутъ показаться ересью. Никакъ не могу вбить въ свою непатріотическую голову, что надо непремѣнно гоняться за большимъ. Когда я рѣшаюсь высказывать въ Англіи мои несовременные взгляды, меня называютъ плохимъ англичаниномъ. Сначала это очень огорчало меня: я превратился въ тѣнь. Но мало-по-малу я привыкъ. Повсюду со мною повторилось бы то же самое. Въ Нью-Іоркѣ я былъ бы плохимъ американцемъ, въ Константинополѣ—плохимъ туркомъ. Но я намѣревался поговорить о Голландіи. Праздникъ въ Голландіи можетъ служить коррективомъ преувеличенныхъ имперіалистическихъ мечтаній.

Въ Голландіи нѣтъ бѣдныхъ. Быть можетъ, люди тамъ несчастны отъ сознанія, какъ мала ихъ страна; но если это и такъ,—они скрываютъ подобный фактъ.

Съ перваго взгляда голландскій крестьянинъ, покуривающій свою толстую трубку, кажется не меньшею величиной, чѣмъ уайтъ-чепельскій разносчикъ или мальчишка съ парижскаго бульвара. Однажды въ одномъ голландскомъ городѣ я видѣлъ нищаго. Вокругъ него собралась съ разныхъ концовъ цѣлая толпа народа; сначала всѣ думали, что онъ одѣлся нищимъ на пари съ кѣмъ-нибудь. Онъ оказался португальцемъ. Ему предложили—въ ожиданіи лучшаго—работу на докахъ съ платою, въ переводѣ на англійскія деньги, въ десять шиллинговъ за день. На обратномъ пути я освѣдомился о немъ. Мнѣ сказали, что онъ занялъ пару флориновъ у надсмотрщика и уѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ.

Въ Голландіи легко найти работу, и потому поиски работы утрачиваютъ всякую прелесть. Голландскій земледѣлецъ живетъ въ каменномъ домѣ, по бо́льшей части ему принадлежащемъ и состоящемъ изъ шести комнатъ. Владѣнія его ограничиваются однимъ акромъ съ небольшимъ, и онъ ѣстъ мясо только разъ въ день. Въ остальное время онъ довольствуется цыплятами, яйцами, сыромъ и пивомъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, рѣдко ропщетъ на судьбу. Его жена и дочь щеголяютъ по воскресеньямъ въ золотыхъ и серебряныхъ уборахъ, стоимостью отъ пятидесяти до ста фунтовъ, и въ домѣ имѣется достаточно старинной утвари изъ олова и дельфтскаго фаянса для того, чтобы устроить мѣстный музей въ любомъ краю, за исключеніемъ Голландіи. По большимъ праздникамъ, которыхъ здѣсь много, голландская женщина такъ изукрашена, что ее сто́итъ похитить. Голландская дѣвушка

не нуждается въ журналѣ модъ для того, чтобы знать, какъ ей одѣться: для этого ей лишь стоитъ взглянуть на портретъ ея матери или бабушки, висящій надъ сверкающимъ чистотою каминомъ. Костюмы переходятъ по наслѣдству отъ матери къ дочери, но они шьются изъ солиднаго матеріала; одна моя знакомая, желавшая пріобрѣсти таковой для костюмированнаго бала, оставила эту мысль, узнавъ, во что̀ онъ ей обойдется. Голландская дѣвушка въ воскресномъ платьѣ, не считая украшеній, цѣнится фунтовъ въ пятьдесятъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ она носитъ плотно прилегающій къ головѣ шлемъ изъ массивнаго золота или серебра. Голландскій женихъ, прежде чѣмъ посвататься, ходитъ нѣкоторое время за нею по пятамъ и смотрится въ ея головной уборъ только для того, чтобы убѣдиться, на мѣстѣ ли у него локонъ на лбу и прямо ли надѣта его шляпа.

Въ другихъ европейскихъ странахъ національный костюмъ вымираетъ; годъ за годомъ модная лавка все расширяетъ свою гнусную торговлю. Но страна Рубенса, Рембрандта, Теньера и Жерара Доу остается вѣрною искусству. Почтовыя карточки ничего не преувеличиваютъ. Мужчины въ удивительныхъ курткахъ мѣшками, изъ кармановъ которыхъ, порою, торчитъ пара цыплячьихъ головокъ,—въ нарядныхъ цвѣтныхъ рубашкахъ, въ чулкахъ изъ англійской шерсти и громадныхъ деревянныхъ башмакахъ, покуривающіе изъ большихъ трубокъ; женщины—въ пестрыхъ, шитыхъ курточкахъ, въ рубашкахъ ослѣпительной бѣлизны, увѣнчанныя безчисленными плоеными оборочками чепцовъ, сверкающія золотомъ и серебромъ,—всѣ эти люди—не созданіе фантазіи художника. Вы можете встрѣтить ихъ вечеромъ, по праздничнымъ днямъ. Они чинно прогуливаются рука-объ-руку или флиртуютъ съ голландскою степенностью.

Въ болѣе холодные дни женщины носятъ цвѣтные шолковые плащи, вытканные до̀ма, изъ-подъ широкихъ складокъ которыхъ порою слышится дѣтскій крикъ; иногда оттуда выглядываетъ головка въ чепчикѣ, смотритъ съ преждевременною серьезностью на окружающій ее игрушечный міръ и затѣмъ снова прячется въ свое убѣжище. Что касается дѣтей—о нихъ можно сказать, что они похожи на голландскихъ куколъ. Но что̀ это за толстенькія, счастливыя, веселыя куклы! Вамъ вспоминаются блѣднолицыя, съ провалившимися глазами куклы, которыми кишатъ другія—великія и потому счастливыя, конечно, страны, и вы начинаете желать, чтобы для нашихъ государственныхъ мужей и выдающихся журналистовъ вопросъ о территоріи игралъ меньшую роль, а счастье и благосостояніе людей—нѣсколько бо̀льшую.

Голландскій крестьянинъ живетъ на берегу канала и къ дому его ведетъ мостикъ. Но голландскія дѣти—вѣроятно, это уже въ крови у нихъ—никогда не попадаютъ въ каналъ, и голландская мать, повидимому, не допускаетъ такой возможности.

Могу себѣ представить, какъ бы себя чувствовала англійская мать, если бы ей пришлось жить съ семьею въ домѣ, окруженномъ каналами! До того часа, покуда дѣти не лягутъ спать, у нея не было бы ни одной спокойной минуты. Самый видъ канала внушаетъ англійскому ребенку мысль о прелестяхъ неожиданнаго купанья. Я разспрашивалъ по этому поводу одного голландца. Случалось ли, чтобы голландскія дѣти падали въ каналъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ,—подобные случаи бывали.

— Дѣлаете ли вы что-нибудь въ такихъ случаяхъ?—спросилъ я.

— О, да,—отвѣтилъ онъ:—мы ихъ вытаскиваемъ.

— Но я хочу сказать,—пояснилъ я,—дѣлаете ли вы что-нибудь для предупрежденія такихъ случаевъ и для того, чтобы они не повторялись съ дѣтьми?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—мы ихъ ростимъ.

Въ Голландіи всегда вѣтеръ; онъ дуетъ съ моря. Остановить его стремленіе—невозможно. Онъ перескакиваетъ черезъ низкія плотины, носится съ крикомъ по грустнымъ мягкимъ дюнамъ и воображаетъ, что онъ разгуляется во всю и надѣлаетъ въ странѣ не мало бѣдъ. Но голландецъ только посмѣивается за своею большою трубкой, едва лишь дѣло доходитъ до рева и завыванья.

— Добро пожаловать, другъ милый!—ухмыляется онъ:—реви себѣ и шуми. Чѣмъ ты сильнѣе, тѣмъ лучше для меня.

И какъ только вѣтеръ миновалъ длинныя прямыя плотины, и оказался внутри волнистой линіи песчаныхъ дюнъ, голландецъ овладѣваетъ имъ и не выпускаетъ до тѣхъ поръ, покуда тотъ не передѣлаетъ всей работы.

Вѣтеръ—слуга голландца; прежде чѣмъ онъ вырвется на свободу, онъ обязанъ пустить въ ходъ десять тысячъ мельницъ, выкачать воду, перепилить дрова, освѣтить городъ, выковать желѣзо, выпрясть пряжу, подогнать большія, тяжеловѣсныя, молчаливыя перевозныя баржи и поиграть съ дѣтьми въ саду. Онъ возвращается къ морю уже остепенившимся, заработавшимся, усталымъ вѣтромъ, а голландецъ со своею вѣчной трубкой—только посмѣивается ему вслѣдъ. Иногда въ Голландіи, спускаясь внизъ по каналу, вы слышите постоянный тихій шумъ, похожій на шорохъ вѣтра среди колосьевъ. Это—непрекращающееся

жужжаніе мельничныхъ крыльевъ. Далеко на морѣ вѣтеръ—безумный дикарь; онъ бьется, реветъ, уничтожаетъ бездѣльно. Здѣсь, на мельничной улицѣ, онъ—вѣтеръ цивилизованный, тихо посвистывающій за работою.

Болѣе всего плѣняютъ насъ въ Голландіи опрятность и чистота.

Быть можетъ, съ голландской точки зрѣнія и тутъ встрѣчаются недочеты. Здѣшняя домашняя жизнь представляется мнѣ сплошною чисткой и уборкой. Молочное ведро считается негоднымъ для употребленія до тѣхъ поръ, покуда въ него нельзя смотрѣться какъ въ зеркало. Большія мѣдныя кострюли, висящія подъ навѣсомъ, съ наружной стороны дома, сверкаютъ какъ червонное золото. Вы могли бы обѣдать на красномъ кирпичномъ полу, еслибы вымытый до цвѣта сливочнаго сыра столъ не оказывался болѣе для этого пригоднымъ. У каждаго порога стоитъ пара деревянныхъ башмаковъ, и горе тому голландцу, который бы вздумалъ переступить его не въ однихъ чулкахъ!

Деревянные башмаки подчиняются модѣ. Каждую весну ихъ красятъ зaново. Въ одномъ округѣ цвѣтъ ихъ—оранжевый, въ другомъ — красный, въ третьемъ — бѣлый, цвѣтъ невинности и чистоты. Щеголи допускаютъ украшеніе въ видѣ звѣзды или фриза на носкѣ. Ходить въ нихъ не такъ легко, какъ кажется, а бѣгать въ сабо—я бы никому не посовѣтовалъ.

— Какъ вы бѣгаете въ деревянныхъ башмакахъ?—спросилъ я однажды у голландца.—Я попробовалъ, но ушибся.

— Мы не бѣгаемъ,—отвѣчалъ голландецъ.

При помощи наблюденія я убѣдился въ его правотѣ. Голландскій мальчикъ предпочитаетъ бѣгать на рукахъ и перепрыгиваетъ черезъ голову другихъ мальчиковъ при встрѣчѣ.

Дороги въ Голландіи—прямыя, ровныя, осѣненныя деревьями; изъ окна вагона кажется, что онѣ удобны для велосипедистовъ, но это—иллюзія. Мнѣ случилось пріѣхать изъ Гарвича съ извѣстнымъ художникомъ-рисовальщикомъ и весьма извѣстнымъ юмористомъ. Они захватили съ собой велосипеды, намѣреваясь предпринять поѣздку по Голландіи.

Недѣли двѣ спустя, я встрѣтилъ въ Дельфтѣ ихъ, или—лучше сказать—ихъ останки. Сначала я пришелъ въ ужасъ: мнѣ показалось, что они перепились Они не могли стоять, не могли сидѣть спокойно; они дрожали всѣми членами и щелкали зубами, при каждой попыткѣ заговорить. У юмориста не осталось ни одной шуточки; художникъ былъ бы не въ состояніи получить собственный гонораръ; онъ выронилъ бы его по дорогѣ въ

карманъ. Голландскія дороги вымощены на всемъ ихъ протяженіи громадными круглыми камнями, по которымъ прыгаетъ, скачетъ и ныряетъ вашъ велосипедъ.

Если вы желаете осмотрѣть въ Голландіи не одни большіе города, вы должны имѣть нѣкоторое понятіе о голландскомъ языкѣ. Голландскій языкъ—я это говорю въ качествѣ любителя—похожъ на плохую, съ дурнымъ произношеніемъ нѣмецкую рѣчь. Что до меня—мой нѣмецкій языкъ оказывается даже пригоднѣе для Голландіи, чѣмъ для Германіи. Англо-саксамъ нечего отваживаться на голландское G. Въ смыслѣ успѣха это безнадежно; бывали случаи, что подобная попытка приводила къ разрыву сношеній. Мое G, предшествуемое покашливаніемъ и сопровождаемое всхлипываніемъ—всего болѣе подходитъ къ настоящему. Но, тѣмъ не менѣе, оно еще не совершенно.

Необходимо знать заранѣе, сколько времени вы намѣрены пробыть въ Голландіи? Люди говорятъ о дорогой старой Англіи, но самая дорогая на всемъ бѣломъ свѣтѣ страна—Голландія. Флоринъ равняется французскому франку и англійскому шиллингу. Говорятъ, что въ Голландіи дешевы сигары. Дешевой голландской сигары вамъ хватитъ на цѣлый день. До тѣхъ поръ, покуда вы не забудете ея вкуса, вы не пожелаете курить. Мнѣ знакомъ человѣкъ, высчитавшій, что онъ сберегъ сотни фунтовъ вслѣдствіе того, что въ теченіе мѣсяца онъ упорно курилъ голландскія сигары. Прошли года, прежде чѣмъ у него явилось желаніе покурить.

Наблюдая за постройками въ Голландіи, вы наглядно убѣдитесь въ существованіи того, что̀ считали ранѣе простою формулой, а именно въ томъ, что вся страна построена на сваяхъ. На двѣнадцати футахъ ниже уровня улицы вы видите земледѣльцевъ, которые, стоя въ рыбацкихъ лодкахъ по колѣна въ водѣ,—вбиваютъ огромныя деревянныя сваи въ грязь. Я чувствовалъ бы себя нервнымъ какъ котенокъ, если бы мнѣ пришлось жить въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Но голландецъ высовывается изъ окна, выступающаго надъ улицею на шесть футовъ выше перпендикуляра, и съ довольнымъ видомъ покуриваетъ трубку.

Въ Голландіи существуетъ пріятное обыкновеніе ставить желѣзнодорожные часы минутъ на двадцать—впереди или позади городскихъ — теперь не могу сказать въ точности. Да и самъ голландецъ этого не знаетъ.

— Еще успѣете,—говоритъ онъ.

— Но поѣздъ отходитъ въ десять,—замѣчаете вы,—до вокзала цѣлая миля, а теперь половина десятаго.

— Онъ отходитъ въ десять часовъ двадцать минутъ,—отвѣчаетъ онъ,—у васъ еще цѣлый часъ.

Пять минутъ спустя, онъ хлопаетъ васъ по плечу.

— Я ошибся. Поѣздъ идетъ въ десять безъ двадцати минутъ. А то—на другой линіи.

Другой голландецъ принимается доказывать, что первое его предположеніе справедливо. Они начинаютъ добираться до истины научнымъ способомъ.

Тѣмъ временемъ вы вскакиваете въ кэбъ. Результатъ всегда одинъ и тотъ же: или вы пріѣхали на десять минутъ раньше, или на двадцать минутъ позже, чѣмъ слѣдуетъ. На платформѣ вы всегда встрѣтите массу женщинъ, подробно объясняющихъ мужьямъ, что некуда было торопиться, или что нужно было выѣхать часа на полтора заранѣе, но въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, виноватыми оказываются, конечно, мужья. Мужчины шагаютъ взадъ и впередъ и бранятся.

Заходила рѣчь о томъ, чтобы согласовать городскіе часы съ желѣзнодорожными. Противъ этого было, однако, приведено возраженіе, что въ такомъ случаѣ у голландца не осталось бы ровно никакихъ поводовъ для озабоченности и неудовольствія.

IX.

Говорить ли намъ то, что мы думаемъ, или думать то, что мы говоримъ?

У меня есть безумный другъ, утверждающій, что характерною чертою нашего времени является обманъ. Онъ доказываетъ, что всѣ общественныя отношенія зиждутся на обманѣ. Служанка входитъ съ докладомъ о пріѣздѣ м-ра и м-ссъ Скучнякъ.

— Проклятіе!—восклицаетъ хозяинъ.

— Тише,—говоритъ хозяйка,—закройте дверь, Сюзанна,—сколько разъ я должна вамъ повторять, чтобы вы запирали двери?

Хозяинъ идетъ на цыпочкахъ наверхъ и запирается у себя въ кабинетѣ. Хозяйка оправляется передъ зеркаломъ и выжидаетъ до тѣхъ поръ, покуда съ лица ея не изгладятся всякіе слѣды неудовольствія, и уже затѣмъ входитъ въ гостиную съ протянутыми руками и съ видомъ человѣка, привѣтствующаго посѣщеніе ангеловъ. Она такъ рада видѣть Скучняковъ! Какъ мило съ ихъ стороны, что они вздумали наконецъ заѣхать! Почему же они не привезли съ собою другихъ Скучняковъ? Гдѣ

этотъ шалунъ — Скучнякъ-младшій? Неужели они такъ-таки и не увидятъ его больше? А прелестная малютка Флосси Скучнякъ? Слишкомъ молода для того, чтобы ѣздить по гостямъ? Какіе пустяки! И пріемный день — не въ пріемный день, если не соберутся всѣ Скучняки.

Скучняки, надѣявшіеся не застать ее дома и явившіеся лишь оттого, что по этикету полагается посѣщать знакомыхъ не менѣе четырехъ разъ въ сезонъ, объясняютъ, что они все время стремились сюда.

— Сегодня мы окончательно рѣшили, что ѣдемъ къ вамъ, — повторяетъ м-ссъ Скучнякъ, — „милый Джонъ", — сказала я поутру, — „сегодня я, во что бы то ни стало, ѣду къ дорогой м-ссъ Ограниченной".

По тону ея можно понять, что если бы сегодня ихъ вздумалъ посѣтить самъ принцъ Уэльскій, — и его попросили бы заѣхать вечеромъ или въ какой-нибудь другой день. Сегодня Скучняки рѣшили доставить себѣ исключительное удовольствіе: побывать у м-ссъ Ограниченной.

— А какъ здоровье вашего мужа? — спрашиваетъ м-ссъ Скучнякъ.

Хозяйка на минуту нѣмѣетъ и настораживаетъ уши.

Она слышитъ, какъ онъ прокрадывается въ прихожую. Она слышитъ, какъ тихо открывается и закрывается входная дверь. Тогда она приходитъ въ себя. Она думала о томъ, какъ будетъ огорченъ ея мужъ, когда узнаетъ, какого удовольствія онъ лишился!

Такъ обстоитъ дѣло не только со „скучняками" и „ограниченными", но даже и съ нами, хотя мы — ни то, ни другое. Всѣ круги общества зиждутся на иллюзіи, что каждый изъ насъ очарователенъ, что всѣ мы рады видѣть каждаго, что каждый радъ видѣть насъ, что со стороны каждаго очень мило навѣстить насъ, что мы въ отчаяньи отъ его ухода.

Чтò бы мы предпочли: — остаться въ кабинетѣ и докурить сигару или — спѣшить въ гостиную, гдѣ миссъ Кринъ собирается пѣть? Можно ли задавать подобный вопросъ? Мы такъ спѣшимъ, что даже толкаемъ другъ друга. Миссъ Кринъ, въ сущности, не стала бы пѣть, но если мы настаиваемъ... Конечно, мы настаиваемъ. Миссъ Кринъ, послѣ милой нерѣшимости, уступаетъ. Мы стараемся не глядѣть другъ на друга, и сидимъ, поднявъ глаза къ потолку. Миссъ Кринъ кончаетъ и встаетъ изъ-за рояля.

— Почему такъ мало? — говоримъ мы, едва лишь смолкаютъ аплодисменты. Увѣрена ли миссъ Кринъ, что она спѣла романсъ цѣликомъ? Или она, недобрая, пропустила куплетъ? Миссъ

Кринъ увѣряетъ, что тутъ виноватъ композиторъ. Но она знаетъ другой романсъ. При этомъ намекѣ наши лица проясняются. Мы требуемъ другого романса.

Вино нашего хозяина всегда оказывается самымъ лучшимъ, какое намъ когда-либо случалось пить.—Пожалуйста, еще стаканчикъ!—„Невозможно, докторъ строго запретилъ". А хозяйская сигара? Мы и не подозрѣвали о существованіи такихъ сигаръ въ наше время. Но мы положительно не въ состояніи выкурить другую. Если онъ уже такъ настаиваетъ, мы возьмемъ ее съ собой. А кофе хозяйки! Не откроетъ ли она намъ рецептъ его приготовленія? А ребенокъ? Право, это не поддается выраженію. Вообще, дѣти—какъ дѣти. Откровенно говоря, мы не видѣли въ дѣтяхъ ничего особеннаго и даже считали неискреннимъ восхищеніе ими. Но этотъ ребенокъ! Мы чуть-было не спросили: откуда они его достали? А какъ продекламировала маленькая Дженетъ „Сцену у дантиста"! До сихъ поръ любительское чтеніе какъ-то не производило на насъ впечатлѣнія. Но эта дѣвочка геніальна. Ее слѣдуетъ готовить для сцены. Мать ея не совсѣмъ одобряетъ артистическую карьеру. Но мы стоимъ за сцену: нельзя ее лишать подобнаго таланта.

Каждая невѣста—красавица. Каждая невѣста кажется очаровательной въ простомъ костюмѣ изъ... (смотри подробности въ мѣстной газетѣ). Каждая свадьба является поводомъ для всеобщаго ликованія. Съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, мы рисуемъ ожидающее новобрачныхъ идеальное счастье. Можетъ ли оно быть иначе? Она—дочь своей матери. (Громкое „ура!") Онъ—мы хорошо знаемъ его! (Еще болѣе громкое „ура!") При этомъ у неблаговоспитанныхъ молодыхъ людей, сидящихъ въ концѣ стола, невольно вырывается тотчасъ же подавленное фырканье.

Мы вносимъ обманъ даже въ религію. Сидя въ церкви, мы въ опредѣленное время полными самодовольства голосами заявляемъ Всевышнему о томъ, что мы—жалкіе черви, что въ насъ нѣтъ ничего добраго. Такъ оно полагается и никому не вредитъ.

Мы до тѣхъ поръ увѣряемъ себя, что каждая женщина добра, что каждый мужчина благороденъ, покуда они противъ нашей воли не заставляютъ повѣрить обратному. Тогда мы начинаемъ на нихъ гнѣваться и разъясняемъ имъ, что такимъ грѣшникамъ не мѣсто среди насъ—людей совершенныхъ. Горе, причиненное намъ смертью богатой тетки, мы едва бываемъ въ состояніи перенести. Портные и обойщики, помогающіе намъ хотя отчасти выразить наше огорченіе, составляютъ себѣ состояніе. Мы утѣшаемся только тѣмъ, что она переселилась въ лучшій міръ. Всѣ

переселяются въ лучшій міръ, когда имъ уже нечего дѣлать въ этомъ. Священникъ настолько увѣренъ въ подобномъ фактѣ, что у него уже имѣется заранѣе составленная на этотъ случай и напечатанная въ маленькой книжкѣ формула. Будучи ребенкомъ, я очень удивлялся тому, что всѣ люди попадаютъ въ рай. Вспоминая всѣхъ умершихъ, я рисовалъ себѣ рай переполненнымъ. Мнѣ становилось почти жаль чорта, къ которому, такъ сказать, никто не заглядываетъ. Онъ рисовался мнѣ въ видѣ одинокаго, пожилого джентльмена, сидящаго у воротъ день за днемъ, уже готоваго утратить всякую надежду и говорящаго себѣ, что, пожалуй, не стоитъ оставаться на посту.

Старая нянька, которой я вздумалъ однажды довѣриться, выразила убѣжденіе, что если я буду говорить такимъ образомъ, я такъ или иначе попадусь чорту въ лапы. Вѣроятно, я былъ очень испорченнымъ малышомъ. Мысль о томъ, какъ онъ встрѣтитъ меня, первое явившееся къ нему послѣ многихъ лѣтъ человѣческое существо — показалась мнѣ не лишенною очарованія: разъ въ жизни, по крайней мѣрѣ, на меня обратятъ вниманіе.

На каждомъ публичномъ митингѣ главный ораторъ всегда бываетъ „честный, славный малый". Люди съ Марса, читая наши газеты, вынесли бы убѣжденіе, что каждый членъ парламента — веселый, добродушный, съ благороднымъ сердцемъ и великой душою, святой человѣкъ, сохранившій въ себѣ частицу земного ровно настолько, чтобы не быть взятымъ живымъ на небо. Развѣ не вся публика, объединенная общимъ порывомъ, громовыми криками трижды провозглашаетъ его „честнымъ, славнымъ малымъ"? Таково общее мнѣніе. Мы всегда выслушивали съ величайшимъ удовольствіемъ блестящую рѣчь оратора, только-что сѣвшаго на свое мѣсто. Мы не зѣвали; мы, раскрывъ ротъ, упивались его краснорѣчіемъ.

Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ, тѣмъ шире оказывается неизбѣжный фундаментъ иллюзіи. Если съ великимъ человѣкомъ случается несчастіе, окружающіе его маленькіе люди утрачиваютъ всякій интересъ къ жизни. А такъ какъ міръ отчасти переполненъ великими людьми и съ ними часто случается то или другое, то надо удивляться, какъ міръ еще влачитъ свое существованіе.

Нѣсколько времени тому назадъ, заболѣлъ нѣкій замѣчательный и добрый человѣкъ. Я читалъ ежедневно въ газетахъ, что вся страна погружена въ скорбь. Обѣдающіе въ ресторанахъ люди, слыша отъ лакеевъ это извѣстіе, опускаютъ голову на столъ и заливаются слезами. Незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, падаютъ другъ другу въ объятія и рыдаютъ, какъ ма-

денькія дѣти. Въ это время я какъ-разъ былъ за границею, но уже собирался домой. Мнѣ было прямо стыдно возвращаться. Я посмотрѣлся въ зеркало и почувствовалъ смущеніе при видѣ собственнаго моего лица: это было лицо человѣка, не знавшаго огорченій въ теченіе цѣлыхъ недѣль. Предстать въ подобномъ видѣ передъ лицомъ удрученнаго горемъ народа значило бы усилить его скорбь. Мнѣ стало ясно, что у меня мелко-эгоистическая натура. Моей пьесѣ посчастливилось въ Америкѣ, и для спасенія собственной жизни я не могъ бы принять страдальческаго вида. Были даже такія минуты, когда я, переставъ слѣдить за собою, принимался насвистывать.

При малѣйшей возможности я остался бы за границею до тѣхъ поръ, покуда какой-нибудь ударъ судьбы не привелъ бы меня въ одинаковое настроеніе съ моими соотечественниками. Но у меня оказались неотложныя дѣла. Первый человѣкъ, съ которымъ пришлось мнѣ говорить въ Дуврѣ, былъ таможенный. Горе могло бы сдѣлать его нечувствительнымъ къ тому факту, что у меня оказались четыре дюжины сигаръ. Но онъ, наоборотъ, очевидно обрадовался своей находкѣ. Онъ потребовалъ за нихъ штрафъ и ухмыльнулся, получивъ его. На платформѣ какая-то дѣвочка разсмѣялась изъ-за того, что дама уронила картонку на собаку,—но вѣдь дѣти вообще смѣшливы, и притомъ она, быть можетъ, еще не слыхала этого извѣстія. Я гораздо болѣе удивился, когда въ вагонѣ я увидѣлъ господина почтенной наружности, читавшаго юмористическій журналъ. Правда, онъ не очень смѣялся: онъ понималъ, насколько это было бы неприлично, но до сатирическихъ ли журналовъ пораженнымъ скорбью гражданамъ?

Не пробывъ въ Лондонѣ и часа, я пришелъ къ заключенію, что мы—англичане—удивительно умѣемъ владѣть собою. Судя по газетамъ, лишь день тому назадъ, всей націи грозила опасность захирѣть и умереть отъ разбитаго сердца. Но въ какой-нибудь одинъ день нація взяла себя въ руки.

„Мы плакали цѣлый день,—сказала она себѣ,—мы плакали цѣлую ночь. Это не помогло. Понесемъ же снова бремя жизни“.

Многіе изъ насъ, какъ я замѣтилъ это за обѣдомъ въ отелѣ, съ охотою принялись за ѣду.

Мы создаемъ себѣ иллюзіи по поводу самыхъ серьезныхъ вещей. На войнѣ солдаты каждой арміи бываютъ всегда самыми храбрыми въ мірѣ. Солдаты другой страны—всегда предатели и хитрецы; поэтому они порою и одерживаютъ побѣды. Литература—искусство обмана.

— Теперь садитесь въ кружокъ,—говоритъ авторъ,—бросайте мнѣ въ шапку мѣдныя монеты, а я заставлю васъ повѣрить, что въ Бэйсуотерѣ живетъ молодая дѣвица Анжелина, прекраснѣе которой нѣтъ дѣвицы въ мірѣ. Предположимъ еще, что въ Ноттингъ-Гиллѣ живетъ молодой человѣкъ по имени Эдвинъ, влюбленный въ Анжелину.

И какъ только въ шапкѣ наберется достаточное количество пенсовъ, авторъ принимается разсказывать, что Анжелина сдѣлала и сказала то-то и то-то, и что Эдвинъ совершилъ много замѣчательнаго. Мы знаемъ, что онъ выдумалъ все это походя. Мы знаемъ, что онъ выдумываетъ вещи, могущія доставить намъ удовольствіе. Онъ со своей стороны долженъ себя увѣрить, что сочиняетъ все это въ силу внутренняго побужденія: потому что не можетъ безъ этого обойтись. Но мы прекрасно знаемъ, что еслибы мы перестали бросать пенсы въ его шляпу, то онъ обошелся бы.

Театральный антрепренеръ бьетъ въ свой барабанъ.

— Пожалуйте къ намъ, пожалуйте къ намъ! — зазываетъ онъ. — Мы станемъ васъ увѣрять, что м-ссъ Джонсонъ—принцесса, а старикъ Джонсонъ — пиратъ. Пожалуйте, пожалуйте! Не опоздайте.

И м-ссъ Джонсонъ, дѣлая видъ, что она — принцесса, выходитъ изъ шаткаго зданія, долженствующаго изображать замокъ, а старикъ Джонсонъ, дѣлая видъ, что онъ—пиратъ, появляется на другой качающейся штукѣ, которую мы соглашаемся принимать за океанъ. М-ссъ Джонсонъ старается убѣдить насъ въ томъ, что она влюблена въ него, хотя мы знаемъ, что она не влюблена. И Джонсонъ прикидывается очень страшнымъ человѣкомъ, а м-ссъ Джонсонъ притворяется—до одиннадцати часовъ,—что она вѣритъ ему. И мы платимъ—отъ шиллинга до полъ-соверена—за то, чтобы сидѣть и слушать ихъ въ теченіе двухъ часовъ.

Такъ утверждаетъ мой пріятель, но онъ, какъ я уже замѣтилъ вначалѣ, не въ своемъ умѣ.

X.

Почему мы ненавидимъ иностранцевъ?

Преимущество иностранца надъ англичаниномъ состоитъ въ томъ, что онъ добродѣтеленъ по природѣ. Онъ не стремится, какъ мы, стать добродѣтельнымъ. Онъ не вступаетъ, какъ мы,

въ новый годъ съ рѣшимостью идти стезею добра, что съ грѣхомъ пополамъ удается намъ до половины января. Онъ бываетъ добродѣтеленъ круглый годъ.

Когда ѣдущему въ трамваѣ иностранцу приказываютъ входить или выходить съ ближайшей стороны, ему даже въ голову не придетъ, что входъ и выходъ возможны и съ противоположной стороны. Однажды я былъ въ Брюсселѣ свидѣтелемъ того, какъ беззаконный иностранецъ дерзко покусился войти въ вагонъ съ неуказанной стороны. Дверь была открыта; онъ стоялъ возлѣ нея. Еслибы ему пришлось обойти бывшую у него на пути линію для того, чтобы сѣсть въ вагонъ съ указанной стороны, онъ опоздалъ бы. Онъ вошелъ, пользуясь тѣмъ, что кондукторъ не глядѣлъ въ его сторону, и занялъ мѣсто. Удивленіе кондуктора, когда онъ замѣтилъ новаго пассажира, было безгранично. Какъ онъ попалъ сюда? Кондукторъ все время стоялъ у входа и не видѣлъ, чтобы онъ прошелъ мимо. Правда, по прошествіи нѣкотораго времени, правдивое объясненіе этого факта мелькнуло въ умѣ кондуктора, но онъ все еще колебался, не рѣшаясь обвинить человѣка въ такомъ грѣхѣ.

Кондукторъ обратился къ самому пассажиру. Чему приписать его присутствіе: чуду или преступленію?

Пассажиръ сознался. Кондукторъ, болѣе огорченный, чѣмъ разгнѣванный, тотчасъ же предложилъ ему сойти. Репутація трамвая не должна пострадать. Пассажиръ выказалъ упорство; тогда вагонъ остановили и призвали жандармовъ. Казалось, что они вдругъ выросли изъ-подъ земли и стали подъ команду внушительной наружности сержанта. Сначала сержантъ почти отказывался вѣрить заявленію кондуктора. Даже теперь, если бы пассажиръ заявилъ, что онъ вошелъ съ надлежащей стороны, ему повѣрили бы. Съ точки зрѣнія иностранныхъ властей легче было допустить, что кондукторъ былъ пораженъ временною слѣпотой, нежели повѣрить, что рожденный женщиною человѣкъ могъ умышленно совершить поступокъ, воспрещенный печатнымъ объявленіемъ.

Случись это со мною, я попросту солгалъ бы, и тѣмъ избавился бы отъ бѣды. Но онъ былъ гордъ или не имѣлъ здраваго смысла (одно изъ двухъ!), и потому упорно держался истины. Ему было приказано немедленно сойти и ожидать слѣдующаго вагона. Отовсюду прибывали новыя жандармскія силы: сопротивленіе оказывалось немыслимымъ. Онъ сказалъ, что выйдетъ. Теперь онъ уже намѣревался сойти съ надлежащей стороны, но это не удовлетворило бы правосудія. Онъ вошелъ съ неука-

занной стороны и долженъ выйти съ неуказанной. Сообразно этому, его высадили на рельсы, и послѣ этого кондукторъ еще прочелъ ему проповѣдь о томъ, какъ рискованно входить и выходить съ ненадлежащей стороны.

Въ Германіи есть законъ,—превосходный законъ, который не мѣшало бы ввести въ Англіи,—воспрещающій сорить на улицахъ бумагою. Мой пріятель, англійскій офицеръ, разсказывалъ мнѣ, что однажды въ Дрезденѣ, будучи незнакомъ съ этимъ закономъ, онъ разорвалъ длинное письмо на пятьдесятъ кусочковъ и бросилъ ихъ на мостовую. Его остановилъ полицейскій, который въ очень вѣжливой формѣ сообщилъ ему о существованіи такого закона. Мой пріятель-офицеръ согласился съ тѣмъ, что это—очень хорошій законъ, поблагодарилъ полицейскаго за разъясненіе и сказалъ, что на будущее время онъ намѣренъ съ нимъ сообразоваться. Тогда полицейскій сказалъ, что относительно будущаго это, конечно, улаживаетъ дѣло, но необходимо уладить его и въ настоящемъ: тутъ онъ указалъ на валявшіеся вокругъ лоскутки письма — около 50-ти счетомъ. Пріятель мой офицеръ пріятно разсмѣялся и сознался, что онъ не знаетъ, какъ помочь горю. Полицейскій, болѣе находчивый, чѣмъ онъ, нашелъ, однако, выходъ. Онъ состоялъ въ томъ, что пріятель мой офицеръ долженъ приняться за работу и подобрать обрывки письма — счетомъ около пятидесяти. Пріятель мой — генералъ въ отставкѣ, обладающій представительною наружностью; обращеніе его не лишено по временамъ надменности. Онъ не могъ представить себя ползающимъ среди бѣла дня на четверенькахъ по главной улицѣ Дрездена и подбирающимъ бумажки.

И самъ нѣмецкій полицейскій согласился съ тѣмъ, что положеніе неловкое. Если англійскій генералъ на это не согласенъ, имѣется и другой выходъ. Пусть англійскій генералъ послѣдуетъ въ сопровожденіи толпы зѣвакъ за полицейскимъ до ближайшей тюрьмы, до которой отсюда около трехъ миль ходьбы. Такъ какъ теперь часа четыре, они, по всей вѣроятности, уже не застанутъ судью. Но самая удобная изъ тюремныхъ камеръ будетъ предоставлена въ распоряженіе генерала, и онъ, полицейскій, не сомнѣвается, что, уплативъ штрафъ въ сорокъ марокъ, генералъ будетъ отпущенъ на свободу завтра въ такое же время. Генералъ предложилъ заплатить какому-нибудь мальчику за собираніе бумажекъ. Полицейскій заявилъ, что буква закона этого не допускаетъ.

— Я обдумалъ дѣло,—разсказывалъ мой пріятель,—разсмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, включая возможность сбить этого

малаго съ ногъ и удрать, и я пришелъ къ заключенію, что, въ общемъ, первое его предложеніе причинитъ мнѣ менѣе хлопотъ. Но я не имѣлъ понятія о томъ, до какой степени трудно собирать мелкія бумажки съ каменныхъ плитъ! Это отняло у меня почти десять минутъ и послужило развлеченіемъ для тысячи людей—по приблизительному подсчету. Но все же это—хорошій законъ; я только предпочелъ бы заранѣе знать о его существованіи.

Однажды мнѣ пришлось быть съ американскою лэди въ нѣмецкой оперѣ.

Въ германскихъ театрахъ дамы сидятъ безъ шляпъ, и я опять-таки желаю, чтобы оно было такъ и въ Англіи. Но американскія лэди привыкли не соблюдать предписанныхъ мужчинами правилъ. Она объявила швейцару, что она останется въ шляпѣ; тотъ со своей стороны объяснилъ ей, что она не останется: оба они нѣсколько разгорячились. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отойти и купить программу; чѣмъ меньшее количество людей вмѣшивается въ споръ, тѣмъ бываетъ лучше.

Моя спутница откровенно заявила швейцару, что она не обратитъ вниманія ни на какія его слова. Онъ вообще не казался человѣкомъ разговорчивымъ, и, быть можетъ, такое заявленіе обезкуражило его. Во всякомъ случаѣ, онъ даже не попытался возразить. Онъ только продолжалъ стоять на самой серединѣ прохода и, казалось, думалъ о чемъ-то далекомъ. Проходъ былъ около четырехъ футовъ ширины, а швейцаръ имѣлъ въ поперечникѣ не менѣе трехъ футовъ шести дюймовъ и вѣсилъ около семи пудовъ. Я занялся, какъ уже говорилъ, покупкою программы, а когда я вернулся, моя знакомая держала шляпу въ рукахъ и втыкала въ нее головныя булавки съ такимъ видомъ, какъ будто это была не шляпа, а сердце швейцара. Ей не хотѣлось слушать оперу; она все время порывалась говорить о швейцарѣ, но сидѣвшая вокругъ публика не допустила ее даже до этого.

Съ тѣхъ поръ она провела въ Германіи три зимы. Теперь, когда дверь бываетъ открыта передъ нею и она могла бы, казалось, безпрепятственно пройти къ своему мѣсту, но лицо оффиціальное, покачавъ головою, объясняетъ ей, что она должна подняться, двумя этажами выше, пройти по корридору и снова спуститься внизъ для того, чтобы сѣсть на свое мѣсто, она извиняется въ своей ошибкѣ и отходитъ съ пристыженнымъ видомъ.

Правительства на континентѣ въ совершенствѣ выдрессировали своихъ гражданъ. Первый законъ на континентѣ—повино-

веніе. Мнѣ кажется вполнѣ достовѣрнымъ преданіе объ испанскомъ королѣ, едва не утонувшемъ изъ-за того, что сановникъ, на обязанности котораго лежало—вытаскивать изъ воды испанскихъ королей, какъ разъ около этого времени скончался и преемникъ ему еще не былъ назначенъ. Если вы, имѣя билетъ перваго класса, сядете во второй, вы подвергаетесь за это на континентѣ тюремному заключенію. Какая кара полагается за проѣздъ съ билетомъ втораго класса въ первомъ — не могу сказать въ точности,—по всему вѣроятію, смертная казнь,—но одинъ изъ моихъ друзей чуть было не удостовѣрился въ этомъ по опыту.

Не будь онъ такъ прямолинейно-честенъ, все обошлось бы благополучно. Онъ — одинъ изъ людей, гордящихся своею честностью. Кажется, ему прямо-таки доставляетъ удовольствіе быть честнымъ. Онъ взялъ билеты второго класса для поѣздки по горной желѣзной дорогѣ, но, случайно встрѣтивъ на платформѣ знакомую даму, вошелъ съ нею въ отдѣленіе перваго класса. По прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ это кондуктору и, держа въ рукѣ портмонэ, спросилъ: сколько онъ долженъ приплатить?

Его увели въ какую-то комнату и заперли дверь. Былъ составленъ протоколъ, который ему прочли вслухъ и заставили подписать, а затѣмъ послали за полицейскимъ. Полицейскій подвергъ его перекрестному допросу въ теченіе четверти часа. Его ссылкѣ на даму не повѣрили. Гдѣ была дама? Онъ этого не зналъ. Обыскали окрестности, но не нашли ее. Онъ высказалъ предположеніе, оказавшееся справедливымъ, что, соскучившись бродить по станціи, она отправилась въ горы. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ сосѣднемъ городѣ, анархисты что-то учинили, а потому полицейскій предложилъ обыскать виновнаго, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли при немъ бомбъ.

По счастью, тутъ подоспѣлъ агентъ Кука, сопровождавшій партію туристовъ, который взялъ на себя трудъ объяснить въ деликатныхъ выраженіяхъ властямъ, что пріятель мой—отчасти оселъ, не умѣющій отличить перваго класса отъ второго. Его ввели въ заблужденіе красныя подушки: онъ думалъ, что онѣ бываютъ обыкновенно во второмъ классѣ.

Всѣ свободно вздохнули. Среди общаго ликованія протоколъ былъ уничтоженъ, но тутъ глупому контролеру понадобилось разспросить относительно дамы, ѣхавшей въ вагонѣ второго класса съ билетомъ перваго. Можно было догадаться, что ей предстоитъ пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ, когда она вернется на станцію.

Но замѣчательный представитель Кука оказался и тутъ на высотѣ положенія. Онъ объяснилъ, что другъ мой былъ отчасти и лгуномъ. Говоря о томъ, что онъ ѣхалъ съ этой дамой, онъ просто хвасталъ. Ему *хотѣлось* поѣхать съ нею—вотъ что̀ онъ въ сущности сказалъ, но онъ плохо изъясняется по-нѣмецки.

Снова всѣ возликовали. Репутація моего друга была возстановлена. Онъ не былъ погибшимъ существомъ, за которое его приняли, но, очевидно, лишь безсознательнымъ идіотомъ. Подобнаго человѣка германскія власти могли уважать; на счетъ такого человѣка германскія власти даже согласились выпить пива.

Иностранцы—не только мужчины и женщины, но даже собаки—добродѣтельны по природѣ. Владѣльцу собаки въ Англіи приходится тратить много времени на то, чтобы извлекать ее изъ свалки, ссориться съ владѣльцемъ другой собаки, доказывая ему, что не ваша собака бросилась на нее первая, объяснить разсерженнымъ пожилымъ дамамъ, что ваша собака не загрызла кошку, что кошка умерла отъ разрыва сердца, перебѣгая дорогу; увѣрять недовѣрчивыхъ смотрителей за дичью, что это не ваша собака, что вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, чья она.

Съ иностранными собаками жизнь течетъ мирно. Когда иностранная собака видитъ свалку, у нея выступаютъ слезы на глазахъ, и она бѣжитъ за полицейскимъ. Когда иностранная собака видитъ бѣгущую кошку, она спѣшитъ дать ей дорогу. Нѣкоторымъ иностраннымъ собакамъ надѣваютъ манто, въ кармашкѣ котораго лежитъ носовой платокъ, и обуваютъ ихъ въ сапожки. Шляпы они еще не носятъ — до поры до времени. Когда же имъ одѣнутъ шляпы, онѣ ухитрятся тѣмъ или другимъ способомъ вѣжливо приподнимать ихъ при встрѣчѣ со знакомою кошкой.

Однажды, за границею, я попалъ въ сумятицу, точнѣе говоря: она закрутила, завертѣла меня, прежде чѣмъ я успѣлъ отдать себѣ въ ней отчетъ. Причиною ея оказался принадлежащій очень юной лэди фоксъ-терьеръ (сумятица была уже значительно въ ходу, когда выяснилось, что онъ принадлежитъ ей). Она прибѣжала уже къ концу ея, сильно запыхавшись. Ей пришлось пробѣжать около мили и почти все время кричать. Оглядѣвшись кругомъ и увидѣвъ все, что̀ случилось, а также узнавъ обо всемъ, чего ей не удалось видѣть, она залилась слезами. Будь владѣльцемъ собаки англичанинъ, онъ, увидѣвъ происшедшее, махнулъ бы на ближайшій трамвай, идущій по любому направленію. Но, какъ я уже сказалъ, иностранецъ добродѣтеленъ по при-

родѣ. Когда я оставилъ ее, она давала свои карточки семерымъ пострадавшимъ.

Но я намѣревался поговорить, главнымъ образомъ, о собакѣ. Она начала съ невинной попытки поймать воробья. Ничто такъ не забавляетъ воробья, какъ погоня за нимъ собаки. Разъ двѣнадцать она думала, что онъ уже у нея въ зубахъ. Тутъ ему подвернулась другая собака. Не знаю, почему называютъ этихъ выродковъ собаками; но за границею ихъ порода очень распространена: у нихъ нѣтъ хвоста, и они похожи на свиней, когда имъ хорошо живется. Представившійся моимъ взорамъ экземпляръ больше всего походилъ на цыновку у двери. Фоксъ-терьеръ ухватилъ его за шиворотъ и опрокинулъ въ канаву, какъ разъ въ виду мотора-велосипеда. Толстая лэди-велосипедистка соскочила, чтобы спасти его, и столкнулась съ мотористомъ. Толстую лэди отбросило шаговъ на двѣнадцать, и она сшибла съ ногъ мальчика-итальянца, несшаго на подставкѣ алебастровые бюсты.

Много видѣлъ я на своемъ вѣку различныхъ безпорядковъ, но ни одного, въ которомъ не былъ бы такъ или иначе замѣшанъ торговецъ бюстами, маленькій итальянецъ. Гдѣ скрываются эти маленькіе итальянцы въ мирное время — остается для меня загадкой. Возможность столкновенія привлекаетъ ихъ, какъ солнечный свѣтъ—мухъ. Мотористъ въѣхалъ въ повозку съ молокомъ и розлилъ его по срединѣ трамвайной линіи. Казалось, что трамваю придется остановиться, по крайней мѣрѣ, на четверть часа, но при взглядѣ на кондуктора трамвая у каждаго являлась мысль, что стоитъ ему звонить съ достаточною энергіей, и это кажущееся препятствіе разсѣется и исчезнетъ. Въ англійскомъ городѣ на все это не обратили бы особеннаго вниманія. Кто-нибудь объяснилъ бы, что главною причиной всего является собака, и все дальнѣйшее показалось бы вполнѣ естественнымъ.

Иностранцевъ же охватилъ страхъ при мысли, что Всевышній по той или по другой причинѣ прогнѣвался на нихъ. Полицейскій кинулся ловить собаку. Восхищенная собака отскочила, заливаясь яростнымъ лаемъ, и начала рыть задними ногами каменья. Это испугало няньку, везшую колясочку, и тогда я уже оказался запутаннымъ въ дѣло. Сидя на краю троттуара, съ опрокинутою колясочкою по одну сторону и съ ревущимъ ребенкомъ—по другую, я высказалъ фоксъ-терьеру мое о немъ мнѣніе.

Забывъ о томъ, что я на чужбинѣ и онъ рискуетъ не понять меня, я высказалъ это ему по-англійски, весьма пространно, громко и отчетливо. Стоя отъ меня въ двухъ шагахъ, онъ вни-

малъ мнѣ съ выраженіемъ такого восторга, равнаго которому я уже не видѣлъ ни раньше, ни позже ни на одной человѣческой или собачьей физіономіи. Онъ упивался моими словами, какъ небесной музыкой.

„Гдѣ я слышалъ ранѣе эту мелодію? — казалось, говорилъ онъ себѣ: — старыя знакомыя слова, слышанныя мною въ юности!...“

Онъ подошелъ ко мнѣ еще ближе. Когда я кончилъ, въ глазахъ у него почти стояли слезы.

„О, повторите ихъ,—казалось, умолялъ онъ,—повторите ихъ —родныя англійскія проклятія и ругательства, которыя я уже не надѣялся услышать въ этомъ забытомъ Богомъ краю!“

Отъ молодой лэди я узналъ, что фоксъ-терьеръ—англійскаго происхожденія. Этимъ все объяснялось. Иностранная собака не способна ни на что подобное. Иностранецъ добродѣтеленъ по природѣ: вотъ почему мы ненавидимъ его.

Съ англійск. О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Раздумье.

Всю жизнь, отъ юности и вплоть
До самой старости преклонной,
Въ борьбѣ подчасъ ожесточённой
Межъ силъ плотской и отвлечённой—
Не могъ въ конецъ я побороть
Ни плотью духъ, ни духомъ плоть.
Какъ мнѣ для мысли обликъ нуженъ,
Такъ мысль подъ формой мнѣ нужна;
Мой умъ съ веселымъ смѣхомъ друженъ,
И грусть душѣ моей родна.
То грезой какъ во снѣ утѣшенъ,
То строго мысля на яву,
Не потому ли я живу,
Что все еще уравновѣшенъ?

1904 г.

II.

Современныя замѣтки.

1.—О фальшивомъ вѣрноподданномъ.

Онъ слово „подданный" постигъ со всѣхъ сторонъ,
Но вовсе пренебрегъ къ нему приставкой: „вѣрно";
И, ложнымъ прозвищемъ украшенъ, служитъ онъ
Царю и родинѣ съ охотою, но—скверно.

2.—О бюрократической покорности.

Своей покорностью они въ глаза намъ тычутъ;
А въ милость царскую случись врагамъ ихъ впасть—
Небось умѣло ограничутъ
Неограниченную власть.

1905 г.

III.

Клеветникамъ Россіи.

Надежда съ высоты престола намъ дана,
Что мы награждены свободой полной будемъ;
Но „люди русскіе“ нашли, что русскимъ людямъ
Она въ обѣщанномъ объемѣ не нужна.
И вотъ они, трудясь усердно надъ задачей:
Какъ надо понимать намъ данныя права,
То изворотливо, какъ ябедникъ - подъячій,
Толкуютъ ясныя слова;
То, смѣло пользуясь не рыцарской сноровкой,
Они стараются—такой пріемъ не новъ—
Въ находчивой игрѣ уклончивости ловкой
Искусству подражать канатныхъ плясуновъ.
Межъ тѣмъ какъ свойственно всему людскому роду
Желать смягченія житейскихъ нуждъ и бѣдъ,
Стремиться къ радостямъ, любить и чтить свободу—
Ужель у русскаго такихъ влеченій нѣтъ?
Ужель Творецъ рѣшилъ: „будь нравственный калѣка,
Несхожій съ прочими по сердцу и уму“?
И только русскаго Онъ создалъ человѣка
Не по подобью Своему?
Вѣдь еслибъ русскому подобный выпалъ жребій
И русская душа была бы такъ пуста—
Мы были бъ на землѣ отребьемъ всѣхъ отребій...
Нѣтъ! вами взведена на братьевъ клевета.
Издавна истый сынъ я русскаго народа;
И, противленія не вѣдая добру,
Когда дается намъ гражданская свобода—
Ее я съ радостью великою беру!

10 января 1906.

IV.

Изъ-за чего?

Не вѣрится, чтобы изъ чести лишь одной
На рабство обрекли вы снова край родной
(Иного смысла нѣтъ къ прошедшему возврата).
А коль изъ выгоды,—ума какая трата,
Чтобъ—съ возгласомъ: „впередъ!"—путь обернуть назадъ!
Вотъ черносотенцы, тѣ просто говорятъ:
„Мы русское ура во всю орали глотку,
„Молились, пѣли гимнъ... пожалуйте на водку"!

15 января 1906 г.
Тамбовъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1906.

Противоположные взгляды на манифестъ 17-го октября. — Выводы, прямо вытекающіе изъ его текста.—Государственная роспись на 1906-й годъ. — Превышенія необходимой обороны.—Возвращеніе къ старымъ формамъ административной расправы.— Широкая волна произвола. — Съѣздъ дворянскихъ предводителей. — Проектируемое преобразованіе Государственнаго Совѣта.—Положеніе нашей печати.—Нѣсколько словъ объ учредительномъ собраніи.—По поводу партіи демократическихъ реформъ.

Одна, по меньшей мѣрѣ, необходимая предпосылка политической жизни имѣется у насъ на лицо: образовался цѣлый рядъ политическихъ партій, обнимающій собою все пространство отъ самой крайней правой до самой крайней лѣвой стороны. Оригиналенъ способъ группировки этихъ партій, изобрѣтенный недавно одною изъ нихъ. По мнѣнію „русскихъ монархистовъ", демаркаціонною чертою между партіями должно служить отношеніе ихъ къ „самодержавію русскаго царя". Противъ самодержавія — гласитъ объявленіе, напечатанное въ № 6 „Московскихъ Вѣдомостей", — „идутъ не только революціонныя и конституціонныя партіи, открыто называющія себя соціалистами-революціонерами, соціалистами-демократами, конституціонными демократами, но и партія правового порядка, союзъ 17-го октября, партіи торгово-промышленная и умѣренно-прогрессивная". Наоборотъ, „за самодержавіе стоятъ многочисленные политическіе партіи и союзы: союзъ русскихъ людей, русская монархическая партія, союзъ русскаго народа, союзъ землевладѣльцевъ, союзъ русскихъ патріотовъ и другіе, объединившіеся въ общую организацію — всенародный русскій союзъ", и признающіе русскаго царя „не инымъ, какъ только православнѣйшимъ и самодержавнѣйшимъ". Въ дальнѣйшей полемикѣ, происходившей также въ формѣ объявленій, союзъ 17-го октября заявилъ, что противодѣйствуютъ царской волѣ, выраженной въ мани-

фестѣ 17-го октября, не только соціалисты-революціонеры и соціалисты-демократы, но и партіи, объединившіяся, вмѣстѣ съ „русскими монархистами", въ „всенародный русскій союзъ". „Русская монархическая партія" на это отвѣчала, что „Государь въ манифестѣ 17-го октября, именуя себя, какъ всегда, самодержцемъ, ни единымъ словомъ отъ самодержавія не отрекался и никакой конституціи не объявлялъ". Кромѣ пяти партій, перечисленныхъ выше, къ „всенародному русскому союзу" присоединились еще кружокъ москвичей, общество хоругвеносцевъ, добровольная народная охрана, сусанинскій кружокъ, кружокъ русскихъ студентовъ, союзъ законности и порядка.

Итакъ, въ основаніи разногласія, принимающаго, въ заявленіяхъ „всенароднаго русскаго союза", угрожающій характеръ, лежать два противоположные взгляда на манифестъ 17-го октября. Когда онъ былъ обнародованъ, всѣ, рѣшительно всѣ усмотрѣли въ немъ отреченіе отъ самодержавія, понимаемаго въ смыслѣ неограниченной власти монарха: одни оплакивали это отреченіе, другіе радовались ему, третьи видѣли въ немъ лишь начало радикальнаго обновленія государственнаго строя—но никому, кажется, не приходило въ голову утверждать, что образъ правленія остается прежній. Чтобы додуматься до такого вывода, нужно было время, нужно было, въ особенности, наступленіе новыхъ условій, располагающихъ къ защитѣ еще недавно безнадежнаго тезиса. Измышленія своеобразныхъ „монархистовъ" обращаются въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, т.-е. съ текстомъ манифеста. На обязанность правительства манифестъ возложилъ выполненіе *непреклонной воли* Государя „установить, какъ *незыблемое правило*, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей". Воля Государя выражена въ этихъ словахъ категорически и ясно. Она вступила въ силу въ самый моментъ ея провозглашенія; будущему предоставлено только облечь ее въ надлежащую внѣшнюю форму. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о продолжающемся существованіи *неограниченной* власти монарха, разъ что для изданія новаго закона—а, слѣдовательно, и для измѣненія, дополненія или отмѣны законовъ дѣйствующихъ,—необходимо одобреніе Государственной Думы? Не очевидно ли, что этимъ самымъ упразднены тѣ постановленія основныхъ законовъ (ст. 47, 50, 51, 53), по которымъ сила закона поставлена въ зависимость *исключительно* отъ утвержденія его императоромъ? Совмѣстимо ли, далѣе, съ неограниченностью монарха *дѣйствительное участіе* выборныхъ отъ народа въ надзорѣ за закономѣрностью

дѣйствій поставленныхъ монархомъ властей? Возможно ли, при такомъ раздѣленіи надзора, сохранить неприкосновенною ст. 80-ую закон. основн., по которой власть управленія *во всемъ ея пространствѣ* принадлежитъ государю?.. *Слово:* „конституція“ въ манифестѣ 17-го октября не произнесено—но *понятіе*, означаемое этимъ словомъ, безспорно введено въ русскую государственную жизнь. Если Государь, въ манифестѣ 17-го октября, названъ, по прежнему, *самодержцемъ*, то это объясняется или тѣмъ значеніемъ термина *самодержецъ* (т.-е. „независимый отъ какой бы то ни было внѣшней, иноземной власти“), на которое указываетъ историческое его происхожденіе,—или силою привычки, особенно устойчивой именно въ области титуловъ и формъ... *Непреклонной*, какъ видно изъ манифеста 17-го октября, является и воля Государя даровать населенію *незыблемыя основы* гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Незыблемость основъ гражданской свободы мыслима только при такомъ политическомъ строѣ, который ограничиваетъ усмотрѣніе монарха, обезпечивая реальную силу закона и отвѣтственность его исполнителей. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, манифестъ 17-го октября открываетъ собою новую эпоху, проводитъ рѣзкую грань между настоящимъ и прошедшимъ. При господствѣ абсолютизма возможны развѣ мимолетные, случайные проблески свободы; ея полный расцвѣтъ мыслимъ только въ правовомъ, конституціонномъ государствѣ, какимъ съ 17-го октября если не de facto, то de jure является Россія.

Къ тому же заключенію, какъ и разборъ манифеста 17-го октября, приводитъ насъ сравненіе его съ предшествовавшими законодательными актами. Манифестъ 6-го августа, включая въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое *законосовѣщательное* установленіе—Государственную Думу,—*сохранялъ неприкосновеннымъ основной законъ Россійской имперіи о существѣ самодержавной власти*. Сообразно съ этимъ, утвержденное въ тотъ же день учрежденіе Государственной Думы (ст. 47 и слѣд.) допускало возможность изданія такихъ законовъ, съ которыми не согласилась Дума, и останавливало движеніе законопроектовъ въ такомъ лишь случаѣ, еслибы противъ нихъ высказалось большинство двухъ третей голосовъ какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Совершенно иной смыслъ имѣетъ манифестъ 17-го октября. Признавая необходимымъ условіемъ силы закона одобреніе его Государственной Думой, онъ превращаетъ ее изъ законосовѣщательнаго въ *законодательное* учрежденіе; онъ вводитъ раздѣленіе законодательной власти между монархомъ и народнымъ представительствомъ, т.-е. именно то, что

составляетъ существеннѣйшую черту конституціоннаго образа правленія. Менѣе опредѣленно, но не менѣе знаменательно другое новшество манифеста 17-го октября. Учрежденіе Государственной Думы (ст. 58 и сл.) обставляло надзоръ ея за закономѣрностью дѣйствій администраціи условіями, лишавшими его всякаго реальнаго значенія; манифестъ 17-го октября обезпечиваетъ за Думой *дѣйствительное участіе* въ такомъ надзорѣ. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, Дума призывается къ отправленію такой функціи, которая до сихъ поръ всецѣло принадлежала одному монарху. Есть ли, затѣмъ, разумный повода отрицать, что самодержавіе, понимаемое какъ неограниченная власть монарха, со времени обнародованія манифеста 17-го октября юридически болѣе не существуетъ?

Какъ же объяснить, однако, продолжающееся и послѣ 17-го октября изданіе важныхъ государственныхъ актовъ въ прежнемъ порядкѣ, иногда даже безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ Государственнымъ Совѣтомъ? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что rien n'est changé—il n'y a qu'un manifeste de plus? Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно обратить вниманіе на свойство вышеупомянутыхъ актовъ. Это—либо временныя правила, издаваемыя впредь до утвержденія, въ подлежащемъ порядкѣ (т.-е. по одобреніи Государственною Думою), постояннаго закона (таковы, напримѣръ, правила 24-го ноября о періодической печати, правила 2-го декабря о наказуемыхъ забастовкахъ), либо мѣры, принимаемыя въ виду особыхъ, экстраординарныхъ обстоятельствъ (напримѣръ указъ 29-го ноября о порядкѣ введенія усиленной или чрезвычайной охраны). Ни тѣ, ни другія нельзя признать законодательствомъ, въ истинномъ смыслѣ слова—т.-е. установленіемъ твердыхъ нормъ, прочно регулирующихъ государственную или общественную жизнь. Это, въ сущности, только акты управленія, вытекающіе изъ требованій данной минуты и вмѣстѣ съ ними теряющіе свою силу. Правильно ли, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, были поняты и исполнены эти требованія—вопросъ особый, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ; намъ нужно только показать, что все послѣдовавшее за манифестомъ не измѣнило его значенія и смысла. Какъ бы мало позднѣйшія распоряженія власти ни соотвѣтствовали понятію о правовомъ государствѣ, Россія, съ 17-го октября, должна быть признаваема конституціонной монархіей.

Что̀ же представляютъ собою, въ виду всего вышесказаннаго, притязанія партій, объединившихся подъ именемъ всенароднаго русскаго союза? Очевидно—не что̀ иное, какъ попытку поворотить назадъ, уничтожить силу манифеста 17-го октября. Да, только путемъ его отмѣны, а не путемъ явно несостоятельныхъ толкованій, можно достигнуть цѣли, преслѣдуемой монархистами по имени, абсолютистами

на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, съ формальной стороны, отмѣна манифеста была бы прямымъ нарушеніемъ установленнаго имъ порядка. Что̀ сталось бы тогда съ провозглашенною имъ *непреклонною* волей? Во что̀ обратились бы основы, признанныя имъ *незыблемыми*? Чѣмъ можно было бы объяснить и оправдать изданіе отмѣняющаго манифестъ закона—закона основного, закона первостепенной важности—безъ согласія и одобренія Государственной Думы? Что̀ уцѣлѣло бы, послѣ того, отъ довѣрія къ власти, и безъ того глубоко потрясеннаго?.. Фактически возвращеніе къ старому режиму, торжественно осужденному 17-го октября, сдѣлалось бы источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій, можетъ быть еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ все до сихъ поръ перенесенное Россіей. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ обнаружили съ достаточною ясностью, сколько горючаго матеріала накопилось во всѣхъ концахъ страны. Погасить, на время, возникающіе изъ него пожары можно репрессивными мѣрами — но каждая изъ этихъ мѣръ вновь увеличиваетъ его массу и подготовляетъ новые взрывы. Чтобы возстановить внутренній миръ, нужны долгіе годы созидательной работы, при активномъ, свободномъ участіи общества и народа—а такая работа возможна только въ конституціонномъ государствѣ.

Только конституціонное государство, сильное внутри и пользующееся довѣріемъ извнѣ, можетъ, съ другой стороны, успѣшно справиться съ тяжелымъ кризисомъ, серьезность котораго признаетъ послѣдній всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ. Государственная роспись на 1906-ой годъ сведена съ превышеніемъ расходовъ надъ доходами въ суммѣ 481 милл. рублей. Эту разницу предполагается пополнить посредствомъ кредитныхъ операцій, которыя будутъ предприняты въ 1906-мъ году. Въ какой степени ихъ успѣхъ зависитъ отъ умиротворенія страны, отъ водворенія въ ней прочнаго правопорядка—это не требуетъ объясненій. Въ тѣсной связи съ тѣми же условіями стоитъ и возстановленіе золотыхъ запасовъ государственнаго банка, быстрое уменьшеніе которыхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ минувшаго года отмѣчено министромъ финансовъ. Пока не миновало общее нестроеніе, пока не утихла общая тревога, нельзя ожидать удачнаго осуществленія мѣръ, направленныхъ къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства. „Продолженіе смуты"—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ—„можетъ имѣть послѣдствіемъ недоборъ въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ, размѣръ котораго заранѣе опредѣлить невозможно". Что̀ необходимо для прекращенія смуты—на это указываютъ послѣднія слова доклада: „непрерывно продолжающійся ростъ сознанія народныхъ массъ несомнѣнно приведетъ ихъ къ скорому достиженію пониманія истиннаго экономическаго прогресса и пробудитъ въ нихъ стремленіе къ дѣй-

ствительному улучшенію народнаго благосостоянія, а надежнымъ залогомъ грядущаго подъема общественныхъ силъ являются путь самодѣятельности, на который русское общество призвано вступить державною Вашею волею, и уравненіе передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества". При „непрерывномъ ростѣ сознанія народныхъ массъ" онѣ не могутъ оставаться подъ бременемъ темноты и гнета, которое такъ долго поддерживалъ старый режимъ. „Самодѣятельность", на которую вполнѣ правильно возлагаетъ надежды министръ финансовъ, мыслима лишь подъ охраной конституціоннаго строя, который только одинъ можетъ дать настоящее равенство—равенство права, а не безправія.

Если текстъ манифеста 17-го октября, разсматриваемый въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Россіи установленъ, de jure, конституціонный образъ правленія, то что же сказать о дѣйствіяхъ правительства, воскрешающихъ, въ послѣднее время, худшія традиціи недавняго прошлаго? Оправдывать ихъ тѣмъ, что во многихъ мѣстностяхъ дѣло доходило до настоящей гражданской войны, очевидно нельзя. Какъ бы велико ни было ожесточеніе усмирителей, оно не должно переступать предѣла, обозначаемаго съ достаточною ясностью прекращеніемъ активной борьбы, вооруженнаго сопротивленія. Въ войнѣ международной побѣжденный, обезоруженный противникъ является плѣнникомъ, лишаемымъ, до обмѣна плѣнныхъ, или до окончанія военныхъ дѣйствій, личной свободы, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ неприкосновеннымъ; въ войнѣ гражданской онъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить объектомъ дальнѣйшей репрессіи, но только судебной, правомѣрной. И тамъ, и тутъ продолженіе дѣйствій, допустимыхъ лишь въ открытомъ бою, подходитъ, какъ мы старались показать въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи, подъ понятіе о превышеніи необходимой обороны, тѣмъ болѣе преступномъ, чѣмъ оно обдуманнѣе и систематичнѣе, чѣмъ длиннѣе промежутокъ, отдѣляющій его отъ послѣдней вспышки боя. Не подлежитъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію, что такое превышеніе обороны имѣло мѣсто и въ Москвѣ, и подъ Москвою, и въ остзейскихъ губерніяхъ, и въ царствѣ польскомъ. Не опровергнутыми остались сообщеніе Москвича („Молва", № 8), разсказъ г. Григорьева („Молва", № 12), извѣстія о „разстрѣливаніи по спискамъ", производившемся въ Люберцахъ; ничего, въ сущности, не разъясняетъ объявленіе московскаго генералъ-губернатора, относящееся не къ тому, что дѣлалось вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, а къ фактамъ значительно позднѣйшимъ. Случилось именно то, чего мы

опасались, вспоминая, мѣсяцъ тому назадъ, парижскія усмиренія 1848-го и 1871-го г.: предавались смерти, безъ судебнаго разбирательства, безъ удостовѣренія въ дѣйствительности и степени вины, никому и ничему въ данную минуту не угрожавшіе, безоружные люди. Исторической справкой можно объяснить эти ужасы, но не извинить ихъ, хотя бы только съ чисто практической течки зрѣнія. Эксцессы репрессіи всегда служатъ источникомъ новыхъ усложненій.

Изъ варшавскихъ телеграммъ мы узнали о совершеніи, на основаніи ст. 12-ой правилъ о военномъ положеніи, смертной казни надъ шестнадцатью лицами, уличенными въ бросаніи бомбъ и въ другихъ преступленіяхъ. Статья, на которую сдѣлана ссылка, гласитъ такъ: „если въ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи, будетъ признано необходимымъ, для охраненія государственнаго порядка или успѣха веденія войны, принять чрезвычайную мѣру, которая не предусмотрѣна въ семъ положеніи, то главнокомандующій, непосредственно или по представленію командующаго арміей, дѣлаетъ распоряженіе о принятіи сей мѣры собственною властью, донося о томъ Государю Императору“. Подробный разборъ этого постановленія, сдѣланный проф. Кузьминымъ-Караваевымъ („Молва“, № 12), доказываетъ неопровержимо, что полномочія на совершеніе, безъ суда, смертной казни оно въ себѣ не заключаетъ. Оно помѣщено, во-первыхъ, въ томъ отдѣлѣ правилъ, который трактуетъ о правахъ военнаго начальства вообще, а не въ томъ, гдѣ говорится о правахъ его въ области отправленія уголовнаго правосудія. Во-вторыхъ, по нашимъ основнымъ законамъ (т. I, ст. 66), въ „дѣлахъ о лишеніи жизни“ даже объявляемый Высочайшій указъ не имѣетъ силы, а необходимъ законъ. за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ изданный. Наконецъ, право, установляемое ст. 12-ою, принадлежитъ только *главнокомандующему* — а главнокомандующаго въ Варшавѣ (какъ и въ Москвѣ) нѣтъ. Прибавимъ отъ себя, что мѣры, предусмотрѣнныя ст. 12-ой, принадлежатъ, какъ видно изъ послѣднихъ ея словъ, къ числу тѣхъ, которыя, при нормальныхъ условіяхъ, могутъ исходить лишь отъ верховной власти; а развѣ когда-нибудь смертная казнь совершается или совершалась, безъ судебнаго приговора, по непосредственному распоряженію Государя [1])?..

Другая мѣра, къ которой не разъ обращались военныя власти

---

[1]) Эти строки были уже отданы въ печать, когда мы прочли въ „Новомъ Времени“ (№ 10722) телеграмму изъ Юрьева, подписанную 24-мя эстонскими общественными дѣятелями и содержащую въ себѣ по истинѣ ужасающій разсказъ о томъ, что творилось военными властями въ уѣздахъ феллинскомъ, перновскомъ и юрьевскомъ. Можно смѣло сказать, что ничего подобнаго нельзя найти, по крайней мѣрѣ за послѣднія сто лѣтъ, въ исторіи самыхъ кровавыхъ западно-европейскихъ усмиреній.

послѣ подавленія мятежа, это — тѣлесное наказаніе, въ разныхъ его видахъ. Давно уже почти вовсе отмѣненное закономъ въ области суда, оно до самаго начала новаго періода реформъ широко практиковалось въ качествѣ внѣ-легальной, но допускаемой и даже одобряемой административной кары. Можно было думать, что послѣ манифеста 11-го августа и указа 12-го декабря 1904 г., тѣмъ болѣе—послѣ манифеста 17-го октября, оно навсегда отошло въ прошедшее. Когда въ печати, весною прошлаго года, стали появляться извѣстія объ экзекуціяхъ, будто бы слѣдовавшихъ, кое-гдѣ, за аграрными безпорядками, они спѣшно опровергались, какъ вымышленныя и оскорбительныя для власти. Теперь подобныя извѣстія идутъ съ разныхъ сторонъ, а объ опроверженіи ихъ что-то не слышно. Не станемъ повторять доводовъ, которыми мы, въ самый разгаръ реакціи, много разъ старались доказать незаконность, неразумность и безцѣльную жестокость этого вида административной расправы; ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, вытекающими изъ особенностей переживаемаго Россіей момента. Не будетъ софизмомъ, если мы скажемъ, что сѣченіе, пускаемое въ ходъ послѣ усмиренія возстанія, еще возмутительнѣе, чѣмъ разстрѣливанье. Въ оправданіе послѣдняго указываютъ иногда на опасность, которою грозятъ оставшіеся въ живыхъ повстанцы, на возможность ихъ насильственнаго освобожденія, на вѣроятность участія ихъ въ борьбѣ, если она возобновится. Всѣ эти доводы совершенно неубѣдительны, но даже ихъ—или равносильныхъ имъ соображеній—нельзя привести въ защиту обращенія къ розгамъ или нагайкамъ. Для общественнаго спокойствія лица, подвергшіяся экзекуціи, могутъ стать не менѣе, а болѣе опасными чѣмъ прежде; ихъ озлобленіе—и озлобленіе всѣхъ имъ близкихъ—легко можетъ достигнуть самыхъ крайнихъ предѣловъ. Если за экзекуціей не слѣдуетъ привлеченіе къ судебной отвѣтственности—группа недовольныхъ немедленно и сильно растетъ, увеличиваются шансы новыхъ вспышекъ; если подвергшіеся экзекуціи оставляются подъ стражей и предаются суду—происходитъ явное нарушеніе основного юридическаго начала: non bis in idem. Разстрѣляніе, если оно совершается въ первые часы послѣ прекращенія боя, можетъ быть продуктомъ страсти, порабощающей мысль и волю. О сѣченіи и этого сказать нельзя: оно предполагаетъ, со стороны его распорядителей, извѣстную степень хладнокровія. Чтобы дать приказъ о разстрѣляніи, нужно хоть нѣкоторое подобіе увѣренности въ томъ, что посылаемый на казнь принималъ активное участіе въ возстаніи; однихъ неопредѣленныхъ предположеній мало, когда идетъ рѣчь о жизни человѣка. Распорядиться поркой, для того, кто невысоко цѣнитъ человѣческое достоинство или вовсе не признаетъ его за „низшимъ родомъ людей“, гораздо легче, а между тѣмъ для многихъ она хуже смертной казни.

Апологеты—и панегиристы—чрезвычайныхъ репрессивныхъ мѣръ, принимаемыхъ по окончаніи безпорядковъ, ссылаются иногда на аналогичныя дѣйствія самихъ инсургентовъ. Мы имѣли уже случай объяснить, почему эта ссылка кажется намъ совершенно неправильной. Правительство, на сторонѣ котораго и армія, и администрація, и суды, располагаетъ такой громадной силой, которая обязываетъ его къ умѣренности и сдержанности. Насъ глубоко возмущаетъ убійство полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ, неизвѣстно кѣмъ и за что̀ приговариваемыхъ къ смерти; но мы не можемъ примириться и съ казнями, совершаемыми, безъ слѣдствія и суда, по распоряженію того или другого военнаго или гражданскаго начальства. Жертвами ихъ слишкомъ легко могутъ стать не только несомнѣнные, но и подозрѣваемые участники возстанія. Негодованіе и ужасъ возбуждаютъ такіе факты, какъ сообщаемые, напримѣръ, подполковникомъ Сергѣевымъ („Русь", № 1). На станціи Голутвино (московско-казанской жел. дор.), 18-го декабря, полковникомъ, стоявшимъ во главѣ только-что передъ тѣмъ прибывшаго изъ Москвы отряда, былъ застрѣленъ машинистъ, единственно потому, что при немъ былъ найденъ револьверъ. Тѣмъ же полковникомъ тогда же былъ убитъ запасный унтеръ-офицеръ, пытавшійся, вопреки отданному приказу, уйти изъ вокзала. Къ одному изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ было предъявлено требованіе назвать членовъ мѣстнаго забастовочнаго комитета (такого комитета, по удостовѣренію г. Сергѣева, въ Голутвинѣ вовсе не было), подъ угрозой разстрѣлянія, если черезъ полчаса это требованіе не будетъ исполнено. Приведена въ дѣйствіе угроза не была, хотя угрожаемый никого не назвалъ; но что̀, если бы онъ, подъ гнетомъ страха, произнесъ первыя пришедшія ему на память имена? Развѣ мыслимы такія условія, при которыхъ молчаніе—можетъ быть совершенно естественное и законное — составляетъ преступленіе, наказуемое смертью? Развѣ допустима, въ какомъ бы то ни было случаѣ, угроза смертью, какъ средство заставить говорить? Велика ли разница между нравственной мукой, какую влечетъ за собою подобная угроза, и пыткой въ старомъ смыслѣ слова?.. Кромѣ машиниста и унтеръ-офицера, на станціи Голутвино и въ сосѣднемъ селѣ Бобровѣ было убито въ тотъ же день еще двадцать-пять человѣкъ, взятыхъ отчасти по какому-то списку, отчасти безъ списка. А между тѣмъ, по удостовѣренію г. Сергѣева, сопротивленія войскамъ или вообще мятежныхъ дѣйствій ни 18-го декабря, ни раньше въ Голутвинѣ и Бобровѣ не было вовсе. Можно ли себѣ представить, чтобы какой бы то ни было судъ, даже самый безпощадный, произнесъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, *двадцать семь* смертныхъ приговоровъ—и чтобы они всѣ были приведены въ исполненіе?..

Восторжествовавъ въ одной области, произволъ неминуемо и не-

удержимо захватываетъ и другія. Различныя формы незаконной административной расправы встрѣчаются не только тамъ, гдѣ происходилъ открытый мятежъ. Во всѣхъ концахъ Россіи умножаются аресты и высылки, основанные на догадкахъ и неопредѣленныхъ подозрѣніяхъ. Учащаются также ничѣмъ не вызванныя насилія надъ мирными людьми, исходящія, сплошь и рядомъ, именно отъ тѣхъ, кому ввѣрена охрана общественной безопасности. Большое впечатлѣніе произвелъ недавно случай съ С. И. Четвериковымъ, предсѣдателемъ московскаго биржевого комитета. При проѣздѣ его, ночью, съ принадлежащей ему (въ богородскомъ уѣздѣ) фабрики на станцію жел. дороги, его остановили казаки, изъ которыхъ одинъ сталъ бить его нагайкой по лицу и головѣ. Оказалось, что казаковъ послалъ за г. Четвериковымъ мѣстный приставъ, увидѣвшій его изъ окна волостного правленія и нашедшій нужнымъ воротить его для подписанія имъ какой-то бумаги. Здѣсь характерно уже то, что приставъ позволяетъ себѣ останавливать, въ два часа ночи, проѣхавшаго мимо него путника, по дѣлу, въ которомъ не было ничего неотложнаго—иначе бумага уже раньше была бы отправлена по назначенію,—и, посылая въ догонку за нимъ казаковъ, не считаетъ нужнымъ разъяснить послѣднимъ свойство и цѣль даннаго имъ порученія. Еще болѣе яркій свѣтъ на вновь вошедшіе въ моду „охранительные пріемы" бросаетъ образъ дѣйствій казаковъ, привыкшихъ, очевидно, пускать въ ходъ нагайки при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Безъ послѣдствій для виновныхъ этотъ инцидентъ, вѣроятно, не пройдетъ, въ виду виднаго положенія, занимаемаго г. Четвериковымъ; но какъ часто насилія и правонарушенія, выпадающія на долю заурядныхъ гражданъ, остаются безнаказанными, едва замѣченными—и будутъ оставаться, пока не восторжествуютъ свобода и законность!.. Еще поразительнѣе другой фактъ, оглашенный въ печати и нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не опровергнутый. Инженеръ Чаевъ, человѣкъ богатый, пожилой, ни въ какихъ сношеніяхъ съ крайними партіями не состоявшій, собралъ большую сумму денегъ для помощи голодающимъ и, будучи хорошо знакомъ съ кн. Г. Е. Львовымъ — предсѣдателемъ тульской губернской земской управы и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общеземской организаціи для борьбы съ послѣдствіями неурожая, — отправился въ тульскую губернію. Здѣсь онъ получилъ открытый листъ отъ губернатора и началъ устраивать столовыя, но былъ арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. Несмотря на хлопоты самого губернатора, сразу освободить г. Чаева не удалось, и онъ нѣсколько дней пробылъ подъ арестомъ; послѣ освобожденія онъ бросилъ все дѣло и уѣхалъ въ Москву. Итакъ, самыя лучшія намѣренія, самыя полезныя предпріятія опять начинаютъ встрѣчать пре-

пятствія, вродѣ тѣхъ, которыя были въ такомъ ходу въ голодные годы предъидущаго пятнадцатилѣтія. Достаточной охраной противъ подозрѣній служило тогда разрѣшеніе губернатора — а теперь и оно оказывается безсильнымъ. Тогда, въ большинствѣ случаевъ, не шли дальше закрытія столовыхъ и удаленія ихъ устроителей — а теперь послѣднимъ угрожаетъ, въ добавокъ, лишеніе свободы! Что̀ это такое — предсмертныя содроганія отжившаго режима или попытки его возстановленія и обостренія?.. Безконечно длиннымъ стало бы наше обозрѣніе, если бы мы захотѣли включить въ него списокъ всѣхъ правонарушеній, оглашенныхъ въ печати — а оглашено, конечно, далеко не все. Упомянемъ только объ арестованіи такихъ людей, какъ харьковскій профессоръ Гредескулъ, какъ московскій присяжный повѣренный Муравьевъ, которому въ теченіе мѣсяца не объявляются причины ареста. Редакторъ эстонской газеты Педтъ, избитый нагайками, умеръ въ тюрьмѣ. Въ Іевве (въ Эстляндіи) лейтенантъ флота грозитъ смертной казнью укрывателямъ бунтовщиковъ...

Колебаніе между старымъ и новымъ, составляющее отличительную черту нашего времени, отразилось съ большою ясностью и въ постановленіяхъ съѣзда предводителей дворянства, засѣдавшаго въ Москвѣ въ первой половинѣ января. Выражая готовность содѣйствовать осуществленію возвѣщенныхъ 17-го октября государственныхъ преобразованій, высказываясь за скорѣйшій созывъ Государственной Думы, за огражденіе свободы выборовъ и законныхъ предвыборныхъ собраній, гг. предводители заявляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что на мѣстахъ замѣчается нѣкоторое успокоеніе, благодаря принятію правительствомъ твердыхъ мѣръ, которыя должны быть сохранены и впредь, до подавленія и прекращенія смуты, въ огражденіе мирнаго населенія отъ революціонныхъ дѣйствій и мятежей. „Необходимо, кромѣ того, — продолжаютъ гг. предводители — устранить ту гибельную неустойчивость, которая существуетъ въ высшемъ правительствѣ и столь пагубно отражается на мѣстахъ, гдѣ и безъ того существуетъ разрозненность правительственныхъ властей и учрежденій. Взаимное недовѣріе особенно сказывается подчасъ среди властей административныхъ и судебныхъ; эти послѣднія должны дѣйствовать въ строго опредѣленныхъ закономъ рамкахъ и не должны, какъ это иногда замѣчается, усматривать въ преступленіяхъ государственнаго характера и подстрекательствахъ къ нимъ характеръ проступковъ частныхъ"... Привѣтствуя наступившее „успокоеніе", гг. предводители упустили изъ виду, что средства, которыми оно достигнуто, не обезпечиваютъ ни его глубину, ни его прочность. Они забыли, что „твердыя мѣры",

ими одобряемыя, совершенно несовмѣстны съ „свободой выборовъ и законныхъ предвыборныхъ собраній"... Когда и гдѣ судебныя учрежденія „усматривали въ государственныхъ преступленіяхъ характеръ проступковъ частныхъ"—это гг. предводителями не объяснено. Намъ кажется, что ужъ если до сихъ поръ въ чемъ-либо можно было упрекнуть судебное вѣдомство, то отнюдь не въ противодѣйствіи администраціи, а скорѣе въ недостаточномъ сознаніи различія, существующаго между властями судебной и административной. Меньше всего, въ настоящую минуту, Россія страдаетъ отъ „разрозненности, на мѣстахъ, правительственныхъ властей и учрежденій"; несравненно гибельнѣе усиливающееся пренебреженіе къ закону и праву, гг. предводителями не отмѣченное вовсе. Военное положеніе, чрезвычайная охрана, усиленная охрана не предупреждаютъ террористическихъ преступленій, но стѣсняютъ на каждомъ шагу свободную дѣятельность мирныхъ гражданъ. Для „подавленія и прекращенія смуты" правительство достаточно вооружено и безъ экстраординарныхъ репрессивныхъ мѣръ... Къ числу пожеланій, высказанныхъ съѣздомъ, принадлежитъ установленіе на мѣстахъ „сильной правительственной власти, которая бы дѣйствительно могла защитить имущество отъ разгромленія, и вообще принятіе энергичныхъ мѣръ для охраны порядка въ странѣ". Что̀ слѣдуетъ понимать подъ этими словами? Удержаніе института земскихъ начальниковъ? Увеличеніе числа урядниковъ и стражниковъ? Но вѣдь предводителямъ лучше чѣмъ кому бы то ни было должно быть извѣстно, что земскіе начальники ничего не сдѣлали для развитія среди крестьянъ уваженія къ закону, а на урядниковъ и стражниковъ нельзя возлагать бо̀льшихъ надеждъ уже въ виду громадности нашихъ пространствъ, позволяющей ожидать охраны порядка въ деревнѣ только отъ самой деревни, отъ ея благоустройства и правильно организованнаго самоуправленія.

И по другимъ вопросамъ, затронутымъ на съѣздѣ, гг. предводители остались далеко позади требованій жизни. Они признаютъ необходимость „предоставленія окраинамъ широкаго самоуправленія въ хозяйственномъ отношеніи", но не объясняютъ, должно ли это самоуправленіе обнимать собою, въ царствѣ польскомъ, участіе въ мѣстномъ законодательствѣ. Одно положеніе они ослабляютъ другими, съ нимъ несогласованными. „Общегосударственные интересы россійской имперіи"—гласитъ пун. VI-ой—„требуютъ, чтобы имъ уступали интересы отдѣльныхъ входящихъ въ составъ ея народностей". Неяснымъ остается здѣсь, во-первыхъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ именемъ общегосударственныхъ интересовъ; неизвѣстно, во-вторыхъ, почему интересы отдѣльной народности *всегда* должны уступать общегосударственнымъ интересамъ, хотя бы послѣдніе, въ данномъ случаѣ, были

несравненно менѣе значительны, чѣмъ первые. Не устраняетъ сомнѣній и слѣдующій пунктъ, по которому „окраинная политика должна быть твердой и опредѣленной, исключающей возможность случайныхъ взглядовъ отдѣльныхъ администраторовъ, нарушающихъ незыблемость выработанной на вышеприведенныхъ основаніяхъ системы". Твердость и опредѣленность—не *основанія* системы, а только внѣшнія ея свойства, одинаково соединимыя съ самымъ различнымъ содержаніемъ. Твердой и опредѣленной можетъ быть какъ система обрусенія окраинъ, такъ и система, признающая за ними право на самостоятельное развитіе. Которая изъ этихъ двухъ системъ симпатичнѣе гг. предводителямъ? И неужели главнымъ зломъ окраинной политики была до сихъ поръ смѣна „случайныхъ взглядовъ отдѣльныхъ администраторовъ"? Не больше ли вреда принесла устойчивость руководящаго начала, игнорировавшаго важнѣйшія особенности окраинъ?..

Всего рѣзче односторонность программы гг. предводителей сказывается въ отношеніи ея къ аграрному вопросу. Признавая, что „при разрѣшеніи этого вопроса долженъ быть поставленъ въ основаніе принципъ неприкосновенности частной собственности", и допуская исключенія изъ этого правила только „примѣнительно къ ст. 575 т. X. св. зак. гражд.", т.-е. не иначе какъ въ общемъ порядкѣ экспропріаціи имуществъ, гг. предводители высказываются тѣмъ самымъ противъ довершенія дѣла, начатаго 19-го февраля 1861-го года, противъ широкаго, систематическаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, въ видахъ увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Между тѣмъ, только рѣшительнымъ вступленіемъ на этотъ путь можно предупредить стихійное движеніе среди крестьянской массы и быстро поднять уровень народнаго благосостоянія. Поощреніе переселеній, расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, измѣненіе, въ смыслѣ благопріятномъ для сельскаго хозяйства, финансовой политики—все это палліативы, съ помощью которыхъ едва ли возможно достигнуть, безъ опасности для общества и государства, хотя бы отсрочки въ рѣшеніи назрѣвшаго и наболѣвшаго вопроса. Моментъ былъ самый удобный для смѣлой иниціативы дворянства—но представители его предпочли остаться на старой, никуда не ведущей дорогѣ. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется и то, что въ правительственныхъ сферахъ не нашелъ, какъ слышно, поддержки проектъ главноуправляющаго землеустройствомъ и землеустройствомъ, Н. Н. Кутлера, допускавшій, въ принципѣ, болѣе широкое отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Еще меньше, чѣмъ собиравшіеся въ Москвѣ предводители, понимаютъ значеніе настоящей минуты нѣкоторыя дворянскія собранія. Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, тульское губернское дворянское собраніе рѣшило употребить всѣ свободные дворянскіе капиталы на снаря-

женіе казачьяго полка для охраны мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Что военной силой, хотя бы и гораздо болѣе многочисленной, чѣмъ полкъ въ четыреста человѣкъ, нельзя *предупредить* сельскіе погромы—это доказываетъ вся исторія прошлогоднихъ аграрныхъ волненій; столь же ясно и то, что вмѣшательство военныхъ властей *по окончаніи погрома* не можетъ способствовать установленію правильныхъ, мирныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами... Тому же дворянскому собранію приписывается ходатайство о закрытіи богородицкаго сельско-хозяйственнаго училища, какъ источника революціи. Педагогическій совѣтъ училища, признавая взведенное на него обвиненіе совершенно не соотвѣтствующимъ истинѣ, проситъ о назначеніи слѣдствія. Нужно надѣяться, что эта послѣдняя просьба будетъ безотлагательно исполнена. Для принятія такой мѣры, какъ закрытіе училища, недостаточно односторонняго, никѣмъ не провѣреннаго заявленія.

Государственная Дума заслонила собою, въ послѣднее время, Государственный Совѣтъ, хотя роль, проектируемая для него въ оффиціальныхъ сферахъ, ставитъ его на одинъ уровень съ народнымъ представительствомъ. Что въ настоящемъ его составѣ Государственному Совѣту оказалась бы не по силамъ такая роль—это ни въ чьихъ глазахъ не подлежитъ сомнѣнію; но возведетъ ли его на желанную высоту задуманное его преобразованіе? Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ Государственный Совѣтъ предполагается ввести столько выборныхъ членовъ, сколько останется въ немъ членовъ назначенныхъ. Каждое губернское земское собраніе выбираетъ по одному члену Совѣта, подъ условіемъ ценза втрое бо̀льшаго противъ того, который даетъ право на непосредственное участіе въ уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ. По одному члену избираютъ—въ собраніяхъ, образуемыхъ для выборовъ въ Государственную Думу,—и не-земскія губерніи. Дворянство получаетъ 18 представителей [1]), биржевые комитеты и другія торгово-промышленныя учрежденія — 12 [2]), духовенство—6, ученыя корпораціи—также 6. Недостатки этой системы бросаются въ глаза. Дворянство, почти вездѣ располагающее большинствомъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, не имѣетъ права на особое дополнительное представительство; торгово-промышленныя учрежденія сли-

[1]) Первоначально предполагалось избирать по одному представителю дворянства отъ района, а всѣхъ районовъ должно было быть 12. Губернскіе предводители московскій и с.-петербургскій предложили другую систему: каждое дворянское собраніе выбираетъ по два выборщика, а выборщики, съѣхавшись въ Петербургѣ, избираютъ изъ своей среды 18 представителей. Это предложеніе нашло поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ.

[2]) Представители торговли и промышленности настаиваютъ на повышеніи этой цифры до 30, съ увеличеніемъ числа учрежденій, участвующихъ въ избраніи.

шкомъ разрознены, слишкомъ мало связаны между собою; то же самое можно сказать и о духовенствѣ. Трудно понять, далѣе, почему понадобилось установить для выборныхъ отъ земства сравнительно высокій цензъ, стѣснивъ, тѣмъ самымъ, свободу выбора губернскихъ земскихъ собраній... Что касается до нынѣшнихъ членовъ Государственнаго Совѣта, то предшествующая ихъ дѣятельность—за немногими, сравнительно, исключеніями—мало подготовила ихъ къ настоящей законодательной (а не законосовѣщательной) работѣ. Большая разница — подавать *мнѣнія* или участвовать въ постановленіи *рѣшеній*; совершенно инымъ является, въ послѣднемъ случаѣ, и сознаніе отвѣтственности, и самое отношеніе къ дѣлу. Раньше вступленія въ Государственный Совѣтъ большинство нынѣшнихъ его членовъ несло бюрократическую службу, скорѣе отдаляющую отъ жизни, чѣмъ знакомящую съ ея разнообразными и измѣнчивыми требованіями. Было время, когда въ Государственномъ Совѣтѣ немалую роль играла группа истинно-государственныхъ людей, вѣрныхъ завѣтамъ преобразовательной эпохи. Все рѣже и рѣже выпадала на ихъ долю окончательная побѣда, но и отвергнутые ихъ взгляды все-таки звучали протестомъ противъ усиливавшихся реакціонныхъ теченій: достаточно вспомнить, что положеніе о земскихъ начальникахъ стало закономъ вопреки мнѣнію большинства Государственнаго Совѣта. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія уменьшилась численность оппозиціи—если этимъ терминомъ можно назвать „несогласно мыслившихъ" членовъ Государственнаго Совѣта, — уменьшился и авторитетъ ея. За назначеніемъ бывшаго черниговскаго губернатора Анастасьева послѣдовалъ рядъ другихъ, столь же мало соотвѣтствовавшихъ традиціонному характеру Государственнаго Совѣта—и никогда, можетъ быть, количество такихъ назначеній не было такъ велико, какъ въ 1904 и 1905 г.г. Особенно широко раскрывались въ это время двери Совѣта именно передъ противниками освободительнаго движенія. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ предполагать, что отношенія между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, хотя бы и составленнымъ на половину изъ выборныхъ членовъ, установятся не такія, какія нужны для сколько-нибудь нормальнаго хода конституціонной жизни. Въ тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ верхняя палата образуется отчасти путемъ выбора, отчасти путемъ назначенія, послѣднее обусловлено, въ большинствѣ случаевъ, принадлежностью назначаемаго лица къ одной изъ категорій, перечисленныхъ основнымъ закономъ. Такъ напримѣръ, въ Даніи назначаются королемъ въ ландстингъ исключительно бывшіе члены сейма (въ числѣ, притомъ, только 12 изъ 66); въ Испаніи и Португаліи въ верхнюю палату вступаютъ по назначенію лица, занимавшія высшія должности и званія духовныя, судебныя, административныя, дипломатическія, ученыя, военныя. Однородное ограниче-

ніе установлено и въ Италіи, гдѣ верхняя палата (сенатъ) состоитъ вся изъ лицъ назначенныхъ. Въ Пруссіи лица, назначаемыя королемъ не по представленіямъ учрежденій, а по собственному усмотрѣнію, составляютъ менѣе одной шестой части общаго числа членовъ палаты господъ... Есть основаніе надѣяться, что нашъ Государственный Совѣтъ вскорѣ займетъ мѣсто сходное съ тѣмъ, какое принадлежитъ одноименнымъ учрежденіямъ въ западной Европѣ, т.-е. сдѣлается инстанціей, подготовляющей законопроекты, — а верхняя палата составится изъ представителей мѣстнаго самоуправленія; но нельзя не пожалѣть, что не на этой основѣ, единственной примѣнимой къ условіямъ русской жизни, начнется у насъ дѣятельность народнаго представительства.

Справедливость требуетъ признанія, что даже въ настоящемъ своемъ составѣ Государственный Совѣтъ оказывается иногда болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ нынѣшній совѣтъ министровъ. По словамъ „Новаго Времени" (№ 10722), совѣтъ министровъ, допуская открытіе союзовъ и обществъ явочнымъ порядкомъ, выводилъ отсюда, что и закрытіе ихъ можетъ быть производимо административнымъ распоряженіемъ, а суду должно быть предоставлено только разрѣшеніе вопроса о совершенномъ прекращеніи дѣятельности общества или союза. Большинство Государственнаго Совѣта, принимая явочный порядокъ открытія обществъ и союзовъ, настаиваетъ на томъ, чтобы закрытіе ихъ совершалось не иначе какъ по рѣшенію суда. Какимъ образомъ открытіемъ обществъ и союзовъ явочнымъ порядкомъ могло быть мотивировано закрытіе ихъ административнымъ распоряженіемъ— это понять нелегко. Свобода учрежденія обществъ и союзовъ обратилась бы въ пустой звукъ, еслибы дѣятельность ихъ могла быть прервана, въ каждую данную минуту, по усмотрѣнію администраціи. Явочный порядокъ открытія обществъ имѣетъ смыслъ только при судебной охранѣ дальнѣйшаго ихъ существованія. Ограждены отъ произвола должны быть, наравнѣ съ первымъ, и всѣ послѣдующіе моменты жизни общества. Состоявшееся до судебнаго разбирательства административное распоряженіе о закрытіи общества во многихъ случаяхъ стѣсняло бы свободу дѣйствій суда. Возможны были бы и конфликты такого рода: администрація закрываетъ общество; судъ признаетъ, что для прекращенія его дѣятельности нѣтъ достаточной причины; общество, вслѣдствіе этого, вновь открывается, но вскорѣ опять закрывается распоряженіемъ администраціи — и такъ далѣе до безконечности... Установить на твердыхъ основаніяхъ свободу обществъ и союзовъ можно только подчиненіемъ ихъ исключительно суду, дѣйствующему съ соблюденіемъ точно опредѣленныхъ правилъ.

50*

Въ продолженіе одного мѣсяца, съ 12-го декабря по 12-ое января, пріостановлено, по разсчету „Вечерней Газеты“, 78 періодическихъ изданій въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Лодзи, Петроковѣ, Тифлисѣ, Баку, Пятигорскѣ, Одессѣ, Елизаветградѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Новочеркасскѣ, Перми, Ригѣ и Либавѣ; арестовано 58 редакторовъ, изъ которыхъ 46 выпущено на свободу, со взятіемъ залога, въ общей суммѣ, 386.500 рублей. Краснорѣчіе этихъ цифръ не требуетъ поясненій. Свобода печати, только-что введенная, уступила мѣсто такимъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ уже недалеко до полной ея отмѣны. Цѣлыя направленія, цѣлыя группы опять остались безъ выразителей въ легальной прессѣ. Не можетъ быть, чтобы такое положеніе дѣлъ осталось въ силѣ до созыва Государственной Думы. Свобода печати—существенно важное условіе свободы выборовъ, необходимость которой, какъ мы видѣли, признаетъ даже съѣздъ предводителей дворянства... До какой степени лишена основанія та статья временныхъ правилъ 24-го ноября, по которой судъ, при наложеніи ареста на отдѣльный нумеръ повременнаго изданія, можетъ пріостановить выходъ его въ свѣтъ впредь до судебнаго приговора—это показалъ съ полною ясностью процессъ „Руси“. Пріостановленная, одновременно съ арестованіемъ одного ея нумера, она вновь стала выходить въ свѣтъ, потому что судъ, разрѣшая дѣло по существу и постановляя обвинительный приговоръ, не нашелъ возможнымъ присоединить къ личной отвѣтственности редактора новое пріостановленіе или совершенное запрещеніе газеты. Какой же смыслъ имѣетъ, затѣмъ, пріостановка, раньше допущенная судомъ въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ со стороны „Руси“ проступковъ? Не ясно ли, что въ такомъ предупрежденіи не было никакой надобности? Да и вообще, можно ли допустить, чтобы обвиненіе, еще не разсмотрѣнное судомъ, влекло за собою превентивныя мѣры, равносильныя уголовной карѣ? Пріостановлена, одновременно съ арестомъ, была и „Наша Жизнь“—а между тѣмъ окончательнымъ приговоромъ суда не только допущено ея возобновленіе, но редакторъ признанъ виновнымъ лишь въ неосмотрительности и подвергнутъ лишь денежному штрафу.

Маятникъ нашей политической жизни съ нѣкоторыхъ поръ такъ сильно отклоняется вправо, что въ настоящемъ обозрѣніи мы не считаемъ возможнымъ останавливаться на качаніяхъ его въ противоположную сторону. Отмѣтимъ только одно изъ нихъ, невольно останавливающее на себѣ вниманіе. Происходившее 14-го января собраніе союза союзовъ высказалось, между прочимъ, за созывъ учредительнаго собранія, „совмѣщающаго всю полноту верховной власти народа—власти учредительной, законодательной, *судебной и исполни-*

тельной". Такое собраніе, еслибы оно состоялось, неминуемо водворило бы въ странѣ одну изъ худшихъ формъ тиранніи—и создало бы рядъ условій, вызывающихъ одну изъ худшихъ формъ реакціи. Многочисленность учредительнаго собранія, неизбѣжная партійность его большинства, насыщенная страстью и фанатизмомъ атмосфера, въ которой ему пришлось бы дѣйствовать—все это исключаетъ возможность признанія за нимъ права на судебную дѣятельность, требующую спокойствія, сдержанности и безпристрастія. Нельзя ожидать отъ него и правильнаго отправленія исполнительныхъ функцій—нельзя уже потому, что, принимая ихъ на себя, оно отказалось бы отъ настоящаго призванія народнаго представительства: отъ *контроля* надъ исполнительной властью. Quis custodiet custodes?—вотъ вопросъ, на который, при чудовищномъ соединеніи властей, рекомендуемомъ союзомъ союзовъ, нельзя было бы дать удовлетворительнаго отвѣта... Тожественныя причины ведутъ къ тожественнымъ послѣдствіямъ. За учредительнымъ собраніемъ, соединившимъ въ себѣ, по образцу французскаго національнаго конвента, всю полноту власти, послѣдовала бы, раньше или позже, анархія, напоминающая времена Директоріи, или диктатура, вродѣ установленной 18-го брюмера...

Три мѣсяца тому назадъ мы выразили сочувствіе программѣ конституціонно-демократической партіи, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ чемъ мы съ нею расходимся. Съ тѣхъ поръ въ этой программѣ произошли нѣкоторыя измѣненія, съ которыми мы не можемъ согласиться, и, что̀ еще важнѣе, къ ней присоединилось непріемлемое, съ нашей точки зрѣнія, требованіе подчиненія партійной дисциплинѣ. Отдавая полную справедливость энергіи партіи и дарованіямъ ея руководителей, раздѣляя многіе ея стремленія и взгляды, мы примыкаемъ теперь къ новой партіи, программа которой, съ введеніемъ, объясняющимъ причины ея образованія, печатается нами ниже. Какъ одно изъ звеньевъ цѣпи, составляемой группами „лѣваго центра", партія демократическихъ реформъ можетъ объединить въ своей средѣ многихъ изъ числа тѣхъ, кто оставался до сихъ поръ „независимымъ" или „дикимъ", и увеличить, тѣмъ самымъ, количество организованныхъ силъ, работающихъ надъ мирнымъ обновленіемъ Россіи.

Въ составъ организаціоннаго комитета новой партіи вошли: К. К. Арсеньевъ, проф. К. П. Боклевскій, проф. А. Г. Гусаковъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, проф. М. И. Носачъ, проф. А. С. Посниковъ, Д. В. Стасовъ и М. М. Стасюлевичъ.

ПАРТІЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХЪ РЕФОРМЪ
И
ЕЯ ПРОГРАММА.

Не для разъединенія силъ, стремящихся мирнымъ путемъ къ обновленію Россіи, образуется новая партія. Наоборотъ, она имѣетъ въ виду ихъ сосредоточеніе. Наиболѣе близкія къ намъ группы требуютъ отъ своихъ членовъ не только принятія программы, но и подчиненія партійной дисциплинѣ, т.-е. признанія обязательности состоявшихся и имѣющихъ еще состояться постановленій руководящаго органа партіи по отдѣльнымъ вопросамъ политической жизни, стоящимъ хотя бы даже въ отдаленной связи съ программой. Съ такими требованіями многіе не считаютъ возможнымъ согласиться, находя, что не настало еще время для образованія замкнутыхъ, строго регламентированныхъ партій, и для ограниченія, въ видахъ достиженія преслѣдуемыхъ ими цѣлей, личной свободы. И дѣйствительно, партія, только-что выступающая на политическую арену, не должна разсчитывать на безусловное повиновеніе: слишкомъ мало еще доказана ея жизнеспособность, нѣтъ твердой увѣренности въ безусловно правильномъ выборѣ ею путей и средствъ дѣйствія. Рѣшимость примкнуть къ партіи въ моментъ ея организаціи вызывается сочувствіемъ основнымъ началамъ ея программы, выраженнымъ точно и ясно. Соглашаясь работать въ духѣ этихъ началъ, каждый знаетъ, чего они отъ него требуютъ и чего не допускаютъ; подчиняясь же партійной дисциплинѣ, онъ идетъ навстрѣчу неопредѣленному и рискуетъ сдѣлаться невольнымъ исполнителемъ рѣшеній, которыхъ онъ не предвидѣлъ и не одобряетъ.

Не считая, поэтому, возможнымъ установленіе теперь же партійной дисциплины, мы въ самой програмѣ, нами предлагаемой, видимъ не сборникъ правилъ, которыхъ слѣдуетъ неуклонно держаться, а выраженіе взглядовъ, широко распространенныхъ и могущихъ служить исходнымъ пунктомъ для общей дѣятельности.

Рѣзко отдѣляясь отъ крайнихъ лѣвыхъ партій отрицаніемъ возможности внезапнаго переворота въ общественномъ строѣ, отъ правыхъ партій — рѣшительнымъ разрывомъ съ остатками бюрократическаго режима и признаніемъ необходимости коренныхъ преобразованій не только политическихъ, но и соціальныхъ, наша партія имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ другими, образующими какъ бы лѣвый центръ политической арміи. Отсюда вытекаетъ сама собою возможность и даже необходимость совмѣстнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣйствія, на условіяхъ, установленныхъ взаимнымъ соглашеніемъ.

Мы считаемъ нужнымъ указать также на тѣ особенности нашей программы, которыя вынуждаютъ насъ выдѣлиться въ самостоятельную группу. Мы считаемъ наиболѣе правильной двухпалатную систему; мы допускаемъ автономію отдѣльныхъ областей лишь какъ

исключеніе, установляемое въ порядкѣ измѣненія основного закона, и только въ сферѣ вопросовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе; мы обусловливаемъ право участія въ мѣстномъ самоуправленіи сравнительно долгимъ срокомъ проживанія въ данной мѣстности или владѣнія въ ней недвижимостью, такъ какъ только при наличности этихъ данныхъ возможны достаточно близкое знакомство съ мѣстными дѣлами и достаточный къ нимъ интересъ.

Въ области аграрной политики мы признаемъ необходимымъ болѣе точное опредѣленіе: 1) категорій лицъ, имѣющихъ право на надѣленіе землею, 2) высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣленія и 3) способа оцѣнки принудительно отчуждаемой земли; мы стоимъ за огражденіе неприкосновенности мелкихъ земельныхъ владѣній, за ограниченіе размѣровъ крупныхъ земельныхъ владѣній, за возможно большее увеличеніе государственнаго земельнаго запаса.

Убѣжденные въ томъ, что единственнымъ средствомъ къ успокоенію страны представляется возможно быстрое осуществленіе народнаго представительства, мы безусловно осуждаемъ какъ систематическое уклоненіе отъ участія въ выборахъ въ Государственную Думу, такъ и все направленное къ тому, чтобы помѣшать ея созыву или открытію ея дѣйствій. Признавая, что Государственной Думѣ должны принадлежать учредительныя функціи, предусмотрѣнныя пунктомъ вторымъ нашей программы, мы не видимъ причины требовать замѣны Государственной Думы учредительнымъ собраніемъ. Мы не считаемъ возможнымъ опредѣлить теперь же, какими вопросами и какимъ промежуткомъ времени должна быть ограничена дѣятельность Государственной Думы, но находимъ, что она, во всякомъ случаѣ, должна заняться такимъ насущнымъ вопросомъ, какъ аграрный. Мы возстаемъ противъ всякаго стѣсненія личной свободы и личныхъ правъ, откуда бы оно ни исходило. Въ чрезвычайныхъ репрессіяхъ, постигающихъ обезоруженнаго противника, мы видимъ недопустимое и преступное превышеніе власти. Мы признаемъ, что всякая попытка возвратиться хоть отчасти къ безусловно осужденному прошлому угрожаетъ величайшею опасностью народу и государству.

Мы желаемъ, чтобы скорѣе прекратилось современное нестроеніе и начался, при дѣятельномъ участіи общества и народа, періодъ созидательной работы надъ широкой реформой нашего государственнаго и общественнаго строя.

Лица, желающія присоединиться къ партіи, благоволятъ заявить о томъ письменно редакціи „Вѣстника Европы“ (Галерная, 20).

Программа.

Государственное устройство.

1) Государственное устройство Россійской Имперіи, какъ наслѣдственной конституціонной монархіи, опредѣляется основнымъ закономъ.

2) Основной и другіе вновь издаваемые законы требуютъ согласія народнаго представительства и утвержденія Императора.

3) Не иначе, какъ въ томъ же порядкѣ, можетъ послѣдовать измѣненіе, дополненіе или отмѣна дѣйствующаго закона.

4) Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и тому подобный актъ, не основанный на рѣшеніи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

5) Народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ Одна изъ нихъ избирается всѣми совершеннолѣтними и полноправными гражданами мужского пола, на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ, закрытой подачей голосовъ, а другая—органами мѣстнаго самоуправленія.

Примѣчаніе. Вопросъ о прямыхъ или двухстепенныхъ выборахъ оставляется открытымъ.

6) Народное представительство участвуетъ въ отправленіи законодательной власти, въ установленіи, ежегодно, государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью и цѣлесообразностью дѣйствій правительственныхъ органовъ. Государственные займы не могутъ быть заключаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

7) Народнымъ представителямъ принадлежитъ право законодательной инипіативы и право запроса.

8) Министры, въ политической дѣятельности своей, отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

Права гражданъ.

9) Всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, равны передъ закономъ.

10) Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

11) Каждый воленъ высказывать изустно и письменно свои мнѣнія, а равно распространять ихъ путемъ печати или инымъ способомъ. За преступленія и проступки, совершенные путемъ устнаго или печатнаго слова, обвиняемые отвѣчаютъ только передъ судомъ, на основаніяхъ, установленныхъ уголовнымъ закономъ.

12) Всѣмъ россійскимъ гражданамъ принадлежитъ право устраивать публичныя собранія и составлять союзы и общества, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ.

13) Право петиціи предоставляется какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и всякаго рода группамъ, союзамъ, собраніямъ и т. п.

14) Личность и жилище каждаго неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, выемка и обыскъ въ немъ и вскрытіе частной переписки допускаются только въ случаяхъ и при условіяхъ, установленныхъ закономъ. Всякое личное задержаніе, произведенное безъ законнаго основанія или продолженное сверхъ установленнаго закономъ срока, даетъ пострадавшему право на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

15) Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, наказанію или правоограниченію иначе, какъ на основаніи закона и надлежащею судебною властью.

16) Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу.

17) Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской Имперіи и обезпечены судебной защитой.

Мѣстное самоуправленіе.

18) Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всю Россійскую Имперію.

19) Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи, безотносительно къ полу, вѣроисповѣданію и національности, но подъ условіемъ постояннаго проживанія въ данномъ уѣздѣ или городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, а для лицъ, не удовлетворяющихъ этому условію—обладанія тамъ же въ теченіе того же срока недвижимымъ имуществомъ. Представительство въ мелкихъ (дробная часть уѣзда) самоуправляющихся единицахъ образуется особо на тѣхъ же началахъ.

20) Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія, но за исключеніемъ тѣхъ отраслей управленія, которыя, при условіяхъ современной государственной жизни, должны быть сосредоточены въ рукахъ центральной власти.

21) Дѣятельность мѣстныхъ органовъ центральной власти по отношенію къ предметамъ, вѣдаемымъ органами самоуправленія, должна сводиться къ надзору за законностью дѣйствій мѣстнаго самоуправленія. Окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этой области спорнымъ вопросамъ должно принадлежать судебнымъ установленіямъ.

22) Расширеніе объема правъ и предѣловъ мѣстнаго самоуправленія противъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ для всей Имперіи, можетъ быть введено лишь въ порядкѣ, установленномъ для измѣненій въ основномъ законѣ. Предоставленіе автономнаго управленія отдѣльнымъ областямъ (опредѣленнымъ территоріальнымъ единицамъ) не должно простираться далѣе признанія за ними законодательныхъ полномочій по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія, не затрагивающимъ единства Имперіи и круга дѣйствій общаго государственнаго управленія. Въ частности, автономію Царства Польскаго, въ виду особыхъ его условій, надлежало бы Государственной Думѣ установить въ ближайшую очередь, съ сохраненіемъ, однако, единства Царства съ Имперіей и съ огражденіемъ въ немъ законныхъ интересовъ не-польскаго населенія.

23) Законодательныя мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, требуютъ соглашенія между законодательными органами Имперіи и Великаго Княжества.

Судъ.

24) Всѣ отступленія отъ основныхъ началъ судебной реформы 20-го ноября 1864-го года, какъ внесенныя позднѣйшими узаконеніями, такъ и допущенныя при самомъ составленіи судебныхъ уставовъ, отмѣняются.

Народное просвѣщеніе.

25) Необходимо безотлагательно приступить къ созданію условій, при которыхъ начальное обученіе могло бы стать всеобщимъ, безплатнымъ и обязательнымъ.

26) Почину частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій въ открытіи и устройствѣ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ организаціи внѣ-школьнаго образованія долженъ быть предоставленъ широкій просторъ.

27) Стѣсненія къ поступленію въ государственную и общественную школу, связанныя съ происхожденіемъ и вѣрой, подлежатъ отмѣнѣ. Женщинамъ долженъ быть открытъ доступъ въ высшія учебныя заведенія.

Финансовая и экономическая политика.

28) Пересмотръ государственнаго расходнаго бюджета въ цѣляхъ уменьшенія расходовъ и отмѣны непроизводительныхъ по своему назначенію ассигнованій. Возможно значительное сокращеніе военноморского бюджета.

29) Измѣненіе системы обложенія: развитіе прямого обложенія за счетъ косвеннаго, возможное пониженіе косвеннаго обложенія и постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы необходимаго потребленія народныхъ массъ.

30) Введеніе прогрессивнаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія. Реформа обложенія наслѣдствъ: усиленіе прогрессіи по родству и введеніе прогрессіи по размѣру наслѣдства.

31) Пониженіе таможенныхъ пошлинъ, поскольку оно возможно безъ угрозы существованію и развитію русскаго народнаго хозяйства.

32) Полная независимость государственнаго контроля отъ другихъ вѣдомствъ. Подчиненіе его надзору всѣхъ доходовъ и расходовъ государства.

33) Независимое положеніе государственнаго банка. Пересмотръ устава государственнаго банка въ цѣляхъ приспособленія его къ исполненію роли регулятора денежнаго обращенія. Отдѣленіе сберегательныхъ кассъ отъ государственнаго банка и изъятіе ихъ изъ вѣдомства министерства финансовъ.

34) Реорганизація мѣстныхъ финансовъ. Обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнности земель. Введеніе прогрессіи въ обложеніи недвижимости. Участіе въ государственныхъ доходахъ отъ прямого и косвеннаго обложенія. Исключеніе изъ бюджетовъ земствъ и городовъ общегосударственныхъ расходовъ. Организація кредита для земствъ и городовъ.

35) Содѣйствіе къ развитію мелкихъ промысловъ—кустарныхъ и ремесленныхъ—путемъ организаціи мелкаго кредита, распространенія техническихъ знаній и пр.

Аграрная политика.

36) Коренное измѣненіе хозяйственныхъ условій, въ которыя поставлены поселяне, обрабатывающіе землю личнымъ трудомъ. Для

этого надо обезпечить ихъ по возможности достаточнымъ количествомъ земли и предпринять рядъ мѣръ, направленныхъ на поднятіе доходности земледѣлія и на возстановленіе хозяйственной мощи обезсиленныхъ разрядовъ сельскаго населенія.

37) Для того, чтобы обезпечить поселянъ землею, необходимо:

а) надѣлить безземельныхъ и, прежде всего, тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ хозяйство на арендуемой землѣ;

б) увеличить площадь землепользованія малоземельныхъ, насколько въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо и возможно, по нормамъ, установленнымъ закономъ; это должно опредѣляться на мѣстахъ, при помощи имѣющихъ быть учрежденными особыхъ органовъ;—въ отношеніи нормъ обезпеченія землею слѣдуетъ постановить, что низшимъ размѣромъ его признается высшій или указный надѣлъ 1861 г. (отводимый на наличную душу мужескаго пола);—надѣленіе ниже этого предѣла допускается лишь въ силу прямой невозможности въ данномъ мѣстѣ отвести землю по такой нормѣ, и только при нежеланіи крестьянъ выселяться;—вездѣ, гдѣ окажется возможнымъ, слѣдуетъ надѣлять сверхъ этой низшей нормы, стараясь приблизиться къ такому размѣру землепользованія, при которомъ земля можетъ быть обработана собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ, господствующей въ данной мѣстности;

в) исправить границы крестьянскаго надѣла и уничтожить черезполосность съ сосѣдними владѣльцами.

38) Въ видахъ осуществленія всѣхъ указанныхъ цѣлей, слѣдуетъ образовать государственный земельный запасъ, который долженъ быть составленъ изъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, а также частновладѣльческихъ (въ томъ числѣ и монастырскихъ). Частновладѣльческія (и монастырскія) земли отчуждаются за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, съ вознагражденіемъ собственниковъ по слѣдующей оцѣнкѣ: цѣна земли опредѣляется путемъ капитализаціи нормальной для данной мѣстности доходности земли (умноженіемъ на 16,66 или на 20), при предположеніи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, вызываемыхъ земельной нуждой.

39) Для частнаго землевладѣнія устанавливается *высшій* размѣръ (опредѣляемый въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ различно), причемъ все количество земли, превышающее этотъ предѣлъ, можетъ подлежать отчужденію, независимо отъ потребности поселянъ данной мѣстности. Отчужденныя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ, а собственники ихъ вознаграждаются по оцѣнкѣ, производимой на вышеуказанныхъ основаніяхъ. Не подлежатъ отчужденію земли мелкихъ владѣльцевъ, если онѣ не служатъ препятствіемъ для сосѣдняго крестьянскаго хозяйства и если владѣльцы этихъ земель ведутъ на нихъ самостоятельное хозяйство. Размѣръ такихъ неотчуждаемыхъ владѣній опредѣляется закономъ различно для отдѣльныхъ мѣстностей (не свыше, однако, 100 десятинъ). Не подлежатъ также отчужденію мелкіе участки, занятые подъ дачи и подъ фабрично-заводскія предпріятія. Въ видахъ сохраненія выдающихся, образцовыхъ хозяйствъ, имѣющихъ особое культурное значеніе, можетъ быть допущена, какъ исключеніе, неотчуждаемость владѣнія и высшаго про-

тивъ установленнаго размѣра; но такое исключеніе можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ по спеціальному закону и притомъ въ каждомъ частномъ случаѣ отдѣльно.

40) Изъ государственнаго земельнаго запаса имѣетъ быть отводима земля поселянамъ въ безсрочное пользованіе, за установляемую закономъ плату. Соотвѣтственно съ особенностями мѣстнаго землепользованія, земля можетъ быть передаваема въ пользованіе общинное или подворное. Сосредоточеніе нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ свыше нормы, указанной въ § 37, не допускается. Запрещается также одному лицу имѣть свыше одного надѣла изъ государственнаго земельнаго запаса.

41) Участки надѣльной земли, выкупленные на основаніи положенія 19-го февраля, имѣющіе поступать въ продажу такъ же, какъ и продаваемыя земли частныхъ собственниковъ вообще,—желательно скупать за счетъ казны и обращать въ государственный земельный запасъ.

42) Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній, путемъ обезпеченія права возобновленія аренды и права арендатора на вознагражденіе за произведенныя, но не использованныя затраты на улучшенія. Регулированіе арендныхъ цѣнъ. Примѣненіе началъ объ отвѣтственности за ростовщичество къ аренднымъ договорамъ, какъ и вообще къ сдѣлкамъ въ области земельныхъ отношеній.

43) Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія.

44) Учрежденіе особыхъ органовъ (примирительныхъ камеръ) для разбора несогласій и споровъ, возникающихъ какъ между арендаторами и землевладѣльцами, такъ и между рабочими и хозяевами, на почвѣ экономическихъ интересовъ.

45) Правильная организація переселеній; широкая государственная помощь переселенцамъ и содѣйствіе разселенію.

46) Преобразованіе крестьянскаго банка въ органъ по пріобрѣтенію земель для государственнаго земельнаго запаса. Организація меліоративнаго и мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита; поддержка товариществъ и разнаго рода союзовъ взаимопомощи: широкое развитіе общаго и сельско-хозяйственнаго образованія; агрономическая помощь и другія мѣры, направленныя къ поднятію сельскаго хозяйства.

Рабочее законодательство.

47) Пересмотръ и объединеніе всего законодательства о наймѣ труда, въ цѣляхъ измѣненія и усовершенствованія его, согласно принципамъ, обезпечивающимъ защиту интересовъ рабочаго класса.

48) Установленіе правомѣрнаго порядка, обезпечивающаго образованіе союзовъ рабочихъ (профессіональныхъ рабочихъ организацій) и опредѣленіе условій признанія за ними правъ юридическаго лица.

49) Признаніе юридической обязательности за соглашеніями между рабочими союзами и предпринимателями по предмету установленія общихъ условій найма труда.

50) Признаніе за казной и органами общественныхъ учрежденій

права регулировать и контролировать соглашенія, заключаемыя между ихъ подрядчиками и рабочими.

51) Установленіе спеціальнаго порядка, а въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ учрежденіе особыхъ судовъ для разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями по предмету заключеннаго между ними договора найма.

52) Признаніе за рабочими права стачекъ.

Примѣчаніе. Вопросъ о возможности отступленій въ законодательномъ порядкѣ отъ этого общаго правила въ отношеніи нѣкоторыхъ видовъ стачекъ оставляется открытымъ.

53) Всякое лицо, участвующее въ стачкѣ, отвѣчаетъ въ порядкѣ уголовномъ только за тѣ дѣйствія, которыя сами по себѣ воспрещены закономъ подъ страхомъ наказанія.

54) Въ видахъ предупрежденія и скорѣйшаго прекращенія стачекъ, устраиваются примирительныя камеры, изъ равнаго числа представителей отъ труда и капитала, для улаживанія и разрѣшенія споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями не на почвѣ права, а на почвѣ экономическихъ интересовъ.

55) Признаніе принципа равноправности предпринимателей и рабочихъ при выработкѣ правилъ внутренняго фабричнаго и ремесленнаго распорядка. Частныя соглашенія (рабочія книжки), клонящіяся къ отмѣнѣ обязательныхъ правилъ внутренняго фабричнаго и ремесленнаго распорядка, должны признаваться недѣйствительными.

56) Законодательная охрана труда, въ смыслѣ возможно бо̀льшаго сокращенія рабочаго дня, въ зависимости отъ техническихъ условій производства, и въ смыслѣ улучшенія гигіеническихъ условій труда и жизни рабочаго класса (жилищный вопросъ, устройство здоровыхъ и чистыхъ мастерскихъ и фабричныхъ помѣщеній). Установленіе особыхъ мѣръ охраны труда въ производствахъ, соединенныхъ съ опасностью или вредомъ для здоровья и жизни. Запрещеніе предпринимателямъ установлять ночныя и сверхурочныя работы, кромѣ технически и общественно-необходимыхъ. Расширеніе законодательной охраны труда женщинъ и малолѣтнихъ. Распространеніе инспекціи труда на всѣ виды наемной работы. Опредѣленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ по охранѣ труда, перечисленныхъ въ настоящемъ параграфѣ.

57) Организація посредничества по найму труда.

58) Обязательное, при посредствѣ государства, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній.

59) Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1906 г.

Избраніе новаго президента республики во Франціи и побѣда либеральной партіи въ Англіи.—Политическое значеніе этихъ событій, въ связи ихъ съ печальнымъ положеніемъ Россіи.—Версальскій конгрессъ и президентъ Фальеръ.—Особенности республиканскаго режима и мечты о славной старинѣ. — Скорбный „возгласъ" въ честь короля.—Англійскіе парламентскіе выборы.—Перемѣна царствованія въ Даніи.

Въ двухъ великихъ государствахъ западной Европы совершился переходъ власти въ другія руки: во Франціи избранъ новый президентъ республики, за истеченіемъ срока полномочій президента Эмиля Лубе́; въ Англіи консервативное правительство уступило мѣсто либерально-прогрессивному, и всеобщіе парламентскіе выборы доставили господство передовой либеральной партіи, къ которой причисляются и представители рабочаго класса и ирландскіе автономисты. Одна общая черта характеризуетъ эти крупныя политическія перемѣны—безусловная добросовѣстность и корректность уходящихъ правителей, отсутствіе съ ихъ стороны малѣйшей попытки удержать власть въ своихъ рукахъ, и общественное уваженіе къ нимъ лично даже среди ихъ принципіальныхъ противниковъ. При неограниченной свободѣ печати во Франціи и въ Англіи не раздается ни одного голоса, который подвергалъ бы сомнѣнію безкорыстіе смѣняющихся политическихъ дѣятелей или бросалъ бы тѣнь на ихъ личныя качества и репутацію. Эмиль Лубе́ имѣлъ бы законное право желать остаться въ Елисейскомъ дворцѣ на второе семилѣтіе, и его министры, какъ и его многочисленные друзья, могли бы обнаруживать готовность дѣйствовать въ этомъ направленіи; между тѣмъ мы видимъ наоборотъ, что президентъ съ самаго начала категорически высказалъ рѣшимость спокойно удалиться въ отставку, и его приближенные держались совершенно въ сторонѣ отъ какого бы то ни было закулиснаго участія въ президентской кампаніи. Существованіе министерства, управлявшаго въ данный моментъ дѣлами страны, зависѣло отъ того, кто будетъ избранъ конгрессомъ на постъ главы государства; однако, кабинетъ Рувье, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ силы и средства администраціи, ни на минуту не подумалъ воспользоваться ими для своихъ особыхъ цѣлей и интересовъ и сохранялъ полнѣйшій нейтралитетъ во время приготовительныхъ мѣръ къ избранію новаго президента. Замѣтимъ еще, что глава кабинета, Морисъ Рувье, далеко не считается безупречнымъ съ

точки зрѣнія западно-европейскихъ политическихъ понятій, и до сихъ поръ съ его именемъ связываются воспоминанія о темномъ панамскомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ игралъ довольно двусмысленную роль, какъ министръ. И тѣмъ не менѣе, даже этотъ практическій финансовый дѣлецъ не даетъ повода къ упрекамъ или подозрѣніямъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи или потерѣ правительственной власти. Такова общая политическая атмосфера, среди которой живутъ и дѣйствуютъ современные французы.

Еще болѣе поучительно поведеніе господствовавшей понынѣ въ Англіи консервативно-патріотической партіи и министерства Бальфура: располагая еще безспорнымъ большинствомъ въ парламентѣ, кабинетъ добровольно, безъ всякой къ тому необходимости, вышелъ въ отставку до начала парламентскихъ выборовъ и заранѣе отказался такимъ образомъ отъ всякаго вліянія на избирательную агитацію, предоставивъ на это время правительственную власть своимъ политическимъ соперникамъ, либераламъ. Министерство Бальфура удалилось только потому, что частичные выборы членовъ парламента въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Англіи указывали на поворотъ общественнаго настроенія въ сторону либеральной оппозиціи, и что при такихъ условіяхъ правительство не чувствовало за собою достаточнаго нравственнаго авторитета для дальнѣйшаго исполненія своихъ функцій.

Эта утонченная добросовѣстность въ пользованіи государственною властью представляется англичанамъ вполнѣ естественною, какъ одинъ изъ необходимыхъ, обязательныхъ и „исконныхъ" элементовъ нормальной политической жизни. Ни въ Англіи, ни во Франціи, не понимають и не могутъ даже понять, что существуетъ еще гдѣ-нибудь въ культурной Европѣ типъ откровенно корыстныхъ правителей, претендующихъ на принудительный авторитетъ при явномъ недовѣріи и презрѣніи къ нимъ общества и готовыхъ залить отечество кровью для сохраненія выгодъ безконтрольнаго владычества надъ народомъ.

Извѣстія изъ Россіи, которымъ иностранныя газеты вынуждены удѣлять такъ много мѣста за послѣдніе мѣсяцы и даже годы, должны напоминать иностранцамъ отдаленную эпоху среднихъ вѣковъ, когда разгулъ кроваваго насилія не сдерживался еще никакими нравственными и политическими вліяніями, и когда вооруженные отряды безпрепятственно избивали и разоряли населеніе для пользы и славы своихъ повелителей; но большинство заграничныхъ публицистовъ все-таки склонно прилагать къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ свою обычную западно-европейскую мѣрку, стараясь отыскать какіе-то общіе правдоподобные мотивы въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ сановниковъ, поглощенныхъ всецѣло заботами объ удержаніи своихъ мѣстъ, своего вліянія и положенія. Противоположность между политическими идеями и нра-

вами современнаго Запада и традиціонными способами мышленія и дѣятельности властвующей русской бюрократіи никогда еще не бросалась такъ рѣзко въ глаза, какъ въ настоящее время. Съ одной стороны—признанное всѣми исключительное господство государственнаго и общественнаго интереса надъ частными выгодами и честолюбіями отдѣльныхъ лицъ, хотя бы самыхъ высокопоставленныхъ; съ другой—явное, послѣдовательное и нерѣдко грубо-насильственное подчиненіе насущныхъ интересовъ государства и народа личнымъ желаніямъ и выгодамъ небольшого кружка фаворитовъ, возводимыхъ по недоразумѣнію въ званіе государственныхъ людей и считающихъ себя вправѣ распоряжаться своимъ отечествомъ, какъ завоеванною страною. Съ одной стороны—твердо установившійся взглядъ на общественное довѣріе, какъ на необходимую основу существованія даннаго правительства; съ другой—столь же крѣпко укоренившееся убѣжденіе, что власть не нуждается въ общественномъ довѣріи, а сама можетъ иногда оказывать обществу довѣріе, какъ милость, которую должны заслужить и цѣнить обыватели. Въ связи съ этими принципіальными различіями находится другое, весьма существенное и слишкомъ часто забываемое,—различіе въ умственномъ и нравственномъ уровнѣ многочисленныхъ носителей власти: на Западѣ доступъ къ власти открытъ лишь для лучшихъ представителей интеллигенціи, для способнѣйшихъ, умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей, выдвигаемыхъ общественною и политическою жизнью; у насъ же власть является удѣломъ той привилегированной части общества, которой совершенно чужды высшіе идейные интересы и которая отличается высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ наукѣ и къ образованію. Отсюда возникаютъ постоянныя недоразумѣнія, дающія нерѣдко поводъ къ серьезнымъ международнымъ инцидентамъ.

Когда въ оффиціальномъ „Русскомъ Инвалидѣ" была напечатана извѣстная парижская телеграмма объ англо-японскихъ милліонахъ, употребленныхъ на подкупъ русскихъ либераловъ для возбужденія безпорядковъ между рабочими, то за границею усмотрѣли въ этомъ только неудачную или неумѣлую попытку вызвать въ народѣ чувство враждебной подозрительности относительно Англіи; никто не допускалъ мысли, чтобы въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ могли серьезно вѣрить въ возможность участія иностранныхъ правительствъ и капиталовъ въ русскихъ волненіяхъ, имѣвшихъ свои достаточно сильныя и глубокія самостоятельныя причины; а между тѣмъ несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ обнаружилось вполнѣ искреннее невѣжество или непониманіе лицъ, стоящихъ у кормила власти или близкихъ къ правительству. Точно такъ же, напримѣръ, недавнее удивительное заявленіе адмирала Рожественскаго о томъ,

что нашей балтійской эскадрѣ грозило будто бы нападеніе британскаго флота въ случаѣ русской побѣды надъ японцами при Цусимѣ, принято было англійскою прессою за оригинальную полемическую выходку противъ Англіи, тогда какъ въ дѣйствительности оно свидѣтельствовало о весьма своеобразномъ запасѣ идей и свѣдѣній нашихъ военно-морскихъ распорядителей, для которыхъ современныя международныя отношенія составляютъ еще область наивнѣйшаго, примитивнаго фантазерства. Очевидно, что въ томъ кругѣ общества, къ которому принадлежитъ адмиралъ Рожественскій, признается вполнѣ естественнымъ, что каждая изъ великихъ державъ можетъ въ любой моментъ напасть на другую безъ объявленія войны и безъ всякихъ разумныхъ поводовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, не заботясь даже о послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ существованія извѣстныхъ союзныхъ обязательствъ между отдѣльными государствами (какъ въ данномъ случаѣ между Россіею и Франціею, согласно формальной тождественной деклараціи 3 марта 1902 года). Когда русскій министръ финансовъ предлагаетъ редакціи лондонскаго „Times" прислать въ Петербургъ своего представителя для личнаго обозрѣнія запасовъ золота въ нашемъ государственномъ банкѣ, съ цѣлью удостовѣриться въ солидности русскаго кредита, то это принимается иностранцами за плохую шутку или за насмѣшку надъ заграничною публикою; никому не приходитъ въ голову мысль, что лицо, занимающее постъ министра финансовъ великой европейской державы, способно въ самомъ дѣлѣ признавать допустимымъ и цѣлесообразнымъ періодическій осмотръ русскаго золотого фонда иностранными журналистами взамѣнъ существующихъ повсюду законныхъ формъ контроля и отвѣтственности въ области государственныхъ финансовъ. Иностранцы также не представляютъ себѣ, чтобы нашъ руководящій министръ не имѣлъ другого способа излагать свои политическіе взгляды и намѣренія, какъ только черезъ посредство корреспондента лондонскаго „Daily Telegraph", а между тѣмъ наши „патріотическія" газеты дѣйствительно руководствуются длинными отчетами и бесѣдами усерднаго англійскаго хвалителя нашего премьера, г. Диллона, для ознакомленія русской читающей публики съ идеями русскаго министра.

Всѣ подобные курьезы, характеризующіе степень политическаго развитія нашего правящаго класса, остаются непонятными въ западной Европѣ, гдѣ принято судить о современной Россіи по традиціямъ и примѣрамъ прошлаго и гдѣ въ былое время играли видную роль серьезные и просвѣщенные русскіе дипломаты и государственные люди; такіе дѣятели выдвигались у насъ не только при Екатеринѣ II и Александрѣ I, но и въ царствованіе Николая I, не говоря уже объ эпохѣ реформъ Александра II. Съ тѣхъ поръ Россія выросла и пріобрѣла значеніе

первостепенной культурной державы; русская литература заняла вполнѣ равноправное мѣсто въ общемъ умственномъ движеніи передовыхъ великихъ націй, и этотъ подъемъ нравственныхъ и культурныхъ силъ русскаго общества заслонялъ для Запада фактъ поразительнаго упадка и разложенія высшей русской бюрократіи за послѣднюю четверть вѣка. Въ то время какъ въ Европѣ формы и пріемы государственнаго управленія все болѣе совершенствовались на широкихъ демократическихъ основахъ, оффиціальная Россія упорно и послѣдовательно шла назадъ, подвергая опасности не только свою культурную и политическую репутацію, но и свое могущество и вліяніе въ культурномъ мірѣ. Элементы сознательной тьмы и систематическаго невѣжества надменно выступали у насъ на первый планъ, когда все кругомъ смѣло шло впередъ, и когда даже Японія стала давать намъ уроки свободнаго прогрессивнаго развитія. Упадокъ и разложеніе оффиціальной Россіи, ничтожество и бездарность ея привилегированныхъ дѣятелей, привычка опираться только на грубую силу, съ забвеніемъ всякихъ понятій о правѣ и справедливости,—все это принесло свои плоды въ ужасной японской войнѣ и въ еще болѣе ужасной внутренней неурядицѣ; и невольно приходится дѣлать грустныя параллели между Россіею и Европою въ такіе моменты, когда свободная жизнь чужихъ народовъ наглядно проявляется передъ нами во всемъ своемъ блескѣ и величіи.

Нельзя отрицать, что наше печальное политическое положеніе замѣтно отражается и на дѣлахъ и событіяхъ Запада. Россія была долго могущественнымъ и даже иногда руководящимъ факторомъ въ международной политикѣ; характеромъ и направленіемъ своихъ внѣшнихъ предпріятій она создавала и поддерживала британскій имперіализмъ, или, по крайней мѣрѣ, давала ему прочную почву. Русскія наступательныя дѣйствія въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ служили въ Англіи обычнымъ матеріаломъ для нападеній на миролюбіе и уступчивость либеральной партіи; толки о будущемъ русскомъ нашествіи на Индію, подогрѣваемые иногда нашими газетными шовинистами, усиливали положеніе англійскихъ патріотовъ, сторонниковъ энергической внѣшней политики, и это обстоятельство было въ сущности главной причиною продолжительнаго господства консерваторовъ-уніонистовъ, съ Сольсбери, Чемберленомъ и Бальфуромъ во главѣ. Теперь Россія перестала внушать страхъ англичанамъ, и новый союзный договоръ съ Японіею вполнѣ обезпечиваетъ ихъ отъ возможныхъ русскихъ посягательствъ на Индію; прежніе мотивы односторонняго преобладанія международныхъ заботъ и опасеній исчезли въ Англіи, тѣмъ болѣе, что интересы ея на материкѣ Европы достаточно ограждены тѣснымъ сближеніемъ съ Франціею. Избавившись отъ кошмара ми-

мыхъ или дѣйствительныхъ угрозъ могущественнаго русскаго соперничества, англичане могли уже спокойно отдаться насущнымъ вопросамъ внутренняго прогрессивнаго развитія и законодательства,—вопросамъ, оставленнымъ имперіалистами въ систематическомъ пренебреженіи и составлявшимъ всегда сильную сторону либеральной партіи; этимъ именно и объясняется необыкновенное, почти повсемѣстное торжество либераловъ на послѣднихъ выборахъ. Такимъ образомъ окончательное пораженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ подготовило побѣду либерализма въ Англіи; оно же повысило тонъ германской политики, заставило Францію отказаться отъ плановъ относительно Марокко и побудило версальскій конгрессъ избрать президентомъ республики такого осторожнаго и миролюбиваго человѣка, какъ Фаллієръ.

Президентскіе выборы во Франціи не возбуждали на этотъ разъ никакихъ волненій и обошлись совершенно спокойно, безъ всякихъ непріятныхъ инцидентовъ. На основаніи конституціи 1875 года, по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до истеченія срока полномочій президента республики, палата депутатовъ и сенатъ собираются вмѣстѣ и образуютъ національное собраніе для выбора новаго президента. Срокъ полномочій Эмиля Лубé истекаетъ 18 (5) февраля текущаго года, и потому на 17-е января созваны были обѣ палаты на конгрессъ въ Версали. Парламентскія партіи выставили двухъ кандидатовъ на постъ главы государства—президента сената, Армана Фалліера, и президента палаты, Поля Думéра; за Фалліера стояло сплоченное большинство передовыхъ республиканскихъ группъ, за Думера—часть умѣренныхъ республиканцевъ, націоналисты и консерваторы. Фалліеръ имѣлъ за себя репутацію безукоризненной честности, прямодушія, корректности и многолѣтней опытности въ государственныхъ дѣлахъ; Думеръ, бывшій генералъ-губернаторъ французскаго Индо-Китая, значительно моложе Фалліера, считается болѣе талантливымъ и предпріимчивымъ; онъ раздѣлялъ когда-то увлеченія буланжизма, пользовался симпатіями клерикаловъ и не внушалъ довѣрія старымъ республиканцамъ. Наканунѣ собранія конгресса произведенъ былъ парламентскими партіями предварительный подсчетъ голосовъ, и большинство оказалось обезпеченнымъ за Фалліеромъ.

Засѣданіе національнаго собранія или конгресса открылось въ часъ дня въ версальскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Фалліера, какъ президента сената. Подача голосовъ депутатами и сенаторами, вызываемыми по именамъ, продолжалась болѣе двухъ часовъ; шумныя рукоплесканія встрѣчаютъ отдѣльныхъ членовъ конгресса,—Анри Бриссона, Комба, Думера и нѣкоторыхъ другихъ,—когда они подходятъ къ трибунѣ для подачи своихъ бюллетеней. Подано было всего 849

голосовъ; для дѣйствительности избранія требовалось по закону простое большинство—425. Послѣ перерыва засѣданія, занялъ президентское мѣсто вице-президентъ Дюбо̀ и объявилъ результатъ голосованія: 449 голосовъ подано было за Фалліера, 371 за Думера и 28 за разныхъ другихъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, Фалліеръ получилъ абсолютное большинство голосовъ и провозглашенъ былъ президентомъ французской республики на семь лѣтъ со дня окончанія полномочій настоящаго президента; вся лѣвая и значительная часть центра встали съ своихъ мѣстъ и привѣтствовали избраніе Фалліера единодушными апплодисментами. Сессія національнаго собранія была объявлена закрытою; предсѣдательствовавшій вице-президентъ Дюбо̀, вмѣстѣ съ членами бюро и министрами, отправился, въ сопровожденіи многочисленной группы депутатовъ и сенаторовъ, къ Фалліеру, ожидавшему результата выборовъ въ кабинетѣ президента конгресса. Дюбо произнесъ по этому поводу короткую рѣчь, въ которой выразилъ чувства и побужденія республиканцевъ при избраніи новаго президента. „Республиканская Франція—сказалъ онъ, между прочимъ,—желала имѣть во главѣ государства вѣрнаго блюстителя конституціи и законовъ, и въ то же время твердаго и разумнаго дѣятеля, способнаго различать всѣ политическія и соціальныя необходимости и оказывать своими совѣтами и назначеніями полезное вліяніе на ходъ дѣлъ правительства республики". Президентъ совѣта министровъ, Морисъ Рувье, съ своей стороны, высказалъ пожеланіе, чтобы періодъ новаго президентства знаменовалъ собою эру труда, прогресса и мира; онъ напомнилъ далѣе о томъ времени, когда Фалліеръ былъ его сотрудникомъ при обстоятельствахъ довольно тревожныхъ, почти двадцать лѣтъ тому назадъ. „Да,—отвѣтилъ растроганный Фалліеръ,—я буду вѣрнымъ блюстителемъ конституціи. Я не оставлю безъ примѣненія ни одного изъ правъ, которыя она даетъ президенту, и не уклонюсь отъ обязанностей, которыя она на меня возлагаетъ. Чтобы оправдать вашъ выборъ, я буду преданнымъ слугою нашихъ учрежденій и нашего отечества. Я знаю, какъ тяжела будетъ моя задача и какую отвѣтственность создаетъ для меня ваше довѣріе. Но меня поддержитъ одно соображеніе: мнѣ предстоитъ войти въ домъ, гдѣ пребываетъ старый республиканецъ безъ страха и упрека, который въ теченіе семи лѣтъ давалъ намъ высокіе примѣры мужества, мудрости, патріотизма и безкорыстія. Я не имѣю другого честолюбія, какъ только идти по его слѣдамъ. Если я исполню, какъ онъ, свои семилѣтнія полномочія, я спокойно и скромно, подобно ему, покину власть. Онъ будетъ моимъ образцомъ, и я неизмѣнно буду вдохновляться его поведеніемъ. Обращаюсь къ вашему содѣйствію, и во всѣхъ обстоятельствахъ вы можете разсчитывать на мою поддержку".

Въ лицѣ Фалліера Франція пріобрѣтаетъ именно такого правителя, какой нуженъ современному государству, — правителя серьезнаго, вполнѣ компетентнаго, сознающаго свою отвѣтственность, неспособнаго поддаваться случайнымъ постороннимъ вліяніямъ и искренно преданнаго интересамъ своей страны. Фалліеръ, какъ и Эмиль Лубè, вышелъ изъ народа; его отецъ былъ судебнымъ приставомъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ; его мать была также дочерью судебнаго пристава; самъ онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ, частью въ Тулузѣ, частью въ Парижѣ, и съ 1862 года, едва достигнувъ совершеннолѣтія, сдѣлался адвокатомъ въ мѣстечкѣ Неракъ. Онъ вскорѣ выдвинулся, какъ убѣжденный сторонникъ республиканскихъ идей, и послѣ паденія имперіи, въ 1870 году, былъ избранъ сначала мэромъ Нерака, а затѣмъ—членомъ генеральнаго совѣта кантона; годы реакціи онъ провелъ въ вынужденной отставкѣ, но зато въ 1876 году имѣлъ успѣхъ на выборахъ въ парламентъ и сталъ депутатомъ. Въ палатѣ онъ занялъ мѣсто въ рядахъ республиканской лѣвой и принадлежалъ къ числу тѣхъ 363, которые, по распущеніи палаты президентомъ Макъ-Магономъ, были вновь избраны въ 1877 году, благодаря знаменитой избирательной кампаніи Гамбетты; на этотъ разъ онъ получилъ гораздо болѣе значительное большинство, чѣмъ прежде, вопреки стараніямъ мѣстныхъ властей, хлопотавшихъ о выборѣ вліятельнаго оффиціальнаго кандидата, бывшаго члена законодательнаго корпуса. Въ маѣ 1880 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, когда министромъ былъ Констанъ; въ ноябрѣ онъ вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ кабинетомъ Ферри. Въ августѣ 1882 года онъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Дюклерка; вскорѣ онъ замѣнилъ послѣдняго и до конца февраля 1883 года оставался главою министерства. Онъ выдержалъ тогда тяжелую борьбу съ сильною монархическою оппозиціею по поводу внесеннаго имъ закона о правѣ изгнанія изъ Франціи членовъ царствовавшихъ въ ней династій, присутствіе которыхъ въ странѣ оказалось бы опаснымъ для государства; во время преній объ этомъ законѣ онъ до того волновался, что на трибунѣ ему сдѣлалось дурно въ серединѣ рѣчи. Принятый палатою законъ былъ, однако, отвергнутъ сенатомъ, что привело къ паденію кабинета. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Фалліеръ былъ опять министромъ, но уже по вѣдомству народнаго просвѣщенія; популярность его въ парламентской средѣ настолько усилилась, что въ апрѣлѣ 1884 года онъ оказался однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на постъ президента палаты, и получилъ только нѣсколькими голосами меньше, чѣмъ Флокè. Вновь избранный депутатомъ въ 1885 году, онъ, два года спустя, вошелъ въ составъ кабинета Рувье, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ; потомъ онъ былъ послѣдо-

вательно министромъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и опять юстиціи, въ кабинетахъ Тирара и Фрейсинэ, съ конца 1887 до февраля 1892 года. Родной департаментъ Ло и Гаронны выбралъ его сенаторомъ въ іюнѣ 1890 года и вторично—въ 1897 году; въ мартѣ 1899 года, послѣ избранія Лубè президентомъ республики, Фалліеръ сдѣлался президентомъ сената, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе семи лѣтъ, съ достоинствомъ и авторитетомъ исполнялъ свои почетныя функціи въ Люксембургскомъ дворцѣ. Непрерывные и прочные успѣхи его политической карьеры, отъ первыхъ скромныхъ шаговъ въ провинціи до блестящаго завершенія въ Парижѣ, доказываютъ прежде всего, что личность Фалліера вездѣ привлекала и завоевывала общія симпатіи, вызывала и оправдывала безусловное довѣріе, и что соотечественники могутъ спать спокойно, оставивъ судьбу государства въ его испытанныхъ рукахъ.

Возвышеніе Фалліера шло тѣми же правильными, открытыми путями, какъ и Эмиля Лубè: оба они проходили тѣ же ступени и, не обладая исключительными дарованіями, заслужили уваженіе и признательность французскаго общества своимъ замѣчательно добросовѣстнымъ и умѣлымъ исполненіемъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей. Лубè былъ, въ свое время, избранъ въ президенты большинствомъ 483 голосовъ противъ 279, данныхъ Мелину; Фалліеръ получилъ тридцатью-четырьмя голосами меньше, имѣя противъ себя болѣе сильнаго соперника, чѣмъ Мелинъ. Лубè возвысился въ эпоху, когда еще не затихло глухое броженіе монархическихъ и клерикальныхъ элементовъ, поощряемыхъ патріотическими фантазіями бывшихъ буланжистовъ и ихъ союзниковъ; это было время, когда Поль Деруледъ останавливалъ лошадь генерала Рожè, горячо убѣждая его тотчасъ же двинуться съ полкомъ къ Елисейскому дворцу и не допустить водворенія въ немъ вновь избраннаго буржуазнаго президента; позднѣе, одинъ изъ свѣтскихъ единомышленниковъ Деруледа публично напалъ на Лубè и успѣлъ нанести ему ударъ палкой по головѣ или, вѣрнѣе, по шляпѣ, чтобы выразить свое презрѣніе къ такому мѣщанскому представителю высшей государственной власти во Франціи. Мало-помалу это презрительное отношеніе уступило мѣсто другому, и теперь даже завзятые націоналисты не отрицаютъ, что простой и скромный Лубè оказалъ странѣ гораздо больше реальныхъ услугъ, чѣмъ многіе блистательные правители стараго надменнаго типа. Никто уже не возмущается тѣмъ, что Фалліеръ, сынъ ничтожнаго писца, становится главою государства, и противъ этого рѣзкаго и нагляднаго торжества демократіи нигдѣ не раздаются уже протесты во имя мишурной славы и блеска аристократическаго прошлаго. Только старый и непреклонный защитникъ этого прошлаго, депутатъ Бодри д'Ассонъ,

періодически напоминающій о себѣ своими шутовскими выходками въ парламентѣ,—вродѣ внезапнаго возложенія на голову Комба добытой откуда-то кострюли,—протестуетъ и на этотъ разъ, но въ совершенно невинной формѣ; въ моментъ открытія конгресса онъ послалъ слѣдующую телеграмму въ Брюссель на имя герцога Орлеанскаго: „Во дворцѣ Людовика XIV предсѣдательствуетъ республиканецъ Фалліеръ; это не мѣшаетъ старымъ и вѣрнымъ (слугамъ монархіи) провозгласить весьма громко: „да здравствуетъ король!"—Этого „громкаго" возгласа никто не слышалъ и не могъ слышать, потому что онъ не былъ сдѣланъ публично, а существовалъ только въ частной депешѣ, напечатанной потомъ въ нѣкоторыхъ газетахъ; но смыслъ протеста ясенъ до наивности. Во дворцѣ Людовика XIV нѣтъ уже принцевъ и принцессъ, графовъ, виконтовъ и маркизовъ, придворныхъ кавалеровъ и красавицъ-фаворитокъ, отъ которыхъ иногда зависѣла участь государства и народа; нѣтъ той блестящей атмосферы льстиваго угодничества, скрытыхъ интригъ и легковѣснаго остроумія, гдѣ и Бодри д'Ассонъ имѣлъ бы шансы попасть въ министры или могъ бы оказывать закулисное вліяніе на государственныя дѣла, на распредѣленіе казенныхъ суммъ, на вопросы о мирѣ и войнѣ. Вмѣсто этого былого величія знатныхъ распорядителей и ихъ старательной дворни, одѣтой въ роскошные мундиры, водворилось скучное, прозаическое царство простыхъ французскихъ гражданъ, и успѣхъ въ политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ практической дѣятельности, достается уже не салоннымъ героямъ, а представителямъ труда и знанія. Бодри д'Ассонъ можетъ искренно оплакивать такое грустное положеніе вещей, при которомъ носители громкихъ титулованныхъ фамилій поневолѣ довольствуются разными видами спорта, клубными и амурными развлеченіями, скачками и азартными играми, вмѣсто того, чтобы управлять Франціею въ силу исконныхъ наслѣдственныхъ правъ стараго режима. Бодри д'Ассонъ скорбитъ о томъ, что этимъ элегантнымъ „пшюттамъ" не дано распоряжаться дѣлами государства, и что несчастная французская нація, лишившись ихъ благодѣтельнаго руководства, не имѣла даже ни одной интересной войны въ Европѣ за всѣ тридцать-пять лѣтъ республиканскаго управленія. Бодри д'Ассонъ видитъ въ этомъ страшный упадокъ своего отечества; но онъ хорошо знаетъ, что ослѣпленные новыми идеями французы не послушаются его призыва вернуться къ доброму старому времени, и не пожелаютъ признать надъ собою господство клубныхъ спортсменовъ,—и потому онъ ограничился посылкою въ Брюссель телеграфнаго возгласа въ честь отсутствующаго короля, отъ имени вѣрныхъ и старыхъ мечтателей безвозвратно минувшаго прошлаго.

Декретъ о распущеніи парламента и о производствѣ новыхъ выборовъ въ Англіи былъ подписанъ королемъ Эдуардомъ 8-го января (нов. ст.), и къ 13-му февраля должны уже открыться засѣданія палаты общинъ въ новомъ ея составѣ. Въ тотъ же день, 8-го января, появились въ газетахъ избирательныя воззванія главы кабинета, сэра Кемпбелля-Беннермана, министра иностранныхъ дѣлъ сэра Эдуарда Грея, канцлера казначейства Аскита и министра по дѣламъ Индіи, Джона Морлея. Въ обращеніи къ своимъ избирателямъ сэръ Генри Кемпбелль-Баннерманъ дѣлаетъ весьма суровую оцѣнку десятилѣтняго управленія консерваторовъ и уніонистовъ. Располагая огромнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ и пользуясь постоянною поддержкою палаты лордовъ, правительство Бальфура не совершило и не предпринимало ничего хорошаго для народа и страны, проводило законы для выгоды привилегированныхъ классовъ и могущественныхъ частныхъ интересовъ, впутывалось въ напрасныя заграничныя приключенія и войны и неразсчетливо вело начатыя предпріятія, разорило южно-африканскія колоніи до того, что вынуждено было допустить въ нихъ усиленный ввозъ дешевыхъ китайскихъ рабочихъ, поставленныхъ въ положеніе невольниковъ, и, наконецъ, поддерживало проекты фискальной реформы, направленной къ насажденію пагубной и безнравственной системы протекціонизма. По мнѣнію премьера, покровительственныя идеи, проповѣдуемыя Чемберленомъ въ согласіи съ Бальфуромъ, зловредны и безнравственны потому, что онѣ неизбѣжно сводятся къ эксплоатаціи всего населенія въ интересахъ поощряемыхъ отраслей промышленности и отдѣльныхъ финансовыхъ группъ. „Ни по воспоминаніямъ своего прошлаго, ни по новѣйшей своей политикѣ,—говоритъ въ заключеніе Кемпбелль-Баннерманъ,—бывшее правительство не имѣетъ права разсчитывать на довѣріе націи. Наша собственная программа хорошо извѣстна, и нѣтъ надобности повторять сказанное мною при вступленіи въ должность. Если мы сохранимъ власть, то нашею обязанностью будетъ,—независимо отъ твердаго проведенія освященныхъ временемъ принциповъ либерализма—принциповъ мира, бережливости, самоуправленія, гражданской и религіозной свободы,—и независимо отъ рѣшительнаго противодѣйствія всякимъ посягательствамъ на свободу торговли,—исправить по мѣрѣ возможности все зло, причиненное странѣ въ послѣдніе годы, и путемъ дѣятельнаго законодательства и управленія осуществить тѣ соціальныя и экономическія реформы, которыя уже слишкомъ долго оставлялись въ пренебреженіи". Что касается внѣшней политики, то либеральное правительство не имѣетъ въ виду вносить какія-либо перемѣны въ существующія международныя отношенія Великобританіи и будетъ только стараться поддерживать въ нихъ элементы дружественнаго миролюбія, согласно либеральнымъ

традиціямъ. Товарищи и сотрудники сэра Кемпбелля-Баннермана по кабинету такъ же точно, съ разныхъ точекъ зрѣнія, критикуютъ дѣйствія и заявленія своихъ противниковъ и излагаютъ свои взгляды и намѣренія по текущимъ вопросамъ. Избирательная агитація велась съ необыкновенною энергіею; министры и дѣятели оппозиціи произносили по нѣскольку рѣчей въ недѣлю, а иногда ежедневно, въ разныхъ мѣстностяхъ страны, употребляя каждый разъ новые аргументы, съ неистощимою, повидимому, изобрѣтательностью; одно перечисленіе рѣчей, съ краткимъ указаніемъ ихъ сущности, занимало ежедневно цѣлые столбцы въ газетахъ.

Выборы съ самаго начала получили характеръ полнаго крушенія консервативно-уніонистской партіи и ея главныхъ представителей и ораторовъ; бывшій премьеръ Бальфуръ, къ общему удивленію, былъ забаллотированъ въ своемъ давнишнемъ манчестерскомъ округѣ, который оставался ему вѣренъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Вслѣдъ за Бальфуромъ провалились почти всѣ бывшіе члены его министерства—Литтльтонъ, Бродрикъ, Лонгъ, Джеральдъ Бальфуръ, сэръ Кросслей, Филлоусъ, лордъ Стэнли, Скоттъ-Диксонъ, Претиманъ; только Чемберленъ былъ выбранъ значительнымъ большинствомъ въ Бирмингамѣ. Повсюду торжествовали либералы, и до 28-го января они имѣли уже небывалое обезпеченное большинство въ парламентѣ: всего выбрано было либераловъ 380, представителей рабочихъ 42 и ирландскихъ націоналистовъ 83, тогда какъ уніонистовъ и консерваторовъ осталось только 152. Передъ распущеніемъ считалось въ палатѣ общинъ 369 уніонистовъ, 219 либераловъ и 82 ирландца, такъ что соединенная оппозиція не превышала 301 и имѣла противъ себя консервативное большинство въ 68 голосовъ, при общемъ составѣ палаты изъ 670 членовъ; теперь же либеральное большинство, включающее рабочихъ и націоналистовъ, составляетъ 505 голосовъ, противъ 152 уніонистовъ и консерваторовъ, и слѣдовательно совершенно подавляетъ оппозицію своимъ численнымъ перевѣсомъ въ 383 голоса. Наиболѣе крупный интересъ представляетъ появленіе въ палатѣ общинъ значительной группы рабочихъ, которые впервые въ Англіи выступаютъ, такимъ образомъ, на поприще парламентской дѣятельности. Важное значеніе этого факта для дальнѣйшаго мирнаго внутренняго развитія Англіи не нуждается въ объясненіи.

Смерть датскаго короля Христіана IX, 30 (17) января, на 88-мъ году жизни, завершаетъ собою необыкновенно продолжительное и во многихъ отношеніяхъ замѣчательное царствованіе, обнимающее всю тревожную новѣйшую исторію Даніи. Вступивъ на престолъ въ концѣ

1863 года, въ самый разгаръ датско-германскихъ споровъ о Шлезвигѣ и Голштиніи, онъ пережилъ тяжелую войну съ Пруссіею и Австріею, лишился обоихъ герцогствъ въ пользу Пруссіи и въ теченіе многихъ лѣтъ, съ 1873 почти вплоть до 1901 года, велъ упорную борьбу съ народнымъ представительствомъ своей страны; онъ признавалъ необходимыми такія затраты на вооруженіе, которыя фолькетингъ находилъ излишними или даже опасными, и только въ послѣдніе годы, подъ конецъ своего правленія, Христіанъ IX имѣлъ парламентское министерство, пользующееся довѣріемъ страны. Гораздо болѣе счастливый въ семейной жизни, чѣмъ въ политической, онъ былъ главою многочисленной династіи, связанной близкимъ родствомъ съ главными и второстепенными царствующими домами Европы; одинъ изъ его внуковъ недавно еще занялъ вакантный престолъ Норвегіи. Новый датскій король, Фредерикъ VIII, находится уже въ довольно почтенномъ возрастѣ 63-хъ лѣтъ; онъ кончилъ въ свое время курсъ юридическихъ наукъ въ оксфордскомъ университетѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1906.

I.

— А. Ѳ. Кони.—Очерки и воспоминанія. (Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки). Спб. 1906.

Есть книги, появленіе которыхъ весьма желательно въ переходныя эпохи, хотя въ нихъ нѣтъ *настоящаго*, въ смыслѣ отраженія современной борьбы и неизбѣжной тревоги, хотя въ нихъ говорится о *прошломъ* безъ всякихъ соображеній о практикѣ *будущаго*. Въ этихъ книгахъ образы прошлаго менѣе всего изслѣдуются съ суровымъ безпристрастіемъ историка, ищущаго въ нихъ фактовъ,—напротивъ, факты играютъ лишь служебную роль, являясь живыми примѣрами дѣйствія высшихъ началъ, созидающихъ въ глубинахъ человѣческаго духа уразумѣніе и потребность возвышенной, разумной и идеально-плодотворной жизни. Изслѣдуя морально-общественныя основы извѣстнаго круга явленій прошлаго, авторъ превращаетъ ихъ въ синтезы, въ ясныя и положительныя формулы, особенно понятныя людямъ ближайшихъ поколѣній, и создаетъ изъ нихъ то, чтò моралисты-историки называютъ итогами общественнаго самосознанія, завѣтами прояснившагося прошлаго, обращенными къ неизвѣстному будущему. Прошлое обращаетъ къ будущему уразумѣніе своего опыта, свое продуманное слово, свою назрѣвшую назидательную мысль.

Такова книга А. Ѳ. Кони, наполненная тѣнями душевно согрѣтаго прошлаго, *учительная* по существу, предназначаемая служить благимъ цѣлямъ грядущихъ поколѣній. Прошлое дорого автору рядомъ тѣхъ свѣтлыхъ дѣятелей, которые не только сами прожили свѣтло и честно, но и озарили жизненный путь другимъ, щедро дѣлясь съ ними пло-

дами сердца и ума; сохранить о нихъ память казалось автору тѣмъ необходимѣе, что русскіе, по его мнѣнію, не умѣютъ цѣнить своихъ выдающихся людей и надолго удерживать въ памяти черты ихъ дѣятельности и жизни. „У насъ нѣтъ вчерашняго дня,—говоритъ А. Ѳ. Кони.—Оттого и завтрашній день всегда такъ туманенъ и тускль. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все столкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто"... Противъ такого забвенія протестуетъ нравственное чувство; оно требуетъ, чтобы плодотворный жизненный подвигъ претворился, по своемъ завершеніи, въ доброе благодарное чувство и схематизировался въ плодотворную руководственную мысль. Излагая „жизнь, трудъ и душевный складъ" ряда почившихъ и забываемыхъ, а отчасти уже забытыхъ дѣятелей въ области духовнаго и гражданскаго развитія нашего общества, А. Ѳ. Кони стремился „вызвать симпатію и уваженіе къ этимъ сѣятелямъ правды и просвѣтительныхъ идей, ожививъ, по мѣрѣ силъ, предъ слушателями ихъ нравственно-привлекательные образы".

Въ обширномъ томѣ собраны статьи о дѣятеляхъ самаго разнообразнаго свойства: здѣсь и Пушкинъ, и В. Ѳ. Одоевскій, Достоевскій и Горбуновъ, Соловьевъ и Гаазъ, Кавелинъ и Чичеринъ, вел. кн. Елена Павловна и галерея сподвижниковъ освобожденія крестьянъ, и юбилейное слово благополучно здравствующему В. Д. Спасовичу, и выдающіеся работники судебной реформы. Но это разнообразіе характеровъ и сферъ дѣятельности далеко не производитъ впечатлѣнія случайнаго „собранія сочиненій"; напротивъ, оно проникнуто удивительной цѣльностью настроенія и единствомъ руководящихъ идей. Подобная цѣльность и единство достигаются, съ одной стороны, пріуроченіемъ огромнаго большинства очерковъ къ освободительному періоду второй половины прошлаго вѣка, а съ другой—единствомъ субъективнаго освѣщенія и основныхъ пріемовъ художественнаго письма автора.

Связь съ завѣтами освободительной эпохи устанавливается прежде всего посвященіемъ книги гр. Д. А. Милютину, „вся жизнь котораго проникнута глубокой любовью къ Россіи и уваженіемъ къ человѣческому достоинству и наукѣ". Затѣмъ, эта связь осязательно чувствуется въ томъ исключительномъ вниманіи, какое удѣляетъ авторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, вопросу о морально-общественномъ значеніи реформы. Въ статьѣ о Градовскомъ авторъ съ особымъ чувствомъ проводитъ ту мысль, что въ основѣ „великихъ реформъ, обновившихъ нашъ общественный бытъ",—„лежало глубокое довѣріе

къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспріимчивой способности къ совершенствованію; оно свѣтитъ изъ этихъ реформъ чистымъ благотворнымъ лучомъ". На почвѣ этого „чувства довѣрія" устанавливаетъ авторъ моральную связь Градовскаго съ эпохой, которой онъ отдалъ свои силы. Теплымъ и добрымъ чувствомъ проникнуты воспоминанія автора, въ которыхъ сохранились событія и факты общественнаго подъема въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. „Я помню эти лекціи—говорилъ онъ о Кавелинѣ—и оживленную толпу молодежи и одушевленное лицо профессора, говорившаго взволнованнымъ голосомъ о нравственномъ и юридическомъ значеніи совершившейся реформы и призывавшаго всѣхъ къ дружному единенію въ успѣшномъ осуществленіи великихъ начинаній, ознаменовавшихъ новое царствованіе. Мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго быта не покидала его никогда". Душевное участіе автора осязательно чувствуется въ его этюдѣ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, гдѣ онъ обстоятельно и широко обрисовываетъ ея роль въ подготовительномъ періодѣ дѣла освобожденія крестьянъ, и весь этюдъ является какъ бы актомъ душевной признательности великой княгинѣ за то, что „мысли ея, главнымъ образомъ, обращались къ освобожденію крестьянъ, въ которомъ ей пришлось принимать такое живое и плодотворное участіе".

Въ центрѣ общественнаго міросозерцанія автора, созданнаго при столь непосредственномъ воздѣйствіи освободительныхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, стоятъ реальные запросы общественной и духовной жизни человѣка. Требуя отъ общественнаго дѣятеля широты взгляда и отчетливаго сознанія своихъ гражданскихъ и индивидуальныхъ стремленій, А. Ѳ. Кони считаетъ весьма недостаточнымъ для характеристики человѣка признанія въ немъ только ума, хотя бы и обширнаго. *Умный* человѣкъ, по его опредѣленію, значитъ лишь человѣкъ *хорошо вооруженный*. Важно знать внутреннія стремленія, руководимыя этимъ умомъ; важно, чтобы, наряду съ нимъ, въ человѣкѣ билось горячее отзывчивое сердце. Поэтому-то признаніе, что „Градовскій всегда былъ доступенъ изученію съ этой стороны", является для автора источникомъ истиннаго нравственнаго удовлетворенія. „Больное" сердце Градовскаго—оно билось въ груди неизмѣннаго идеалиста, душевныя силы котораго до конца были направлены на служеніе началамъ нравственнаго развитія и справедливости. Его идеализмъ не былъ безпочвеннымъ и отвлеченнымъ"... Идеализмъ этотъ—„черпалъ силы и опору для своего существованія и для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которыя онъ вступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ". Какъ слѣдствіе изъ цѣлаго ряда соображеній,

вытекало требованіе, чтобы наука не замыкалась въ предѣлы отвлеченныхъ кабинетныхъ занятій, но выходила, для непосредственныхъ и возвышающихъ воздѣйствій, на широкую арену страдающей, мятущейся, непросвѣтленной жизни, чтобы она служила ей и въ этомъ служеніи черпала моральные устои своего существованія. Поэтому, въ изложеніи автора становился естественнымъ тотъ особый, приподнятый тонъ,—обличающій высокую напряженность личнаго сочувствія,—въ которомъ авторъ ведетъ свою рѣчь о дѣятеляхъ съ широко развитымъ общественнымъ чувствомъ, какимъ былъ, напримѣръ, извѣстный когда-то профессоръ римскаго права Н. И. Крыловъ. „Предъ своими слушателями—говоритъ авторъ—Крыловъ являлся не кабинетнымъ ученымъ, преподающимъ отвлеченное отъ современной жизни знаніе, а живымъ человѣкомъ, горячо любившимъ свой народъ, болѣвшимъ за него сердцемъ и никогда не забывавшимъ ни этой любви, ни этой боли, уходя мысленно въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. Его слушатели это понимали"...

Идеализмъ бываетъ различенъ, какъ по своему источнику, такъ и по качеству своихъ проявленій. Авторъ изслѣдуетъ въ людяхъ по преимуществу ту, если можно такъ выразиться, практическую сторону идеализма, которая находитъ себѣ выраженіе въ общественно-плодотворныхъ результатахъ. Въ высшей степени своего развитія она является въ безкорыстной и беззавѣтной, почти евангельской, любви къ человѣчеству, любви сострадательной и дѣятельной, не вѣдающей ни эллина, ни іудея, равно цѣлительной всюду, гдѣ есть тѣлесная страда и духовная жажда. Эта дѣятельная любовь къ страждущимъ людямъ никогда не умираетъ въ человѣчествѣ, но не часто въ обыденной жизни приходится видѣть, чтобы она такъ захватывала, такъ подчиняла себѣ всего человѣка. какъ это было у забытаго обществомъ и воскрешеннаго авторомъ Ѳ. П. Гааза. Изображеніе жизни и дѣятельности этого утѣшителя сирыхъ, несчастныхъ и обездоленныхъ исполнено А. Ѳ. Кони съ глубокой, благоговѣйной любовью, и докторъ Гаазъ является въ этомъ изображеніи своего рода апостоломъ дѣятельной, а потому живой любви къ людямъ, въ ореолѣ почти святости и идеальной нравственной чистоты. И какъ бы оправдывая эту чуть ли не канонизацію человѣка, совершившаго въ своей скромной долѣ христіанина-врача такъ много во имя распятаго за міръ Христа, авторъ ищетъ поддержки въ правдивой народной памяти, которая хранитъ долгое и признательное преданіе о людяхъ, творившихъ добро по чистому побужденію сердца. „Если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ,—говоритъ онъ,—„темные люди", бѣдняки, и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ на-

зываетъ бывшую полицейскую больницу „Гаазовскою“. Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутъ „гаазовскими“, да въ отдаленномъ Нерчинскомъ острогѣ теплится лампада предъ иконою св. Ѳеодора Тирона, сооруженная заключенными на свои скудные заработки, по полученіи вѣсти о смерти „святого доктора“...

Идеализація бываетъ большею частью неизбѣжнымъ и во многихъ случаяхъ естественнымъ элементомъ въ жизнеописаніяхъ дѣятелей, призванныхъ служить свѣтильниками сердца и разума и будить вѣру въ „забытыя слова“. Невольное желаніе поставить образъ надъ толпой какъ можно выше находитъ себѣ нерѣдко объясненіе въ продолжительномъ и участливомъ изученіи изображаемаго лица, въ нравственныхъ точкахъ соприкосновенія, въ родствѣ міровоззрѣній, наконецъ въ личномъ знакомствѣ и узахъ любви и дружбы. Но если желаніе это находитъ себѣ оправданіе въ высокихъ и искреннихъ побужденіяхъ, то на изображаемыхъ лицахъ подобная идеализація не можетъ не отражаться, съ другой стороны, извѣстной утратой яркости индивидуальной окраски, присущей каждому дѣятелю порознь, извѣстнымъ схематизированіемъ, совмѣщеніемъ людей различныхъ поколѣній на одной исторической плоскости. При свойствахъ таланта А. Ѳ. Кони, живописующаго людей, главнымъ образомъ, со стороны ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, это иначе и быть не можетъ. Мы подчеркиваемъ эту художественную особенность изображеній автора, изучающаго дымчатыя дали болѣе любовнымъ взоромъ художника-психолога, чѣмъ безстрастнаго и холоднаго аналитика. Это въ особенности замѣтно на характеристикахъ людей, привлекавшихъ автора не столько высокими нравственными качествами, сколько игрой ума и блескомъ таланта. Примѣняя и къ такимъ лицамъ тѣ же пріемы морально-психологической реставраціи, среди которыхъ идеализація была законнымъ элементомъ опредѣленной художественной структуры, къ такому, напримѣръ, дѣятелю, какимъ былъ покойный И. Ѳ. Горбуновъ, авторъ придавалъ ему оригинальное освѣщеніе — тамъ, гдѣ процессу схематизаціи не поддавались слишкомъ уже разнообразныя, поражавшія глубокимъ бытовымъ реализмомъ и какъ бы *законнымъ* безпорядкомъ въ противорѣчіяхъ черты, словно не укладывавшіяся ни въ какую категорію опредѣленій. Но Горбуновъ—примѣръ исключительный, наглядно доказывающій противоположность между изобразительнымъ пріемомъ А. Ѳ. Кони и тѣмъ, который онъ же отмѣтилъ въ отзывѣ Н. Крылова о книгѣ Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“. Крыловъ говорилъ въ своемъ отзывѣ: „Самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи Чичерина—это... возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ лица“...,—у

А. Ѳ. Кони лица характеризуются по преимуществу со стороны внутреннихъ руководящихъ началъ, по возможности внѣ бытовой обстановки, и лишь постольку на исторической почвѣ, поскольку эта почва служитъ ареной дѣятельности возвышающихъ, идеальныхъ сторонъ извѣстной нравственной организаціи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ пріемъ сходенъ съ тѣмъ психологическимъ творческимъ процессомъ, который конкретные образы, созданные усиліями сложной синтетической работы, схематизируетъ въ понятія и присущія образамъ собственныя имена превращаетъ въ нарицательныя, придавая имъ свойства украшающихъ эпитетовъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуя объ удачной концепціи образа, о произведенномъ имъ сильномъ и яркомъ впечатлѣніи. Во вліяніи не только на умъ, но и на сердце, въ распространеніи понятій, возвышающихъ и очищающихъ душу читателей, кроется, прежде всѣхъ художественныхъ достоинствъ, тотъ источникъ обаянія рѣчей А. Ѳ. Кони, который дѣлаетъ его книгу какъ бы сплошной галереей прозрачныхъ „свѣтящихся" людей. Въ самомъ дѣлѣ, одни люди *свѣтятся* у него глубиной и кристальной чистотой своего духа, какъ Владиміръ Соловьевъ, который прошелъ жизнь „съ выдержкою и терпѣніемъ мудреца и незлобивою чистотою ребенка". Другіе свѣтили кроткимъ и сіяющимъ огонькомъ, какъ В. Ѳ. Одоевскій, горѣвшій тихой „лампадой" предъ образомъ, на которомъ „были начертаны—*правда, знаніе* и *дѣятельная любовь* къ людямъ". Третьи сверкали и искрились огнемъ ума, таланта, народной русской рѣчи, какъ Пушкинъ. Четвертые взростили въ душѣ своей чистыя сѣмена добра и правды и посвятили служенію имъ всю свою жизнь, какъ Градовскій, Кавелинъ, Стояновскій и др., словно застывшіе въ величавомъ храмѣ Ѳемиды, на стражѣ священныхъ завѣтовъ правосудія...

Въ связи съ идеализаціей стоятъ и другія особенности творчества А. Ѳ. Кони. Сдѣлавъ, обычно, два-три мимолетныхъ указанія на происхожденіе и школу дѣятеля, отмѣтивъ особыя обстоятельства, повліявшія на складъ его натуры, авторъ затѣмъ непосредственно раскрываетъ передъ читателемъ душу этого дѣятеля и прокладываетъ въ ней дорогу, заставляя его *свѣтиться* лучами его духовной натуры, искрами ума, богатствомъ житейскаго опыта и раздумья, указывая въ ней возвышенные образы, глубокія мысли, „забытыя", но далеко еще не изжитыя слова; при этомъ, сравненія, конкретныя воспоминанія рѣдко направляются къ опредѣленному сопоставленію съ цѣлью уяснить или точнѣе обозначить ту или иную черту. Большею частью они возникаютъ на художественной подпочвѣ, въ цѣляхъ разнообразія господствующаго настроенія, оживленія, какъ бы преднамѣреннаго перебоя захватившей читателя волны извѣстнаго чувства. Подобными вставками авторъ умѣетъ оттѣнять переходы отъ одной мысли къ другой

чрезвычайно эффектно и красиво, что̀ особенно сказывается въ живой рѣчи, стяжавшей столь выдающуюся извѣстность А. Ѳ. Кони, какъ оратору, и оказавшей немалое вліяніе на своеобразный складъ его очерковъ. „Моему внутреннему взору представляется,—какъ будто это было вчера,—неожиданно прерывалъ свою рѣчь о Спасовичѣ авторъ,—яркій день ранней весны, когда солнце уже грѣло и заливало своимъ свѣтомъ и залу думы, и молодыя, полныя надеждъ лица, и когда за окномъ блистали, падая съ крыши, золотыя капли быстро тающаго снѣга... Такъ же таялъ въ тѣ дни снѣгъ, долго державшій подъ своей мертвой пеленою нашу родину, и грѣло только-что взошедшее солнце незабвенныхъ шестидесятыхъ годовъ. На порогѣ общественной жизни насъ готовились встрѣтить великія реформы"...

Врагъ крайностей и насилія съ той и другой стороны, авторъ остановился въ своихъ очеркахъ лишь на дѣятеляхъ положительной творческой работы. Полагая, можно думать, истинное „освобожденіе" въ послѣдовательномъ культурномъ перерожденіи общественныхъ и народныхъ массъ, путемъ политическаго воспитанія, онъ могъ бы о большинствѣ своихъ избранниковъ сказать тѣми же словами, какими онъ характеризовалъ Одоевскаго: „являясь защитникомъ человѣческой личности, Одоевскій всегда на первый планъ ставилъ не поглощающія эту личность учрежденія, а ея духовныя свойства, придающія смыслъ и значеніе самой дѣятельности учрежденій". Работа по выработкѣ учрежденій должна идти рядомъ съ сознательной внутренней работой по выработкѣ общественныхъ идеаловъ на почвѣ уваженія къ личности и закону,—только въ такой работѣ, по мнѣнію автора, кроется прочный залогъ успѣха и политической реформы.

Таковъ характеръ новой книги А. Ѳ. Кони, предложенной имъ русскому обществу.

II.

— О государствѣ русскомъ. Флетчеръ. Изданіе второе (А. С. Суворина). Спб. 1905.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію гр. С. С. Уварова, замѣчательная книга Флетчера появляется передъ русскимъ читателемъ на 57 лѣтъ позже первой попытки ея обнародованія. Въ свое время это была громкая и печальная исторія. Въ 1848 году О. М. Бодянскій, профессоръ московскаго университета, напечаталъ въ „Чтеніяхъ при имп. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ" переводъ Флетчеровой книги „Russia at the close of the sixteenth century". За это „преступленіе" Бодянскій былъ переведенъ въ казанскій университетъ (отъ чего, впрочемъ, отказался и вышелъ въ отставку), а книжка

„Чтеній" съ переводомъ была признана крайне опасною для русскаго общества и конфискована. Собственно само сочиненіе Флетчера сыграло, повидимому, роль жертвы въ дѣлѣ ратоборства двухъ русскихъ царедворцевъ, сводившихъ, при ея посредствѣ, свои личные счеты. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ А. В. Никитенко, гр. Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія) „сбросилъ" гр. Строганова съ мѣста попечителя въ Москвѣ. Строгановъ, въ отместку, представилъ государю записку о либерализмѣ „коммунизмѣ и соціализмѣ", господствующемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цензурѣ, которая въ то время составляла украшеніе именно этого министерства. При дворѣ встревожились, и Уваровъ едва удержался на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ Строгановъ, въ качествѣ предсѣдателя „Общества исторіи и древностей", разрѣшилъ напечатать записки Флетчера, а Шевыревъ донесъ министру, указавъ на „неблаговидность въ данную минуту" печатать Флетчерово изображеніе Россіи XVI-го вѣка. „И какъ то всегда бываетъ на святой Руси,—замѣчаетъ Никитенко,—онъ (Шевыревъ) подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніемъ въ собственной преданности и усердіи къ Богу и царю". Строганову былъ объявленъ строжайшій выговоръ, а книга, какъ сказано, изъята изъ обращенія. Напрасно Бодянскій, двѣнадцать лѣтъ спустя, пытался возобновить вопросъ о выпускѣ перевода сочиненія Флетчера и писалъ по этому поводу гр. Строганову: „Какое можетъ быть въ теперешнюю пору примѣненіе разсказа этого англичанина о Руси конца XVI-го столѣтія — къ Руси второй половины XIX-го? Еще въ 1848-мъ году могли люди неблагонамѣренные проводить нѣкоторую параллель между давноминувшимъ временемъ и нынѣшнимъ, между русскими Царя Грознаго и русскими Царя Благодушнаго. Если ваше сіятельство найдете теперешнее положеніе дѣлъ благопріятствующимъ для такого представленія, истинно окажете не послѣднюю услугу, какъ непосредственно Историческому Обществу, такъ и вообще отечественной исторіи, для которой повѣствованіе подданнаго Елисаветы Англійской о нашихъ предкахъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду иностранныхъ источниковъ русскаго бытописанія". Изъ этой попытки ничего не вышло, и сочиненіе Флетчера осталось, какъ выражался Бодянскій, „гнить въ типографіи московскаго университета".

Хотя весь этотъ вопросъ можетъ уже считаться взвѣшеннымъ исторіей, однако ничто не можетъ удержать любознательнаго читателя стать лично безпристрастнымъ судьей и всмотрѣться въ дѣло по существу. Шевыревъ считалъ опаснымъ появленіе перевода Флетчеровой книги на томъ основаніи, что она способна вызвать нежелательныя сопоставленія Руси XVI-го вѣка съ современной ему Нико-

лаевской эпохой. Можно имѣть какую-угодно точку зрѣнія на современность и исторію, но нельзя не признать, что у Шевырева, человѣка начитаннаго и занимавшаго опредѣленную и видную позицію въ нашихъ общественныхъ теченіяхъ, были всѣ данныя для того, чтобы судить, опять-таки съ своей точки зрѣнія, о возможномъ вліяніи книги Флетчера на современную общественную мысль. Считаясь съ этими данными, мы, конечно, далеки отъ мысли оправдывать достойную лучшей участи готовность Шевырева спасать отечество путемъ навѣтовъ, но вопросъ объ основательности этихъ данныхъ напрашивается самъ собой. Конечно, Шевыревъ не могъ быть, съ его идеализаціей оффиціальной русской старины, очень расположенъ къ Флетчеру, изображавшему эту старину съ точки зрѣнія очевидца, обосновывавшаго свои наблюденія и выводы фактами, которые, при всѣхъ недостаткахъ своего освѣщенія въ книгѣ автора, нашли такую высокую оцѣнку въ научныхъ авторитетахъ. Поднося свое сочиненіе англійской королевѣ, Флетчеръ писалъ: „Цѣль моя при этомъ была та, чтобы записать для себя предметы болѣе важные, нежели забавные, и преимущественно истинные, а не странные. Въ образѣ тамошняго правленія ваше величество изволите усмотрѣть не только весьма удивительную, но и дѣйствительно существующую, форму государства тираническаго (далеко не сходную съ образомъ вашего правленія), безъ истиннаго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ, безъ общаго правосудія, кромѣ того, которому источникомъ служитъ законъ изустный, то-есть правительственныя власти, имѣющія сами крайнюю нужду въ законѣ для того, чтобы обуздать ихъ собственную несправедливость. Поступки ихъ, въ какой степени они тягостны и бѣдственны для несчастнаго угнетеннаго народа, населяющаго эту страну, въ такой же мѣрѣ могутъ подать мнѣ и другимъ вѣрноподданнымъ вашего величества справедливый поводъ признать себя счастливыми и благодарить Бога за истинно королевское и милостивое правленіе вашего величества. Вамъ же доставитъ болѣе утѣшенія и радости тѣмъ, что въ вашемъ королевствѣ вы повелѣваете не рабами, а подданными, которые исполняютъ свои обязанности изъ любви, а не изъ страха". Уже эта выраженная здѣсь основная точка зрѣнія на государственную форму въ Россіи, хотя бы и въ царствованіе грознаго царя Ивана Васильевича, не могла доставить особенно утѣшительныхъ данныхъ для свойственной людямъ извѣстнаго склада идеализаціи нашей старины въ Шевыревскомъ духѣ. Но у Флетчера эта точка зрѣнія нашла себѣ послѣдовательное и для своего времени многостороннее развитіе въ различныхъ главахъ его сочиненія. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „Образъ правленія" Флетчеръ даетъ ему такую характеристику, которая, дѣйствительно, не могла не навести на рядъ

сопоставленій со взглядами, господствовавшими въ оффиціальныхъ кругахъ въ Николаевскую эпоху. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ подробнѣе Флетчеръ о существовавшемъ въ его время образѣ правленія: „Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ. Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ Sophismata или тайнъ ихъ образа правленія, описанныхъ ниже, и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица этого сословія ни пришли, но въ особенности тамъ, гдѣ они имѣютъ свои помѣстья, или гдѣ опредѣлены царемъ для управленія. Простолюдинамъ сдѣлана также нѣкоторая маловажная уступка тѣмъ, что они могутъ передавать свои земли по наслѣдству любому изъ сыновей, въ чемъ они, обыкновенно, слѣдуютъ нашему Gauillkinde, и располагать имуществомъ своимъ произвольно, имѣя право дарить и завѣщевать его по собственному желанію".

Если нельзя не признать значительнаго преувеличенія въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Флетчера о томъ, что оба класса, и дворяне, и простолюдины, по отношенію къ своему имуществу, суть не что̀ иное, какъ хранители царскаго дохода,—„потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки",— то взгляды Флетчера на замѣщеніе общественныхъ и правительственныхъ должностей, и въ особенности на отправленіе правосудія, находятъ себѣ историческое подтвержденіе и обнаруживаютъ его освѣдомленность во многихъ московскихъ дѣлахъ. Практичный англичанинъ смотрѣлъ на дѣло по существу и вскрывалъ, если можно такъ выразиться, ядро нашего дореформеннаго строя, поддерживавшагося вѣка благодаря „тираническому" образу правленія. Вотъ, напримѣръ, сжатая характеристика, данная Флетчеромъ нашему старинному судопроизводству, о дѣлахъ, касающихся жизни и смерти: „Здѣсь нѣтъ ни одного, кто бы имѣлъ судебную должность или власть, переходящую по наслѣдству, или основанную на грамотѣ; но всѣ опредѣляются по назначенію и волѣ царя, и судьи такъ стѣснены въ отправленіи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собою, но

должны пересылать его вполнѣ въ Москву, въ Царскую Думу". Картинка засѣданія этой царской думы у Флетчера принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ изображеніямъ этого рода. За много-много лѣтъ до нашего времени цари московскіе рѣшили мудреную задачу о томъ, какъ можно сочетать произволъ самовластія съ видомъ законности. облеченной въ форму совѣта избранныхъ людей, призваннаго для обсужденія дѣлъ государственныхъ. Изображая обычный характеръ засѣданія, Флетчеръ замѣчаетъ въ концѣ: „но предлагать билли по мнѣнію отдѣльныхъ лицъ относительно какого-нибудь общеполезнаго дѣла—какъ это дѣлается въ Англіи—Русскій Земскій Соборъ вовсе не дозволяетъ подданнымъ".

Могло показаться Шевыреву опаснымъ и то, въ какихъ чертахъ изображаетъ Флетчеръ положеніе низшихъ классовъ народа. „О состояніи низшаго класса и простого народа можно имѣть нѣкоторое понятіе изъ того,—пишетъ онъ,—что уже было сказано касательно образа правленія, состоянія дворянства и завѣдыванія областями и главными городами въ государствѣ. Во-первыхъ, о свободѣ ихъ, въ какой мѣрѣ они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни къ какому разряду и не имѣютъ ни голоса, ни мѣста на соборѣ, или въ высшемъ земскомъ собраніи, гдѣ утверждаются законы и публичныя постановленія, клонящіяся обыкновенно къ угнетенію простолюдиновъ, ибо остальные два класса, т.-е. дворянство и духовенство, которые имѣютъ голосъ въ такихъ собраніяхъ (хотя далеко не пользуются свободою, необходимою въ общихъ совѣщаніяхъ для блага всего государства, согласно съ значеніемъ и правами каждаго по его званію), довольствуются тѣмъ, чтобы все бремя лежало на простолюдинахъ и что могутъ облегчить сами себя, сваливая все на нихъ. Далѣе, до какого рабскаго состоянія они унижены не только въ отношеніи къ царю, но и къ боярамъ и вообще дворянамъ (которые и сами суть не что иное, какъ рабы, особливо съ нѣкотораго времени), это можно видѣть изъ собственнаго сознанія ихъ въ просьбахъ и другихъ бумагахъ, подаваемыхъ кому-либо изъ дворянства или высшихъ правительственныхъ лицъ: здѣсь они сами себя называютъ и подписываются холопами, т.-е. ихъ крѣпостными людьми или рабами, такъ точно, какъ, въ свою очередь, дворяне признаютъ себя холопами царя. Можно поистинѣ сказать, что нѣтъ слуги или раба, который бы болѣе боялся своего господина, или который бы находился въ большемъ рабствѣ, какъ здѣшній простой народъ, и это вообще, не только въ отношеніи къ царю, но и его дворянству, главнымъ чиновникамъ и всѣмъ военнымъ, такъ что если бѣдный мужикъ встрѣтится съ кѣмъ-либо изъ нихъ на большой дорогѣ, то долженъ отвернуться, какъ бы не смѣя смотрѣть ему въ лицо, и пасть ницъ,

ударяя головою о земь, такъ точно, какъ онъ преклоняется предъ изображеніями своихъ святыхъ". Положеніе крестьянъ и въ Николаевскую эпоху было не только не лучше, но, напротивъ, значительно хуже, если принять во вниманіе большую работу, потраченную правительствомъ, въ теченіе протекшихъ столѣтій, на выработку способовъ многосторонняго, прямого и косвеннаго закрѣпощенія народной массы.

А слѣдующая картинка не безынтересной покажется и читателю современному, который захотѣлъ бы поразмыслить о томъ, какова историческая давность многочисленныхъ пріемовъ, употребляемыхъ административной властью и въ настоящее время. Конечно, читателю необходимо призвать на помощь при этомъ нѣкоторое творческое воображеніе, чтобы черты отдаленной эпохи перенести въ міръ существующихъ реальныхъ формъ и отношеній и принарядить обнаженную сущность кажущагося отжившимъ въ пестрыя ткани новѣйшихъ завоеваній въ сферѣ цивилизаціи и, такъ называемаго, европеизма. Тогда безхитростный разсказъ Флетчера пріобрѣтетъ особенный смыслъ, наглядно указующій, какъ упорно защищаетъ исторія отъ посягательствъ новизны свои вѣками сложившіяся и окаменѣвшія формы. „О правленіи русскаго царя,—разсказываетъ Флетчеръ,—гдѣ бы то ни было, въ странахъ ли наслѣдственныхъ, или завоеванныхъ, можно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, у народа отнимаютъ оружіе и другія средства къ защитѣ и не позволяютъ никому имѣть ихъ, кромѣ бояръ. Во-вторыхъ, безпрестанно отнимаютъ у него деньги, товары и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не оставляютъ ничего, кромѣ тѣла и жизни. Въ-третьихъ, царь раздаетъ и раздѣляетъ свои владѣнія на многія мелкія части, учреждая въ нихъ отдѣльныя управленія, такъ что нѣтъ ни у кого довольно владѣній для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имѣлъ другія средства. Въ-четвертыхъ, области управляются людьми незначащими, не имѣющими сами по себѣ силы и совершенно чуждыми жителямъ тѣхъ мѣстъ, коими завѣдываютъ. Въ-пятыхъ, царь смѣняетъ обыкновенно своихъ правителей одинъ разъ въ годъ, дабы они не могли слишкомъ сблизиться съ народомъ или войти въ сношенія съ непріятелемъ, если завѣдываютъ пограничными областями. Въ-шестыхъ, въ одно и то же мѣсто онъ назначаетъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ какъ бы контролеромъ надъ другимъ, какъ-то князей и дьяковъ, отчего (вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества) здѣсь менѣе повода опасаться тѣсныхъ между ними сношеній; кромѣ того, царь узнаетъ этимъ путемъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Въ-седьмыхъ, часто посылаетъ онъ тайно въ каждую область нарочныхъ, пользующихся особеннымъ его довѣріемъ, для развѣдыванія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и обо всѣхъ

тамошнихъ безпорядкахъ. Это очень обыкновенное дѣло, хотя такія лица посылаются невзначай, и никому неизвѣстно, въ какое время ихъ должно ожидать".

Понятно, что въ свое время Шевыревъ долженъ былъ задуматься надъ вопросомъ, насколько съ его точки зрѣнія было не безопасно пускать въ оборотъ читающей публики сочиненіе, подававшее столько поводовъ къ опаснымъ умствованіямъ и вреднымъ толкованіямъ. Инымъ могло показаться, что, будучи переведено на языкъ позднѣйшаго оффиціальнаго стиля съ примѣсью елейной мистики о божественномъ происхожденіи власти и обычнаго патріотическаго пустословія, сочиненіе это дастъ поводъ заключить, что, въ существѣ своемъ, русская государственность весьма мало измѣнилась отъ Грознаго до Николая I, и что если это измѣненіе, какъ можно было предполагать, и произошло кое-гдѣ въ разныхъ частяхъ государственнаго организма, то оно коренилось еще глубоко внутри и не могло пробраться наружу. Усвоеніе внѣшнихъ европейскихъ формъ дѣлало на первый взглядъ невозможнымъ сопоставленіе Николаевской эпохи съ эпохой Грознаго или Ѳедора Іоанновича, но по существу произволъ власти, неправосудіе, угнетеніе и обираніе народа продолжали существовать, какъ и встарь. Выростала лишь одна сила, съ которою не считался Грозный: сила общественнаго мнѣнія. Значеніе этой силы прекрасно сознавалъ Шевыревъ и, становясь въ добровольные агенты борьбы съ этой силою, онъ и счелъ опаснымъ распространеніе у насъ книги Флетчера.

Г. Суворинъ оказалъ несомнѣнную услугу переизданіемъ этой книги, сохраняющей во многомъ свою общественную занимательность и для современнаго читателя. Онъ сопроводилъ ее краткимъ предисловіемъ—„отъ издателя" и замѣткой А. А. Титова, излагающей исторію перваго перевода сочиненія Флетчера; затѣмъ онъ предпослалъ ему написанное для перваго изданія предисловіе кн. М. А. Оболенскаго. Все это прекрасно, но дѣло въ томъ, что это предисловіе значительно устарѣло, тѣмъ болѣе, что въ научномъ отношеніи оно не было полнымъ и для своего времени. Редакторъ могъ бы воспользоваться позднѣйшими изданіями, напримѣръ Э. Бонда (Edward A. Bond, London, 1856), гдѣ въ превосходномъ введеніи онъ могъ бы извлечь большинство свѣдѣній, которыя оказались бы весьма небезполезными для русскаго читателя, особенно же данныя о самомъ Флетчерѣ. Также слѣдовало бы указать въ примѣчаніяхъ и нѣкоторыя неточности русскаго перевода; бросается въ глаза, напримѣръ, фраза: „дѣла, рѣшаемыя Соборомъ, дьяки или секретари излагаютъ въ формѣ *прокламацій*"; въ подлинникѣ—„draw into a forme of proclamation", что прекрасно можетъ быть передано словомъ „указъ"; кромѣ того, слово Соборъ (the Zabore) параллелизуется словомъ „or parliament", что

также (можетъ быть, не безъ умысла въ свое время) не отмѣчалось въ переводѣ 1848 г. и осталось неотмѣченнымъ и при второмъ изданіи, а между тѣмъ это—весьма характерная черточка.

III.

— Карлъ Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. и А. Г. Генкель. Спб. 1905. Книгоиздательство М. В. Пирожкова.

О Томасѣ Морѣ существуетъ на русскомъ языкѣ немало статей преимущественно біографическаго и историко-литературнаго содержанія, существуетъ русскій переводъ, но нѣтъ работы, которая была бы направлена на критическое разсмотрѣніе его „утопіи" съ точки зрѣнія соціальной цѣнности его идей для современнаго читателя. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать весьма полезнымъ перевода на русскій языкъ книги Каутскаго, появившейся въ Германіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и установившаго на Мора совершенно особую точку зрѣнія. Разсматривая Мора (вмѣстѣ съ Т. Мюнцеромъ), какъ „мощнаго бойца у преддверія соціализма", авторъ сообщаетъ въ предисловіи, что онъ приступалъ къ работѣ безъ всякой предвзятой мысли: „Современное соціалистическое движеніе,—говоритъ онъ,—также мало выигрываетъ отъ благопріятнаго сужденія о Морѣ, какъ мало оно потеряло бы отъ того, еслибы отнестись къ Мору отрицательно. Если, стало быть, во мнѣ выработался настоящій энтузіазмъ къ этому человѣку, то его слѣдуетъ отнести цѣликомъ къ его личности, а не къ теоретическому положенію, какое онъ, какъ соціалистъ, занимаетъ. Относительно его я старался никогда не забывать своей задачи, какъ критика; если, тѣмъ не менѣе, кому-нибудь изъ моихъ читателей покажется, что я стараюсь выставить ему Мора въ односторонне-благопріятномъ освѣщеніи, то я сошлюсь хотя бы на то, что мое изложеніе, все-таки, оказывается чрезвычайно сдержаннымъ сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что писали о Морѣ другіе его біографы, далеко притомъ не всегда принадлежавшіе къ числу его партійныхъ друзей. Моромъ нельзя заниматься и не полюбить его при этомъ".

Новизна постановки вопроса заставила Каутскаго заняться Моромъ подробнѣе и полнѣе освѣтить его съ исторической и біографической стороны. Предназначая свой трудъ не для однихъ лишь спеціалистовъ, но и для большой публики, Каутскій ставитъ своей задачей помочь ей оріентироваться въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, пониманіе которыхъ необходимо для уясненія чертъ эпохи и міросозерцанія Мора. Своеобразіе этихъ условій заставило автора сдѣлать цѣлый рядъ экс-

курсовъ вглубь среднихъ вѣковъ, чтобы выяснить общій строй быта и понятій, господствовавшихъ въ Англіи съ XVI вѣка. Эти экскурсы, охватившіе основныя черты вѣковъ гуманизма и реформаціи, съ политической и экономической тенденціей на первомъ планѣ, составили обширное „введеніе", замѣчательное ясностью изложенія и единствомъ въ развитіи руководящихъ идей. „Какъ и вообще всякій соціалистъ,— говоритъ Каутскій,— такъ же точно и Моръ можетъ быть понятъ только лишь въ томъ случаѣ, если стать на точку зрѣнія современной ему эпохи. Между тѣмъ, именно его эпоху значительно труднѣе понять, чѣмъ вѣкъ любого послѣдующаго соціалиста, такъ какъ она сильно разнится отъ современной намъ. Чтобы разобраться въ ней, необходимо познакомиться не только съ начальными стадіями развитія *капитализма*—надо узнать также послѣднюю пору жизни *феодализма* и прежде всего детально постичь ту громадную роль, которая въ это время доставалась на долю съ одной стороны церкви, съ другой— міровой торговлѣ. Моръ, подобно всѣмъ другимъ, точно также подпалъ подъ сильное вліяніе того и другого, и намъ пришлось бы переливать изъ пустого въ порожнее, если бы мы поддались хоть на минуту искушенію набросать характеристику личности и твореній перваго соціалиста, не показавъ предварительно, хотя бы даже въ самыхъ общихъ чертахъ, ту комбинацію историческихъ моментовъ, продуктомъ которыхъ онъ является".

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что выясненіе этихъ историческихъ моментовъ сдѣлано Каутскимъ слишкомъ схематично, намѣчено слишкомъ общими и отвлеченными чертами, не всегда достаточными для того, чтобы войти въ духъ и міросозерцаніе эпохи, создавшей Томаса Мора.

Вторая часть посвящена біографіи Мора, выдвигающей на первый планъ черты его умственнаго склада и строй его нравственныхъ и общественно-политическихъ убѣжденій. Но особый интересъ пріобрѣтаетъ изложеніе Каутскаго въ третьей части его труда, посвященной характеристикѣ „Утопіи" и критикѣ ея съ той точки зрѣнія, которая является обычно-характерной для Каутскаго, т.-е. съ марксистско-матеріалистической. Эту точку зрѣнія необходимо имѣть въ виду читателю, особенно въ критической части работы Каутскаго: распространеніе идей опредѣленнаго порядка дорого для Каутскаго не менѣе, если не болѣе, чѣмъ установленіе правильнаго „историческаго" взгляда на Мора, какъ на соціалиста. „Въ этой работѣ мнѣ лишь рѣдко представлялся случай ссылаться на сочиненія Маркса и Энгельса,—говоритъ Каутскій по этому поводу.—Впрочемъ, единичныя цитаты далеко не въ полной мѣрѣ могли бы указать, чѣмъ я обязанъ этимъ двумъ мыслителямъ въ теоретическомъ отношеніи. Ссылка можетъ дать ука-

заніе, когда пользуешься у автора извѣстнымъ фактомъ или точкою зрѣнія. Между тѣмъ очень трудно выразить ссылками весь методъ изслѣдованія, которымъ пользуешься. Поэтому считаю умѣстнымъ напомнить здѣсь, что если мнѣ удалось стать на новую и, быть можетъ, интересную точку зрѣнія, то я обязанъ этимъ марксистскому пониманію исторіи и методу".

Одной изъ руководящихъ мыслей Каутскаго является то положеніе, что Моръ, подобно многимъ другимъ выдающимся мыслителямъ, былъ геніальнымъ прозорливцемъ и сумѣлъ предвосхитить у современнаго соціализма извѣстныя положенія раньше, чѣмъ вырабатывались тѣ матеріальныя условія, на которыхъ они должны были обосноваться. Послѣдовательнымъ развитіемъ фактически вѣрно поставленной мысли онъ добирался до этого „предвосхищенія", исходя при этомъ изъ тѣхъ началъ капитализма, которыя въ его время уже существовали. Кромѣ спеціальной цѣли—повліять на управленіе и конституцію Англіи, Моръ поставилъ своей задачей предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ вредныхъ послѣдствій капитализма—и это въ эпоху, когда капиталистическое производство было еще въ зародышѣ; выработанный имъ планъ борьбы съ его вредными послѣдствіями содержитъ въ себѣ въ общихъ чертахъ всю программу современнаго соціализма.

Каутскій подробно и въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливается на возраженіи представителямъ того взгляда, который допускалъ возможность разсмотрѣнія „утопіи", какъ „гуманистической забавы", „слегка подогрѣтаго изданія Платоновскаго коммунизма. Въ противоположность Платоновскому, основанному на развитіи понятія о справедливости, коммунизмъ Мора своей исходной точкой имѣетъ критику существовавшихъ въ его время политическихъ и экономическихъ условій. Даже болѣе: „Моровскій коммунизмъ ни съ Платоновскимъ, ни съ христіанскимъ коммунизмомъ (это, по выраженію Каутскаго, коммунизмъ „нищенской сумы, а не работы") ничего общаго не имѣетъ, онъ *вполнѣ современенъ* и возникъ изъ *капитализма*". Поэтому Каутскій протестуетъ и противъ того мнѣнія, по которому „утопія" въ настоящее время должна бы сдѣлаться достояніемъ либо спеціально филологическаго журнала, либо фельетона.

Трагизмъ судьбы Мора Каутскій видитъ въ его одинокомъ сознаніи необходимости разрѣшенія задачъ, выдвигаемыхъ эпохой въ то время, какъ матеріальныя данныя для этого разрѣшенія еще не успѣли обозначиться во всей своей очевидности. Задачи эти сводились къ тому, чтобы—„выступить въ защиту обиженныхъ противъ своевластія притѣснителей; между тѣмъ онъ стоитъ совершенно одиноко, и начинанія его ему же самому кажутся безнадежными". Книга кончается указаніемъ на величіе характера Мора, доказавшаго твердость своихъ убѣ-

жденій своей трагической кончиной на эшафотѣ. „Болѣе трехсотъ лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ возможно было понять, что намѣченныя имъ цѣли были не измышленіями праздной фантазіи, а результатомъ глубокаго пониманія сущности экономическихъ тенденцій его эпохи. „Утопіи“ скоро исполнится 400 лѣтъ, уже прошло съ лишнимъ столько времени отъ дня рожденія Мора, а все еще идеалы его не достигнуты, все еще лежатъ они впереди человѣчества, идущаго къ прогрессу“.

IV.

— Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томъ четвертый. Стихотворенія и басни. Спб. (1906?). Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“.

Намъ приходилось уже касаться этого изданія и выяснить его характеръ и планъ. Оно преслѣдуетъ серьезныя историко-литературныя цѣли, но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе необходимы для удовлетворенія запросовъ широкой публики. Эти же соображенія легли въ основу редакторской работы и при изданіи настоящаго, четвертаго тома, гдѣ собраны лирическія стихотворенія и басни Крылова. Располагая матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ, редакторъ въ текстѣ басенъ слѣдуетъ посмертному изданію 1844 года (съ корректурными исправленіями), первоначальныя же редакціи и варіанты относитъ къ примѣчаніямъ; что касается до распредѣленія басенъ, то г. Каллашъ совершенно основательно оставилъ то же распредѣленіе басенъ „въ девяти книгахъ“, которое было установлено самимъ Крыловымъ. Въ примѣчанія, по плану редактора, отнесено все то, что̀ было найдено имъ нужнымъ для объясненія отдѣльныхъ басенъ и стихотвореній. „Мы находили излишнимъ,—говоритъ г. Каллашъ,—гоняться за проскользнувшими въ печать пріуроченіями басенъ Крылова къ отдѣльнымъ событіямъ и лицамъ, какъ это дѣлаетъ Кеневичъ: рамки басенъ слишкомъ широки и даютъ возможность для всевозможныхъ пріуроченій—post factum. Въ этомъ отношеніи мы приводили только то, что̀ находили болѣе достовѣрнымъ и интереснымъ. Не гонялись мы также и за библіографической полнотой варіантовъ, но указывали изъ нихъ все то, что̀ сколько-нибудь характерно для Крылова и его творческихъ пріемовъ. Полнаго свода всѣхъ варіантовъ можно, конечно, требовать только отъ академическаго изданія“. При этомъ редакторъ добавляетъ, что имъ были изучены всѣ рукописи Крылова, принадлежащія общественнымъ учрежденіямъ, и сдѣланы всѣ извлеченія, которыя могли представлять общій интересъ.

Въ предисловіи находимъ нѣсколько странное заявленіе: „Коли-

чество отведенныхъ издателями печатныхъ листовъ не позволило намъ, къ сожалѣнію, дать настолько обстоятельныя вступительныя статьи и примѣчанія къ баснямъ, какъ бы этого намъ хотѣлось". Дѣйствительно, это наиболѣе замѣтный недостатокъ настоящаго изданія: въ немъ мало обобщающихъ очерковъ въ виду неодинаковой извѣстности Крылова въ различныхъ направленіяхъ его литературной дѣятельности, совершенно поглощенныхъ его популярностью, какъ баснописца. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, но у насъ нѣтъ обстоятельныхъ, основанныхъ на новѣйшемъ изученіи, историко-литературныхъ работъ о басняхъ со стороны ихъ содержанія; прежнія статьи, давно уже сдѣлавшіяся достояніемъ хрестоматій, требуютъ критическаго пересмотра,—между прочимъ, съ точки зрѣнія художественной и моральной оцѣнки воспитательнаго значенія басенъ.

Вмѣсто предположенной, повидимому, вначалѣ обстоятельной вступительной статьи читатели находятъ въ настоящемъ томѣ сжатый, но чрезвычайно мѣткій очеркъ, заключающій въ себѣ характеристику лирическихъ стихотвореній и басенъ Крылова. „Въ своемъ творческомъ развитіи,—говоритъ здѣсь г. Каллашъ, Крыловъ двигался въ сторону наименьшаго сопротивленія. Смягченная сатира давала извѣстный исходъ основному настроенію души писателя, и въ то же время не дразнила въ общемъ гусей цензурныхъ и административныхъ. Густая псевдо-классическая закваска, навѣянная, главнымъ образомъ, уроками Дмитревскаго, никогда не исчезала у Крылова, но ушла подъ спудъ, когда ему пришлось удовлетворять спросу на реализмъ и народность. Литературная мода заставляетъ его даже пользоваться отдѣльными подробностями сентиментализма, смѣшныя стороны котораго онъ понималъ слишкомъ хорошо, и злоупотребленіе которымъ онъ началъ осмѣивать очень рано. „Лукавый дѣдушка" много таилъ про себя и часто писалъ не то, что̀ думалъ. Басенные звѣри давали ему возможность искусно припрятать свою затаенную мысль, свой „рѣзкій, охлажденный умъ", свой безысходный скептицизмъ. Рисуя звѣриные нравы, онъ не то осмѣивалъ ихъ, не то выставлялъ, какъ нѣчто законное, или во всякомъ случаѣ неизбѣжное. Въ результатѣ сложныхъ и тяжелыхъ жизненныхъ перипетій онъ приходитъ къ особой „обывательской морали", которая пришлась по душѣ среднему человѣку, и которую онъ облекъ въ блестящія краски колоритной народности, гибкаго и подвижного юмора, мнимо-наивной проказливости разсказа, здороваго реализма, афористической сжатости и эпиграмматической мѣткости".

Въ этомъ прекрасномъ очеркѣ недостаточно охарактеризована одна, чрезвычайно важная сторона творчества Крылова — тонкій и

нѣжный лиризмъ, въ которомъ за сентиментальнымъ прекраснодушіемъ скрывалась глубокая сердечная чуткость ко всему, на чемъ лежала печать поэзіи и красоты.

Въ итогѣ—русскіе читатели впервые получаютъ полное и обстоятельно проредактированное собраніе сочиненій Крылова, оживленное рядомъ художественныхъ приложеній въ видѣ портретовъ, разнаго рода снимковъ и проч. Въ концѣ помѣщенъ указатель всѣхъ вошедшихъ въ настоящее изданіе произведеній Крылова.

V.

— Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Лекціи профессоровъ Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ. — Подъ редакціей профессоровъ Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго.—Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905.

Это изданіе является однимъ изъ конкретныхъ памятниковъ замѣчательнаго въ своемъ родѣ учрежденія, создавшагося въ культурнѣйшемъ центрѣ Европы по иниціативѣ нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, не нашедшихъ, по слишкомъ хорошо извѣстнымъ условіямъ отечественнаго покровительства наукамъ и искусствамъ, возможности работать у себя на родинѣ, и предназначеннаго для слушателей, для той русской молодежи, которой не оказалось мѣста въ родныхъ университетахъ. Печать внимательно и любовно слѣдила за развитіемъ этого „вольнаго университета“ и знакомила русскую публику съ ростомъ и успѣхами этого учрежденія. По настоящей книгѣ читатели могутъ судить, насколько серьезны были курсы, предлагавшіеся слушателямъ, и насколько интересы чистаго знанія лежали прежде всего въ основѣ этой въ то же время общественной задачи.

Настоящій сборникъ не представляетъ собой чего-либо систематическаго и созданнаго по заранѣе намѣченному плану. Редакторы смотрятъ на него, какъ на образцы читавшихся профессорами этой школы курсовъ, „болѣе или менѣе самостоятельныхъ мемуаровъ“, по выраженію М. М. Ковалевскаго. Эти мемуары распадаются въ сборникѣ на четыре рубрики: соціологія, исторія философіи, экономика, право и политика. Въ дальнѣйшихъ сборникахъ редакція имѣетъ въ виду издать и курсы по антропологіи и этнографіи, по исторіи вообще и исторіи учрежденій, по философіи наукъ и по исторіи религій и метафизическихъ системъ.

Въ отдѣлѣ соціологіи настоящаго сборника находимъ лекцію Тарда, посвященную его теоріи психическихъ воздѣйствій („интеръ-психологія“), какъ составляющихъ основу всѣхъ общественныхъ явленій, статью г. де-Роберти—„Къ оцѣнкѣ основныхъ предпосылокъ соціоло-

гической теоріи Карла Маркса", заключающую въ себѣ ученіе экономическаго матеріализма („экономическій матеріализмъ прочно овладѣлъ всей областью исторіи", но онъ—„безсиленъ дать намъ *раціональное* объясненіе всей совокупности общественныхъ явленій"). За этими статьями идутъ: М. М. Ковалевскаго — „Соціальная доктрина Спенсера", г. Шейниса — „Къ исторіи самоубійства". Въ отдѣлѣ „Исторія философіи" помѣщены статьи г. В. Анри—„Философія Лейбница и современная энергетика", г. Баша — „Столѣтняя годовщина Канта", Лесевича—„Отъ Огюста Конта къ Авенаріусу". Въ экономическомъ отдѣлѣ нашли себѣ мѣсто статьи: Шарля Жида—„Возникновеніе и развитіе экономіи въ XIX вѣкѣ", Рене Вормса—„Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣніи", М. М. Ковалевскаго—„Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства", А. И. Чупрова— „Мелкое земледѣліе и его основныя нужды". Наконецъ, въ отдѣлѣ права и политики помѣщенъ рядъ статей г.г. Тарбуріеша, Гамбарова, Ковалевскаго, Виноградова, Трачевскаго и Тамамшева. Здѣсь затронуты вопросы о природѣ собственности, о государствѣ („Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX в."), о японцахъ съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія, о раннихъ сношеніяхъ Россіи съ Грузіей и армянами.

„Очевидно, ни одинъ сборникъ, не противорѣча своей природѣ и самому своему названію,—говоритъ г. Ковалевскій въ своемъ предисловіи,—не можетъ претендовать на полноту и законченность. Ихъ нѣтъ, и ихъ сознательно не преслѣдовали издатели выпускаемаго нынѣ сборника. Задача ихъ несравненно скромнѣе: они хотятъ познакомить широкіе круги русскаго общества съ тою образовательною дѣятельностью, которой они посвятили себя на пользу русскихъ людей, ищущихъ заграницей отвѣта на многіе вопросы, которые призвана была бы подымать не существующая пока у насъ школа общественныхъ и политическихъ наукъ. Издатели не сомнѣваются въ томъ, что подобная школа возникнетъ и въ Россіи въ близкомъ будущемъ; ея созданіе будетъ завершеніемъ предпринятаго ими дѣла и дастъ имъ возможность перенести свое преподаваніе въ русскую среду. Пока свободныхъ школъ у насъ нѣтъ, не безполезно будетъ открыть всѣмъ, добывающимъ знаніе путемъ саморазвитія, возможность извлечь пользу изъ того преподаванія общественныхъ наукъ на русскомъ языкѣ, центромъ котораго, за послѣдніе четыре года, сдѣлался Парижъ".

Не сомнѣваемся, что настоящая книга встрѣтитъ сочувственный пріемъ въ русской публикѣ, особенно въ средѣ молодыхъ читателей, передъ которыми выросла настоятельная задача искать путей къ истинному самообразованію въ переживаемые ею томительные періоды университетскаго запустѣнія.—Евг. Л.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

А., М.—Довольно! Отповѣдь крайнимъ партіямъ. Спб. 905. Ц. 20 к.

Брюсовъ, Валерій.—Вѣнокъ. Стихи: 1903—1905 гг. М. 906. Ц. 2 р.

Бутенко, Влад.—Утро, трагед. въ 3 д. Од. 905.

Быховскій, В. В.—Въ эпоху довѣрія. Спб. 906. Ц. 1 р.

В., Ф.—Буква Ѣ въ курсѣ народной школы. М. 901. Ц. 5 к.

Ванъ-Ворстъ, Б и М.—Американскія работницы. Спб. 906. Ц. 50 к.

Веселкова-Кильштеттъ, М.—Стихи и пьесы. Спб. 906. Ц. 2 р.

Виноградовъ, Н. Д.—Философія Давида Юма. Ч. I: Теоретическая философія. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Галкинъ, М. А.—Практическій скотолечебникъ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 30 к.

Гладковъ, Б. И.—Толкованіе Евангелія. Спб. 906. Ц. 1 р. 60 к.

Годлевскій, С. Ф.—Свобода и право. Къ вопросу объ основахъ всенароднаго избранія представителей Россіи. Спб. 906. Ц. 20 к.

Головнинъ, проф. Д. Н. — Мысли объ основахъ реформы высшей школы. М. 906. Ц. 20 к.

Горыничъ, А. — Еврейскій и польскій вопросы въ Россіи и ихъ разрѣшеніе. Спб. 906. Ц. 20 к.

Дербекъ, Ф. А.—Исторія чумныхъ эпидемій въ Россіи съ основанія государства до настоящаго времени. Спб. 905.

Доброхотовъ, Ан.—Деспотія коммунистическаго строя. Посвящается пролетаріямъ всѣхъ странъ. М. 906. Ц. 10 к.

Долгова, Е. — Флоренція. Картинныя галереи. I. Уффици. Съ 20-ю рис. М. 904. Ц. 85 к.

——— II. Галерея Питти. Академія художествъ. Музей С. Марко и др. Спб. 905. Ц. 1 р.

Жагадисъ.—Облака. Поэма. М. 905. Ц. 65 к.

Запанковъ, Н. А.—Учитель народной школы. Спб. 906.

Зомбартъ, В.—Промышленный рабочій вопросъ. Съ нѣм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 906. Ц. 25 к.

Измайловъ, В.—По горячимъ слѣдамъ. Банкометы. Разсказы. Спб. 906. Ц. 3 к.

Исаевъ, А. А.—Смута и земельный вопросъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

——— Характеръ русской революціи. Спб. 906. Ц. 15 к.

Кабанессъ и *Л. Насъ*. — Революціонный неврозъ. Съ франц. Д. Ф. Коморскій. Спб. 906. Ц. 2 р.

Кревецький, Іван.—Корифеі росийськоі критики і украинське письменство. I. В. Г. Белінский. У Львови. 905. Ціна 50 сот.

Кудринскій, Ѳ.—Литовцы. Вильна, 906. Ц. 30 к.

Лассаль, Ферд. — Капиталъ и трудъ. Перев. Э. Зиновьевой. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 75 к.

Лермонтовъ, М. Ю.—Полное собраніе сочиненій. Изд. п. р. Арс. И. Введенскаго Т. IV: Драматическія произведенія. Спб. 906. Ц. за IV тома 3 р.

Менгеръ, А. — Право на полный продуктъ труда. Перев. О. Бужанскаго. Спб. 906. Ц. 30 к.

Менстровъ, М., свящ. — Единое на потребу. Бесѣда о небесномъ и земномъ. Спб. 905,

Миклашевскій, Ал.—Обязательное обученіе въ народной школѣ. Юрьевъ-Дерптъ. 906. Ц. 75 к.

Микулинъ, А. А.—Фабричная инспекція въ Россіи. 1882 — 1906 гг. Кіевъ, 906. Ц. 2 р. 25 к.

Миропольскій, О.—Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Составл. по распоряж. Военнаго Министра и по указаніямъ Коммиссіи Педагогич. Музея военно-учебныхъ заведеній. Изд. 9-е. Спб. 906. Ц. 15 к.

Модестовъ, В. И.—Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. лекцій по исторіи римской литературы, чит. въ кіев. и спб. университетахъ. М. 906.

Моррисъ, В.—Вѣсти ниоткуда, или эпоха счастья. Съ англ. А. П. Спб. 906.

Нагуевскій.—Изъ жизни музеевъ. Каз. 906.

Нижегородцевъ.—Русскіе коммунисты-духоборы. М. 906. Ц. 5 к.

Нодо, Л. — Письма о войнѣ съ Японіею. Перев. съ франц. Н. Логовъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Оленовъ, Мих.—Такъ называемый „кризисъ марксизма". Ч. I: „Кризисъ" теоріи. Ч. II: „Кризисъ" русскаго марксизма. Спб. 906. Ц. 1 р.

Першке, Л. Л.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ, и поступленіе акцизнаго по краю дохода за 1904 годъ. Тифл. 905.

Пименова, Э.—Страна сфинксовъ и пирамидъ. Египетъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

По, Эдгаръ.—Собраніе сочиненій, въ переводѣ съ англ. К. Д. Бальмонта, т. II. Разсказы, статьи, отрывки, афоризмы. М. 906. Ц. 1 р. 30 к.

Подъяпольскій, П.—О высокомъ вѣроятіи проявленія внушеній, заданныхъ родителямъ у дѣтей. Сарат. 905. Ц. 30 к.

Постниковъ, А. П.—Элементарный курсъ электротехники. Изд. 2-е. Съ 106 чертеж. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Рафаловичъ, Сергѣй.—Свѣтлыя пѣсни. Спб. 905.

Сперанскій, А. А. — Изъ литературы древняго Египта. Вып. I: Разсказъ о двухъ братьяхъ. Первоисточникъ сказаній о Кощеѣ. Спб. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Стасюлевичъ, М. — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. II. Періодъ второй: отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ. 768—1096 гг. Третье изданіе. Спб. 906. Стр. 910. Ц. 3 рубля съ пересылкою.

Строевъ, Н.—Историческій моментъ. II. Крестьянскій съѣздъ. Спб. 906. Цѣна 25 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 3-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фланденъ, Э. — Политическія учрежденія современной Европы. Англія—Бельгія. Перев. Н. Лихаревой. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фоссъ, М. — Морская война. Съ черт. Перев. П. Гельмерсенъ. Спб. 906. Цѣна 2 рубля.

Хоценовъ, К. С. — Опытъ простого изъясненія трагедіи Шекспира „Макбетъ". Пск. 905. Ц. 30 к.

Штутцъ, Ульрихъ.—Церковное право. Перев. п. р. Евг. Темниковскаго. Яросл. 905. Ц. 2 р.

Щепкина, Е.—Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XX вѣка. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р.

Щетининъ, кн. Г. А. — Въ московскомъ университетѣ. Изъ недавняго прошлаго. М. 906. Ц. 15 к.

Юринъ, Н. Т. — Что такое кредитное товарищество и какъ его организовать въ деревнѣ. Саратовъ, 905.

Якубовичъ, П. (Л. Мельшинъ). Стихотворенія. Т. II: 1898—1905. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

Stackelberg, Bar. G. — Die Methoden des proportionalen Wahlsystems und deren Anwendbarkeit bei landschaftlichen Wahlen in den baltischen Provinzen. Pet. 906.

— „Библіотека для всѣхъ", С. Н. Рутенбергъ: 1) Парвусъ, Настоящее политическое положеніе и виды будущаго, ц. 3 к. 2) А. Бебель, Общество будущаго, ц. 55 к. 3) Сѣдой, Д., Промышленная жизнь Англіи въ XVIII и XIX ст., ц. 30 к. 4) Р. З., Великая французская революція, ц. 10 к. 5) Ф. Д., Всенародное Учредительное собраніе, ц. 15 к. 6) М. Н. К., Исторія парижской коммуны 1871 года, ц. 20 к. 7) А. Тунъ, Исторія революціонныхѣ движеній въ Россіи. Перев. Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Библіотека нашихъ дѣтей: 1) Игнатьевъ, И., Ботаническіе очерки, кн. 1 и 2. Ц. 40 к. 2) Ульяновъ, А., Въ акробаты. Ц. 6 к. 3) Ивашкевичъ, А., Побѣгъ. Ц. 6 к. 4) Ульяновъ, А., Въ ученьи. Ц. 6 к. 5) Сысоевъ, В., Сказки животныхъ, кн. 1 и 2. Ц. 55 к. Спб. 906.

— Библіотека „Общественной пользы": 1) М. А. Рейснеръ, б. проф. Томскаго университета, Государство и вѣрующая личность, ц. 2 р. 50 к.; 2) П. Масловъ, Аграрный вопросъ въ Россіи, ч. I: Общія условія сельскаго хозяйства; ч. II: Крестьянское хозяйство въ Россіи, ц. 2 р. 50 к.; 3) Фридманъ, Наша финансовая система, ц. 50 к.; 4) В. М. Гаршинъ, Трусъ, ц. 5 к. 5) Ф. Нефедовъ, Зигда, ц. 3 к.; 6) В. М. Гаршинъ, 1. Плѣнница. 2. Attalea princeps, ц. 2 к.; 7) Его же, То, чего не было; Лягушка-путешественница; Сказка о жабѣ и розѣ, ц. 3 к.; 8) Ф. Нефедовъ, Въ туманѣ, ц. 10 к.; 9) Д. Айзлинъ, Исторія одного преступленія, ц. 4 к.; А. Дживелеговъ, Очерки по исторіи Германіи, 1866—71 гг., ц. 30 к.; 10) В. Гаршинъ, Четыре дня. Спб. 906. Ц. 3 к.

— Библіотека просвѣщенія: 1) Зомбартъ, В., Рабочій вопросъ, съ нѣм. С. Брусовъ. Ц. 27 к. 2) Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи, Н. И. Сувирова. Ц. 49 к. 3) Нищета философіи. Отвѣтъ на „Философію нищеты" Прудона. Соч. К. Маркса Ц. 39 к. 4) Большіе города, ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей. Спб. 906. Цѣна 44 коп.

— Государства и народы Европы: 1) Англія. Этнографическій очеркъ. Съ 15 рис. Спб. 906. Ц. 10 к. 2) Германія. Е. Э. Сно, съ 15 рис. Спб. 906. Цѣна 10 коп.

— Дѣло наслѣдниковъ Л. А. Крона съ Ж. В. Кронъ. Спб. 906.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1905. Т. IV, вып. 1—2. Спб. 905.

— Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича: Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. I: вып. IV. Спб. 905.

— Изданія Е. Д. Кусковой: 1) С. Прокоповичъ, Союзы рабочихъ и ихъ задачи. Спб. 905. Ц. 7 к. 2) Р. Бланкъ, Классовая борьба и Политическія коалиціи. Спб. 905. Ц. 25 к.

— Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго Губернскаго Земства за 1865—1899 гг. Вып. II. Херс. 905.

— Какъ надѣлить крестьянъ землею? Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ", въ связи съ политикою агр. программъ другихъ партій. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1903 г. Херс. 905.

— Матеріалы подворной переписи Полтавской губерніи въ 1900 году: 1) Золотоношскій уѣздъ; 2) Лохвицкій уѣздъ. Полт. 905.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1904 годъ. Годъ XIX. Полт. 905.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организація врачебной помощи въ Россіи за 1903 г. Спб. 905.

— Памяти Чехова. Общество любителей русской словесности. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

— Письмо В. Бѣлинскаго къ Н. Гоголю. Спб. 905. Ц. 5 к.

— Политическій строй современныхъ государствъ. Т. II: Сборникъ статей В. И. Водовозова, Б. Вышеславцева, Діонео, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго и др. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

— Пѣсни ста поэтовъ. Японская антологія. Спб. 906.

— Русскій біографическій словарь, изд. подъ наблюд. Предсѣдателя Имп. Русск. Историч. Общества А. А. Половцова: 1) Дабеловъ — Дядьковскій; 2) Обезьяниновъ — Очкинъ; 3) Плавильщиковъ — Примо; 4) Чаадаевъ—Швитковъ. Спб. 905.

— Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя. М. 906. Ц. 50 к.

— Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Кн. I. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей въ 2-хъ губ. и въ 2-хъ обл. очереди 1904 г., за 1904 годъ. Спб. 905.

— Университетъ и политика. Изданіе Союза студентовъ Спб. университета и „Академическаго Союза слушательницъ Спб. высшихъ женскихъ курсовъ“. Спб. 906. Ц. 75 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Schnitzler. Zwischenspiel. Komödie. Berlin, 1906 (S. Fischer Verlag).

Артуру Шнитцлеру больше всего удаются психологическія пьесы—съ вопросами, обращенными къ человѣческой душѣ, но безъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Онъ умѣетъ открывать всяческія „возможности“ для сложныхъ человѣческихъ чувствъ и показывать внутреннюю правду кажущихся противорѣчій, которыя обыкновенно служатъ объектомъ для возмущенія со стороны моралистовъ. Иногда, впрочемъ, Шнитцлеръ самъ выступаетъ въ роли моралиста и строгаго судьи человѣческихъ поступковъ, изрекаетъ приговоры и назначаетъ кары; но тогда онъ утрачиваетъ истинную мудрость художника, которому все понятно и доступно въ человѣческой психикѣ, и становится банальнымъ проповѣдникомъ житейскаго благоразумія. Такимъ прорицателемъ азбучныхъ истинъ Шнитцлеръ былъ въ своей пьесѣ „Одинокій путь“, написанной какъ бы для иллюстраціи скучной пословицы: „что посѣешь, то и пожнешь“. Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать его возвращеніе на путь художественной правды, не столь опредѣленной и практичной, какъ житейскія сентенціи, но глубже проникающей въ духовную жизнь человѣка.

Новая пьеса Шнитцлера носитъ названіе „Интермеццо“ (Zwischenspiel) и приближается къ типу его прежнихъ острыхъ, вызывающе-смѣлыхъ художественныхъ пьесъ, каковы: „Зеленый попугай“, „Анатоль“ и др.; въ нихъ дѣйствіе происходитъ на тонкомъ, какъ остріе, рубежѣ между противоположными началами, управляющими жизнью, между правдой и ложью, между любовью и гнѣвомъ, и т. д.

„Интермеццо“ названо комедіей, но это обозначеніе—слегка ироническое. Такъ какъ въ пьесѣ не происходитъ никакихъ катастрофъ, а психологическая развязка опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ лицъ, то авторъ, отдавая дань обычному отождествленію драмы съ внѣшними катастрофами, а комедіи—съ благополучнымъ исходомъ, называетъ свою пьесу комедіей только потому, что драматизмъ ея скрытъ въ душахъ и противорѣчитъ житейскому благоразумію.

Еслибы комедія Шнитцлера была средневѣковой „моралитэ“, гдѣ выступаютъ въ роли дѣйствующихъ лицъ отвлеченныя понятія, управ-

ляющія событіями, то пьесу можно было бы озаглавить: „Искренность, Свобода и Судьба". Психологическій замыселъ пьесы, т.-е. ея жизненная правда, заключается именно въ противоположеніи другъ другу этихъ трехъ понятій. Люди хотятъ быть искренними; они столь заносчивы, что вѣрятъ въ свою свободу, въ то, что они сами создали ее для себя; но судьба, т.-е. сила, ведущая человѣка къ невѣдомой для него самого цѣли, безконечно переплетаетъ и осложняетъ мотивы дѣйствій и самыя дѣйствія: правда жизни осуществляется, но не такая, какою ее хотѣли сотворить „искреннія и свободныя" два существа, а разрушительная для нихъ обоихъ, противоположная ихъ ожиданіямъ.

Этотъ психологическій замыселъ углубляется философской мыслью, положенной въ основу психологическаго эксперимента. Для Шнитцлера правда жизни заключается въ отсутствіи соизмѣримости правды желаній съ правдой фактовъ. Есть логика совершающихся событій и даже дѣйствій человѣка, но надъ нею человѣкъ не властенъ, и она ему не судья. Другими словами, поступки человѣка, соотвѣтствующіе или противоположные его собственному мѣрилу добра, не характерны для него. Важны только внутреннія побужденія, все равно, осуществились ли они или нѣтъ. Правда желаній—единственное психологическое мѣрило человѣка, рѣшающее его отношенія къ міру. Эту правду желаній Шнитцлеръ и приводитъ въ столкновеніе съ вопросомъ о свободѣ и искренности. Получается рядъ вопросовъ объ осуществимости свободы, противоположной остротѣ желаній, объ искренности и правдѣ, и главное, о соотношеніи психологическихъ мотивовъ и жизненныхъ фактовъ. Отвѣтовъ, какъ всегда, у Шнитцлера нѣтъ. Въ „Интермеццо" дѣйствіе, начинающееся съ внѣшняго конфликта и будто бы легкаго его разрѣшенія, постепенно углубляется, по мѣрѣ того, какъ внѣшнее рѣшеніе переходитъ въ фактъ внутренней жизни и тамъ создаетъ неожиданныя осложненія. Къ концу комедіи въ сущности внѣшнимъ образомъ ничто не мѣняется. Подтверждается только рѣшеніе, принятое вначалѣ, но такъ какъ оно прошло черезъ душевную борьбу, то изъ внѣшняго факта стало проявленіемъ выстраданной правды души.

Дѣйствующія лица комедіи—мужъ и жена, которые строятъ свою жизнь на началахъ полной обоюдной свободы и искренности. Ихъ связываетъ взаимная любовь и, кромѣ того, общая артистическая дѣятельность. Онъ—композиторъ и капельмейстеръ въ оперномъ театрѣ, гдѣ поетъ его жена, выдающаяся пѣвица, которая пользуется всюду большимъ успѣхомъ. Онъ считаетъ ее идеальной исполнительницей своихъ композицій; она преклоняется передъ его талантомъ, и, кромѣ того, поетъ охотно только то, что̀ онъ съ ней прошелъ. У нихъ есть

маленькій сынъ, и семейная жизнь ихъ кажется имъ идеаломъ мудрости; они увѣрены, что предохранили себя отъ всякихъ тяжелыхъ сюрпризовъ чувства. Но сразу опредѣляется различіе между композиторомъ Амадеусомъ и его женой Сециліей. Амадеусъ вполнѣ спокоенъ. Онъ знаетъ, что разъ навсегда между нимъ и женой рѣшена полная взаимная откровенность, что оба они свободны по взаимному соглашенію,—и ему кажется, что этими рѣшеніями все сдѣлано. Съ нимъ кокетничаетъ молодая графиня, съ которой онъ разучиваетъ оперныя партіи; она даже утверждаетъ, что Амадеусъ въ нее влюбленъ, но онъ все время говоритъ ей: „Развѣ вы не знаете, какія отношенія у меня съ женой; какъ мы другъ другу все говоримъ; какъ мы свободны,—и какъ мы, поэтому, не знаемъ постороннихъ увлеченій?“ Фредерика—такъ зовутъ графиню—слегка подсмѣивается надъ его увѣренностью и теоретичностью, но, видимо, не теряетъ надежды побѣдить его строгость къ себѣ, доказавъ ему, что болѣе искренно было бы съ его стороны подчиниться своему чувству къ ней: въ его влюбленности она не сомнѣвается. Своему другу, драматургу Альберту, который дразнитъ его флиртомъ съ графиней, онъ тоже убѣжденно говоритъ про устойчивость своего семейнаго счастья, основаннаго на взаимной искренности. Онъ наглядно иллюстрируетъ свой жизненный принципъ тѣмъ, что свободно и безъ ревности говоритъ о своемъ бывшемъ ученикѣ, молодомъ князѣ, другѣ его жены. Но когда мужъ и жена остаются вдвоемъ, то оказывается, что ихъ семейное счастье далеко не такъ безоблачно. Мужъ все говоритъ о прочности ихъ союза, обезпеченной ихъ полной откровенностью другъ съ другомъ. Но жена не утѣшается вѣрой въ искренность, основательно доказывая мужу, что не въ передачѣ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было заключается незыблемость чувства. На требованіе мужа разсказать ему въ точности, какъ и о чемъ она говорила со своимъ молодымъ поклонникомъ, Сецилія отвѣчаетъ, что въ передачѣ словъ внутренняя ихъ правда какъ-то ускользаетъ, и получается нѣчто другое. Въ бесѣдѣ супруговъ несостоятельность этой принципіальной откровенности ясно обнаруживается. Амадеусу кажется, что онъ абсолютно искрененъ. Онъ повторяетъ каждое слово своихъ разговоровъ съ графиней, въ то время какъ жена далеко не такъ опредѣленно говоритъ о своихъ бесѣдахъ съ княземъ Сигизмундомъ. А между тѣмъ видно, что изъ нихъ двоихъ болѣе вѣрна жена и болѣе легкомысленъ мужъ, хотя онъ и прославляетъ удивительную прочность ихъ семейнаго союза. Сецилія не разспрашиваетъ его, такъ какъ она не вѣритъ въ значеніе внѣшней искренности, чувствуя, что правда сложнѣе, чѣмъ ее можно выразить. Она чувствуетъ, что отношенія ея съ мужемъ измѣнились, хотя онъ этого не замѣчалъ до ея словъ. Наконецъ, послѣ

сухихъ разспросовъ о Сигизмундѣ съ его стороны и ея осторожныхъ разспросовъ, подкрѣпляющихъ ея грустныя предположенія, они договариваются до рѣшительнаго объясненія. Сецилія первая говоритъ о томъ, что пришла минута осуществить провозглашенный ими принципъ свободы и разойтись. Она рѣшается на это, увѣренная, что мужъ разлюбилъ ее; онъ же увѣренъ, что она требуетъ свободы изъ любви къ Сигизмунду. Онъ сейчасъ же соглашается. Сециліи даже кажется, что онъ слишкомъ поспѣшно начинаетъ восторгаться свободой ихъ отношеній; но она поддерживаетъ иллюзію и настаиваетъ на полной свободѣ. Мужу ея ихъ взаимное довѣріе представляется истинной побѣдой надъ обычной психологіей супружествъ, основанныхъ на притворствѣ и лжи. Онъ раньше говорилъ Альберту, что считаетъ болѣе достойнымъ предоставить другъ другу свободу, чѣмъ побѣждать въ себѣ новыя чувства и влеченія во имя принципа вѣрности. Такого рода вѣрность кажется ему мелкимъ компромиссомъ. Теперь, когда наступаетъ моментъ подтвердить на дѣлѣ свое теоретическое пониманіе свободы, Амадеусъ мнитъ себя на высотѣ положенія. Все случилось какъ по писанному: онъ не чувствуетъ ревности и гордится своей внутренней побѣдой, одержанной благодаря искренности отношеній. Одного только онъ не видитъ—того, что искренность между ними совершенно внѣшняя. Въ душѣ Сециліи происходитъ драма разбитой любви, а онъ объ этомъ не подозрѣваетъ. Самъ онъ думаетъ, что искренно поглощенъ однимъ только чувствомъ къ женѣ; въ дѣйствительности же въ данную минуту его больше интересуетъ легкій флиртъ съ графиней. Такимъ образомъ, какъ всегда въ удачныхъ пьесахъ Шнитцлера, происходитъ идеологическая игра, балансированіе между кажущимся и истиннымъ. Снаружи—искренность, побѣда свободы, благородство мужа, предоставляющаго свободный выборъ женѣ, а въ дѣйствительности — скрытая подъ свободой драма обманутой любви. Кажущійся подвигъ мужа на самомъ дѣлѣ—жертва, которую онъ принимаетъ отъ жены.

Послѣ объясненія съ Сециліей мужъ ея чувствуетъ внутреннее облегченіе. Всѣ сомнѣнія разрѣшены. Онъ хочетъ, чтобъ они разошлись друзьями—и даже совсѣмъ не разошлись. Какъ друзья, они могутъ имѣть общій домъ, куда она будетъ пріѣзжать, уставшая отъ жизни, и повѣрять ему все, что у нея на душѣ. Сецилія—противъ этого плана; она, въ сущности, уходитъ отъ мужа изъ гордости, думая, что онъ ее не любитъ, и требуетъ для себя свободы только для того, чтобы освободить его. Но онъ настаиваетъ, указывая на артистическую связь между ними, которая не должна быть порвана изъ-за ихъ личныхъ отношеній. Наконецъ они рѣшаютъ провести лѣто врозь и потомъ устроить свою жизнь каждый отдѣльно, оставаясь друзьями.

Это рѣшеніе вполнѣ удовлетворяетъ легкомысленнаго композитора и кажется ему торжествомъ мудрости и свободы. Гораздо печальнѣе его жена, передъ которой онъ чувствуетъ себя столь правымъ и благороднымъ, потому что ея рѣшеніе—не теоретическое, а связанное съ дѣйствительнымъ чувствомъ.

Настоящая драма на фонѣ столь легкомысленно провозглашеннаго принципа свободы разыгрывается съ половины второго дѣйствія. Прошло лѣто и часть осени, и въ теченіе этого времени мужъ и жена разно пользовались предоставленной ими другъ другу свободой. У мужа разыгрался романъ съ графиней и даже уже кончился, не оставивъ слѣдовъ въ его душѣ. Онъ легко относится къ жизни, думая, что таково же отношеніе къ жизни его жены, и не подозрѣвая серьезности ея любви къ нему. Онъ ждетъ ее домой послѣ долгаго отсутствія. Дѣйствіе происходитъ въ Вѣнѣ, а она пѣла съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ и посылала ему оттуда письма съ самыми точными отчетами о всѣхъ событіяхъ и переживаніяхъ своей жизни. Въ телеграммѣ, полученной имъ передъ ея выѣздомъ изъ Берлина, она сообщаетъ о своемъ необычайномъ успѣхѣ и о блестящихъ предложеніяхъ, которыя ей дѣлаютъ, приглашая ее въ берлинскую оперу. Амадеусъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ее домой, и ему хотѣлось бы, чтобы она не уѣзжала изъ Вѣны, пока онъ самъ не освободится и не сможетъ уѣхать вмѣстѣ съ нею. Онъ знаетъ, что князь Сигизмундъ былъ съ нею въ Берлинѣ, но не ревнуетъ, относясь къ ней принципіально только какъ къ другу. При этомъ, однако, онъ и думать не хочетъ о разводѣ, и возмущается, когда его пріятель разсказываетъ ему, что въ газетахъ пишутъ о томъ, что жена его выходитъ замужъ за князя Сигизмунда. Свѣтскія сплетни, связанныя съ его именемъ и съ именемъ его жены, мало его безпокоятъ; онъ считаетъ себя и ее выше условныхъ понятій чести. Но разводъ кажется ему безсмыслицей; онъ слишкомъ дорожитъ ихъ свободно-дружескими отношеніями. Послѣ разговора съ пріятелемъ онъ съ особымъ волненіемъ поджидаетъ жену. Она пріѣзжаетъ, и тогда обнаруживаются осложненія, непредвидѣнныя его спокойной теоріей свободы. Чувства Сециліи—ясныя; она не переставала любить мужа и теперь имѣетъ большее нравственное право заботиться о немъ, чѣмъ раньше, когда нѣкоторыя ея заботы могли быть приписаны ревности. Она спокойно разспрашиваетъ его о романѣ съ графиней, узнаетъ о его мимолетности,—и теперь, вѣря въ искренность охлажденія къ графинѣ, радуется, но скрываетъ это, притворяясь только участливымъ другомъ. Сила чувства и правда любви заставляютъ ее поступиться той искренностью, которую ея мужъ считалъ основой единственно правдивыхъ и цѣнныхъ отношеній. Какъ участливый другъ, она заботится о томъ, чтобы уберечь мужа

отъ опасныхъ послѣдствій его легкомысленнаго увлеченія—о томъ, чтобы среди бумагъ графини не осталось его писемъ, которыя могли бы возбудить подозрѣнія мужа графини. Онъ незадолго передъ тѣмъ убилъ на дуэли бывшаго возлюбленнаго своей жены, узнавъ о его связи съ нею уже послѣ того, какъ все давно кончилось. Сецилія боится, чтобы та же участь не постигла и ея мужа, и болѣе озабочена этимъ, чѣмъ полагается „только другу". Но Амадеусъ не догадывается объ истинныхъ чувствахъ жены, и увѣренъ, что она занята своей любовью къ Сигизмунду, въ чемъ, однако, ее не винитъ, продолжая относиться къ ней объективно, дружественно. Онъ разспрашиваетъ ее о Берлинѣ, узнаетъ, что она проводила все время съ Сигизмундомъ, о чемъ она разсказываетъ совершенно спокойно. Но онъ спрашиваетъ ее уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, дѣйствительно ли она выходитъ замужъ за графа. Она опять входитъ въ роль свободной, легкомысленной женщины, говоритъ, что жизнь ея полна соблазновъ и что она вовсе не стремится ихъ побѣждать. Она доказываетъ, что не выходитъ замужъ за Сигизмунда главнымъ образомъ потому, что не увѣрена въ прочности своего чувства къ нему, и намекаетъ на свое новое увлеченіе пѣвцомъ, съ которымъ она пѣла въ Берлинѣ. Психологическій интересъ этой сцены заключается въ томъ, что въ ней опять перемѣшивается правда мотивовъ и желаній съ призрачностью фактовъ. Сецилія по прежнему любитъ своего мужа; въ то время какъ онъ легкомысленно и свободно отдавался другимъ увлеченіямъ, считая ихъ какъ бы внѣ психологіи, не нарушающими союза съ Сециліей, она оставалась ему вѣрна, и всѣ ея намеки, ея легкомысленный образъ жизни никакой фактической правды не содержатъ. Но въ нихъ есть нѣчто для нея самой весьма существенное. Фактически она клевещетъ на себя—нарочно, только потому, что считаетъ любовь мужа потерянною. Но все, что она говоритъ о своихъ желаніяхъ, о волѣ, открытой для соблазновъ—правда, и это для нея самой—смерть ея прежней свободной любви къ мужу. Опять завязывается чисто Шнитцлеровскій узелъ внѣшней и внутренней правды, искреннихъ и призрачныхъ отношеній. Мужъ увѣренъ въ томъ, что жена его стихійно свободна въ своихъ инстинктахъ и подчиняетъ имъ свою жизнь, а между тѣмъ факты, по которымъ онъ судитъ, не существуютъ. Въ дѣйствительности, однако, т.-е. въ своихъ истинныхъ влеченіяхъ, она такова, какой ему представляется—и въ этомъ для нея опредѣленіе ея судьбы.

Новая встрѣча супруговъ создаетъ совершенно новыя отношенія. Только легкомысліе и самонадѣянность Амадеуса даютъ ему увѣренность, что своими формулами свободы они разъ навсегда осилили судьбу. На самомъ дѣлѣ ихъ психологія мѣняется при измѣнившихся

обстоятельствахъ. Слушая слова жены о чувствахъ и желаніяхъ, владѣющихъ ею, и о ея мнимыхъ жизненныхъ переживаніяхъ, Амадеусъ не узнаетъ свою прежнюю, удовлетворенную семейнымъ счастьемъ жену. И эта новая, сложная и, какъ ему кажется, болѣе опасная въ своей вызывающей задорности и красотѣ женщина начинаетъ ему нравиться болѣе чѣмъ когда-либо. Въ немъ пробуждается страсть къ Сециліи. Онъ пересталъ любить ее прежней спокойной любовью, „свободно" отрекся отъ нея и сталъ въ ней цѣнить только друга. Теперь онъ видитъ въ „другѣ" новую женщину, плѣняющую его—и высказываетъ это ей. Онъ увѣренъ, что далеко не безразличенъ и ей. „Мы давно,—говоритъ онъ,—перестали относиться другъ къ другу какъ мужъ и жена, — мы рѣшили легко относиться къ жизни, быть свободными и принимать всякое счастье, которое намъ посылаетъ судьба. Неужели же мы будемъ столь безумны или столь трусливы, что откажемся отъ величайшаго счастья, которое открывается для насъ?" Сецилія для него теперь не жена, которую онъ когда-то любилъ, а женщина, соблазнившая его: ее онъ хочетъ отнять у другихъ. И тутъ, когда судьба заставляетъ его вернуться къ женщинѣ, отъ которой онъ спокойно и свободно ушелъ, онъ видитъ только торжество своего принципа свободы, случай проявить свое легкое эпикурейское отношеніе къ жизни. Но на этотъ разъ судьба оказывается сильнѣе и подчиняетъ его закону страданій, отъ которыхъ вѣра въ свою свободу не спасаетъ его. Сецилія сопротивляется его страсти, проситъ его образумиться, потому что она уже не такъ сильна и стойка, какъ прежде, и можетъ поддаться соблазнителю, даже зная, что губитъ себя этимъ. Но онъ ослѣпленъ охватившей его страстью, не понимаетъ ея психологіи, требуетъ „свободнаго счастья", — въ которомъ она ему не отказываетъ, хотя глубоко опечалена вульгарнымъ финаломъ ихъ свободной любви.

Въ третьемъ актѣ разыгрывается душевная трагедія, вызванная неожиданной перемѣной въ чувствахъ Амадеуса къ женѣ. Вмѣстѣ съ возродившейся страстью измѣняется и его принципъ свободы. Онъ продолжаетъ вѣрить всему, что̀ жена говорила о себѣ и своей жизни въ Берлинѣ, но теперь это для него нестерпимо. Любовь отодвинула на задній планъ мысли о свободѣ и искренности, какъ основахъ брака. Онъ чувствуетъ, что или долженъ навсегда уѣхать отъ женщины, къ которой уже не можетъ относиться какъ къ другу, не предъявляя требованій вѣрности и взаимности,—или вызвать на дуэль князя Сигизмунда, такъ какъ одинъ изъ нихъ долженъ исчезнуть изъ жизни Сециліи. На этой мысли онъ останавливается, и явившагося къ нему друга посылаетъ съ вызовомъ къ князю, предоставляя выбрать какой угодно предлогъ. Женѣ своей о принятомъ имъ рѣшеніи онъ сообщить не можетъ, такъ какъ оказывается, что ея нѣтъ дома, — она очень

рано ушла, сказавъ, что вернется къ обѣду. Амадеусъ уже ревнуетъ,—принципъ свободы, довѣрія, искренности уже не властенъ надъ нимъ. Но въ то время какъ онъ ждетъ друга съ отвѣтомъ, ему докладываютъ о приходѣ князя Сигизмунда. Онъ пораженъ, — но принимаетъ его, и бесѣда съ нимъ приноситъ ему великую радость. Онъ узнаетъ, что Сигизмундъ дѣйствительно любитъ Сецилію, но ея взаимностью никогда не пользовался. Ея сдержанность онъ даже объяснялъ себѣ тѣмъ, что она считаетъ себя связанной съ мужемъ, пока носитъ его имя,—хотя мужъ своимъ свободнымъ образомъ жизни и даетъ ей собственно право на полную свободу. Князь предлагаетъ Амадеусу дать разводъ женѣ,—для того, чтобы тогда князь могъ добиться ея руки. Теперь же онъ не рѣшается даже бывать въ ея обществѣ, чтобы не скомпрометировать ее. Амадеусъ прежде всего счастливъ, узнавъ, что его опасенія напрасны, и объясняетъ молодому князю, что отнынѣ его заботы о чести Сециліи и его намѣреніе вызывать на дуэль всякаго, кто усомнится въ ея добродѣтели,—будь это даже ея мужъ,—излишни. Объ этомъ позаботится онъ самъ. Князь почти счастливъ тѣмъ, что вызвалъ гнѣвную отповѣдь Амадеуса, потому что это служитъ залогомъ счастья любимой имъ женщины. Онъ понимаетъ теперь, что его роль въ ея жизни была чисто служебная,—что онъ былъ нуженъ ей только для того, чтобы вернуть любовь мужа. Онъ это и говоритъ Амадеусу. У мужа открываются наконецъ глаза на дѣйствительно глубокое чувство жены. Теперь, послѣ ухода князя, онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ жену, счастливый тѣмъ, что отнынѣ можетъ воскреснуть съ обновленной силой ихъ прежняя любовь. Приходъ Сециліи еще болѣе усиливаетъ его надежды. Оказывается, что она была у графини Фредерики, чтобы выпросить у нея письмо, которое могло скомпрометировать его въ глазахъ графа, и представляло такимъ образомъ опасность въ виду пылкаго нрава графа. Письмо она принесла, и Амадеусъ разрываетъ его, умиленный этимъ новымъ доказательствомъ любви Сециліи. Онъ разсказываетъ ей обо всемъ, что̀ случилось за ея отсутствіе, и говоритъ съ увѣренностью объ ожидающемъ ихъ теперь счастьи любви.

Но на это слѣдуетъ отповѣдь Сециліи, слегка напоминающая отвѣтъ и уходъ Ибсеновской Норы, только съ тою разницей, что Нора уходитъ отъ оскорбленій, нанесенныхъ ея чистой душѣ компромиссами практическаго жизненнаго благоразумія, а Сецилія оскорблена не средой, а тѣмъ, что въ душѣ ея мужа—и въ ней самой—проснулась темная сила, убившая ихъ свѣтлую любовь. Мужа она считаетъ виновнымъ въ томъ, что онъ опошлилъ ихъ прошлое банальной любовной авантюрой, прельстившись тѣмъ, что̀ ему показалось въ ней новаго. Себя же она казнитъ за желанія, дѣйствительно родившіяся въ ея

душѣ, хотя любовь къ мужу удерживала ее отъ слѣдованія имъ. Она отказывается отъ любви мужа въ тотъ моментъ, когда прочно завоевала ее. Въ этомъ отказѣ нѣтъ отвѣта на тайну любви и на вопросъ о томъ, что̀ составляетъ ея истинную основу. Напротивъ того, въ немъ заключается вопросъ: свобода, истина, любовь съ ея властными требованіями—какъ разрѣшить этотъ узелъ, который судьба завязываетъ въ чувствахъ людей, ищущихъ истины и добра? Отвѣтъ одинъ: трагическая правда страданій искупаетъ всѣ противорѣчивыя желанія, приближаетъ къ той цѣли, которая лежитъ внѣ сознательной воли и управляетъ событіями. Правду страданія избираетъ и Сецилія, навсегда отказавшись отъ вернувшагося къ ней любимаго мужа.

II.

Hermann Bahr. Der arme Narr. Schauspiel. Wien, 1906. Carl Konegue Verlag.

Германъ Баръ—одинъ изъ самыхъ чуткихъ популяризаторовъ современныхъ философскихъ идей. Помимо теоретической разработки ихъ, онъ, главнымъ образомъ, отражаетъ ихъ въ художественномъ творчествѣ, и въ этомъ—интересъ его беллетристическихъ произведеній, въ особенности его драматическихъ пьесъ, пользующихся большимъ успѣхомъ на сценѣ. Баръ не оригиналенъ, не даетъ новыхъ рѣшеній—и дѣйствительной глубины въ немъ нѣтъ. Но онъ умѣетъ затронуть новыя темы, интересно поставить вопросъ, освѣтить жизненное положеніе, воплощающее этическія и эстетическія чаянія современнаго человѣка, — и поэтому замыслы его пьесъ всегда интересны. Его любимая тема, разработанная въ нѣсколькихъ пьесахъ („Атлетъ", „Мастеръ" и другихъ)—вопросъ о томъ, умѣетъ ли современный человѣкъ быть дѣйствительно свободнымъ, и какъ относится общество къ исключительно свободнымъ личностямъ. Другая тема Бара—борьба индивидуализма съ деспотизмомъ общественности. Ее онъ разрабатываетъ въ прогремѣвшей у насъ драмѣ „Министръ". Затѣмъ онъ безконечно варьируетъ въ множествѣ драмъ и комедій вопросы о свободѣ въ области любви, вѣрности, ревности, во всемъ, что́ требуетъ переоцѣнки въ нашемъ современномъ пониманіи. По существу, конечно, это—дальнѣйшее развитіе индивидуалистическихъ драмъ Ибсена,—но Баръ вноситъ въ свою разработку смѣлость доведенныхъ до конца выводовъ изъ современныхъ ученій. Отвѣты Бара, слишкомъ догматичные—большей частью ортодоксально-ницшеанскіе—и поэтому болѣе отвлеченные, чѣмъ жизненные, не передаютъ психологической

сложности мотивовъ, управляющихъ дѣйствительностью. Замыслы его поэтому, въ большинствѣ пьесъ, выше его разрѣшеній.

Новая пьеса Бара типична для него въ этомъ отношеніи. Въ ней взято очень смѣлое противопоставленіе, поставленъ острый, отвлеченно и жизненно интересный вопросъ, взята жизнь въ яркомъ ракурсѣ, выясняющемъ условность общепризнанныхъ критеріевъ правды и правоты. Всѣ мотивы драмы сопоставлены самобытно. Но самая идея драмы, т.-е. философскій отвѣтъ автора на поднятый имъ вопросъ, вкладывается въ рамки опредѣленнаго ученія; онъ—банально-ницшеанскій, и хотя крайне эффектно—въ сценическомъ смыслѣ—заканчиваетъ пьесу, но разочаровываетъ несоотвѣтствіемъ оригинальности замысла.

Одноактная драма Бара носитъ названіе „Der arme Narr“ (Жалкій безумецъ). Противопоставлено въ ней то, что̀ называется въ жизни благоразуміемъ, практичностью, положительностью, — тому, что̀ считается глупостью, фантазерствомъ, иногда безнравственностью, иногда безуміемъ. Къ этимъ двумъ полюсамъ жизни можно свести все, что̀ включается въ понятія объ идеализмѣ и позитивизмѣ. Баръ ополчается противъ мнимо-праваго позитивизма, во имя праваго по существу—хотя бы даже вопреки видимости—идеализма. Но не это оригинально въ его драмѣ. Художественное творчество всегда славило и возводило на пьедесталъ идеалистовъ, не умѣющихъ справляться съ практическими задачами. Во имя вѣчной справедливости творческая фантазія художниковъ—иногда и народная фантазія—изображала этихъ пасынковъ жизни съ ея практической моралью любимцами судьбы, оберегающей ихъ, покровительствующей имъ. Всѣ „чистые глупцы“ старыхъ сказаній и наивные, не преуспѣвающіе въ жизни идеалисты, съ ихъ благородными несбыточными мечтами, воплощаютъ нравственное торжество идеализма—если не въ дѣйствительности, то въ мечтахъ человѣчества о преображенной дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи романтики сходятся съ новѣйшими индивидуалистами; героизмъ, подвиги альтруизма и самоотреченія, также какъ культъ личности съ ея отстаиваніемъ своей свободы—представляютъ собою одинаковое прославленіе наджизненнаго идеализма, противоположнаго торжеству срединности.

Но Баръ освѣщаетъ этотъ вѣчный мотивъ оригинальнымъ жизненнымъ положеніемъ, и самобытность его—въ драматизмѣ психологическаго узла, составляющаго содержаніе пьесы. Позитивизмъ воплощенъ въ драмѣ въ лицѣ крупнаго комерсанта Винцента Гайста. Онъ очень честенъ и всю жизнь провелъ въ неукоснительномъ исполненіи того, что̀ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Теперь, въ концѣ жизни, онъ задумывается надъ тѣмъ, дѣйствительно ли онъ правъ въ своихъ

жизненныхъ принципахъ. Онъ устраиваетъ сравненіе своихъ жизненныхъ итоговъ съ жизненными итогами другого человѣка,—своего же брата, стоящаго на противоположномъ полюсѣ, служившаго не долгу, а своей волѣ; эта провѣрка и составляетъ содержаніе драмы. У Винцента Гайста есть два брата. Съ дѣтства и въ молодости Винцентъ былъ полной противоположностью своихъ двухъ братьевъ, имѣющихъ много общаго другъ съ другомъ. Винценту съ дѣтства говорили, что нужно ограничивать свои желанія, работать, думать о дѣлѣ, а не о себѣ, знать, что жизнь тяжела, пріучать себя къ лишеніямъ и т. д. Онъ всему этому вѣрилъ и подчинялся строгимъ требованіямъ своего отца. Но тотъ же отецъ допускалъ своеволіе въ его младшихъ братьяхъ, которые считались избранными натурами; одинъ былъ музыкантъ, другой обладалъ данными для того, чтобы блистать въ жизни и завоевать счастье. Они имѣли на все право; имъ позволялось не подчиняться закону труда и ограниченія желаній. „Нужно не мѣшать ихъ полету", „нужно ихъ понимать",—отвѣчали Винценту, когда онъ возмущался и протестовалъ противъ различнаго отношенія къ себѣ и къ другимъ. Но онъ ничѣмъ не выдѣлялся, считался неталантливымъ, и его воспитали для труда и строгаго выполненія долга. Всю молодость онъ чувствовалъ горечь противъ баловней судьбы, не обреченныхъ, какъ онъ, приносить всѣ личныя радости въ жертву долгу, но результаты его и ихъ жизни доказали ему его правоту. Привычка къ труду сдѣлала Винцента солиднымъ дѣльцомъ, и онъ, къ которому относился пренебрежительно даже его собственный отецъ, преуспѣлъ въ жизни, сдѣлался достойнымъ владѣльцемъ фирмы, стоявшей высоко при его отцѣ и дѣдѣ. А жизнь его столь талантливыхъ и блестящихъ братьевъ сложилась, напротивъ того, печально. Одинъ изъ нихъ, музыкантъ Эдуардъ, полюбилъ въ ранней молодости недостойную женщину; ослѣпленный страстью, онъ дошелъ до того, что доставалъ деньги для своей возлюбленной — кражею изъ кассы своего же отца. На него донесъ главный бухгалтеръ, его предали суду, и онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Великодушіе Винцента выразилось въ томъ, что, по отбытіи наказанія Эдуардомъ, онъ взялъ его къ себѣ, далъ ему занятіе въ дѣлѣ, причемъ его положеніе въ домѣ—крайне скромное, даже приниженное. Весь городъ знаетъ о великодушіи Винцента, и Эдуардъ тоже признаетъ его доброту къ себѣ и благодаренъ ему за то, что онъ пріютилъ его у себя. Еще печальнѣе судьба красавца Гуго, котораго всѣ звали „свѣтлымъ" за его красоту и обаяніе: онъ прожигалъ свою молодость, но рано очутился въ психіатрической лечебницѣ въ качествѣ неизлечимаго душевно-больного.

Одинъ только Винцентъ прожилъ жизнь въ сознаніи своей правоты. Теперь онъ старъ и ждетъ смерти. Онъ радуется, что можетъ

умереть спокойно—безъ раскаянія. „Въ этомъ—красота жизни",—говоритъ онъ нотаріусу, котораго призвалъ для составленія завѣщанія. Наслажденія заманчивы, но они развѣваются какъ прахъ. „Я правъ,—повторяетъ онъ.—Отказываться и страдать—вотъ долгъ человѣка, и кто исполняетъ его, тотъ силенъ. Я умираю въ этомъ сознаніи—и я правъ. Я не хотѣлъ бы умереть какъ люди, у которыхъ цѣлью жизни была радость". Свой жизненный принципъ онъ хочетъ распространить и на свое потомство, и потому дѣлаетъ очень жестокое завѣщаніе: свое состояніе онъ завѣщаетъ дочери, девятнадцатилѣтней Софіи, но только въ томъ случаѣ, если она согласится выйти замужъ за пятидесятилѣтняго бухгалтера Густера—того, который служилъ еще при отцѣ Винцента и возбудилъ дѣло противъ Эдуарда. Его знанію дѣла Винцентъ довѣряетъ, и такъ какъ самое главное для него—благосостояніе его торговой фирмы, то онъ можетъ умереть спокойно, только передавъ дѣла въ надежныя руки старика. Поэтому, если дочь Винцента не согласится стать женой Густера, то наслѣдство перейдетъ къ нему, а она останется ни съ чѣмъ. Такъ какъ по всѣмъ разговорамъ Софіи, по ея привязанности къ ея несчастнымъ дядямъ видно, что она не поступитъ благоразумно, не согласится на бракъ со старикомъ, ненавистнымъ ей, какъ доносчикъ на Эдуарда, то очевидно, что отецъ изъ преданности дѣлу лишаетъ ее наслѣдства. Это ясно и для него; онъ знаетъ, каковы ея наклонности, симпатіи и взгляды,—но для него дороже торжество благоразумія и практичности, и потому онъ дѣлаетъ такое завѣщаніе, чтобы оно обязывало его дочь поступить благоразумно или лишиться всего. Даже нотаріусъ даетъ ему ясно понять безсердечность его поступка; но онъ считаетъ себя безусловно правымъ и спокойно ждетъ смерти, исполнивъ свой послѣдній долгъ, т.-е. обезпечивъ дальнѣйшее процвѣтаніе фирмы. Но теперь у него есть еще одно желаніе, и онъ ждетъ его исполненія. Онъ попросилъ, чтобы врачъ психіатрическаго заведенія, въ которомъ содержится его братъ Гуго, привелъ ему больного на свиданіе. Всѣ, конечно, приписываютъ это желаніе свидѣться съ Гуго естественному братскому чувству, но Винцентъ признается нотаріусу, въ чемъ дѣйствительная причина его желанія повидать брата, котораго онъ называетъ „жалкимъ безумцемъ". Онъ разсказываетъ нотаріусу про этого брата, котораго врачъ согласился привести только вечеромъ, такъ какъ онъ не переноситъ дневного свѣта и плачетъ, когда видитъ солнце. „Подумайте, — разсказываетъ онъ нотаріусу, — ему только сорокъ лѣтъ, и онъ—совершенная развалина. Отъ свѣтлаго, сіяющаго красавца остался жалкій, плачущій безумецъ"... „Но не думайте,—продолжаетъ онъ,—что я попросилъ привести его изъ жалости къ нему... Я не сентименталенъ. Отъ этого меня жизнь оту-

чила... Но мнѣ нужна провѣрка, доказательство моей правоты. Я на это имѣю право. Я хочу увидѣть рядомъ его жизнь и мою. Теперь, въ концѣ, я хочу поставить ихъ рядомъ и смѣрить. Увидимъ тогда. Пусть онъ, сіяющій, станетъ передо мной, который всегда во всемъ себѣ отказывалъ. Тогда будетъ видно. Онъ такъ гордился красотой своей жизни. Но самое важное—красота смерти. Увидимъ, кто достигъ ея".

Въ этомъ ожиданіи брата, „жалкаго безумца", сосредоточенъ главный драматизмъ пьесы. Позитивизмъ, не увѣренный въ себѣ, тяготѣющій къ противоположному полюсу жизни, къ идеализму, его разрушающему, и стремленіе позитивизма къ самооправданію черезъ пораженіе идеализма—эти соотношенія двухъ вѣчныхъ основныхъ началъ жизни очень сильно и художественно возсозданы въ готовящейся встрѣчѣ двухъ братьевъ.

Гуго приходитъ въ сопровожденіи врача. Въ сценическомъ отношеніи встрѣча и разговоръ братьевъ очень сильны. Идутъ долгія приготовленія передъ появленіемъ „жалкаго безумца"; сначала входитъ докторъ и даетъ инструкціи Винценту и Софіи, какъ обращаться съ Гуго, и тогда только появляется онъ самъ. Съ его приходомъ сразу становится яснымъ отвѣтъ автора на вопросъ о томъ, кто правъ: тотъ, кто во имя благоразумія проповѣдуетъ отреченіе, или тотъ, кто ставитъ цѣлью жизни радость. Проповѣдникъ культа радости—„жалкій безумецъ" Гуго, и Баръ—всецѣло на его сторонѣ. Идеалъ Гуго—ницшеанскій: испить жизнь до дна и сдѣлать радость закономъ жизни.

Но есть въ словахъ Гуго оттѣнокъ, который отдѣляетъ его отъ обычнаго ницшеанства. Провозглашая законъ радости, Баръ славитъ, однако, не міръ реальной дѣйствительности, а мечты о мірѣ, красоту не воплощенную, а угадываемую вѣщей душой. Это уже идеализмъ, выходящій за предѣлы позитивной жизнерадостности ницшеанцевъ. Чтобы воплотить эту мысль, Баръ изображаетъ своего пророка радости—безумцемъ. И безуміе Гуго заключается въ томъ, что онъ любитъ не тотъ міръ, который его окружаетъ, а другой, болѣе яркій, болѣе прекрасный—и, какъ ему кажется, болѣе реальный—настоящій. „Зачѣмъ вы это дѣлаете, докторъ?"—говоритъ онъ своему врачу, когда тотъ его вводитъ въ домъ его брата, т.-е. въ домъ, гдѣ Гуго прожилъ свое дѣтство и юность.—„Зачѣмъ вы все еще подвергаете меня испытаніямъ? Вѣдь пора же наконецъ знать. Вы все ѣздите со мной и хотите меня обмануть, но вѣдь я сразу замѣтилъ, что это поддѣлка... и плохая поддѣлка. Поддѣльныя улицы, поддѣльные дома. Все подмѣнили. Я вѣдь помню, отлично помню. Вы не уничтожите въ моей памяти моего прекраснаго міра вашей дешевой, плохой поддѣлкой. О, мой прекрасный, сіяющій міръ!"

И вотъ этотъ безумецъ съ своей мечтой о несуществующемъ прекрасномъ мірѣ оказывается счастливѣе и мудрѣе своего благоразумнаго брата, призвавшаго его для провѣрки своего превосходства. Гуго только въ первыя минуты подавленъ дѣйствительностью и кажется жалкимъ, угнетеннымъ. Онъ скоро справляется съ новыми для его больной воли впечатлѣніями и начинаетъ ощущать свое „я", возвышающееся надъ человѣческими слабостями. „Мнѣ радостно,—говоонъ.—Другое, скорби человѣческія, споры, все это глубоко подо мной... а я лечу, улетаю въ упоеніи. Я опять чувствую *себя*"... Гуго называетъ брата „бѣднымъ Винцентомъ", не знающимъ истины, т.-е. радости, и, впадая въ экстазъ, поетъ диѳирамбъ жизни: „Нужно съ гордостью пѣть ей хвалу и погрузиться глубоко въ ея пучины, чтобы брызги летѣли,—опуститься глубже, на дно... тамъ Богъ... погрузиться въ святыя, дышащія присутствіемъ Божіимъ, пучины жизни. Оттуда, со дна, я добылъ сіяніе людямъ. Но нужно сначала потонуть—иначе этого не узнать. Нужно горѣть въ огнѣ жизни... нужно изжить жизнь до смерти" (sich todtleben). Этому оргіастическому диѳирамбу жизни приданъ отчасти характеръ бреда, но вѣщаго, таящаго въ себѣ истину бреда. Винцентъ чувствуетъ, что торжество—не на его сторонѣ, и когда Гуго называетъ брата „жалкимъ безумцемъ", то Винцентъ внутренно соглашается, что изъ нихъ двухъ безумнѣе—и болѣе достоинъ сожалѣнія—тотъ, кто отвергъ радость. Винцентъ побѣжденъ—онъ завидуетъ безумцу, поющему гимны жизни. Въ этомъ—„мораль" драмы. Баръ прославляетъ въ ней идеализмъ съ его трагической первоосновой. Гуго—пророкъ радости, источникъ которой—не внѣшній міръ, а творчество духа, несоизмѣримое съ нормами дѣйствительности.— З. В.

ЗАМѢТКА.

Юбилейная литература о Шиллерѣ.

1) Schillers sämmtliche Werke. Säkularsausgabe in 16 Bänden, herausgegeben v. Eduard v. der Hellen. Stuttgart u. Berlin, Cottasche Buchhandlung.

2) Mahrbacher Schiller-Buch. Zur hunderten Widerkehr von Schillers Todestag herausgegeben vom Schväbischen Schiller Verein.

3) Schillers Jugendfreunde, von Julius Hartmann, mit zahlreichen Abbildungen. Stuttgart u. Berlin, 1904.

4) Schiller, v. Otto Harnack, 3 Bände, 2-e verbesserte Auflage, 1905.

5) Charlotte von Schiller, v. Jacob Wychgram. Berlin, 1904. Mit fünf Kunstdrucken. Bidefeld und Leipzig.

6) Schiller. Dem deutschen Volke dargestellt v. Jacob Wychgram.

7) Schiller. Sein Leben und seine Werke. Von Karl Berger, 1-e B. München, 1905.

8) Schillers Dramen. Beiträge zu ihren Verständniss. Von Ludvig Bellermann. 3-e Aufl. Berlin, 1905.

Столѣтіе со дня смерти Шиллера вызвало обширную литературу, цѣлый рядъ изданій и статей, иногда весьма цѣнныхъ. Юбилей великаго поэта прошелъ, какъ извѣстно, въ Германіи довольно скромно, такъ какъ не нашелъ сочувствія въ оффиціальныхъ сферахъ. Иронія судьбы сказалась и въ этомъ случаѣ. Однако литературныя сферы въ Германіи не раздѣляли оффиціальной точки зрѣнія на Шиллера, а постарались ознаменовать его юбилей рядомъ значительныхъ изданій. Первое мѣсто слѣдуетъ отвести полному собранію сочиненій Шиллера извѣстной фирмы Котта.

Редакторъ изданія, фонъ-Гелленъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы мы могли признать его критическимъ, и положилъ немало упорнаго труда. Ему удалось достигнуть своей цѣли: настоящее изданіе можетъ считаться вполнѣ образцовымъ, какъ по исправности текста, такъ и превосходному введенію, составленному лучшими спеціалистами (Фестеръ, Кеттнеръ, Кёстеръ, Миноръ, Петерсенъ, Эрихъ Шмидтъ, Вальцель, Вейсенфельсъ). Особенною обстоятельностью отличается введеніе Минора (къ „Валленштейну“), Фестера (къ историческимъ сочиненіямъ Шиллера) и Вальцеля (къ „Вильгельму Теллю“).

Настоящее изданіе по цѣнѣ является общедоступнымъ, а по исполненію—классическимъ.

Весьма большой интересъ представляетъ сборникъ „Mahrbacher

Schillerbuch", заключающій 32 статьи, посвященныя Шиллеру, и многочисленныя иллюстраціи.

Большой томъ in 4° является образцовымъ и въ типографскомъ отношеніи. Наиболѣе интересными представляются статьи, заключающія новый матеріалъ о Шиллерѣ.

Вновь издано Эрихомъ Шмидтомъ письмо В. Гумбольдта, написанное подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Шиллера къ г-жѣ Сталь. Гумбольдтъ высказываетъ глубокую скорбь по поводу кончины Шиллера и называетъ его единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ, Гумбольдтъ, когда-либо любилъ (C'était le seul homme que j'aimais beaucoup sur la terre). По мнѣнію Гумбольдта, Шиллеру были свойственны лишь благородныя и возвышенныя стремленія: „Il n'y a jamais eu un homme, qui comme lui ne se nourissait jamais que de ce qu'il y avait de plus noble et de plus élevé, qui vivait uniquement dans la sphère des idées dont rien qui eût été commun ou vulgaire n'approchait jamais"... Гумбольдтъ говоритъ о любви Шиллера къ древнему Риму и превозноситъ личныя качества поэта (C'était le seul homme vraiment doux, vraiment humain, vraiment compatissant que j'aye jamais vu.) Въ концѣ разсматриваемаго нами изданія мы находимъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ документовъ: неизданныя письма Шиллера и письма къ Шиллеру (Виланда, Гофена, Конца, Гауга, Шубарта, Шиммельмана, Карла Августа, Гердера, Фойхта, Фосса и др.). Равнымъ образомъ мы находимъ много новыхъ данныхъ относительно послѣднихъ лѣтъ вдовства Шарлотты Шиллеръ въ изданной въ концѣ сборника ея перепискѣ съ Коттой. Заслуживаютъ вниманія интересныя статьи, имѣющія отношеніе къ біографіи Шиллера (Музей Шиллера въ замкѣ Грейфенштейнъ; Шиллеръ въ Людвигсбургѣ; Шиллеръ въ Карловой школѣ; Шубартъ и Шиллеръ). Изъ статей теоретическаго характера слѣдуетъ отмѣтить: „Schiller und die Bildende Kunst"; „Freiheit und Nothwendigkeit in Schillers Dramen: Wallenstein und Makbeth"; „Schillers Theatralismus"; „Schillers Balladentechnik". Но, независимо отъ перечисленныхъ, и другія статьи сборника имѣютъ выдающееся историко-литературное значеніе. „Mahrbacher Schillerbuch" представляетъ собою весьма замѣтное явленіе въ литературѣ о Шиллерѣ.

Сочиненіе Гартмана *о друзьяхъ юности Шиллера* не заключаетъ много новаго матеріала, но зато является полнымъ сводомъ біографическихъ данныхъ всѣхъ близкихъ къ Шиллеру людей и подробно излагаетъ ихъ отношенія къ поэту. Матеріалъ распредѣленъ по главнымъ моментамъ жизни Шиллера. Мы знакомимся съ его друзьями въ Лорхѣ, Людвигсбургѣ, Штутгартѣ и пр. Періодъ юности и молодости Шиллера получаетъ у Гартмана яркое освѣщеніе. Книга Гарт-

мана украшена множествомъ портретовъ главнѣйшихъ друзей, сподвижниковъ и учителей поэта. Гартманъ знакомитъ насъ и съ малоизвѣстными доселѣ друзьями Шиллера.

„Общедоступная біографія Шиллера" Гарнака (въ 3 изд.) даетъ полную картину жизни и дѣятельности поэта. Не претендуя на оригинальность, сочиненіе Гарнака считается со всѣми новыми данными о Шиллерѣ и изложено красивымъ и яснымъ слогомъ. Переводъ этой книжки на русскій языкъ весьма желателенъ.

Необыкновенно изящная книжечка Вихграма (Charlotte v. Schiller) представляетъ собою цѣльную и прочувствованно написанную біографію благородной супруги поэта. Вихграмъ доводитъ свое изложеніе до кончины Шарлотты Шиллеръ. Новыхъ матеріаловъ авторъ не вноситъ въ свое изложеніе, но чрезвычайно искусно и умѣло пользуется извѣстными фактами. Нельзя не согласиться съ заключительными словами автора: „Шарлотта ф. Ленгенфельдтъ имѣетъ полное право на почетную память своего народа, такъ какъ она олицетворяетъ въ своемъ лицѣ лучшее нравственное и духовное призваніе женщины; она была достойной спутницей нашего великаго поэта". Книга издана очень изящно и украшена превосходными портретами.

Тому же автору (Вихграму) принадлежитъ объемистая, прекрасно иллюстрированная біографія Шиллера, отличающаяся большой полнотою и общедоступностью изложенія. Большого таланта авторъ не проявляетъ и не особенно углубляется въ сюжетъ, но монографія его составлена весьма толково и общедоступно. Книга Вихграма выдержала уже нѣсколько изданій. Ею пользовалась и редакція „Библіотеки великихъ писателей" (г. Венгеровъ) при русскомъ изданіи Шиллера.

Сочиненіе Бергера о Шиллерѣ, первая часть котораго появилась въ 1905 г., напоминаетъ по плану и изложенію извѣстную монографію Бёльшовскаго о Гёте. Матеріалъ использованъ авторомъ во всей полнотѣ, но планъ книги не представляетъ собою ничего достопримѣчательнаго и не отличается цѣльностью и связностью. Книга является какъ бы рядомъ отдѣльныхъ этюдовъ, написанныхъ съ талантомъ и интересныхъ, но въ изложеніи автора нельзя уловить общей руководящей идеи. Къ достоинствамъ сочиненія Бергера относятся ясность и изящество изложенія, равномѣрное распредѣленіе деталей и отсутствіе экскурсовъ въ сторону.

Послѣдняя изъ указанныхъ нами монографій—„Чтенія о драмахъ Шиллера" Беллермана. Это сочиненіе (3 тома) выдержало три изданія. Авторъ анализируетъ всѣ драматическія произведенія Шиллера весьма добросовѣстно и обстоятельно. Нельзя, однако, сказать, чтобы сочиненіе Беллермана изобиловало оригинальными взглядами или достоинствами композиціи. Изложеніе отличается растянутостью и монотон-

ностью; подробныя изложенія содержанія пьесъ мы считаемъ излишними для нѣмецкаго читателя. Но критическіе взгляды Беллермана отличаются трезвостью, а планъ изложенія—большою ясностью; содержаніе сочиненія Беллермана легко потому усвоивается. Книги Беллермана —наиболѣе всесторонній и полный анализъ драмъ Шиллера и, какъ такой, надолго сохранятъ свое значеніе.

Вотъ всѣ главнѣйшія сочиненія юбилейной литературы о Шиллерѣ [1]).

Л. Шепелевичъ.

---

[1]) Въ нѣмецкихъ журналахъ за 1905 появилось также много цѣнныхъ статей о Шиллерѣ. Изъ иностранныхъ—особенный интересъ къ Шиллеру проявила итальянская журналистика.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1906.

Памятная годовщина. — Идейное значеніе событій 9-го января 1905 г. въ Петербургѣ и нѣсколько воспоминаній. — Петиція рабочихъ. — Георгій Гапонъ.—Арестъ „временнаго правительства".—Смѣна общественнаго настроенія.—Характерные показатели.—Что поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ?—Несостоявшееся тверское земское собраніе. — Новая народная газета. — Проф. Н. И. Стороженко, Р. А. Писаревъ, Н. А. Лейкинъ †.

9-е января 1905 года—день для Россіи историческій. Мало равныхъ ему по значенію дней было въ прошломъ; немного будетъ, навѣрное, и въ будущемъ. Не пролитой кровью онъ будетъ долго памятенъ. Не числомъ жертвъ—убитыхъ, раненыхъ и избитыхъ. Не тѣмъ даже, что войска стрѣляли въ безоружныхъ. Кровавыхъ дней минувшій годъ подарилъ намъ множество. Число жертвъ бакинскихъ событій, октябрьскихъ дней въ Одессѣ, Томскѣ и въ рядѣ другихъ городовъ — и декабрьской недѣли въ Москвѣ, не говоря уже о прибалтійскомъ краѣ, далеко превзошло количество погибшихъ и пострадавшихъ 9-го января на улицахъ Петербурга. Стрѣльба въ безоружныхъ много разъ потомъ повторялась. 9-ое января—это былъ день критическій. Критическій—для пережившей себя формы государственнаго строя. Еще болѣе критическій для политическаго сознанія и вѣры народа въ лицѣ всего городского рабочаго класса. Въ этотъ день реально обнаружилось, что идея самодержавія порабощена полицейско-бюрократическимъ режимомъ, что она въ немъ растворилась и исчезла. Въ этотъ день сотни тысячъ мистически настроенныхъ рабочихъ воочію убѣдились, что ихъ представленіе о царѣ, какъ полновластномъ источникѣ правды на землѣ и любви къ народу, какъ будто, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ихъ вѣра въ царя—отца угнетенныхъ и обиженныхъ—поколебалась. Ихъ послѣдняя надежда—пробить непосредственнымъ обращеніемъ стѣну, вѣками выросшую между верховной властью и народомъ—рухнула. Въ ихъ сознаніи раскрылась вся безжизненность стародавняго противоположенія: царь и народъ—чиновники и „господа". 9-ое января оторвало рабочій классъ отъ царя и сблизило съ „господами"—не съ хозяевами фабрикъ и заводовъ, а съ такими же, какъ они, представителями труда, только труда интеллектуальнаго.

Въ первыхъ числахъ января прошлаго года, Петербургъ узналъ впервые, что такое всеобщая забастовка. Одинъ за другимъ стали останавливаться заводы. Публика съ жадностью бросилась читать га-

зеты, сообщавшія, чтò дѣлается на окраинахъ и кàкъ протекаетъ новое—теперь уже такое привычное—явленіе. На газетныхъ столбцахъ общество увидѣло мало кому извѣстное имя священника Георгія Гапона. Оно узнало, что въ Петербургѣ существуетъ крѣпко сплоченная рабочая организація—„общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", имѣющее въ разныхъ частяхъ города одиннадцать отдѣленій. Оно съ удивленіемъ читало о собраніяхъ въ этихъ клубахъ для рабочихъ. Общее впечатлѣніе было самаго крайняго недоумѣнія. Было очевидно, что народилось что-то большое, грозное и важное. Но чтò именно и кàкъ—разобраться сразу было невозможно. Народилось—не въ студенчествѣ, не въ кругахъ интеллигенціи и вообще лицъ свободныхъ профессій—словомъ, не тамъ, откуда вышли въ свое время Крапоткинъ, Рысаковъ, Перовская, Каракозовъ и позже—Карповичъ, Сазоновъ, Балмашевъ. Народилось—въ той сѣрой массѣ окраиннаго городского населенія, отдѣльные лишь представители которой принимали участіе въ революціонныхъ вспышкахъ и иногда въ демонстраціяхъ—и то больше какъ любопытствующіе зрители, чѣмъ какъ активные дѣятели. Народилось—самостоятельно, безъ сторонней „преступной агитаціи",—напротивъ, не то подъ покровительствомъ, не то съ вѣдома полицейскихъ агентовъ. Народилось—и охватило многія тысячи людей тяжелаго физическаго труда... Кто слыхалъ про организацію среди рабочихъ, тотъ зналъ, что она—дѣло рукъ Зубатова и департамента полиціи. Извѣстно было, какъ въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціей, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя" лекціи. Извѣстно было, что, переведенный въ Петербургъ, Зубатовъ энергично дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и здѣсь, пока не попался въ какомъ-то злоупотребленіи. Въ памяти оставались депутаціи отъ рабочихъ, являвшіяся въ „Русское собраніе", и случаи обнаруженія между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ. Кто слыхалъ про священника Гапона, тотъ зналъ, что онъ—ставленникъ Зубатова, служилъ священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ и имѣлъ близкія сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Невольно вставалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ при всемогуществѣ полиціи и при ея руководительствѣ рабочія организаціи могли сдѣлаться революціонными, какъ могло революціонное въ нихъ движеніе развиться до полуполитической, полуэкономической всеобщей забастовки?.. Также какъ широкіе слои общества, недоумѣвали и газетные репортеры. По крайней мѣрѣ, недоумѣніе было общимъ тономъ ихъ отчетовъ. Рабочіе, видимо, всѣхъ постороннихъ чуждались, неохотно давали свѣдѣнія о своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, неохотно пускали на свои собранія. Стремленія Зубатова и его вдохновителей отдѣлить рабочихъ отъ „крамолы" упали

на благопріятную почву вѣкового недовѣрія къ „господамъ", и въ этомъ отношеніи имѣли очевидный успѣхъ.

Недолго обществу пришлось читать о ходѣ забастовки. Черезъ день или два послѣдовало циркулярное запрещеніе печатать о ней что̀ бы то ни было. Еще черезъ день или два забастовали и газеты. 8-го января стало извѣстно, что на другой день, въ воскресенье, рабочіе всѣхъ фабрикъ собираются идти къ Зимнему дворцу, чтобы лично вручить Государю петицію о своихъ нуждахъ. Неопредѣленныя объявленія отъ градоначальника, появившіяся на углахъ улицъ, подтверждали, что дѣйствительно готовится грандіозная манифестація противъ Зимняго дворца. Вечеромъ въ редакціи газеты „Наши Дни" собрались писатели, журналисты, нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и общественныхъ дѣятелей. Среди присутствовавшихъ былъ одинъ рабочій—представитель „общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ". Цѣлью собранія было выясненіе положенія и обсужденіе, что̀ можно и должно сдѣлать, главнымъ образомъ, для предотвращенія ожидаемаго на завтра кровопролитія. Оказалось, что люди, до сихъ поръ бывавшіе, если не непосредственно, то идейно, во главѣ всякихъ демонстрацій,—изъ нихъ многіе еще недавно вернувшіеся изъ ссылки—изъ губерній отдаленныхъ, или изъ Ревеля, Новгорода, Бѣлоострова и Сестрорѣцка—освѣдомлены почти такъ же мало, какъ и рядовые обыватели. Чувствовалась въ нихъ растерянность. Чувствовались ихъ готовность и желаніе слиться съ рабочими... Представитель рабочихъ говорилъ отрывочно и немного. Въ его словахъ звучала непоколебимая преданность „батюшкѣ" и вѣра въ „батюшку". „Батюшка" рѣшилъ идти къ дворцу, „батюшка" не хочетъ, чтобы съ рабочими были посторонніе—и такъ будетъ. На фонѣ его категоричныхъ и краткихъ заявленій особенно ярко выступали расплывчатость рѣчей и явная непрактичность предложеній ораторовъ, непрерывно смѣнявшихъ одинъ другого. То предлагалось послать депутатовъ къ Гапону, условиться съ нимъ и дѣйствовать завтра совмѣстно. На это заявляли, что Гапонъ неизвѣстно гдѣ проводитъ вечеръ и ночь, и что онъ совмѣстныя дѣйствія съ кѣмъ бы то ни было постороннимъ отвергаетъ. То раздавалось, какъ что-то серьезное и могущее имѣть успѣхъ, требованіе немедленно всѣмъ ѣхать по казармамъ и убѣждать офицеровъ и солдатъ завтра въ толпу не стрѣлять. То, наконецъ, предлагалось немедленно же составить сообща свободный, не считающійся съ цензурой, нумеръ газеты,—было даже придумано названіе,—напечатать его и черезъ посредство рабочихъ, которыхъ для этого „навѣрное" дастъ Гапонъ, распространить утромъ по городу въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Рѣшено было послать депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Святополкъ-Мирскому, и къ предсѣдателю комитета министровъ

С. Ю. Витте. Но и предложеніе выпустить свободный газетный нумеръ встрѣтило сочувственную поддержку большинства. А потому, когда въ число депутатовъ былъ предложенъ одинъ талантливый „передовикъ“, кто-то закричалъ: „нѣтъ, онъ долженъ остаться, онъ нуженъ для газеты“.

Депутація уѣхала. Нѣсколько человѣкъ поѣхали, все-таки, искать Гапона. Оставшіеся принялись обсуждать вопросъ о газетѣ. Судили долго и скучно. Все прибывали новыя лица. Появились иностранные корреспонденты. Вскорѣ вернулись ѣздившіе къ Гапону и сообщили, что видѣть его самого имъ не удалось, а тѣ изъ рабочихъ, которыхъ они видѣли, рѣшительно отказали, по полной безполезности затѣи, какъ поставить на работу наборщиковъ, такъ и командировать кого бы то ни было для разноски по городу газеты. Началось томительное ожиданіе возвращенія депутаціи. Разговоры естественно вертѣлись вокругъ завтрашняго дня. Что рабочіе громадной массой, и отъ Нарвскихъ воротъ, и отъ Московскихъ, и отъ Шлиссельбургскаго тракта, и съ Выборгской, и съ Васильевскаго-Острова, пойдутъ въ назначенный часъ къ Зимнему дворцу—было несомнѣнно. Выйдетъ ли къ нимъ Государь, или манифестанты будутъ встрѣчены нагайками, шашками и пулями—еще копошилось сомнѣніе. Оно исчезло, когда депутаты повѣдали печальный исходъ ихъ миссіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ депутаціи не принялъ. Его товарищъ заявилъ, что единственное средство предотвратить кровопролитіе—въ томъ, чтобы рабочіе отказались отъ ихъ намѣренія. Предсѣдатель комитета министровъ много говорилъ о своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать и чѣмъ-нибудь помочь. Ѣхать сейчасъ въ Царское и упрашивать Государя прибыть въ Зимній дворецъ и принять петицію рабочихъ—и мысли объ этомъ сановники не допускали. Кровь завтра будетъ неизбѣжно—съ этимъ ужаснымъ сознаніемъ всѣ оставили поздно ночью редакцію. Завтра—начало революціи. Чтò она дастъ? Въ чемъ выразится и во чтò выльется?..

Теперь извѣстно уже во всѣхъ подробностяхъ, какъ у Нарвскихъ воротъ раздался залпъ по процессіи съ хоругвями, образами и царскимъ портретомъ, какъ падали люди, какъ воздухъ огласился криками, стонами и мольбой. Извѣстно, чтò было въ теченіе всего дня на окраинахъ и въ центрѣ города. Извѣстно, какъ на рѣшеткѣ академическаго сквера послѣ залпа повисъ трупъ ребенка-мальчика безъ головы... Не будемъ перечислять всѣхъ ужасовъ... Возобновимъ въ памяти наши личныя впечатлѣнія.

Около часа дня Морская была почти пуста. Черезъ арку на площадь, хотя съ разборомъ, но пускали. Вокругъ дворца стоялъ пав-

ловскій полкъ. Одна рота того же полка и эскадронъ конногвардейцевъ расположились фронтомъ къ Адмиралтейскому проспекту. Эскадронъ кавалергардовъ—фронтомъ къ Пѣвческому мосту. Ружья еще были составлены въ козлы. Спѣшенные кавалеристы держали лошадей въ поводу. По площади лихо гарцовалъ молодой пѣхотный офицеръ. По Адмиралтейскому проспекту, за Невскимъ, виднѣлось движущееся море людской толпы. То же—за Пѣвческимъ мостомъ. На рѣшеткѣ Александровскаго сада и на деревьяхъ чернѣли фигуры, больше подростки и дѣти... Вотъ отъ толпы отдѣлилось нѣсколько людей. Ихъ схватили и ведутъ черезъ площадь къ воротамъ дворца. Малорослые, тщедушные мастеровые, въ потертыхъ пальто съ мерлушковыми воротниками, и вокругъ каждаго четыре-пять гвардейцевъ великановъ съ ружьями на перевѣсъ и штыками, обращенными къ „бунтовщику". Команда: „садись!" — „въ ружье!" — „палаши вонъ!" — командуетъ ротмистръ. Лязгъ тяжелыхъ палашей, и эскадронъ широкимъ галопомъ несется на толпу. Толпа дрогнула, повернула. Солдаты врѣзались въ нее... Эскадронъ вернулся. Толпа опять растетъ и приближается. Выходитъ рота. Сигналъ на рожкѣ. Ружья подняты... Команда—и противный сухой короткій звукъ ружейнаго залпа прорѣзалъ тишину. За первымъ залпомъ второй... У Пѣвческаго моста въ это время кавалергарды шли въ атаку... Черезъ часъ или два мы были на Гороховой и видѣли злобные глаза толпы, смотрѣвшей на ѣхавшаго въ саняхъ офицера. Одинъ рабочій даже бросился за санями. Потомъ—на Невскомъ слышали залпы отъ Полицейскаго моста...

Вечеромъ и ночью погруженный во мракъ городъ освѣщался кострами, у которыхъ грѣлись солдаты. Повсюду стояли военные заставы и караулы, ходили и ѣздили патрули... Въ „вольно-экономическомъ обществѣ" происходило многолюдное собраніе. Какъ и вчера, потребность переговорить, условиться и какъ-нибудь выйти изъ невыносимаго положенія зрителей совершающагося собрала не одну сотню людей. Прибавилась еще потребность подѣлиться жгучими впечатлѣніями дня. Опять были страстные, но безсодержательные разговоры. На собраніи присутствовалъ Георгій Гапонъ. Онъ пріѣхалъ переодѣтый, съ обстриженной головой и бородой, и не выдалъ своего инкогнито. Узнать его въ лицо никто не могъ—для собравшихся онъ былъ чужой человѣкъ иного міра. Только много времени спустя, стало извѣстно, что 9-го января вечеромъ онъ былъ въ вольно-экономическомъ обществѣ. Тогда же его присутствіе, кромѣ развѣ немногихъ посвященныхъ въ тайну лицъ, прошло незамѣтно.

Фактъ появленія Гапона, и именно 9-го января, въ среду́, которой онъ еще наканунѣ такъ упорно чуждался, былъ чрезвычайно знаменателенъ. Теперь, годъ спустя, этотъ фактъ выясняется, во всемъ

своемъ значеніи. Движеніе рабочихъ, которое, по мысли Гапона, должно было разрѣшиться идейнымъ сліяніемъ царя съ народомъ на Дворцовой площади, не было только отдѣльнымъ моментомъ общаго освободительнаго движенія, охватившаго Россію за три-четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Нѣтъ, оно было явленіемъ самостоятельнымъ, и эту самостоятельность Гапонъ ревниво оберегалъ. „Мы идемъ къ Тебѣ, Государь,—такъ начиналась петиція,—мы всѣ рабочіе и жители Петербурга, съ нашими женами, дѣтьми, отцами и матерями, идемъ къ Тебѣ просить правды и защиты. Мы бѣдны, забиты, обременены непосильнымъ трудомъ. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли и со дня на день все глубже и глубже становится наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ образованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы обезсилены". Въ дальнѣйшемъ изложеніи приводились, правда, просьбы и политическаго характера. Но черезъ всю петицію красной нитью проводилось, что пришли и просимъ *мы*. *Мы*—рабочіе, *мы*—Твой народъ, въ смыслѣ низшихъ слоевъ населенія. „Мы собрались передъ Твоимъ дворцомъ и просимъ: спаси насъ, не отказывай въ помощи Твоему народу, помоги ему разорвать путы безправія, нищеты и невѣжества, освободи его отъ невыносимаго гнета чиновниковъ. Разрушь стѣну, отдѣляющую Тебя отъ народа, чтобы онъ могъ, вмѣстѣ съ Тобой, управлять государствомъ, созданнымъ для счастья народнаго, того счастья, которое вырываютъ отъ насъ, оставляя на нашу долю только муки и униженіе".

Во всѣхъ этихъ словахъ ясно слышалось стремленіе обособить себя и свои дѣйствія отъ революціонныхъ элементовъ, въ обычномъ о нихъ у насъ представленіи, и отъ ихъ дѣйствій. Петиція заключала въ себѣ славянофильскую ноту, но не въ теоретической конструкціи доктрины, а въ той формулировкѣ, въ которой представленіе о царѣ живетъ въ сознаніи крестьянства и жило до 9-го января въ сознаніи городскихъ рабочихъ. „Если Ты не отвѣтишь на нашу просьбу—говорилось въ заключеніе,—тогда мы умремъ на этой площади, передъ Твоимъ дворцомъ. Намъ больше некуда идти, и передъ нами только двѣ дороги: одна ведетъ къ свободѣ и къ счастью, другая—въ могилу. Укажи, Царь, какимъ путемъ намъ идти, и мы пойдемъ, хотя бы онъ привелъ насъ къ могилѣ. Пусть наша жертва спасетъ измученную Россію. Мы, не колеблясь, принесемъ эту добровольную жертву".

Поголовная смерть всѣхъ рабочихъ Петербурга была, конечно, риторической фигурой. Человѣкъ не легко умираетъ. Пока въ немъ теплится хоть искра жизни, онъ живетъ и хочетъ жить. Для рабочихъ нашлась третья дорога. Георгій Гапонъ, душа движенія и его

олицетвореніе, разорвалъ съ прошлымъ, скинулъ санъ, снялъ рясу... и пришелъ въ „вольно-экономическое общество".

Въ учебникахъ исторіи любятъ гадать на тему: „если бы, то" и т. д. Что было бы,—спрашиваютъ,—если бы Государь 9-го января вышелъ на площадь передъ дворцомъ и принялъ петицію?—на то отвѣтить съ увѣренностью нельзя. Во всякомъ случаѣ, было бы не то, что происходило въ теченіе 1905 года. Событія несомнѣнно бы пошли по иному пути. Быть можетъ, надолго бы отсрочился манифестъ 17-го октября. Была ли бы обезпечена въ тотъ день личная неприкосновенность Государя? Съ абсолютной увѣренностью говоримъ: да! Утверждать противное, какъ это дѣлали высшіе представители власти, могли только тѣ, кто привыкли на все и на всѣхъ смотрѣть сквозь бумажную призму оффиціальныхъ донесеній и за нею не видѣть и не понимать самой простой человѣческой психологіи. Рабочіе боготворили царя, когда шли ко дворцу. Они были въ состояніи религіознаго экстаза. Они искренно вѣрили тогда, что имъ „больше некуда идти"...

Гапонъ — единственно крупное самобытное имя, которое создала русская революція. Послѣ 9-го января онъ эмигрировалъ за границу и, какъ писалось въ газетахъ, сталъ соціалъ-демократомъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ онъ снова былъ въ Петербургѣ, но не остался, а уѣхалъ. Гапону теперь въ Россіи дѣла нѣтъ — это видно изъ его писемъ. Въ немъ, все-таки, живъ священникъ русской деревни. Онъ вынужденъ былъ разорвать съ прошлымъ, но духовно переродиться въ одинъ день онъ оказался не въ силахъ. Такъ и изъ сознанія передовыхъ рядовъ крестьянства—фабричныхъ рабочихъ—не исчезъ идеалъ царя. 9-го января для нихъ началось сближеніе съ „господами". Завершится оно нескоро...

Въ ночь съ 10-го на 11-ое января были произведены обыски у депутатовъ, ѣздившихъ изъ редакціи „Нашихъ Дней" къ князю Святополкъ-Мирскому и къ С. Ю. Витте. Обысканныхъ немедленно увезли въ Петропавловскую крѣпость. Въ ихъ лицѣ было арестовано „временное правительство". Бо̀льшей несообразности, чѣмъ это арестованіе журналистовъ, ученыхъ и адвокатовъ, какъ „временнаго правительства", неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего образованнаго, невозможно было себѣ представить. Полиція имъ обнаружила изумительную неосвѣдомленность и непростительное непониманіе обстоятельствъ. Захватить депутатовъ было болѣе чѣмъ просто — при выходѣ отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ они всѣ оставили свои визитныя карточки. Никому только въ голову не пришло, что члены „временнаго правительства" такъ не поступили бы. Никто не подумалъ, что нѣтъ ничего общаго между просьбой предотвратить кровопролитіе и руководительствомъ активнымъ революціон-

нымъ дѣйствіемъ, каковымъ министры считали шествіе и манифестацію рабочихъ. Люди, которыхъ манифестанты чуждались, которые стремились раскрыть глаза правительству на истинное значеніе и на размѣры готовившагося событія, люди, которые неизмѣримо далеко стояли отъ оффиціозныхъ рабочихъ организацій, гдѣ зародилась, выросла и окрѣпла мысль придти съ петиціей къ Государю,—оказались сочтенными властью, когда событіе совершилось, его вдохновителями и виновниками. Для каждаго простого смертнаго одинъ перечень именъ арестованныхъ показывалъ всю несообразность ихъ ареста. А для власти потребовались недѣли заключенія и безконечные допросы, чтобы формально разсѣять миражъ, созданный растерянностью и испуганнымъ воображеніемъ.

Кстати—курьезъ, до сихъ поръ, кажется, еще не появлявшійся въ печати. У одного изъ арестованныхъ, бывшаго профессора университета, былъ найденъ при обыскѣ на столѣ „документъ": записка отъ профессора Б., приглашавшая придти вечеромъ черезъ нѣсколько дней. Арестованнаго по поводу записки, конечно, не спросили—„документъ" давалъ нить къ раскрытію всей крамолы. Въ дѣйствительности же дѣло было самое простое и ничуть не преступное. На 12-ое января предполагался обѣдъ въ честь полуторастолѣтней годовщины московскаго университета: устроители отмѣнили обѣдъ, и г. Б. пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ записавшихся, чтобы порѣшить, какъ быть съ собранными деньгами и съ сдѣланными заказами. Въ числѣ прочихъ онъ послалъ записку и арестованному члену „временнаго правительства". Ничего не зная о захватѣ „документа", приглашенные въ назначенные день и часъ собрались. Вдругъ дверь распахнулась, и на порогѣ комнаты показался полицейскій приставъ, за нимъ помощники его, околоточные и цѣлый отрядъ городовыхъ и дворниковъ. Раздалось внушительно-вѣжливое: „прошу всѣхъ остаться на мѣстахъ, я долженъ переписать присутствующихъ и произвести обыскъ; гдѣ хозяинъ?" Сконфуженный хозяинъ подошелъ. Принесли столъ, за который сѣли приставъ и его помощники. Городовые, съ видомъ людей, готовыхъ каждую минуту броситься на того, кто станетъ оказывать малѣйшее сопротивленіе, заняли выходы. Мысль о бомбахъ, явно тревожившая ихъ въ первую минуту, скоро, повидимому, перестала имъ давить на мозгъ. Начался опросъ. Первый назвалъ себя: „тайный совѣтникъ, академикъ"... Послѣ строгаго внушенія, что надо говорить, какой академіи академикъ,—приставъ спросилъ второго. Отвѣтъ: „дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ". Ни одного, кажется, изъ присутствующихъ не оказалось въ рангѣ ниже статскаго совѣтника. И все-таки былъ составленъ протоколъ, въ который занесли, что въ комнатѣ три окна и двѣ двери, и что въ ней было обнару-

жено двадцать-три человѣка, сидѣвшихъ на диванахъ, креслахъ и стульяхъ по стѣнамъ и около столовъ. Послѣ составленія протокола, почтенный старикъ-ученый съ трудно скрываемымъ волненіемъ напрасно спрашивалъ пристава: „чѣмъ мы можемъ оградить себя на будущее время отъ вашего появленія?“ Отвѣта онъ не получилъ.

Въ теченіе чуть не всего минувшаго года ходили слухи, что первая годовщина 9 января будетъ отмѣчена во всей Россіи событіями исключительной важности. Послѣ отмѣны революціонными организаціями вооруженной демонстраціи, предполагавшейся въ концѣ октября, прямо говорилось, что именно къ этому дню готовятся боевыя дружины, чтобы нанести послѣдній рѣшительный ударъ правительству. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не произошло. Представители, уполномоченные восемью организаціями, отказались отъ бурнаго ознаменованія годовщины и объявили на 9-е января только „всеобщій трауръ“. Но и это ихъ объявленіе не имѣло успѣха. По крайней мѣрѣ, въ уличной жизни Петербурга — „трауръ“ не бросался въ глаза. Магазины торговали, часть фабрикъ не работала, другая работъ не прерывала. Почему долгія ожиданія не сбылись и предположенія не оправдались? Отвѣтъ, думаемъ, простъ. Историческія событія по заказу не совершаются. Одно воспоминаніе о прошломъ фактѣ, какъ бы оно ни было интенсивно, еще не можетъ создать всего того, что̀ необходимо для духовнаго подъема массъ населенія на большую высоту, безъ чего невозможно направить ихъ ни на какія дѣйствія. Новый годъ засталъ настроеніе всѣхъ слоевъ общества, не исключая рабочихъ, на нисходящей вѣтви революціонной волны.

Признаки подготовлявшейся смѣны настроенія чувствовались уже съ ноября. Движеніе пошло послѣ 17-го октября слишкомъ ускореннымъ темпомъ для того, чтобы не вызвать въ обществѣ естественнаго утомленія и его результата — реакціи. Какъ нервное напряженіе отдѣльнаго человѣка имѣетъ предѣлъ, за которымъ наступаетъ потребность въ отдыхѣ во что бы то ни стало, такъ и общество—коллективный человѣкъ—не можетъ долго жить съ натянутыми нервами. Всего хуже для него несбывшіяся ожиданія. Нѣтъ большей ошибки, какъ вызывать усилія массъ на то, что̀ недостижимо. Чѣмъ шире и глубже цѣль, тѣмъ вѣрнѣе можно вызвать массу на усиліе — это правда. Но если цѣль поставлена чрезмѣрно широко, если, идя въ бой, боецъ переоцѣнилъ свои силы и недоцѣнилъ силъ противника, и цѣль потому осталась недостигнутой, то масса теряетъ вѣру даже въ правоту дѣла. Нельзя было говорить рабочимъ: „бастуйте, пока не будетъ созвано учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д.

голосованія и пока не будетъ введенъ восьмичасовой рабочій день". Это была грубѣйшая ошибка. Ибо объективная оцѣнка обстоятельствъ показывала, что ни учредительнаго собранія со всей полнотою власти, ни установленія восьмичасовой нормы рабочаго дня,—революціи добиться въ теченіе нѣсколькихъ дней не удастся. А это говорилось и говорилось не разъ. Потомъ торжественно объявлялось, что хотя и т. д., но, все-таки, „мы" побѣдили, или приблизились къ побѣдѣ. Объявлялись слова, которыя утѣшить, пожалуй, способны, и то болѣе авторовъ, чѣмъ тѣхъ, къ кому ихъ обращаютъ, но изгладить значеніе факта — никогда. Съ другой стороны, на общественное настроеніе не могли не подѣйствовать явные эксцессы революціи, вродѣ почтово-телеграфной забастовки, попытки подорвать народный кредитъ, вовлеченія въ борьбу среднихъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, самаго крупнаго и въ то же время самаго ужаснаго эксцесса—московскаго вооруженнаго возстанія.

Характернымъ показателемъ наступившаго колебанія въ отношеніяхъ общества къ революціи, со склонностью перемѣщенія симпатій слѣва направо, служитъ измѣнившійся тонъ реакціонной прессы. Нельзя не признать, что манифестъ 17-го октября поставилъ такія газеты, какъ „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ", въ крайне тяжелое положеніе. Все содержаніе ихъ credo, въ сущности, всегда исчерпывалось вѣрноподданническимъ долгомъ недопускающаго разсужденій повиновенія. У нихъ не было лучшаго оружія противъ враговъ, какъ раскрытіе неповиновенія или хотя бы неискренности въ повиновеніи. Имъ онѣ боролись, побѣждали—и благодаря своей „беззавѣтной" преданности торжествовали. И вдругъ не только „виды правительства" перемѣнились, нѣтъ—съ высоты самого престола раздалась непреклонная воля: „даровать незыблемыя основы гражданской свободы" и „установить, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Подчиниться этой волѣ или не подчиняться было для нихъ одинаково равносильно полному отказу отъ всего, что̀ ими писалось и твердилось много лѣтъ. Подчиненіе означало бы прямой отказъ отъ credo. Неподчиненіе—то же самое. Даже болѣе: если бы „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ" открыто заявили себя противниками новаго государственнаго строя, они бы вырвали изъ-подъ своихъ ногъ единственную опору. Строго говоря, имъ ничего не оставалось другого, какъ умереть. Такъ и поступилъ князь Мещерскій съ „Гражданиномъ". Газета прекратилась, и взамѣнъ ея стали выходить личные дневники издателя. Мы далеки отъ мысли утверждать, что послѣ 17-го октября въ Россіи не осталось мѣста для реакціонной печати. Во Франціи и болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ революціи немало старонниковъ

монархическаго абсолютизма, все еще не покидающихъ мечты о реставраціи, и немало исповѣдующихъ монархическія начала газетъ. Было бы странно, если бы у насъ сразу вымерли всѣ реакціонеры. Но ихъ роль перемѣнилась. Реакціонерамъ въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей", по содержанію ихъ воззрѣній, теперь мѣсто въ оппозиціи, и вѣрноподданническій долгъ уже не можетъ лежать въ основѣ ихъ политической аргументаціи. На смѣну прежнихъ реакціонныхъ газетъ должны народиться новыя—оппозиціонно-реакціонныя. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ.

Переходъ въ оппозиціонный лагерь, конечно, сопряженъ съ потерей выгодной позиціи. А потому реакціонная печать, пользуясь минутой смѣны настроенія въ обществѣ и открытаго возврата къ старымъ способамъ дѣйствій въ правительствѣ, изощряетъ всѣ силы остроумія, чтобы словами затемнить категоричный и ясный смыслъ манифеста 17-го октября, и доказать, что въ этотъ день ничего особеннаго не произошло. Манифестъ носитъ обычный заголовокъ и изданъ „самодержцемъ". Слѣдовательно, ни о какой перемѣнѣ формы государственнаго строя въ немъ не можетъ быть рѣчи и нѣтъ. Такова маловразумительная логика [1]).

Не менѣе, чѣмъ тонъ газетъ, измѣнился тонъ иныхъ заявленій, идущихъ изъ реакціонной среды. 1-го декабря, въ Царскомъ-Селѣ, Государю представлялись депутаціи отъ союза русскихъ людей, отъ монархической партіи, отъ союза землевладѣльцевъ, отъ общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, отъ совѣта редакціи журнала „Русское Крестьянство", отъ общества крестьянъ села Воробьевы-Горы подъ Москвой и синодальный миссіонеръ. Хотя „при выходѣ Государя Императора въ залъ всѣ депутаціи привѣтствовали Его Величество земнымъ поклономъ", т.-е. едва ли не намѣренно употребили вообще не требуемую придворнымъ этикетомъ форму привѣтствія, однако оба изъ опубликованныхъ ихъ адресовъ носили сдержанный характеръ и показывали, что, быть можетъ „скрѣпя сердце", но депутаціи, все-таки, и понимаютъ, и принимаютъ манифестъ 17 октября въ его истинномъ смыслѣ. „Воля Твоя для насъ, коренныхъ русскихъ людей, священна. Ей мы покоряемся. За Тобой пойдемъ, куда повелишь". Такъ начинался адресъ союза русскихъ людей. И эта вступительная фраза умаляла силу ссылки на „великія начала свободы народной, Тобой провозвѣщенныя манифестомъ отъ 26 февраля 1903 г." (не 17 октября и даже не 12 декабря 1904 г.). Также она умаляла силу просительнаго пункта: „созови великій земскій соборъ въ Москвѣ", „путемъ существующихъ сословныхъ выборныхъ учрежденій". Адресъ

[1]) См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе".

союза землевладѣльцевъ, носившій явный отпечатокъ впечатлѣнія только-что пережитыхъ погромовъ, не шелъ далѣе просьбъ о „безпощадной карѣ злоумышленниковъ, а въ особенности ихъ вожаковъ и сановныхъ попустителей всякаго ранга", объ увольненіи министерства графа Витте и о призывѣ „иныхъ исполнителей Твоей монаршей воли". Въ видѣ неяснаго намека только, безъ дальнѣйшаго развитія мысли, было сказано, что „манифестъ 17 октября возбудилъ во всѣхъ слояхъ преданнаго Тебѣ населенія существенное сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти". И въ отвѣтъ Государемъ Императоромъ было сказано: „Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу родину, что манифестъ, данный мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе моей непреклонной воли и актъ, не подлежащій измѣненію"... 23-го декабря, тамъ же представлялась коммиссія отъ „союза русскаго народа", состоявшая изъ 23 лицъ. Къ сожалѣнію, отчетъ объ этомъ пріемѣ не былъ оффиціально опубликованъ, и мы лишены возможности воспроизвести сущность адресовъ и устныхъ рѣчей. Но почти всѣ газеты воспользовались нарушеніемъ цензурныхъ правилъ органомъ „союза", газетой „Объединеніе", и отчетъ читателямъ навѣрное извѣстенъ. Вспомните, что̀ читалъ г. Дубровинъ, что̀ говорили гг. Майковъ, Булацель, Барановъ, Борисовъ и другіе! Что̀ говорили они не обинякамн и не намеками и къ чему взывали! Даже со стороны кн. Мещерскаго нѣкоторыя рѣчи встрѣтили рѣзкое осужденіе...

Сколько дней или мѣсяцевъ продлится реакція въ обществѣ?— Мыслимо ли отвѣтить на этотъ вопросъ! Близится весна, оживленіе природы послѣ зимняго сна, начало полевыхъ работъ и посѣва—и что̀ весна принесетъ деревнѣ, неизвѣстно. Близятся выборы—дѣло новое, невѣдомое—и какъ они пройдутъ, тоже неизвѣстно. А приподнять завѣсу надъ предстоящимъ хочется до боли...

Не страшна реакція внѣшняя—реакція правительства, какъ бы она тяжела ни была. Страшна реакція внутренняя—реакція въ общественномъ настроеніи и въ общественномъ сознаніи. Переутомленное и извѣрившееся общество—худшій врагъ освободительнаго движенія. Такому обществу свобода не нужна. Оно ея не хочетъ. Оно хочетъ одного: покоя. И если стремящееся къ реакціи правительство сумѣетъ въ такой моментъ дать покой, то его побѣда обезпечена... Сумѣетъ ли?— Признаковъ умѣнья не видно. Напротивъ, правительство дѣлаетъ все, чтобы революція не замерла. Его излишества не даютъ обществу ни

минуты спокойствія. Эксцессы и ошибки революціи понизили тонъ настроенія въ странѣ. Эксцессы правительственной власти его поддерживаютъ отъ окончательнаго паденія. Самый утомленный человѣкъ не можетъ не содрогаться, наблюдая безудержность въ расправѣ и ненужную кровожадность не въ борьбѣ, а въ какой-то дикой мстительности. Свобода печати—и нѣтъ газетъ. Типографіи запечатаны. Редакторы чуть не поголовно или осуждены, или ждутъ суда. Свобода собраній—и ихъ нѣтъ уже болѣе мѣсяца. Только 22 января, петербургскій градоначальникъ объявилъ, что отмѣняетъ свое распоряженіе отъ 13 декабря и впредь будетъ допускать собранія, „при условіи точнаго и неуклоннаго соблюденія" правилъ, изданныхъ тогда, когда свобода собраній еще не была провозглашена. Неприкосновенность личности—и обыски, аресты каждый день. Скоро всѣ казенныя зданія придется обратить въ тюрьмы. Законность—и произволъ, ссылки безъ суда, розги, нагайки. Въ Томскѣ распоряженіемъ командующаго войсками округа устраненъ отъ должности и затѣмъ, по докладу министра юстиціи, уволенъ „несмѣняемый" предсѣдатель окружного суда. Наконецъ — разстрѣлы. Разстрѣлы грубо противозаконные — въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ, въ Либавѣ, на Кавказѣ. Не убійства сопротивляющихся, нѣтъ—разстрѣлы, какъ казнь...

Изъ Феллина сообщаютъ „Рижскому Вѣстнику" [1]) о разстрѣляніи 53 человѣкъ—судомъ... штабсъ-ротмистра. „Въ городѣ было разстрѣлено 9 января 40 чел. и 11 января 13 чел. Сколько разстрѣлено въ уѣздѣ, пока неизвѣстно. Изъ числа разстрѣленныхъ 9 января 40 человѣкъ лишь 14 человѣкъ казненныхъ содержались въ тюрьмѣ, какъ участвовавшіе въ нападеніи на имѣніе Каббаль, феллинскаго уѣзда, и въ разгромахъ имѣній въ вейсенштейнскомъ уѣздѣ. Остальные 26 чел., извѣстные подъ кличкою „мазуриковъ", были арестованы въ г. Феллинѣ ночью передъ казнью и наканунѣ въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ постели. Приведенные въ тюрьму, они узнали, что обречены на разстрѣлъ. Упавъ на колѣни, они стали просить присланнаго на усмиреніе штабсъ-ротмистра о судѣ надъ ними и о пощадѣ. Но это, очевидно, было невозможно... Связанные по рукамъ, они вмѣстѣ съ выведенными изъ камеръ тюрьмы 14 арестантами, исповѣдовавшись и пріобщившись Христовыхъ тайнъ, направились на берегъ прилегающаго къ городу озера. Здѣсь у подножія развалинъ стариннаго замка зіяла громадная яма. Поодаль уже собралась довольно многолюдная толпа эстовъ, плакавшихъ, стонавшихъ и дрожавшихъ отъ страха. Придя къ ямѣ, всѣ обреченные на разстрѣлъ, съ искаженными отъ ужаса лицами, снова упали на колѣни предъ штабсъ-ротмистромъ,

---

[1]) Заимствуемъ изъ „Руси" отъ 19 января.

прося опять о судѣ и пощадѣ. Одинъ изъ нихъ, мѣстный ходатай по дѣламъ, хорошо говорившій по-русски, молвилъ съ сложенными руками: „Ваше превосходительство, судите насъ! Мы невиновны! Сошлите насъ на каторгу, на необитаемый островъ, мы будемъ работать день и ночь, но даруйте намъ жизнь!"... Но раздалась команда; первую шеренгу въ пять человѣкъ подвели къ ямѣ, поставили на колѣни, лицомъ къ ямѣ; раздалась команда: „заряжай!" и затѣмъ „взводъ, пли!" У нѣкоторыхъ казненныхъ слетали черепа и летѣли черезъ яму. Несмотря на то, что драгуны стрѣляли почти въ упоръ и въ затылокъ, нѣкоторые послѣ выстрѣла еще кричали и мучались, и ихъ изъ револьвера дострѣливалъ офицеръ. Не было возможности и силъ смотрѣть на эту картину, и послѣ разстрѣла первой шеренги многіе со слезами ушли. Такъ какъ эти 26 чел. были арестованы предъ казнью и разстрѣлены безъ суда, то о казни ихъ ходятъ толки, будто среди нихъ было немало неповинныхъ. Въ числѣ 14 казненныхъ также были два мальчика, 15 и 17 лѣтъ, сыновья одного эстонца изъ м. Оберпалена. Ихъ разстрѣляли вслѣдствіе того, что скрывшійся ихъ отецъ стрѣлялъ въ Оберпаленѣ въ офицера, хотѣвшаго войти въ его домъ съ солдатами, чтобы арестовать революціонеровъ. Теперь, какъ говорятъ, онъ разысканъ и арестованъ"... Чьи нервы выдержатъ такое испытаніе, какъ эта корреспонденція?!

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали: „За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ. Такъ не должно быть — быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ". Само собою разумѣется, намъ и въ голову не приходила возможность того безправія, которое творится во имя права...

Сессіи очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній нынѣ повсемѣстно опоздали. Въ законный срокъ, до 1 декабря, кажется, нигдѣ занятія собраній начаты не были. Въ теченіе декабря прошли собранія въ немногихъ губерніяхъ. Въ большинствѣ они были отложены на январь, а кое-гдѣ и на февраль.

Исключительность обстоятельствъ переживаемаго времени придаетъ особый интересъ и особое значеніе губернскимъ собраніямъ. Земства, какъ бы ни была неудовлетворительно поставлена система представительства въ нихъ, все-таки единственныя у насъ организаціи съ политическимъ прошлымъ и съ твердо установившимися традиціями общественнаго служенія. Города, въ этомъ отношеніи, всегда стояли

и стоять ниже земства. Только въ земствѣ можетъ найти отраженіе и всестороннее мѣстное освѣщеніе самый больной, самый трудный и самый колоссальный вопросъ—аграрный. Пока его освѣщала преимущественно одна сторона—дворянство. Или, пожалуй, и другая—крестьянство, если, впрочемъ, можно придавать цѣну случайно проникавшимъ въ печать отдѣльнымъ заявленіямъ крестьянскихъ обществъ, то составленнымъ по старому шаблону вѣрноподданническихъ приговоровъ, то по новому — отъ имени „гражданъ“ села такого-то, требующихъ упраздненія „института“ земскихъ начальниковъ и введенія „прогрессивнаго“ подоходнаго налога, и говорящихъ о „конъюктурѣ“ или объ учредительныхъ „функціяхъ“ (въ газетахъ какъ-то сообщалось, что въ Москвѣ у одного задержаннаго была найдена пачка заготовленныхъ крестьянскихъ приговоровъ, въ которыхъ было оставлено мѣсто только для названія сельскаго общества и числа лицъ, явившихся на сходъ). Далѣе, лишь отъ земства можно ожидать оцѣнки, подъ практическимъ угломъ зрѣнія, закона о выборахъ въ Думу и предстоящихъ ближайшихъ задачъ Думы. Наконецъ, губернскимъ собраніямъ неизбѣжно предстоитъ урегулировать тѣмъ или инымъ способомъ финансовый кризисъ, установить отношенія къ такъ называемому третьему элементу, „явочнымъ порядкомъ“ занявшему своеобразное положеніе, едва ли соотвѣтствующее идеѣ самоуправленія и выборному представительству населенія, и т. д., и т. д.

При такихъ ожиданіяхъ, вызываетъ искреннее сожалѣніе извѣстіе, что въ тверской, напр., губерніи губернское собраніе не состоялось. Въ № 4, отъ 20-го января, „Руси“, предсѣдатель тверской губернской управы, В. фонъ-Дервизъ, помѣстилъ протестъ за подписью двадцатиодного гласнаго, отказавшихся отъ участія въ засѣданіяхъ собранія и своимъ отказомъ сдѣлавшихъ собраніе несостоятельнымъ. Мотивы отказа: ограниченіе публичности засѣданій установленіемъ, по распоряженію губернскаго предводителя дворянства, входныхъ билетовъ и то, что, по его же распоряженію, въ зданіе собранія была введена въ большомъ числѣ полиція. Можно, пожалуй, и не возражать, что подобныя условія дѣятельности „явно оскорбительны для достоинства земскаго собранія“, привыкшаго дѣйствовать открыто, не боясь ничьего присутствія и не прибѣгая къ полицейской охранѣ. Но если на одну чашку вѣсовъ положить эти условія, а на другую—важность вопросовъ и дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію и рѣшенію собранія, то врядъ ли возможны сомнѣнія, которая, при извѣстномъ спокойствіи духа наблюдателя, должна перетянуть. Кромѣ вопросовъ, общихъ для всей Россіи, тверское собраніе должно было отозваться на погромъ управы и на избіеніе служащихъ 17 октября. Оно должно было выяснить авторитетно и гласно, какъ причины погрома, такъ его размѣры и слѣд-

ствія. Оно должно было сказать свое вѣское слово о дѣйствіяхъ полиціи и губернатора. „Тверская управа—сообщаетъ „Правда Божія" (№ 19)—предъявляетъ къ губернатору искъ въ 70 тысячъ рублей за убытки, понесенные земствомъ во время октябрьскихъ погромовъ, явившихся результатомъ непринятія мѣръ къ охраненію земства". На собраніи лежала обязанность раскрыть завѣсу оффиціальнаго языка искового прошенія, изъ-за которой трудно выйти на свѣтъ внутренней сути дѣла, и оцѣнить основанія иска, не съ точки зрѣнія формулъ X тома свода законовъ, какъ будетъ дѣлать судъ, а во всемъ ихъ общественномъ значеніи. Нѣтъ спора, что защита начала публичности также составляетъ долгъ земства. Но въ данномъ случаѣ на тверскомъ земствѣ лежалъ долгъ большій... Согласно закону, собраніе будетъ созвано вторично. Надѣемся, что если предводитель дворянства и не отмѣнитъ своего распоряженія, гласные не повторятъ „забастовки". Общественные дѣятели не имѣютъ права легко поддаваться чувству оскорбленнаго достоинства и оставлять свой постъ, когда они на немъ нужны.

Въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго съѣзда конституціонно-демократической партіи обсуждалось обращенное ко всѣмъ губернскимъ земствамъ предложеніе предсѣдателя совѣта министровъ выбрать изъ числа гласныхъ лицъ, къ которымъ гр. Витте могъ бы обращаться за содѣйствіемъ по нѣкоторымъ подлежащимъ вѣдѣнію совѣта министровъ вопросамъ. Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что нѣтъ никакихъ основаній довѣрять современному правительству, партіи конституціонно-демократической и ея членамъ слѣдуетъ противодѣйствовать этому неизвѣстно для чего предпринимаемому мѣропріятію". Какъ видно изъ телеграммъ, губернскія собранія въ Новгородѣ, въ Костромѣ и въ Воронежѣ выборовъ не произвели. Сдѣлали ли они это самостоятельно или подъ давленіемъ резолюціи съѣзда? Предложеніе гр. Витте вышло изъ министерства еще въ ноябрѣ, когда до образованія Государственной Думы, по самымъ оптимистическимъ разсчетамъ, оставалось четыре-пять мѣсяцевъ, когда рисовалась возможность выборовъ на началахъ всеобщаго голосованія, когда, словомъ, были совершенно не тѣ условія, чѣмъ теперь. Теперь подобное совѣщаніе или подобная коммиссія при совѣтѣ министровъ утратили всякій смыслъ, а потому производить избраніе—безцѣльная трата времени. Если собранія руководились этими соображеніями, то мы ни слова сказать не можемъ. Если же они поступили такъ, подчиняясь указанію съѣзда конституціонно-демократической партіи, то это было бы большой съ ихъ стороны ошибкой. Сила земства въ настоящій моментъ—въ его внѣпартійности. Нѣкоторые представители

конституціонно-демократической партіи часто подчеркивають, что она зародилась въ земской средѣ. Зародилась — да, но, зародившись въ этой средѣ, она ее въ себѣ растворила. Этотъ процессъ погубилъ земскіе съѣзды. Боимся думать, что онъ погубитъ и мѣстныя земскія организаціи, отнявъ отъ нихъ главное: самостоятельность...

Выше мы цитировали новую газету „Правда Божія". Это газета народная, выходитъ съ января, въ Москвѣ, подъ редакціей извѣстнаго священника и публициста Г. С. Петрова. Она, дѣйствительно, „народная" и по языку, и по изложенію—и заслуживаетъ полнаго вниманія. На смѣну лубочной литературѣ, въ деревню широко пошли брошюры, переполненныя такими терминами, которые и среди городского населенія не всякій сумѣетъ выговорить, не то что уже понять. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ брошюры до послѣдней степени партійно-тенденціозны, и не столько стремятся разсказать или объяснить, сколько убѣдить и обратить въ свою партійную вѣру. А запросъ на объективный разсказъ и на объясненіе безъ полемическихъ пріемовъ въ деревнѣ—громадный. Вышедшіе пока нумера „Правды Божіей" свидѣтельствуютъ, что редакція поставила себѣ задачей удовлетворить именно этотъ запросъ.

Имя скончавшагося недавно профессора московскаго университета Н. И. Стороженка хорошо извѣстно не только многочисленнымъ его слушателямъ, сохранившимъ о немъ самую добрую память, но и всѣмъ, кому близка исторія искусства. Его труды о Шекспирѣ и шекспировской эпохѣ, между которыми особенно выдаются двѣ книги: „Предшественники Шекспира" (1872) и „Робертъ Гринъ" (1878), обратили на себя вниманіе и въ Англіи: Н. И. былъ выбранъ вице-президентомъ новаго шекспировскаго общества (New Shakespeare Society). Основанныя на глубокомъ изученіи предмета, прекрасно изложенныя, его лекціи, какъ и его печатныя работы, много способствовали распространенію интереса къ всемірной литературѣ [1]). Много потрудился покойный и какъ предсѣдатель „Общества россійской словесности", которое онъ пробудилъ отъ продолжительнаго сна.

Русское общество понесло одновременно большую потерю въ лицѣ Р. А. Писарева, одного изъ самыхъ видныхъ земскихъ дѣятелей туль-

[1]) Въ нашемъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи Н. И. Стороженка: 1) „Шекспировская критика въ Германіи" (1869, окт. и ноябрь); 2) „Госпожа Сталь и ея друзья" (1879, іюль); 3) „Новая книга о Макіавелли" (1880, іюнь); 4) „Англійскіе моралисты XVII-го вѣка" (1881, сент.); 5) „Философія Донъ-Кихота" (1885, сент.); 6) „Психологія любви и ревности у Шекспира" (1899, сент.).

ской губерніи. Особенно велики были его заслуги во время голодовокъ 90-хъ годовъ, когда онъ умѣлъ привлекать къ дѣлу помощи не только мѣстныя, но и другія силы. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ оставался неуклонно вѣренъ лучшимъ земскимъ традиціямъ.

Н. А. Лейкинъ былъ хорошо извѣстенъ любителямъ популярнаго чтенія. Его юмористическія сцены обнаруживали широкую наблюдательность и детальное знакомство съ купеческимъ и мѣщанскимъ бытомъ. Но онъ былъ не только бытописателемъ; въ его произведеніяхъ, расходившихся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, всегда звучала и обличительная нота. Въ теченіе двадцати лѣтъ покойный состоялъ гласнымъ петербургской городской думы, а послѣднія двѣнадцать лѣтъ былъ усерднымъ членомъ коммиссіи по народному образованію и однимъ изъ дѣятельныхъ попечителей городскихъ начальныхъ училищъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь — Февраль, 1906.

Книга первая. — Январь. стр.

Книга вторая. — Февраль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. I, вып. четвертый. Portraits russes des XVIII et XIX siècles. Изданіе Великаго Князя Михаила Николаевича. Спб. 1906. Всѣ четыре выпуска—30 руб.

Мы уже имѣли случай указывать на это богатое собраніе русскихъ портретовъ, т. е. портретовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ дѣятелей, имена которыхъ или иныхъ сохранятся въ памяти потомства и до настоящаго времени, а копіи съ портретовъ сняты съ оригиналовъ работы иногда первоклассныхъ художниковъ, каковы Боровиковскій (особенно много его работъ), Карлъ Брюлловъ, Лебрюнъ, Нейбе, Кипренскій, Лампи, Левицкій и мн. др. не менѣе извѣстные художники. Нынѣшнимъ, четвертымъ выпускомъ, заканчивается первый томъ изданія, о богатствѣ содержанія котораго даетъ понятіе уже одно число помѣщенныхъ въ немъ портретовъ, а именно 104. Какъ и въ прежнихъ выпускахъ, при каждомъ портретѣ помѣщается хотя краткій, но удовлетворительный біографическій очеркъ съ существенными данными изъ жизни каждаго лица, и притомъ съ переводомъ на французскій языкъ, что дѣлаетъ интереснымъ настоящее изданіе и заграницей. Изъ лицъ особенно замѣчательныхъ, и портреты которыхъ вошли въ послѣдній выпускъ перваго тома, назовемъ: Державина, кн. Платона Зубова, Н. М. Карамзина, гр. А. А. Аракчеева, П. П. Дохтурова, гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго, кн. М. И. Кутузова-Смоленскаго, портретомъ котораго и заканчивается этотъ послѣдній выпускъ перваго тома „Русскихъ портретовъ". Все уже высказанное нами по поводу прежнихъ выпусковъ объ изяществѣ изданія и превосходномъ выполненіи портретовъ—можно повторить и теперь.

Государство и вѣрующая личность. М. А. Рейснера, б. проф. томскаго университета. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Подобно слѣдующей книгѣ и настоящая является собраніемъ въ одно цѣлое статей, которыя, по первоначальному плану автора, удалившагося уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинъ, должны были служить подготовительными работами къ болѣе обширному труду по вопросу объ отношеніи государства къ церкви и вѣрующей личности. Измѣнившіяся обстоятельства не позволили автору довести свой трудъ до конца, и изъ прежнихъ статей, появлявшихся въ журналахъ, онъ составилъ настоящій сборникъ, въ надеждѣ, что онѣ не могли утратить прежняго интереса, такъ какъ въ этой области у насъ не произошло много перемѣнъ. Приводимъ содержаніе нѣкоторыхъ статей: „Право свободнаго исповѣданія", „Гоненія на язычниковъ и еретиковъ въ христіанской Византіи"; „Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка"; „Реформація и право реформированія"; особенно интересна обширная статья: „Мораль, право и религія по русскому закону". Въ заключеніе сборника помѣщается вновь написанная статья съ критическимъ анализомъ послѣдняго закона 17 апрѣля 1905 г. подъ заглавіемъ: „Свобода совѣсти и законъ 17 апрѣля 1905 года"; авторъ, однако, и въ новомъ законѣ видитъ одно—„до извѣстной степени устойчивое нашъ старый порядокъ, какъ онъ и изъясняется имъ въ своихъ болѣе глубокихъ основахъ". Впрочемъ, авторъ, не удовлетворяясь этимъ закономъ, соглашается, однако, самъ признать, что „только въ представительномъ государствѣ возможна полная свобода религіознаго исповѣданія", какую автора желалъ бы видѣть уже теперь, при отсутствіи пока имъ же указаннаго для того условія.

Политическій строй современныхъ государствъ. Т. II. Под. ред. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Предъ нами собраніе отдѣльныхъ статей по вопросамъ, которые въ особенности возбуждаютъ къ себѣ интересъ въ текущее время, когда, наканунѣ ожидаемаго и у насъ новаго политическаго строя, или конституціи,—понятно тотъ строй, который болѣе или менѣе давно установился въ другихъ государствахъ не только Европы, но и Азіи. Имена авторовъ такихъ отдѣльныхъ статей вполнѣ ручаются за ихъ солидность и основательность; такъ, мы встрѣчаемъ тамъ статью Г. Б. Іоллоса, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ берлинскимъ корреспондентомъ газеты „Русскія Вѣдомости",—„объ основныхъ положеніяхъ конституціоннаго права въ Германіи", за нею слѣдуютъ статьи: М. М. Ковалевскаго, одного изъ основателей Высшей Школы общ. наукъ въ Парижѣ,—„о бельгійской конституціи"; П. И. Новгородцева—„о государственномъ устройствѣ Швейцаріи"; Б. Кистяковскаго—о томъ же предметѣ въ Австро-Венгріи; Л. Мезелина—„о государственномъ устройствѣ Швеціи и Норвегіи"; Дононо—„очеркъ конституціи британскихъ колоній", и, наконецъ, Д. Шрейдера—„о государственномъ строѣ современной Японіи".

П. Ларенко. Страничка изъ Дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Хотя тяжелые переживаемые нами дни какъ будто отдалили отъ насъ тоже недавніе дни, пережитые нами въ эпоху японской войны, и даже ослабили, повидимому, интересъ къ осадѣ Портъ-Артура, но тѣмъ не менѣе настоящія „странички изъ Дневника", веденнаго въ то время на мѣстѣ, представляютъ особаго рода интересъ. Прежде всего, онѣ изображаютъ собою, такъ сказать, сплошной обвинительный актъ противъ тѣхъ, кого считали въ свое время „героями"; съ другой стороны, мы получаемъ теперь настоящій текстъ этихъ „страничекъ", печатавшихся первоначально въ самомъ Портъ-Артурѣ, во время самой осады, въ крайне урѣзанномъ военною и морскою цензурою видѣ, на столбцахъ мѣстной газеты „Новый Край", и притомъ, какъ говоритъ авторъ, подписанныхъ „анонимнымъ" именемъ. Теперь этотъ „Дневникъ" является дополненнымъ тѣми мѣстами, которыя вычеркивались цензурою, причемъ каждое мѣсто отмѣчается уже самимъ шрифтомъ, безъ многоточій, не прибѣгая къ „анонимному" имени,—но чѣмъ, конечно, выигрываетъ главный интересъ этихъ „страничекъ"; остается только пожалѣть, что и въ этомъ случаѣ правда является на свѣтъ не тогда, когда она была бы особенно полезна. Изданіе снабжено фотографіями многихъ дѣйствовавшихъ лицъ въ Портъ-Артурѣ и многочисленными хорошо исполненными иллюстраціями.